

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

Книга подготовлена по инициативе
и под руководством *М.С. Горбачева*.

В работе над ней участвовали
(составление, предисловия, заключения
и примечания к разделам):

раздел I — *А.С. Черняев, Ю.А. Красин*;
раздел II — *П.Р. Палажченко*;
раздел III — *А.А. Галкин*;
раздел IV — *В.А. Медведев*;
разделы V и VI — *А.С. Черняев*;
раздел VII — *А.Б. Вебер*;
послесловие — *Ю.А. Красин*.

Композиция книги, общее редактирование,
доработка некоторых разделов —
А.С. Черняев и А.Б. Вебер.

Техническое обеспечение —
Т.А. Александрова.

Международный фонд
социально-экономических и политологических исследований
(Горбачев-Фонд)

ОТВЕЧАЯ *на вызов времени*

Внешняя политика
перестройки:
документальные
свидетельства

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

ВЕСЬ
МИР

Москва
2010

УДК 327
ББК 66.2
О 80

Авторский коллектив и издательство выражают признательность
генеральному директору ИТАР-ТАСС *В.Н. Игнатенко*,
сотрудникам Агентства «Фото ИТАР-ТАСС» *Ф.А. Шмайгеру, Л. Дробышевой,*
Н.В. Кузнецовой за предоставленный фотографический материал

ISBN 978-5-7777-0471-9

© Горбачев-Фонд, 2010

Содержание

От составителей	7
<i>М.С. Горбачев. «Как закончилась «холодная война»</i> (Вместо предисловия).....	9
Раздел I. Объективные предпосылки новой внешней политики.	
Цели, принципы и методы	27
Часть 1. Мотивы перемены Горбачевым внешнеполитического курса	29
Документальные свидетельства	34
Часть 2. Права человека как внешнеполитическая проблема	121
Документальные свидетельства	122
Заключение	143
Примечания	147
Раздел II. Отношения с США. Проблемы взаимной и общей безопасности. . .	149
Введение	151
Документальные свидетельства	154
Приложение	306
Интервью с В.Л. Катаевым	306
Интервью с Н.Н. Дединовым	309
Заключение	313
Примечания	317
Раздел III. Европейское направление.	319
Часть 1. Европа — общий дом	321
Документальные свидетельства	323
Часть 2. Двусторонние отношения со странами Европы	363
Документальные свидетельства	363
<i>Советско-германские отношения</i>	363
<i>Советско-французские отношения</i>	393
<i>Советско-британские отношения</i>	413
<i>Советско-итальянские отношения</i>	434
<i>Советско-испанские отношения</i>	451
Отношения со средними и малыми странами Западной Европы . . .	465
<i>Отношения с Финляндией</i>	465
<i>Отношения с Австрией</i>	474
<i>Отношения с Норвегией</i>	478
<i>Отношения со Швецией</i>	485
<i>Отношения с Португалией</i>	487
<i>Отношения с Грецией</i>	490
<i>Принципиальный поворот в отношениях с Ватиканом</i>	494
Заключение	505
Примечания	509

Раздел IV. СССР и страны-союзники	513
Часть 1. Конец «доктрины Брежнева» (1986 — октябрь 1989).....	515
Документальные свидетельства	518
Часть 2. Кризис в странах Восточной Европы. Распад социалистического содружества (ноябрь 1989—1991).....	575
Документальные свидетельства	577
Заключение.....	591
Примечания	593
Раздел V. Афганский вопрос	595
Введение.....	597
Документальные свидетельства	599
Заключение.....	662
Примечания	665
Раздел VI. Новая политика на Ближнем и Среднем Востоке	667
Введение.....	669
Документальные свидетельства	670
<i>Война в Персидском заливе (2 августа 1990 — 25 февраля 1991 года)</i>	718
Заключение.....	783
Примечания	786
Раздел VII. Азиатско-тихоокеанское направление	789
Введение.....	791
Документальные свидетельства	794
Заключение.....	921
Примечания	923
Послесловие	927
Именной указатель	931

От составителей

Глубокая внутренняя перестройка, происходившая в СССР в 1985–1991 годах, потребовала кардинального изменения курса советской внешней политики, что имело далеко идущие последствия для всего мирового развития.

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит в основном из архивных материалов, хранящихся в Горбачев-Фонде, — записей выступлений М.С. Горбачева и его коллег на заседаниях Политбюро ЦК КПСС, на различных закрытых совещаниях и дискуссиях в ЦК, записей бесед Горбачева с зарубежными политическими деятелями, а также выдержек из его докладов, речей, интервью, заявлений, воспоминаний, опубликованных мемуаров и т.п.

Ввиду обширности этих материалов (их полная публикация могла бы составить десятки томов) составители вынуждены ограничиться воспроизведением более или менее пространственных фрагментов из них и соответствующими комментариями и примечаниями, в том числе характеристиками основных иностранных деятелей того времени, с которыми Горбачев вел диалог и сотрудничал. Тем не менее это дает достаточно полное представление о том, как конкретно — в политическом и дипломатическом плане — осуществлялся новый курс на основных его направлениях и в чем, согласно замыслу и взглядам Горбачева, состояла квинтэссенция того, что названо было им самим «новым мышлением для нас и для всего мира».

В книге семь разделов; они посвящены главным направлениям внешней политики периода перестройки, а именно: ее общим принципам и мотивам, получившим выражение в формуле «новое политическое мышление»; советско-американским отношениям и проблеме устранения ядерной угрозы; европейскому направлению, включая двусторонние отношения с западно-европейскими странами; отношениям с государствами социалистической системы; афганскому вопросу; политике на Ближнем и Среднем Востоке; политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Во введениях и заключениях к разделам отражена позиция составителей книги. В качестве общего предисловия к ней дано большое интервью М.С. Горбачева, в котором он обосновывает свою внешнюю политику. В общем послесловии резюмирована оценка итогов и значения внешней политики периода перестройки. В книгу включены биографические справки-характеристики главных зарубежных собеседников М.С. Горбачева.

В книге не представлены отношения со странами Латинской Америки, которые олицетворялись тогда для СССР преимущественно отношениями с Кубой (об этом — в разделе IV). «Холодная война», напряженность в отношениях с Соединенными Штатами серьезно затруднили советско-латиноамериканские отношения по государственной линии. Поддерживались, прежде всего, связи с компартиями этого региона, с революционными движениями в Центральной Америке, что отвечало, собственно, логике

конфронтации двух сверхдержав в доперестроечный период. Тем не менее в годы перестройки стали завязываться контакты с лидерами стран Латинской Америки: состоялись официальные встречи Горбачева с президентами Аргентины Р. Альфонсином (1986) и К. Менемом (1990), Бразилии — Ж. Сарнеем (1988) и Ф. Коллором (1990 и в июне 1991), Мексики — К. Салинасом де Гортари (1991), Уругвая — Х.М. Сангинетти (1988), с другими государственными и общественными деятелями. Готовилась поездка Горбачева в эту часть мира, но погруженность в обострившиеся внутренние дела, а потом и исчезновение Советского Союза остановили процесс сближения нашей страны с Латинской Америкой.

В материалах книги отражен уникальный опыт решения сложнейших внешнеполитических вопросов, международной деятельности советского руководства того времени. В этом ее актуальность. Она раскрывает главным образом то, как «делалась» (вырабатывалась) внешняя политика перестройки, как действовал механизм ее формирования, а не только как это фиксировалось в официальных документах.

До сих пор можно прочитать и услышать от журналистов и политологов, а бывает и от ученых, такое, что выдает элементарную неосведомленность (или нежелание знать) о политике перестройки, чем она была на самом деле, об обстоятельствах, ее обусловивших и ей сопутствовавших.

На страницах книги предстает подлинная картина того, что происходило во внешнеполитических делах периода перестройки, она позволит читателю сопоставить факты и свидетельства с многочисленными домыслами, фальсификациями, просто клеветой, составить собственное мнение об одном из судьбоносных этапов в нашей новейшей истории.

Введения и заключения к разделам, послесловие ко всей книге, комментарии к текстам документов, примечания, внутритекстовые пояснения (курсивом) принадлежат составителям книги.

Ссылки на Собрание сочинений М.С. Горбачева (т. 1–14; М.: Издательство «Весь Мир», 2008–2010; издание продолжается) обозначаются аббревиатурой «ГСС»; на Архив Горбачев-Фонда — АГФ; на книгу «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)» (Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Горбачев-Фонд, 2008) — ПБ. Выделения (жирным шрифтом) в текстах, взятых непосредственно из Архива Горбачев-Фонда, сделаны составителями.

М.С. Горбачев. Как закончилась «холодная война»* **(Вместо предисловия)**

Гордон М. Хан. *Что Вы думаете о внешней политике Советского Союза периода 1985–1991 годов? Как Вы оцениваете ее итоги?*

Горбачев М.С. Я думаю, что это был успешный период во внешней политике Советского Союза. Она была продиктована необходимостью отразить внутренние потребности страны, которая сделала выбор в пользу перестройки, демократизации, обновления. И естественно, она нуждалась в большем сотрудничестве с внешним миром, в большей открытости другим странам и народам. Она была также продиктована нашим пониманием той ответственности, которая ложится на нас и на других, в первую очередь на Соединенные Штаты Америки, ответственности — за состояние международных отношений в середине 80-х годов, когда угроза ядерной войны буквально висела над всеми. Эта тема не сходила со страниц газет и журналов, была у всех на устах. Все были охвачены тревогой.

Наша внешняя политика была в движении, развитии. Первые подходы к ней были изложены в выступлениях на Мавзолее на похоронах Черненко. Тот, кто знал советскую риторику, кто умел читать между строк, почувствовал — раз на похоронах говорится, что многое надо менять... Это что-то значит. Было заявлено, что мы готовы сотрудничать с кем угодно во имя мира. Правда, это говорилось жестко, потому что по-другому тогда было не принято. Тем не менее подтекст был такой, что порождал ожидания.

А потом последовал Апрельский пленум ЦК, где было сказано многое в развернутом виде. И наша внешняя политика, новые подходы получили развитие. Уже в первые дни было признано необходимым покончить с войной в Афганистане. Было сказано, что в Европе все должны жить как соседи, как партнеры, что надо думать об «общеевропейском доме». На первых встречах, в первых дискуссиях, первых интервью журналу «Тайм», Тому Брокау, французским журналистам можно найти многое, что потом превратилось в концепцию.

В общем, все, что мы делали, — визит во Францию, встречи с Брандтом и другими политиками Запада и, наконец, встреча в Женеве с президентом Рейганом, — это были первые важнейшие шаги, позволявшие нам выяснить намерения собеседников и в то же время сказать им кое-что весьма существенное.

Здесь надо упомянуть еще о двух вещах. Когда на похороны Черненко собрались лидеры стран Варшавского Договора, я с ними встретился. Сказал следующее: «Хочу вам заявить как Генеральный секретарь ЦК КПСС, что мы

* Интервью М.С. Горбачева сотруднику Горбачев-Фонда профессору Виктору Борисовичу Кувалдину и исследователю из Стэнфордского университета (США) Гордону М. Хану для совместного проекта с этим университетом под названием «Устная история окончания “холодной войны”». Интервью дано весной 1998 года. Стенограмма его хранится в архиве Горбачев-Фонда (Фонд № 10, опись № 2), и в переводе на английский язык — в Библиотеке Стэнфордского университета.

полностью вам доверяем, что у нас отныне не будет претензий контролировать, командовать. Вы проводите политику, продиктованную национальными интересами, и несете за нее полную ответственность перед своими народами и партиями. Что касается наших общих интересов, мы будем встречаться, выработать линию и действовать». По сути это была констатация конца «доктрины Брежнева». Сделано прямо и открыто.

Мне кажется, что участники восприняли это как очередное рутинное заявление генсека. Но мы от этого не отступили ни разу, даже тогда, когда нас просили вмешаться. Даже когда Чаушеску, который рьяно боролся за самостоятельность и независимость, вдруг поднял вопрос, что «надо защитить социализм в Польше». Я думаю, что каждый из нас понимал, что имел в виду румынский лидер. Мы, развивая перестройку, соединяя социализм с демократией, со свободой, тем самым меняли образ социализма, укрепляли и повышали его авторитет иными способами.

Эта встреча определила наши отношения с соцстранами на все последующие годы.

Второе принципиальное событие — встреча с президентом Рейганом, в результате которой появилось заявление лидеров двух сверхдержав. В нем содержалось несколько важных моментов. Прежде всего, вывод о том, **что ядерная война недопустима, что в ней не может быть победителей**. Сразу возник вопрос: а чем мы занимались до сих пор, раскручивая гонку вооружений? Если мы пришли к такому выводу, значит надо весь переговорный процесс переводить в другую плоскость. Это было далеко идущее заявление.

Вспоминаю, что, когда я подъехал в автомобиле, президент вышел навстречу в элегантном костюме, протянул руку, которую я принял и в свою очередь крепко пожал. Мы посмотрели друг на друга, что-то промелькнуло такое, что я почувствовал: ничего, ничего — поладим! Интуиция. Потом мы крепко спорили с ним, но все-таки встреча закончилась хорошо. Хоть и не всем это было по душе.

Тем не менее, несмотря на жесткую атмосферу самой дискуссии, по сути дела, это был прорыв. В Женеве мы решили, что создаем возможности для контактов нашей молодежи, студенчества, для поездок, для знакомств. Это тоже был далеко идущий жест. Но и, наконец, восстанавливалось авиасообщение, договорились, что будут налаживаться разные контакты. То есть были сделаны конкретные шаги, которые много значили. Их было не так много, но заявление и сам такой контакт на высшем уровне имели колоссальное значение. Рейган — человек с воображением, интуицией — понял: произошло что-то важное, это можно развивать и наращивать.

Я встречался с Роланом Дюма (*бывший министр иностранных дел Франции*), когда он уже не был министром. Мы вспоминали прошлое и возвращались в тот день, когда нас на Площади Бастилии (отмечалось 200-летие Французской революции) чуть не раздавила толпа. Вспоминали о поездках на юг Франции к Миттерану, откровенные беседы наедине, которые у нас были на побережье Атлантического океана и в Пиренеях. Нам было что вспомнить.

«А вы знаете, — говорил Дюма, — с чего все началось. Когда Вы пришли к власти, вскоре в Хьюстоне была встреча министров иностранных дел».

(Они, наверное, готовили очередную встречу «семерки»... Или, возможно, это была натовская встреча. Тут важна суть.) «Сидим мы, — говорил Дюма, — ждем появления президента США Рейгана. Прикидываем: сейчас будет накачивать, чтобы не поддаваться новому советскому руководству, чтобы Атлантический блок был сплочен, чтоб была дисциплина, готовность дать отпор в любой момент — и политически, и пропагандистски, словом, быть на высоте. И вдруг входит Рейган и говорит (мы были ошарашены): “Смотрите, вот пришел Горбачев — это новое поколение, новый человек. Я думаю, мы должны ему помочь, и поладить. Мне кажется, я реально оцениваю ситуацию”. Мы все, конечно, поддержали».

То есть еще до того, как мы встретились с ним в Женеве, там тоже что-то происходило, намечалось...

Если взять 85-й год, крупных событий вроде бы не было, но шла огромная, интенсивная работа и у нас, и в США, и в Европе. Поиск. Было такое ощущение: появился шанс. Его надо было не упустить. Все наши дискуссии, поездки, размышления подталкивали к действиям, поскольку мы чувствовали себя убежденными, уверенными. Такова была моя позиция и позиция Шеварднадзе, ее поддержало все Политбюро. И 15 января 86-го года я выступил с Заявлением — программой безъядерного мира, сокращения войск и вооружений, ликвидации химического оружия и т.д.

Первая реакция была такой: пропагандистский трюк очередного генсека. Вспомните, именно так и было. Когда мы пошли по этому пути, прекратили ядерные испытания и призывали партнеров последовать нашему примеру, стали активнее на переговорах, наши партнеры начали присматриваться. Мы, конечно, внимательно следили за их реакцией, поручили разведке и дипломатам собирать информацию.

Программа 15 января стала объектом острой критики. Ее начали разбирать и анализировать, сопоставлять с нашими практическими шагами.

Я считаю, что к январю 86-го года мы сформировали основные принципиальные подходы. И естественно, мы должны были думать об улучшении отношений с Соединенными Штатами...

Если подытожить, эта политика дала многое — и нам, и нашим партнерам, всему миру. Покончили с «холодной войной», вышли на партнерство и сотрудничество с Соединенными Штатами Америки. Потом вышли на Стокгольм-1, Стокгольм-2, Венские переговоры стали давать результаты, наконец, — Хартия для Европы, подписанная в Париже, Договор по обычным вооружениям в Европе, подписанный там же странами НАТО и Варшавского Договора.

В конце концов, новый наш подход к высокой политике привел к тому, что мы сдвинули гору с места. А сколько было дискуссий! Сколько обвинений, сколько попыток изобличить нас! Сколько схваток на всех меридианах и параллелях. В любой точке, где возникало какое-то противостояние, какой-то конфликт, сразу же появлялись две стороны: на одной стороне — Соединенные Штаты и их союзники, на другой — Советский Союз. «Холодная война» и противостояние определяли не только международную атмосферу, международные отношения, их характер, напряженность, конфронтационность, но они же воздействовали на внутреннюю политику, на идеологиче-

скую атмосферу и борьбу. Многие проблемы гасились блоковой дисциплиной, снимались как неактуальные, не решались. А рядом был бедный мир, который все больше отставал, погружаясь в нищету и отсталость.

Так что, с точки зрения жизненной философии, с точки зрения гуманизма, с точки зрения реальной политики период перестройки имел колоссальное значение. По сути дела, он и сейчас еще оказывает влияние, хотя сегодня у меня много оснований для беспокойства.

Кувалдин В.Б. *Михаил Сергеевич, что послужило причинами изменения советской внешней политики и появления нового политического мышления? Как они связаны между собой?*

Горбачев М.С. Ключевые моменты я назвал. Это внутренние причины. Несколько попыток реформирования страны захлебнулись. Люди чувствовали, что страна сдает позиции, происходят сбои, что ей нужно осуществить большие планы по модернизации, переходу к новым технологиям, новым экономическим отношениям, что нужны новые стимулы и т.д. Короче говоря, общество нуждалось в обновлении. Но огромная страна не может это сделать без наращивания международного сотрудничества. А о чем можно говорить, если КОКОМ перекрывал все возможности сотрудничества. И мы держали всё под замком, и с той стороны тоже... Из внутренних потребностей — демократизация, обновление страны, выход ее на новые просторы — проистекал вывод о необходимости взглянуть на мир открытыми глазами, изменить внешнее окружение к лучшему в интересах модернизации страны, перестройки.

И вторая причина (которую я упомянул), она имеет не меньшее значение. Понимали масштабы нависшей над миром угрозы — и в Соединенных Штатах, и у нас. И кстати, исследования — и отдельные, и совместные — показали, что возможен эффект «ядерной зимы» в случае ядерного конфликта. По сути дела, это означает угрозу существованию всего человеческого рода.

После Чернобыля мы могли представить себе, какая разрушительная мощь была создана только в наших странах, а всего было накоплено столько ядерного оружия, что 1000 раз можно уничтожить все живое на Земле. В одной тяжелой ракете, что нашей, что американской, таилось 100 Чернобылей. А ведь мы и с одним Чернобылем не могли справиться. Всех приглашали, потому что не знали, что делать. И никто не знал. Потому что и опыта не было, и силища огромная, просто нам неподвластная.

Сегодня как будто нет уже ядерной военной угрозы. Правда, в последнее время начали все-таки говорить об этом, особенно после взрывов в Индии и Пакистане. Тема эта вновь зазвучала. Я думаю, мы рано начали благоденствовать. Тем не менее угроза ядерной войны отошла на второй план. Сегодня только обезумевший террорист, завладев ядерным устройством, может что-то подобное предпринять. Поэтому проблема ядерного разоружения, ядерной безопасности не снята с повестки дня.

Но тогда эта угроза была абсолютно реальной. На советских радарх стаи пгигц на севере мы часто принимали за американские бомбардировщики, идущие на Советский Союз, а там, в Америке, точно так же — мол, Советы

начали какое-то наступление. Вообще говоря, всё так запуталось и переплелось, что ядерный конфликт мог начаться помимо воли людей, помимо политических решений, а просто в результате сбоя систем управления. Знали, что сбои происходят. И мы, и американцы знали это лучше всех. Именно это, я думаю, позволило нам с президентом Рейганом в Женеве провозгласить абсолютную недопустимость ядерной войны.

Таковы две главные причины, о которых вы спрашиваете.

Гордон М. Хан. *Третий вопрос. Насколько слаженно действовали механизмы разработки и осуществления советской внешней политики в период перестройки?*

Горбачев М.С. Я произвел серьезные перемены в Политбюро, а центр принятия политических решений — это Политбюро. Механизм принятия решения был таков, что генсек не мог принять решение единолично. Да, его роль огромна, многое делалось по его инициативе, но действовал принцип единогласия. Если по какому-то вопросу не было консенсуса, рассмотрение вопроса откладывалось. Так что все, что было сделано, было сделано на основе полного согласия. Но все равно потребовались большие изменения в составе Политбюро. Это первое.

Второе. В МИДе произошло серьезное обновление, и прежде всего смена руководителя. Я считаю большой удачей то, что на посту министра иностранных дел и членом Политбюро стал Эдуард Шеварднадзе. Я знал этого человека, знал его потенциал и, главное, знал, что он мой единомышленник в политическом и философском плане. Когда он был ещё кандидатом в члены Политбюро, как-то осенью мы отдыхали вместе, встречались, гуляли по берегу Черного моря. В какой-то момент при обсуждении ситуации в стране было сказано: она больна, всё прогнило. Сказать такое друг другу в то время, признать такое — значит полностью раскрыться друг перед другом в самом главном.

Я с большим уважением относился к Андрею Андреевичу Громыко. Он действительно потрясающий человек, «непотопляемый авианосец», пережил всех генсеков. Эрудиция огромная. Но он — человек своего времени. Для того чтобы начать менять внешнюю политику, надо было, воздав должное Андрею Андреевичу, предложить ему новое почетное амплуа, он это заслужил — крупный политик и дипломат. Так появилось мое предложение сделать его Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Почетно и хорошо. Эти вопросы его интересовали. Он считал, что недооценен. И может быть, правильно считал...

Перестановки дали возможность развернуть МИД, раскрыть его потенциал. Это — очень сильная организация, располагавшая большим опытом и кадрами. И многие из них, работая в посольствах, близко соприкасаясь с внешним миром, видели, что нужны перемены у нас. Часто им, просвещенным людям, было противно отстаивать то, что явно устарело, стало рутинной. Они чувствовали, что надо из этой рутины выбираться. Но были и такие, от которых надо было освобождаться, потому что они уже не могли ни думать, ни действовать по-новому. Поэтому в руководстве МИДа обновили не только министра, но и замов.

В Женеве во время встречи с президентом Рейганом я увидел, как действует первый зам. МИДа Корниенко. Интересное зрелище. Встреча подходила к концу, а наши сотрудники, работавшие над коммюнике, никак не могли договориться. Мы с Рейганом уже допиваем кофе. Появляются Шульц и Корниенко и говорят: не можем договориться, не можем выйти на согласованный документ. И продолжают спорить. Я сижу, а надо мной нависает Корниенко с перстом, готовым пронзить Шульца, весь красный от ярости. А Шульц — человек очень выдержанный — говорит: «Господин Генеральный секретарь, видите, вот так мы и ведем наши беседы». Рейган сказал: «Генеральный секретарь, давайте ударим кулаком по столу!». Я говорю: «Давайте ударим!». Действительно ударили и приказали: «Объявляем перерыв и разбираемся».

Я пригласил всю делегацию, которая вела переговоры. Это и Бессмертных, и другие. Бессмертных — американист, конструктивный, знающий человек, солидный. За 15 минут сняли все разногласия. В чем они заключались? Например, синонимы. Я говорю: берите любой, я не против ни того, ни другого. Вычеркнули. Какие-то споры относительно нашего «Аэрофлота». Я поднимаю трубку, соединяюсь с министром Бугаевым, спрашиваю: «Какие у тебя разногласия с американцами по поводу возобновления полетов?». Он говорит: «Есть технические разногласия». Следующий вопрос: «Можно записать, что мы готовы?». Он отвечает: «Что за вопрос, конечно, надо так сделать». Сняли и этот вопрос. Были еще какие-то вопросы, не припомню. Словом, пустяки. А перед нами они впали в такой раж, особенно Корниенко, что показалось: речь идет о таких вещах, что впору чуть ли не воевать. На меня все это произвело удручающее впечатление. Увы! Так было.

Но после изменений в Политбюро, в правительстве (а правительство возглавил Рыжков), а главное — изменений в МИДе, все у нас пошло нормально. Я должен сказать, что был разработан очень эффективный механизм. Об этом мог бы вам рассказать и Шеварднадзе, и другие.

Кувалдин В.Б. *У нас запланирована в обязательном порядке встреча с Шеварднадзе. Тем более что в отношении Шеварднадзе оценки наших собеседников очень расходятся. Мы планируем специальную поездку к Шеварднадзе, которую надо основательно подготовить¹.*

Горбачев М.С. Должен сказать, что обычно, когда возникал какой-то вопрос, — то ли у генсека, то ли на основе встреч, обращений, писем, то ли в результате какого-то визита, — механизм был стандартный: давались поручения Министерству иностранных дел или Международному отделу ЦК КПСС. Между ними всегда была конкуренция. Я считал, что это хорошо.

Международный отдел ЦК был очень сильным, один из самых мощных отделов, состоящий из политически зрелых, образованных, эрудированных людей. Я столкнулся с ними, еще будучи секретарем Ставропольского крайкома партии, в зарубежных поездках, когда был в составе делегаций или возглавлял их. Со многими был знаком. С Черняевым я съездил первый раз еще в 72-м году в Бельгию. Я возглавлял делегацию, а он — от ЦК партии. Так я знакомился с ними заранее, еще до переезда в Москву. Потом, в ЦК, они мне много помогали.

Вот эти два основных инструмента плюс Генштаб, ГРУ, КГБ. И надо сказать, у нас была система международных институтов Академии наук. Прежде всего ИМЭМО, который возглавил А.Н. Яковлев. Институт США и Канады во главе с Арбатовым. Институт Дальнего Востока. А потом мы создали еще Институт Европы. Это были очень сильные коллективы. Они участвовали во многих разработках. В КГБ были свои аналитические центры.

Поэтому нельзя говорить, будто у нас все появлялось с налёта-поворота, раз – и выпархивала птичка. Это всегда был трудный, основательный процесс. И пройти через него было совсем не просто. Но когда выработана позиция Политбюро, генсека, это имело определяющее значение. Тем не менее и после того, как предложения прорабатывались на межведомственных комиссиях (в зависимости от вопроса), они вносились в ЦК и рассылались членам Политбюро. Каждый член Политбюро мог запросить дополнительную, без всяких ограничений, информацию, пригласить к себе сотрудников из МИДа, из Министерства обороны, из других ведомств. Окончательное решение принимало Политбюро. Разработчиков было много, они менялись в зависимости от характера задач, но принимало решение Политбюро.

Гордон М. Хан. *До 1989 года?*

Горбачев М.С. Да, пожалуй, до 1990 года, до XXVIII съезда КПСС, после него Политбюро стало иным. Но уже в 89–90-м годах Политбюро видело, что начали образовываться разные партии, заработал принцип политического плюрализма. Народные депутаты начали вопрошать: а почему КПСС и Политбюро всё решают? По Конституции Съезд определяет, Верховный Совет действует в рамках своих полномочий, и Политбюро им не указ, пусть оно участвует в комиссиях, пусть оно участвует в разработках. Это, кстати, создало мне проблемы в отношениях с Политбюро, но и очень обезопасило, и, конечно, развязало руки МИДу и другим ведомствам. Все эти ведомства, научные центры, научные институты, межведомственные комиссии продолжали работать.

Так что, я думаю, механизм был слаженным, очень серьезным, квалифицированным, с колоссальным потенциалом и опытом. Единственный его недостаток был в том, что многие решения корнями уходили в десятилетия «холодной войны», не так просто было побудить всех работать по-новому. Тем не менее менялись люди, настроения, взгляды. Не могу сказать, что сталкивался с какими-то непреодолимыми препятствиями, но от чего-то пришлось отказаться. Да, порой приходилось откладывать решение. И раз, и два, и три. Кроме того, у нас действовали Комиссии ЦК: по Польше, по Афганистану – всего 22 Комиссии, в том числе и по общим международным вопросам.

Кувалдин В.Б. *Михаил Сергеевич, на следующий вопрос Вы фактически ответили. Я просто прочитаю его на тот случай, если Вы вдруг захотите добавить какие-то соображения. Какие фигуры и институты играли заглавные роли во внешней политике этого периода: 1) Горбачев, его советники и помощники; 2) правительство; 3) Шеварднадзе и МИД; 4) армия и ВПК; 5) КГБ; 6) Политбюро и партийный аппарат; 7) Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР;*

8) средства массовой информации; 9) внешние силы? Как эти люди, организации и роли менялись на протяжении рассматриваемого периода?

Горбачев М.С. До 89-го года была полная монополия генсека и Политбюро. Окончательные решения принимались там. Работали все, но окончательные решения — там. И я, уезжая на переговоры, получал, во-первых, как член Президиума Верховного Совета мандат на право ведения переговоров, ибо должен был выступать не как генсек, а как представитель государства. И во-вторых, мне как генсеку давались директивы Политбюро. В этих директивах фиксировались и основные позиции, и запасные позиции, и пределы отступления по каким-то вопросам, поскольку мы знали позиции тех, с кем предстояло встретиться.

В дальнейшем все разработчики сохраняли свою роль, но центр принятия решений все больше перемещался в Верховный Совет, потому что Съезд народных депутатов имел решающее значение только в том отношении, что на основе доклада он принимал направления внешней и внутренней политики, утверждал сначала Председателя Верховного Совета, потом Президента и Премьера. А министры утверждались на Верховном Совете. Тогда в действие вступал Верховный Совет и, кстати, его Комиссии.

В какой-то момент я сказал Бейкеру: «Знаете, теперь и у нас не так просто. У вас проблема Конгресса (США), а теперь и у нас проблема Верховного Совета, его Комиссий». Пошли мои поездки как Председателя Верховного Совета, отчеты перед Верховным Советом, а потом ратификация в Верховном Совете — были открытые, интересные, острые дискуссии. Это подтянуло всех, приоткрыло эту кухню перед народом, обществом, миром. Но не могу сказать, что тут были серьезные проблемы. Механизм действовал отлаженно.

Кувалдин В.Б. Михаил Сергеевич, у нас следующий большой блок вопросов. Это — советско-американские отношения в 1985–1991 годах. Здесь шесть вопросов.

Гордон М. Хан. Что Вы думаете о советско-американских отношениях в 1985–1991 годы?

Горбачев М.С. Я думаю, что здесь одно из самых больших завоеваний внешней политики Советского Союза и Соединенных Штатов. Это та сфера, где произошли ключевые изменения, которые и определили изменение всего международного климата. Это не значит, что мы были свободны от согласования позиций со своими союзниками по Варшавскому Договору. Не значит, что и Соединенные Штаты были свободны от согласования со своими союзниками. Все это оставалось, действовало.

Но все-таки решающее значение имело то, что произошло в наших отношениях с США. Это входило в мою стратегию — решительно и коренным образом изменить отношения с Соединенными Штатами Америки. Не может быть, чтобы там и день и ночь только и думали о том, как разнести вдребезги Кремль и СССР. Ведь и нам по отношению к ним подобное тоже не приходило в голову. Но все-таки страх был и с той, и с другой стороны. В данном случае этот страх имел конструктивное значение, потому что и в Белом доме, и в Кремле знали, какие у нас арсеналы и чем это грозит, прежде всего для своей страны. Да и для всего мира.

Поэтому мой выбор был именно таким. Отношения развивались на протяжении этого периода. Поначалу нелегко было даже встречу организовать в Женеве. Как трудно мы к ней шли! А потом последовал Рейкьявик. Идя по избранной дороге, мы как-то становились другими. А после Рейкьявика вышли на договоренности по ракетно-ядерному оружию. Правда, уже в Рейкьявике мы так далеко продвинулись, что Маргарет Тэтчер чуть инфаркт не хватил (это, конечно, «метафора»). Она посчитала: как же так, через голову европейцев президент, на которого, как она считала, она имеет сильное влияние, вдруг с Горбачевым обо всем договорился. Она рвала и метала, что появляется какой-то кондоминиум, и европейцы вроде тут не при чем. Нет, мы и там не забывали о своих союзниках. И обсуждали проблему ракет средней дальности. В отношении тактических ядерных вооружений мы полагали, что это надо решить на Венских переговорах и т.д., и т.д. Так что Тэтчер напрасно переживала. И президент США сразу проинформировал своих партнеров, и я на пути из Женевы и Рейкьявика информировал своих союзников.

И все-таки советско-американские отношения — ключевой момент. И конечно, они менялись. Постепенно менялись. Прежде всего менялась атмосфера. Мы начали доверять друг другу. Немаловажное значение имело и то, что американцы со временем убедились: если они со мной о чем-то договариваются, так и будет. Пусть даже если не записано, а был только разговор — быть по тому. Это обстановка доверия, все большей совместимости имела решающее значение... Ведь потом началась совместная работа, например, по Афганистану и вокруг, и мы вышли на приемлемые решения.

Должен сказать, что американцы, сохраняя свою заявленную позицию, действовали конструктивно. Они не стали добиваться того, чтобы превратить Афганистан во Вьетнам для Советского Союза и заставить нас позорно бежать оттуда. И потом: здесь были замешаны и Пакистан, и Индия, и Иран. Речь шла о больших интересах. Да к тому же и одним из условий нормализации отношений между Китаем и Советским Союзом тоже был Афганистан. Так что, крупный вопрос. Он, между прочим, наметил путь к урегулированию конфликтных ситуаций, сыграл в целом конструктивную роль. Занялись Центральной Америкой. Открылись новые возможности. И в Анголе, и Намибии, в других региональных конфликтах. С ростом доверия, с пониманием взаимной ответственности легче было развязывать узлы. И в конце концов, под занавес моей деятельности запустили в Мадриде процесс ближневосточного урегулирования.

Вы спрашиваете, были ли отношения равноправными. Да. Больше того, вначале был момент, когда однажды в самом начале я почувствовал, что президент Рейган стал говорить нечто напоминающее поучение. Я остановил его буквально на второй минуте. Сказал: «Президент, я хочу Вас прервать. Прошу извинить меня. Но хочу сказать несколько слов, чтобы внести полную ясность в нашу дальнейшую работу. Я надеюсь, Вы понимаете, что Вы — не учитель, я — не ученик. И Вы — не прокурор, а я — не обвиняемый. Вы — не судья, а я — не подсудимый. Поэтому: если Вы собираетесь меня поучать, то это неприемлемо. Мы можем вести дела только на равных. Вы — прези-

дент крупной страны, я — глава государства, вашего партнера. Если Вы готовы вести дело на равных, я уверен, мы пойдем с Вами далеко. Если нет, то можно считать, что наша встреча закончилась, ибо мы можем вести диалог и сотрудничество только с позиций равенства».

Это, кстати, отрезвило раз и навсегда. Мы часто спорили, доказывали свою правоту, приводили аргументы, показывали, демонстрировали несостоятельность каких-то претензий друг к другу. Духом равноправия пронизаны все договоры. Все время действовал принцип равенства, даже паритета, вплоть до каждой ядерной головки. Хотя смешно, потому что какая разница — иметь 1200 или 1500 боеголовок: и того, и другого хватит, чтобы все уничтожить — и здесь, и там. Тем не менее держались за арифметику. Так что равноправие принимало и такие смешные формы. Правда, потом мы все-таки стали избавляться от этого.

Гордон М. Хан. *А как реагировал президент Рейган на Ваше заявление, что «Вы — не судья, я — не подсудимый»?*

Горбачев М.С. Конструктивно. Не сказал ни слова. Я не могу сейчас точно воспроизвести слова. Инцидент был преодолен. Итак, я могу твердо сказать: было равноправное сотрудничество.

Другое дело, что в каких-то вопросах вес у нас был побольше, в других — у американцев. Но с точки зрения отношений партнеров принцип равноправия соблюдался.

Кувалдин В.Б. *Как Вы оцениваете военно-стратегическую составляющую советско-американских отношений в этот период? Есть такая точка зрения, что это было самым главным аспектом наших отношений.*

Горбачев М.С. Если бы военная, я бы еще подумал, а вот военно-стратегическая, — ведь это больше, чем военная. Вообще говоря, это была борьба двух противоположных систем, или блоков, за влияние, за господство. Что бы там ни говорили с нашей и с их стороны, так было. Это определяло все международные отношения. Но военно-стратегический компонент имел решающее значение. Самое интересное состоит в том, что, если говорить о наших двусторонних отношениях, удельный вес торговли с США для СССР был совсем мал. В последние годы, кроме зерна, мы мало что покупали, а американцы ничего не покупали у нас...

Однажды я сказал (до сих пор еще коммунисты припоминают мне эту фразу): «Мы хотим быть более зависимыми от Соединенных Штатов Америки. И чтобы вы — от нас. Почему? Тогда мы будем более предсказуемыми и ответственными. А сейчас мы с вами не торгуем, не реализуем совместные проекты в экономике, науке. В результате — мы ничем не связаны. Мы только напыжились и смотрим друг на друга, как два монстра, через ракетный прицел, через радары».

Поэтому действительно военно-стратегические отношения имели решающее значение. И собственно, все было подчинено сохранению паритета. Если где-то что-то делал Советский Союз, тут же следовала реакция Соединенных Штатов. Если нам что-то становилось известно, мы тоже немедленно

принимали меры, чтобы не допустить, чтобы Соединенные Штаты вырвались вперед. Сразу искали противоядие.

Даже на СОИ у нас был вариант ответа. До сих пор многие считают, что мы блефовали. Нет, был вариант и не чисто теоретический.

Гордон М. Хан. *Это было дешевле, чем СОИ?*

Горбачев М.С. Несомненно. В СОИ было много мифического, недостижимого, нереального. Но наши разработки, касающиеся космоса, показывали, что там могли быть и конкретные результаты. Поэтому мы так и реагировали. И сейчас говорят, что СОИ была задумана для того, чтобы измотать Советский Союз в новой гонке вооружений. Мы не клюнули на эту удочку, но не упустили из виду вероятное развитие событий. И кстати, теоретически возможности в этом вопросе есть и у нас, и у вас, и сейчас сохраняются. Поэтому упрощать ничего не надо. Если бы гонка вооружений была перенесена в космос, это бы опрокинуло все: с таким трудом найденные критерии сопоставления различных систем оружия, компонентов триады на земле, на море и в воздухе, то, что с таким трудом нам удалось сдвинуть с мертвой точки и находить решения. Одни называли стоимость СОИ — 3 триллиона долларов, другие — 10 триллионов. Фантастические цифры! Звездные войны! Но задуманный нами ответ был страшный, просто ужасный. И потому все было уничтожено. Мы полностью отказались — и от разработок и от реализации, подготовки опытных образцов. Сегодня я могу об этом говорить определенно.

Думаю, что за президентами не водилось такого, чтобы они блефовали по отношению друг к другу. А потом все-таки разведка работала — и ваша, и наша. Однажды Джордж Буш начал упрекать Советский Союз: вы, мол, начинили новое здание американского посольства в Москве подслушивающими системами. Я сказал: «Ну что Вы, Джордж, так разволновались, как красная девица. А у нас в новом здании посольства в Вашингтоне 140 подслушивающих устройств изъяли и еще несколько десятков оставили для прессы. Я не знаю, как вы их монтировали. Давайте не будем заниматься чепухой. Вы ведете разведку, и мы ведем разведку. Слава богу, что Вы многое знаете о нас, а мы — о вас. Значит, мы предсказуемы. А так с перепугу, если не знаешь толком, то можно и шарахнуть в порядке упреждающего удара». Были и такие разговоры.

...Наши связи в науке и технике, в торговле, экономике — все это имело значение для будущего, для возможного сотрудничества в решении каких-то мировых проблем, в развязывании конфликтов и т.д.

А сегодня? Уникальная ситуация: Россия слаба до предела. А ракетно-ядерный комплекс — это сила организованная, подконтрольная, сопоставимая с мощностью Соединенных Штатов. Я думаю, сейчас всем ответственным людям, кто связан с политикой, надо заниматься этим вопросом. То, что с американской стороны эта тема поднимается — ядерная безопасность во всех аспектах, возможный ядерный терроризм и т.д., проблемы нераспространения, передача технологий, весь этот комплекс проблем и в наших двусторонних отношениях, и в международных отношениях в целом — является очень важной составляющей. Нельзя играть с огнем.

Кувалдин В.Б. *На очереди у нас непростой вопрос.*

Гордон М. Хан. *Как Вы оцениваете советско-американские отношения во время второго срока президента Рейгана, 1985–1988 годы? Если Вы считаете, что они изменились, то насколько и почему? Можно ли сказать, что в этот период мы перешли от конфронтации к сотрудничеству и партнерству?*

Горбачев М.С. Несомненно. То, что в этот период обе стороны приняли ответственные решения по отношению друг к другу, и мы заговорили о партнерстве и, возможно, в будущем о дружбе и делали определенные шаги в этом направлении, я думаю, это очень важно. Для президента Буша была подготовлена хорошая площадка, поэтому вскоре и была закончена «холодная война». Я думаю, это произошло где-то между 88-м и 89-м годом. Озвучено было на Мальте. Но полагаю, что «холодная война» закончилась уже в 88-м году.

Кувалдин В.Б. *Следующий наш вопрос можно считать контрольным, потому что, по сути, Вы на него ответили. По Вашему мнению, какой аспект советско-американских отношений был главным в 1985–1988 годах: 1) общие политические вопросы; 2) двусторонние отношения; 3) военно-стратегическая конфронтация в Европе и/или в «третьем мире»; 4) права человека; 5) что-то другое? Что Вы считали самым главным?*

Горбачев М.С. Я бы выделил общие политические вопросы. Это — вопросы будущего. На втором месте — военно-стратегические вопросы. Двусторонние — после них. Они — как проекция этих отношений. Когда начался процесс деидеологизации международных отношений, все больше стали подниматься вопросы двусторонних отношений. Думаю, что мы мало продвинулись в этом плане. Что касается прав человека, это был ритуальный номер, который исполнял президент Рейган, да и все, кто приезжал к нам. И наша реакция носила ритуальный характер. Мы внимательно слушали, забирали письма, обращения, говорили, что все будет рассмотрено самым тщательным образом.

Все это ушло само собой, когда мы двинулись вперед во внутренних процессах демократизации, вышли на свободу выборов, свободу инакомыслия, прекратили все политические преследования, приняли Закон о свободе выезда. Точно так же мы твердо, до конца заняли позицию невмешательства, когда начались мощные демократические движения в странах Восточной и Центральной Европы. А ведь нам тоже приписывали, что мы лишаем их права на свободу выбора и т.д.

Кувалдин В.Б. *Так и было, Михаил Сергеевич. «Доктрина Брежнева».*

Горбачев М.С. Но при нас этого уже не было. Поэтому она потеряла свое значение.

Вообще говоря, в этот период появилась надежда, что мы выходим на долговременное сотрудничество, которое, возможно, может перерасти в стратегическое сотрудничество и в дружественные отношения. Это не так явно присутствовало в риторике, да и в документах тоже. Но тем не менее, как основа сегодняшних действий, это было, то есть взгляд в будущее, который определял наше поведение уже тогда.

И я не думаю, что это была какая-то утопия. Если бы Советский Союз сохранился и постепенно модернизировался, все так бы и развивалось. Это не значит, что мы могли бы обойтись без периодических выяснений отношений. И наверняка, были бы и конфликтные ситуации. Но тем не менее открывались большие возможности. По крайней мере, в реальной политике, то, что было наяву...

Я не знаю, что там варилось в Совете национальной безопасности США. Кое-какая информация мне поступала еще с 87-го года. Сообщали, например, что я перестал устраивать администрацию. И тема обсуждения на закрытом заседании (а они там все закрытые) Совета национальной безопасности — внутренняя и внешняя политика генсека КПСС. И вывод: перспективы, связанные с осуществлением этой политики, растущий авторитет генсека в мире не отвечают национальным интересам Соединенных Штатов Америки.

Кувалдин В.Б. Действительно не отвечают.

Горбачев М.С. Было сообщение прямо оттуда. Наверное, и в будущем не все бы шло гладко, есть же национальные интересы, надо следить, чтобы в результате улучшения отношений не уплывали новейшие технологии, прежде чем они не устареют в самих Соединенных Штатах, чтобы не обогнал Союз на повороте, борьба за рынки. Друзья же — Япония и США, а торговые войны постоянно идут. С Китаем выясняются отношения, с Европой.

Не стало Союза, свобода пришла во всю Европу — все это уменьшило возможности влияния Соединенных Штатов, сделало более сложной для них всю ситуацию. Западная Европа вырывается из-под контроля и не очень реагирует на имперские окрики Соединенных Штатов. Я предупреждал: если вы думаете, что только нам надо измениться, то ошибаетесь — вам тоже придется меняться. Вас ждут перемены, и большие. Подождите еще.

Кувалдин В.Б. То есть, Михаил Сергеевич, Вы считаете, что Соединенным Штатам, даже исходя из их собственных интересов, нужен какой-то сильный, мощный спарринг-партнер в современном мире?

Горбачев М.С. Я об этом и говорю. Они потеряли партнера — это плохо. Плохо для них, плохо для всех нас. Я это называю комплексом победителя. Болезнь.

Гордон М. Хан. Сейчас у нас, к сожалению, есть такой комплекс.

Горбачев М.С. Это плохо. Головокружение от успехов. А я не вижу, какие успехи. Особенно во внешней политике я вообще не вижу особых успехов. Да, что-то есть, какая-то реакция на то, на другое. Что-то можно найти: то ситуацию в Боснии урегулировали, то что-то еще. Это да. Но если говорить по большому счету, о продвижении к новому мировому порядку...

Кстати, это идея Соединенных Штатов. Мы ее приняли: да, действительно, очень многое надо менять — и систему ООН, и существующие институты, и международные организации с их правилами игры, и региональные системы, и безопасность, и сотрудничество. Это огромный комплекс преобразований,

призванных создать опору нового мирового порядка. А главный принцип — строить политику не на силе, не на навязывании своих интересов другим, а на балансе интересов, на развитии сотрудничества. Это огромный проект. И другого пути нет. Надо идти в этом направлении. Даже Ельцин в одиночку не может командовать Россией, полностью «сел в лужу». А командовать миром?!... Неужели в Вашингтоне думают, что все будут плясать под американский джаз — и в Африке, и в Индии, и в Китае, и в России. Это утопия!

Когда я бываю в Америке, говорю как друг, как человек, который сделал ставку на улучшение отношений с этим народом, с этой страной, — это заблуждение, опасное головокружение. И пока оно не переросло в политическую систему, в комплекс планов и решений, надо хорошенько обдумать, куда же мы идем, собраться с мыслями. Сначала решить, куда идти, что строить.

Гордон М. Хан. *Девятый вопрос. Какова Ваша оценка советско-американских саммитов того периода (Женева 1985, Рейкьявик 1986, Вашингтон 1987, Москва 1988)?*

Горбачев М.С. Все были успешными. Я думаю, можно отметить московский саммит 1988 года. Это перед уходом Рейгана. По-моему, даже Буш не хотел, чтобы Рейган успел выйти на договор по стратегическим наступательным вооружениям. Требовались экстраординарные усилия. Тогда мы договорились: хорошо, давайте подготовим рамочный договор. Это удалось сделать.

Но все равно сам приезд президента Рейгана сюда, его встречи! И когда они сказали, что хотели бы встретиться с диссидентами, мы ответили: с кем хотите — встречайтесь, куда хотите — езжайте. Поэтому они и на Красную площадь вышли, и по Арбату прошли. Собрали целую компанию диссидентов.

Кувалдин В.Б. *И в МГУ он выступил.*

Горбачев М.С. А Нэнси отправилась к Андрею Вознесенскому домой, в Пастернаковский музей сходила в Переделкино, в Ленинград съездила, с кем хотела — встретила. К этому времени у нас уже никаких таких проблем не было. Мы очень многое поняли, стали другими... С политической точки зрения, с точки зрения налаживания отношений, диалога, этот визит не уступает другим.

Вашингтон был моим первым визитом в США, тогда было подписано первое соглашение по сокращению ядерных вооружений. Это был исторический визит. И все это чувствовали. Возвращаемся с приема, где Ван Клиберн играл, а мы подпевали «Подмосковные вечера», идем по коридору мимо портрета Линкольна, за нами идут два американских генерала, и один из них говорит другому: «Джон (условно), слушай, увидел бы президент Линкольн, что у нас происходит. В Белом доме поют “Подмосковные вечера”, а над Белым домом развивается красный флаг».

Я считаю, что очень значимы первые два саммита: Женева (я уже говорил) — это было очень важное начало, а Рейкьявик — настоящий прорыв.

А знаете, как произошло? Это интересно. Пришло очередное письмо от президента летом 1986 года. На что-то он отвечал, реагировал. И предполагал

получить какой-то вежливый рутинный ответ. Я в это время находился в Крыму. Черняев получил из МИДа проект ответа на это письмо. В МИДе его восприняли, как обычную рутину. Но на свежем воздухе у меня голова работала более интенсивно и я сказал Черняеву: «Слушай, Анатолий, мне это все не нравится. Такая рутина! Пишут о переговорах, которые идут, идут и идут. А толку никакого! Женева позади, а ее девальвировали, спустили на тормозах.

Нужен решительный шаг, который бы изменил ситуацию. Ничто не изменит, кроме моей личной встречи с президентом. Только мы можем поломать сложившийся ритуал — с виски, водкой и черной икрой в неограниченных количествах, с прогулками на свежем воздухе. На этих прогулках кто-то что-то кому-то скажет и потом куча пустых, дурных разговоров, мол, вот такая-то фраза имеет ключевое значение. Когда нет ничего, цепляются за каждое слово. Ловля блох. Все это чепуха! Это ширма, за которой скрывается бездеятельность, безответственность и отсутствие всякого прогресса. Если мы согласимся на рутинную встречу, скажут потом: мол, состоялся острый разговор с русскими и т.д.».

Говорю Черняеву: у меня идея немедленно организовать встречу с президентом США. Сразу, не откладывая. Обзвонил ближний круг — Рыжков, Громько, Лигачев, Шеварднадзе. Все согласны, все поддержали. Я тут же сказал: подготовьте немедленно телеграмму президенту и сразу передайте. На третий день пришел ответ из Белого дома — предложение принимается. Мы написали, что можно встретиться или в Лондоне, или в Париже, или в Рейкьявике. Президент Рейган ответил: в Рейкьявике, на полпути, и он согласен — не откладывая в долгий ящик. Он также написал, что следует в течение трех-четырёх дней дать публикацию об этой нашей договоренности. Потому что удержать ее в тайне сложно... И будет хуже, если эта информация станет известной в результате утечки, а не как наше совместное заявления. Так и было сделано.

Какой же был мой замысел в отношении этой встречи? Я думаю, она имела значение и с точки зрения понимания стиля Горбачева, дочерка Горбачева, его подхода к таким вещам. Я сказал: мы должны идти на эту встречу без всякого налета пропаганды. Мы должны представить серьезные, реалистические, далеко идущие предложения. И если они будут отвергнуты президентом, тогда придать все это гласности. Показать всем, что за риторикой о приверженности поиску договора о сокращении ядерных вооружений ничего не стоит.

Это все я изложил на Политбюро. Члены Политбюро согласились. Я тогда предложил следующее: и американцы, и мы признаем, что есть паритет. Он не зеркальный, у них — больше самолетов, больше ракет на подводных лодках, у нас — наземных, тяжелых... Но есть сложившаяся стратегическая триада. Я вношу предложение — сократить все три ее элемента на 50 процентов. То есть урезать всю триаду наполовину. Причем мы впервые включаем сюда наши ракеты МБР СС-18, которые больше всего беспокоили американцев. Мы идем на этот шаг.

Да, была дискуссия. Но согласились. Подготовили и запасные позиции. Все это было одобрено. Правда, в Рейкьявике я не использовал запасные позиции.

Кувалдин В.Б. Михаил Сергеевич, интересный вопрос: почему Вы их не использовали. В наших интервью мы получили разные объяснения.

Считается, что запасной позицией было разрешение Политбюро развязать пакет, вычленив вопрос о средних ракетах и ракетах меньшей дальности. И считается — к этому склоняется большинство наших собеседников, — что маршал Ахромеев, выражая точку зрения военных, все-таки Вас убедил не использовать эту запасную позицию, хотя Шеварднадзе был за это. Вот что мы услышали в наших интервью.

Гордон М. Хан. ...Ревенко сказал, что запасная позиция была не нужна, потому что у Вас был карт-бланш...

Горбачев М.С. Он прав. Все определила ситуация. Мы так далеко пошли и вышли на новый уровень... Так что использование этой запасной позиции выглядело бы таким образом, что нам безразлично то, что мы по всем видам, по всем направлениям договорились, а теперь все сводим к ракетам средней дальности.

Кувалдин В.Б. Вы считали это откатом?

Горбачев М.С. Да. Я, откровенно говоря, считал, что всеобъемлющие договоренности возможны. Поэтому я полагал, что мы выдвигаем реалистические предложения, и партнеры, поразмыслив, отреагируют конструктивно. Но оказалось, президент Рейган со своей командой приехал с пустыми руками. По-видимому, они считали, что довели Горбачева до кондиции, и теперь надо только собирать в свою корзину плоды и яйца, с которыми придет Горбачев. А когда мы их поставили перед выбором, то выяснилось, они просто были не готовы к ведению таких переговоров. Я это быстро почувствовал.

В беседе один на один президент стал мне повторять общие места. Та же жвачка, что и раньше. Выслушав его, я сказал: «Позвольте мне теперь сказать. Я привез серьезные, конкретные предложения. С них и начну. Женеву спустили на тормозах². Все остается по-прежнему. Нам нужно на нашем уровне принять серьезные решения для того, чтобы изменить ситуацию. И мы вносим такие предложения». И излагаю все по порядку. Когда я начал реагировать и спорить с ним, у него бумажки выпали из рук, упали на пол. Вижу, у него на щеках румянец, он как-то растерян. Я уже знал, что он не любит входить в детали. Поэтому, оценив ситуацию, я сказал: тогда я перехожу к конкретному изложению наших новых предложений и, чтобы нам 2 раза не говорить одно и то же, давайте пригласим наших министров иностранных дел.

Я об этом впервые говорю здесь и не хочу, чтобы это просочилось. Я об этом не сказал в мемуарах. Думаю, все то, что мы сделали вместе с президентом Рейганом, обязывает меня некоторые вещи оставлять за пределами гласности. Думаю, что это можно оставить в записи, но не обнародовать*.

* Предусматривалось право интервьюируемых блокировать публикацию тех или иных фрагментов интервью на указанный ими срок. По прошествии 10 лет Горбачев разрешил опубликовать данный фрагмент.

Кувалдин В.Б. *Михаил Сергеевич, тогда пометьте в авторизованном тексте, что этот фрагмент Вы блокируете.*

Горбачев М.С. Был такой момент. Я почувствовал, что нужно помочь президенту, потому что иначе ему трудно будет и мне трудно будет с ним разговаривать. Пригласили министров. Сначала, когда я докладывал, президент начал реагировать и немножко неадекватно, но Шульц говорит: «Одну минутку, президент, давайте дослушаем до конца». И добавляет: «Это подходит, это приемлемо». Я воздаю должное Джорджу Шульцу. Президент Рейган, несомненно, принимал решения, его никто не мог обойти. Но без Шульца, без его очень важной роли рядом с президентом... Этот тандем я хочу отметить. Хочу отметить его огромный вклад рядом с Рейганом.

Так же, как и Эдуарда Шеварднадзе. Это человек, которому я очень доверял. Он действовал с большой ответственностью. Многие говорят о его темпераменте, о том, что он горячился, неоправданно уступал. Делают намеки на то, что он чуть ли не пошел на какое-то закулисное сотрудничество с американцами. Поскольку был случай, когда он поехал на переговоры без переводчика. Это сплетни. Это козни наушников. По большому счету Шеварднадзе был человеком-патриотом, с широким взглядом, много сделавший для того, чтобы мы с Западом смогли понять друг друга. Я его ценю. Я был против его ухода в критический момент. Он меня тогда поставил перед фактом.

Я не использовал запасную позицию, потому что мы продвигались вперед в переговорном процессе, пункт за пунктом достигали согласия и дошли до СОИ, где споткнулись. Зачем было выделять средние ракеты, если мы договорились по всему комплексу вопросов. Пакет мы распечатали позже. Сначала надо было дать возможность этим договоренностям поработать в столь драматической форме. Я думаю, что Рейкьявик — это больше, чем просто ядерная сделка, это совсем другой уровень. Это взгляд друг на друга не как на врагов, а осознание, что обе наши державы — заложницы политики «холодной войны», гонки вооружений, и что из этого надо поскорее выбираться. С далеко идущими предложениями и последствиями. Без Рейкьявика не было бы ни 87-го года, ни 88-го и последующих. Это был прорыв.

Кувалдин В.Б. *Михаил Сергеевич, я знаю, что Вы могли бы многое рассказать, отвечая на вторую часть этого вопроса, и это было бы безумно интересно. Но если наступить на горло собственной песне и дать по одному ответу на вопрос: что было наиболее важным в этих встречах (если выделить что-то одно) и что Вам запомнилось лично больше всего (просто хотя бы указать)?*

Горбачев М.С. Рейган.

Кувалдин В.Б. *Человек?*

Горбачев М.С. Да. Это имело важнейшее значение. Именно поэтому нам удалось на первой же встрече выйти на совместное заявление.

Кувалдин В.Б. *То есть первый блин не комом.*

Горбачев М.С. Рейкьявик, повторю, — это прорыв. И не только с далеко идущими последствиями в смысле ядерного разоружения, но вообще в политике

и в наших отношениях. Потом — 87-й год, Вашингтон, подписание Договора. Москва, 1988 год. Заявление президента у Царь-пушки, что он больше не считает Советский Союз «империей зла». Наше первое совместное Заявление с президентом перед всем миром!.. Такие слова! Мы оказались способными сделать то, чего сами не ожидали, — остановить гонку ядерных вооружений, начать уничтожение ядерных арсеналов. Что бы ни было после, а начиналось с этого...

Гордон М. Хан. *Может быть, момент у Царь-пушки можно считать окончанием «холодной войны», когда «ястреб холодной войны» сказал такие слова?*

Горбачев М.С. Это был ответ на вопрос журналиста. Рейган в концентрированной форме подвел результаты нашей встречи в Москве. И вообще нашего сотрудничества, начиная с Женевы.

Кувалдин В.Б. *Михаил Сергеевич, если Вы позволите, последний вопрос, которым мы логически завершаем тему. Как Вы оцениваете международную ситуацию, положение Советского Союза и США в момент ухода президента Рейгана, то есть в январе 1989 года? Как все это изменилось за время второго срока президента Рейгана?*

Горбачев М.С. Я думаю, что президент Рейган ушел великим президентом. Без нашего сотрудничества и того, что произошло, была опасность, что он в памяти американцев и особенно всего мира останется «ястребом холодной войны».

Кувалдин В.Б. *А так он ушел как президент мира?*

Горбачев М.С. Я думаю, что все-таки, да.

Кувалдин В.Б. *То есть, Михаил Сергеевич, Вы считаете, что, возможно, он не только заложил основы процветания Америки в 90-е годы (такая точка зрения широко распространена), но и, придя «ястребом» в Белый дом, уходил оттуда...*

Горбачев М.С. Конечно, его можно критиковать и его критикуют и в самой Америке тоже. Спрячут о том, что такое рейганомика, гонка вооружений, чувство возрождения, возвращение уверенности нации в себе, чему он способствовал, и прочее. Но ведь это могло обернуться и «вторым изданием» «холодной войны». А он ушел действительно великим президентом, остановил гонку вооружений, подписал соглашения о разоружении и, сотрудничая с Советским Союзом, создал предпосылки для того, чтобы начался процесс демократических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы... Тем самым осуществилась его мечта о правах человека по большому счету, о правах целых народов. Это все дает мне основание утверждать, что он — великий президент.

Примечания

¹ Интервью у Шеварднадзе получить не удалось.

² Речь идет о советско-американских переговорах по стратегическим ядерным вооружениям.

ОБЪЕКТИВНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
НОВОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.
ЦЕЛИ,
ПРИНЦИПЫ
И МЕТОДЫ

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

Часть 1. Мотивы перемены Горбачевым внешнеполитического курса

Внешняя политика перестройки стала ответом на фундаментальные изменения в мире в последней четверти XX века. Они потребовали нового осмысления мировой ситуации и новых подходов во внешнеполитической деятельности.

На протяжении многих лет в основе советской внешней политики лежала идея противоборства двух социальных систем. Исходили из неизбежности победы социализма-коммунизма, олицетворяющего будущее. Историческая миссия «первой страны социализма» виделась в том, чтобы доказать его превосходство (умалчивая о его государственно-сталинистской форме) над капитализмом. Такой социализм в самом деле был реальностью и назывался «реальным социализмом». Несмотря на отход его от принципов и многих лозунгов Великой революции, несмотря на преступления сталинизма – пропаганда, основанная на конфронтационной идеологии, внушала советским гражданам и миллионам людей во всем мире веру в неизбежный крах капитализма и торжество социализма-коммунизма.

Однако действительный ход мирового развития все более разительно подрывал возможность в это поверить. В промышленно развитых странах Запада разворачивалась новая научно-техническая революция, происходили глубокие структурные преобразования в экономике и обществе. Слияние науки с производством давало небывало эффективные технологии, многократно повышавшие производительность труда. Все большее значение приобретал «человеческий капитал» (интеллект, способности, знания). В странах Западной Европы и Японии соотношение умственного и физического труда в совокупном капитале уже к началу 70-х годов было примерно 57 к 43 процентам. Бурно шло развитие систем образования и здравоохранения. В формирующейся «экономике знаний» все большую роль играла креативная составляющая, творческий труд становился ведущим направлением трудовой деятельности, которая опиралась на компьютерные технологии, информатику и телекоммуникационные структуры. Ключевым звеном экономики стало управление, на авансцену выдвинулась фигура менеджера. Короче говоря, западные страны вступали в постиндустриальную эпоху.

Технологический прогресс и глубокие социально-экономические сдвиги внутри каждой страны подстегнули интеграционные процессы. Вопреки ленинскому прогнозу о невозможности «Соединенных Штатов Европы» эти процессы в Западной Европе (приведшие в дальнейшем к образованию Европейского союза) намного превзошли по своей значимости и эффективности интеграцию стран «реального социализма».

Экономический подъем на новой основе менял на Западе и социально-классовые отношения. Поднялись уровень и качество жизни основной массы населения. Укрепились основы гражданского общества. Конечно, сохранялись старые и возникали новые проблемы и противоречия. Но одновременно

складывались действенные механизмы государственного регулирования, социальной политики, трехстороннего партнерства — государства, предпринимателей и профсоюзов. Это не могло устранить социальных противоречий, но создавало возможности для компромиссных решений в рамках демократических процедур и культуры толерантности.

«Реальный социализм», который призван был доказывать свое превосходство силой примера, сам столкнулся с вызовом «силы примера» западного постиндустриального общества. Политические деятели, ученые, да и рядовые граждане социалистических стран, имевшие возможность познакомиться с иной границей (а таких становилось все больше по мере умножения международных контактов и «коммуникационного взрыва»), воочию убеждались в несоответствии между пропагандистскими клише и действительностью западного общества.

Конечно, идеология и пропаганда, рассчитанные, главным образом, на «внутреннее потребление», не определяли целиком советскую внешнюю политику — зазор между антиимпериалистической риторикой и прагматикой связей с внешним миром оставался. Но идеологическая парадигма раскола мира на две системы и противостояния с «исторически изжившим» себя капитализмом усугубляла самоизоляцию Советского Союза от основных тенденций мирового развития, а это не могло не вести ко все более ощутимому отставанию.

Не менее важно и то, что конфронтационная биполярная система международных отношений несла с собой серьезную угрозу миру, угрозу ядерного столкновения держав. Теория и риторика, ориентирующие на победу коммунизма, провоцировали и обильно питали воинствующий антикоммунизм. Нескончаемая «холодная война» подхлестывала все более дорогостоящую гонку вооружений. К середине 80-х годов мир оказался в ситуации, когда нарастающая враждебность могла сорваться в ядерный конфликт. К этому готовились и в этом соперничали военные блоки НАТО и ОВД. Никто не хотел войны, но никто не мог гарантировать, что ее не случится.

На фоне кардинальных перемен в мировом процессе все более явной становилась неадекватность советской мобилизационной модели экономики. Опираясь на жесткую систему централизованного планирования и используя идеологически подогреваемый массовый энтузиазм, она позволила совершить индустриальный прорыв 1930-х годов, выдержать сверхнагрузки Великой Отечественной войны, в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство. Советский Союз первым в мире осуществил полет человека в космос, добился военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами. Но это далось ценой огромной концентрации ресурсов на одном, узком направлении — при общем отставании на других. Хотя с 50-х годов и делались — правда, непоследовательные, — попытки преодоления сталинизма, административно-командная система сохранялась. Все указывало на приближение рокового момента ее полного исчерпания.

Темпы роста стали снижаться, развитие стопорилось. Уже в 70-х годах застой стал очевиден. Разоренное жестокой, насильственной коллективизацией и задавленное непомерными обязательными поставками колхозное

крестьянство не могло покрыть потребностей страны в аграрной продукции. Нарастал дефицит продовольствия и товаров ширпотреба. Бюрократическое окостенение партийно-государственного аппарата, идейно-нравственная и профессиональная деградация правящего слоя — так называемой номенклатуры — гасили эпизодически возникавшие очаги подъема, дискредитировали призывы к трудовым подвигам.

Для мобилизационной модели характерна невосприимчивость экономики к технологическим новациям. Громоздкая и неповоротливая система государственно-бюрократического управления глушила инициативу, тормозила научно-технический прогресс. Ее закрытость и автаркические особенности препятствовали свободе творчества и внедрению инновационных технологий. Отставание от Запада, от США в особенности, становилось заметным даже в отраслях военно-промышленного комплекса, где концентрировался цвет советской научной и конструкторской мысли.

Гонка вооружений истощала экономику. Ракетно-ядерный паритет с Соединенными Штатами давался государству и обществу невероятно высокой ценой. Его оборотной стороной стало депрессивное состояние гражданских отраслей и консервация низкого уровня жизни. В 70-е годы передышку принесла разработка нефтяных месторождений в Западной Сибири. Пошел обильный поток нефтедолларов за счет высоких мировых цен на энергоресурсы. Но и эти дополнительные — и немалые — средства большей частью поглотил военно-промышленный комплекс.

Перед гражданами СССР все чаще вставал сакраментальный вопрос: почему советский народ, обладая, как ему твердили, самым передовым общественным строем, самой передовой идеологией, несметными природными богатствами, живет много хуже, чем люди на Западе?

Зрели семена сомнений. Среди мыслящей части общества, в том числе и в партийной среде, нарастали реформаторские настроения. Поколение так называемых «шестидесятников» не хотело мириться с незыблемостью официальных идеологических догматов «реального социализма». Критическому анализу в «спорах на кухнях» подвергались также и многие внешнеполитические установки и акции партийно-государственного руководства.

В годы, предшествовавшие перестройке, международный престиж Советского Союза серьезно пострадал по многим причинам: среди них — отторжение принятых в цивилизованном обществе демократических норм, преследование инакомыслящих, запрет на эмиграцию, интервенция в Чехословакии, вторжение в Афганистан, издержки политики в Африке и Центральной Америке, «доктрина Брежнева», попиравшая суверенитет стран-союзников...

Все это ввергло в вялотекущий кризис международное коммунистическое движение, авангардом которого считалась КПСС. Наиболее крупные западноевропейские партии, стремившиеся адаптировать теорию и деятельность к новым реалиям, выступили с резкой критикой и внешней, и внутренней политики советского руководства, против архаичных, догматических представлений КПСС о современном мире. Появление «еврокоммунизма»¹ стало одним из главных симптомов, свидетельствующих об исчерпании роли

коммунистического движения в качестве обновленческой международной силы.

Нельзя сказать, что дыхание новых потребностей мирового развития совсем не коснулось советской внешней политики. Оно дало себя знать в провозглашенном при Хрущеве мирном сосуществовании, в склонности к международной разрядке и к диалогу с Западом в брежневский период, в дискуссиях и (изредка) в публикациях о допустимости конвергенции социализма и капитализма. Однако мысли и предложения, выходявшие за рамки идеологических стандартов, каждый раз оказывались погребенными под тяжестью привычных партийных догм и предрассудков.

Общество, уставшее от пропагандистской болтовни об успехах — на фоне вечных дефицитов, от унижения при виде старческого маразма в верхах, лишенное права на свободу выражения мнений, ощущавшее бессилие перед лицом безобразий в общественной и культурной жизни, раздражение и гнев по поводу очередной авантюры в Афганистане, — это общество созревало для глубоких, принципиальных перемен. Но — по укорененной привычке к послушанию и упованию на «начальство» — ждало этих перемен... **сверху**.

Мотивы перемены Горбачевым внешнеполитического курса можно резюмировать следующим образом.

Первое. Осознание явно нарастающей в начале 80-х годов **ядерной угрозы**. Катастрофа могла разразиться даже в результате технического сбоя или оплошности военных, сидящих у пультов управления оружием. Руководству страны докладывали, что мы начинаем отставать от США даже в производстве новейших типов ракетно-ядерных систем. Иначе говоря, возникла необходимость самых решительных и срочных мер по обеспечению безопасности страны.

Второе. Познание действительного положения страны в изменившемся в 70–80-е годы мире. Переезд избранного секретарем ЦК КПСС (1978 год) М.С. Горбачева в Москву позволил ему основательнее познакомиться с реальной международной ситуацией и положением СССР в ней. Контакты с учеными, державшимися более или менее независимых взглядов, облегчали ему осмысление происходящего, давали пищу для сомнений в правильности и эффективности прежней внешнеполитической стратегии (с точки зрения подлинных интересов нации).

Горбачеву стали доступны неприукрашенные показатели нашего ускользающегося, особенно в качественном отношении, отставания от стран — лидеров мирового технического прогресса. Отсюда следовало: сохранение такого положения сделает практически невозможными серьезные преобразования внутри страны, задуманные ради улучшения условий жизни собственного народа.

Таким образом, непредвзятый, объективный анализ места и реальных возможностей СССР в мире послужил еще одним импульсом решимости изменить внешнеполитический курс.

Третье. Представшая воочию **иллюзорность** международного влияния советской, мессианской по сути, идеологии — даже если говорить о тех, кто на протяжении целой эпохи были друзьями и соратниками СССР по борьбе

«за светлое будущее». Международный авторитет СССР еще держался на инерции, унаследованной от Победы над фашизмом, на ядерной мощи, на подкармливании верных и не очень верных друзей за рубежом, на огромных расходах в поддержку реальных или мнимых национально-освободительных движений. Но этот авторитет таял на глазах и становилось бессмысленным предаваться самообману насчет того, будто нас поддерживает «все прогрессивное человечество» (существовал такой нелепый термин).

Полагаться на союзнические отношения в социалистическом содружестве тоже становилось все труднее. Горбачеву хорошо были известны признаки разочарования и отторжения в «братских странах». Видел он и то, что подавление «пражской весны» не только не укрепило наше положение в содружестве, а, напротив, усилило процессы дезинтеграции, напрямую связанные с тупиковой моделью экономического развития, которую мы навязали «друзьям».

Совершенно очевидными стали к этому времени нелепость и вредоносность вражды с Китаем. Еще Брежнев обратил на это внимание в конце 70-х.

Для возрождения, вернее, оздоровления авторитета СССР и его влияния нужны были какие-то иные подходы, а не нагнетание страха перед советской сверхдержавой.

Четвертое. Афганский синдром. Горбачеву с самого начала было ясно, что с этой авантюрой, уносившей жизни наших солдат и отбравшей колоссальные суммы из бюджета, надо кончать. Не иссякал поток писем от матерей, жен, детей, от солдат и офицеров из самого Афганистана, буквально требовавших (несмотря на советский «порядок» в отношении подобного рода протестов) объяснений — что мы там делаем?! За что гибнут и калечатся там наши ребята?! Когда это кончится?! Почему мы насильно навязываем кому-то свой «интернациональный долг»?

Без поворота во внешней политике в целом решить афганскую проблему было нельзя, ибо она стала составной частью «холодной войны».

Пятое. Моральный фактор. Во главе Советского государства и КПСС впервые оказался человек морали — не догматическо-классовой (суть ее — что хорошо для нас, **должно быть** хорошо и для всех остальных), а морали человеческой, по сути своей христианской. Именно в этом духе нуждался в корректировке советский интернационализм.

В постреволюционную эпоху все труднее было оправдывать политику конфронтации с Западом высокой идеей освобождения человечества от угнетения и эксплуатации, ограничивая и подавляя одновременно права и свободы собственного народа, заставляя его нести непомерное бремя военных расходов и великодержавных внешних обязательств. Это претило нормальному здравому смыслу.

Было стыдно за народ, заслуживавший лучшей участи, более достойных условий жизни и выстрадавший право на это. Становилось просто неприличным продолжать заниматься самовосхвалением на глазах всего мира, когда хвастаться было уже нечем. Когда почти по всем основным социальным (даже социалистическим!) критериям (материального плана, не говоря уж о «свободах») то, что советским людям лишь обещали в будущем, уже во многом было реализовано в развитых странах Запада.

Вопиющее отставание даже от тех, кого мы разгромили в войне, стало невозможно скрывать от общества. Пропаганда «успехов» только взрыхляла почву для анекдотов и злых насмешек, и как всякое вранье, дискредитировала власть и политически, и нравственно.

Таковыми были изначально основные аргументы для выработки нового внешнеполитического курса, для иного поведения на международной арене.

В данном разделе собраны мысли и заявления М.С. Горбачева, характеризующие политику «нового мышления» в международных делах. В выдержках из его выступлений и бесед — философия, нравственные истоки этой политики, главные идеи и инициативы, «стратегия и тактика», оценки меняющейся ситуации. Высказывания Горбачева располагаются хронологически, что позволяет увидеть эволюцию его взглядов по мере накопления опыта новой политики, а также в связи с реакцией на нее в стране и за рубежом.

Зачатки «нового мышления» появились еще до того, как Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, о чем свидетельствует, в частности, его выступление в парламенте Великобритании в декабре 1984 года, где уже присутствуют основные термины «нового мышления»: война — не средство политики, разоружение, диалог, переговоры, доверие, компромиссы... В речи на Мартовском пленуме ЦК 1985 года — идея не только прекращения ядерной гонки, но полного разоружения, учета интересов других, право на свой выбор у каждого. В речи на Апрельском пленуме появляются и другие элементы «нового мышления» — равная безопасность, система всеобщей безопасности, развитие хельсинкского процесса, невывод оружия в космос.

Отобран минимум формулировок и оценок. В некоторых, особенно в первые два-три года перестройки, сохраняются традиционно-идеологические, классовые подходы, что, естественно, затрудняло восприятие **новизны** политики, снижало ее эффективность. Это относится и к другим разделам книги.

В разделе воспроизводятся некоторые наиболее яркие эпизоды дипломатической практики Горбачева (Рейкьявик, Мальта, беседы с Тэтчер, Миттераном, Штраусом, Шульцем, Пересом де Куэльярром и другими). Неизбежны, конечно, повторения. Но они имеют свой смысл — показывают, с какой настойчивостью и последовательностью продвигался новый курс, буквально навязывался внешнему миру. Кроме того, при повторении появляются нюансы, оттеняющие и дополняющие мысль, позицию.

Документальные свидетельства

Из выступления Горбачева в парламенте Великобритании 18 декабря 1984 года

[В 70-х годах] победил разум, понимание того, что война — негодный, неприемлемый метод решения спорных проблем, что в ядерной войне, так же как и в гонке вооружений, в конфронтации, победить нельзя. Стало оче-

видным, что «холодная война» — это ненормальное состояние отношений, постоянно несущее в себе военную угрозу. <...>

Наиболее важные, по сути своей общие для нас проблемы — это как не допустить войны; как остановить гонку вооружений и перейти к разоружению; как урегулировать существующие и предотвратить потенциальные конфликты и кризисы. <...>

Мы бы хотели широкого диалога в развитии равноправного, взаимовыгодного сотрудничества в решении острых политических проблем в экономике, в науке и технике, в развитии культурных связей и обменов. <...>

Необходим конструктивный диалог, поиск решений узловых международных проблем, нахождение областей согласия, которые могут привести к улучшению доверия между странами, к созданию такой атмосферы в международных отношениях, которая была бы свободна от ядерной угрозы, неприязни и подозрительности, страха и вражды. <...>

Надо всем постоянно учиться жить вместе, исходя из реальностей постоянно меняющегося по своим законам современного мира. <...>

В политике и дипломатии всегда есть место для разумных компромиссов, есть обширное поле для развития и укрепления взаимопонимания и доверия на основе близких или совпадающих интересов.

ГСС. Т. 2. С. 125–130.

Из речи Горбачева на мартовском Пленуме ЦК КПСС 1985 года

Никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни. Единственный разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущении ее в космосе. Договоренность на честной и равноправной основе, без попыток «переиграть» другую сторону и диктовать ей свои условия. Договоренность, которая поможет всем продвинуться к желанной цели — полному уничтожению и запрещению навсегда ядерного оружия, к полному устранению угрозы ядерной войны.

ГСС. Т. 2. С.161.

Из ответов Горбачева на вопросы редакции «Правды» 7 апреля 1985 года

Мир наполнен сложными проблемами — и политического, и экономического, и социального характера.

Для того чтобы строить международные отношения в нынешнем мире... нельзя игнорировать интересы других государств, а тем более пытаться лишать их права самим выбирать свой путь развития.

ГСС. Т. 2. С. 169.

Из доклада Горбачева на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года

Мы убеждены: мировую войну можно предотвратить. <...>

Политбюро исходит из того, что межгосударственные документы периода разрядки напряженности, включая хельсинкский Заключительный акт, не потеряли своего значения. Они представляют собой пример того, как можно строить международные отношения, если руководствоваться принципами равенства и одинаковой безопасности, сложившимися в мире реальностями, если не стремиться к каким-либо преимуществам, а искать взаимоприемлемые решения и договоренности. <...>

С 1982 года действует одностороннее обязательство Советского Союза не применять первым ядерное оружие. С 1983 года — односторонний мораторий на вывод первыми в космос противоспутникового оружия.

ГСС. Т. 2. С. 207, 209, 211.

*Из доклада Горбачева о 40-летию Победы
8 мая 1985 года*

Мы твердо стоим за то, чтобы возродить процесс разрядки. Но это не означает простого возврата к тому, что было достигнуто в 70-х годах. Необходимо стремиться к гораздо большему. Разрядка, с нашей точки зрения, не конечная цель политики. Она необходимый, но как переходный этап от мира, загроможденного оружием, к надежной и всеобъемлющей системе международной безопасности.

ГСС. Т. 2. С. 248.

*Из беседы с премьер-министром Италии Беттино Кракси
Москва, 29 мая 1985 года*

Горбачев. <...> Мы хотим возродить дух, атмосферу и сущность разрядки, намерены пойти еще дальше, к надежной системе международного правопорядка и безопасности. Здесь необходим, если хотите, качественный скачок.

*Переговоры с председателем Совета министров Италии.
М.: Политиздат, 1985. С. 10–11.*

*Из интервью Горбачева журналу «Тайм»
28 августа 1985 года*

Главный вопрос, на который мы должны себе ответить, — готовы ли мы, наконец, признать, что нет иного пути, как жить друг с другом в мире, готовы ли мы перестроить свой образ мыслей и действий с военного на мирный лад? Как говорят у нас — жить и давать жить другим. Мы называем это мирным сосуществованием.

ГСС. Т. 2. С. 425.

*На встрече с делегацией сената США
Москва, 3 сентября 1985 года*

Горбачев. <...> Мы не можем допустить мысли о начале ядерной войны. Это было бы безумие. Когда слышишь голоса, утверждающие, что есть вещи поважнее, чем мир, хочется спросить себя: а все ли нормально в голове у этих людей? Сперва — мир, сперва — жить, а уж потом все остальное. Американский народ может исходить из того, что СССР не начнет войну. <...>

Надо думать о том, как действовать, искать варианты и использовать все предложения, заслуживающие внимания.

ГСС. Т. 2. С. 466

*Из интервью Горбачева французскому телевидению
30 сентября 1985 года*

Когда мы говорим, что подошли к такому рубежу, за которым могут начаться события, выходящие из-под контроля, это не проявление пессимизма. Это проявление ответственности Советского государства, его руководства за судьбы мира. <...>

Идет своего рода милитаризация политического сознания... Надо смотреть реальности прямо в глаза... Могут пойти такие процессы, которые вообще переключают возможности поиска мирного урегулирования проблем. Надо искать способы противостоять этому вызову.

ГСС. Т. 2. С. 545, 546.

*На встрече Горбачева с парламентариями Франции
Париж, 3 октября 1985 года*

Нам кажется крайне опасным взгляд, чем бы он ни оправдывался, что стоящие перед международным сообществом задачи можно решать созданием и накоплением все новых и все более разрушительных видов оружия — и на Земле, и в Космосе.

Вот почему мы считаем столь важным уже сейчас, немедленно, пока не поздно, остановить «адский поезд» гонки вооружений, начать их сокращение, оздоровить международную обстановку, развивать мирное сотрудничество между народами. Это во взаимных интересах, это всеобщая задача. <...>

При всех различиях в политических и философских взглядах, в идеалах и ценностях мы должны помнить об одном: все мы — хранители огня жизни, переданного нам предшествующими поколениями. <...>

Перед порогом третьего тысячелетия мы должны сжечь черную книгу ядерной «алхимии». Пусть XXI век станет первым веком жизни без страха всеобщей гибели.

ГСС. Т. 3. С. 24, 32.

*Из послания Горбачева Пересу де Куэльяру
25 октября 1985 года*

Сегодня, как никогда раньше на протяжении этого периода, необходимо открыто и во весь голос сказать: главная задача, поставленная в Уставе ООН, все еще не решена — не созданы гарантии прочного мира.

ГСС. Т. 3. С. 92.

*Из ответа Горбачева на обращение Римского клуба
27 октября 1985 года*

Проблемы войны и мира занимают, бесспорно, первостепенное место среди современных международных проблем, поскольку имеют прямое отношение к сохранению человеческой цивилизации и жизни на Земле.

Мы разделяем ваше мнение о том, что продажа и поставки обычных вооружений являются опасным каналом распространения гонки вооружений на различные районы мира, способствуют возникновению там очагов напряженности и конфликтов.

ГСС. Т. 3. С. 94, 95.

*На встрече Горбачева с лауреатами Нобелевской премии мира
Москва, 13 ноября 1985 года*

Наше время без преувеличения можно охарактеризовать как переломное. Человечество подошло сейчас к такому рубежу, когда требуется особая мудрость в решениях, взвешенность, сдержанность в действиях, учет не только своих национальных интересов, но и интересов всего мирового сообщества. <...>

Наша страна высоко ценит гуманистическую традицию истинных ученых, всегда занимавших активную позицию в вопросах войны и мира, — традицию, у истоков которой стояли Нильс Бор, Альберт Эйнштейн, Фредерик Жолио-Кюри.

ГСС. Т. 3. С. 108, 109.

*На пресс-конференции в Женеве
19 ноября 1985 года
(после первой встречи с Рональдом Рейганом)*

Горбачев. <...> На нынешнем этапе международных отношений, который характеризуется большей взаимосвязанностью государств, их взаимозависимостью, требуется новая политика. <...>

Самый главный вопрос — и я к нему возвращаюсь — надо сделать все, чтобы остановить гонку вооружений. ...Если не решить этой задачи, могут быть подорваны все остальные наши надежды, планы и действия.

*Советско-американская встреча на высшем уровне.
М.: Политиздат, 1985. С. 35.*

*Из новогоднего обращения Горбачева к советскому народу
31 декабря 1985 года*

Советский Союз исходит в своей политике из того, что в ядерный век люди Земли — на одном корабле. И раскачивать его военным авантюризмом является крайне безответственным делом. Сама жизнь в наше время отвергает политическое легкомыслие. Необходимо оздоровить международные отношения, придать им цивилизованный характер, как и подобает людям просвещенного XX века.

ГСС. Т. 3. С. 194.

*Из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС
15 января 1986 года*

Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство приняли решение о ряде крупных, принципиального характера внешнеполитических акций. Их смысл — в максимальной степени содействовать... общему уменьшению военной опасности, становлению **доверия** в качестве неотъемлемого компонента отношений между государствами.

ГСС. Т. 3. С. 205.

*Из обращения Горбачева к участникам Конгресса деятелей науки и культуры
17 января 1986 года*

Мы предлагаем договориться о принятии программы полной ликвидации ядерного оружия во всем мире в течение ближайших 15 лет, до конца XX столетия, выдвигаем конкретный план поэтапных практических шагов, ведущих к этой цели, и предусматриваем строгий международный контроль за их осуществлением.

ГСС. Т. 3. С. 219.

*Из беседы с Генеральным секретарем
Итальянской компартии Алессандро Натта
27 и 28 января 1986 года*

Горбачев. <...> Нас беспокоит все, что ныне происходит. Хотим, чтобы роль коммунистов была конструктивной, способствующей устранению ядерной угрозы.

Натта. <...> Коммунистические партии усыхают. Историко-политически их опыт нельзя считать позитивным. Идеологические узлы, организационные формы объединения коммунистов — это препятствия для их развития. Они мешают коммунистическому движению. Когда вы на XX съезде говорили о том, что отсутствует партия-вождь, государство-вождь, мы это приветствовали, но и размышляли о будущем. Критически размышляли об опыте

Информационного бюро². О том также, как дальше упустили возможности. Коммунистическая партия в каждой стране должна всегда иметь собственный облик, национальный характер, быть реальным движением в своей стране. И неизбежно огромное разнообразие партий, сил.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из интервью Горбачева для «Юманите»
4 февраля 1986 года*

Вызов нашей эпохи вытекает из того, что человеческая цивилизация создала, к сожалению, весьма эффективные средства самоуничтожения. Чтобы произошло самое плохое, даже не надо совершать беспрецедентной глупости или преступления. Достаточно действовать так, как действовали тысячелетиями, — в решении международных дел полагаться на оружие и военную силу, а при случае ее и применять. Вот эти тысячелетние традиции сейчас надо безжалостно ломать, от них надо напрочь отказываться. Иначе проблема выживания человечества может оказаться неразрешимой. В ядерный век нельзя жить — во всяком случае, долго жить — с психологией, привычками и правилами поведения века каменного.

ГСС. Т. 3. С. 255–256.

*Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду КПСС
25 февраля 1986 года*

Переломная ситуация сложилась не только во внутренних делах. Она характерна и для внешних. Изменения в современном мировом развитии настолько глубоки и значительны, что они требуют переосмысления. <...>

Социальные сдвиги века видоизменяют условия дальнейшего общественного развития. Вступают в действие новые экономические, политические и научно-технические, внутренние и международные факторы. **Возрастает взаимосвязанность государств и народов.** <...>

Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания **конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты.** Не только требует, но и создает для этого необходимые предпосылки — политические, социальные, материальные. <...>

Именно так, через борьбу противоположностей, трудно, в известной мере как бы на ощупь, складывается противоречивый, но **взаимозависимый, во многом целостный мир.** <...>

Принципиальные **Основы** такой системы представляются следующим образом:

1. В военной области

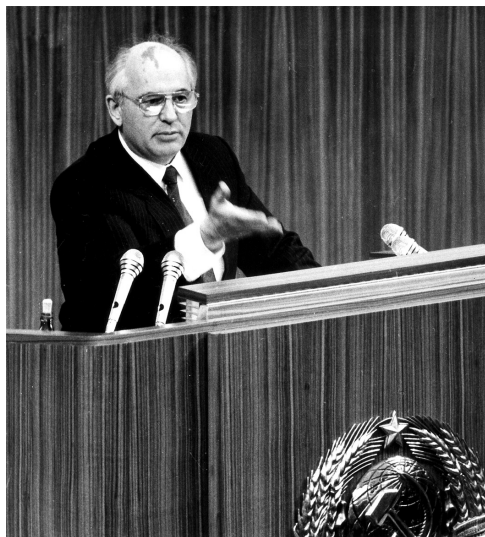
— отказ ядерных держав от войны друг против друга или против третьих государств — как ядерной, так и обычной;

- недопущение гонки вооружений в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полная его ликвидация, запрет и уничтожение химического оружия, отказ от создания других средств массового истребления;

- строго контролируемое снижение уровней военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности;

- роспуск военных группировок, а как ступень к этому — отказ от их расширения и образования новых;

- пропорциональное и соразмерное сокращение военных бюджетов.

На трибуне XXVII съезда КПСС

2. В политической области

- безусловное уважение в международной практике права каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития;

- справедливое политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов;

- разработка комплекса мер, нацеленных на укрепление доверия между государствами, на создание действенных гарантий от нападения на них извне, неприкосновенности их границ;

- выработка эффективных методов предотвращения международного терроризма, включая безопасность пользования международными наземными, воздушными и морскими коммуникациями.

3. В экономической области

- исключение из международной практики всех форм дискриминации; отказ от политики экономических блокад и санкций, если это прямо не предусматривается рекомендациями мирового сообщества;

- совместный поиск путей справедливого урегулирования проблемы задолженности;

- установление нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств;

- разработка принципов использования на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, части средств, которые будут высвобождаться в результате сокращения военных бюджетов;

- объединение усилий в исследовании и мирном использовании космоса, решении глобальных проблем, от которых зависят судьбы цивилизации.

4. В гуманитарной области

— сотрудничество в распространении идей мира, разоружения, международной безопасности; повышение уровня общей объективной информированности, взаимного ознакомления народов с жизнью друг друга; укрепление в отношениях между ними духа взаимопонимания и согласия;

— искоренение геноцида, апартеида, проповеди фашизма и всякой иной расовой, национальной или религиозной исключительности, а также дискриминации людей на этой основе;

— расширение — при уважении законов каждой страны — международного сотрудничества в осуществлении политических, социальных и личных прав человека;

— решение в гуманном и позитивном духе вопросов воссоединения семей, заключения браков, развитие контактов между людьми, организациями;

— укрепление и поиски новых форм сотрудничества в сфере культуры, искусства, науки, образования и медицины.

...Мирное сосуществование должно стать высшим универсальным принципом межгосударственных отношений.

И коль скоро речь идет о судьбах мира, такой диалог особенно важен между постоянными членами Совета Безопасности — пятью ядерными державами. На них лежит главное бремя ответственности за судьбы человечества. ...Почему бы тогда их лидерам не собраться за **круглым столом** и не обсудить, что можно и нужно сделать для укрепления мира.

Успеха в битве против войны добиться надо непременно. <...> В активном участии в этой битве КПСС видит саму суть своей внешнеполитической стратегии.

ГСС. Т. 3. С. 287–288, 290, 305, 306, 366–368, 369.

Из беседы с Фиделем Кастро Москва, 2 марта 1986 года

Кастро (принимавший участие в XXVII съезде) подробно рассказывает о ситуации в Центральной и Южной Америке, дает оценку политике США в этом регионе и в мире в целом. Обсуждался также широкий круг других международных вопросов — Южная Африка, положение в Анголе, других «прифронтовых государствах» и прочее.

Горбачев. <...> По нашему мнению, мировое коммунистическое движение переживает сейчас особый этап, особенно ответственную полосу своего развития, когда надо находить ответ на новые, острые вопросы, когда у некоторых коммунистов, особенно в западных странах, возникли настроения неуверенности, некоторой растерянности. <...>

Кастро. Хочу высказать свое мнение о XXVII съезде КПСС. Я внимательно изучил Ваш доклад. По-моему, впервые за много лет революционное движение, коммунистическое движение, прогрессивное движение получило такой документ. Пожалуй, лет 25 прошло после съезда, принявшего Программу КПСС. Тогда были выдвинуты разнообразные идеи. Не буду сейчас говорить о том, что некоторые из них не выдержали испытания временем. Но в то

С Фиделем Кастро в Кремле

время коммунистическое движение, все партии, все прогрессивные силы с большим интересом читали советский документ и уделяли ему большое внимание. Тогда еще не было раскола в комдвижении. Потом, к сожалению, движение раскололось и потеряло общую ориентацию. <...>

Теперь у нас есть широкая программа для всего прогрессивного, демократического, пацифистского движения, для всех. Она заключена в соответствующих пунктах Политического доклада. Эту программу мы должны изучать, публиковать, распространять и опираться на нее. <...>

Мы совершали ошибку, не указывая на этические, моральные ценности. Нам это казалось чем-то буржуазным.

Горбачев. А буржуазия использовала это нам во вред.

Кастро. Вот именно. Получалось, что у нас нет моральных ценностей. Нам приписывают, будто мы считаем, что цель оправдывает любые средства, приписывают макиавеллиевские идеи, утверждают, что социализм и марксизм лишены этики. А социализм означает высокую мораль, утверждение правды в качестве высшего принципа. <...>

Какова, на мой взгляд, роль КПСС? Она должна оказывать политическое, идеологическое влияние.

В свое время, когда существовал Коминтерн, Советский Союз командовал, обладал властью. Шли чистки, расстрелы. Я много раз спрашивал себя: хорошо ли, что Коминтерн распущен? Мне кажется, что это было неизбежно. Было невозможно в столь многообразном мире руководить движением, как армией, как одной партией. Ведь Коминтерн был по сути одной партией. Когда он был распущен, остались привычки, в силу которых советская партия руководила. У нее сохранилась привычка говорить, что должны делать другие. Понятно, что здесь было кое-что от патернализма и кое-что от того, в чем нас упрекали, — от гегемонизма. Конечно, советская партия никогда

не хотела быть гегемонистской. Но когда был распущен Коминтерн, осталась привычка говорить людям, как они должны поступать. <...>

Политическое влияние, идеологическое влияние — в этом ключ лидерства Коммунистической партии Советского Союза в отношении всех других сил.

И в этом смысле мужество, продемонстрированное съездом в критике совершенных ошибок, недостатков, негативных тенденций, даст вам большой моральный авторитет.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На приеме в Кремле в честь зарубежных гостей XXVII съезда КПСС
6 марта 1986 года*

Горбачев. <...> Ядерная катастрофа должна быть предотвращена. Нужно и можно построить мир без угроз, мир добрососедства, мир, в котором каждый народ занял бы свое достойное и уважаемое другими место. Советский Союз стремится к такому именно миру, **хочет быть его частью.**

ГСС. Т. 3. С. 414.

*Из выступления на совещании в ЦК КПСС по итогам съезда
10 марта 1986 года*

На этом совещании Горбачев высказался за то, чтобы в отношениях с компартиями окончательно отойти от «коминтерновского духа», обеспечить объективность информации.

Хочу обратить внимание на беспрецедентно широкое представительство на съезде коммунистических, рабочих партий и других демократических сил³. <...>

Съезд дал наглядный пример того, каким должен быть реальный механизм взаимодействия с друзьями. Осуществление нашей роли в мире социализма, в национально-освободительном и демократическом движении — не путем директив и поучений, а силой примера, доверительного, товарищеского обсуждения и обмена мнениями.

ГСС. Т. 3. С. 416.

*Из ответа Горбачева на письмо профессора М. Маруа
15 марта 1986 года**

Отвечаю на поставленные Вами вопросы.

Первый: «Представляется ли Вам с биологической, философской и политической точек зрения первостепенной задачей нашего времени провозглашение жизни, и в особенности человеческой жизни, как высшей ценности?».

* Профессор Маруа, основатель и руководитель «Международного института жизни», обратился к Горбачеву и одновременно к Рейгану с письмом, в котором, в частности, просил ответить на ряд вопросов. Приводится ответ на первый вопрос. Датировка — по публикации в газете «Правда».

На этот вопрос я мог ответить совсем коротко: «Да, безусловно, да». Но хотелось бы добавить вот что: вопрос, который Вы поставили, занимал лучшие умы человечества, можно сказать, с тех пор, как в роду людском появились мыслители. Но в нашу ядерно-космическую эру он получил новое измерение, обернулся новой гранью. <...>

Никогда раньше в истории человечества такая проблема не возникала. И вот она возникла грубо и зримо, с жестокой неумолимостью, в самой что ни на есть практической плоскости. От нее никто не может отмахнуться, ибо она касается всех. И притом убежден, она должна быть достигнута усилиями нашего, нынешнего поколения людей. <...>

Старый порядок вещей, при котором национальная безопасность виделась прежде всего на путях военно-технических решений и силовой политики, при котором мир превратился в заложника ядерной смерти, должен уступить место всеобъемлющей системе безопасности, охватывающей все сферы международных отношений. Человечество может и должно жить в ладах с природой, но для этого оно должно жить в ладах с самим собой.

ГСС. Т. 3. С. 459, 460–461.

*Из задания помощникам по международным вопросам
(в связи с предстоящей поездкой в город Тольятти)
20 марта 1986 года*

Горбачев. <...> Съезд выдвинул концепцию безопасности и перед всем миром взял обязательство. А что мы видим со стороны Европы и США? Одни увертки, уход от сути дела, попытки отделаться полумерами, полуобещаниями. На словах за мир, а на деле? <...>

Тем не менее мы надеемся и мы ждем.

Как же будем продолжать женеvский процесс? Это же не только в наших интересах. Это в интересах всех. Вот тут-то и необходимо новое мышление. Оно уже настоятельно стучится в дверь, ибо мы подошли к черте и не устанем повторять — за ней неконтролируемые процессы.

ГСС. Т. 3. С. 465, 466; ПБ. С. 29;

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На узком совещании у Горбачева
24 марта 1986 года**

Горбачев. <...> Когда придет новое мышление, трудно сказать. Но оно придет, и может даже прийти неожиданно быстро, ибо жизнь учит. История полна примеров, как может круто измениться ситуация. <...>

Я еще раз повторю формулу Съезда: на большую безопасность не претендуем, на меньшую — не пойдём. <...>

* Присутствовали Чебриков, Шеварднадзе, Зайков, Добрынин, Яковлев, Медведев, Черняев.

Выпрашивать мира не будем. Не раз мы давали ответы на любой вызов, сможем дать и на этот.

Мы понимаем, что нас испытывают на прочность, проверяют, насколько мы искренни в своем миролюбивом наступлении. <...>

Мы исходили из необходимости новых подходов в вопросах безопасности в ядерно-космическую эру.

ПБ. С. 29, 30; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Из выступления Горбачева в городе Тольятти 8 апреля 1986 года

Ничто не останавливает нас перед поиском выхода из конфронтации. Ибо другого просто не дано. Другое — это гонка к ядерной катастрофе. Наше поведение, наша линия диктуются не только нашими принципами и моралью, но и тем, что мы понимаем нереалистичность иного подхода.

ГСС. Т. 4. С. 44–45.

На Политбюро 8 мая 1986 года

Горбачев. Отдавать все в руки ястребов (*конфронтации*) нельзя. Надо удерживать тормоз. <...> Вести обмен письмами и продолжать переговоры и таким образом как-то держать процесс под контролем. Если мы к тому же все это будем подкреплять конкретными шагами, то и создастся ситуация, благоприятствующая миру.

В чем мы уступили? Откровенно говоря — да ни в чем! <...>

Если и мы откажемся искать развязки, тогда вообще дело дохлое. Иногда можно пойти и на серьезные шаги. Иначе все пойдет так, как идет. Если же мы будем конкретны, то у нас появится возможность их разоблачать (*сторонников гонки вооружений*). Между тем, военная программа наша продолжается. <...>

Нам нельзя терять терпения. Усталость — это не для нас. Что-то дают, что-то не дают наши переговоры. А в конце концов дивиденды получим. А если мы станем на позицию — острее против острия, то это примитивная реакция. Жесткость, но не жестокость.

ПБ. С. 38–39; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро 15 мая 1986 года

Горбачев (*Добрынину*⁴). Представь развернутый анализ международного коммунистического движения. Не рутинный, как это было при Пономареве, а откровенный, чтобы картина была абсолютно ясной, без всяких скидок на наши предпочтения, симпатии или антипатии. Это для нас сейчас очень важно. <...> Коммунистическое движение мы перехвалили. В анализе надо

сопоставить его с другими движениями, прежде всего с социал-демократами, с «зелеными», которые тоже уже нашли свое место в современном процессе. А компартии не нашли.

ПБ. С. 39.

*На узком совещании у Горбачева
26 мая 1986 года*

Горбачев. <...> Надо исходить из того, что мы готовы рассматривать любые предложения. Надо постоянно иметь в виду всю повестку дня Женевской встречи (*Горбачев–Рейган*) и действовать в соответствии с атмосферой, которая там было возникла. <...>

Пропаганду надо вести не драчливо, без обвинений, чтобы из нее вытекало, что мы действительно хотим что-то делать. Чтобы в ней был мотив приглашения к серьезному диалогу. И не начинать с обличений.

ПБ. С. 41; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
29 мая 1986 года
Об итогах совещания в МИДе**

Горбачев. Хорошая была идея провести это совещание. Это же один из самых мощных аппаратов, который должен хорошо работать в интересах нашего дела и в интересах мира. <...>

Важно, чтобы дипломаты шли в ногу с обществом и жили его заботами. Сказал я им и об их оторванности от своей страны, об их замкнутости в стране пребывания, о самонадеянности, о негативных явлениях, вплоть до преступлений, которые тоже случаются.

И не надо бояться обмена мнениями на всех уровнях, пусть даже если разговор будет самый острый, пусть даже если кто-то что-то такое скажет.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из приветствия ЦК КПСС XVII конгрессу
Социалистического интернационала*

Битву против войны надо выиграть непременно. Залогом успеха в этой битве служит растущая поддержка требований мира и разоружения международной общественностью, влияние которой приобретает в наше время особое значение.

Поэтому мы высоко ценим соответствующие усилия Социалистического интернационала — влиятельной политической силы на международной арене.

* Речь идет о совещании в здании на Смоленской площади в конце мая 1986 года, на котором Горбачев выступил с большой речью перед аппаратом МИДа и послами о задачах новой внешней политики. Состоялось острое обсуждение.

не. Мы ценим также инициативы «комиссии Пальме»⁵, лидеров стран «дельийской шестерки»⁶, всех, кто ищет способов прекращения конфронтации, стремится содействовать взаимопониманию, диалогу, переговорам. Поиски путей к миру — дело всех и каждого.

«Правда», 23 июня 1986 года.

*Из речи Горбачева на X съезде ПОРП.
Варшава, 30 июня 1986 года*

Человеческая цивилизация подошла к развилке истории не только в том, что касается вопросов войны или мира. Мы вступили в век, когда все жестче ощущается неразрывная связь права на жизнь с правом на развитие.

ГСС. Т. 4. С. 263.

*Из беседы с Президентом Франции Франсуа Миттераном
Москва, 7 июля 1986 года*

Горбачев. <...> Мы далеки от того, чтобы пытаться ставить наших партнеров в тяжелое положение, нарушать традиционные связи между государствами. Поступать иначе было бы неразумно. <...>

Мы будем действовать и действовать таким образом, чтобы втягивать в борьбу за мир реальные силы на Западе, исходя при этом из тех принципиальных выводов, которые сделаны нами в последнее время. А главный вывод таков: можно добиться чего-то позитивного, если учитывать не только свои интересы, но и интересы партнера, если заботиться не только о своей безопасности, но и учитывать интересы безопасности других. Это отвечает духу времени, новому мышлению. Сейчас нельзя делать ставку на то, чтобы переиграть кого-то в политическом плане. Ведь это ничего не даст. Неизбежно будут приняты ответные шаги и угроза в конечном итоге только возрастет.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с бывшим президентом США Ричардом Никсоном
Москва, 18 июля 1986 года*

Горбачев. Наиболее серьезной реальностью сегодняшнего мира является существование колоссального военного, в том числе ядерного арсенала именно у наших двух стран...<...>

Вы можете быть уверены, что у Горбачева нет никаких коварных замыслов, он не стремится добиться победы в дипломатической игре. Такой путь неприемлем, ни к чему не приведет. <...>

Гонка вооружений — не наш выбор. <...>

Ведь сейчас создалась поистине парадоксальная ситуация. Даже если одна страна будет постоянно вооружаться, наращивать вооружения, а другая ничего не будет делать, то та сторона, которая вооружается, все равно

ничего от этого не выиграет. Ведь более слабая сторона может просто взорвать все свои ядерные заряды, даже на своей территории, и это будет означать самоубийство для нее и медленное убийство для противника. Поэтому Вы совершенно правильно говорите, что стремление к военному превосходству — это миф.

Никсон. Сорок лет назад Уинстон Черчилль выступил с одной речью, которую здесь у вас называют пресловутой, поскольку в ней он впервые говорил о «железном занавесе». Но в этой речи, которая была произнесена, когда только у США были атомные бомбы — всего девять, и каждая слабее, чем любой из нынешних 50 тысяч ядерных зарядов, — содержалось одно серьезное заявление. Черчилль сказал, что на сияющих крыльях техники на Землю может вернуться каменный век. Крылья, с которых могут дождем пролиться блага для всего человечества, могут принести ему гибель. Сегодня именно Вам, господин Генеральный секретарь, и президенту Рейгану, а также его преемникам предстоит сделать исторический выбор во имя мирного будущего.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с президентом медиахолдинга ТВС Тедом Тёрнером
Москва, 18 июля 1986 года*

Горбачев. Мир сегодня совсем не такой, как вчера. <...> Думаю, что главное препятствие сейчас — в умах людей. Надо перестроить мозги, прежде всего у политических деятелей. Ведь народы, люди интуитивно понимают, что надо жить вместе, что надо сохранить мир, что лишь при этом условии может быть прогресс. Но самое трудное добиться, чтобы это понимание нашло отражение в действиях политиков, в их умах.

Тёрнер. Просто невозможно себе представить, насколько больше зла мог бы сделать Гитлер, если бы он располагал таким орудием, как телевидение.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева во Владивостоке
28 июля 1986 года**

Время настоятельно требует нового понимания нынешней ступени развития цивилизации, международных отношений, мира. <...>

Диктует необходимость и делает неотложной коренную ломку многих привычных подходов к внешней политике, ломку традиций политического мышления, взглядов на проблемы войны и мира, на оборону, безопасность отдельных государств и безопасность международную. <...>

* В конце июля 1986 года М.С. Горбачев совершил поездку на Дальний Восток, посетил Владивосток, Хабаровск, Находку и другие города. Везде выступал перед партийным активом и на собраниях трудящихся, встречался с людьми на улицах. В своей Владивостокской речи он обнародовал намерения и принципы политики «нового мышления» применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Это получило большой резонанс за границей.

Опыт истории, законы растущей взаимозависимости, интеграционные запросы экономики настраивают на поиск путей к согласию, налаживанию открытых связей между государствами.

ГСС. Т. 4. С. 364, 367.

*Из Заявления Горбачева по советскому телевидению
18 августа 1986 года**

«Равновесие страха» перестает быть фактором сдерживания. И не только по той причине, что страх вообще — не советчик разуму и может толкнуть на непредсказуемые по своим последствиям действия. Он, этот страх, — прямой участник гонки вооружений: усиливая недоверие и подозрения, он образует порочный круг нагнетания напряженности. <...>

Современный мир сложен, многообразен и противоречив. И в то же время он объективно становится все более взаимозависимым и целостным. Эту особенность человеческого сообщества конца XX столетия нельзя не учитывать во внешней политике, если строить ее реалистически.

ГСС. Т. 4. С. 421.

*Из интервью Горбачева пражской газете «Руде право»
9 сентября 1986 года*

Мы придаем слишком большое значение фактору времени, чтобы так вот решить: «замрем», мол, на два с половиной года. Нет. Переждать, повременить — было бы непростительной ошибкой. Мы будем и впредь использовать любую возможность для продуктивного диалога, для продвижения к ограничению и сокращению вооружений, а также для урегулирования региональных конфликтов, развития международного сотрудничества по всем актуальным направлениям.

ГСС. Т. 4. С. 449.

*Установки группе по подготовке к Рейкьявику
4 октября 1986 года***

Горбачев. Чтобы качнуть Рейгана, мы ему должны что-то дать. Что-то нажимно-прорывное должно быть сделано. Разобраться самим, что реально,

* В Заявлении объяснялись мотивы вынужденного решения прекратить действие моратория на испытания ядерного оружия.

** Летом 1986 года президент США Рейган и Горбачев обменялись письмами в связи с обговоренной ими еще в Женеве осенью 1985 года возможной новой встрече «на высшем уровне». В ответном письме Горбачев резко поставил вопрос о необходимости незамедлительной встречи их по одному, главному и неотложному вопросу — о сокращении ядерных вооружений и прекращении гонки. Договорились встретиться в столице Исландии, в Рейкьявике, на полпути каждого из своих столиц.

в чем США блефуют, а на что могут пойти, чего сейчас от них можно добиться. <...>

Если провал, тогда мы можем сказать: вот на что мы готовы были пойти! На первом месте в нашей нажимно-прорывной позиции надо ставить не ядерные испытания, а стратегическое оружие. Оно больше всего всех беспокоит. И подчеркивать, что мы выступаем за ликвидацию ядерного оружия, о чем с президентом уже говорили в Женеве. Именно этой цели должны быть посвящены переговоры. Связать эту позицию с моим Заявлением 15 января⁷. <...>

Если исходить из того, что кто-то собирается вести ядерную войну, тогда и разговор другой. Мы же не собираемся. Если хотеть завоевать весь мир, тогда давайте обсуждать всё именно с этих позиций. Тогда все, что мы говорили о политике, остается выбросить. <...>

Но все мы, и я, и Политбюро, и МИД — должны понимать: если наши предложения будут вести к ослаблению безопасности США, ничего у нас не выйдет. Никогда американцы на это не пойдут, то есть принцип такой: большая безопасность для всех на путях равного понижения уровня вооружений.

Наша цель — сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем, опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку. <...> А если начнется новый этап, давление на нашу экономику будет невероятное. Поэтому сорвать гонку — задача задач. <...>

Если американцы не пойдут на соглашение, скажем им, что будем искать прием, какого вы не ожидаете.

ПБ. С. 79–81.

На Политбюро 8 октября 1986 года

Горбачев. Встреча (в Рейкьявике) будет очень сложная. Не исключен и провальный вариант. <...> Выход для себя он (Рейган) видит в том, чтобы провести встречу ради встречи.

Для нас важно, что все, весь мир жмут на позитив в международном развитии. А мы выступаем носителями этого позитива, поддерживаем реалистические силы. <...>

Мы будем помогать тем силам, которые представляет, например, Геншер (вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ, с которым Горбачев незадолго перед тем встречался в Москве).

Громыко. Отступить нам на 180 градусов — не выходит. Но говорить только о равенстве в вооружениях — тоже не выходит. Давно уже в Америке не констатируют равенство, паритет. <...>

Установка СС-20⁸ была грубой ошибкой в нашей европейской политике. <...>

Рыжков. Если даже наши предложения не будут приняты, все равно придется искать решений на путях переговоров. Все три наши позиции (по «триаде» СНВ) построены на Заявлении 15 января. <...>

Лигачев. И американцам, и нам уже не под силу гонка вооружений. Обстановка сейчас — для начала разоружения — более благоприятная, через год после Женевы... Стокгольм⁹, конференция Движения неприсоединения в Хараре, конференция МАГАТЭ.

Если не удастся с Рейганом в Рейкьявике, может быть, пойти на вариант частичного сокращения. Приемлемо это или не подходит? <...>

Думаю все-таки: если Рейкьявик не даст ничего, не отказываться от диалога и от визита (*Горбачева*) в США. И очень важно, конечно, на пресс-конференции всему миру потом объяснить.

Горбачев. <...> Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы машина переговоров крутилась на холостом ходу, а гонка вооружений перегружала нашу экономику. Поэтому нужен прорыв, нужно, чтобы начался процесс. <...>

Наши стратегические цели:

1. Убрать «Першинги» из Европы. Они — серьезная угроза для нас. Это и политически нам выгодно — для отношений с Западной Европой.

2. Отсюда — «нулевой вариант» для Европы. Если оставлять 100 ракет на Европу, — это уже не то! Совсем не то!

Так что — для Азии тянуть на 100, а на Европу — ноль!

Сверхзадача — сорвать новый этап гонки вооружений. Ибо иначе — модернизация стратегического оружия,

«Трайденнты», «Минитмены» <...> выход с оружием в космос. Тогда — снижение нашей экологической, стратегической и политической безопасности, проигрыш везде — ибо, прежде всего, — изматывание нашей экономики. А это недопустимо. И поэтому недопустимо цепляться за частности, за деталями не видеть главного, морочить себе голову спорами по частностям.

Если нам навяжут второй этап гонки, мы проиграем! Пока есть критерии: ОСВ-1, ОСВ-2. <...> Из-за потонувшей лодки — знают всё, всё увидели.

И потом: начнем ведь паниковать — «давай-гони!», «отстаем!».

Цена наших сегодняшних решений огромна для страны.

Гарантии нашей безопасности искать на двух направлениях:

1) Качество оружия, его проникающая способность. Не количеством брать. В 100 раз можно увеличить число ракет, боеголовок, а толку не будет! Дело не в мощи головной части, а в том, чтобы иметь 99 процентов попадания, ибо и 1 процент накопленного уже оружия может уничтожить мир.

У нас есть что довести до нужного качества.

2) Наш ответ на СОИ: и дешевле, и другим способом, чем у американцев.

Так что, не арифметикой надо считать нашу безопасность. И не сдавать позиции.

Мы можем пойти на очень смелые, решительные шаги.

Позиции наши честные, даже перед американцами*.

ПБ. С. 82, 83; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

* Материалы самих встреч Горбачева с Рейганом в Рейкьявике 11–12 октября 1986 года см. в разделе II.

*Из размышлений Горбачева о Рейкьявике
(высказывания в самолете на пути оттуда и по возвращении в Москву)
12 октября 1986 года*

Встреча в Рейкьявике придала новому мышлению практическую энергию, позволила ему укрепиться в самых различных общественных и политических кругах, а международные политические контакты сделала более результативными. <...>

Не надо впадать в отчаяние. Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимания того, где мы находимся. Все увидели, что договоренность возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что еще больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — еще больший оптимист.

Задают вопрос, стал ли мир более безопасным после Рейкьявика. Тут нужна точность мысли. Не надо примитивизма. Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Решения надо искать по-крупному. <...>

Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто все сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы пошли на известные уступки, но на уступку, которая поставила бы под угрозу безопасность нашего государства, мы пойти не можем. <...>

Тем не менее мы крест не ставим. Мы исходили из того, что Рейкьявик открывает новые большие возможности разобраться, что происходит, для всех — и для европейцев, и для американцев, и для нас самих.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
14 октября 1986 года
Об итогах Рейкьявика*

Горбачев. <...> Рейкьявик — новый старт нашего массированного мирного наступления. Надо развивать новые подходы к нашей военной доктрине, включая строительство вооруженных сил, оборонную промышленность, возможный ответ на СОИ, который уже назрел.

ПБ. С. 85.

*Из беседы с участниками Иссык-Кульского форума
20 октября 1986 года*

Горбачев. <...> Разве мы должны стрелять друг в друга из-за того, что мы разные? Мы должны пользоваться этим и из этой разности получать новое, обогащать друг друга. <...>

Политика, которая не оплодотворяется раздумьями о человеческих судьбах, — это плохая, аморальная политика, и она не заслуживает уважения. <...>

Надо сохранить цивилизацию — при всех ее трудностях и противоречиях — для жизни, для человека. А если человечество будет жить, с противоречиями оно как-нибудь разберется.

Поэтому задача задач — сохранить этот мир, может быть, даже уникальный во Вселенной. Я не противопоставляю значение борьбы против ядерной угрозы заботам, связанным с экологией, с последствиями научно-технической революции, проблемами информации.

ГСС. Т. 5. С. 90–93.

На Политбюро
23 октября 1986 года

Докладывает Воронцов о сотрудничестве в борьбе с терроризмом.

Горбачев. <...> Но не надо позволить, чтобы нас втянули в западную концепцию борьбы с терроризмом.* Западники очень этого хотят. Я сталкиваюсь с этим каждый раз, когда с Рейганом заходит разговор о региональных проблемах. А вообще, в принципе надо идти на сотрудничество.

Чебриков¹⁰. Уже сейчас в мире похищено столько ядерного сырья, что можно изготовить 10 бомб, аналогичных хиросимской. Только известных нам антисоветских организаций с террористическими наклонностями 200 единиц. В них задействовано 3 тысячи человек. Это то, что мы знаем, а сколько еще не знаем.

ПБ. С. 90; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Из послания Горбачева Софийской встрече писателей
28 октября 1986 года

Будущее, прежде всего, должно быть надежным для всех. Вижу единственный путь — расширение пространства доверия между народами и странами. Для этого необходимо новое политическое мышление, ориентированное на решение глобальных проблем человечества, на мирное использование имеющихся у человечества средств и творческих сил, а не на гонку вооружений.

ГСС. Т. 5. С. 143.

Из выступления на приеме в Кремле
по случаю 69-й годовщины Революции
7 ноября 1986 года

Сейчас, после Рейкьявика, в международных отношениях сложилась новая ситуация. Возврата назад нет. А путь вперед — только через новое политическое мышление, через осознание реальностей современного многообра-

* Имеются в виду национально-освободительные движения, использовавшие и вооруженные методы борьбы.

зия противоречивого и целостного мира, требующего уважения к выбору каждого народа, к его праву на самостоятельность и собственный голос в мировых делах.

ГСС. Т. 5. С. 172.

*На совещании с членами Политбюро
1 декабря 1986 года*

Горбачев. Мы не можем уставать. Политическое руководство не имеет на это право. Обязаны все свои шаги — политические, дипломатические и культурные — точно рассчитывать. <...> Мы имеем дело с теми, среди которых есть те, от кого можно ожидать все, что угодно. Есть у нас ненависть к этому, но должна быть холодная голова. Нужно и можно воздействовать на Соединенные Штаты не прямо, а через другие силы, и особенно через Западную Европу. Солидно надо вести дело.

Но при самой острой подаче направленность в оценке ситуации должна быть оптимистической, не безнадежной.

ГСС. Т. 5. С. 260.

(На том же совещании.)

У нас — четкая линия, она выработана уже с учетом кое-какого опыта, ее надо наполнять, обогащать. И есть все основания сказать: надо упорно проводить эту линию, общество ждет от нас этого. Иначе станут непонятны некоторые вещи. <...> Дело не в характере людей у руководства. Дело в объективных потребностях общества.

...Это не амбиции. <...>

В переговорах — не торопиться выбрасывать запасные позиции. Торопиться сейчас — это значит выбрасывать их в корзину.

Надо, надо — очень глубоко, с привлечением специалистов разобраться, что такое современная ситуация в США. И чтоб был прогноз.

Ты (*Воротникову*¹¹), наверняка, понимаешь, что на самом деле никаких уступок мы не сделали. Это генералы нас пугают, боятся, что им делать будет нечего. Еще на четыре-пять поколений генералам работы найдется. Не сделали мы никаких уступок — ни на шаг.

Воротников. От Рейкьявика не отходить ни на шаг.

Горбачев. Знаю, шипят в их среде: мол, что это за руководство такое пошло? Разружает страну.

В Рейкьявике — да — наши предложения прозвучали как уступки. А на самом деле никакие это не уступки. <...>

Тут оселок. Если мы за мир не будем бороться — народ нас не поймет. И если мы оборону ослабим — нас народ тоже не поймет. У него — здоровый шовинизм. Тут лезвие, по которому мы идем. Ошибись, закуси удила — можно наворочать таких дел... Надо очень четко распределить, что мы должны делать тут, и что делать там. И никаких кампаний не нужно по разъяснению того, что мы заботимся об обороне страны.

Факты — это еще не все знание. Знание — это когда есть вывод и прогноз. Вот, говорили нам, что в Соединенных Штатах кризис. А его вроде бы и нет. Кризисы разные бывают.

Нас давно научили, что давно идет общий кризис капитализма. Так что, говори по каждому случаю «кризис» — не ошибешься! (Смех.) Вот и сейчас нас уверяют, что происходит кризис администрации (США). Мол, кроют президента, карикатуры небывалые на него. И невдомек, что там другая психология, другой политический процесс. Нужен краткосрочный прогноз, но нужен и прогноз на много лет после Рейгана. В крупном плане, и не обзор, а с ответом, что делать нам?

И значит, надо иметь подразделение при Политбюро. Ведомства имеют свои аналитические подразделения: Министерство обороны, МИД, КГБ. В Институте у Примакова тоже такое есть. <...> Но все раскидано. Где-то все это надо сводить. Место это должно быть здесь — в ЦК. <...> Что-то вроде «Совета национальной безопасности» — но чтоб при Политбюро. Подумайте, товарищи, об этом. И чтобы своевременно все в обобщенном виде поступало к нам. Что-то в этом роде уже давно стучится. <...>

Военная доктрина, как и другие позиции, рождается в дискуссиях. Иначе какая это демократия. Дискуссия — признак здоровья. Каждый может внести свой вклад и в коллективное обсуждение, и в коллективное руководство. Откровенный обмен мнениями позволяет избежать ошибок в политике. Если что-то есть у тебя, душа болит, скажи, поговорим, обсудим, разберёмся. Вот это — коллективное мнение, это — демократизация.

Я вижу свою задачу как Генерального секретаря — развязать свободу мнений. Иначе никакой перестройки у нас не будет. Вокруг Политбюро стали спланиваться ученые, умные люди. Это большое достижение.

Мнения могут быть самые противоположные, самые острые, самые критические. Но если нападки под корень нашей политики, это уже другое дело.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с премьер-министром Норвегии
Гру Харлем Брундтланд
Москва, 5 декабря 1986 года*

Горбачев. <...> Мы в Советском Союзе исходим из того, что нет и не может быть другого подхода к международным отношениям, кроме строгого уважения принципа равенства. Нарушение его, непризнание интересов других государств — главный источник региональных конфликтов. Есть, конечно, пограничные и другие противоречия между новыми государствами. Но не они, повторяю, главное.

Вторая реальность, на которой строится наша внешняя политика, — понимание особенностей ядерно-космического века. Воевали и раньше, а мы с вами пережили и помним страдания, принесенные мировой войной против Гитлера. Но она не идет ни в какое сравнение с той угрозой, которую

несет в себе ядерная война. Суровой реальностью нашего века является то, что всего 5 государств располагают ядерным оружием. Основной его потенциал — у СССР и США. Остальные — по существу, заложники.

Ситуация такая, что надо искать всеобщей безопасности или, как вы говорите, «совместной безопасности». По сути это одно и то же. Мы, знающие возможности этого оружия, в полной мере сознаем свою ответственность. В атмосфере разрядки гораздо труднее спровоцировать конфронтацию, легче строить подлинно мирные отношения.

Мы, в частности, не будем впредь соглашаться на закрытость переговоров. Открыто будем говорить народам, как обстоит дело. <...>

Мы не наивные люди, не романтики, хотя мечтаем о лучшем будущем. И хотя мы — политики, но при этом остаемся людьми. Должен сказать, что в определенном смысле нам легко проводить такой курс: совесть у нас чиста, мы что говорим, то и делаем, не расходуем энергию на придумывание козней против партнера по переговорам и не собираемся прикрываться конфиденциальностью, чтобы затянуть его в ловушку.

В отношении Запада в целом — уверяю Вас — у меня хорошая информация. И чтобы дела между Западом и Востоком пошли, надо перестраиваться и Западу, а не только в Советском Союзе.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На совещании с завотделами ЦК
16 декабря 1986 года*

Горбачев. Главный фронт нашей политики — внутренний. То, что не дорабатываем на нем, компенсируем пока за счет динамизма во внешней политике. Создаем привлекательный образ страны. Меняем отношение к ней.

Даже если бы ничего не делали вовне, сама внутренняя перестройка работала бы на изменение окружающего нас мира.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из письма Горбачева Генеральному секретарю ООН
Пересу де Куэльяру
11 января 1987 года*

В ходе советско-индийской встречи на высшем уровне в ноябре 1986 года была подписана Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира — документ нового политического мышления, исходящий из приоритетного значения общечеловеческих ценностей и необходимости объединения усилий для построения мира, свободного от ядерного оружия, насилия и ненависти, подозрительности и страха.

ГСС. Т. 5. С. 359.

*На Политбюро
21–22 января 1987 года*

Горбачев. А в мире выдвигаются новые направления общественных движений: движение ученых, Комиссия Пальме, движение врачей. Мы подошли к тому рубежу, когда надо выходить на новые формы участия в международных общественных движениях. Не исчерпали себя и старые организации, но и их деятельность надо переосмыслить. <...>

Уловить новые явления, учесть новый опыт. Понаблюдаю я, как работают эксперты, которых я брал с собой в Рейкьявик, в Индию, в Женеву. Среди них ученые, журналисты. Их западные партнеры не тянут на их уровень. Не могут с ними сладить. И не только потому, что это умные люди, а потому, что у нас есть политика и уже есть свобода мысли. Наши эксперты уже говорят не вообще, а «я думаю». Говорят от себя. Мыслимое ли дело, чтобы такое себе позволяли совсем недавно. А из Рейкьявика, из Дели, из Женевы их весь мир слушает.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы Горбачева с членами американского Совета
по международным отношениям
Москва, 4 февраля 1987 года*

Ядерная война, если она разразится, была бы всеобщей катастрофой. Политика, допускающая ядерную войну в любой форме, является преступлением, серьезнейшей ошибкой. Именно эту реальность необходимо учитывать сейчас в первую очередь в отличие от реальностей прошлого, когда имели место войны, а затем в результате внесения корректив в политику намечались новые пути развития. <...>

Думаю, что умение соблюдать баланс между своими интересами и интересами других имеет огромное политическое значение для проведения реалистической политики.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече с участниками международного форума
«За безъядерный мир и выживание человечества»
Москва, 16 февраля 1987 года*

Горбачев. <...> После же войны ядерной никаких проблем не останется, некому будет садиться не то, что за стол — за пень, за камень переговоров. Второй Ноев ковчег не выйдет из ядерного потопа. Разумом, пожалуй, все это понимают. Дело за тем, чтобы осознать: рассчитывать, что все «образуется само собой», уже нельзя, но в мире немало еще людей, которые именно так и думают. Необходимо, не откладывая более, приводить международное общение, поведение правительств и государств в соответствие с реальностями ядерного века.

Сама проблема нового мышления занимает наше общество, советское руководство не со вчерашнего дня. Мы над этим много думали. Критиковали себя, других, задавали самим себе трудные, головоломные вопросы, прежде чем увидели реальности в их настоящем виде, и пришли к убеждению, что в сегодняшнем сложном и противоречивом мире, который оказался на распутье, необходимы новые подходы и методы решения международных проблем.

Мы пришли к выводам, которые заставили нас пересмотреть кое-что из того, что раньше казалось аксиомой. Ибо после Хиросимы и Нагасаки мировая война перестала быть продолжением политики другими средствами. В ядерной войне сгорят и сами авторы такой политики.

Мы заставили себя глубоко проникнуться пониманием того, что с накоплением ядерных вооружений и их совершенствованием род людской лишился бессмертия. ...Мы выстрадали **новое мышление**, которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами.

Новое **политическое мышление** призвано поднять цивилизацию на качественно новую ступень. Уже по одному этому оно — не одноразовая корректировка позиции, а **методология ведения международных дел**. <...>

Очень непросто приводить это все к общему знаменателю, рациональному для всех без исключения. И поэтому также неопровержимой истиной остается: чем больше ядерного оружия, тем больше вероятность рокового сбоя. ...Тем не менее создание еще более мощных и изощренных, как их цинично называют, экзотических видов оружия продолжается. <...>

Сейчас международные отношения обездушены культом силы, милитаризацией сознания. Отсюда и **задача очеловечить международные отношения**.

ГСС. Т. 6. С. 14, 17, 20–21, 22, 29.

*На встрече с представителями
Всемирной ассоциации содействия ООН
Москва, 16 февраля 1987 года*

Горбачев. <...> С человеком, у которого порушена вера в возможность прогрессивных перемен, лучшего будущего человечества, трудно о чем-либо договариваться...

Очень много положительного, позитивного накоплено в человеческой истории. Вот это позитивное — наша точка опоры для того, чтобы шаг за шагом идти к лучшему будущему мира.

Но раньше мы говорили о мире через силу, а теперь надо говорить, очевидно, о силе для мира. Думаю, это придет. В человеческом плане, а не в военном.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
26 февраля 1987 года*

Шеварднадзе. <...> Нам надо интернационализировать проблемы, которые тормозятся на наших переговорах с представителями государств. Включать общественное мнение в нашу работу по обеспечению мира.

Горбачев. Я бы так сказал: тут нужна диалектика. Продвижение переговоров на деле, официальных переговоров, нацеленных на международное сотрудничество между государствами, и интернационализация проблем, которые являются предметом этих переговоров, — через общественные организации, через общественное мнение. <...>

Яковлев. <...> Надо культивировать работу наших интеллигентов на личной основе с интеллигенцией Запада. Опыт Форума («За выживание человечества»¹²) в этом смысле очень плодотворный: открытые дискуссии, прямое общение, высокий лексикон, вся манера держаться — все меняется. И мы обнаружили, что наши люди оказались на высоте, как только была снята заорганизованность. И поощрять надо выезды за рубеж. Уверен, что они будут себя вести так же, как они вели себя здесь. При Фонде¹³ надо иметь мозговой центр, который вырабатывал бы рекомендации и для правительства, не только для нашего. И надо открыть финансирование работы этого Фонда, причем прозрачно, чтобы все знали, откуда поступают деньги.

ПБ. С. 145; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с премьер-министром Италии Джулио Андреотти
Москва, 27 февраля 1987 года*

Горбачев. Самым трудным в политическом процессе является, по моему убеждению, переход от понимания того, каким является сегодняшний мир, и каким мы его хотим видеть, к реальной политике, к практическим шагам. Мы сейчас находимся как раз на этом этапе. Поэтому особенно важно пойти друг другу навстречу в поисках такой политики, попытаться понять друг друга, приступить к реализации перестройки в международных отношениях.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
3 марта 1987 года
О беседе с Атосом Фавой*

Горбачев. Беседа получилась значительной <...> даже на фоне того, что президент Альфонсин¹⁴ просил меня поднажать на Фаву¹⁵.

Меня-то другое, откровенно говоря, заинтересовало, привлекло внимание: он все время предупреждал меня, чтобы мы не наделали глупостей, как после XX съезда. <...> Стал рассуждать: мы считали взгляды и позиции КПСС олицетворением марксистской истины, она для нас стала Евангелием, ико-

ной. <...> И потеряли связь с реальностью. Теперь начали свою «перестройку». <...>

Посмотрите, как разрядилась обстановка в Германской компартии после моего письма Герберту Мису?¹⁶

Мы видим, как хотят «приспособить» нашу перестройку в Чехословакии — Дубчек¹⁷, в Италии — еврокоммунисты.

Каррильо¹⁸ ведь заявлял, что путь СССР — это путь в тупик. А теперь идет на общение с нами, раскрывается, демонстрирует дружбу.

Друзья боятся. <...> Им надо тоже и срочно перестраиваться. А они теряют время. Те же болгары, СЕПГ, КПЧ.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На встрече с американскими сенаторами и учеными
Москва, 11 марта 1987 года*

Горбачев. <...> Знаете, если вести себя по-иному, то запутываешься и трудно спать. Спокойнее живется, спокойнее спится, если вести себя прямо, говорить откровенно. Тогда не приходится вспоминать, где схитрил. Поэтому я везде говорю одно.

Симпсон. Ну а нам нечего даже и пробовать перехитрить Вас. Мы ведь знаем, кто выигрывает все чемпионаты по шахматам. Я люблю иметь дело с людьми Вашего типа — открытыми и страстными. Мне не по душе дипломатические менуэты и тонкости. Кажется, Бен Гурион¹⁹ говорил: жизнь столь стремительна, что у него нет времени на процедурные маневры.

Я ценю чувство юмора. Моя мать говорила, что юмор — это универсальный растворитель любого камня.

Горбачев. Не может быть политики без общения с научной и художественной интеллигенцией. Политика должна иметь человеческое измерение. Чтобы проверить свои размышления, я постоянно стремлюсь к контактам с научной и художественной интеллигенцией. Политика в руках политиков — это опасно. Необходима демократизация политики, надо использовать лучших представителей любой нации. А ученые и есть такие представители, компетентная часть общества. <...>

Сколько впереди сложностей, проблем! И нужен очень большой запас конструктивности, терпения. Надо выдержать напряжение первых трех-четырёх-пяти лет, чтобы закрепить здоровые тенденции, которые основываются на понимании наших различий и в то же время нашей общей заинтересованности в строительстве новых отношений. Наиболее трудным будет именно первый этап, необходимый для того, чтобы создать инерцию движения. А потом дело пойдет.

Легволд. Мой оптимизм подкрепляется и моими научными изысканиями.

Вы говорили о том, что надо менять образ врага. Американцам не всегда легко понять эти слова. Важнее то, что Вы своими практическими делами облегчаете задачу таких ученых, как я, которые помогают сенаторам лучше понять вашу страну. Что было источником образа врага, сложившегося с обеих

сторон после войны? Долгое время мы полагали, что источником всех проблем является сама суть социальной системы другой страны. Концепция «сдерживания» Кеннана²⁰ предполагала, что таким источником является сама история, система, идеология Советского Союза. Думаю, что и в Советском Союзе считали, что все дело в американской системе, капитализме, империализме. <...>

В Вашей речи 18 февраля 1987 года Вы говорили о возможности вести дела с капиталистической системой. Вы говорили о возможности того, что и при капитализме милитаризм может преодолеваться. Из этого вытекает отсутствие неизбежности конфронтации. Я думаю, что эта эволюция представлений о современном мире будет содействовать преодолению образа врага.

Горбачев. И вторая важная посылка: мы, конечно, разные, но это не значит, что мы не можем взаимодействовать. Может быть, именно в наших различиях заложен потенциал состязательности, соревновательности, сопоставления. Я не сторонник конвергенции. Но ведь и вы внимательно смотрите на нас и используете, например, определенные методы государственного регулирования. А мы смотрим на вас и, оставаясь на принципиальных позициях своей системы, тем не менее, считаем возможным использовать то, что для нас пригодно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
26 марта 1987 года**

Шеварднадзе. Не хватает глубокого анализа положения, наших упущений, недостатков и ошибок. Их было много — наших собственных недоработок. Не доводили дело до конца. При подготовке таких документов* надо быть более самокритичными.

На ПКК (*Политический консультативный комитет Варшавского Договора*) поставить вопрос о военной доктрине и кое-что основательно в ней пересмотреть. ...Да, военные базы вокруг нас. Но это и наша проблема.

Горбачев. Мы в Вене заявили, что у нас «баз» нет! Нельзя, когда все знают, что что-то у нас есть, а мы говорим, что нет! Ведь все теперь владеют проблемами на уровне правительственных экспертов. <...>

Нужен контакт с оппозиционными партиями в Европе. Они во многих странах играют большую роль.

Не отколоть Западную Европу от США, а вытеснить США из Европы. Удастся? Не знаю. Но задачу такую мы не можем не ставить.

Европа — это наше дело. Тут наши интересы огромны. И бояться не надо. «Душить в объятиях». Большая политика — насколько возможно вытеснить США. Главная цель — до предела уменьшить военное противостояние. Стремиться к тому, чтобы убрать американское оружие из Европы.

ПБ. С. 155, 156; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

* Речь идет о военной доктрине.

*Из беседы с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер
Москва, 30 марта 1987 года*

Тэтчер. <...> Советский Союз придерживается доктрины мирового господства коммунизма, доктрины Брежнева. <...> Мы видим стремление коммунизма доминировать повсюду. Возьмите Йемен, Эфиопию, Мозамбик, Анголу, Никарагуа, кубинские войска в Африке. А Вьетнам? Едва только он освободился от американских войск, как тут же напал на Камбоджу, вместо того чтобы заняться своими внутренними делами. А Афганистан? Поэтому мы и говорим: внешняя политика коммунизма направлена на мировое господство. <...>

Я самым внимательным образом прочитала Вашу речь на январском пленуме вашей партии. Это потрясающая речь, потому что она касается монументальных проблем. <...> Я очень надеюсь, что если Вам удастся добиться тех свершений, о которых Вы говорили в своей речи, это изменит и Ваш подход к тезису о мировом господстве коммунизма.

...В Африке политические системы только формируются. Мы помогаем им в этом, поставляем продовольствие, а Советский Союз поставляет оружие, как, например, Эфиопии, и заставляет эти бедные страны платить за поставки оружия. Когда в Мозамбике был голод, мы помогали ему продовольствием, а вы — оружием. Такую же политику мы проводим и при правительстве Чиссано²¹ (после гибели Машела²²). В меньшей степени мы помогаем Анголе. Там экономика находится в ужасном положении, а вы поставляете ей оружие. Там находятся кубинские войска. <...>

Я понимаю вашу историю, ваши традиции. Мы не стараемся подорвать или уничтожить вашу систему. Это было бы глупо. Но мы хотели бы, чтобы ваша система давала народу такую же личную свободу, как наша, включая право свободного выезда из страны. <...>

Страны НАТО взяли на себя обязательство: союз был и останется оборонительным и никакое оружие НАТО никогда не будет применено, кроме как в ответ на нападение. <...>

Мы верим в ядерное сдерживание и считаем устранение ядерного оружия непрактичным. Мы можем мечтать на будущее о безъядерном мире, но в нынешних условиях отсутствие ядерного оружия может привести к войне с применением обычного и, более того, к новой гонке вооружений среди тех, у кого его нет, и каждый будет стремиться первым вновь завладеть ядерным оружием. Мы хотели бы предотвратить любую войну и полагаем, что средством для этого является ядерное сдерживание. <...>

Горбачев. Видите ли Вы, госпожа Тэтчер, что Ваша позиция по ядерному оружию мешает переговорам, мешает начать процесс реального разоружения? <...> Перед нами горячая сторонница ядерного оружия. <...>

Тэтчер. Еще раз повторяю, что Ваша речь в январе была исторической речью. Я верю, что Вы осуществите то, что задумали, и эту точку зрения я излагаю всем так, как я излагаю ее Вам.

Горбачев. Мы продвинемся, если выдержим.

Тэтчер. Я уверена, что выдержите. Вы взяли за большое дело, пишете историю широкими мазками, меняете ее ход в вашей стране. Вы выдвинули

Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher) (р. 1925) — выдающийся государственный деятель Великобритании последней четверти прошлого века. Горбачев неоднократно встречался с этой замечательной женщиной. Они, можно сказать, положили начало личному диалогу первых лиц государств, как одному из главных способов решения международных и двусторонних проблем.

Впервые за всю почти 200-летнюю историю лидером «древнейшей» в мире партии — Консервативной партии Великобритании была избрана женщина и избрана премьер-министром (1979). Она развернула самую жесткую по своим социальным последствиям модернизацию, включая свертывание лейбористской национализации. Убыточные предприятия банкротились десятками и сотнями. Затяжную забастовочную войну с шахтерами Тэтчер выиграла, трэдиюнионы обуздала новыми законами, добилась перевода энергетики страны на ультрасовременную основу. Экономила на всем ради запуска на полную силу конкурентоспособного производства. Ее прозвали «воровкой молока» за то, что она отменила бесплатные завтраки в начальных классах школы. Ее недолюбливали, а то и ненавидели, но терпели.

Человек незаурядного ума, редкостно одаренная для государственной деятельности, для политики, она умело пользовалась в ней и своим обаянием красивой женщины.

Ярая антикоммунистка, Тэтчер, тем не менее, прекрасно понимала, что без Советского Союза (который для нее был Russia) никакой нормальной мировой политики быть не может. И когда началась перестройка, она с искренним интересом воспринимала демократические преобразования в СССР. Потом в беседах с Горбачевым обнаруживала удивительные для западного человека знание и понимание развернувшихся у нас процессов и событий.

Она сыграла очень важную роль в «открытии» Западом советской перестройки, в признании там значения лидерства Горбачева, с которым она была лично знакома еще с 1984 года. Тэтчер по праву вошла в число тех немногих лидеров Европы и Америки, которым человечество обязано прекращением «холодной войны».

С Горбачевым у нее сложились глубоко уважительные, доброжелательные отношения — в спорах, иногда очень острых, в на редкость откровенных дискуссиях, в совместных размышлениях по самым разным вопросам.

Последний раз (как государственные деятели на своих высших постах) Маргарет Тэтчер и Горбачев виделись в Париже в ноябре 1990 года в ходе Общеευропейского совещания. Расставаясь, они вышли во внутренний дворик советского посольства. Сказали друг другу прощальные слова. Возле машины она обернулась, сделала какой-то жест рукой у пояса, будто перекрестила Горбачева, и произнесла: «Благослови Вас Бог!». Через месяц она вынуждена была уйти в отставку, а Горбачев — через год с небольшим.

крупные идеи как на микро-, так и на макроуровне. И я желаю, чтобы они принесли свои плоды. <...>

Горбачев. Мы готовы действовать в политике с широким подходом, понимая взаимозависимость не только в Европе, но и в мировом масштабе. И пусть Западная Европа и госпожа Тэтчер поскорее освобождаются от страхов в отношении Советского Союза. Только так мы сможем преодолеть конфронтацию, сократить ядерные и обычные вооружения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На совещании с Шеварднадзе, Добрыниным,
Яковлевым, Медведевым, Черняевым
1 апреля 1987 года*

Горбачев. Какая была у меня логика в разговоре с Тэтчер? ...Если ядерное оружие — гарантия безопасности страны, то тогда, говорил я Тэтчер, пусть все страны, способные создать ядерное оружие, его сделают. И начнется расползание по всему миру. Страшнейшая ситуация. <...>

Ее аргумент — науку нельзя остановить. Но тогда химическое и биологическое оружие тоже надо разворачивать, раз нельзя остановить химию и биологию? <...>

Американцы недовольны. Они не ожидали, что Тэтчер даст столь положительную оценку перестройке, что не получится у нее обвинительного приговора нам по правам человека.

Трудно дается новое мышление. Хотя диалог, можно сказать, начался. Почему трудно? А все потому, что сегодняшние проблемы пытаются решать на подходах 40–50-х годов, то есть по критериям «холодной войны». Без нового мышления ничего не получится. А продвижение его — только на путях диалога. Надо развенчивать предрассудки, стереотипы «холодной войны».

ПБ. С. 157, 158.

*Из речи Горбачева на митинге в Праге
10 апреля 1987 года*

Взаимозависимость нынешнего мира такова, что все народы подобны связке альпинистов на горном склоне. Они могут либо вместе взбираться дальше, к вершине, либо вместе сорваться в пропасть. А чтобы этого не случилось, политическим деятелям надо подняться над узкопонятыми интересами, осознать весь драматизм современной ситуации. Вот почему так остро стоит вопрос о необходимости нового политического мышления в ядерную эру.

ГСС. Т. 6. С. 276.

*На встрече Горбачева с американскими конгрессменами
Москва, 15 апреля 1987 года*

Горбачев. <...> Нам нужно отказаться от попыток обмануть или, как говорится по-русски, надуть другую сторону. Обсуждаем слишком серьезные вопросы, чтобы вести игру.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с государственным секретарем США Дж. Шульцем
и группой конгрессменов во главе со спикером Дж. Райтом
Москва, 15 апреля 1987 года*

Горбачев. <...> Глубоко заблуждаются те, кто думает, будто на Советский Союз нужно только давить и тогда он пойдет навстречу Западу. Пора бы усвоить, что разговаривать с нами с позиции силы — дело бесперспективное. Мы ищем пути к разоружению не потому, что слабы или боимся кого-либо, а потому, что искренне привержены делу мира, превыше всего ставим задачу сохранить жизнь роду человеческому.

Настало время взяться за перестройку всей системы международных отношений таким образом, чтобы сила, особенно военная, навсегда перестала быть средством решения тех или иных международных проблем. Не аргументы оружия, а оружие аргументов в защиту мира должно определять дальнейшую судьбу человечества. <...>

В ядерную эпоху сами понятия «оборона», «наступление» становятся анахронизмом. Говорить надо о другом — о предотвращении войны. В этом новизна ситуации и для политиков, и для генералов. А главным средством обороны, если уж угодно о ней говорить, является взаимное разоружение.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
17 апреля 1987 года*

Горбачев. Мне думается, что мы правильно уловили настроение людей. Они устали от конфронтации. Почувствовали взаимосвязь между собой через границы. Они обеспокоены. И потянулись к участию в общественных движениях — молодежь, бывшие военные, люди, связанные с искусством, культурой.

И у нас появились новые возможности для связей с мировой общественностью... Мы можем говорить о повышении роли общественности в международной жизни. Это совпадает с нашими целями — изменить ситуацию в мире... Стало интересно слушать людей, которые в этом участвуют. Там, где невозможно действовать на правительственном уровне, можно многого добиться на неформальном уровне.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Генеральным секретарем Французской компартии
Жоржем Марше
Москва, 4 мая 1987 года*

Горбачев. Выступая за новое мышление, мы отнюдь не игнорируем сложившиеся реальности, не хотим разрывать традиционные связи между промышленно развитыми и развивающимися странами. Такой путь тоже вел бы к войне. Но экономические отношения должны меняться, они должны основываться на справедливости. Отсутствие справедливости и есть источник социальных взрывов и дезорганизации международных отношений. <...>

Развитие средств коммуникации, с одной стороны, упростило общение между людьми, а с другой — заметно осложнило. Речь идет об информационном буме, о настоящей информационной угрозе, об информационном империализме. Манипулируя информацией, хотят дезинформировать людей. Это тоже может привести к серьезным катаклизмам. И это тоже обязывает нас по-новому взглянуть на современный мир.

Марше. <...> Мы (ФКП) придаем сегодняшней встрече огромное значение по двум соображениям. Во-первых, ее значимость определяется характером вопросов, с которыми сталкиваются сегодня коммунисты, прогрессивные силы в борьбе за мир и разоружение.

Горбачев. Согласен. Это очень важный вопрос.

Марше. Во-вторых, нас особенно интересуют процессы, происходящие в Советском Союзе. Мы понимаем, конечно, что перестройка — это прежде всего дело советского народа. Но мы не равнодушны к ней.

Горбачев. <...> Коммунистическое движение не может ограничиваться защитой конкретных интересов, решением повседневных задач. Оно должно выдвигать социализм как реальную альтернативу капитализму. Ставя вопрос таким образом, коммунистические партии отражают интересы не только рабочего класса, но и других слоев, открывают национальную перспективу.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
7 мая 1987 года*

Шеварднадзе. Хельсинкский документ 1975 года... подписали. А по существу начали выполнять его только после Апрельского пленума 1985 года.

Мы должны снять все, что мешает формированию нового облика Советского Союза.

Вопрос обороны. Нужно, чтобы товарищи, которые за нее отвечают, внимательно изучили проблему дисбаланса вооружений в Европе. Говорили одно. А на деле было другое. И все это знали. Три месяца обсуждали. И теперь некоторые шушукуются: Шеварднадзе, мол, защищает интересы Запада.

Мы в глупом положении по объявленному военному бюджету. На фоне демократизации будут дискуссии на эту тему. <...> Надо считать каждую копейку. У нас была монополия военных на решение этого вопроса.

Такое положение уже не совмещается с тем обликом, который складывался о нас.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из интервью Горбачева итальянской газете «Унита»
18 мая 1987 года*

В результате четырех десятилетий гонки ядерных вооружений человечество оказалось в буквальном смысле слова перед дилеммой выживания.

Отсюда следует, что путь к созданию прочного, безъядерного мира, которого так хотят народы, уставшие от конфронтации, задыхающиеся от нее, путь к ненасильственному миру, в котором каждый сохранил бы свои философские, идеологические, политические, религиозные взгляды, — это переговоры между государствами, совместная выработка договоренностей по центральным пунктам международной повестки дня, и прежде всего по вопросам разоружения. Это потребует от государств в соответствии с новым мышлением обновлять и практику международных отношений и дипломатии. <...>

Это теперь — категорический императив политики и дипломатии. Нашу международную политику выстраиваем именно в этом духе. <...>

Если посмотреть на мировые дела с человеческой стороны, то вряд ли сейчас есть что-либо актуальнее гуманизации политики. Ядерное разоружение тоже, в сущности, вопрос гуманизма, и даже прежде всего гуманизма.

Такая постановка вопроса вызывает к жизни новые подходы к решению международных дел. Веками политика оставалась неким заповедником сильных мира сего. Да и сейчас еще во многом это удел государств, их руководителей. Но теперь уже далеко не только государств. Ведущая социальная тенденция — сдвиг в сторону демократизации — все более громко и убедительно заявляет о себе в международной политической действительности.

Наше время закономерно стало временем общего возрастания роли общечеловеческих факторов в мировых делах, человеческого измерения политики, переосмысления международных отношений под этим углом зрения. Время ставить акцент на удовлетворении духовных и материальных потребностей человека, общих в своей основе, особенно в том, что касается сохранения самой жизни и среды обитания...

ГСС. Т. 6. С. 512, 514.

*Из послания Горбачева конгрессу
«Врачи мира за предотвращение ядерной войны»
30 мая 1987 года**

Аморальна ставка «на ядерное сдерживание», которое постоянно таит в себе громадную опасность непоправимого сбоя. <...>

Идеи по сбережению цивилизации, по лечению от «ядерного безумия» нам понятны.

Современная ситуация — исторический вызов политическим лидерам и каждому человеку. Он напоминает об ответственности. Мы считаем необходимым перейти от соревнования в накоплении арсеналов уничтожения к сотрудничеству в их радикальном сокращении. Свою часть пути Советский Союз готов честно пройти. Будучи обладателем ядерных вооружений, наше государство никогда не применит их первым. СССР торжественно заявляет, что готов от них полностью отказаться до 2000 года или раньше, разумеется, на основе взаимности и при самом жестком международном контроле.

ГСС. Т. 7. С. 62, 63.

*Из послания Горбачева Всемирному конгрессу женщин
23 июня 1987 года***

Никому из нас не дано переписать историю с ее свирепыми войнами, соперничеством государств, классов, людей, со взлетами и падениями человеческого духа, со всеми ее трагедиями и триумфами. Но это — история человечества разделенного, человечества, не признававшего своей общности.

Теперь наступил момент, когда при всем многообразии современного мира и безусловном праве каждого народа на самостоятельный выбор все обязаны считаться с целостностью мирового сообщества, усвоить, что от нас, от нынешнего поколения, зависит — быть или не быть жизни на Земле. <...>

Разоружение для развития, доверие и сотрудничество — вот «три кита», на которых только и можно идти в будущее. Альтернативы уже нет.

ГСС. Т. 7. С. 117, 121.

* Конгресс проходил в Москве. Международное движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» было основано на его первом конгрессе в марте 1981 года в США. Участники Конгресса из 11 стран мира впервые представили обобщающий материал о медицинских последствиях ядерной войны и приняли документы, которые использовались впоследствии мировой общественностью, неофициальными и официальными международными организациями. В движение включились сотни тысяч врачей из разных стран мира. Они проводят научные исследования; разъясняют своим пациентам, общественности и правительствам, какую угрозу для жизни и здоровья представляет ядерное оружие; создают учебные программы для студентов. В июле 1981 года при Президиуме АМН СССР был организован Советский комитет «Врачи за предотвращение ядерной войны».

** Конгресс Международной демократической федерации женщин (МДФЖ) проходил в Москве. МДФЖ — организация, объединяющая женщин разных стран, «независимо от расы, национальности, религиозных и политических взглядов, для совместной борьбы во имя защиты и завоевания своих прав гражданок, матерей, трудящихся, во имя охраны детей, во имя обеспечения мира, демократии и независимости народов» (Устав МДФЖ). Создана в декабре 1945 года на Международном женском конгрессе в Париже.

*Из беседы с Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльярм
Москва, 29 июня 1987 года*

Горбачев. <...> Вряд ли удастся сделать что-либо путное в этом мире, если на практике не будет признано право каждого народа, каждого государства на независимость, на самостоятельное развитие, право распоряжаться своими людскими и природными ресурсами...

Перес де Куэльяр. <...> Решению многих проблем нашего времени сильно вредит та неблагоприятная атмосфера, которая преобладала в мире до недавнего времени. Я бы сказал, до прошлого года. Эта атмосфера бросала тень буквально на все проблемы — и большие, и малые. Все дело в том, что раньше не было того нового свежего взгляда, о необходимости которого Вы говорили...

Горбачев. Мы глубоко привержены идее безъядерного мира. Для нас это не какой-то лозунг, который мы изобрели, чтобы поразить чье-то воображение. Это — отражение нашего глубокого убеждения в том, что в сегодняшнем мире безопасность не может быть обеспечена военными средствами. Безопасность — это политический вопрос. Если не понимать этого, то результатом может быть только война со всеми ее последствиями. ...Мы рассматриваем безопасность как всеобъемлющую концепцию, включающую не только военно-политический аспект, но и экономический, экологический, гуманитарный аспекты. <...>

Мы видим, как велика в сегодняшнем мире роль науки. Она влияет на политику уже не только через технику, в частности военную технику, но и через общественную мысль. В последнее время ученые своими усилиями в различных областях немало сделали для создания такой атмосферы, в которой легче искать пути улучшения международных отношений. <...>

Относительно соотношения амбициозных и конкретных задач. Мы сами об этом много размышляли. И мы пришли к выводу, что мир сегодня устал от напряженности, устал от страха перед ядерной угрозой. Поэтому миру так нужна мирная перспектива, надежда...

Перес де Куэльяр. <...> Люди везде стремятся к миру — не только у вас, но и в других, может быть, менее миролюбивых странах. Какова бы ни была политика правительств, для народов главная потребность — это мир. Мир не может нравиться или не нравиться. Мир — это то, что нужно всем людям...

Горбачев. <...> Наша тактика включает и оказание определенного нажима на наших партнеров, так как, к сожалению, они не очень-то заинтересованы в том, чтобы положение в мире изменилось. Поэтому мы стремимся своими действиями создавать такую ситуацию, когда им приходится реагировать на наши предложения и практические шаги. И мы уже убедились, что эта тактика полезная, что она уже дала определенные плоды. Мы как бы тянем за собой наших партнеров по переговорам. Если они пока не готовы сделать первый шаг, двинуться вперед, то приходится это делать нам. Кто-то должен брать на себя инициативу первого шага...

*Из беседы с бывшим президентом США Джеймсом Картером
Москва, 1 июля 1987 года*

Горбачев. <...> Я убежден, что все проблемы решались бы проще и быстрее, если мы всерьез возьмемся за осовременивание международной политики, если бы всегда учитывались интересы всех сторон. ...Мы в Советском Союзе уже этим занялись. Надо отбрасывать старое, отбрасывать отжившие стандарты и принципы, которыми государства руководствовались в своих отношениях еще в недавнем прошлом. Надо видеть мир, как он есть, со всеми его сложностями и проблемами. Все мы повязаны проблемами, каких раньше не было. <...> Пора осознать взаимозависимость, перешагнуть через то, что нас разделяет, ради общечеловеческих ценностей. Мы остаемся разными. Эти различия, конечно, будут оставаться. Но что же нам, стреляться из-за них?

Мы называем это новым мышлением...<...>

Мы не ждем. Мы не только выдвинули новую концепцию. Сколько мы сделали конкретных шагов! Но мы вправе рассчитывать на взаимность, ожидать того же и от Запада, от США. Одним нам мост мира не построить...

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с президентом ФРГ Рихардом фон Вайцеккером
Москва, 7 июля 1987 года*

Горбачев. <...> Мы будем меняться, перестраиваться не для того, чтобы понравиться США или ФРГ, а потому, что это нам нужно самим. Перемены эти изменяют наш облик, характер, образ жизни и подход к различным вопросам в позитивную сторону. В этом многие уже убедились и еще смогут убедиться...

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с писателем, Нобелевским лауреатом
Габриелем Гарсиа Маркесом
Москва, 15 июля 1987 года*

Горбачев. Новые подходы во внутренних делах мы трансформируем в инициативы во внешней политике. Это — не лозунги, а реальные практические предложения. <...> Не претендуем на абсолютную истину, прислушиваемся к мнению других.

ГСС. Т. 7. С. 287.

*Из статьи Горбачева «Реальность и гарантии безопасного мира»
«Правда», 17 сентября 1987 года*

Последняя четверть XX столетия отмечена революционными по своему содержанию и значению изменениями в материальной основе бытия...

В то же время возникли опасности, которые ставят под вопрос само бессмертие человеческого рода. Поэтому необходимы новые правила общежития на уникальной нашей планете, соответствующие новым потребностям и изменившимся условиям. <...>

Приходится оспаривать то, что преподносится как аксиома: раз после появления ядерного оружия мировой войны не было, значит, это оружие ее и предотвратило. Правильнее, как представляется, говорить, что мировой войны удалось избежать вопреки существованию ядерного оружия. <...> Раскол мира на страны, обладающие ядерным оружием и не имеющие его, раздвоил и само понятие безопасности. Но для человеческой жизни безопасность неделима. В этом смысле она не только политическая, военная, юридическая, но и **нравственная категория**. И никакой проверки на оселке этики не выдерживают суждения о том, что уже почти полвека войны нет. Да как это нет? Десятки полыхающих в мире региональных войн!

ГСС. Т. 7. С. 416, 420.

*Из послания Горбачева участникам международной конференции
«За безъядерный и ненасильственный мир»
28 ноября 1987 года**

<...> **Делийская декларация**, представляющая собой пример нового политического мышления, формулирует принципы построения нового мира, в котором на смену конфронтации придет сотрудничество, а спорные вопросы будут решаться только политическими средствами. Она утверждает мирное сожительство, сосуществование в качестве единственно возможной нормы общения между странами и народами.

ГСС. Т. 9. С. 43.

*На Политбюро
15 октября 1987 года
Обсуждение проекта доклада Горбачева о 70-летию Октябрьской революции*

Рыжков. Очень большое впечатление производит международная часть доклада. Тут философия мира в сегодняшнем его понимании. Очень необходима такая трактовка, какая дана в докладе. Впервые соединены главные вопросы мировой ситуации в единую концепцию. Это — громадный вклад в теорию. А то много раз говорили о разных проблемах, а теоретической основы не хватало. Теперь подведена теоретическая база под нашу внешнюю политику. Это упрочит и наши позиции, по которым у нас были нечеткие представления.

Думаю, в этом ключе неплохо дано и о международном разделении труда, о мировой экономике в целом. <...>

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

* Дата публикации в газете «Правда».

*Из речи Горбачева на обеде в Кремле
в честь Президента Финляндии Мауно Койвисто
16 октября 1987 года*

О Рейкьявике можно говорить как о своего рода предтече реального ядерного разоружения, об источнике веры в его возможность и осуществимость. Вопреки скептикам, паникерам и противникам разоружения международный климат после Рейкьявика немного потеплел...

ГСС. Т. 8. С. 254.

*На Пленуме ЦК КПСС
21 октября 1987 года*

Горбачев. <...> 4–5 ноября после Торжественного заседания состоится Встреча зарубежных делегаций, приглашенных на празднование 70-летия Октября. <...>

В чем состоит наш замысел встречи?

Нынешняя встреча не мыслится как повторение международных совещаний коммунистических партий 60-х годов²³. <...>

Имеется в виду провести свободную беседу, не ограничивая дискуссию каким-либо кругом проблем. Не предусматривается и принятие заключительного документа. Участники встречи будут полностью равноправными, никто не будет иметь никаких привилегий, в том числе и по времени выступления: с учетом количества делегаций — по 10 — не более 15 минут. За это время подробно развернуть какие-либо идеи трудно. Мы вообще хотим не столько говорить сами, сколько послушать других. <...>

Интернационализм коммунистов — не присяга на вечную и слепую верность той или иной форме или схеме. Подлинный интернационализм — это способность видеть и всю историю в ее целостности, и все процессы современной жизни, умение выделять в них не просто главное, но всеобщее. И уже на этой основе оценивать конкретные условия, ставить и решать конкретные задачи в своих странах.

«Известия ЦК КПСС». 1989. № 2. С. 223–224.

*Из доклада Горбачева о 70-летию Октября
2 ноября 1987 года*

Новое мышление с его общечеловеческими критериями, ориентацией на разум и открытость начало пробивать дорогу в мировые дела, разрушая стереотипы антисоветизма и подозрительности к нашим инициативам и действиям. <...>

Как ни сильны аргументы разума, как ни развито чувство ответственности, как бы ни был велик инстинкт самосохранения, есть вещи, которые никак нельзя недооценивать и которые определяются экономическим, а следовательно, и классовым интересом.

Иными словами, речь идет о том, сможет ли капитализм адаптировать к условиям безъядерного и разоруженного мира. <...> От ответа на них зависит, как будут разворачиваться исторические события в ближайшие десятилетия. <...> Ответы даст жизнь. Правильность же самой программы безъядерного и безопасного мира будет проверяться не только безукоризненностью ее научного обоснования. Она будет проверяться ходом событий, который подвержен воздействию самых разных и новых сил. <...>

ГСС. Т. 8 С. 445, 447.

*Из выступления Горбачева на Встрече представителей партий
и движений, прибывших на празднование 70-летия Октября
4 ноября 1987 года*

Сейчас уже невозможно рассматривать мировое развитие с точки зрения только борьбы двух противоположных социальных систем. Диалектика этого развития представляет собой единство, противоборство, соревнование и взаимодействие множества факторов. <...>

Новое мышление — это и новая мораль, новая психология.

ГСС. Т. 8. С. 468, 470.

*Из выступления в Большом Кремлевском дворце
перед главами дипломатических представительств,
аккредитованными в Советском Союзе
6 ноября 1987 года*

Невозможно обеспечить национальные интересы за счет и в ущерб интересам остальных. Напротив, урон другому — это ущерб и для самого себя, для всех.

Баланс интересов — вот фундамент всеобъемлющей системы безопасности. <...> Приглашаем к диалогу, к непредвзятому, открытому для всех обсуждению любых идей, служащих взаимопониманию и сотрудничеству. Пока же еще много в мире избыточной подозрительности, которая сродни избыточности вооружений. Мы призываем сообща взяться за преодоление атавизмов страха, смело переходить на путь доверия. <...>

Среди множества трудных и грозных проблем этого этапа — региональных, экологических, энергетических, продовольственных, проблем, порождаемых безработицей, голодом, преступностью, терроризмом, детской смертностью, — первая и главная: совладать с угрозой, которую несет миру оружие массового уничтожения.

Требуются высочайшая ответственность, объективность восприятия мнения других, учет их позиций, готовность к совместному поиску и обостренное чувство грядущего.

ГСС. Т. 8. С. 478.

*Еще из доклада Горбачева о 70-летию Октября
2 ноября 1987 года*

Международное коммунистическое движение вырастает и развивается на почве своей страны, но есть нечто общее...<...>

Коммунисты первыми забили тревогу по поводу опасности фашизма, первыми поднялись на борьбу против него и были первыми его жертвами. Они первые — съехавшись со всего мира — вступили в вооруженную схватку с фашизмом в Испании. Первые подняли знамя Сопrotивления во имя свободы и национального достоинства своих народов. И именно коммунисты, прежде всего советские коммунисты, внесли решающий вклад в сокрушительный разгром фашизма во Второй мировой войне. (*Аплодисменты.*)

И потом, и сейчас с той же непримиримостью и отвагой коммунисты в первых рядах против всякой реакции и всяческого мракобесия. Это люди легендарного героизма и самоотдачи. И — не единицы, а сотни тысяч, организованных и сплоченных единой волей, железной дисциплиной и неподкупной идейностью.

Времена Коминтерна, Информбюро и даже времена обязывающих международных совещаний прошли. <...> Компартии ищут свое новое место в глубоких переменах на грани столетий.

ГСС. Т. 8. С. 453, 454.

*Еще из выступления Горбачева на Встрече представителей партий
и движений, прибывших на празднование 70-летия Октября
4 ноября 1987 года**

В 80-е годы четко обозначились особенности мирового развития, которые накапливались и зрели в течение всего послевоенного периода. Это <...> требует от политических движений нового анализа и переосмысления своих задач, преодоления сложившихся идеологических схем и стереотипов.

Дело это нелегкое. Ни у кого нет готовых рецептов. Вряд ли кто держит в своих руках нить Ариадны, которая помогла бы найти выход из лабиринта нынешнего противоречивого мира. Излагая наши концепции нового мышления, мы отнюдь не претендуем на монополию обладания истиной: мы сами ищем и приглашаем других совместно искать пути, по которым человечество могло бы через «минное поле» наших дней выйти к XXI веку — безъядерному и ненасильственному. <...>

Однако недостаточно только параллельной деятельности в своих странах. Нужно и взаимодействие, разумеется — в современных формах. Потребуется, если так можно выразиться, более совершенная **культура взаимо-**

* Во Встрече представителей партий и движений, прибывших в столицу СССР на празднование 70-летия Октября, приняли участие делегации 178 коммунистических, революционно-демократических, социалистических, социал-демократических и лейбористских партий, массовых демократических организаций и движений из 120 стран мира. Говоря об Октябрьской революции, они отмечали в своих выступлениях ее огромное влияние на ход событий в мире.

отношений между прогрессивными силами. Такая — которая позволяла бы аккумулировать все многообразие опыта и служила пониманию окружающего мира во всем его многоцветье и противоречивости.

ГСС. Т. 8. С. 466, 469.

*На Политбюро
12 ноября 1987 года*

Горбачев. Международная часть итогов 70-летия. Что она показала? <...> Мы увидели, как наша перестройка, вызвав огромный интерес ко всему, что у нас происходит, оживила теоретическую мысль повсеместно — не только среди марксистов, и скорее в первую очередь не среди них, а во всех секторах общественно-политического движения. Международная встреча, которая была приурочена к этим дням, в этом смысле имела для нас огромное значение. Подтвердилась правильность нашего подхода, что нужно проводить не собственно коммунистическую встречу, а пригласить всех, кто приехал на наш праздник.

В результате произошло событие большой важности. Был, собственно, совершен прорыв, прежде всего в том направлении, что впервые за 70 лет за одним столом и в обстановке спокойной теоретической и политической дискуссии встретились коммунисты и социал-демократы. И произошло это в Москве, по инициативе КПСС, под влиянием нашей перестройки. Это дало огромную пищу и для политических размышлений, и для теоретической работы, для понимания новых признаков в процессах, связанных с социализмом.

Надо признать также: ничего бы не получилось из встречи, если бы не наш подход к ней с позиций нового мышления, который позволил нам по-новому анализировать современные проблемы мира. Не менее важно и то, что мы воочию убедились в правильности нашей решимости не отгораживаться от кого бы то ни было на том укоренившемся за многие годы основании, что я-де коммунист и поэтому все равно всегда прав.

По результатам встречи услышали мы и разговоры о том, что, мол, кое-кто из ее участников где был, там и остался, и ничего ни из самой встречи, ни из того, что увидел и услышал у нас, не извлек. Но это тоже интересно, тоже побуждает к размышлениям.

Мы убедились, что можно, оставаясь на своих идеологических позициях, взаимодействовать. Прибавило доверия к нам и, прямо скажем, авторитета также и то, что мы опубликовали всех, кто выступил, без всяких кушур и ограничений. И хотя были кое у кого опасения на этот счет, но ничего не случилось, кроме того, что мы лишний раз продемонстрировали готовность к честному диалогу и сопоставлению взглядов, какими бы они ни были. И не боимся, чтобы их знали и наша партия, наш народ.

Характерно, что, как нам показалось, на международной встрече социал-демократы проявили бóльший интерес к перестройке, чем некоторые компартии. <...>

Мы поняли также, как вреден был какой бы то ни было нажим, малейшее проявление неравноправия, неуважительности, даже самый малый привкус коминтерновских подходов. Это время давно ушло. Каждая партия должна во всем разобраться сама. А недоразумения надо снимать в ходе откровенного товарищеского диалога.

Один товарищ назвал дни празднования 70-летия «пятью днями, которые потрясли мир»²⁴. Я его поправил: это те «десять дней потрясли мир», а эти пять дней «встрянули мир». Действительно, они позволили представить перестройку в широком идейно-теоретическом контексте. Мы больше открылись миру. И он нас лучше увидел. И мы обогатились большим знанием о нем. Произошла своеобразная «интернационализация» перестройки. Многие и мы сами в первую очередь глубже осознали всеобщее значение перестройки.

Международная встреча имела немалое значение для нашей партии и для нашей советской аудитории — в смысле воспитания в перестроечном ключе. Она позволила увидеть весь спектр взглядов на то, что началось у нас и под влиянием этого — во внешнем мире.

Одни одобряют и поддерживают наш упор на общечеловеческие ценности. А от других мы услышали и глухие намеки на то, что идеи перестройки и нового мышления притупляют классовое начало в теории и политике.

Третьи, оказалось, вообще шага не хотят сделать в своей реакции на реальности современной жизни: мол, были мы авангардом рабочего класса и будем, хотя рабочий класс давно уже где-то в другом месте. <...>

Заволновались некоторые: не ревизионисты ли мы, не сдаем ли мы идеологических позиций?

Наше выступление на международной встрече мы должны были построить так, чтобы все коммунисты поняли: нужно обновление. И большинство присутствующих именно так нас и поняло. Большого сказать мы не могли и не должны были в этой «солянке». Да это и не нужно: мы не собираемся никому навязывать своего мнения. <...>

Ведь это же у Маркса — о единстве человеческого рода! Когда еще он это констатировал! Это же философское понятие. Мы же это единство на определенном этапе как бы перестали замечать. А теперь все это выявилось. И если глубже посмотреть на сущность мирного существования, то это, по сути, иное выражение понятия единства человеческого рода.

ПБ. С. 271–273.

*Из беседы с премьер-министром Австралии Робертом Хоуком
Москва, 1 декабря 1987 года*

Горбачев. Нельзя допускать, чтобы идеологическое противоборство приводило к политической и, тем более, военной конфронтации, и уж, конечно, нельзя допускать, чтобы оно создавало препятствия налаживанию экономических отношений, торговли.

Скажу Вам откровенно, без попыток наводить тень на плетень. Необходимость перестройки, конечно, вызывается внутренними потребностями нашей

страны. Но мы не хотим, чтобы результаты перестройки были потрачены на гонку вооружений, на наращивание военного потенциала. Наша цель — повысить благосостояние, уровень жизни наших людей. А это значит, что цели перестройки никак не противоречат интересам других стран и народов. <...>

Но мы не простаки. <...> И поэтому мы, с одной стороны, никогда не допустим, чтобы нас могли застать врасплох, а с другой стороны — полны решимости не втягиваться в новую гонку вооружений. <...>

Мы понимаем реальности, мы убеждены, что политику в главных, принципиальных вопросах современности нельзя строить на спекуляциях. <...>

Мы полагаем, что каждый народ имеет право на свой социальный выбор. Это может быть капитализм, а может быть и социализм или какая-то другая система, которую мы себе даже не представляем. Если таков выбор народа, то так тому и быть. Мы категорически против попыток навязывать чьи-то ценности, чей-то строй. Это, конечно, не означает, что мы не будем излагать свои взгляды, отстаивать свои ценности. Но это должна быть здоровая дискуссия, здоровое соперничество. <...>

Идет глубокий процесс перемен. И ситуация сейчас непростая. Ведь сейчас этап уже не политических лозунгов, а этап, когда затрагиваются непосредственные интересы, жизнь десятков и сотен миллионов людей. И в этой ситуации надо действовать последовательно и в то же время расчетливо, давать бой как левакам, так и, подчеркиваю это, консерваторам.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из выступления Горбачева в Белом доме
Вашингтон, 8 декабря 1987 года*

Священное право человека на жизнь приобрело теперь новое, глобальное содержание. И об этом постоянно должны помнить прежде всего политические деятели, государственные руководители, облеченные властью волей своих народов.

ГСС. Т. 9. С. 90.

*Из речи на приеме в Государственном департаменте США
Вашингтон, 9 декабря 1987 года*

Действует воля сотен миллионов людей, начинающих понимать, что вместе с окончанием XX века цивилизация подошла к черте, разделяющей не столько системы и идеологии, сколько здравый смысл, чувство самосохранения человеческого рода, с одной стороны, и безответственность, национальный эгоизм, предрассудки, словом, старое мышление — с другой.

Мир с позиции силы внутренне непрочен, что бы о нем ни говорили. По самой своей природе он основан на конфронтации — скрытой или явной, на постоянной опасности вспышек, на искушениях попробовать применить силу.

Человечество веками вынуждено было мириться с таким действительно худым миром. Больше мы не можем этого позволить. <...>

Сегодня все мы на переходе от знания-догмы к знанию-мышлению. Мы приступили к восстановлению миротворческого предназначения политики. Она более не должна быть, как это происходило в XX веке по окончании мировых войн, продолжением войны другими средствами. <...>

На языке простого человеческого общения и по-русски, и по-английски достигнутое нами здесь означает возрождение надежды.

ГСС. Т. 9. С. 105, 106, 108.

*На Политбюро
17 декабря 1987 года
Об итогах визита Горбачева в США*

Горбачев. Это уже не Женева и не Рейкьявик — при всей их важности и при всем понимании, что, не будь их, не было бы и Вашингтона. Еще более весомое доказательство, что курс, который мы взяли, реализуется. Еще раз убедились, что самая правильная линия — это линия принципиальная и конструктивная. И самый главный урок, который мы извлекли из этого визита, — это урок для будущего. <...>

После опыта предшествующих двух лет, когда мы начали действовать в духе нового мышления, было очевидно, что нужны уже практические результаты, нужна проверка на деле идей, которые мы провозгласили и которые хотели внести в международную практику. Мир ждал этого, мир этого требовал. От этого зависело доверие к нашей новой внешней политике. Мы хотели и стремились поставить ее на испытание жизнью. И решающим пунктом здесь была как раз проблема Договора о РСМД.

Это было испытание для нас. Но это было испытание и для наших партнеров, для американцев, испытание на серьезность подходов к ключевой проблеме современного мира. <...>

Продвижение на этом направлении открывало дорогу и на других направлениях разоруженческой проблематики — по ядерному, химическому, обычному оружию. Оно создавало фон для таких же деловых подходов к региональным проблемам и к двусторонним отношениям.

Встреча в Вашингтоне была важной проверкой и другой основополагающей идеи нового мышления, а именно — что его успех и его эффективность зависят от того, как идут у нас дела дома, как идет перестройка.

Дело ведь не только в том, что объективно увязаны эти два процесса и не только в том, что мы искренне, без всяких задних мыслей, связали одно с другим в своей концепции, в своей политике, в разработке своей теории. Дело также в том, чтобы и мир почувствовал и понял эту связь. И хотя это, казалось бы, моральная сторона дела, но она имела и огромное практическое значение. <...>

В Вашингтоне мы, может быть, впервые с такой очевидностью ощутили, что такое человеческий фактор также и в международной политике. До этого

мы удовлетворялись довольно банальной формулой: мол, во внешней политике важны личные контакты между руководителями государств, главами правительств и вообще обмена на уровне тех, кто делает политику.

Это само собой. Но за этим все-таки разумели, что речь идет пусть даже и о личных, но контактах между представителями классово-противоположных и непримиримых систем, и только «представителями». Рейган предстал перед нами лишь как выразитель самой консервативной части американского капитализма и хозяев военно-промышленного комплекса. Но оказалось, что при всем при этом имеет значение и то, что политики, в том числе и руководящие деятели государств, если они действительно ответственные люди, олицетворяют также и чисто человеческие качества, интересы и надежды самых простых людей. Тех, в частности, которые голосуют за них на выборах и которые связывают с их именем и с их личными возможностями и особенностями и достоинство страны, и патриотизм. И при этом могут руководствоваться самыми нормальными человеческими побуждениями и чувствами. Все это в наш век, оказывается, имеет огромное значение для принятия тех или иных политических решений.

Мы были готовы к тому — и сами к этому стремились, — чтобы воспринять и эту сторону контактов с американским руководством, как, впрочем, и с руководством других стран, то есть включить в буквальном смысле слова чисто человеческий фактор в большую международную политику. Это тоже немаловажная деталь нового мышления. И она тоже дала свои результаты. В Вашингтоне мы это почувствовали, пожалуй, впервые столь отчетливо.

ПБ. С. 278–279; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Францем-Йозефом Штраусом
29 декабря 1987 года*

Горбачев. Новое мышление с трудом пробивает себе дорогу. И все-таки в мире начинают думать по-новому. Это очень важно, где бы мы ни находились, — в Европе, Америке, Азии. Стоит понять процессы, которые идут. Надо остановиться, оглянуться, обдумать, что делать дальше. А чтобы дело пошло легче и быстрее, необходим постоянный диалог. Потребность в нем ощущается все сильнее. <...>

Нужна деидеологизация международных отношений. Пусть каждый народ выбирает свой путь, свой строй, религию, идеологию, свой образ жизни. ...Это же суверенное право каждого народа сделать свой выбор без подсказок или принуждения. <...>

В свое время Даллеса спрашивали, какое оружие будет применено в третьей мировой войне. Он сказал, что не знает, но может с уверенностью сказать, что четвертая мировая война будет вестись с помощью лука и стрел.

Штраус. 30 января 1933 года в Германии к власти пришел Гитлер. 31 января мой отец сказал мне: «Гитлер стал рейхсканцлером. Это означает войну и уничтожение Германии». Мой отец оказался прав. А ведь он был простым ремесленником.

Франц-Йозеф Штраус (Franz Josef Strauss) (1915–1988) — авторитетный политический деятель Западной Германии в 50–80-х годах XX столетия. Неоднократно занимал важные министерские посты в федеральном правительстве (при канцлере Аденауэре), в том числе — обороны, финансов. С 1959 года, в течение почти 30 лет, был генеральным секретарем, потом пред-

седателем Христианско-демократической партии — второй по величине консервативной партии после ХДС. С 1978 по 1988 год — бессменно премьер-министр Баварии — крупнейшей Земли ФРГ.

Участник войны — на французском, потом на Восточном фронте. Из Сталинградского окружения его эвакуировали с отмороженными ногами.

Имея репутацию крайне правого деятеля, он, тем не менее, резко осуждал нацизм, Гитлера считал преступником. Отвергал войну как средство политики, заявлял, что Германия «больше никогда не поднимет меч».

Советская пропаганда на протяжении десятилетий изображала его как «яростного реваншиста», «фашиста», оголтелого милитариста. На самом деле все оказалось не так. Широко образованный человек, почетный доктор многих европейских и американских университетов, специалист по истории Древнего Рима, он проявил себя не только как высоко профессиональный и умный политик, но как мудрый человек, способный трезво и глубоко судить о проблемах войны и мира, о судьбах человечества, об отношениях между двумя великими нациями Европы. Патриот, но не реваншист. Объединение Германии он мыслил только мирным путем.

В советском руководстве, несмотря на пропагандистскую ругань, понимали, что такое Штраус в Германии и Европе на самом деле. Это видно по тому, как к нему отнесся Брежнев во время своего визита в ФРГ в 1978 году. Он не только провел с ним больше времени, чем с другими политиками, не только проводил его «до крыльца», как он это делал со всеми, а будучи уже весьма дряхлым, пошел с ним до машины по 100-метровой аллее, чем вызвал шумную сенсацию и разногласия во всей европейской и американской прессе. Когда на помощника Брежнева Александрова-Агентова набросились журналисты, пытаясь выяснить «в чем дело», он иронично бросил: «Леониду Ильичу просто хотелось прогуляться».

Однако прошлое остается прошлым, а внимание должно быть устремлено в будущее. Сейчас мы находимся в состоянии «кайрос»²⁵. Человечество находится на пороге новой эры, живет надеждами на будущее. Эти надежды пробудились в решающей степени благодаря именно Вам, господин Генеральный секретарь. Все ожидания немцев в ФРГ подпитываются импульсами, идущими из Москвы. Это факт, а не идеология. Я не коммунист, но

в данном случае должен констатировать, что Ваши инициативы, Ваши предложения затрагивают самые сокровенные уголки человеческих душ.

Я был в гостях у Макнамары²⁶ дома в Вашингтоне, беседа была очень продолжительной. Он пригласил председателя комитета начальников штабов, а я был один и все подробно записал. По возвращении я доложил об этой беседе Конраду Аденауэру²⁷, а кроме того, приказал генеральному инспектору бундесвера подготовить соответствующую разработку о будущей войне применительно к ФРГ. Вывод был более чем однозначным: с появлением ядерного оружия, как инструмента ведения войны, никаких надежд на выживание не остается.

Вчера в беседе с господином Шеварднадзе я обращал его внимание на то, что такие понятия, как мировая революция, мировое господство, «последний решительный бой», изжили себя, более не соответствуют императивам нашего времени. Это — риторика и не более. Именно так к ним и надо подходить. <...>

Мы выступаем не за сокращение географических пределов вероятной войны, а за ее исключение из сознания, за устранение ее возможности. Для нас неприемлемой является любая война — тотальная или локальная, ядерная, полужадерная или обычная. Не допустить ее — вот то, чего мы ждем от политики. Эта задача под силу, однако лишь политическим деятелям, а не военным. У нас с вами общий интерес — избежать войны.

Война является абсолютно невысказанным и непредсказуемым делом, вести ее нельзя.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из Новогоднего обращения Горбачева к советскому народу
31 декабря 1987 года*

Мы хотим не просто сохранить мир. Мы хотим, чтобы он стал лучше, чтобы в нем было больше справедливости и свободы. Мы за мир, утверждающий гуманизм на деле, возвышающий человека труда. <...>

В этом смысле и наша перестройка имеет общечеловеческое значение, что налагает на нас огромную историческую ответственность.

ГСС. Т. 9. С. 220.

*Из выступления Горбачева на встрече с руководством
Международного Фонда за выживание человечества
15 января 1988 года*

<...> Не все, что происходит в нашей стране, зависит только от нас, от нашего общества, но также и от того, в каком мире мы живем. Мы с вами почувствовали, что это так. То, что происходит в современном мире, где все взаимосвязано, взаимозависимо, несомненно, оказывает сильное влияние на каждую страну, на происходящие в ней процессы и в конечном счете на мировую политику в целом. И лишь учитывая эти взаимосвязи и взаимозависи-

мости, можно думать о будущем, выстраивать планы таким образом, чтобы не только опираться на силы внутри своего общества, но и взаимодействовать в другими нациями и народами. Это особенно важно, если учесть, что накопилось много таких проблем, которые имеют интернациональный характер. Мы называем их обычно общечеловеческими, поскольку они встали перед всей цивилизацией. <...>

Политикам не обойтись без оригинального незаменимого вклада ученых, общественных, интеллектуальных сил человечества...

ГСС. Т. 9. С. 260, 261.

*Из беседы с министром иностранных дел Великобритании Джеффри Хау
Москва, 16 февраля 1988 года*

Горбачев. <...> Слишком глубоко засел в мозгах у западных политиков «образ врага» в лице Советского Союза, который, мол, проводит кровожадную политику, только и думает, как бы на кого напасть, только и ищет жертвы. Со страхами, которые сложились в период «холодной войны», пора кончать. Западные политики так долго загоняли свои народы в ловушку «образа врага», что сами из нее не могут выбраться.

Хау. <...> Наш самый сильный союзник находится по другую сторону океана и на случай возможной агрессии наладить взаимодействие с ним довольно трудно. Вот мы и сидим — 16 маленьких стран — вместе в страхе, что медведь рассердится.

Так мы видим военную ситуацию. Поэтому мы всецело за то, чтобы избавиться от излишка вооружений, чтобы уменьшить расходы на оборону, чтобы снять военный риск. Для нас все эти меры имеют глубокий смысл. Тогда и образ медведя может начать размываться.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на Пленуме ЦК КПСС
18 февраля 1988 года*

Милитаристской доктрине, на которой основывается политика силы, мы противопоставили концепцию «баланса интересов» и взаимной равной безопасности. <...> Без сохранения мира не будет вообще никакого прогресса, и говорить о чьих бы то ни было интересах вне решения этой задачи бессмысленно...

ГСС. Т. 9. С. 362.

*На Политбюро
25 февраля 1988 года*

Горбачев. <...> Да, мы достигли военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами. И никто не считал, сколько это нам стоило. А подсчи-

тать нужно бы. Теперь ясно, что без значительного сокращения военных расходов нам не решить проблем перестройки. Паритет паритетом, и мы его должны сохранять. Но нужно и разоружаться. И сейчас есть такая возможность. Ибо политически мы вышли на новую ситуацию в отношениях с Соединенными Штатами.

Надо сохранять высокую переговорную динамику в вопросах разоружения. Мы жизненно заинтересованы во внешнеполитическом обеспечении перестройки. Безопасность всегда будет у нас на первом месте. Пацифизм неприемлем. Но речь идет о том, что надо очень четко отдавать себе отчет в огромном значении внешней политики для успеха перестройки.

А обстановка перестройки, успех ее, в свою очередь, будут менять и отношение народа к проблемам безопасности, будут разрушать стереотипы безоглядного и часто бессмысленного выбрасывания средств на военные нужды. Безопасность страны плюс жизненные условия для народа — вот уравнение, которое мы постоянно должны иметь в виду. <...>

Два фактора в вопросе о разоружении соединены тут психологически. С одной стороны, надежный мир (народ помнит 41-й год), а с другой — люди уже почувствовали вкус перестройки, дыхание новой жизни, перспективу благосостояния. Вот почему проблема упорядочения расходов на оборону при сохранении надежной безопасности — это проблема проблем. И никакого пренебрежения, недооценки в этом деле не должно быть. <...>

Давайте дадим поручение основательно проанализировать, что значит сильная современная армия, что значит обеспечение безопасности, что значит качественная сторона безопасности. И вот когда все это подсчитаем — все остальное сократить. Экономить и экономить, и к тринадцатой пятилетке выйти с новым военным бюджетом.

ПБ. С. 291–292.

*Из выступления Горбачева в Скупщине СФРЮ
Белград, 16 марта 1988 года*

Время продолжает ускорять свой бег. Мы, можно сказать, физически ощущаем шаги истории. Что сулит человечеству будущее? Ядерное опустошение, гигантский экологический катаклизм, превращение людей в роботов, лишенных критериев нравственности и добра? Было бы непростительно отмахнуться от этих опасностей — они реальны.

Но реальна и альтернатива им. Альтернатива, отвергающая войны и насилие, — путь прогресса и сотрудничества, позволяющий сохранить цивилизацию и спасти жизнь на планете, еще ярче высветить созидательное предназначение человека. <...>

Человечество обязано выйти к новым горизонтам прогресса. Но сделать это оно может лишь совместными усилиями всех государств, объединенных духом ответственности и взаимопонимания, равенства и доверия.

ГСС. Т. 10. С. 51.

*Из беседы с Генеральным секретарем
Итальянской коммунистической партии Алессандро Наттой
Москва, 29 марта 1988 года*

Горбачев. <...> Современный мир настолько динамичен и сложен, что сейчас не только одному человеку, даже гениальному, но и одной отдельной партии не под силу понять и «поднять» все современные проблемы. Поэтому встречи между руководителями партий, между группами экспертов имеют серьезное значение и, по нашему мнению, могут и должны быть плодотворными.

Нужно признать, что капитализм нашел новые возможности для своего развития, решил некоторые социальные вопросы. Все это сопровождалось и определенными специфическими моментами в политическом развитии ряда капиталистических стран.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с председателем Социнтерна Вилли Брандтом
5 апреля 1988 года*

Горбачев. Восстанавливаю сейчас в памяти наш очень содержательный разговор трехлетней давности. С тех пор произошло многое из того, о чем мы тогда размышляли, на что надеялись. Значит, мы с Вами были тогда реалистами.

Мы высоко ценим, что на протяжении этих трех лет наш диалог не прерывался, был активным, что шел обмен мнениями. Советское руководство многое почерпнуло из этого для собственных размышлений о мире, о политике. <...>

Брандт. Господин Генеральный секретарь, мы хотели бы обменяться мнениями о том, что мы можем предпринять сообща или с учетом позиций друг друга для того, чтобы найти ответы на глобальные вызовы в области европейской и международной безопасности, проблематики Север-Юг, будущего экономического сотрудничества, экологии...

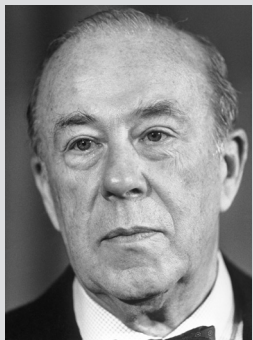
АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с госсекретарем США Джорджем Шульцем
Москва, 22 апреля 1988 года*

Горбачев. Кажется, мы начали, наконец, выбираться из плена стереотипов, попыток навязать исключительно собственный подход, свои концепции, свои взгляды, делать упор на силу, обеспечивать лишь свои интересы.

То положение вещей, которое сложилось в наших отношениях в прошлом, во многом явилось результатом того, что, видимо, с обеих сторон политика нередко строилась на заблуждениях. Хочу сказать, что мы решительно отказались от этих старых подходов, которые ни к чему не ведут. <...>

Хочу сказать Вам по-дружески: сегодня прагматизм в американской политике срывает в худшую сторону. Этой политике недостает философского подхода. Узкий прагматизм не дает необходимой раскованности

Джордж Шульц (George Shultz) (р. 1920) — государственный секретарь США при президенте Рейгане, крупнейшая фигура в американской политике конца XX века. Убежденный противник ядерной войны, человек широкого взгляда на мир со всеми его сложностями и противоречиями. Очень много сделал, чтобы направить эмоциональный настрой Рейгана и его амбиции остаться в истории в качестве «миротворца» в русло реалистической политики взаимопонимания и сотрудничества с СССР, прекращения гонки вооружений. Вместе с Горбачевым он «автор» первого соглашения

о ликвидации ядерного оружия: Договора РСМД (1987) — об уничтожении ракет средней и меньшей дальности. В ходе регулярного общения и интеллектуальных дискуссий с Горбачевым у них сложились прочные отношения доверия, доброжелательного взаимодействия.

До государственной службы Шульц был крупным бизнесменом-финансистом, после ухода с поста госсекретаря стал членом правления ряда финансовых корпораций, профессором Стэнфордского университета.

мысли, толкает к поискам односторонних выгод. Но сегодня политическое мировоззрение должно основываться на более широком подходе, на серьезном учете всех факторов.

Шульц. Вы сказали, что после того как Вы и я отработаем свое время, хорошо было бы провести интеллектуальную дискуссию о тенденциях мирового развития, облике будущего мира. Я думаю, главное, чтобы люди, стоящие у власти, занимающие руководящие посты, ощущали и осмысливали эти тенденции, учитывали их в своих действиях. Чем больше мы будем это делать, тем более эффективной будет наша политика, тем больше на весах проблем и возможностей будут перевешивать возможности.

Мне всегда казалось, что Вы лично инстинктивно склонны мыслить именно таким образом. Я помню первую встречу с Вами, когда приезжал с вице-президентом Бушем на похороны господина Черненко. Мы беседовали полтора часа в этом зале. Вы говорили о том, как видится Вам мир, о многообразии мира, о том, как важно научиться считаться с разнообразием интересов, с новыми реальностями. Ваши слова произвели на меня огромное впечатление. Я думаю, что именно в этом духе и надо действовать.

Во время Вашей поездки в США Вы произвели на американцев большое впечатление. И причина та же, что и у президента Рейгана: американцы видят в вас людей, которые больше думают о будущем, чем о прошлом.

*Из беседы с Генеральным секретарем ЦК Компартии Уругвая
Роднеем Арисменди, 29 апреля 1988 года*

Арисменди. <...> После Второй мировой войны на наше движение оказали отрицательное воздействие такие факторы, как события в Венгрии, Чехословакии, Китае. Ваша же перестройка является положительным фактором и именно она диктует необходимость обновления всего коммунистического движения. Я не хотел бы использовать слово «кризис», но, говоря о положении нашего движения, нельзя не видеть, что оно явно переживает не лучшее время.

Нынешнее положение характеризуется застоем и, как следствие этого — коммунистическое движение плетется в хвосте событий. Если мы возьмем Европу, то здесь почти повсеместное откатывание назад.

Горбачев. <...> В последние годы мы остро ощущаем необходимость развертывания интеллектуальной работы с тем, чтобы осмыслить нынешние процессы в коммунистическом движении в комплексе с развитием мировой ситуации. Мы согласны, что, если нельзя говорить о кризисе в международном коммунистическом движении, то, смотря правде в глаза, — а мы так и должны делать и из этого исходить, — международное коммунистическое движение действительно переживает серьезный застой.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации,
идеологических учреждений и творческих союзов
7 мая 1988 года*

Горбачев. Новое мышление — это приглашение к сотрудничеству, а не попытка диктовать и навязывать. Мы почувствовали отклик на него. И у наших противников вся конструкция против нас рушится.

...Не забывайте главное — гордыню остановить. Дискуссии идут везде. Они идут и в Политбюро. Раньше их не было. А теперь стали нормой. Они естественны там, где принимаются судьбоносные решения. Как же тут без дискуссии!

ПБ. С. 367.

*Из беседы с председателем СДПГ Хансом-Йохеном Фогелем
Москва, 11 мая 1988 года*

Фогель. Решающее значение мы придаем преодолению «образа врага». Если не изменится сознание людей, мы можем рассчитывать лишь на проходящие успехи. Надо внимательно следить за генералами с их военно-стратегическими выкладками. Они иногда склонны при составлении своих анализов больше оглядываться на комиссии по военным ассигнованиям.

Горбачев. Тех, кто настроен искать выход, такая тенденция должна беспокоить. Нельзя ослаблять, снижать наступательность нашего противодей-

ствия сторонникам старых подходов. Те еще всячески пытаются задержать процесс разоружения, вставляют палки в колеса. Важно продвигать в широкие общественные круги понимание, что идти дальше таким путем, значит толкать мир к конфронтации, к возможному военному столкновению. Надо называть вещи своими именами.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из интервью Горбачева газете «Вашингтон пост» и журналу «Ньюсуик»
18 мая 1988 года*

Не раз уже полемизировал с представителями Запада по поводу их довода: мол, не пояись ядерное оружие, не прожили бы мы 40 лет без мировой войны. Это из области предположений. А если трезво оценить ту реальную роль, которую сыграло так называемое «равновесие страха»? Оно не дало ничего, кроме невиданной милитаризации внешней политики, экономики, даже духовной жизни. Нанесло ущерб в сфере международной морали и нравов, загубило ту атмосферу доверия и дружелюбия, искреннего интереса друг к другу, которая родилась в советско-американских отношениях в ходе совместной войны и победы над фашизмом. <...>

Мир уже получил достаточно доказательств того, что затяжной характер конфликтов — результат давления на политику исторически изживших себя стереотипов. Они известны: традиционность подходов к обеспечению национальной безопасности, когда предпочтение отдается силовым приемам по сравнению с разумным расчетом и политической смелостью, давняя привычка добиваться удовлетворения своих прав и интересов за счет других, дефицит справедливости и гуманности в международных отношениях.

ГСС. Т. 10. С. 419, 424–425.

*С рабочей группой по учету поправок к тезисам для XIX партконференции
24 мая 1988 года**

Горбачев. <...> Как только коснулись внешней политики — тут сразу попытка наложить табу, тут все, что делалось и происходило, оказывается, было правильным**. А между тем непомерно большая часть национального дохода шла на вооружения. Самые высокие военные расходы в мире. Разорили страну. Держали народ впроголодь. Запороли сельское хозяйство. Зато сидели верхом на ракетах. Это называлось классовым подходом. Какой это, к чёрту, социализм! А стоило нам только коснуться этой темы — сразу зашевелились.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

* В кабинете М.С. Горбачева с ним находились его помощники — А. Черняев, И. Фролов и К. Шахназаров.

** Сказано в связи с выступлением на Пленуме ЦК бывшего первого заместителя министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко, который поставил под сомнение всю внешнюю политику перестройки

*Из ответов Горбачева на письменные вопросы
газеты «Вашингтон пост»
май 1988 года*

Убежден, что военно-стратегический паритет можно поддерживать на низком уровне — и без ядерного оружия. Мы свой выбор сформулировали ясно — остановить гонку вооружений, повернуть ее вспять. <...>

Разве не нужны руководителям, несущим уникальную ответственность за судьбы сегодняшнего мира, такие качества, как умение отказаться от догм, отбросить отжившие представления ради движения вперед. А цель благороднейшая: избавление наших народов и всего человечества от ядерного кошмара, строительство новых отношений, оздоровление международной обстановки. <...>

Новое мышление учло и впитало в себя выводы и требования Движения неприсоединения, общественных и научных кругов, движений врачей, ученых, экологов, различных антивоенных организаций...

Я убежден, что каждая нация, каждый народ не проигрывает, а только выигрывает, если будет смотреть на себя критически, не отгораживаться от опыта других, будет открыт для понимания и уважения другой культуры, другого образа мысли, других обычаев, наконец, другой политической системы, если та, конечно, не террористическая, фашистская, диктаторская.

ГСС. Т. 10. С. 419–420, 423, 426, 428.

*Предложения, переданные Рейгану 29 мая 1988 года,
как основа для Коммюнике по итогам его визита в Москву**

«Исходя из понимания сложившихся реальностей в современном мире, стороны считают, что никакие спорные проблемы не разрешимы и не должны решаться военным путем, что мирное сосуществование мы рассматриваем как **универсальный принцип** международных отношений и что равенство всех государств, невмешательство во внутренние дела и свобода социально-политического выбора должны быть признаны неотъемлемыми и обязательными их нормами».

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Рональдом Рейганом
Москва, 30 мая 1988 года*

Рейган. Я убежден, что если мы не хотим гибели всего мира, то нам необходимо найти пути ликвидации ядерного оружия...

Горбачев. <...> Когда я смотрю в будущее, то я прихожу к выводу, что Советский Союз и США, можно сказать, обречены на сосуществование, на

* Эти предложения, сформулированные в виде проекта совместной декларации, американцами не были приняты.

сотрудничество. В мире сейчас много новых факторов, новых центров сил. Это необходимо учитывать в политике. Мы будем постоянно убеждаться в том, что жизнь требует: нам надо сотрудничать.

Рейган. Согласен с Вами, господин Генеральный секретарь. Как я говорил, мы — это именно те, кто может обеспечить мир во всем мире, ликвидировать угрозу войны.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на приеме в Кремле в честь Рональда Рейгана
30 мая 1988 года*

В международном плане мы видим себя как часть целостной цивилизации, где каждый имеет право на социальный и политический выбор, на достойное и равноправное место в сообществе наций.

В вопросах мира и прогресса мы исходим из приоритета общечеловеческих ценностей и считаем сохранение мира высшим приоритетом.

Вот почему мы — сторонники создания всеобъемлющей системы международной безопасности как условия выживания человечества.

С этим связано и наше стремление возродить и поднять роль Организации Объединенных Наций на основе тех первоначальных целей, которые СССР и США и их союзники закладывали в Устав этой организации.

Нами движет понимание реальностей и императивов ядерно-космического века, века накатывающейся волнами технологической революции, когда человеческий род оказался и всемогущим, и смертным.

ГСС. Т. 11. С. 35, 36.

*Из речи Горбачева в резиденции Рональда Рейгана в Москве
31 мая 1988 года*

Я вижу будущее, когда решению реальных проблем не будут мешать проблемы, искусственно сохраняемые, исторически изжившие себя, унаследованные от «холодной войны», и когда курс на противоборство уступит место совместному поиску, в основе которого будет разум, взаимовыгодность и готовность к компромиссам.

ГСС. Т. 11. С. 47.

*Из речи Горбачева в Кремле при обмене ратификационными грамотами
о введении в действие Договора о РСМД
1 июня 1988 года*

Большая политика — это и большая ответственность. Поэтому ее нельзя строить только на собственном интересе, который всегда неизбежно односторонен.

Для такой политики нужна и большая идея. Человечество выстрадало ее среди войн и катастроф, трагедий и бедствий, исканий и открытий XX века. Это, мы считаем, идея безъядерного и ненасильственного мира...

ГСС. Т. 11. С. 51.

*На пресс-конференции в Кремле
1 июня 1988 года*

Горбачев. Мы рассматриваем мирное сосуществование как универсальный принцип международных отношений и что равенство всех государств, невмешательство во внутренние дела и свобода социально-политического выбора должны быть признаны неотъемлемыми и обязательными для всех нормами...

ГСС. Т. 11. С. 60.

*На встрече в Кремле с представителями международной общественности
2 июня 1988 года*

Горбачев. В ядерный век, когда цена ошибки в большой политике не только возросла, но, я бы сказал, приближается к абсолютной величине, участие в этой политике мировой общественности тоже приобретает новое качество. Я бы сказал, это — мощный фактор нравственного, гуманистического наполнения политики. И в то же время — гарантия, что эта политика не будет отрываться от того, ради чего она в принципе и существует: от человека, его жизненных забот, его интересов.

...Мы будем делать свое дело, как его понимаем, исходя из своих ценностей, своих принципов. И никому не навязываем то, что делаем у себя. Но не примем и никаких поучений, как нам вести наше дело.

Нам не нужен чужой образец, не нужны чуждые нам ценности. За плечами нашего общества — столетия. Через два-три дня мы будем отмечать 1000-летие крещения Руси...<...>

В мире — это не в школе, где есть учителя и ученики. Тут все мы ученики, а жизнь и история — наш учитель, общий учитель. <...>

Более того, мы считаем, что многообразие мира, тот факт, что все мы разные, не делают этот мир хуже. Наоборот, имеется возможность сопоставлять, обмениваться, брать друг у друга все то, что относится к общечеловеческим ценностям, достижениям. <...>

Мир просто устал от всего, что его преследовало целые 40 лет. Люди созрели для другой жизни и для перемен. ...Перед всей цивилизацией ребром встал вопрос: надо менять мышление, менять отношение к тому, как устраивать наш сегодняшний мир.

Фактор времени сегодня становится важнейшим. Это все мы должны учитывать. Чем медленнее разворачивается процесс осознания происходящего в наших странах и в мире в целом, тем больше опасность, что очень сильно

отстанем в политике. Мы можем оказаться просто в тупике, из которого трудно будет выбираться...

ГСС. Т. 11. С. 81, 84, 85, 88, 89.

*На Политбюро
20 июня 1988 года
О проекте доклада на XIX партконференции КПСС*

Громыко. Внешняя политика. Нет замечаний к докладу. Считаю — все правильно. Но историю внешней политики мы должны разделить на два этапа — довоенный и послевоенный. Масса сейчас всего пишется.

Я убежден: по окончании войны наши союзники очень рассчитывали на то, что мы распустим армию совсем и что мы не встанем на путь создания ядерного оружия. Но могли СССР пойти на то, чтобы переключить все ресурсы на мирные цели? Ведь сотни миллиардов шли на цели военные. Тут большое «но». Нас ведь хотели согнуть в бараний рог. В Совете Безопасности ООН мы предлагали Соединенным Штатам остановиться в гонке ядерных вооружений. Они отвергали. Поэтому мы не могли отказаться от производства ядерного оружия и не захотели сокращать свои военные базы. А у них их тысячи были. И нам нельзя было иначе во имя независимости страны.

При Хрущеве у нас было создано 600 бомб (ядерных). Он тогда сказал: докуда же будем? И при Брежневе можно было бы занять более разумную позицию. Но мы по-прежнему оставались при принципе: они гонят и мы гоним, как в спорте.

Наука и умные люди уже сделали вывод о бессмысленности этой гонки. Но мы и они продолжали ее. Мы примитивно подходили к этому делу. А высший наш командный состав исходил из того, что мы победим, если разразится война. И гнали, и гнали ядерное оружие. Это ошибочная была наша позиция, совершенно ошибочная. И политическое руководство виновато в этом полностью.

Десятки миллиардов гнали на производство этих игрушек, ума не хватало. Но вы же все знаете, как решались тогда вопросы. <...>

Чебриков. Международный раздел получился хороший. Может, еще сильнее сказать о том, что удалось отодвинуть угрозу ядерной войны, сказать еще ударнее.

Горбачев. Я бы без захлеба говорил об этом. Мы вышли на правильное понимание ситуации и надо спокойнее это оценить.

Чебриков. Хорошо.

Горбачев. В первом варианте было сказано: «благодаря нашей силе». Нет, так нельзя. Благодаря новому мышлению — так правильнее. Ведь если мы не будем упираться на реализм и не будем предлагать реальные вещи, то с той стороны никто нам навстречу не пойдет и ничего не будет. Это же общий процесс. Хотя вывод о том, что отодвинули угрозу войны, очень важен. И очень важно, что мир пробудился и берет в свои руки свою судьбу. <...>

Воротников. В тексте есть фраза: «Дали втянуть себя в гонку вооружений. Оказались на грани ядерного конфликта». <...>

Горбачев. Это самое мягкое выражение. Можно было бы и сильнее сказать.

Воротников. Не империализм, а мы сами виноваты. Не использовали мы всех средств для создания мира. Сами втянулись в чужую логику.

Горбачев. Тут дурная диалектика: раз уж они так, то и мы так. Были возможности — да, но нас заводили. Если внимательно проследить — мы всегда их догоняли и не использовали должным образом политические методы для достижения своих целей. Однако с той стороны нам постоянно мешали раскрыть потенциал социализма. Эта констатация в какой-то мере может ослабить нашу ошибку. Хотели обеспечить стратегический паритет. Правильное понятие — стратегический паритет. А мы-то делали просто паритет, механический. Мы что со всей НАТО хотим иметь паритет? Со всем миром соревноваться в количестве вооружений: пушка на пушку, самолет на самолет? Тогда давай вводи карточки на продукты, превращай всю страну в военный лагерь и давай гони и гони.

Ситуация менялась, сейчас она другая совсем. А мы по-прежнему не использовали того, что было в нашем распоряжении. Направления мы не меняем. Но раньше нас не хватало на разумное раскрытие наших миролюбивых возможностей.

Воротников. Вот вы сейчас рассуждаете понятно...

Горбачев. Сначала мы в тезисах записали, что оказались на грани войны. Так было там сначала, но потом решили: чтобы не пугать, смягчили формулировку.

ПБ. С. 292, 293, 296, 297.

Из доклада Горбачева на XIX партконференции КПСС 28 июня 1988 года

Перестройка в СССР стала фактором мирового значения. Кардинальные перемены в собственном доме потребовали новых подходов и к международным делам. <...>

Потребовалось не просто совершенствование, а решительное обновление внешней политики. Для этого нужно было новое политическое мышление... Оно — не закрытая и законченная доктрина...

...Оно позволило нам масштабнее оценить жизненное значение для современных международных отношений нравственных ценностей, которые на протяжении столетий вырабатывались народами и обобщались, отчеканивались великими умами человечества... придало динамизм советской внешней политике, позволило выдвинуть целый ряд крупных инициатив. <...>

Ключевое место в новом мышлении занимает концепция свободы выбора. Мы убеждены в универсальности этого принципа для международных отношений, когда главной, обобщающей всемирной проблемой стало само выживание цивилизации.

...Противиться свободе выбора — значит противопоставлять себя объективному ходу самой истории. Вот почему политика силы во всех ее формах и проявлениях исторически изжила себя. <...>

Удалось ли отодвинуть угрозу войны? Мы можем ответить: да, безусловно.

Нет ли тут иллюзий? Разве империалистические истоки агрессии и войн исчезли? Нет. Мы не забываем об угрозе миру со стороны империалистического милитаризма и считаем, что пока еще не сложились гарантии необратимости начатых позитивных процессов. Новое политическое мышление как раз и позволяет видеть и находить новые возможности противостоять политике силы на более широкой, чем раньше политической основе. Укрепляют эти возможности и новые объективные факторы, возникшие во второй половине нынешнего века.

Этим определяется также и наше оборонное строительство, эффективность которого отныне должна обеспечиваться преимущественно качественными параметрами — как в отношении техники, военной науки, так и состава вооруженных сил. Оно должно гарантировать надежную безопасность Советского государства и его союзников, осуществляться в строгом соответствии с нашей оборонительной доктриной. <...>

КПСС считает себя неотъемлемой частью мирового коммунистического движения, которое сейчас ведет трудный поиск выхода на новую стадию своего исторического развития. И мы будем — на основах полного равноправия и уважительности — активно участвовать в этом поиске. Нарастающий международный потенциал заключен в наших новых отношениях с многочисленными общественными силами, представляющими мировую науку и культуру, с политическими партиями иного идеологического направления, в первую очередь с социалистами, социал-демократами, лейбористами, с другими так называемыми «левыми» кругами и движениями. Неизменна наша солидарность с трудящимися всего мира, с борцами против колониализма, расизма и реакции.

ГСС. Т. 11. С. 148–154.

*На заседании Комитета министров обороны
Организации Варшавского Договора
(в здании ЦК КПСС), 7 июля 1988 года*

Горбачев. Спросите Куликова²⁸ и Язова²⁹ — они тоже перестроились. Сначала думали, что Горбачев хочет разгромить армию... до меня доходили такие разговоры. Аналитические бумаги поступали. А на самом деле мы армией, ее укреплением занимались, может быть, так, как никогда до этого.

Доктрину рассматривали. Она должна быть современной, а оказалась расплывчатой. С кем нам воевать, со всем миром? Нам нужен не пулемет на пулемет — у них, у нас, нужна стратегия, исключая неприемлемый ущерб.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из речи Горбачева в Сейме Польши
Варшава, 11 июля 1988 года*

Всем членам мирового сообщества государств, в том числе, конечно, и нам, нужно учиться высокому политическому искусству баланса интересов, искусству поиска взаимоприемлемых решений, каких бы сложных проблем это ни касалось.

Очень важно в этих условиях очистить идеологическую борьбу от запрещенных приемов. Психологическая война, раздувание недоверия между народами несовместимы с нормами цивилизованного межгосударственного общежития.

Проповедь милитаризма, ненависти и вражды необходимо изжить, чтобы различия между странами из помехи сотрудничеству превратились в стимул для него.

ГСС. Т. 11. С. 295.

*Из выступления на Политическом консультативном комитете ОВД
Варшава, 16 июля 1988 года*

Горбачев. Далеко не все было сделано, например, чтобы ограничить гонку вооружений. Втянулись мы в эту гонку, не использовали политических средств в полной мере. А капитализм сознательно вел дело к тому, чтобы измотать нас этой гонкой. И продолжает это делать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече с польской интеллигенцией
Варшава, 14 июля 1988 года*

Горбачев. Вся цивилизация проходит через очень ответственный этап в своем развитии. Можно сказать, что конструкция, вся сложнейшая конструкция, охватывающая и материальную, и духовную сферы современной цивилизации, по-настоящему испытывается нынешним временем. Я имею в виду императивы, связанные с реальной угрозой ядерного уничтожения. Я имею в виду взаимосвязанность между различными частями мира, которая обязывает всех к большей ответственности. Я имею в виду экологическую угрозу и другие глобальные проблемы.

ГСС. Т. 11. С. 334.

*Из беседы с бывшим премьером Японии Ясухиро Накасонэ
Москва, 22 июля 1988 года*

Горбачев. Не мыслить категориями, как бы нанести поражение противоположной стороне. <...> Теперь мы, коммунисты, смотрим спокойнее на различие между социализмом и капитализмом. <...>

Раньше нас обвиняли, что мы крестоносцы, но ведь Ваш друг Рон (*Рейган*) объявлял «крестовый поход» против коммунизма. Я глубоко убежден и знаю, что в мире социализма, в широких кругах в капиталистическом мире существует твердое мнение, что нет никаких оснований для войны из-за наших различий. И это — главное. Если это признавать, тогда можно вести продуктивный разговор.

Накасонэ. Я два раза прочитал Вашу книгу.

Горбачев. Я ее писал с позиций человека, переживающего проблемы мира. Это не научный трактат с выкладками, ссылками, статистикой. В нем нет попыток сопоставить доктрины, подходы. Это размышления человека, которого пока еще не испортила политика. Вообще, очень важно не допустить превращения политика в политикана. Наверное, просто мир обеспокоен, ему нужна новая политика. Я убежден, что ее надо искать.

Поэтому мы постарались философские размышления перевести в плоскость реальной политики. И это принесло результаты...

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из заметок в связи с предстоявшей поездкой Горбачева в Красноярск
Диктовка Черняеву, 22 августа 1988 года*

Мы знаем, где оказалась страна в результате непродуманных решений, в каком состоянии была наша экономика, сколько растрчено народных средств из-за ее неэффективности... И во внешней политике происходило нечто подобное, нанесло огромный вред Советскому государству.

Мы должны решительно, раз и навсегда покончить с такими подходами. <...>

Мы должны быть очень ответственными и решительными в проведении политической линии, ибо с этим связана судьба народа, а учитывая роль Советского Союза в мире, с этим связана и наша способность внести должный вклад в строительство безъядерного, ненасильственного мира.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из послесловия Горбачева к сборнику «Интеллигенция перед лицом
новых проблем социализма» (М., 1988)**

Прежние, традиционные способы объяснения мира теперь недостаточны для того, чтобы, опираясь только на них, можно было строить реальную политику изменений его к лучшему. Вот почему потребовалось новое мышление. <...>

Сегодня все большему числу людей становится ясно, что история — это не игра с нулевой суммой, когда один игрок обязательно выигрывает в той

* Сборник, выпущенный в СССР и Польше по материалам встречи М.С. Горбачева с деятелями польской культуры и науки 14 июля 1988 года.

степени, в какой другой проигрывает. От столкновения, от навязывания чужой воли проигрывают в конечном счете все. История не прощает самоуверенности и эгоцентризма...

ГСС. Т. 11. С. 364, 379.

*Из послания Горбачева участникам очередной
Пагуошской конференции ученых
30 августа 1988 года**

Более тридцати лет отделяет нас от того времени, когда ученые, вдохновленные знаменитым манифестом Рассела — Эйнштейна, собрались в небольшой канадской деревне и заявили, что современное оружие массового уничтожения представляет прямую угрозу существованию цивилизации.

Научное мышление — мощная сила. Теперь оно нужно человечеству и для того, чтобы выжить...<...>

Для победы в борьбе с опасностями глобального масштаба необходимо, чтобы общечеловеческий подход возобладал над эгоизмом частных лиц, особыми интересами тех или иных социальных слоев, отдельных стран и союзов государств.

ГСС. Т. 11. С. 505.

*Из беседы с премьер-министром Италии Ч. Де Митой
Москва, 14 октября 1988 года*

Де Мита. За более чем 40 лет, прошедших после войны, мы научились сохранять равновесие в международных отношениях, которое позволяло избегать войны. Но не научились строить мир.

Горбачев. Странная ситуация: другой мир, другие реальности, а отношения между государствами строятся на тех же принципах, что и после войны, и в период «холодной войны». Сохранились те же стереотипы. Так что и здесь нужна перестройка, хотя в международных отношениях мы говорим не о перестройке, а о новом мышлении.

И еще. <...> Пусть мы разные, но мы — секторы одной цивилизации, может быть, единственной.

Де Мита. <...> Мы не должны совершить ошибки и забывать о тех предвзвесах и предварительных условиях, которые отличали международную политику в послевоенные 40 лет. Конкретный путь устранить имеющиеся трудности состоит не в том, чтобы делать вид, что их нет, а в том, чтобы работать над их преодолением. Необходимо обратиться к историческому опы-

* Пагуошское движение ученых — за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение ядерной войны и научное сотрудничество зародилось в 1955 году, когда 11 всемирно известных ученых, в том числе Альберт Эйнштейн, Фредерик Жолио-Кюри, Бертран Рассел, Макс Борн, Лайнус Полинг и другие, выступили с призывом созвать конференцию против использования ядерной энергии в военных целях. Первая конференция прошла 7–11 июля 1957 года в канадской деревне Пагуош, от которой и происходит название движения.

ту отдельных сообществ и, отталкиваясь от него, идти к построению новых отношений.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи на обеде в Кремле в честь Президента Бразилии Жозе Сарнея
18 октября 1988 года*

Существенная особенность складывающейся новой обстановки состоит в том, что на авансцену мировой политики выдвигаются все новые действующие лица.

И происходит это не путем вытеснения давно расположенных здесь фигур, а путем формирования нового ансамбля. И в результате мир идет не к какому-то многополюсному состоянию, а к естественному для нового времени плюрализму, который предполагает равноправие и может реализоваться лишь на основе баланса интересов. Собственно говоря, именно это мы имеем в виду, когда говорим о демократизации международных отношений. Пока это лишь тенденция, но на нее ориентируются все больше государств и народов.

ГСС. Т. 12. С. 230.

*На совещании с Шеварднадзе, Яковлевым, Добрыниным, Фалиным,
Черняевым по подготовке концепции выступления в ООН
31 октября 1988 года*

Горбачев. С чем поедем в ООН? Думаю так. Надо сначала обозначить итоги политики нового мышления — как отразилась она в умах народов, политиков, военных. Выделить факторы — не случайные, а постоянно действующие.

Мы должны представить себя новыми, показать, как меняемся мы сами, как осознаем меняющийся мир и как развиваемся вместе с ним. Это первая часть выступления.

Вторая часть — и самая главная — подтвердить, что новое мышление, наша новая внешняя политика целиком связаны с перестройкой, с объективными процессами у нас самих. Сказать, что мы дальше собираемся делать внутри страны.

Представить основные принципы нашей новой военно-политической доктрины, по возможности конкретно, и что это означает для международной ситуации. Доктрину по-настоящему представить.

Показать новое военное мышление как часть нового политического мышления, отметить военно-техническую сторону нашей доктрины. В речи передать гласности цифры, относящиеся к нашим вооруженным силам. Назвать сокращения, которые мы собираемся делать в одностороннем порядке. Вообще-то говоря, нам бы за два года разгрузиться от оружия, а потом опубликовать, что было и что осталось.

Я недавно встречался с комсомольцами на их выставке научного творчества. Они меня забросали вопросами: зачем нам, Михаил Сергеевич, нужна такая армия? Зачем нам столько танков, столько ракет? Короче говоря, народ

приемлет идею одностороннего разоружения в случае изменения международной ситуации. Но мы уже действуем в этом направлении. Вот 6 миллиардов долларов отдали на здравоохранение — и именно за счет военных расходов. <...>

Третья часть — об ООН. Сказать, что она пережила за время «холодной войны». ...Во время «холодной войны» ее роль была принижена, роль ее «упала».

Организация эта недаром называется «Объединенные **Нации**». И в этом контексте у нее должна быть общепризнанная доктрина, отражающая права народов, право их свободного выбора, права человека. Показать роль ООН как инструмента нового мира.

Четвертый раздел. Как мы представляем себе наш вклад в создание нового мира? Мы не только призываем, мы будем действовать. В речи надо представить пакет ответов на озабоченности Запада. <...>

Верить нам будут тогда, когда мы сами будем делать совершенно очевидные реальные шаги. <...>

Дать философию видения мира по итогам трех лет. Отметить процесс демилитаризации нашего мышления, гуманизации нашего мышления.

Указать на то, что международная политика, международные контакты сейчас выходят на уровень не только народов, не только политиков, но и генералов.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Из беседы с Франсуа Миттераном Москва, 25 ноября 1988 года

Горбачев. <...> В мире имеются силы, которые так или иначе побуждают нас к вступлению в мирный период. Народы, широкие круги общественности — и это находит свое отражение в политике политических деятелей — действительно горячо желают изменения положения дел в мире к лучшему, хотя и учить сотрудничать. <...>

Важно, что соответствующие выводы делают и те политики, чья деятельность была в свое время связана с «холодной войной», с ее отдельными острыми этапами. Кому-кому, а им особенно трудно отказаться от стереотипов, от опыта тех времен и если даже они осуществляют такой поворот, то очевидно, что с приходом новых поколений перспектива может улучшиться еще больше. Понимание необходимости мирного периода пробивает себе дорогу и становится господствующей тенденцией в мире.

Разделяю Вашу мысль о том, что мы должны участвовать в процессе движения к большему единству мира...<...>

Я — за динамизацию политического диалога, за его содержательный характер, за создание необходимых политических предпосылок для улучшения международной атмосферы. Тогда облегчится решение многих проблем, которые встают сейчас перед международным сообществом...

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
24 ноября 1988 года
О предстоящем выступлении в ООН*

Горбачев. На Совете обороны обсуждали вопрос о нашем одностороннем сокращении численности Вооруженных Сил. Объявим о 500 000, фактически сократим 600 000, включая строителей. <...>

Главное, что придает силу нашей новой внешней политике, — это наша внутренняя перестройка. <...>

Убежден, что наша перестройка создает материальные, социальные и духовные предпосылки для перестройки отношений во всем мире, для перехода к мирному периоду. И нас не собьют никакими провокациями и никакой модернизацией оружия в расчете, что мы будем разоружаться донага в одностороннем порядке. Мы не поддадимся страхам, которые, может быть, и сознательно напускают на нас, чтобы изматывать нас на путях гонки вооружений. Но для себя будем это иметь в виду.

ПБ. С. 433.

*Из выступления Горбачева в ООН
Нью-Йорк, 7 декабря 1988 года*

Мир, в котором мы живем сегодня, коренным образом отличается от того, каким он был в начале или даже в середине нынешнего века. И он продолжает меняться во всех своих составных частях.

Появление ядерного оружия лишь трагическим образом подчеркнуло фундаментальный характер этих изменений. Как материальный символ и носитель абсолютной военной силы оно одновременно обнажило и абсолютные пределы этой силы.

Во весь рост встала проблема выживания, самосохранения человечества. Происходят глубочайшие социальные сдвиги. <...>

Новые реальности меняют всю мировую ситуацию. Ослабляются или смещаются унаследованные от прошлого различия и противоположности. Но появляются новые. Утрачивают значение некоторые прежние разногласия и споры. Их место занимают конфликты нового рода. <...>

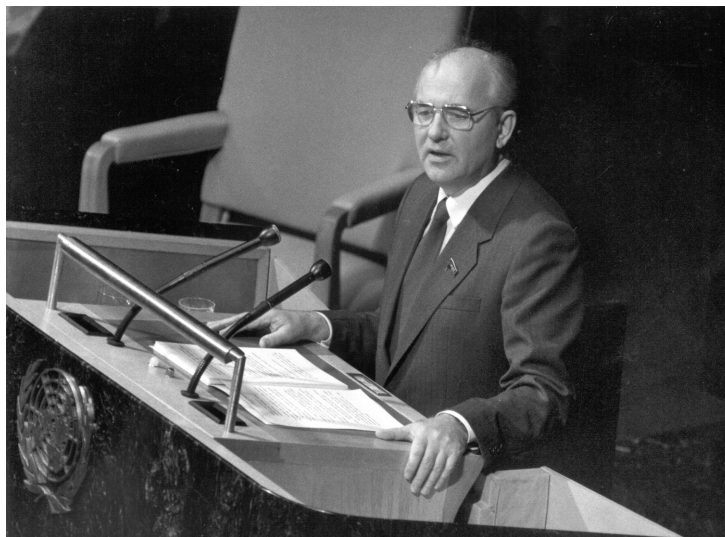
Меняется само представление о характере и критериях прогресса. <...>

Две великие революции — французская 1789 года и российская 1917 года — каждая по-своему — дали гигантский импульс прогрессу человечества. Именно они во многом сформировали и образ мышления, который пока превалирует в общественном сознании. Это величайшее духовное богатство.

Но сегодня перед нами возникает иной мир, для которого надо искать иные пути в будущее. <...>

Осознание этого требует, чтобы и мировая политика определялась приоритетом общечеловеческих ценностей. <...>

Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск общечеловеческого консенсуса в движении к новому мировому порядку. <...>

Выступление в ООН. 1988 год

Само решение глобальных проблем требует нового «объема» и «качества» взаимодействия государств и общественно-политических течений, независимо от идеологических и прочих различий. <...>

Все более ощутимым их (*процессов*) признаком становится растущая **многовариантность** общественного развития разных стран. <...>

Речь идет о единстве в многообразии. Если мы констатируем это в политическом плане, если подтверждаем, что мы привержены свободе выбора, тогда отпадут и представления, что кто-то находится на земле в силу «святой воли», а кто-то другой оказался здесь совершенно случайно. <...>

Мы не собираемся замыкаться в кругу своих ценностей. Это вело бы к духовному оскудению, ибо означало бы отказ от такого мощного источника развития, как обмен всем тем оригинальным, что создается каждой нацией самостоятельно...<...>

Но подвергнув строгому анализу прежние и вновь возникшие реалии, мы пришли к выводу, что именно на таких подходах надо совместно искать путь к **верховенству общечеловеческой идеи** над бесчисленным множеством центробежных сил, к сохранению жизнеспособности цивилизации, возможно, единственной во Вселенной.

Демократизация международных отношений — это... также и **гуманизация** этих отношений.

Международные связи только тогда будут сполна отражать подлинные интересы народов и надежно служить делу их общей безопасности, когда в центре всего будет человек, его заботы, права и свободы.

*На Политбюро
27 декабря 1988 года
Об итогах поездки Горбачева в Нью-Йорк*

Горбачев. Продолжается размывание фундамента «холодной войны».

Яковлев. Поездка — не только продолжение нашей политики, но и определенный рубеж, водораздел, знаменующий отказ от самоизоляции. Американцы боятся нашей европейской и тихоокеанской политики. Их беспокоит размывание образа врага.

ПБ. С. 439, 440.

*На встрече в ЦК с деятелями науки и культуры
6 января 1989 года*

Горбачев. <...> Я далек от того, чтобы считать наше новое видение мира законченным, раз и навсегда данным. Собственно говоря, мы все время обогащаем свои представления, свою политику. Новым шагом в этом отношении являются соображения и предложения, высказанные в недавнем выступлении в Организации Объединенных Наций...

ГСС. Т. 13. С. 122.

*Из беседы с Генри Киссинджером
Москва, 17 января 1989 года*

Горбачев. Чем больше экономической зависимости между нами, тем больше будет доверия в политике, тем надежнее станут отношения.

Киссинджер. Вы полагаете, что препятствия здесь создает правительство или объективные экономические условия? Если виновато правительство, то что надо делать?

Горбачев. Конечно, проблема сочетания наших экономик, поиска форм их сотрудничества — это реальная проблема, о которой должны думать обе стороны. Но сегодня то, что делаем мы во внешнеэкономической области — создание юридических и экономических предпосылок, укрепление гарантий для наших иностранных партнеров, — должно быть поддержано с вашей стороны отказом от поправки Джексона-Вэника. Если ее не вынести веником, то нам будет трудно выходить на ваши рынки.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из ответов Горбачева на вопросы газеты «Правда»
17 января 1989 года*

Стабильный мир, приносящий полезные материальные и духовные плоды всем участникам его созидания, — это постоянный процесс, основанный на сочетании интересов государств, на интернационализации дей-

Генри Киссинджер (Henry Kissinger) (родился в 1923 году в семье выходцев из Германии) — яркая личность на международной арене последней трети XX века. Историк по образованию, автор знаменитого труда о Версальском конгрессе 1815 года. Профессор Гарвардского и Джорджтаунского университетов.

Помощник президента США Никсона по национальной безопасности (1969–1975), госсекретарь США в 1973–1977 годах. Влиятельный идеолог и теоретик международных отношений. Активный участник крупных международных событий своего времени, среди них: прекращение интервенции во Вьетнаме, нормализация отношений с Китаем, принуждение к миру (совместно с СССР) в израильско-арабской войне 1973 года (для этого дважды приезжал в Москву к Брежневу). В его политическом активе заключение с СССР Договора об ограничении стратегических вооружений ОСВ-1, подавление демократической революции в Чили, проведение политики «сдерживания в отношении СССР» и многого другого, где влияние и роль Киссинджера очевидны. Не отвергает титула, который ему приписали журналисты — «Макиавели XX столетия». Во всем, чем он занимался, виден его циничный, но в пределах «здорового смысла», подход к международным делам как к сфере «неизбежного и необходимого доминирования США».

До сих пор к его оценкам и рекомендациям по внешнеполитическим вопросам прислушиваются в Америке и не только там.

ствительно международных проблем с учетом жизненных национальных потребностей.

ГСС. Т. 13. С. 161.

*На встрече с представителями Трехсторонней комиссии
Москва, 18 января 1989 года**

Горбачев. <...> Мы постарались сделать для себя кардинальные выводы. Это позволило легче дышать, лучше знать и понимать самих себя и одновре-

* Трехсторонняя комиссия (Trilateral Commission) — международная организация, основанная в 1973 году американским банкиром Дэвидом Рокфеллером в целях обсуждения и поиска общих подходов США, Западной Европы и Японии к решению главных мировых проблем. В состав Комиссии входили политики, банкиры, руководители крупнейших компаний — всего около 380 человек (по одной трети от каждого из трех регионов — Северной Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона). На встрече Комиссию представляли Г. Киссинджер, В. Жискара д'Эстен и Я. Накаоне.

менно выйти на новое видение окружающего мира. Оказалось, что пересмотр прежнего образа мысли — мучительный процесс. Но если быть честным перед своим народом, перед теми, на кого выходишь во внешнем мире, это необходимо. О своих поисках мы сообщали всему миру. И ни в одном вопросе не было у нас претензий монополизировать истину. Что было и есть — это обращение к своей стране и к миру размышлять и сообща искать ответы и решения. <...>

Нам надо по-новому подойти к самой идее мирного сосуществования — с учетом нынешних грозных опасностей и одновременно того обстоятельства, что все мы стали гораздо более зависимы друг от друга. <...>

Всем пора избавиться от примитивных штампов, сложившихся в прошлом. Сами мы не потрудились своевременно разобраться во внутренних пружинах капиталистического общества, недооценили его способность к адаптации и развитию в новых условиях, предрекали ему скорый крах. <...>

Жискар Д'Эстен.³⁰ <...> Нам хотелось бы знать, чего вы ждете от других участников мирохозяйственных связей. Экономические связи предполагают наличие как минимум двух участников. Что касается нас, то мы стремимся к их развитию. Но как вы видите их будущие формы? Намереваетесь ли вы развивать преимущественно межгосударственные экономические отношения или связи между фирмами, предприятиями? Будете ли вы соблюдать экономическую многосторонность, правила международных экономических связей? Будет ли конвертируемым рубль? Когда вы думаете вступать в основные международные экономические организации? Вот те вопросы, которые нас конкретно интересуют, как составителей нашего будущего доклада (*по итогам встречи*).

Горбачев. <...> Мы хотим найти подходы, на которых можно было бы усовершенствовать отношения между капиталистическими и социалистическими странами, придать им нормальный характер. Обмены между двумя системами должны строиться на основе взаимной выгоды, учета интересов развитых и развивающихся стран.

Второе направление — изменение нашей внешнеэкономической политики на основе большей открытости, налаживания прямых связей на уровне предприятий, развития новых форм взаимовыгодного сотрудничества. За последние два года мы «либерализовали» принципы наших внешнеэкономических отношений. Нам надо подучиться, научиться. Мы уже покончили со своим «внутренним КОКОМом», ликвидировали барьеры, которые существовали между военным и гражданским секторами экономики.

ГСС. Т. 13. С. 172, 173;
АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с национальным секретарем
Итальянской коммунистической партии Акилле Оккетто
Москва, 28 февраля 1989 года*

Горбачев (*после обстоятельного рассказа об идеях, политике и проблемах перестройки на новом ее этапе*). Мы видим, как мир реагирует на нашу перестройку, на ее успехи и трудности.

Оккетто, отметив огромный интерес к перестройке и в Италии, и в итальянской компартии, излагает далее новые идеи, разрабатываемые «для нового курса новой ИКП» накануне ее съезда. <...> ИКП готовится к своему очередному XVIII съезду и внесла в разработку своей политической линии значительные элементы новизны³¹.<...>

Эти идеи рождаются из нового политического выбора ИКП. Суть его заключается в том, что мы хотим внести «элементы разрыва» с 40-летней историей Италии послевоенного периода.

Горбачев. Надо понимать, что речь идет о диалектическом разрыве, означаящем, что с собой все же надо взять все полезное.

Оккетто. Да, речь идет о том, чтобы внести «элементы разрыва» с прошлым, преодолеть это прошлое, но и одновременно впитать, говоря по Гегелю, все полезное. <...>

Идея европейского пути к социализму родилась из объективного факта — из предстоящего в 1992 году создания единого европейского рынка. <...>

В этом плане хочу еще раз подчеркнуть, товарищ Горбачев, что я очень высоко ценю Вашу речь в ООН. В особенности ту ее часть, где говорится о значении Великой Октябрьской и Великой французской революций. Действительно, сейчас уже нельзя односторонне подходить к значению и к воздействию на современность или первой или второй революции. Поэтому новое мышление действительно не только для межгосударственных отношений, но оно имеет значение и для отношений внутри рабочего и прогрессивного движения. Очевидно, исходная точка здесь следующая: изменились сами подходы к проблеме раскола, происшедшего несколько десятилетий назад в рабочем движении. <...>

Исходным пунктом нового этапа в итальянской политической жизни должна стать новая концепция власти и новые функции государства. Государство должно меньше управлять, но оно должно выработать правила и нормы, которые должны регулировать деятельность активных сил общества, обеспечить деятельность на рынке общественных субъектов, то есть государственных, частных и кооперативных предприятий. <...>

Горбачев. Какова же будет социально-экономическая природа этого общества?

Оккетто. Можно сказать, что это общество будет развиваться на основе постепенных изменений, на основе демократических процессов, если, конечно, не будет предпринято попыток с чьей-то стороны помешать этим процессам насильственным образом. Но тогда надо будет все пересмотреть заново. Во всяком случае, мы считаем, что довольно длительный этап развития будет этапом со смешанной экономикой.

Горбачев. Разрабатывая метод хозрасчета, мы решили изучить и опыт самофинансирования в Италии. <...>

Мы обратили внимание на особенности шведского общества, где глубоко развита кооперация. Если сочетается кооперация в экономике и демократия в политике, то получается интересный симбиоз, который способствует движению к большей социальной справедливости.

Оккетто. Может быть, шведский опыт действительно наиболее интересный. Не исключено, что процесс интегральной демократии позволит в будущем сблизить, соединить два мира, которые были разделены десятилетиями «холодной войны». Представляется, что речь идет о том, что на Западе необходимо на демократической основе принять нормы, регулирующие функцию рынка, а на Востоке — о том, чтобы ввести элементы рынка на базе политической демократии. На этом поприще наши партии могут внести большой вклад в осуществление этого реформаторского курса. <...>

Один из самых сложных вопросов — вопрос о необходимости преодолеть само понятие международного коммунистического движения, во всяком случае европейской его составной части.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Маргарет Тэтчер
Лондон, 6 апреля 1989 года*

Тэтчер. <...> Я первая начала аналогичную перестройку у нас. И поэтому я первая сказала, что ваш успех в наших интересах. В наших интересах, чтобы Советский Союз был более мирным, более процветающим, более открытым для перемен. Чтобы это сочеталось с личными свободами, с большей открытостью и обменами. Продолжайте Ваш курс, а мы будем продолжать нашу линию...

Я говорила в Чекерсе (*принимая Горбачева в своей загородной резиденции в 1984 году*), повторю и сейчас: мы все хотим исключить возможность войны из нашей жизни. Вопрос, как это сделать. Я принадлежу к поколению, которое помнит прошлую войну и ее ужасы, поэтому я больше чем кто-либо заинтересована в предотвращении войны, такова же и позиция США.

Горбачев. Но эту позицию трудно воплотить в жизнь на рельсах приверженности к ядерному оружию. Наоборот, ее можно материализовать, добиваясь осуществления инициатив, направленных на устранение оружия, в первую очередь ядерного.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с государственным секретарем США Джеймсом Бейкером
Москва, 11 мая 1989 года*

Горбачев. Думаю, будущим поколениям советских и американских аналитиков предстоит разобраться, как мы втянулись в этот конфронтационный процесс и пришли в конце концов к краю пропасти. Хорошо, что сейчас мы начали отходить от нее, но нельзя не видеть, как много вреда принесла конфронтация не только нашим странам, но и всему миру. Ведь сколько буквально кричащих проблем пришлось отставить в сторону ради гонки вооружений.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из выступления Горбачева на встрече с китайской общественностью
Пекин, 17 мая 1989 года**

Человечество, извечно считавшее себя бессмертным, впервые столкнулось с проблемой выживания.

Само право на жизнь обрело новый смысл, стало проблемой, требующей глобального решения. Нельзя укрыться за частоколом своих границ от тайфуна ядерной войны. Нельзя сохранить чистоту воздуха, уберечься от СПИДа, обезопасить себя от терроризма, действуя лишь в пределах национальных территорий.

Из этих очевидных для всех констатаций естественно вытекает общая формула: в современном взаимозависимом мире невозможно больше национально ограниченное, изолированное развитие. Выживание человечества и прогресс созданной им цивилизации могут быть только плодом совместного творчества всех стран и народов.

Но возникает вопрос: как сочетается с этим другая мощная тенденция современного общественного развития — к утверждению национального самосознания каждого народа, его безусловного права на свободный выбор собственного пути?

Мир интегрируется, образно говоря, «сужается» и одновременно становится более многоликим, как бы «расширяется». В этом — одно из реальных противоречий нашей эпохи. Его невозможно игнорировать. И крайне опасны были бы попытки снять это противоречие с помощью силы, навязывая народам то или иное общественное устройство, диктуя им правила поведения, выработанные неким синклитом великих держав.

Нет, гордые узлы нашего времени нельзя разрубить, их надо осторожно развязывать. <...>

Ведь речь идет об интересах более чем полутораста государств, причем находящихся по «мировым часам» истории в различных фазах развития. <...>

К действительно устойчивой системе взаимозависимости, столь необходимой в современном мире, можно прийти только через консенсус подлинно независимых стран. <...>

Представляется необходимым с порога отвергнуть крайности. Нереальны надежды на перераспределение богатства, установление своего рода международной уравниловки. И столь же беспочвенны расчеты богатых отсидеться в цитаделях или откупиться от бедных подачками. Катастрофа, если она разразится, затронет всех.

Единственно справедливое и разумное решение надо искать на путях усиления коллективного содействия развитию. Добровольная интернационализация усилий во имя решения кричащих социальных проблем возможна и необходима на основе увеличения независимости и праве наций на самоопределение.

ГСС. Т. 14. С. 216, 217, 221.

* Горбачев возглавлял советскую делегацию — первую на высшем уровне после разрыва отношений между двумя государствами в 50-х годах.

*Из доклада Горбачева на Съезде народных депутатов СССР
30 мая 1989 года**

Перестройка в Советском Союзе не могла не отразиться на всей нашей международной деятельности, но она и не могла осуществляться при сохранении прежней внешней политики.

Коренное изменение внешнеполитического курса связано с новым политическим мышлением, которое вырабатывалось по мере освобождения от догматических представлений, от выводов, правильных лишь для своего времени, но переставших соответствовать реалиям наших дней.

Новое мышление — это динамичная концепция, которая продолжает развиваться и углубляться. <...>

В основе нового мышления лежит признание приоритета общечеловеческих интересов и ценностей; общепринятых норм морали как обязательного критерия всякой политики; свободы социально-политического выбора, исключающей вмешательство в дела любого государства; необходимости деидеологизации межгосударственных отношений. <...>

Но как бы ни были еще необходимы старые формы и средства, нельзя позволить, чтобы они блокировали новые подходы к строительству международных отношений. В этом мудрость всякой большой политики. ... В этом — качественное отличие внешней политики периода перестройки. Отстаивать ее мы теперь можем, опираясь на реальные результаты. Многие уже стало привычным, кажется нормальным. Но где бы мы были, если бы все оставалось как раньше?

Спала лихорадка международной напряженности. Нет прямой угрозы ядерной войны. Люди разных стран как бы посмотрели в лицо друг другу и поняли нелепость вражды. Началось сокращение ядерных арсеналов. <...>

Съезду народных депутатов предстоит рассмотреть и законодательно утвердить **принципы нашего внешнеполитического курса на предстоящие годы**. Полагаю, речь должна идти о следующем:

— безопасность страны должна обеспечиваться прежде всего политическими средствами как составная часть всеобщей и равной безопасности в процессе демилитаризации, демократизации и гуманизации международных отношений, с опорой на авторитет и возможности ООН;

— ядерное оружие должно быть ликвидировано в ходе переговорного процесса, ориентированного на разоружение и сокращение оборонного потенциала государств до пределов разумной достаточности;

— недопустимы применение силы и угроза силой в целях достижения каких-либо политических, экономических или иных целей; в отношениях с другими странами непреложно уважение суверенитета, независимости, территориальной целостности;

* Концепция советской внешней политики, изложенная в этом докладе, была одобрена Съездом народных депутатов СССР, что превратило ее в закон по сути нового государства, где уже не командовала КПСС.

— не конфронтация, а диалог и переговоры с установкой на баланс интересов должны стать единственным способом решения международных проблем, урегулирования конфликтов;

— мы за включение советской экономики в мировое хозяйство на взаимовыгодных и равноправных основах, активное участие в формировании и соблюдении правил современного международного разделения труда, научного и технического обмена, торговли, за сотрудничество со всеми, кто готов к этому. <...>

В прошлом наша внешнеполитическая практика в некоторых случаях шла вразрез с провозглашавшимися высокими принципами социалистической внешней политики. Допускались произвольные действия, которые наносили стране серьезный ущерб, негативно сказывались на ее международном авторитете. Это было следствием все той же командной системы, свойственного ей келейного принятия решений.

Одна из важных задач реконструируемой нами политической системы — исключить подобные порядки и методы. Впредь все значительные внешнеполитические решения должны приниматься лишь после основательного их обсуждения в Верховном Совете и его комиссиях. А наиболее крупные из них, например, связанные с союзническими отношениями, заключением важнейших договоров, — выноситься и на рассмотрение Съезда народных депутатов.

ГСС. Т. 14. С. 363–366.

Съезд народных депутатов одобрил новую внешнеполитическую концепцию, придав ей силу Закона. Поэтому вроде бы нет смысла и дальше цитировать высказывания Горбачева о сути нового мышления — философии и методологии внешней политики перестройки. Реализация этой концепции найдет отражение в других разделах. Тем не менее отдельные, наиболее яркие тезисы общетеоретического порядка по международным проблемам, высказанные Горбачевым уже после Съезда, мы считаем полезным привести и в этой главе.

Из приветствия ЦК КПСС XVIII конгрессу Социалистического интернационала

Делегаты XVIII конгресса Социалистического интернационала уже знают, что Съезд народных депутатов подтвердил и узаконил те принципы внешнеполитического курса Советского Союза, которые вытекают из нового мышления. <...>

Мы придаем большое значение действительному вкладу Социалистического интернационала, его партий в преодоление трудностей — объективных, но часто и искусственно создаваемых — на пути к сокращению вооружений и укреплению международной стабильности. <...>

Мы предлагаем конкретную программу действий практически по всему спектру международных проблем: разоружения, демократизации международных отношений, урегулирования региональных конфликтов, защиты окружающей среды, использования ресурсов, которые ныне растрачиваются

на гонку вооружений, для улучшения жизни народов, особенно в странах «третьего мира».

«Правда», 20 июня 1989 года.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Париж, 4 июля 1989 года*

Горбачев. <...> Нельзя никому отказывать в праве действовать на базе своего понимания, своих убеждений, своих ценностей и своей приверженности своим идеалам. Это, конечно, не отменяет того факта, что мы все взаимосвязаны, взаимозависимы — при всех различиях между нами. Мы ведь разные даже в одной и той же системе. И мы останемся таковыми, даже если будут реализованы те или иные варианты социального выбора.

Очевидно, что мир изменить трудно. Трудно и в масштабах одной страны. А что же говорить, когда речь идет о масштабах мирового сообщества... <...> Было бы опасно, если бы кто-либо в эти беспокойные времена брожения умов и серьезных сдвигов попытался эксплуатировать, а точнее сказать, спекулировать на подобного рода болезненных процессах в корыстных интересах, без учета перспективы, без правильного понимания баланса интересов.

Миттеран. <...> По моему убеждению, еще не было случая в истории, когда политика нагнетания напряженности приводила бы к успеху. Это общий закон политики. Очевидно: когда проводится политика нагнетания напряженности, возникает ситуация, выходящая из-под всякого контроля.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из выступлений Горбачева во время его визита во Францию
Париж, 4–5 июля 1989 года; Страсбург, 6 июля 1989 года*

Мы по-новому теперь всматриваемся в наследие Французской революции, по-иному трактуем многие ее повороты и лозунги. Извлекаем из ее опыта и из ее трагедий современные уроки. Нам теперь более понятен пафос «Декларации прав человека и гражданина»: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе». <...>

Свобода выбора — универсальный в наш век принцип существования мирового сообщества. И к этому придется адаптироваться.

В наше время — и это совершенно справедливо — о государстве судят по тому, хочет ли оно и способно ли создать законодательные и материальные возможности, позволяющие человеку и гражданину чувствовать себя свободным и равным среди равных. Да и все мировое сообщество может быть гарантировано от катастроф в том случае, если государства и в этой сфере будут руководствоваться общепризнанными нормами. А стало быть, как никогда, актуальным является поиск согласия в отношении этих норм

с учетом существования различных социально-экономических и политических систем. <...>

Помимо прав человека и прав народов возникла еще одна колоссальная, жизнеутверждающая и вместе с тем драматическая проблема — обеспечение прав человечества. Прав рода людского на продолжение жизни. Его прав на возрождение гармонии с остальной природой. Его права на нормальные, подлинно человеческие условия развития. Думается, здесь мы пока еще в самом начале пути.

Новая историческая эпоха диктует новые законы общественного прогресса. Реальности нашего времени заставляют переосмыслить сами его критерии.

Развитие материального производства не может продолжаться в прежних формах, при тех же нагрузках на среду обитания. С другой стороны, гуманизация общества — как бы оно ни отличалось одно от другого, от страны к стране — диктует такой тип развития, в фокусе которого должны быть личность, сущностные силы человека. Проблема глобальна и требует общечеловеческого консенсуса.

Мы вступили в эпоху, когда любой прогресс должен вписываться в общечеловеческие интересы. Необходимо искать — и искать вместе — общие критерии прогресса в условиях неудержимой научно-технической революции, в ядерный, а затем и в постядерный век. Мы обречены это делать, ибо альтернатива — общий упадок, распад мировой цивилизации, а то и гибель ее.

Уже сейчас ясно, что нельзя привычное, традиционное понимание прогресса проецировать в XXI век. Опыт истории к тому же убедительно показал, что такой тип прогресса только усиливает неравномерность пользования благами — как в рамках отдельных стран, так и в мировом сообществе. Традиционный, в общем-то технократический подход теперь резко поворачивается против самой идеи прогресса — возвышения человека.

В повестке дня — выработка каких-то разумных потребностей человечества с учетом ресурсов энергии и сырья, требований экологии и демографии и, конечно, необходимости ликвидировать угрожающий всем разрыв между небольшой группой развитых стран и десятками других, особенно в «третьем мире».

Та новая цивилизация, формирование которой уже началось, не будет единообразным монолитом. Напротив, ее жизнеспособность — в многовариантности и многоликости, духовной, национальной, социальной, политической, культурной. В этом — отличительная черта целостности именно современного мира, которая, несомненно, будет усиливаться от десятилетия к десятилетию. А раз так, то одной из первейших предпосылок прогресса становится терпимость к иному образу мысли и к иному образу жизни.

Борьба за национальную, экономическую и политическую самостоятельность, за социальные и политические права в нынешних условиях не приведет к цели никого из ее участников, если они будут игнорировать суровые реальности ядерного века и заведомо откажутся от поиска мирных, политических способов разрешения противоречий и улаживания возможных кон-

фликтов. Если будут пытаться найти выход вне контекста с общечеловеческими интересами, в конфронтации частных и общих интересов.

Таковы, думается, наиболее важные постулаты времени, в котором нам выпало жить. Осознание их, повторю, требует напряжения мысли и беспокойной совести, пересмотра привычных представлений — словом, нового политического мышления. <...>

Но не менее опасен в наше время ум, лишенный моральной основы. Без органичного сопряжения его с моралью современная наука теряет свой человеческий смысл.

Еще более важно и актуально, чтобы укрепление нравственного начала науки отражалось и на связи ее с политикой. Ослабление, тем более разрыв любого сочленения в триединстве: политика — наука — мораль чревато непредсказуемыми последствиями для современного человечества.

Политика, если угодно, нуждается в интеллигентности. Она обязана постоянно апеллировать к разуму и творческому началу. А это предполагает подлинный демократизм не только в отношениях ее с собственным народом, но и в международной сфере. <...>

Нравственное начало, уходящее корнями в тысячелетнюю культуру человеческих отношений, придает политике силу, чтобы справиться с глобальными опасностями, укрепляет в людях веру в лучшее будущее.

Неотвратима необходимость сделать все, что в пределах современного разума, чтобы человек мог и впредь выполнять предназначенную ему роль на этой Земле, а может быть, и во Вселенной. Чтобы он сумел адаптироваться к стрессовой новизне современного бытия и победить в борьбе за выживание нынешнего и будущих поколений. <...>

В нынешнем взаимозависимом мире геополитические представления, рожденные другой эпохой, оказываются столь же беспомощными в реальной политике, как законы классической механики в квантовой теории.

*Визит М.С. Горбачева во Францию... Документы и материалы.
М.: Политиздат, 1989. С. 17, 27, 28–31, 128–130.*

*На встрече с руководителями стран Варшавского Договора
Бухарест, 8 июля 1989 года*

Горбачев. Необходимо, оценивая происходящие в Советском Союзе перемены, приподняться с насиженных кресел, взглянуть на события с более высоких — исторических, философских позиций.

Очень важно под таким углом зрения подойти к реальности, и тогда можно будет понять и теорию перемен, и политику перемен.

Мы долго и обстоятельно размышляли над процессами, идущими в мире. И пришли к выводу, что назрел переход от складывавшегося десятилетиями международного порядка к другому. **И каким будет этот другой порядок, во многом зависит от процессов развития социалистических стран.**

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Жоржем Марше
22 сентября 1989 года*

Марше. <...> Во Франции идет ожесточенная идеологическая борьба. Наши противники заявляют, что коммунизм, социализм, мол, потерпели поражение. Они утверждают, что коммунистические партии в капиталистических странах утратили смысл своего существования. В частности, говорят, что, создавая ФКП в 1920 году, французские коммунисты совершили ошибку. <...>

Что касается ФКП, то вопреки утверждениям наших политических противников, мы решительно и твердо поддерживаем перестройку.

Горбачев. Мы уже закалились, а на первом этапе были очень чувствительны к тому, что говорят о нас — как внутри, так и за пределами нашей страны. Меня, например, объявляли и ревизионистом, и похоронщиком социализма. <...>

Сейчас все мы — коммунисты — осознаем, что находимся на очень ответственном этапе. Мы должны осмыслить то, что нам дал опыт строительства социализма там, где произошли революции, а также опыт многолетней политической борьбы компартий в капиталистических странах. Мы трудно шли к нынешнему этапу свободного, широкого обмена мнениями, дискуссий между нами. На подходе к этому этапу были большие баталии, выдвигались требования и даже обвинения. Все это же было. Я думаю, что если бы тогда существовала атмосфера, которая сегодня существует в отношениях между партиями, нам удалось бы избежать многого в развитии соцстран, коммунистического движения.

В порядке самокритики должен сказать о доли ответственности КПСС за это. Думаю, и другие партии тоже не всегда были на высоте положения. А все от того, что мы поклонялись идолу: единой модели социализма.

Марше. Я с тобой согласен.

Горбачев. Малейший поиск, попытка учета реальностей в деятельности компартий воспринимались чуть ли не как покушение, как ревизионизм, отступничество от идеалов. Это беда для всех и это надо признать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Маргарет Тэтчер
Москва, 23 сентября 1989 года*

Тэтчер. <...> Конечно, споров и разногласий не избежать, но они отступают на второй план. Сейчас поистине исторически важный период в мире, и мы едины в главном — в стремлении закрепить его.

Горбачев. <...> Нынешнее поколение руководителей государств, особенно таких, как СССР и Англия, не должно, не имеет морального права не осмыслить реальности нынешнего переломного периода, не использовать шанс для совместного формирования **мирного периода** в истории цивилизации. Если будет иначе, то это будет самое большое политическое упущение в мире.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Вилли Брандт (Willy Brandt) (настоящие имя и фамилия Герберт Эрнст Карл Фрам) — германский политик в 70–80-е годы, общепризнанный лидер европейской и международной социал-демократии. Родился в 1913 году в Любеке. Воспитывался в семье деда — портового рабочего и убежденного социал-демократа. Под его влиянием воспринял социалистические ценности. В 16-летнем возрасте вступил в социал-демократическую партию. Принимал участие в уличных стычках социал-демократической молодежи с нацистами.

После прихода Гитлера к власти в 1933 году эмигрировал в Норвегию, где по заданию партии организовал Центр социалистов-иммигрантов. В 1936 году, нелегально посетив нацистскую Германию, направлял оттуда корреспонденции в различные органы левой европейской печати. В 1937 году находился в Республиканской Испании, рассылал в другие страны свои корреспонденции против Франко.

После германской оккупации Норвегии в 1940 году Брандт укрылся в Швеции. Здесь сразу установил связь с лидерами норвежского Сопротивления. В 1946 году переехал в Берлин и возобновил сотрудничество с Социал-демократической партией Германии.

В 1949 году после образования Федеративной Республики Германии Брандт был избран в бундестаг, где представлял Западный Берлин, а в 1957 году стал его обер-бургомистром. В 1964 году был избран сначала заместителем председателя, а затем — председателем СДПГ.

В 1966 году Социал-демократическая партия образовала вместе с ХДС коалиционное правительство, в котором Брандт получил пост вице-канцлера и министра иностранных дел, а в 1969 году, после победы на очередных парламентских выборах, стал канцлером.

Брандт внес исключительно важный вклад в нормализацию межгосударственных отношений в Европе. Развивая активные экономические и военные связи ФРГ с западными державами, он вместе с тем положил начало так называемой «новой восточной политике». В рамках этой политики были заключены договоры ФРГ с Румынией, Югославией, Чехословакией и Польшей. В августе 1970 года между ФРГ и СССР заключен знаменитый Московский договор, открывший пути к нормализации отношений между ФРГ и СССР, одновременно способствовавший ослаблению напряженности в Европе. В 1971 году Брандт был удостоен Нобелевской премии мира. В 1985 году его наградили Эйнштейновской премией мира.

Подав в отставку в 1974 году с поста канцлера, Брандт до 1987 года оставался председателем СДПГ, с 1976 по 1992 год (год смерти) занимал пост президента Социалистического Интернационала, а с 1979 года был членом Европейского парламента.

В Германии и во многих других странах чтут память об этом человеке, отдают должное его незаурядному уму, мужеству, политической прозорливости, силе воли и целеустремленности, его роли в преодолении «холодной войны».

*Из беседы с Вилли Брандтом
17 октября 1989 года.*

Горбачев. У меня такое впечатление, скажу сильнее — убеждение, что в результате глубоких перемен, происходящих в социалистических странах, а также тех процессов, которые идут в социал-демократических партиях, мы становимся ближе друг к другу. Если мы говорим, что в нашем взаимозависимом мире мы должны искать способы жить в согласии с любой страной, какой бы выбор она ни сделала, то сам бог велел искать сотрудничества, новых форм связей с социал-демократами не только по вопросам мира, но и в плане решения различных социальных задач. <...>

Брандт. <...> Мы не хотим создавать впечатления, что все, что было между нами в прошлом, прояснено и «переварено». Наряду с возможно близким соседством в духе нового мышления нам следовало бы наращивать практическое, прагматическое сотрудничество. Согласен с Вами в том, что наряду с вопросами войны и мира, — а они остаются приоритетными, — необходимо взаимодействовать и в других сферах, достигать через такое сотрудничество нового качества отношений. <...>

Мы предлагаем направить в СССР в начале следующего года небольшую делегацию вице-председателей Социнтерна от европейских соцпартий во главе с Пьером Моруа, а также генсека Интернационала, чилийца Айялу. Они могли бы обсудить с вашими представителями возможные новые темы сотрудничества. Хотелось бы в большей мере учесть такие темы, как мировая экономика, Север-Юг, глобальные вопросы, прежде всего экологию, научно-техническую революцию, информационные процессы. Это мог бы быть не только обмен мнениями, но и разработка и сопоставление различных моделей. <...>

Горбачев. <...> Мы считаем полезными интенсивный обмен мнениями по проблемам социализма, которые беспокоят сегодня, по проблемам научно-технической революции, экологии, информации и т.д. Ваше предложение об обмене мнениями по этим проблемам, в том числе и о визите делегации вице-председателей Социнтерна мы приветствуем.

Не все мы прояснили, многое предстоит прояснить. Тем более что мы действительно находимся в процессе осмысления и прошлого опыта и ищем подходы к переходу в новое качество.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Акилле Оккетто
Рим, 30 ноября 1989 года*

Наполитано³². Позиции правительства на предстоящих переговорах (*Горбачева с итальянским руководством*) были обсуждены, одобрены в парламенте и согласованы с оппозицией, то есть с ИКП. <...>

Оккетто. Какова, по Вашему мнению, товарищ Горбачев, может быть роль нашей партии в продвижении отношений между Востоком и Западом в различных областях?

Горбачев. Прежде всего, думаю, это поддержка хельсинкского процесса. Сейчас с разных сторон на этот процесс ведется атака, особенно в связи с событиями в ГДР и динамизацией германского вопроса. <...>

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из выступления Горбачева в университете Мадрида
18 октября 1990 года*

Начиная с Возрождения, представления о культуре прочно связываются с гуманистическими ценностями. И именно через культуру началось затем сближение политики и морали, измерение политики по критериям нравственности.

Правда, на протяжении веков история давала не раз ужасающие свидетельства несовместимости политики с моралью. Но именно культура, соединяющая людей не на интересе, а на признании самоценности человеческой личности, сближала эти два начала жизни общества.

Культура национальна, но она не знает границ. Более того, она учит человека осознавать себя личностью и уважать личность в другом — к какой бы нации он ни принадлежал, каким бы богам ни поклонялся, где бы ни жил. И это, хотя и не прямо, оказывало воздействие на сферу политики, а в наше время стало императивом.

Новое мышление родилось именно как осмысление и переосмысление опыта XX века. Здесь ключ к всеобщему мирному порядку. И готовясь к вступлению в XXI столетие, пора вводить элементы этого будущего в политику сегодняшнего дня.

Это не утопия, а реальное дело. При одном, однако, непременном условии: если все мы, мировое сообщество, пойдем, признаем, поверим — суть и смысл современной политики должны состоять в поисках такого согласия, которое строится на уважении свободы, независимости и национального своеобразия каждого народа и их жизненной взаимозависимости. Таков сегодня единственный путь к выживанию и прогрессу человечества.

По существу, назрела коренная перемена привычного взгляда на политику. Она должна стать искусством строить отношения между свободными людьми, народами, нациями, государствами на началах согласия, взаимодействия, партнерства. И потому, как никогда прежде, всем нам необходима адекватная времени **культура политики**, основанная на безусловном признании приоритета общечеловеческих ценностей.

*Визит М.С. Горбачева в Испанию, 26–28 октября 1990 года.
М.: Политиздат. 1990. С. 73–74, 75–76.*

*На пресс-конференции в Париже
19 ноября 1990 года*

Горбачев. <...> Сейчас мы можем констатировать, что вышли на глубокий процесс действительного разоружения, что реальностью становится не противостояние, конфронтация, а партнерство, сотрудничество, дружба, доверие. А это все, в свою очередь, имеет громадное значение внутри страны, для каждого советского человека, для каждой семьи. Да все это и предпринимается ведь во имя самого советского человека, для его блага и спокойствия. Результаты внешней политики позволяют нам во внутренних делах выйти, например, на новое понимание военной доктрины, структуры, роли Вооруженных Сил, на новое понимание военного сектора экономики, сильнее сориентировать экономику на повседневные людские нужды. Это очень взаимосвязанный комплекс проблем. <...>

Вспомните, каким был главный вопрос, который вы, советские журналисты, да и западные, и не только журналисты, а самые простые люди, сплошь и рядом задавали до недавнего времени, — будет ли война? Всех беспокоило, все говорили: лишь бы не было войны! А сегодня эта опасность, реально существовавшая и близкая, уже не та. Это само по себе величайшее благо. Сегодня и внутри страны, и за рубежом у меня уже никто не спрашивает: будет ли война? Сами знают — не будет. Наша страна органично возвращается в современную цивилизацию, готовая сотрудничать со всеми.

*Общеввропейская встреча в верхах. Документы и материалы.
М.: Политиздат. 1990. С. 27–28, 111–113.*

*Из речи Горбачева на Общеввропейской встрече в верхах
Париж, 19–21 ноября 1990 года*

Наша встреча происходит на переломе эпох и сама является крупнейшим его событием.

Едва ли кто сейчас способен охватить все последствия этого перелома, может быть, на века. Одно можно сказать с уверенностью: этот год — решающий в уходящей эпохе, которая отмечена двумя мировыми войнами и почти полувековым ядерным антагонизмом двух общественных систем.

Мы вступаем в мир иных измерений... Забота о выживании рода людского уже не сосредоточена только и почти исключительно на устранении угрозы ядерной войны, как было совсем недавно. Ее предметом все настойчивее становятся «мирные» глобальные проблемы — экологии, энергетики, питания и водообеспечения, социальных болезней, преступности, массовой бедности, иностранной задолженности и т.п. и, что особенно примечательно, налаживание международной солидарности по всем этим проблемам.

Сейчас идет бурный поиск странами своего места в будущей системе. Но он плодотворен лишь при понимании двух важнейших реальностей со-

временного мира: неизбежной и даже плодотворной многовариантности социально-политического развития, без уважения которой обесценивается принцип свободы выбора, и вместе с тем необходимости и значимости партнерства, адаптации друг к другу, несовместимой с националистическим эгоизмом, с провинциализмом обособления.

Там же. С. 109–113.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Москва, 6 мая 1991 года*

Горбачев. <...> Сейчас мы встречаемся, имея за плечами многое, что было сделано для формирования основ нового порядка в Европе и в мире. <...>

Миттеран. То, что мы сделали в Париже в 1990 году, значительно. Но, думаю, настало время активизировать усилия, придать жизнь структурам, создание которых мы провозгласили, но которые пока остаются теоретическими конструкциями. <...>

В целом я за то, чтобы придать активную жизнь структурам СБСЕ в духе Парижской хартии. Я убедился в том, что нужны общие институты для всей Европы. Вы предложили прекрасное выражение — «общеевропейский дом». Этот дом должен включать всех, без изъятия. <...>

Я всегда считал, что два полюса — Москва и Париж — должны играть активную роль как факторы европейского равновесия. И они должны быть представлены везде, где обсуждаются актуальные проблемы, будь то германский вопрос, эволюция Соединенных Штатов, сепаратистские тенденции в Европе и т.д. <...>

Горбачев. Мне кажется очень важной мысль о двух полюсах в Европе — Москве и Париже. Это верная характеристика роли наших стран. <...>

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из Нобелевской лекции Горбачева
Осло, 5 июня 1991 года.*

Мир — это движение к всеобщности, универсальности цивилизации. Никогда раньше истина о неделимости мира не была так справедлива, как сейчас.

Мир — это не единообразие, а единство в многообразии, сопоставлении и согласии разностей.

И в идеале мир — это отсутствие насилия, этическая ценность. <...>

А солидарность — это та общечеловеческая ценность, которая становится все более необходимой для прогресса и самого выживания рода людского. <...>

Жизнь куда богаче и сложнее самых совершенных планов, как сделать ее лучше. Она в конце концов жестоко мстит за насильственное навязывание ей какой-то схемы, пусть даже с благими намерениями. Перестройка позволила нам понять это в отношении своего прошлого. А реальный ее опыт научил

нас считаться с наиболее общими законами цивилизации. <...>

Не просто было даже подумать о демонтаже этих сложившихся структур. Но понимание того, что и во внутреннем, и в международном плане дело идет к неминуемой катастрофе, дало нам силу сделать исторический выбор, о котором с тех пор я ни разу не пожалел.

Перестройка, возвращающая народ к здравому смыслу, позволила нам открыться миру, вернула нормальную связь между внутренним развитием страны и ее внешней политикой. <...>

Мы хотим быть органической частью современной цивилизации, жить в согласии с общечеловеческими ценностями, по нормам международного права, соблюдать «правила игры» в экономических связях с внешним миром. Нести бремя ответственности со всеми народами за судьбу нашего общего дома. <...>

Мне представляется очевидным: будет успех перестройки в СССР — будет реальная возможность строить новый мировой порядок. Сорвется перестройка — исчезнет и перспектива выхода к мирному периоду в истории, по крайней мере — в обозримом будущем. <...>

Деидеологизация межгосударственных отношений, которую мы провозгласили в качестве одного из принципов нового мышления, сломала многие предрассудки, предубеждения, подозрения, очистила и оздоровила международную жизнь. Но должен заметить — с нашей стороны этот процесс интенсивнее и откровеннее, чем с Запада. <...>

Движение к цивилизации XXI века не будет, конечно, ни простым, ни легким. От тяжелого наследия прошлого, от угроз, созданных в послевоенные годы, нельзя избавиться в один день. Мы переживаем момент поворота в международных делах и находимся лишь в начале нового, надеюсь, в основном мирного длительного периода в истории цивилизации.

В условиях ослабления, а то и исчезновения конфронтации на линии Восток–Запад всплывают наружу казавшиеся второстепенными перед лицом ядерной угрозы старые противоречия, оттаивают скованные льдами «холодной войны» былые конфликты и претензии, быстро накапливаются совсем новые проблемы. <...>

Не баланс сил, а баланс интересов, не поиски выгод за счет других, а поиски компромиссов и согласия, не претензии на лидерство, а уважение равенства — вот вполне доступные для разумных, умудренных опытом XX столетия

Нобелевская лекция

людей элементы, которые могут лечь в основание такого всемирного движения вперед.

Уходящая в будущее перспектива действительно мирной мировой политики — в создании общими усилиями единого международного демократического пространства, в котором для государства приоритетом будут права человека, жизненные блага для собственных граждан и содействие утверждению таких же прав и такого блага повсеместно. Это императив растущей целостности современного мира, взаимозависимости его частей.

Горбачев М.С. Нобелевская лекция.

5 июня 1991 года. Осло.

М.: Политиздат, 1991. С. 3–6, 11–12, 14–15.

Часть 2. Права человека как внешнеполитическая проблема

По мере практического осуществления нового курса на первый план все больше выдвигалась такая проблема внешней политики перестройки, как **права человека**. Она стала камнем преткновения для всей новой политики: ее значение для успешного ведения международных дел было оценено не сразу.

Согласно советской идеологии считалось, что социалистическое общество самое справедливое, оно обеспечивает социальные права трудящихся. А что касается «прав человека» в западном понимании, то они представлялись как буржуазное изобретение. И нам их навязывают с недобрыми, даже подрывными намерениями.

Такой была позиция первое время и при Горбачеве, хотя еще за 10 лет до него СССР подписал хельсинкский Акт, где была так называемая «третья корзина», наполненная этими самыми правами. Ее мы фактически игнорировали. Для советского руководства Хельсинкское совещание имело значение лишь как закрепление послевоенных границ в Европе.

Однако перестройка предполагала «открытие страны», включение ее в общецивилизационный процесс в самой продвинутой его части. А там права человека были общепринятой демократической нормой.

С проблемой реальных политических прав советских граждан Горбачев столкнулся сразу же — в преобразования нужно было включить «человеческий фактор», а для этого необходима реальная свобода. Недаром же гласность была провозглашена раньше всех других начинаний.

Во внешних делах проблема возникла при первых же выходах на лидеров Запада. Горбачев хотел улучшения отношений, нормализации, отказа от идеологической войны. Но там многие годы утверждалось, что нельзя доверять государству, где людей преследуют за убеждения, где установлена жесткая цензура, где СМИ и суды действуют по указаниям партийных органов, где запрещена эмиграция и вообще до предела ограничены выезды из страны, где глушат радиопередачи, где исключена деятельность оппозиционных партий, да и вообще всяких, кроме безраздельно правящей... иначе говоря, где власть неподконтрольна обществу, населению.

Горбачеву потребовалось некоторое время, чтобы достаточно полно осознать ненормальность положения с «правами человека», признать, что без их включения в реформаторскую деятельность ничего не продвинется, в том числе в главной сфере его забот — прекращении гонки вооружений. Лишь постепенно — и параллельно с процессом международной разрядки — перестройка стала отождествляться с реальной демократизацией общества, а права человека (без кавычек) восприниматься как неотъемлемая часть и фактор прогресса.

Соответственно, Горбачев перестал расценивать постановку вопроса о правах человека его собеседниками как «вмешательство во внутренние дела» СССР.

Документальные свидетельства

Из выступления Горбачева на собрании сотрудников МИД СССР май 1986 года

Поворот нами делается и в гуманитарных вопросах. Есть мнение, что защита прав человека якобы не функция социалистического общества. У нас, когда речь заходит о правах человека, срабатывает рефлекс съезживания. Дело доходит до того, что сами слова «права человека» ставили в кавычки и говорили о так называемых правах человека, как будто наша революция не имеет отношения к правам человека. Мы к этому стремились, ликвидировали бесправие. Откуда же революция появилась, если бы в старом обществе с правами было все в порядке? От застарелого подхода к этой проблеме надо решительно отказаться. Не надо самим себе создавать трудности, действуя по инерции. Надо освободиться от некоего подобия страха и на всю эту проблему посмотреть шире, с учетом, конечно, наших государственных интересов. Пора переходить от обороны к наступлению.

Следует, в частности, подойти более конкретно к вопросу воссоединения семей, въезда-выезда, осуществить разбор уже накопленного опыта. Все это — часть разрядочного процесса, элемент роста доверия.

*Горбачев М.С. Годы трудных решений.
М., 1993. С. 53.*

На этом этапе причину слабости нашей позиции по правам человека Горбачев еще видит главным образом в том, что советская пропаганда плохо раскрывает достижения и преимущества социализма в этой сфере.

На Политбюро 24 июля 1986 года

Горбачев. <...> Или вот говорят, что мы проигрываем по правам человека. Но ведь мы не сумели показать, чем мы располагаем по сравнению с капитализмом, потому что привыкли к этому. А там это замалчивают... Мы поддались на их уловки, а ведь занавес-то против нас повесили они. Надо на современном уровне знаний показать нашу Революцию как поворотное событие XX века.

ПБ. С. 70.

Именно эта логика была положена М.С. Горбачевым в основу аргументации во время острых дебатов между ним и Р. Рейганом по правам человека, которые состоялись на их встрече в Рейкьявике 11 октября 1986 года.

Американский президент в первой же беседе с глазу на глаз, как и при встрече в Женеве, снова выдвинул эту тему на первый план. Горбачев же последовательно ставил ее в систему координат фундаментальных перемен, происходивших в мире под влиянием перестройки.

*Из переговоров с Рональдом Рейганом
Рейкьявик, 11 октября 1986 года*

Рейган. Хочу добавить, что, по моему мнению, мы действительно должны будем поговорить о правах человека. В отличие от других вопросов, которые мы называли, эта проблематика не будет предметом официальных соглашений между нами, однако она оказывает большое влияние на то, насколько далеко мы можем пойти в сотрудничестве с Советским Союзом перед лицом нашего общественного мнения. Я уже говорил Вам в Женеве и повторю сейчас, что права человека, в частности вопросы выезда из Советского Союза, постоянно фигурируют в обращениях ко мне. И если нам не удастся решить эти проблемы удовлетворительным образом, то это скажется и на других вопросах в том смысле, что общественность не даст американскому правительству кредита на осуществление возможных договоренностей, если мы не убедим советскую сторону пойти на смягчение позиции по правам человека. <...>

Мы не хотим вмешиваться во внутренние функции вашего правительства. Но мы считаем важным, чтобы Вы знали силу общественного мнения США...

К правам человека американский президент возвращается вновь при обсуждении итогового документа встречи.

Рейган. Здесь, правда, ничего не сказано об одном вопросе — правах человека. Я не хочу предъявлять вам каких-то требований относительно воссоединения семей, эмиграции, положения верующих и т.д. Но я хотел бы, чтобы Вы поняли, что это — принципиально важный фактор в определении того, в какой мере мы сможем с вами сотрудничать в важных областях. <...>

Горбачев. Жаль, господин Президент, у нас с вами недостаточно времени, чтобы обсудить гуманитарные вопросы. У нас есть на этот счет конкретные идеи, которые мы просто не успеваем обсудить. Должен сказать, что в Советском Союзе имеется немалая озабоченность по поводу положения с правами человека в США. Есть еще одна важная тема. Речь идет о важности в наше время взаимной информации. Ситуация сейчас такая: радиостанция «Голос Америки» ведет круглосуточные передачи на многих языках со станций, имеющих у вас в различных странах Европы и Азии, а мы не можем изложить американскому народу нашу точку зрения. Поэтому в целях равенства нам приходится глушить передачи «Голоса Америки». <...>

Рейган. Различие между нами в том, что мы признаем свободу печати, право людей выслушать любую точку зрения. В вашей прессе этого нет. Вот сегодня у Вас будет пресс-конференция, и американцы увидят ее, газеты опубликуют ее текст. У вас в стране не так. Ваша система предусматривает лишь правительственную прессу.

Горбачев. Но я задал конкретный вопрос, предложил, что мы можем прекратить глушение «Голоса Америки», если вы пойдете навстречу нам, дадите нам возможность арендовать у вас радиостанцию или арендовать или построить станцию у ваших соседей.

Рейган. Я проконсультируюсь об этом по возвращении в США, и я займу благоприятную позицию.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Давая понять своему оппоненту, что у советской стороны немало претензий к США относительно соблюдения там прав человека, Горбачев, тем не менее, акцентирует внимание на тех аспектах этой темы, которые связаны с новыми мировыми реальностями. Наиболее ёмко эти аспекты выделены в его выступлении на пресс-конференции в Рейкьявике.

*На пресс-конференции в Рейкьявике
12 октября 1986 года*

Вопрос (газета «Руде право»). У меня вопрос к Вам как к политическому деятелю и юристу. Как, по Вашему мнению, выглядят приоритеты в вопросах прав человека в ракетно-ядерный век, и какую роль может сыграть человеческий фактор в решении вопроса войны и мира?

Горбачев. Думаю, когда мы говорим о правах человека, то должны помнить, что сегодня вопрос о сохранении мира, о том, чтобы отвести ядерную угрозу от человека, — это самый главный приоритет. Будет мир — будет жизнь. А с проблемами как-нибудь разберемся. Все больше становится в мире образованных людей, образованных народов. Народы во всем разберутся. Поэтому, когда мы говорим о правах человека, я бы на первое место поставил право человека на жизнь. Это первое.

И второе — о человеческом факторе. В ядерный век (и в этом я вижу как раз проявление нового мышления) угроза войны по-новому ставит и вопрос о роли человеческого фактора в деле ее предотвращения. Ядерная война коснется всех, независимо от того, где она начнется. Только недоброжелатели считают, что все антивоенные движения, все, кто выступают в защиту мира, это — результат происков Москвы.

ГСС. Т. 5. С. 61.

Горбачев, таким образом, как и в полемике с Рейганом, уводит вопрос в другую плоскость, как бы накрывая его действительно более важным вопросом о предотвращении ядерной войны и улучшении международной ситуации в целом.

В марте 1987 года права человека стали предметом жесткого разговора с Маргарет Тэтчер.

*Из переговоров с Маргарет Тэтчер
Москва, 30 марта 1987 года*

Тэтчер. <...> Я понимаю вашу историю, ваши традиции. Мы не стараемся подорвать или уничтожить вашу систему. Это было бы глупо. Но мы хоте-

ли бы, чтобы ваша система давала народу такую же личную свободу, как наша, включая право свободного выезда из страны.

Горбачев. Ну, давайте считать свободы. Что дает наша система? Автономия, я об этом уже говорил. Право на труд, право на гарантированное получение работы. Равенство в образовании, право на получение жилья, отсутствие дискриминации по национальному и расовому признаку. Представительство в правительстве и участие в управлении страной.

Тэтчер. У нас тоже все имеют право голоса, кроме лордов.

Горбачев. Ну, Вы лукавите. А как с тремя с половиной миллионами безработных?

Тэтчер. Вы проводите политику перераспределения сверху рабочей силы, а мы нет. Но у нас каждый безработный получает еженедельное пособие, размеры которого возрастают в зависимости от числа детей в семье. Он имеет право на дешевое жилье и освобождение от местных налогов...

Но этот разговор мы могли бы вести часами. <...> А если мы расходимся во взглядах в идеологической и гуманитарной областях, то здесь есть Хельсинкские соглашения, которые мы обязались выполнять...

...Вы подписали Хельсинкские соглашения и заключили в тюрьму тех, кто пытался контролировать их выполнение в Советском Союзе. Я знаю, что сейчас Вы выпустили многих политических заключенных, на Западе Вам за это благодарны. Я беседовала со многими представителями еврейских и религиозных организаций. Они надеются, что в новых условиях в Советском Союзе эти группы людей будут иметь больше прав, тогда это будет вести к увеличению доверия...

Я недавно беседовала с главным раввином Великобритании. Это очень интересный человек. Он говорил мне, что в Советском Союзе живут две трети евреев Европы, и никто не ставит вопрос, чтобы все они выехали из Советского Союза. Вообще, у евреев к Советскому Союзу хорошее отношение, они всегда будут помнить вашу роль в борьбе против Гитлера, не забудут, что советские войска освободили Освенцим. Да и премьер-министр Голда Мейр была родом из Советского Союза. Вы много сделали для создания Израиля. Но конечно, евреи были бы вам признательны, если бы в вашей стране евреи могли бы пользоваться более широкими правами в плане посещения синагог, изучения иврита, отправления религиозного культа и т.д.

Горбачев. Мы уделяем очень много внимания решению гуманитарных проблем. Будем уделять еще больше внимания этим вопросам. Но у нас есть государство, есть его интересы, и мы решительно против того, чтобы использовать гуманитарные проблемы для вмешательства в наши внутренние дела, для ущемления этих интересов. А в том, как ставятся эти вопросы на Западе, мы видим много спекулятивного, рассчитанного на то, чтобы исказить облик Советского Союза, а то и просто провокационного...

...Что касается Хельсинкских соглашений, то мы готовы в любой момент сопоставить нашу готовность и Запада выполнять в полном объеме обязательства о контактах, о политических, социальных и культурных правах, о том, как лучше понимать друг друга. Мы готовы продвигать общеевропейский процесс. А вопросы гуманитарного порядка, включая воссоединение

семей и выезды, мы будем и дальше решать в позитивном духе. Разумеется, за исключением тех случаев, когда такое решение невозможно по соображениям государственной безопасности или правового характера.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с госсекретарем США Джорджем Шульцем
Москва, 14 апреля 1987 года*

Горбачев. Вы нашу позицию по этому вопросу знаете. Мне нечего к ней добавить. В гуманитарной области мы рассматриваем и будем рассматривать все, что законно и гуманно. В качестве примера скажу, что за три месяца текущего года разрешен выезд 1500 лиц, то есть на 1355 человек больше, чем в тот же период прошлого года. Подождите пока с аплодисментами. Отказано 13 процентам лиц, чьи заявления были рассмотрены, по причинам, относящимся к государственной безопасности. Сейчас рассматриваются и другие заявления. Но я хочу, чтобы Вы учли вот что. Группа советских евреев обратилась ко мне с письмом, чтобы я передал Вам следующее. Они протестуют против Вашей постановки этих вопросов, против того, что Вы встречаетесь только с определенными группами евреев, только с теми, кому не нравится жизнь у нас. А вся огромная масса, миллионы советских евреев не попадает в Ваше поле зрения. Они обращают внимание на то, что Вы драматизируете положение советских евреев, как будто жизнь у них здесь плохая, делаете акцент в Ваших контактах на недовольных. ...Вопросы, относящиеся к правам человека, мы будем рассматривать, если они законны. Жизнь есть жизнь. Мы это понимаем.

Шульц. Мы приветствуем это. Насколько я понимаю, Вы считаете, что если евреи хотят исповедовать свою религию, обучать ей детей, изучать иврит и т.д., Вы согласны с этим. Это хорошо. Думаю, что если эмиграция не затрудняется, а условия жизни в стране устраивают людей, то тогда не так много желающих эмигрировать. Ведь люди, как правило, предпочитают жить на родине. Посмотрите, что происходит в Венгрии. Никто из венгерских евреев не хочет эмигрировать. Я такой подход приветствую.

Горбачев. Я думаю, что если кому-то не нравится у нас в стране, то мы постараемся сделать так, чтобы положение улучшилось, и эти люди стали довольны своей страной. Надеюсь, что и вы в США будете делать что-нибудь, чтобы и вашим гражданам жилось лучше. Мы не хотим превращать этот вопрос в предмет полемики.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы со спикером палаты представителей конгресса США
Джеймсом Райтом
Москва, 15 апреля 1987 года*

Горбачев. Права человека — одна из любимых тем в конгрессе США. Словно у вас мало других дел и поэтому вы с такой охотой обсуждаете права человека в других странах.

Но вот что интересно. Если все ваши обвинения по вопросам прав человека соединить кривой линией, то, оказывается, она проходит через страны социализма и социорентации. Скажу прямо: вы — несамокритичны. Могу назвать много пунктов нарушений прав человека в США. А чтобы наставлять других, надо самим подавать примеры. В ваших обвинениях о нарушении прав человека отсутствует ЮАР, отсутствует Израиль. А ведь в этих странах речь идет о нарушениях прав не отдельного человека, а целых народов. В ваших обвинениях отсутствует и Англия — ваш верный союзник. Почему вы не потребуете соблюдения прав человека в Северной Ирландии? Почему конгресс не выступает против закона о запрете на профессии в ФРГ? Почему вы молчите, когда во Франции оскверняют еврейские могилы? Так что в вопросах прав человека вы далеки от идеала, чтобы брать с вас пример. Живите так, как вам нравится. Но и не мешайте нам жить. Пора отвыкать от всех этих жандармских, учительских функций, отбросить все эти стереотипы, которые давно ушли в прошлое. Если у нас будет взаимопонимание, все вопросы будут решаться в духе гуманности. Жизнь идет. От решения возникающих проблем мы уходить не будем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Дискуссии с западными партнерами по правам человека, естественно, тесно связаны с разработкой проблемы прав и свобод личности, обусловленной перестроечными процессами в СССР. Уже в начале перестройки на заседании Политбюро в декабре 1985 года Горбачев заявил: «Нужен поворот к человеку» (ПБ. С. 20). В этом повороте он видел основу продвижения вперед и социально-политической стабильности.

При обсуждении на Политбюро итогов бесед Шеварднадзе с Шульцем в Вене Горбачев заметил: «Правами человека никто у нас всерьез не занимался — ни теоретически, ни обобщением опыта, даже банка данных не имеем по этому вопросу. <...> Надо все основательно обдумать, сформировать концепцию по правам человека» (ПБ. С. 107).

Результаты работы над этой проблемой получили отражение во многих беседах, статьях и публичных выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС.

*Из беседы с Жоржем Марше
Москва, 4 мая 1987 года*

Марше (напоминая о беседе с Горбачевым во время его визита во Францию осенью 1985 года). <...> Если Вы помните, я передал Вам результаты проведенного тогда опроса общественного мнения. Они свидетельствовали о неблагоприятном облике СССР, сложившемся во Франции. Надо сказать, буржуазии удалось, используя трудности социалистических стран, внушить значительной части трудящихся сомнение в жизнеспособности социализма. Ей удалось также использовать и такое слабое звено в деятельности социалистических стран, как демократия, права человека. Мы, коммунисты, — и об этом

мы с Вами, товарищ Горбачев, говорили в свое время, — явно недооценили эти проблемы. В итоге нашим противникам удалось ослабить притягательную силу идей социализма.

Но сегодня, благодаря перестройке, которая развернулась в СССР, происходит обратное.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из статьи Горбачева «Реальности и гарантии безопасного мира»
«Правда», 17 сентября 1987 года*

О правах человека. Можно назвать поименно высших государственных деятелей нашего времени, которые угрожали применением ядерного оружия. Мне могут возразить, что одно дело — угрожать, другое — применить. Верно — не применили. Однако радение о правах человека никак не совместимо с угрозой применения средств всеобщего умерщвления. Для нас неприемлемо рассуждать о правах и свободах человека, намереваясь развесить над его головой в космосе «люстры» экзотических вооружений. В этой «экзотике» буднична лишь потенциальная возможность гибели всего человечества. Все остальное — в ослепительной упаковке.

Согласен: не может считаться безопасным мир, если в нем попираются права человека. Только добавлю: если в значительной части этого мира нет элементарных условий для достойного человека существования, если миллионам людей предоставляется полное «право» голодать, не иметь крыши над головой, оставаться без работы и сколько угодно болеть, поскольку лечиться не по карману, если, наконец, пренебрегают основным правом человека — на жизнь.

Прежде всего, необходимо, чтобы национальные законодательства и административные правила и в гуманитарной области повсеместно были приведены в соответствие с международными обязательствами и нормами.

Одновременно можно было бы перейти к согласованию широкого круга практических шагов, например к разработке всемирной информационной программы под эгидой ООН для ознакомления народов с жизнью друг друга, но такой, какая она есть на самом деле, а не такой, как ее хотели бы представить. Именно поэтому подобный проект должен предусматривать освобождение потоков информации от стереотипов «образа врага», от предвзятости, предрассудков, нелепых выдумок, от преднамеренного искажения и бессовестного поправа правды.

Весьма перспективной видится задача согласования единых международно-правовых критериев решения в гуманном духе вопросов воссоединения семей, заключения браков, контактов между людьми и организациями, визового режима и т.п. За исходный пункт здесь следует взять достигнутое на этот счет в рамках общеевропейского процесса.

*Из доклада Горбачева о 70-летию Октябрьской революции
2 ноября 1987 года*

Перестраивая нашу экономическую и политическую систему, мы обязаны создать, во-первых, надежный и гибкий механизм реального вовлечения всех трудящихся в решение государственных и общественных дел. Во-вторых, на практике научить людей жить в условиях углубляющейся демократии, расширять и укреплять права человека, возвращать современную политическую культуру масс. Иными словами — учить и учиться демократии. <...>

Многие пока «робеют», действуют с оглядкой, боятся ответственности, находятся еще в плену устаревших правил и инструкций. Задача состоит в том, чтобы прививать людям вкус к самостоятельности и ответственности в подходе к производственным и общественным делам любого масштаба, развивать самоуправление как власть народа, осуществляемую самим народом и в интересах народа. <...>

Развернувшиеся в стране новые процессы по-новому ставят и вопросы общей, политической и правовой культуры, я бы сказал, культуры социалистического демократизма. Именно с недостатком этой культуры во многом связаны такие пороки, как бюрократизм и злоупотребление властью, чиновничество, бесхозяйственность и безответственность...

Культура демократии не может ограничиваться сферой политики. Она должна пронизывать все сферы человеческих отношений. Мы исходим из того, что социализм — это общество нарастающего многообразия в суждениях, взаимоотношениях, деятельности людей. У каждого человека свой социальный опыт, свой уровень знаний, образованности, свои особенности восприятия происходящего. Отсюда огромный диапазон мнений, убеждений, оценок, которые, естественно, требуют внимательного учета, сопоставления. Мы за разнообразие общественного мнения, богатство духовной жизни. Нам не надо бояться открыто ставить и решать трудные проблемы общественного развития, критиковать и спорить. В таких условиях как раз и рождается истина, формируются правильные решения.

ГСС. Т. 8. С. 432, 434.

*На Политбюро
12 ноября 1987 года*

Горбачев. <...> Мы вновь крепко взяли в руки знамя, которое на каком-то этапе оказалось приспущенным, — знамя приоритета гуманистической цели как высшей ценности социализма. В центр перестройки поставлен человек. И об этом мы сказали ответственно и четко. А из этого следует тоже очень важный для современной концепции социализма теоретический вывод: все, что работает на человека в экономике, в социальной и культурной сферах, в механизмах управления и вообще в функционировании системы, — все это социалистично. Во всем этом должен присутствовать человек. Человека надо включить во все процессы ради него самого.

ПБ. С. 270.

**На Политбюро
19 ноября 1987 года**

Горбачев. Капиталистический мир смотрит, как мы будем решать эту проблему (*безработицы*), уже ловят нас на некоторых фактах: мол, у них то же самое, только у нас предприниматель вышвыривает, а у них государство. Какая разница! Поэтому для нас этот вопрос важен и с точки зрения внутренней, и с точки зрения внешней политики. Возник он из потребности, но впервые вошел в большую политику. Короче говоря, нам нужна платформа социалистического решения проблемы трудоустройства в условиях НТР, то есть при сохранении принципа гарантии права на труд. Конституционные права — важнейшие. И с этим мы можем выходить на любую дискуссию о правах человека.

Вот вам и «права человека», те, которые они, на Западе, не хотят обсуждать с нами. <...>

Меня беспокоит проблема жилья для тех, кто в 55–60 лет уходит на пенсию. Ссылаться на то, что, мол, пусть решает коллектив — с учетом стажа и т.д. — это уход от ответственности. Иначе получается: к исходу жизни человек не может освоить новую профессию, а с жильем у него неясно... Мы не можем ставить людей в такое положение в момент, когда они отходят от активной жизни. Мы должны найти с жильем такую формулу, которая искусственно не сдерживала бы увольнение ненужных людей, но которая не вызвала бы обид, не сталкивала бы рабочих с администрацией. Нужно найти «диалектическую середину».

ГСС. Т. 9. С. 30.

**Из интервью Тому Брокау (американское телевидение)
2 декабря 1987 года***

Брокау. Я думаю, что здесь мы через стену не перескочим, но вот права человека. Как можно убедить мир, что есть новое мышление, новое сознание в СССР, если вы не разрешаете жителям СССР приезжать и уезжать, не рискуя потерять гражданство.

Горбачев. Вы, господин Брокау, не обидитесь, если я Вам прямо отвечу? Я предполагаю, что со мной сидит человек образованный и сведущий. А касаясь такой большой и важной темы, берет только ее спекулятивную часть.

Я о правах готов говорить с любым представителем Америки и с Вами готов, если Вы готовы. И представить Вам, как дела обстоят с правами у нас, и у вас, и в других частях мира. Мы за права, за широкие права граждан. Для этого и совершали революцию... Обеспечили каждому право на труд. У нас нет безработных уже сколько лет, пожалуй, больше пятидесяти. Бесплатное образование государство гарантирует; бесплатное медицинское обслуживание государство, общество гарантируют; государство в значительной мере взяло на себя заботы по обеспечению трудящихся жильем.

* Дата публикации в газете «Правда».

Почему это интересно? Уровень национального дохода у нас ниже, чем в Соединенных Штатах Америки. И в душевом исчислении. Но с точки зрения социальной защищенности наше общество значительно выше, чем ваше.

Вы родились в каком году?

Брокау. В 1940-м, господин Генеральный секретарь. Но Вы знаете, что я имею в виду...

Горбачев. Я подойду к этому вопросу.

Так вот, в 44-м году Франклин Делано Рузвельт вносил билль об экономических правах, о социально-экономических правах, считая, что не может быть прав реальных, подлинных, если не решены эти проблемы. Интересный был билль. Но так он и остался в архивах Конгресса.

Учитывая, что Америку критикуют за то, что не признает права социально-экономические, не подписывает и не ратифицирует международные документы, относящиеся к этому, — ее за это критикуют во всем мире, — господин Рейган в июле этого года внес опять свой вариант билля о социально-экономических правах. Правда, это не тот билль, который был у Рузвельта. Но думаю, что еще много утечет воды в Миссисипи и Волге, пока Конгресс и администрация признают социально-экономическую защиту правом американского народа. А в Советском Союзе она есть.

Вы затрагиваете вопросы выезда — невыезда. Знаете, я понимаю определенную озабоченность и беспокойство с американской стороны: ваш народ родился, образовался в результате иммиграционных процессов. Наши взгляды различны. Но ведь и в Америке, в Канаде не очень-то хотят, например, пускать к себе выходцев из Мексики, из других государств — мол, малоквалифицированный народ. А вот когда в 70-х годах поток желающих выехать из Советского Союза был особенно большой, один высокопоставленный представитель вашей администрации заявил: мы, мол, на 50 процентов за счет Советского Союза решили проблему с математиками. Так, Америка хочет через эти каналы, выдавая это как активную защиту прав человека, решать свою проблему — организует для себя утечку умов. А мы защищаем себя. Это во-первых. Во-вторых, мы никогда не согласимся, чтобы подстрекали людей к выезду из нашего государства.

Брокау. Очень много случаев...

Горбачев. Случаи станут проясняться. Все станет ясно... И вы со своим уставом в чужой монастырь не суйтесь. У нас свое государство — демократическое, базирующееся на конституции, на законах. А добрая воля? Она у нас есть. <...> Но давайте не вносить политические спекуляции в эту проблему.

Брокау. А как Вы думаете, господин Генеральный секретарь, если, скажем, закон реализуется слишком медленно у вас в стране. Скажем, 4 тысячи советских евреев, которые давно ждут выезда, некоторые из них больны раком, они хотят выехать к своим родственникам. Вот по-человечески, что Вы о них думаете?

Горбачев. Я думаю, что сейчас у нас из лиц, которые не получили разрешения на выезд, есть только те, которым отказано по соображениям государственной безопасности. Других причин нет. Мы так и будем действовать».

*Из беседы с Джорджем Шульцем
Москва, 22 апреля 1988 года*

Горбачев. Если послушать, что говорит господин Абрамс³³, то в области прав человека должно восторжествовать американское понимание: надо сокрушить Советский Союз, коммунизм военным путем. Получается, что путь к обеспечению прав человека — это антикоммунизм. А поскольку политическое или экономическое поражение ему нанести невозможно, остается только военный путь. И подобные вещи говорят люди из окружения государственного секретаря! <...>

О правах человека. Конечно, он (*этот вопрос*) является вечным потому, что вечен сам род человеческий. <...>

В ходе одного своего выступления Вы сказали: мы поставили перед Советским Союзом 12 проблем в области прав человека, а Советский Союз, со своей стороны, претензий к нам не предъявил. Да, действительно, мы не шли на такую дискуссию, потому что считаем, что она означала бы вмешательство во внутренние дела. Но если такой конструктивный подход для вас неприемлем, если вы за конфронтационный, пропагандистский подход, доходящий до вмешательства в наши внутренние дела, то нам придется отвечать, и делать это мы будем изо всех сил. Пока что мы этого почти не делали, проявляли сдержанность. <...>

Вы подталкиваете нас к конфронтации по этому вопросу. Вы не можете понять, что у нас с вами разные ценности. <...>

Ваш подход к правам человека, основанный на вмешательстве в наши внутренние дела, может вести лишь к обострению, к ухудшению атмосферы в наших отношениях. Но может быть, этого вы и хотите? Может быть, ваша цель — подбрасывать бревна в огонь, особенно учитывая, что у нас развернулся процесс перестройки, процесс критики, причем такой суровой, какой у вас и быть не может? Но мы этой критики не боимся, будем продолжать ее. <...>

А как Вы считаете — в практике Соединенных Штатов есть какие-то негативные стороны, в том числе по такому вопросу, как права человека?

Шульц. Конечно, с одной стороны, в нашей стране людям предоставлены большие свободы, но есть и немало проблем, например наркомания и преступность. <...> Мы — страна большого разнообразия. Но это разнообразие включает и такие явления, особенно в низкооплачиваемых кругах общества, которые нежелательны. Мы активно работаем над этими проблемами, кое в чем добиваемся успеха, кое в чем нет.

Колоссальная борьба развернулась в той области, которую принято называть гражданские права. Здесь еще предстоит пройти определенную дистанцию. Но и прогресс большой. Очень много сделано с конца 60х — начала 70-х годов. Я сам принимал участие в этой работе. Одним словом, у нас нет недостатка в критике. Мы считаем, что это полезно, хорошо. <...>

В то же время мы считаем, что есть определенные принципы и положения, нашедшие отражение в таких международных документах, как Заключительный акт, подписанный в Хельсинки, Всеобщая декларация прав человека,

которые относятся ко всем странам. И мы, и вы подписали эти документы. Мы не считаем вмешательством во внутренние дела отстаивание этих положений, постановку вопросов, направленных на то, чтобы выяснить, в какой степени они соблюдаются.

Я считаю, что в этой области достигнут большой прогресс. Мы хотим, чтобы эти достижения были сохранены и развиты.

Горбачев. В вашем подходе к правам человека есть один порок: вы считаете, что в этой области проблемы есть лишь у других, а у США их нет. ... Например, в Советском Союзе пропаганда войны является уголовно наказуемым деянием, а у вас активные участники антивоенного движения оказываются за решеткой.

Шульц. Это не так.

Горбачев. <...> Думаю, все же надо идти по другому пути. У каждой страны есть свои проблемы. Но правильный путь — сотрудничество, обмена, взаимное изучение и контакты, которые постоянно обогащают нас в экономической, научно-технической, культурной, других областях. Мы за такие отношения, и мы не будем стремиться переделать Соединенные Штаты по своему подобию. Пусть люди сами всё видят, сами всё обдумывают.

Мы не признаем, что правительство США — это своего рода сверхправительство, имеющее право указывать нам. Сегодня вам трудно указывать даже Панаме. А будет еще труднее. Это реальность.

Ваш подход неприемлем и потому, что он является крайне дифференцированным. У себя вы не замечаете расизм, голод, нищету. Вы не видите этого во многих странах и даже на целых континентах, если только это не противоречит вашим интересам.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Рональдом Рейганом
Москва, 29 мая 1988 года*

Рейган. Хотел бы дальше сделать еще одно отступление, поговорить на тему, которую я уже не раз поднимал в прошлых беседах с Вами. <...>

Как я уже делал и раньше, я хотел бы передать Вам перечень лиц — это небольшой перечень, примерно дюжина фамилий — живущих в Советском Союзе, в отношении которых испытывают большую озабоченность в Соединенных Штатах. С просьбой поднять эти вопросы ко мне обращались лично американцы, друзьями и родственниками которых являются эти люди (*называет несколько случаев и фамилий*).

Горбачев. Хорошо, господин Президент. Как всегда, мы внимательно рассмотрим Ваши просьбы по подобным конкретным вопросам.

А вообще, скажу Вам, что у нас не воздвигается каких-то искусственных препятствий к выезду тех или иных лиц за границу. Может быть только одно препятствие, объективная причина, затрудняющая выдачу разрешения на выезд, — осведомленность в государственных секретах. Любое государство считает себя вправе оберегать свои секреты. Это, повторяю, единственное возможное препятствие. Если такого препятствия нет, мы никого не держим.

В связи с тем, что Вы сказали, хотел бы тоже сделать реплику со своей стороны. Накануне Вашего визита сюда Вы, господин Президент, в своих публичных высказываниях много говорили о своей приверженности правам человека и о том, что хотите поставить эту тему на первое место на переговорах в Москве. Об этом Вы говорили и в Вашингтоне, и на днях в Финляндии. Чувствую, что мне надо дать свой ответ, иначе будет впечатление, что Горбачева чуть ли не загоняют в угол, что ему, дескать, нечего сказать. Это, в свою очередь, повело бы к мысли о том, что надо на него оказывать давление и дальше. <...>

У нас, конечно, есть много своих замечаний к тому, как обстоят дела в этой области в США, взять основные политические, гражданские, социально-экономические права или, например, положение черного населения, национальных меньшинств, преследования против активистов антивоенного движения. Фактов, свидетельствующих о нарушениях прав и свобод в США, очень много, их, в частности, можно почерпнуть из самой американской прессы. Но может быть, и мы не в полной мере и не всегда правильно судим о ситуации с правами человека в США.

Давайте создадим совместный, двусторонний механизм на уровне Верховного Совета и Конгресса для рассмотрения этих вопросов. Пусть это будет, скажем, семинар или какой-то еще форум, где на регулярной основе представители парламентов обеих стран, правительства, академических кругов, юристы и т.д. совместно обсуждали бы эти вопросы, выносили бы рекомендации. <...>

Давайте совместно и открыто обсуждать эти вопросы. Пусть об этом знает широкая общественность обеих стран, всего мира.

Рейган. Я знаю, господин Генеральный секретарь, что Вы имеете в виду, когда говорите о замечаниях в наш адрес. У нас действительно тоже есть и некоторые проблемы, как и в любой другой стране, где такое разнообразие рас и этнических общин.

Такое разнообразие дает почву для предрассудков и противоречий, которые во многом были занесены в Америку переселенцами из самых разных стран мира. Когда-то в Соединенных Штатах существовало даже рабство, которое затем было объявлено вне закона.

Повторяю, что и сейчас есть немало людей с расовыми предрассудками. Разница с прошлым, однако, состоит в том, что американские законы никому не позволяют трансформировать те или иные предрассудки в действия, ведущие к нарушению прав и свобод наших граждан. Если кто-либо пытается ущемить права других, он наказывается в соответствии с законом.

Горбачев. Благих деклараций много, они есть и в американской Конституции, и в других ваших законах. Другое дело, однако, как они претворяются в реальной жизни. Возьмите, например, безработицу среди черных и испаноговорящих американцев — ее уровень намного выше, чем уровень безработицы среди белых. Возьмите цифры доходов: у черных американцев они намного ниже, чем у белых. А доступ к образованию, к получению медицинской помощи?

У нас, в Советском Союзе, жизненный уровень, конечно, ниже, чем в США, но у нас нет таких резких контрастов и несоответствий в обеспечении основных прав людей и в уровне жизни между различными категориями населения.

Рейган. Позвольте все же подчеркнуть один момент. В прошлом в США действительно существовала расовая сегрегация. Но у нас были приняты специальные законы о гражданских правах, запретившие расовую дискриминацию. Что касается разницы в жизненном уровне, его повышение у черного населения началось с более низкой отметки — это так. Однако в условиях экономического роста в последние шесть лет заработная плата и занятость черных американцев повышаются быстрее, чем у белого населения. Иными словами, черные догоняют в этом отношении белых.

Горбачев. Господин Президент, я ведь ничего не придумывал. То, что я сказал, основывается на данных вашего же Конгресса.

Разумеется, я вовсе не собираюсь поучать Президента Соединенных Штатов, как лучше вести дела в его стране. Я лишь констатирую тот факт, что в то время как у вас есть свое представление о нас, в Советском Союзе существует свое представление об Америке.

Добавлю, что в последнее время мы много занимаемся самокритикой, а у вас, похоже, самокритикой не хотят заниматься. Мы видим и знаем, что нам предстоит еще многое сделать у себя для дальнейшего прогресса в области неукоснительного соблюдения прав советских граждан во всех аспектах политической, социально-экономической и общественной жизни. <...>

Главное — не заблуждаться насчет того, что в Америке, мол, в этом отношении все прекрасно — «all right». Поэтому мы и предлагаем создать совместный механизм, скорее всего в рамках межпарламентских контактов, с тем чтобы сопоставлять положение у нас в странах и изыскивать совместный подход в такого рода делах.

Рейган. Это прекрасная идея. Согласен, что надо взаимно обсуждать озбоченности друг друга, с тем чтобы избавляться от возможных неправильных представлений друг о друге.

Теперь, господин Генеральный секретарь, хотел бы обсудить с Вами нечто, что всегда было моей заветной мечтой. <...>

В Советском Союзе много верующих, и хорошо, что в последнее время вы пошли на некоторую либерализацию существующих правил, регулирующих деятельность, в частности, православной церкви. А почему бы вам не постановить, что свобода религии для лиц любого вероисповедания является неотъемлемой частью основных прав и свобод человека. Разрешите свободно, без всяких ограничений, исповедовать любую религию, будь то ислам, протестантство, католичество, баптизм, иудейство, украинская церковь и другие. При этом правительство отказалось бы от любого вмешательства в религиозные дела. Для нас в Америке эти принципы особенно дороги, ибо наша Конституция предусматривает отделение церкви от государства. Ни государство, ни церковь не вмешиваются в дела друг друга. Думаю, что предоставление полной религиозной свободы в вашей стране помогло бы решению проблем, связанных с желанием многих людей выехать за границу. Когда-то многие переселенцы приехали в Америку из-за того, что они не имели свободы вероисповедания.

Горбачев. Сразу же отвечу, что у нас нет сколько-нибудь серьезных проблем с религией и верующими. Сам я в детстве был крещен, но я — атеист. По-своему это отражает этапы нашего развития.

Из того, что Вы сказали на эту тему, хорошо видно, что между нами есть определенные различия в подходах к самой этой теме. Мы говорим о том, что человек должен быть свободен верить или не верить в Бога, то есть, говорим о свободе совести. Вы же все время выступаете только за свободу религии, как бы забываете о свободе не исповедовать никакую религию. Получается перебор в пользу верующих и в ущерб неверующим. Возникает вопрос: почему в США неверующие, атеисты, оказались как бы в опале?

Рейган. Неверующие пользуются у нас полной свободой. Мой собственный сын — атеист, называет себя агностиком.

Горбачев. Но все же, почему в Америке то и дело упрекают, критикуют атеистов? Получается, что, насаждая религиозность, там тем самым посягают на свободу совести. Опять же об этом можно немало прочесть в американской же прессе. У нас же отношение другое — человек волен верить или не верить в Бога, никто не понуждает его ни к тому, ни к другому.

Рейган. У нас дело обстоит именно так. Церковь отделена от государства, и религию никому не навязывают. В государственных школах нет религиозного обучения. <...>

И снова о том, как обстоят дела в Соединенных Штатах. У нас правительство не может делать ничего такого, чтобы помешать исповеданию той или иной веры и, наоборот, ничего такого, что бы помогало религии. Правительство не может финансировать религии, расходовать на это деньги налогоплательщиков. В стране есть частные школы, где может преподаваться религия, соответствующие общины сами содержат эти школы. Но что касается государственных школ, в них нельзя преподавать религию, нельзя даже в организованном порядке произносить молитву.

Горбачев. После революции по отношению к религии у нас были определенные перегибы, как и перегибы в других областях, что, впрочем, бывало во времена революций в других странах. Что касается положения на сегодня, оно развивается как раз во многом в направлении, о котором Вы говорите мне. Конфликты у нас могут быть только с теми, кто занимается вовсе не религиозной, а политической, антисоветской деятельностью. В прошлом такое нередко случалось, сейчас — значительно реже, в дальнейшем, как мы надеемся, не будет вообще иметь место.

Когда мы говорим о перестройке, демократизации, расширении и реальном наполнении прав и свобод наших граждан, это в полной мере включает и религиозную сферу, наше отношение к верующим.

Рейган. <...> По моему мнению, Вы, господин Генеральный секретарь, стали бы героем в глазах всего мира, если бы пошли на полную свободу религии в Советском Союзе. Недоверие, отрицательные эмоции по отношению к СССР испарились бы как вода под горячим солнцем.

Но повторю, что всё это не вопрос переговоров, а лишь мои личные советы... Это действительно вопрос, который вряд ли может обсуждаться как предмет переговоров.

Горбачев. Я понимаю, что Вас волнует религиозная тема, однако вижу и то, что Вы не имеете полной и правильной картины положения дел в СССР со свободой вероисповедания. А правильная картина состоит в том, что у нас

свободно сосуществуют атеизм и религия, самые различные вероисповедания — так же, как живут вместе в одной стране разные национальности и народности. У нас свободно исповедуют свою веру православные, католики, баптисты, мусульмане, иудеи, члены других религиозных общин. Это у нас масштабное явление. Вот Вы встретитесь с патриархом Пименом — знаю, что Вы собираетесь посетить один из православных монастырей, где сможете с ним побеседовать, — поинтересуйтесь у него, каково действительно положение религии в Советском Союзе.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Рональдом Рейганом
Москва, 31 мая 1988 года*

Рейган. Я недавно прочел Вашу книгу о перестройке, и у меня появилось несколько вопросов. Вы обещали, что повысите жизненный уровень в Советском Союзе. Какие конкретные шаги и в какой последовательности собираетесь предпринять советское руководство в этой связи?

Горбачев (после подробного рассказа о самых актуальных мерах в развитии перестройки и демократизации): Вы, видимо, не совсем представляете себе масштабы дискриминации, которой подвергаются товары Советского Союза... Джексона давно уже нет на свете, а поправка Джексона-Вэника завалила пути к развитию торговли. Получается настоящий режим наибольшего неблагоприятствования.

Рейган. <...> К сожалению, это связано с вопросами прав человека, которые мы с вами подробно обсуждали. Авторы поправки и те, кто ее поддержал, были обеспокоены фактами дискриминации по религиозному и другим признакам и старались сделать что-то конкретное для изменения такого положения. Впрочем, я уверен, что Вы хорошо знаете нашу позицию на этот счет.

Горбачев. А Вы попытайтесь на минуту представить, что получится, если и мы будем действовать по вашему примеру. <...>

Скажем, потребуем от американского правительства нормальных условий жизни для 6 миллионов испаноязычных американцев. Сейчас, насколько я знаю, они лишены всяких прав и с ними обращаются как с «живым товаром». Или возьмем, к примеру, судьбу американских индейцев. Разве их не загнали в резервации? Думаю, у нашего Верховного Совета нашлись бы все основания для принятия не менее острых «резолюций» по этому вопросу, чем те, которые принимаются американским Конгрессом по Украине или по Прибалтике.

Но вот вопрос: такой ли путь нам нужен? Куда он приведет? Если мы сделаем такой выбор, то, видимо, придется распрощаться со всякой надеждой на заключение соглашений или на общее выправление отношений. Так что давайте лучше не увековечивать это наследие «холодной войны», а бороться с ним, чтобы окончательно изгнать из советско-американского диалога. Рецепт лечения здесь может быть немало, включая и шоковую терапию.

Рейган. Но между ситуацией у нас и у вас есть одна принципиальная разница, о которой я уже говорил. <...>

Да, у нас есть индейские резервации, но почему они возникли? Дело в том, что коренное население Америки хотело бы сохранить свой традиционный уклад жизни, соблюдать традиции и обычаи предков в условиях, наиболее пригодных для этого. Вот мы и отвели миллионы акров для того, чтобы индейцы могли жить как они хотят, ни на кого не оглядываясь. Однако никто их не держит в этих резервациях, любой из проживающих там может в любой момент поселиться в другом месте по собственному выбору.

Готов я обсудить и проблемы испаноязычных американцев. Они сейчас составляют огромные колонии в нашей стране, буквально захватили Флориду. Эти люди — беженцы с Кубы, их прогнал в США кастровский режим. Мы лишь дали им убежище, и они глубоко благодарны нам за это. Что касается выходцев из Мексики, то это совсем другая история. Низкий уровень жизни мексиканцев заставляет их нелегально переходить границу, искать у нас подходящую работу. Согласен, что для нас это нелегкая проблема. Ведь у любой экономики есть свои пределы, и она не может «переварить» неограниченное количество пришельцев из-за рубежа.

Горбачев. <...> В общем, я вижу, что вы с большим трудом воспринимаете любые критические замечания, а вот нас готовы критиковать чуть ли не каждый день. <...> Объектов для критики хватает и у вас, и у нас, и критиковать друг друга мы, судя по всему, будем всегда. Но разве это преграда для взаимодействия? Ничуть нет, скорее напротив.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из доклада Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС
28 июня 1988 года*

Конечной целью реформы политической системы и главным критерием того, насколько нам удастся провести ее в жизнь, являются всестороннее обогащение прав человека, повышение социальной активности советских людей. Этот вопрос занимает центральное место в теории и практике социализма. <...>

Какие здесь стоят конкретные задачи?

Прежде всего, о социальных правах личности. <...> Вот что надо сказать в этой связи. Мы хотим укрепить гарантии социально-экономических прав личности, а для этого необходимы соответствующие изменения экономических и политических условий. Однако характер этих изменений и сроки их осуществления тесно связаны с трудовой деятельностью всех членов советского общества. <...>

Перестройка поставила вопрос о политических правах человека. На их реализации особенно болезненно сказались командно-административные методы руководства и связанное с ними ограничение демократии. Все это затормозило и осложнило процесс преодоления отчуждения человека от власти, от политики — процесс, начатый Октябрем.

Проект политической реформы, который выносится на обсуждение нашей конференции, как раз и направлен на то, чтобы ускорить процесс широкого вовлечения трудящихся в управление делами страны. А для этого

должны быть, естественно, созданы реальные условия — изменена избирательная система, реорганизована структура органов власти и управления, обновлено законодательство. Конечно, это предполагает и соответствующие изменения в общественном сознании миллионов и миллионов людей. <...>

Особо хочу остановиться на политических свободах, которые дают возможность человеку выразить свое мнение по любому вопросу. Осуществление этих свобод — реальная гарантия того, чтобы любая проблема, представляющая общественный интерес, всесторонне обсуждалась, чтобы взвешивались все «за» и «против», и это помогало бы найти наиболее правильные решения с учетом всех разнообразных мнений и реальных возможностей. Словом, товарищи, речь идет о новой роли общественного мнения в стране. И не надо бояться новизны, непривычности суждений, не надо шархатиться и впадать в крайности при каждом повороте дискуссий.

Хочу затронуть и такой принципиальный вопрос, как свобода совести. Сейчас к нему проявляется повышенное внимание в связи с 1000-летием введения христианства на Руси. Мы не скрываем своего отношения к религиозному мировоззрению как нематериалистическому, ненаучному. Но это не основание для неуважительного отношения к духовному миру верующих людей и тем более — применения какого бы то ни было административного давления для утверждения материалистических воззрений. <...>

Все верующие, независимо от того, какую религию они исповедуют, являются полноправными гражданами СССР...

Теперь о личных правах граждан. Здесь тоже требуется более четкое законодательное урегулирование. Кое-что уже сделано. С большим удовлетворением встречено решение не рассматривать анонимки, установление уголовной ответственности за преследование за критику, порядка обжалования в суд незаконных действий должностных лиц, возмещения ущерба, причиненного такими действиями, усиление охраны прав психически больных людей. Весь наш правопорядок призван гарантировать строгое соблюдение прав граждан на неприкосновенность личной жизни, жилища, тайну телефонных переговоров, переписки, почтовых и телеграфных отправок. Закон должен надежно оберегать личное достоинство человека.

Всемерно охраняя и гарантируя права и свободы советских людей, мы не можем рассматривать их изолированно от гражданских обязанностей. Демократия предполагает разумный общественный порядок, без которого, собственно говоря, не может быть и личной свободы. Наше законодательство имеет своей целью решительно защищать общество от всякого рода рвачей, хапуг, несунув, хулиганов, клеветников, хамов. Общество должно располагать эффективными средствами воздействия на антиобщественные элементы, их перевоспитания и включения в нормальную трудовую жизнь.

И еще одна проблема. Утверждение личных прав и свобод, расширение в целом демократии и гласности должны идти рука об руку с укреплением законности, воспитанием безусловного уважения к закону. Демократия несовместима ни со своеволием, ни с безответственностью, ни с распущенностью.

Как вы знаете, в последнее время мы не раз сталкивались с попытками использовать демократические права в антидемократических целях. <...>

У проблемы прав человека есть и важный международный аспект. Мы глубоко убеждены в верности своего социалистического выбора и твердо намерены, устраняя все перекосы и деформации, обогащать права личности на социалистической почве, действуя в тех рамках и теми методами, которые отвечают природе нашего строя.

ГСС. Т. 11. С. 158–162.

Из послесловия Горбачева к сборнику «Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма» (М., 1988)

Возможно ли общее понимание Западом и Востоком таких основополагающих вещей, как свобода, демократия, права человека?

Думаю, со мной согласятся, что простого, однозначного ответа на это не дашь. Но определенно можно сказать (и об этом упоминалось в моем докладе на XIX партийной конференции), что сейчас легче стало находить взаимопонимание по вопросу о значении таких ценностей, как свобода, демократия. Об этом свидетельствует, в частности, Делийская декларация 1986 года, в которой Советский Союз и Индия зафиксировали общее понимание основных человеческих ценностей, выработанных многими цивилизациями за их долгую историю.

В прошлом мы часто недооценивали значения требований свободы и демократии, не учитывали должным образом обостренного восприятия их широкими массами в свете трагического опыта фашизма. В то же время верно и то, что одинакового понимания свободы, демократии, прав человека трудно ожидать, пока существуют классовое разделение общества и противоположные общественные системы, вопиющая бедность миллионов, лишенных элементарных условий человеческого существования, пока сохраняется социальная дискриминация и широко еще распространено национальное неравенство.

Тем не менее общие критерии в области основных прав и свобод человека не только возможны, но и необходимы они, кстати, зафиксированы в соответствующих международных пактах (хотя, к сожалению, не все государства их ратифицировали).

ГСС. Т. 11. С. 362, 363.

По мере углубления перестройки все яснее проявляется концептуальное содержание проблемы прав человека в СССР и одновременно эти права получают широкое признание и правовое закрепление. На этой основе развивается сотрудничество с западными державами в гуманитарной сфере.

*Из диктовки Черняеву
7 августа 1988 года*

Сердцевина нашей нынешней концепции в том, чтобы вернуть человека как главное действующее лицо в политический процесс, в экономику, в духовную сферу, до конца довести работу, которую начал Октябрь 1917 года. Прео-

долеть полосу отчуждения человека от производства, от власти, от мировой культуры. Из этого вытекает необходимость перестройки экономических отношений, демократизации, гласности, а затем и политической реформы.

ПБ. С. 408.

*Из речи перед депутатами Парламентской ассамблеи Совета Европы
Страсбург, 6 июля 1989 года*

Мир, в котором удастся сократить военные арсеналы, но в котором будут нарушаться права человека, не может чувствовать себя уверенно. К этому выводу мы для себя пришли окончательно и бесповоротно.

Мы убеждены, что под общеевропейский процесс должна быть подведена надежная правовая основа. «Общеевропейский дом» мы мыслим как правовое сообщество. И со своей стороны начали движение в этом направлении.

В постановлении Съезда народных депутатов СССР, между прочим, сказано: «Опираясь на международные нормы и принципы, в том числе содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека, хельсинкских соглашениях и договоренностях на венских встречах, приводя внутреннее законодательство в соответствие с ними, СССР будет способствовать созданию мирового содружества правовых государств».

Европа могла бы и тут быть примером. Естественно, ее международно-правовая целостность включает национальные и социальные особенности государств. Каждая европейская страна, США и Канада имеют свои законы и традиции в гуманитарной сфере. Хотя существуют и общепризнанные нормы и принципы.

Было бы, наверное, полезно провести сравнение существующих законодательств по правам человека, создав для этого или специальную рабочую группу, или что-то вроде европейского института сравнительного гуманитарного права. Полного совпадения точек зрения, учитывая разницу социальных систем, мы скорее всего не добьемся. Но имеются и могут быть умножены общие взгляды и общие подходы.

Это позволяет говорить о возможности создания европейского правового пространства.

Визит М.С. Горбачева во Францию...

Документы и материалы.

М.: Политиздат, 1989. С. 140–141.

*Из Нобелевской лекции Горбачева
Осло, 5 июня 1991 года*

Уходящая в будущее перспектива действительно мирной мировой политики — в создании общими усилиями единого международного демократического пространства, в котором для государства приоритетом будут права человека, жизненные блага для собственных граждан и содействие утвержде-

нию таких же прав и такого блага повсеместно. Это — императив растущей целостности современного мира, взаимозависимости его частей.

*Горбачев М.С. Нобелевская лекция. 5 июня 1991 г. Осло.
М.: Политиздат, 1991. С. 15.*

*Из доклада на XXVIII съезде КПСС
2 июля 1990 года*

При этом остается требование приоритетности прав человека над любыми интересами национальной суверенности и автономии. Оно должно быть закреплено в конституционном устройстве Союза и каждой республики. От этого принципа, которым мы руководствуемся и в международном плане, нельзя отступить ни на шаг.

Горбачев М.С. Годы трудных решений. С. 221–222.

*Из личного послания Президента СССР
главам государств-участников встречи «семерки» в Лондоне
11 июля 1991 года*

Проводимый курс на обновление общества предусматривает «признание в качестве высшей социальной ценности прав и свобод личности, включая экономическую свободу». <...> Законодательство в области прав человека в основном приведено в соответствие с международными нормами.

ПБ. С. 708, 709.

Показательно, что в 1989–1991 годах критика Горбачева со стороны руководителей западных государств по теме прав человека явно пошла на спад. А при обсуждении этой темы на первый план стал выдвигаться ее глобальный аспект.

*Из переговоров с Джорджем Бушем
Москва, 31 июля 1991 года*

Горбачев. Недавно у нас с визитом был Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь. Он рассказал о своей беседе с Джимми Картером, который, как хороший христианин, стал давать ему советы насчет прав человека. На это китайский руководитель сказал, что мир должен быть благодарен государству и правительству, которые как-то кормят, одевают и содержат в приличном порядке 1 миллиард человек.

Буш. Неплохой ответ.

Горбачев. А насчет свободной эмиграции он сказал: мы разрешим ее, если вы согласны принять десятки или даже сотни миллионов китайцев.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Заключение

Итак, что в итоге вытекает из мыслей, заявлений, предложений и рассуждений, а также тактики Горбачева на международной арене, какова *summa summarum*?

— Цивилизация в XX столетии достигла такого рубежа, когда взаимосвязь и взаимозависимость всех ее частей требует новой, иной мировой политики;

— ее ось в XX столетии (после 1917 года) — классовое противостояние двух систем — уже не годится для новой политики: идеология не должна лежать в основе межгосударственных отношений;

— ядерный век, век НТР делает возможным новую мировую политику, но он же несет угрозу самому существованию цивилизации, человечество стало смертным;

— противоречия могут и должны разрешаться мирными, переговорными средствами и во взаимодействии, особенно наиболее сильных и богатых государств;

— экономические связи могут вести к зависимости стран друг от друга. Ее не надо бояться в условиях политической нормализации и вооруженческой разрядки. Она способствует интеграции, как главной тенденции международного развития;

— применение прежних, существовавших веками методов «снятия» противоречий — войной, захватами, подчинением, извлечением выгод одними за счет других — неприемлемо, чревато в новую эпоху смертельной угрозой для всех;

— в мире появились десятки новых государств. Это диктует необходимость устанавливать баланс интересов на основе реального равноправия, то есть требуется демократизация международных отношений. Лучшего, чем ООН, инструмента для этого пока не придумано. Заложенный в ней потенциал пока плохо использовался. Принцип баланса интересов обязателен и в двусторонних отношениях;

— свобода выбора как универсальный международный принцип, непременно право каждого идти своим путем, недопустимо вмешательство извне в определение народами собственных судеб;

— различия между нациями и государствами, их особенности — не предмет для раздоров и вражды, они, наоборот, содержат в себе резерв для обмена опытом и ценностями, для всеобщего прогресса, который сам приобретает качественно иной характер;

— рядом с угрозой ядерной войны стоит угроза вероятности «взрыва» нового противоречия — между богатством небольшой части стран и бедностью, нищетой большинства других. Ответственность за предотвращение этого взрыва, прежде всего — на самых богатых, самых влиятельных государствах;

— политика, адекватная эпохе, требует нового мышления, опирающегося на идеи великих ученых, философов, мыслителей, основателей мировых ре-

лигий, на здравый смысл, присущий народам. Такое мышление предполагает в качестве обязательного компонента политики — мораль, общечеловеческое ее ядро;

— общечеловеческие ценности существуют, но пусть каждый в мировом сообществе пользуется ими, как может и как умеет. Нельзя навязывать другим свое их понимание. И «не стреляться же из-за того, что мы разные!»;

— гонка вооружений не только опасна, не только по сути непродуктивна и разорительна, она — безнравственна, антигуманна, она уродует не только экономику, но и общественное сознание, стимулируя ненависть и вражду ко всему, что «на тебя не похоже»;

— вооруженные силы нужны, но — в пределах достаточности для самосохранения государства и его ограждения от возможных опасностей, — реальных, а не надуманных ради корыстных интересов фабрикантов оружия и служащих им политиков. Новое мышление означало и окончательный отказ от использования вооруженных сил за рубежом, исключало вооруженную интервенцию, не санкционированную ООН;

— разоружение — на равноправной основе под строгим взаимным контролем необходимо, освобождение от избыточных вооружений и вооруженных сил допустимо в одностороннем порядке, полезно для улучшения общей международной атмосферы, — чтобы стимулировать движение в правильном направлении, ради укрепления доверия;

— основным методом межгосударственного общения должен быть диалог на равных, без попыток обмануть, добиться преимуществ, навязать неприемлемое. Важно учитывать личные качества лидеров, государственных деятелей, использовать их взаимопонимание в национальных и в общих интересах;

— с региональными и межнациональными проблемами, в том числе возникшими в новую эпоху, можно всерьез разбираться лишь при условии, если решается главная задача — сохранение и укрепление мира. Силовые приемы в подходе к этим проблемам исключаются. «Принуждение к миру» в локальных конфликтах допустимо лишь с согласия ООН или уполномоченных на то ею международных институтов;

— внешняя политика не может быть полноценной и предсказуемой, если она не опирается на науку, если она не использует моральный авторитет ученого сообщества;

— в новую эпоху самостоятельным субъектом международных отношений стала общественность, общественное мнение, средства массовой информации. От них во многом зависит общий фон межгосударственных отношений, международная интеллектуально-психологическая атмосфера. Опора на них, использование их — особая ответственность политиков, государственных деятелей. Не исключено и вредное влияние СМИ на ход событий, и здесь проблема не только законодателей, правовая (включая международный ее аспект), но и проблема качества общественного сознания.

Перестройка в СССР — на «родине коммунизма» — заметно сказалась на таком факторе мировой политики, как коммунистическое движение.

Деидеологизация межгосударственных отношений сомкнулась с естественным его угасанием, поскольку международные отношения освободились от конфронтации идеологически противостоящих друг другу социальных систем.

Особое место во внешней политике перестройки заняла проблема прав человека. Взгляды на нее и подходы Горбачева к этой проблеме в годы перестройки существенно эволюционировали.

Права и свободы человека в реформируемом советском обществе, как оказалось, органически связаны не только со всем комплексом глубоких социально-экономических и политико-правовых преобразований, но и с международной политикой.

Начинал Горбачев с того, что — условно говоря — есть западные «права человека», и есть социалистические. Правда, ради договоренностей по другим, «более важным и актуальным вопросам», признавал право на существование тех и других. Но считал их все-таки «отдельной» проблемой, которую не надо впутывать в «главное», от чего зависит, быть или не быть человечеству.

А в конце концов — под давлением внутренних потребностей развития и по международным обстоятельствам — он пришел к признанию прав человека универсальной категорией, необходимой для движения к новому, гуманному и справедливому миру. Они стали неотъемлемым компонентом «нового мышления» как во внутренних, так и в международных делах.

Попытки решить эту судьбоносную для перестройки задачу столкнулись с непреодолимыми, как оказалось, трудностями и препятствиями.

«Сейчас многие заявляют, — говорил Горбачев послу США Джеку Мэтлоку 24 января 1991 года, — что именно они больше всех привержены либеральным ценностям. Это хорошо говорить на митингах. А вот как решать практически вопросы в такой стране? Мы ведь впервые взяли их решать без “красных” и “белых”, без “черных” и “синих”. ...Труднейшее это дело — при отсутствии политической культуры, при отсутствии вообще культуры общения, при том напряжении, в котором оказалось все общество. Все тут переплелось: и экономика, и политика, и национальные отношения, и личные амбиции, и случайные стечения обстоятельств.

Мой выбор — все решать на путях демократии. Но сколько сил, очень разных, взаимодействуют и противостоят друг другу! Сколько всяких мнений и группировок сталкивается! Идет политическое противоборство.

...Важно, чтобы все шло в рамках законности, при уважении Конституции. Я же дал клятву защищать конституционные основы, гражданские права. А каждый день их где-нибудь попирают». (АГФ. Фонд № 1, опись № 1.)

Как бы то ни было, но именно Горбачев открыл советскому, тоталитарному обществу дорогу к свободе.

Что касается внешней политики перестройки как явления конкретно-исторического, то ей свойственно:

— США — во главе угла, ибо от отношений с ними зависело устранение угрозы ядерной войны, перелом в целом в отношениях «Восток-Запад»;

- европейское направление («общеевропейский дом»), возрождающее и утверждающее принадлежность СССР/России к Европе, полноценное усвоение ценностей европейской (христианской) цивилизации;
- улучшение отношений на взаимопользующей основе со всеми странами, которые этого хотят и могут;
- понимание значимости движения цивилизации на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион и необходимость поиска СССР/России своего достойного места в мирном процессе повсеместно.

Примечания

- ¹ Еврокоммунизм» — термин, которым в 70-е годы был обозначен резкий отход ряда западноевропейских компартий от ортодоксального, советизированного марксизма-ленинизма. Признаки такого отхода впервые проявились после XX съезда КПСС и разоблачения Хрущевым «культы личности» Сталина. Уже тогда в ряде партий произошли расколы, откололись звенья, которые в КПСС называли «ревизионистскими». А в конце 60-х годов, особенно в связи с вводом войск ОВД в Чехословакию, критическое отношение к советской системе охватило и руководство некоторых наиболее авторитетных партий. Инициатором была Итальянская компартия, к ней сразу присоединились Французская и Испанская, то есть самые влиятельные и более или менее массовые партии западного мира, а потом частично и другие. Между ними и КПСС развернулась острая идеологическая борьба.
- ² Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро, Коминформ) было создано в 1947 году по решению совещания представителей девяти компартий — Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, СССР, Франции, Чехословакии, Югославии. В 1948 году, в связи с конфликтом Сталина с Тито Союз коммунистов Югославии был из Коминформа исключен. Вскоре после XX съезда КПСС, 18 апреля 1956 года, Информбюро заявило о самороспуске.
- ³ На XXVII съезде КПСС в качестве гостей присутствовали 152 делегации коммунистических, рабочих, революционно-демократических, социалистических, лейбористских и других партий, представители демократических общественных организаций из 113 стран.
- ⁴ Добрынин Анатолий Федорович (р. 1919) — советский дипломат, посол СССР в США в 1961–1986 годах, секретарь ЦК КПСС, заведующий Международным отделом ЦК в 1986–1988 годах.
- ⁵ Речь идет о Независимой комиссии по разоружению и безопасности, созданной по инициативе Улофа Пальме 13 сентября 1980 года. В комиссию входили авторитетные политические и общественные деятели. Среди них С. Вэнс (США), Э. Бар (ФРГ), Г. Арбатов (СССР), Д. Оуэн (Великобритания), Гру Х. Брундтланд (Норвегия). Доклад «Комиссии Пальме» — «Common Security» — был опубликован в 1982 году. (См.: Безопасность для всех. М.: Прогресс, 1982.)
- ⁶ «Делийская шестерка» — группа в составе Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции, образованная в мае 1984 года. В совместной декларации, принятой главами этих государств 28 января 1985 года в Дели, «шестерка» обратилась к ядерным державам с призывом к отказу от испытаний ядерного оружия, снижению уровня его производства и сокращению накопленных арсеналов.
- ⁷ В этот день в «Правде» было опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС с детальной программой взаимного и поэтапного сокращения ядерных потенциалов — с конечной целью уничтожить ядерное оружие к 2000 году.
- ⁸ В 1978 году министр обороны СССР Дмитрий Устинов добился от Брежнева, от Политбюро согласия установить нацеленные на жизненные центры европейских стран НАТО новейшие ядерные ракеты средней дальности (СС-20) с дальностью 5 тысяч километров. В ответ американцы поставили на территории Западной Германии свои аналогичные ракеты «Першинг-2», способные достичь Москвы за 5 минут.
Эта акция фактически сорвала международную разрядку 70-х годов, резко усилила гонку вооружений.
- ⁹ В столице Швеции начала работать конференция представителей стран НАТО и ОВД «по мерам доверия».
- ¹⁰ Чебриков Виктор Михайлович (1923–1999) — председатель Комитета государственной безопасности СССР в 1982–1988 годах, секретарь ЦК КПСС в 1988–1989 годах, член Политбюро ЦК КПСС с 1985 по 1990 год
- ¹¹ Воротников Виталий Иванович (р. 1926) — член Политбюро ЦК КПСС с 1983 по 1990 год, Председатель Совета Министров РСФСР в 1983–1988 годах, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР в 1988–1990 годах.
- ¹² Форум проходил в Москве в середине февраля 1987 года, присутствовало более тысячи участников из 80 стран: политики, общественные деятели, представители науки, культуры, деловых кругов, священнослужители, врачи. На Форуме выступил Горбачев. Мероприятие уникальное в советской истории — один из результатов «открытия страны» внешнему миру.

- ¹³ Имеется в виду Международный общественный фонд «За выживание и развитие человечества», созданный по инициативе академика Велихова при поддержке ряда зарубежных благотворительных фондов.
- ¹⁴ Альфонсин Рауль (1926–2009) — аргентинский политик, президент Аргентины в 1983–1989 годах.
- ¹⁵ Фава Атос (р. 1925) — деятель рабочего движения Аргентины, Генеральный секретарь Компартии Аргентины в 1980–1989 годах.
- ¹⁶ Мис Герберт (р. 1929) — председатель Компартии Германии (ФРГ) в 1973–1990 годах. Письмо Горбачева Мису от 12 февраля 1987 года см.: ГСС. Т. 5. С. 528–531.
- ¹⁷ Дубчек Александр (1921–1992) — первый секретарь ЦК КПЧ в январе 1968 — апреле 1969 года, один из инициаторов крутого демократического поворота в Чехословакии, вошедшего в историю под названием «пражской весны».
- ¹⁸ Каррильо Сантьяго (р. 1915) — генеральный секретарь Компартии Испании в 1960–1982 годах, один из главных идеологов «еврокоммунизма». После нескольких расколов в партии и ее поражения на парламентских выборах 1982 года, ушел с поста генсека. В апреле 1985 года Каррильо и его сторонники были исключены из ЦК КПИ, а в феврале 1987 года создали свою мини-партию.
- ¹⁹ Бен-Гурион Давид (1886–1973) — первый премьер-министр Израиля.
- ²⁰ Кеннан Джордж (1904–2005) — американский дипломат, в 1935–1937 годах работал вторым секретарем посольства США в Москве, в конце 30-х — эксперт Госдепа по делам СССР, в 1945 году — министр-советник посольства США в Москве, в 1952 году — американский посол в Советском Союзе. В 1947 году опубликовал в журнале «Foreign Affairs» (за подписью «X») статью с изложением «стратегии сдерживания» СССР, которая в последующие 40 лет оказывала влияние на выработку американской внешнеполитической доктрины.
- ²¹ Чиссано Жоакин (р. 1939) — президент Народной Республики Мозамбик с 1986 по 2005 год.
- ²² Машел Самора (1933–1986) — первый президент независимого Мозамбика. Погиб в авиакатастрофе 19 октября 1986 года.
- ²³ Имеются в виду международные совещания, состоявшиеся в Москве в ноябре 1957 года (с участием представителей 64 компартий), ноябре 1960 года (81 партия) и в июне 1969 года (75 партий).
- ²⁴ Аналогия со знаменитой книгой Джона Рида, посвященной Октябрьской революции, «Десять дней, которые потрясли мир». Вышла в свет в 1920 году.
- ²⁵ Кайрос (*греч.*) — благоприятный момент, удача, выгода.
- ²⁶ Макнамара Роберт (1916–2009) — министр обороны США в администрациях президентов Кеннеди и Джонсона, «архитектор вьетнамской войны». В 1968–1981 годах — президент Всемирного банка.
- ²⁷ Аденауэр Конрад (1876–1967) — один из основателей и с 1950 года председатель Христианско-демократического союза ФРГ, первый федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 годах.
- ²⁸ Куликов Виктор Георгиевич (р. 1921) — Маршал Советского Союза, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств Варшавского Договора в 1977–1989 годах.
- ²⁹ Язов Дмитрий Тимофеевич (р. 1923) — министр обороны СССР в 1987–1991 годах (до августовского путча, в котором принял участие).
- ³⁰ См. примеч. 5 в разделе III.
- ³¹ XVIII съезд Итальянской компартии состоялся 18–22 марта 1989 года. В докладе Оккетто на первое место была вынесена концепция универсального значения демократии как «пути социализма» и необходимость разработки «европейского пути к социализму», особенно в связи с интеграционными процессами в Западной Европе.
- ³² Наполитано Джорджо (р. 1925) — один из руководителей Итальянской компартии (член Руководства ИКП), затем — партии Левых демократов. Участник движения Сопrotивления в годы Второй мировой войны. В 2006 году избран президентом Итальянской Республики.
- ³³ Абрамс Элиот (р. 1948) — в 1981–1989 годах помощник государственного секретаря США.

Раздел II

ОТНОШЕНИЯ
С США.
ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМНОЙ
И ОБЩЕЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

Введение

Накануне прихода Горбачева к руководству страной отношения между СССР и США были самым острым и проблемным «участком» советской внешней политики и мировой политики в целом. Именно они составляли стержень «холодной войны». «Разрядка» 1970-х годов не изменила сути противостояния двух сверхдержав. Помимо идеологического противоборства, СССР и США противостояли друг другу в ряде региональных конфликтов и в гонке ракетно-ядерных и обычных вооружений. С началом размещения советских ракет средней дальности СС-20 и американских «Першингов-2» и крылатых ракет в Европе разрядка была, по существу, похоронена.

Две главные черты характеризовали советско-американские отношения в начале 1980-х годов:

- практически полное отсутствие доверия;
- доминирование в повестке дня милитаристского компонента. В лучшем случае это позволяло худо-бедно регулировать гонку вооружений и договариваться о «потолках» — хотя и чрезвычайно высоких — систем вооружений.

Новое советское руководство исходило из того, что без кардинального улучшения советско-американских отношений оздоровления мировой политики не произойдет. И хотя такое понимание, в общем, было и у предшественников Горбачева, принципы нового мышления создавали для них новую концептуальную основу. Речь идет об идее взаимной безопасности, изложенной в докладе Горбачева XXVII съезду КПСС: «Безопасность, если говорить об отношениях между СССР и США, может быть только взаимной, а если брать международные отношения в целом — только всеобщей. Высшая мудрость не в том, чтобы заботиться исключительно о себе, а тем более в ущерб другой стороне. Нужно, чтобы все чувствовали себя в равной безопасности, ибо страхи и тревоги ядерного века порождают непредсказуемость в политике и конкретных действиях. <...> Мы придаем важное значение состоянию и характеру отношений Советского Союза и США. У наших стран немало точек соприкосновения, есть объективная потребность жить в мире друг с другом, сотрудничать на равноправной и взаимовыгодной основе».

Вывести отношения из штопора, в который они попали на рубеже 70–80-х годов, можно было только сломав логику порочного круга, в котором недоверие питало гонку вооружений, а гонка вооружений еще более усиливала недоверие. Поэтому именно вопросы ограничения и сокращения вооружений оказались на первом плане в советско-американских отношениях с самого начала перестройки и занимали в них центральное место на протяжении длительного периода.

Большое значение имело налаживание механизма разработки наших переговорных позиций.

До Горбачева вопросы военной политики решались военным руководством и прежде всего министерством обороны вместе с министерством ино-

странных дел во главе с А.А. Громыко, который доминировал в проведении внешнеполитического курса и в приемах дипломатии. Государство практически не имело военной доктрины и высшее политическое руководство военной сферой имело во многом формальный характер. Министерство обороны диктовало и режим деятельности межведомственной комиссии по наблюдению за переговорами по разоружению.

По инициативе Горбачева руководителем межведомственной комиссии (так называемой «большой пятерки») был назначен секретарь ЦК КПСС Л.Н. Зайков, имевший большой авторитет в военных и военно-промышленных кругах, осознававший необходимость вывести из тупика переговоры по разоружению.

Роль аппарата комиссии Зайкова выполняла межведомственная рабочая группа («малая», или «нижняя пятерка»), в состав которой входили эксперты, в том числе представители исследовательских институтов, конструкторских бюро и предприятий военной промышленности. Демократический и творческий характер работы «пятерок» способствовал выработке реалистических позиций, на которые опирался Горбачев в своем взаимодействии с американским руководством*.

Каковы самые главные этапы развития советско-американских отношений в период перестройки?

— Советско-американская встреча на высшем уровне в Женеве (ноябрь 1985 года). Основной итог встречи был отражен в совместном советско-американском заявлении, где, в частности, говорилось: «Обсудив ключевые вопросы безопасности, стороны, сознавая особую ответственность СССР и США в деле сохранения мира, заявляют, что ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. Признавая, что любой конфликт между СССР и США мог бы иметь катастрофические последствия, они также подчеркнули важность предотвращения любой войны между ними — ядерной или обычной. Они не будут стремиться к достижению военного превосходства».

— Рейкьявик (октябрь 1986 года) — решающий рубеж, важнейшая веха в советско-американском переговорном процессе по стратегическим наступательным вооружениям. Американцам были представлены совершенно конкретные предложения уже не об ограничении, а о **сокращении** всех частей «триады» СНВ — межконтинентальных ракет наземного базирования, ракет на подводных лодках и стратегической авиации (50-процентном!). Стороны были близки к соглашению, но оно не состоялось из-за нежелания американской стороны отказаться от своей «стратегической оборонительной инициативы» (СОИ) — программы использования космоса в военных целях. Но оба лидера смогли убедиться, что каждый из них искренне хочет предотвратить ядерную катастрофу. «Энергетические полюса» сблизились, и вспыхнула искра доверия, даже личной симпатии. Это позволяло рассчитывать на то, что с этим президентом можно достичь перелома в гонке вооружений, ослабить, если не совсем устранить конфронтацию. На состоявшейся сразу

* Подробнее о работе «пятерки» см. Приложение (с. 306–312).

после встречи пресс-конференции М.С. Горбачев заявил: «При всем драматизме Рейкьявика это не поражение, это **прорыв**, мы впервые заглянули за горизонт».

– Визит Горбачева в Соединенные Штаты (декабрь 1987 года). Выход на широкие круги американского общества. Проявление понимания и сочувствия к политике Горбачева — как в официальных кругах, так и среди населения. Изменение «образа СССР» в его глазах, стирание «образа врага». Подписание Договора о ракетах средней и меньшей дальности (Договор о РСМД), впервые в истории ликвидировавшего целый класс ядерного оружия, — крупнейший шаг к устранению угрозы ядерного конфликта.

– Визит Рейгана в Москву (май—июнь 1988 года). Полное включение личностного фактора. Обмен ратификационными грамотами к Договору о РСМД. Хотя из-за сопротивления правого крыла администрации не удалось подписать Договор о стратегических вооружениях, его основные положения были согласованы и фактически действовали. Во время прогулки по Кремлю и Красной площади в ответ на вопрос, считает ли он СССР «империей зла», Рейган сказал: «Нет. Я говорил о другом времени, другой эре». Новая атмосфера отношений на уровне обеих наций.

– Встреча Горбачев–Рейган–Буш на Губернаторском острове в Нью-Йорке после выступления Горбачева в ООН (декабрь 1988 года). Рейган передает эстафету конструктивных отношений с Советским Союзом Джорджу Бушу, избранному новому президенту США. Выступая с трибуны ООН, Горбачев в заключительной части своей речи отдал должное прогрессу в налаживании отношений между СССР и США. Во всем мире, сказал он, «смогли вздохнуть с облегчением благодаря изменениям к лучшему в отношениях между Москвой и Вашингтоном». Прозвучавший с трибуны ООН призыв Горбачева к структурной перестройке международных отношений — на основе права, а не силы, к деидеологизации международных отношений, — вызвал большой резонанс во всем мире.

– После «паузы», взятой в начале президентства Буша «для прояснения ситуации», — приезд нового госсекретаря США Бейкера в Москву (май 1988 года), быстрое включение фактора доверия и готовность американской администрации идти дальше.

– Встреча Горбачев–Буш на Мальте (начало декабря 1989 года). Признание, что СССР и США больше не являются «противниками», объявление о прекращении «холодной войны» и конфронтации. Публичная поддержка новой администрацией политики перестройки.

– Неоднократные контакты (в первые месяцы 1990 года) по телефону с Бушем и на встречах в Москве с Джеймсом Бейкером в связи с объединением Германии. Споры, но уже не в конфронтационном стиле. Достижение компромисса по германскому вопросу во время визита Горбачева в Вашингтон (май-июнь 1990 года). Продвижение по проблемам СНВ и решающий сдвиг в переговорах об обычных вооружениях в Европе.

– Совместные действия в связи с агрессией Саддама Хусейна против Кувейта (август 1990 — февраль 1991 года). Встреча Горбачев–Буш в Хельсинки (сентябрь 1990 года). Помимо договоренности в отношении Саддама Хусейна,

Буш впервые масштабно поставил здесь вопрос о «новом мировом порядке» после «холодной войны», который был основательно обсужден.

— Официальный визит президента Буша в СССР (конец июля 1991 года). Подписание Горбачевым и Бушем Договора об СНВ. Обсуждение в Ново-Огареве проблем всеобщей, планетарной безопасности.

Документальные свидетельства

*Из официального сообщения о встрече Горбачева с Консультативным советом Социалистического интернационала по разоружению**

К. Сорса информировал о деятельности совета в интересах решения проблем ограничения и прекращения гонки вооружений. Он сообщил, что после состоявшихся встреч в Москве Консультативный совет посетит Вашингтон для бесед с представителями американской администрации. <...>

Мы знаем, сказал М.С. Горбачев, о деятельности Консультативного совета Социинтерна по разоружению, ценим его стремление способствовать конструктивному диалогу, переговорам. Партии Социинтерна, учитывая их политический вес и влияние, могут во многом способствовать оздоровлению международной обстановки, прекращению гонки вооружений, увеличить свой вклад в дело спасения человечества от ядерной катастрофы.

«Правда», 23 марта 1985 года.

На встрече с группой сенаторов США Москва, 3 сентября 1985 года

Горбачев (*отвечая сенатору Роберту Бэрду*). С одной стороны, Конгресс за улучшение отношений между нашими странами. Это — отправная точка. И можно было бы говорить о том, что следует сделать для этого, что могут сделать США, а что — СССР. Ведь процесс улучшения отношений имеет взаимный характер. <...>

Вы правильно понимаете суть момента, — существует историческая возможность (я имею в виду переговоры в Женеве и, конечно, предстоящую встречу в верхах) и надо ее использовать, а для этого сегодня серьезно работать, ориентируясь на конкретные результаты.

Если американская сторона будет готова обсудить вопрос о немилитаризации космоса, она услышит от нас самые радикальные предложения по стратегическому оружию, да и по космосу. <...>

* Это была первая зарубежная делегация, принятая Горбачевым в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС. С 1979 года представители Консультативного совета предпринимали периодические «челночные» поездки в Москву и Вашингтон для обсуждения с официальными лицами, дипломатами, военными экспертами идей и предложений, которые помогли бы сдвинуть с места застопорившийся в тот период советско-американский переговорный процесс.

Вопросы контроля. Мы тоже заинтересованы в эффективном контроле, хотя постановка вопроса о контроле без уточнения того, что надо контролировать, это — все равно, что поставить телегу впереди лошади. Мы за серьезные соглашения и серьезный контроль. <...>

Но надо запретить любые виды космического оружия. Если мы выйдем в космос, остановить этот виток гонки вооружений будет уже трудно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На пресс-конференции Горбачева
Женева, 21 ноября 1985 года**

Только что закончились наши переговоры с Президентом Соединенных Штатов Америки, первые за последние шесть с половиной лет. <...> Мы хорошо представляли реальную обстановку и не питали ни малейших иллюзий насчет американской политики. Видели, насколько далеко зашла милитаризация экономики и даже политического мышления в этой стране.

Но мы хорошо понимали, что обстановка в мире слишком опасна, чтобы пренебречь даже малейшим шансом исправить положение, продвинуться к более устойчивому и прочному миру. <...>

Мы считали необходимым попытаться силой доводов, силой примера, силой здравого смысла переломить опасный ход событий. Сама сложность международной обстановки убеждала нас в том, что прямой разговор с Президентом США необходим. <...> Наш вывод был таков: пришло время, когда перед угрозой всеобщей ядерной опасности надо научиться великому искусству жить вместе. <...>

Мы представили Президенту свои соображения, свою оценку обстановки в мире. Отправная точка нашего анализа такова: за последние десятилетия в мире произошли кардинальные перемены, которые требуют нового подхода, свежего взгляда на многие вещи во внешней политике. <...> Мы увидели, что у нас есть, как мне кажется, то общее, что может быть отправным пунктом улучшения советско-американских отношений: это понимание того, что ядерная война недопустима, что ее вести нельзя и в ней не может быть победителей. <...>

Президенту мы сказали, что не стремились и не будем добиваться военного превосходства над США. Более того, я попытался не раз наедине и на пленарных заседаниях высказать наше глубокое убеждение в том, что меньшая безопасность Соединенных Штатов Америки по сравнению с Советским Союзом была бы нам невыгодна, так как это вело бы к недоверию, порождало бы нестабильность. Мы рассчитываем на аналогичный подход США в том, что касается нашей страны. В то же время мы сказали Президенту, что ни в коем случае не допустим, чтобы США получили военное превосходство над нами.

* Советско-американская встреча на высшем уровне в Женеве состоялась с 19 по 21 ноября 1985 года. Помимо нескольких встреч наедине переговоры проходили также в составе делегаций. В советскую делегацию входили Э.А. Шеварднадзе, Г.М. Корниенко, А.Ф. Добрынин, А.Н. Яковлев, Л.М. Замятин, А.М. Александров, в американскую — Дж. Шульц, Д. Риган, Р. Макфарлейн, А. Хартман, Р. Риджуэй.

Рональд Рейган (Ronald Reagan) (1911–2004) — 40-й президент США, родился 6 февраля 1911 года в Тампико (Иллинойс). В 1937 году начал актерскую карьеру в Голливуде, был активным членом гильдии киноактеров и избирался ее президентом. Оставался демократом вплоть до 1962 года, затем стал республиканцем, выступая с правоконсервативных позиций.

В 1968 и 1976 годах добивался выдвижения своей кандидатуры от Республиканской партии на президентских выборах. В 1980 году одержал на выборах убедительную победу над президентом Дж. Картером. Проводил политику стимулирования экономики через снижение налогов и уменьшение государственного регулирования. Преодоление экономического спада повысило популярность Рейгана, способствовало возрождению уверенности американцев в себе, подорванной уходом США из Вьетнама и экономическими неурядицами предшествующего периода. На выборах 1984 года Рейган с большим преимуществом победил кандидата от демократов, бывшего вице-президента США У. Мондейла. Первый президентский срок Рейгана был отмечен резким ростом военных расходов под предлогом «военного отставания от СССР», ужесточением риторики «холодной войны». Среди военных программ США особое место заняла СОИ, предусматривавшая развертывание противоракетных систем на Земле и в космосе. В марте 1983 года президент США назвал СССР «империей зла».

Изменения в тональности и направленности внешней политики Рейгана произошли в связи со сменой руководства в СССР. На встречах Рейгана с Горбачевым в Женеве (1985), Рейкьявике (1986), Вашингтоне (1987) и Москве (1988) были сделаны шаги к прекращению конфронтации. В декабре 1987 года был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Были согласованы основные параметры договора о сокращении стратегических ядерных вооружений.

Опубликованные в США документы и мемуары свидетельствуют об острой борьбе, которая шла в администрации Рейгана между сторонниками (во главе с госсекретарем Дж. Шульцем) и противниками (К. Уайнбергер и другие) конструктивного диалога с СССР. После ухода с поста президента Рейган выступал за продолжение курса на прекращение «холодной войны» и ядерное разоружение.

Способность Рейгана переступить стереотипы, вести конструктивный диалог, его приверженность идее безъядерного мира рассматриваются историками как важнейшая часть его наследия.

Будучи политиком «интуитивного типа», Рейган оставался близок к настроениям и нравственным ценностям простых американцев и в неизбежном для политика выборе между Добром и Злом он стремился отдавать предпочтение Добру.

Остановившись на разногласиях с американской стороной (планы США по выводу оружия в космос, различия в позициях в отношении 50-процентного сокращения ядерного оружия и пр.), Горбачев далее сказал:

Мы считаем, что улучшение советско-американских отношений вполне возможно. Накопилось много проблем, я бы сказал, целые завалы, которые надо расчищать. У советского руководства есть политическая воля к тому, чтобы эту работу делать. Но она должна проводиться совместно с американской стороной. <...>

Американская сторона пока оказалась не готовой к крупным решениям. Но я думаю, в целом этот процесс и нельзя было в эти два дня решить, даже если бы он пошел и на такой волне. У нас есть механизм. Но в то же время состоявшаяся встреча слишком важное событие, чтобы ее можно было оценивать какими-то упрощенными категориями. Она позволила яснее понять характер наших разногласий, снять, я по крайней мере так думаю и надеюсь, некоторые предвзятые оценки в отношении СССР и политики его руководства, убрать часть накопившихся предрассудков. Это может благотворно повлиять на дальнейший процесс развития событий.

ГСС. Т. 3. С. 120–123, 125, 128, 133.

*На совещании в ЦК КПСС по подготовке XXVII съезда КПСС
28 ноября 1985 года*

Горбачев. Начну с внешней политики. Ей придан более широкий подход, большая конструктивность. И это получает понимание и поддержку народов, реалистически мыслящих политиков на Западе. Рейган маневрирует. Конечно, суть его политики, как политики военно-промышленного комплекса, не изменилась, любви к нам не прибавилось. Но наш нажим, давление общественного мнения оказывают свое действие, вынуждают его идти на определенные шаги навстречу. Деваться им некуда. Республиканская администрация не могла не пойти на Женеву.

ПБ. С. 18; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из задания Горбачева помощникам по международным вопросам
(в связи с предстоящим выступлением в Тольятти),
20 марта 1986 года*

О новой встрече с Рейганом. Мы остаемся приверженными процессу, который начат Женевой*. Мы хотим сохранить импульсы Женевы и Парижа**. Мы за диалог с Европой и с Соединенными Штатами, за продолжение кон-

* В США после Женевской встречи наметился отход от «духа Женевы». Там с новой силой развернулась антисоветская кампания, и последовал ряд действий, которые шли вразрез с достигнутыми договоренностями. Переговоры по СНВ практически не продвигались. Эта ситуация вызывала у советского руководства серьезную озабоченность.

** Речь идет об итогах визита Горбачева во Францию 2–5 октября 1985 года.

тактов с лидерами европейских стран и с президентом Соединенных Штатов. Но мы должны четко видеть, кто как себя ведет после Женевы. Мы выполним свой долг, в том числе и перед американским народом.

Вот наши шаги, наше Заявление от 15 января, вот всё, что включено в доклад на съезде. Съезд выдвинул концепцию безопасности и перед всем миром взял обязательство. <...>

Европейцы требовали от нас освободить континент от евrorакет. Мы готовы идти на это. А что мы слышим взамен? Оказывается, теперь европейцы уже расхотели. Теперь они хотят «першингов». Плюс к этому прямые провокации: американские корабли в Черном море, наших ооновских сотрудников прижимают, нагнетают антисоветизм, пытаются отвлечь общественность от наших инициатив. Рассчитывают спровоцировать СССР, чтобы он хлопнул дверью.

Тем не менее, мы надеемся и ждем.

ПБ. С. 28–29; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На совещании в связи с выходом СССР из моратория на ядерные взрывы 24 марта 1986 года

Присутствовали – Чебриков, Шеварднадзе, Зайков, Добрынин, Яковлев, Медведев, Черняев.

Горбачев. Нас вынуждают прекратить мораторий¹, мы сожалеем об этом. Мы получили большой политический выигрыш, показали реальный путь к ядерному разоружению, во внешней политике приобрели шанс. Не менее важно, что с помощью моратория выявились истинные намерения наших партнеров на Западе, а именно — что они не собираются разоружаться. <...>

Очень основательно мы обсуждали с товарищами, как и что делать. <...> И поэтому было решено, что я выступлю по телевидению. И скажу, кто вел себя ответственно и кто безответственно — и не только в США, но и в Западной Европе.

Мы также решили не начинать взрывы сразу, как только объявим о прекращении моратория, — чтобы дать еще один шанс.

Мы решили твердо сказать, что выходим из моратория, но готовы в любой день вернуться к нему, если США прекратят свои взрывы. Мы намерены немедленно начать переговоры о прекращении испытаний, даже в условиях, если взрывы возобновятся с обеих сторон. <...>

Женева породила надежды. Везде, и в американском обществе тоже. А теперь наступает разочарование, ибо в реальной политике США все осталось по-прежнему. <...>

Естественно, наш народ беспокоит СОИ. И я подумал и обсудил это со своими коллегами: может, перестать бояться СОИ?

Конечно, не может быть безразличия к этой опасной программе. Но все-таки — избавиться от комплекса. Ведь ставка делается как раз на то, что СССР боится СОИ — в моральном, экономическом, политическом, военном плане. Поэтому на нее и нажимают, чтобы нас измотать. И мы решили сказать: да, мы

против СОИ, потому что мы за ликвидацию ядерного оружия. СОИ делает мир еще более неустойчивым. Но для нас это проблема не боязни, а ответственности, ибо последствия будут непредсказуемы. СОИ не укрепляет безопасность, а разрушает остатки того, что еще может служить безопасности.

И конечно, я решил еще раз сказать, что наш ответ на СОИ будет эффективным. США рассчитывает, что мы будем создавать аналогичные системы, надеются оторваться технологически, использовать технологические преимущества. Но мы, руководство СССР, знаем, что для нашей науки и техники нет ничего невозможного из того, что может сделать США. Для уничтожения системы СОИ достаточно 10 процентов расходов на контрсистему.

Таким образом, мы решили окончательно развенчать демагогию насчет того, что мы испытываем страх перед СОИ. <...>

Нужно дать оценку периоду от Женевы до Съезда. Изложить факты, которые показывают, что мы твердо за мир, что у нас хватит выдержки и всего прочего. С другой стороны, показать грань: напрасно думают, что мы не видим их линию — в реальной политике они против мира. И мы учитываем это в своих делах. Мир не будем выпрашивать. Ответы находили и давали на любой вызов. Дадим и на этот. <...> Все делать так, чтобы **не разорвать больше страну через оборону.**

И учесть: аргументация (по возобновлению моратория) должна быть такой, чтоб не сказали: вот, мол, русские, просто сделали паузу для подготовки новых взрывов.

ПБ. С. 29–30; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро 3 апреля 1986 года

Горбачев. XXVII съезд определил курс в отношении Америки: при всей противоречивости наших отношений реальность такова, что мы без них ничего не сделаем и они без нас ничего не сделают. Мы живем на одной планете. Мы без Америки мир сохранить не сумеем. Это сильный наш ход: мы признаем их роль. Наш серьезный теоретический и политический анализ демонстрирует уважение к Соединенным Штатам. <...>

Мы наступаем, потому что предлагаем миру реалистические подходы и признаем интересы США, но не гегемонистские их запросы. <...> Все их акции — к тому, чтобы спровоцировать нас. <...> Мы не можем действовать адекватно, реагируя на американскую политику по принципу зуб за зуб: мол, раз мы «империя зла», то вы такие-то и т.д. Наша реальная политика сильнее всякой пропаганды. А пропаганда должна обеспечивать другое — показывать реализм, бескорыстие нашей политики, что мы учитываем и чужие интересы. Этим мы будем загонять американцев в тупик с их провокациями. <...>

У нас хорошая почва для нашей честной политики, и не надо ее портить несолидностью. Пусть они нервничают. Ведь что получается? Весь мир видит: Горбачев вечером что-то предложил, а американцы утром уже говорят «нет». Вот почему важно не суетиться, не дергаться, не нервничать. Нет для

этого оснований. Не отступать от курса Съезда. Слабость нашей пропаганды в том, что у нас мало возможностей проникать в саму Америку, но у нас есть возможности действовать через Европу, чтобы добиваться изоляции их милитаристской верхушки.

ПБ. С. 33–34; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На встрече с американскими конгрессменами
Данте Фаселлом и Уильямом Брумфилдом
Москва, 19 апреля 1986 года*

Горбачев. <...> Главное — необходимо отказаться от попыток строить наши отношения на иллюзиях и предубеждениях. Мы со своей стороны провели тщательный и реалистический анализ положения в мире и роли в нем США, и мы пришли к совершенно определенному выводу: отрицая гегемонистские притязания США и претензии их на какую-то особую роль, мы в то же время признаем, что <...> у США есть законные интересы и мы признаем роль США в международных делах, вклад американского народа в развитие мировой цивилизации и тот факт, что невозможно решить мировые проблемы и прежде всего проблему обеспечения мира без США. Все это мы хотим отразить в своей практической политике. Поэтому и стремимся оздоровить отношения между нашими странами, хотим достичь взаимопонимания между СССР и США и в первую очередь — в решении вопросов, от которых зависят судьбы мира.

Как же отражается все это в сознании американских политиков? Вот как: мирные намерения Советского Союза рассматриваются как признак слабости. <...>

Мы получили недавно информацию о том, что в американском конгрессе проведен тщательный анализ планов экономического и социального развития СССР в свете материалов съезда КПСС. Авторы этого анализа считают, что Советский Союз заинтересован в разоружении, поскольку остро нуждается в ресурсах для своего экономического развития. Какой же вывод они делают? А вот какой: необходимо использовать эту заинтересованность Советского Союза для того, чтобы выбить из него односторонние уступки, на которые он не пошел бы в иных обстоятельствах.

Фаселл. Я никогда не слышал о таких выводах. Может быть, подобное есть у кого-то в умах, но я думаю, что такие намерения невозможно осуществить.

Горбачев. Следующий тезис этого анализа: Советский Союз выступает за прекращение ядерных испытаний. СССР так хочет добиться этой цели, что сам Горбачев включился в эту кампанию. Отсюда вывод: США необходимо продолжать испытания.

Фаселл. Это содержится в докладе американского конгресса?

Горбачев. Не буду посвящать Вас в подробности, но эту информацию мы получили из Вашингтона.

Далее эти аналитики говорят, что Советский Союз и лично Горбачев выступают против стратегической оборонной инициативы, и поэтому США не-

обходимо продолжать ее осуществление. Я уж не говорю о том, что высказывается надежда на возможность внести раскол в советское политическое руководство, противопоставить Горбачева военным и т.п.

Фаселл. Я никогда не слышал о подобных выводах.

Горбачев. Мой совет: не надо лезть в эту тайгу, в эти дебри.

Мы со своей стороны предприняли немало реальных шагов для того, чтобы продемонстрировать, что мы хотим улучшения отношений с вами. <...> Мы за движение навстречу друг другу в отношениях между нашими странами, за оздоровление атмосферы. Эти отношения, их атмосфера ни в коем случае не должны становиться разменной монетой в политической игре. Сегодня, как никогда, руководящие круги наших стран нуждаются в ответственной политике.

Фаселл. Думаю, что одним из самых важных итогов Вашей встречи с президентом Рейганом было то, что впервые два руководителя заявили о том, что в ядерной войне не может быть победителя и она никогда не должна быть развязана. Более того, вы вместе заявили о том, что не должно быть и войны с использованием обычных вооружений и ни одна из наших стран не пойдет на такую войну иначе, как в ответ на непосредственную агрессию. Какой вопрос ни взять — будь то ограничение испытаний, запрещение химического оружия — выработанные в Женеве рамки дают хорошую основу для его решения. <...>

Горбачев. Если Соединенным Штатам нужно больше времени для того, чтобы обдумать происходящее и принять ответственное решение, что же, мы готовы подождать. Но одно нельзя откладывать — это вопросы разоружения. Ведь локомотив продолжает нестись вперед на огромной скорости. Сегодня еще есть возможность остановить его, но завтра может оказаться поздно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро 24 апреля 1986 года

Горбачев. Смотришь доклады о переговорах — кругом тупики. И очень трудно объяснить, в чем дело — ни обществу, ни друзьям и союзникам. И сами видим, что аргументов у нас нет. Просто упираемся. А ведь что получается? Наши торгуются, торгуются, упираются, упираются, а потом принимают предложение противоположной стороны. И американцы нам говорят: вот, Советы упирались, а мы поднажали — и они согласились. Сплошная дискредитация. Так не пойдет. Я понимаю: в переговорах нужна «торговля». Но надо меру знать. (*Обращаясь к Добрынину, Зайкову, Соколову*): Со всей тщательностью проработать каждую позицию — основную и запасные. Есть у вас такой термин: неиспользованная позиция. 18 тысяч и 20 тысяч. Хорошо, что не 19,5. За 45 дней или за 30 дней. В чем принципиальная разница? Это что — большая политика?

Так вот. Приоритет в переговорном процессе должен быть за политическим решением. К ним переговорщики должны приспособливаться, а не

наоборот. Если у кого есть сомнения, говорите, чтоб не шептаться потом. Сейчас есть полная возможность высказаться откровенно. Пока обсуждаем — не беда, что мнения разные. Но если решили — всё! и если кто после решения начинает там что-то шептать — это уже другой вопрос.

ПБ. С. 36–37.

На Политбюро

8 мая 1986 года

Обсуждение директив для делегации на переговорах в Женеве

Громько. О возможной ситуации на будущее. Мы готовы оторвать вопрос о стратегических ракетах от вопроса о европейских ракетах. Но что бы мы ни предложили, все равно будут выдвинуты контрпредложения. А на них у нас десятки своих вопросов. Могут предложить выйти из ПРО, готовы дать обязательства, если мы пойдем на сокращение тяжелых стратегических ракет. Но мы не можем положиться на эту сделку. Положиться на американцев нельзя.

Горбачев. И надо задуматься, почему они так рассуждают.

Чебриков. Надо закреплять окончательно наши предложения. А корректировать их — по ходу переговоров.

Горбачев. Предлагаю одобрить подходы к Женеве. Они там играют, а мы — за ответственную линию, потому что мы заинтересованы в решении вопроса по существу. Отдавать все в руки ястребов нельзя. Надо удерживать тормоз — через ПРО, через ОСВ², через сами переговоры. Все это сдерживает. Вести обмен письмами и продолжать переговоры и таким образом как-то держать процесс под контролем. Если мы к тому же все это будем подкреплять конкретными шагами, то и создастся ситуация, благоприятствующая миру.

В чем мы уступили? Откровенно говоря — да ни в чем! Империалисты вряд ли будут искать развязки. Если и мы откажемся их искать, тогда вообще дело дохлое. Иногда можно пойти и на серьезные шаги. Иначе все пойдет, как идет. Если же мы будем конкретны, то у нас появится возможность их разоблачать. Между тем военная программа наша продолжается.

Существуют огромные силы, выступающие за мир, и там — на Западе. Поэтому нам нельзя терять терпения. Усталость — это не для нас. Что-то дают, чего-то не дают наши переговоры. А в конце концов дивиденды получим. А если мы станем действовать, как и они — острие против острия, это будет примитивной реакцией. Жесткость, но не жестокость.

ПБ. С. 38–39; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро

26 июня 1986 года

*О положении на Стокгольмской конференции
по мерам укрепления доверия в Европе*

Шеварднадзе. Главный вопрос там — проверка. Натовцы — за инспекцию «на месте». Мы — за национальные средства. А инспекция на месте —

просто на доверии... Предел уведомления о маневрах, если будет задействовано 16–18 тысяч человек.

Горбачев. Дело в том, что они хотят проверки на месте уже сейчас, а не тогда, когда начнется реальное сокращение. (*Обращаясь к Ахромееву*): Что это вы нас держите?.. Политические заявления сделаны, а на деле — торможение?

Ахромеев. Очень четко мы говорим: если будет сокращение, будут и проверки на месте. <...> И 12 тысяч — порог уведомления об учениях. А они требуют — 6 тысяч.

Горбачев. Значит, сдвинулись с места. Но продолжать работать!

ПБ. С. 54.

*На переговорах с Франсуа Миттераном
Москва, 7 июля 1986 года*

Миттеран. Судя по беседам с Рейганом, нынешнее положение дел мне представляется следующим. Американцы говорят: мы готовы вести переговоры по разоружению, но при этом мы не собираемся вносить какие бы то ни было изменения в наши планы, касающиеся СОВ. Советская сторона заявляет: мы готовы вести переговоры при том, однако, понимании, что СОВ не будет претворяться в жизнь. Таким образом, позиции СССР и США представляются на сегодняшний день непримиримыми. Отсюда практически и полное отсутствие прогресса. <...>

Мое впечатление таково, что более тонкий подход к вопросу о СОВ — я имею в виду характер испытаний, экспериментов, опытных разработок — даст в конечном итоге возможность вывести из тупика этот вопрос, в отношении которого пока, к сожалению, нет никаких перспектив. <...>

Я <...> сказал Рейгану: если Вы хотите новой встречи с Горбачевым, Вам необходимо каким-то образом выйти из этой полностью негативной ситуации.

Однако, несмотря на все сказанное, у меня такое ощущение, что Рейган лично все-таки стремится к переговорам. Это чувство еще более окрепло после бесед, проведенных мною с госсекретарем США Дж. Шульцем. Хотя, конечно, нельзя не заметить логический разрыв между позитивными намерениями и практическими делами, которые таковыми не являются. <...>

В сущности, большинство американских деятелей выступает за переговоры. Слишком уж очевиден для всех риск войны.

Горбачев. Я отмечаю это обстоятельство как еще один важный момент в нашей сегодняшней беседе. <...>

Мы видим США такими, какими они являются на самом деле. Мы отнюдь не рисуем Америку одной черной краской. Мы видим все разнообразие мнений и суждений в американском обществе. Не отказываемся от того, чтобы искать пути нормализации советско-американских отношений. Мы поддерживаем самые широкие контакты с представителями различных политических сфер США. Но это, разумеется, не означает, что мы хотели бы

Франсуа Миттеран (François Mitterrand) (1916–1996). Французский президент два семилетних срока (1981–1995). Наряду с де Голлем — самая крупная фигура в политической жизни Франции второй половины XX века, деятель европейского, международного масштаба.

Участник войны с Германией (1939–1940), бежал из плена, участник Сопrotивления. С 1946

года — депутат Национального собрания, затем неоднократно министр, в том числе — внутренних дел и юстиции.

Человек большой культуры, окончил Сорбонну и Ecole Normale.

В Пятой республике де Голля Миттеран в 1958 году стал одним из лидеров оппозиции. В своей критике режима и политики генерала он все заметнее сближался с социалистами, основал в 1965 году Федерацию демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС).

В 1971 году он стал первым секретарем Французской социалистической партии. Выиграв в 1981 году президентские выборы, Миттеран вместе с премьер-министром социалистом Пьером Моруа, при поддержке коммунистов (ФКП), предпринял «левый эксперимент» (национализация части экономики, децентрализация власти, сокращение рабочей недели, снижение пенсионного возраста и другие социальные льготы и т.п.). Закрепив некоторые социальные завоевания, эксперимент в целом не удался и экономика вернулась на путь, характерный, в общем, для интегрирующейся континентальной Европы.

Принципиальный сторонник западноевропейской интеграции, но с настороженностью в отношении места в ней Германии. Выдвинул идею «общеевропейской конфедерации». Сохранял позицию де Голля, выведшего французские вооруженные силы из военной организации Северо-Атлантического альянса. Продолжал совершенствовать ядерный потенциал Франции. Держался традиционного для своей страны курса на доброжелательные, «особые» отношения с Россией — Советским Союзом.

Франсуа Миттеран тщательно оберегал сложившийся о нем образ самого авторитетного среди лидеров того времени. А они (с большей или меньшей искренностью) предоставляли ему возможность выглядеть мэтром международной политики. Генсек и Президент СССР подчеркнуто выказывали свое почтение Миттерану, с которым, пожалуй, единственным он не перешел на «ты» среди собеседников такого ранга.

что-то предпринять в обход президента. С нашей стороны это было бы нереалистично.

Миттеран. Полностью согласен с Вами. В самом деле, мне кажется, что, несмотря на свое политическое прошлое, Рейган относится к числу тех деятелей, которые интуитивно стремятся к тому, чтобы положить конец нынешней ситуации. <...>

Горбачев. <...> Недавно я направил президенту Рейгану развернутое, обстоятельное послание с конкретными предложениями о том, как выйти из тупика, образовавшегося на женевских переговорах по стратегическим и космическим вооружениям. С этой целью мы внесли компромиссное предложение: в том, что касается космоса, ограничить разрешенную деятельность уровнем лабораторных исследований, а также договориться о невыходе из Договора по ПРО по крайней мере еще в течение 15 лет. В этом контексте мы предложили американцам сделать промежуточный шаг на пути к 50-процентному сокращению.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Ричардом Никсоном
Москва, 18 июля 1986 года*

Горбачев. В отношениях между США и СССР есть дефицит доверия. Поэтому все, что можно сделать для улучшения взаимопонимания, должно быть сделано.

Мир оказался на своеобразном перекрестке и то, как пойдет дело дальше, во многом зависит от состояния советско-американских отношений. <...> Хочу сказать Вам то, что я говорил и другим, в том числе президенту Рейгану и госсекретарю Шульцу: чем скорее мы освободим наши отношения от предрассудков и иллюзий, на которых порой строятся политические решения и политические шаги, тем лучше. Есть убедительная в нынешнем мире реальность — это роль наших двух стран на международной арене и в этом смысле определенная взаимосвязь между ними. Но существует и другая реальность — мы с вами не одни в мире, а окружены целым «морем», десятками новых государств, недавно вышедших на самостоятельную политическую арену. Их интересы никому не дано игнорировать. Если кто-то позволит себе считать мир своей вотчиной, то он глубоко ошибается.

И все же наиболее серьезной реальностью сегодняшнего мира является существование колоссального военного, в том числе ядерного, арсенала именно у наших двух стран. Если же мы будем строить политику в отношении друг друга и в отношении всего остального мира на ошибочных посылах и аргументах, то тогда дело может дойти до крайней точки конфронтации с самыми трагическими последствиями и для нас с вами, и для всего мира. Хотел бы подчеркнуть, что в советском обществе, не только в руководстве, сложилось твердое намерение — искать пути нормализации советско-американских отношений, находить и расширять точки соприкосновения между нами, чтобы в конечном счете прийти к дружественным отношениям. Быть может, сегодня такая цель покажется кому-то слишком завышенной, однако мы убеждены, что должен быть сделан именно этот выбор, ибо трудно представить себе, к чему придем, если пойдем в другом направлении. <...>

Реалистически оценивая ситуацию, мы считаем, что нельзя сидеть сложа руки. Мне приходилось слышать, что, дескать, Горбачев и советское руковод-

ство настолько разочарованы в нынешнем президенте, что если и не сворачивают отношения с ним, то, во всяком случае, смотрят уже дальше — большего ждут от его преемников. Я хочу сказать Вам — и прошу Вас передать это президенту Рейгану — это не так. Это не так уже потому, что мы должным образом оцениваем авторитет президента, которым он пользуется в Соединенных Штатах.

Никсон. Я знаю президента Рейгана уже давно, больше 30 лет. У меня создается твердое впечатление, что он считает дело американо-советских отношений своим личным делом. Вы правы: в администрации есть люди, которые не хотят договоренностей с Советским Союзом. Им кажется, что если они смогут изолировать Советский Союз в дипломатическом отношении, прижать его экономически, добиться военного превосходства, то советский строй рухнет. Но этого, разумеется, не произойдет. На протяжении многих лет Рейган, как Вы знаете, считался сторонником группировки, разделяющей подобные взгляды. Теперь, однако, он таковым не является. Я знаю из бесед с ним, что во многом на постепенное, но несомненное изменение его взглядов повлияла встреча с Вами. <...>

Урок прошедших лет для меня заключается в том, что стремление к безопасности на основе превосходства — это утопия. Вы справедливо отмечали, что безопасность одних не может строиться в ущерб безопасности других. Со своей стороны, я считаю, что к достигнутой Вами с президентом Рейганом в Женеве договоренности о том, что в ядерной войне не может быть победителей и ее никогда не следует вести, надо добавить, что в гонке вооружений тоже не может быть победителей, и поэтому ее тоже не должно быть.

Горбачев. <...> Конечно, встреча на высшем уровне важна, и мы не уменьшаем ее значения. Но она имеет смысл лишь в том случае, если станет катализатором и средством достижения конкретных договоренностей по уже перечисленным мною вопросам. Если же она будет пустой встречей, встречей без ничего, то зачем ее проводить?

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На совещании с членами Политбюро и помощниками 22 сентября 1986 года

Шеварднадзе сообщает о своей встрече с Рейганом в Вашингтоне и его согласии на встречу в Рейкьявике.*

Горбачев. Если бы удалось провести Рейкьявик — это было бы очень полезно... И для Соединенных Штатов Америки. <...> Добрынин доказывает нам, что от встречи в Рейкьявике только Соединенные Штаты получают плюсы. Но имейте в виду: если у них нет интереса, то из этой встречи, конечно, ничего не получится. Нас нельзя обвинить в отсутствии конструктивности. <...>

* Предложение о встрече было в ответном письме Горбачева Рейгану (август 1986 года).

То, что Ковалев (*заместитель министра иностранных дел*) мне прислал на Юг в виде проекта ответа Рейгану, никуда не годится. Не отвечает нашей задаче — добиться сдвига в контактах с США. Поэтому я и не согласился с тем проектом. Я драматизировал наш ответ и назвал вопросы конкретно, с чем я готов был бы поехать на встречу с Рейганом. Пойдет он на это, не пойдет — другое дело. Но мы американцам не можем предлагать такое, на что они заведомо не пойдут. Это не политика.

ПБ. С. 74–75.

*На заседании группы по подготовке к встрече в Рейкьявике,
4 октября 1986 года*

Присутствовали: Чебриков, Зайков, Ковалев, Черняев, Ахромеев.

Горбачев. <...> На первом месте в нашей нажимно-прорывной позиции надо ставить не ядерные испытания, а стратегическое оружие. Оно больше всего всех беспокоит. И подчеркивать, что мы выступаем за ликвидацию ядерного оружия, о чем с президентом уже говорили в Женеве. Именно этой цели должны быть посвящены переговоры. Связать эту позицию с моим Заявлением 15 января.

Наши предложения — сократить на первом этапе ядерное оружие на 50 процентов по всем видам. Американцев что-то здесь не устраивает. Они ухватились за 30 процентов. И пока этот пункт не связывают ни с чем другим. Надо закрепить договоренности так, чтобы переговорщики получили директивы для балансирования разных структур оружия и прочих деталей.

О РСД. Мы втянулись в варианты по этому вопросу. А у нас ведь сильная позиция — убрать все РСД в Европе вообще. Это, повторяю, сильная позиция. Все понимают: достаточно 100 ракет — и п... всей Европе и большей части Советского Союза. Стержневая мысль в ходе всяких переговоров должна быть такой: мы — что, собираемся воевать?! Советский Союз воевать не собирается. Вот почему так и действуем. Ваш, мол, американский оптимальный вариант для меня, Горбачева, не оптимален. Я за то, чтобы никаких ракет, хотя Францию и Англию пока не трогаем. Если хотите, завтра же вступим в переговоры и по ядерной артиллерии.

Повторяю, лейтмотив — ликвидация ядерного оружия, причём превалирует политический подход, а не арифметический.

Обозначить проблему ПРО и соединить ее с запретом ядерных испытаний. Как подойти к этому? Начать с того, что до сих пор команда к возобновлению переговоров о полном запрещении испытаний не дана. Присоединятся или не присоединятся американцы к мораторию? Этот вопрос пока не ставим, как и вопрос, будем ли мы сами возобновлять. Ибо если сели за стол переговоров, чтобы через два года заключить соглашение, то зачем конгресс будет ассигновывать на это деньги. Если же прекращаются испытания и сохраняется невыход из ПРО (*за рамки лабораторных исследований*) — это удар по СОИ и вообще по перспективам разработки космического оружия.

Посмотрите, какие вещи могут получиться в результате нашего подхода. Ухватятся за стратегическое оружие, а по ПРО не пойдут нам навстречу. Но если согласятся из ПРО не выходить, переговоры имеют перспективу.

Если исходить из того, что кто-то собирается вести ядерную войну, тогда и разговор другой. Мы же не собираемся. Если хотеть завоевать весь мир, тогда давайте обсуждать всё именно с этих позиций. Тогда всё, что мы говорили о политике, остается выбросить. А что касается паритетности при различиях в типах вооружений, — то это дело военно-техническое.

Суммирую:

1. Подготовка соглашения по максимальной программе. Моя конечная цель — ликвидация ядерного оружия.

2. Полная ликвидация РСД в Европе при понимании, что по азиатским ракетам проведем специальные переговоры.

3. Готовить соглашение о запрещении ядерных испытаний с установкой на то, что это сделает выход оружия в космос невозможным. <...>

В прессе не надо возбуждать большие надежды на Рейкьявик. Но для себя иметь в уме прежде всего задачу выбить «Першинги-2» из Европы. Это пистолет у нашего виска.

Чебриков. У американцев задача столкнуть нас на промежуточные решения. Я бы не стал употреблять термин «уступка». Мы ищем пути к договоренностям, а их надо искать для широкого политического наступления на администрацию США. От Рейкьявика до реального соглашения — дистанция огромного размера. Поэтому вряд ли сейчас стоит втягиваться в споры о цифрах: 1600 ракет и т.д. Сейчас не время заниматься арифметикой. <...>

Почему они не прекращают испытания? Может они обрели какой-то новый вид оружия? И нам тоже не надо металлолом делать, а искать свое. А без испытаний это невозможно.

Зайков. Я не представляю себе, чтобы СССР после 1 января возобновил испытания. Не представляю себе. Мир нас не поймет.

Горбачев. Что касается СОИ, скажу Рейгану в Рейкьявике, что наш ответ будет эффективный. И не с той стороны, откуда, мол, вы ждете. Скажу это ему, глядя в глаза. Не пойдете навстречу, ну что ж, я перед своей совестью и перед вами чист. Теперь должен объяснить своему народу и всему миру, почему у нас с вами ничего не вышло. Очень сожалею, что потратили время.

Решая такие вот задачи, мы получим не ослабление нашей безопасности, а ее усиление... если, конечно, добиваемся того, о чем здесь договорились. Это бы очень укрепило нашу безопасность. Но все мы — и я, и Политбюро, и МИД — должны понимать: если наши предложения будут вести к ослаблению безопасности США, ничего у нас не выйдет. Никогда американцы на это не пойдут, то есть принцип такой: бóльшая безопасность для всех на путях равного понижения уровня вооружений.

Наша цель — сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем, опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты

в непосильную гонку. <...> Если начнется новый этап, давление на нашу экономику будет невероятное. Поэтому сорвать гонку — задача задач.

Я перечитал на тему о СОИ все, что только можно. <...> Пока из того, что я прочитал, и из того, что мне докладывали, я вижу, что можно выйти с меньшими затратами на результат. Если американцы не пойдут на соглашение, скажем им, что будем искать прием, какого вы не ожидаете.

ПБ. С. 79–81; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро 8 октября 1986 года

Горбачев. Правые обеспокоены Рейкьявиком, запугивают Рейгана. <...> Для нас важно, что все в мире жмут на позитив в международном развитии. А мы выступаем носителями этого позитива, поддерживаем реалистические силы. <...>

По РСД пойти на уступки, имея в виду Англию и Францию. Но настаивать на невыходе из Договора по ПРО и прекращении испытаний — этого требует весь мир. На какие-то «промежуточные» подходы мы не пойдём. <...>

Громыко. Отступать нам на 180 градусов — не выходит. Но говорить только о равенстве в вооружениях — тоже не выходит. Давно уже в Америке не констатируют равенство, паритет. Установка СС-20 была грубой ошибкой в нашей европейской политике.

Рыжков. Самый большой наш плюс, что заставили Рейгана поехать на встречу. И он рассчитывает на такие итоги Рейкьявика, которые помогут спасти ему свое политическое лицо. <...> Если даже наши предложения не будут приняты, все равно придется искать решений на путях переговоров. Все три наши позиции (по «триаде» СНВ) построены на Заявлении 15 января.

Лигачев. И американцам, и нам уже не под силу гонка вооружений. Обстановка сейчас, через год после Женевы, более благоприятная для начала разоружения: Стокгольм, конференция Движения неприсоединения в Хараре, конференция МАГАТЭ.

Если не удастся с Рейганом в Рейкьявике, может быть, пойти на вариант частичного сокращения. Приемлемо это или не подходит?

Правильно, что увязываем СНВ с переговорами по испытаниям и с ПРО.

Думаю все-таки: если Рейкьявик не даст ничего, не отказываться от диалога и от визита (Горбачева) в США. И очень важно, конечно, на пресс-конференции всему миру потом объяснить. <...>

Горбачев. Наши военные говорят о трудностях, если сокращать РСД или убирать. Им жалко! Однако поддержали позицию Политбюро.

Шеварднадзе. Не исключаю положительного результата в Рейкьявике, потому что идет очень сильное давление на США:

- по ПРО — на сроки могут согласиться;
- по «триаде» — сократить на 50 процентов — могут пойти;
- по РСД... Тут слабое наше место — азиатские ракеты. Надо продумать варианты.

На Западе и в США идет острейшая внутренняя борьба. Отсюда и противоречивые выступления.

Поэтому можно ожидать самых неожиданных шагов. Но любые результаты — наш крупный политический капитал.

Карпов (*глава делегации на переговорах в Женеве*). Почему мы против глобального варианта по РСД? Мы что — хотим «двойного решения» и для НАТО, и для Азии? Там ведь нет американских ракет. Там пока только самолеты.

Горбачев. Можем мы пойти на то, чтобы оставить 100 РСД на Востоке? У США там всего 10 РСД, хотя, правда, есть авианосцы, авиабазы и пр. <...>

Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы машина переговоров крутилась на холостом ходу, а гонка вооружений перегружала нашу экономику. Поэтому нужен прорыв, нужно, чтобы начался процесс. <...>

Встреча американцам нужна. Иначе они на нее не пошли бы. <...>

Наши стратегические цели:

1. Убрать «Першинги» из Европы. Они — серьезная угроза для нас. Это и политически нам выгодно — для отношений с Западной Европой.

2. Отсюда — «нулевой вариант» для Европы. Если оставлять 100 ракет на Европу, — это уже не то! Совсем не то!

Так что для Азии тянуть на 100, а на Европу — ноль!

Сверхзадача — сорвать новый этап гонки вооружений. Ибо иначе — модернизация стратегического оружия,

«Трайденнты», «Минитмены», выход с оружием в космос... Тогда — снижение нашей экологической, стратегической и политической безопасности, проигрыш везде, прежде всего, изматывание нашей экономики. А это недопустимо. И поэтому не нужно цепляться за частности, за деталями не видеть главного, морочить себе голову спорами по частностям. <...>

Цена наших сегодняшних решений огромна для страны.

Гарантии нашей безопасности будем искать на двух направлениях:

1) Качество оружия, его проникающая способность. Не количеством брать. В 100 раз можно увеличить число ракет, боеголовок, а толку не будет! Дело не в мощи головной части, а в том, чтобы иметь 99 процентов попадания. 1 процент накопленного уже оружия может уничтожить мир.

У нас есть что можно довести до нужного качества.

2) Наш ответ на СОИ. Два варианта — и дешевле, и другим способом, чем у американцев.

Так что не арифметикой надо считать нашу безопасность. И не сдавать позиции.

Мы можем пойти на очень смелые, решительные шаги.

В крайнем случае — еще поработать по РСД в Азии. Запасный вариант иметь: после основных бесед с Рейганом вдруг и Азию ему предложить. <...>

Позиции наши честные, даже перед американцами.

*Из переговоров с Рональдом Рейганом
Рейкьявик, 11–12 октября 1986 года*

Горбачев. Прежде всего, наш прямой разговор означает, что советско-американский диалог продолжается. Хотя он идет трудно, не так, как хотелось бы нам, нашим народам, всему миру, но он продолжается. И это одно уже оправдывает приезд в Рейкьявик. Некоторые — и их немало — считают, что с рейкьявикской встречей связаны какие-то личные амбиции участников. Я с этим категорически не согласен, отвергаю это. Встреча — это свидетельство нашей с Вами ответственности перед народами наших стран, всего мира. Ведь действительно, многое в мире зависит от наших двух стран, от того, какими будут отношения между ними и их руководителями.

Рейган. Я уже говорил Вам, что считаю нашу с Вами ситуацию уникальной. Вот мы сидим вдвоем в комнате и можем решить вопрос о том, быть ли миру или войне в мире. Мы оба хотим мира, но как добиться его, как укрепить доверие и уменьшить взаимную подозрительность между нашими двумя народами!

Горбачев. Это была моя вторая мысль, и я хотел бы развить ее, поддерживая в принципе сказанное Вами. После Женевы мы привели в движение сложный и обширный механизм советско-американского диалога. За это время механизм нашего диалога не раз давал сбои, немало мы понаставили синяков и шишек, но в целом он движется, движение набирает силу. Это — положительный результат. Однако по главным вопросам, которые беспокоят обе стороны, — как отвести ядерную угрозу, как использовать полезный импульс Женевы, как выйти на конкретные договоренности, движения нет, и это весьма нас беспокоит. По этим проблемам сказано много слов, они детально обсуждались и обсуждаются на переговорах по ядерно-космическим вооружениям. Однако на этих переговорах наблюдается почти что тупик. <...>

Я хотел бы в ясной форме довести до Вас и до правительства США мысль о том, что мы хотим таких решений проблемы ограничения вооружений и таким образом подходим к своим предложениям, которые я сегодня внесу, чтобы сокращение ядерного оружия учитывало в равной мере интересы США и Советского Союза. <...> Мы — за такое решение проблемы, которое давало бы в конечном итоге полную ликвидацию ядерного оружия и обеспечивало бы на всех этапах движения к этой цели равенство и равную безопасность США и Советского Союза. <...>

Рейган. У нас точно такие же чувства. Трудным вопросом здесь является проверка и контроль за выполнением взятых на себя обязательств по сокращению вооружений. На этот счет есть русская поговорка: доверяй, но проверяй. На наших предшествующих переговорах мы высказывали оптимизм в отношении сокращения ядерных ракет промежуточной дальности в Европе. Я имею в виду полную ликвидацию этого класса оружия. Участники переговоров называют ряд других вопросов, где возможен прогресс, в частности стратегические вооружения. Но во всех этих вопросах необходима проверка, контроль за выполнением согласованных обязательств. Если нам удастся добиться этого, то весь мир будет приветствовать такой исход.

Горбачев. Я здесь возражать не буду. У нас ясная позиция в пользу эффективного контроля за выполнением соглашений о разоружении. Сейчас, когда мы вроде бы пришли к той стадии, когда может начаться процесс выработки конкретных соглашений, для нас весьма важно обеспечить эффективный и надежный контроль в рамках такой договоренности. <...>

Поскольку мы с вами согласны в том, что стратегические ракеты следует сократить на 50 процентов, давайте сократим все виды вооружений в наших стратегических арсеналах наполовину — ракеты наземного базирования, ракеты подводных лодок и ракеты на стратегических бомбардировщиках. Таким образом, стратегические арсеналы будут сокращены на 50 процентов по всему спектру. Ведь структура наших стратегических вооружений сложилась исторически, и при таком сокращении ни один вид не будет ущемлен, а уровень стратегической конфронтации уменьшится на 50 процентов. Это простое, пропорциональное решение, которое все поймут. И тогда все эти споры, которые занимают уже столько лет, об уровнях, подуровнях, учете или неучете и т.д. будут сами по себе сняты, ибо 50-процентное сокращение — это 50-процентное сокращение. И спорить будет не о чем. <...>

Мы предлагаем — в Европе ликвидировать РСД, вопрос об английских и французских средствах оставить в стороне, средства с меньшей дальностью заморозить и обсудить на переговорах. Что касается Азии, где озабоченность есть и у нас, и у вас, то это станет предметом переговоров, и решение там, думаю, будет найдено. <...>

Ведь если мы будем сокращаться, то очень важно, чтобы обе стороны были уверены в том, что никто не создает средств в это время, которые подрывали бы стабильность и паритет. Поэтому мне представляется совершенно логичным шаг, который предлагали и Вы, и я, правда, имея в виду разные сроки, — обязательство о невыходе из Договора по ПРО в течение, как мы предлагаем, 10 лет при одновременных крупных сокращениях ядерных вооружений. <...>

Что касается СОИ, то сегодня она у нас не вызывает беспокойства в военном отношении. Мы не опасаемся трехшелонной ПРО. Если ваши лабораторные исследования побудят вас создать такую систему, поскольку, видимо, у Америки очень много денег, то наш ответ будет иным, асимметричным. Что нас действительно беспокоит, это то, что нам трудно будет убедить наш народ и наших союзников в возможности начала сокращений ядерных вооружений в условиях ликвидации Договора по ПРО. В этом не было бы никакой логики, на этой основе ничего нельзя построить.

Рейган. Мы совершенно не хотим ликвидации Договора по ПРО. Этот договор является оборонительным, однако вы воспользовались его положениями для создания мощного оборонного потенциала. Мы этого не сделали.

В нынешней ситуации мы можем лишь сказать американцам: если другая сторона уничтожит вас, то и мы уничтожим ее. Но от этого люди не спят спокойнее. Мы предлагаем дополнить Договор по ПРО положениями о конкретных оборонительных средствах, которые создаются не для первого удара или для приобретения преимущества. Мы хотим, чтобы это было достоянием всего мира.

Горбачев. Мы СОИ не будем разворачивать. У нас другая концепция.

Рейган. Мы не собираемся ликвидировать Договор по ПРО. <...>

Вопрос о космических и оборонительных вооружениях. Здесь у нас существуют разногласия, мы это признаем. Стороны не смогли прийти к соглашению. Я убежден, что не могу отойти от провозглашенного мною курса в области космических и оборонительных вооружений, я просто не в состоянии это сделать. <...>

Шульц (*госсекретарь США*). Я хотел бы задать вопрос: когда Вы, господин Генеральный секретарь, говорите о полной ликвидации ядерного оружия, то Вы, насколько я понимаю, увязываете это с 10-летним периодом неиспользования права выхода из Договора по ПРО, то есть считаете ли Вы, что этот 10-летний период будет достаточен для полного устранения ядерного оружия? Если Вы имеете в виду такую увязку, то этот график даже опережает Ваш план по стратегическим вооружениям и силам промежуточной дальности. Вы считаете, что после 10 лет не должно остаться ни одной баллистической ракеты?

Горбачев. Я подтверждаю заявление, которое я сделал 15 января 1986 года. Эти вопросы — 50-процентное сокращение СНВ и вопрос об РСД — относятся к первому этапу нашей программы. Следующие этапы предусматривают дальнейшее сокращение ядерного оружия с участием других ядерных держав. Но первые шаги — самые важные и решающие — главные ядерные державы должны сделать в течение 10 лет. От этого мы не отступаем. Но вот что нас беспокоит. <...> США фактически хотят ослабить Договор по ПРО, пересмотреть его. Это у нас не укладывается в логику. Того, кто поступает таким образом, весь мир обвинит в попытках разработать широкомасштабную систему ПРО в собственных эгоистических целях. С такой позицией я не могу выступить перед своим народом, перед всем миром. Поэтому мы предлагаем усилить Договор по ПРО, закрепив обязательство о неиспользовании в течение 10 лет права на выход из него при крупных одновременных сокращениях ядерного оружия. <...>

Рейган. Но на кой черт будет ПРО или что-то иное, если мы ликвидируем ядерное оружие?

Горбачев. Совершенно верно. Я — за это. Но дело в том, что по Договору по ПРО стороны не имеют широкомасштабной противоракетной обороны, а вы хотите развернуть такую оборону.

Рейган. Но какая во всем этом разница, если не будет ядерного оружия? Какая разница: будет она или нет?

С другой стороны, мы ведь и в этом случае не сможем гарантировать, что в какой-то момент кто-то не начнет снова делать ядерное оружие?

Горбачев. Господин Президент, Вы только что сказали историческую фразу: на кой черт будет СОИ, если мы ликвидируем ядерное оружие. Но именно потому, что мы приступаем к сокращению и ликвидации ядерного оружия, я и выступаю за укрепление Договора по ПРО. В этих условиях он становится еще более важным. <...>

Рейган. Я не думаю, что должна устанавливаться увязка между сокращением и ликвидацией ядерных вооружений и договором, который лишь огра-

ничивает оборону против таких вооружений. Кстати, мы полагаем, что вы нарушаете этот договор. Вы создали больше, чем то, что разрешается по нему. В то время, как мы полностью соблюдаем его, и даже не создали того, что разрешено по договору.

Горбачев. Итак, по двум вопросам мы с вами имеем сейчас общую позицию. По другим провели интересный обмен мнениями, но к единому мнению не пришли. Думаю, мы можем на этом закончить нашу встречу. Все же она была не напрасной. Пусть она не дала тех результатов, которых ожидали в Советском Союзе и США, которых ожидал я, но приходится считаться с реальностями. А реальность заключается в том, что сегодня мы не можем выработать согласованные предложения по этим вопросам. Мы с вами говорили о возможности крупных сокращений ядерного оружия; но если не будет ясности о судьбе Договора по ПРО, то тогда вся концепция рухнет и мы возвращаемся к ситуации, которая была до Рейкьявика. <...>

Что ж, господин Президент, наступает «час икс». Что Вы будете делать?

Шульц. Я тут попытался написать текст, который отражает то, о чем мы договорились — по стратегическим вооружениям и ракетам промежуточной дальности, и наши разногласия по вопросам космоса и ПРО. В этой области я предлагаю записать: Президент и Генеральный секретарь обсудили вопросы, касающиеся Договора по ПРО, перспективной стратегической обороны и ее соотношение с уровнями наступательных баллистических ракет. Обсуждение было интенсивным и обстоятельным. Они поручают своим делегациям в Женеве использовать материалы их дискуссии в интересах продвижения работы.

Горбачев. Это для нас неприемлемо. Что Вы еще хотите записать?

Шульц. Еще по вопросу о ракетах промежуточной дальности.

Горбачев. Но по этому вопросу все ясно.

Шульц. Но договоренность надо изложить.

Горбачев. Может быть, если Президент не возражает, мы объявим перерыв на 1–2 часа и тем временем, может быть, наши министры попробуют что-либо предложить. Думаю, мы можем с Вами немного задержаться. Мы ведь не хотим, чтобы все кончилось демонстративно.

Шульц. Думаю, по вопросу о ядерных испытаниях мы сможем договориться, найти какую-то формулу.

Шеварднадзе. Мне тоже так кажется. Но главное — нужно принципиальное решение относительно срока невыхода из Договора по ПРО.

Горбачев. Исключительно важно подтвердить Договор по ПРО.

После перерыва.

Горбачев. Суммируя наше предложение, подчеркну: стороны в течение 10 лет строго соблюдают Договор по ПРО и берут обязательство не использовать право выхода из Договора. Одновременно с этим они продолжают лабораторные исследования. По истечении 10 лет в условиях полной ликвидации ядерного оружия стороны собираются вместе и решают, как им быть дальше, договариваются об этом. Не понимаю, что Вас здесь смущает.

Рейган. Если мы устраним полностью ядерное оружие, то почему вас будет беспокоить желание одной из сторон обезопасить себя на всякий случай от этого оружия, которого у нас с вами уже больше не будет? Ракеты может создать кто-либо еще, и лишняя гарантия будет уместной. Мы же с вами полностью ликвидируем наше оружие. Я могу представить себе, как через 10 лет мы с вами вновь соберемся в Исландии для того, чтобы в торжественной обстановке уничтожить последнюю советскую и американскую ракеты. <...>

Может быть, мы решим так: вопрос о том, какие исследования, разработки и испытания разрешаются по Договору по ПРО, остается для обсуждения и переговоров на встрече в ходе Вашего визита. Мы договариваемся относительно 10-летнего срока, разбивки его на два пятилетних периода, в ходе которых будет ликвидировано ядерное оружие, а все, что касается испытаний, лабораторных исследований, положений Договора по ПРО и т.д., обсудим на встрече на высшем уровне.

Горбачев. Но без этого нет пакета. Все эти вопросы взаимосвязаны. Если мы договариваемся о глубоких сокращениях ядерных вооружений, то нам необходимо иметь уверенность, гарантию, что Договор по ПРО будет не только сохранен, но и упрочен в ходе этого ответственного периода, исторического периода, когда будут ликвидироваться стратегические наступательные вооружения. Повторяю, этот период слишком ответственный, импровизировать тут опасно. Я уверен, что сохранение Договора по ПРО отвечает и интересам США.

После дополнительного перерыва.

Рейган. Я хочу спросить: имеем ли мы в виду — а я думаю, что это было бы очень хорошо, — что к исходу двух пятилетних периодов будут ликвидированы все ядерные взрывные устройства, включая бомбы, средства поля боя, крылатые ракеты, вооружения подводных лодок, средства промежуточной дальности и т.д.?

Горбачев. Мы можем так и сказать, перечислить все эти вооружения.

Шульц. Давайте так и сделаем. <...>

Горбачев. Мы ведем разговор о том, чтобы испытания в рамках СОИ производились только в лабораториях. Мы не можем пойти на то, чтобы они вышли в атмосферу или в космос. Это для нас неприемлемо. Это вопрос принципа.

Рейган. Вы разрушаете мне все мосты к продолжению моей программы СОИ. Я не могу пойти на ограничения такого плана, как Вы требуете.

Горбачев. В отношении лабораторий. Это Ваша окончательная позиция? Если да, то тогда на этом мы можем закончить нашу встречу.

Рейган. Да, окончательная. Все дело упирается в то, что у нас с Вами существует разногласие относительно того, что разрешено Договором по ПРО, а что не разрешено. <...> Эксперименты, исследования не всегда могут оставаться в стенах лабораторий, иногда бывает просто необходимо выйти за их пределы.

Горбачев. Вопрос о лаборатории для нас — это не предмет упрямства или твердолобости. Это не казуистика. Все это слишком серьезно. Мы даем согласие на глубокие сокращения и, в конечном счете, уничтожение ядерного оружия. А в это же самое время американская сторона толкает нас на то, чтобы согласиться на предоставление ей права создавать космическое оружие. Для нас это неприемлемо. Если Вы согласитесь на ограничение исследовательских работ лабораториями, без выхода их в космос, то тогда я буду готов через две минуты подписаться под соответствующей формулировкой и принять документ.

Рейган. А я не могу пойти на это. <...>

Неужели Вы ради одного слова в тексте отвергаете историческую возможность договоренности? Ведь из нашего текста ясно, что мы будем в течение всего этого срока соблюдать Договор по ПРО.

Горбачев. Вы говорите, что дело в одном слове. Но здесь дело не в слове, дело — в принципе. Ясно, что если мы идем на сокращения, нам необходимо иметь уверенные тылы. Мы не можем согласиться с тем, чтобы в период, когда будут осуществляться сокращения ядерного оружия, Вы расширяли бы свою СОИ, шли бы с ней в космос.

Если я вернусь в Москву и скажу, что, несмотря на договоренность о глубоких сокращениях ядерных вооружений, несмотря на наше согласие на 10-летний срок, мы дали Соединенным Штатам право испытывать СОИ в космосе, с тем чтобы к концу этого срока США были бы готовы к развертыванию, то меня назовут дураком, безответственным руководителем. <...>

Я не могу понять, как Вы можете просить согласия СССР на то, чтобы предоставить США в период глубоких сокращений и ликвидации ядерных вооружений право в течение 10 лет отрабатывать космическую ПРО в космосе, в полном объеме реализовывать СОИ, в то время как мы уничтожали бы наступательный ядерный потенциал. Это, если вдуматься, не должно устраивать даже США. Это создало бы нервность, отсутствие доверия, и совершенно для нас неприемлемо. Вам бы такая услуга тоже была бы не нужна.

Рейган. Но если у вас не будет ядерного оружия, то нам нечему будет у вас угрожать. Оборонительная система могла бы быть развернута не раньше, чем через 10 лет, мы пошли на эту отсрочку. Что же касается слова «лаборатории», то у него есть свой, особый смысл и подтекст. Мне просто сказали бы в таком случае, что я капитулировал, отдал то, что обещал не отдавать. Ведь все другие формулировки мы взяли у вас. Мы говорим, что будем соблюдать Договор по ПРО в течение 10 лет. И вот я вижу, что ничего не получается, и все из-за одного слова, которое имеет такое специфическое значение. <...>

Я хочу еще раз попросить Вас изменить Вашу точку зрения, сделать это как одолжение для меня, с тем чтобы мы могли выйти к людям миротворцами.

Горбачев. Мы не можем пойти на то, что вы предлагаете. Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через 2 минуты подпишем документ.

На что-то другое мы пойти не можем. На что могли — мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть.

Несмотря на то, что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал все, что мог.

Рейган. Жаль, что мы расстаемся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю все-таки, что Вы не хотели достижения договоренности. Мне очень жаль.

Горбачев. Мне тоже очень жаль, что так произошло. Я хотел договоренности и сделал для нее все, что мог, если не больше.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
14 октября 1986 года
О встрече в Рейкьявике*

Горбачев. Я ощутил, насколько широкий резонанс вызвало сообщение о встрече в Рейкьявике. И сразу же начались спекуляции — кто кого там переиграл. Но мы не с этим ехали в Рейкьявик. Повод для нашей инициативы был очень значительный. Дело в том, что Женева зашла в тупик. Мы почувствовали, что нужен крупный прорыв. Ибо время работает против интересов человечества.

И вот прошел Рейкьявик. Оказалось, что по первому и второму пункту нашей платформы — по стратегическому оружию и РСД — удалось достигнуть понимания. Уже одним этим был приобретен огромный опыт. Мы понимали трудности президента, понимали, что он не свободен в своих решениях. И не делали трагедии из того, что проблема ПРО не позволила Рейкьявику стать полным успехом. Мы считали: пусть президент обдумает все, что произошло, пусть посоветуется с Конгрессом. И может быть, понадобится еще одна попытка, чтобы перешагнуть то, что нас еще разделяет. Мы можем подождать. И не снимаем наших предложений, привезенных в Рейкьявик.

Не надо впадать в отчаяние. Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимания того, где мы находимся. Все увидели, что договоренность возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что еще больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — еще больший оптимист.

Задают вопрос, стал ли мир более безопасным после Рейкьявика. Тут нужна точность мысли. Не надо примитивизма. Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Решения надо искать по-крупному. Мы предложили сократить всю «триаду» — каждую ее часть — на 50 процентов. И это уже было бы крупнейшим достижением.

Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто все сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы пошли на известные уступки, но на уступку, которая поставила бы под угрозу безопасность

нашего государства, мы пойти не можем. Я уже дважды выступал по итогам Рейкьявика. И не только для того, чтобы восстановить истину, которую стали искажать. А для того, прежде всего, чтобы определить, что же делать дальше. Я говорил тогда и сейчас убежден: неуспех Рейкьявика связан с двумя крупнейшими, стратегического характера заблуждениями, свойственными определенным кругам Запада.

Первое. Это, что русские боятся СОИ и поэтому пойдут на любые уступки. И второе, что мы заинтересованы в разоружении больше, чем Соединенные Штаты. Такие настроения сказались и на ходе переговоров в Рейкьявике. <...>

Мы хотели придать реальное, практическое выражение тому, о чем в принципе договорились с Рейганом в Женеве на высшем уровне. Иначе говоря, дать импульс процессу ликвидации ядерного оружия. В самом деле, до этого речь шла об ограничении ядерных вооружений. Теперь — о сокращении и ликвидации. А раз так, то нужно было закрыть все пути для обходных маневров, позволяющих выйти на превосходство. Вот почему ключевым пунктом стал вопрос о соблюдении Договора по ПРО. Позиция американской стороны в Рейкьявике по этому вопросу ясно показала, что она не отказалась от установки на превосходство. <...>

Тем не менее мы крест не ставим. Мы исходили из того, что Рейкьявик открывает новые большие возможности разобраться, что происходит, для всех — и для европейцев, и для американцев, и для нас самих.

ПБ. С. 84–85; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
30 октября 1986 года
О директивах для делегации на переговорах по СНВ в Женеве*

Докладывает Зайков.

Горбачев. Главная идея — не дать американцам за 10 лет вырваться в космос, а потом поговорить на равных.

Американцы хотят разрушить Договор по ПРО, ибо при другом президенте сделать это будет труднее.

Пока не раскрыты полностью карты по испытаниям «в лабораториях». <...> Новые наши позиции: в воздухе можно, на полигоне можно, но не в космосе. Пока их не выкладывать.

Шеварднадзе. Если мы увидим, что Шульц настроен серьезно, тогда — раскрыть, что мы имеем в виду под «лабораториями».

Горбачев. Регламент, думаю, такой:

- Встреча Шеварднадзе — Шульц в Вене.
- Если договариваемся о рамках, Шульц едет в Вашингтон получать санкцию.
- Потом приезжает в Москву.
- И даем вместе директивы для Женевы.

Громыко. Все, что ослабляет нашу позицию, сейчас не подходит. Расширим понятие «лаборатория», а где граница? Скользящая позиция. Они (американцы) увидели нашу слабину и жмут по этой линии, вырывают из нас новые уступки.

Вот уничтожим ядерное оружие, останемся без того, что создавали 25 лет, и что? Будем полагаться на порядочность американцев? Какая гарантия, что они нас не обойдут в гонке по космосу? Ситуация не такая, что, если мы пойдем на дальнейшие уступки, американцы согласятся. Нет, Соединенные Штаты не пойдут на соглашение на равных.

Горбачев. Так что, рвать переговоры?

Громыко. Нет, идти на частичные соглашения, тянуть переговоры.

Добрынин. Так что? Опять превращать их в ширму, блефовать, заниматься демагогией? Я не согласен с Андреем Андреевичем. Директивы, по моему, полностью отвечают нашей рейкьявикской позиции. И регламент предусматривает — действовать с учетом поведения Шульца.

Вопрос единственный: сейчас или потом раскрывать, что мы имеем в виду под «лабораторией»? <...>

Горбачев. Шеварднадзе должен в Вене прощупать позицию Соединенных Штатов. Чего же хочет Америка? Извращают, ревизуют Рейкьявик, отступают назад от него. Вновь занялись провокациями, портят атмосферу. И все больше возникает сомнений — можно ли вообще с этой администрацией чего-то добиться? <...>

Шульцу надо сказать: с чем приехали, товарищ Шульц?! Всё тут и прояснится. Вряд ли он привезет что-то новое. Он и Рейган связаны по рукам и ногам военно-промышленным комплексом. Но если что просветится, можно и пригласить Шульца в Москву. Мы, мол, сопоставляем, что вы говорили о Рейкьявике, и что потом, что посылаете в Женеву. Видим: каждый раз хуже, чем раньше. Надо выяснить, что они сами понимают под «лабораторией». Пусть они начнут этот разговор. Но нам свое понимание не раскрывать. Держать в резерве. Не боюсь, в отличие от Андрея Андреевича, сказать, что, если мы на все пойдем (*по СНВ*), они нас обойдут через космос. Без космоса они далеко не уйдут, а до выхода в космос еще далеко. А пока мы наращиваем потенциал доверия, мы пошли на уступки: не трогаем Англию и Францию, учли интересы безопасности Америки.

Так что пока не надо суетиться, время работает на нас. Не надо показывать, что мы больше заинтересованы в разоружении из-за экономических трудностей, чтобы у них не создавалось убеждение: «русские, мол, все равно прибегут!». Жесткость, которая была в моих выступлениях, — сохранить! Пакет усиливает нашу позицию. Поэтому никаких пока развязок. с помощью пакета мы через РСД привлекаем на свою сторону Европу против СОИ, а американцев подвязываем через стратегическое оружие.

Твердо провести беседу с Шульцем. Пусть он отвечает на наши вопросы! Мы, мол, сохранили все от Рейкьявика. А вы от всего отступили, все запутали.

*Из беседы с Гру Харлем Брундтланд
5 декабря 1986 года*

Брундтланд. <...> В дни встречи в Рейкьявике я, как и весь мир, имела возможность видеть по телевидению, как Вы с президентом Рейганом покинули белый домик Хевди. Я видела серьезность и озабоченность в Ваших глазах и искренне прочувствовала Вашу ответственность и глубину происходящего. В этот момент с особой силой проявился драматизм ситуации. И у меня сама собой возникла мысль — ведь именно сейчас решаются те острейшие проблемы, которые не могут не волновать всех нас и требуют совместных усилий и дальнейших действий.

Хочу заверить Вас в том, что Норвегия полностью разделяет и руководствуется в своей политике провозглашенной на встрече в Женеве двойной целью разоружения — недопущение гонки вооружений в космосе и прекращение ее на Земле. <...>

Горбачев. Не знаю, что Вы скажете дальше, но пока готов подписаться под тем, что Вы сказали.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с американским сенатором Гэри Хартом
Москва, 15 декабря 1986 года*

Горбачев. Мы сказали в Рейкьявике: давайте договоримся о строгом соблюдении Договора по ПРО. Уж если президент так привержен СОИ, то договоримся ограничить эту программу лабораторными исследованиями без выхода в космос. Не получилось. Но ведь если вы выходите в космос, то это создает совершенно новую ситуацию. Разве мы этого не видим. Думаю, очень опасно считать своих партнеров по переговорам дураками.

Харт. Конечно, но также опасно слишком обобщать.

Вы только что сказали одну существенную вещь. Насколько я понял, в Рейкьявике так и осталось неясным, что означает термин «лаборатория». Вы сказали, что нельзя выводить испытания за пределы лаборатории в космос. Но ведь от лаборатории до космоса огромный скачок. Что имеется в виду под словом «лаборатория»?

Горбачев. Мы предложили обсудить, какой смысл вкладывается в понятие «лаборатория». Однако Соединенные Штаты не захотели этого обсуждать. Такое предложение Шеварднадзе сделал на встрече с госсекретарем Шульцем в Вене. Но американская сторона просто проглотила это предложение подобно компьютеру и ничего не ответила. Известно ли об этом Конгрессу? Мы сказали и повторили это в Женеве: поскольку американская сторона утверждает, что будет соблюдать договоренность по ПРО, давайте обсудим толкование положений этого договора.

Харт. Но администрация утверждает, что она представила в Вене документ, отражающий точки договоренности, достигнутые в Рейкьявике, и предложила обсудить этот документ, однако Советский Союз отказался это сделать.

Горбачев. Да, потому что документ, предложенный господином Шульцем, означал демонтаж договоренностей, достигнутых в Рейкьявике, и мы это увидели.

Харт. В каком смысле демонтаж?

Горбачев. Нас просто попытались перехитрить. А это тоже иллюзия, и надо с такими иллюзиями кончать. Мы совершенно определенно знаем, что невозможна договоренность, при которой СССР перехитрил бы США. Если не учитываются интересы и той и другой стороны, то такая договоренность — это просто чепуха. Мы за то, чтобы обсуждать с США вопросы как равные, и я обратил внимание на то, что и Вы об этом говорили. Мы не можем делать вид, будто у США нет своих интересов. Но и у нас есть интересы, и надо искать компромисс на стыке этих интересов, добиваться равенства интересов безопасности, да и — добавлю — равенства экономических интересов. <...>

То, что произошло в Рейкьявике, — такого никогда раньше не было. И просто нельзя допустить, чтобы Рейкьявик заболтали и запутали. <...> Договоренность была возможна, и она по-прежнему возможна, я в этом убежден. <...>

Я уверен, что мы должны основывать все наши переговоры — и на высшем уровне, и в Женеве — на итогах Рейкьявика. Если там было что-то недоумано, не до конца взвешено, тогда другое дело, это можно обсудить. Но идти надо вперед от Рейкьявика. Ведь то, что было до него, и что пытаются сейчас возродить, ни к чему не привело. Стало быть, отказаться от Рейкьявика значило бы отказаться от идеи ликвидации ядерного оружия, обречь переговоры на бесконечный тупик.

Харт. <...> Я хочу полностью поддержать высказанную Вами в начале беседы мысль о том, что не следует выжидать в предстоящие два года, пока появится новый президент, с которым можно будет договориться по контролю над вооружениями.

Горбачев. Да, и кстати, мы прекрасно понимаем, что в вопросах обороны президент и конгресс выражают национальные интересы США и не захотят поступиться этими интересами. Поэтому мы не собираемся эксплуатировать трудности, с которыми столкнулась сейчас администрация в каких-то своих интересах. Это не было бы серьезной политикой. Ведь ни при каких обстоятельствах Соединенные Штаты не пойдут на неравную договоренность. Не пойдём на такую договоренность и мы.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече с американскими сенаторами и учеными
Москва, 11 марта 1987 года*

Крэнстон. Если говорить о главном факторе, способствующем гонке вооружений у нас в стране, то это — исторически сложившееся недоверие, подозрения относительно намерений Советского Союза. Думаю, что такого же рода подозрения являются генератором гонки вооружений и с вашей сторо-

ны. Пришло, наконец, время проверить нашу способность положить конец такой ситуации. <...>

Коэн. Говорят, что для того, чтобы отличить настоящий изумруд от искусственного, надо нагреть оба камня, и тогда настоящий расколется. Это, конечно, разрушительный способ выяснения истины. Я думаю, что нам с Вами нет необходимости доводить наши отношения до перегрева. Можно выяснить истину и без этого.

Горбачев. Мы считаем, что рвется в космос только тот, кто хочет военного превосходства. А ведь мы и Соединенные Штаты заявили, что ядерная война недопустима, что мы не хотим военного превосходства. Вот, исходя из этого, и надо действовать. А гонка вооружений — это бешеный конь. Этого бешеного коня мы не обуздаем, если пустим его в космос. Я уже не говорю об экономических последствиях. А ведь Конгресс, Верховный Совет знают, что денег всегда не хватает.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Шульцем
Москва, 14 апреля 1987 года*

Горбачев. У нас есть определенный опыт общения с нынешней администрацией. Но за эти два года сложилось впечатление, что она действует так, будто в СССР ничего не произошло, будто она не видит, не воспринимает то, что сделал Советский Союз для оздоровления советско-американских отношений и сотрудничества между нашими странами в международных делах.

Шульц. Наоборот. Президент испытывает огромный интерес к происходящему в вашей стране. Он не раз приглашал к себе людей, побывавших в СССР, расспрашивал их об увиденном. Я сам хотел бы побольше узнать о ваших делах, поехать по стране, почувствовать, что происходит. Но уже сейчас вполне ясно, что происходят важные вещи, которые представляются мне позитивными.

Горбачев. Я имел в виду другое. Советский Союз предпринял много шагов, которые создают новую ситуацию, новые возможности для придания динамики советско-американским отношениям, их улучшению. Ни у одной из прежних администраций в последние десятилетия не было таких возможностей сотрудничества с СССР в целях улучшения положения, как у вашей. А вы их не используете и время уходит. <...> Неужели вы думаете, что мы так слабы, что готовы бесконечно ухаживать за вашей администрацией, а вам останется только подставлять корзины и собирать наши уступки. Или вы считаете, что мы больше заинтересованы в развитии советско-американских отношений, а американской стороне, следовательно, не нужно ничего делать со своей стороны. Если это так, то это иллюзия, иллюзия исключительно опасная. Говорю это прямо, без дипломатической упаковки.

Времени остается мало. Либо мы придем к договоренностям по каким-то вопросам в оставшиеся месяцы, либо ничего не будет, и нам останется лишь подбрасывать бревна в огонь, чтобы сохранить хоть какое-то тление в этом

С Джорджем Шульцем в Кремле. 1987 год

костре. То есть, я хочу прямо спросить: с чем Вы приехали? Как мы с вами поступим — опять поговорим и разойдемся без особых результатов или же администрация готова к договоренностям в оставшееся время?

По ракетам средней дальности мы внесли предложения, в которых стремились максимально пойти вам навстречу, с учетом, кстати, и нынешней вашей внутренней ситуации. Стремилась создать ситуацию, в которой администрация, несмотря на свои трудности и перипетии, смогла бы действовать. Мы сделали это потому, что пришли к политическому выводу: администрации и нам самим нужно создать лучшие условия, чтобы совершить крупный шаг, может быть, самый трудный, чтобы начать реальный процесс сокращения ядерного оружия. И мы сделали много, прошли больше, чем свою часть пути, потому что такой шаг был необходим.

Шульц. Мы готовы к договоренности о ракетах средней дальности. Считаем, что подошли близко к основе для такого соглашения. У нас сейчас есть договоренность по главным числовым параметрам, а именно — оставить по 100 боеголовок на глобальной основе, то есть вы имели бы 33 ракеты СС-20 в Азии, а мы — соответствующее количество в США. Мы готовы придерживаться этого, хотя, как я сказал вашему министру, считаем, что по ряду существенных причин обеим сторонам было бы лучше пойти в этом вопросе до конца и ликвидировать остающиеся ракеты.

После обсуждения проблемы оперативно-тактических ракет³.

Горбачев. Думаю, на этом мы могли бы эту часть беседы закончить. Вы слышали наши последние соображения, мы выслушали ваши аргументы. Думаю, что добиться успеха в этом вопросе все же можно, если, конечно, вашим намерением не является срыв любой договоренности. Мы готовы на до-

говоренность. Дело за вами. Откровенно говоря, Вам не удалось рассеять у меня все сомнения относительно того, хочет ли администрация договоренности. Но таких сомнений стало меньше.

Шульц. Думаю, надо попытаться воплотить это в письменный документ. Мне кажется, кое-что тут есть. Я признаю, что в вопросе о порядке решения проблемы ракет с меньшей дальностью Вы внесли новое предложение и ответ за нами. Мы представим свой ответ.

После перерыва.

Горбачев. Я сказал в Рейкьявике, что если администрация США так привержена СОИ, то мы можем дать согласие на продолжение лабораторных исследований. <...> Что такое лабораторные исследования? Мы считаем, что речь должна идти об исследованиях в лабораториях на земле, в исследовательских учреждениях, на заводах-изготовителях, на испытательных площадках и полигонах. Может быть, на основе такого подхода мы могли бы поискать компромисс. На переговорах можно было бы обсудить, какие конкретно устройства запрещалось бы выводить в космос. <...>

Еще вопрос о ядерных испытаниях. Если будет согласие с вашей стороны, то мы готовы начать процесс работы над соглашением о прекращении ядерных испытаний при том понимании, что вначале будет обсужден вопрос о двух нератифицированных договорах 1974 и 1976 годов, а затем также об ограничениях на мощность и количество ядерных взрывов.

Резюмируя все, что я сказал по вопросам разоружения, хочу отметить, что мы готовы на выработку «ключевых положений» по таким вопросам, как СНВ, космос и ядерные испытания. Думаю, что если мы согласуем такие «ключевые положения» и плюс к тому Договор об РСД, то это могло бы стать главным предметом и результатом политической договоренности на высшем уровне между нашими странами осенью или в конце нынешнего года. После этого на переговорах были бы выработаны юридически обязывающие формулировки договоренностей между СССР и США по трем вышеуказанным вопросам.

Шульц. Мы рассмотрим Ваше предложение (*по лабораторным исследованиям*). Президент, как Вы знаете, придерживается той позиции, что у нас есть Договор по ПРО и есть программа исследований, которая ведется в соответствии с Договором по ПРО.

Горбачев. Пока да. Но дальше она будет входить в противоречие с Договором.

Шульц. Заверяю Вас, что она и впредь будет проводиться в соответствии с ним. Есть, правда, некоторые вопросы относительно наиболее правильной интерпретации Договора...

Горбачев. А мы и не предлагаем его менять. Мы за то, чтобы его строго соблюдать.

Шульц. Мы тоже за это. Договор будет служить для нас ориентиром.

Горбачев. <...> Я попросил бы Вас прислушаться к тому, что я сказал, и проинструктировать соответственно вашу делегацию по всем аспектам СНВ, включая все элементы триады, и связанному с этим Договору по ПРО —

в свете сегодняшнего обмена мнениями. Пусть и президент подумает. Мне кажется, компромисс возможен, причем без ущерба для позиции президента. Взгляните еще раз на процесс разоружения. Может быть, у нас с вами не хватит времени разработать и заключить договоры, но заложить основы для них мы смогли бы. Вложено много труда в обсуждение этих вопросов, много разъяснено и уточнено, и нельзя терять этот политический задел.

Шульц. Я согласен с этим. <...> Я еще хотел бы вкратце затронуть региональные проблемы.

Горбачев. О них много можно сказать, но я Вам скажу только одно. У нас создается впечатление, что Соединенные Штаты рассматривают региональные проблемы как постоянный резерв для маневрирования уровнем конфронтации, силовой политики и антисоветской пропаганды. Если это так, то наши отношения обречены на серьезные испытания. Мы считаем, что нельзя превращать региональные конфликты в арену противоборства двух систем, особенно СССР и США. А у вас сейчас налицо именно такая тенденция. Мы, конечно, не упрощаем ситуацию в развивающемся мире. Там накопилось очень много серьезных проблем. Но мы могли бы сотрудничать в нахождении их решений. Мы не заинтересованы в том, чтобы подрывать национальные интересы США. Но существуют ведь не только интересы США или СССР. У других стран есть свои интересы. Мы пока не видим с вашей стороны готовности действительно искать и находить решения этих проблем, урегулировать, например, ближневосточную проблему.

Шульц. Я был бы рад это обсудить. У меня есть идеи на этот счет.

Горбачев. Знаете, после встречи в Женеве нам некоторое время казалось, что Соединенные Штаты готовы в какой-то мере к сотрудничеству в урегулировании афганской проблемы. Сейчас впечатление иное. Вы, скорее, ставите палки в колеса процессу, который там начался. В общем, я Вам так скажу: нельзя исходить из порочного принципа: чем хуже для США, тем лучше для СССР, или наоборот.

Шульц. Согласен.

Горбачев. Надо перешагнуть через старые стереотипы, старые подходы. Мы за то, чтобы взаимодействовать с вами более конструктивно. Нашу с вами ответственность никто не заменит. Мы вовсе не за то, чтобы игнорировать законные интересы Соединенных Штатов. Но мы не согласны, когда на мир или на отдельные его районы смотрят как на свою вотчину, как будто другие страны, в том числе СССР, это нечто второстепенное.

Я бы приветствовал процесс консультаций, начавшийся с визитом Вашего заместителя господина Армакоста. Готовы его продолжать, чтобы лучше объяснить и понять позиции друг друга.

В общем, мы не настроены проводить драчливую политику в отношении Соединенных Штатов. Мы за учет законных интересов, но хотим взаимности. <...>

Хочу сказать, что был рад с Вами встретиться, возобновить диалог с Вами. Я не в восторге от итога наших переговоров, но хорошо, что мы провели обмен мнениями. У нас сейчас несколько больше ясности по некоторым вопросам. Может быть, по РСД можно что-то сделать. По другим вопросам, пожалуй, трудно.

Шульц. Но не невозможно. <...>

Мы продолжаем исходить из того, что встреча на высшем уровне должна касаться существенных вопросов, быть продуктивной. И для ее успеха необходимо, чтобы она была хорошо подготовленной.

Горбачев. Я могу подтвердить, что мы, как и прежде, выступаем за результативную встречу на высшем уровне.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро

8 мая 1987 года

Обсуждение новой военной доктрины

Громыко. Ничего нового тут нет. У нас всегда была доктрина оборонительная — и в политическом, и в военном плане.

Много полемики в таком документе. Тут она неуместна. Похоже на газетную статью или какое-нибудь заявление.

Шеварднадзе. Я за публикацию правды о наличии наших войск в Центральной Европе... Не за вывод, а за правду и аргументы.

Яковлев (*поддерживает Шеварднадзе*). О дисбалансе надо сказать. Это загоняет нас в тупик не только пропагандистски, но и политически.

Горбачев (*Соколову — маршалу, министру обороны*): Когдаходишь куда-нибудь, думай, как выходить будешь...

Соколов. У нас (у ОВД) сейчас на 170 тысяч больше, из них 70 тысяч — советские войска, остальные — союзников. И дисбаланса нет. И потом — как сократить? Как сохранить то, что завоевано? Выводить войска — это была бы политическая ошибка.

Чебриков. Вопрос дисбаланса заслуживает серьезного внимания. Но мы же берем пространство от Атлантики до Урала. Раз так — дисбаланса нет.

Добрынин. Суть дела в том, чтобы — говорить нам или нет, что у нас больше войска в Центре Европы? Ведь Вену-то надо как-то закрывать! Если дело идет о честности, надо говорить. 13 лет мы лукавили. И в этом придется признаться.

Медведев. В доктрине есть фраза: «ответим всеми имеющимися средствами». Это значит — и ядерным оружием? Надо, чтобы каждая формула была точная, а не «в совокупности».

Вена не будет «снята», если не снять болевую точку (*дисбаланс*).

Оставлять неправду нельзя... Трудно нам будет с общественным мнением. И надо в открытую говорить о территории Европы от Атлантики до Урала.

Зайков. О дисбалансе лучше сказать в речи Михаила Сергеевича.

Горбачев. Да они (*на Западе*) и так знают...

Зайков. Знают, но когда Вы скажете — это другое дело. Надо признать открыто. А дальше что делать?

Встает вопрос о контроле. Мы пока сами от контроля уходим.

Горбачев. Как складывались дисбалансы — перекосы по разным видам вооружений — аргументы тут тоже надо использовать.

Ахромеев. Я считаю, что по дисбалансу вооруженных сил в Европе надо искать выход и сказать открыто об этом.

Горбачев. Нужно ли оглашать доктрину сейчас?

Первое. Главное тут — политика. В проекте есть элементы нового. Не согласен, что «ничего нового». Обогастилось наше понимание проблемами. Помните, я вам рассказывал о встрече с Тэтчер. Мы вас боимся, говорила она. ...В самых широких кругах общественности это там постоянно присутствует. Сидит это в умах очень многих людей. На это опирается и антисоветская пропаганда. Нам надо подкреплять делом линию на гуманизацию международных отношений.

Есть ведь публичные высказывания наших генералов, в наших военных журналах. Например, нашумевшая в свое время статья маршала Гречко. Они настораживают Запад, усиливают недоверие к нам.

Поэтому есть политический смысл выступить и с моим заявлением и опубликовать новую доктрину.

Второе. Мы не просто сидим или лежим на своей военной доктрине, а ищем пути к тому, чтобы мир стал более крепким. Ведь сейчас даже паритет перестает быть гарантией. Поэтому мы предлагаем действовать соответственно. Не будем упираться: мол, сидим на 27 тысячах танков в Европе и почти 3,5 миллиона солдат и будем сидеть! <...>

Хочу поддержать Вадима Андреевича — насчет применения «всех соответствующих средств». Это — двусмысленность.

Загнан у нас очень важный вопрос — о достаточности. Многие ученые, общественность откликнулись на эту идею. И нам нужно заявить, что мы стремимся сохранить вооружение на самом низком уровне. <...>

О дисбалансе. Я должен сказать: при оценке противостояния в Европе — что такое стратегический паритет? Никто на Совете обороны так и не смог толком мне объяснить. Это вопрос не статистики, а военно-политический вопрос. Стратегический паритет — в том, что мы имеем надежную гарантию обороны страны. И противник не пойдет на нас, ибо получит неприемлемый ответный удар. Если мы предвидим такой результат, то паритет есть. А если мы будем подсчитывать: винтовка у них — винтовка у нас, тогда надо кончать со строительством социализма. У них 6 триллионов долларов тратится на вооружение. И мы что, будем подгонять под эту сумму? Кончать надо с таким подходом.

У народа все тащим. И будем превращать страну в военный лагерь. А они явно хотят втянуть нас во второй вариант гонки. Рассчитывают на военное истощение. И будут нас изображать милитаристами. И по СОИ они нас втягивают.

Вот с этих позиций надо подходить к формулированию доктрины.

На Политбюро
13 августа 1987 года
Об итогах переговоров Шеварднадзе с Шульцем в Женеве

Горбачев. Хороший шаг сделали. Он нам прибавил динамизма. <...> Вроде, драка у них в НАТО. ФРГ и США что-то не поделили.

Ясно, что не согласимся, чтобы ФРГ получила ядерное оружие.

Сейчас надо занять твердую позицию по «Першингам»⁴. <...> Мы выигрываем, когда интернационализируем большие вопросы. А США и НАТО не хотят этого.

ПБ. С. 220.

На Политбюро
10 сентября 1987 года

Шеварднадзе. В свое время решение по СС-20 было ошибочным. Не был поставлен вопрос о доступе ФРГ к ракетно-ядерному оружию.

Громыко. Кроме размещения СС-20 никаких ошибочных военно-политических решений не принималось.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2ю

Из беседы с вице-президентом США Джорджем Бушем
Вашингтон, 10 декабря 1987 года*

Буш. Мы с женой смотрели Вашу пресс-конференцию практически полностью. Она произвела на нас сильное впечатление. Визит завершается успешно.

Горбачев. Да, эту мысль я хотел провести в своем вступительном заявлении и ответах на вопросы. Без завышения, но все же дать понять, что мы, видимо, выходим на новый этап наших отношений. Налицо новые возможности. Надо их максимально использовать.

Буш. Согласен. Сейчас для этого есть условия. Вы лично этому здорово способствовали.

В рамках моей предвыборной кампании я участвовал сегодня в прямой телепрограмме «Вопросы и ответы», разговаривал с жителями штатов Среднего Запада, нашей глубинки. Реакция на Ваш визит там буквально на грани эйфории. Огромная поддержка подписанного Вами и президентом договора (*о РСМД*).

Горбачев. Это очень ценно. Вообще — что-то явно меняется. Меняется буквально на глазах, буквально в эти дни. Вот смотрите — люди собрались на тротуарах, приветствуют нас, машут руками. А сегодняшняя наша остановка и разговор с людьми!

* Беседа состоялась в автомашине по дороге в аэропорт по окончании визита Горбачева в США.

Джордж Буш-старший (George Herbert Walker Bush) (р. 1924), 41-й президент США. Родился 12 июня 1924 года в Милтоне (шт. Массачусетс). По окончании военного училища в июне 1942 года служил в авиации ВМФ. Весной 1944 года отправлен на тихоокеанский театр военных действий. 2 сентября 1944 года его самолет был сбит; спасен американской подводной лодкой. Награжден крестом за «Выдающиеся заслуги» и тремя медалями. После демобилизации поступил на экономический факультет Йельского университета. По окончании его в 1948 году занялся нефтяным бизнесом в Техасе.

Однако в 1966 году полностью ушел в политику. Избран в палату представителей Конгресса США; переизбран в 1968 году. 11 декабря 1970 года назначен постоянным представителем США в ООН. Весной 1973 года стал председателем Национального комитета Республиканской партии. В сентябре 1974 года возглавил американскую миссию связи (дипломатическое представительство) в Китае. Весь 1976 год — он директор ЦРУ. К концу 1970-х годов стал одним из лидеров умеренного крыла республиканцев. В 1980 году принял предложение Рейгана баллотироваться в вице-президенты.

Возглавлял делегацию США на похоронах Черненко, где состоялось его знакомство с Горбачевым. Принимал участие в советско-американских переговорах в ходе визита Горбачева в Вашингтон в 1987 году, имел с ним две отдельные беседы. В 1988 году избран президентом США. После «паузы для переоценки» отношений с СССР, Буш предложил Горбачеву отдельную встречу с ним. Она состоялась на Мальте (декабрь 1989) и ознаменовала прекращение «холодной войны». Итогом переговоров по стратегическому ядерному оружию стало подписание Бушем и Горбачевым в Москве летом 1991 года Договора о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. Осенью 1991 года была достигнута договоренность о широкомасштабном сокращении тактического ядерного оружия. В связи с нападением Ирака на Кувейт состоялась срочная встреча Буша с Горбачевым в Хельсинки (9 сентября 1990), где они договорились о взаимодействии по обузданию агрессии Саддама Хусейна.

Дж. Буш занимал осторожную позицию в связи с поворотными событиями в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989–1990 годах. В августе 1991, выступая в Киеве, высказывался против сепаратизма в СССР. Осудил путч ГКЧП.

Буш-старший — незаурядная фигура в истории американских президентств. Умный и спокойный, с большим жизненным и политическим опытом, способный на решительные и смелые шаги, человек слова.

Буш. Его сейчас снова и снова показывают по телевидению. Там оказался только один телеоператор с камерой — от «Си-эн-эн». <...>

Я привержен делу улучшения советско-американских отношений. Если буду избран, продолжу начатое. Доул⁵ тоже, кстати, мог бы стать хорошим президентом, в том числе в плане развития советско-американских отношений. Вообще, если смотреть на вещи по-крупному, вам, наверное, лучше иметь дело с президентом-республиканцем. Конечно, с нами у вас могут чаще возникать те или иные трудности, но не это главное. В свое время понадобился Ричард Никсон, чтобы совершить поездку в Китай. Сейчас понадобился Рональд Рейган, чтобы подписать и обеспечить ратификацию Договора о сокращении ядерных вооружений. Это — роль для консерватора. А правее Рейгана в Америке никого нет. Правее некуда. Дальше — экстремистская каёмка. Но она не в счет. Широкий спектр — за договор. А для советско-американских отношений лучше, когда их поддерживает широкий спектр американского общества.

С демократами у вас будет в целом неплохо. Но они, как у нас говорят, «доставку не обеспечивают». Они не смогут обеспечить поддержку крупных договоренностей. Хотя, надо признать, с любым из нынешних кандидатов-демократов ваши отношения, наверное, складывались бы довольно гладко.

В предстоящие месяцы, несмотря на занятость в предвыборной кампании, я был бы готов в случае необходимости оказывать содействие в решении каких-то советско-американских вопросов, устранении возможных неприятностей. Конечно, я надеюсь, что таковых не будет. Но если они возникнут, то у меня есть определенные собственные возможности — воздействовать, оказывать влияние. <...>

Готов поддерживать контакт с Вами. Уверен, что могу быть полезен.

Горбачев. Я ценю то, что Вы сказали. Ценю, в каком духе это было сказано. Я тоже считаю, что предлагаемый Вами контакт мог бы быть полезен. <...> Ну а если Вам будет суждено стать у руководства страной, то надеюсь, что будем продолжать взаимодействовать. Хорошо, что Вы высказали такое намерение.

Буш. Что мне суждено — это, как я сказал, выяснится в ближайшие три-четыре месяца.

Моя должность довольно своеобразна. У вице-президента нет конкретного «участка работы». Но это дает возможность видеть вещи широко, осмысливать их. У меня широкие контакты.

Недавно я встречался с Ярузельским. Он произвел на меня впечатление. Возможность познакомиться с ним я получил во время визита в Польшу. Визит был полезным. Разговор с Ярузельским получился хорошим, содержательным. Это интересный человек и сильный руководитель, которому досталась нелегкая ситуация. Но он, думается, пошел по правильному пути.

Горбачев. Ярузельский звонил мне, рассказывал о Вашем визите и беседе с Вами. Он доволен разговором. Хорошо отзывался и лично о Вас.

Буш. Это приятно слышать. Надеюсь, он на меня не слишком рассердился за то, что я встретился с Валенсой. Польша — необычная страна. Дела у них идут нелегко, и, кстати, в ходе визита обсуждались возможности реше-

ния проблем наших экономических взаимоотношений в интересах развития экономики этой страны. Такие возможности есть.

Горбачев. И у нас с вами большой потенциал. Надо его использовать. <...>

Буш. Если можно, хочу задать вопрос о Корее, тем более что Вы затрагивали этот вопрос на переговорах, передали документ, с которым я ознакомился. Вопрос такой: что Вы думаете о сыне Ким Ир Сена? Каковы его шансы — будет ли он оттеснен или со временем выйдет на первую позицию?

Горбачев. Знаете, в этом надо разобраться. Наверное, и нам, и вам. Тут есть о чем подумать. Я с ним не встречался. Он не часто выезжает из страны. Насколько нам известно, он не без способностей. Но там есть разные люди.

Буш. У нас ведь с Северной Кореей нет отношений, и знаем мы о них мало. Но судя по информации, которой мы располагаем, это своего рода баловень, испорченный ребенок. Говорят, что им не очень довольны.

Горбачев. Трудно сказать. Конечно, отец его — более крупная фигура. Этим я бы, пожалуй, ограничился.

Буш. Понимаю. А как, на Ваш взгляд, будут развиваться советско-китайские отношения, политика Китая?

Горбачев. Мы, проанализировав, пришли к твердому выводу: Китай будет всегда проводить самостоятельную политику. И это, как мы считаем, положительно. Будем развивать отношения с Китаем. Китай будет, конечно, отстаивать свои интересы, мы — свои. Но можно найти баланс. Мы готовы, и думаю, перспектива у советско-китайских отношений есть. При этом мы не собираемся как-то наносить ущерб американо-китайским отношениям.

Буш. Я с Вами согласен. Я не вижу в развитии советско-китайских отношений какой-либо угрозы для США. Мне часто задают вопросы об этом, и всякий раз я отвечаю, что опасности не вижу.

Горбачев. Китай будет все активнее.

Буш. Правда, активность его уже вызывает беспокойство у его соседей по АТР — стран АСЕАН.

Горбачев. Да, мы отметили это.

Буш. Особенно у Индонезии.

Горбачев. Ясно, что Китай будет все активнее выходить на внешние связи, в частности в АТР. И Советский Союз тоже. Мы тоже принадлежим к этому региону.

Выступая во Владивостоке, я высказал одну мысль, которую очень хотел бы донести до американского руководства: выходя в АТР, Советский Союз никак не собирается ущемлять чьи-либо интересы, в том числе подрывать давние интересы США. Мы признаем значение этого региона для вашей страны, для Запада. Никаких скрытых намерений, ничего, кроме желания взаимодействовать и налаживать сотрудничество со странами региона, у нас не было и нет.

Буш. Это отвечает и моим концепциям.

*На Политбюро
17 декабря 1987 года
Об итогах визита в США*

Горбачев. Это уже не Женева и не Рейкьявик — при всей их важности и при всем понимании, что, не будь их, не было бы и Вашингтона. Еще более весомое доказательство, что курс, который мы взяли, реализуется. <...>

Центральный момент визита — Договор о РСМД. Мы ехали, имея полную поддержку Политбюро и полное понимание, что от того, как пойдет этот вопрос, зависит все остальное, весь процесс развития советско-американских отношений и нормализации международной ситуации в целом.

Поэтому очень важно было не спастовать перед военно-техническими трудностями. Они были немалые. И преодоление их обязано было в немалой степени нашей твердой политической решимости — перейти этот барьер, выйти на Договор. А что касается развязки действительно очень сложных военно-технических узлов, то наши товарищи оказались на высоте, в том числе и в первую очередь я хотел бы отметить умелые действия маршала Ахромеева и замминистра иностранных дел Бессмертных.

Договор о РСМД <...> — это было испытание для нас. Но это было испытание и для наших партнеров, для американцев, испытание на серьезность подходов к ключевой проблеме современного мира. Это была практическая проверка и их заявлений на самом высоком уровне о том, что ядерная война недопустима, что США тоже стремятся к разоружению, что они хотят нормальных международных отношений.

Продвижение на этом направлении открывало дорогу и на других направлениях разоруженческой проблематики — по ядерному, химическому, обычному оружию. Оно создавало фон для таких же деловых подходов к региональным проблемам и к двусторонним отношениям. <...>

И вот в Вашингтоне мы впервые воочию увидели, какой существует огромный интерес ко всему тому, что происходит у нас, к нашей перестройке. И та доброжелательность, в какой-то степени даже энтузиазм, с какими встретил нас чопорный Вашингтон, явились показателем изменений, которые уже начали происходить на Западе и которые свидетельствуют о начале размывания «образа врага», о подрыве мифа о «советской военной угрозе». Это было знаменательно для нас. И это было замечено во всем мире. <...>

С нами хотели встретиться очень крупные фигуры современной Америки. В прессе замелькали даже предупреждения — Горбачев, мол, приехал не только вести переговоры с президентом. Он приехал оказать влияние на всю Америку, включая тех, кто в конечном счете определяет ее экономику и ее политику.

Мы обратили внимание на то, что наши партнеры не захотели давать ничего конкретного в прессу о том, как идут переговоры с президентом один на один и в делегациях. Мы же готовы были пойти на это. Так что по части гласности мы оказались в очевидном выигрыше. Тем самым мы подтверждали искренность, честность нашей позиции и тот факт, что мы приехали, чтобы действительно делать дело, большую политику, а не играть в прежние игры. <...>

В Вашингтоне мы, может быть, впервые с такой очевидностью ощутили, что такое человеческий фактор также и в международной политике. До этого мы удовлетворялись довольно банальной формулой: мол, во внешней политике важны личные контакты между руководителями государств, главами правительств и вообще обмена на уровне тех, кто делает политику.

Это само собой. Но за этим все-таки разумели, что речь идет пусть даже и оличных, но контактах между представителями классово-противоположных и непримиримых систем, и только «представителями». Рейган предстал перед нами лишь как выразитель самой консервативной части американского капитализма и хозяев военно-промышленного комплекса. Но оказалось, что при всем при этом имеет значение и то, что политики, в том числе и руководящие деятели государств, если они действительно ответственные люди, олицетворяют также и чисто человеческие качества, интересы и надежды самых простых людей. Тех, в частности, которые голосуют за них на выборах и которые связывают с их именем и с их личными возможностями и особенностями и достоинство страны, и патриотизм. И при этом могут руководствоваться самыми нормальными человеческими побуждениями и чувствами. Все это в наш век, оказывается, имеет огромное значение для принятия тех или иных политических решений.

Мы были готовы к тому — и сами к этому стремились, — чтобы воспринять и эту сторону контактов с американским руководством, как, впрочем, и с руководством других стран, то есть включить в буквальном смысле слова чисто человеческий фактор в большую международную политику. Это тоже немаловажная деталь нового мышления. И она тоже дала свои результаты. В Вашингтоне мы это почувствовали, пожалуй, впервые столь отчетливо.

ПБ. С. 278–280; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Джорджем Шульцем
22 февраля 1988 года*

Горбачев. Приветствую Вас, господин Шульц, и Ваших коллег в Москве. Не скрою, мне приятно, что между нами сложились хорошие, деловые отношения. Мы это ценим. Нельзя ли отложить на четыре года выборы в Соединенных Штатах, чтобы мы могли спокойно завершить работу? (*Оживление.*)

Шульц. Вы встречались с многими претендентами на пост президента. Хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, политика будущего президента в важных аспектах будет сохранять преемственность с нынешним курсом. Главная причина этого состоит в том, что президент Рейган, работая вместе с Вами, поставил наши отношения на новый путь, и этот путь популярен в Соединенных Штатах.

Интересно наблюдать, как меняются в сенате настроения в отношении Договора по РСМД. Некоторые сенаторы думали, что смогут заработать себе популярность на скептической позиции по отношению к Договору. Однако, съездив домой, они обнаружили, что такая позиция непопулярна. Сейчас мы имеем уже более 80 сенаторов, поддерживающих Договор, и их число растет. <...>

Горбачев. Ситуация, которая возникла сейчас в наших отношениях, это не просто результат доброй воли или добрых намерений советского или американского руководства. За этим стоят более общие процессы. Мы просто должны были понять, и мы наконец поняли, что нельзя продолжать строить отношения так, как мы это делали в прошлом. Люди все это видели, мир все это видел. И нам открыто говорят: Соединенным Штатам и Советскому Союзу пора всерьез продумать всю ситуацию, складывающуюся в их отношениях, весь комплекс отношений и перестроить, нормализовать эти отношения. <...>

Шагами, предпринятыми нами в последнее время, мы продемонстрировали, что линия на улучшение отношений с США — это наша продуманная, последовательная политика, подкрепляемая конкретными делами. И мы не намерены от нее уклоняться. Будут и новые шаги в этом направлении, мы их сейчас обдумываем.

В общем, мы будем с вами сотрудничать, как бы это ни было иногда трудно. <...>

Дело не в Горбачеве. Это — линия не Горбачева, а всего советского руководства. А руководство почувствовало настроение людей — рабочих, крестьян, интеллигенции, всего общества. Эти настроения — в пользу улучшения отношений с Соединенными Штатами. Так что все гораздо серьезнее, чем просто позиция одного руководителя, даже если он занимает большой пост.

Шульц. Я приветствую это заявление. Мы согласны с мыслью, которая лежит в основе этого анализа: сама жизнь рождает перемены в наших отношениях. А задача руководства наших стран — направлять эти изменения в определенное русло. <...>

Горбачев. Можно с уверенностью сказать, что независимо от итогов выборов в США, независимо оттого, что происходит у нас в стране, эта тенденция будет набирать силу.

В то же время и у нас, и у вас возникают и вопросы. У нас задают вопрос: а можно ли доверять Соединенным Штатам? Не перехитрят ли они нас? И у вас немало таких вопросов. Наличие таких оппозиционных сил и настроений тем и интересно, что они не дают почивать на лаврах, заставляют действовать, идти дальше. На то и демократия.

Шульц. Иногда они даже не признают за нами никаких лавров.

Горбачев. Давайте посмотрим, как в конкретном плане все это проецируется на оставшееся в нашем распоряжении время. Все-таки развертывающаяся предвыборная кампания будет на каком-то этапе затруднять принятие решений, достижение договоренностей. Но наше политическое, дипломатическое взаимодействие, наш диалог будут тем не менее продолжаться.

Главный вопрос — с чем мы придем к визиту президента в Москву. У меня ощущение, что сегодня еще можно что-то сделать, если активно возьмемся за дело. Но если затянем, если потеряем хотя бы один месяц, то тогда многое уже не удастся подготовить к визиту.

Сейчас самый главный, самый трудный вопрос — это проблема сокращения стратегических наступательных вооружений. Но в этой области можно сделать очень много, можно подготовить солидный, серьезный документ.

Шульц. Согласен с Вами. Работы впереди очень много, но положительный результат вполне возможен. И президент настойчиво подталкивает нас именно в этом направлении.

Горбачев. <...> Думаю, что могу покритиковать Вас и Шеварднадзе за то, что происходит. Уж если у вас есть такой хороший механизм, надо его использовать. Боюсь, что без этого в Женеве, за чашкой чая мало что наработают. Сидят там и подбрасывают дрова в камин, но дрова, видимо, гнилые. Дыму много, а огня мало. Вот я и спрашиваю: зачем нам играть друг с другом? Мы же вышли на крупную политику, у нас есть уже хороший опыт. Так давайте же двигаться вперед всерьез.

Поэтому я и хотел по-товарищески — не знаю, примите ли Вы это слово, но оно неплохое — призвать Вас и Шеварднадзе прибавить в духе установившихся отношений.

Шульц. Действительно, огня там нет, а дыма много. <...>

Что касается наших вчерашних бесед, то я считаю их очень полезными. Мы провели ценное обсуждение проблем прав человека. <...>

То, что происходит в вашей стране, является результатом вашего собственного анализа потребностей развития страны, происходит по вашей собственной воле. Это ставит весь вопрос на более устойчивую и прочную основу, и мы это приветствуем.

Горбачев. <...> Я приветствую признание Вами того факта, что эти проблемы относятся к нашей компетенции и решаются нами. Это то, что нам самим необходимо, и основой происходящего являются наши далеко идущие предложения по демократизации всех сфер нашей жизни.

Шульц. Мы обсудили вопросы контроля над вооружениями. Во-первых, мы обменялись мнениями по перспективам Договора по РСМД. Я проинформировал Шеварднадзе о том, что процесс ратификации Договора в Соединенных Штатах проходит хорошо. Договор пользуется большой поддержкой, и мы чувствуем себя очень уверенно. <...>

Горбачев. У нас в руководстве полная уверенность, что Договор по РСМД будет ратифицирован. Хотя на этот раз впервые этот процесс проходит не так легко. Нас даже обвиняют в том, что мы пошли на слишком большие уступки, которые могут нанести ущерб безопасности нашей страны. Мы доказываем, что равная безопасность обеспечивается. Однако нас спрашивают: как же так, ведь вы и до сокращений говорили о том, что обеспечивается равная безопасность. А сейчас, после того как Советский Союз сократит в 4 раза больше, чем США, опять равная безопасность? Поэтому в Комиссии Верховного Совета идет серьезная дискуссия, отражающая беспокойство многих людей. Маршал Ахромеев всеми силами защищает Договор. И здесь набирает силу демократический процесс.

В целом же общее настроение в стране — в пользу Договора. <...>

Шульц. Когда мы работали над Договором по РСМД, многие говорили: дьявол, то есть самое главное, самое трудное — это детали. И очень важным аспектом этого является контроль. А в области СНВ контроль будет делом более трудным, чем в Договоре по РСМД, так как в нем шла речь о ликвидации всех ракет. Важный урок заключается в том, что браться за детали надо

как можно раньше. В противном случае мы работу к московской встрече не закончим. <...>

Горбачев. <...> Мы — за всеобщий контроль, мы — за согласование и новых форм контроля, которых нет даже в соглашении по РСМД. <...>

Шульц. Признавая это и стремясь как можно лучше решить проблему контроля, мы считаем необходимым более широкий обмен информацией относительно стратегических сил друг друга. Мы договорились дать инструкции нашим делегациям в Женеве, параллельно с переговорами по другим вопросам обмениваться проектами двух протоколов и меморандума о договоренности относительно данных. И сделать это до визита Шеварднадзе в Вашингтон, который намечен на 22 марта.

Я много говорил по этим проблемам с адмиралом Кроу⁶, сотрудниками Комитета начальников штабов. Для них это связано с мучительными решениями, но тем не менее они готовы на это пойти. Как мы понимаем, маршал Ахромеев также готов к этому. Мы полагаем, что это очень важно. <...>

Горбачев. Мы — за самый всеобъемлющий контроль, который охватывал бы как производство, так и развертывание стратегических наступательных вооружений на земле, на воде, под водой, в воздухе. Мы готовы искать решения в этой области. Готовы и на более широкий обмен информацией. Ведь без этого трудно рассчитывать на успешное решение задачи контроля.

Шульц. Итак, в этом мы согласны, и мы позаботимся о том, чтобы в нашей делегации в Женеве были квалифицированные специалисты, опытные люди, способные оперативно и уверенно решать проблемы контроля. <...>

Горбачев. Очень важно подчеркнуть следующее: процесс поисков развязок по проблемам СНВ и ПРО должен основываться на совместном заявлении, принятом в Вашингтоне...

Шульц. Я согласен, что вашингтонское Совместное заявление является своего рода «библией», на основе которой мы должны строить нашу работу.

Что касается проблемы обороны и космоса или, если хотите, проблемы ПРО, то мы считаем очень важным, чтобы соглашение о сокращении стратегических наступательных вооружений сопровождалось соглашением и по данному вопросу. Мы считаем, что это должны быть два отдельных соглашения. Во всяком случае, договоренность по этому вопросу тоже должна быть. <...>

Стержнем этой концепции является идея согласованного периода времени, в течение которого мы договоримся не выходить из Договора по ПРО. Мы обсуждали длительность этого периода. Этот вопрос еще не согласован между нами. Однако ясно, что его продолжительность должна быть большей, чем срок действия договора по СНВ. <...>

Хочу вернуться к проблеме СНВ. Если посмотреть на проблемы контроля, то все они достаточно сложны. Однако особые трудности связаны с проблемой контроля мобильных ракет. И еще более трудным является вопрос о контроле крылатых ракет морского базирования. Эти вопросы мы вчера подробно обсуждали.

Вам известно, что мы придерживались позиции о запрете мобильных ракет, поскольку, как нам представляется, любые договоренности на этот счет

будет исключительно трудно проконтролировать. В то же время мы вместе с вами работали над проблемой контроля мобильных ракет. Мы обсуждали как принципы контроля, так и конкретные процедуры. И хотя полной ясности еще нет, сейчас мы несколько более уверенно смотрим на возможность решения этой проблемы, чем раньше.

Что же касается проблемы КРМБ⁷, необходимость решения которой маршал Ахромеев весьма категорически подчеркивал в Вашингтоне, то мы рассмотрели высказанные вами соображения по контролю. К сожалению, мы до сих пор озадачены проблемой контроля. Мы готовы продолжать работу, усилия экспертов. В то же время можно было бы договориться о некоторых вещах.

Как минимум можно договориться, что этот вопрос должен решаться путем установления верхнего предела на количество КРМБ в ядерном оснащении. В соответствующий момент мы готовы будем назвать тот уровень, которого мы будем придерживаться.

Горбачев (после изложения новых предложений по СНВ). По вопросам СНВ мы можем двигаться вперед быстрее, развязки по этим вопросам возможны.

Шульц. <...> Хочу прокомментировать два момента. Во-первых, о КРМБ. Инспекция на месте в некоторых случаях, а также обозначение типов кораблей и подводных лодок создают для нас трудности. Об этом нам надо очень серьезно подумать. Повторяю, мы готовы установить предельный уровень. Мы готовы будем соблюдать этот уровень. Однако я совсем не уверен, что это можно будет проконтролировать. В общем, над этим надо поработать.

Горбачев. Ну вот, теперь вы боитесь контроля. Раньше вы всегда обвиняли Советский Союз в том, что он боится контроля. А как только мы принимаем какое-то ваше предложение, вы сразу хотите взять его назад. Это уже превращается в закономерность.

Шульц. Я не знаю, как относится к такой перспективе ваш флот, но наши моряки не испытывают энтузиазма по поводу перспективы того, что кто-то будет расхаживать по американским кораблям и подводным лодкам.

Горбачев. А вот наши моряки от этого в восторге. (Хохот.)

Ахромеев. Скажу Вам по секрету, господин госсекретарь, что представители наших Ракетных войск стратегического назначения до самого последнего момента сопротивлялись тому, чтобы американские инспектора были допущены на их базы. Но ведь есть, в конце концов, руководство.

Горбачев. Есть, должна быть, в конце концов, власть в Советском Союзе и в США.

Ахромеев. Что же получается — наземных ракетчиков можно убедить, а моряков — нет?

Горбачев. Видимо, сказывается то, что госсекретарь служил в морской пехоте. Так сказать, старая любовь.

Шульц. Пусть этот вопрос решает сухопутный генерал Пауэлл⁸. <...>

Горбачев. Хочу повторить: мы глубоко убеждены, что если начать активную работу сейчас, есть время для нахождения развязок по всем вопросам. Есть возможность подготовить существенные результаты с важными итоговыми документами прийти к визиту президента в Москву.

Шульц. Мы полны решимости действовать именно таким образом. Президент хочет, чтобы результат был. И мы будем упорно работать в этом направлении. <...>

Горбачев. А вот как обстоит дело с проблемой запрещения химического оружия? Тут есть основание для беспокойства.

Шульц. Может быть, вас беспокоит, что мы проявляем чрезмерную активность в этом вопросе?

Горбачев. В свое время именно вы проявили инициативу, внесли в 1984 году проект конвенции о всеобъемлющем запрете на химическое оружие. Мы подключились к вашим усилиям, приняли ваш подход, хотя это было для нас не так просто. <...>

Что Вы скажете на такое предложение: подготовить к московской встрече на высшем уровне существенное заявление о намерении наших стран способствовать запрету на химическое оружие. В этом заявлении была бы выражена решимость обеих стран сделать все возможное для скорейшего заключения соответствующей конвенции.

Шульц. Мы поддерживаем эту идею.

Горбачев. Я ценю эту поддержку. Если это так, то не сделать ли нам еще один шаг? Поскольку сейчас много говорится о проблемах контроля в области химического оружия, то СССР и США могли бы обозначить по одному предприятию химической промышленности, где были бы отработаны процедуры контроля в рамках будущей многосторонней конвенции о запрещении химического оружия.

Шульц. Это интересное предложение. Я слышу его впервые. Надо обдумать его. Действительно, самый лучший способ что-то проверить — проверить в деле. Пусть попробуют поиграть, посмотрят, можно ли обмануть инспекторов. Это интересно. Правда, боюсь, что дома я получу подзатыльник за эту позитивную реакцию на Ваше предложение, но оно мне кажется интересным. <...>

Горбачев. <...> 45 лет мы ведем дело на основе противопоставления интересов друг друга. Давайте попытаемся следующие 40–50 лет поработать на другой основе. Как это изменило бы многое в мире!

Шульц. Я как раз в этом направлении и двигаюсь. Я считаю, что для того, чтобы к этому прийти, надо больше говорить о том, как мы представляем себе контуры будущего. Как выглядят перспективы с экономической, политической, научной, стратегической точки зрения, что говорят эксперты. У меня, конечно, нет волшебного стекла, через которое можно увидеть будущее. Но я вижу, что в мире развиваются тенденции, которые требуют, я бы сказал, нового мышления. И если действовать в духе этого нового мышления, то, мне кажется, мы увидим по-новому и наши интересы. Многое предстанет в другом свете. <...>

Горбачев. А как Вы посмотрите, если мы с Вами дадим задание группе советских и американских ученых, специалистов по международным экономическим проблемам поработать вместе, попытаться наладить сотрудничество? Такая работа ведется в ООН, но это дело долгое. Можно было бы поработать и на двусторонней основе. <...> Давайте теперь посотрудничаем,

подумаем вместе о тех процессах, которые происходят в мире и которые сулят множество проблем и для вас, и для нас.

Шульц. Да, в международной экономике происходят процессы, которые сулят множество проблем и множество возможностей. Мы были бы рады выслушать соображения ваших специалистов и поделиться своими соображениями. Думаю, для этого есть два подходящих форума. Во-первых, переговоры наших специалистов по внешнеполитическому планированию. Один раунд таких переговоров уже прошел, а второй вскоре состоится. Во-вторых, предстоящая в следующем месяце сессия советско-американской экономической комиссии.

Сегодня у меня была очень интересная беседа с господином Рыжковым. В результате возникло одно предложение. Господин Рыжков сказал, что нам следует найти какой-то конкретный аспект наших экономических взаимоотношений, который мы могли бы двинуть вперед в связи с предстоящей встречей на высшем уровне.

Он видит, что встречи дают сильный импульс политическим отношениям, а экономика отстает. Он считает, что ее надо включить в общее движение. Я считаю, что это интересная идея и по возвращении в Вашингтон поговорю с господином Верити⁹, который в следующем месяце собирается в Москву. Давайте посмотрим, что здесь можно сделать.

Горбачев. Думаю, вы еще не определились, развивать ли экономические связи с нами. И не даете другим западным странам разворачиваться. Пора вам, наконец, определяться.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
25 февраля 1988 года
Об итогах переговоров с Шульцем*

Горбачев. Надо заложить фундамент Договора по СНВ при Рейгане. Рейган тоже стремится к этому. Ему нужны результаты от визита в Москву. Сейчас мы вышли на такой уровень отношений с Соединенными Штатами, какого мы не имели многие годы.

При обсуждении вопроса о связи между СНВ и космосом, с СОИ, кое у кого обнаружился крен в том смысле, что, мол, в военно-техническом плане легко найти развязку, а вот с точки зрения политической согласиться, мол, не могу. Пришлось одному товарищу напомнить, что мы здесь занимаемся политикой, что на технократических подходах мы далеко не уедем. Придется всем думать политически, хотя не обойтись и без научного военно-технического анализа и прогноза. Например, что такое СОИ — блеф или реальность? Точный ответ на этот вопрос позволит нам выработать и единственно правильную политику. А сейчас этот вопрос накрепко связан также и с внутренней политикой.

Да, мы достигли военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами. Никто не считал, сколько это нам стоило. А подсчитать нужно бы.

Теперь ясно, что без значительного сокращения военных расходов нам не решить проблем перестройки. Паритет паритетом, и мы его должны сохранять. Но нужно и разоружаться. И сейчас есть такая возможность. Ибо политически мы вышли на новую ситуацию в отношениях с Соединенными Штатами.

Надо сохранять высокую переговорную динамику в вопросах разоружения. Мы жизненно заинтересованы во внешнеполитическом обеспечении перестройки. Безопасность всегда будет у нас на первом месте. Пацифизм неприемлем. Но речь идет о том, что надо очень четко отдавать себе отчет в огромном значении внешней политики для успеха перестройки.

А перестройка, успех ее, в свою очередь, будут менять и отношение народа к проблемам безопасности, будут разрушать стереотипы безоглядного и часто бессмысленного выбрасывания средств на военные нужды. Безопасность страны плюс жизненные условия для народа — вот уравнение, которое мы постоянно должны иметь в виду. <...>

Давайте дадим поручение основательно проанализировать, что значит сильная современная армия, что значит обеспечение безопасности, что значит качественная сторона безопасности. И вот когда все это подсчитаем — все остальное сократить. Экономить и экономить, и к тринадцатой пятилетке выйти с новым военным бюджетом...

Шеварднадзе. Такая конструктивность впервые проявлена была с американской стороны.

Добрынин. Стараться заключить договор, но иметь в виду и особенности американской позиции.

Ахромеев. Если бы не связь с ЯКВ (*ядерно-космические вооружения*), договор о 50-процентном сокращении СНВ был бы к лету завершен.

Лигачев. Нам надо сократить военные расходы. Без этого коренных изменений в социально-экономической области не достичь. Заключить договор с Рейганом. В США происходит перелом в отношении к СССР независимо от администрации.

ПБ. С. 290–292; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

**На Политбюро
10 марта 1988 года
О встрече с американскими сенаторами в Москве**

Горбачев. Мы уже согласились совместно с американцами опубликовать данные (*о вооруженных силах*). Но это — полдела.

Надо:

— всерьез и всесторонне на военно-техническом уровне подготовить те самые «карты», которые мы призываем «выложить на стол»;

— просчитать варианты последствий: для армии и военной промышленности, для экономики в целом (*конверсия*), для Варшавского Договора, для необходимой «компенсации», чтобы ни в одном пункте безопасность страны не пострадала, и т.д.

Не растягивать сроки сроки для разработки предложений и представления в ЦК.

Если мы не хотим потерять динамику и доверие к нашим инициативам, необходимо всерьез рассматривать предложения, которые исходят от различных натовских кругов, от социал-демократов и, конечно, от американских сенаторов. Это — не дилетантство с их стороны, а предложения, проработанные со специалистами, с учеными и исходящие от людей, от которых многое и реально зависит в процессе разоружения.

Например, Нанн предложил провести параллельно (*в СССР и в США*) исследование проблемы предотвращения несанкционированного использования ядерного оружия. А затем обменяться результатами таких исследований и даже предать их гласности. Эта идея заслуживает внимания. К ее разработке следовало бы привлечь науку, ученых.

Всерьез — это значит не просто аргументированнее отвергать что-то, а и уметь использовать дельные идеи, то есть вести действительно деловой, результативный диалог.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Джорджем Шульцем
Москва, 22 апреля 1988 года*

Горбачев. Думаю, что когда мы говорили, что в наших отношениях, в советско-американском диалоге появились элементы, которые свидетельствуют о том, что эти отношения вышли на новый уровень, такая оценка была в целом правильной, реалистической. Причем мы говорили, что достигнутый прогресс, несомненно, является результатом того, что мы с вами стали придерживаться более реалистического подхода друг к другу. Кажется, мы начали, наконец, выбираться из плена стереотипов, попыток навязать исключительно собственный подход, свои концепции, свои взгляды, делать упор на силу, обеспечивать лишь свои интересы. Раньше это очень мешало продвигаться к нахождению путей улучшения наших отношений.

Говорю это в связи с последними заявлениями президента и, в меньшей степени, других американских официальных лиц. <...> Нам опять читают проповеди, нотации, наставления. Советская внешняя политика характеризуется только негативно, американская — как исключительно позитивная. <...> Может быть, влияют определенные круги в республиканской партии? <...>

Мне казалось, что в последние два-три года мы неплохо вели поиски новых путей, новых подходов в наших отношениях. И результаты налицо для нас и для всего мира.

И нам, и вам пришлось на этом пути немало преодолеть, провести много трудной и необходимой работы. И я хочу еще раз сказать, как это делал уже не раз публично, что мы ценим тот вклад, который внесли в этот процесс президент, Вы, господин государственный секретарь, и другие, в том числе присутствующие здесь госпожа Риджуэй, господа Нитце, Мэтлок, Саймонс¹⁰ и недавно подключившийся к нашим усилиям господин Пауэлл.

Благодаря совместным усилиям мы подошли к нынешнему этапу политического диалога между нашими странами. Так неужели весь этот капитал, плоды такой большой работы будут сейчас пущены по ветру? Это серьезный вопрос. <...>

В общем, мы за то, чтобы в наших отношениях продолжались позитивные тенденции. И должен сказать, что идущий из Вашингтона поток, последние высказывания президента не служат сохранению той атмосферы, которая сложилась к началу нынешнего года. Если это будет продолжаться, то атмосфера может ухудшиться. И в таких условиях я просто не вижу, как можно будет провести успешный, полезный визит.

Шульц. Президент считает, что в силу целого ряда причин, одни из которых мы видим, а другие еще не до конца понимаем, в отношениях между нашими странами открылась новая страница.

Этот процесс начался на вашей первой встрече в Женеве. При этом мы постоянно исходим из того, что в наших отношениях исключительно насыщенная повестка дня в четырех областях — права человека и гуманитарные вопросы, региональные проблемы, контроль над вооружением и двусторонние вопросы. И если сравнить ситуацию сейчас и на момент женевской встречи на высшем уровне, то совершенно очевиден существенный прогресс, конкретные результаты во всех четырех областях.

Конечно, много и проблем, многое, как Вы сказали, предстоит решить. Но глядя на те проблемы, которые еще не решены, важно не забывать и о пройденном пути. Поэтому я хочу упомянуть некоторые важнейшие достижения наших отношений в последний период, как они видятся президенту и мне.

Что касается прав человека и гуманитарных вопросов, то решено много проблем. Кроме того, мы выработали систематический подход к обсуждению таких проблем. Мы договорились, что эта область — улица с двусторонним движением. Я считаю такой подход очень здоровым.

В двусторонних отношениях резко активизировался обмен визитами различных групп, подписаны соглашения по ряду важных вопросов и имеется перспектива выработки новых договоренностей к встрече на высшем уровне. На последней встрече по торгово-экономическим вопросам присутствовали представители 500 американских фирм. Это само по себе о многом говорит.

В области контроля над вооружениями мы в настоящее время интенсивно обсуждаем весьма важные вопросы. Но как много уже достигнуто! Это, во-первых, Стокгольмское соглашение о мерах укрепления доверия, выработанное нами вместе с другими странами. Это был первый прорыв к инспекциям на месте военной деятельности, к инспекциям по запросу. За этим последовал Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Результатом этого договора является ликвидация не только целого класса ядерных ракет, сокращение ядерного оружия, но и такой важный новый элемент, как широкий комплекс положений о контроле, достижение гораздо большей степени открытости в отношениях между нашими двумя странами. Договор содержит такие положения, которые 4–5 лет назад казались просто невозможными, невероятными, а сегодня они вступают в действие.

Что касается региональных вопросов, которые, как определили Вы и президент в Женеве, имеют особое значение, то мы знаем, что здесь много трудностей. И все же в июле прошлого года наши страны совместно выступили в Совете Безопасности ООН, предприняв беспрецедентную акцию, направленную на прекращение войны между Ираном и Ираком. Думаю, от этого у людей во всем мире поднялось настроение. Мы, разумеется, считаем, что давно пришло время принять следующую резолюцию. Но так или иначе остается фактом: в июле прошлого года мы выступили совместно, и это было значительным событием.

На прошлой неделе мы подписали договоренности по Афганистану. Мы признаем, что эти договоренности знаменуют собой новый этап в развитии афганской проблемы*. Мы признаем и то, что впереди нас ждут немалые трудности. Однако эти соглашения являются важным шагом.

Таким образом, мы можем сказать: наши отношения стали более конструктивными. Мы научились лучше решать проблемы, и это уже не просто риторика, а конкретные достижения.

Горбачев. <...> Да, советско-американские отношения нуждаются в коренной перестройке. Надеюсь, что Вы не будете возражать против этого термина: слово «перестройка» вошло ведь и у вас в употребление. И повторяю: говорю все это я отнюдь не потому, что, как утверждают у вас, мое положение непрочное, мне угрожает оппозиция справа, оппозиция слева и т.п. И поэтому я, мол, нуждаюсь в каком-то внешнеполитическом успехе. Все это типичная пропагандистская чепуха, болтовня, которую и читать противно, настолько все это неверно и поверхностно.

В общем, время всерьез задуматься, осмыслить имеющиеся у нас возможности, потенциал наших отношений. Нельзя упускать шанс, который нам отпустило время.

Шульц. Согласен с Вами.

Горбачев. Хочу суммировать сказанное. Мы должны опираться на то, чего удалось достичь в наших отношениях, действовать позитивно. Мы должны хорошо поработать, чтобы московская встреча на высшем уровне стала новым шагом в развитии наших отношений, оплодотворяла дальнейшие поиски путей их улучшения. Вот наш подход. Отмечаю, что об этом же говорили и Вы. <...>

Теперь вопрос: чем завершить встречу? Я отнюдь не являюсь сторонником того, чтобы на каждой встрече в верхах подписывался какой-то договор. В таком случае у нас было бы слишком много договоров и все это было бы трудно даже проконтролировать. С другой стороны, не хотелось бы, чтобы мы заранее разоружались, расхолаживались. Надо основательно работать во всех областях. Если не будет соглашений, то, на наш взгляд, надо иметь какой-то итоговый документ, в котором было бы зафиксировано продвижение...

Шульц. Что касается вопросов ядерных и космических вооружений, то в ходе этой встречи мы изложили новые идеи. Мы работаем напряженно, но проблемы сложны, их не так легко переварить. Но повторяю, мы заангажи-

* См. об этом в разделе V (Афганский вопрос).

рованы всерьез. Президент хочет, чтобы работа над договором была завершена, если возможно — к встрече на высшем уровне, и во всяком случае — до окончания срока его полномочий. Мы хотим, чтобы в заявлении получила отражение вся проведенная работа и тот прогресс, который достигнут, в том числе и после вашингтонской встречи на высшем уровне.

Горбачев. Мы готовы действовать в этом духе. <...>

Прошу передать привет президенту. Скажите ему, что я доволен нашим разговором. Передайте президенту, что мы за последовательный прогресс в наших отношениях, мы против того, чтобы строить политику на каких-то импульсивных реакциях. Я очень приветствовал бы, если бы президент в начале своего визита сказал мне то же, что я сказал ему во время нашей беседы один на один в Вашингтоне: давайте не будем заниматься взаимными обвинениями, давайте займемся реальной политикой. Я ехал в Вашингтон делать реальную политику.

Шульц. Хорошо. <...>

Горбачев. Наш сегодняшний разговор был встречей старых друзей. И я рад этой встрече, беседе с людьми, которые понимают значение советско-американских отношений. Все мы за их улучшение потому, что это назрело, нас подвела к этому жизнь.

Шульц. Согласен с Вами. Как всегда, я высоко ценю возможность и привилегию встретиться и побеседовать с Вами. Я знаю, что точно так же ждет такой возможности и президент.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Рональдом Рейганом
Москва, 29 мая 1988 года**

Горбачев. У нас с Вами, пожалуй, есть все основания сказать, что, если мы окинем взором слеженевский период, мы вправе констатировать многие перемены к лучшему как в отношениях между СССР и США, так и в мире в целом. Это итог совместных усилий. В одиночку — ни советскому, ни американскому руководству не удалось бы добиться таких перемен. Это можно было сделать только совместными усилиями.

Рейган. Мы действительно прошли вместе немалый путь с тех пор, как впервые встретились в октябре 1985 года. Думаю, что история вынесет положительную оценку тому, что нам удалось достичь. Скажу больше: благодаря улучшению отношений между нашим странами мир стал безопаснее. <...>

* Визит президента Р. Рейгана в СССР состоялся 29 мая — 2 июня 1988 года. В ходе визита руководители СССР и США обменялись ратификационными грамотами к Договору о ликвидации РСМД (перед визитом путем обмена нотами было заключено Соглашение между правительствами СССР и США относительно применения Договора к ракетам, которые могут использоваться в качестве носителей оружия, основанного либо на уже существующих, либо на будущих технологиях). Подписаны также: Соглашение между СССР и США об уведомлениях о пусках межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок и ряд других межправительственных соглашений.

Горбачев. Господин Президент, я хотел бы на немного снова вернуться ко временам Женевы. И я, и Вы, наверное, будем еще не раз вспоминать о них. Причем я хочу это сделать сейчас, так сказать, с позиций сегодняшнего дня, накопленного опыта. В Женеве, как я уже говорил, начался наш диалог. Это было трудное начало. Тогда не было подписано крупных документов, но были приняты очень важные констатации, совместные констатации, а именно: мы оба признали, что в ядерной войне не может быть победителя, что она недопустима, что никакая война между нашими странами недопустима. Мы также заявили, что мы не стремимся к военному превосходству.

Это было сильное заявление — заявление, которое исходило от руководителей двух таких государств, какими являются Советский Союз и Соединенные Штаты. И мир услышал нас.

Сегодня, на этой нашей первой беседе в Москве я бы хотел предложить Вам, господин Президент, пользуясь опытом, уроками Женевы, сделать еще один шаг в такой совместной констатации принципиальных для дела мира позиций. Я считаю, что в нашем совместном документе по итогам уже московской встречи можно было бы сделать новое важное политическое заявление такой же масштабности и значения, как в Женеве. <...>

Моя мысль и состоит в том, чтобы в качестве одного из итогов этой нашей с Вами четвертой встречи и в развитие того, что было заявлено в Женеве, Рейкьявике и Вашингтоне, совместно констатировать, что в современном многообразном мире с его идеологическими и иными различиями никакие спорные проблемы не могут и не должны решаться военным путем, что народы должны жить в мире, что мирное сосуществование мы рассматриваем как универсальный принцип международных отношений.

Я предварительно уже подумал над возможной формулировкой и хотел бы просить Вас также подумать на этот счет. Как Вы в принципе относитесь к высказанной мною идее? Мне кажется, что подобное совместное заявление очень хорошо отвечало бы потребностям времени, тому стремлению к миру и взаимопониманию, о котором говорят обе стороны, направленности и вашей политики, как мы ее понимаем...

Рейган. Да, мне нравится эта Ваша идея. Пусть эксперты совместно поработают над ней¹¹. А теперь, господин Генеральный секретарь и, если позволите, коллега, я хотел бы сказать следующее. Я порядком постарше Вас и, может быть, лучше помню годы Второй мировой войны. Наши страны были в ней союзниками, совместно боролись со злом гитлеризма. Однако после войны получилось так, что в Европе как будто опустился какой-то занавес, разделивший нас. Черчилль назвал его «железным занавесом».

В последнее время редко можно услышать этот термин. Мне кажется, этому во многом способствовали итоги наших встреч, что, конечно, не означает, что мы смогли решить все проблемы. <...>

Далее речь зашла о правах человека. (Эта часть беседы помещена во 2-й части раздела.)

Горбачев. Теперь я хотел бы высказать, так сказать подбросить, еще одну идею, касающуюся того, что можно было бы обсудить на нашей московской

встрече. Вы знаете, некоторые считают, что нам с Вами уже не удастся сделать много нового для будущего. Не стоит ли в этой связи вместе подумать над тем, как вывести на новую ступень советско-американское сотрудничество в области исследования космического пространства. При обоюдном желании это могло бы стать важным результатом нашей встречи. Я уверен, что это дало бы возможность еще шире распахнуть дверь для такого сотрудничества в расчете на длительную перспективу и большую пользу для наших стран. Есть прямой смысл объединить потенциал обеих стран, поскольку поодиночке браться за столь крупные дела трудно.

Рейган. Я в курсе Вашей идеи и просил наших экспертов изучить ее. Вы знаете, что американская космическая программа была сильно отброшена назад в связи с аварией «Челенджера». Но повторяю, я уже распорядился самым внимательным образом изучить идею, которую Вы, господин Генеральный секретарь, только что вновь высказали. Скажу в шутку, что хотя эта идея идет в общем направлении к небесам, но не так далеко, как идея веры в Бога.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Рейганом
30 мая 1988 года*

Рейган. <...> Наверное, нет на свете людей, которые несут большую ответственность за судьбы мира, чем мы, собравшиеся здесь сегодня, сидящие за этим столом. Именно забота о мире привела нас сюда. Трудно представить себе нечто более важное, чем наша встреча. <...>

Вчера мы согласились с тем, как важно устранять из наших отношений предрассудки и предвзятость в отношении друг друга, искать пути преодоления недопонимания. В свете этого я считаю очень важным расширение обменов между нашими учеными, культурных обменов, контактов между людьми, особенно молодежью. Они могут внести огромный вклад в улучшение наших отношений. Поэтому я выступаю за расширение обменов между учащимися средних школ наших стран. Я за то, чтобы эти обмены охватывали сотни, а затем и тысячи молодых людей. В ходе взаимных визитов наша молодежь сможет из первых рук узнать, как живут сверстники в другой стране.

Мы подготовили на этот счет некоторые конкретные идеи, которые, как мы надеемся, будут обсуждены во время визита. В частности, мы выступаем за то, чтобы закрепить на постоянной основе связи между отдельными средними школами в СССР и США. В течение первого года такие связи могли бы быть установлены между 25–30 школами, а на следующий год уже между 100 школами. Если бы от каждой школы в поездках участвовало по 10 молодых людей с соответствующими взрослыми сопровождающими, то число участников обмена с обеих сторон достигало бы по 1000 человек.

Недавно я встречался в Белом доме с американскими, советскими и финскими школьниками — участниками программы обмена. Просто невозможно было сказать, кто из этих 38 юношей и девушек русский, а кто американец.

Горбачев. Да, у меня была такая же трудность.

Рейган. Я сказал им: если все мы лучше узнаем друг друга, то, я убежден, в мире никогда не будет войны. Эти слова были встречены с горячим одобрением и аплодисментами.

Горбачев. Господин Президент, я могу лишь согласиться с духом сказанного Вами. <...> Пусть наши коллеги начнут обсуждение этого вопроса. Обмены, особенно обмена между молодежью — это те семена, которые обязательно дадут всходы в отношениях между нашими странами. Поэтому я поддерживаю эти идеи.

Рейган. Хотел бы перейти теперь к вопросам контроля над вооружениями.

Считаю, что в ходе переговоров и обсуждений этих вопросов между нашими странами в период после Женевы достигнут значительный прогресс по широкому кругу проблем — таких, как вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений и обороны и космоса, обычные вооружения, ядерные испытания, химическое оружие. Необходимо продолжать продвижение вперед по всем этим направлениям.

Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности является исключительно важным достижением, он определяет тот стандарт, тот ориентир, к которому мы должны стремиться в усилиях по сокращению вооружений. Достигнут прогресс и в области СНВ. Я считаю возможным завершение работы по комплексу вопросов СНВ-ПРО в нынешнем году.

Горбачев. <...> Мы настроены подписать договор по СНВ, пока у власти находится Президент Рейган. <...>

Рейган. Теперь хотел бы перейти к проблематике оборонительных вооружений и космоса.

Я не раз указывал, что программа СОИ направлена на то, чтобы укрепить безопасность США и наших союзников, не угрожая при этом никому. <...>

Наши делегации на переговорах провели большую работу по составлению текста соглашения по проблемам обороны и космоса. Я хотел бы, чтобы мы с Вами, господин Генеральный секретарь, поручили им интенсивно продолжить эту работу. <...>

Шульц. <...> Я считаю, что ваш аргумент о том, что в ходе осуществления 50-процентных сокращений у сторон должна быть ясность в отношении того, что происходит в области ПРО — это хорошая идея. Президент изложил Вам наш подход к решению этого вопроса.

Горбачев. Хорошо, давайте будем вести обсуждение на основе нынешнего состояния дел на переговорах, не будем отбрасывать их назад. Давайте думать, как решить эту проблему на основе вашингтонского Совместного заявления. Я согласен с тем, что оно нуждается в дополнительной проработке и уточнении. <...>

Я вижу, что Президента вводят в заблуждение. Раньше это делали через господина Уайнбергера, а теперь через господина Карлуччи¹². Кто-то подбрасывает ему мысль о том, что космос — это та сфера, где Соединенные Штаты могут добиться превосходства над Советским Союзом. А ведь это противоречит той констатации, которую мы сделали в Женеве о том, что мы не будем стремиться к военному превосходству. Так вот, в течение 10 или, может

быть, пяти и даже восьми с половиной лет периода невыхода из Договора по ПРО, все ваши планы в области СОИ будут, по сути дела, барахтаться в пределах исследований. И если Вы скажете вашим военным: посидите на Земле, не рвитесь в космос, — то ничего страшного не произойдет. Наоборот, произойдет хорошее. Не надо связываться с космосом — так думаем мы, к этому приглашаем и вас. Ведь если гонка вооружений вырвется в космическое пространство, то это станет источником недоверия между нашими странами, поведет к периоду охлаждения в наших отношениях, застопорит прогресс в области разоружения.

Рейган. <...> Когда я стал президентом, меня очень волновал вопрос о нестабильности, которая может в результате чьего-то неосторожного действия привести к мировой катастрофе. Ракеты, которые есть у нас и у вас, — это такое оружие, которое через несколько минут после нажатия кнопки может разрушить целый город. Этот вопрос волновал меня, и я вызвал наших экспертов, военных, ученых и задал им вопрос: можно ли создать такую оборону, которая позволит перехватывать ядерные ракеты сразу после того, как они взяли старт, то есть можно ли сделать ракетно-ядерное оружие устаревшим. Специалисты выслушали меня и сразу не ответили. Они попросили время на размышление. Через некоторое время они вновь встретились со мной и ответили на мой вопрос. Да, сказали они, создание такой обороны — дело практически осуществимое. Конечно, потребуется немало времени, большая исследовательская работа, но сделать это можно. И я сказал им: беритесь за дело. Мы выделили необходимые средства, и они взялись за создание системы, которая будет иметь чисто оборонительный характер. У нее будет три фазы, каждая из которых будет дополнять друг друга.

Горбачев. Господин Президент, если бы мы не знали то, что мы знаем, если бы нам пришлось верить Вам на слово, то мы, может быть, и поверили бы Вам. Но мы знаем, что эта система может не только выполнять оборонительные функции, но и служить оружием.

Рейган. Нет, это не так. Я убежден, что если мы не хотим гибели всего мира, то нам необходимо найти пути ликвидации ядерного оружия. Я говорил и говорю, что в ядерной войне не может быть победителя, что она никогда не должна быть развязана. Когда ученые сказали мне, что оборона против баллистических ракет может быть создана, я принял решение: если оборонительные средства действительно будут разработаны, то перед их развертыванием мы будем готовы поделиться ими со всеми. Более того, они не будут развернуты до тех пор, пока не будет ликвидировано ядерное оружие. Ни одна страна, в том числе и наша, не должна иметь сочетания всеохватывающей обороны и наступательных вооружений, ибо это создавало бы потенциал первого удара, потенциал ядерного шантажа. <...>

Итак, мы настроены оптимистично, ученые заверяют нас в том, что оборона может быть создана. При этом наша окончательная цель — ликвидация арсеналов самого смертоносного, ядерного оружия повсюду в мире. <...>

Хочу еще раз сказать: когда такая оборона станет возможной, мы поделимся результатами нашей работы со всеми, и мы не будем строить космическую ПРО до тех пор, пока не будут ликвидированы все ядерные вооружения

и ракеты. Я уверен, что этого можно добиться. И ни в коем случае мы не имеем в виду создание наступательных вооружений. Ведь задача предлагаемой системы — обнаруживать полет ракет и не допускать их проникновения к цели. Поэтому это — оборонительная система. Программа СОИ для меня не может быть предметом переговоров.

Горбачев. И все-таки: для чего СОИ, какие ракеты будет искать эта система, если ядерное оружие будет ликвидировано?

Рейган. Она будет создана на всякий случай. Ведь в умах людей останется знание технологии создания ядерного оружия. Этого никто уже не сможет у них отнять. Останется и технология создания ракет. И может найтись безумец, который воспользуется этими секретами. Такие примеры в истории есть, например Гитлер. (*Президент, жестикулируя, опрокидывает стакан с водой.*) Извините меня за неосторожность.

Горбачев. Ничего, господин Президент, со стаканом воды неосторожность — это ничего страшного.

Я не хочу вступать сейчас в широкую дискуссию, но позвольте высказать некоторые соображения. Мы считаем, что СОИ — это не только программа оборонительного характера, но и способ создания космического оружия, способного наносить удары по Земле. Кроме того, возникает вопрос: если кто-то собирается создать систему космической ПРО, то зачем нам облегчать его задачу? Ведь одно дело, когда ей будет противостоять определенное число ракет, и совсем другое дело, когда ей будет противостоять большее число ракет. Вот и получается, что стороны будут создавать космическое и стратегическое наступательное оружие, тратя на эту гонку все свое национальное достояние. Но ведь при этом просто обесценивается смысл переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений, подрывается стратегическая стабильность, под сомнение ставится капитал, накопленный на протяжении многих лет наших переговоров. Возникает вопрос: а можем ли мы вообще иметь дело с вами? Что ж, в таком случае надо будет думать, что делать. И мы уже думаем об этом.

Рейган. Еще в Женеве я говорил Вам, что мы предлагаем вам наблюдать за работами, ведущимися в рамках СОИ, присутствовать при экспериментах.

Горбачев. Позвольте высказать сомнения на этот счет. Прежде чем делать такое предложение, Вам следовало бы убедить господина Карлуччи, господина Шульца и ваш военно-морской флот открыть для инспекции всего лишь два типа ваших кораблей с целью контроля крылатых ракет морского базирования. Но, как мы знаем, ваши моряки уперлись, они не хотят давать согласие на инспекции ваших кораблей, и в этом их поддерживает господин Карлуччи. Так как же вы откроете для инспекции секретные исследования в рамках СОИ, если не можете допустить наших инспекторов всего на два типа кораблей? Это просто несерьезно. А в большой политике надо действовать серьезно. <...>

Давайте поработаем, давайте поищем договоренность на основе вашингтонской формулы. Поскольку американская делегация поставила вопрос об информационных датчиках, то давайте поручим нашим экспертам заняться и этим вопросом.

Карлуччи. Мы считаем, что по вопросу о датчиках стороны вполне могут прийти к договоренности.

Горбачев. И еще о контроле. Считаю, что надо преодолеть сопротивление руководства американских военно-морских сил в этом вопросе.

Ведь вы всегда говорили о том, что вы за самые строгие меры контроля, готовы на любой контроль. А теперь мы уговариваем вас пойти на такой контроль. Что же получается? Что вы блефовали, когда пугали нас контролем?

Возьмите вопрос о химическом оружии. Теперь оказывается, что по вашей позиции нельзя осуществлять контроль на частных химических предприятиях. Вот и получается: нельзя инспектировать воды, нельзя инспектировать корабли, самолеты. Что же инспектировать — Белый дом и Кремль? Но здесь, может быть, только мы с вами можем заблудиться, а остальные прекрасно знают дорогу. Так что давайте решать проблемы контроля всерьез.

Карлуччи. У нас, конечно, нет гарантии, что мы сможем согласовать режим контроля. Но из этого режима не будут исключаться частные предприятия.

Горбачев. Вот видите. Вы уже делаете оговорки.

Пауэлл. Мы исходим из того, что сеть контроля будет охватывать как государственные, так и частные предприятия, но весь вопрос в том, насколько широкой будет эта сеть. То есть необходимо выработать критерии контроля.

Горбачев. Но как же тогда быть с той озабоченностью, которую высказал Президент Рейган и которую я разделяю, с той озабоченностью, что в любой стране могут найтись люди, которые будут производить химическое оружие, а мы тем временем ничего не будем знать. Судя по Вашим уточнениям, у нас может не быть полной возможности контроля. Мы же исходим из того, что у нас должна быть всеобъемлющая конвенция и, соответственно, всеобъемлющий контроль. Это и должно быть предметом дальнейших переговоров.

Карлуччи. Совершенно верно.

Горбачев. Перехожу к другому вопросу. Американская сторона выдвинула идею подписания отдельного соглашения об уведомлениях о пусках МБР и БРПЛ не только за пределы, но и в пределах национальных территорий. <...> Мы можем на это пойти. В то же время мы просим американскую сторону рассмотреть и наше обращение.

Итак, мы доработаем соглашение об уведомлениях о пусках МБР и БРПЛ здесь и подпишем в Москве. Это будет важным шагом. Со своей стороны, я хочу предложить, чтобы мы поручили экспертам договориться или хотя бы начать переговоры в Москве об уведомлениях, касающихся пусков крылатых ракет морского и воздушного базирования, массового одновременного подъема в воздух тяжелых бомбардировщиков, скажем, 100 ТБ. Ведь когда поднимаются в воздух 100 американских или советских бомбардировщиков, тут может возникнуть и сомнение — учение это или нападение. Далее, договориться уведомлять друг друга об учениях стратегических сил, а также договориться о запрете на баллистические ракеты с настильной траекторией. Это, кстати, ваша, американская идея. Мы считаем, что договоренность по

всем этим вопросам позволит повысить предсказуемость, ослабить угрозу ядерной войны, укрепить стратегическую стабильность.

Итак, мы предлагаем выработать соглашение на основе вашего предложения и дать поручение нашим экспертам изучить вопросы, поставленные нами. <...>

Шульц. Правильно ли я понимаю, что вы готовы подписать здесь соглашение относительно уведомлений о запусках баллистических ракет?

Горбачев. Да, мы готовы его подписать.

Шульц. Что касается других вопросов, например, уведомления о подъеме в воздух 100 и более тяжелых бомбардировщиков, то мы договорились бы изучить эти и, возможно, некоторые другие подобные меры доверия. Правильно я понимаю?

Горбачев. Да, мы предлагаем изучить эти вопросы, договориться о них если не сейчас, то позже. <...>

Рейган. Прежде чем мы закончим, хочу сказать несколько слов по проблеме предотвращения распространения баллистических ракет.

Мы видим остроту этой проблемы на Ближнем Востоке, в Южной Азии. Если ее не остановить, то она угрожает обеим нашим странам. Ракетная технология может серьезно изменить военную обстановку.

Если мы ничего не сделаем, то такие страны, как Иран и Ливия могут соединить ракетную технологию и технологию химического оружия, что приведет к самым серьезным последствиям.

Поэтому мы считаем, что нашим странам необходимо совместно проанализировать эту проблему, подумать, какое давление мы можем оказать на соответствующие страны, как повлиять в нужном направлении на наших и ваших друзей, чтобы остановить или поставить под контроль эту тенденцию.

Мы уже видели, что ракеты использовались в ирано-иракском конфликте. Это подчеркивает актуальность данной проблемы.

Горбачев. Я считаю, что это действительно серьезная проблема, на которую нельзя закрывать глаза.

В свое время мы продали Ираку ракеты определенной дальности, а затем при участии некоторых западных стран Ирак увеличил дальность этих ракет. Проблема усугубляется действиями таких стран, как, например, Китай, Бразилия, некоторые другие. Конечно, нельзя проходить мимо этого. Как минимум мы должны выразить нашу озабоченность, а также учитывать это в политике, препятствовать распространению ракетной технологии. Достаточно представить себе, что было бы, если бы баллистические ракеты были применены против такой страны, как Франция, которая получает 60 процентов своей электроэнергии от атомных электростанций.

Карлуччи. Означает ли это, что вы готовы ограничить поставки вами ракет СКАД?¹³

Горбачев. Пока я готов высказаться в общем плане. Мы понимаем остроту этого вопроса. Конкретные его аспекты мы готовы взвесить.

Шульц. Здесь действительно есть парадокс. Мы с вами договорились о ликвидации ракет в диапазоне от 500 до 5500 километров, китайцы нам аплодируют, а одновременно продают такие ракеты Саудовской Аравии.

Горбачев. Да, и это подчеркивает необходимость на следующих этапах ядерного разоружения подтянуть к этому процессу все страны, обладающие ядерным оружием или имеющие соответствующий потенциал. А если ядерного оружия не будет ни у кого, то тогда не нужна будет и СОИ.

Хочу сказать, что приветствую мысль, высказанную госсекретарем Шульцем Эдуарду Шеварднадзе: надо строить наши отношения не только на основе сегодняшних реальностей, хотя на этой основе нам уже удалось сделать немало, но и смотреть в будущее, к 2000 году и дальше. И когда я смотрю в это будущее, то я прихожу к выводу, что Советский Союз и США, можно сказать, обречены на сосуществование, на сотрудничество. В мире сейчас много новых факторов, новых центров сил. Это необходимо учитывать в политике. Мы будем постоянно убеждаться в том, что жизнь требует: нам надо сотрудничать. А для этого очень важно сохранять доброжелательную атмосферу, наполнять наши отношения конкретным содержанием. Это нам очень понадобится.

Рейган. Согласен с Вами, господин Генеральный секретарь. Как я говорил, мы — это именно те, кто может обеспечить мир во всем мире, ликвидировать угрозу войны.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Рональдом Рейганом
31 мая 1988 года
(беседа проходила один на один)*

Горбачев. Еще раз приветствую Вас в Кремлевских стенах. Я приготовил небольшой приятный сюрприз. Эта пачка бумаг, которую Вы видите у меня в руках, — лишь малая толика тех многочисленных писем, которые поступают в эти дни в Кремль на Ваше и мое имена. Вчера я говорил о них госпоже Рейган, и она попросила меня ознакомить Вас по крайней мере с некоторыми из них. Никаких купюр мы, естественно, не делали, и я передаю Вам их, так сказать, в первозданном виде. <...> География их весьма пестрая: Тольятти и Гродно, Киев и Иваново. Люди пишут о разном, о том, что их больше всего волнует. Пишут взволнованно, с надеждой. Не буду делать каких-то выводов — Вы сами, надеюсь, все прочтете. <...>

Как я уже говорил Вам, эти письма лишь малая часть той обширной почты, которая продолжает поступать в адрес нашей с Вами встречи в Москве. Я попросил своих помощников собрать все обращения на Ваше имя и передать в Белый дом через наше посольство в Вашингтоне. Уверен, они помогут Вам лучше понять наших людей, саму душу советского народа.

Рейган. Поверьте, я весьма тронут тем, о чем Вы мне рассказали. Я не только постараюсь ответить на эти письма, но и обязательно пошлю свою фотографию.

Горбачев. Вот и прекрасно. Это будет искренний, человеческий жест. <...> Большинство стран Запада, кстати, уже определилось в пользу развития экономических связей с Советским Союзом. Так какой же логикой руководствуются Соединенные Штаты? Я подозреваю, что вы находитесь под властью

старых стереотипов, которые не дают американскому руководству ни шагу ступить. Выглядят они примерно так: зачем помогать Советскому Союзу развивать экономику и становиться более сильным? Лучше иметь дело со слабой страной.

Рейган. Ну что Вы, мы так вовсе не считаем. <...>

Горбачев. Вы, видимо, не совсем представляете себе масштабы дискриминации, которой подвергаются товары Советского Союза, высоту протекционистских барьеров, которыми в США отгородились от нашей страны. А ведь пошлины на советские товары на американском рынке колеблются от 20 до 220 процентов.

Одним словом, как говорят, мертвые держат живых. Джексона давно уже нет на свете, а поправка Джексона-Вэника завалила пути к развитию торговли. Получается настоящий режим наибольшего неблагоприятствования.

Рейган. Я знаю, что упомянутая Вами поправка ограничивает развитие советско-американской торговли. Но к сожалению, это связано с вопросами прав человека, которые мы с вами подробно обсуждали.

Горбачев. А Вы попытайтесь на минуту представить, что получится, если и мы будем действовать по вашему примеру. Предъявим Соединенным Штатам разного рода требования в отношении соблюдения прав человека — а тут у вас далеко не всё обстоит благополучно — и обусловим дальнейшее развитие отношений, в том числе в области безопасности, выполнением наших требований. <...>

Давайте лучше не увековечивать это наследие «холодной войны», а бороться с ним, чтобы окончательно изгнать из советско-американского диалога. <...> Объектов для критики хватает и у вас, и у нас, и критиковать друг друга мы, судя по всему, будем всегда. Но разве это преграда для взаимодействия? Ничуть нет, скорее напротив.

Рейган. Полностью с Вами согласен. <...>

Горбачев. Если мы с вами добились принципиального понимания, что необходимо продвигать двустороннее сотрудничество, то давайте совместно убирать завалы прошлого. Скажу прямо, там накопилось изрядное ко-

С Рональдом Рейганом на Красной площади.
31 мая 1988 года

личество разного хлама. Здесь же выскажу одну мысль, которая, кажется мне важной. Бóльшая зависимость друг от друга обеспечивает и бóльшую предсказуемость в политике каждого из партнеров. Сейчас наши экономики практически не соприкасаются, развиваются абсолютно независимо. Вроде бы напрашивается вывод, что мы друг без друга и дальше обойдемся. Но это неверная, порочная посылка. Я убежден, что, как говорится, сам бог велел нам сотрудничать, развивать разнообразные связи.

Рейган. Разве у нас тут такая мрачная картина? Мне говорили, что совсем недавно вас посетили и вели здесь деловые переговоры около 500 наших бизнесменов.

Горбачев. Так-то оно так, но этим бизнесменам трудно действовать в настоящей клетке из разного рода оговорок и протекционистских актов, принятых Конгрессом. <...>

Рейган. <...> К сожалению, на пути развития взаимовыгодных связей стоит один большой ограничитель, и здесь многое будет зависеть от успеха или неудачи нашего диалога по вопросам разоружения и другим проблемам советско-американских отношений. Скажу откровенно, мы не можем предоставить в ваше распоряжение современную технику, которая может иметь военное применение. Уверен, что и вы сталкиваетесь с той же проблемой. Так где же выход? По-моему убеждению в том, чтобы продолжать начатую нами в Женеве работу по устранению недоверия, которое, в свою очередь, материализуется в грозные вооружения, представляющие смертельную опасность для всего человечества.

Горбачев. Я приветствую это Ваше заявление. Мы намерены, не снижая темпа, продолжать движение к большему доверию, к стабильному улучшению отношений.

В этой связи крайне важно, чтобы мы с вами успели сделать максимум возможного в остающиеся месяцы Вашего президентства и к тому же обеспечить конструктивную преемственность, последовательность избранного принципиального курса при Ваших преемниках. Только тогда будет продолжаться развиваться и обогащаться, создавать новый климат доверия та здоровая, крепкая основа, которую мы с Вами, господин Президент, сумели заложить на этих четырех встречах.

Не скрою, я принял к сведению то, что Вы сказали журналистам в этой комнате за несколько минут до начала нашей беседы. Напомню, что я утвердительно ответил на их вопрос, можно ли еще подготовить договор по стратегическим наступательным вооружениям до конца Вашего президентства, а Вы, господин Президент, поддержали меня. Это — хороший знак, правильный настрой на работу.

Рейган. Обещаю сделать все, что в моих силах для сохранения конструктивного духа нашего диалога. Не смейтесь, но иногда я молюсь, чтобы моим преемником был Буш, поскольку знаю, что он разделяет мои основные убеждения, стремление к более конструктивным отношениям с вашей страной.

Горбачев. Главное — сохранить избранный курс, ориентироваться на коренные национальные интересы. Позвольте на этой обнадеживающей ноте

завершить нашу очередную беседу. Думаю, у нас с вами есть основания для удовлетворения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Рональдом Рейганом
1 июня 1988 года*

Горбачев. <...> Теперь кратко по вопросу о региональных конфликтах. Я хотел бы подчеркнуть, что в принципиальном плане здесь имеются серьезные изменения, и это было подтверждено государственным секретарем и министром Шеварднадзе. Наметились сдвиги в пользу политических решений. Мы готовы сотрудничать, причем конструктивно в этом направлении. Примеры этого уже есть.

Хочу заверить Вас, что мы не будем действовать без учета интересов Соединенных Штатов, принимая во внимание лишь интересы наших союзников или тех, к кому испытываем политические симпатии. Я думаю, что мы могли бы добиться здесь реалистического баланса без ущерба интересам друг друга. В данном вопросе «рука Москвы» будет действовать конструктивно. У нас уже есть первое достижение на этом пути — в вопросе об урегулировании афганского конфликта. Это исключительно сложный вопрос, и я не хотел бы углубляться сейчас в причины, которые привели к его появлению. Все это уже за нами. Сейчас же есть соглашение, и я придаю огромное значение тому, как мы будем действовать в деле развязывания афганского узла.

Я считаю, что мы здесь как бы проверяем друг друга, действительно ли мы можем эффективно и конструктивно взаимодействовать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Р. Рейганом и Дж. Бушем
Нью-Йорк, 7 декабря 1988 года**

Рейган. <...> Готовясь покинуть свой пост, я с гордостью вспоминаю о том, чего мы с вами вместе добились. Полагаю, что в значительной степени наш успех проистекает из того, что с самого начала мы решили говорить друг другу прямо все, что думаем. Впереди еще много проблем, требующих своего решения. Но именно с Вами мы заложили для этого хорошую основу. Уверен, что мы обязаны сотрудничать и впредь.

Буш. <...> Я также преисполнен решимости сотрудничать с Вами в решении многих остающихся проблем. Полагаю, что ныне этот курс на сотрудничество уже нельзя повернуть вспять. Во всяком случае, я лично хочу на основе достигнутого строить дальше наши взаимоотношения.

* Встреча проходила на Губернаторском острове (река Гудзон) после выступления Горбачева в ООН.

Горбачев. Я воспринимаю ваши слова как высокую оценку того, что нам вместе удалось сделать за прошедшие годы. Думаю, что у советско-американских отношений перспективы хорошие. Мы знаем, какую роль играют Соединенные Штаты в мире. Наш народ испытывает уважение к американскому народу. У нас есть опыт общения, сотрудничества с США. Все это открывает перед нами хорошие перспективы, и мы будем готовы сотрудничать и с президентом Бушем, опираясь на то, что уже достигнуто с президентом Рейганом. <...>

Рейган. Мы внимательно следим за процессами, которые происходят в Советском Союзе. И я хочу сказать, что все мы на Вашей стороне, и желаем Вам всяческих успехов в осуществлении проводимых Вами реформ.

Горбачев. Да, работы сейчас много. Но знаете, интересно стало жить. Много происходит изменений во всех областях. И конечно, страна уже не будет такой, какой была. <...>

Мы хотим продолжать вести дела с США на основе преемственности, но без суеты. А дел у нас много. Пусть господин Буш обдумает это. У него есть еще время — чуть меньше двух месяцев.

Буш. Я сейчас как раз подбираю новую правительственную команду. Однако это не означает, что я в чем-то недоволен теми, кто работает в нынешней администрации. <...>

Могу заверить Вас, что топтаться на месте мы не намерены. Надо продолжать наше сотрудничество, двигаясь только вперед и никак не назад.

Горбачев. С нашей стороны такая ваша линия встретит полное понимание и желание сотрудничать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Продолжение беседы на Губернаторском острове
в широком составе
7 декабря 1988 года*

С советской стороны присутствовали: Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, А.С. Черняев, А.Ф. Добрынин, А.А. Бессмертных, Ю.В. Дубинин; с американской — Джордж Шульц, Колин Пауэлл, Кеннет Дуберстайн¹⁴, Розанн Риджуэй, Джек Мэтлок.

Рейган. Предлагаю продолжить обсуждение. Мы только что втроем рассмотрели некоторые вопросы, проанализировали изменения, происшедшие в советско-американских отношениях. Скажу сразу, что мы одобрили достигнутые результаты.

Начало поворота к лучшему было положено в Женеве в 1985 году. Эта и последующие встречи послужили выправлению наших отношений, общему улучшению международной обстановки. Сейчас на базе достигнутого, думаю, у нас есть все основания ожидать дальнейшего прогресса, новых успехов.

Добавлю, что мы с вице-президентом высоко оцениваем сдвиги, которые принесла Советскому Союзу перестройка, искренне поддерживаем политику господина Горбачева.

Горбачев. Благодарю Вас за добрые пожелания и высокую оценку нашей новой политики. Хочу подчеркнуть, что советские люди помнят визит Президента в Москву, давший новый импульс развитию советско-американского диалога.

Рейган. Сегодня мы еще не упоминали региональные проблемы. Советский Союз, по моему убеждению, играет и здесь важную роль. Особенно хотел бы выделить важный и конструктивный вклад вашей страны в результативный ход переговоров, нацеленных на обеспечение независимости Намибии и вывод иностранных войск из Анголы. Надеюсь, что наше взаимодействие принесет столь же весомые плоды и в других районах конфликтов.

Горбачев. <...> США, наконец, пришли к выводу, что ближневосточную проблему нельзя решать без участия Советского Союза. Теперь дело пойдет на лад и мы с американцами сможем внести конкретный вклад в разблокирование этого застарелого конфликта.

В целом же я целиком согласен с тем, что мы должны взаимодействовать по широкому спектру проблем, включая, разумеется, и региональный. В этой связи хотел бы дать один совет. Не подозревайте нас в каких-то происках в отношении США. Я говорю это, обращаясь сразу к двум президентам — нынешнему и будущему. Скажем, если мы выдвигаем какие-то предложения об укреплении безопасности и развитии сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то отнюдь не для ущемления американских интересов. То же касается и нашей политики в Европе. Она вовсе не направлена на ослабление американских позиций или на то, чтобы «вбить клин» между Вашингтоном и его союзниками. Я мог бы продолжить такие примеры.

Уверен, что если бы мы усматривали в подходах друг друга одни только козни, то ни на сантиметр бы не продвинулись в деле развития советско-американского взаимодействия за эти три года.

Возможно, вы сейчас сидите и думаете про себя: что он изображает себя святым? Ведь между нами существует реальное противоречие. Но я совсем не стараюсь увести вас в мир иллюзий. Напротив, призываю опираться на реальности. А реальности таковы, что мы и вы существуем, проводим политику, преследуем свои отнюдь не во всем схожие интересы. Дело не в том, что мы разные, а в том, какой практический вывод из этого можно сделать.

Я лично предлагаю продолжать идти тем путем, который мы совместно выбрали — путем учета интересов друг друга. Прямо скажу: нам невыгодно, чтобы безопасность Америки была подорвана или чтобы под угрозой оказались сложившиеся мирохозяйственные связи. Такая нестабильность отрицательно сказалась бы и на советских интересах.

А вообще-то, давно пора перешагнуть представления, стереотипы 40–50-х годов, освободить от их бремени практическую политику. Мы уже попробовали так делать и добились неплохих результатов. Так давайте же продолжим хороший курс. Думаю, что преемственность — это главное слово за сегодняшним столом.

Мы не строим воздушных замков, не навеваем иллюзий. Стремление продолжить политику взаимодействия, конструктивно работать по всем вопросам — это производное реальной обстановки.

Рейган. <...> Я полностью согласен с тем, что, взаимодействуя, СССР и США, могут добиться многого, в частности, вскоре предстоит Парижская конференция о неприменении химоружия. Действуя рука об руку, наши две страны могли бы очистить буквально весь мир от этого варварского оружия.

Горбачев. Вспоминаю, что именно США периодически «охладевали» к этой насущной проблеме. Если вы сейчас готовы включить третью скорость, то с нашей стороны встретите самых энергичных партнеров. Помимо всего прочего, сотрудничество в этом деле — огромный символ. <...>

Шульц. Вы, видимо, помните, что вице-президент лично внес проект соглашения о запрещении химоружия в Женеве в 1984 году. Его позиция по этому вопросу ясна и энергична.

Горбачев. Мы это отметили. Вместе с тем мне показалось, что вице-президент с несколько меньшим энтузиазмом подходит к вопросу о 50-процентном сокращении стратегических вооружений.

Буш. Вы только наполовину правы. Я поддерживаю глубокие сокращения стратегических арсеналов, но считаю, что этот вопрос надо рассматривать в комплексе с другими проблемами безопасности.

Горбачев. Ну что ж, можно согласиться с тем, что проблемы безопасности требуют комплексных решений. Мы за то, чтобы одновременно двигаться и в области ядерного, и в области обычного разоружения. <...>

Шеварднадзе. В выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС сегодня прямо подчеркивалось: 1989 год должен стать решающим с точки зрения завершения работы над Конвенцией по запрещению химического оружия.

Горбачев. Да, это абсолютно реально. И мы довольны, что Вы, господин Президент, столь активно подняли сейчас этот важный вопрос. Пора приступить к совместным действиям.

Рейган. Это говорится для тебя, Джордж. *(Оживление.)*

Буш. Я полностью согласен с такой энергичной постановкой дела. Ведь химическое оружие можно очень легко создавать, но крайне сложно контролировать его распространение. У нас даже с союзниками существуют значительные разногласия по проблеме такого контроля.

Горбачев. Трудности есть, но это не причина для пессимизма. Напротив, они стимулируют еще более энергичные усилия. Это же касается и проблемы 50-процентного сокращения стратегических вооружений: мы все стараемся убедить вас не задвигать на второй план, а решать трудные вопросы соблюдения Договора по ПРО и ограничения крылатых ракет морского базирования. К сожалению, тут явно чувствуется тормозящее влияние представителей Военно-морских сил США, в которых служили и Шульц, и Буш, и Пауэлл. *(Смех, оживление.)*

Рейган. И все же в сотрудничестве — ключ к успеху. Наши две страны — самые влиятельные, и если они объединятся, то неразрешимых вопросов просто не будет.

Горбачев. Очень глубокая мысль. Если мы договоримся — в данном случае по химическому оружию, — то создадим сильный механизм давления и контроля. Надеюсь, следующий президент разделяет это желание.

Буш. Поверьте, я к этому готов.

Рейган. Нас очень интересуют те глубокие реформы, которые Вы проводите в Советском Союзе. Я уже говорил, что в этом вопросе мы с Джорджем целиком на Вашей стороне. Не могли бы Вы поподробнее рассказать, как продвигается перестройка?

Горбачев. Ну что ж, Ваш интерес мне понятен. <...> Мне рассказывали о тех советах, которые дают будущему президенту как справа, так и слева. В частности, ваши «ястребы» рассуждают примерно так. Сейчас Советский Союз поглощен реформами, неустойчив экономически, его преследуют национальные распри. Значит сейчас самый удобный момент навязать Советам свою волю, а еще лучше — развалить это «проклятое государство».

Рейган. Хочу, чтобы вы правильно нас поняли. Мы за перестройку. Если и есть какие-то деятели, которые желают вашим реформам провала, то их лишь горстка, и они не выражают мнения большинства. По данным последнего общенационального опроса, более 80 процентов поддерживают позитивные перемены, происшедшие в наших отношениях.

Горбачев. Но все-таки есть у вас и такие политики, которые дошли до того, что утверждают, будто перестройка — это «большой обман», попытка ввести в заблуждение нынешнего и особенно следующего президента США.

Буш. Но это просто ерунда. Заверяю Вас, что никто из серьезных деятелей — будь то демократы или республиканцы, либералы или консерваторы — не верят в эту чепуху. У таких экстремистских группировок нет реальной политической базы в США.

Горбачев. Ну что же, в таких больших странах, как наши, встречаются представители самых своеобразных и разнообразных группировок. Однако что касается перестройки, то ее поддерживает подавляющее большинство советских людей. Отчего же тогда трудности? Когда мы провозгласили, что перестройка — это революция, то возражений не услышали. Но вот революция началась и пришлось многое ломать, менять психологию каждого человека — от члена Политбюро до рабочего у своего станка. Тогда-то и послышались первые голоса недовольных. <...>

Рейган. Мы это видим и ценим, считаем ваш поворот к демократизации общества одной из самых обнадеживающих тенденций современного развития.

Горбачев. Но этим, к сожалению, пытаются воспользоваться демагоги и экстремисты. Поэтому мы готовы защищать перестройку и если потребуется, то очень решительно. Имейте в виду: мы не идеалисты, а реалисты от перестройки. Я это говорю и для будущего американского президента, чтобы дать ему пищу для размышлений. И тут у меня есть встречный вопрос: когда американское руководство снимет тормоза с процесса нормального развития естественных и взаимовыгодных экономических связей?

Буш. Чувствую, что здесь от нас требуется пояснение. Я уверен, что у нас в стране нет серьезных деятелей, которые умышленно желали бы перестройке неудачи и радовались бы хаосу в Советском Союзе. Дело в другом. Целый ряд наших экспертов и особенно бизнесменов никак не могут ответить на

вопрос: каковы шансы вашей перестройки на успех. А они люди деловые, и им нужна уверенность, чтобы вкладывать средства и силы в развитие экономического сотрудничества с вашей страной.

Горбачев. Думаю, что даже Иисус Христос не смог бы сейчас дать окончательный ответ на Ваш вопрос. Единственное, что я могу твердо гарантировать, это то, что Советский Союз бесповоротно встал на путь глубоких перемен — экономических, политических и иных. В таком трудном деле могут случаться и временные откаты — ведь это многогранный процесс, порой сопряженный с борьбой, но процесс необратимый.

Рейган. Хочу, чтобы Вы мне поверили. Мы действительно Вас поддерживаем в этом трудном начинании. Предлагаю в этой связи прощальный тост: за Ваши достижения, за то, чего мы с Вами вместе добились. И наконец, за то, чего Вы еще добьетесь в сотрудничестве с будущим президентом США.

Горбачев. Я благодарю Вас и полностью присоединяюсь к Вашему пожеланию. Хочу, кроме того, поблагодарить Вас, господин Президент, господина Джорджа Буша и других ваших коллег за то, что вы так конструктивно откликнулись на идею организации этой беседы — неординарной, незаформализованной, но, как мне представляется, весьма полезной. Она еще раз подтвердила, что советско-американские отношения приобрели новую атмосферу и ритм — отныне мы больше не будем терять время на прощупывание друг друга, а, убежден, посвятим всю свою энергию конкретным делам. Еще раз благодарю вас за гостеприимство.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

После окончания встречи состоялся краткий разговор один на один с Джорджем Бушем.

Буш. Хочу особо подчеркнуть для Вас, господин Генеральный секретарь, что, подбирая свою команду, я не назначил и не назначу ни одного человека, который враждебно относился бы к тому, чего мы достигли на нашем курсе развития советско-американских отношений. Все мои ближайшие сотрудники по вопросам, касающимся внешней политики и национальной безопасности, будут привержены продолжению и развитию этого курса. Этому я лично придаю большое значение при подборе людей. Можете на это рассчитывать.

Горбачев. Мы ценим это, господин вице-президент. Очень хорошо, что у нас уже есть линия, политика, которую мы вместе будем развивать. Я почувствовал по сегодняшней беседе, что наш диалог, наше взаимодействие имеют хорошие перспективы. Будем работать. Если понадобится, то Вы всегда можете передать мне свои соображения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
утром 8 декабря 1988 года (перед отъездом)*

Буш. Господин Генеральный секретарь, прежде всего, хочу выразить Вам мои наилучшие пожелания.

В связи с тяжелым землетрясением в вашей стране¹⁵ примите выражения искреннего сочувствия, передайте их вашему народу и семьям пострадавших. <...>

Я с удовольствием вспоминаю нашу вчерашнюю встречу. Мы намерены конструктивно работать с Вами в будущем. Я приложу к этому все усилия. Нам понадобится некоторое время. Но мои люди понимают и принимают сделанное Вами, они желают Вам всего наилучшего.

Горбачев. Спасибо, господин вице-президент. Я тоже доволен нашим вчерашним контактом. Считаю состоявшийся обмен мнениями важным, придаю ему большое значение.

Буш. Может быть, вчера мои высказывания показались Вам чуть-чуть отвлеченными. Но ведь мы только начинаем. Может быть, Вам казалось, что меня что-то придерживает. Но такова уж наша система, это неизбежно, рядом был Президент. Во всяком случае, хочу заверить Вас, что мои ключевые сотрудники готовы к самому серьезному и подробному разговору с вами — более обстоятельному, чем мне удалось вчера.

Горбачев. Господин Буш, у нас нет проблемы с пониманием Вашей нынешней ситуации. Я хорошо помню наши беседы в прошлом году. Сказанное тогда и то, о чем мы говорили вчера, — это основа для начала большой совместной работы.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Генри Киссинджером
Москва, 17 января 1989 года**

Киссинджер. Прежде всего, передаю Вам письмо от Джорджа Буша. С его содержанием я предварительно ознакомил господина Добрынина. <...> У меня было три продолжительных разговора с Джорджем Бушем. В наших беседах участвовали также Джеймс Бейкер, Brent Скоукрофт¹⁶, руководитель аппарата Белого дома Сунуну. Думаю, что я понимаю их подходы, хотя, разумеется, они еще не отработаны во всех деталях.

В практическом плане, как я понимаю, Вы дали понять Джорджу Бушу в беседе на Губернаторском острове, что приветствовали бы установление канала для доверительного обмена мнениями. Он исходит из того, что с Вашей стороны на контакт будет выходить Анатолий Добрынин.

Горбачев. Да, именно так.

* Генри Киссинджер прибыл в Москву в составе делегации Трехсторонней комиссии — неправительственной организации, объединяющей бывших глав правительств и крупных государственных деятелей.

Киссинджер. Президент Буш весьма заинтересован в таком методе общения. Конкретный механизм у нас еще не отработан, но ясно, что важной фигурой в таком диалоге со стороны президента будет Скоукрофт.

Мы готовы начать в удобное для вас время. <...> Этот доверительный канал будет использоваться без ущерба для диалога по другим существующим каналам. Он даст возможность приоткрыть для Вас ход наших внутренних рассуждений по тем или иным вопросам, с тем чтобы, когда мы вносим какое-то предложение, Вам ясно было, какие мысли и задачи стоят за ним. <...>

На наш взгляд, цель должна заключаться в том, чтобы политика наших двух стран основывалась на уважении интересов безопасности друг друга и вместе с тем признании того, что они не могут быть абсолютными, чтобы — там, где это возможно, — мы не мешали друг другу.

Горбачев. Я бы добавил — мы должны уважать не только безопасность, но и вообще интересы друг друга.

Киссинджер. Согласен с Вами.

Горбачев. Все это нам с вами надо сейчас обдумать и обмениваться мнениями, но, конечно, по доверительным каналам, потому что если это выплеснется и станет предметом спекуляций, то может вызвать шок у многих в мире, в частности у ваших и наших союзников.

Киссинджер. Совершенно верно.

Горбачев. Я пока не буду высказываться очень конкретно — для этого еще нет оснований. Но в целом ясно, что нам необходимо двигаться к новому пониманию нашей роли в мире, того, как нам жить и взаимодействовать в нем. Необходимо начать обмен мнениями, оценками, прогнозами по этому вопросу. <...>

Киссинджер. Из многочисленных разговоров с вновь избранным президентом я знаю, что он разделяет это мнение, стремится к этому.

Проблема состоит в том, что слишком много времени и внимания у нас обычно уходит на обсуждение технических вопросов ограничения вооружений. А их лучше пусть решают эксперты, за исключением случаев, когда дело заходит в тупик. Буш хотел бы направить свою энергию на обсуждение широких, принципиальных вопросов, а не мелких деталей контроля, подсчета ракет и боеголовок и т.п., которые — во всяком случае, в нашей системе — отнимают массу энергии.

Приведу пример. Одна из причин, из-за которой нам приходится повременить с возобновлением переговоров по СНВ, это возникшая для нас, а не для вас проблема мобильных МБР. Мы еще не решили, будут ли у нас такие ракеты и какие. А стало быть, нам трудно вносить какие-то предложения о том, как подсчитывать и где размещать такие ракеты. Эту нашу проблему президенту надо будет решать в ближайшие месяц-полтора.

Далее. Откровенно говоря, он хотел бы свежим взглядом посмотреть на СОИ. Отменять эту программу он не собирается, но настроен по ее поводу гораздо менее экзальтированно, чем его предшественник. <...>

Если же говорить о подозрениях, то одно из них состоит в том, что нынешняя политика СССР может привести к подрыву отношений между США и Европой. Если это и не входит в ваши намерения, то все равно таков воз-

возможный результат. А подрыв отношений США с Западной Европой и СССР и с Восточной Европой может привести лишь к переносу центра тяжести международных конфликтов из «третьего мира» в Европу.

Мы не заинтересованы наносить ущерб интересам безопасности СССР в Восточной Европе, но не хотим, чтобы подвергались угрозе наши связи с Западной Европой. А такое опасение существует.

Горбачев. Думаю, что для такого опасения нет оснований.

Мы надеемся, что вы будете действовать с учетом реальностей, не будете создавать проблем в дополнение к тем, которые создаются самим ходом вещей. Меняемся мы, меняетесь вы и Европа, но если, исходя из преходящих оценок, пытаться влезать в эти процессы, то можно допустить серьезный промах, серьезный просчет.

Я согласен с общим духом сказанного Вами: надо стремиться понимать интересы и позиции друг друга. <...>

В целом по поводу переданных Вами тезисов и по итогам нашей беседы можно сказать следующее.

Мы готовы начать обмен мнениями, учитывая необходимость обдумать перспективы, характер и механизмы нашего взаимодействия в интересах укрепления наших двусторонних отношений и, насколько это возможно, гармонизации нашей политики в решении международных вопросов.

Мы ждем сигнала от администрации.

Киссинджер. Вы услышите позитивные высказывания от президента в самом начале его срока.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

***Письмо Джорджа Буша, переданное Киссинджером Горбачеву
17 января 1989 года***

Уважаемый президент Горбачев!

Пользуюсь поездкой Генри Киссинджера в Москву, чтобы передать Вам краткое личное письмо.

Прежде всего, хочу сказать, что я глубоко признателен за внимание, оказанное моим сыну и внуку во время их недавнего пребывания в Армении. Оба они потрясены этой страшной трагедией, увиденной ими непосредственно на месте. Они вернулись с чувством глубокого уважения к силе и преданности людей, которые восстанавливают разрушенное этой катастрофой.

Хочу также вновь подтвердить то, что я говорил Вам в прошлом году, когда Вы приезжали в ООН. Как я разъяснил тогда, мне и моим сотрудникам, отвечающим за вопросы национальной безопасности, потребуется время, чтобы обдумать весь круг вопросов, особенно в области контроля над вооружениями, имеющих центральное значение для наших двусторонних отношений, и сформулировать нашу линию в интересах дальнейшего развития этих отношений. Наша цель – сформировать солидный и последовательный американский подход. Речь ни в коем случае не идет о попытке затормозить или обратить вспять позитивный прогресс, которым отмечены последние один-два года.

Я весьма серьезно настроен продвигать наши отношения вперед в интересах наших двух стран и мира во всем мире. Полагаю, что важно приподнять диалог, особенно между Вами и мной, над деталями предложений в области ограничения вооружений и выйти на обсуждение вопросов более широких политических отношений, к которым мы должны стремиться.

Я полон решимости сделать все возможное, чтобы построить и укрепить прочные и солидные отношения. Рассчитываю, что в процессе решения общих задач, стоящих перед нами, мы будем поддерживать личные контакты друг с другом.

С уважением

Джордж БУШ

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

***Из беседы с госсекретарем Джеймсом Бейкером
Москва, 11 мая 1989 года****

Бейкер. <...> Перед отъездом сюда я много беседовал с президентом, и он просил передать, что весьма заинтересован в моей поездке. Он просил также передать Вам, что мы хотим возобновить взаимодействие с Советским Союзом по всему спектру наших отношений. Мы стремимся к активным, конструктивным, позитивным и постоянно расширяющимся отношениям с вашей страной.

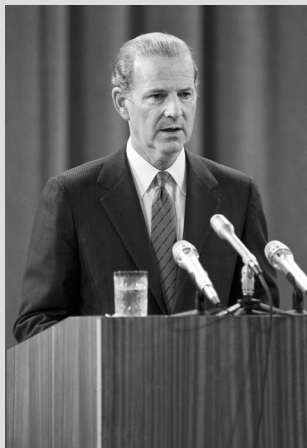
Президент просил меня выразить Вам признательность за письмо, которое Вы ему недавно направили. Он особо просил меня сказать Вам, что ценит Ваше заявление о том, что Советский Союз не поставляет вооружений в Никарагуа с 1988 года. Он просил меня задать Вам вопрос: нет ли у Вас возражений против того, чтобы передать гласности этот факт? Это можно было бы сделать после нашей с Вами встречи или каким-то иным образом.<...>

Горбачев. Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за переданное Вами письмо от президента Буша. Мы принимаем к сведению соображения, высказанные в этом послании. Прошу Вас передать президенту, что мы самым внимательным образом изучим его письмо.

Я обратил внимание на один момент в письме президента, где он говорит о возможности того, что более сильный Советский Союз мог бы более решительно проявлять свою военную мощь, а это вызывало бы у США озабоченность. Хочу сказать Вам: я убежден, что обе наши страны должны быть по большому счету заинтересованы в том, чтобы и СССР, и США чувствовали себя уверенно. А страна может чувствовать себя уверенно только тогда, когда она является сильной.<...>

Мы порой слышим из Вашингтона разные вещи. Впрочем, мы, конечно, проводим различие между тем, что говорит президент, и тем, что порой говорят другие. Разумеется, политика Вашингтона будет разрабатываться в Ва-

* Еще до вступления Дж. Буша в должность президента в Вашингтоне объявили о «паузе для стратегического анализа», особенно отношений с СССР. Впоследствии Скоукрофт и другие близкие к Бушу лица признавали, что «пауза» не привела к серьезному пересмотру курса и оказалась потерей времени. Визит Дж. Бейкера в Москву обозначил завершение «паузы».

Джеймс Бейкер (James Baker) — крупный финансист, теоретик и практик в этой сфере. В 1989–1992 годах — государственный секретарь США. Назначен на эту должность Дж. Бушем-старшим, с которым он связан давней личной дружбой. До этого в администрации Рональда Рейгана занимал посты руководителя президентского аппарата и министра финансов. Поддержал идею «паузы» для критической переоценки отношений с СССР, но затем энергично участвовал в усилиях по развитию сотрудничества с СССР. С Горбачевым у него сразу же, после первого знакомства в мае 1989 года, установились отношения откровенного, делового диалога. Все крупные проблемы США–СССР международного значения, включая объединение Герма-

нии, проходили через него, он был действительно правой рукой президента. После агрессии иракского режима Саддама Хусейна против Кувейта Бейкер был одним из главных действующих лиц в налаживании международного взаимодействия по отпору агрессору. В вышедших в 1995 году мемуарах («The Politics of Diplomacy») дает взвешенную оценку этого периода советско-американских отношений, выступает за продолжение стратегического сотрудничества с Россией. Однако признает, что США отступили от обещания, данного в первую очередь самим Бейкером, не продвигать НАТО за пределы бывшей западной границы ГДР.

шингтоне, а не в Москве. Политика Кремля тоже будет разрабатываться в Кремле, а не где-то еще. Однако это не исключает того, что и мы, и вы должны в своей политике учитывать опыт прошедших лет, стремиться строить нашу политику на почве реальности. <...>

Теперь <...> относительно предания гласности того факта, что Советский Союз не поставляет с 1988 года оружия Никарагуа. Я бы здесь несколько по-иному расставил акценты. Мы считаем, что это следует рассматривать как создание предпосылок для новых шагов в направлении политического урегулирования в Центральной Америке. Может быть, нам не удалось достаточно четко выразить в письме президенту главную мысль. А эта мысль, — и мы в этом плане поработали с Кастро, который ее воспринял, — заключается в том, что необходим мораторий на поставки оружия в Центрально-Американский регион откуда бы то ни было. Если вы сообщите об этом и, в качестве одного из элементов, о том, что Советский Союз с прошлого года не поставляет оружия Никарагуа, то тогда, я думаю, это будет свидетельство о значительном движении мысли и политики. <...>

Бейкер. Я разочарован тем, что Вы не считаете возможным найти формулировку, в рамках которой вопрос о поставках оружия не упоминался бы в контексте всей Центральной Америки. Хочу сказать, что я изложил министру Шварднадзе пять пунктов, на основе которых мы могли бы строить наши отношения с Никарагуа. Этот вопрос рассматривается в рабочей группе. Мы, как Вы знаете, прекратили военные поставки никарагуанскому сопротивлению еще в начале 1988 года. В то же время Никарагуа имеет самый большой военный потенциал в истории Центральной Америки, значительно превышающий военные возможности ее соседей. Поэтому мы никогда не сможем согласиться на то, чтобы отказаться от поддержки таких небольших соседей Никарагуа, как Сальвадор, Коста-Рика, не имеющая даже армии, или Гондурас.

Хочу еще раз подчеркнуть: мы отставили в сторону военный вариант в отношении Никарагуа и готовы нормализовать отношения с ней, если эта страна будет придерживаться договоренностей, достигнутых на встрече центральноамериканских стран в Эскипуласе¹⁷. Как известно, обе наши страны поддерживают эти договоренности.

Надеюсь, что вы внимательно изучите пять пунктов, которые я передал вашему министру иностранных дел. Встречные шаги Советского Союза и Соединенных Штатов в урегулировании этой проблемы были бы расценены как свидетельство того, что наши страны могут взаимодействовать и сотрудничать в регионах с большой пользой для наших взаимоотношений.

Горбачев. Я думаю, что в документе, суммирующем итоги Вашего визита, было бы важно отразить эту мысль. Можно было бы отметить, что вопрос о политическом урегулировании вокруг Никарагуа был в центре обсуждения региональной проблематики и что обе стороны будут сотрудничать в урегулировании этой проблемы. <...> И после моей поездки на Кубу я особенно почувствовал, что есть реальная возможность такого урегулирования, реальная возможность позитивного итога. Нельзя ее упускать.

Бейкер. Со своей стороны хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, предложения, которые я изложил, никоим образом не заставляли бы вас бросить ваших друзей в Никарагуа. Со стороны США предлагается четкое обязательство о непоставке оружия сопротивлению, готовность нормализовать отношения с Никарагуа, если ее правительство будет осуществлять эскипуласские договоренности, которые оно подписало. Мы могли бы продемонстрировать, что наше взаимодействие по сложным региональным вопросам может быть продуктивным.

Горбачев. Думаю, что очень важно продемонстрировать это не только в отношении Никарагуа, но и в плане того, что советско-американское сотрудничество по региональным проблемам продолжается. Сравнительно недавно эта область нашего взаимодействия считалась тупиковой, а сейчас мы видим по всем направлениям сдвиги и результаты. <...>

Беседа была продолжена с участием других официальных лиц.

Горбачев. Господин государственный секретарь, хочу еще раз приветствовать Вас и Ваших коллег. Думаю, что бы там ни говорилось в прессе,

Ваш визит проходит как раз вовремя. Мы убеждены в необходимости продолжения диалога, поднятия его на более высокий уровень. Я уверен, что диалог между нами возможен, что возможно реальное сотрудничество по всем вопросам. <...>

Думаю, что первая из тех реальностей, которые изучала американская администрация в процессе выработки своей политики в отношении СССР, это наша перестройка. Я вижу, что в американском анализе тех процессов, которые идут у нас в области перестройки, присутствуют те же крайности, которые мы порой видим и у нас. Это даже обнадеживает, ибо свидетельствует, что посол Мэтлок дает вам самую широкую информацию по всему спектру проблем и позиций. <...>

Проведенные нами выборы, которые прошли в обстановке беспрецедентной открытости, стали важным уроком и стимулом для всех нас. Теперь задача — сформировать такой Верховный Совет, такое правительство, которые смогут взять на себя ответственность за дальнейшее продвижение перестройки. А это означает, что нам надо вовлекать новые силы, новых людей.

Конечно, у нас были и ошибки. Мы их видим. Да и вряд ли можно было надеяться, что такой радикальный поворот в столь сложном обществе, как наше, можно было бы осуществить идеально, без ошибок и промахов. <...>

Мэтлок. Я сообщаю очень оптимистически.

Горбачев. Оптимистически — это смотря в каком смысле.

Мэтлок. В том смысле, что трудности, конечно, есть, но мы считаем, что вы сможете их преодолеть.

Горбачев. То, что я говорю, это не метафора. Такие сомнения действительно высказываются. Вы можете видеть по материалам нашего последнего Пленума¹⁸, что некоторым кажется, что мы движемся слишком быстро и надо остановиться.

Бейкер. Но там были и другие мнения.

Горбачев. Некоторые хотят скачка вперед, другие считают, что не надо спешить. <...>

Бейкер. Мы рассматриваем происходящие в Советском Союзе перемены как действительно коренные, революционные изменения. Мы очень хотим, чтобы все задуманное у вас получилось. Когда мы беседовали в Вене, я сказал министру Шеварднадзе, что в администрации нет человека, который хотел бы, чтобы вас постигла неудача. Есть, правда, в США небольшое число людей, которые считают, что если перестройка провалится, то Советский Союз станет слабее, и США от этого выиграют. Но в администрации никто не согласен с этой точкой зрения. У нас иное мнение: успех перестройки сделал бы Советский Союз более сильной, более стабильной, более открытой, более безопасной страной. Хотя среди нас есть некоторые различия во взглядах относительно ваших шансов на успех. Но повторяю, все желают вам только одного — успеха. <...>

Мы хотим, чтобы наши отношения были активными, конструктивными, позитивными, постоянно расширяющимися. Вчера мы говорили о том, как важно отойти от конфронтационности и перейти к сотрудничеству, особенно по региональным вопросам. Вот почему мы хотели бы в ходе нашего

Джек Мэтлок (Jack Matlock) — в 1987–1991 годах посол США в СССР. До этого назначения занимал ряд важных постов в американской внешнеполитической службе. С 1983 года курировал в аппарате Совета национальной безопасности переговоры по сокращению вооружений. Одним из первых в США оценил важность перестройки в СССР и нового мышления в его внешней политике, выступал за конструктивный ответ на советские инициативы. Рассекреченные в последние годы материалы свидетельствуют о критическом отношении Мэтлока к некоторым шагам американской администрации, притормаживавшим развитие советско-американских отношений. Автор мемуаров и аналитических статей по истории и развитию двусторонних отношений, а также книги «Рейган и Горбачев» с характерным подзаголовком: «Как окончилась холодная война — и все выиграли».

Спокойный, доброжелательный человек, масштабный дипломат, во всем руководствовавшийся здравым смыслом. Его заслуги в преодолении конфронтации между США и СССР несомненны.

взаимодействия усилить внимание к региональным вопросам. Это наше предложение отнюдь не означает попытки приуменьшить значение вопросов контроля над вооружениями. <...>

Вчера я говорил министру, что, может быть, вы могли бы и не откладывать реформу цен на более позднее время, если бы нам с вами удалось быстро добиться договоренностей по сокращению СНВ и обычных вооружений. Тогда вы могли бы те средства, которые расходуются сейчас на военные цели, направить на компенсации тем людям, которые особенно пострадают от реформы цен. Хочу добавить, что скорейшее достижение договоренности по сокращению вооружений помогло бы и Соединенным Штатам решать проблему бюджетного дефицита.

Как политик, занимавшийся три с половиной года экономическими вопросами, я пришел к такому выводу: столь трудные экономические решения, как реформа цен, лучше принимать раньше, чем позже. Лучше принимать их тогда, когда люди склонны обвинять в трудностях прежние администрации, ибо позднее они будут обвинять в них уже нынешнюю администрацию. Впрочем, в одном я убедился за эти три с половиной года своей работы министром финансов, занимаясь вопросами Международного валютного фонда и т.д.: политическому руководству каждой конкретной страны виднее, на что

оно может пойти, а на что не может. Ясно, что вам определять, в каком темпе двигаться вперед. <...>

Горбачев. Теперь поговорим о переговорах по ядерным и космическим вооружениям. Когда будем возобновлять их?

Бейкер. Мы предложили три даты — 12, 19 или 26 июня. Договорились, что переговоры возобновятся во второй декаде июня.

Горбачев. Что ж, хорошо. Это более или менее совпадает с нашими намерениями. Впрочем, мы были готовы возобновить переговоры в мае. <...>

Думаю, будущим поколениям советских и американских аналитиков предстоит разобраться, как мы втянулись в этот конфронтационный процесс и пришли в конце концов к краю пропасти. Хорошо, что сейчас мы начали отходить от нее, но нельзя не видеть, как много вреда принесла конфронтация не только нашим странам, но и всему миру. <...>

Мы и наши союзники предложили провести переговоры по тактическому ядерному оружию. Мы исходим из того, что на этих переговорах рассматривался бы и ядерный компонент средств двойного назначения. Вы утверждаете, что у Советского Союза имеется преимущество по обычным вооружениям. Но ведь ликвидация асимметрии в области обычных вооружений является сутью первого этапа сокращений, обсуждаемых в Вене. Почему же не пойти по тому же пути и в области тактического ядерного оружия?

В этом году Советский Союз в одностороннем порядке выведет из Восточной Европы 500 ядерных боеприпасов тактического ядерного оружия. Если бы вы были готовы, то мы могли бы рассмотреть и более радикальные шаги. Мы готовы в течение 1989–1991 годов вывести с территории своих союзников по ОВД все свои ядерные боеприпасы, разумеется, при условии аналогичного ответного шага со стороны США.

Может быть, американский народ не очень чувствителен к проблеме тактического ядерного оружия. Но в Европе это вопрос очень острый. Мы готовы обменяться с Вами мнениями по этим вопросам — как по нашим предложениям относительно обычных вооружений, так и по тактическому ядерному оружию. Мы готовы к консультациям относительно возможных шагов в этой области. Я хотел заранее проинформировать Вас о наших предложениях, потому что мы хотим заниматься с вами реальной политикой. <...>

Бейкер. Несколько уточняющих вопросов. Вы говорите о выводе из Восточной Европы 500 боеприпасов ядерного оружия малой дальности. Они будут лишь выведены из Восточной Европы или уничтожены?

Горбачев. Я думаю, важно, что они будут убраны из Восточной Европы. В то же время мы готовы обсудить, что с ними делать, и прийти к договоренности на этот счет.

Бейкер. Аналогичный вопрос относительно сокращения войск. Будут ли эти войска демобилизоваться, или они лишь выводятся из Европы?

Горбачев. Мы будем идти по пути дальнейшего сокращения нашей армии. Сначала мы осуществим те решения, которые мы уже приняли. Затем, если этот процесс будет набирать силу, будут осуществлены и те предложения, о которых я сообщил Вам сегодня, и тогда встанет вопрос о численности наших Вооруженных Сил. Хочу сообщить Вам, что на предстоящем Съезде

народных депутатов мы дадим серьезные аргументы, свидетельствующие о том, что наша оборонительная доктрина твердо осуществляется. В частности, Съезду народных депутатов будут представлены и цифры, характеризующие наши военные расходы. Мы обещали это сделать и сделаем.

Бейкер. Очень хорошо. Мы как раз говорили об этом с вашим министром.

Горбачев. Потребовалось некоторое время, чтобы разобраться во всем этом, уточнить методику подсчета. Раньше даже я сам не знал этого. И разумеется, при сокращении армии мы исходим из того, что будем не переводить войска из одного места в другое, а расформировывать их. Естественно, все это на основе взаимности. <...>

Теперь хотел бы вернуться к тому, что мы обсуждали за этим столом с госсекретарем Шульцем. Должен сказать, что в свете этого обсуждения ваша попытка осуществить модернизацию ракет является для нас неожиданной. Мы с Шульцем договорились, что таких ракет создаваться не будет.

Ахромеев. Хочу напомнить, что госсекретарь Шульц предлагал сначала сохранить в Европе 75 таких ракет с обеих сторон¹⁹. Затем, однако, он согласился, что в Европе таких ракет быть не должно. И мы исходили из того, что Соединенные Штаты не будут создавать таких ракет.

Горбачев. Об этом важно напомнить, если мы хотим сохранить доверие между нашими странами.

Бейкер. У меня другое понимание этого вопроса. Хотел бы попросить высказаться посла Риджуэй, которая присутствовала при тех обсуждениях.

Риджуэй. В ходе переговоров мы договорились считать ракету СС-23 имеющей дальность более 500 километров. Мы согласились не иметь систем такой дальности. В рамках этой договоренности мы согласились не развертывать такую систему, однако речь не шла о ракете на замену «Лэнс». В апреле 1987 года вопрос перед НАТО стоял так: второй ноль или развертывание определенного количества ракет. НАТО решило не развертывать ракеты дальностью более 500 километров. Но речь шла совершенно о других ракетах. Так что я не могу согласиться с маршалом Ахромеевым.

Горбачев. Нет, дело обстояло не так.

Шеварднадзе. Мы пошли тогда на уступку, и наши военные даже критиковали нас за отказ от ракет СС-23.

Ахромеев. Хочу подчеркнуть, что ракета СС-23 не имеет дальность 500 километров. Она была включена в Договор по РСМД согласно так называемому правилу типа. Мы договорились с госсекретарем Шульцем считать эту ракету относящейся к этому правилу. Однако Соединенным Штатам было известно, что ее дальность — менее 500 километров.

Горбачев. Тогда была такая ситуация, что необходимо было найти выход из тупика, и мы пошли навстречу американской стороне, но для этого нам пришлось преодолеть позицию наших военных. Теперь у нас возникает вопрос: зачем мы режем эти ракеты СС-23? Кстати, мы их, кажется, еще не дорезали. Но вот сейчас вы тащите сюда такие же ракеты.

Бейкер. Необходимость в модернизации возникает в связи с большим дисбалансом в пользу СССР, с вашим большим преимуществом по танкам и другим видам обычных вооружений. Может быть, на каком-то этапе и можно будет

начать обсуждение, если сначала вы найдете возможность уменьшить ваше преимущество по тактическому ядерному оружию, сократить его до нашего уровня. Вот тогда, может быть, у нас не будет необходимости в модернизации.

Горбачев. Но тогда и мы могли бы передать вам целый список наших озабоченностей. Но ведь для этого и существуют переговоры в Вене, и мы полны решимости добиваться реальных результатов. А то, что планируете вы, мы считаем крайне нежелательным, более того — губительным для процесса переговоров. <...>

Я поднял этот вопрос для того, чтобы вы могли взвесить наши озабоченности по поводу вашей модернизации. Мы — за процесс переговоров с вами. Мы хотим, чтобы этот процесс был эффективным, деловым. На первом этапе — ликвидация асимметрий. И в этом общем контексте вопрос о тактическом ядерном оружии никуда не денется, от него не уйти. Он вызывает большую озабоченность у европейцев, и не только на Западе, но и на Востоке. Так что надо будет развязывать этот узел. Подумайте об этом вопросе. Мы не хотим с вами сталкиваться лбами. <...>

Бейкер. <...> Мы считаем, что минимальное количество ядерных средств абсолютно необходимо для нашей стратегии гибкого реагирования, которая обеспечивает поддержание мира в Европе. Мы понимаем политическую привлекательность третьего нуля. Но это именно политическая привлекательность, а не стратегическая, не с точки зрения безопасности. Чтобы мы могли взаимодействовать с вами по этому вопросу, во всяком случае, искать путь к такому взаимодействию, было бы серьезнее, если бы вы сказали: мы готовы сократить свое очень значительное преимущество. Вот тогда можно поговорить об этих вооружениях. А пока мы в невыгодном положении, мы не можем этого делать²⁰.

Хочу еще раз вспомнить Ваши слова: между нами не должно возникать подозрений в том, что одна из сторон хочет поставить другую в невыгодное положение. Так вот здесь мы уже в невыгодном положении, у вас уже есть превосходство по тактическому ядерному оружию, по обычным вооружениям. И вот, признавая политическую привлекательность третьего нуля, вы настаиваете на переговорах и таким образом стремитесь поставить нас в еще более невыгодное положение.

Горбачев. Нет, это не так. Мы не хотим, чтобы между нами было недопонимание по этому поводу. Ваши аргументы о том, что Советский Союз обладает здесь превосходством, не убедили меня. Ведь по авиации превосходство на стороне Запада. Если сосчитать все, то по тактическому ядерному оружию между нами имеется равновесие, но жуткое равновесие, на очень высоком уровне. Повторяю, вам будет очень трудно доказать, что ваша позиция на этот счет является разумной. <...>

Мы приветствовали бы активизацию нашего взаимодействия, в частности по проблемам региональных урегулирований. <...>

Но, как говорят, сотрудничество — это улица с двусторонним движением, и каждый должен пройти свою часть пути.

*Из переговоров с Маргарет Тэтчер
Москва, 23 сентября 1989 года*

После обсуждения двусторонних проблем и других вопросов состоялся обстоятельный обмен мнениями по всем аспектам разоружения, в том числе по проблеме сокращения тактического ядерного оружия – ТЯО – в Европе.

Горбачев. <...> У меня есть конкретное предложение. Я знаю, что министры обороны наших стран недавно встречались и обсуждали, в том числе, эту проблему. Но до конкретики у них дело не дошло. Давайте поручим нашим дипломатическим и военным экспертам продолжить диалог в плане определения конкретных параметров «минимального ядерного сдерживания». Пусть специалисты погоняют этот вопрос.

Тэтчер. Я не хотела бы, чтобы они гоняли его вокруг да около, закрывая глаза на принципиальное положение. Тактическое ядерное оружие для нас — это жизненно важная часть стратегии нашего союза. Оно обеспечивает действенность всей доктрины ядерного сдерживания, дает нам в руки инструмент для потенциального ограничения возможной агрессии. Поэтому мы не можем согласиться на ликвидацию ТЯО, и никогда не согласимся на нее до тех пор, пока доктрина ядерного сдерживания остается основой нашей военной политики. Самое большее, на что мы можем пойти, отражено в коммюнике последней встречи НАТО. Эта формулировка нам далась очень нелегко. Мы готовы начать переговоры по ТЯО, но после завершения Венских переговоров и только при том понимании, что сокращение этого вида оружия будет не до нуля. То есть будет установлен равный потолок для каждой стороны выше нуля.

Для нас это вопрос принципиальный, вопрос доктрины. Конечно, мы рады тому, что вы готовы ликвидировать ваши колоссальные превосходства по ТЯО. Нам бы устроило, если бы этого оружия на каждой стороне оставалось по 80–90 пусковых установок с двумя ракетами на каждой.

Горбачев. Я думал, что мы идем навстречу брюссельской формуле, признавая переговоры по ТЯО в качестве этапа разоруженческого процесса. Не вижу причин, зачем нам ждать завершения Венских переговоров, почему бы не подумать о том, чтобы открыть переговоры по ТЯО сейчас, параллельно с Веной. Важно придать реальные формы процессу продвижения к разоружению в Европе. Эту позицию мы будем защищать, всячески отстаивать, а если Вы будете сопротивляться, то нам придется показать перед всем миром, что госпожа Тэтчер готова посвятить всю свою жизнь защите ядерного оружия.

Тэтчер. Вопрос гораздо сложнее. Я не хочу увековечивать ядерное оружие. Но сейчас просто не созрели условия, чтобы от него отказаться. Мы все это очень подробно обсуждали в Лондоне. Мы пережили различные периоды истории. Сейчас исторически сложилось так, что ТЯО стало неизвлекаемым элементом нашей обороны. Чтобы обезопасить свое будущее, нам нужно иметь правильный набор различных видов вооружений.

Я уже говорила, что сейчас появляется слишком большое число стран, обладающих ракетной технологией. Сохраняется угроза ядерного терроризма.

Чтобы ответить на эти вызовы, необходимо иметь должный набор оружия воздушного, наземного и морского базирования. Крутая ломка существующего положения чревата слишком большим риском.

Горбачев. Госпожа Тэтчер, у нас нет никаких проблем в признании права правительства и народа Великобритании испытывать уверенность в своей безопасности. Вы знаете, что это признание мы подкрепляем практическими делами. Более того, мы уверены, что и Великобритания не имеет ни малейших намерений действовать таким образом, чтобы это наносило ущерб безопасности других. Все это мы ценим, на этом основан наш диалог, общеевропейский процесс. В последние годы мы конкретными делами продемонстрировали желание считаться с интересами Великобритании, других стран Западной Европы, США. В рамках первого этапа советско-американского ядерного разоружения мы сняли вопрос о французском и английском ядерном оружии. Мы учитываем ваши реальные озабоченности и по другим видам оружия. Но ТЯО изначально это такой вид оружия, который предназначен только для Центральной Европы. Убрать его было бы, помимо прочего, гуманным шагом по отношению к европейцам. Причем здесь мы предлагаем действовать строго на основе взаимности. Я хочу, чтобы Вы поняли, что наша ключевая предпосылка — это не ставить под угрозу ничью безопасность.

Тэтчер. Я могу подтвердить, что мы не намерены никак ущемлять вашу безопасность. Отступление от этого принципа опасно и безнадежно. Но в вопросах разоружения уже объективно сложился определенный график. Мы ожидаем, что придем к согласию по обычным вооружениям, что будет 50-процентное сокращение СНВ, прорыв по химическим вооружениям, а вопрос о ракетах малой дальности идет где-то на следующем этапе.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
12 октября 1989 года*

Об итогах поездки министра обороны СССР Д.Т. Язова в США

Язов. Фантастическая открытость, даже в расположение диверсионных отрядов пустили. Такие визиты действительно снимают напряженность и подозрительность. В армии у них отношения вольнее, чем у нас.

Горбачев. Уникальная поездка. Мозги повернулись; они, как и мы, начинают понимать: они шарахнут — нам не поздоровится, а мы шарахнем — ничего не останется. Обмануть никому никого не удастся. И хорошо, что они видят советских генералов, убеждаются, что это не заведенная публика, а люди размышляющие и компетентно думающие о мире, о народе. Этот визит стал результатом того, что Буш и адмирал Кроу проявили инициативу. Буш лично дал указание о приеме Язова.

ПБ. С. 544.

*Из беседы с Бушем (один на один)
Мальта, 2 декабря 1989 года**

Буш. В доверительной беседе хотел бы остановиться на трех моментах.

О Никарагуа. <...> Что бы они Вам ни говорили, они методически переправляют оружие — в данном случае, неважно из каких источников — для ФНОФМ²¹. Меня беспокоит, что в настоящее время из Советского Союза в Никарагуа направляется новая партия вертолетов. Хотя, конечно, я не ставлю под сомнение заявление господина Шеварднадзе относительно ракет. Они действительно могут получать их из других источников.

Горбачев. В этом регионе есть и ваше оружие.

Буш. Вполне возможно. Надо искать выход из положения, чтобы снять этот раздражитель в наших отношениях. Такой выход видится нам в проведении свободных выборов при соответствующем контроле.

Горбачев. Согласен.

Буш. <...> Если будут проведены действительно свободные выборы, удостоверенные группами иностранных наблюдателей, то Соединенные Штаты согласятся с их результатами и никак не будут пытаться повлиять или сорвать их итоги. <...>

Горбачев. Я хотел бы, господин Президент, чтобы Вы знали, как воспринимаются в Советском Союзе некоторые шаги Вашей администрации в отношении таких стран, как, например, Панама, Колумбия, а в самое последнее время Филиппины. В Советском Союзе спрашивают: разве для США, их президента не является барьером то, что речь идет о независимых странах? Почему США вершат суд, выносят приговор и сами его выполняют?

Буш. Что вы имеете в виду, причисляя сюда и Колумбию?

Горбачев. Речь идет о применении вооруженных сил против наркобизнеса.

Буш. Мы сейчас не ведем там каких-либо военных операций. Но можете не сомневаться, что если нас попросят оказать помощь демократически избранному правительству в борьбе с наркомафией, то мы это сделаем. Но президент Барко очень мужественный человек, и он нас об этом не просит.

Что касается Филиппин, то Ваша реакция меня удивила. Ведь президент Акино была избрана демократическим путем, а сейчас ей бросает вызов часть военных во главе с полковником Онасаном. Она просила дать воздушное прикрытие для ее дворца, который оказался под угрозой бомбардировки.

Мне казалось, что это не должно вызвать проблем у Советского Союза. Да и помощь эта является не такой уж большой. Если это вызывает у Советского Союза проблемы, то, по крайней мере, хорошо, что Вы об этом сказали. Мне бы это никогда не пришло в голову. Во всяком случае я не хотел бы, чтобы

* Встреча руководителей США и Советского Союза на Мальте 2–3 декабря 1989 года состоялась по предложению американской стороны. К этому времени стало окончательно ясно, что взятая новой администрацией почти полугодичная «пауза» в советско-американских отношениях привела к потере динамики, которую необходимо наверстывать. Поэтому Дж. Буш предложил, не дожидаясь официального визита Горбачева в США, провести встречу «на полпути», дав понять, что администрация будет готова к серьезным инициативам по укреплению отношений.

такая минимальная помощь вызвала трудности в отношениях с Советским Союзом.

Горбачев. Но уже начинают поговаривать, что на смену «доктрине Брежнев» появляется «доктрина Буша».

Буш. Неужели в связи с Филиппинами? Я просто хочу понять, почему так говорят. Ведь речь идет о законно избранном руководителе. Она просит о помощи в борьбе с наглым полковником.

Горбачев. Согласен. Однако, думаю, что такая реакция объяснима в контексте нынешней ситуации. Ведь посмотрите: в Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законном основании. И возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто-то попросит Советский Союз вмешаться, то как нам действовать? Так же как действует президент Буш?

Буш. Понятно.

Горбачев. Иногда приходится слышать, что в нынешней ситуации мы не выполнили нашей миссии в отношении наших друзей. Я в таких случаях отвечаю: во-первых, к нам не обращались, а во-вторых, процессы проходят в конституционной форме. <...> Мы — за мирные перемены, мы не хотим вмешиваться и не вмешиваемся в идущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне решают, как им быть. Но понимаете, такие полковники, такие люди могут найтись в любой стране.

Буш. Если и мы, и вы выступаем за демократию и мирные перемены, то это является важным фактором оздоровления и улучшения советско-американских отношений. Я, конечно, не возьмусь давать советы столь опытному политику, тем более что Вы дольше меня занимаете высший пост. Но все же скажу: если уж критиковать нас, то не за Филиппины. От такой критики будет только вред. У Акино много проблем, но она воспринимается как подлинная героиня, которой удалось скинуть Маркоса, и это надо учитывать.

Мы не боимся критики, но я надеюсь, что в данном случае вы не включите ее на полную мощность. Боюсь, как бы не пострадало то, что мы пытаемся здесь сделать. В этом вопросе я не боюсь суда общественного мнения. Уверен, что ее надо поддержать, и мы будем ее поддерживать.

Впрочем, я рад, что Вы высказались на этот счет. Откровенность полезна. Но если вы развернете эту критику публично, то как бы это не повредило делу.

Я не хочу быть похожим на заезженную пластинку, но позвольте повторить еще раз: общественное мнение в США поддерживает Вас, решительно поддерживает перестройку, а также Вашу роль в развитии плюралистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен...

Горбачев. Думаю, наше с Вами откровенное обсуждение позволило лучше понять подходы друг друга.

Буш. Да, значительно лучше. <...>

Горбачев. Хотел бы сказать несколько слов по поводу реакции и поведения в связи с событиями в Восточной Европе.

Во-первых, направление перемен в Восточной Европе и Советском Союзе сближает нас, и это главное. Но вот что важно. Я не могу принять, когда не-

которые американские политики говорят, что преодоление раскола Европы должно базироваться на западных ценностях. Получается, что если раньше нас обвиняли в «экспорте революции», то сейчас речь идет об экспорте американских ценностей. Думаю, что это не соответствует духу сегодняшних перемен, может осложнить идущие процессы. Хотел сказать Вам об этом, хотя знаю, что Ваша позиция не такова.

Далее в беседе был затронут «германский вопрос» (см. раздел III).

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Джорджем Бушем (в расширенном составе)
Мальта, 2 декабря 1989 года*

Горбачев. Нам необходим новый, глубокий диалог, который органично сопрягался бы с теми изменениями и новыми явлениями, с которыми приходится иметь дело на международной арене. Мы иначе должны вести дела, должны быть адекватны переменам. Поэтому уже нельзя ограничиваться той активной работой, которая ведется на уровне министров иностранных дел. Жизнь диктует необходимость более частых рабочих встреч и контактов между руководителями наших государств. <...>

Буш. С предложением об этой встрече выступил я. Но я исходил из того, что идея таких переговоров будет приемлема и советской стороне. Поэтому считаю, что встречу мы готовили вместе с вами. Когда по пути из Парижа в Вашингтон летом этого года я редактировал в самолете проект моего письма к Вам по вопросу об этой встрече, то я отдавал себе отчет, что меняю свою прежнюю позицию на 180°. Это изменение в нашем подходе нашло понимание у американского народа. <...>

Теперь о нашем отношении к перестройке. Хотел бы сказать со всей определенностью, что полностью согласен с тем, что Вы говорили в Нью-Йорке: мир станет лучше, если перестройка увенчается успехом. Еще некоторое время тому назад в США было много сомневающихся на этот счет. Тогда в Нью-Йорке Вы говорили, что есть элементы, которые не хотят успеха перестройки. Не могу утверждать, что в США нет такого рода элементов. Но можно со всей определенностью говорить, что серьезные, думающие люди в США подобных взглядов не поддерживают.

На эти изменения в умонастроениях в США воздействуют перемены в Восточной Европе, весь процесс перестройки. Конечно, среди аналитиков и экспертов есть различные точки зрения. Но вы можете быть уверены в том, что имеете дело с администрацией США, а также с Конгрессом, которые хотят, чтобы ваши преобразования увенчались успехом. <...>

Хочу проинформировать, что моя администрация намерена предпринять шаги, направленные на приостановку действия поправки Джексона-Вэника²², которая препятствует предоставлению Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования. Вы, разумеется, знаете, что продвижение в этой области связано с необходимостью решения ряда вопросов. Этого требует наше законодательство. Как мы понимаем, готовящийся в Советском

Союзе закон о въезде и выезде вступит в силу в начале следующего года. С учетом такой перспективы мы предлагаем незамедлительно приступить к консультациям о заключении нового торгового договора. Мы за максимально быстрое продвижение в данной области и рассчитываем, что соответствующая договоренность будет подготовлена к заключению до предстоящей встречи в верхах в США.

Хочу также сообщить, что администрация взяла курс на отмену поправок Стивенсона и Бэрда, ограничивающих возможность предоставления кредитов советской стороне.

В этой связи мне хотелось бы напомнить одно характерное высказывание, которое было сделано господином Шеварднадзе. Во время его пресс-конференции какой-то журналист в довольно развязной манере поставил вопрос: не получается ли так, что Соединенные Штаты должны выручать Советский Союз из трудного экономического положения, в котором он оказался. Советский министр дал тогда достойный ответ, который, я убежден, отражает точку зрения всего руководства СССР: Советский Союз не выпрашивает помощи, перестройка — дело прежде всего советских людей. <...>

Мы стремились составить наши предложения таким образом, чтобы не создавалось впечатления, будто Америка «спасает» Советский Союз. Мы говорим не о программе помощи, а о программе сотрудничества.

После того как будет отменена поправка Джексона-Вэника, возникнут хорошие условия для снятия ограничений на предоставление кредитов. Американская администрация ведет речь не о предоставлении помощи, а о создании условий для развития эффективного сотрудничества в экономических вопросах. Мы имеем в виду передать советской стороне наши соображения на этот счет в виде документа. Он касается ряда серьезных проектов в области финансов, статистики, функционирования рынка и т.д. Этот перечень не является исчерпывающим, он мог бы быть дополнен. <...>

Хотел бы сказать несколько слов в пояснение нашей позиции относительно пожелания советской стороны обрести статус наблюдателя в ГАТТ. Ранее у нас имели место разногласия на этот счет — США были против вступления СССР в эту организацию. Теперь эта позиция пересмотрена. Мы за то, чтобы советской стороне был предоставлен статус наблюдателя в ГАТТ. <...>

Есть еще одна область для использования новых подходов в плане развития экономического сотрудничества. Я имею в виду установление связей с Организацией экономического сотрудничества и развития. Это обеспечило бы хорошие рамки для взаимодействия в вопросах экономики по линии Запад-Восток. Администрация за то, чтобы активно продвигаться по этому направлению.

Я был рад услышать о том, что сейчас создана и функционирует советско-американская рабочая группа по проблемам инвестиций. Думается, настало время приступить к изучению возможностей по выработке договоренности о гарантиях капиталовложений. <...>

Позвольте перейти к региональным проблемам. Вы знаете, что наиболее острым для нас вопросом является положение в Центральной Америке. <...> Латиноамериканцы просят оказать воздействие на Кастро, чтобы он прекра-

тил «экспорт революции», поставки оружия в государства, где демократическая система правления и без того является весьма хрупкой. Я знаю, что на него повлиять нелегко, но надо найти способ сделать это. Хочу, чтобы было зафиксировано, что я поставил этот вопрос с максимальной прямотой.

Вопрос о Сальвадоре — это очень серьезный фактор, который может негативно сказаться на наших взаимоотношениях. И дело здесь не сводится к позиции лишь правых кругов в США.

Ситуация в Сальвадоре представляет собой гигантскую «колочку» в наших взаимоотношениях. И это, разумеется, полностью относится к политике Никарагуа. Министр Шеварднадзе нам сказал, что сандинисты заверили вас, что не направляют оружие в Сальвадор. Думаю, что теперь, когда выясняется противоположное, Манагуа должна принести вам свои извинения. <...>

Множество проблем стоит сейчас и перед никарагуанцами. Путь к их решению один — проведение действительно свободных выборов. <...> Мы признаем, что и советская сторона выступает в пользу того, чтобы выборы в Никарагуа были свободными и открытыми. В этом вопросе наши позиции сходятся. Не стоит ли нашим двум сторонам обдумать такой шаг — совместно обратиться к сандинистам с призывом провести свободные выборы в Никарагуа и согласиться с любым их результатом. Уверен, что подобная инициатива была бы весьма положительно воспринята в США. <...>

Теперь перейду к вопросам разоружения. Вы знаете, что моя администрация выступает за избавление человечества от химического оружия. Сегодня я хочу изложить наше новое предложение, которое содержит определенную подвижку. Если советская сторона даст принципиальное согласие на наше предложение по вопросу о химическом оружии, которое было изложено в моей речи на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре, то в рамках этого подхода США могли бы пойти на отказ от нашей программы модернизации, то есть от дальнейшего производства бинарного оружия после вступления в силу всеобъемлющей конвенции о запрещении химического оружия.

В практическом плане это означало бы, что уже в ближайшее время стороны смогли бы достичь договоренности относительно значительного сокращения запасов химического оружия, доведя его количество до 20 процентов от имеющегося у США в настоящее время арсенала ОВ, а через восемь лет после вступления конвенции в силу — до 2 процентов. Предлагаем вести дело таким образом, чтобы ко времени встречи на высшем уровне в США в середине следующего года был подготовлен проект двустороннего соглашения, который можно было бы тогда подписать.

Об обычных вооружениях. Хотя для этого потребуются серьезные усилия, связанные в том числе с необходимостью преодолеть определенные барьеры, причем не только у нас, но и в других странах, скажем во Франции, можно рассчитывать на достижение договоренности уже в следующем году. Думается, в этой связи мы могли бы поставить такую цель: ориентироваться на подписание соглашения о радикальных сокращениях обычных вооруженных сил в Европе в 1990 году, осуществив подписание такой договоренности в ходе встречи на высшем уровне представителей стран — участниц переговоров в Вене.

По вопросу о будущем договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений. Американская сторона стремится к тому, чтобы обеспечить надлежащий импульс переговорам на этот счет. Мы за то, чтобы к предстоящей встрече в верхах в США совместными усилиями решить все пока остающиеся ключевые проблемы. Мы не исключаем и такой возможности, что к этому времени проект договора о сокращении СНВ и прилегающие к нему документы будут согласованы в полном объеме. В этом случае договор мог бы быть подписан в ходе встречи на высшем уровне. <...>

Мы планируем также направить указание нашей делегации на переговорах в Женеве о том, чтобы прежнее американское предложение о запрете мобильных МБР было окончательно снято.

Хотел бы призвать советскую сторону еще раз вернуться к вопросу об ограничениях на МБР СС-18. Мы за то, чтобы была запрещена модернизация этих ракет и чтобы советская сторона рассмотрела возможность более глубоких односторонних сокращений их количества.

В том, что касается подготавливаемых протоколов к договорам 1974–1976 годов о подземных ядерных взрывах, то, по нашему мнению, есть все возможности вскоре завершить эту работу, с тем чтобы подписать указанные протоколы на нашей встрече в США.

Все большее значение в настоящее время приобретает решение вопроса о предотвращении распространения ракет и ракетной технологии. В этой связи Соединенные Штаты приветствовали бы присоединение Советского Союза к режиму ограничений, который уже практикуется семью западными государствами. <...>

Особую актуальность в настоящее время приобретают вопросы охраны окружающей среды. <...> Охрана окружающей среды требует внимания к себе со стороны выдающихся представителей науки. Я поручил советнику Белого дома по науке д-ру Ромли собрать весной следующего года конференцию по экологии, в которой могли бы принять участие лучшие научные силы, а также руководители соответствующих ведомств из многих стран мира. Надеюсь, что советские представители также приедут на этот форум.

Горбачев. Благодарю за Ваши интересные соображения. Возможно, это лучшее доказательство того, что администрация Президента Буша определила свою политическую линию на советско-американском направлении. <...>

Мне кажется, очень важно нам с вами поговорить о том, какие выводы можно сделать из прошлого опыта, из «холодной войны». Что состоялось, то останется в истории. Такова, если хотите, привилегия исторического процесса. Однако постараться проанализировать ход прежних событий — это наша прямая обязанность. <...>

Не оправдала себя и ставка на конфронтацию из-за идеологических соображений, в результате которой мы только и занимались тем, что ругали друг друга. Мы подошли к опасной черте. И хорошо, что сумели остановиться. Хорошо, что сейчас возникло взаимопонимание между нашими странами. <...>

Ваши публичные заявления, а также конкретные предложения, направленные на развитие сотрудничества между СССР и США, с которыми Вы

выступили сегодня, означают, что у Президента Буша сложилось определенное представление о мире, и оно адекватно вызовам времени. <...>

От Президента США мы ждем не только констатаций, а конкретных шагов, отвечающих этим констатациям.

Теперь эти шаги есть. Я делаю этот вывод, выслушав сказанное Вами только что. Пусть это только планы к шагам. Но это очень важно. <...>

В мире идет крупная перегруппировка сил. Ясно, что мы идем от двухполюсного к многополюсному миру. Хотим мы или нет, будем иметь дело с объединенной, интегрированной экономически Европой. Вопрос о Западной Европе мы могли бы обсудить специально. Хотим или нет, но Япония — это еще один центр мировой политики. В свое время мы с Вами говорили о Китае. Это еще одна крупнейшая реальность, которую ни мы, ни вы не должны эксплуатировать друг против друга. И надо подумать, как сделать, чтобы Китай не чувствовал себя исключенным из тех процессов, которые происходят в мире. <...>

Надо избавляться от взгляда друг на друга как на врагов. Этого много сидит в наших мозгах. И надо иметь в виду, нельзя смотреть на наши отношения только в военном плане. <...>

Вы ставили вопрос: какой Советский Союз выгоден США — динамичный, прочный, стабильный или же сталкивающийся с разного рода проблемами. Я в курсе советов, которые Вам дают.

Что касается нас, то мы заинтересованы в том, чтобы США с точки зрения решения своих задач национальной безопасности и прогресса чувствовали себя уверенно. <...> Но и США должны считаться с интересами других стран. Между тем есть еще желание учить, давить, наступать на горло. Это еще есть. Мы все это знаем. Поэтому я хотел бы услышать Ваше мнение на этот счет. <...>

Об СССР и Восточной Европе, и что это означает — мы еще поговорим. Тут есть необходимость продолжить философские размышления. А сейчас яотреагирую на Ваши соображения по конкретным вопросам.

Буш. Надеюсь, Вы заметили, что по мере изменений, происходящих в Восточной Европе, Соединенные Штаты не выступали с высокомерными заявлениями, направленными на то, чтобы нанести ущерб Советскому Союзу. Между тем некоторые в США меня обвиняют в излишней осторожности. Верно, я человек осмотрительный, но отнюдь не боязливый, и моя администрация стремится не предпринимать ничего, что привело бы к подрыву ваших позиций. Но мне настойчиво предлагали другое, — что называется, забраться на Берлинскую стену и делать широковещательные заявления. Администрация, однако, не прибегает к подобным шагам, стремится вести себя сдержанно.

Горбачев. Мы это видим и оценили. <...>

Приветствую Ваши слова. Я нахожу в них проявление политической воли. Это для меня важно. <...>

Благодарю Вас за то, что вы поставили на первое место вопросы двустороннего сотрудничества. Мы готовы обсуждать все вопросы. <...>

Приветствуем Ваши намерения по развитию экономических связей. Мы будем двигаться к адаптации нашей экономики к мировому хозяйству. <...>

Раньше США занимали негативную позицию по вопросу об участии СССР в международных экономических организациях. Говорили, что участие СССР в ГАТТ будет политизировать деятельность этой организации. Думаю, это пережиток старых подходов. Действительно, было время, когда мы на первый план ставили идеологические задачи. Кстати, и вы — тоже. Сейчас другое время, другие критерии, другие процессы, и обратного хода этих процессов не будет.

Верховный Совет ведет большую работу по обновлению нашего законодательства. <...>

Мы даем возможность функционированию у нас различных форм собственности. Будем вести дело к тому, чтобы рубль стал конвертируемым. <...>

Теперь о Центральной Америке. <...> Мы договорились не поставлять оружие в Никарагуа, и мы не поставляем. Отметим, что Конгресс приостановил военную помощь «контрас».

Как только мы узнали о самолетах «Сессна», которые перелетели в Сальвадор, министрам Язову и Шеварднадзе было поручено разобраться относительно их происхождения. Запросили мнение Никарагуа и Кубы. И те и другие заявили, что не имеют к этому никакого отношения. Ортега и Кастро готовы объяснить ситуацию Соединенным Штатам и предоставить все аргументы. Что-либо определенное о происхождении перевезенного оружия сказать трудно. Оно может принадлежать кому угодно. В мире есть огромный черный рынок оружия. <...> Вопрос состоит в том, что надо менять общие подходы, стремиться к политическому урегулированию. У нас нет особых интересов в Никарагуа. Как договорились с США, так и будем действовать. <...>

Там будут выборы. И пусть ООН их контролирует. Откровенно говоря, мы этим не занимаемся. Пусть этот процесс там идет, как идет.

Вернемся к проблематике разоружения. Подход США к решению проблемы химического оружия нам известен. Однако в этом подходе раньше не было важного элемента — готовности США прекратить производство бинарного оружия после вступления в силу конвенции о запрещении химического оружия. Сейчас этот элемент появился, и это весьма существенно. Тут есть движение.

Таким образом, и мы, и вы считаем, что необходимо глобальное запрещение. Эту цель мы сохраняем. Но к ней будем идти через двусторонние меры и определенные этапы. Пусть министры иностранных дел поговорят об этом. <...>

Теперь о Венских переговорах и сокращении обычных вооружений в Европе. Вы высказались в пользу заключения соглашения по этой важнейшей проблеме в 1990 году и его подписания на высшем уровне. Наши подходы здесь совпали. Мы готовы к активному и конструктивному сотрудничеству ради достижения поставленной цели. Есть, конечно, трудности. Но я не буду втягиваться в детали.

О переговорах по ограничению стратегических вооружений. Здесь нужна политическая воля, чтобы придать импульс ведущейся работе. Я внимательно выслушал Вас, и некоторые элементы Вы обозначили. Но к сожалению, не услышал упоминания проблемы крылатых ракет морского базирования.

Сейчас складываются реальные предпосылки для того, чтобы к нашей встрече в будущем году подготовить проект договора о сокращении СНВ к подписанию. И если к этому времени не будет найдено решение по КРМБ, то возникнет серьезная трудность. Тут у вас огромное преимущество. Американской стороне необходимо вновь обдумать данный вопрос в контексте, о котором я говорил.

Буш. Это проблема.

Горбачев. Мы не стремимся к зеркальным симметриям. У каждого свой выбор, есть положение страны, разная структура вооруженных сил.

Но ведя дело к сокращению стратегических наступательных вооружений, КРМБ игнорировать невозможно. США имеют серьезное преимущество в этой области. Поставьте себя на наше место. Наш Верховный Совет не даст согласия на ратификацию договора, если будет обойдена проблема КРМБ.

Очень приветствую ваши предложения по экологии. Можете исходить из того, что наши эксперты примут активное участие в конференции по вопросам экологии, которая запланирована аппаратом Белого дома. <...>

Суммируя, хотел бы вновь подчеркнуть, что меня обрадовали изложенные Вами шаги, о которых Вы здесь сказали. Советско-американский диалог набирает определенную динамику. А для того, чтобы дать ему новое дыхание, нужны будут новые усилия, новые шаги.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем (во время ланча)
Мальта, 2 декабря 1989 года*

Буш. <...> Визит председателя федеральной резервной системы США А. Гринспэна был, видимо, очень полезным. Я сам считаю, что поездки деловых людей в Советский Союз приносят огромную пользу. Я понимаю, что в настоящее время существуют огромные различия в наших экономических системах. Вы сказали, что вам необходимо добиваться изменений в том, как функционирует ваше общество. Однако и в наших интересах, то есть в интересах США в плане расширения торговли, и я надеюсь, в ваших интересах, чтобы росло число обменов между нашими экономистами и деловыми людьми с целью обсуждения экономической проблематики. <...>

Горбачев. Согласен с Вами. Вообще, от Президента США мы ожидаем одного — политической констатации поддержки. Это послужит ориентиром для расширения сотрудничества между нами. Что касается самих бизнесменов, то у них есть большие заделы, и они, как это может подтвердить Добрынин, полны желания налаживать подобное сотрудничество.

Поэтому я придаю большое значение тому, что Вы говорили относительно предполагаемых мер со стороны американского правительства. <...>

Буш. Государственный секретарь Бейкер напоминает мне о том, что на встрече министров рассматривался обширный список 10 областей, в которых может разворачиваться сотрудничество. Это пицца для размышлений.

Горбачев. Я думаю, что уже намечается сотрудничество с Западом в организации обменов по вопросам кредитно-финансовой политики и функционирования банковской системы. Уже ведется взаимная работа в практическом плане. <...>

Бейкер. Сегодня утром Вы говорили о том, что стремитесь в конечном итоге обеспечить конвертируемость рубля. Мы полностью согласны с Вами в том, что подобный шаг представляется необходимым, учитывая общее направление, которое вы определили для развития своей экономики.

Однако для обеспечения конвертируемости рубля потребуется в будущем реформа цен. Конечно, экономисты могут сказать, что эта мера необходима уже сейчас. Однако политические деятели вполне обоснованно могут сослаться на невозможность такого шага в нынешних условиях, так как вначале потребуется решить вопрос о том, что делать с избыточным количеством денег у населения. Хочу спросить, какие шаги предпринимаются вами для того, чтобы ликвидировать эту избыточную массу денег? При этом хочу напомнить, что не следует забывать о том, что решению этой проблемы может послужить выпуск обеспеченных золотом облигаций государственного займа. Ведь у вас достаточные запасы золота. Так что эту меру можно осуществить без особого риска.

Горбачев. Мы уже начали осуществлять меры первого этапа в рамках разработанного плана на следующий год. Мы хотим добиться сокращения дефицита бюджета на 60 миллиардов рублей, то есть наполовину. В то же самое время будет осуществляться более жесткий контроль, с тем чтобы не допустить неоправданного роста доходов. <...>

Одно из направлений, которое мы предусматриваем, — сдача в аренду либо части предприятий, либо целых предприятий средних или небольших размеров, либо продажа их кооперативам.

В сфере индивидуальной собственности окажутся как средства производства, так и продукция.

Проблему индивидуальной собственности мы рассматриваем шире, чем раньше. Наша цель в перспективе — как можно полнее задействовать рыночные механизмы в целях совершенствования нашей экономической системы.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Джорджем Бушем (в составе делегаций)
Мальта, 3 декабря 1989 года*

Горбачев. Почему бы нам не провести совместную пресс-конференцию? Я думаю, в этом была бы большая позитивная символика. *(Договорились.)* <...>

Хотя это и неформальная встреча, но все же мы в первый раз встречаемся в таком качестве. И я хотел бы начать с нескольких констатаций принципиального характера.

Прежде всего, новый Президент США должен знать, что Советский Союз ни при каких обстоятельствах не начнет войну. Это настолько важно, что я хотел лично повторить это заявление Вам. Более того, СССР готов больше

не считать США своим противником и открыто заявить об этом. Мы открыты для сотрудничества с Америкой, включая сотрудничество в военной области. Это первое.

Второй момент. Мы за то, чтобы совместными усилиями обеспечить взаимную безопасность. Советское руководство привержено продолжению процесса разоружения по всем направлениям. Считаем необходимым и срочным выйти за пределы гонки вооружений и предотвратить создание новых экзотических видов вооружений.

Попутно замечу, что мы приветствуем процесс сотрудничества, начавшийся между нашими военными. В частности, мы благодарны за предоставленную советскому министру обороны возможность ознакомиться с Вооруженными Силами США.

Еще одно принципиальное соображение. Мы приняли оборонительную доктрину. Много сделано разъяснений вам, что это такое. Наши Вооруженные Силы уже охвачены глубокими переменами. Становится оборонительной структура военной группировки в Центральной Европе: в дивизиях теперь меньше танков, выводятся десантно-переправочные средства. Меняется и дислокация ВВС: ударная авиация отводится во второй эшелон, а на передние рубежи выдвигаются истребители, то есть оборонительная авиация. <...>

В общем, открываются неплохие перспективы, и Ваши вчерашние замечания лишь утвердили меня в мысли, что создана надежная основа для дальнейшего движения.

Но что нас беспокоит? До сих пор за пределами переговоров остается один из трех основных компонентов военной мощи — военно-морские силы. И предыдущие, и нынешняя администрации очень эмоционально реагируют уже на постановку этого вопроса. Между тем здесь нет никакого посягательства на американскую безопасность. Хочу со всей ответственностью заявить, что мы учитываем интересы США. Ваша страна — морская держава, жизненно важные для нее коммуникации проходят по морям и океанам. Строительство ВМС — это для вас и историческая традиция, и целая система в науке и производстве, глубоко встроенные экономические интересы. <...>

Но что же получается? Еще с начала 50-х годов мы буквально окольцованы сетью военных баз. На них — более 500 тысяч человек, сотни боевых самолетов, мощные силы флота. У США 15 ударных авианосных соединений, около 1500 боевых самолетов. И такие огромные силы или уже развернуты у наших берегов, или могут там оказаться в любой момент. Я уж не говорю о стратегических подводных лодках — они хотя бы подпадают под переговоры по ЯКВ. В результате Венских переговоров будет значительно понижен уровень военного противостояния на суше. Как я уже говорил, есть хорошие перспективы и для заключения Договора о сокращении СНВ. В этих условиях мы вправе рассчитывать, что и угроза Советскому Союзу с моря также будет уменьшена.

Наши министры уже об этом говорили. Я беру на себя инициативу и официально ставлю вопрос о начале переговоров по проблемам ВМС. Как их начинать — тут мы готовы проявить гибкость. <...>

У ВМС СССР и США есть ядерное оружие — как стратегическое — БРПЛ и КРМБ, так и тактическое: КРМБ меньшей дальности, ядерные торпеды, мины. Стратегический ядерный компонент ВМС является предметом женевских переговоров. Остается тактическое ядерное оружие. Мы предлагаем его ликвидировать. Пока это — неофициальный разговор, но я выдвигаю предложение начать официальные обсуждения. Советский Союз готов на взаимной основе полностью ликвидировать тактическое ядерное оружие ВМС. Такое радикальное решение сразу упростило бы и процедуры контроля за его реализацией.

Теперь несколько слов о Вене. В целом я согласен с оценкой переговоров, которую дал Президент. Однако и здесь остаются важные проблемы. Первое — это вопрос о сокращении не только вооружений, но и личного состава вооруженных сил. <...> Второй вопрос — о сокращении численности войск на иностранных территориях. Мы предлагаем ограничить ее потолком в 300 тысяч человек. <...>

Кратко о предложении президента по «открытому небу».²³ Мы его поддерживаем. Будем участвовать в оттавской конференции. <...>

Суммируя сказанное мною, хочу еще раз со всей силой подчеркнуть, что мы настроены на мирные отношения с США. И именно исходя из этой предпосылки, предлагаем трансформировать нынешнее военное противостояние. Это — самое главное.

Ведь, как принято говорить, один раз в пять лет ружье само стреляет. Чем меньше оружия, тем меньше возможность случайной катастрофы.

При этом безопасность США, американских союзников ни на миллиметр не должна быть меньше нашей собственной безопасности. <...>

Может быть, мы сейчас подведем черту под обсуждением военных вопросов и поговорим о Европе, поразмышляем, как относиться к разворачивающимся там процессам взаимодействия?

Буш. Отличная идея. Но позвольте мне добавить несколько слов. Я очень доволен взаимодействием наших дипломатических ведомств как в военной, так и в других областях. Считаю, что эти каналы обсуждения военно-политической проблематики органически дополняют теперь контакты, начало которым положили Ахромеев и Кроу. Встречи военных специалистов весьма помогают делу, и я надеюсь, что мы будем развивать эту практику.

Горбачев. Мы именно так настроены действовать.

Буш. Скажу откровенно: наши военные имеют огромное влияние в НАТО. Я поручил им сейчас вплотную заняться анализом военных расходов США и Запада в целом. И представить соответствующие рекомендации. Думаю, что в этот ответственный период контакты между нашими военными имеют особое значение.

Горбачев. Вот и поручим им встречаться почаще.

Вы хотели бы первым высказаться по европейским делам?

Буш. Вы ближе к Европе, но мне хотелось бы предварить наш разговор некоторыми замечаниями.

Прежде всего, признаюсь, что мы были потрясены стремительностью разворачивающихся перемен. Мы высоко оценили Вашу личную реакцию и ре-

акцию Советского Союза в целом на эти динамичные и одновременно фундаментальные изменения.

Вчера в беседе с глазу на глаз мы обсудили, хотя и не вдаваясь в детали, проблему воссоединения Германии. Я надеюсь, Вы понимаете, что от нас нельзя требовать, чтобы мы не одобряли германского воссоединения. В то же время мы отдаем себе отчет в том, насколько это деликатная, чувствительная проблема. Стараемся вести себя с определенной сдержанностью. Сформулирую эту мысль несколько по-другому: ни я, ни представители моей администрации не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы как провокационная. Подчеркиваю этот момент.

Еще один пример нашей политики в отношении Восточной Европы. Мы направили высокопоставленную делегацию в Польшу. В ее составе были мои старшие экономические советники, другие представители администрации, деловые люди, руководство профсоюзов и т.д. Они поехали туда не для того, чтобы создавать вам трудности, а для того, чтобы объяснить полякам, какие механизмы, по нашему мнению, эффективны в экономической области.

Не останавливаясь на каждой восточноевропейской стране, выделю лишь ту мысль, что мы хорошо понимаем значение раздела хельсинкского Акта о государственных границах в Европе. <...>

Хочу отдельно подчеркнуть, что Вы катализируете перемены в Европе в конструктивном плане. <...>

Горбачев. О переменах в Европе. Они действительно носят фундаментальный характер. <...>

Мы убеждены, что должны вести дело к продолжению и развитию хельсинкского процесса, а отнюдь не к разрушению созданного на его основе. Отсюда потребность в Хельсинки-2, где мы все должны осмыслить новую ситуацию и выработать совместные критерии и ориентиры. Понятно, что в этой встрече должны принять участие все страны, подписавшие хельсинкский Акт, включая, разумеется, США и Канаду.

Другой важный вопрос — как в новой ситуации поступать с институтами, созданными в другое время? Тут также требуется взвешенный и ответственный подход. Иначе нынешняя положительная направленность процесса перемен может превратиться в свою противоположность, привести к подрыву стабильности. Реально существующие инструменты поддержания баланса надо не сокращать, а видоизменять в соответствии с требованиями времени. <...>

У меня сложилось впечатление, что руководство США сейчас как-то особенно активно продвигает концепцию преодоления раскола Европы на базе «западных ценностей». Если этот тезис не только для пропаганды, а его собираются положить в основу практической политики, то скажу прямо, можно наломать немало дров. В свое время на Западе выражали тревогу по поводу того, что Советский Союз собирается «экспортировать революцию». Но ведь установка на экспорт «западных ценностей» звучит похоже.

Я бы сказал так: время сейчас очень непростое и поэтому особо ответственное. <...> И тут очень опасно искусственно форсировать, подталкивать

происходящие процессы, тем более в угоду чьим-то односторонним интересам. <...>

Мы — за общее понимание происходящего у нас с США. Констатирую, что сегодня такое общее понимание есть. Но процесс будет развиваться. И хочу, чтобы это понимание не ослабевало, а, наоборот, укреплялось.

Я за то, чтобы мы постоянно взаимодействовали на основе этого понимания весь этот непростой переходный период. Иначе этот процесс может сорваться, и мы все окажемся в хаотическом состоянии, которое породит множество проблем, остановит перемены и отбросит нас к временам подозрительности и недоверия.

Подчеркну: на Советском Союзе и на Соединенных Штатах в этот исторический момент лежит особая ответственность.

Буш. Хочу уточнить один момент. Вы выразили озабоченность по поводу западных ценностей. Это было бы понятно, если бы наша приверженность определенным идеалам провоцировала трудности в СССР или в Восточной Европе, мешала развивающимся там прогрессивным процессам. Но мы никогда не преследовали таких целей. Всякое обсуждение западных ценностей в НАТО или других организациях Запада вполне естественно и не имеет деструктивной направленности. Ведь что такое западные ценности? Это — если хотите, гласность, плюрализм, открытость, бурные дебаты. В экономическом плане — стимулы прогресса, свободный рынок. Эти ценности не что-то новое или конъюнктурное, они уже давно разделяются и нами и западноевропейцами, объединяют Запад. Мы приветствуем изменения в Советском Союзе или в Польше, а отнюдь не противопоставляем им западные ценности. Поэтому я хочу как можно лучше понять Вашу точку зрения, чтобы избежать каких-то недоразумений.

Горбачев. Главный принцип, который мы приняли и которому следуем в рамках нового мышления, — это право каждой страны на свободный выбор, включая право пересмотреть или изменить первоначально сделанный выбор. Это — очень болезненно, но это — основополагающее право. Право выбирать без вмешательства извне. США привержены определенной социальной и экономической системе, которую выбрал американский народ. Пусть же и другие народы сами решают, какому, образно говоря, богу молиться. <...>

Когда эти поиски протекают свободно, то можно сказать одно: на здорье.

Буш. Не думаю, что здесь мы расходимся. Мы одобряем самоопределение и сопутствующие ему дебаты. Хочу, чтобы вы воспринимали наш подход в позитивном плане: западные ценности отнюдь не означают навязывания нашей системы Румынии, Чехословакии или даже ГДР.

Горбачев. Такое понимание очень важно для нас. <...> Если у нас с вами есть такое общее понимание, то все практические действия в условиях перемен будут адекватны и станут носить позитивный характер.

Я — за конструктивное сотрудничество, чтобы сохранить начавшийся процесс, который выведет нас на новые рубежи европейской, да и человеческой цивилизации. Одной модели не может быть ни в рамках социалистиче-

ской, ни в рамках капиталистической системы. Мы убедились в этом на собственном опыте.

Буш. Я как раз об этом говорил Примакову²⁴. Он сказал, что приехал учиться у американского Конгресса. А я на это сказал: «Оставьте эту затею». Если хотите строить действительно работающую новую систему, то не стоит ориентироваться на наши взаимоотношения с Конгрессом. В целом система неплохая, но порой охватывает отчаяние.

Горбачев. Вот это правильно. Чужой опыт надо изучать, но брать из него лишь то, что тебе органически подходит.

Буш. Согласен с Вашим подходом.

Бейкер. Хотел бы уточнить наш подход к самоопределению. Мы согласны, что каждая страна должна иметь право выбора. Но все это имеет смысл лишь в том случае, когда народ в этой стране действительно в состоянии свободно выбирать. Это и входит в понятие «западные ценности», а отнюдь не право навязывать другим свои порядки. <...> Вот скажем, вопрос объединения Германии, который вызывает нервозность и у нас и у вас, да и у многих европейцев. За что мы здесь выступаем? Чтобы объединение происходило на принципах гласности, плюрализма, свободного рынка. Мы отнюдь не хотим, чтобы объединенная Германия воспроизвела модель 1937–1945 годов, которая, видимо, вас беспокоит. Германия того времени не имела ничего общего с западными ценностями.

Яковлев. Когда настаивают на «западных ценностях», то неизбежно появляются и «восточные», и «южные» ценности...

Буш. Я Вас понял и согласен. Давайте избегать неосторожных слов и больше говорить о содержании самих ценностей. Мы от всей души приветствуем происходящие перемены.

Горбачев. Это очень важно. Ведь, как я говорил, самое главное — это то, что перемены ведут к большей открытости и по отношению друг к другу. Мы начинаем органически интегрироваться, освобождаясь от всего, что нас разделяло. Как это будет называться в конечном счете? Я думаю — новый уровень отношений. Поэтому, в свою очередь, поддерживаю Ваше предложение — не будем вести дискуссии на церковном уровне. В истории это всегда приводило к религиозным войнам.

Буш. Я чрезвычайно рад, что у нас состоялся этот разговор. На мой взгляд, он был чрезвычайно полезным.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем (один на один)
Мальта, 3 декабря 1989 года*

Буш. Вы знаете, мне в США часто задают вопрос: что Вы будете делать, если Горбачев начнет «завинчивать гайки» в Прибалтике? В ответ я всегда говорю, что Горбачев — сторонник мирной эволюции как внутри СССР, так и вне его. Поэтому данный вопрос, так сказать, не должен возникать, и я не отвечаю на него.

Но дело в том, что у нас в стране очень много выходцев из Прибалтики, настроенных иногда довольно резко. Они постоянно требуют от меня поставить перед Вами эту проблему. Наверное, сегодня подобные вопросы будут задавать Вам американские корреспонденты. Они отмечают, что осуществление Ваших планов наталкивается на трудности, и спрашивают, не вызовет ли это применения силы.

Повторяю, я всегда отвечаю на подобные вопросы, что все это — слишком гипотетично, что Горбачев за мирные средства. Но все же надо иметь в виду, что любые репрессивные меры вызовут у нас в стране обостренную реакцию, создадут проблемы, осложняющие отношения между нашими двумя странами. Впрочем, я не думаю, что это произойдет, не верю, что будут иметь место какие-то репрессии.

Горбачев. Я уже имел возможность, господин Президент, сказать Вам о том, как мы видим проблемы и будущее нашей федерации. <...> Мы говорим: проблемы федерации, проблемы республик надо решать посредством предоставления им более широких реальных прав, расширения и укрепления их самостоятельности и ответственности в политической, экономической, духовной сферах. И это находит положительный отклик, помогает снимать напряженность, решать вопросы.

В то же время мы подчеркиваем, что сепаратистские устремления — это неправильный путь. Сепаратизм может привести к самым драматическим последствиям, нанести сильный удар по перестройке. И конечно, этот путь опасен для самих народов.

...В Эстонии, Латвии почти половина населения русскоговорящие. Это русские и представители других народов. А в крупных городах — Таллинне, Риге — их доля еще выше. Несколько иное положение в Литве, где преобладают литовцы. Зато на Украине 15 миллионов русских. В Казахстане лишь 35 процентов населения казахи. И как только возникают любые сепаратистские проявления, реакция очень бурная. Например, в Крыму, который раньше входил в состав России, а теперь — Украины, при первых признаках сепаратистских тенденций на Украине люди начали собирать подписи за возвращение Крыма в состав России.

Так что видите, какая у нас сложная история, сложная страна, в которой все перемешано, сплетено. Решать проблемы можно лишь демократически, на взвешенных подходах и при исключении любого вмешательства извне. Это последнее исключительно важно. Реакция на вмешательство у наших людей очень острая. Если вы хотите подорвать отношения, если хотите испортить отношение наших людей к США, тогда вмешивайтесь, поощряйте сепаратизм. Но мы, конечно, рассчитываем на внимательные, продуманные действия Президента США в этой исключительно деликатной сфере.

Буш. Я понял Вас, господин Президент.

*Из беседы с Джеймсом Бейкером
Москва, 9 февраля 1990 года*

Горбачев. Наш диалог продолжается и углубляется, выходит на новые рубежи взаимопонимания.

На Мальте мы говорили больше в философском плане о новом этапе развития мировых событий. Но в практическом плане некоторые вещи виделись достаточно отдаленно. Я подумал: как понадобилось это сопоставление взглядов, особенно в свете того, что после Мальты развитие событий было стремительным, и это стало испытанием для уровня наших отношений, нашего взаимопонимания.

Я, конечно, не могу сказать, что американские позиции и действия в конце прошлого — начале нынешнего года всегда были идеальными. Впрочем, может быть, и наши тоже. Но в целом все руководители ведущих стран действовали в это время более ответственно, взвешенно, с пониманием того, как важно сейчас проявлять сдержанность, осмотрительность. <...>

Бейкер. Я согласен, что события развиваются очень стремительно. Вчера мы с министром (*Шеварднадзе*) были единого мнения: они развиваются более быстро и динамично, чем кто-либо думал в прошлом году. Даже быстрее, чем мы думали на Мальте. Я согласен с Вами, что это явилось испытанием для наших отношений. Я считаю, что они выдержали это испытание. Считаю, что наши отношения действительно продвинулись от соперничества к взаимодействию. Конечно, элементы соперничества остаются, но все больше становится взаимодействия, сотрудничества.

Горбачев. В вашей администрации есть два-три человека, которые по-прежнему смотрят на Советский Союз как на противника. Это тоже реальность.

Бейкер. Да, это реальность. И она присутствует как у нас, так и у вас. <...> Во всяком случае, мы приехали сюда с деловым настроением. Мы привезли конкретные предложения по ряду вопросов сокращения и ограничения вооружений. Эти предложения были разработаны на самом высоком политическом уровне США. Они в значительной степени продвигаются навстречу позициям, которые Советский Союз отстаивает уже давно. <...>

Проблема КРВБ²⁵, которую Вы с президентом поручили нам решить на данной встрече, имеет три основных аспекта. Это — правила засчета, отличительные признаки и дальность.

Что касается отличительных признаков, то мы по существу приняли позицию Советского Союза. Что касается дальности, то США раньше выступали за рубеж дальности в 1500 километров, а Советский Союз — 600 километров. Сейчас мы предлагаем рубеж дальности в 1000 километров, то есть мы прошли больше чем половину пути навстречу вам.

Мы привезли подвижку и по правилам засчета. Прежде мы предлагали засчитывать за бомбардировщиками по 10 КРВБ без каких-либо иных ограничений. Сейчас мы предлагаем засчитывать 10 боезарядов за американскими бомбардировщиками и восемь за вашими. Кроме того, мы предлагаем, чтобы фактическое оснащение не могло превышать более чем в 2 раза этот уровень.

Таким образом, за нашими самолетами засчитывалось бы по 10 КРВБ при возможном оснащении двадцатью, а за вашими — 8 КРВБ при возможном оснащении шестнадцатью единицами.

Действительно, согласно нашему подходу каждая из сторон будет иметь возможность превысить согласованный уровень в 6000 боезарядов, однако лишь за счет медленно летящих крылатых ракет воздушного базирования, которые, к тому же, должны будут преодолевать противоздушную оборону. Причем способность превышать уровень в 6000 боезарядов будет равной у обеих сторон.

Итак, мы приняли вашу позицию по одному из аспектов этой проблемы, пошли вам более чем навстречу по другому, а по третьему предлагаем равноправное решение.

Горбачев. Есть один пункт, по которому ни один процент не спасает. Это критерий дальности. А по остальным вопросам можно поработать, поискать окончательное решение.

Бейкер. Вы хотите сказать, что если мы найдем решение по проблеме дальности, то и в целом проблема КРВБ найдет решение?

Горбачев. Думаю, можно.

Бейкер. Может быть, во второй половине дня мы поищем решение проблемы дальности.

Горбачев. Я готов подключить к этим поискам маршала Ахромеева.

Бейкер. Надеюсь, Вы согласитесь, что мы значительно продвинулись с наших прежних позиций.

Ахромеев. Да, определенное движение есть.

Горбачев. А вот вопрос о крылатых ракетах морского базирования — это поистине для вас заповедный вопрос. <...> Не буду подробно комментировать проблему КРМБ, но вижу, что разговор, наконец, начался. Это уже хорошо. Раньше и разговаривать не хотели. <...>

Теперь хотел бы попросить Вас уточнить вашу позицию по химическому оружию.

Бейкер. Мы привезли в Москву проект совместного заявления, которое надеялись согласовать во время этих переговоров. Принятие такого заявления могло бы иметь большое политическое воздействие. Оно ознаменовало бы собой договоренность между двумя странами, обладающими самыми большими запасами химического оружия. <...>

Горбачев. Хорошо. Вижу, что возможен выход на конечную формулу.

Теперь по другому вопросу. Недавно, выступая на заседании Экологического форума, я сказал, что мы готовы в любой момент, в любой день прекратить ядерные испытания, если Соединенные Штаты присоединятся к нам. И буквально весь зал встал и устроил овацию. Это информация вам для размышления. И это напоминание, что, даже ведя переговоры о промежуточных мерах, мы не должны забывать о задаче полного прекращения испытаний. Необходимо постоянно подчеркивать, что нашей конечной целью является именно это.

Бейкер. Мы тоже за поэтапный процесс.

Горбачев. Надо, чтобы этот процесс был непрерывным.

Шеварднадзе. Вчера госсекретарь согласился с этой позицией.

Бейкер. Да, мы не отказываемся от идеи непрерывности переговоров и от долгосрочной цели полного запрещения ядерных испытаний. Президент не отходит от этой позиции. <...>

Я хотел бы сообщить, что мы пришли к договоренности по неразвернутым ракетам и рассчитываем договориться по проблеме нешифрования телеметрической информации.

Позвольте перейти к проблематике СБСЕ²⁶. Нам известно, что Вы заинтересованы в проведении общеевропейской встречи на высшем уровне. Мы изучили Ваше предложение. Сначала мы отнеслись к нему несколько прохладно, поскольку неясно было, какова цель такой встречи. Однако недавно мы заявили о своем согласии принять участие в этой встрече. <...> Мы убеждены, что привязка соглашения о сокращении обычных вооруженных сил к встрече в верхах даст импульс переговорам по выработке этого соглашения...

После Москвы мы направляемся в Оттаву, где будет обсуждаться предложение об установлении режима «открытого неба». Но кроме того, мы используем пребывание там для обсуждения вопросов ограничения обычных вооруженных сил в Европе. Как мне кажется, мы добились очень хорошего прогресса по таким вопросам, как сокращение танков, артиллерии, боевых машин пехоты. Есть определенное продвижение и по численности личного состава. На переговорах проведена неплохая работа по контролю и ограничению вертолетов. Но есть одна область — авиация, где различия по-прежнему очень велики.

Горбачев. Мне кажется, что и по авиации наши разногласия можно было бы преодолеть, ведь самолеты летают быстро. Но для этого надо двигаться навстречу друг другу, а не в разные стороны.

Бейкер. Мы привезли предложения, которые позволяют сблизить позиции по перехватчикам ПВО и учебным самолетам. Все же разрыв по-прежнему велик. <...> Не следует ли мне посоветоваться с нашими союзниками относительно возможности того, чтобы отложить обсуждение проблемы авиации на последующий этап переговоров?

Горбачев. Тут есть взаимосвязь. В целом же я считаю состоявшийся обмен мнениями полезным. Хочу поблагодарить всех участников беседы и предлагаю продолжить наше обсуждение один на один. <...>

В начале этой части нашей беседы хотел бы дополнить сказанное относительно общеевропейской встречи в 1990 году.

Судя по многочисленным признакам, ситуация в Европе вырывается из рук. Поэтому нам эта встреча в верхах поможет канализировать процессы. Направление развития, если оно будет идти в демократических эволюционных формах, может дать результаты, благоприятные и для Запада, и для Востока.

Я подумал: наш прогноз о том, что мир будет меняться, причем меняться драматически и во многих своих частях, оказался правильным. И очень хорошим совпадением является то, что в это время отношения между двумя наиболее мощными и влиятельными странами мира находятся в благоприятной фазе. Это важно для настоящего, это заделы на будущее.

Сейчас мы можем еще многое сделать. Дальше будет сложнее. Я говорил, что наши страны «обречены» сотрудничать. Надо сделать это сотрудничество стабильным. Между нами нет непреодолимых противоречий. А те противоречия, которые существуют, надо понять и стремиться поставить их в рамки взаимодействия.

Теперь хотел бы сказать Вам несколько слов о Пленуме²⁷ и ситуации в нашей стране.

Бейкер. Да, это было бы очень интересно.

Горбачев *дает краткую информацию о проблемах, которые были в центре внимания Пленума.*

Мы проходим сейчас критическую точку на нашем пути. Имею в виду и экономическую ситуацию, и межнациональные отношения.

В этой связи хочу сказать, что должным образом оцениваю позицию президента и Вашу в отношении процессов, происходящих в нашей стране, Вашу позицию в поддержку перестройки. Я считаю, что это очень важно.

Бейкер. Мы заняли твердую позицию в поддержку перестройки, в поддержку Ваших усилий. Своей политикой мы стремимся содействовать Вам. В частности, мы стремимся делать все от нас зависящее для того, чтобы обеспечить стабильные международные условия для осуществления Ваших планов. Мы надеемся, что и впредь Вам во внутренней политике будут помогать свидетельства того, что советско-американские отношения развиваются продуктивно, что стороны добиваются важных соглашений в области сокращения и ограничения вооружений. Вам, наверное, известно, что, хотя наша администрация первые 4–5 месяцев не спешила, в настоящее время мы не только готовы, но и полны решимости продвинуть вперед процесс ограничения вооружений.

Об этом свидетельствуют предложения, которые мы привезли в Москву. Я говорил вашему министру, что в условиях быстрых и глубоких перемен в мире есть опасность, что мы можем отстать от событий, а наши усилия будут обесценены, если мы не будем действовать решительно.

Горбачев. Согласен с Вами.

Бейкер. ...Мы хотим, чтобы Ваши усилия увенчались успехом. И если по мере развития событий у Вас будет создаваться впечатление, что Соединенные Штаты делают что-то нежелательное для Вас, то звоните нам без колебаний и скажите нам об этом.

<...> Сегодня утром у меня с министром Шеварднадзе было обстоятельное обсуждение германского вопроса. <...>*

Горбачев. Шеварднадзе сказал мне, что вы неплохо поговорили по Афганистану, однако особого продвижения не было**. <...>

Что касается торговли, экономического сотрудничества между нашими странами, то хорошо, что сейчас обсуждаются некоторые масштабные проекты. Имею в виду сотрудничество в использовании БАМа, строительстве линии волоконно-оптической связи, в совместном создании самолетов. Это

* См. раздел III.

** См. раздел V.

интересные планы. Если их удастся осуществить, то наше взаимодействие выйдет на новый уровень. Здесь опять, видимо, встанет проблема КОКОМ²⁸. Ведь если она не возникает, значит речь идет о технологии вчерашнего дня.

Бейкер. Мы сейчас анализируем правила КОКОМ. Имеем в виду пересмотреть их, образно говоря, чтобы стены были выше, но их было меньше. Они будут окружать только технику, имеющую существенное военное значение. Такой пересмотр потребует определенного времени. Но хочу сказать, что при этом мы отдаем себе отчет в том нажиме, которому Вы подвергаетесь со стороны некоторых консерваторов за Вашу политику.

Горбачев. Да, это борьба за власть. <...>

Хочу выразить надежду, что в результате переговоров и обмена мнениями в Москве произойдет сближение позиций СССР и США по многим вопросам, и к встрече на высшем уровне в июне будут достигнуты важные результаты.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с сенатором Эдвардом Кеннеди
Москва, 26 марта 1990 года*

Кеннеди. Еще в 1966 году мы публично провозгласили политику, которая способствовала зарождению разрядки в отношениях между нашими странами. <...>

До приезда сюда я встречался с президентом Бушем. Мы обсуждали с ним мой предстоящий визит в Советский Союз. <...> Как Вам известно, президент публично высказал свою глубокую обеспокоенность, которую разделяют многие у нас, относительно того, что произойдет в Литве. Многих волнует, будет ли эта проблема решена путем переговоров. <...> Хотелось бы спросить у Вас, не могли бы Вы сказать мне, какие шаги Вы намерены предпринять в этой связи и как Вам видится решение этой проблемы. Лично от себя хочу также высказать обеспокоенность тем, что эта проблема может подорвать тот необычайный прогресс в отношениях между нашими странами, который был достигнут благодаря личному вкладу Президента Горбачева. <...>

Горбачев. Перемены всегда сопровождаются болезненными явлениями, нестабильностью, возможностью возникновения недопонимания. И крайне опасно, если в этот момент кто-либо поддастся искушению воспользоваться этими явлениями, погреть на них руки или попытаться взять реванш в ущерб стабильности, переменам к лучшему, в ущерб перестройке отношений. <...> Когда в Америке берут на себя роль поощрять Горбачева, наказывать Горбачева, осуждать Горбачева, хвалить его или предавать анафеме, то это нехорошо. Это бесполезно. Это нереальная политика. Не только нам одним нужна перестройка. <...>

Что касается Литвы, то у нас есть мандат на этот счет, выданный III Съездом народных депутатов. Спрашивается, каким же мандатом мы должны руководствоваться: тем, который был дан нам III Съездом и который выражает

волю народа, или же просьбами президента Буша и сенатора Кеннеди? Мы считаем, что мы должны руководствоваться мандатом III Съезда, мы должны уважать его. <...>

Да, Литва это наше внутреннее дело, и здесь требуется большая осторожность. Мы будем действовать таким образом, чтобы не была нарушена Конституция. В Литве должны вести себя так, чтобы мы не прибегали к иным формам, чем те, которые мы применяем сегодня. Весь наш Союз не может принять авантюристических действий. <...>

Кеннеди. Сейчас в мире происходит беспрецедентный в истории переход от одного состояния к другому, и это благодаря одному человеку — Вам. Именно таким Вас воспринимают во всем мире, во всяком случае, у нас в США.

Есть, правда, и такие, кто утверждает, что Вы не настоящий, что если Вас поскрести, то обнаружишь в Вас советского руководителя старого типа, руководителя из прошлого. Правильно это или нет, зависит от того, будет ли проблема Литвы решена путем переговоров или посредством силы. Это вопрос, за которым внимательно следит весь мир. От того, как он будет решен, будет зависеть и перестройка оборонного бюджета США, который мы планируем в ближайшие пять лет сократить на 167 миллиардов долларов. <...>

Горбачев. Тех, кто говорит: только поскрести Горбачева и найдешь в нем политика старого покроя, ждет разочарование. Если поскрести Горбачева, то можно обнаружить замыслы дальнейшей реализации намеченного курса как у нас в стране, так и в отношении внешнего мира. У меня другой дороги нет, тем более — назад.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече с группой сенаторов во главе с Джорджем Митчеллом
Москва, 12 апреля 1990 года*

Горбачев. Думаю, сформировавшаяся традиция поддержания контактов между нашими парламентами — важный элемент советско-американских отношений. Теперь можно говорить о том, что в Москве у вас такие же партнеры, как и у нас в Конгрессе, а быть может, и более сложные. Процесс прохождения договора здесь, в Верховном Совете, будет непростым. Это я уже вижу. <...>

Нужна более тщательная проработка всех вопросов, чтобы потом на завершающем этапе процесс не затормозился. С этой точки зрения, взаимные контакты, встречи, обсуждения между представителями наших парламентов необходимы и желательны. Надеюсь, в контактах с Верховным Советом, его комитетами вы проясните все, что хотите. <...>

Митчелл. Я бы хотел затронуть две темы, если Вы не возражаете, и попросить Вас высказаться по ним. Речь идет, во-первых, о контроле над вооружениями и, во-вторых, о ситуации в Литве.

Горбачев. Не вдаваясь в детали, выделил бы два вопроса, которые представляют наибольшую трудность и которые требуют самого пристального внимания обеих сторон. Это вопросы, связанные с крылатыми ракетами воз-

душного базирования и крылатыми ракетами морского базирования. Скажу в принципиальном плане: мы пошли далеко в вопросе об МБР, который вызывает главную озабоченность у США. Готовы сократить их наполовину и рассчитываем на адекватную реакцию по тем вопросам, которые вызывают озабоченность у нас. Если США хотят получить от нас согласие в отношении МБР, они должны «заплатить» соответствующим шагом навстречу нам. Без этого затруднится весь процесс.

Через КРВБ и КРМБ есть опасность, что США могут получить преимущество и тем самым нарушить существующий баланс. Мы же хотели бы сохранить этот баланс, но на более низких уровнях так, чтобы это не наносило ущерба безопасности ни Соединенных Штатов, ни Советского Союза. Напротив, мы хотим укрепить безопасность. Над этим мы и работаем сейчас. К приезду сюда господина Бейкера подготовим и представим свой анализ, свои аргументы. И надеемся, что он приедет не с пустыми руками. <...>

Теперь по второму вопросу — ситуация в Литве. Я уже много говорил об этом.

Литве просто не повезло: там оказалось авантюристическое руководство на ответственнейшем этапе развития Советского Союза, когда мы реформируем Федерацию. <...>

У нас есть мандат III Съезда народных депутатов — единственный мандат. Другого нет. А Съезд признал неправомерными решения, принятые литовским парламентом. Это ясно всем, кроме Ландсбергиса. Съезд подтвердил право всех республик на самоопределение, вплоть до выхода из состава Союза. Но должен быть конституционный процесс. <...>

Мы говорим: давайте вернемся к **10 марта**²⁹ и начнем разговор по двум вариантам. Или Литва остается в составе Союза и будет наделена, как и другие республики, полным суверенитетом, или она пожелает уйти. Так или иначе оба эти варианта должны быть представлены на референдум народа. Пусть он решает, как быть. Сейчас остается мало возможностей для маневра, даже если есть добрая воля. <...>

Давление на Президента в обществе оказывается огромное. Некоторые заявляют: вот, мол, Горбачеву дали президентские полномочия, а он проявляет нерешительность. Необходимо навести порядок в доме.

Не знаю, кто более решителен — тот, кто при любой возможности хватается за пистолет, или же тот, кто делает ставку на решение всех проблем мирными, ненасильственными методами. Нужно проявлять выдержку и твердость. Надо устоять перед давлением, не поддаваться. Но это не исключает применения более жестких мер, включая введение президентского правления. Вы должны хорошо понимать все это.

И Конгрессу надо быть внимательным, не предпринимать действий, которые вынуждали бы нас думать, что это вмешательство в наши внутренние дела. Если вы будете поучать Советский Союз, то это вызовет крайне негативную реакцию, возмущение в советском обществе. Это может нанести ущерб нашим отношениям

Митчелл. <...> Нам отрадно слышать — и мы воздаем Вам должное за это — что Вы привержены ненасильственным методам решения пробле-

мы. <...> Мы это понимаем и не хотели бы, чтобы Вы думали, что мы каким-то образом поучаем Вас. Очевидна правильность такого курса действий, который Вы избрали. <...> Вы также подчеркиваете ценность наших отношений. Мы тоже высоко их ценим. Единственное, что я должен сказать: эти отношения, как подчеркивал в свою очередь президент Буш, будут иметь серьезные последствия в случае изменения Вашей политики ненасильственных методов.

Горбачев. Ваше мнение совпадает с нашим: все проблемы должны решаться политическими средствами.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джеймсом Бейкером
Москва, 18 мая 1990 года*

Горбачев. Наблюдая за тем, как разворачиваются события, я прихожу к выводу, что процесс определения отношения к Советскому Союзу в Соединенных Штатах еще не завершился. Я не раз говорил, что в такое время, время больших перемен, нельзя смотреть на наши отношения в контексте президентского срока. Ведь мы закладываем основу не только для отношений между нашими странами, но и вообще для новых отношений в мире. <...> У меня было такое впечатление, что мы сформулировали взаимопонимание о том, какого рода отношения мы хотим иметь между нашими странами на нынешнем этапе. И один из центральных пунктов этого взаимопонимания состоит в том, что и мы, и вы очень заинтересованы видеть друг друга сильными, уверенными в своей безопасности, и не только военной, но и экономической, в целом национальной безопасности. <...> Однако, мне кажется, что иногда, когда приходит время переходить в этом взаимопонимании с философского уровня к его осуществлению, наполнению конкретными политическими акциями, мы все же видим рецидивы прошлого, видим действия, основанные на традициях и привычках прошлых десятилетий. <...>

У нас с вами было взаимопонимание, что от новых отношений между СССР и США выиграют не только наши страны, но и, учитывая центральное положение наших стран в мире, выиграет весь мир. И теперь я задаю себе вопрос: следует ли американская администрация пониманию, которое было достигнуто. <...>

Речь идет о критическом пункте нашей перестройки. И на этом этапе мы вправе рассчитывать на понимание и солидарность наших партнеров. Во всяком случае, нельзя, чтобы события где-нибудь в Нагорном Карабахе или Вильнюсе больше занимали внимание администрации и Конгресса, чем этот важнейший поворот. Скажу больше: нам сейчас нужно не просто понимание со стороны наших партнеров, но и взаимодействие.

Что же делают Соединенные Штаты? Соединенные Штаты приветствуют перестройку, о чем не раз говорили и Вы, господин государственный секретарь, весьма компетентно излагая сложные проблемы, с которыми мы сегодня

сталкиваемся в нашей перестройке. В то же время вы предостерегаете всех против оказания помощи Советскому Союзу. Вы говорите: пусть они сами о себе позаботятся, а помощь лишь затормозит подлинную перестройку.

Я не могу понять этот аргумент. Такое впечатление, что вместо того, чтобы проявить солидарность с нами в этот момент, вы предпочли бы, чтобы мы сами и расхлебывали эту кашу. И даже думаете, что если у нас станет хуже, то и это не так уж плохо для вас.

Я говорю это, чтобы вы обдумали сказанное перед нашими встречами в Вашингтоне и Кэмп-Дэвиде³⁰. <...> Все это я хотел сказать в этой доверительной беседе, а не в более широком составе. Думаю, это будет полезно для президента, когда он будет готовиться к встрече.

Бейкер. Господин Президент, очень хорошо, что Вы решили поднять эти вопросы в узком составе. И вообще хорошо, что Вы их поставили. <...>

Действительно, на начальном этапе деятельности нашей администрации был период, когда мы решали, какими должны быть наши отношения с Советским Союзом. Однако этот период завершился почти год назад, после моей поездки в Москву, встречи с Вами, а также продолжительных бесед с господином Шеварднадзе. Сейчас у нас не стоит вопрос определения характера наших отношений с СССР. <...> Президент и я постоянно подчеркиваем: мы не стремимся к односторонним преимуществам за счет тех изменений, которые происходят в Советском Союзе. Мы не играем в политические игры, не стремимся к выигрышу. <...>

Наша политика перехода от соперничества к взаимодействию не означает, что мы будем всегда и во всем согласны. Я упомянул наши разногласия по Прибалтике. Они обусловлены историей. В то же время мы понимаем Вашу озабоченность относительно того, чтобы Прибалтика не создала прецедент для других республик. Я неоднократно говорил господину Шеварднадзе, что мы усматриваем юридическое различие между Прибалтикой и другими советскими республиками. <...>

Далее собеседники обратились к обсуждению германской проблемы. (Эту тему см. в разделе III.)

После переговоров в составе делегаций беседа вновь была продолжена один на один.

Бейкер. Хотел бы затронуть литовский вопрос. Он не раз обсуждался между нами, у меня были продолжительные беседы с господином Шеварднадзе по этой проблеме. Как я говорил ему, мы по косвенным каналам пытались воздействовать на литовцев, с тем чтобы они заняли более умеренную позицию. То же самое мы говорили и нашим союзникам. Одновременно с моей беседой с Шеварднадзе мы имели косвенные контакты с Ландсбергисом. Но мы ни в коей мере не стремимся брать на себя роль посредника и понимаем Вашу позицию. <...>

Мы воздействовали на литовцев и одновременно воздерживались от некоторых конкретных шагов, которые хотел бы навязать нам Конгресс.

Как я говорил Шеварднадзе, я сегодня должен буду встретиться с Прунскене (*председатель правительства Литвы*). Я просто не могу отказаться от этой встречи, так как президент принимал ее в Белом доме. Я скажу ей то же

самое, что мы передавали им по другим каналам: необходимо заморозить декларацию о независимости, прибыть в Москву и начать диалог. Хотел бы спросить Вас: можно ли рассчитывать, что, если они пойдут на это, диалог начнется? Уверен, что если диалог начнется, причем до встречи на высшем уровне, то это значительно улучшит атмосферу, в которой будет проходить Ваша встреча с президентом Бушем. Такова политическая реальность, ее приходится учитывать.

Горбачев. Вчера мы с Рыжковым встречались с Прунскене.

Бейкер. Я знаю об этом.

Горбачев. Должен сказать, что наша база для маневра невелика. И требуется немалое искусство для того, чтобы на этой довольно узкой основе осуществлять широкий маневр. <...> Если Верховный Совет Литвы примет решение (*заморозить постановление о выходе из СССР*), то мы немедленно создадим рабочие группы и начнем переговоры по всем проблемам. Будут отменены экономические санкции, начнется нормальный процесс. <...>

Я сказал ей, что вполне возможно, что мы сможем выработать одну, общую позицию. <...> Мы приглашаем их к нормальному конституционному процессу.

Литва всегда была связана с Россией, ее рынок всегда был здесь. Но мы ничего не навязываем. Если они хотят уходить, то это их право. Но надо все делать по-человечески, с учетом всех проблем. Выясняется, например, что в 1940 году Сталин присоединил к Литве несколько районов Белоруссии. Сейчас белорусы требуют вернуть их земли.

Бейкер. Выступая в Конгрессе, я специально отметил тот факт, что Вильнюс до 1940 года не входил в состав Литвы.

Горбачев. А Клайпеда? Сталин присоединил ее не к Калининградской области, а к Литве. <...>

Вот я и сказал вчера Прунскене: видите, какую кашу вы заварили. <...>

Мне кажется, литовское руководство боится референдума.

Бейкер. Лишь 40 процентов населения голосовали за нынешний состав Верховного Совета.

Горбачев. Совершенно верно. В общем, будем развязывать этот узел.

Вы должны понять, что мы могли бы действовать и совершенно по-другому и действовали бы более жестко, если бы мы сами не были инициаторами процесса демократизации, обновления в нашей стране. На меня оказывается колоссальное давление, я получаю телеграммы с требованиями принять решительные меры. Мне говорят: посмотрите, как действует президент США, чтобы защитить своих граждан! Я покажу президенту эти телеграммы.

Мы твердо привержены нашей линии, привержены политическому урегулированию этой проблемы.

Бейкер. Мы желаем Вам в этом успехов, как и во всех Ваших начинаниях. Хочу еще раз подтвердить, что мы с президентом поддерживаем Вас, поддерживаем перестройку и будем действовать соответственно.

*Из переговоров с Джеймсом Бейкером (с участием делегаций)
Москва, 18 мая 1990 года*

Горбачев. Думаю, значение визита госсекретаря ясно. Оно определяется тем, что визит проходит буквально накануне встречи на высшем уровне. Будем итожить то, что имеем и что еще остается сделать. Время для того, чтобы сделать больше, есть.

Сейчас я хотел бы выслушать Ваши сообщения о том, как обстоит дело в области СНВ.

Бейкер. <...> Как Вы знаете, в Бонне мы передали Эдуарду Шеварднадзе наши новые предложения, на которые советская сторона дала затем ответ. В ходе дальнейших обсуждений достигнут определенный прогресс, но, к сожалению, пока мы не можем сказать, что основные вопросы СНВ решены. Президент Буш очень надеется, что договоренности по КРМБ и КРВБ будут достигнуты до Вашего визита в США. Он придает большое значение тому, чтобы в ходе визита можно было объявить о достижении договоренности по основным положениям будущего договора.

В ходе этой встречи обсуждались и некоторые другие вопросы СНВ. Насколько я знаю, достигнуто некоторое продвижение по проблеме необходима и некоторым другим. <...>

Шеварднадзе. Думаю, в результате проделанной работы созданы неплохие предпосылки для того, чтобы в Вашингтоне можно было объявить о договоренности по основным проблемам 50-процентного сокращения СНВ. <...>

Горбачев. Как в целом обстоит дело с контролем? Этот вопрос имеет большое значение для прохождения будущего договора в Верховном Совете.

Шеварднадзе. Большинство вопросов в этой области согласовано.

Бейкер. Не до конца решен вопрос о контроле грунтовых мобильных МБР. <...>

Две недели назад между нами существовали большие расхождения по КРМБ и КРВБ. Главные разногласия касались трех вопросов.

Вопрос о дальности КРВБ. Вы с самого начала выступали за рубеж дальности в 600 километров. Маршал Ахромеев даже утверждает, что он несколько лет назад договорился об этом с Нитце. Мы так не считаем. Наша начальная позиция была 1500 километров. Перед боннской встречей с Шеварднадзе наша позиция была 800 километров, ваша — 600. В Бонне я сказал министру, что если по другим элементам пакета будет найдено удовлетворительное решение и, в частности, будет сделано исключение для ракеты «Тесит рейнбоу», дальность которой более 600 километров, то мы согласимся с вашей позицией по рубежу дальности, так как вы объяснили нам, что вся ваша система ПВО построена с учетом именно этой дальности.

Второй вопрос — проблема общего предела на количество КРМБ. Вы поднимали его дважды в беседах со мной.

Горбачев. И раз десять поднимал его до Вас.

Бейкер. В Бонне я сказал, что, хотя мы всегда отвергали этот подход, мы готовы пойти на установление предела в 1000 единиц. Но буду откровенен, такое решение не по душе многим из нас.

Третий вопрос — предел на количество тяжелых бомбардировщиков. В Бонне я сказал, что, пойдя навстречу вам по двум из трех главных вопросов, мы ожидаем, что вы согласитесь с нашей позицией по этому вопросу. Однако вчера мы проявили стоворчивость.

Дело в том, что президент Буш очень хочет, чтобы до встречи в Вашингтоне все вопросы были решены. Итак, вчера мы согласились с предлагаемым вами подходом, на основе которого тяжелые бомбардировщики свыше определенного предела засчитывались бы по их реальному оснащению КРВБ. Единственный вопрос — количественный параметр этого предела.

Таким образом, мы пошли навстречу вам по трем главным вопросам, которые разделяли нас три недели назад. <...>

Горбачев. Думаю, каждая позиция, по которой мы договариваемся, должна предусматривать какой-то контроль. Мы пошли на отдельный документ по КРМБ. Но чтобы он был серьезным документом, нужен механизм контроля или инспекции. <...> Мы предлагаем лишь выборочные проверки. Одну-две в год. А вы против контроля вообще. Почему?

Бейкер. Потому что КРМБ рассматриваются не в договоре. И именно потому, что они не поддаются эффективному контролю. <...> Мы пошли на очень серьезные подвижки в направлении вашей позиции по КРМБ и КРВБ. Мы приняли вашу позицию по рубежу дальности КРВБ, по общему пределу на КРМБ, по ограничению количества ТБ. Все эти вопросы, «висевшие» в течение 5–6 лет, решены в последние две недели. <...>

Я согласен с Вашими словами о том, что Советский Союз пошел на большую уступку, согласившись с политическими заявлениями по КРМБ. Мы признаем, что это делает возможным заключение договора. Но коль скоро вы пошли на это, из этого вытекают определенные следствия.

Мы со своей стороны считаем, что также пошли на весьма существенные уступки Советскому Союзу. В частности, на установление общего предела на количество КРМБ, на формулу, ограничивающую количество тяжелых бомбардировщиков. <...>

Ограничения по договору будут действовать по крайней мере 15 лет. Хочу упомянуть возможность принятия на встрече в верхах совместного заявления о задачах будущих переговоров по СНВ. В его подготовке достигнут неплохой прогресс и работа продолжается. <...>

Горбачев. Так, может быть, добавим в текст политического заявления формулировку о том, что стороны будут искать решение этой проблемы? Таким образом, мы подтвердим хотя бы старую позицию.

Бейкер. Вы предлагаете повторить вашингтонскую формулу?

Горбачев. По крайней мере, если такое политическое заявление будет сделано одновременно с заключением договора по КРМБ, если стороны заявят в нем, что они будут продолжать поиски решения этой проблемы, то тогда мы сможем убеждать Верховный Совет. Уж если мы не можем добиться прогресса, то хотя бы подтвердим старую позицию. Иначе будет регресс.

Мне кажется, что воспроизведение в политическом заявлении формулы о том, что стороны будут искать решение этой проблемы, может избавить

и вас и нас от многих проблем в ходе ратификации. Просил бы вас подумать об этом.

Бартоломью³¹. Мы сейчас работаем на основе советского проекта документа. И в нем не было упоминания мер контроля. Говорится лишь о мерах на основе сотрудничества.

Горбачев. Да, я знаю. Но позвольте уж Президенту СССР иметь свое мнение.

Вопрос о ратификации будущего договора — исключительно важный вопрос. Ведь если мы подпишем договор, и он не будет ратифицирован, то это будет беда, скандал.

Бейкер. Такое уже один раз было. Мы обдумаем Ваше предложение.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
Вашингтон, 31 мая 1990 года**

Горбачев. Я высоко ценю Вашу позицию в связи с происходящим в Советском Союзе, понимаю, что Вам не просто ее держать, как не просто и мне держать курс на перестройку. <...>

На нас пришелся крутой переломный момент в истории, и очень многое зависит от нас с вами. <...> Позади «холодная война», пришли новые времена, мир изменился до неузнаваемости. <...> Меняется мировой баланс. Идет перегруппировка сил. Мир становится полицентричным.

Думаю, что Соединенным Штатам — при всем их могуществе — трудно сегодня сохранять свое лидерство в мире. Разве не возникает в этих условиях вопрос о сотрудничестве наших двух стран? <...>

Мы не считаем, что ослабленные США, США с уменьшенной ролью в мировых делах — к нашей выгоде. В этом не может быть выигрыша для нас, поскольку ослабленные или в чем-то ущемленные Соединенные Штаты — это нестабильность в мире.

Я уверен, что и в политических кругах США медленно, но растет понимание того, что и для интересов Америки важно, чтобы Советский Союз был сильным, демократическим, современным государством, интегрированным в мировую экономику, в мировую цивилизацию. <...>

Многого мы уже добились: складывается иное отношение к Америке, чувства враждебности по отношению к США уходят. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что люди в своем большинстве приветствуют перемены в советско-американских делах.

* С 30 мая по 4 июня 1990 года М.С. Горбачев находился с государственным визитом в США. Помимо переговоров с президентом Бушем в Вашингтоне и Кэмп-Дэвиде, Горбачев имел встречи с лидерами Конгресса США, с представителями американской интеллигенции, выступил на церемонии подписания советско-американских документов (соглашений о торговых отношениях между СССР и США, о мирном использовании атомной энергии, о непроезде и уничтожении химического оружия и других, а также протоколов к договорам об ограничении подземных испытаний ядерного оружия).

Но есть и иная реальность, и о ней я хотел бы сказать откровенно. Буквально каждый день ко мне на стол попадает информация о том, что американская сторона продолжает осуществлять военные программы, создает новое оружие и, видимо, рассчитывает использовать наши трудности для того, чтобы обыграть нас. Меня предупреждают, что США не против поймать нас в ловушку. Это тоже, к сожалению, есть.

Отсюда критика нашего стратегического курса на сотрудничество с США. Многие считают, что этот курс неправилен и опасен для страны.

Буш. Позвольте отреагировать на сказанное Вами в общем плане.

В США произошли крупные перемены в восприятии Советского Союза, хотя в некоторых кругах еще превалирует подозрительность. <...> Но опять повторю: таких меньшинство и в стране, и в Республиканской партии. <...>

Хочу, чтобы Вы знали, что мы очень хорошо понимаем ваши чувства. Это важно в связи с германским вопросом. Тут не должно быть ни победителей, ни побежденных.

Наши страны несут уникальную ответственность за поддержание мира, значительно большую, чем другие — и за глобальный, и за региональный мир. Мы признаем и уважаем роль вашей страны в этом.

Да, сейчас у вас трудности с экономикой. Неблагоприятно для вас сложились дела в Европе, но с нашей стороны нет намерения задеть достоинство вашей страны. Мы признаем за ней статус великой державы, наравне с нами ответственной за мир. <...>

Каким мы хотели бы видеть Советский Союз? Таким, которому ничто не угрожало бы — ни одна страна, ни один союз. Мы еще поговорим по Германии, но у нас нет расхождений насчет того, что Германия не должна быть источником угрозы для кого-то. Германия должна быть привержена демократическим принципам. Она должна дать гарантии, что прошлое не повторится.

Мы по-разному смотрим на военно-политический статус будущей Германии. Но и у вас, и у нас есть беспокойство за будущее. Германии можно доверять. Она заплатила свои долги. <...>

У вас тяжелое положение с Прибалтикой. Мы за то, чтобы вы его решили на базе ваших собственных законов. Но и у нас в этой связи есть огромные трудности. Поверьте, мне тяжело продолжать проявлять сдержанность в этом вопросе. Я ее проявляю, потому что понимаю, каковы ваши трудности с Литвой. Меня ругают за это и справа, и слева. Ругают за отход от поддержки принципа самоопределения.

Горбачев. Это похоже на ситуацию в нашей стране. Нас тоже ругают и справа, и слева.

Буш. Да, это так. Я понимаю, что Ландсбергис бросает Вам вызов, провоцирует Вас. <...> Ландсбергис сравнил меня с Чемберленом. Мне это не нравится. Это неправда. Он критикует меня за то, что я поддерживаю Вас, а не великие американские принципы демократии и свободы.

*Из переговоров с Джорджем Бушем (в широком составе)
31 мая 1990 года*

Горбачев. Если бы мы раньше не установили личный контакт, не было бы опыта сотрудничества у наших министров и, главное, не состоялась бы Мальта, то, уверен, наши страны оказались неподготовленными к событиям в Восточной Европе и особенно в Германии. А значит, могли бы быть совершенны большие ошибки. Ведь достаточно одной спички, чтобы в периоды напряженности вспыхнул целый костер. <...>

Далее состоялся обмен мнениями по германскому вопросу. (Эту тему см. в разделе III.)

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
1 июня 1990 года*

Часть беседы, проходившая один на один, была посвящена возможности подписания торгового соглашения между СССР и США. Дж. Буш заявил, что Конгресс не ратифицирует такое соглашение из-за санкций, введенных руководством СССР в отношении Литвы.

Горбачев. Надо делать выбор. <...> Если сегодня поддержка Прибалтики более важна для Президента США, я принимаю это к сведению.

Буш. Может быть, завтра мы сможем поговорить об этом в более расслабленной обстановке. Кстати, я слышал, что новый президент РСФСР Ельцин призывает к новым отношениям с Литвой. Конечно, это ваше дело, но здесь случай особый, учитывая историю литовской проблемы. Тем не менее мы хотим торгового соглашения и никогда еще не были так близки к нему. Не знаю, что здесь можно было бы предложить. Но не хочу вступать в публичные дебаты по этому вопросу, так как может сложиться впечатление, что я диктую Советскому Союзу в вопросе, являющемся его внутренним делом. В дипломатии это плохо. Здесь требуется какая-либо гибкая формула. В противном случае нет смысла передавать это соглашение недружелюбному Конгрессу — они его просто разнесут.

Горбачев. Хорошо, я вижу, что Вы приняли решение, и вряд ли мы сегодня продвинемся вперед по этому вопросу. В конце концов мы десятилетиями жили без торгового соглашения, проживем и сейчас. Это не вопрос жизни и смерти. Меня беспокоит только одно — и в США, и в СССР известно, что в нашем пакете к этой встрече подготовлено два элемента — СНВ и торговое соглашение. Один элемент выпадает. Здесь придется объяснять — куда и почему.

Буш. Да, я знаю об этом. И меня уже подвергли критике — ведь в США все эти вопросы широко обсуждаются. Я хочу успеха нашей встрече.

Горбачев. По этому вопросу я все уже Вам сказал и подчеркнул важность Вашего политического жеста — жеста Президента США. Теперь всё в Ваших руках. <...>

Буш. Я по-прежнему буду думать над выходом из положения. Может быть, что-то найдем.

Горбачев. Уверен, что на свежем воздухе в Кэмп-Дэвиде что-нибудь найдем.

Беседа была продолжена в широком составе. Рассматривались вопросы разоружения. Были заслушаны отчеты о ходе переговоров.

Буш. Мы не так уж далеки друг от друга. Возможно, лишь по вопросу о необходимости и по некоторым другим вопросам, как, например, тяжелые МБР и «Бэкфайер». Поэтому я предлагаю, чтобы эти вопросы были вновь изучены во второй половине дня. В заявлении о будущих переговорах следует дать толчок переговорам, указать на их будущий позитив. Все это не только будет способствовать созданию положительной атмосферы в отношениях между нашими странами, но и будет положительно воспринято во всем мире. <...>

Горбачев. Господин Президент, я разделяю сказанное вами, что проделана большая работа и пройден большой путь. Здесь я хочу заявить, что у нас есть твердое намерение выходить на подписание договора уже в этом году. Это — самое главное. <...>

Настораживает меня вот что. У нас существовало понимание того, что означает сотрудничество между США и Великобританией в ядерных вопросах. И вдруг оказывается, что у наших партнеров есть иное понимание. <...> У нас есть договоренность Рейкьявика о том, что до определенного пути мы не включаем вопрос о британских и французских ядерных вооружениях. Это была наша уступка, которая открыла дорогу переговорам. При этом мы фиксировали понимание, что на определенном этапе, когда мы приступаем к глубоким сокращениям ядерных вооружений, эти члены ядерного клуба подсоединяются. Кстати, мы можем найти и соответствующее заявление Тэтчер, что когда США и СССР подпишут договор о 50-процентных сокращениях, то Великобритания была бы готова подключиться к рассмотрению вопросов ядерного оружия. В свойственной ему манере Миттеран также выразил эту идею и даже Китай откликнулся. Сейчас мы выходим на договор о 50-процентных сокращениях, и теперь все другие члены клуба должны участвовать. Вдруг мы видим, что вместо подключения к ядерному клубу выдвигается идея, которая в случае реализации может позволить наращивать ядерное оружие на стороне*. Это нелогично.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Джорджем Бушем
Кэмп-Дэвид, 2 июня 1990 года*

Горбачев. Господин Президент, я думаю, что мы уже сегодня можем констатировать: наша встреча стала важным событием. <...> Многие дают очень

* США добивались включения оговорки, что ограничения, предусматриваемые Договором по СНВ, не затрагивают «сотрудничества между США и Великобританией в этой области».

высокую оценку проделанной нами работе. Я согласен с Вами — между нами действительно остаются определенные разногласия, но вчерашний день позволяет сказать, что мы уже не просто делаем заявления, а делаем практические шаги, практическую политику. Это уже не просто философия, а конкретные документы, подписанные соглашения.

Не менее важна и атмосфера, которая сложилась у нас с Вами. Если бы ее не было, то было бы очень трудно добиваться практических результатов. Господин Президент, хочу заверить Вас, что мы готовы и далее работать конструктивно. <...>

Буш. В целом проведенная работа — большой плюс для нас обоих. Конечно, кое-кто у нас будет бросать в нас камушки. Конкретно — в Конгрессе будет критика торгового соглашения. Но думаю, с этим можно справиться. <...>

Давайте решим, что мы будем говорить на пресс-конференции. <...> Наверняка будет задан вопрос по торговому соглашению. У меня обязательно поинтересуются, как получилось, что две недели назад я сказал, что осложнение ситуации в Литве вызывает напряженность в американо-советских отношениях, а на встрече в верхах мы подписали торговое соглашение. На это я отвечу, что торговое соглашение отвечает интересам обеих сторон.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
17 июля 1990 года*

Буш. Основная цель этого разговора кратко сообщить Вам о результатах встречи «семерки» в Хьюстоне. <...> Как Вы, очевидно, знаете из принятого на встрече коммюнике, а также из того, что уже рассказал Вам канцлер ФРГ Г. Коль, мы все подчеркнули нашу готовность помочь Советскому Союзу. <...>

Мы старались придать позитивный характер тексту коммюнике. Надеюсь, что это было отмечено в Советском Союзе.

Мы выделили также ту мысль, что техническая помощь со стороны Запада должна быть оказана уже в настоящее время.

Что касается Соединенных Штатов, то мы можем играть значительную роль в этом. Я намерен дать поручение рассмотреть вопрос о том, какие дополнительные меры мы могли бы предусмотреть для развития технического сотрудничества между нашими странами. Одна из областей такого сотрудничества — это транспортировка и распределение продовольствия.

Советской стороне, очевидно, известно, что у нас в США есть препятствия правового характера в том, что касается предоставления кредитов. Однако на встрече в Хьюстоне мы пришли к согласию о том, что отдельные страны Запада будут свободны сами предоставлять крупные кредиты и уже в настоящее время. <...>

Результаты встречи в Хьюстоне, а также встречи в верхах государств — членов НАТО должны дать ясно понять международной общественности, что с **конфронтацией покончено**. <...>

Теперь в том, что касается НАТО. <...> У нас вызывает удовлетворение та оценка, которую Вы дали тем мерам, которые были согласованы на сессии Североатлантического совета в Лондоне. <...> Мы пошли по пути преобразования Североатлантического союза и, таким образом, сейчас открывается эра сотрудничества между Востоком и Западом.

Мы также постарались учесть те озабоченности, которые Вы высказывали в беседах со мной и с другими. Мы сделали это следующим образом:

- предложили государствам – членам Организации Варшавского Договора принять совместную декларацию о ненападении;
- пригласили Вас прибыть в Брюссель и выступить в Североатлантическом совете;
- согласились открыть НАТО для установления регулярных дипломатических связей с СССР и другими государствами Восточной Европы ;
- выступили с искренним предложением дать заверения относительно численности вооруженных сил будущей объединенной Германии (как я понимаю, Вы обсудили этот вопрос с канцлером ФРГ Гельмутом Коелем);
- в военной области объявили о радикальном изменении в нашем подходе как к обычным, так и ядерным вооружениям;
- предложили расширить и укрепить процесс СБСЕ, предусмотрев создание новых организационных структур, в рамках которых СССР мог бы принять участие в процессе обновления Европы;
- мы попытались в принятом документе расставить акценты таким образом, чтобы указать на наше стремление иметь такую Европу, где ни одна держава не чувствовала себя в изоляции.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

***На встрече с Джорджем Бушем
Хельсинки, 9 сентября 1990 года****

Буш. Если не возражаете, мы могли бы поговорить об экономической ситуации в Советском Союзе, еще раз посмотреть, чем мы можем вам помочь. Я понимаю, как сложно осуществлять столь радикальные экономические реформы, но они, безусловно, будут способствовать новой роли вашей страны в Европе и мире, открывают дополнительные возможности для сотрудничества.

Я лично очень заинтересован в успехе ваших преобразований. Хочу заверить, что когда мы содействовали изменению общего подхода НАТО к СССР, то старались, прежде всего, подать сигнал, что времена коренным образом изменились и что конфронтация Востока и Запада окончательно уходит в прошлое. Наши союзники с энтузиазмом восприняли новые уста-

* В связи с агрессией Саддама Хусейна против Кувейта Буш и Горбачев договорились встретиться накоротке в Хельсинки, чтобы обсудить ситуацию и условиться насчет совместных действий. Об этом см. подробно в разделе VI. На данной встрече обсуждались также вопросы двусторонних отношений.

новки. Их поддерживает, надеюсь, и абсолютное большинство американцев. <...>

Рост доверия между нами способствует сотрудничеству. Скажу прямо, это наше заявление по Ираку окажет огромную помощь администрации в продвижении проектов экономического сотрудничества с СССР. Но опять-таки, не хочу создавать ложного впечатления, что я свободен здесь в своих действиях. У нас есть большие ограничения. <...>

Горбачев. Мы уже входим в архитрудный процесс ломки старой экономики: подготовлены и будут обсуждаться реформа банковской системы, закон о предпринимательстве, антимонопольные меры и многое, многое другое.

Плохо, что мы подходим к этому этапу с до предела расстроеными финансами и рынком. Может произойти взрыв. Бикфордов шнур здесь — лавинообразный рост цен...

Наша экономическая дискуссия вступила в завершающий этап. Подготовленные законопроекты мы отдаем на одобрение в республики. Планируем начать реализацию программ с 1 октября.

Буш. И сколько, по Вашим прикидкам, потребуется времени для стабилизации экономического положения?

Горбачев. <...> Для первоначальной стабилизации потребуется месяцев пять. А само вхождение в рынок займет около полутора лет. Уже сейчас люди боятся роста цен и безработицы. Общество приучено, что за него кто-то должен думать и решать, а теперь каждому придется шевелить мозгами.

Но откладывать принятие решений больше нельзя. Если мы не примем немедленно самые радикальные решения, то реальной станет угроза дезинтеграции не только экономики, но и государства. Настанет настоящий экономический ералаш.

В этих условиях вашего понимания наших проблем уже мало — нужна помощь. Мы нуждаемся в дополнительных финансовых возможностях для маневра на этапе вхождения в рынок. Запад должен помочь нам товарами и в финансовом отношении. Цифры тут не очень большие, причем просим мы не безвозмездно, все вернем и вернем с процентами. Однако ясность в отношении ваших намерений нам нужна уже сейчас, до 1 октября.

Надеюсь, когда господин Бейкер приедет к нам, то мы сумеем конкретизировать подходы к сотрудничеству и прояснить американскую позицию. Ведь подход США указывает курс и другим западным странам. Настал момент, когда нужна ясность.

Буш. Я тоже за конкретику. В некоторых областях мы готовы двигаться немедленно. В частности, я считаю, что огромный потенциал заложен в нашем сотрудничестве по энергетическим вопросам. Мы готовы передать вам технологию, в которой раньше по понятным причинам отказывали. Госсекретарь Бейкер имеет поручение обсудить эти вопросы в деталях с министром Шеварднадзе. Но и мы с вами можем их сейчас затронуть. В частности, меня интересует, что вам нужно в плане помощи уже сейчас? Скажу сразу: лишних денег у нас нет. Конгресс никогда не даст Президенту «карт-бланш» на миллиардные вложения в условиях, когда дефицит федерального бюджета приблизился к рекордной отметке.

Бейкер. Как юрист подчеркну два осложняющих момента. Во-первых, скажите своим переговорщикам, чтобы они всерьез занялись досогласованием договоренности по царскому долгу. Мы здесь готовы ограничиться минимумом. Прорыв здесь поможет снять ограничения в Конгрессе на кредитование Советского Союза. Во-вторых, очень важно поскорее запустить подписанное в Вашингтоне торговое соглашение, а для этого вы должны, наконец, принять закон о выезде.

Горбачев. Мы не стоим на месте. Принимается новый закон об иностранных инвестициях, создающий гораздо более благоприятные условия для зарубежного бизнеса. Мы больше не откладываем в долгий ящик и переход к конвертируемому рублю: некоторые шаги будут предприняты уже в ближайшее время.

Бейкер. Со своей стороны я советовался с нашими экономистами, и, думаю, к следующей встрече в верхах мы сумеем подписать соглашение о двойном налогообложении.

Сунуну (*руководитель аппарата Белого дома*). Тут есть одна проблема. Мы подталкиваем американские фирмы к прямому сотрудничеству с вами, но они не знают, с кем сейчас вести дело. Республики дезавуируют Центр, Центр — республики. Рискованно подписывать соглашения, когда не знаешь, кто их будет выполнять с противоположной стороны.

Горбачев. Да, это реальная проблема. Но сейчас постепенно наступает отрезвление: эйфория деклараций проходит и появляется понимание, что экономические связи, складывавшиеся десятилетиями, по живому не разорвешь. У нас ведь есть предприятия, которые контролируют весь общесоюзный рынок, и ни одна республика, включая РСФСР, без них не обойдется. <...>

Бейкер. Мы с Мосбахером (*министр торговли США*) привезем в Москву настоящих капитанов американской промышленности, готовых к самому серьезному и деловому обсуждению. Я вижу огромные возможности в первую очередь в энергетической области. Надо смелее реализовывать и новые формы сотрудничества. Дадите вы нашим бизнесменам настоящие концессии в Сибири? <...>

Горбачев. К приезду госсекретаря Бейкера в Москву мы дадим поручение Маслюкову (*заместитель Председателя Совмина*) — он отвечает за советско-американские экономические связи — проработать и синтезировать все наиболее перспективные проекты. Тогда и разговор получится предметным.

Буш. Относительно центробежных тенденций в вашей стране. Может быть, стоит послать наших представителей Штатов — вплоть до уровня губернаторов — чтобы они объяснили некоторые реалии взаимодействия с Центром руководству ваших республик, поделились своим опытом?

Горбачев. Ну что ж, через какое-то время такая миссия может быть полезной.

*На встрече с Джеймсом Бейкером, Робертом Мосбахером
и группой ведущих американских бизнесменов
Москва, 13 сентября 1990 года*

Горбачев. Приветствую вас всех. Мы впервые принимаем госсекретаря Бейкера в таком внушительном окружении. Мы приветствуем такое «американское нашествие». Особенно если это не просто символический жест, а шаг, который даст серьезные практические результаты, от которых в выигрыше будут обе стороны. <...>

Приветствуя инициативу госсекретаря и министра торговли, приветствуя всех вас, прибывших к нам в страну в момент, когда мы делаем решающие шаги к рыночной экономике, я хочу сказать, что выбор мы сделали и пути назад нет.

Бейкер. <...> Мы хотим, насколько это возможно, помочь вам в преобразовании вашей экономики в экономику свободного рынка. Как я уже говорил Вам, мы видим большие возможности для американского частного сектора участвовать в процессе реформ, особенно в том, что касается энергетики и продовольственной сферы. Все мы считаем, что позитивное развитие отношений в политической области должно подкрепляться фундаментом торгово-экономических связей. <...>

Мосбахер. Мы очень заинтересованы в налаживании связей с советскими партнерами и распространении в деловых кругах США информации о тех возможностях, которые имеются в этом плане. <...> Мы надеемся, что сможем действовать быстро, прорываться через барьеры бюрократии, которая есть в обеих странах. <...> 40 процентов участников нашей группы представляют энергетический сектор. По некоторым направлениям сотрудничество здесь уже началось. Мы хотели бы помочь вам в повышении эффективности разведки, добычи и переработки нефти. <...> Мы будем рекомендовать КОКОМ изменить и ослабить ряд ограничений на поставку технологий по разведке и освоению нефтяных ресурсов. Мы видим возможности для сотрудничества и в других областях — транспорте, связи, жилищном строительстве, частном финансировании. По линии советско-американской программы сотрудничества в области подготовки управленческих кадров каждая из представленных здесь компаний примет в качестве стажеров на 3–6 месяцев советских управленцев и руководителей предприятий.

Горбачев. Это очень хорошо. Ведь самая трудная работа нам предстоит именно в этом — в изменении психологии, сложившихся подходов. <...>

Маслюков. У нас подготовлен большой материал, в котором подробно излагаются как принципиальные вопросы советско-американского торгово-экономического сотрудничества, так и перспективы в конкретных областях и различных отраслях экономики. Мне поручено заниматься вопросами налаживания связей, установления отношений с американскими партнерами — компаниями, организациями, ведомствами. Надо искать новые формы, новые возможности. Примеры есть — такие, как сотрудничество с компанией «Шеврон», консорциум и др. Необходимо будет преодолевать барьеры на бюрократическом уровне, и мне хотелось бы иметь в американской админи-

страции контрапартнера, с которым можно было бы контактировать в интересах ускорения, максимальной оперативности этой работы.

Бейкер. С нашей стороны это будет господин Мосбахер.

Мосбахер. Да, я готов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джеймсом Бейкером
13 сентября 1990 года*

Бейкер. Господин Президент, я хотел бы сейчас высказать одну мысль, хотя, может быть, лучше мне было бы воздержаться от этого. И все же. Никто в мире еще не пытался сделать то, что пытаетесь сегодня сделать Вы и Ваши сподвижники. Речь идет о том, чтобы переломить мышление, складывавшееся на протяжении 70 лет. Разумеется, приходится делать это постепенно, поэтапно, иначе не достичь успеха. Но думаю, что Вы знаете, что президент и я год назад твердо определились: мы хотим, чтобы Ваши усилия увенчались успехом, ибо это отвечает коренным интересам Соединенных Штатов, Советского Союза, всего мира.

Горбачев. Да, это продиктовано объективной логикой.

Бейкер. А теперь я признаюсь Вам, что на днях сказал своему помощнику: я не новичок в политике, многое видел, но никогда ни в одном политическом деятеле не видел столько смелости, столько мужества, как у Вас. Я знаю, что на Вас действуют определенные ограничители, политические рамки. Я знаю, как трудно даются те политические решения, которые Вы столь мужественно принимаете. Хочу сказать Вам, что такого же мнения о Вас и президент Буш.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром обороны США Ричардом Чейни
Москва, 17 октября 1990 года*

Горбачев. Я много раз говорил, в том числе президенту Бушу в Хельсинки: можно представить себе, что произошло бы, если бы нынешний кризис в Персидском заливе разразился, скажем, лет семь назад. Пожалуй, уже дошло бы до стрельбы, и уж наверняка до колоссальной конфронтации. Конечно, нынешний кризис — это самое тяжелое испытание новых отношений, которые мы строим между нашими странами, новой линии, которую мы стремимся утвердить в международных отношениях. <...>

Чейни. В центре наших обсуждений с маршалом Язовым было разъяснение военных доктрин. Мы рассказали о проведенном в США пересмотре военной стратегии. Я действительно реалист и привык обращать внимание прежде всего на реальные возможности вооруженных сил, а не на намерения. Так, в прошлом году в США было произведено 12 баллистических ракет, а в СССР — 140.

Горбачев. Я не уверен, что эти цифры точны.

Ахромеев. Только если считать с советской стороны любые ракеты, в том числе тактические.

Чейни. Моя цель — не спорить о количестве ракет, а подчеркнуть: президент Буш изменил военную стратегию США.

Горбачев. Это важно. Хотя вы идете медленнее, чем мы. Хотя в чем-то мы обгоняем вас.

Я уверен, что после того, как мы завершим Венские переговоры и переговоры о 50-процентном сокращении СНВ, надо будет серьезно обсудить философию подхода к проблемам разоружения. После такой философской дискуссии яснее будет, какие шаги предпринимать дальше. Яснее будет и то, как нам сокращать военные бюджеты. <...>

Чейни. Соединенные Штаты используют те возможности, которые возникли в результате изменения международной обстановки, новых отношений с СССР. Благодаря этому мы смогли пересмотреть нашу военную стратегию, сократили военные расходы, выводим часть войск из Европы, закрываем многие военные базы в Европе, сокращаем армию и даже военно-морской флот. <...> У нас уже и в Министерстве обороны глубоко убеждены, что отношения с СССР будут улучшаться. Мы выполняем указание президента Буша о сокращении общего объема военных усилий США, о том, чтобы они не фокусировались на СССР как на противнике.

Горбачев. Вот это самое главное. И когда это окончательно утвердится, не так важны будут какие-то различия в количестве оружия. А пока все-таки еще надо поторговаться за столом переговоров. В целом мы движемся в правильном направлении. <...>

Чейни. Мы с большим интересом следим за обсуждением в СССР проблем экономической политики и структуры Советского государства. Как неоднократно заявлял президент Буш, мы считаем, что интересам США, интересам всего мира отвечает стабильный, процветающий, демократический Советский Союз.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джеймсом Бейкером
Москва, 8 ноября 1990 года*

Горбачев. Мы твердо настроены на то, и надеемся, что вы будете в этом убеждаться, чтобы не только сохранить и оградить наши с вами отношения, но и продвинуть их вперед. Все, что мы стремимся осуществить у нас в стране, конечно, отвечает прежде всего нашим национальным интересам, но мы глубоко убеждены, также и национальным интересам США. Сближение, более тесное сотрудничество между нашими странами, правительствами, народами в интересах позитивных перемен во всем мире — это наш вклад в мировую цивилизацию. Это соображение лежит в основе всего, что мы делаем и будем делать в наших отношениях с США. У вас не должно быть на этот счет никаких сомнений. <...> Есть небольшая часть наших людей, у ко-

торых есть все-таки определенные сомнения относительно нашей линии на сотрудничество с США. Кое-кто считает, что два таких гиганта, как СССР и США, обязательно все-таки разойдутся. Даже во время демонстрации на Красной площади мы видели и такие лозунги: за все годы «холодной войны» Соединенные Штаты не смогли добиться того, что Горбачев, его политика подарили им за последние годы. Вот, дескать, за развал Советского Союза и Восточной Европы Запад и присудил Горбачеву Нобелевскую премию. Здесь же, так сказать, через запятую, критикуют и Шеварднадзе. Но это — не преобладающее мнение. В целом настроение людей иное. Люди за сотрудничество с США, люди все больше вовлекаются в этот процесс. <...>

Бейкер. <...> Вы и Ваши сподвижники проявляете огромное мужество, мужество политических лидеров. Нелегко повернуть страну в новом направлении после 70-ти лет другой политики и экономики. <...> И мы, и вы заинтересованы в том, чтобы наши и ваши усилия увенчались успехом. <...> Впервые возникла перспектива подлинной Организации Объединенных Наций, такой, как хотели ее основатели. Это тоже благодаря начатым Вами переменам. Вот почему мы болеем за Вас, желаем Вам успеха. И не думайте, что нас за это не ругают в США. <...>

Сегодня у нас складываются по-настоящему доверительные отношения, которые позволяют обсуждать самые чувствительные аспекты нынешнего кризиса. Мы делимся с Вами информацией, нашими оценками и соображениями. Это еще одно свидетельство того, как мы хотим строить наши отношения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
(во время Общевропейского совещания)
Париж, 19 ноября 1990 года*

Буш. Думаю, что присуждение Вам Нобелевской премии, которое было очень тепло встречено в США, является и выражением уверенности в том, что Вы можете найти ответ на все трудные вопросы, с которыми Вы столкнулись.

Горбачев. Вы правы, когда Вы говорите, что мы переживаем трудное время. <...>

Поэтому в какой-то степени нам иногда придется прибегать к методам, напоминающим крутые административные меры, с тем чтобы не дать идущим процессам превратиться в хаос. <...> Мы будем двигаться в том же направлении, что и прежде, но осуществим серьезные организационные изменения. По существу, речь идет о президентском правлении, президентской системе, при которой исполнительная власть будет непосредственно подчиняться Президенту. Будут созданы новые структуры — экономические, политические, контрольные, обеспечивающие это.

Буш. А каково будет при этом место Ельцина? Укрепит ли это Вашу позицию в отношении Российской республики? <...> Нам все это нелегко понять. У нас есть четкое распределение полномочий между Центром и штатами. Мы понимаем, что Вы хотите сделать: сохранить порядок и единство,

которые необходимы для самих республик. И когда этот человек посылает повсюду своего министра иностранных дел и торговые делегации, заявляя, что ему нет дела до Центра, то мы этого просто не понимаем.

Горбачев. Я сказал ему, что он должен четко высказаться в отношении сохранения нашего Союза. Он, правда, говорил, что и так уже высказывался на этот счет. Но я сказал, что такое заявление необходимо, и он в конце концов согласился и сделал такое заявление. Но двойная мораль недопустима. Нельзя говорить одно, а делать другое. <...> По возвращении домой мы намерены опубликовать проект Союзного договора, в котором будут четко распределены полномочия между Центром и республиками.

Буш. В подготовленном для меня тексте выступления на этом совещании было упоминание о Латвии, Литве и Эстонии. Но ознакомившись с текстом, я выбросил из него это упоминание. Я понимал, что это может поставить Вас в неловкое положение. <...>

Горбачев. Мы опубликуем проект Союзного договора, и, когда договор будет готов, республики подпишут его. А с теми, кто не подпишет, мы начнем «бракоразводный процесс».

Буш. В рамках вашей Конституции?

Горбачев. Совершенно верно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
18 января 1991 года*

Буш (после подробного обсуждения ситуации в Персидском заливе). В заключение хочу сказать, что все последние дни я с большим сочувствием думал о Вас. Хочу еще раз подчеркнуть то, что я говорил вашему новому министру иностранных дел: очень желательно, чтобы ваши проблемы в Прибалтике нашли мирное решение. Они очень осложняют положение. Хочу также заверить, что мы приложим все возможные усилия для того, чтобы урегулировать проблемы, возникшие в связи с Договором по обычным вооружениям, и довести до конца подготовку договора по СНВ. Что бы ни происходило сейчас, мы не утратили интерес к этим вопросам.

Горбачев. Я с удовлетворением принимаю к сведению эти слова. Жму Вашу руку, до новых контактов.

Буш. Можете звонить в любое время дня и ночи. Желаю Вам успехов, удачи во всех делах, в решении всех ваших проблем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джеймсом Бейкером
Москва, 15 марта 1991 года*

Бейкер. Хотел бы выразить признательность за ответ, который Вы дали только что корреспондентам на вопрос относительно ужина, на который

я сегодня вечером приглашаю руководителей республик и некоторых других лиц. Я хочу, чтобы Вы знали: мы и впредь будем ясно указывать им и прессе, что имеем дело с Советским Союзом лишь через Центр, через ваше правительство.

Горбачев. Единственно, что хотелось бы сказать относительно этого ужина — я узнал о нем из американской прессы. И министру стало известно об этом с опозданием.

Бейкер. Если это так, то мы сожалеем по этому поводу. <...> Мы постоянно подчеркиваем, что поддерживаем территориальную целостность Советского Союза. <...> Мы делаем все возможное для того, чтобы наши действия в этом аспекте наших взаимоотношений не вели к усугублению конфронтации между Центром и Прибалтикой. Мы выступаем за то, чтобы проблема решалась путем диалога и переговоров. Мы отказываемся официально признать Прибалтийские государства, хотя они и очень хотели бы этого. Мы говорим, что в таком признании нет необходимости, поскольку мы никогда не аннулировали наше признание этих государств. <...> Утверждают, что политика Президента Горбачева качнулась вправо, говорят, что Вы изменили курс. И должен сказать откровенно, что иногда и у нас возникает беспокойство, когда мы видим некоторые признаки, особенно в области ограничения вооружений. Однако у нас нет сомнений относительно того, что в душе Вы сохраняете приверженность реформам. Мы хотим верить, что те коррективы, которые Вы внесли в свой курс, направлены лишь на то, чтобы обеспечить успех реформ и демократизации, что не произошло фундаментального изменения и отхода от Вашего курса, что Вы не захвачены силами прошлого. Мы хотим в это верить и верим в это.

Горбачев. И все-таки — хотите или верите?

Бейкер. И то, и другое. <...>

Горбачев. Что касается моего политического курса, сомнений, которые возникли в этой связи, то хочу сказать: я сделал свой выбор давно и окончательно. В моих взглядах, убеждениях, в моем выборе не произошло никаких изменений. <...>

Поэтому требуется огромный запас сил, веры, убежденности, чтобы удерживать ситуацию. Требуется и определенное тактическое маневрирование. <...>

Теперь в свете всего этого о советско-американских отношениях. Они прошли через острый период проверки и выдержали это трудное испытание. И вам и нам это далось нелегко. Я убежден: ничего позитивного не получилось бы, если бы советско-американское сотрудничество нарушилось.

Правда, сейчас в американской прессе наблюдается определенная эйфория, многие говорят, что Америка может теперь обойтись и без сотрудничества с Советским Союзом. Я знаю об определенных попытках представить дело так, что возобладал, так сказать, военный сектор администрации, а дипломаты попали под огонь критики. Подобные попытки имеют место и у нас. Конечно, если думать лишь исходя из интересов избрания на следующий президентский срок, то, может быть, так и надо действовать. Но если думать о том, в каком мире мы хотим жить, то я убежден, что от курса на советско-американское взаимодействие нельзя отходить ни на шаг. <...>

Думаю, в этом плане в советском обществе произошли глубокие перемены. Люди понимают все значение сотрудничества с США. Это понимают и те, кто не согласен с этим курсом и пытается сейчас бросить на него тень. В нашей прессе теперь можно писать все, и пишут иногда похлеще, чем у вас...

Бейкер. Хотел бы прокомментировать сказанное Вами. Есть люди, которым обязательно надо иметь врага. И то, что происходит сейчас у вас, одновременно происходит и в Соединенных Штатах. Вы сами об этом сказали. Хочу заверить, что, как и вы, мы не намерены менять нашу политику, рассчитываем на продолжение нашего сотрудничества. <...>

Действительно, наши отношения прошли через серьезное испытание, которое оказалось непростым для обеих наших стран. <...> Мы считаем, что можем продолжать сотрудничать как две сверхдержавы в международных делах, что положение наших двух стран в мире и впредь будет особым, отличающимся от места в нем любой другой страны. <...>

Вы сказали, что если бы хотели быть диктатором, то такая возможность у Вас была. Это абсолютно верно. Мы это понимаем. И мы знаем, что Вы не станете диктатором, ибо это означало бы для Вас потерять место в истории.

Мы понимаем ситуацию, сложившуюся вокруг Ельцина. Здесь проявляется слабость демократического процесса. Но демократия имеет и очень важные сильные стороны, лучше демократии все равно ничего нет. Нам трудно судить, как сказалась на авторитете Ельцина здесь его последняя речь, но во всяком случае за границей он себе сильно навредил.

Горбачев. И здесь тоже. В последние дни его окружение только и делает, что оправдывается.

Бейкер. Вы говорили о необходимости маневрирования, нейтрализации крайностей, о необходимости реформирования Союза и экономики. <...>

Вы сказали, что мы выдержали одно испытание. Согласен. Но есть еще одно испытание, в области разоружения, которое нам еще предстоит выдержать. Если мы не выдержим его, то под сомнение будет поставлена поддержка этого процесса в Соединенных Штатах. <...> Как Вы знаете, по Договору об обычных вооруженных силах возникло три проблемы, две из которых можно было бы решить без особого труда, если будет найдено решение третьей. <...> Речь идет о толковании статьи III Договора. Мы считаем, что статья III сформулирована настолько четко, что просто не поддается никаким неверным толкованиям. Нигде в Договоре нет ни одного положения, которое позволяло бы исключить технику, находящуюся в составе частей морской пехоты, береговой обороны и Ракетных войск стратегического назначения, и их зачет. Скажу Вам со всей честностью: мы ни в коем случае не сможем принять даваемое вашими военными толкование статьи III Договора, которое, по нашему мнению, является преднамеренно искаженным. <...> Я говорил Александру Бессмертных, что данный вопрос может повлиять и на судьбу договора по СНВ. Ведь речь идет о проблеме доверия. Мы хотим завершить работу над договором по СНВ. <...>

Горбачев. Но наши люди утверждают, что дело обстоит совсем наоборот. Когда в начале ноября у нас с вами были в Москве переговоры, в ходе которых утрясались последние вопросы по Парижскому договору, наши военные

представили вам подробную документацию — чуть ли не 8 или 9 томов — и американская сторона не высказала никаких сомнений по этому поводу. Лишь впоследствии после церемонии подписания в Париже Соединенные Штаты подняли все эти вопросы.

Бейкер. Я, к сожалению, не могу принять такое толкование. Не исключая, что на уровне делегаций какое-то обсуждение имело место. Однако такого обсуждения не было на уровне министров и, сомневаюсь, что оно было на уровне заместителей министров. Все наши люди подчеркивают, что Советский Союз поднял эту проблему лишь после подписания Договора (*об обычных вооруженных силах*). <...>

Горбачев. Генерал Моисеев (*начальник Генштаба*) доложил мне о ходе обсуждения этой проблемы с господином Вулси³². Казалось, что господина Вулси удовлетворяет предлагаемая развязка. Я думаю, надо обсуждать этот вопрос конкретно, в плане частичной компенсации путем сокращения трех компонентов охватываемых Договором вооружений, и которые имеются в дивизиях береговой обороны. При этом надо оговорить, что военно-морские силы находятся вне этого Договора. <...>

Бейкер. Теперь хотел бы поднять еще один чрезвычайно деликатный вопрос в области контроля над вооружениями. Делаю это по личной просьбе президента. <...> Речь идет о нашей озабоченности относительно несоблюдения Конвенции о запрещении бактериологического оружия.

Горбачев. Я помню обсуждение этого вопроса в Кэмп-Дэвиде. Его ставил в недавней беседе со мной господин Мейджор. Я сказал ему: дайте нам это в письменном виде.

Бейкер. Я сделаю это.

Горбачев. Мы также хотим, чтобы наши эксперты провели аналогичную поездку. Надо сравнить, в чем разница. <...>

Бейкер. Некоторые выявленные в ходе поездки наших экспертов факты усугубили нашу озабоченность. <...>

Горбачев. Нам нужен официальный документ, где все это изложено. Но я правильно понимаю, что вы приветствовали бы проведение ответного визита советских экспертов?

Бейкер. В принципе мы дали на это согласие. Однако по срокам поездки ваших экспертов обуславливается завершением первого раунда посещений. <...> Сейчас, когда в свете увиденного нами в ходе поездки у нас появились серьезные вопросы, мы хотели бы сначала снять их, а уже после этого проводить какие-то дополнительные поездки наших экспертов и поездки ваших экспертов на наши объекты. <...>

Речь идет о наличии в СССР колоссальной военно-биологической программы, в которой занято 25 тысяч служащих, создано 10 научно-исследовательских организаций и 20 производственных предприятий. На 40 процентов она финансируется Министерством обороны. Руководство этой программы также военное, а 40 процентов ведущихся исследований засекречены. Мы полагаем, что деятельность подобного масштаба значительно превышает любые возможные потребности исследований по защите от бактериологического оружия. <...>

Горбачев. Когда президент сказал мне об этой проблеме в Кэмп-Дэвиде, я запросил информацию у наших экспертов и предложил, чтобы не было оснований для каких-либо сомнений, организовать поездки экспертов. <...> Но теперь уже у меня появляются сомнения. Я предложил вашим экспертам приехать к нам, и они приехали. А вот вы не хотите, чтобы приехали наши эксперты.

Бейкер. Вы можете посмотреть, как этот вопрос отражен в договоренности между нашими делегациями.

Горбачев. Тут важна не юридическая сторона, не «крючки», а политика. <...> Ваша позиция представляется крайне странной. Это какой-то односторонний нажим.

Бейкер. У нас нет таких намерений.

Горбачев. Мы не хотим, чтобы здесь оставались какие-то недопонимания. Ведь мы могли бы ответить на постановку вами этой проблемы какой-нибудь «глухой» бумагой, но вместо этого пригласили Вас. <...> Чтобы закрыть этот вопрос, хочу подтвердить: мы соблюдаем наши договоренности и готовы осуществить обмен визитами, с тем чтобы обе стороны могли убедиться в этом.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
21 июня 1991 года*

Буш. Добрый день, Михаил! Будем считать, что это Ваш звонок — Вы возвращаете мой вчерашний звонок.

Горбачев. Хорошо. Я приветствую возможность поговорить. Сожалею, что вчера мы не смогли побеседовать. <...>

Буш. Здесь сейчас находится Ельцин, и я звонил в соответствии с его желанием. Вы, наверное, в курсе его высказываний здесь, в которых он поддерживал Ваши усилия. И мне тоже показалось, что в свете этого было бы полезно поговорить с Вами.

Горбачев. Вы довольны беседой с ним?

Буш. Да, причем больше, чем при предыдущих контактах. Он прибыл сюда, получив большую поддержку на демократических выборах, для нас это важный факт. Удовлетворение вызывает то, что и публично, и в частных высказываниях он говорит о стремлении работать вместе с Вами. Раньше меня беспокоила возможность далеко идущих разногласий между вами. Это могло и для нас создать неловкую ситуацию.

Как Вам, надеюсь, сообщает ваш посол, я подчеркиваю ему, что по принципиальным, политическим вопросам Вы — мой человек, человек, с которым я работаю. Мне доставляет удовольствие совместная работа с Вами, как с главой Советского Союза. Я исхожу из того, что посол Вас во всем подробно проинформирует.

Горбачев. Да, Джордж, я имею все основания — причем не только исходя из сообщения нашего посла — подтвердить, что очень ценю Вашу личную позицию, позицию Вашего ближайшего окружения. <...> Хочу подчеркнуть,

в частности, окончательное снятие вопросов, возникших в связи с Договором по обычным вооружениям, стремление более быстро довести до конца работу над Договором по СНВ, а также тот факт, что Вы лично приняли решение по продовольственному вопросу, который я перед Вами ставил. <...>

В последние несколько дней группа депутатов Верховного Совета СССР, которых я назвал бы реакционными, предприняла попытку взорвать ситуацию в Верховном Совете. И сегодня утром мне пришлось выступить там, причем довольно основательно. Я получил поддержку большинства депутатов. <...>

Буш. Прежде всего, хочу сказать, что Ваша информация очень полезна. Я только что прочитал сообщение агентства Франс пресс о Вашем выступлении в Верховном Совете и нахожу его очень сильным. Хочу спросить, нет ли тут какой-то связи с тем, что передавал вчера посол Мэтлок? Я хотел бы пояснить, что произошло.

Горбачев. Джордж, я сразу же сказал послу, что на 1000 процентов исключаю любое недоразумение в этой связи.

Буш. Хорошо, можете быть уверены, что я ни в коей мере не хочу вмешиваться в ваши внутренние дела. Я просто передал то, о чем меня просили Попов и Ельцин. <...> Хочу еще раз сказать, что Ельцин здесь никоим образом не создавал трудностей для Центра. Надо отдать ему должное: он всячески создает впечатление, что будет взаимодействовать с Вами — как с человеком и как с Президентом. Поэтому опасения о том, что визит Ельцина может подчеркнуть значительные разногласия между вами, в значительной мере сняты. Американская пресса отмечает этот факт, пишет, что Ельцин ведет себя правильно. Я тоже считаю, что он никак не подрывает Ваших позиций.

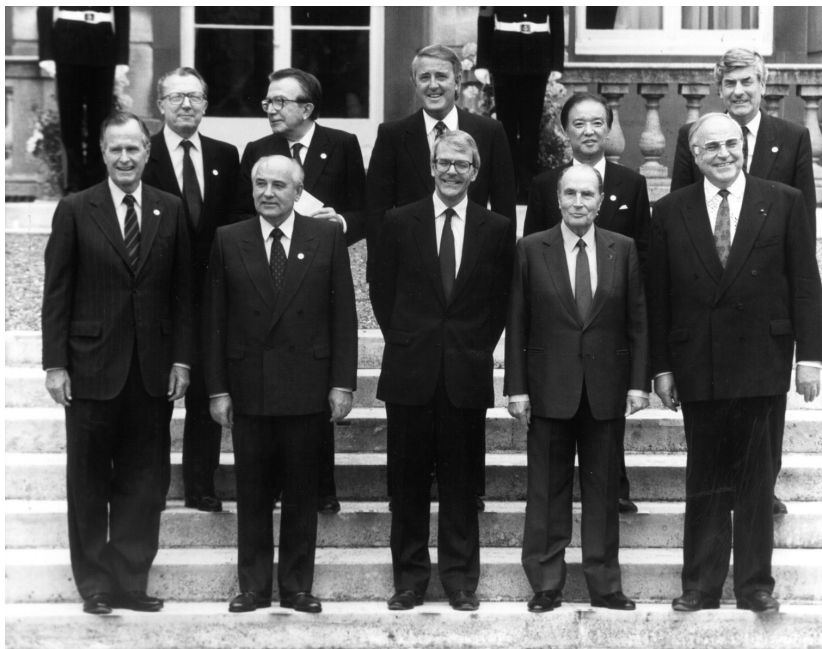
Горбачев. Я могу сказать следующее: я вижу конструктивную тенденцию в позиции Ельцина в последнее время, и я отреагировал на это адекватно. Я привержен укреплению сотрудничества с ним, с моей стороны здесь нет препятствий или трудностей. Конечно, иногда наш брат подвергается разного рода давлению. И важно, чтобы Ельцин, несмотря ни на какое давление, удержался на этой позиции.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем (перед заседанием «семерки»)
Лондон, 17 июля 1991 года*

Буш. Я не большой любитель многосторонних мероприятий, даже считаю их потерей времени. Поговорили, приняли коммюнике, и всё. Но в данном случае встреча четко сфокусирована — речь пойдет о будущем наших отношений с СССР. Все думают и говорят только об этом. <...> Понимаю, что СССР переживает сейчас нелегкий период. Но мы не проявили колебаний, и у меня не будет колебаний в поддержке Ваших усилий. <...>

Горбачев. Я знаю, что Президент США — человек основательный, что его решения — это решения серьезного политика, а не импровизация. И на

Лидеры заседания «семерки» с участием М.С. Горбачева. Лондон, 19 июля 1991 года

основе этих решений мы уже продвинулись к большим перспективам в нашем диалоге, в области безопасности.

И в то же время создается впечатление, что мой друг Президент США еще не пришел к окончательному ответу на главный вопрос — какой Советский Союз хотят видеть США. <...> Хочу сказать Вам как другу: я надеюсь, что на вопрос, какой Советский Союз хотят видеть США в перспективе, будет дан ответ — динамичный, прогрессивный, поступательно развивающийся, так же как мы сказали, что хотим видеть Соединенные Штаты страной процветающей, сильной, ответственной в своем поведении, нашим близким партнером. <...>

И я спрашиваю: чего же ждет Джордж Буш? Если после этого ланча, на «семерке» мои коллеги будут в основном говорить мне, что, мол, нам нравится то, что Вы делаете, мы это поддерживаем, но по сути дела Вы должны вариться в своем котле, то я говорю — а ведь суп-то общий! <...>

Буш. Мы хотим, чтобы Советский Союз был демократической, рыночной страной, динамично интегрированной в западную экономику. Наконец — пусть не покажется, что я вмешиваюсь в ваши внутренние дела, но я говорю это в связи с экономикой — Советский Союз, в котором успешно решены проблемы между Центром и республиками. <...>

Не все у нас в стране полностью согласны с моим подходом к СССР. И это создает определенные практические проблемы и в экономических отношениях. Я не говорю, что здесь лишь ваша вина. Но в Конгрессе, например, видят, что вы модернизируете свои ракеты и спрашивают: почему?

Я все же думаю, что справлюсь с этими сомнениями, потому что вижу, какие огромные перемены произошли в Советском Союзе, каким потрясающим демократическим переменам вы позволили произойти в Восточной Европе. <...> Ваш успех отвечал бы глубинным интересам США. В наших интересах, чтобы вы смогли разобраться с проблемами отношений с республиками. Закат Советского Союза — не в наших интересах. <...>

Горбачев. Чем мы закончим встречу с «семеркой», 7 + 1?

Буш. <...> Должны быть различные способы воплощения этой поддержки в практические шаги. <...> Возможное разночтение между нами в этом вопросе возникает в том случае, если Вы считаете, что единственным способом проявить поддержку является крупное финансовое вливание. Но Вы так не говорите. Вы говорите, что важнее денег — политический толчок. Я думаю, это правильно.

Горбачев. Плюс механизм реализации.

В рамках встречи были также окончательно согласованы вопросы по договору СНВ.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
Москва, 30 июля 1991 года**

Горбачев. Я понимаю, что Президент США хочет иметь точное представление о том, что происходит, в каком направлении развиваются события, чего можно ожидать. <...>

Мы будем и впредь твердо идти по избранному пути — демократизации в нашей стране, рыночных реформ, движения навстречу сотрудничеству со всеми западными странами. При этом особое значение имеют отношения с США и Европой. <...>

Вчера с Ельциным и Назарбаевым мы обсуждали одну идею. После подписания Союзного договора, может быть, дать какое-то время, прежде чем принять новую Конституцию и провести выборы. То есть провести выборы после некоторой стабилизации ситуации, когда обстановка будет более благоприятной. Мы должны действовать расчетливо. Ведь если проводить выборы в наиболее острый момент реформ, то консерваторы могут воспользоваться трудностями, сказать, что во всем, дескать, виноваты реформаторы, а вот они консерваторы, воплощают здравый смысл и заслуживают поддерж-

* Визит Джорджа Буша в СССР состоялся с 29 июля по 1 августа 1991 года. Горбачев и Буш подписали Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), также ряд других документов — о сотрудничестве по предупреждению аварий, в связи со стихийными бедствиями и о ликвидации их последствий, о консультативно-техническом сотрудничестве в области экономики, меморандум о безопасности гражданской авиации, соглашение о неотложных медицинских поставках и другие. По итогам переговоров были опубликованы совместные заявления о советско-американском взаимодействии в Центральной Америке в целях мирного решения проблем; по Югославии — с осуждением применения силы, а также заявление по Ближнему Востоку в поддержку мирного урегулирования конфликта и созыва мирной конференции. Впервые состоялся масштабный обмен мнениями о необходимости создать систему всеобщей (всемирной) безопасности.

ки. И действительно они могут получить дивиденды. Так что нам надо все тщательно просчитать. Мы это обдумаем.

И второй вывод. Нам необходимо более решительно, более быстро проводить реформы. Что для этого нужно?

Как мы договорились, я не говорил об этом публично в Лондоне, но сейчас хочу сказать Вам откровенно. Мы рассчитываем на реальную поддержку с вашей стороны, чтобы выиграть эту решающую битву за реформу.

Буш. А какую реальную поддержку Вы имеете в виду?

Горбачев. Когда мы перейдем к либерализации цен, то в поддержку этого крупного шага нам хотелось бы получить в соответствующий, точно рассчитанный момент товары, продовольствие, медикаменты. Далее, конечно, проблема конвертируемости рубля. Этот вопрос надо обсудить министрам финансов. <...>

Нам предстоят вскоре очень ответственные, даже драматические шаги. Это, повторяю, решающий период. Вот тот срез внутренней ситуации, который я хотел Вам показать.

Буш. <...> У меня создалось впечатление, что некоторые здесь считают, что в Соединенных Штатах есть существенные силы, стремящиеся добиться распада Советского Союза или его экономического краха. Действительно, в моей собственной партии есть крайне правые, утверждающие, что это отвечало бы нашим интересам. А слева — либеральные демократы, которые набрасываются на вас по проблеме прав человека, считают, что мы должны воспользоваться трудным периодом, который переживает Советский Союз, чтобы навязать ему что-то извне.

Когда казалось, что Горбачев и Ельцин идут друг на друга, что между ними не может быть примирения, некоторые у нас утверждали, что надо поставить все деньги на Ельцина. Однако администрация никогда не разделяла подобных взглядов, как и американский народ. <...>

Хочу заверить Вас, что во время поездки в Киев, ни я, ни кто-либо из сопровождающих меня не допустит чего-либо, что могло осложнить существующие проблемы, вмешаться в вопрос о том, когда Украина может подписать Союзный договор. <...>

Горбачев. Стало известно, что незадолго до Вашего визита «Фонд наследия» подготовил доклад, в котором рекомендовал Президенту воспользоваться посещением Украины, чтобы стимулировать там сепаратистские настроения, ибо это имеет стратегически важное значение.

Буш. Мне не известно об этом докладе. Но я надеюсь, что Вам доложили о том, что я подчеркивал необходимость предельной тактичности в определении программы визита. <...> Ни в коем случае я не собираюсь поддерживать сепаратизм. Киев был включен в программу визита только после того, как ваш министр иностранных дел сообщил, что Вас это полностью устраивает.

Конечно, у нас есть с вами трудности по Прибалтике. Ландсбергис очень хотел, чтобы по пути домой я совершил посадку в Вильнюсе. У нас, конечно, хватило сообразительности, чтобы понять, что этого не надо делать. В то же время не могу не сказать, что, на наш взгляд, лучше всего было бы, если бы

вы нашли возможность отсечь, отпустить на волю эти республики. Это прекрасно повлияло бы на общественное мнение. Но Вам известна моя точка зрения. Это — ваш вопрос. <...> Я считаю, что рассказанное Вами о работе над Союзным договором, новых отношениях с республиками вселяет надежду. Именно так надо двигаться вперед. <...>

Американцы стремятся к вам. Они видят огромные рынки и потенциальные возможности. Они уверены, что их можно использовать, не насилуя природные ресурсы страны. И если возможно, снять барьеры, кто бы их ни создавал — республиканские или местные власти, которые не могут договориться с Центром, это имело бы ключевое значение для успеха ваших реформ.

Горбачев. Когда мы сделаем рубль конвертируемым, то возможностей откроется гораздо больше. У нас принято союзное законодательство об иностранных инвестициях. Это хороший закон.

Буш. Республики поддерживают его?

Горбачев. Да. Причем некоторые дополнили его своими законами, создающими возможности для иностранных инвестиций. <...>

Пока мы с Вами вдвоем, хочу спросить: есть ли возможность обойтись без испытательного срока в Международном валютном фонде, чтобы можно было воспользоваться его услугами? Это было бы важно для нас, позволило бы сократить переходный период. <...>

Буш. Я предпочел бы рассматривать это в позитивном ракурсе. Специальный статус не является дискриминационным. Международные финансовые учреждения хотят содействовать вашим реформам. <...>

Горбачев. Думаю, что на основе сотрудничества, может быть в рамках специального статуса, мы могли бы обсудить с Банком проблемы, в решении которых его участие особенно пригодились бы. Я имею в виду такие ключевые вопросы, как конвертируемость, проблема структуры нашего долга. Если говорить о больших проектах, то и здесь нам было бы легче сотрудничать с другими странами, ведь от позиции Банка многое зависит. <...>

Буш. Спасибо. Ваши пояснения были полезными для меня. <...>

Горбачев. Главное — нам с вами открыться для осуществления больших проектов. Когда один пойдет, то и другие начнут раскрываться.

Буш. Согласен. Мы очень внимательно рассмотрим ваш перечень с учетом перемен, происшедших с тех пор, как Вы пришли к руководству. <...>

Горбачев. Когда подходишь к проблеме с этого конца, то сотрудничество еще более необходимо, чем даже с чисто экономической точки зрения. Ибо процессы в мире развернулись такие, что сотрудничество между нами просто незаменимо. В этом мире нужна какая-то ось, которая позволяла бы канализировать развитие событий в позитивном направлении. Без нашего с вами сотрудничества это трудно будет сделать.

*Из переговоров с Джорджем Бушем (в составе делегаций)
Москва, 30 июля 1991 года*

Горбачев. Складывается твердое убеждение в том, что линия на партнерство во взаимоотношениях между СССР и США обретает прочную основу. Так, сегодня мы впервые действительно по-крупному вышли на тему об экономическом сотрудничестве.

Пусть сказанное мной покажется парадоксальным, но мы хотим в большей мере экономически зависеть от США. Это отнюдь не проявление слабости или свидетельство комплекса неполноценности. Мы хотим быть понятными, предсказуемыми для вашей страны.

Когда государства связаны экономическими узами, это делает их политику в отношении друг друга более предсказуемой и ответственной. Поэтому мое заявление прошу воспринимать как свидетельство заинтересованности в развитии советско-американских отношений.

Экономическое сотрудничество видится нам как взаимовыгодный процесс. У нас имеется перечень конкретных действительно крупномасштабных проектов на этот счет, в которых нашим партнером могут быть, пожалуй, только США. Именно с Соединенными Штатами, с их экономическим размахом, мы могли бы «осилить» эти проекты. Поэтому мы с нетерпением ждем приезда делегаций, о которых Президент Буш упоминал в переписке со мной. Нам будет о чем с ними поговорить. <...>

Расширению нашего сотрудничества крайне мешают установленные КОКОМ запреты. В этой связи хотел бы с удовлетворением отметить данное Президентом в беседе со мной обещание вновь вернуться к соответствующим спискам и подкорректировать их. <...>

Буш. Мы будем готовы в ходе наших последующих контактов более предметно обсудить возможные направления сотрудничества по тем проектам, список которых был передан мне Президентом Горбачевым. Необходим обстоятельный разговор и о том, какие меры должны были бы быть предприняты, чтобы представить, наконец, на ратификацию торговое соглашение, прекратить действие поправок Бэрда и Стивенсона, обеспечить участие СССР в программах правительственной корпорации США по страхованию частных капиталовложений за рубежом.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
Ново-Огарево, 31 июля 1991 года*

Присутствовали: Бейкер, Бессмертных, Скоукрофт, Черняев.

Горбачев. Я хотел бы поразмышлять о новой концепции стратегической стабильности. Мне кажется, надо подумать, что включать в эту концепцию. В прошлом это понятие сводилось в основном к военному паритету, равенству, военному аспекту безопасности. Думаю, теперь нужен новый подход, потому что возникла новая ситуация, когда мы отказываемся от ставки на

силу, на гонку вооружений, когда возникают новые процессы в наших экономических отношениях.

Если мы посмотрим сегодня на мир, и не только на Европу, где это проявляется особенно ярко, то мы не можем не обратить внимания на элементы политической и экономической нестабильности. Они должны быть в поле нашего зрения. В последнее время сильно проявили себя национальные, а в некоторых случаях религиозные элементы.

Я считаю важным, что все мы за то, чтобы стимулировать демократический характер идущих перемен. Мы видим, что тоталитарные, авторитарные режимы уходят с арены. Думаю, что это процесс, который мы вызвали своими действиями, и мы хотим, чтобы он продолжался. Вопрос в том, как удержать этот процесс в конституционных, правовых рамках, не допустить, чтобы эти процессы выхлестывались в стихию, хаос, опасные по своим последствиям. <...>

Думаю, надо держать в поле зрения и такой фактор, как Китай, фактор Индии. Вместе это 2 миллиарда человек. Это две страны с амбициозными национальными планами. Я не хочу их осуждать. Это древнейшие, крупнейшие нации, которые хотят прорваться к другой жизни.

Считаю, что пока что и мы, и вы вели себя ответственно в отношении Китая, отказываясь «разыгрывать карту». Да Китай и не позволил бы делать этого. Мы хотим, чтобы вы были уверены, что мы не допустим действий, которые создавали бы перекося в стратегическом балансе. Могу вас заверить, что мы приветствовали бы возвращение ваших отношений с Китаем в нормальное русло. <...>

Я еще о многом мог бы сказать. О проблеме ресурсов, воды, окружающей среды, демографических процессах, которые могут привести к удвоению населения Земли через 30–50 лет. И возникает вопрос: какую роль должны сыграть наши страны с учетом этих реальностей, тенденций, процессов? Какие отношения мы должны строить между нашими странами?

Буш. Хочу прежде всего подчеркнуть, что в меняющемся мире мы будем очень довольны видеть сильный, экономически крепкий, изменившийся Советский Союз. И в этом отношении, в отношении вашей готовности к переменам, я испытываю сегодня большую уверенность, чем прежде. Я доверяю Вашим намерениям, и после нашего вчерашнего разговора я больше чем до приезда сюда уверен, что Вы знаете, куда Вы хотите идти и как прийти к цели. Хочу, чтобы Вы были уверены в том, что мы доверяем Вашим намерениям. <...>

Меня беспокоит индо-пакистанский субконтинент, Китай. Мы говорили об этом на обеде у Мейджора: это нелегко удерживать в равном русле.

О Китае. У нас по-прежнему с горечью вспоминают о событиях на площади Тяньаньмынь. Но во-первых, не может быть речи о разыгрывании китайской карты и, во-вторых, мы хотим положительно воздействовать на Китай, и я не хочу обрывать с ним контакты. Как Вы сказали, мы хотим вернуть наши отношения с Китаем в нормальное русло. <...> Конгресс настроен наказывать Китай. Но я считаю, что в глобальном плане это очень важная страна.

Относительно Индии — я хотел бы надеяться, что Советский Союз мог бы в большей степени на нее влиять. Индия и Пакистан затянули сложный узел по вопросу о ядерном оружии. Конечно, пакистанцы нам лгали, утверждая, что не занимаются ядерным оружием. Но в одном они правы: они же

предлагают заключить с Индией соглашение об отказе от ядерного оружия, но у Индии есть бомба, и она не хочет такого соглашения. <...>

Мы понимаем, с какими трудностями вы сталкиваетесь. Лишь один пример — поведение Ельцина на вчерашнем обеде*. Мы не хотим вмешиваться, но вчера вечером мы обсуждали это в своем кругу. Для американцев это было иллюстрацией тех проблем, с которыми Вы сталкиваетесь. Он все время хочет получить равный с Вами статус. Хочу заверить Вас, что с нашей стороны не будет сделано ни одного шага, который усложнял бы Ваше положение. <...>

Бессмертных. По вопросам ограничения вооружений мы обсудили возможность создания двух рабочих групп, которые в концептуальном плане обсудили бы следующие вопросы. Одна — проблемы сдерживания, предсказуемости и стабильности, причем не только в военном аспекте, но и в связи с ситуацией в регионах, в связи с потенциальными конфликтами. Мы могли бы попытаться уточнить роль СССР и США. Я думаю, что это интересная идея, и если президенты согласны, то мы ее обсудим конкретно.

И вторая рабочая группа — по нераспространению оружия массового уничтожения и соответствующих технологий.

Горбачев. Я это поддерживаю.

Бейкер. Мы кратко обсуждали вопрос о совместных усилиях по завершению в будущем году работы над конвенцией о ликвидации химического оружия. <...> Остался один вопрос — инспекции по запросу. Если он будет решен, то мы сможем договориться о глобальном запрете химического оружия в духе предложения, сделанного несколько лет назад Джорджем Бушем в качестве вице-президента США. <...>

*Далее по предложению Горбачева в беседе было затронуто положение на Ближнем Востоке.***

Горбачев. Как с Югославией?

Бессмертных. Мы попытались выработать текст краткого заявления по этому вопросу. <...>

Буш. Вам удалось сблизить позиции?

Бейкер. Проблема вот в чем. Поскольку Европейское сообщество играет лидирующую роль в усилиях по урегулированию в Югославии, и мы это поддерживаем, мы проконсультировались по этому тексту с министром иностранных дел Голландии как страны — председателя ЕЭС. <...> Внутри ЕС возникли разногласия относительно тактики в этом вопросе. Это, в частности, разногласия между Германией и другими странами ЕС, которые они не хотели бы усугублять.

Буш. Действительно, Германия вышла вперед по вопросу о признании Словении. Может быть, действительно предпочтем краткое заявление из двух-трех предложений — отметим большую озабоченность в связи с событиями в Югославии, призовем всех соблюдать договоренность о прекращении огня, осудим применение силы для решения политических проблем. Пусть югославы сами решают свою судьбу путем переговоров.

* На обеде в американском посольстве Ельцин и Назарбаев вызвали недоумение присутствовавших, когда в середине приема встали из-за своего стола, подошли к Джорджу Бушу и стали горячо заверять его в том, что **они** «сделают все для успеха демократии в этой стране».

** Обсуждение темы см. в разделе V.

Бессмертных. У нас единая позиция в поддержке территориальной целостности Югославии. Вопрос в том, говорить об этом или не говорить в данном заявлении. Это вопрос тактики. <...>

Бейкер. Между нами нет разногласий в принципе. Есть позиции, по которым мы едины. Мы не отходим от берлинского заявления. Но мы не хотим создавать затруднения для ЕС.

Горбачев. Скажу по существу этого вопроса. Перед началом этой беседы, когда Президент шел пешком к этому зданию, мы говорили с господином Скоукрофтом. Я сказал ему: распад, даже частичный, Югославии может породить такую цепную реакцию, которая будет хуже ядерной. Поэтому сейчас решающий момент. <...>

Когда я незадолго до Лондона обсуждал этот вопрос с Колем, то он спрашивал, как быть с принципом самоопределения меньшинств, если настаивать на территориальной целостности и нерушимости границ. Я сказал, что не вижу здесь противоречия, но процесс должен идти внутри, в конституционных, правовых рамках. <...>

Думаю, нам обязательно надо хотя бы сослаться на принципы СБСЕ. Давайте все-таки постараемся выступить с заявлением. Поработаем над формулировками.

Буш. Мне кажется, мы близки к согласию. Я просил бы с учетом этой дискуссии переработать текст и показать нам.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с послом США в СССР Робертом Страуссом
Москва, 23 августа 1991 года (после пуща)*

Горбачев. Для стабилизации финансов нам придется пойти на непопулярные меры. Возможно, в нынешней ситуации пойти на них будет даже легче. Но нам обязательно нужно более эффективное взаимодействие с вами. В частности я имею в виду такой вопрос, как структура нашей задолженности, а также механизм движения к конвертируемости рубля. <...>

И конечно, хочу упомянуть крупные проекты, которые мы обсуждали в последний раз во время визита президента Буша в СССР. Они относятся к энергетике, продовольствию, конверсии. Здесь у нас большие возможности.

Я намерен вскоре написать письмо Джорджу Бушу и другим нашим партнерам по вопросу о синхронизации наших усилий и встречных усилий наших партнеров. <...>

Страусс. Я на днях улетаю в Вашингтон, а буквально через несколько дней рассчитываю вернуться вместе с министром финансов Брейди. Он будет здесь обсуждать экономические вопросы. Мне кажется, что самое главное — чтобы Советский Союз и Соединенные Штаты не отставали от событий, а шли впереди них — и в политике, и в экономике. Потому что тот, кто идет впереди, задает тон. И мы в этом будем помогать вам.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с сенатором Сэмом Нанном
Москва, 2 сентября 1991 года*

Нанн. В этот насыщенный событиями день я хочу задать Вам один вопрос, достаточно широкий: что, на Ваш взгляд, должны делать Соединенные Штаты и Запад, и чего они не должны делать, если мы хотим обеспечить мирный переход вашей страны в процессе осуществления демократических реформ, рыночных программ, обеспечения прав человека, то есть всех ваших целей?

Горбачев. Прежде всего, исключить поощрение любых процессов дезинтеграции по мере осуществления наших реформ. <...> Я спрашиваю: кому нужен распад? Вот Украина — хорошая республика, которая может успешно развиваться и укреплять свой суверенитет, свою самостоятельность в рамках обновленного Союза. Неужели лучше распад, деление, сломанные судьбы людей и т.д.?

Нанн. Я почувствовал такое же настроение вчера на совещании советских бизнесменов, где были и представители Украины. <...>

Горбачев. Через Вас я хотел бы обратиться к американскому Конгрессу, органу, известному своей самостоятельностью, играющему существенную роль и в международных делах. Мы хотим, чтобы вы поняли и поддержали нас. Нельзя упустить шанса. <...>

Нанн. Два слова в заключение. У меня состоялись здесь очень полезные беседы, в том числе с министром (*оборонь*) Шапошниковым. Мы говорили, в частности, о необходимости кардинального сокращения в новых условиях тактического ядерного оружия. И последний вопрос к Вам: уверены ли Вы, что контроль ядерного оружия был в те три дня обеспечен?

Горбачев. Абсолютно. О выходе его из-под контроля не могло быть речи. Я еще раз рассмотрел этот вопрос и считаю, что наша система контроля надежная. Но мы, видимо, предпримем и дополнительные меры.

Нанн. Я считаю, что и у нас, и у вас есть необходимость дальнейшего совершенствования этого контроля. В частности, мы обсуждали возможность установки на ядерных ракетах механизмов саморазрушения на случай несанкционированного или случайного пуска. Следует усовершенствовать и контроль ядерного оружия на морях.

Горбачев. Считаю, что эти вопросы надо обсуждать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джеймсом Бейкером
Москва, 11 сентября 1991 года*

Горбачев. <...> Наше обращение к вам и к «семерке» состоит в следующем. Во-первых, наши краткосрочные проблемы, в частности продовольствия и лекарств. Проблема платежей по задолженности, о которой я говорил послу. <...> Наконец, стабилизационный фонд для продвижения к конвертируемости рубля, разумеется, в сочетании с нашими внутренними шагами по стабилизации финансов.

Думаю, если мы с вами согласны, что необходимо как можно скорее воспользоваться новыми возможностями, то дебаты о том, когда следует переходить на новые формы сотрудничества с СССР, содействия нашим реформам, должны закончиться. Пора действовать. <...> Нужна политическая воля, нужна четкая позиция. Ибо было бы очень опасно, если бы демократы у нас не смогли справиться с возникшими проблемами. <...>

Бейкер. Вы сказали, что время для дебатов прошло, пора действовать. Абсолютно с Вами согласен. <...> Я помню Ваши слова во время беседы в ноябре прошлого года на даче под Москвой. Вы сказали: вы должны понять, что мне приходится маневрировать между мощными конкурирующими силами. И мы понимаем, что в течение этого периода некоторые вещи просто невозможно было осуществить. И переворот открыл глаза всем на то, почему это было невозможно. <...>

Вы говорите, что надо действовать практическим образом, и это тоже совершенно верно. Я полагаю, что это относится не только к действиям, которые должны предпринять Союз и республики, но и к нашим встречным усилиям, шагам тех, кто поддерживает реформы в СССР. <...>

Необходимо, чтобы новое правительство выдвинуло убедительный план рыночной экономической реформы, тщательно проработанный вместе с МВФ и Всемирным банком, план, который воспринимался бы как имеющий реальные шансы на успех.

Конечно, это потребует продолжения сотрудничества между республиками и Центром. <...> Если это произойдет, то я думаю, что мы сможем энергично участвовать в мобилизации международной поддержки усилий демократических сил в СССР. <...>

Разумеется, критически важное значение имеет продолжение сотрудничества между Вами и Ельциным. Столь же важно, чтобы потребности советского населения излагались нам одним источником, единым голосом. <...>

Любой стабилизационный фонд может быть предназначен только для единой валюты. Это будет стимулом не заводить собственные валюты. <...>

Несколько слов о проблеме задолженности. Учитывая перемены и преобразования, которые у вас происходят, мы можем понять значение, которое Вы придаете этой проблеме. В соответствии с решениями лондонского экономического саммита на следующей неделе в Москву прибудет наш министр финансов. <...> Я надеюсь, что вы сможете действовать достаточно осторожно в том, что касается просьбы о реструктурировании задолженности. <...> Большая проблема может возникнуть в результате высказываний в некоторых республиках о том, что они не несут ответственности по обязательствам Советского Союза. Если действительно будет иметь место передача экономической власти от Центра к республикам, то только при том понимании, что это не бесплатно, что нельзя взять экономическую власть и в то же время отказаться от финансовых обязательств Центра.

Горбачев. В заявление Съезду мы включили положение о том, что будут выполняться все международные обязательства СССР, в частности, особо выделены обязательства по соглашениям о разоружении и внешнеэкономические обязательства. <...>

Бейкер. Я хотел обсудить проблемы разоружения, ядерного оружия, подписанные договоры. Кто будет ратифицировать Договор по СНВ? <...>

Горбачев. Теперь я больше уверен, что Верховный Совет ратифицирует договор.

Бейкер. Конечно. То же самое относится и к Договору об обычных вооружениях?

Горбачев. Да, конечно.

Бейкер. Мой второй вопрос касается контроля над всеми видами ядерного оружия. Нам было бы очень интересно выяснить, где будет сосредоточен политический контроль стратегических ядерных вооружений. Этот же вопрос — и о тактическом ядерном оружии. Мы, разумеется, заявили публично, что надеемся, что будет сохранен централизованный контроль и командование. Наша озабоченность связана с тем, что мы не хотим, чтобы на территории Советского Союза образовалось несколько государств с ядерным потенциалом.

Горбачев. Вы можете быть уверены, что в этом отношении все будет, как было прежде. Остается Центр и Президент как верховный главнокомандующий. Что касается стратегических вооружений, ядерного оружия, то никто и не претендует на него.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с бизнесменом Джоном Кристолом
Москва, 17 сентября 1991 года*

Горбачев. Вчера на заседании Государственного Совета мы обсуждали проблему продовольственного снабжения. Договорились, что в ближайшие дни республики выработают соглашение по этому вопросу.

Кристол. Если у вас не будет эффективного центрального правительства, то иностранный бизнес будет искать себе другие сферы приложения — там, где меньше неразберихи. Такова реальность.

В математике доказано, что целое равно сумме его частей. В политике и экономике это не так. То есть если разделить целое на части, то каждая из них станет меньше, чем была в едином целом.

Мои предложения. Я считаю, что вашим парламентам необходимо договориться, кто чем владеет и кто может заключать контракты, кто за что несет ответственность.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром финансов США Николасом Брейди
(с участием председателя Федеральной резервной системы
Алана Гринспэна)*

Москва, 19 сентября 1991 года

Брейди. Было бы целесообразным, чтобы мы могли иметь дело с одним централизованным собеседником с вашей стороны по проблеме задолженности, который выступал бы от имени всех ваших сторон. Уверен, что сами

Вы с этим согласны, но если Вы считаете, что с нашей стороны следует подчеркнуть это в разговорах с республиками, то мы это сделаем.

«Семерка» считает важным, чтобы Центр и республики договорились об уважении всеми внешних обязательств Советского Союза. <...>

Горбачев. Предлагая коренную перестройку наших отношений с США, мы отнюдь не собираемся стать нахлебниками вашей страны. И Америке не стоит стремиться лишь поживиться за счет этих новых отношений. Надо понять: с точки зрения большой стратегии мы нуждаемся друг в друге, и если нам удастся сформировать эффективное сотрудничество между нашими странами, то это несет в себе огромный потенциал не только для них самих, но и для всего мира. <...>

То, что происходит, не должно рассматриваться как часть обычного, нормального процесса. Ибо сама возможность коренных перемен в мире зависит сейчас от того, что будет происходить в Советском Союзе. Если мы не поймем суть происходящего, если вы будете продолжать действовать как в обычное время, то наше сотрудничество мало что даст. Поэтому необходим прорыв в мышлении, в том числе и в международных финансовых кругах. <...>

Главная ответственность лежит на нас самих. Скажу больше, мы хотим выйти из нынешней острой ситуации, с тем чтобы строить отношения с вами на основе взаимной выгоды, взаимодействовать на рынках друг друга к взаимной пользе. Потенциал для этого есть, и огромный. И мы понимаем, что нам в Советском Союзе надо двигаться вперед более быстрыми темпами и более решительно. <...>

Мы рассчитываем на четкую позицию Президента и администрации в поддержку наших усилий в это трудное время. Мы должны быть реалистами. Согласно опросам общественного мнения, до 40 процентов населения были готовы поддержать меры, объявленные ГКЧП. Другое дело, они осуждали антиконституционные, преступные действия заговорщиков. Но люди требуют решительных действий. Такова реальность. Поэтому так важно поддержать сейчас у нас демократов. Но и они должны научиться делать дело. Они хорошо умеют говорить на митингах, но сейчас нужны дела.

Брейди. Я хотел бы отреагировать на некоторые Ваши высказывания. Я присутствовал на ланче в Лондоне, когда Вы задали Президенту Бушу вопрос: «Какой Советский Союз нужен Соединенным Штатам?». Это был важный и сильный вопрос. И я помню, что Президент Буш ответил: «Мы хотим, чтобы Советский Союз был таким, каким хочет его видеть советский народ, и мы поддерживаем его движение к демократии и рыночной экономике, готовы оказать всю посильную помощь».

Хочу сказать Вам, что именно это мы пытаемся сделать в вопросе о внешнем долге СССР. Мы стремимся выработать консенсус «семерки». А это не легко. <...>

Завтра мы летим в Киев и, возможно, сможем сыграть полезную роль. Мы собираемся подчеркнуть, что при всем уважении к их точке зрения, как финансисты считаем весьма важной роль Центра. <...>

Гринспен. Давно интересуюсь Советским Союзом и многое зная о нем, мы видим огромный потенциал вашей страны — его колоссальные ресурсы,

мощные учебные заведения, достижения в области науки. <...> У Советского Союза есть потенциал стать крупным действующим лицом в мировой экономике. От этого, несомненно, выиграет и Запад. <...>

Малфорд (*заместитель министра финансов США*). Мы все согласны, что полное реструктурирование вашего долга привело бы к потере кредитов и потребовало бы затем длительного восстановительного периода. Чрезвычайно важно избежать этого.

Мы признаем, что вы сталкиваетесь с проблемой ликвидности, но не знаем, насколько велики ее масштабы. Мы полагаем, что вам необходима передышка.

Это очень сложная проблема, поскольку речь идет о большом числе внешних кредиторов. Мы работаем сейчас в направлении скоординированной и одобренной всеми ими паузы в платежах, которая, как мы надеемся, будет относиться лишь к выплате основной части долга. По существу, речь идет о замораживании на короткий период выплаты основной части долга.

Этот подход позволит вам сберечь иностранную валюту и избежать необходимости крупных новых займов, которые привели бы к росту вашей задолженности. <...>

Мы хотели бы заключить эту договоренность с каким-то центральным органом, который пользовался бы поддержкой и согласием республик. <...>

Горбачев. Думаю, можем сделать вывод: в США понимают потенциальную роль нового Советского Союза в мире, в мировой экономике, а мы понимаем реальную роль США в нынешний трудный для нас переходный период.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
27 сентября 1991 года*

Горбачев. Благодарю Вас за письмо, которое я получил вчера, а также за то, что Вы предварительно ознакомили меня с содержанием Вашей инициативы*. <...> Правильно ли мы понимаем, что Вы намерены предпринять эти шаги в одностороннем порядке, а нам предлагаете рассмотреть возможность аналогичных шагов?

Буш. Да, это правильная интерпретация. Мы осуществим те меры, о которых говорится в моей инициативе. По некоторым позициям мы хотим, чтобы Советский Союз предпринял аналогичные шаги. <...>

* Инициатива Дж. Буша предусматривала, в частности, вывод развернутых за рубежом ядерных средств малой дальности (включая ядерную артиллерию и баллистические ракеты) и их уничтожение, наряду с запасами таких вооружений в США, прекращение развертывания тактических ядерных вооружений на кораблях и подводных лодках и уничтожение значительной их части, прекращение постоянного боевого дежурства стратегической авиации США, отказ от развертывания новых МБР «Пискипер» и прекращение программы развертывания новых ракет воздушного базирования. 5 октября Горбачев, после проработки вопроса в Генштабе, в послании Бушу изложил аналогичные шаги СССР, в том числе по уничтожению боеприпасов ядерной артиллерии, ядерных мин, снятию ядерных боезарядов с ракет ПВО и уничтожению их значительной части. В результате этих взаимных инициатив уничтожено с обеих сторон несколько тысяч ядерных боезарядов.

Я призываю также начать обсуждение вопроса о безопасном и экологичном уничтожении ядерных боезарядов, об улучшении их безопасности и надежности, о совершенствовании системы командования и контроля ядерных вооружений. Выступая с этой инициативой, я хотел бы иметь возможность сказать, что предварительно обсуждал эту идею с Вами и Вы согласны взаимодействовать с нами в этом вопросе.

Горбачев. Да. Джордж, я благодарю Вас за эти разъяснения. Итак, Вы призываете нас предпринять сопоставимые меры. В принципе я могу сказать, что, хотя некоторые моменты потребуют уточнения и более углубленного обсуждения, наша реакция является позитивной.

Буш. Хорошо. Мы понимаем, что дополнительное обсуждение действительно потребуется. Я хотел бы включить в мое выступление формулировку о том, что я советовался предварительно с Президентом Горбачевым и, хотя у него еще не было времени внимательно изучить мое предложение, у меня создалось впечатление, что ответ СССР будет позитивным. Как Вы к этому отнесетесь?

Горбачев. Я думаю, это даже хорошо. <...> В свете Ваших далеко идущих предложений, возникает вопрос о ядерных испытаниях. Одно дело, когда у нас было много долгосрочных ядерных программ, различных ядерных вооружений, другое дело, когда речь идет о радикальном сокращении. Не следует ли подумать, чтобы включить и эту проблему?

Буш. В нашем предложении ничего об этом не говорится. Однако мы будем готовы рассмотреть последствия его осуществления для программы ядерных испытаний. Будем консультироваться по этому вопросу. Хотя он не включен в наше предложение, ясно, что вопрос о ядерных испытаниях будет поднят и в США, и в СССР, и мы готовы провести по этому вопросу дополнительные консультации. <...>

Горбачев. Спасибо, Джордж. Я хочу поздравить Вас с этой крупной, я бы сказал исторической, инициативой. Думаю, она сравнима с Рейкьявиком и является продолжением этого великого дела.

Буш. Я очень ценю Ваш энтузиазм.

Один момент: я хотел поговорить также с Ельциным, чтобы сообщить ему о своей инициативе. Но мы не знаем, где он. Мы направили ему информацию, но в порядке любезности я хотел бы поговорить с ним лично. Если это не удастся сделать, то прошу Вас сказать ему, что мы пытались с ним связаться.

Горбачев. Я это сделаю.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
(накануне конференции по Ближнему Востоку)
Мадрид, 29 октября 1991 года*

Буш. Завтра начнется историческая конференция по Ближнему Востоку. Мы благодарны советской стороне за полное сотрудничество в ее организации. Бог знает, как пойдет дело. Но сам факт ее созыва, повторяю, имеет историческое значение. <...>

В прошлый раз, когда мы с Вами встречались, Вы сказали, что перемены в стране необратимы. Конечно, сказали Вы, на пути вперед будут ухабы и зигзаги. Может быть, мой вопрос сейчас покажется не совсем уместным, и все же: опасаетесь ли Вы, что может иметь место какая-то попытка захвата власти, возврата к тоталитаризму, если экономическая ситуация еще более ухудшится?

Горбачев. Я продолжаю считать, что сейчас у нас больше шансов решительно продвинуться вперед. <...>

В Москве только что закончилась встреча представителей «семерки» с нашими представителями. Подписан меморандум об ответственности за задолженность. Вчера и сегодня я говорил с Москвой. Мне рассказали, что в ходе работы были трудности, но, в конце концов, договоренность достигнута. Важно, что во встрече с «семеркой» участвовали премьер-министры всех республик. И они договорились о солидарной ответственности, которая будет осуществляться через Центр.

Буш. Вы удовлетворены этими итогами?

Горбачев. Да. <...>

Буш. Я хотел бы сейчас или позже затронуть вопрос о ядерном оружии. Наша концепция состоит в том, чтобы мы с вами взаимодействовали, добивались, чтобы от ядерного оружия не исходило опасности. Сейчас мир обеспокоен. Мы знаем, насколько Вы привержены делу укрепления безопасности. Однако некоторые заявления, сделанные республиками, вызывают озабоченность. Мы видим, что Центр полностью за то, чтобы уменьшить количество ядерного оружия и сделать его безопасным. Но понимают ли это республики? Понимает ли это Украина?

Горбачев. Кое-что здесь искажается или преувеличивается прессой. Но может быть, в этом ее обязанность — так сказать, заострять вопрос. <...> Видимо, надо потерпеть до 1 декабря. Но я не сомневаюсь, что вопрос о ядерном оружии будет решен правильно. Ельцин, Назарбаев занимают четкую позицию. Что касается ситуации на сегодняшний день, то контроль является 100-процентным. Оснований для беспокойства нет, никто не может даже близко подойти к ядерному оружию.

В проекте Союзного договора, который мы с Ельциным направили в республики, предусматриваются единые Вооруженные Силы Союза. <...>

Сейчас, когда мы с Вами встречаемся, кое-кто задает вопрос: а есть ли Советский Союз? Кого представляет Горбачев? Я отмечаю, что Вы, господин Президент, госсекретарь Бейкер, администрация США ведут взвешенную, ответственную линию. <...>

О Югославии. Стороны там никак не могут наладить процесс урегулирования. Они подписывают заявления, объявляют о прекращении огня, но никак не могут начать осуществление. И это, несмотря на усилия Европейского сообщества, наши, ваши усилия. Не знаю, может быть, пришло время вновь вернуться к этому вопросу в Совете Безопасности ООН. Ведь продвижения вперед нет, ситуация ухудшается. <...>

Буш. Давайте поддерживать контакт по этому вопросу. Наша позиция не является закрытой. Мы поддерживаем усилия ЕС. Вы беседовали с руководителями Сербии и Хорватии. Вы считаете, это было полезным?

Горбачев. Они поехали домой с заявлением о прекращении огня и о том, что в течение месяца начнется процесс переговоров. Они также заявили, что будут приветствовать добрые услуги СССР, США и ЕС. <...>

Бейкер. К сожалению, есть разногласия и между членами ЕС. Им нелегко сохранять единство подхода.

Горбачев. Да, некоторые из них считают, что Югославии больше не существует. Те, кто проявил поспешность, думаю, оказали плохую услугу.

Буш. Некоторые европейцы хотят признать независимость республик. Мы пытались препятствовать этому. Но Германия забежала вперед.

Горбачев. Теперь вторая тема обсуждения — наши внутренние проблемы. <...> Кажется, есть осознание того, что центральный вопрос сегодня — государственность. Не решим его — все проблемы будут упираться в это. <...> К сожалению, Ельцин подвергается давлению определенных людей, которые навязывают ему иную концепцию. Они утверждают, что Россия должна сбросить с себя это бремя, уйти от других республик и идти вперед сама. Я разговаривал с Борисом Николаевичем, и он заверил меня, что понимает, к чему это привело бы. <...>

Но в целом мне сейчас нужно будет поддержать его. Потому что если пойдут реформы в России, то они пойдут и в других республиках.

Буш. Ключевой вопрос состоит в следующем. Считаете ли Вы, что Россия, Ельцин стремятся захватить Центр? Чего они хотят? Хотят ли они еще более сузить роль Центра, Вашу роль? Это затрудняет для нас определение позиций. Нам нелегко разобраться в ситуации.

Горбачев. Попытки, о которых Вы говорите, действительно налицо. <...> Надо признать, что сегодняшняя его (*Ельцина*) позиция не во всем адекватна ситуации. Россия нуждается в новом союзном Центре. Это единственная законная форма для осуществления ведущей роли России в союзе республик. Республики не примут непосредственного руководства ими со стороны России. <...> Мне казалось, что у меня с ним было понимание на этот счет. Но последняя его речь в этом плане вызывает разочарование. Если он изолирует Россию, разрушит Союз, то это будет иметь разрушительные последствия и для России. Но надо отметить, что он все-таки заявил в своей речи о том, что будет выступать за Союз. <...>

Необходима поддержка продолжению курса реформ, ибо от этого зависит будущее Союза, Союза, который, как я убежден, нужен и Соединенным Штатам, и другим странам. <...>

Вчера мне позвонил Явлинский. Он рассказывал о встрече с заместителями министров финансов стран «семерки». Они проработали все вопросы, и теперь необходимо политическое решение. Представители «семерки» договорились доложить об итогах обсуждения главам своих правительств.

Я хотел бы обратиться к Вам, Джордж, с призывом занять инициативную позицию в решении этого вопроса. <...>

Буш. Я буду с Вами предельно откровенен, Михаил. Надеюсь, Вы знаете позицию нашего правительства: мы поддерживаем Центр. Не отказываясь от контактов с республиками, мы выступаем в поддержку Центра и Вас лично. Еще до [попытки] переворота я выступил с речью на Украине, которая стои-

ла мне определенных политических издержек дома. Меня критиковали за то, что я якобы «продал» Украину. Конечно, этого не было. Но я выступил против бездумного национализма.

Мы поддерживали и поддерживаем контакты с Ельциным, с руководителями других союзных республик, но делаем это не за Вашей спиной. <...>

Мы считаем, что можем сейчас пойти вам навстречу по кредитам, хотя и не в полной мере. Но нам необходимо иметь уверенность, что республики полностью понимают свою ответственность. Ведь у них сейчас имеются конкретные рычаги. <...>

Что касается продовольственной поддержки, то <...> сейчас мы можем принять решение лишь о выделении сельскохозяйственного кредита в размере 1,5 миллиардов долларов, причем часть его предоставляется сейчас же, а часть — после 1 января. Мы надеемся, что это поможет вам пройти период, в ходе которого окончательно определятся отношения между Центром и республиками. <...>

Вы знаете, как решительно выступил в поддержку Советского Союза министр финансов Брейди на сессии МВФ в Бангкоке, что вызвало недовольство других членов «семерки». <...>

Горбачев. Все необходимые данные экспертам «семерки» предоставлены. Требуется политическое решение. Главный вопрос, который беспокоил экспертов и который отражен в меморандуме о договоренности, — это солидарная ответственность по задолженности и юридическое лицо, которое будет уполномочено ее осуществлять. В меморандуме этот вопрос решен: республики уполномочили Центр, Внешэкономбанк действовать от их имени.

Бейкер. Позвольте сделать заявление общего характера. Я думаю, Вы знаете, что мы поддерживаем и будем стремиться впредь поддерживать Ваши усилия по реформированию Советского Союза. Вы знаете, что мы воздействовали на других доноров, в частности Саудовскую Аравию. Президент фактически пошел на то, что предоставляются непосредственно государственные кредиты США, то есть они гарантируются полностью. Мы считаем сейчас необходимым иметь подписи республик под кредитными документами. Очевидно, здесь не будет сейчас проблемы, поскольку подписан меморандум. Это даст Президенту юридическое основание ставить вопрос перед Конгрессом.

Скажу одну вещь, которую не может сказать Президент. Вы знаете, что мы были в контакте с Вами с июня этого года, когда пошли слухи о павловском перевороте³³. Мы подчеркивали тогда, что заинтересованы в стабильности Советского Союза, в том, чтобы советский народ сам определил свое будущее. И мы считаем, что в значительной степени это аргумент в пользу необходимости Центра. На прошлой неделе мы получили тревожные сигналы о содержании предстоящей речи Ельцина, в том числе о том, что там будет содержаться призыв к ликвидации МИД СССР, заявление о том, что Россия будет защищать русские меньшинства, где бы они ни находились, и т.п. Мы обратились к официальным лицам РСФСР и поставили вопрос так: что происходит, почему накануне мирной конференции по урегулированию арабо-израильского конфликта делается такой шаг? Это подорвало бы усилия Советского Союза. Мы выразили надежду, что этого не произойдет. Нас

удивило, что в вопросе о меньшинствах не было никакого упоминания хельсинкского процесса. Очевидно, в республиках возникнет сейчас озабоченность, и Вам придется регулировать этот процесс. Мы со своей стороны тоже постараемся что-то сделать, не исключено, что сможем каким-то образом помочь Вам. <...>

Горбачев. Вы должны учитывать: все руководители республик хотят продемонстрировать, что у них есть контакты с Президентом США, хотят разыграть эту карту для удовлетворения своих амбиций.

Президенты также обменялись информацией о шагах США и СССР в рамках скоординированной инициативы по разоружению.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с заместителем министра обороны США
Дональдом Этвудом
Москва, 5 ноября 1991 года*

Этвуд. Я прежде всего хотел бы поблагодарить господина Вольского и его коллег, которые подготовили для нас всестороннюю программу встреч и бесед на предприятиях, в ведомствах, институтах Москвы, Санкт-Петербурга и Киева.

Наша цель состояла в том, чтобы определить, что может сделать правительство и промышленность США для того, чтобы ускорить конверсию государственных предприятий оборонной ориентации, их превращение в приватизированные предприятия, ориентированные на коммерческий рынок.

Мы изучали ситуацию с двух точек зрения. Во-первых, необходимо создать рабочие места, чтобы компенсировать снятие военных заказов. Во-вторых — и это более важно — следует переориентировать промышленность на те задачи, которые служат улучшению качества жизни, решению проблемы потребительского рынка.

Мы выделили несколько направлений. Во-первых, сельское хозяйство и перерабатывающие отрасли. Во-вторых, здравоохранение и фармацевтическая промышленность, а также экология, водоснабжение. В-третьих, строительство недорогого жилья. В-четвертых, транспорт — легковой, грузовой, авиационный; связь.

Мы и члены нашей делегации, представляющие ведущие промышленные компании США, подготовим рекомендации и выводы для Президента Буша по каждому из этих направлений. <...>

Мы представим Президенту Бушу очень четкие рекомендации относительно нашего содействия во всех этих вопросах, создания совместных предприятий в каждой из упомянутых областей. Постараемся, чтобы соответствующая работа была начата буквально сразу же.

Теперь хотел бы высказать одно предостережение. Может быть, это не совсем мое дело, но я не был бы реалистом, если бы не сделал этого.

У вас есть много прекрасных технических лабораторий и исследовательских центров в таких, например, областях, как электроника, композиционные

материалы, оптика. Сегодня их сотрудники очень озабочены отсутствием финансирования. Это весьма серьезная проблема. Если это будет ликвидировано, то у вас пропадет «семенной фонд». <...>

Горбачев. Я понимаю Вас. Крестьянин скорее умрет, чем съест семена. Так же должны поступать и нации.

Этвуд. И еще один важный момент. Сейчас здесь у вас много людей из самых различных стран, которые хотели бы воспользоваться вашей технологией за небольшие деньги. Думаю, что такой вывоз из страны научно-технических знаний, опыта, технологий не сулит ничего хорошего вашей стране, ее промышленному потенциалу. <...>

Вольский (член Межгосударственного экономического комитета)³⁴. Хочу сказать, что директора наших предприятий удовлетворены состоявшимися контактами. Есть первые конкретные результаты. Мы скажем об этом на пресс-конференции. Вызывает удовлетворение тот факт, что наши гости высоко оценили уровень ряда научно-технических разработок. К сожалению, для многих из них сейчас нет финансирования. Наши ученые предложили совместную работу, например, в области электроники, на основе имеющихся у нас разработок. Мы считаем, что это перспективное направление.

И второе. Надо идти от контроля к сотрудничеству в уничтожении вооружений. Я имею в виду, в частности, ликвидацию химического оружия. <...>

Этвуд. Да, сотрудничество в ликвидации вооружений мы считаем одной из приоритетных задач.

Горбачев. Хочу выразить удовлетворение, что начатое нами с Президентом Бушем дело — проект Горбачева-Буша — начинает двигаться, дает первые результаты. Я предложил бы Вам на пресс-конференции так и назвать этот проект, чтобы покрепче связать президентов с ним, чтобы они уже «не ушли от ответственности». Взаимодействие в этой области особенно важно, ведь раньше мы здесь насмерть противостояли друг другу. <...>

На первом этапе конверсии мы наделали немало глупостей. Очень важно определить правильное направление конверсии. Может быть, действительно в некоторых случаях производство придется просто ликвидировать и использовать лишь здания. Но во многих других случаях имеющиеся технологии можно успешно переориентировать в интересах экономики.

В свое время мы навязывали нашим авиационным предприятиям производство, скажем, оборудования для пищевой промышленности. Может быть, в некоторых случаях это было целесообразно, но часто это делалось неправильно. А вот есть проект совместного создания СССР, США и Израилем нового пассажирского лайнера, для которого есть огромный рынок. <...>

Этвуд. В составе нашей делегации были представители фирмы «Дженерал электрик», которая производит авиационные двигатели, а также фирмы «Боинг». Они очень заинтересованы в сотрудничестве в области гражданского самолетостроения.

*Из беседы с послом США в СССР Робертом Страуссом
Москва, 6 ноября 1991 года*

Страусс. Я сказал Президенту, что одним из лучших итогов встреч с «семеркой» было бы: чтобы республики услышали суровые, жесткие факты реальной действительности. Это по моему мнению, было бы конструктивным подспорьем и для Вас.

Горбачев. Да, они их услышали.

Кстати, на заседании Госсовета я воспользовался теми беседами, которые у меня были с Президентом, а также королем Испании, Гонсалесом, Миттераном. Я передал руководителям республик, что у них создалось впечатление, а не сошли ли мы тут с ума, думаем ли мы о будущем, о том, как будем сотрудничать с нашими партнерами. Сказал несколько резких слов, которые прозвучали и по телевидению на всю страну, о том, что пора кончать топтания и колебания. Кстати, я об этом заранее говорил с Ельциным. И мы договорились, нажали на них, и дело пошло веселее. И то, что им было передано от вас, произвело, по-моему, впечатление. Нет пророка в своем отечестве. Так что позиция, которую будут занимать наши партнеры, имеет большое значение.

Страусс. Я просил Малфорда, нашего представителя в «семерке»: когда окажетесь с этими людьми в одной комнате, скажите им, чтобы не думали, что можно просто так уйти от Центра и жить припеваючи, не неся никакой ответственности. Так в жизни не бывает.

Горбачев. Я передал и другое: что наши партнеры ожидают, что у нас будет одна внешняя политика, а не 12 или восемь. <...>

Страусс. У Вас такие отношения с Президентом Бушем, что с моей стороны, может быть, излишне это говорить, но все же: он сейчас попал под сильный огонь критики дома, его ругают за то, что он, мол, слишком много внимания уделяет иностранным делам, зарубежным поездкам, слишком много денег раздает за пределами США. Конечно, мы с Вами прекрасно понимаем, и узко понимаемым интересам США, и нашим гуманитарным чувствам отвечает успех Президента Горбачева, успешное решение проблем Советского Союза. <...>

Горбачев. Я сказал на Госсовете и надеюсь, что это будет опубликовано: Запад понимает, что его интересам отвечает демократический, современный, обращенный к цивилизации, мирный новый Советский Союз, а мы до сих пор не понимаем, насколько это в наших интересах.

У нас с вами здесь совпадение.

Страусс. Я думаю, за пределами Советского Союза Вы не найдете человека, который понимал и симпатизировал бы Вам больше, чем Джордж Буш, Джим Бейкер и Роберт Страусс. Мы об этом много говорили друг с другом, мы за Вас.

*Из беседы с заместителем министра сельского хозяйства США
Робертом Краудером и помощником президента США Эдом Хьюиттом
Москва, 13 ноября 1991 года*

Краудер. Сейчас мы практически готовы к этапу конкретной реализации целого пакета программ консультативно-технической помощи в этой области. Они охватывают всю цепочку, но с акцентом на сферу распределения. Они будут проводиться в нескольких регионах, с участием как нашего государственного, так и частного сектора. <...>

Страусс. Господин Президент, в ходе прошедших в Москве обсуждений с участием господина Краудера и господина Хьюитта выявился интереснейший феномен, отражающий меняющееся отношение представителей республик к совместной работе с Центром. Я сам, как политик, инстинктивно и раньше чувствовал, что это изменение происходит, но не видел этого воочию. На этот раз я на конкретном примере убедился: что бы ни говорили республики, в глубине души они понимают, что у Центра должны быть важные функции, что Центр жизнеспособен. <...>

Горбачев. Хорошо, что Вы сами убедились, что наш запрос о продовольственном кредите — результат совместной работы с республиками. Были проанализированы продовольственные потоки в стране, подсчитана потребность в кредите и достигнуто согласие по всем вопросам. Я считаю, что так и надо поступать. Сейчас республики сами несут бремя ответственности и управления, и видят, что это нелегко. Критиковать Центр было легче. <...>

Краудер. У нас будет еще одна встреча с Силаевым и Куликом³⁵. Думаю, в итоге у нас будет вполне удовлетворительный пакет, который мы сможем представить Президенту Бушу в понедельник.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
30 ноября 1991 года*

Буш. Все признаки указывают на то, что завтра на Украине подавляющее большинство проголосует в поддержку независимости. <...> Вы знаете, что в силу наших традиций демократической страны мы должны поддержать волю украинского народа. Однако мы хотим сделать это таким образом, чтобы содействовать мирному переходу к новому политическому порядку, основанному на продуктивных отношениях с Центром и дружественных взаимоотношениях между Россией и Украиной. <...>

Если референдум даст ожидаемые результаты, то единственный вопрос состоит в том, когда и каким образом мы и другие страны признаем независимость Украины. После тщательного изучения этого вопроса нам представляется, что признание независимости может способствовать возвращению Украины в осуществляемый Вами процесс заключения Союзного договора. Если будет снят вопрос о том, признается ли суверенитет Украины, то она

сможет участвовать в этом процессе, не опасаясь, что такое участие равнозначно отсутствию независимости.

Если мы предпримем шаги к признанию независимости, то я буду добиваться обязательного решения следующих вопросов: коллективный, централизованный контроль ядерного оружия; безъядерная Украина, которая присоединилась бы к Договору о нераспространении; уважение прав человека и равные права для меньшинств; соблюдение договоров по СНВ и обычным вооружениям. Разумеется, мы будем призывать правительство Украины провести рыночные реформы и взять на себя ответственность за соответствующую долю долга СССР. <...>

После референдума мы сделаем заявление, в котором будет разъясняться наш подход и выражаться намерение тесно сотрудничать с Вами и с Ельциным. Разумеется, там не будет говориться о признании Украины, поскольку это возможно только после решения указанных вопросов. <...>

Я хотел бы услышать Вашу реакцию на эти тезисы. Посол Страусс сообщил мне об озабоченности, высказанной Шеварднадзе³⁶. Надеюсь, что наши пояснения в определенной мере снимут эту озабоченность. <...>

Горбачев. Не буду скрывать, что утечки из Белого дома относительно того, что там серьезно рассматривается вопрос о признании Соединенными Штатами независимости Украины, особенно учитывая, что это произошло накануне референдума, восприняты здесь негативно, причем, по мнению многих, Соединенные Штаты хотят не просто повлиять на происходящее в Советском Союзе — влияние у Вас есть, и это важно — но именно вмешаться в наши дела.

Большинство республик у нас провозгласили свою независимость. Но это не мешает им, а наоборот, дает возможность и большую свободу участвовать в процессе формирования нового Союза. Поэтому положительный результат референдума не означает автоматически, что Украина порвала с Союзом. <...>

Мы и здесь, в Союзе должны действовать таким образом — и я надеюсь и на Ваше понимание, поскольку позиция Президента США имеет важное значение — чтобы не подтолкнуть события в ложном направлении. Я просил бы Вас учитывать эти соображения, с тем чтобы события развивались в естественном русле, а для этого нужно время.

Есть определенные силы, которые подталкивают Ельцина в направлении «независимости России» и возвращения всех земель, переданных в свое время Казахстану, Украине и некоторым другим республикам. Если пойдет этот процесс, то это будет губительно для России, Украины и всего мира. <...>

Сегодня я говорил с Ельциным. Мы намерены занять очень ответственную позицию, действовать очень взвешенно. Возможно, после референдума мы предложим провести встречу президентов Союза и России и руководителя Украины.

Буш. Очень хорошо.

Горбачев. Я хочу призвать Вас к взвешенным и неспешным действиям, к сотрудничеству. <...>

Буш. Мы хотим поддержать взвешенную и умеренную позицию, которую Вы обрисовали, с тем чтобы все трудные вопросы были решены сторонами. <...>

Мы не хотим никого поставить в неловкое положение, каким-либо образом вмешиваться в ваши внутренние дела, затруднять положение для Вас или для Ельцина. Еще раз хочу подчеркнуть, что мы не хотим даже случайно сыграть на руку радикалам в России или на Украине. <...> Хочу лично заверить в этом Вас и то же самое скажу Ельцину.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джеймсом Бейкером
Москва, 16 декабря 1991 года**

Горбачев. Думаю, хорошо, что Вы с Президентом решили осуществить сейчас эту миссию. В интересах всех нас позаботиться о том, чтобы было продолжено то, что мы делали в последние годы. Есть вещи, которые важнее, чем наши интересы, карьера и даже взгляды. <...> Я не хочу сейчас вдаваться в причины того, что произошло. <...> Были просчеты и даже серьезные ошибки с моей стороны. Возможно, они были и с вашей. Но сейчас не в этом дело. Сейчас мы имеем дело с реальностями, которые важны и для нас, и для вас.

Я вижу свою роль в том, чтобы использовать возможности Президента, вообще мои политические возможности для того, чтобы этот процесс, который пошел сейчас через республики, процесс создания Содружества Независимых Государств, не привел к еще большей дезинтеграции страны. А такая угроза есть, и она реальна.

Как опытный человек Вы понимаете, что соглашение, заключенное в Минске, можно легко принять, но на его основе невозможно жить. Это очень общая схема. <...>

Бейкер. Прежде всего хочу подчеркнуть, что мы сделали все возможное, чтобы не втягиваться в те политические вопросы, которые считаем относящимися к вашим внутренним делам. Мы стремились к этому раньше и продолжаем стоять на этом и в ходе нынешнего визита. <...>

Нас очень огорчает, когда мы видим, в том числе в ходе этого визита, что к Вам проявляется неуважение. Хочу честно сказать Вам, что мы против этого. <...>

Мы разделяем Вашу точку зрения о том, что брестское соглашение является лишь оболочкой. Более того, уже имели место противоречивые заявления, заявления, противоречащие даже положениям этого соглашения. <...>

На встрече сегодня утром нам дали понять, что между Вами и Ельциным сейчас обсуждается своего рода переходный период от середины декабря до середины января, в течение которого будет проведена работа по осуществле-

* Бейкер поспешил в Москву сразу после заявления Ельцина-Кравчука-Шушкевича в Бело-вежской пуще о «ропуске Советского Союза» (в беседе он называл это заявление «брестским соглашением»).

нию брестского соглашения. Я хотел бы спросить, если Вы считаете возможным это обсуждать с нами, таково ли и Ваше понимание.

И второй вопрос: что мы должны делать сейчас, если Вы считаете важным, чтобы брестское соглашение было реализовано? в частности, как, по Вашему мнению, мы должны относиться к просьбам о дипломатическом признании? Наконец, как Вы видите будущее Вооруженных Сил в контексте брестского соглашения?

Нам сказали, что Содружество будет примерно таким же, как Британское Содружество, за исключением одного момента. Это оборонный компонент. В сферу совместной обороны будет входить все, кроме сухопутных войск, а именно стратегическое и тактическое ядерное оружие, авиация, ПВО и ВМФ. <...>

Горбачев. Мы договорились, что процесс будет развиваться, будут обретать очертания институты Содружества, и тогда мы решим относительно существующих ведомств. На время успокоилось, но вдруг я узнаю, что за моей спиной уже принимаются решения по весьма серьезным вопросам.

Они сделали весьма вольное заявление, что Советского Союза уже нет. А значит нет Конституции, нет законов, всего, что регулирует оборону, режим границ, нет роли в ООН и т.д. <...> Судьба государства решается на основе такой импровизации. <...>

Относительно будущего Вооруженных Сил. Если Содружество сложится в более определенных формах, то это будет лучше для Вооруженных Сил. Поэтому важно стимулировать формирование такого Содружества, используя все возможности влияния, в том числе вопрос о признании. <...>

Ельцин мне постоянно говорит: не пугайте людей. Конечно, мое положение очень деликатное, но я не могу не предупредить. <...>

Люди все же думают, что у нас останется одна страна, что сохранятся все потоки — экономические, культурные, человеческие. Вот Назарбаев говорит: ведь мы вместе, все вместе будем выкарабкиваться. <...>

Бейкер. Нам объяснили так: Содружество будет состоять из 10 отдельных, совершенно независимых государств, у каждого из которых будет своя внешняя политика. Будут определенные экономические связи, пока не ясно, какие. Будет также совместная ответственность в области обороны, в стратегической области. У республик не будет собственных ВВС, но сухопутные войска будут принадлежать им.

Горбачев. Я после Минска (*то есть акции в Беловежской пуце*) беседовал с Борисом Николаевичем, при этом присутствовал Назарбаев. Я задавал вопросы, и, кажется, это были для него мучительные минуты. Во-первых, я спросил: у независимых государств будут свои сухопутные войска? Он сказал: «Да». Значит, после того, как они в Алма-Ате подпишут соглашение, у Украины появится сухопутная армия в количестве 470 тысяч человек.

Шеварднадзе. Больше, чем у объединенной Германии.

Горбачев. На 100 тысяч человек больше.

Бейкер. Мы спросим об этом в Киеве. <...>

Горбачев. <...> Я думаю, что нужно подписать документ, в котором признается необходимость создания Содружества на основе определенных

принципов и, в то же время, необходимость создания механизмов и обеспечения перехода. Вот это и необходимо нам внушать им. Ведь пока все это лишь заклинания, а с политической и экономической точек зрения ничего не проработано.

Я напомнил Ельцину: ты первый признал Балтийские государства, подписал с ними договоры, где обеспечивается защита гражданских прав. А результат? В Латвии и других республиках принимаются законы о гражданстве, согласно которым возникает категория граждан второго сорта. И кто это? Русские. Вот что делают демократы, в защиту которых вы сражались десятилетиями.

Когда мы говорили с прибалтами, то отмечали, что у нас есть на территории этих республик объекты стратегической обороны, космической связи, раннего предупреждения. Они говорили: об этом договоримся. А что происходит сейчас? Сейчас кричат «русские, уходите прочь» — как вам кричат в некоторых странах. А ведь говорили, что будет процесс, что это потребует времени. Вот цена заклинаний, когда нужна реальная политика.

Бейкер. То, что Вы сказали, абсолютно верно. Как знает Эдуард, когда вопрос обсуждался в правительстве США и кое-кто у нас выступал за усиление давления на вас по Прибалтике, я всегда прибегал к этому аргументу. Ведь сейчас в граждан второго сорта превращаются и русские, а в Литве и поляки. Мы хорошо помним заявления Ландсбергиса и прекрасно видим, что происходит сейчас.

Именно поэтому нас очень волнует то, что происходит здесь. Мы не хотим, чтобы это опять произошло. Мы знаем, что происходит, когда дезинтеграция доходит до наименьшего общего знаменателя. Нам известно, что происходит в Чечено-Ингушетии, Приднестровье. Мы видим, что происходит в Югославии. Мы от этого предостерегали. Понимаем, что это может произойти и здесь, причем с гораздо большим насилием.

Вот почему еще в сентябре 1989 года, когда мы с Эдуардом встретились в Вайоминге, я сказал: для вас сейчас самое главное — прийти к Союзному договору. И мы знаем, как много сил Вы приложили, чтобы добиться этого.

Горбачев. Путчисты отсекали эту возможность буквально за день до подписания. <...>

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
25 декабря 1991 года*

Горбачев. Через два часа я сделаю заявление по московскому телевидению, оно будет передаваться и в Америке. В этом кратком заявлении я сообщу о своем решении. <...>

Я по-прежнему убежден, что сотрудничество республик в рамках Союза позволило бы быстрее решить наши проблемы. Но развитие пошло не по тому пути, который я отстаивал. <...>

Я хотел бы, чтобы вы учитывали один момент, имеющий важное политическое значение для будущего страны, Европы и всего мира: не дезинтеграцию, не разрушительные процессы, а сотрудничество — вот что надо стимулировать, и это наша общая обязанность. Хотел бы это акцентировать.

Теперь что касается России. <...>

Сейчас мы все — и я, и, надеюсь, ты, как и другие мои партнеры — должны сделать все возможное, чтобы поддержать Россию, которая взяла на себя главное бремя ускорения реформ в стране. <...>

Буш. Михаил, я с большим интересом выслушал твои соображения о приоритетах на будущее. Хочу заверить, что мы сохраним заинтересованность в ваших делах. Будем очень стараться помочь, особенно Российской республике, учитывая те проблемы, с которыми она сейчас сталкивается и которые могут обостриться зимой. <...>

Конечно, я буду с должным уважением, открытостью и позитивно — и, надеюсь, на прогрессивной основе — строить отношения с руководителем Российской республики и руководителями других республик. Мы будем вести дело к признанию, с полным уважением суверенитета каждой республики. Будем работать с ними по широкому кругу вопросов, как работали с вами. Но это никак не повлияет на мою решимость поддерживать контакты с тобой, прислушиваться к твоим соображениям уже в твоём новом качестве, беречь нашу дружбу с тобой и Раисой. Мы с Барбарой очень дорожим ею.

Итак, в этот особый день в году, в день исторического перепутья я салютую тебе и благодарю за все, что ты сделал ради мира, благодарю за дружбу.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Приложение

Интервью с В.Л. Катаевым³⁷

В период времени, которое мы рассматриваем — это от середины 1980-х и до конца 1980-х годов, мне, кроме курирования вопросов стратегических вооружений морского базирования, пришлось заниматься и военной политикой, особенно вопросами ограничения вооружений. К занятию этими проблемами ограничения меня подвела практически вся моя предыдущая деятельность в военно-промышленном комплексе, когда мне не через газеты и декларации руководящих наших деятелей, а из практики на деле стало понятно, что процесс накопления вооружений превысил разумный уровень, который был необходим для обороны страны, что накопление ядерных вооружений стало фактически являться не только тормозом экономических процессов, но и стало одной из угроз для нашей собственной страны.

Было ясно, что нельзя воевать со всем миром, а Советский Союз, судя по развитию его военно-промышленного комплекса, по накоплению стратегических вооружений, собирался воевать со всем капиталистическим миром. Причем его стратегические вооружения накапливались и тогда, когда армия была уже полностью насыщена этими вооружениями. Перенасыщение армии ядерными вооружениями практически не контролировалось.

У нас в государстве издавна существовал такой перекосяк: вся военная политика находилась практически в руках военных, и мнение военных было императивом в военной политике. <...> Очень жесткий контроль за состоянием дел в военной промышленности осуществлял Оборонный отдел ЦК. Но когда вооружения были в ВПК изготовлены и переданы в армию, контроль со стороны партийных органов практически прекращался. <...> По этой причине, вместо решения насущных проблем армии, средства тратились на штабеля ракет, которые не могли быть использованы ни при каком развитии военных событий. <...> До Горбачева главное слово в военной политике оставалось за военными. Горбачев, в том числе и усилиями Зайкова, голос Министерства обороны, голос военных приравнял к голосам тех ведомств, которые определяли ареал всей военной политики страны. Он приравнял голос Министерства обороны к голосу Министерства иностранных дел, к голосу Комитета государственной безопасности, Военно-промышленной комиссии, Отдела оборонной промышленности ЦК. Все были на равных. Этого до Горбачева не было. В этом, я считаю, колоссальнейшая заслуга Горбачева. Он уравнивал голоса. Сделал общий хор. Я не знаю, наверное, Горбачев Клаузевица не читал, но именно Горбачев воплотил формулу Клаузевица, что война — это настолько серьезное дело, что ее нельзя доверять военным. <...> Военно-политические проблемы в Советском Союзе периода 1985–1990 годов глубоко прорабатывались на 4–5 уровнях специалистов от институтов и КБ промышленности до Генерального секретаря. Для этого была создана в государстве структура подготовки и принятия решений на высшем уровне. Структура эта была создана для

подготовки предложений для переговоров по проблемам ограничения вооружений, но она расплзлась вширь. Созданная эффективная структура занималась всеми военно-техническими проблемами, всей военной политикой на практическом уровне, за исключением вывода войск. <...>

Комиссия Зайкова являлась частью всей структуры, она называлась «верхняя пятерка». Комиссия Зайкова — это комиссия Политбюро. А «нижняя пятерка», или просто «пятерка», она же — Межведомственная рабочая группа была фактически аппаратом комиссии Зайкова. Но Рабочая группа имела право принимать самостоятельные решения. По тем вопросам, которые являлись военно-техническими. Эти решения принимались и записывались протоколно. И это все шло дальше на выполнение ведомствами. Решения принимались на основе тех проработок, которые выполняли институты и КБ промышленности, а также Министерство обороны, МИД, КГБ, Военно-промышленная комиссия, Оборонный отдел ЦК. Фактически главная нагрузка была на «пятерку». «Пятерка» давала те идеи и те окончательные, сформированные мнения, которые дальше уже шли на комиссию Зайкова. Все решалось на основе консенсуса. Если на «пятерке» были разногласия, что было довольно редко, они ликвидировались на «верхней пятерке» у Зайкова. Дальше материалы проработок принимались в виде постановлений Политбюро.

Надо сказать, что продуктивность этой структуры была очень высокая. Каждую неделю выходило два-три постановления Политбюро. Это очень много, потому что это иногда были довольно толстые документы. Это очень много. За ними стояла огромная работа специалистов не только пяти ведомств «пятерки», за этим стояла работа того оппонирующего образования, которое, как и Министерство обороны, должно было бы воспротивиться всем разоруженческим процессам. Это предприятия военно-промышленного комплекса, директорский корпус ВПК. <...>

Оппонентов (*ВПК*) превратить в соратников по процессу сокращения вооружений — эта задача стояла перед нашим Оборонным отделом. <...>

Все мнения дипломатов, промышленности и военных шли в Рабочую группу. Там они обсуждались. Принималось или решение Рабочей группы, это протоколно шло в дело, или обсуждались вопросы в виде проекта постановления Политбюро. Оно шло на комиссию Зайкова. Комиссия Зайкова обсуждала проблему с участием Рабочей группы — «пятерки» и специалистов промышленности, — подписывала проект постановления Политбюро. <...> Все вопросы принимались по принципу консенсуса. Это было главным в этой структуре. <...>

Задачей и нашего Отдела оборонной промышленности (*в ЦК КПСС*), и моей лично было сделать так, чтобы в этой структуре не было начальников. Начальник — это всегда мнение, которое довлеет над присутствующими. И следующая задача — равноправие членов «пятерки». И «пятерки», и «верхней пятерки». <...> За всю деятельность комиссии Зайкова и Рабочей группы не было допущено ни одного «прокола». Это я могу утверждать совершенно ответственно. <...> Тот механизм, который при Горбачеве работал, позволил все-таки впервые в мире со времен образования человечества дать мощный

импульс назад, против гонки вооружений, против накопления оружия. Такого не было, а особенно в нашем государстве.

С появлением Горбачева <...> возникло некое ощущение раскрепощенности. Можно было высказать свое мнение. <...> Начали раскачивать те основы, которые были установлены издавна. Это основы такие: надо слушать руководство, оно знает, что делать, а специалисты должны не думать, а обосновывать мнение руководства. <...> Горбачев это положение изменил в корне. <...> До него все руководители считали себя крупными специалистами по военной политике, они в узком кругу принимали решения. Именно горбачевская демократизация позволила специалистам иметь и высказывать мнение в самом серьезном для государства слое деятельности — внешней политики военного направления. <...> Когда появился Зайков (*во главе комиссии Политбюро*), он пригласил меня. <...> Я начал говорить о том, что избыточность вооружений — это плохо, но это только одна сторона дела. Мы допустили очень опасный просчет, когда наши собственные ракеты стали угрозой для СССР. Такой угрозой являются ракеты средней дальности в Европе. <...> Я говорил: «Нам надо убирать свои ракеты (СС-20), хотя это совершенно новые, недавно поставленные на боевое дежурство ракеты. Но эти ракеты надо ликвидировать для ликвидации американских «Першингов». Но на это ни в коем случае не пойдут наши военные». Зайков тогда сказал: «Ну, военные — те же самые специалисты. Они, в конце концов, тоже созреют для этого решения. Будем с ними работать. Они поймут. Давайте будем работать».

Маслюков (*председатель Комиссии по военно-промышленным вопросам Совета Министров СССР — заместитель Председателя Совета Министров СССР*) полностью поддержал меня. И вот эта тройка, которая собралась где-то в конце 1985 года, договорилась до следующего: нужно убирать все ракеты средней дальности из Европы. Нужно воспользоваться тем, что Рейган предложил в начале своей деятельности. Это нулевой вариант по ракетам средней дальности. «Нулевой вариант» для Европы нужно принимать. <...> Причем опасны ракеты не только средней дальности, но **особенно опасны ракеты меньшей дальности. Это те ракеты, с которых скорее всего начнется ядерная война. Ракеты меньшей дальности, наша «Ока» — это ракеты с низким ядерным порогом.** <...>

Когда Горбачев дал согласие на включение «Оки», <...> мы — специалисты — были даже довольны таким поворотом дел и сказали: «Ну и хорошо». ...Мы считали, что если мы ликвидируем ту нашу ракету, которая меньше оперативно-тактических по дальности стрельбы, то мы имеем право говорить американской стороне: «Мы же ликвидировали ракету, которая на 400–460 километров летит, поэтому вы не имеете права ставить в Европе “Лэнс-2”, которые подобны нашей ракете “Ока”». <...> Надо помочь Колю (он был противник «Лэнс-2»), чтобы новых ракет такого типа в Европе не было. И дальше дело шло бы к сокращению ракет малой дальности. Это самые опасные ракеты и они продолжают оставаться самыми опасными для мира.

По предложению Рабочей группы были предприняты взаимные поездки специалистов на предприятия СССР и США, где были проверены контрольные характеристики стратегических ракет. Это были сведения особой важ-

ности, которые никогда широко не раскрывались. Боже упаси где-то их напечатать. Эти сведения были открыты и предоставлены американской делегации. Американцы сделали то же. <...> Американская сторона о своих ракетах рассказывала все широко и раньше. Но у нас это было традиционно настолько все засекречено, что это наносило вред нам самим. <...> Созревание СНВ-1 возможно только после того, как был накоплен очень положительный опыт переговоров по ракетам средней дальности. Главное, что мы поняли, что мы способны на это дело. Что конкретные шаги у нас продуманы, и обе стороны готовы на конкретные шаги. <...> В СНВ-1 было очень много техники. Ну, такая проблема — можно ли допустить американских специалистов на нашу святая святых — сборочный цех, где лежит ракета. <...> Мы взяли на два дня самолет (сегодня улетели утром, а завтра вечером прилетели) и побывали в пяти городах на пяти заводах. За два дня! Это, знаете, от Урала по всей европейской части. Пять городов мы облетели. ...Прошли пять заводов и проверили их готовность к американской инспекции. Это то, что мы называем конкретными шагами. Собралась Рабочая группа, которая понимала необходимость, целесообразность, секретность (*предпринимавшегося шага*) и способна была принять решение. Более высокой экспертизы в государстве просто не существовало. <...> Но в то же время здесь вот та сторона, которой мы больше всего боялись. Это военно-промышленный комплекс... Мы выезжали, чтобы оценить, как относится к процессу разоружения директорский корпус. И проехали по самым серьезнейшим предприятиям типа Воткинска, Днепропетровска, Свердловска — вот такие предприятия, где самые страшные вооружения создавались. И переговоры с руководителями предприятий. Все 100 процентов руководителей отозвались, что, да, действительно надо разоружаться. Да, действительно надо «конверсироваться». И мы все это выложили потом в своем отчете о поездке. Написали, что военно-промышленный комплекс не будет возражать против ликвидации лишних вооружений и против конверсии. Такой вывод мог бы и не состояться, если бы не втянули их непосредственно в сам процесс. Руководители ВПК стали участниками, а не оппонентами.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Интервью с Н.Н. Детиновым³⁸

В результате принятых Советским Союзом усилий между СССР и США в 80-е годы был достигнут приблизительный паритет, или примерное равенство в области ядерных вооружений.

К этому же времени и руководством страны, и военно-техническими специалистами было уже понято, что продолжение гонки стратегических вооружений ведет не к укреплению взаимной безопасности, а, наоборот, ослабляет ее. Кроме того, дальнейшее отвлечение для такой гонки материальных и финансовых ресурсов ложится непосильным грузом на экономику страны.

К этому времени (*начало 80-х годов*) в стране сложился определенный механизм разработки и принятия решений по военно-политическим вопро-

сам. <...> Наряду с «большой пятеркой» (*комиссия Политбюро в составе секретаря ЦК КПСС, министра обороны, министра иностранных дел, председателя КГБ и председателя Военно-промышленной комиссии Совмина*) была создана так называемая «малая пятерка» или просто «пятерка» (как ее тогда называли), которая, по существу, взяла на себя подготовку и выработку всех документов, связанных с переговорами по стратегическим вооружениям. Подготовленные документы докладывались членам «большой пятерки» и вносились ими на рассмотрение [Политбюро] ЦК КПСС. <...> На заседания «малой пятерки» приглашались и соответствующие специалисты — главные конструкторы, ученые, представители родов войск, представители КГБ СССР, работники Министерства обороны СССР и МИД СССР, то есть все те, кто хорошо знал обсуждаемые вопросы и мог помочь в подготовке соответствующих документов. Это был весьма оперативный и квалифицированный орган. Практически не было случаев, когда то, что выработалось «малой пятеркой», не одобрялось членами «большой пятерки» и не утверждалось Политбюро ЦК КПСС. Этот механизм действовал, по существу, до самого конца существования СССР. Существование этого механизма по выработке и подготовке решений, в состав которого входили все ведомства, отвечающие за безопасность страны, обеспечило такое положение, при котором практически ни одно решение, принимаемое на переговорах, никогда не подвергалось серьезной критике, не считая некоторых представителей общественности. Такого нетерпимого положения, которое сложилось, например, с ратификацией Договора по СНВ-2, в то время нельзя было себе и представить.

Когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Горбачев, то он вскоре сделал секретарем ЦК КПСС по оборонным делам Зайкова. Зайков стал и руководителем «большой пятерки». Он очень энергично взялся за работу. <...> На «пятерке» вопросы обсуждались весьма подробно, выслушивались все мнения и принимались решения, которые потом докладывались Политбюро. Он очень активно вел эту работу и высоко поднял роль «большой пятерки».

Наряду с этим Горбачев и Шеварднадзе стали более внимательно следить непосредственно за переговорами и искать какие-то возможные подвижки в нашей позиции на этих переговорах. <...> Этот «жим» чувствовался «всю дорогу», особенно после Женевских переговоров с Рейганом в 1985 году.

Горбачев очень энергично взялся за подготовку этой встречи (*в Рейкьявике*). Под его руководством были подготовлены кардинальные предложения по всем основным проблемам переговоров по ЯКВ, причем подготовленные предложения во многом шли навстречу позиции США. Так, по СНВ предлагалось сократить каждый вид СНВ (МБР, БРПЛ и ТБ) на 50 процентов от существующего уровня, а в качестве запасной позиции — сократить суммарные уровни СНВ до 1600 единиц, а боезарядов — до 6000 единиц. При этом на 50 процентов сокращались бы и наши тяжелые ракеты СС-18. ТБ с ракетами СРЭМ и ядерными бомбами на борту засчитывались бы как один носитель (в уровень 1600 единиц) и один ядерный заряд (в уровень 6000 единиц). По ракетам средней дальности наша позиция предусматривала полную ликвидацию таких ракет СССР и США в Европе при сохранении в азиатской

части СССР и на территории США небольшого их количества (до 100 единиц). При этом ядерные средства Великобритании и Франции, а также ядерные средства передового базирования США выносились за рамки переговоров.

Одновременно было решено твердо держаться позиции по ПРО. Договор по ПРО должен строго соблюдаться сторонами в том виде, как он был подписан в 1972 году. При этом советская позиция продолжала исходить из того, что все решения по СНВ, ракетам средней дальности и ПРО должны иметь пакетный характер. <...>

Несмотря на то, что в результате переговоров в Рейкьявике не было подписано никаких документов, значение этих переговоров очень велико. Впервые после 1945 года стороны попытались сбросить с себя тот груз недоверия, которое десятилетиями копилось друг против друга. И эта попытка, хотя и не привела на этот раз к успеху, не прошла даром. Предложения СССР в Рейкьявике были настолько серьезными и крупными, что они составили основу будущего договора по сокращению СНВ и договора по ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Рейкьявик как бы наметил путь от конфронтации и противостояния к более конструктивным международным отношениям.

На конечном этапе выработки Договора по ракетам средней и меньшей дальности во время одной из встреч между Горбачевым и Шульцем было дано согласие на включение ракет СС-23 «Ока» в категорию ракет, подлежащих ликвидации. <...>

До этого шага Горбачева вопрос о ракете СС-23 подробно рассматривался на «пятерке», в результате чего еще раз была подтверждена необходимость категорически возражать против включения этой ракеты под ограничения. В то же время была высказана идея предложить американцам снизить нижнюю границу дальности стрельбы ракет меньшей дальности, подпадающих под ограничения, с 500 до 400 километров. В этом случае под запрет попали бы разрабатываемые США ракеты «Лэнс-2» с дальностью 450 километров.

Этот шаг Горбачева стал предметом наиболее острой критики как самого Договора, так и руководителей, принявших такое решение (ответственность за него часто возлагают на Шеварднадзе, сумевшего убедить генсека принять такое решение).

Но если посмотреть на эти события в перспективе прошедших лет, то станет ясно: Горбачев здесь ошибки не совершил. Если бы СССР оставил эти ракеты на вооружении, доказав США, что их дальность не превышает 500 километров (а это, возможно, потребовало бы приглашения американцев на стрельбы), в Европе, несомненно, были бы развернуты и новые американские ракеты «Лэнс-2». В результате повторилась бы ситуация с ракетами СС-20 и «Першинг-2». Но принятое решение не только предотвратило такое развитие событий, но и открыло возможность пойти в 1991 году на меры, ведущие к сокращению тактического ядерного оружия. В этом смысле шаг Горбачева исторически оправдан.

Впоследствии против Горбачева выдвигались обвинения в том, что он и Шеварднадзе самостоятельно, без соответствующего согласования, принимали решения об односторонних уступках американцам по разоружению.

Это далеко не так. Напротив, именно при Горбачеве механизм выработки и принятия коллективных решений функционировал наиболее активно и плодотворно. Горбачев действительно в ряде случаев принимал самостоятельные решения, но совершенно очевидно, что руководителя страны неразумно «связывать по рукам и ногам» строгими директивами, когда он ведет очный и психологически сложный диалог с руководителями других стран. Какая-то свобода действий у него должна быть. В то же время все важнейшие сдвиги в советской позиции не были какими-то волевыми актами того или иного лица. Это был результат коллективного творчества в рамках механизма выработки и принятия решений. По-прежнему самую активную роль во всей этой работе играла «большая пятерка» Зайкова, в которой были представлены как руководители всех заинтересованных ведомств, так и крупные эксперты.

Конечно, и со стороны Горбачева, и со стороны Шеварднадзе проявлялся определенный «нажим» на участников процесса выработки решений и переговоров, но это выражалось не в том, что эти два лидера самостоятельно выдвигали конкретные решения по тем или иным вопросам и диктовали их всем остальным. Такой нажим был скорее направлен на стимулирование поиска взаимоприемлемых решений, не ущемляющих интересы безопасности СССР. Более того, оба они весьма строго придерживались утвержденных директив. Конечно, критиковать легче, чем созидать. Ведь любые международные договоренности, особенно такие, как договоры по СНВ-1 или РСМД, основываются на поиске взаимоприемлемых компромиссов. А компромисс всегда оставляет поле для критики. И чем сложнее договоренность, тем шире это поле.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Заключение

Итак, 1985 год начинался с традиционной «ругательной» риторики в адрес американского империализма, хотя сразу же, уже на мартовском и апрельском пленумах ЦК был внесен новый элемент — о необходимости и готовности идти к улучшению советско-американских отношений. Риторика возобновлялась на протяжении первых двух лет перестройки — в ответ на неприемлемые и провокационные действия американской администрации. Но здравый смысл и императивы внутренних преобразований, диктовавших необходимость прекращения конфронтации с Западом (а это зависело, прежде всего, от США), возобладали.

Оценивая советско-американские отношения времен перестройки, надо иметь в виду и следующее. На американских политиков, а потом и общественность, производили впечатление напор, инициативность, убежденность в действиях и заявлениях Горбачева. А когда они поверили в искренность его намерений, возникло уважение к новому советскому руководителю. Никогда, даже в самые трудные для него моменты, он не вел переговоры с позиции слабости. Даже в период явного ослабления власти Горбачева в своей стране, никто из его американских партнеров не позволял себе фамильярности, высокомерия, покровительственного тона. В нем признавали выдающегося деятеля мирового класса.

И когда потребовалось, хотели ему помочь, но, скажем так, не сумели это сделать и... не успели.

Для оценки критического момента, который сложился ко второй половине 1991 года, очень важно знать, что западная помощь могла бы позволить Горбачеву справиться с острой ситуацией после путча. Госсекретарь Бейкер, во время Ближневосточной конференции в Мадриде, сообщил, что под давлением администрации владельцы больших капиталов в США готовы принять участие в кредитовании СССР, учитывая итоги Лондонской встречи «большой семерки» (закон не позволял этого сделать из госбюджета США). О реальной помощи вели речь зарубежные министры, зачистившие в Москву после путча.

Так что на подходе были те 14 миллиардов долларов, которые обещала «большая семерка», а ее координатор, премьер-министр Великобритании Мейджор, торопил с этим ее членов. Данная сумма должна была быть переведена в начале декабря... но в это время в Беловежье ликвидировали «получателя» — СССР.

Этих денег хватило бы, чтобы покрыть экстренные потребности в продовольствии, медикаментах и удовлетворить другие неотложные нужды (в том числе на финансирование госаппарата), успокоить население и преодолеть критический перевал к выходу экономики на новый путь. Никакого повального голода, которым грозили оппозиционеры и враги перестройки, не случилось бы, и была бы предотвращена та действительная катастрофа, которую «организовали» разрушители Союза, захватив власть.

Но истерия сепаратизма, поразившая национальные элиты, а главное — бешеная ненависть к «Центру» со стороны российских властей, опрокинули имевшиеся возможности преодоления кризиса и сохранения союзного государства в его новом, подлинно демократическом и по-настоящему федеративном качестве.

Советско-американские отношения за 1985–1991 годы прошли, таким образом, большой путь — от казавшейся непреодолимой конфронтации и вполне реальной угрозы вооруженного конфликта к сотрудничеству, к выработке основ взаимной и общей безопасности, в перспективе — партнерства в мировых делах. Путь к выгодному для всего международного сообщества равноправному взаимодействию двух держав был открыт. Движение по этому пути было сорвано исчезновением Советского Союза и последующим резким ослаблением позиций России на международной арене.

Властная элита США не устояла перед искушением воспользоваться этим и, по существу, присвоила себе главные полномочия по «глобальному регулированию». Возможности продолжить начатую совместными усилиями в годы перестройки работу по реформированию международных отношений с учетом вызовов нового тысячелетия были упущены.

Тем не менее основная конструкция отношений между двумя странами, созданная при Горбачеве, в целом выдержала испытание временем. Россия и США, как неоднократно заявляли их президенты, больше не являются врагами, и какие бы трения, а иногда острые разногласия ни возникали между ними, о возобновлении «холодной войны» речи уже не шло, несмотря на осложнения, возникавшие то с одной, то с другой стороны.

По оценкам российских военных экспертов (например, бывшего начальника главного штаба Ракетных войск стратегического назначения генерал-полковника В. Есина на международной конференции «Преодоление ядерной опасности» в декабре 2007 года), «по большому счету обе стороны выполняют взятые на себя обязательства в отношении соблюдения требуемых уровней сокращения и ограничения ядерных вооружений. Это, несомненно, позитивно сказывается на международной стабильности».

Полностью выполнен Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, инспекции по которому продолжались до 2001 года (в настоящее время контроль за соблюдением Договора осуществляется с помощью национальных технических средств и обмена уведомлениями).

Стороны соблюдают подписанный Горбачевым и Бушем-старшим Договор СНВ-1, вступивший в силу после ратификации обеими сторонами в 1994 году. Предусмотренные Договором сокращения были завершены к концу 2001 года. Осуществляется разносторонний режим контроля, предусматривающий, помимо национальных средств и системы уведомлений, 13 видов инспекций. Этот режим позволяет также контролировать соблюдение положений Договора о сокращении стратегических потенциалов, подписанного Путиным и Бушем-младшим в мае 2002 года и не предусматривающего системы контроля. Однако срок действия Договора СНВ-1 истекает в декабре 2009 года.

Что касается выполнения взаимных односторонних обязательств 1991 года по сокращению тактических ядерных вооружений, то эта договоренность представляет собой классический пример неформального режима, который позволил достичь впечатляющих результатов в короткий срок. При этом удалось избежать многих трудностей в ходе переговоров. В результате к концу 2001 года арсеналы тактического ядерного оружия США и России были сокращены примерно на 70 процентов. Был решен и вопрос с ядерными крылатыми ракетами морского базирования. Это оружие большой дальности было снято с кораблей и подводных лодок и складировано.

Важной целью политики Горбачева было недопущение развертывания широкомасштабной системы ПРО и предотвращение гонки вооружений в космосе. Хотя стремление Рейгана получить согласие СССР на реализацию СОИ не позволило достичь договоренности в Рейкьявике о ликвидации ядерного оружия, тем не менее удалось перевести вопрос в переговорное русло и существенно замедлить темпы осуществления противоракетных программ Пентагона. При этом на протяжении 90-х годов сохранялся Договор по ПРО, являющийся одной из опор стратегической стабильности. Выход США в конце 2001 года из этого договора и планы развертывания элементов ПРО в Польше и Чехии осложнили ситуацию.

Наибольшие трудности у России возникли с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Подписанный в Париже в ноябре 1990 года странами НАТО и Варшавского Договора, он явился крупнейшим достижением в деле прекращения «холодной войны» и конфронтации Запад-Восток. Изменения геополитической ситуации, связанные с роспуском Варшавского Договора и вступлением бывших его членов в НАТО, потребовали адаптации договора. Это было сделано в Стамбуле в 1999 году. Однако ратифицировали измененный документ лишь Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан, а страны Балтии даже не подписали его. В результате сложилось явно несправедливое по отношению к России соотношение в дислокации обычных вооружений в Европе. 30 ноября 2007 года Президент РФ Путин издал указ «О приостановлении РФ действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе». В заявлении МИД РФ в этой связи указывалось, что цель этого шага — «восстановление жизнеспособности режима контроля над обычными вооружениями в Европе, разумной альтернативы которому мы не видим». Россия предложила «как можно скорее и без искусственных условий ввести в действие адаптированный вариант ДОВСЕ и приступить к его дальнейшей модернизации».

В декабре 2007 года на форуме «Преодоление ядерной опасности» Горбачев предложил создать рабочую группу ведущих экспертов по выработке предложений о возобновлении диалога руководителей России и США по вопросам, касающимся судьбы системы соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений. С приходом в США новой администрации во главе с Барак Обама здесь открылись новые перспективы для конструктивного взаимодействия двух держав. От результатов российско-американских переговоров по этой проблеме зависит, будет ли соблюдаться Договор о нераспространении ядерного оружия, статья 6-я которого тре-

бует от ядерных держав вести переговоры о сокращении и в конечном счете ликвидации ядерного оружия, а также зависит готовность других участников договора выполнять свои обязательства, то есть оставаться неядерными.

При наличии политической воли Россия и США могут вновь обрести ту роль, которую они играли во второй половине 1980-х годов — быть инициаторами позитивных процессов в сфере международной безопасности, оздоровления международных отношений на апробированных при Горбачеве принципах взаимного доверия и честного диалога.

Примечания

- ¹ Речь идет о моратории на ядерные взрывы, о котором было объявлено в Заявлении М.С. Горбачева от 29 июля 1985 года. Советский Союз принял решение прекратить в одностороннем порядке любые ядерные взрывы, начиная с 6 августа 1985 года, призвав Соединенные Штаты поступить аналогичным образом. Мораторий был объявлен до 1 января 1986 года, при этом он оставался бы в силе и далее, если бы США также воздерживались от проведения ядерных взрывов.
- ² Договоры об ограничении стратегических вооружений, подписанные Брежневым и Никсоном в 1972 году (ОСВ-1) и Брежневым и Картером в 1979 году (ОСВ-2).
- ³ Накануне встречи с Шульцем появились сообщения о том, что США и их союзники рассматривают возможность развертывания ОТР (ракет меньшей дальности) в Европе. Горбачев заявил о готовности вывести такие ракеты из ГДР и Чехословакии и договориться о ликвидации их в течение короткого периода времени. Шульц заявил, что «некоторые члены НАТО не готовы пойти на нуль в этой категории ракет», но добавил: «Я признаю, что в вопросе о порядке решения проблемы ракет с меньшей дальностью вы внесли новое предложение и ответ за нами. Мы представим свой ответ».
- ⁴ Речь идет о ракетах «Першинг-1А», формально принадлежавших ФРГ, которые американская сторона хотела вывести из-под ликвидации по Договору о РСМД. В конце августа 1987 года канцлер ФРГ Г. Коль сделал заявление о том, что ракеты «Першинг-1А» будут ликвидированы одновременно с ликвидацией других ракет средней дальности.
- ⁵ Доул Роберт (р. 1923) — бывший лидер республиканцев в сенате США, добивавшийся тогда выдвижения своей кандидатуры от Республиканской партии на пост президента США.
- ⁶ Кроу Уильям (р. 1925) — адмирал, председатель Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США в 1985–1989 годах.
- ⁷ КРМБ — крылатые ракеты морского базирования различной дальности, развертываемые на надводных кораблях и подводных лодках.
- ⁸ Пауэлл Колин (р. 1937) — генерал, в то время советник по национальной безопасности в администрации президента Рейгана.
- ⁹ Верити Уильям (р. 1917) — министр торговли США в администрации Р. Рейгана.
- ¹⁰ Риджуэй Розанн (р. 1935) — заместитель госсекретаря США; Пол Нитце (1907–2004) — советник президента США; Томас Саймонс — заведующий отделом Госдепартамента.
- ¹¹ Однако в результате Рейган отказался присоединиться к коммюнике на эту тему, проект которого предложил Горбачев.
- ¹² Уайнбергер Каспар (1917–2006) — министр обороны США в 1981–1987 годах; Фрэнк Карлуччи (р. 1930) — министр обороны США в 1987–1989 годах.
- ¹³ СКАД — так на Западе именовались некоторые тактические ракеты советского производства, продававшиеся за рубеж.
- ¹⁴ Дуберстайн Кеннет — в 1988–1989 годах руководитель аппарата Белого дома.
- ¹⁵ Землетрясение произошло 7 декабря в северо-западных районах Армении.
- ¹⁶ Генерал Brent Скоукрофт — помощник президента по национальной безопасности в администрации Дж. Буша.
- ¹⁷ Эскипуласское соглашение о прекращении вооруженного конфликта в Центральной Америке подписано в августе 1987 года между Гватемалой, Никарагуа, Гондурасом и Сальвадором.
- ¹⁸ Речь идет о Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 25 апреля 1989 года.
- ¹⁹ Речь идет о плане США провести модернизацию ракет «Лэнс» (программа FOTL, или «Лэнс-2»), которые в результате приобретали бы дальность, аналогичную дальности ракет, уничтоженных по Договору о РСМД. СССР выступил против этого плана, от которого США впоследствии отказались.
- ²⁰ В 1990 году США отказались от программы создания и развертывания ракет на замену «Лэнс».

- ²¹ ФНОФМ — Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти — левая повстанческая организация в Сальвадоре.
- ²² Поправка Джексона-Вэника — была принята Конгрессом США в 1974 году. Предусматривала отказ в предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле странам с нерыночной экономикой, ограничивающим право на эмиграцию. Действие поправки приостанавливалось, но она так и не была отменена.
- ²³ Концепция «открытого неба» предусматривала осуществление инспекционных полетов над территорией стран Европы, США и Канады для наблюдения за военной деятельностью стран-участниц с целью укрепления доверия между ними. Соответствующий договор был подписан в марте 1992 года.
- ²⁴ Е.М. Примаков в качестве Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР находился осенью 1989 году с визитом в США и был принят президентом Дж. Бушем.
- ²⁵ КРВБ — крылатые ракеты воздушного базирования — вооружения тяжелых бомбардировщиков, засчитываемых в состав стратегических наступательных вооружений.
- ²⁶ Речь идет о созыве Общеввропейского совещания по типу Хельсинки.
- ²⁷ Речь идет о Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 5–7 февраля 1990 года, на котором была одобрена Платформа ЦК к XXVIII съезду партии «К гуманному, демократическому социализму».
- ²⁸ КОКОМ (СОСОМ) — Координационный комитет многостороннего контроля экспорта, созданный западными странами для недопущения экспорта в СССР и другие социалистические страны товаров и технологий, которые могли бы быть использованы в военных целях.
- ²⁹ То есть к ситуации до 11 марта 1990 года, когда Верховный Совет Литовской ССР заявил о «восстановлении государственной независимости» Литвы.
- ³⁰ Речь идет о предстоявшем визите Горбачева в США.
- ³¹ Бартоломью Реджинальд — заместитель госсекретаря США по вопросам ограничения вооружений в администрации Дж. Буша.
- ³² Вулси Джеймс (р. 1941) — руководитель делегации США на переговорах по ограничению вооруженных сил в Европе.
- ³³ На заседании Верховного Совета СССР 20 июня 1991 года В.С. Павлов (Председатель Кабинета Министров СССР) в обход Президента потребовал предоставить правительству дополнительные полномочия. Его поддержали Крючков, Язов, Пуго.
- ³⁴ Межгосударственный экономический комитет — создан в сентябре 1991 года в качестве органа управления народным хозяйством СССР на переходном этапе.
- ³⁵ Силаев Иван Степанович (р. 1930) — председатель Совета Министров РСФСР с июня 1990 по конец 1991 года, председатель Межгосударственного экономического комитета; Г.В. Кулик — заместитель председателя МЭК.
- ³⁶ Э.А. Шеварднадзе 19 ноября 1991 года вновь был приглашен Горбачевым занять пост министра иностранных дел — вместо Б. Панкина, который сменил на этом посту А. Бессмертных после августовского путча.
- ³⁷ Катаев Виталий Леонидович (р. 1932) — окончил Казанский авиационный институт, работал на предприятиях военной промышленности, был ведущим конструктором стратегических ракетных комплексов. В 1980-е годы — заместитель заведующего Оборонным отделом ЦК КПСС. В 1990–1991 годах — заместитель руководителя Отдела по вопросам обороны и безопасности государства при Президенте СССР. Член Межведомственной рабочей группы («пятерки»), осуществлявшей выработку позиций СССР на переговорах по сокращению и ограничению вооружений. (Интервью проводилось в рамках совместного со Стэнфордским университетом США проекта устной истории окончания «холодной войны».)
- ³⁸ Детинов Николай Николаевич (р. 1924) — участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию связи. Работал в Комиссии Президиума Совмина СССР по военно-промышленным вопросам, в Отделе оборонной промышленности ЦК КПСС. В 1980-е годы — в Совмине СССР, одновременно являясь членом советской делегации на переговорах по ракетам средней дальности и ядерным и космическим вооружениям.

Раздел III

ЕВРОПЕЙСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

Часть 1. Европа — общий дом

Несмотря на многочисленные конфликты, малые и крупные войны, Россия на протяжении тысячелетия никогда не выпадала из общеевропейского цивилизационного пространства. Так было, фактически, на всех этапах российской истории, несмотря на пертурбации, происходившие и в стране, и вокруг нее.

Важность европейского направления внешней политики была признана и советскими властями непосредственно после Гражданской войны 1918–1922 годов, несмотря на раскол Европы и мира. На протяжении всех межвоенных лет шло, пусть не последовательно, с конфликтами и откатами, восстановление связей России с Западом. Поэтому в трагический момент в судьбах Европы — в годы Второй мировой войны — возникла мощная антигитлеровская коалиция, историческим смыслом которой было спасение гуманистических европейских ценностей.

После общей Победы идеологическая конфронтация вновь взяла верх над взаимным притяжением. Бывшие общие противники в войне были разведены по противостоящим друг другу милитаристским блокам, созданным бывшими союзниками. Был дан старт «холодной войне». В течение почти полувека она отравляла отношения между Россией — Советским Союзом и Западом. Тем не менее потребность во взаимовыгодных связях не исчезла и с годами проявляла себя все настойчивее. Учащались, пусть ненадолго, периоды разрядки.

Знаменательным этапом на этом пути стал Заключительный документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — хельсинский Акт. 1 августа 1975 года подписали вместе с США и Канадой все европейские государства (кроме Албании).

Этот Акт вошел в историю вместе с такими понятиями, как «разрядка международной напряженности» и хельсинкский процесс. Среди сформулированных в нем принципов были: 1) суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; 2) неприменение силы и угрозы силой; 3) нерушимость границ; 4) территориальная целостность государств; 5) мирное урегулирование споров; 6) невмешательство во внутренние дела; 7) уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; 8) равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой.

Однако позитивные устремления, положенные в основу этого Акта, не могли получить полноценной реализации в условиях «холодной войны». Преодоление раскола Европы и прекращение «холодной войны» оказались взаимосвязаны.

Горбачеву эта связь была понятна еще до того, как он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Это показало его выступление в парламенте Великобритании в декабре 1984 года. Именно в этом выступлении впервые прозвучали слова « общеевропейский дом » с приемлемым для всех европейцев порядком.

После прихода Горбачева к власти эта установка превратилась в важный элемент советский внешней политики, стала составной частью новой дипломатии.

Естественно, в ходе перестройки курс на Европу претерпевал изменения, совершенствовался и пополнялся новым содержанием. В наиболее полной и объемной форме концепция «европейского общего дома» была изложена Горбачевым на митинге в Праге 10 апреля 1987 года и в его вышедшей осенью того же года книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».

Первоначально идея была воспринята на Западе как риторический пассаж. Однако постепенно отношение к ней стало меняться. Об этом свидетельствовали и изменение в лучшую сторону тональности серьезной западноевропейской прессы, и сдвиги в позиции собеседников Горбачева по переговорам. В поддержку идеи в разное время высказывались ведущие политики Франции, Италии, ФРГ, других стран. Позитивное отношение к ней сложилось и у общественности СССР.

Упоминания об «общеевропейском пространстве» и о Европе как «общем доме» стали появляться в международных документах. Показательно в этом смысле приведенное ниже Совместное советско-западногерманское заявление от 13 июня 1989 года. Среди компонентов строительства «Европы мира и сотрудничества» там назывались: безоговорочное взаимное уважение суверенности государств; энергичное продолжение процесса разоружения и контроля над вооружениями; равноправный диалог, охватывающий все темы двусторонних и международных отношений; широкое, взаимовыгодное экономическое сотрудничество, которое включало бы в себя и новые формы кооперации; поэтапное создание структур общеевропейского сотрудничества в различных областях, в частности транспорта, энергетики, здравоохранения, информации и коммуникаций; интенсивное экологическое сотрудничество; развитие прямых контактов между молодежью и воспитание подрастающих поколений в приверженности идее построения мирного будущего; уважение и бережное отношение к культуре народов Европы; осуществление прав человека и содействие обменов между людьми и идеями.

Ослабление во второй половине 80-х годов международной напряженности и постепенный демонтаж наиболее одиозных проявлений «холодной войны» давали импульсы для решения других проблем — на переговорах в Вене о сокращении обычных вооружений, в попытках сблизить Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС) и Союз Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в налаживании отношений между Североатлантическим союзом (НАТО) и Организацией Варшавского договора (ОВД), а потом и в решении «германского вопроса».

Кульминацией усилий в движении к «общеевропейскому дому» стала «Парижская хартия для новой Европы», принятая 21 ноября 1990 года на Общеевропейском совещании по безопасности и сотрудничеству. Хартия провозгласила готовность Европы к вступлению в эру демократии, мира и единства, наметила ориентиры на будущее. В ней было предусмотрено создание новых общеевропейских структур и институтов.

Хельсинки-2 намечалось провести в 1992 году. Однако события в Советском Союзе начала 90-х годов, приведшие, в конечном счете, к его распаду, коренным образом изменили ситуацию. Хельсинский процесс стал затухать. Тем не менее объективная потребность в наращивании общеевропейского процесса никуда не делась. Не потерял своего значения и общеевропейский опыт, накопленный в период перестройки.

Документальные свидетельства

*Из выступления Горбачева перед членами парламента Великобритании Лондон 18 декабря 1984 года**

Европа стала в 70-е годы колыбелью политики разрядки. Между странами Западной Европы и Советским Союзом, другими социалистическими странами сформировались тогда важные направления сотрудничества. К этому процессу присоединились США и Канада, подписавшие хельсинкский Заключительный акт. <...>

Словом, шло оздоровление международного климата. Это не были уступки одной стороны другой. Здесь проявился реализм, основанный на учете обоюдных интересов стран с различными общественными системами, здесь сказалось общее понимание, что нельзя строить свою безопасность за счет нанесения ущерба безопасности других.

Иными словами, победил разум, понимание того, что война — негодный, неприемлемый метод решения спорных проблем, что в ядерной войне, так же как и в гонке вооружений, в конфронтации, победить нельзя. <...>

Добрые отношения между европейскими государствами — это в значительной степени залог спокойствия и мира на всей Земле. Дорогой ценой досталось народам нашего континента понимание того, что ни при каких обстоятельствах нельзя потакать силам, которые и по сей день не оставляют попыток пересмотра территориальных реальностей, сложившихся в Европе после Второй мировой войны. А эти реальности родились в совместной победе. Они отражены и закреплены в межсоюзнических соглашениях о послевоенном устройстве, в важных двусторонних договорах между рядом государств, в хельсинкском Заключительном акте. <...> Что бы нас ни разделяло — планета у нас одна. Европа наш общий дом. Дом, а не «театр военных действий». <...>

ГСС. Т. 2. С. 125–126, 129, 130.

* Горбачев посетил Великобританию в декабре 1984 года во главе делегации Верховного Совета СССР. Подробнее см. 2-ю часть данного раздела.

*Из интервью корреспондентам французского телевидения
30 сентября 1985 года**

Горбачев. <...> Мы с вами живем в этой Европе. Я думаю, что и западно-европейские страны не меньше заинтересованы в том, чтобы развивать отношения с Советским Союзом, что Советский Союз в их внешней политике занимает не меньшее место, чем они во внешней политике СССР. У нас есть определенные традиции. У нас есть история, из которой мы извлекаем какие-то уроки, учимся на этой истории. Во всяком случае, европейцам мудрости не занимать. Каких бы сторон развития человеческой цивилизации мы ни касались, вклад европейцев огромен. Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие — с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать и налаживать коммуникации в этом доме. По-моему, естественно то, что Советский Союз придает важное значение такому сотрудничеству.

ГСС. Т. 2. С. 543.

*На встрече Горбачева с парламентариями Франции
Париж, 3 октября 1985 года*

Начну с самого общего вопроса. Что такое, собственно говоря, безопасность в Европе? Это — отсутствие войны и военной опасности. Взаимосвязанность, переплетенность судеб народов, несмотря на различие избранных ими социальных путей, ощущается в Европе с особой силой. Из-за географической плотности, перенасыщенности вооружениями Европа, как никакой другой континент, уязвима перед лицом вооруженного конфликта, тем более ядерного.

Значит, безопасность Европы не может быть обеспечена военными средствами, военной силой. Это совершенно новая ситуация, означающая разрыв с сформировавшимися веками, даже тысячелетиями, традициями, образом мысли и образом действий. Ко всему новому человеческая мысль приспосабливается не сразу. Это относится ко всем. Мы это чувствуем, мы начали переосмысление, приведение в полное соответствие с новыми реальностями многих привычных вещей, в том числе в военной и, конечно, политической областях. Хотелось бы, чтобы такое переосмысление шло и в Западной Европе, и за ее пределами. <...>

Многие стороны общеевропейского сотрудничества закреплены в хельсинкском Заключительном акте. Мы считаем, что он представляет собой серьезное достижение и полностью сохраняет свое значение. В дни, когда отмечался 10-летний юбилей хельсинкских договоренностей, все участники общеевропейского процесса высказались за его продолжение. Советский

* Накануне официального визита во Францию, состоявшегося 2-5 октября 1985 года, Горбачев принял журналистов французской телевизионной компании ТФ-1. Его обращение к французским телезрителям было передано по французскому телевидению 2 октября 1985 года. Подробнее см. 2-ю часть данного раздела.

Союз готов принять в этом самое активное участие. Каждая европейская страна внесла долю своего национального опыта в хельсинкский процесс. Это общее достояние народов Европы, и его надо беречь и умножать совместными усилиями.

Политический климат в Европе в немалой мере зависит от того, как развиваются экономические связи между Западом и Востоком. Здесь тоже необходим новаторский подход. Решение задач промышленного, технического и научного прогресса, встающих сегодня перед каждой страной, может быть значительно облегчено эффективным использованием международного разделения труда. Мы в Советском Союзе к этому готовы, в том числе к поиску новых форм кооперации и сотрудничества. Разумеется, на началах взаимной выгоды, равноправия, солидного ведения дел.

Нам представляется полезным и установление более деловых отношений между СЭВ и ЕЭС. Страны Совета Экономической Взаимопомощи проявили в этом отношении конструктивную инициативу, которая как будто встречена благожелательно. Важно, чтобы она дала конкретные результаты. При этом, как уже заявлялось, в той мере, в какой страны ЕЭС выступают как «политическая единица», мы готовы искать с ними общий язык и по конкретным международным проблемам. Это можно было бы делать в различных формах, включая и парламентские связи, в том числе с теми, кто представляет Европейский парламент.

Не объединив усилия всех европейских стран, не удастся по-настоящему решить и такую острую проблему, как сохранение и оздоровление окружающей среды на нашем континенте. Во многих его регионах, образно говоря, земля начинает гореть под ногами, с неба идет если не огненный, то кислотный дождь, а самого неба не видно из-за дыма. В печальное состояние приходят европейские реки и моря. В свое время мы все, видимо, действовали недостаточно дальновидно, породив такие проблемы, которые в национальных рамках теперь уже просто не поддаются решению. Вот уж поистине область, в которой всем необходимо осознать общность судьбы континента.

Многое можно сделать в той широкой области, которую называют «гуманитарной». Сохранение общими усилиями культурных ценностей прошлого, культурные обмены, взаимно обогащающие одну из колыбелей духовных ценностей человечества — Европу, — разве это не заслуживает самого пристального внимания? <...> К этой же сфере относятся и расширение информированности о жизни друг друга, развитие чувств обоюдной симпатии и уважения. Большое значение с этой точки зрения имеет взаимное изучение языков друг друга. Перспективное дело — широкие обмены школьниками, студентами, преподавателями. Однако важно, чтобы молодые поколения имели правильные представления друг о друге, им строить мирную Европу. Огромной важности задача — объединение усилий в борьбе с болезнями — старыми и новыми.

*На совместной с Франсуа Миттераном
пресс-конференции в Елисейском дворце
4 октября 1985 года*

Горбачев. <...> Немало времени мы с господином Президентом посвятили вопросам европейской безопасности. В этой области у нас есть опыт совместных усилий с Францией. Известно, что этот опыт позволил накопить существенный потенциал сотрудничества, который можно использовать для того, чтобы продолжать европейский процесс, основывающийся на хельсинкских договоренностях, наполнять его еще большим содержанием.

Вчера, выступая в парламенте, я изложил нашу позицию по всему комплексу этих проблем. Мне не хотелось бы ее повторять. Суть дела, как мне кажется, заключается в том, что обе стороны — СССР и Франция — остаются приверженными делу развития и углубления общеевропейского процесса, и об этом сейчас еще раз сказал господин Президент. Мы, как и Франция, выступаем за выполнение положений хельсинкского Акта во всех его частях, причем, как я глубоко убежден, оздоровление обстановки на Европейском континенте имело бы огромное значение для всего мира. В Европе непосредственно соприкасаются военно-политические группировки. Ее народы извлекли важные уроки из собственной истории. После совещания в Хельсинки существует и правовая основа, которая позволяет дальше пойти по пути сотрудничества и безопасности.

ГСС. Т. 3. С. 39.

*Из доклада Горбачева на сессии Верховного Совета СССР
27 ноября 1985 года*

Отдельно следует сказать о Европе. Как никогда остро стоит здесь задача не допустить дальнейшего повышения уровня военного противостояния. «Европейский дом» — это общий дом, где география и история тесно связали между собой судьбы десятков стран и народов. Сохранить свой дом, сделать его лучше и безопаснее европейцы могут только коллективно, следуя разумным нормам международного общения и сотрудничества.

ГСС. Т. 4. С. 169.

*Из беседы с министром иностранных дел Франции
Жан Батистом Рэмоном
Москва, 24 марта 1986 года*

Горбачев. <...> Мы европейцы. Мы и дальше будем отдавать приоритет Европе, европейскому направлению. Именно так мы и будем действовать. Мы разделяем точку зрения французского руководства относительно того, что Европа может и должна внести свой конструктивный вклад. Когда заходит об этом речь, я четко представляю, где вы и мы находимся. <...> Мы находимся каждый в своей политической ситуации, в своих блоках и в разных

политических системах. Это обстоятельство не является, однако, препятствием для развития и укрепления отношений между государствами. Такова принципиальная позиция Советского Союза.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на обеде в Кремле в честь Франсуа Миттерана
Москва, 7 июля 1986 года*

Все видят, что европейцам надоела нервотрепка конфронтации и напряженности. Им нужен воздух разрядки. Здесь, в Европе, острее осознается серьезность международной обстановки, вызревание угрозы войны. Ведь именно здесь противостоят друг другу мощные военные группировки, накоплены «монбланы» оружия, размещаются новые ядерные ракеты. С другой стороны, именно в Европе накоплен ценный опыт мирного сосуществования государств с различным общественным строем — как входящих в военные союзы, так и нейтральных.

У Европы достаточно велик экономический и политический потенциал, чтобы более определенно и уверенно говорить от своего имени, добиваться прогресса на всех ведущихся переговорах.

Нужно полностью избавиться политическое мышление от восприятия Европы как «театра военных действий». Она призвана быть примером сожительств суверенных, разных, но миролюбивых государств, осознающих свою взаимозависимость и строящих отношения на доверии. <...>

Хотя наш континент называют «старым», ему присуще чувство нового, восприимчивость к историческим переменам. Проявлением этого стало зарождение уникального явления, которое называют общеевропейским процессом, «духом Хельсинки». Он выдержал первые испытания и продолжает служить стабильности и миру в Европе. <...>

Этот процесс должен идти по всем направлениям — политическому, экономическому, гуманитарно-культурному. Все «три (хельсинкские) корзины» должны наполняться свежими и полезными плодами¹. Таков наш подход и к предстоящему очередному важному форуму в жизни Европы — встрече в Вене представителей государств — участников Общеввропейского совещания. Мы считаем, что эта встреча может обозначить поворот к лучшему, готовы этому содействовать. Хотели бы рассчитывать в этом на взаимодействие с Францией, с другими странами. <...>

ГСС. Т. 4. С. 291, 292.

*Из беседы с министром иностранных дел Италии Джулио Андреотти
Москва, 27 февраля 1987 года*

Горбачев. <...> Мне кажется, что в последнее время Западная Европа по-особому почувствовала необходимость внести свой вклад в укрепление основ безопасности, в строительство такой системы международных отношений, которая отвечала бы реальностям сегодняшнего дня. Было бы ошибкой, — а мы, порой, оказывались на грани такой ошибки, — сводить

роль Европы лишь к тому экономическому потенциалу, которым она обладает. И нам импонирует все то, что европейцы, — а мы и себя, естественно, относим к европейцам, — что-то сделали и что-то делают для улучшения атмосферы в мире. <...>

В этой связи не могу не коснуться следующего вопроса. У нас создается впечатление, что еще далеко не все западноевропейцы смогли избавиться от подозрений, что наш призыв к более активному сотрудничеству в Европе якобы преследует цель разрушить Атлантический союз, связи, сложившиеся у западноевропейских стран с США в экономической, военной и других областях. Словом, оторвать Западную Европу от Америки. Хотел бы сказать, что мы — реалисты здесь, в Кремле. Привыкли считаться с реальностями. Вместе с тем мы выступаем за более тесное сотрудничество с западноевропейскими странами, потому что считаем, что этого требует сама сложившаяся в мире ситуация. Европу с ее огромными возможностями и опытом никто заменить не может. Это главное, что побуждает нас активизировать связи с европейцами. Мы делаем, и будем делать для этого все, что от нас зависит.

Андреотти. В своей деятельности я всегда руководствовался убеждением, что мир должен и может быть мудрее, чем он есть сейчас. Мы в Италии горячо приветствуем политику, проводимую советским руководством во главе с Вами, и искренне желаем вам полного успеха в осуществлении ваших замыслов. Это отвечало бы интересам не только Советского Союза. Это очень важно для всех нас.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
26 марта 1987 года**

Горбачев. <...> Может быть, я не прав, но мне кажется, что мы плохо изучаем Европу и плохо ее знаем. Надо готовиться самим и людей готовить. Ведь выходим на новый этап мирного сосуществования. <...>

Институты Академии наук пусть образуют хотя бы группу ученых, которые бы разрабатывали для нас такие, например, фундаментальные вопросы, как «немецко-немецкие» отношения. Много и других проблем.

Понял я из ваших выступлений, что «с Европой у нас далеко не все ясно». Одно ясно, что без учета Европы ни один вопрос решать нельзя. Даже в наших внутренних делах она нам нужна, для перестройки. А уж во внешней-то политике Европу ничто не заменит. Без такого партнера, как Западная Европа, нам не обойтись. <...>

Пример строительства новых международных отношений имеется. Есть хороший опыт: Финляндия, Австрия, та же ФРГ, при всех перекосах. В политике у нее скачки. Но деловые круги готовы идти дальше.

Важная задача — использовать научно-технический потенциал Западной Европы, тем более что наши друзья по СЭВу там завязли. Наше сближение с Западной Европой будет облегчать им работу. Видеть Европу, как она есть.

Взять такую реальность, как интеграционные процессы. Что нам выгодно, что — нет? <...>

Вторая реальность. Видеть Европу во всем разнообразии. Есть развитые, есть развивающиеся страны. Есть Англия, Франция, ФРГ. Есть Финляндия и Австрия. Есть Голландия, Швеция и им подобные. Есть Испания и Португалия. И кроме того, в каждой стране есть оппозиционные партии, есть компартии, есть общественные круги. <...>

Много проблем встает. Надо глубоко планировать нашу работу на Европу. Произвести перегруппировку научных сил. Силы есть, надо их перегруппировать.

Александр Николаевич (*Яковлеву*)², может, создать центр европейских исследований?

И помнить — Западная Европа наш основной партнер. <...> Нигде мы без Европы по-настоящему дело не сдвинем...

ПБ. С. 155–156.

*Из беседы с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер
Москва, 30 марта 1987 года*

Горбачев. <...> Я хочу сказать, что мы не собираемся воевать в Европе или с Европой. Мы считаем, что Западная Европа может внести более весомый вклад, чем сейчас, в политические процессы в мире. Она обладает уникальным историческим опытом, интеллектуальным потенциалом, многовековой культурой. Европа переживала опустошительные войны и знает, что это такое. Европа должна сыграть свою роль, особенно в нынешней напряженной ситуации. И еще одно. Мы не хотим поссорить Европу с Америкой. Это было бы с нашей стороны ошибкой, поскольку нестабильность западного союза была бы невыгодна нам так же, как и для вас было бы плохо, если бы вы попытались расшатать Варшавский Договор. Все в этом мире взаимосвязано. <...>

Что касается хельсинкских соглашений, то мы готовы в любой момент сопоставить нашу готовность и Запада выполнять в полном объеме обязательства о контактах, о политических, социальных и культурных правах, о том, как лучше понимать друг друга. Мы готовы продвигать общеевропейский процесс. А вопросы гуманитарного порядка, включая воссоединение семей и выезды, мы будем и дальше решать в позитивном духе. Разумеется, за исключением тех случаев, когда такое решение невозможно по соображениям государственной безопасности или правового характера.

Тэтчер. Я надеюсь, что Советский Союз будет продолжать в этой области предпринимать такие шаги, которые усиливали бы наш оптимизм. Мы не собираемся вмешиваться в дела вашего общества и вашей страны. Мы не хотим делать вещи, которые вам оскорбительны или неприятны. Мы хотим прогресса и в этой области, как и в вопросе сокращения вооружений там, где это возможно, реально осуществимо. В Европе уже свыше 40 лет мир, и я надеюсь, что в течение следующих 40 лет Запад и Советский Союз смогут быть ближе друг к другу во всех областях, что границы между Востоком и Западом

в Европе были бы менее обозначены. Ведь, в конце концов, мы все — европейцы. Даже США — это страна европейцев. Мы хотим, чтобы этот процесс развивался поэтапно, но поступательно, до конца этого тысячелетия.

Горбачев. <...> Если брать наш философский подход, то надо искать решение всех проблем, идти навстречу друг другу, оставаясь разными. Это не недостаток, а преимущество. В целом мы готовы действовать в политике с широким подходом, понимая взаимозависимость не только в Европе, но и в мировом масштабе. И пусть Западная Европа и госпожа Тэтчер поскорее освобождаются от страхов в отношении Советского Союза. Только так мы сможем преодолеть конфронтацию, сократить ядерные и обычные вооружения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на митинге в Праге
10 апреля 1987 года**

В свете нового мышления мы выдвинули идею «общеевропейского дома». Это не красивая фантазия, а результат серьезного анализа ситуации на континенте. Понятие «общеевропейский дом» означает, прежде всего, признание определенной целостности, хотя речь идет о государствах, принадлежащих к разным социальным системам и входящих в противоположные военно-политические блоки. Оно сочетает в себе назревшие проблемы с наличием реальных возможностей их решения.

При высокой плотности населения и уровне урбанизации Европа перенасыщена оружием, в ней противостоят друг другу трехмиллионные армии. Даже «обычная» война была бы здесь губительной. Не только потому, что «обычное» оружие сейчас на много порядков разрушительнее, чем то, которое применялось во Второй мировой войне. Но и потому, что на ее территории около 200 блоков на атомных электростанциях, разветвленная сеть мощных химических заводов, поражение которых сделало бы континент непригодным для жизни.

А возьмите загрязнение среды обитания. Масштабы индустриализации и развития транспорта на нашем континенте таковы, что экологическая опасность уже приблизилась к критической отметке. Проблема эта вышла далеко за национальные границы, она — общеевропейская.

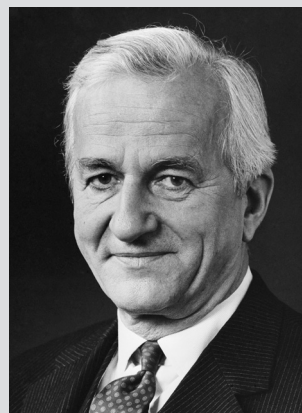
ГСС. Т. 6. С. 281–282.

*Из беседы с президентом ФРГ Рихардом фон Вайцеккером
Москва, 7 июля 1987 года*

Горбачев. <...> Хотел бы затронуть один пункт, который стоило бы учесть при обдумывании того, как действовать дальше. Европа является нашим общим домом, но в ней идут — на Востоке и Западе — интеграционные про-

* О визите М.С. Горбачева в Чехословакию в апреле 1987 года см. раздел IV.

Рихард фон Вайцзеккер (Richard von Weizsäcker) (р. 1920), брат знаменитого ученого-физика, президент ФРГ в 1984–1994 годах. С 1969 года — в руководстве Христианско-демократического союза (ХДС). 1981–1984 годы — правящий бургомистр Западного Берлина. Его визит в Москву в мае 1987 года стал решающим шагом в изменении отношений между ФРГ и СССР. Аристократ не только по рождению, а и по всему своему характеру и менталитету, широко образованный человек, умевший очень деликатно, иногда метафорично излагать свои убеждения, доводить до собеседника то, что он считал нужным.

Участник войны, воевал под Ленинградом. В солдатском ранце носил томик «Войны и мира» Толстого, читал, пытаюсь, по его воспоминаниям, понять, почему русские так беззаветно сражаются за свою Родину.

Авторитет Вайцзеккера хорошо послужил повороту руководства Западной Германии и всей немецкой общественности в сторону умиротворения, освобождения от комплексов, оставленных войной, сближения с нашей страной.

цессы. На наш взгляд, следовало бы подумать об общеевропейском процессе, который мог бы послужить Европе в целом. <...>

Вайцзеккер. <...> Ваши высказывания о процессе интеграции, которые идут в Европе, представляются мне чрезвычайно важными. Они будут постоянно в поле моего зрения.

*Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991.
М.: Издательство «Весь Мир», 2006. С. 53.*

***Из книги Горбачева «Перестройка и новое мышление
для нашей страны и для всего мира»
Октябрь–ноябрь 1987 года***

Кое-кто на Западе пытается «исключить» из Европы Советский Союз. То и дело, будто ненароком, ставят знак равенства между понятиями «Европа» и «Западная Европа».

Но подобные ухищрения ничего не могут изменить в существующих географических и исторических реальностях. <...>

Европа — наш общий дом. Этот образ пришел мне как-то на ум в ходе одной из бесед. Высказался вроде бы случайно, но мысленно я искал такую формулу давно. Возникла она не вдруг, а после долгих размышлений и, в частности, встреч со многими европейскими деятелями.

Настроив себя на новое политическое мышление, я уже не мог по-старому воспринимать многоцветную, будто лоскутное одеяло, политическую карту Европы. Она навоевалась вдоволь, наплакалась досыта, с нее хватит. Вглядываясь в панораму этой многострадальной земли, задумываясь над общими корнями столь многообразной, но в сущности единой европейской цивилизации, все острее ощущал условность, временность блокового противостояния, архаизм «железного занавеса». Так, видимо, и родилась мысль об «общем европейском доме». Вот это выражение в нужный момент словно само и слетело с языка.

Потом зажило как бы самостоятельной жизнью, вышло на страницы газет. Послышались и упреки — слишком, мол, абстрактное, бессодержательное. Тогда я решил изложить в цельном виде свои взгляды на эту проблему. И подходящий случай представился — визит в Чехословакию, где как раз расположен географический центр Европы. Это навеяло «европейскую тему» в моем публичном выступлении в Праге.

Европа — это действительно наш общий дом, где география и история тесно связали между собой судьбы десятков стран и народов. Конечно, у каждого из них есть свои проблемы, каждый хочет жить своей жизнью, придерживаться своих традиций.

Поэтому, продолжая метафору, можно сказать: дом-то общий, но у каждой семьи своя квартира, да и подъезды разные. Но сохранить его, уберечь от пожара или иных бедствий, сделать лучше и безопаснее, поддерживать в нем должный порядок европейцы могут только вместе, коллективно, следуя разумным нормам общежития.

Кому-то это может показаться всего лишь красивой фантазией. Но это не фантазия, а результат серьезного анализа ситуации на континенте. Если для мира нужны новые отношения, то для Европы — в особенности. Народы Европы их, можно сказать, выстрадали и заслужили.

Понятие «общевропейский дом» означает, прежде всего, признание определенной целостности, хотя речь идет о государствах, принадлежащих к разным социальным системам и входящих в противоположные военно-политические союзы. Оно сочетает в себе необходимость и возможность. <...>

Когда мы подчеркиваем значение самостоятельной позиции Европы, нам часто бросают в ответ обвинение в том, что мы стремимся поссорить Западную Европу с США. Такого намерения у нас не было и нет. Мы далеки от того, чтобы игнорировать или преуменьшать исторические связи, которые существуют между Западной Европой и США. Абсурдно трактовать европейскую политику Советского Союза как выражение какого-то «антиамериканизма». Мы не собираемся заниматься дипломатической эквилибристикой, не хотим провоцировать хаос в международных отношениях. Это несовместимо с главной целью нашей внешней политики — способ-

ствовать стабильному и прочному миру, основанному на взаимном доверии и сотрудничестве государств.

Наше представление об «общевропейском доме» отнюдь не означает намерения захлопнуть его двери для кого-либо. Мы, правда, не хотели бы, чтобы кто-либо открывал пинком двери в «европейском доме» и садился бы не в своей квартире во главе стола. Но это уж забота хозяина квартиры. В свое время социалистические страны позитивно восприняли участие США, как и Канады, в рамках хельсинкского процесса. <...>

Итак, ничуть не умаляя роли и значения других континентов, других народов, мы говорим об уникальной роли Европы.

Успех европейского процесса позволил бы ей вносить еще больший вклад в прогресс всего остального мира. Европа не должна уклоняться от участия в решении проблем голода, задолженности, слаборазвитости, от содействия в ликвидации вооруженных конфликтов. <...>

Ни в мировой политике, ни в мировом развитии Европу с ее огромными возможностями и опытом никто заменить не может. Роль Европы может и должна быть конструктивной, новаторской, благотворной.

*Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление
для нашей страны и для всего мира. —
ГСС. Т. 8. С. 178, 181, 182, 194.*

*Из беседы с Мартином Бангеманом
Москва, 16 мая 1988 года**

Горбачев. <...> Нам иногда говорят: вы, мол, увлечены отношениями с Соединенными Штатами. Чепуха это! Европа никогда не была на заднем плане в нашей политике. Никогда. Она была и останется главным направлением в нашей политике. И мы постараемся это доказать реальными шагами, а не только заявлением позиций. Без Европы невозможна выработка реальной и предсказуемой политической линии.

Бангеман. Я тоже так думаю.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 98.

*Из интервью Горбачева журналу «Шпигель» (ФРГ)
19 октября 1988 года*

Давайте двигать вперед процесс нормализации, улучшения международных отношений. И особенно займемся строительством «европейского дома», поживем в этом доме и посмотрим, что произойдет. Сейчас я бы именно этому больше уделял внимания, а не мечтал бы о том, о чем еще пока рано говорить.

* Бангеман Мартин — германский политический и государственный деятель. Председатель Свободной демократической партии (1985–1988), министр экономики в правительстве ФРГ.

Но я оптимист. Европа в силу политического опыта и своего интеллектуального, экономического потенциала может на нынешнем переломном этапе развития человеческой истории сыграть немалую роль. <...> Важно, чтобы сейчас никто не помешал этому процессу. Важно, чтобы все внесли посильный вклад. От нашего государства и правительства тоже многое зависит.

ГСС. Т. 12. С. 239–240.

*Из приветствия Горбачева XVIII съезду Итальянской компартии
21 марта 1989 года*

Своей перестройкой и новым мышлением мы содействовали крупным сдвигам в международных отношениях. И в Европе — тоже, пожалуй, даже больше, чем где бы то ни было.

У Европы появился шанс сыграть свою незаменимую роль в формировании мирного периода во всем мире. Для этого она должна разобраться со своими проблемами. И она уже начала разбираться. Нет надобности называть факты, которые у всех на виду.

Идея «общеευропейского дома» — не кабинетная конструкция. Это вывод из истории Европы. И рождена она реальностями конца XX века.

Убеждены в осуществимости этой идеи, в том, что европейцы вместе с американцами и канадцами в общих для всех интересах могут вернуть утраченное в веках целостное представление о Европе, где каждый сохраняет свою национальную неповторимость и ничем не ограниченную свободу выбора, где нет ядерного и любого наступательного оружия, где нации будут вносить добровольно в общую динамику часть плодов своего гения и труда.

ГСС. Т. 13. С. 408.

*Из беседы с премьер-министром Ирландии Чарльзом Хохи
Шеннон, 2 апреля 1989 года*

Горбачев. <...> Вы затронули один вопрос, который я считаю весьма важным. Это — отношения между Советским Союзом и Европой, то есть Европейским сообществом. Должен сказать, что мы сильно ощущаем себя европейцами. Убеждены, что Европа может сыграть ключевую роль на нынешнем переломном этапе мирового развития. <...>

Мы считаем Европейское сообщество реальностью, отбросили прежние ошибочные концепции на этот счет. Выработали новую политику — расширение контактов, сотрудничество не только между ЕС и СЭВ, но и между отдельными странами и ЕС. Надеемся, что процессы, которые идут сейчас в экономике стран СЭВ, позволят выйти на такие формы хозяйствования, финансовые, валютные инструменты, которые приведут к широкому сближению. И вообще, надо, не теряя времени, накапливать для этого необходимые предпосылки путем создания совместных предприятий, других форм взаимополезного обмена. <...>

Перестройка у нас в стране открывает большие возможности для экономического сотрудничества, сближения с другими странами.

Мы ничего не выпрашиваем у Запада. Мы за равноправное сотрудничество.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с председателем СДПГ Гансом-Йохеном Фогелем**
Москва, 11 апреля 1989 года

Горбачев. <...> Может быть, создать новую группу (из представителей КПСС и СДПГ) по проблеме «общеевропейского дома»? Это также интересный вопрос. Говорят в этой связи, что предложения Горбачева по «общеевропейскому дому» носят размытый характер. Но тут есть одна хитрость: пусть на эту тему выскажутся и другие. Мы считаем, что бригада строителей этого дома должна быть общеевропейской. Здесь есть свои реальности, это НАТО и Варшавский Договор.

Фогель. Каждому дому нужны несущие стены. Эти организации таковы-ми являются.

Горбачев. Почему бы нам их не политизировать? Пускай военные встречаются друг с другом, дискутируют. Мне кажется, что сам процесс Вены³ будет способствовать снижению конфронтации. Кстати, это могло быть еще одной темой для нашей рабочей группы.

Другой вопрос — перспективы развития ЕЭС и СЭВ. Важно, чтобы интеграционные процессы, идущие в обеих частях Европы, не разошлись. Западная и Восточная Европа располагают всеми необходимыми ресурсами. Их не надо искать за тридевять земель. Важно не терять время, идти от реального и, конечно, избегать любых действий, которые могли бы дестабилизировать обстановку.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 141–150.

Из Совместного советско-западногерманского заявления
Бонн, 13 июня 1989 года

Советский Союз и Федеративная Республика Германия видят первоочередную задачу своей политики в том, чтобы, опираясь на исторически сложившиеся европейские традиции, способствовать преодолению разобщенности Европы. Они исполнены решимости совместно работать над поиском путей, ведущих к созданию Европы мира и сотрудничества — европейского мирного устройства, «общего европейского дома», в котором есть место для США и Канады. Хельсинкский Заключительный акт во всех своих разделах, а также итоговые документы мадридской и венской встреч, определяют курс к реализации этой цели.

* Фогель Ганс-Йохен (р. 1926) — видный деятель германской социал-демократии, в 1987 году сменил на посту председателя СДПГ Вилли Брандта. с 1983 по 1991 год — лидер оппозиции в западногерманском бундестаге.

Европа, которая больше всех пострадала от двух мировых войн, обязана показать пример поддержания стабильного мира, добрососедства и конструктивного сотрудничества, способного слить воедино на общее благо возможности всех государств, независимо от различий в их общественных системах. Европейские государства могут и должны жить совместно без страха друг перед другом, мирно соревнуясь между собой. <... >

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 181.

**На пресс-конференции Горбачева в Бонне
15 июня 1989 года**

Вопрос. <...> Многие западногерманцы считают, что Берлинская стена⁴ – это и физический, и политический барьер на пути сближения, полного сближения ваших двух стран. Считаете ли Вы, что «общеевропейский дом», к которому Вы стремитесь, возможен, пока Берлинская стена по-прежнему существует?

Ответ. Сводить к тому, что единственным препятствием на пути к строительству «европейского дома» является Берлинская стена, было бы несерьезно. Нам придется решить много проблем при постройке «европейского дома» в интересах всех народов, при этом уважая их выбор, их традиции, их историю, создавая условия для равноправного, взаимовыгодного сотрудничества. Ничего нет вечного под луной. Будем надеяться, что мы на правильном пути. Стена появилась в конкретной ситуации, и продиктовано это было не каким-то злым умыслом. ГДР законно решила тогда использовать свои суверенные права. Стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили. Не вижу тут большой проблемы.

Вопрос. В Совместном заявлении, которое Вы подписали с канцлером Коелем, говорится, что Соединенные Штаты и Канада имеют право на место в «общеевропейском доме». Могли бы Вы пояснить более конкретно, что имеется в виду, а также предпочтительно ли, с точки зрения Советского Союза, чтобы войска США остались в Европе или чтобы они ушли из Европы?

Ответ. Первое, что я хочу сказать в ответ, – следующее: я себе не представляю реальной политики – в данном случае говорю о советском руководстве, – которая ставила бы целью как-то ущемить интересы Соединенных Штатов. Это было бы несерьезно. Это было бы отступлением от того принципа реализма, жесткого реализма, которого мы твердо придерживаемся. Именно реалистическая оценка ситуации в мире привела нас к новому мышлению. В его рамках мы оценили также важность и роль советско-американских отношений, роль Америки в нынешнем мире. Думаю, есть понимание и на Западе, и на Востоке этой роли, и мы сочли возможным еще раз в своем совместном с ФРГ заявлении это констатировать. Это, во-первых.

Из этого вытекает, что строительство «общеевропейского дома» предполагает активное участие США и Канады. Включенность их в европейские дела в течение целых десятилетий создала предпосылки для такого их участия – конструктивного и плодотворного – и на новом этапе европейского процесса...

Вопрос. <...> Когда будет строиться «европейский дом», какое место в нем будет для таких небольших стран, как Чехословакия, где мы будем жить — в подвале или на втором этаже?

Ответ. Я думаю, там, где живете, и будете жить. Я люблю вашу страну. Нам не нужен такой «общевропейский дом», который лишит людей того, что они имели без него. Наоборот, он должен прибавить к тому, что люди и народы уже сегодня имеют. И не может «общий европейский дом» быть построен без их согласия.

*Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР
М.С. Горбачева в ФРГ, 12–15 июня 1989 г.: Документы и материалы.
М.: Политиздат, 1989. С. 92–92, 94–95.*

*Из беседы с экс-президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном⁵
Париж, 4 июля 1989 года*

Горбачев. <...> Нельзя никому отказывать в праве действовать на базе своего понимания, своих убеждений, своих ценностей и своей приверженности этим ценностям. Но это, конечно, не отменяет того важного факта, что мы все взаимосвязаны, взаимозависимы, даже если между нами и есть различия. Мы ведь разные даже в одной и той же системе. И мы останемся таковыми, даже если будут реализованы те или иные варианты социального выбора.

Процесс адаптации к нынешним реальностям идет не просто. Но это не должно служить препятствием к сотрудничеству. Даже в Советском Союзе в рамках одного и того же государства, одной и той же системы у нас разные культуры, миры, традиции, психология и формы организации жизни.

Жискар д'Эстен. <...> Сейчас Западная Европа переживает перестройку, меняет свои структуры. Трудно сказать, когда это произойдет — через пять, 10 или 20 лет. Но в Западной Европе возникнет новое современное федеративное государство. Мы к этому идем, и СССР должен готовиться к общению с большим западноевропейским единым государством. <...> Но тогда, возможно, встанет вопрос о той или иной форме — официальной или фактической — присоединения некоторых государств к нему. Речь, скорее всего, пойдет об Австрии, Швейцарии, Скандинавских странах, но также и о некоторых восточноевропейских государствах. Мы не намерены «шуровать» в восточноевропейских странах, расшатывать фундамент стабильности. Мы видим опасность дестабилизации тех или иных государств и не заинтересованы в этом. Но хотелось бы знать, каково будет Ваше отношение к тому, что некоторые восточноевропейские страны, сохраняя узы безопасности с СССР, могут захотеть стать ассоциированными членами ЕЭС? <...>

Горбачев. <...> Я бы грубо отступил от принципов отношений с нашими друзьями, объединенными в Организацию Варшавского Договора, если бы втянулся в обсуждение этого вопроса. Это была бы «имперская позиция». Правда, вы нас называете «империей», но это не так. <...>

*На встрече Горбачева в Сорбонне с французской интеллигенцией
Париж, 5 июля 1989 года**

Вопрос Режи Дебре (писатель). *Господин Президент, я хотел бы спросить Вас о Европе. Где Вы ставите пределы Европы, должна ли она простираться, по Вашему мнению, до Владивостока? Иными словами, является ли для Вас СССР полностью европейской державой или же он разделяется между Европой и Азией?*

Ответ. Относительно Европы мое представление совпадает с позицией генерала де Голля — от Атлантики до Урала. Кстати, уже в последнюю неделю появились и другие точки зрения. Есть, например, такая точка зрения, она прозвучала из уст довольно ответственных лиц. Например, считают возможным и целесообразным восстановление Европы в границах 39-го года. Я надеюсь, Вы тоже прочитали эти высказывания. Я с этим не могу согласиться. По-моему, и европейцы не согласятся. Мы все чувствуем себя европейцами, мы имеем право чувствовать себя европейцами. <...>

Но конечно, нам, прежде всего, хочется разобраться в самой Европе. Есть идея «общевропейского дома». И приятно сейчас констатировать, что она все больше завоевывает широкие круги общественности. И находит отражение в сфере политики. Возникает своего рода консенсус между политикой, общественностью, интеллектуалами и — прямо скажем — народами. Я верю, что мы окажемся способными разработать и проект «общего дома», и осуществить его строительство.

Меня не смущает, что Европа многолика, и не только в смысле культур, а и идеологических, политических привязанностей и принадлежности. Меня это не смущает. Потому что, если реалистически мыслить, «строительство дома» — это будет процесс. <...>

Если мы этого захотим, если мы будем реалистами, мы сможем реализовать идею «общего дома». Но если будем выдвигать друг другу ультиматумы: вы, мол, изменитесь, а мы останемся такими, какие есть, — ничего не получится. Надо идти навстречу друг другу, меняясь, обмениваясь и совместно строя.

«Правда», 6 июля 1989 года.

*Из речи Горбачева на Парламентской Ассамблее Совета Европы
Страсбург, 6 июля 1989 года*

Сейчас уже мало просто констатировать общность судьбы и взаимозависимость европейских государств. Идея европейского единения должна быть коллективно продумана заново, в процессе сотворчества всех наций — больших, средних, малых. <...>

Пора сдать в архив постулаты «холодной войны», когда Европу рассматривали как арену конфронтации, расчлененную на «сферы влияния» и чьи-то «предполюья», как объект военного противоборства — театр военных действий. <...>

* О визите Горбачева во Францию в июле 1989 года см. во 2-й части данного раздела.

Линейное продолжение пути, по которому межевропейские отношения развивались вплоть до последней четверти XX столетия, уже не отвечает этим реальностям. <...>

Во время встреч с европейскими лидерами в последнее время затрагивались вопросы и об архитектуре «общего дома», и о методах его строительства, и даже «меблировке». Плодотворными и весьма масштабными были беседы на эту тему в Москве и в Париже с Президентом Франсуа Миттераном.

Но и сегодня я не претендую на то, что у меня в кармане готовый проект этого «дома». Скажу только о самом, с моей точки зрения, главном. По сути дела, речь идет о такой перестройке сложившегося в Европе международного порядка, которая решительно вывела бы на первый план общеевропейские ценности, позволила бы заменить традиционный баланс сил балансом интересов.

О чем конкретно стоит в этой связи сказать?

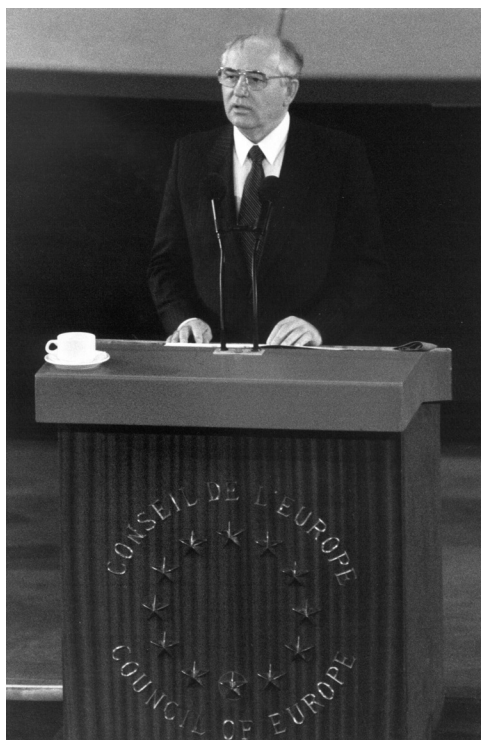
На первом месте — вопросы безопасности. <...>

Философия концепции «общеевропейского дома» исключает вероятность вооруженного столкновения, саму возможность применения силы или угрозы силой и, прежде всего, военной — союза против союза, внутри союзов, где бы то ни было. На смену доктрине сдерживания она предлагает доктрину сдержанности. И это не игра понятий, а диктуемая самой жизнью логика европейского развития. <...>

Убежден: европейцам давно пора привести свою политику и свое поведение в соответствие с новым здравым смыслом — не готовиться к войне, не запугивать друг друга, не соревноваться в совершенствовании оружия и уж тем более — попытках «компенсировать» начатые сокращения, а учиться совместно творить мир, вместе закладывать для него прочные основы. <...>

Если безопасность — фундамент «общеевропейского дома», то его несущая конструкция — разностороннее сотрудничество.

Знаменем новой обстановки в Европе, да и в мире стал в последние годы интенсивный диалог между государствами — двусторонний и многосторонний. Значительно расширилась сеть соглашений, договоров, других договоренностей. Привычными стали официальные консультации по разнообразным вопросам. <...>

На трибуне Парламентской сессии Совета Европы, 6 июля 1989 года

В повестку дня все настоятельнее выдвигается проведение года через полтора-два второго совещания типа хельсинкского. Нынешнему поколению руководителей европейских стран, США и Канады, помимо самых актуальных вопросов, пора обсудить, какими они видят последующие этапы движения к европейской общности XXI века.

Об экономическом содержании «общеευропейского дома». Мы считаем реальной, хотя и не близкой, перспективу образования обширного экономического пространства от Атлантики до Урала с высокой взаимосвязанностью восточной и западной его частей.

Переход Советского Союза к более открытой экономике имеет в этом смысле принципиальное значение. И не только для нас самих — для повышения эффективности народного хозяйства и удовлетворения запросов потребителей. Это усилит взаимозависимость экономик Востока и Запада и, следовательно, благоприятно скажется на всем комплексе общеευропейских отношений.

Сходные черты в практическом функционировании хозяйственных механизмов, укрепление связей и экономической заинтересованности, взаимная адаптация, подготовка соответствующих специалистов — все это долговременные факторы на линии сотрудничества, залог стабильности европейского и международного процесса в целом. <...>

И для Востока, и для Запада Европы одинаково актуальны, например, такие проекты, как трансевропейская скоростная железнодорожная линия; общеευропейская программа по созданию новых технологий и техники, по использованию солнечной энергии; по переработке и захоронению ядерных отходов и повышению безопасности АЭС; дополнительные каналы передачи информации с использованием световодов; система общеευропейского спутникового вещания. <...>

У нас нет сомнений, что интеграционные процессы в Западной Европе приобретают новое качество. Не склонны недооценивать возникновения в ближайшие годы единого европейского рынка. <...> Что касается СССР, — на очереди торгово-экономическое соглашение между нашей страной и ЕС. Придаем этому акту существенное значение также и с точки зрения общеευропейских интересов. <...>

«Общеευропейский дом» надо будет содержать в экологической чистоте. Жизнь преподала нам горькие уроки. Крупные экологические проблемы в Европе давно переросли национальные рамки. И формирование региональной системы экологической безопасности — дело неотложное. Вполне возможно, что именно на этом действительно приоритетном направлении общеευропейский процесс пойдет быстрее всего. <...>

Нужно значительное расширение культурного сотрудничества, более глубокое взаимодействие в области гуманитарных наук, нужен новый уровень информационного обмена. Словом, необходимо интенсифицировать процесс узнавания европейцами друг друга. При этом особую роль могло бы сыграть телевидение, позволяющее обеспечить контакты не между сотнями и тысячами людей — а между десятками и сотнями миллионов. <...>

Европейцы смогут ответить на вызовы грядущего столетия, только объединив свои усилия.

Мы убеждены: им нужна одна Европа — мирная и демократическая, сохраняющая все свое многообразие и придерживающаяся общих гуманистических идеалов, процветающая и протягивающая руку всему остальному миру. Европа — уверенно идущая в завтрашний день. В такой Европе мы видим собственное будущее.

«Правда», 7 июля 1989 года.

*На встрече с членами Бюро Комитета министров Совета Европы
Страсбург, 6 июля 1989 года*

Горбачев. <...> Не будем недооценивать того, что происходит сегодня в Страсбурге. Действительно, то, что сегодня происходит в Страсбурге, важное событие не только для Советского Союза и Совета Европы, но и для всей европейской политики.

Согласен с проявленной вами инициативой о создании исследовательской группы. Мы открыты вашим инициативам, будем выступать с собственными. Готовы предоставить ей необходимую информацию, готовы к состыковке наших идей и действий. <...>

Мы считаем себя европейцами. И это не только наше мнение. Это — реальность. <...> Долгие годы мы закрывались друг от друга. Сейчас нужно все это устранять.

Визит М.С. Горбачева во Францию, 4–5 июля 1989 года.

Документы и материалы.

М.: Политиздат, 1989. С. 144, 146.

*Из выступления Горбачева в Верховном Совете СССР
Москва, 1 августа 1989 года,*

Западная Европа сейчас быстрее движется к осознанию необходимости взаимопонимания и сотрудничества с нами, готова обсуждать любые проблемы с учетом реальностей и баланса интересов, преодолевать конфронтационные подходы.

Переговоры с руководством Великобритании, ФРГ и Франции, встречи с общественностью, с простыми гражданами укрепили нас во мнении: Европа сейчас совсем не та, что всего несколько лет назад. Сопоставляя свои нынешние контакты с предыдущими, которые на этом же уровне имели место в недавнем прошлом, ощущаешь, как быстро меняются наши отношения с западным миром: больше доверия, даже доверительности, больше определенности, больше уверенности в будущем Европы и мира, больше открытости. И главное — углубляется содержание отношений. В этом мы могли убедиться и в Лондоне, и повсеместно в ФРГ, и в Париже, и в Страсбурге, где была представлена, можно сказать, вся Западная Европа. Сказалось на характере встреч и то простое обстоятельство, что с каждым годом мы все лучше

узнаем друг друга. Личностный момент, как теперь всем ясно, имеет огромное значение для современной политики. И он теперь во всех трех столицах принят как необходимый элемент европейского процесса.

Новое качество встреч в верхах и вообще на политическом уровне, разумеется, неодинаково от страны к стране. Но нигде нет отката назад. <...>

Интерес и симпатии, доброжелательство — самая широкая гамма чувств, но только — не враждебность и неприязнь. Вот то впечатление, которое я бы хотел передать вам. Оно само по себе перевешивает значение многих политических решений, подписанных соглашений. Мы ощутили всю громадность того потенциала добрососедства, который действительно способен обеспечить крутой поворот истории — и не только Европы. <...>

При всех особенностях взглядов и оценок можно, думаю, констатировать сходство по таким концептуальным вопросам, имеющим прямой выход на мировую политику, как неприемлемость и абсурдность военного решения межгосударственных проблем и противоречий; примат общечеловеческих ценностей; свобода выбора; снижение уровня вооружений и ликвидация военного противостояния; необходимость экономической адаптации Востока и Запада и интернационализации усилий в области экологии; связь политики и нравственности; роль гуманитарного и культурного фактора в политическом процессе; значение непосредственного общения между гражданами разных государств. <...>

Думаю, что в итоге визитов можно говорить о сближении представлений о «европейском доме», о том, что реальность этой идеи стала более очевидной. <...>

В результате встреч в верхах и других переговоров в Великобритании, ФРГ и во Франции создан, пожалуй, беспрецедентный задел взаимовыгодного сотрудничества. Подписано рекордное число соглашений: в Бонне — 12, в Париже — 22. Дело, конечно, не в количестве, но оно тоже кое о чем говорит.

Важно также, что состоялись встречи с авторитетнейшими представителями делового мира, которые, по нашим впечатлениям, настроены хотя и критически по отношению к нашим нынешним внешнеэкономическим возможностям, но конструктивно, склонны смотреть далеко, с перспективой, и готовы со свойственным бизнесменам прагматизмом и решительностью совместно искать наиболее приемлемые формы взаимодействия. <...>

Преобладающая часть заключенных соглашений относится к экономической и научно-технической сфере. Задача состоит в том, чтобы реализация их помогала экономической реформе, чтобы формировались практические стимулы для развития прямых хозяйственных связей, включая малые и средние фирмы, для создания эффективной работы совместных предприятий, производящих продукцию, крайне нужную нашему потребителю. Сотрудничество с французскими фирмами предусматривается в агропромышленном комплексе и лесном хозяйстве. С участием фирм ФРГ и Италии будет проведена модернизация легкой промышленности. Открываются возможности кооперации в таких передовых областях, как тяжелые космические платформы, авиостроение, скоростной железнодорожный транспорт, телекоммуникации, телевидение будущего поколения и другие. Многого мы ожидаем от создания у нас, в Ленинграде, и в ФРГ домов экономики и промышленности. <...>

В общеполитическом плане значение визитов в Западную Европу — при всех особенностях каждого — можно свести к нескольким обобщениям. Сделаны, может быть, решающие прорывы в идеологических барьерах на пути к новой, мирной Европе. Укрепилось доверие в восприятии друг друга на государственном уровне. «Очеловечение» наших отношений со странами иной социальной системы создает мощный подпор мирному процессу на континенте со стороны общественного мнения, миллионов европейцев. <...>

В Федеративной Республике Германии и во Франции мы были накануне совещания лидеров семи ведущих капиталистических государств, проходившего на этот раз в Париже. По этому случаю я направил президенту Миттерану послание, изложил взгляды советского руководства на ключевые мирохозяйственные проблемы. <...>

Наша перестройка неотделима от курса на полноправное участие в международном разделении труда. ...Парижское совещание поставлено в известность о нашей готовности к диалогу по всем этим вопросам.

*Первая сессия Верховного Совета СССР.
Стенографический отчет. Часть V.
1–3 августа 1989 года. М., 1989.*

*Из выступления Горбачева во дворце «Финляндия»
Хельсинки, 26 октября 1989 года**

«Моделью», своего рода «опытной базой» для формирования мирного периода человечество располагает. Это — Европа, которая не только вот уже 45 лет живет без войны, но и накопила поучительный потенциал сожительства многих и разных стран. Имя ему — общеевропейский процесс.

Нельзя считать случайностью, что именно Финляндия стала местом успешного проведения первого, «учредительного», общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству. Она предоставила для этого свою столицу и искусством своей дипломатии внесла заметный вклад в наведение «мостов согласия» между Востоком и Западом, в подготовку достигнутых тогда договоренностей. И закономерно, что у начатого здесь, у вас, процесса два имени — «общеевропейский» и «хельсинкский».

Не могу вообще не отметить конструктивный вклад малых и средних государств, в особенности — Европейского Севера. Многими полезными идеями и компромиссными инициативами европейцы обязаны именно им. И голос Финляндии во всей этой работе слышен отчетливо и авторитетно. То, что достигнуто на общеевропейском пути, во многом заслуга группы «Н + Н», то есть нейтральных и неприсоединившихся стран, которые, кстати, составляют треть в Европейском сообществе государств. <...>

Дела в Европе уверенно продвигаются вперед. <...> Появились основания рассчитывать, что соглашения по сокращению войск и вооружений и мерам доверия в Европе можно достичь уже в будущем году. Событие такого масшта-

* О визите Горбачева в Финляндию в октябре 1989 года см. во 2-й части данного раздела.

ба, что было бы правильно, если бы этот документ был подписан на уровне руководителей всех государств, участвующих в европейском процессе.

Более того, в общественном мнении утверждается, по-моему, закономерная идея: не пришло ли время для нынешней генерации руководителей европейских стран, США и Канады вновь обсудить состояние европейских дел, заглянуть в будущее Европы, за пределы уходящего века. Поэтому намеченную на 1992 год встречу в рамках общеевропейского процесса стоило бы проводить на уровне руководителей всех 35 государств. И мы приветствовали бы, если бы это «Хельсинки-2» состоялось в Хельсинки. Президент Мауно Койвисто сообщил нам сегодня, что он согласен. <...>

В порядок дня становится формирование общеевропейского экономического пространства. Тот факт, что интеграционные группировки развиваются с разной скоростью, не должен мешать поиску точек соприкосновения. Тем более что уже и сейчас есть немало общих забот. <...>

В рамках Совета Европы, его конвенций и соглашений, специализированных учреждений накоплен большой опыт многостороннего общения, который заслуживает более активного использования. <...>

Часть вопросов можно решить на двусторонней основе. Мы, например, считаем, что пришло время по-новому посмотреть на проблему разграничения морских пространств в Баренцевом море с Норвегией и найти, наконец, взаимоприемлемое решение.

Готовы мы налаживать контакты с Северным советом⁶. Предлагаем провести для начала встречу делегации совета с представителями Верховного Совета СССР, а затем Верховных Советов союзных и автономных республик, расположенных в северной части нашей страны.

Мы знаем об озабоченности стран Севера экологическими проблемами. И разделяем эту озабоченность. Природа Севера хрупка и трудно восстанавливаема. Ущерб ей нанесен уже немалый, а ведь Арктика — одна из «мастерских погоды» для всей планеты. <...> Пора, видимо, подумать об общей программе и на ее основе наладить взаимодействие, в частности, по производству природоохранной технологии. Нужны и общие нормативы, стандарты, а также методы контроля над состоянием природной среды на Севере.

Мы приветствуем инициативу Финляндии о созыве многосторонней межправительственной конференции по экологии Арктики.

Наверное, был бы полезен всем обмен мнениями о крупных экономических и энергетических проектах, намеченных к осуществлению в северных странах. Некоторые из них, видимо, можно было бы сделать взаимодополняющими. <...>

Словом, сотрудничество северных стран — важнейшая часть общеевропейского процесса. Это одна из уже действующих линий, работающих на демократизацию и гуманизацию международных отношений, выводящих нас к мирному периоду.

*Визит М.С. Горбачева в Финляндию
25–27 октября 1989 года.
Документы и материалы.
М.: Политиздат, 1989. С. 40–43, 45–46.*

*На встрече Горбачева с журналистами
после выступления во дворце «Финляндия»
Хельсинки, 26 октября 1989 года.*

Вопрос. *На каких основных направлениях могли бы взаимодействовать Советский Союз и Финляндия в построении «общеевропейского дома»?*

Ответ. Финляндия и Советский Союз давно уже работают на строительстве «общеевропейского дома». И знаете почему? То, что еще недавно называлось «финляндизацией»⁷ и подвергалось критике — причем подавалось с определенным подтекстом насчет отношений между такой огромной страной, как Советский Союз, и Финляндией, — все это рухнуло, а практика показала жизнеспособность этих отношений.

Я бы сказал так: СССР и Финляндия выполняли и выполняют пионерскую работу. Мы уже накопили очень большой капитал в этих отношениях. И опыт того, что называлось «финляндизацией», теперь надо оценивать как позитивный, как большой вклад Советского Союза и Финляндии в строительство новых отношений в Европе. Как мне кажется, здесь приобретено очень много полезного. Это надо нам всем, европейцам, вместе обдумать.

У нас есть другие интересные примеры хороших деловых отношений. Например, прекрасные отношения с Австрией. <...>

Вопрос. *Вы говорите об «общеевропейском доме», в частности, об участии в системе «общеевропейского дома» нейтральных государств. Но представьте себе, какая-то нейтральная страна, скажем, Австрия, захочет вступить в Общий рынок, в Европейское сообщество. Интересно, как бы Вы отнеслись к этому?*

Ответ. Я вообще приветствую интеграционные процессы в Европе. Они реально существуют в Европе, и мы должны искать точки соприкосновения между представляющими их организациями. ...Думаю, что чем больше с обеих сторон будет открытости, тем лучше. <...>

Я в принципе за углубление интеграционных процессов в Европе, причем от Атлантики до Урала, а не до Бреста. А на ваш вопрос о том, как мы будем смотреть, если какая-то страна будет принимать какие-то решения об отношениях с той или иной интеграционной организацией, я отвечаю так: это ее право.

Визит М.С. Горбачева в Финляндию... С. 51–53.

*Из беседы с председателем Совета Министров Италии
Джулио Андреотти. Рим, 29-30 ноября 1989 года**

Горбачев. <...> О Европе. Здесь происходят фундаментальные перемены, причем идут они подчас в таком темпе, что если не рассматривать их с определенной политической, философской высоты, а реагировать моментально, то можно поддаться и панике. И такие признаки есть — и на Западе, и на Востоке. Я исхожу из того — и это господствующее мнение в советском руко-

* О визите Горбачева в Италию в ноябре 1989 года см. во 2-й части данного раздела.

Джулио Андреотти (Giulio Andreotti) (р. 1919). Включился в политическую деятельность в 1942 году как президент Итальянской университетской ассоциации, близкой к организации «Католическое действие». Один из основателей и сотрудников органа Христианско-демократической партии — газеты «Пополо», работал в ней в подполье при фашистском режиме. В 1944 году избран членом Национального совета этой партии. С этого времени постоянно входил в группу ее

руководителей. Депутат Учредительного собрания и парламента всех созывов вплоть до 1992 года. Неоднократно занимал различные министерские посты, был министром финансов, обороны, промышленности, иностранных дел, казначейства. С 1972 по 1992 год семь раз возглавлял различные коалиционные правительства.

Со второй половины 80-х годов — активный сторонник добрососедских отношений с СССР. Многократно посещал Советский Союз. Выступал в поддержку европейской политики Горбачева, процесса разоружения на Европейском континенте, отстаивал идеи «общеевропейского дома».

Человек большой культуры, изощренного ума, виртуозный дипломат и искусный политик европейского масштаба. Незаурядная личность, он пользуется почтительным уважением не только в Италии, несмотря на все зигзаги его политической карьеры.

В 1993 году под давлением дискриминационной кампании отошел от политики. В 2002 году был обвинен в причастности к убийству журналиста Пекорелли и арестован, однако вскоре освобожден. В 2006 году выдвигался на пост председателя Сената Италии.

Автор ряда книг, среди которых «Концерт для шести голосов» (1946), «Де Гаспери и его время» (1965), «СССР — с близкого расстояния» (1988).

водстве, — что такие перемены назрели, просто необходимы. ...Естественно, тут можно размышлять о многих проблемах, но главное — признать за каждым народом его ответственность за выбор пути, методов модернизации, политических и экономических перемен. И это тоже дается непросто. Меня уже обвиняли во всех грехах — мол, и внутри, и вокруг все рушится. Да, рушится. То, что надо разрушить, и то, что само себя изжило. И хорошо, что начали мы этот процесс сами и имеем план действий, хотя, конечно, много времени было упущено. <...>

Прежде всего, внутренние перемены в восточноевропейских странах должны идти в тех формах, которые им ближе, в большей степени отвечают их традициям, психологии, историческому опыту. <...> Пусть ищут. Делают свой выбор. Но я хочу такого же понимания со стороны Запада. Это очень важно, ведь общая направленность перемен такова, что они сближают нас.

Эти перемены касаются и внешних аспектов — преодоления замкнутости регионов, противодействия внутренним системам, интернационализации различных процессов. Отсюда мы пришли к «общеевропейскому дому». <...>

Через нынешние перемены надо идти к Европе, в которой каждый сохраняет свою идентичность и в которой у всех у нас много общего. Надо развивать обмены, перенимать опыт, причем не только в науке и технике, но и социальной области. Но дело каждого решать, что ему подходит. <...>

Нужно преодолеть идеологические барьеры. Пусть каждый молится своему богу — это не должно мешать общему процессу. <...>

Второй момент. Как относиться к уже существующим институтам. И НАТО, и ОВД возникли при определенных обстоятельствах, и подходить к ним надо очень взвешенно. Для начала пусть они приобретают характер в большей степени политической организации, чем военной. Пусть ведутся переговоры, пусть встречаются генералы — все это только позитив. <...>

Повторяю, что мы живем в очень важный, поворотный, переломный период. Но иногда виден и такой подход: мол, чтобы построить «общеевропейский дом», нужно чуть ли не снести все то, что было построено раньше. Нет, нужно многое взять, оставить то, что показало свою полезность, и внести новые элементы.

Для того чтобы мы могли вместе двигаться в нужном направлении, и Западной Европе необходимо многое изменить. Не надо думать, что это только дело Востока.

Андреотти. <...> Прежде всего, хочу подчеркнуть, что полностью согласен с Вашей мыслью, что ни Восток, ни Запад не обладают абсолютной истиной, к которой должна приспособливаться другая сторона... Я полностью согласен с Вами, господин Президент, что мы можем развивать европейское сотрудничество по новым направлениям... И конечно, будем вместе готовиться к Хельсинки-2. <...> Не скрою, я рад, что Вы подтвердили, что рассматриваете США как неотъемлемую часть общеевропейского процесса.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече Горбачева с представителями
городских властей и общественности Рима
30 ноября 1989 года*

У нас у всех есть хорошая основа для взвешенной, конструктивной линии — хельсинкский Заключительный акт, венский Итоговый и другие документы общеевропейского процесса, двусторонние акты международного значения, такие как советско-западногерманское Совместное заявление, советско-французская декларация о принципах, советско-финляндская декларация, советско-канадская политическая декларация, теперь вот советско-итальянская декларация. В них богатство идей, и обязательств, позволяющих обеспечивать здоровое, нормальное течение европейского процесса. <...>

Перемены идут везде — не только на Востоке Европы. Они идут на Западе. И все они определенным образом взаимосвязаны, влияют друг на дру-

га. Вместе они делают еще более актуальной идею «общеевропейского дома». Со своей стороны мы стараемся в своих связях и с западной частью Европы, с Италией в том числе, с восточноевропейскими государствами наполнять эту идею конкретным содержанием. Обстановка действительно требует основательнее подступаться к общеевропейскому строительству.

Думаю, в свете событий уходящего года становится очевиднее желательность всевропейской встречи на высшем уровне, то есть Хельсинки-2. Можно было бы подумать о приближении ее сроков и провести не в 1992 году, а, скажем, уже в 1990-м. <...>

В конечном счете, Европа видится как общность суверенных демократических государств с высоким уровнем равноправной взаимозависимости, открытых для обмена товарами, технологиями, идеями, для широчайших контактов между людьми. Процессы подобного масштаба — всегда результат различных тенденций и влияний исторического сотворчества, в которое каждый вносит свое — желательно лучшее и, конечно, приемлемое для других.

Выстраивая такую перспективу, мы хотим оставаться реалистами. Ратуем за особую серьезность, чтобы, не обольщаясь, принимать других такими, какие они есть, и не стремиться переделать друг друга.

*Визиты М.С. Горбачева в Италию и Ватикан
29 ноября — 1 декабря 1989 года.
Документы и материалы.
М.: Политиздат, 1990. С. 41-44.*

*Из беседы с Президентом США Джорджем Бушем
Мальта, 3 декабря 1989 года*

Горбачев. <...> Мы очень хорошо понимаем вашу вовлеченность в Европе. По-другому смотреть на роль США в Старом свете — нереально, ошибочно, наконец, неконструктивно. Это Вы должны знать, это наша фундаментальная позиция. <...>

Теперь о переменах в Европе. Они, действительно, имеют фундаментальный характер. Причем не только в Восточной, но и в Западной Европе. <...> Так что вся Европа находится в движении, причем с направленностью к чему-то новому. Мы себя тоже считаем европейцами и связываем с этим движением идею «общеевропейского дома». Я бы просил Шеварднадзе и госсекретаря Бейкера более основательно обсудить эту идею, так как, думается, она отвечает интересам и СССР и США.

Мы должны особо ответственно и взвешенно действовать — и взаимодействовать — в период, когда вся Европа переживает такие динамичные изменения.

Буш. Я с Вами согласен.

Горбачев. <...> Мы убеждены, что должны вести дело к продолжению и развитию хельсинкского процесса, а отнюдь не к разрушению созданного на его основе. Отсюда потребность в Хельсинки-2. <...>

Другой важный вопрос — как в новой ситуации поступать с институтами, созданными в другое время? Тут также требуется взвешенный и ответственный подход. Иначе нынешняя положительная направленность процесса перемен может превратиться в свою противоположность, привести к подрыву стабильности. Реально существующие инструменты поддержания баланса надо не сокращать, а видоизменять в соответствии с требованиями времени. Использовать их для укрепления безопасности и стабильности, улучшения отношений между государствами. Пусть НАТО и Варшавский Договор становятся все в большей мере политическими, а не только военными организациями, и пусть меняется их конфронтационная природа. Хорошо, что наши генералы уже начали улавливать дух времени, ездить друг к другу, обсуждать самые сложные вопросы. <...>

У меня сложилось впечатление, что руководство США сейчас как-то особенно активно продвигает концепцию преодоления раскола Европы на базе «западных ценностей». Если этот тезис не только для пропаганды, а его собираются положить в основу практической политики, то скажу прямо, можно наломать немало дров. В свое время на Западе выражали тревогу по поводу того, что Советский Союз собирается «экспортировать революцию». Но ведь установка на экспорт «западных ценностей» звучит похоже.

Я бы сказал так: время сейчас очень непростое и поэтому особо ответственное. То, что Восточная Европа меняется в направлении большей открытости, демократии, сближения с общечеловеческими ценностями, создания механизма совместимости с мировым экономическим прогрессом, все это открывает беспрецедентные возможности для выхода на новый уровень отношений. Причем выхода мирным, спокойным путем. И тут очень опасно искусственно форсировать, подталкивать происходящие процессы, тем более в угоду чьим-то односторонним интересам.

Варианты европейской интеграции — в культурном, политическом плане — могут быть самыми различными, в том числе неизведанными. И это пройдет не безболезненно. В отдельных местах ситуация будет даже приобретать острый характер. И это естественно, ведь в происходящее втягиваются огромные и разные общественные силы. <...>

Для меня важно, что наметившаяся тенденция к обновлению в Восточной и Западной Европе идет в направлении сближения. Результат не будет копией шведской, английской или советской модели. Нет. Получится нечто, отвечающее потребностям нынешнего этапа развития человеческой и европейской цивилизации.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с госсекретарем США Джеймсом Бейкером
Москва, 9 февраля 1990 года*

Бейкер. <...> Позвольте перейти к проблематике СБСЕ. Нам известно, что Вы заинтересованы в проведении общеевропейской встречи на высшем уровне. Мы изучили Ваше предложение. Сначала мы отнеслись к нему не-

сколько прохладно, поскольку неясно было, какова цель такой встречи. Однако недавно мы заявили о своем согласии принять участие в этой встрече, отметив при этом три принципиальных момента.

Во-первых, эта встреча должна быть этапом подготовки к запланированной общеевропейской встрече на высшем уровне в 1992 году. Во-вторых, на этой встрече необходимо подписать соглашение о сокращении обычных вооруженных сил в Европе или, во всяком случае, использовать ее для того, чтобы форсировать движение к договоренности. И наконец, в-третьих, мы хотели бы, чтобы на этой встрече было зафиксировано согласие с нашим предложением о свободных выборах как праве человека.

Мы не думаем, что у западных стран будут какие-либо трудности с принятием этих условий. Что касается сроков проведения такой встречи, то многое будет зависеть от того, как пойдут дела в Вене.

Горбачев. <...> Конечно, общеевропейскую встречу на высшем уровне в Хельсинки в 1992 году надо обязательно провести. Но ведь события развиваются так быстро, происходит столь глубокая перестройка не только европейских структур, но и всей мировой политики, что если мы хотим на этом ответственном этапе взаимодействовать, то встреча руководителей европейских стран нужна в этом году. Очень важно сесть за один стол и все обсудить. Это всех успокоило бы, подтвердило нашу ответственность за то, чтобы события шли в наших общих интересах. Смотрите, сколько новых проблем возникает в Восточной Европе и в Западной Европе. А Европа — наша общая судьба. И надо посмотреть на все европейские структуры в условиях нынешних глубоких перемен. Это очень ответственные перемены. Нам надо не отставать от этого процесса, чтобы он не приобрел хаотичный характер. И это была бы своего рода подготовка к Хельсинки-2.

На встрече Хельсинки-2 было бы хорошо подписать серьезный, глубокий документ, который отразил бы эти новые реальности. Но с налета такой документ не разработать. Поэтому все надо хорошо обдумать, хорошо подготовить. А на встрече в этом году можно было бы обменяться мнениями, я бы сказал, погонять мысли и ограничиться кратким коммюнике.

А если бы еще удалось подписать соглашение по обычным вооружениям, было бы совсем хорошо. Так что я вижу причину для проведения встречи в этом году.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Москва, 25 мая 1990 года*

Миттеран. <...> Я прекрасно осознаю, что объединение Германии, ее членство в НАТО создают для Вас очень большие проблемы. Я тоже испытываю трудности в этой связи, но иного порядка. Поэтому я подчеркиваю необходимость создания условий безопасности для вас, а также европейской безопасности в целом. Этой целью я руководствовался, в частности, выдвигая свою идею создания европейской конфедерации. Она схожа с Вашей концепцией строительства «общеевропейского дома». <...>

Горбачев. <...> Мне кажется, что пора думать и о новых институтах. Почему бы не поразмышлять о налаживании взаимодействия между Варшавским Договором и НАТО? Надо поискать какие-то формы связей между этими двумя организациями. В частности, уже существует широкое понимание того, что необходим какой-то центр по предотвращению кризисных ситуаций в Европе.

Мы надеемся на то, что НАТО перейдет на иную доктрину, нежели нынешняя. Это, с учетом уже осуществляемой в Варшавском Договоре работы в отношении военной доктрины, открыло бы надлежащую перспективу политизации двух блоков, налаживания новых взаимоотношений между ними. <...>

Я говорил Бейкеру: нам известна ваша благожелательная позиция в отношении высказывавшегося рядом представителей восточноевропейских стран намерения выйти из Варшавского Договора, чтобы впоследствии вступить в НАТО. Ну а какова будет реакция США, если аналогичное желание изъявит СССР? Важно уже сейчас прорабатывать вопросы конкретных форм взаимоотношений двух военно-политических группировок, поскольку от этого будет зависеть политическое лицо будущей Европы.

Поиск новых форм отношений между союзами мог бы осуществляться в контексте разработки политической организации новой Европы. <...> Тогда всем стало бы ясно, что мы меняемся, что происходит движение Востока и Запада навстречу друг другу, в частности в Вене; что две военно-политические группировки взаимодействуют между собой по такому ключевому вопросу, как строительство немецкого единства. Этим же задачам отвечали бы и новые формы экономического сотрудничества, в том числе Европейский банк. Этот банк мог бы стать каналом, связывающим страны Запада и Востока.

Ко всему этому могли бы добавиться договоренности о придании встречам на высшем уровне между всеми европейскими странами регулярного характера, о создании постоянно действующего органа, в котором были бы представлены министры иностранных дел. Об этом и Вы говорили. Работа в этом направлении послужила бы стимулом к большей интеграции и единству новой Европы, а не к ее разъединению, отвечала бы задачам преодоления появившихся в последнее время взаимных подозрений. Тогда все европейцы, а не только наиболее крупные среди них, по-настоящему почувствовали бы себя хозяевами своего континента.

Я считал бы полезным, чтобы на уровне министерств иностранных дел наших стран началось совместное обдумывание реалистических подходов к этим проблемам. Сейчас с разных сторон пытаются подбрасывать «простые» решения, которые на самом деле хранят в себе большие опасности. А ведь речь идет о судьбах Европы, которые, в свою очередь, будут определять судьбы всего мира. Убежден: если говорить о позитивных импульсах мирового развития, то они могут прийти в настоящее время только из Европы. Просто не вижу, откуда еще они могли бы прийти.

*Из беседы с Джорджем Бушем
Вашингтон, 31 мая 1990 года*

Горбачев. <...> Хочу предложить Вам <...> сразу же рассмотреть в едином комплексе картину меняющейся Европы и процессы, запущенные объединением Германии. Ведь это настолько связано, что нельзя оторвать одно от другого.

Даже если взять самые строгие критерии, Восточная Европа и Советский Союз меняются в направлении сотрудничества с другими государствами, открываются все новыми гранями к общечеловеческой цивилизации. Именно это создает основу не просто для диалога, но для коренного изменения форм сотрудничества и подводит нас вплотную к новым структурам безопасности в Европе.

Подчеркну, главное — это как пойдет процесс в Советском Союзе и Восточной Европе. Что же касается проблем, вызванных к жизни объединением Германии, то при всей своей важности и остроте — а масштабы действительно мировые — они все же явление вторичное.

Поэтому следует сконцентрировать усилия на углублении общеевропейских процессов — определить для этого необходимую последовательность шагов и рубежей. Мы разделяем стремление американской стороны к скорейшему соглашению в Вене, с тем чтобы оно могло быть подписано на общеевропейской встрече в верхах.

Помимо всего прочего, эта этапная договоренность позволит провести основательную дискуссию о новых тенденциях европейского развития, обменяться мнениями о том, как строить отношения в новой Европе. И здесь абсолютно ясно, что новую Европу не построить без активного участия США. <...>

Европе надо сейчас идти вперед, не останавливаясь — наращивая темпы, совершая восхождение от Хельсинки-1 к Хельсинки-2. Здесь, по-моему, у нас с вами хорошее понимание. Однако наступил момент истины: как совместить дальнейший общеевропейский прогресс со справедливым урегулированием внешних вопросов, возникших благодаря объединению Германии. Совместить так, чтобы не сошла на нет эта мощная обещающая тенденция к наращиванию европейского сотрудничества.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
17 июля 1990 года*

Буш. <...>Я помню, как во время Вашего визита в США Вы говорили о том, что будете внимательно следить за ходом совещания в Лондоне⁸. Мы пошли по пути преобразования Североатлантического союза и таким образом сейчас открывается эра сотрудничества между Востоком и Западом. Я надеюсь, что в Советском Союзе именно так и были восприняты результаты этой встречи.

Мы также постарались учесть те озабоченности, которые Вы высказывали в беседах со мной и с другими. Мы сделали это следующим образом:

- предложили государствам — членам Организации Варшавского Договора принять Совместную декларацию о ненападении;
- пригласили Вас прибыть в Брюссель и выступить в Североатлантическом совете;
- согласились открыть НАТО для установления регулярных дипломатических связей с СССР и другими государствами Восточной Европы ;
- выступили с искренним предложением дать заверения относительно численности вооруженных сил будущей объединенной Германии (как я понимаю, Вы обсудили этот вопрос с канцлером ФРГ Г. Колем);
- в военной области объявили о радикальном изменении в нашем подходе, как к обычным, так и ядерным вооружениям;
- предложили расширить и укрепить процесс СБСЕ, предусмотрев создание новых организационных структур, в рамках которых СССР мог бы принять участие в процессе обновления Европы;
- мы попытались в принятом документе расставить акценты таким образом, чтобы указать на наше стремление иметь такую Европу, где ни одна держава не чувствовала себя в изоляции. Вы знаете о том, что я рассматриваю НАТО как стабилизирующий фактор, особенно если объединенная Германия не окажется в изоляции и станет полноправным членом этой организации.

Вот те моменты, которые мы постарались учесть при составлении этого документа, с тем чтобы НАТО адаптировалась в соответствии с новыми реальностями и не представляла какой-либо угрозы, о чем так красноречиво говорили Вы и маршал Ахромеев⁹ во время наших бесед здесь в США. После того как Вы ознакомитесь с принятым документом, я попросил бы Вас сообщить мне о том, какие дополнительные шаги, по Вашему мнению, можно было бы предпринять в этом направлении. <...>

Горбачев. <...> Согласен с Вами в том, что такое течение процесса позволит надеяться на успешное развитие переговоров в Вене, работы по всему комплексу общеевропейских вопросов.

В заключение хочу сказать, что наш разговор укрепляет мою уверенность в том, что сотрудничество между нами будет крепнуть.

Буш. Давайте продолжать подобный обмен мнениями.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Роланом Дюма
Москва, 25 августа 1990 года**

Горбачев. <...> Наш выбор сделан — двигаться к европейской общности. Мир сильно меняется, и хорошо, что процесс переосмысления ускорился и в США. Представьте себе, что персидский кризис¹⁰ разразился бы лет семь назад. Американцы быстро позаботились бы о наведении порядка в известном имперском, жандармском стиле: как «придавили» Панаму, Гренаду. <...>

* Р. Дюма — член Французской социалистической партии, министр иностранных дел Франции в 1984–1986 и 1988–1993 годах.

То, что происходит сейчас в Европе, как в Восточной, так и в Западной, во многом определяет дальнейшее развитие и вне нашего континента. Опыт, интеллектуальный потенциал, исторические корни, политическая культура Европы могут дать положительные импульсы. Особенно если удастся объединить наши ресурсы. Я — русский, советский, все сильнее чувствую себя европейцем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на Общевропейском совещании в Париже
19 ноября 1990 года*

Провозглашенные в хельсинкском Заключительном акте цели остаются для нас неизменным ориентиром! Он опередил свое время. Тогда это была попытка построить разрядку в рамках системы, основанной на Ялте и Потсдаме. Однако идеологическая несовместимость режимов, определявшая межгосударственные отношения, дала себя знать — разрядка 70-х годов стала жертвой психологической войны.

Теперь провозглашенные в Хельсинки замыслы обретают реальную почву. И мы можем говорить как о чем-то вполне достижимом — о юридически оформленном европейском пространстве в сферах безопасности, прав человека, экономики, экологии, информации. Сходные идеи «европейского дома», «европейской конфедерации», «европейского мирного порядка» складываются в своего рода политический проект. Над его осуществлением всем нам и предстоит работать в 90-е годы.

Единая, демократическая и процветающая Европа, сообщество и содружество не только наций и государств, но и миллионов ее граждан — мечта великих европейцев. Нашему поколению предстоит начать превращать ее в необратимые реальности грядущего века. <...>

Однако мы поддались бы непоправимой эйфории, если бы, основываясь на том действительно великом завоевании, что угроза большой войны в Европе практически снята, пришли бы к выводу, что острые конфликтные ситуации здесь отныне исключены вовсе.

Сейчас идет бурный поиск странами своего места в будущей системе. Но он плодотворен лишь при понимании двух важнейших реальностей современного мира: неизбежной и даже плодотворной многовариантности социально-политического развития, без уважения которой обесценивается принцип свободы выбора, и вместе с тем — необходимости и значимости партнерства, адаптации друг к другу, несовместимой с националистическим эгоизмом, с провинциализмом обособления.

Игнорирование многовариантности, попытки навязать тот или иной образ жизни как условие сотрудничества будут вызывать подозрительность, недоверие. Воинствующий национализм и безоглядный сепаратизм чреваты конфликтами и враждой, «балканизацией», хуже того — «ливанизацией» целых регионов. И то, и другое будет тормозить общевропейское строительство, противопоставлено европейскому процессу.

По этим причинам желательно сразу после парижской встречи приступить к созданию структур и институтов, действительно способных обеспечить формирование экономического, экологического, технологического фундамента новой Европы.

Это создает и единственно демократическую возможность благотворно влиять на внутреннее развитие ряда стран, оберегая их от опасных взрывов на почве национализма и сепаратизма. Особенно неприемлемы отсюда же возникающие претензии на территориальный передел. Тут стоит только начать, как разрушительно пойдет обратный процесс, который отбросит Европу к уже известным в ее истории временам.

Становясь добровольной системой государств, Европа остается Европой отечеств, наций — при взаимной открытости и многообразном их сотрудничестве. Вот два процесса, уравнивающих друг друга, дающих стабильность и в новых условиях.

Европейское пространство выходит за географические рамки от Атлантики до Урала. Оно включает в себя Советский Союз, раскинувшийся до берегов Тихого океана, заатлантические США и Канаду, неразрывно связанные со Старым Светом общей исторической судьбой. И если европейский процесс наберет нужный темп, то в обозримом будущем в распоряжении каждого народа, каждой страны — при соответствующем их собственном вкладе — будет потенциал небывало мощного сообщества, опоясывающего, по существу, всю верхнюю часть земного шара.

Как видится нам процесс создания общеевропейских структур, каркаса «европейского дома»? <...>

Одним из важнейших практических результатов нашей встречи является начало институционализации европейского процесса. <...> Отдельно хочу отметить центр по предотвращению конфликтов, своего рода регулятор военно-политического положения. Мы прочим ему большое будущее — превращение постепенно в своего рода « общеевропейский совет безопасности », обладающий действенными средствами для тушения искр любого конфликта.

Предстоящие два года до Хельсинки-2 будут испытательным сроком для запущенного здесь, в Париже, беспрецедентного механизма общеевропейского взаимодействия. <...>

Судьба решений, которые мы здесь примем, в немалой степени зависит от позиции и деятельности уже существующих интернациональных структур, доказавших свою эффективность и накопивших полезный для всех опыт. Я имею в виду Европейские сообщества, Совет Европы, европейские парламентские институты, западноевропейские и международные экономические организации, общественные, научные и информационные центры и, конечно, межпартийные и межпрофсоюзные объединения.

Их адаптация к новым условиям, с одной стороны, готовность и способность к сотрудничеству с ними тех, кто находится за их рамками, с другой — проблема, конечно, сложнейшая, требующая времени. Особенно — при огромной разнице в социально-экономическом наследии европейских стран и кризисном состоянии многих из них. Встречное движение, объективно обусловленный императив солидарности — вот что нужно и с чем мы с этого фо-

рума, созданного для блага всей Европы, обращаемся к тем, кому придется участвовать в общеевропейском строительстве на этих направлениях.

Общеввропейская встреча в верхах.

Париж, 19–21 ноября 1990 г.

Документы и материалы.

М.: Политиздат, 1991. С. 111–115.

*Из Парижской хартии для новой Европы**

Новая эра демократии, мира и единства

Мы, главы государств и правительств государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, собрались в Париже в период глубоких перемен и исторических ожиданий. Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве.

Европа освобождается от наследия прошлого. <...> Наше время — это время осуществления тех надежд и ожиданий, которые жили в сердцах наших народов на протяжении десятилетий: твердая приверженность демократии, основанной на правах человека и основных свободах; процветание через экономическую свободу и социальную справедливость и равная безопасность для всех наших стран.

Десять принципов Заключительного акта будут нашей путеводной звездой в продвижении к этому желанному будущему, подобно тому, как они освещали наш путь к улучшению отношений на протяжении последних пятнадцати лет. Полное выполнение всех обязательств по СБСЕ должно служить основой для тех инициатив, которые мы предпринимаем теперь с тем, чтобы дать возможность нашим народам жить в соответствии с их чаяниями. <...>

Дружественные отношения между государствами-участниками

<...> В соответствии с нашими обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций и обязательствами по хельсинкскому Заключительному акту мы возобновляем наши заверения в том, что будем воздерживаться от применения силы или угрозы силой против территориальной целостности или политической независимости какого-либо государства и от любых других действий, несовместимых с принципами и целями этих документов. Мы напоминаем о том, что несоблюдение обязательств по Уставу Организации Объединенных Наций представляет собой нарушение международного права.

Мы вновь подтверждаем нашу приверженность урегулированию споров мирными средствами. Мы принимаем решение создать механизмы по предотвращению и урегулированию конфликтов между государствами — участниками.

* Итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятый 21 ноября 1990 года.

С прекращением раскола Европы мы будем стремиться придать новое качество нашим отношениям в сфере безопасности при полном уважении сохраняющейся за каждым свободой выбора в этой области. Безопасность неделима, и безопасность каждого государства — участника неразрывно связана с безопасностью всех остальных. <...> Мы вновь подтверждаем равноправие народов и их право распоряжаться своей судьбой в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств. <...>

Мы хотим, чтобы Европа служила источником мира, была открыта к диалогу и сотрудничеству с другими странами, приветствовала обмена и участвовала в поиске совместных ответов на вызовы будущего.

Безопасность

Упрочение демократии и укрепление безопасности благоприятно скажутся на дружественных отношениях между нами.

Мы приветствуем подписание двадцатью двумя государствами — участниками Договора об обычных вооруженных силах в Европе, который приведет к снижению уровней вооруженных сил. Мы утверждаем: принятие набора новых существенных мер укрепления доверия и безопасности, которые приведут к увеличению транспарентности и росту доверия между всеми государствами — участниками. Это — важные шаги на пути к укреплению стабильности и безопасности в Европе. <...>

Мы готовы объединить усилия со всеми государствами и с любым из них для совместной защиты и утверждения всей совокупности основополагающих человеческих ценностей.

Ориентиры на будущее

Исходя из нашей твердой приверженности полному соблюдению всех принципов и положений СБСЕ, мы принимаем сейчас решение придать новый импульс сбалансированному и всестороннему развитию нашего сотрудничества в целях удовлетворения нужд и чаяний наших народов. <...>

Безопасность

Меняющаяся политическая и военная обстановка в Европе открывает новые возможности для совместных усилий в области военной безопасности. Мы будем развивать те важные достижения, которых удалось добиться в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе и на переговорах по мерам укрепления доверия и безопасности. <...>

Хотя угроза конфликта в Европе уменьшилась, другие опасности угрожают стабильности наших обществ. Мы намерены сотрудничать в деле защиты демократических институтов от действий, нарушающих независимость, суверенное равенство или территориальную целостность государств — участников.

К ним относятся незаконные действия, включающие давление извне, принуждение и подрывную деятельность.

Мы безоговорочно осуждаем как преступные все акты, методы и практику терроризма и выражаем свою решимость сотрудничать в целях его искоренения как на двусторонней основе, так и путем многостороннего сотрудничества. Мы также будем совместно бороться с незаконным оборотом наркотиков.

Сознавая, что существенным дополнением к обязанности государств воздерживаться от угрозы силой или ее применения является мирное урегулирование споров, <...> мы будем не только искать эффективные пути предотвращения возможных конфликтов политическими средствами, но и определять, в соответствии с международным правом, соответствующие механизмы мирного урегулирования любых споров, которые могут возникнуть. <...>

Экономическое сотрудничество

Мы подчеркиваем, что экономическое сотрудничество, основанное на рыночной экономике, является существенным элементом наших отношений и будет способствовать строительству процветающей и единой Европы. <...>

Мы убеждены в необходимости расширения в целом нашего экономического сотрудничества, поощрения свободного предпринимательства, расширения и диверсификации торговли в соответствии с правилами ГАТТ. Мы будем содействовать социальной справедливости и прогрессу, а также повышать благосостояние наших народов. <...>

Мы вновь подтверждаем необходимость и впредь поддерживать демократические страны в их переходе к рыночной экономике и в создании ими основы для экономического и социального роста с опорой на свои силы, как это уже обязалась делать группа 24 стран. Мы подчеркиваем также необходимость их более глубокой интеграции в международную экономическую и финансовую систему, предполагающую признание дисциплины и выгод.

Мы считаем, что при уделении большего внимания экономическому сотрудничеству в рамках процесса СБСЕ следует учитывать интересы развивающихся государств — участников. <...>

Мы преисполнены решимости придать необходимый импульс сотрудничеству между нашими государствами в области энергетики, транспорта и туризма в интересах экономического и социального развития. Мы, в частности, приветствуем практические шаги по созданию оптимальных условий для экономически целесообразного и рационального освоения энергетических ресурсов с должным учетом экологических факторов.

Мы признаем важную роль Европейского сообщества в политическом и экономическом развитии Европы. <...>

Окружающая среда

Мы признаем настоятельную необходимость решения проблем окружающей среды и важность индивидуальных и совместных усилий в этой области. Мы обязуемся активизировать нашу деятельность по защите и улучше-

нию окружающей среды в целях восстановления и поддержания устойчивого экологического равновесия в атмосфере, воде и почве. <...>

Мы подчеркиваем необходимость принятия новых мер, предусматривающих систематическую оценку соблюдения уже существующих обязательств и, кроме того, разработки более далеко идущих обязательств в отношении уведомления и обмена информацией о состоянии окружающей среды и потенциальных экологических опасностях. Мы также приветствуем создание Европейского агентства по окружающей среде (ЕАОС). <...>

Культура

Мы признаем важнейший вклад нашей общей европейской культуры и разделяемых нами ценностей в преодолении раскола на континенте. Поэтому мы подчеркиваем свою приверженность свободе творчества, а также защите и развитию нашего культурного и духовного наследия во всем его богатстве и разнообразии. <...>

В целях содействия более глубокому взаимному ознакомлению наших народов мы выступаем за создание культурных центров в городах других государств-участников, а также за более активное сотрудничество в аудиовизуальной области и более широкий обмен в сфере музыки, театра, литературы и искусства. <...>

Рабочие-мигранты

Мы признаем, что проблемы рабочих-мигрантов и их семей, законно проживающих в принимающих странах, имеют экономические, культурные и социальные аспекты, а также свое человеческое измерение. Мы вновь подтверждаем, что защита их прав и содействие им, а также выполнение соответствующих международных обязательств являются нашим общим делом.

Средиземноморье

Мы считаем, что коренные политические изменения, происшедшие в Европе, имеют положительное значение для Средиземноморского региона. Соответственно мы будем и впредь предпринимать усилия для укрепления безопасности и сотрудничества в Средиземноморье как важного фактора стабильности в Европе. <...>

Неправительственные организации

Мы напоминаем о важной роли, которую неправительственные организации, религиозные и иные группы и отдельные лица играют в достижении целей СБСЕ, и будем и впредь содействовать их деятельности, направленной на осуществление государствами-участниками обязательств по СБСЕ. Для выполнения своей важной задачи эти организации, группы и отдельные лица должны быть надлежащим образом вовлечены в деятельность и новые структуры СБСЕ.

Новые структуры и институты процесса СБСЕ

<...> Первостепенное значение в деле формирования наших будущих отношений имеет активизация наших консультаций на всех уровнях. Для достижения этой цели мы принимаем решение о следующем:

Мы, главы государств и правительств, соберемся в следующий раз в Хельсинки на встрече СБСЕ 1992 года в рамках дальнейших шагов. Затем мы будем собираться на последующих встречах в рамках дальнейших шагов.

Наши министры иностранных дел будут собираться в качестве Совета регулярно, не реже одного раза в год. <...> Совет будет рассматривать вопросы, имеющие отношение к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, и принимать соответствующие решения. Первая сессия Совета состоится в Берлине. <...>

Совет изучит вопрос о разработке положений, касающихся созыва заседаний комитета старших должностных лиц в чрезвычайных ситуациях.

Государства — участники могут также договориться о проведении встреч других министров.

В целях обеспечения административного обслуживания этих консультаций мы создаем секретариат в Праге.

Встречи государств — участников в рамках дальнейших шагов будут проводиться, как правило, раз в два года с тем, чтобы дать возможность государствам — участникам подводить итоги происшедших событий, делать обзор выполнения ими своих обязательств и рассматривать дальнейшие шаги в рамках процесса СБСЕ.

Мы принимаем решение создать в Вене Центр по предотвращению конфликтов для оказания Совету содействия в деле уменьшения опасности возникновения конфликтов.

Мы принимаем решение создать в Варшаве Бюро по свободным выборам для содействия контактам и обмену информацией о выборах в государствах — участниках.

Признавая важную роль, которую парламентарии могут играть в процессе СБСЕ, мы призываем к более широкому участию парламентов в СБСЕ, в частности путем создания парламентской ассамблеи СБСЕ, в которую войдут члены парламентов всех государств — участников... (Подписи).

*Общеввропейская встреча в верхах.
Париж, 19–21 ноября 1990 года».
М., 1991. С. 4, 7, 8, 10, 12–19.*

Из беседы с Франсуа Миттераном Москва, 6 мая 1991 года

Горбачев. <...> Сейчас мы встречаемся, имея за плечами многое, что было сделано для формирования основ нового порядка в Европе и в мире. <...>

Миттеран. То, что мы сделали в Париже в 1990 году, значительно. Но думаю, настало время активизировать усилия, придать жизнь структурам,

создание которых мы провозгласили, но которые пока остаются теоретическими конструкциями.

Горбачев. <...> Я уловил у Вас мысль о том, что нужно динамизировать процесс СБСЕ таким образом, чтобы все возникшие в Восточной Европе проблемы органично решались в его рамках, чтобы не сложилась ситуация, когда вы и мы вместо углубляющегося сотрудничества столкнулись бы с противостоянием. <...>

Миттеран. Перед завтрашней Европой может возникнуть несколько опасностей. Первая из них — страны Восточной и Центральной Европы (кроме вашей) достаточно слабы. Каждая из них может вступить на путь поиска неупорядоченных соглашений или же оказаться в трагической изоляции. Вторая опасность — развал многих из этих стран, а в результате — дробление всей Европы, ее превращение в хаос государств, из которых ничего не слепишь. <...>

В целом я за то, чтобы придать активную жизнь структурам СБСЕ в духе Парижской хартии. Я убедился в том, что нужны общие институты для всей Европы. Вы предложили прекрасное выражение — «общеевропейский дом». Этот дом должен включать всех, без изъятия. <...>

Я всегда считал, что два полюса — Москва и Париж — должны играть активную роль как факторы европейского равновесия. И они должны быть представлены везде, где обсуждаются актуальные проблемы, будь то германский вопрос, эволюция Соединенных Штатов, сепаратистские тенденции в Европе и т.д. <...>

Горбачев. Мне кажется очень важной мысль о двух полюсах в Европе — Москве и Париже. Это верная характеристика роли наших стран.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из Нобелевской лекции Горбачева
Осло, 5 июня 1991 года*

Позволю себе утверждать, что европейский процесс уже приобрел черты необратимости, во всяком случае исключены конфликты такого масштаба и характера, которые свойственны были Европе на протяжении веков, в XX столетии особенно. <...>

По мере создания новой Европы, в которой бывшие «занавесы» и «стены» навечно останутся в прошлом и границы между государствами все больше будут терять свое «разделительное» назначение, совершенно иначе будет реализовываться и самоопределение суверенных наций.

Но европейское пространство от Атлантики до Урала мыслится нами не как замкнутая система. <...>

Речь совсем не идет о том, чтобы консолидировать часть цивилизации, так сказать, на европейской платформе в противовес остальному миру. А такие подозрения существуют. Нет. Речь идет о том, чтобы разрабатывать и продвигать то, что уже получило импульс от интеграции в Европе и оформлено политически в Парижской хартии для всей Европы. И делать это в кон-

тексте общего движения к новому, мирному периоду всеобщей истории, к новой взаимосвязи и целостности человечества. Как удачно выразился недавно, будучи в Москве, мой друг Джулио Андреотти, «одного сближения Востока и Запада недостаточно для движения всего мира к миру. Но согласие между ними — большой вклад в общее дело». В этом «общем деле» огромную роль, с трудно прогнозируемой сейчас перспективой, призваны играть и Азия, и Африка, и Латинская Америка, Ближний и Средний Восток.

Строиться новая целостность мира, по нашим понятиям, может только на принципах свободы выбора и баланса интересов. У каждого государства, а теперь и у ряда сложившихся или формирующихся региональных межгосударственных группировок есть свои интересы. И все они равноправны и заслуживают уважения.

Горбачев М.С. Нобелевская лекция.

Осло, 5 июня 1991.

М.: Политиздат, 1991. С. 12–13.

Часть 2. Двусторонние отношения со странами Европы

Ориентация на создание «общеевропейского дома», естественно, предполагала дальнейшее развитие отношений с отдельными европейскими странами и, прежде всего, с державами, образующими ядро континентальной политики: Федеративной Республикой Германия, Францией, Великобританией, Италией и Испанией.

В 1985–1991 годах состоялись многочисленные встречи и другие контакты Горбачева (включая телефонные разговоры) с видными западноевропейскими деятелями: с немцами — 66, с французами — 40, с англичанами — 25, с итальянцами — 24, с испанцами — 9, с финнами — 8, с греками — 8, с австрийцами — 4, с португальцами — 5, с норвежцами — 3, с голландцами — 2.

Цифры эти не полны. Они исчислены по записям в Архиве Горбачев-Фонда. Но Архив не располагает стопроцентно данными на этот счет. Помимо названных были спорадические контакты и с ирландцами, исландцами, шведами, датчанами, с Ватиканом, с европейскими общественными организациями, с членами Европарламента, с руководителями Совета Европы и другими.

Документальные свидетельства

*Советско-германские отношения**

На отношения с ФРГ накладывало отпечаток наличие двух настороженно относившихся друг к другу германских государств, одно из которых — Германская Демократическая Республика была союзником СССР. Немалую роль играло и то, что многим советским людям, в том числе и занимавшим влиятельные посты, было нелегко изжить «антигерманский синдром», связанный с войной. Историческая заслуга М.С. Горбачева состояла, в частности, в том, что, несмотря на это, он сумел, преодолев барьеры, придать советско-германским отношениям новое направление.

Проблема нормализации отношений с ФРГ была поставлена Горбачевым еще на заседании Политбюро в марте 1986 года (см. ниже). При этом речь шла не только о необходимости стимулировать экономические отношения, но и об активизации общественных и культурных связей. О важности конкретных шагов в этой области шла речь и на узком совещании у Горбачева, состоявшемся 26 мая 1986 года**.

Существенную роль в нормализации отношений между СССР и ФРГ сыграли встречи Горбачева с видными деятелями Федеративной Республики Германия. 21 июля 1986 года состоялась его беседа с вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером. В ходе беседы был обсужден широкий круг вопросов международной, прежде всего европейской, ситуации и двусто-

* Принимая во внимание, что уже издана книга «Михаил Горбачев и германский вопрос» (М.: Весь Мир, 2006), здесь ради краткости помещены лишь некоторые существенные материалы, отражающие политику Горбачева в германском вопросе.

** См.: Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 5.

ронные отношения. Оценивая визит Геншера, Горбачев отметил, что он выходит за обычные рамки. Мир стоит на перепутье, и то, куда он пойдет, во многом зависит от позиции Европы. Была также подчеркнута обоюдная ответственность СССР и ФРГ за строительство «европейского дома»*. Впоследствии Геншер не раз вспоминал о том, какое глубокое впечатление произвел на него тогда Горбачев и изложенная им позиция**.

Важное значение имела встреча Горбачева с председателем СДПГ Вилли Брандтом, поспешившим в Москву, чтобы «почувствовать», что сулит Германии смена руководства в СССР. Не занимая к тому времени какого-либо государственного поста и проявив в беседе с Горбачевым безупречную корректность, он сумел убедительно продемонстрировать широту открывающегося диапазона возможных позитивных перемен в Европе и во всем мире. Немалое значение имело и то, что встреча дала важный импульс становлению партнерских отношений КПСС с международной социал-демократией***.

Большую роль в формировании представлений Горбачева по германскому вопросу сыграл визит в ФРГ, состоявшийся летом 1989 года, и последовавшее за ним пребывание в ГДР в связи с 40-летием с момента образования республики. Он увидел, с одной стороны, страну, совсем не похожую на «образ», который десятилетиями рисовала наша пропаганда, а с другой — нежизнеспособность того образования, которое именовало себя социалистическим государством на немецкой земле.

Мощное народное, демократическое движение, приведшее к падению Берлинской стены и к объединению Германии, было воспринято Горбачевым в контексте «нового мышления», которое и обеспечило мирное решение «германского вопроса» в интересах СССР, Германии и всей Европы.

Объединение Германии было объективно неизбежным, обусловленным всем ходом событий в Восточной Европе и на Западе в целом. Выбор Горбачева был очевиден с самого начала, ибо сопротивление начавшемуся мощному объединительному процессу в обеих Германиях привело бы к тому, что воссоединение все равно бы состоялось, но вопреки и против СССР. А пойти навстречу воле германской нации и, минимизировав возможные потери, содействовать объединению, означало действовать в русле императивов истории. И хотя этот выбор дался непросто, учитывая и настроения части населения СССР, и опасения влиятельных кругов Запада, пытавшихся помешать объединению Германии руками Советского Союза, Горбачев предпочел единственно правильную исторически линию.

Германские проблемы интенсивно обсуждались на ряде форумов, в которых участвовали, в рамках формулы «2+4», два германских государства (ФРГ и ГДР) и четыре державы-победительницы во Второй мировой войне (СССР, США, Великобритания и Франция). Переговоры, как следует из приводимых документов, проходили непросто. Одним из камней преткновения был вопрос об участии будущей объединенной Германии в НАТО. Однако в конечном итоге были найдены компромиссные формулы. При этом советскому руководству не раз на самом высоком уровне давалось слово — не распространять компетенцию НАТО за пределы той линии, которая отделяла ФРГ и ГДР. Но слова не сдержали.

* «Правда», 22 июля 1986 года. Стенографической записью этих переговоров Горбачев-Фонд не располагает.

** *Genscher H.D. Erinnerungen. Berlin, 1995. S. 544 et.*

*** Об этой встрече Брандт позднее вспоминал: «В лице Горбачева я еще во время нашей первой встречи в 1985 году нашел необычайно компетентного, разбирающегося в проблемах, целеустремленного и в то же время гибкого собеседника». (*Брандт В. Воспоминания / Пер. с нем. М.: Новости, 1991. С. 78.*)

Позиция, занятая СССР в то время, не только положила фактически конец «холодной войне», но и открыла перспективу возрождения исторически обусловленного сближения между двумя великими нациями Европы. Она была должным образом оценена немецким народом. Благодаря М.С. Горбачеву, Германию с полным основанием можно считать сейчас наиболее значительным партнером России на Западе, готовым к сотрудничеству в самых разных сферах политики, экономики, культуры.

*Из беседы с Вилли Брандтом
Москва, 27 мая 1985 года*

Горбачев. Мы ценим Вашу деятельность, направленную на то, чтобы отношения между нашими странами развивались, отвечая интересам не только наших стран, но и всего мира. Не могу не вспомнить о вкладе, который Вы внесли в конце 60-х и в 70-е годы в дело формирования на Европейском континенте обстановки, которая сделала возможной разрядку и конференцию в Хельсинки. <...>

Я ушел так далеко в историю, чтобы подчеркнуть простую мысль: мы высоко ценим Ваши позиции, позиции СДПГ. Важно, что они были высказаны в Нюрнберге¹¹ (где ранее был рассадник фашизма). ...Мы почувствовали принципиальность позиции СДПГ.

Брандт. Мы постарались дать честные ответы на вопросы и ваши товарищи почувствовали это, когда были у нас. Главная наша задача заключалась в том, чтобы подтвердить: прошлое не должно повториться. Ваши товарищи из Волгограда, Ленинграда, Минска решали эту задачу вместе с нами. Хочу от имени СДПГ, нашего правления поблагодарить Вас и все руководство КПСС за решение направить их к нам.

Вы упомянули о Договоре 1970 года¹². Это был вклад в разрядку и нормализацию обстановки в Европе. И сейчас существуют элементы, на основе которых можно продолжать эту линию.

Горбачев. К счастью.

Брандт. Скажу откровенно: мы, СДПГ, стоим за такие хорошие отношения между странами, каких только можно достичь. <...>

Горбачев. <...> Дух Ваших размышлений во многом близок нашим взглядам на мир, на его болевые точки. Возможности сотрудничества между нами есть. Это — общее соображение, но оно имеет большое значение для нынешней и будущих встреч.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Письмо Горбачева Вилли Брандту
12 августа 1985 года*

Уважаемый господин Вилли Брандт,
полностью разделяю содержащуюся в Вашем письме оценку Московского договора¹³. Один из основополагающих документов послевоенного времени, он определил принципиальные рамки развития отношений между нашими

странами, оказал благотворное влияние на весь комплекс межгосударственных отношений на Европейском континенте, зафиксировав важный принцип нерушимости границ всех государств в Европе сейчас и в будущем. В этой связи хотел бы отметить, что в Советском Союзе хорошо помнят Ваш личный вклад в его заключение.

Положения Московского договора не утратили своего значения и сегодня. Более того, на наш взгляд, в условиях осложнившейся международной обстановки, роста военной угрозы любой отход от них шел бы вразрез с интересами прекращения гонки вооружений, упрочения европейского и всеобщего мира.

Что касается Советского Союза, то хочу еще раз подтвердить, что наше государство, как и прежде, остается последовательным приверженцем превращения Европы в континент мира и взаимовыгодного сотрудничества между всеми странами и народами, в том числе между СССР и ФРГ, и готово практическими шагами содействовать достижению этой благородной цели.

М. ГОРБАЧЕВ

ГСС. Т. 2. С. 409.

*На Политбюро, 27 марта 1986 года
Об отношениях с ФРГ*

Горбачев. <...> [Надо] быть внимательными к позиции Брандта-Шмидта¹⁴. Но принципиальной разницы в германском вопросе с ХДС у них немного. И если мы круто повернем к ХДС, то повредим и нашим отношениям с СДПГ.

Большое внимание в контактах надо уделять экономическим вопросам, в том числе и с социал-демократами. Активизировать культурные, общественные связи. Немцы — народ серьезный. И сигналы они принимают по-деловому.

ПБ. С. 33.

*На узком совещании у Горбачева
26 мая 1986 года*

Горбачев. Беседа Квицинского¹⁵ с Колем свидетельствует, что подошли к пределу, за которым надо что-то менять. Загнали Коля в угол. Теперь надо все обдумать и не шарахаться. Тем более впереди в ФРГ выборы. Что-то предпринимать и в области экономики. Здесь мы очень заинтересованы, как и в области ядерной энергетики. Социал-демократы ведут очень тонкую игру — с установкой, конечно, на объединение Германии. Мы это видим. <...> Мой визит в ФРГ — только в 1987 году, не раньше. А Геншера можно принять осенью.

ПБ. С. 42.

*Из беседы с председателем СДПГ Гансом-Йохеном Фогелем
Москва, 11 мая 1988 года*

Горбачев. <...> В Европе мы хотим иметь лучшие, чем до сих пор, отношения с ФРГ. с приходом к власти нынешней коалиции отношения между нашими странами не только остановились, но мы даже что-то потеряли. Сейчас отношения меняются к лучшему. Это в интересах советского народа и немцев ФРГ, в интересах Европы и мира. <...>

Фогель. <...> Что касается двусторонних отношений, то там были сбои. Мы критиковали то, что считали нужным. И я не хотел бы повторяться. Мы приветствуем предстоящий визит Коля в СССР. Конечно, было бы хорошо, если бы обстоятельства позволили провести его один-два года назад. <...>

Экономическое сотрудничество по-прежнему занимает во всем комплексе наших отношений одно из ведущих мест... Можно было бы многое сделать в области экологии. <...> Два слова о Берлине, Западном. Мы бы хотели, чтобы он включался в экономическое сотрудничество.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 92–93.

*Из беседы с министром экономики ФРГ Мартином Бангеманом
Москва, 16 мая 1988 года*

Горбачев. <...> У нас идет активный диалог с основными политическими партиями и силами ФРГ. Нарастает его динамика, расширяется диапазон контактов и связей. Устанавливаются новые формы сотрудничества. В целом это оценивается должным образом. Нам надо восполнять то, что упустили, потеряли. <...>

Что касается ФРГ, то я уже как-то говорил: мы за то, чтобы слышать ее собственный голос, а не слушать из Бонна перевод с английского на немецкий, а затем на русский язык. Это — длительный процесс, в ходе которого утрачивается специфика. <...>

Мы видим в Федеративной Республике Германии крупную величину в мировой и европейской политике с точки зрения экономических, политических и философских представлений о современном мире. Нам многое легче понять, потому что русские и немцы давно знают друг друга, история их тесно переплеталась. И говорить они друг с другом могут с той прямотой, которая вообще характерна для их национальных характеров. <...>

Могу констатировать: мы перевернули страницу в наших отношениях и начали писать новую. Мы за широкое сотрудничество с любым правительством ФРГ, избранным ее народом. Надеемся, что немцы никогда не допустят чего-либо похожего на национал-социализм и не согласятся иметь реваншистское правительство.

Бангеман. Для ФРГ опасность появления национал-реваншизма является весьма незначительной, а шансы создания этими силами правительства вообще мизерны... С националистами или фашистами человечество не может развиваться в обстановке стабильности и уверенности в своем завтрашнем

дне. Опасность фашизма можно устранить, у нас следят за тем, чтобы он не мог возродиться.

Горбачев. <...> Мы тоже так думаем, исходим в принципе из этого. Но и не оставляем без внимания ни малейшей попытки реваншистских проявлений. У нас к этому особое отношение. <...>

Мы не хотим отрывать ФРГ от США, от Западной Европы, нанести удар по сложившимся у вас связям. Таких намерений у нас нет. Пусть все знают, что в Кремле не вынашивают никаких коварных замыслов в отношении ФРГ и любого другого западного государства.

Бангеман. Я согласен с Вами.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 96–98, 100.

*Из беседы с Гансом-Дитрихом Геншером
Москва, 30 июля 1988 года*

Горбачев. <...> Как всегда, буду с Вами откровенен до конца: при анализе того, что говорится и делается в отношениях между нашими странами, вырисовывается картина, на которой комплексу советско-западногерманских отношений отводится ключевая для Европы, для нас с вами роль. <...>

Дело выглядит так, будто руководство ФРГ стоит перед дверью, переминается с ноги на ногу, но не отваживается сойти с места, шагнуть вперед. Пока еще превалирует сдержанность, чрезмерная — на наш взгляд — осторожность.

Наверное, вы боитесь, что кое-где вас не поймут, неодобрительно отнесутся к широким и активным действиям ФРГ на конструктивных направлениях европейского и мирового развития. Может быть, вы опасаетесь, что скажут французы, англичане или американцы? Остерегаетесь, что кто-нибудь вдруг попытается уличить вас в злоумышленных попытках взорвать НАТО или устроить что-нибудь в этом духе? <...>

Геншер. Два года назад мы говорили с Вами совершенно откровенно, господин Генеральный секретарь. Я и сейчас за продолжение этой традиции... ФРГ не была и не собирается стоять в стороне... Мы по-прежнему намерены играть активную роль в отношениях между Западом и Востоком. То, что мы делаем, отнюдь не является преувеличением, а соответствует нашему весу. <...>

Германо-русские отношения, отношения между ФРГ и СССР служили и могут служить образцом добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Мы ни перед кем не собираемся закрывать двери и ни к кому не собираемся поворачиваться спиной. <...>

Горбачев. <...> И вам, западноевропейцам, и нам надо смотреть вперед, а не назад. Оглядываться на прошлое полезно лишь для того, чтобы извлекать уроки из истории. Думать же надо о будущем, о том, что нас ждет впереди. Путь этот — нелегкий, но складывающееся доверие будет придавать нам силы.

Геншер. Доверие легко разрушить, а создается оно трудно. Этому учит история обеих народов, история Европы. Вот почему так важно дорожить доверием, развивать его, наполнять конкретным содержанием.

Ганс-Дитрих Геншер (Hans-Dietrich Genscher) — вице-канцлер ФРГ и министр иностранных дел в течение 18 лет (с 1974 по 1992 год) — дольше, чем кто бы то ни был в этой должности во всем мире, кроме Громыко. Депутат бундестага с 1965 по 1998 год. Родился в 1927 году в городке Заалькире в восточной части Германии, близ города Галле. На исходе войны оказался в вермахте и попал в плен. Университеты кончал в Галле и Лейпциге. Но в 1952 году перешел в Западную Германию, где быстро проделал путь от одного из руководителей молодежной организации до бессменного (на протяжении 11 лет) лидера либеральной Свободной демократической партии (СвДП), которая не раз входила в правящую коалицию и с социал-демократами, и с консерваторами (СДПГ и ХДС).

Первый вслед за Вилли Брандтом, в правительстве которого он был министром внутренних дел, немецкий политик, который понял необходимость и неизбежность перемены в отношениях с СССР. Стал одним из самых последовательных в проведении «восточной политики» с дальним ее прицелом на воссоединение Германии. В 1986 году в качестве официального представителя ФРГ приехал в Москву и положил начало межправительственному диалогу с советским руководством — с Горбачевым. Тогда впервые были произнесены слова о «новой странице» в отношениях между немцами и русскими.

Выступал за «постепенность» в процессе объединения Германии (в отличие от канцлера Коля) и был близок в этом своем подходе к Горбачеву, с которым у него установились и сохраняются до сих пор самые дружеские отношения.

Основные переговоры и подготовку документов объединения вел от имени ФРГ именно Геншер.

Спокойный, рассудительный человек большой культуры, широкого взгляда на мир.

В свои 80 с лишним лет остается самым популярным политиком в Германии, его называют «архитектором объединения».

Горбачев. <...> Внимание к позициям друг друга, конструктивность, уважение, доверие — все это принципы, которыми надо руководствоваться в межгосударственных отношениях. Никакой монополии на правду, никакого навязывания другим своих воззрений, никакого экспорта своих ценностей. Продуктивный обмен мнениями, взаимовыгодные связи, сотрудничество — этому нет и не может быть альтернативы в наше время. <...>

Желание сотрудничать надо переводить в конкретную плоскость. Мы надеемся, что ФРГ станет для нас еще более надежным и привлекательным партнером. <...>

Геншер. Этим вопросом мы как раз и собираемся заняться в ходе подготовки визита канцлера Коля в Москву.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 107–108, 110–112.

***Из интервью Горбачева журналу «Шпигель» (ФРГ)
20 октября 1988 года***

Я встречаюсь с руководителями крупного журнала ФРГ и хочу через журнал передать вашим читателям, что у нас высоко оценивается тот интерес, который проявляет общественность Федеративной Республики к Советскому Союзу, к тому, что сегодня происходит у нас. И самое главное: мы видим, как массы людей хотят искренне сотрудничать, расширять связи и, может быть, даже идти потом к дружбе. <...>

Наша память возвращает нас к различным временам. И поэтому то, что сейчас происходит в наших двух странах, что идут позитивные импульсы с той или другой стороны, насыщенные желанием, стремлением улучшить отношения, сблизиться, — это очень важно по самому крупному счету. Это, может быть, еще не вполне осознается. <...>

У всего нашего народа остался тяжелый след, война затронула каждую семью. Из этого следует урок: все сделать, чтобы подобное не повторилось. Более того, мы через «восточную политику» с вашей стороны и соответствующие действия с нашей стороны вышли на новый уровень отношений. И мы отдаем дань признательности тем, кто стоял у истоков формирования этой политики. Я думаю, что задача нынешних поколений политиков и наших народов в целом — в том, чтобы идти дальше навстречу друг другу, расширять сотрудничество, культивировать уважение друг к другу, обмениваться духовными ценностями и, в конце концов, идти к дружбе между нашими народами. Это — и долг живущих перед теми, кто в той войне погиб. <...>

И если кто-то встанет на путь какой-то нечестной игры, будет пытаться перехитрить — это опасно и недопустимо, это было бы верхом безответственности. Я так понимаю, что задача нынешних политиков — выразить настроения людей наших стран и улучшить, расширять сотрудничество. Тут нет противоречия.

ГСС. Т. 12. С. 241–244.

***Из советско-германского Совместного заявления*
Бонн, 13 июня 1989 года***

Советский Союз и Федеративная Республика Германия заявляют, что никто не должен строить собственную безопасность в ущерб безопасности других. Они будут поэтому стремиться устранять причины напряженности и недоверия посредством конструктивной, направленной в будущее полити-

* Принято по итогам визита Горбачева в ФРГ.

ки, с тем чтобы еще сохраняющееся ощущение угрозы шаг за шагом сменялось атмосферой взаимного доверия. <...>

Война не должна быть больше средством политики. Политика в вопросах безопасности и строительства вооруженных сил должна служить только уменьшению и устранению угрозы войны, обеспечению мира с меньшим количеством оружия. Это исключает гонку вооружений.

Обе стороны стремятся к устранению существующих асимметрий посредством обязующих договоренностей под эффективным международным контролем и к уменьшению военных потенциалов до стабильного равновесия на более низком уровне, который достаточен для обороны, но не для нападения. Обе стороны считают, в частности, необходимым исключить способность вооруженных сил для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий. <...>

М. ГОРБАЧЕВ Г. КОЛЬ

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 183–184.

***На пресс-конференции Горбачева в Бонне
15 июня 1989 года***

Сегодня мы вправе говорить о том, что оба наших народа идут навстречу друг другу, сближаются, думают о планах сотрудничества. И это само по себе, может быть, самое главное, что стоит констатировать, и что в значительной мере будет определять будущее, влияя и на деятельность правительств обеих стран. <...>

Все это, вместе взятое, говорит о том, что через большую и непростую, терпеливую работу мы совместно сумели выйти к новым отношениям, действительно начали листать страницы большой и интересной главы нашей новой истории. Особенно большая работа на этом направлении была проделана после первой встречи на высшем уровне в Москве осенью прошлого года. <...>

Разумеется, и от новой советско-западногерманской встречи на высшем уровне остались вопросы, по которым мы не смогли найти решения. Но мы условились продолжить дискуссию, диалог по всем затронутым вопросам и с канцлером, и с другими деятелями ФРГ. Договорились поддерживать контакт — широкий, постоянный, регулярный — на всех уровнях, включая самый высший. В связи с этим я хотел бы подчеркнуть, что нынешний визит закрепляет и выводит на новый уровень личное общение с канцлером Гельмутом Колем. Я придаю большое значение установившимся хорошим личным отношениям с государственными деятелями ФРГ. Это позволяет обсуждать практически любые вопросы в откровенной форме, сопоставляя взгляды, точки зрения, аргументы. Думаю, что это тоже важно отметить как один из итогов визита.

После него мы, можно сказать, твердо встали на путь совместной работы, на путь регулярного, систематического сотрудничества и будем совершенствовать

тот уже частично возникший механизм общения, который показал свою роль, хорошую, полезную роль, особенно на протяжении последнего года.

Теперь самое главное — за реализацией достигнутых договоренностей, согласованных политических подходов и подписанных документов. За политикой должны следовать конкретные дела. Мы к этому готовы. И кажется, к этому готова и западногерманская сторона. Я имею в виду и руководство, и деловых людей, и общественные круги.

*Визит М.С. Горбачева в ФРГ,
12–15 июня 1989 г.: Документы и материалы.
М.: Политиздат, 1989. С. 83–88.*

**На Политбюро
31 июля 1989 года***

Яковлев докладывает об итогах работы комиссии, образованной Съездом народных депутатов СССР.

Медведев. Надо разграничить оценку августовского и сентябрьского договоров, а также договоров и секретных протоколов к ним. В Прибалтике все это свалено в одну кучу.

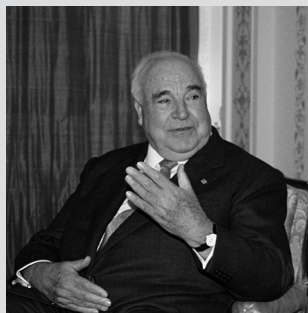
Оценка договоров 1939 года должна даваться не только и не столько с прибалтийского угла зрения, а в общем мировом и европейском контексте. Можно подумать, что договоры 1939 года заключались только для того, чтобы прихватить Прибалтику. Безапелляционное осуждение договоров означало бы, что мы принимаем на себя основную вину за развязывание Второй мировой войны.

Что касается протоколов, то необходимо разграничение юридической и историко-политической сторон этого дела. Юридическая сторона такова, что оснований для их аннулирования нет. А историко-политическую сторону, по моему мнению, можно и нужно анализировать.

Нет жесткой связи между протоколами 1939 года о разделе сфер влияния и присоединением Прибалтийских республик к СССР в 1940 году. Это подтверждается и самими текстами протоколов (в частности, упоминанием о том, что будут признаваться хозяйственные связи Германии с Литвой), и фактическим ходом событий. Ведь секретными протоколами Финляндия также была отнесена к сфере влияния СССР, но сумела отстоять свою независимость. Нельзя не учитывать и того, что советскому ультиматуму прибалтийским правительствам в 1940 году непосредственно предшествовал разгром Франции и вторжение в нее фашистских войск через нейтральную Бельгию.

ПБ. С. 518–519.

* В конце июля 1988 года Политбюро в очередной раз (первый раз 5 мая 1988 года) обратилось к вопросу о политической и правовой оценке советско-германского договора от 23 августа 1939 года и других, связанных с ним документов. И хотя это непосредственно не относилось к германскому вопросу, каким он встал перед СССР в то время, проблема была острая, затрагивавшая и Польшу, и советскую Прибалтику.

Гельмут Коль (Helmut Kohl) — крупнейший германский политик в период объединения Германии, родился в 1930 году в Людвигсхафене в семье чиновника. Закончил Гейдельбергский университет. Доктор философии. В 1946 году, будучи школьником, вступил в Христианско-демократический Союз (ХДС). В 1954 году — он уже в руководстве молодежной организации ХДС «Юнге унион» земли Рейнланд-Пфальц, а год спустя — вошел в состав правления ХДС этой земли. С 1966 по 1974 год — премьер-министр Райнланд-Пфальца,

а с 1968 года — заместитель председателя ХДС ФРГ. С 1973 по 1998 год — председатель ХДС, с 1982 по 1998 год — федеральный канцлер ФРГ.

Оставаясь устойчивым приверженцем традиционных консервативных ценностей, на протяжении своей политической карьеры претерпел идейную эволюцию от безоговорочного «атлантизма» к признанию необходимости многовекторной внешней политики и, прежде всего, нормальных добрососедских отношений со странами Восточной Европы и Советским Союзом. Это определило его политическую практику во второй половине 80-х — начале 90-х годов.

Будучи канцлером, Коль вместе с министром иностранных дел своего кабинета Геншером, сумел сблизиться с советским руководством, не оттолкнув при этом западных партнеров по НАТО. В конечном итоге ему удалось внести существенный вклад в объединение Германии. В 1998 году стало известно, что он нарушил закон о финансировании политических партий в пользу ХДС. Это вызвало бурную реакцию и в самой ХДС, и в стране. В результате Колю пришлось уйти в отставку с поста канцлера, а в 2000 году оставить и пост почетного председателя ХДС.

Среди руководителей государств, с которыми Горбачев имел дело, с Колею у него сложились, пожалуй, наиболее близкие отношения.

*Из разговора с канцлером Гельмутом Колею
11 октября 1989 года (по телефону)*

Горбачев. <...> Нам надо бережно относиться к тому, что мы достигли в своих двусторонних отношениях, наполнять жизнью имеющиеся договоренности, а если понадобится, то и защищать их от отрицательных воздействий извне.

Я дал указание руководящим представителям нашего правительства внимательно следить за реализацией того, о чем мы договорились во время нашего визита в Бонн. Все вопросы находятся у нас в поле зрения, мы прилагаем усилия для их динамичной материализации. <...>

Нам надо поскорее ввести в действие линию специальной связи между Москвой и Бонном. Имеющуюся об этом договоренность надо форсировать.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 220–222.

**На Политбюро
3 ноября 1989 года
Германские дела**

Горбачев. <...> Запад не хочет объединения Германии, но хочет помешать этому нашими руками, столкнуть нас с ФРГ, чтобы исключить возможный «сговор» между СССР и Германией.

Будем вести дело в «треугольнике», то есть с участием ФРГ и ГДР, причем в открытую.

ПБ. С. 552.

**Из разговора с Гельмутом Колем
11 ноября 1989 года (по телефону)**

Горбачев. <...> Высокая степень взаимного понимания и доверия, которыми отличается советско-западногерманское сотрудничество на современном этапе, характеризует и сложившиеся между нами личные отношения. Наша нынешняя беседа отражает это новое качество в отношениях и, думается, такую форму обмена мнениями следует практиковать шире. <...> В целом, я думаю, основа для взаимопонимания улучшается. Мы становимся ближе друг к другу. А это очень важно. <...>

Коль. Хотел бы подчеркнуть, что мы приветствуем начало реформ в ГДР. При этом мы хотим, чтобы они осуществлялись в спокойных условиях. Я, в частности, отвергаю какую бы то ни было радикализацию в любой форме. Я говорил об этом в течение последних дней и вчера в Берлине.

Горбачев. <...> Я понимаю, что за событиями в ГДР сейчас следят все европейцы, и не только европейцы. Это очень важный пункт мировой политики. Но факт и то, что нас с вами — ФРГ и Советский Союз — развитие событий здесь интересует в большей степени, как вследствие истории, так и в силу характера наших нынешних отношений.

В общем, можно было бы сказать, что образуется своего рода треугольник, в котором все должно быть продумано и сбалансировано. Думаю, что наши нынешние отношения позволяют все это сделать так, как надо.

Конечно, всякие перемены — это определенного рода нестабильность. Поэтому, когда я говорю о сохранении стабильности, я имею в виду, чтобы мы со всех сторон делали продуманные шаги по отношению друг к другу. Мне думается, господин канцлер, в настоящее время происходит исторический поворот к другим отношениям, к другому миру. И нам не следовало бы неуклюжими действиями допустить нанесения вреда такому повороту. Тем более форсированием событий подтолкнуть развитие к непредсказуемому ходу, к хаосу. Это было бы во всех отношениях нежелательным. Поэтому я очень всерьез прини-

маю то, что Вы сказали мне в этом нашем разговоре. И я надеюсь, Вы используете Ваш авторитет, политический вес и влияние для того, чтобы и других удерживать в рамках, адекватных времени и его требованиям. <...>

Думаю, что основательность, которая присуща немцам и в той, и в другой стране, поможет глубоко проработать все возникающие вопросы и выйти на далеко идущие процессы и преобразования.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 247–250.

*Из беседы с Гансом-Дитрихом Геншером
Москва, 5 декабря 1989 года*

Горбачев. <...> Прямо скажу, что не могу понять федерального канцлера Коля, выступившего со своими известными 10 пунктами, касающимися намерений ФРГ в отношении ГДР*. Следует прямо заявить, что это ультимативные требования, выдвинутые в отношении самостоятельного и суверенного немецкого государства. Причем, хотя речь идет о ГДР, но сказанное канцлером касается нас всех.

Во-первых, эти 10 пунктов появились после того, как мы имели конструктивный и позитивный обмен мнениями, достигли договоренностей по ряду основополагающих вопросов. По идее, с таким документом надо было бы выступить после соответствующих консультаций с партнерами. Или федеральному канцлеру все это уже не нужно? Он, видимо, уже считает, что играет его музыка, мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать. Не думаю, что такие шаги будут содействовать укреплению доверия и взаимопонимания, вносить вклад в наполнение жизнью достигнутых между нами договоренностей. О каком «европейском строительстве» можно говорить, если будут так действовать?

Вы знаете, что мы разговаривали с канцлером по телефону. Я говорил ему, что ГДР — фактор не только европейской, но и мировой политики, что и Восток, и Запад будут внимательно следить за всем, что будет происходить. Коль соглашался с этим, заверял меня в том, что ФРГ не хочет дестабилизации обстановки в ГДР, будет действовать взвешенно. Однако практические действия канцлера расходятся с его заверениями. <...>

Выдвигаются ультимативные требования. Даются указания, каким путем должна идти ГДР, какие структуры создавать. Руководство ФРГ просто распирает от желания командовать. И это, уверяю Вас, чувствуют все. <...>

Идет общеевропейский процесс, мы хотим строить новую Европу, «общеевропейский дом». Для этого нужно доверие. В этих рамках и должны развиваться отношения между двумя немецкими государствами. Они, видимо,

* 28 ноября 1989 года, в связи с обострением внутривнутриполитической ситуации в Германской Демократической Республике, канцлер ФРГ Коль выступил в бундестаге с речью, в которой, вопреки договоренностям с Горбачевым, изложил программу мер, которые предназначены были форсировать процесс в сторону фактического поглощения ГДР Федеративной Республикой Германии. Это явно противоречило обязательствам, взятым на себя канцлером ранее, и вызвала резкую реакцию Горбачева.

будут более тесными. Но все эти процессы должны идти нормально. Всякое искусственное их подталкивание только осложнило бы весь огромный значимости поворот, который происходит в развитии европейских государств, а это значит — в центральном пункте мировой политики.

И думаю, искусственное подталкивание было бы и не в интересах народов двух немецких государств. Именно в стремлении к стабильности, на основе взвешенности и взаимного уважения, именно в таком контексте оба германских государства должны адаптировать свои отношения. <...>

Заявление канцлера — это политический промах. Мы не можем оставить его без внимания. Мы не намерены играть в дипломатию. Если вы хотите сотрудничать с нами, — мы готовы. Если же нет, — будем делать политические выводы. Прошу отнестись к сказанному со всей серьезностью. <...>

Нам надо сотрудничать, развивать отношения, народы наших стран ждут от нас этого. Еще раз приглашаю Вас к такому сотрудничеству. Однако просил бы впредь воздерживаться от сюрпризов, не делать подобные подарки нам и другим. Надо воздерживаться от введения тормозящих моментов в начавшееся встречное движение между Востоком и Западом. Если вести себя как слон в посудной лавке, то мы, действительно, упустим шанс.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 276–277, 279, 282.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Киев, 6 декабря 1989 года*

Миттеран. <...> Реальная проблема сегодня — Германия. Ситуация здесь противоречива. Конечно, когда народ проявляет сильную волю, высказывает ее, трудно это не учитывать. Точно так же трудно не учитывать то, что граница между двумя Германиями — это не то же самое, что граница, разделяющая разные народы.

С другой стороны, в Европе никто не хочет, чтобы на континенте произошли глубокие пертурбации в результате объединения Германии, которое неизвестно что принесет. Нам надо совершенствовать свое сообщество на Западе континента. Вы должны увидеть, как дальше пойдет дело в странах, входящих в Организацию Варшавского Договора. И естественно, мы должны все вместе работать над дальнейшим углублением общеевропейского процесса. База европейского развития — решения совещаний общеевропейского характера. И необходимо добиться того, чтобы общеевропейский процесс развивался быстрее германского вопроса, обгонял немецкое движение. Мы должны создать общеевропейские структуры. А германский компонент должен быть лишь одним из элементов европейской политики, но отнюдь не преобладающим, не ведущим.

Это не только моя точка зрения. Так думают практически все европейцы. Они считают, что мы должны вместе идти вперед, чтобы минимизировать германскую проблему.

Я не боюсь воссоединения Германии. Но надо, чтобы оно проходило демократически и мирно. При этом, когда я говорю «мирно», то я думаю не

о войне, а о том, что мы с вами вместе с Великобританией и Соединенными Штатами отвечаем за европейскую безопасность. И мы не можем отдавать предпочтение немецкому балансу по отношению к европейскому.

Я сделал, признаюсь, замечание нашим немецким друзьям, выразив удивление по поводу того, что они, выдвигая свои соображения, не упомянули о границах с Польшей. Это — серьезная проблема. И у всех стран Европейского сообщества подход к этому вопросу такой же, хотя они и выражают его с разной степенью остроты. <...>

Горбачев. <...> Я полностью разделяю Ваше мнение о том, что германский вопрос должен рассматриваться в контексте общеевропейского процесса, найти в нем свое место. Это будет гарантировать Европу от всяких катаклизмов, от нестабильности.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

25 января 1990 года Горбачев собрал в ЦК КПСС узкое совещание по германскому вопросу. Приняли участие Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Крючков, Г.Ф. Ахромеев, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, А.Н. Яковлев, В.М. Фалин, Р.П. Федоров¹⁶. На этом совещании, которое стало новой точкой отсчета в решении германского вопроса, была согласована позиция, суть которой состояла в том, что СССР не будет препятствовать объединению Германии, но примет со своей стороны все меры (сотрудничая с другими державами-победительницами в войне), чтобы этот процесс проходил мирно и не привел к нарушению интересов СССР и других государств Европы.

Запись этого совещания см. в кн.: Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 307–311.

Из беседы с госсекретарем США Джеймсом Бейкером Москва, 9 февраля 1990 года

Горбачев предлагает гостю высказаться первым.

Бейкер. <...> Вскоре два германских государства начнут обсуждение внутренних аспектов объединения, таких вопросов, как объединение правительств, парламентов, общая столица, общая валюта, экономический союз. Все это уже происходит де-факто.

Мне хорошо известна озабоченность Советского Союза. <...> При этом мы воспринимаем Ваши недавние высказывания и выступление господина Шеварднадзе в Брюсселе в декабре прошлого года как выражение понимания Вами того факта, что объединение является неизбежным. Самое главное — чтобы этот процесс протекал в стабильных условиях и обеспечивал стабильность на перспективу. Мы считаем, что для этого необходимы рамки или механизм решения вопросов, касающихся внешних аспектов объединения. В то же время к созданию такого механизма необходимо подходить крайне осторожно, с тем чтобы не вызвать всплеска германского национализма. Приступать к его созданию необходимо только после того, как две Германии начнут обсуждение внутренних аспектов объединения.

Мы начали с французами и немцами предварительное, пока без прицела на договоренность, обсуждение возможности создания механизма «два + четыре»¹⁷.

Горбачев. Хотел спросить Вас, что Вы думаете относительно механизма «4+2»?

Бейкер. Думаю, что лучше иметь именно механизм «2+4». Я разяснял господину Шеварднадзе, почему, на наш взгляд, четырехсторонний подход не сработает. Думаю, что идея использования процесса СБСЕ тоже трудно-существима, так как это было бы слишком громоздко. Хочу также подчеркнуть, что у меня нет заверений со стороны ФРГ, что немцы согласятся с подходом «2+4».

Разумеется, выработывая подход к внешним аспектам объединения, необходимо в определенной степени учитывать и озабоченности соседей Германии. Поэтому вполне возможно, что форум СБСЕ мог бы использоваться для ратификации договоренностей, которые будут выработаны в рамках механизма «2+4».

Мы с вами вместе воевали, вместе принесли в Европу мир. К сожалению, потом мы плохо распорядились миром и это привело к «холодной войне». Мы не смогли тогда взаимодействовать. Сейчас, когда в Европе происходят быстрые и фундаментальные перемены, у нас есть более благоприятные возможности взаимодействия в интересах сохранения мира. **Я очень хочу, чтобы Вы знали: ни президент, ни я не намерены извлекать односторонних преимуществ из происходящих процессов.**

Еще некоторые моменты. Мы действительно не выступаем за то, чтобы Германия была нейтральной. Западные немцы тоже сказали нам, что они не считают такое решение удовлетворительным. Хотел бы пояснить, почему.

Если Германия будет нейтральной, то она не обязательно будет не милитаристской. Наоборот, она вполне может принять решение о создании своего собственного ядерного потенциала, вместо того чтобы полагаться на американские ядерные силы сдерживания. Все наши западноевропейские союзники и ряд восточноевропейских стран довели до нашего сведения, что они хотели бы, чтобы Соединенные Штаты сохраняли военное присутствие в Европе. Не знаю, поддерживаете ли Вы такую перспективу. Но хочу заверить: если только наши союзники скажут нам, что они против нашего присутствия, мы выведем свои войска домой. <...>

Мы уйдем из любой страны, которая не хочет нашего присутствия. Настроения в пользу этого всегда были сильны в американском народе. Однако если во главе объединенной Германии будет стоять нынешнее западногерманское руководство, то это руководство говорило нам: оно против того, чтобы мы уходили.

И последнее. Механизмом, обеспечивающим присутствие Соединенных Штатов в Европе, является НАТО. Если НАТО будет ликвидирована, то такого механизма присутствия США в Европе не будет.

Мы понимаем, что не только Советскому Союзу, но и другим европейским странам **важно иметь гарантии того, что если Соединенные Штаты будут сохранять в рамках НАТО свое присутствие в Германии, то не про-**

изойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении.

Мы считаем, что консультации и обсуждения в рамках механизма «2+4» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на восток.

Вот наши соображения. Может быть, можно найти и лучший подход. У нас пока нет согласия немцев на этот подход. Я изложил его Геншеру, и он сказал лишь, что обдумает его. Что касается Дюма, то ему эта идея понравилась. Теперь я изложил этот подход Вам. Повторяю, может быть, можно придумать что-то гораздо лучшее, но пока нам это не удалось.

Горбачев. Хочу сказать, что в целом мы разделяем такой ход размышлений. Действительно процесс начался, он идет. И нам надо попытаться приспособиться к новой реальности. Нужен механизм, который содействовал бы тому, чтобы стабильность в Европе — этом очень важном центре мировой политики — не была нарушена. Конечно, у нас с вами есть некоторые различия во взгляде на ситуацию. Думаю, в этом нет ничего страшного. Главное — не подходить к ситуации слишком упрощенно.

Во-первых, мы хотим, чтобы положение в Европе улучшилось. Нельзя допустить, чтобы в результате происходящего положение стало хуже. Надо думать о том, как действовать в условиях новой реальности. Возникает вопрос: какая это будет Германия? Как она будет склонна действовать в Европе и в мире? Это вопросы принципиальные. <...>

Итак, необходимо действовать тактично, взвешенно, понимая национальные чувства народа, не препятствуя им, но стремясь канализировать этот процесс. Что касается механизма «4+2» или «2+4», механизма, который опирался бы на международно-правовую основу и давал бы возможность консультироваться, оценивать ситуацию, то, может быть, после нашего обмена мнениями следовало бы продолжить — вам, как вы считаете нужным, и нам соответствующим образом — консультации с нашими партнерами на Западе и Востоке. Это пока не означает, что у нас есть согласие, но надо искать. Вы сказали, что ФРГ не выразила согласия с этим подходом. Что касается Модрова, то, судя по нашим беседам с ним, он поддержит такой подход. Завтра мы можем спросить Коля, что он об этом думает.

Бейкер. Это было бы хорошо. Но хотел бы сделать одно предостережение.

Если у нас и есть шанс убедить немцев поддержать подход «2+4», то только после 18 марта, только после самоопределения ГДР, после того как они начнут обсуждение внутренних аспектов объединения. В противном случае они скажут: давление четырех держав неприемлемо, объединение является чисто германским вопросом. Наш подход предусматривает, что внутренние аспекты объединения действительно являются делом двух Германий. Однако внешние аспекты должны быть обсуждены с учетом интересов безопасности соседей Германии, должны быть приемлемы для них. Кроме того, нам необходимо обсудить статус Берлина. Если мы будем подходить к делу таким образом, то есть шанс, что немцы согласятся с предлагаемым механизмом.

Должен еще раз признаться, что с канцлером я это не обсуждал вообще, а Геншер не дал мне ответа. Он сказал лишь, что рассмотрит этот подход. Думаю, что он его одобрит. Но вот канцлер — это другое дело. Ведь он является кандидатом на предстоящих выборах.

Горбачев. Это очень важный фактор, который накладывает свой отпечаток на ситуацию.

Бейкер. Таковы причуды демократии. Ему придется действовать очень осторожно, чтобы не создать в Германии впечатление, что он передает в руки других вопрос объединения страны.

Горбачев. <...> Считаю: не стоит все же поддаваться эмоциональной волне, поддаваться этому нажиму, уходить от размышлений и прогнозов о том, что все это может значить и как канализировать этот процесс. В обоих германских государствах есть силы, которые видят опасность. И это важно. Я просил бы Вас сказать президенту, что мы хотим поддерживать с вами контакт, обмениваться информацией и, если необходимо, идеями по этой проблеме.

Бейкер. Обязательно сделаю это. Хочу, чтобы Вы поняли: я не говорю, что мы должны поддаваться эмоциональной волне. Но я считаю, что вскоре внутренняя интеграция Германии станет фактом. В этих условиях нашим долгом перед народами, нашим долгом ради мира во всем мире является сделать все возможное для того, чтобы выработать такие внешние механизмы, которые обеспечат стабильность в Европе. Вот почему я и предложил данный механизм. <...>

Хочу задать Вам вопрос, на который необязательно давать ответ сейчас. Предполагая, что объединение состоится, что для Вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО, но при гарантии того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?

Горбачев. Мы все это обдумаем. Мы намерены углубленно обсудить все эти вопросы на уровне руководства. Разумеется, ясно, что расширение зоны НАТО является неприемлемым.

Бейкер. Мы согласны с этим.

Горбачев. <...> Многое в том, что Вы сказали, представляется реалистичным. <...>

Давайте думать. Какой-то итог сейчас подвести невозможно. Вы знаете, что ГДР тесно связана с нами, да и ФРГ является нашим первым торговым партнером на Западе. Исторически Германия всегда была сильным партнером России. И у нас, и у вас есть возможность воздействия на ситуацию. И эти возможности можно было бы использовать, когда мы выработаем рациональный подход, учитывающий интересы наших и других стран, разработаем соответствующий механизм. Не нужно недооценивать эти возможности. Конечно, сейчас дело очень осложняется предвыборной борьбой, накалом страстей, которые разогревают общество. Будем следить за ситуацией, думать, как действовать.

*Из беседы с Гельмутом Колем
Москва, 10 февраля 1990 года*

Горбачев. <...> Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос. Короче: в главном исходном пункте есть понимание — сами немцы должны сделать свой выбор. И они должны знать эту нашу позицию.

Коль. Немцы это знают. Вы хотите сказать, что вопрос единства — это выбор самих немцев.

Горбачев. Но в контексте реальностей.

Коль. Согласен с этим.

Горбачев. Есть реальности. Была война, оставившая нам тяжелое наследие. Мы это наследие сейчас пересматриваем и хотим его изменить: уйти от конфронтации и вражды. Вышли на общеевропейский процесс, на новое мышление в мировой политике. В таких условиях и открылась возможность перевода «немецкого вопроса» в другую фазу. Делать это нужно совместными усилиями, с учетом не только своих интересов, но и интересов соседей.

Коль. Присоединяюсь к такой постановке вопроса.

Горбачев. Немцы доказали, что они извлекли уроки из прошлого. И это оценено в Европе и в мире. И подтверждение этого в тех изменениях, которые выкристаллизовываются и на Западе, и на Востоке, в заявлениях о том, что с немецкой земли никогда не должна исходить война.

Коль. Я это трактую наоборот: «С немецкой земли должен исходить только мир». И это не фраза, это совершенно серьезно.

Горбачев. Это очень важная констатация. Речь идет еще об одном выборе немцев — в пользу мира. <...>

Очень важно, что мы можем говорить о доверительном уровне наших отношений, что мы можем так говорить друг с другом.

Вот наша принципиальная позиция. Так уж сложилось, что «немецкий вопрос» оказывает сильное влияние на европейскую и мировую политику. Поэтому мы должны распорядиться ситуацией по историческим критериям. Есть эмоции, стремления, но есть реальный контекст.

Мы готовы сотрудничать так, чтобы не нарушать взаимопонимание, новые хорошие отношения между нашими народами, между СССР, ГДР и ФРГ. Чтобы в будущем эти отношения не взорвались, а обогащались бы. <...>

Среди капиталистических стран для Советского Союза на первом месте стоит ФРГ. Так что немцы для нас — главные партнеры. А значит, нас связывают большие интересы.

Коль. Хотел бы предложить следующее. Если после выборов процесс объединения начнет ускоряться, то нам надо будет оперативно и в доверительной атмосфере обсудить проблематику экономических взаимоотношений. Мы не хотим, чтобы у советской стороны возникло недоверие в том смысле, что взятые по отношению к Советскому Союзу обязательства не будут выполняться. <...>

Горбачев. <...> Возникает вопрос: каким должен быть статус объединенной Германии. Я знаю, что канцлер не воспринимает нейтрализацию. Говорят, что это унижало бы немецкий народ. По отношению к нынешнему поколению это выглядит, может быть, несправедливо, если учесть вклад этого поколения в европейское и мировое развитие. Вроде бы мы это поколение вычеркиваем. Это ненормально, так в политике нельзя.

И все же я вижу объединенную Германию за пределами военных образований, со своими национальными вооруженными силами, необходимыми для достаточной обороны. Не знаю, что это за статус «независимость», «неприсоединение». Индия, Китай — вот какие государства придерживаются такого статуса! И это их не унижает. Почему же такой статус должен унижать немцев? Это не нейтралитет. <...>

Вчера я беседовал с госсекретарем Бейкером. Он говорил, что после выборов представители двух германских государств и четырех держав могли бы собраться и поговорить, с тем чтобы придать процессу основательность, пока не включая в разговор других.

Коль. Мне эта идея очень нравится. Однако для ясности хотел бы совершенно четко сказать, что мы не приемлем отдельную конференцию четырех держав.

Горбачев. Без вас ничего решаться не будет.

Коль. <...> Позвольте мне сейчас сделать небольшое резюме. Если я Вас правильно понял, то Вы говорили о том, что решение об объединении немцев является вопросом самих немцев. Немцам должна быть предоставлена возможность обдумать контекст, компонентами которого являются отсутствие угрозы войны с территории Германии, извлечение уроков из прошлого и учет интересов безопасности наших соседей.

Далее. Параллельно с процессом объединения Германии необходимо вести поиски взаимно удовлетворительного решения в связи с существованием НАТО и ОВД. Соответствующий разговор с партнерами надо начать незамедлительно. Это, я думаю, можно будет сказать публично. <...>

Необходимо условиться с нашими партнерами — США, Францией и Великобританией, что оба германских государства или одно германское государство и четыре державы встретятся для выработки соответствующего решения. <...>

Горбачев. Надо также отметить, что это очень важная часть общеевропейского процесса и вклад в него. <...> Будем надеяться, что на этом ответственном отрезке европейского и мирового развития, когда решаются судьбы государств, у нас сохранится сотрудничество. Мы не испортим отношения между нами и другими.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 348, 350–355.

**Из ответов Горбачева корреспонденту «Правды»
21 февраля 1990 года**

Вопрос. В редакцию продолжают поступать письма, в которых читатели просят разъяснений по вопросу об объединении Германии. Известно, что и на Западе

на этот счет высказывается немало разных суждений, в том числе – и относительно итогов Вашей встречи с канцлером Колем. Что бы Вы могли сказать по этому поводу?

Ответ. Вопрос действительно очень важный, один из главных в современной международной политике. Я бы выделил тут два аспекта.

Первый – это право немцев на единство. Мы никогда не отрицали этого права. И хочу напомнить, что даже сразу после войны, которая принесла нашему народу и законную гордость победы, и ничем не измеримое горе, естественную ненависть к ее виновникам, Советский Союз выступал против расчленения Германии. Не нам принадлежит эта идея, и не мы несем ответственность за то, как потом, в условиях «холодной войны», стали разворачиваться события. <...>

Мы исходим из того – и об этом мне приходилось не раз и публично, и в контактах с немецкими политическими деятелями говорить, – что история так рассудила, что возникли два германских государства, и ей принадлежит рассудить, какой, в конце концов, будет государственная форма существования немецкой нации. И вот история заработала неожиданно быстро. В этих условиях мы еще раз подтвердили, что немцы сами должны определить, как, в какие сроки и в каких формах будет проходить их объединение. Об этом шла речь и в беседах с Модровым и вскоре затем – с Колем.

Но это – лишь одна сторона проблемы, и в этих беседах не только об этом говорилось.

Вопрос. *Что Вы имеете в виду?*

Ответ. Прежде всего, то, что объединение Германии касается не только немцев. При всем уважении к этому их национальному праву ситуация такова, что невозможно себе представить, чтобы немцы между собой договорились и потом предложили всем остальным одобрить уже принятые ими решения. Есть вещи фундаментальные, которые международное сообщество вправе знать и в которых не должно быть места для двусмысленности.

Далее. Должно быть изначально ясно, что ни сам процесс сближения ФРГ и ГДР, ни единая Германия не должны нести ни угрозы, ни ущерб национальным интересам соседей и вообще кому бы то ни было вовне. И конечно – исключается всякое посягательство на границы других государств.

Помимо незыблемости сложившихся в результате Второй мировой войны границ, что является самым существенным, есть и другие ее последствия. Никто не отменял ответственности четырех держав. И снять ее с себя могут только они сами. Мирного договора с Германией еще нет. И только он может в международно-правовом порядке окончательно определить статус Германии в европейской структуре. <...>

И последнее. Из сказанного вытекает, что процесс объединения Германии органически связан, и должен быть синхронизирован, с общеевропейским процессом, с его стержневой линией – формированием принципиально новой структуры европейской безопасности, которая придет на смену блоковой. <...>

Вопрос. *Как Вы оцениваете определенную тревогу среди советских людей, да и со стороны других европейских народов, по поводу перспективы возникновения в центре Европы единого германского государства?*

Ответ. И исторически, и психологически такое беспокойство понятно. Хотя нельзя отрицать, что немецкий народ извлек уроки из опыта гитлеровского господства и Второй мировой войны. В обоих германских государствах выросли новые поколения, которые смотрят на роль Германии в мире иначе, чем, скажем, на протяжении последних 100 с лишним лет и, особенно, — в период нацизма. <...>

Все это так. Однако никто не имеет права игнорировать негативный потенциал, сложившийся в прошлом в Германии. И тем более невозможно не учитывать народную память о войне, о ее ужасах и потерях. Поэтому очень важно, чтобы немцы, решая вопрос об объединении, помнили о своей ответственности и о том, что необходимо уважать не только интересы, но и чувства других народов.

В особенности это касается нашей страны, советского народа. Он имеет неотъемлемое право рассчитывать и возможность добиваться того, чтобы от объединения немцев наша страна не понесла ни морального, ни политического, ни экономического ущерба и чтобы, в конце концов, был реализован давний «замысел» истории, которая определила нам жить рядом, протянула между нашими народами нити связей и глубокого взаимного интереса, перекрестила — иногда в трагических столкновениях — наши судьбы, и которая в условиях новой эпохи дает нам шанс доверять друг другу и сотрудничать.

«Правда», 21 февраля 1990 года.

*Из беседы с премьер-министром ГДР Лотаром де Мэзьером
Москва, 29 апреля 1990 года**

Горбачев. <...> Мы и сейчас считаем, что стремление к объединению ГДР и ФРГ — это естественный, органический процесс. При этом мы с уважением относимся к интересам ГДР, с которой нас связывают десятилетия тесного, плодотворного сотрудничества. Никто не должен забывать, что ГДР — это суверенный субъект международного права, полноправный член ООН. Словом, ГДР — это не задворки ФРГ. Это — миллионы людей со своими интересами, судьбами. Это такая реальность, с которой никто не может не считаться.

Понимая чаяния немцев, уважая их право на самоопределение, мы соответственно относимся и к процессу объединения Германии, не собираемся ни в коей мере препятствовать ему. Но этот многогранный процесс, имеющий важные и довольно острые международные грани, должен протекать достойно, солидно. <...>

* 19 марта 1990 года в ГДР состоялись выборы в Народную палату (парламент). Значительное большинство голосов было подано за ХДС (40,9 процента) и за СДПГ (21,8 процента). Победителями была образована коалиция. Премьер-министром нового правительства стал председатель Христианско-демократического союза ГДР Лотар де Мэзьер. 29 апреля 1989 года он прибыл в Москву и был принят Горбачевым.

Мы у себя здесь проигрываем много вариантов возможных позиций, которые целесообразно занять на первой встрече «шестерки». Но суть нашего подхода, в общем, такова, какой я Вам ее описал.

Ход процесса объединения Германии ставит вопрос об ускорении создания новых общеевропейских структур безопасности. Это первое. Второе — мы не мыслим себе, чтобы объединенная Германия была полностью интегрирована в НАТО.

Де Мэзер. Мы тоже не мыслим этого.

*Михаил Горбачев и германский вопрос.
С. 410–411, 418.*

*Из беседы с Франсуа Миттераном (один на один)
Москва, 25 мая 1990 года*

Миттеран. <...> Мне будет просто изложить позицию Франции. У нас хорошие отношения с немцами. Но мы не слепы. Мы никогда не закрывали глаза на то, как они сконцентрировали все усилия на том, чтобы объединение Германии произошло как можно быстрее. <...>

Горбачев *отреагировал, сказав о гарантиях, которыми должно сопровождаться объединение Германии, о том, что надлежит договариваться о неприкосновенности границ соседних с объединенной Германией стран; что Германия должна будет передать Европейскому сообществу часть своей национальной компетенции, что, делая свой выбор относительно своего членства в военных блоках, она должна считаться с интересами тех, кто возглавил в свое время коалицию, сокрушившую гитлеровский «третий рейх».*

Миттеран. <...> Я уделяю большое внимание тому, как будет решен — официальным образом — вопрос о запрете для будущей Германии владеть ядерным оружием.

В том, что касается присутствия иностранных войск в Германии — восточных в Восточной и западных в Западной, — **я считаю, что для НАТО было бы мудрым... не выдвигать свои боевые порядки с территории нынешней Западной Германии в будущую восточную часть объединенной Германии во избежание нарушения сложившегося баланса сил.** Этот тезис я намерен отстаивать в ходе предстоящей сессии Совета НАТО на высшем уровне 5–6 июля. <...>

И мы опять возвращаемся к обсуждению вопроса о сохранении присутствия советских войск на востоке Германии и сохранения западных войск — на западе Германии. Это — суть проблемы, но важна и ее форма. Я считаю, что в этой области движение не должно быть слишком быстрым. <...>

Далее, существует такой аспект, как различные договоренности, заключенные в Европе. Во-первых, необходимо обеспечить соблюдение правил, согласованных в рамках хельсинкского процесса. Следует придать больше веса содержанию СБСЕ. Необходим постоянный механизм — не просто проводить иногда встречи министров иностранных дел, а поставить их на регулярную основу. Необходим постоянный секретариат с конкретными полномо-

чиями. Кстати, США не могут жаловаться на такой подход, потому что они сами являются участниками СБСЕ. <...>

Необходимо, чтобы во всех этих делах Советский Союз ощущал себя полноправным членом. Более того, надо избежать соблазна изолировать Советский Союз, избежать всего, что могло бы создать у него даже впечатление, что к этому кто-то стремится. <...>

Я прекрасно осознаю, что объединение Германии, ее членство в НАТО создают для Вас очень большие проблемы. Я тоже испытываю трудности в этой связи, но иного порядка. Поэтому я подчеркиваю необходимость создания условий безопасности для вас, а также европейской безопасности в целом. Этой целью я руководствовался, в частности, выдвигая свою идею создания европейской конфедерации. Она схожа с Вашей концепцией «общеевропейского дома». <...>

Горбачев. Спасибо за детальное изложение, господин Президент. <...>

Дело в том, что сейчас оказались задействованы мощные силы, затронуты жизненные интересы.

Вот когда особенно важно проявить мудрость. Мне кажется, что наш друг Коль, с которым у меня хорошие отношения, очень спешит, стремится втянуть нас в идущий процесс. Он может наломать дров. И я солидарен с Вашим тезисом о том, что надо действовать без спешки, согласовывать шаги.

Убежден, что в вопросе о сроках спешки быть не должно. Выход из сложившейся ситуации вижу в синхронизации европейского процесса и процесса строительства германского единства. Скорости развития этих процессов на деле уже различные, и вряд ли возможно добиться абсолютной их синхронизации. В международных отношениях это вообще невозможно. Но стремиться к максимальному сближению темпов необходимо; такой подход отвечал бы интересам европейских стран — Польши и даже Великобритании при всей ее специфике.

Американцам же ближе позиция Коля. Им видится, что таким путем они сохранят НАТО и свое влияние в НАТО. Ранее НАТО была нужна США в военном аспекте как противовес советской военной мощи. Теперь же получается, что НАТО будет закреплять единую Германию в каких-то надежных рамках. Не исключено, что такой подход американцев имеет целью увековечить НАТО.

То, с какой настойчивостью американцы отстаивают тезис о необходимости и полезности НАТО, заставляет меня задаться вопросом: не думают ли США таким образом создать какой-то механизм, институт, своего рода директорию по управлению мировыми делами? Но это шло бы вразрез с политикой, философией, образом мыслей, которые начинают преобладать у европейцев. Это противоречило бы позитивным тенденциям европейского развития, у истоков которых стояли СССР и Франция.

Как все это совместить, вот проблема. Я не снимал бы с повестки дня вопрос о том, что «четверка» еще не до конца использовала свои права.

Миттеран. Коль, пользуясь поддержкой США, намерен завершить дело объединения Германии до конца этого года. Это — реальная проблема.

Горбачев. В этом вопросе есть одно очень важное обстоятельство. Это, повторю, права четырех держав. Пусть будет заключен не мирный договор, а какой-то документ об окончательном мирном урегулировании, подводящий черту под итогами Второй мировой войны, в том числе по германскому вопросу. Это должен быть какой-то международный обязывающий документ, в котором были бы зафиксированы важнейшие элементы. Такое соглашение вошло бы составной частью в фундамент будущей структуры безопасности. <...>

Мы надеемся на то, что НАТО перейдет на иную доктрину, нежели нынешняя. Это, с учетом уже осуществляемой в Варшавском Договоре работы в отношении военной доктрины, открыло бы надлежащую перспективу политизации двух блоков, налаживания новых взаимоотношений между ними. Если будут вырисовываться какие-то формы взаимодействия и взаимосвязи между двумя военно-политическими группировками, то, может быть, единая Германия могла бы стать каким-то пространством, полем для такого взаимодействия. Тогда единая Германия не принадлежала бы только Варшавскому Договору или только НАТО, а стала бы чем-то, что перекрывалось бы обеими организациями. <...>

Миттеран. Я много размышляю над вопросом о закреплении обязательства Германии не владеть ядерным оружием. Все прочие проблемы имеют меньшее значение.

В начале июля я буду участвовать в работе сессии Совета НАТО. Там будут обсуждаться политические вопросы. <...> К тому времени Вы уже изложите Бушу Ваше предложение об одновременном членстве Германии в двух союзах. Я, как любой человек, могу ошибаться, но, насколько я знаю своих союзников по НАТО, не может быть ни малейшего шанса, чтобы они согласились на такое предложение.

Знаете, кем, пожалуй, Ваше предложение будет лучше всего воспринято? Самими немцами. Я имею в виду общественность, а не «штабы». Дело в том, что немецкое общественное мнение испытывает чувство неуверенности. Оно бы предпочло вообще не участвовать в системе союзов. Немецкая общественность уже получила объединение, сейчас на повестке дня выравнивание уровней развития частей будущей Германии. Немцы вообще опасаются ядерного оружия, и они были бы рады, если бы его убрали с их территории. Так что немецкое общественное мнение могло бы присоединиться к Вашему предложению, но об этом реально можно говорить только через год. Потому что до этого срока с немецким общественным мнением особо считаться не будут. <...>

Так что американцы и немцы, которым и предстоит решать эту проблему, отнесутся к Вашему предложению негативно. А после того как Германия обретет полный суверенитет, мы вообще ничего не сможем им сказать. Немцы заявят: «Мы имеем такое же право, как и другие, распоряжаться своей судьбой». Это произойдет очень скоро — через восемь месяцев или через год. <...>

Горбачев. Видимо, Вы правы.

Миттеран. Можно заранее представить реакцию и других партнеров по НАТО. Например, Великобритания, которая занимает осторожную и, в сущности, враждебную позицию по отношению к германскому процессу, более, чем кто-либо другой из европейцев, привержена идее сохранения Германии в НАТО. Таким образом, на Англию я рассчитывать не могу.

Горбачев. Вы можете рассчитывать на меня. Даже если Вы не примите предложение действовать вместе, я все равно выскажу свою точку зрения. <...>

Миттеран. Вы упомянули о статусе невключения Германии в военные структуры. Это — ключевой момент.

Горбачев. Я постоянно «гоняю» эту мысль. Вы первый, с кем я поделился ею.

Миттеран. Благодарю Вас. У нас с вами разные обязательства. Но у нас общие цели. Мы должны обеспечить европейскую безопасность и не против кого-то, а вместе со всеми. Разумеется, речь не идет о том, чтобы мы с вами объединились против немцев. <...>

Я постоянно повторяю: европейская безопасность невозможна без СССР. Не потому, что СССР — противник, имеющий мощную армию, а потому, что он — наш партнер. Это в наших интересах.

В настоящее время вы оказались заблокированными, поставив задачу невхождения будущей Германии в НАТО. Если разговор окажется невозможным, немцы и их партнеры по НАТО могут выбрать простой вариант — принять решение о ее членстве в НАТО.

Я осознаю, насколько деликатна эта область столкновения интересов. Поэтому я все время говорил партнерам по НАТО: примите обязательство о невыдвигании боевых порядков НАТО с нынешней территории ФРГ в Восточную Германию. Руководствуясь этими же соображениями, я был сторонником сокращения числа ракет меньшей дальности. В начале 1988 года, когда во Франции было правительство Ширака, я выступил против модернизации ракет «Лэнс». Несколько недель назад Буш выступил с заявлением, в котором, по сути дела, содержалось признание правильности моих тезисов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
Вашингтон, 31 мая 1990 года*

Горбачев. <...> Прежде всего, думаю, что понял основной источник вашей обеспокоенности. Вы считаете присутствие США в Европе фактором стабильности и обеспокоены перспективами его сохранения. Что ж, я уже говорил, что сейчас американское присутствие в Европе даже необходимо (а что будет потом, покажет жизнь). При этом я говорю именно о военном присутствии, поскольку экономическое и политическое участие США в европейских делах — это бесспорная константа. <...>

Но вы допускаете методологический просчет, когда связываете свое присутствие только с НАТО, и опасаетесь, что выход ФРГ из Североатлантического союза будет началом его конца, а значит и началом конца вашего военного присутствия на континенте. <...>

Одна из перспективных для поисков областей — обсуждение содержания переходного периода: чем его наполнить, какими структурами, как менять союзы и какие вырабатывать общие документы.

Буш. <...> Вы согласны с нашим исходным тезисом, что объединенную Германию нельзя ставить в особое положение?

Горбачев. Соглашусь, если вы примете ассоциативное участие, принцип сближения блоков при посредничестве объединенной Германии, то есть положение, не меняющее нынешних обязательств ни ФРГ, ни ГДР, а за этим, естественно, последует и реформа самих блоков, — в органической увязке с венским и общеевропейским процессом.

Страшные жертвы, которые мы понесли в ходе Второй мировой войны, — это тоже психологическая и политическая реальность сегодняшнего дня. И никто — ни мы, и не вы — не может ее не учитывать.

Буш. И все же, мне трудно вас понять. Может быть, потому, что я не испытываю страха перед ФРГ, не вижу в этой демократической стране агрессивной державы. Если вы не поломаете своего психологического стереотипа, нам будет трудно договориться. А договоренность возможна, ведь и мы и Коль хотим сотрудничать с вами во всех областях.

Горбачев. Тут не должно быть неясности. Мы никого не боимся — ни США, ни ФРГ. Просто мы видим необходимость изменения отношений, ломку негативной и создания конструктивной модели. Это наш свободный выбор. <...>

Теперь о доверии. Вы утверждаете, что мы не доверяем немцам. Но почему же тогда мы дали добро их стремлению к объединению? Зажечь красный свет мы могли — механизмы у нас были. Однако мы предоставили им возможность делать свой выбор демократическим путем. Вы же говорите, что доверяете ФРГ, а тянете ее в НАТО, не позволяете самой определить свою судьбу после окончательного урегулирования. Пусть она сама решает, в каком союзе ей состоять.

Буш. Я с этим полностью согласен. Но ведь немцы уже достаточно ясно определили свой выбор.

Горбачев. Нет. Это вы стремитесь поставить их под свой контроль.

Буш. Если Германия не захочет оставаться в НАТО — ее право выбрать иную участь. Так говорится и в Заключительном акте Хельсинки.

Горбачев. Давайте тогда сделаем публичное заявление по итогам наших переговоров, что Президент США согласился, что суверенная объединенная Германия сама решит, какой военно-политический статус ей избрать — членство в НАТО, нейтралитет или что-то иное.

Буш. Выбирать союз — право каждой суверенной страны. Если правительство ФРГ — я рассуждаю чисто гипотетически — не захочет оставаться в НАТО, даже предложит нашим войскам убраться, мы примем этот выбор.

Горбачев. Значит, так и сформулируем: Соединенные Штаты и Советский Союз за то, чтобы объединенная Германия по достижении окончательного урегулирования, учитывающего итоги Второй мировой войны, сама решила, членом какого союза ей состоять.

Буш. Я бы предложил несколько иную редакцию: США однозначно выступает за членство объединенной Германии в НАТО, однако, если она делает другой выбор, мы не будем его оспаривать, станем уважать.

Горбачев. Согласен. Беру Вашу формулировку. <...>

*Из беседы с Маргарет Тэтчер
Москва, 8 июня 1990 года*

Тэтчер. <...> Что касается объединения Германии, то у меня есть определенные опасения на этот счет, и я поделилась ими с президентом Миттераном. Правда, разница в том, что я высказываю эти опасения публично, а Миттеран нет, что вполне понятно, поскольку он стремится поддержать позицию ФРГ в Европейском сообществе.

Я убеждена, что для объединения необходим длительный переходный период. За это меня критиковала пресса в ФРГ, Франции, США. Но сейчас уже стало ясно, что длительного периода не будет и что ГДР присоединится к ФРГ в соответствии со статьей 23 Конституции этой страны. Вся Европа наблюдает за этим процессом не без определенного страха, очень хорошо помня о том, кто начинал обе мировые войны. Задача состоит в том, чтобы исключить возможность конфликта, который вновь исходил бы с немецкой земли.

Горбачев. <...> Издалека мы подошли к вопросу объединения Германии. <...>

Меня очень беспокоит, чтобы при обсуждении статуса Германии ни одна из стран не чувствовала себя ущемленной, чтобы не был нарушен баланс, не возникла у кого-то неуверенность. Поэтому, я думаю, несколько процессов должны идти взаимосвязанно и все должно охватываться переходным периодом. Процесс объединения Германии — а это и Ваше мнение — должен идти спокойно, взвешенно. <...>

Если урегулирование внешних аспектов германской проблемы будет протекать нормально и спокойно, ни у одной из заинтересованных стран не будет сомнений в его правильности, не возникнет никаких подозрений. Если же какая-либо страна займет деструктивную позицию и нацелится на смещение баланса сил, то мы будем вправе считать, что наша безопасность находится под угрозой. И тогда нам придется вновь проанализировать ситуацию, с тем чтобы определить наши дальнейшие действия. Мое желание — идти дорогой, на которую мы встали. Она уже вывела нас на крупные решения и обещает длительный мирный период. И сорвать это — нанести тяжелый удар по всему прогрессу. Поэтому не может быть ультимативного подхода.

Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 479–483.

*Из беседы с заместителем председателя СДПГ Оскаром Лафонтеном
Москва, 21 сентября 1990 года*

Горбачев. <...> Приветствую Вашу миссию как в контексте событий, происходящих в Германии, так и в плане советско-германских отношений. Центральная идея на всех переговорах с немецким руководством заключалась в том, что два наших народа, две страны должны не противостоять, а сотрудничать. Уверен, таково мнение всего спектра политических сил и в Германии, и в нашей стране. <...>

Лафонтен. <...> В Германии тоже идет перестройка, хотя и иного, чем у вас, характера. В ее ходе сталкиваемся с большими проблемами. Важно не повторить ошибки прошлого. Процесс европейской интеграции должен идти в рамках СБСЕ вместе с Советским Союзом.

Горбачев. Полностью согласен. Видимо, Вы подозреваете, что я об этом на каком-то этапе забыл. Поясню: я был сторонником более постепенного объединения. А вы — внутри — не справились. Было много спонтанного. Нам нужно было делать выбор, и выбор непростой. Поскольку не все удалось канализировать, пришлось принимать решение в пользу поворота всего процесса в международные рамки. <...>

Важно, чтобы на нынешнем переходном этапе, характерном для обеих наших стран, мы теснее сотрудничали друг с другом. Это будет положительно сказываться на динамике и масштабах перемен.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на официальном обеде от имени Федерального канцлера
(после подписания советско-германских документов)
Бонн, 9 ноября 1990*

Подписанный сегодня с Федеральным канцлером Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве летописцы наверняка поставят в первый ряд международно-правовых документов, завершающих суровый и трагичный XX век и распахивающих двери к новому, мирному периоду истории.

Прочерчивая вместе свою, очень, кстати, большую часть в черте под целой эпохой, мы начинаем бережно перекладывать страницы новейшей истории не только наших двух стран, но и Европы — от Атлантики до Урала.

В прошлом часто бывало так. Итоги подводились, соглашения подписывались, обещания давались, провозглашали надежду на лучшие времена... А вскоре все спускалось до заурядной рутин, в худшем же случае — опять появлялись семена подозрений и вражды.

Все говорит о том, что на этот раз с нами так не будет. Мы действительно выходим на другой характер двусторонних отношений и, что тоже принципиально важно, — в контексте европейского единения, в котором советско-германский фактор способен играть своеобразную, большую, но равноправную со всеми другими роль.

Сегодня под единство Германии подведена прочная основа доброй воли и согласия. И это сделано при одобрении и поддержке большей части мирового сообщества, Организации Объединенных Наций.

Много абсолютно нового, необычайного сейчас в самой атмосфере советско-немецких отношений.

Но за этой новизной глубокие корни. Немцы и Россия, Германия и Советский Союз больше не потенциальные военные противники. У них вообще нет в Европе мыслимых противников. <...>

Мы и вы должны теперь — перед лицом всей Европы и мира — разумно и в максимальной степени использовать все, что заложено в Договоре, на пол-

ную мощность раскрыть позитивный задел нашего общего прошлого и употребить в дело все, что наработано за последние годы.

Понимаю, что большая доля задач, особенно в создании приемлемых для вас условий экономического сотрудничества, лежит на нас. Сейчас в ходе нашей реформы много делается, чтобы обеспечить такие условия.

А от вас хотелось бы видеть смелости, широты, перспективного мышления, здорового риска. Здесь главное в том, что вы имеете дело с великой страной, не обиженной богом — ни в смысле человеческого, интеллектуального потенциала, ни культурой, ни пространствами и природными богатствами. <...>

В этот торжественный день, когда мы заключили поистине исторический договор между нашими великими странами, я хочу приветствовать миллионы немцев, в какой бы земле Германии они ни жили, с которыми мы давно — очно или заочно — стали друзьями, независимо от их и наших политических или идеологических пристрастий.

Все они внесли свой, пусть невидный, неброский, но важный и необходимый вклад в то, что мы сегодня оформляем официально. <...>

*Визит М.С. Горбачева в ФРГ,
9–10 ноября 1990 г.:
Документы и материалы.
М.: Политиздат, 1990. С. 30–33.*

Советско-французские отношения

Заметное место в годы перестройки заняло французское направление внешней политики СССР. Несмотря на «холодную войну», они и до этого сохранялись на более или менее нормальном уровне, способствовали разрядке международной напряженности в 70-х годах.

Однако к началу 80-х годов наметилось похолодание. К разногласиям в связи с интервенцией в Афганистане добавилась проблема Польши. Продолжались расхождения в вопросе о ядерном оружии.

Вскоре после избрания Горбачева на высший пост в стране, первый зарубежный визит за пределы государств — членов Варшавского Договора он совершил во Францию (октябрь 1985 года). Это был знак предпочтения, который был высоко и повсеместно оценен.

Встреча Горбачева с президентом Франции Миттераном положила начало регулярному, доверительному диалогу на протяжении семи лет. За это время у них состоялось 17 личных встреч во Франции, в Киеве и в Москве.

Впоследствии, оценивая взаимоотношения с Францией, М.С. Горбачев писал: Миттеран «политик, что называется, с большой буквы. Его отличают широта взглядов и дальновидность, понимание глубинных интересов своей страны, мужество и гибкость в проведении избранной линии, умение учитывать меняющуюся реальность и считаться с интересами других» (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. М., 1995. С. 202*).

Из обращения Горбачева к французским телезрителям 2 октября 1985 года

Что касается двусторонних отношений — убеждены, что развитие сотрудничества между СССР и Францией отвечает жизненным интересам обоих народов. Лучшее доказательство тому — исторический опыт. Когда Россия и Франция, Советский Союз и Франция сотрудничали, это шло на пользу им, так же как и всей Европе, да и всему миру. И наоборот, отчуждение и вражда вредили нашим национальным интересам, отрицательно сказывались на международной атмосфере.

Из истории не вычеркнуть того, что советские люди и французы были братьями по оружию в борьбе с фашизмом...

Но не только вместе одержанная победа сближает советский и французский народы. Глубоко, в даль веков уходят корни нашего сотрудничества во многих областях — в экономике и торговле, литературе и искусстве. Все это говорит о добротных основах, хороших традициях, глубоких корнях наших отношений. Их развитие и укрепление — это я говорю с большой уверенностью — в наших общих интересах. Очень важно не только продолжать, но и углублять диалог, согласие, сотрудничество между СССР и Францией.

*Из речи Горбачева в Елисейском дворце
2 октября 1985 года*

Советско-французский диалог уже не одно десятилетие является крупной, можно сказать, незаменимой политической величиной в европейской и международной действительности. И только на пользу нашим странам, нашим народам и никому не во вред, что ныне контакты между СССР и Францией, включая и высший уровень, вновь становятся насыщенными, и отношения в целом обретают поступательную динамику.

Мы за то, чтобы встречными усилиями укрепить такую тенденцию. Этого настоятельно требует нынешнее, довольно тревожное, состояние международных дел. <...>

Мы хотели бы рассчитывать на активизацию действий в пользу свертывания военных приготовлений также и со стороны Франции, Западной Европы в целом, Соединенных Штатов Америки, всех других государств, независимо от их общественного строя и географического местоположения. <...>

Конечно, советско-французский обмен мнениями охватывает много международных проблем. По некоторым из них у нас есть возможность сближать взгляды, а порой и переводить выявляющуюся близость в практические действия, параллельные, но идущие к одной цели.

В этом отношении, прежде всего, выделяется широкий комплекс европейских дел.

ГСС. Т. 3. С. 14–15, 17.

*Из ответов Горбачева на вопросы газеты «Юманите»
4 февраля 1986 года*

Вопрос. *Могут ли быть улучшены советско-французские отношения и что для этого необходимо сделать?*

Ответ. Конечно, могут. Я бы даже сказал, должны быть улучшены. <...>

Дать новый импульс советско-французским отношениям — в этом был смысл и встречи на высшем уровне в Париже осенью 1985 года. За последнее время кое-чего удалось добиться. Но с нашей точки зрения, остаются еще большие неиспользованные возможности. Хотели бы рассчитывать, что наши страны будут активными партнерами в решении таких проблем исторического масштаба, как обуздание гонки вооружений и полная ликвидация ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, предотвращение создания ударных космических вооружений. <...>

Исторически сложилось так, что советско-французские отношения традиционно опирались на взаимную симпатию и уважение обоих народов друг к другу. Тем большее непонимание вызывает у нас проявляющееся сейчас упорное стремление некоторых кругов вашей страны вызвать у французов неприязнь и недоверие к Советскому Союзу, создать ложный образ нашей страны, ее политики.

ГСС. Т. 3. С. 269.

*Из речи на приеме в честь Франсуа Миттерана
Москва, 7 июля 1986 года*

Опыт прошедших 20 лет наглядно показывает, что, когда с обеих сторон, а тем более, если речь идет о великих державах, имеется государственная воля, настойчивость в развитии политических, экономических, культурных и других связей, выигрывают все. Мы хотели бы, чтобы и далее Советский Союз и Франция подавали такой добрый и очень необходимый Европе и миру пример. <...>

Существует основа для долгосрочного, стабильного сотрудничества до конца тысячелетия и далее.

Советский Союз имеет твердое намерение расширять области согласия и сотрудничества между СССР и Францией, делать все необходимое, чтобы советско-французский диалог вновь стал генератором здоровых тенденций в мировой политике.

ГСС. Т. 4. С. 293–294.

*Из советско-французских переговоров
Москва, 9 июля 1986 года*

Горбачев. <...> На советско-французских переговорах царил атмосфера высокой ответственности, дружелюбия, сотрудничества, желания лучше понять друг друга. <...> Хочу особо отметить, что только в такой атмосфере и можно достигать позитивных и плодотворных результатов. <...>

Коротко о наших двусторонних отношениях. Торгово-экономические и научно-технические связи — ограничусь тем, что скажу: мы за самое широкое развитие обменов на основе взаимной выгоды. Есть тут проблемы, вернее есть и достижения, но также и проблемы. Но интересно отметить, что подобные проблемы встают, порой, и в рамках СЭВ. Видимо, в торговых обменах есть какие-то пределы насыщения. В этом случае их надо дополнить новыми формами сотрудничества, к примеру кооперацией между производственными подразделениями, созданием совместных производств. <...>

Миттеран. За неимением времени отвечу телеграфным стилем. Ведь и телеграммы могут быть ясными. Прежде всего, хочу выделить, что наши с вами беседы проходили в исключительно приятной, доброжелательной атмосфере. Они показали, что поле для наших переговоров — весьма обширно, из него не делается никаких исключений, а сами переговоры характеризуются духом восприимчивости — для них нет запретных зон. Это — заслуга Вас лично, всех Ваших коллег, и это соответствует намерениям Франции. Наличие трудностей, расхождений — тоже дело естественное. Давайте смотреть на вещи как они есть, не закрывая глаза на реальности. Франция всегда поступала таким образом и намерена так же действовать в будущем. <...>

По комплексу двусторонних отношений. Мы много говорим о тех проблемах, которые здесь есть. Надеюсь, их обсуждение не затянется на десятилетия. А иначе получается так: ваши представители обычно ссылаются на

неблагоприятную обстановку. Однако она почему-то всегда благоприятна для ФРГ, Бельгии, США, Италии, Люксембурга. Может быть, когда-то придет черед и Франции?

Горбачев. Я Вас понял. <...> Кстати, в США мы покупаем только кукурузу.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Москва, 9 июля 1986 года*

Горбачев. <...> Основные переговоры завершились, но, видимо, еще есть вопросы, по которым мы могли бы обменяться мнениями. <...>

Вы ведь сами знаете: зачастую, когда мы обращаемся, например, к Франции, с просьбами продать нам то или иное оборудование, мы сталкиваемся с тем, что разрешение на продажу производимых во Франции товаров запрашивать приходится совершенно в другом месте. И такого разрешения французские фирмы часто получить не могут. <...>

Я завел этот разговор не без задней мысли. Когда мы говорим о европейских делах, о необходимости улучшать обстановку на континенте, мы не должны забывать, что под наши добрые намерения в отношении развития и совершенствования политических и культурных отношений надо подводить серьезную, солидную материальную базу в виде расширения взаимовыгодных экономических связей. <...>

Мы провели с вами всего несколько дней, но много часов. Теперь каждый из нас имеет лучшее представление о позициях наших стран в политической области, то есть в области межгосударственных отношений и мировой политики. И в личном плане мы стали знать друг друга лучше. И это важно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
11 июля 1986 года
О переговорах с Миттераном*

Горбачев. В условиях международной сумятицы под воздействием нашей перестройки визит мог дать сигнал к разрядке, к поиску.

Ясно, что Франция не будет мешать процессу разоружения. Миттеран обещал, что включится и в стратегическое разоружение, когда оно начнется.

Приоткрыл мне много, что происходит в умах американцев. Подтвердил, что нас хотят измотать гонкой вооружений.

Говорил: если вы добьетесь того, что затеяли, это будет иметь такие последствия, которые ни вы, ни мы не можем сейчас предсказать. <...>

Он оценил, что мы Францию выделили среди других «великих». Так что, максимум того, что можно было взять от визита, мы взяли. Недоволен только Ширак¹⁸.

ПБ. С. 65–66.

*Из беседы с премьер-министром Франции Жаком Шираком
Москва, 15 мая 1987 года*

Горбачев. <...> Хочу напомнить, что нынешнее советское руководство признало необходимым, чтобы первым визитом Генерального секретаря ЦК КПСС на Запад был его визит во Францию. Мы также сочли целесообразным, чтобы Париж стал как раз тем местом, откуда бы впервые прозвучали наши конструктивные предложения, обращенные к Европе и миру. Мы хотели тогда открытым текстом, без всяких дипломатических ходов дать сигнал, приглашающий Францию к возрождению привилегированного характера наших отношений, к совместным усилиям, чтобы сотрудничество между нашими странами было поднято на качественно новый уровень, внесло существенный вклад в решение европейских и мировых проблем.

Нам есть о чем вспомнить. Обеими странами накоплен большой опыт сотрудничества. <...>

В таких вопросах, как обеспечение безопасности, во всем, что относится к обороне, мы признали интересы Франции, отказались учитывать ее ядерное оружие. Это с нашей стороны огромный политический шаг, акт доверия.

И наконец, мы постоянно поддерживаем систему информирования французского руководства, направляем в Париж своих специальных представителей. Пытаемся информировать вас, советоваться с вами практически по всем важнейшим вопросам. И что же мы видим? Именно Франция меньше всего ценит нашу политику. Именно здесь наблюдается самый большой разгул антисоветизма.

Спрашивается, чего же хочет Франция от Советского Союза? Что она видит предосудительного в поведении Советского Союза в Европе и мире? Может быть, Вы как глава правительства Франции сформулируете какие-нибудь пожелания?

Ширак. Я отвечу на Ваш вопрос, поскольку чувствую, что мы подошли сейчас к главному моменту в нашей беседе.

Вы должны знать, что я глубоко привержен идее независимости Франции, отвергаю возможность какого бы то ни было равнения моей страны на тот или иной блок, даже если Франция и сохраняет верность своим союзам.

Недавно я побывал в США. Не открою Вам тайны, если скажу, что один из вопросов, поставленных передо мною президентом Рейганом, был сформулирован следующим образом: почему во Франции наблюдается такой сильный антиамериканизм?

Горбачев. Наверное, есть основания, если французы бушуют против США. Но какие есть основания для разгула антисоветизма?

Ширак. Вопреки тому, что сообщает агентство ТАСС, Франция отнюдь не равняется на США, и во многих областях мы испытываем определенные трудности с США.

Теперь об отношениях французов к Советскому Союзу. Для Вас, наверное, не будет откровением, если я скажу, что некоторые события, произошедшие в мире в последние годы, оказали определенное воздействие на французскую общественность. Мы с вами беседуем предельно откровенно. Я не

собираюсь высказывать какие-либо суждения о внешней политике Советского Союза. Просто хочу Вам пояснить, как во Франции были восприняты те события, о которых я скажу. Это началось еще в августе 1968 года. «Пражское дело»¹⁹ глубоко травмировало французскую общественность. Не будем сейчас выяснять, была ли оправданной акция Советского Союза в Чехословакии. Я лишь констатирую те последствия, которые она имела для настроений французской общественности.

Потом произошли другие события. Очень плохо были восприняты во Франции афганские дела²⁰. То же самое можно сказать и о Камбодже²¹. Понятно, конечно, что Камбоджа не относится к числу проблем Советского Союза. Скорее — это проблема Вьетнама. Но Вам должны быть известны исторические, и я даже скажу больше, сентиментальные отношения между Францией и Камбоджой. Поэтому «камбоджийское дело» также было очень плохо воспринято во Франции.

Затем было еще «польское дело»²², травмировавшее некоторые французские профсоюзы, а также многих католиков во Франции. Все это способствовало появлению атмосферы недоверия, критического настроения по отношению к Советскому Союзу. <...>

В силу всех названных мною причин во Франции действительно сложилась определенная атмосфера, которая привела к ухудшению положения дел в данном вопросе. Но я не стал бы говорить об антисоветизме во Франции. Его в нашей стране нет.

Горбачев. <...> У нас иная точка зрения на этот счет. <...>

Ширак. <...> Ваш анализ данного вопроса неточный. Но наверное, у вас есть причины анализировать дело таким образом. Однако в любом случае эти причины не оправдывают последствий.

Следует признать, что во Франции в силу некоторых внутривластных особенностей существует определенный антикоммунизм, который, заметим это ради справедливости, подчас выливается в антисоветизм. Этим, в частности, занимаются крайне правые силы...

Горбачев. <...> Вы, естественно, по-своему анализируете эту ситуацию, а мы высказываем свои собственные оценки. Но факт остается фактом. Мы констатируем ухудшение позиции Франции по многим проблемам, идет ли речь о двусторонних отношениях, о ядерном разоружении, о ракетах средней дальности, о химическом оружии или о Никарагуа²³. <...> Говорим вам это откровенно, поскольку дорожим советско-французскими отношениями. Хотели бы лучше понять истоки существующих расхождений. Мы полностью готовы рассматривать и решать вопросы нашего сотрудничества — в сфере безопасности, политические, экономические, культурные и другие. Но вы должны обдумать и тщательно взвесить все то, что я Вам говорю. <...>

Мы нуждаемся в хороших отношениях с Францией. А нуждается ли в них Франция? Вот в чем вопрос. Но это, впрочем, ее собственное дело. Если Франция в них не нуждается, набиваться в друзья не будем. <...>

Но я хотел бы в позитивном ключе завершить обмен мнениями по этой проблеме. <...> Ни СССР, ни Франция не могут снять с себя ответственности за положение в мире. Мир устал от напряженности. Люди с нетерпением

ждали, когда появится шанс для оздоровления обстановки, уменьшения военной угрозы. Советский Союз пошел на беспрецедентные уступки, с тем чтобы такой шанс появился. Если сейчас этот шанс будет упущен, то это наложит отпечаток на всю мировую политику.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Москва, 25 ноября 1988 года*

Горбачев. <...> Господин Президент, это у нас не первая с Вами беседа. Мы всегда откровенно обменивались мнениями. Чувствую, что сейчас время такое, когда мы еще в большей степени нуждаемся в активном диалоге между нашими странами. Говорю это не для того, чтобы сделать приятное Вам как гостю. Просто я действительно ценю наш диалог и рад его возобновлению.

Миттеран. Вы знаете, я испытываю те же самые чувства. <...> Думаю, что в этом направлении нам следовало бы продолжать двигаться и в предстоящие годы, Вам, мне, Советскому Союзу, Франции. <...>

Горбачев. <...> Если Вы не возражаете, то мы, наверное, могли бы договориться о том, чтобы регулярно, один раз в год проводить встречи на высшем уровне. <...> Можно было бы договориться также и о том, чтобы встречи на уровне министров иностранных дел проводились как минимум два раза в год. Можно также подумать и о других встречах, призванных обеспечить интенсивный, динамичный и содержательный характер советско-французского диалога.

Полагаю, что опыт Франции, ее политическая культура представляют собой незаменимый фактор формирования новых отношений.

Миттеран. <...> Если потребовалось бы резюмировать то, о чем мы с вами сейчас говорили, причем сделать это под углом зрения перспективы совместной работы, то я бы выделил пять следующих моментов.

Прежде всего, что значит трудиться совместно?..

Это означает: давайте разоружаться. Это как раз и представляет возможность трудиться на благо мира. Далее, давайте осуществлять обмены, иными словами, развивать торгово-экономические отношения. Каждый действует на свой лад. Вы олицетворяете Советский Союз, я представляю Францию. Но давайте строить Европу. И еще один момент. Поскольку в мире многие народы влчат жалкое существование, о чем Вы сейчас упоминали, давайте займемся вопросами развития, давайте будем помогать в этом другим народам. И наконец, последнее — пятое — соображение — давайте защищать природу, окружающую среду.

Вот те пять направлений, по которым СССР и Франция могли бы совместно работать, что, конечно, не исключает возможности сотрудничества и с другими партнерами. Ваши соображения о том, чтобы проводить советско-французские встречи на высшем уровне регулярно, ежегодно, заслуживают, с моей точки зрения, самого серьезного внимания. Думаю, что его следовало бы принять. <...>

Мне иногда говорят: наша торговля с Советским Союзом сводится с пассивным для Франции сальдо. Само собой разумеется, что на эти темы я беседую с советскими представителями. Но я также обращаюсь к французским предпринимателям, промышленникам со словами: вы должны больше и лучше торговать... Что касается государственных кредитов Франции, то они полностью открыты для Советского Союза. В вопросах частного кредитования определить позицию надлежит самому Советскому Союзу. В эти вопросы мы, французское руководство, вмешиваться не можем. <...>

Поставив далее вопрос о развитии связей в области культуры и в деле защиты окружающей среды, Миттеран продолжал:

Некоторое время тому назад мною выдвинуты предложения относительно сотрудничества европейских государств в области передовой технологии. В проекте, получившем название «Эврика», участвуют сейчас 18 государств (12 государств — участников ЕЭС, а также некоторые другие страны, в том числе Австрия, Швейцария). Уже имеется несколько сотен проектов в области генетики, биотехники, механики, оптики. Почему бы в этом плане не подписать соглашение с Советским Союзом?²⁴

Горбачев. Мы как раз стучимся в эти двери, но, по всей видимости, есть определенные препятствия. Нет реакции на наши сигналы, но желание участвовать в таком сотрудничестве у нас есть. <...>

Миттеран. <...> На мой взгляд, речь идет о таких областях, где нет потребности в оформлении международных договоренностей. Я имею в виду, например, технологию, аудиовизуальные средства, окружающую среду. Здесь проблемы возникают безотносительно к международным договорам, идеологическим и философским различиям. По сути дела, все, что касается вышеуказанных областей, является частью жизни людей.

Горбачев. С интересом выслушал Ваши соображения. Во многом разделяю эти идеи. Вместе с тем я вижу и определенные трудности на пути их реализации.

Миттеран. Давайте преодолевать такие трудности. Ведь когда речь идет о сотрудничестве сугубо между европейцами, нам не приходится ни у кого просить на то разрешения. То, что я Вам сказал, это очень серьезно. Вскоре мы сделаем практические предложения по вопросу широкого европейского сотрудничества, в том числе с участием Советского Союза. Я не говорю о Франции. Но Франция — часть Европы и она, конечно, будет участвовать в этом сотрудничестве. Думаю, что если мы будем действовать таким образом, то несомненно сможем добиться успеха. <...>

Горбачев. <...> Согласен с Вашей мыслью о том, что нам следовало бы подумать, как строить линию в двусторонних советско-французских делах с точки зрения отношений между Западом и Востоком Европейского континента. Коль скоро мы имеем в виду предстоящий визит в Париж, то, может быть, стоило бы договориться о соответствующей подготовке, с тем чтобы это было действительно этапное событие. Я имею в виду выход не только на новый виток советско-французского политического диалога, но и на конкретные дела, особенно в области двусторонних отношений. В сущности, подго-

товительная работа уже ведется. Имеются предложения со стороны Франции, со стороны Советского Союза. Есть много интересных идей.

Если бы нам удалось условиться на этот счет, то мы могли бы придать подготовительной работе необходимую плановость, чтобы в ходе моего визита в Париж мы могли с Вами подписать, одобрить или, по меньшей мере, присутствовать при подписании важных документов, открывающих новые перспективы в двустороннем сотрудничестве.

Миттеран. Готов так вести дела.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На советско-французских переговорах в расширенном составе
Москва, 25 ноября 1988 года*

Миттеран. Предлагаю предоставить слово нашим министрам иностранных дел.

Дюма. 10–12 октября с.г. мы встречались с господином Шеварднадзе в Париже. Были проведены переговоры двух делегаций, выработана программа дальнейших действий. Наша сегодняшняя встреча имела целью проанализировать, что удалось осуществить за истекший период.

Мы с удовлетворением отметили, что парижские договоренности начали претворяться в жизнь. Готовится ряд соглашений, которые, надеемся, удастся подписать в ходе предстоящего визита во Францию Горбачева. Это — соглашения о культурном сотрудничестве, о предотвращении инцидентов в открытом море за пределами территориальных вод, о взаимной защите капиталовложений, о молодежных обменах, об архивах. Речь шла также об обмене опытом в области мер безопасности в аэропортах и морских портах СССР и Франции, о сотрудничестве в противодействии ядерному терроризму. Обе стороны положительно отнеслись к идее заключения соглашения об усовершенствовании линии прямой связи Кремль — Елисейский дворец.

Констатировано, что рабочие группы, созданные в ходе визита Шеварднадзе во Францию, провели полезные консультации по разоруженческой тематике, обсудили ситуацию на Ближнем Востоке, в Кампучии, обменялись мнениями о сотрудничестве в сфере информации.

После этого мы рассмотрели три особо важных вопроса: завершение Венской встречи, конференция в Париже по химическому оружию и парижские переговоры по Кампучии²⁵. Обсудив проблематику Вены, стороны подтвердили пожелание скорейшего завершения работы этой встречи и начала новых переговоров о сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Европе. Обе стороны высказались за то, чтобы переговоры по обычному разоружению и мерам доверия проходили в рамках хельсинкского процесса и начались в составе 35-ти государств. Зафиксировано совпадение взглядов на то, чтобы Венская встреча завершилась 6 января 1989 года.

Французская сторона высказала пожелание, чтобы конференция в Париже по химическому оружию состоялась на уровне министров иностранных дел, что нашло поддержку со стороны советских коллег.

Состоялся полезный обмен мнениями по Кампучии в свете недавней трехсторонней межкхмерской встречи во французской столице и последующего посещения Хун Сеном²⁶ Москвы. Признано целесообразным объединить наши усилия с целью восстановления мира в этой стране. Господин Шеварднадзе обещал информировать нас об итогах обсуждения этой проблемы с министром иностранных дел Китая.

Шеварднадзе. Хотелось бы отметить динамизм ведущихся советско-французских консультаций по различным вопросам экономического, торгового, культурного сотрудничества. Сложился надежный механизм консультаций между министерствами иностранных дел двух стран. За последний отрезок времени обсуждены такие фундаментальные проблемы, как вопросы разоружения, включая сокращение обычных вооружений, Венская встреча, гуманитарная тематика. Эти консультации, особенно наши переговоры с господином Дюма в Париже, действительно помогают в налаживании параллельных действий двух стран для достижения согласованных целей. <...>

С информацией о рабочих встречах по вопросам финансовых и торговых отношений между двумя странами выступили министры Береговуа²⁷ и Каменцев²⁸. В этой связи было отмечено, что торговый обмен между ними мог бы быть больше, но здесь мешают имеющиеся препятствия. К примеру, список советских товаров, на которые распространяются различные количественные ограничения, включает 300 позиций. Это примерно 60 процентов всех экспортных товаров СССР.

Миттеран. Эту проблему надо обсудить конкретно. Я дам указание представить мне список товаров, подпадающих под запреты. <...> Если приняты чрезмерные меры и они мешают торговле, то они должны быть отменены. <...>

Горбачев. Эта информация совпадает с тем, о чем мы говорили с президентом. Если обе стороны готовы вести дело к расширению связей, вводить новые формы, то можно будет через какое-то время подписать ряд соглашений по экономическому, торговому, научно-техническому сотрудничеству.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
2 декабря 1988 года
Об итогах визита Миттерана**

Горбачев. Мне показалось, что он вернулся к прежним рубежам Франции в отношении нас, после определенного похолодания, и даже кое в чем прибавил. Как собеседник из всех, с кем я до сих пор встречался, он самый интересный и содержательный. Огромный кругозор, образованность. Много параллелей сделал, например, между «Хельсинки» и Венским конгрессом (1815 года). Он считает, что был период, когда у него были скованы руки в реализации своих идей: ведь 10 партий действуют на политической сцене. А теперь он чувствует себя свободнее и поехал в Москву с желанием вывести отношения с нами на уровень нового мышления. Он поддержал нас по вопросу

о космосе (СОИ), особенно по обычным вооружениям в Европе и вообще по европейскому процессу. Употребляет термин «общеевропейский дом».

Вернувшись домой, одно за другим делает заявления в поддержку перестройки. Вообще, он сильно привязан к европейскому процессу, уже подключил свой авторитет к нему и не стремится отвадить нас от ФРГ или от Италии. Нет, наоборот, он считает: пусть все соревнуются в налаживании хороших отношений. Все это помогает нам иметь большие возможности для маневра на европейском пространстве.

Миттеран согласен, что в Соединенных Штатах далеко не всем нравится, что мы стимулируем европейский процесс. Он видит, что американцы пытаются сыпать нам соль в Восточной Европе. Поддерживает идею подключения к переговорному процессу в Афганистане противоборствующих там сил.

Энергично выступает за научно-техническое сотрудничество с нами, особенно после посещения Байконура. Да и, вообще-то говоря, — любому умному человеку достаточно там побывать, чтобы сделать выводы. Он, оказывается, и с Шульцем на этот счет разговаривал. Активно выступает за научно-техническое наполнение европейских взаимоотношений, а также за активные контакты по экологии и в области телекоммуникаций. «Почему тут японцы должны диктовать?!» — воскликнул он. В общем, такой у него лозунг: давайте вместе объединять Европу. Тут чувствуется и его зуб на Соединенные Штаты.

Я увидел, что с Колем они основательно сотрудничают. <...> У Коля в основе его европейских идей лежит экономика, где немцы очень сильны. А французы хотят объединять Европу на французский манер.

Агитировал меня за скорейшее проведение в Москве международной гуманитарной конференции. Я ему сказал, что пока не стоит особенно торопиться. Советовал мне продолжать с Бушем то, что уже наметилось у нас с ним во время моих контактов в США. Но действовать советует осторожно. <...>

В двусторонних отношениях с Францией мы ведем правильную линию: давайте, говорю, конкурентоспособные предложения. <...>

В общем, крепкий шел разговор.

ПБ. С. 437–438.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Париж, 4 июля 1989 года**

Миттеран. <...> Я хотел рассказать Вам о конфликте на последней сессии НАТО в Брюсселе. Там вступили в противоречие тезис англичан и, я бы так сказал, совместный франко-западногерманский тезис. Шла очень напряженная дискуссия. Я отстаивал ту мысль, что нет никакой большой срочности

* Горбачев был во Франции с официальным визитом, приуроченным к 200-летию Великой французской революции.

в модернизации тактических ядерных средств малой дальности. Подчеркивал, что перед нами еще по крайней мере три года, а за это время, говорил я, обращаясь к своим собеседникам, вы сможете начать переговорный процесс с Советским Союзом, наладить взаимный обмен информацией, с тем чтобы избежать сверженности. <...>

В конечном итоге Буш склонился все-таки ко второму из названных мною тезисов, не внял, таким образом, голосам ультра. Так что я полагаю, Ваши предстоящие контакты с Бушем должны многое прояснить. Это человек, с которым можно говорить.

Горбачев. В самом деле, нам, видимо, не стоит откладывать на чересчур долгий срок проведение такой встречи.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из ответов Горбачева журналистам
Париж, 4 июля 1989 года*

Вопрос. *Как вы оцениваете ход начавшегося визита?*

Ответ. <...> Я должен сказать, что в лице Президента Франции мы имеем привилегированного собеседника, ценим высокий уровень этих бесед и их значение не только для наших двусторонних отношений, но и для оценки проблем мировой политики... Обсуждаемые с Президентом проблемы касаются сотрудничества во всех сферах на нынешнем этапе, новом этапе, переломном этапе истории. Все страны адаптируются к вызову времени, и это — главная тема, которая присутствовала на первой встрече с господином Франсуа Миттераном. К концу беседы у нас появилось желание обменяться информацией о том, как реализуется идея, которую мы уже обсуждали в беседе с господином Президентом в Москве. Мы тогда договорились обсудить новые возможности сотрудничества в рамках реализации той идеи, которую мы называем строительством «общеевропейского дома». Мы надеемся вместе с Президентом, что наши народы будут активно участвовать и в разработке архитектуры, и в составлении проекта, и в строительстве этого дома, а потом станут — наряду с другими — жителями этого дома. <...>

Вопрос. *Есть ли удовлетворение началом переговоров?*

Ответ. Есть удовлетворение, полное удовлетворение!

*Визит М.С. Горбачева во Францию
4–5 июля 1989 года. М., 1989. С. 8, 9.*

*Из речи Горбачева на обеде в Елисейском дворце
Париж, 4 июля 1989 года*

Духовное общение наших стран и постоянное пересечение культурных потоков стали фактором общеевропейского развития. <...> Мы здесь среди вас также и потому, что в прошлом году в Москве мы с Президентом догово-

рились придать советско-французским встречам на высшем уровне регулярный характер, по возможности встречаться ежегодно. Наши беседы с господином Президентом Миттераном осенью и сегодня выявили немало общего в представлениях о главных вызовах современной эпохи — о тех «бастилиях», которые человечеству еще предстоит взять.

Согласны, что СССР и Франция способны вместе внести незаурядный материальный и интеллектуальный вклад в решение европейских и мировых проблем. Исходим из того, что их взаимодействие особенно важно в нынешний переломный момент, когда в Европе повсюду ощущается потребность в смелых идеях и совместных усилиях.

Там же. С. 15–18.

С Франсуа Миттераном на поляне Елисейского дворца во время визита во Францию

Из выступления Горбачева на пресс-конференции Париж, 5 июля 1989 года

Нынешняя советско-французская встреча укрепляет устойчивость хельсинкского процесса. Я думаю, мы с Президентом не будем выглядеть нескромными, если допустим такую оценку. Она укрепляет те позиции, на которые этот процесс вышел в результате Венской встречи. Подтвердилась неизменность в нем роли советско-французского взаимодействия: тут и сила традиции, и тот факт, что Франция и СССР были инициаторами некоторых совместных идей для Европы, и, конечно, развитость и большой опыт диалога на высшем уровне. <...>

Если говорить о двусторонних отношениях, а это, естественно, центральная проблема переговоров в дни визита, то здесь, надо сказать, были проработаны многие вопросы, как и накануне визита, так и в его ходе, с участием и министров иностранных дел, и представителей правительств по экономическим вопросам и, что не менее важно, состоялся обмен мнениями между нашими военными ведомствами. <...>

В эти дни мы почувствовали, что уровень и характер диалога на высшем уровне отражают настроения, желания наших двух народов. А это настрое-

ния — на сближение, на более дружеские отношения. Они есть и у французского народа, и мы это почувствовали непосредственно, хотя у нас было мало возможностей для личных контактов и встреч, но все же они были. И это нам дало возможность передать — и это французы могут констатировать — соответственное отношение к Франции также и со стороны советских людей.

Там же. С. 25–26.

*На пресс-конференции Горбачева и Миттерана
Киев, 6 декабря 1989 года**

Горбачев. <...> Мы (с Миттераном) были едины в том, что все происходящее сейчас в Европе имеет судьбоносное значение и для народов, живущих на этом континенте, и для всей мировой политики. Может быть, здесь мы вправе сейчас, на этом этапе развития и перемен, происходящих в европейских странах, сказать о необходимости пионерной, поисковой деятельности, которая должна широко открыть двери в новый этап развития не только Европы, но и мира. Этап, который мы хотим видеть длительным и мирным. <...>

Вопрос (корреспондент АПН). *Считаете ли Вы, что после Киева Хельсинки стали к нам ближе? Можно ли уже сейчас полагать, что мы уже можем говорить о материализации идеи, о созыве Хельсинки-2 в следующем, 1990 году? Каким образом созыв такого совещания вписывается в рамки общеевропейского процесса и, в частности, согласуется с ходом переговоров в Вене?*

Горбачев. <...> Приблизились ли Хельсинки-2 после Киева? Да, если речь идет о позиции Советского Союза и Франции. Мы с господином Президентом считаем, — и мы отметили это на нашей встрече, — что мы подошли к необходимости широкой встречи в рамках хельсинкского процесса, который можно назвать Хельсинки-2. Мы пришли к пониманию необходимости такой встречи в силу быстро протекающих процессов на Европейском континенте. Эти процессы и глубокие перемены поставили много проблем, в том числе вопросы о том, как нам распорядиться теми институтами и структурами, которые сформировались ранее, на первом этапе хельсинкского процесса и которые сейчас действуют; на какие новые структуры и формы сотрудничества мы должны выходить в будущем, в рамках строительства «общеевропейского дома». Это все крупные позиции.

Более того, мы могли бы частью, конкретной частью встречи на Хельсинки-2, сделать подписание венского Договора о сокращении вооруженных сил, соглашений о мерах доверия, которые будут подготовлены в Вене. А возможность подписания этого договора мы констатировали на Мальте с Президентом Бушем. И мы это подчеркивали сегодня, подчеркивали совпадение точек зрения на этот счет и с Президентом Миттераном.

Итак, поскольку речь идет о таких государствах, как Советский Союз и Франция, то после выявления на этой встрече не только нашей общей и совпадающей позиции, но и стремления действовать в этом направлении, мы

* Миттеран прибыл в Киев по приглашению Горбачева.

можем говорить, что Хельсинки-2 стали ближе. Другое дело — на сколько метров, километров; на месяц, на два, на полгода. Это уже вопрос другой.

«Правда», 8 декабря 1989 года.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Москва, 25 мая 1990 года*

Миттеран. <...> Мы выступаем за развитие всех новых форм экономического сотрудничества между СССР и остальной частью Европы. В первую очередь я имею в виду ЕЭС. Речь идет о сотрудничестве СССР со специализированными учреждениями, например ЕвБРР²⁹, с такими международными организациями, как ГАТТ³⁰. Мы выступили с инициативой предоставления СССР статуса наблюдателя в этой организации, с тем чтобы он мог принять участие в ее работе.

Настало время подумать о более четких формах сотрудничества между СССР и ЕЭС. Можно также поразмышлять о новых формах сотрудничества между СССР и «семеркой» наиболее развитых стран Запада. Я имею в виду встречи «семерки» на высшем уровне. Они проходят ежегодно, по очереди в столицах этих стран. В прошлом году такая встреча состоялась в Париже, в этом году — в начале июля она пройдет в Хьюстоне.

Горбачев. Я припоминаю, господин Президент, что в прошлом году мы с Вами не потеряли время даром в Париже.

Миттеран. На этот раз, пожалуй, впервые конкретно встанет вопрос об отношениях СССР и «семерки». Речь идет о возможных прямых контактах между «семеркой» и СССР... Мы считаем, что в вашей стране происходят исторические события. Мы заинтересованы в успехе того, что вы предприняли. с чисто практической точки зрения, мы, французы, нуждаемся в дружбе Советского Союза, она в наших интересах. Можно, в сущности, быть уверенным в успехе дела, если существует совпадение интересов и исторических чувств.

Горбачев. А если такого совпадения интересов нет, надо все-таки постараться их сблизить. Эту «легкую работу» мы, господин Президент, можем передать нашим министрам Шеварднадзе и Дюма.

Дюма. Тогда нам предстоит немало потрудиться.

Большая часть беседы была посвящена проблемам объединения Германии.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Франции Роланом Дюма
Москва, 25 августа 1990 года*

Горбачев. <...> Внутреннее положение в нашей стране сейчас таково, что даже приходится откладывать в сторону многие внешнеполитические проблемы. <...> Но с Францией у нас сложились особый уровень диалога, высокая степень взаимопонимания. <...>

Уровень нашего взаимопонимания и сотрудничества с господином Президентом просто уникален как в политическом, так и в человеческом плане. Уникальны и отношения между нашими двумя странами. Пришло время «задействовать» этот капитал, учитывая, что в ближайшие годы развитие событий может принять тот или иной драматичный характер. <...>

Видимо, пришло время принять какую-то декларацию, заключить договор, соглашение, которые зафиксировали бы это новое качество наших отношений. <...>

Убежден, что настало время, когда мы должны показать всему миру нашу способность поставить на место любого — при условии, что мы будем объединять наши усилия, действовать согласованно и твердо. Это тот самый случай, когда надо действовать вместе. <...>

Дюма. <...> Президент Франции, как и я, очень рады обогащению нашего диалога. Но и раньше говорилось о его привилегированном характере. Однако это было связано, скорее, с историческими обстоятельствами, нежели с реальностями нынешнего дня. Поэтому можно сказать, что наш диалог, хотя и был привилегированным по характеру, все же оставался бедным по содержанию.

Горбачев. Пожалуй, это так. <...>

Дюма. <...> Говоря о пользе советско-французского взаимодействия, отмечу, что СССР и Франция вовремя обратили внимание на две проблемы, не ожидая истечения пятилетнего периода. Я имею в виду вопрос о границах, а также об изменении военно-политического статуса, унаследованного от Второй мировой войны. Думаю, что здесь мы с вами хорошо поработали. Хотелось бы, чтобы мы с моим другом Эдуардом сумели завершить в Москве этот процесс. Можно сказать, что никакие другие страны не знают лучше эту проблематику, чем мы, и никто больше, чем мы, не заинтересован в решении этих вопросов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Париж, 28 октября 1990 года, Париж**

Горбачев. <...> Считаю чрезвычайно важным, что у нас с вами постоянно поддерживается диалог в духе максимальной открытости, что, надеюсь, идет на пользу обеим странам. Более того, думаю, что этот фактор является позитивным вкладом и в мировую политику. <...>

Миттеран. <...> В практическом плане перед нами стоит задача обеспечить успех Общеευропейского совещания в верхах в Париже, которое станет одним из важнейших форумов 1990 года. <...>

Нам следовало бы подходить к этой встрече в верхах, как к началу формирования постоянных структур, где «встречались» бы все европейские стра-

* Встреча состоялась в преддверии Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Париже.

ны, а также США и Канада. Если мы сумеем крупно поставить политические, а также — в силу проблематики вооружений — военные аспекты на этой встрече, мы сделаем более чем существенный шаг вперед. И это тоже может удалиться. <...>

Нет смысла слишком много философствовать на этот счет. Надо просто воспользоваться этой возможностью для создания постоянных структур, принадлежащих двум нашим и другим европейским странам. В рамках этих структур они могли бы вместе работать, согласовывать свои действия, оказывать друг другу помощь, способствовать гармонизации политических линий разных стран. Настало время заняться конкретными делами, общими для всех. А это означает начало создания «общевропейского дома». Раз у нас в Европе есть общие проблемы, то давайте их решать вместе. Пока еще таких институтов не существует. Давайте создадим их там, где они нужны. Этим задачам будет отвечать общевропейская встреча. Она, однако, не будет означать начало строительства «общевропейского дома» или конфедерации, так как там будут присутствовать американские страны. Но в любом случае проведение этого «саммита» будет очень полезным, укрепит у людей привычку работать вместе в правильном направлении.

Лично я многого жду от парижской встречи в верхах. Поэтому рассчитываю на то, что наши дипломаты максимально используют остающиеся дни для эффективной ее подготовки. Перед ними стоит непростая задача подойти с общих позиций к целому ряду вопросов.

Далее. Я высказал пожелание заключить соглашение о сотрудничестве между Европейскими сообществами и Советским Союзом. И натолкнулся на сопротивление со стороны своих партнеров. Но сегодня утром мне удалось убедить своих коллег дать согласие на движение в этом направлении. Правда, ряд разногласий еще остается. <...>

Горбачев. <...> Особенно подчеркну Вашу мысль о том, что надо использовать все шансы в связи с проведением общевропейской встречи в верхах в Париже. Мы должны подойти к этому вопросу так, чтобы выстроить правильные ориентиры на будущее европейской политики, но также — и мировой. Исходя из этого, мы должны определиться и в отношении системы институтов, которая будет «обслуживать» достижение поставленных целей, станет механизмом их реализации.

Видимо, итоговый документ должен вобрать в себя все то, что может считаться позитивным в предшествующем опыте. Вместе с тем он должен отразить те коренные изменения, которые уже происходят сейчас, а также наметить ориентиры на перспективу.*

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

* В ходе этих переговоров были подписаны: Договор о соглашении и сотрудничестве между СССР и Французской Республикой; Соглашение о научном сотрудничестве; Протокол согласия о сотрудничестве предприятий двух стран; Правительственное соглашение в области трудовых отношений, занятости и профессиональной подготовки; Программа экономического, промышленного, научного и технического сотрудничества между СССР и Францией на период 1991–1995 годов.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Лондон, 17 июля 1991 года
(в перерыве заседания «большой семерки»)*

Миттеран. Рад встретиться с Вами, господин Президент. Ваш приезд в Лондон — очень важное событие для участников встречи «большой семерки».

Горбачев. Вы, я думаю, все решили, и мне остается только вас выслушать. (Смеется.)

Миттеран. Во-первых, мы не все решили и, во-вторых, хотели бы выслушать Вас.

Далее беседа продолжилась в расширенном составе.

Горбачев. <...> Как Вы оцениваете проведенную «семеркой» работу?

Миттеран. Во-первых, мы занимались непосредственной проблематикой такого рода форумов, то есть экономическими аспектами нашего взаимодействия между основными индустриальными странами Запада. Во-вторых, мы готовились к встрече с Вами.

Горбачев. Эта встреча во многом стала возможна благодаря Вам, господин Президент. Ведь самая ясная позиция в этом вопросе была именно у Франции. Надеюсь, что Вы об этом не жалеете. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за это.

Миттеран. Позиция Франции на этот счет ясная, прежде всего, потому, что она простая.

Горбачев. В процессе общения с моими коллегами я научился различать нюансы в их позициях, а не только разницу в их принципиальных подходах. <...>

Миттеран. <...> Все участники «семерки» получили от Вас послание. Как Вы видите Ваши предстоящие беседы с ними? В таких рамках, как нынешняя встреча в Лондоне, экономика и политика неразрывно переплетаются. Надо сказать, что любой экономический вопрос имеет политический аспект и наоборот.

Горбачев. Это именно так. Сейчас настало время переводить наше взаимодействие более решительно из политической в экономическую область. <...>

Пока мы не являемся органической частью мировой экономики. Но мы встали на этот путь, и будем делать все, чтобы идти вперед. Последствия нашей интеграции в мировую экономику будут необычайно позитивными для всех. Это — очень важный тезис.

Миттеран. В беседах со своими партнерами по «семерке» я отстаиваю необходимость поиска «золотой середины». С одной стороны, надо оказать Советскому Союзу всякую возможную помощь и содействие, способствовать его выходу из состояния автаркии, его присоединению к действующим во всем мире правилам и, с другой — сохранить своеобразие каждой страны, в том числе и вашей.

Горбачев. Полностью согласен с Вами. <...> Сколько государств — столько и вариантов. Поэтому мы не намерены быть чьей-то абсолютной копией,

подражать чьим-то принципам и стремиться соответствовать чьей-то модели. Такой подход был бы несерьезным. Кстати, в этом — камень преткновения для развития нашего сотрудничества с Западом. В этом духе я веду и буду вести разговор со своими западными коллегами, которых я уже хорошо знаю. <...>

Миттеран. Существует бесконечное количество степеней различия и нюансов между унаследованной вами советской системой, которая является излишне централизованной и жесткой, и американской системой.

Горбачев. С этим нельзя не согласиться...

Миттеран. <...> Откровенно говоря, у нас нет полного единства. Некоторые проявляют излишнюю осторожность, ссылаясь на то, что Советский Союз, мол, недостаточно далеко продвинулся в своих реформах. Одни считают, что не следует спешить. Другие — и в их числе Франция — подчеркивают, что Президент Горбачев и его друзья и коллеги за шесть лет сделали достаточно много, и нет оснований сомневаться в их решимости идти дальше. Вот еще одно подтверждение неразрывной связи политики и экономики.

Кое-кто задается вопросом, стоит ли помогать Советскому Союзу пока он продолжает усилия по своему вооружению и даже сверхвооружению, пока у него сохраняются агрессивные намерения?

США, например, думают каждый раз о Кубе.

Существует также «балтийская проблема», которая остается в «подсознании» некоторых стран³¹.

Надо сказать, что обо всех этих соображениях открыто и ясно не заявляется. По крайней мере, Вам.

Горбачев. Что касается меня, то мне в этом вопросе все достаточно ясно.

Миттеран. Мне тоже. Для меня Советский Союз — великая страна. Причем, не только начиная со Второй мировой войны. Эта страна — великая, благодаря сотням лет своей истории. Населяющие ее народы хорошо подготовлены к современной жизни, несмотря на то отставание, которое накопилось за последние десятилетия. И это — гордые народы. Вновь возвращаясь к взаимопроникновению политики и экономики, отмечу важность такого развития, при котором политические решения вытекают бы из экономической необходимости. Тогда у советского руководства не будет складываться впечатления, что оно действует под чьим-то давлением.

Горбачев. Я намерен рассматривать затронутые сегодня нами вопросы именно в духе этой концепции, исходя из той логики, о которой Вы сейчас сказали. <...>

Дюма. Сожалею, что вчера на заседании «семерки»³² не было одного участника — Михаила Сергеевича Горбачева.

Горбачев. Хотел бы посоветоваться с Вами, господин Президент, как нам закончить лондонскую встречу? Встретились политические руководители, но что дальше? Как сделать так, чтобы политический импульс смог реализоваться? Можно ли говорить о создании какого-то механизма взаимодействия, рабочих групп, которые бы занялись конкретными направлениями сотрудничества? Все это, так сказать, стучится в дверь. Ведь от лиде-

ров такого масштаба ждут именно этого. Например, в моей стране ждут не того, чтобы я вернулся с полученными от вас миллиардами, а ждут того, чтобы нашему сотрудничеству был придан точный политический импульс, за которым бы последовали результаты и создание соответствующих механизмов.

Миттеран. Именно об этом мы и будем говорить вместе со всеми участниками «семерки» сегодня во второй половине дня, а также завтра...

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Советско-британские отношения

В середине 80-х годов отношения между СССР и **Великобританией** складывались не лучшим образом. Однако установленный во время первого визита Горбачева в Лондон в 1984 году* личный контакт с Маргарет Тэтчер создал предпосылки для их кардинального улучшения. Именно тогда между собеседниками наметилось взаимное доверие, даже симпатия, которые сделали возможным дальнейший, хотя и трудный, но плодотворный диалог**.

Тэтчер проявила готовность первой нанести визит в Москву. Состоялся он в марте 1987 года. Беседы Горбачева и британского премьер-министра были насыщены спорами, иногда острыми, по проблемам различия социально-экономических систем, политики Советского государства в «третьем мире», особенно — по ядерному оружию. Тем не менее атмосфера, в которой велись переговоры, и позитивная реакция Тэтчер на перемены, происходившие в СССР, ее публичные оценки их международного значения существенно изменили отношения между нашими странами. Это сыграло определенную роль и в перемене отношения американской администрации к СССР.

Ответный визит Горбачева в Англию состоялся в апреле 1989 года. Визит прошел в доброжелательной атмосфере, хотя разногласия и оставались.

Существенное место в советско-британских контактах занял германский вопрос. Первоначальное отрицательное отношение Тэтчер к объединению Германии ослабело. В конце концов она согласилась действовать совместно с другими державами-победительницами для обеспечения внешних условий внутригерманского процесса.

Сменивший Тэтчер (в ноябре 1990 года) Джон Мейджор продолжил ее курс. Визит Мейджора в Москву в марте 1990 года, а также переговоры с сохранившим свой пост министра иностранных дел Хэрдом, участие Горбачева в работе «семерки» в Лондоне и официальные переговоры с британским руководством сразу после «семерки» закрепили добрые отношения между двумя странами. У Горбачева с Мейджором, первым из западных лидеров прилетевшим в Москву сразу после августовского путча (1991 года), возникла взаимная симпатия, доверие друг к другу.

Из выступления Горбачева перед членами парламента Великобритании Лондон, 18 декабря 1984 года

Советские люди помнят об узах, связавших наши народы в самой кровопролитной из войн. Помнят и то, как более 40 лет тому назад британский премьер-министр передал жителям Сталинграда почетный меч, символ тес-

* Горбачев, будучи членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, возглавлял тогда парламентскую делегацию в Великобританию.

** На встрече Горбачева с Маргарет Тэтчер 16 декабря 1984 года в Чекерсе, загородной резиденции премьера, обсуждался широкий круг международных вопросов, в их числе были изложены взаимные претензии. Горбачев ознакомил Тэтчер со своим видением современного мира и мыслями о путях решения его острых проблем, особенно — в контексте гонки вооружений. Затрагивались и торгово-экономические отношения двух стран. Открытость и откровенность Горбачева произвели на Маргарет Тэтчер большое впечатление. После его визита она публично заявила: «С этим человеком можно иметь дело».

ного сотрудничества советского и английского народов в антигитлеровской коалиции.

Иными словами, все доброе, полезное и конструктивное, что приобрели и накопили наши страны и народы в своих отношениях, в разные исторические периоды, следует, по нашему мнению, хранить бережно и нести в будущее. <...>

Эти вопросы были в центре наших бесед с премьер-министром госпожой Тэтчер, министром иностранных дел господином Хау, другими членами кабинета. Состоявшийся обмен мнениями был деловым, откровенным и, на наш взгляд, полезным. <...>

Верно, конечно, что у Советского Союза и Великобритании нередко разные позиции по крупным международным проблемам. Ни мы, ни вы не затушевываем этого факта. Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, в нынешних условиях всем странам и народам, как никогда, необходим конструктивный диалог, поиск решений узловых международных проблем, нахождение областей согласия, которые могут привести к улучшению доверия между странами, к созданию такой атмосферы в международных отношениях, которая была бы свободна от ядерной угрозы, неприязни и подозрительности, страха и вражды.

ГСС. Т. 2. С. 124, 125, 128.

*На пресс-конференции Горбачева в Елисейском дворце
Париж, 4 октября 1985 года*

Вопрос (телекомпания Би-би-си). *Господин Генеральный секретарь, я хочу коснуться отношений Советского Союза с госпожой Тэтчер. Почему, на Ваш взгляд, британский премьер-министр должна занимать иную позицию по вопросу о своих ядерных средствах средней дальности, чем Франция? Во-вторых, смирились ли Вы с решением правительства госпожи Тэтчер о высылке советских дипломатов?*

Ответ. Отвечаю на первый вопрос. Думаю, что до сих пор позиция Англии относительно ракет средней дальности формировалась в одних условиях. Сегодня я приглашаю Президента Франции — это я уже сделал — и госпожу Тэтчер к новому подходу в связи с теми радикальными предложениями, которые внесены Советским Союзом. <...>

Отвечаю на Ваш второй вопрос. Каждое посольство в стране, где оно присутствует, имеет поручение от своего правительства изучать процессы, представлять информацию о происходящих там процессах, с тем чтобы не было ничего непредсказуемого в отношениях — и взаимных, и международных проблемах. Такая информация — это, по-моему, естественный процесс. Он охватывает все страны. Если кому-то хочется испортить отношения, помешать их налаживанию, как только появляются признаки какого-то международного диалога, потепления, то сразу находятся силы, которые имеют свой социальный заказ. Они всегда готовы. Это «силы быстрого реагирования», для того чтобы испортить международную обстановку. Вот кто

втянул госпожу Тэтчер в эти дела, когда сразу предпринимается такое массовое объявление шпионами всех представителей Советского Союза, я не знаю.

Мы исходим из того, что Советский Союз заинтересован в отношениях с Англией не больше, чем Англия заинтересована в отношениях с Советским Союзом. Я повторяю, мы — за развитие отношений и политического диалога, и экономических отношений с Англией — тоже нашим давним партнером. Мне кажется, вопрос уже исчерпан.

ГСС. Т. 3. С. 41–42.

*Из беседы с Маргарет Тэтчер
Москва, 30 марта 1987 года*

Горбачев. <...> Прежде всего, приветствую Ваш визит в Советский Союз. Думаю, существует много причин, чтобы считать его важным и нужным. Во-первых, визита такого уровня в Москву не было в течение последних 12 лет. <...>

Во-вторых, и это наиболее существенно, Ваш визит проходит в исключительно важный период развития международных отношений, можно сказать, в переломное время. <...>

Буду откровенен, когда мы ознакомились с Вашей речью от 21 марта в городе Торки, — а это было за неделю до начала визита, — то у нас в советском руководстве возникло такое ощущение, будто повеяло духом 40–50-х годов, фултонской речью Черчилля, доктриной Трумэна. Мы приветствовали намерения премьер-министра приехать в Москву, были готовы обсудить в дружественном и откровенном плане, в духе взаимопонимания основные международные и двусторонние проблемы. Но что мы увидели? Опять коммунизм и Советский Союз представлены в образе «нечистой силы», опять те же разговоры о необходимости наращивания позиции силы со стороны Запада. Нас это очень удивило. Не скрою, возникла даже мысль, а не отменит ли премьер-министр своего визита. <...>

Тэтчер. В той речи, о которой Вы говорили, я не приписывала вам никаких злых намерений. <...> Но вы имеете превосходство практически во всем, кроме, может быть, компьютеров и некоторых видов научных исследований. Советский Союз придерживается доктрины мирового господства коммунизма, «доктрины Брежнева». <...>

Об этом я не говорила в той речи, но такая политика, естественно, вызывает опасения на Западе. Конечно, мы должны вести идеологические битвы, это естественно. Но это нужно делать соответствующим образом. А мы видим стремление коммунизма доминировать повсюду. Возьмите Йемен, Эфиопию, Мозамбик, Анголу, Никарагуа, кубинские войска в некоторых странах Африки. А Вьетнам? Едва только он освободился от американских войск, как тут же напал на Камбоджу, вместо того чтобы заняться своими внутренними делами. А Афганистан? Поэтому мы и говорим, что внешняя политика коммунизма направлена на мировое господство.

В последнее время внутри Советского Союза происходят впечатляющие процессы. Интересно, повлияет ли внутреннее развитие на внешнюю политику? Если нет, то нам нужно будет принять это во внимание. <...>*

Я самым внимательным образом прочитала Вашу речь на январском Пленуме вашей партии. Это потрясающая речь, потому что она касается монументальных проблем. Мне потребовалось восемь лет, чтобы, разумеется, на другой основе повернуть свою страну к переменам.

Поэтому мне хотелось бы понять Ваш подход к управлению переменами в стране, к изменению темпов ее развития. Я очень надеюсь, что если вам удастся добиться тех свершений, о которых Вы говорили в своей речи, это изменит и ваш подход к тезису о мировом господстве коммунизма. Но я говорю об этом кратко, чтобы не отнимать много времени от других вопросов.

Горбачев. Что же, мы действительно в темпе ускорения дошли в нашей беседе до вопроса о коммунизме. Но об этом я скажу потом. Сейчас отмечу, что я рад, госпожа Тэтчер, что Вы так откровенно изложили свое политическое кредо. То, что Вы сказали, поясняет Вашу позицию и еще раз убеждает меня в правильности нашей оценки речи в Торки. Много в ней идет от 40–50-х годов, как и Вашем образе мыслей вообще. Неужели прошедшие 40 лет ничему консерваторов не научили? Для решения новых проблем, которые ставит жизнь сегодня, нужно отвыкать от привычки искать ответы в прошлом. Конечно, прошедшее нужно помнить, в нем накоплен важный опыт, это — школа. Было бы ошибкой не знать прошлого. Но для решения новых задач, я убежден, нужно новое мышление.

Вы спрашиваете, отказываются ли советское руководство, КПСС от доктрины насаждения социалистической революции во всем мире. Но никогда, ни в какие времена такой доктрины у нас не было. <...>

Мы реалисты. Мы хотим жить в мире с Западом, развивать с ним конструктивный диалог и сотрудничество, не помышляем разрушать мировые хозяйственные связи. Но и Запад должен проявлять реализм, признать реальность факта существования и социализма, и развивающегося мира. <...> Надо освободиться от идеологических пут, жить в реальном мире. Только так можно добиться оздоровления отношений и между Западом и Востоком, и между Севером и Югом. Давайте об этом думать, а не обличать друг друга попусту. Иначе мы не найдем адекватного ответа на реальные процессы в мире. <...>

Мы не осуждаем вас за ваши теоретические концепции. Мы просто с ними не согласны. Но нельзя политику строить на стремлении заставить другие государства или правительства изменить свои идеологические взгляды.

На чем мы основываемся в нашей политике? Прежде всего — на признании реальностей. Это главное и во внутренних делах, и в строительстве международных отношений. <...>

Наша дискуссия вполне естественна. Мы знаем и учитываем в политике, что наши внутренние и внешнеполитические шаги привлекают пристальное внимание на Западе, в том числе и на вашем уровне. Я рад, что у нас состо-

* Соответствующие сюжеты подробнее см. в разделах V, VI, VII этой книги.

ялся откровенный разговор по этому исходному пункту строительства международных отношений. Мы должны признать, что мы разные, но не стрелять же нам из-за этого. Все должны иметь право на равную безопасность, на свободу выбора, вести диалог уважительно в отношении народа другой страны. А если возникает полемика, то это даже хорошо, она не дает мысли застаиваться в болоте, высвечивает новые аргументы там, где, казалось бы, ясно все и без дискуссии, позволяет учиться друг у друга. <...>

Сейчас мы, как никогда, близки к тому, чтобы сделать первый шаг к реальному разоружению. Но как только появилась такая возможность, Запад и госпожа Тэтчер сразу же ударились в панику. Неужели смысл политики тори состоит в том, чтобы мешать разоружению, снижению конфронтации в мире? Поразительно, что Англия может чувствовать себя удобно в таком положении. <...>

Вы говорите: доверие. Но доверие не возникает на пустом месте. Для создания доверия нужны переговоры, нужны дискуссии. И тогда всем будет ясно, что СССР не хочет заставить Запад капитулировать, а хочет жить с ним в мире... Мы не собираемся воевать в Европе или с Европой. <...>

Обе наши стороны выступают за равную безопасность, за снижение уровня ядерного и военного противостояния. Конкретно я бы отметил близость взглядов по проблеме РСД, согласие продолжать обмен мнениями по химическому оружию. Мы рассмотрели региональные проблемы под углом зрения обеспечения их политического урегулирования. Мы отметили важность дальнейшего продвижения хельсинкского процесса в целях строительства «общеевропейского дома», всех его сторон, включая политическую, экономическую, научную, культурную, парламентскую, торговую, гуманитарную. Все это будет формировать доверие и создавать базу для улучшения отношений между странами Европы, всего мира, наших двусторонних отношений. <...>

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на обеде в Кремле в честь Маргарет Тэтчер
30 марта 1987 года*

Советский Союз дорожит экономическими и научно-техническими связями с Великобританией. Наши ведомства хорошо подготовились к переговорам на эту тему. В этом Вы убедитесь завтра. Но дело не пойдет, если британская сторона по-прежнему не захочет убрать с дороги препятствия, которые либо выключают из обмена самое интересное для нас, либо препятствуют доступу советских товаров на ваш рынок, либо делают предложения ваших фирм неконкурентоспособными. Словом, тут тоже нужны взаимность и понимание интересов друг друга. <...>

Давайте же к проблемам современности подходить так, чтобы люди XXI века могли по достоинству оценить политическое мышление, проявленное руководством СССР и Великобритании в наше сложное, переломное время.

ГСС. Т. 6. С. 217.

*На совещании с Шеварднадзе, Добрыниным,
Яковлевым, Медведевым, Черняевым
1 апреля 1987 года*

Горбачев. <...> Моя логика в разговоре с Тэтчер: только-только начался процесс обдумывания, что делать с ядерной гонкой. И в этой обстановке Вы выступаете в защиту ядерного оружия. Весь мир протестует. А Вы бросаете свой авторитет, чтобы защитить это страшное оружие. Мы идем на разоружение, полтора года держали мораторий на испытания. А чем Вы нам помогли? <...>

Ковалев³³, который сопровождал Тэтчер в Грузию, рассказывает, что для нее эта поездка стала большим испытанием. Она увидела людей и признала, что встреча с ними опрокинула многие ее прогнозы: от маски железной леди ничего не осталось. Симпатии к Тэтчер еще больше возросли после ее выступления по московскому телевидению. Она выиграла сражение перед экраном.

Особую симпатию к ней выражали женщины. В своих тостах и других заявлениях она не упирала на расхождения, наоборот, подчеркивала необходимость диалога и не хотела вступать в идеологические споры. Очень высоко оценила прямоту моего разговора с ней, проявленное к ней уважение и даже благожелательность. Она собирается об этом сказать в своем выступлении в парламенте.

ПБ. С. 157, 158.

*На Политбюро
2 апреля 1987 года
Об итогах визита Тэтчер*

Горбачев. Готовилась она к визиту основательно. И аргументами сыпала сильными. Мы, мол, колониям дали свободу, вывели войска, обеспечили им помощь. Держалась, как у себя в парламенте. Ни в каком театре такого не услышишь. И ни в какие бумажки не заглядывала. Только когда о ракетах зашла речь, справилась с подсчетами. <...>

И интерес у нее к тому, что происходит в СССР, неподдельный, очень большой. Это искренний интерес. Она с этим связывает вопросы своей собственной внешней политики. Для нее было важно проверить, как советское руководство строит свою внутреннюю политику, и сделать выводы относительно влияния этой политики на внешнюю. Соприкоснулась с нашим народом. И это произвело на нее впечатление. <...>

Ярая антикоммунистка, но в конце концов она согласилась: живите как хотите. Это она еще в Чекерсе мне сказала. Я ей напомнил об этой фразе. Однако она стала обличать коммунизм. Тем не менее признает выбор Советского Союза, но не исключает критики его. <...>

Наверное, неожиданно для себя дала слишком много позитивных оценок в наш адрес. Что-то в ней произошло. Впечатлений она получила много. И сейчас, в таком состоянии, она, наверное, и начала думать. <...>

Главный для нас вывод: Тэтчер, ставит на первое место доверие в международных отношениях. Она мне очень горячо доказывала, что СССР подорвал к себе доверие: «Мы вам не верим, — всё время твердила мне. — Вы очень легко принимаете решения — то по Венгрии, то по Чехословакии, то по Афганистану. Мы не могли подумать даже, что вы войдете в Чехословакию в 1968 году. А вы вошли. Вы ввели войска в Афганистан. Мы вас боимся. Вас предупреждали, чем обернется для Европы, для ее доверия к вам установка вами СС-20. А вы поставили ракеты».

Я ей сказал в конце, что мы не хотим подрывать связи Север-Юг или Запад-Восток. Но мы против того, чтобы грабить «третий мир». Давайте искать выход. Тэтчер не захотела разбираться в корнях этих противоречий. <...>

Она мне все время подсовывала «доктрину Брежнева». Но где-то, говорят в Грузии, кажется, заявила, что Горбачев отходит от «социалистической экспансии». Напомнила о Прибалтике, которую мы «оккупировали». Я ей напомнил, что Прибалтика еще при Петре I оказалась в составе России. <...>

Тот факт, что мы обе речи Тэтчер опубликовали, обезоружил ее. Она убедилась, что гласность работает. <...>

Диалог мы с ней вели на уровне представителей великих держав. Это и правильно, и оказало на нее воздействие. <...>

Общий итог: особых приобретений вроде и нет от ее визита, но потерь тоже нет.

Рыжков. Важно, что она все увидела собственными глазами...

Громыко. В сообщении о заседании Политбюро надо исключить положительное в позиции Тэтчер. Тверже сказать о нашей позиции и готовности СССР к развитию двусторонних политических, торговых и культурных связей.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Маргарет Тэтчер Лондон, 6 апреля 1989 года**

Тэтчер. <...> Мы очень внимательно следим за Вашей деятельностью, восхищаемся ею.

Вчера мы уже имели возможность провести краткую беседу, можно сказать, начали переговоры. Давайте их продолжим. Времени у нас не так много, а обсудить хочется большое количество вопросов. <...> Но прежде всего, мне очень хотелось бы услышать от Вас, как идут дела у вас дома, как развивается перестройка. Эта тема меня глубоко волнует.

Горбачев. Принимаю Вашу схему. И сразу же хочу поделиться с Вами одним наблюдением. Как мы видим из Москвы, на Западе сейчас происходит своего рода переоценка того, как следует относиться к нашей перестройке. Дома у нас разворачивается гигантская работа, происходит настоящий прорыв — политика перемен становится политикой всего нашего общества. А как мне докладывают, во внешнем мире оценки претерпевают определен-

* 5-7 апреля 1989 года состоялся официальный ответный визит Горбачева в Великобританию.

ные изменения. Интерес к тому, что происходит у нас, остается неизменным. Но выкристаллизовывается любопытное направление в политике или в кругах, близких к определению политики, — ставить под сомнение наши преобразования, затушевывать положительную информацию. Как я знаю, к некоторым корреспондентам в Лондоне пошла рекомендация: хватит хвалить перестройку, хватит рисовать в положительном свете Горбачева. Мы задумываемся, в чем тут дело, почему появился негатив в отношении наших преобразований. <...>

Да и у Вас, госпожа Тэтчер, как мы видим, в последнее время появилось больше сдержанности. Нам известно, что Вам советуют, в частности банковские круги, не спешить, проявлять осторожность. Вот она и проявляется и в Ваших заявлениях, и в Вашей практической политике.

Тэтчер. Если кто-то и делал такую рекомендацию, то до меня она не дошла. Как же она дошла до вас?

Горбачев. Вот так получается. Какой интересный мир, правда? <...>

Тэтчер. Я постараюсь ответить развернуто. Вы говорите такие вещи, которые я никак не ожидала именно от Вас. Не может быть ни малейшей тени сомнения в том, что мы приветствуем перестройку, что мы желаем ей успехов. Это единая позиция всех нас на Западе. Да как же может быть иначе, если Ваша политика ведет к расширению прав и свобод человека, к улучшению уровня жизни людей, к утверждению таких ценностей, как свобода слова, собраний, к свободному движению идей и других форм сотрудничества через национальные границы. Поэтому мы твердо говорим, что поддерживаем ваши преобразования, готовы оказывать им содействие, разумеется, при сохранении нашей западной шкалы ценностей, наших союзов, при постоянной бдительности и заботе о безопасности. <...>

Самое важное, как я считаю, состоит в том, что вы взялись за небывало сложную задачу, которую еще не решала ни одна страна — осуществить реформы и заставить общество вести экономику по-новому в условиях существования крупной и развитой промышленности и сельского хозяйства и у вас и во всем мире. Вы хотите за 4–10 лет сделать то, на что Англии и другим странам понадобились многие десятилетия, — приблизить государственную власть к народу и научить народ правильно хозяйствовать. <...>

Нас радуют политические перемены в Советском Союзе. Ваши недавние выборы были настоящим водоразделом. Они показали, что народ больше не боится пользоваться политической властью. Но кроме этого нужны еще финансы, нужна сильная экономика, обученные и способные менеджеры. Я знаю, что талантов у вас хватает, но пока все это еще не так определенно, как в политической области. <...>

В более широком международном контексте я вижу первые полезные плоды нашей совместной работы и новых подходов. Достигнуто Соглашение о независимости Намибии. В ООН, в Совете Безопасности мы работаем вместе в духе такого сотрудничества, о котором недавно и подумать было нельзя. <...>

Горбачев. Мы привнесли в нашу политику крупнейшие новые элементы, аналогичные нашим внутренним преобразованиям, и напрасно на Западе недооценивают важность этого.

Слушая Вас, госпожа Тэтчер, я еще раз убедился в том, что Запад еще не выработал цельной концепции, адекватной нынешнему этапу международных отношений. Этапу, когда происходит сокращение ядерных и обычных вооружений, когда изменяется политическая ситуация, когда силовые методы дискредитировали себя, когда нужны новые подходы, когда нужно отказаться от военных решений и военного мышления.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из выступления Горбачева в Ланкастер-хаузе
перед представителями деловых кругов Великобритании
6 апреля 1989 года*

У нас нарастает политический диалог с правительством Великобритании. Мы это приветствуем и делаем со своей стороны все необходимое для того, чтобы он и дальше набирал силу. Мы приветствуем уровень и содержательность политического диалога. <...>

Сегодня мы несколько часов беседовали с госпожой Тэтчер. И на этот раз мы говорили о весьма существенных вопросах мировой политики. Хочу сказать, что атмосфера была хорошей, и переговоры были конструктивными. Это не значит, что мы с госпожой Тэтчер были во всем согласны, но знание точек зрения друг друга дает возможность каждому обдумывать тот или иной вопрос таким образом, чтобы искать сближения, подходов, согласия и конструктивного взаимодействия.

Мы очень много внимания уделили вопросам разоружения, европейским вопросам, региональным конфликтам. <...> В общем, мы удовлетворены тем, как развивается политический диалог в последние годы. Но всегда — я в этом убежден — перспективы и результативность политического диалога более надежны, более предсказуемы, если есть хорошие отношения в сфере экономики, в научно-технических, деловых связях.

ИРС. Т. 7. С. 444–445.

*Из речи Горбачева на обеде, данном Тэтчер в его честь
Лондон, 6 апреля 1989 года*

Переговоры и другие события этого дня, очевидно, станут предметом серьезного анализа в руководстве обеих стран и, конечно, в политических, общественных кругах, в международной прессе. Они того заслуживают. Я в этом убежден. И уже сейчас могу сказать, что та первая завязь, которая образовалась в конце 1984 года, когда мы познакомились с госпожой Тэтчер в Чекерсе, оказалась очень жизнестойкой и перспективной. <...>

Тот факт, что мы с госпожой Тэтчер говорим друг другу именно то, что имеем в виду, создает устойчивую атмосферу доверия, укрепляет предсказуемость политики. А проблемы и расхождения приобретают отчетливые очертания. И уже по одному этому над ними легче дальше работать. Все

это чрезвычайно важно на таком переломном этапе, через который проходит мир.

Рост интереса наших стран друг к другу, серьезные попытки действительно разобраться во внутренних процессах, расширение контактов, размывание вздорных стереотипов, большая терпимость к различиям и особенностям — все это знамение времени, признаки гуманизации отношений между государствами. <...>

Переговоры и беседы с госпожой Тэтчер — это не только обсуждение и договоренности по каким-то конкретным, пусть и очень важным, вопросам. Это — в подлинном смысле диалог. В его орбите всегда — темы большого философского порядка, проблемы общеполитического значения. Мне кажется, сегодня мы можем говорить о большем взаимопонимании. <...>

Мы помним, что британское руководство одним из первых на Западе уловило приближение больших перемен в Советском Союзе. Мы ценим и сейчас интерес к нам, который трансформируется в развитие и обогащение британо-советских отношений.

Конечно, в подходах СССР и Великобритании к некоторым вопросам остаются различия — и подчас немалые. И в Москве, и в Лондоне это принимают в расчет. Но в обеих столицах вроде научились не драматизировать расхождения, а продолжать искать точки соприкосновения, оставаясь при своих убеждениях. И это — тоже признак нового качества взаимоотношений <...>

На всех направлениях нам предстоит много и упорно работать. В обоюдных интересах приложить усилия к тому, чтобы наши дела говорили о нас лучше, чем самые громкие слова.

*Визит Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного Совета СССР
М.С. Горбачева в Великобританию, 5–7 апреля 1989 г.
Документы и материалы.
М.: Политиздат, 1989. С. 26–35.*

*Из выступления Горбачева в Гилдхолле
Лондон, 7 апреля 1989 года*

Мы верим в реальную достижимость безопасного безъядерного мира. Разумеется, путь к нему — не только через все большую открытость и надежный контроль. Он и в укреплении доверия, которое зависит от многих аспектов современной международной жизни.

Значительный вклад в это могут внести советско-британские отношения. В них заключен неординарный политический и исторический потенциал, к которому добавляется все более важный сейчас момент: оба государства — постоянные члены Совета Безопасности ООН. При конструктивном соединении наши усилия не просто складываются, они умножаются как международный фактор. <...>

Мы видим совпадающие элементы в подходах СССР и Англии к урегулированию региональных конфликтов. И тут имеется кое-какой опыт,

а главное — готовность на уровне руководства двух стран спокойно и по-деловому искать и предлагать заинтересованным сторонам свои идеи и услуги.

Мы за то, чтобы использовать советско-британский диалог для интернационализации экономических проблем современного мира. Здесь не обойдешься ареопагом нескольких, пусть даже влиятельных фигур. Все имеют право участвовать в том, что касается каждого. <...>

Как мне кажется, мы наметили правильные ориентиры. Диапазон доверия расширился. Еще больше мы убедились в том, что можем действовать в духе взаимопонимания и продуктивно, отстаивая национальные интересы в рамках универсальных ценностей современной цивилизации. А то, что мы разные, — это стимул к обмену, к сотрудничеству, к диалогу между нашими государствами и народами. <...>

Там же. С. 44–45.

*На Политбюро
13 апреля 1989 года
Об итогах визита в Великобританию*

Горбачев. <...> Мне нравится независимость Тэтчер. с ней можно разговаривать о чем угодно. И она все понимает. Она надежный человек. Каждый раз мы с ней спорим очень остро по ядерному оружию. Ей приходится отбиваться. Она чувствует изъяды в своей позиции.

В Европе и в Америке считают, что она перестаралась в своем стремлении стать лидером Запада. И Буш, и Коль увидели эти ее амбиции и смотрят несколько иронически на неё. Разговаривать с ней всегда интересно. Она сама завязывает прямой живой разговор. И реалистически оценивает ситуацию, которую создала наша перестройка в мире. Не скрывает, что перестройка «им нужна». Так что здесь происходит поворот в умах. Боится, как бы процесс перестройки не сорвался. А это значит — сорвется линия на создание мирных реалистических отношений в Европе и мир. <...>

Опять хочет приехать к нам. Думаю, какие-то новые подвижки будут. Контакт с ней важен.

ПБ. С. 483.

*Из беседы с Маргарет Тэтчер
Москва, 23 сентября 1989 года**

Горбачев. <...> У нас есть много вопросов, которые нужно обсудить. Именно этим мы руководствовались, положительно отвечая на вашу инициативу о проведении этой рабочей встречи. Хотя, как Вы понимаете, время у нас сейчас в стране напряженное, горячее. Мы ценим диалог с Вами, на-

* Маргарет Тэтчер остановилась в Москве проездом в Японию и попросила о встрече с Горбачевым.

мерены продолжать его прямо, честно, неформально и углубленно. Мы не намерены прерывать наш диалог, хотя и отмечаем, что с вашей стороны были попытки его притормозить. Вы понимаете, что я имею в виду. Мы считаем, что в отношениях между нашими странами — столь разными по общественным системам — могут возникать разногласия и даже обострения. Но они отступают на задний план перед принципиальной важностью нашего диалога, который означает выход международных отношений на совершенно новый этап. Это особенно важно сейчас, когда в мире происходят столь кардинальные перемены.

Тэтчер. Благодарю Вас, господин Президент. Полностью с Вами согласна в оценке важности нашего диалога, наших отношений. Конечно, споров и разногласий не избежать, но они отступают на второй план. Сейчас в мире поистине исторически важный период, и мы едины в главном — в стремлении закрепить его.

Горбачев. Я и хотел сказать, что никакие перипетии наших отношений не должны нам мешать. Нынешнее поколение руководителей государств, особенно таких, как СССР и Англия, не должно, не имеет морального права не осмыслить реальности нынешнего переломного периода, не использовать шанс для совместного формирования мирного периода в истории цивилизации. Если будет иначе, то это будет самое большое политическое упущение в мире.

Хочу сказать не в порядке комплимента, хотя Вы его заслуживаете, что мы видим Ваше желание и решимость действовать именно таким образом, развивать диалог. <...>

Тэтчер. Вы правы, в мире действительно происходят огромные перемены. Меняется вся атмосфера. Исчезает напряженность, свободнее дышится, укрепляется доверие. Появляется больше возможностей для решения ряда крупных проблем.

Я высоко ценю то, что Вы смогли встретиться со мной в очень насыщенное время. <...>

Горбачев. <...> Мы ценим Ваш пристальный интерес к процессам, происходящим в нашей стране, Вашу осведомленность в вопросах перестройки. Ваши заявления говорят о понимании огромного международного значения преобразований в советском обществе. <...>

Тэтчер. <...> Хотела бы поднять вопросы положения в странах Восточной Европы. На меня произвело огромное впечатление мужество генерала Ярузельского в Польше и его патриотизм. Конечно, для вас будущее Польши и ее союз с вами имеют очень большое значение. Я обратила внимание, что Вы спокойно восприняли результаты выборов в Польше и вообще процессы в этой стране и в других восточноевропейских странах. Я понимаю Вашу позицию таким образом: Вы за то, чтобы каждая страна развивалась своим путем при условии, что сохранится Варшавский Договор. Я эту позицию прекрасно понимаю. <...>

Горбачев. Мы считаем, что социалистические страны должны сами решать свои внутренние дела, сами выбирать, каким путем и каким темпом идти в осуществлении своего социалистического выбора. Вмешиваться в эти

процессы мы не хотим и не будем, но, разумеется, нашим друзьям и союзникам помогали и будем помогать.

Я планирую побывать в ГДР 6–7 октября на праздновании 40-летия Республики.

Тэтчер. Предлагаю перейти к обсуждению вопросов контроля над вооружениями. <...>

Следует обстоятельный обмен мнениями по различным аспектам разоружения.

Горбачев. <...> Ну что, будем завершать? Нас уже ждут на рабочем завтраке.

Тэтчер. За дверью меня караулят журналисты. Я хочу сказать им, что мы в традиционном духе заинтересованности и открытости обменялись мнениями по процессам, происходящим в СССР и Восточной Европе, по вопросам европейской безопасности, разоружения и некоторым актуальным вопросам двусторонних экономических связей. Я намерена еще раз подтвердить свою поддержку перестройки в СССР. Мне доподлинно известно, что президент Буш, другие серьезные деятели США и Запада в целом придерживаются такой же позиции.

Горбачев. Согласен.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Великобритании
Дугласом Хэрдом
Москва, 10 апреля 1990 года*

Горбачев. <...> Наши отношения с Великобританией прогрессируют на всех направлениях. Это позволяет решать любые вопросы... Сейчас время такое, что без понимания, доверия, личных контактов никуда не деться, можно «наломать дров». До сих пор мы действовали взвешенно и ответственно, хотя иногда и приходится «объясняться» друг с другом. <...>

Хэрд. <...> Советский Союз и Великобритания могли бы объединить свои усилия по трем крупным направлениям: действия в рамках формулы «2+4», Венские переговоры и перспективы проведения в конце этого года совещания на высшем уровне стран – членов СБСЕ.

Горбачев. Уверен, мы так можем действовать. Мы согласны действовать на этих направлениях. <...>

У наших американских друзей и партнеров есть какие-то расчеты. Они побаиваются сплоченной Европы. Да еще тут СССР. И они действуют так, чтобы замедлить все эти процессы.

Какой вывод? Мы должны снять их озабоченности. Мы не можем вести дела так, чтобы Америка оставалась в стороне или сохраняла свои озабоченности. Это нереальная политика. США должны участвовать в этих процессах, присутствовать в Европе. Должны учитываться их интересы, как и наши с вами. Иначе не получится. Так что, я думаю, им надо помочь общими усилиями преодолеть этот комплекс.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Маргарет Тэтчер
Москва, 8 июня 1990 года**

Тэтчер. <...> Вы можете положиться на мою поддержку. Я восхищаюсь тем, что Вы делаете. Еще в Чекерсе мы договорились, что будем говорить уважительно и откровенно.

В мире идут огромные изменения. Ключевым аспектом наших отношений остаются вопросы безопасности, и обе стороны должны подходить к этому очень ответственно. Советский Союз вправе иметь свою оборону и обеспечивать свою безопасность, то же самое касается и Запада. Естественно, в наших общих интересах по мере возможности предотвращать конфликтные ситуации в мире. Но в целом спектр наших отношений существенно шире, чем только контроль над вооружениями, и именно в плане расширения наших взаимоотношений идет работа в последние годы. Мне кажется, многие люди, а также пресса все еще недостаточно осознают, какой огромный путь мы прошли и насколько этому способствовали встречи в верхах.

Я познакомилась с коммюнике вчерашнего заседания ПКК Варшавского Договора и должна сказать, что это действительно совершенно новый по своей сути документ.

Горбачев. Мы ожидаем аналогичных шагов от встречи в верхах НАТО в июле.

Тэтчер. Основной постулат НАТО в нынешней ситуации — иметь крепкую и надежную оборону, но на пониженных уровнях вооружений.

Горбачев. Безопасность важна, но и здесь необходимо искать нестандартные решения, которые, может быть, сначала трудно переварить. Это, в частности, касается и военно-политического статуса объединенной Германии, о котором мы еще поговорим. Необходимо вплотную заняться строительством новых структур европейской безопасности, начать сближать между собой НАТО и ОВД. Еще недавно такая идея могла бы показаться совершенно нереалистичной, но ситуация меняется, и сегодня этим двум машинам, двум союзам просто необходимо начать «притираться» друг к другу. <...>

Тэтчер. <...> Что касается НАТО, то она всегда являлась чисто оборонительным союзом. В составе вооруженных сил НАТО действительно есть ядерное оружие. И во время президентства Рейгана мне приходилось не раз спорить с ним, доказывая, что ядерное сдерживание необходимо и эффективно, что именно благодаря ему Европа вот уже 46-й год остается мирной. Точно так же необходимо и присутствие американских войск в Европе.

В связи с моими рассуждениями меня часто спрашивают — а кто сейчас является для НАТО потенциальным противником? я не знаю ответа на этот вопрос. Но я знаю, что после Второй мировой войны в мире произошло примерно 140 вооруженных конфликтов. В настоящее время взрывоопасная си-

* Беседа состоялась во время краткосрочного визита Тэтчер в Москву на дни Великобритании в СССР. Горбачев информировал ее о своих беседах в США и о совещании ПКК Варшавского Договора.

туация сложилась на Ближнем Востоке. Поэтому мы должны быть готовы ко всему. Если в наших руках останется фактор ядерного сдерживания, это может остановить какого-нибудь безрассудного политика, готовящегося начать широкомасштабные военные действия <...>

Горбачев. У меня другая точка зрения. Надо идти к системе взаимопонимания в сфере безопасности. И мы стали двигаться к этому. И если мы ее сплестем, любому авантюристу будет трудно что-либо сделать. Особенно, если начнем создавать такую систему в Европе.

Тэтчер. Я согласна. И все-таки определенный уровень ядерного сдерживания, хотя и пониженный, необходим. Великобритания намерена сохранить для этого свой независимый потенциал. <...>

Вы правы относительно европейских структур безопасности. И здесь, мне кажется, нельзя недооценивать роль процесса СБСЕ. <...>

Принятое на совещании стран Варшавского Договора коммюнике носит совсем другой характер. Исчезла конфронтационность, говорится о безопасности для всех.

Горбачев. Действительно, времена настали другие... Мы теперь понимаем, что мы — в одной цивилизации, а не в двух лагерях... Мы живем в одном мире, зависим друг от друга. И хорошо, что перешли от констатации этого этапа в фазу политических решений. <...>

Есть несколько проблем, которые надо решить, чтобы идти к новым структурам безопасности. Речь идет об изменении самой природы двух блоков с таким расчетом, чтобы они трансформировались в политические организации.

Немалые надежды возлагаем на предстоящее совещание в верхах НАТО в Лондоне. Боюсь, что, если оно не принесет каких-либо ощутимых позитивных результатов, это может посеять подозрения среди некоторых европейских стран.

В последнее время мы говорим о европейском информационном, культурном, правовом, научном пространствах. Пора говорить и о едином пространстве безопасности. И на этой основе решать внешние аспекты объединения Германии.

Приглашаю подумать о подготовке совместного документа НАТО и ОВД, в котором будет зафиксировано сближение между двумя союзами, растущее взаимопонимание между ними, налаживающееся сотрудничество. Было бы неплохо создать межблоковый постоянный орган, в рамках которого могли бы совещаться и проводить консультации военные эксперты. Кстати, министры обороны начали ездить друг к другу. <...>

Тэтчер. <...> Совместное заявление НАТО и ОВД — хорошая идея, но надо ее тщательно проработать, чтобы это заявление звучало убедительно. Во многом благодаря Вам в мире сложилась новая ситуация. Такое заявление теперь выглядит реальностью. В него могли бы войти меры доверия, оно могло бы поставить на официальную основу обмена визитами между министрами обороны, формализовать дискуссии между ними, военными экспертами. Там можно было бы заявить о стремлении двух союзов поддерживать безопасность на уровне минимального сдерживания.

Горбачев. В заявлении также может быть зафиксировано намерение создать постоянный совместный орган — Центр — по предотвращению конфликтов.

Тэтчер. Под эгидой СБСЕ у нас проходят переговоры по обычным вооружениям. Может быть, стоит в этих же рамках договориться об ограничении войск, размещенных в Германии. Наверняка появятся и новые дополнительные соображения. <...>

Горбачев. <...> Мое желание — идти дорóгой, на которую мы встали. Она уже вывела нас на крупные решения и обещает длительный мирный период. И сорвать это — нанести тяжелый удар по всему прогрессу. Поэтому не может быть ультимативного подхода.

Тэтчер. Я вполне понимаю Вашу позицию. Я тоже хотела бы видеть устойчивое сотрудничество между нами. Иной вариант ущемлял бы вашу безопасность, что было бы не в наших интересах. Мы положили начало такому сотрудничеству, что очень важно. Без этого не было бы продвижения вперед.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джоном Мейджором
Москва, 5 марта 1991 года**

Горбачев. Рад Вас видеть и приветствовать в этом зале, где мы не раз беседовали с госпожой Тэтчер. За последние несколько лет нам удалось установить очень хорошие отношения, которые позволяли обсуждать любые проблемы. Это был уникальный диалог. Порой у нас бывал и довольно острый обмен мнениями. Как бы там ни было, я благодарен Маргарет Тэтчер за ее вклад в развитие не только добрых советско-английских отношений, но и в создание нового типа отношений в Европе.

Поскольку Вы теперь открываете новую страницу, представляете новое поколение политиков, я делаю заявку на продолжение наших отношений.

Мейджор. Благодарю Вас за слова приветствия. Мы встречаемся в действительно великолепном историческом зале Кремля. Передаю Вам наилучшие пожелания от миссис Тэтчер, а также от президента США Джорджа Буша и канцлера ФРГ Гельмута Коля, с которыми я виделся соответственно два дня назад и вчера.

Вы упомянули об острых обменах мнениями с Тэтчер. Нам это хорошо знакомо. Подобные моменты нередко возникали, когда она вела заседания кабинета министров. Даже при наличии разногласий по каким-то вопросам политика требует, чтобы они обсуждались честно и откровенно. Это позволяет лучше разобраться в точке зрения каждой из участвующих в полемике сторон.

Горбачев. Я питаю глубокое уважение к ней и как к политику, и как к человеку.

* В ноябре 1990 года в результате изменившегося соотношения сил на конференции Консервативной партии Тэтчер вынуждена была оставить пост председателя партии и автоматически (согласно британским правилам) — пост премьер-министра. Ее сменил Джон Мейджор.

Мейджор. Время от времени и между мной и Вами будут расхождения. В этом суть политики. Но хорошо, если мы будем их обсуждать в духе открытости и откровенности. Не скрою: я лично стремлюсь к дальнейшему улучшению британо-советских отношений и установлению хороших личных контактов между нами.

Горбачев. Приветствую это заявление. Для нас оно является серьезной констатацией, особенно с учетом нынешнего этапа в международной обстановке. Сейчас от государственных руководителей требуются настойчивые усилия для того, чтобы наращивать и обогащать отношения, а не ухудшать их. Нынешний период важен тем, что идет развитие новых глубоких процессов, отход от старых методов. Хотя мы еще не вполне научились новым методам, и иногда по-прежнему тянет на старое. Я чувствую это. <...>

Мои главные опасения в последние дни <...> состояли в том, что кто-то не удержится перед искушением поиграть мускулами. Особенно это характерно для военных. <...> Я почувствовал, как подул сквозняк прошлого. Поступала конфиденциальная информация о том, что некоторые люди начали в тот момент поговаривать, не пора ли пересмотреть отношения с Горбачевым. Я подумал: пусть говорят, полезно послушать, что у них на уме.

Мейджор. <...> Вы упомянули новое поколение политиков. Как его представитель скажу, что выступаю против отката с той или другой стороны к эпохе «холодной войны», за то, чтобы не было утрачено достигнутое за последние годы благодаря Вам и госпоже Тэтчер потепление в англо-советских отношениях. Уверен, что мне это удастся, и буду действовать в этом направлении.

В качестве подтверждения того, что это не просто слова и что я готов подкрепить их делами, хотел бы пригласить Вас посетить нашу страну в любое удобное для Вас время. <...>

Горбачев. <...> А теперь, если можно, обратимся к новой теме: безопасность в Европе.

Мы придаем большое значение процессу ограничения обычных вооружений в Европе, усилиям по реализации договоренностей в связи с объединением Германии, продолжаем активно работать над советско-американским договором о 50-процентном сокращении СНВ. Применительно к последнему приветствуем заявление Англии о необходимости договора. <...>

Кстати, у меня один вопрос более общего характера. На фоне благоприятно протекающих процессов в Европе вдруг <...> говорят вновь об опоре на НАТО. Вряд ли это отвечает «общеевропейскому дому», который мы начали строить.

Мейджор. В качестве общего замечания могу ответить, что мы поддерживаем процесс ограничения вооружений в Европе. <...>

Считаю Ваши соображения о роли НАТО в нынешних условиях результатом недопонимания. Речь не идет о наращивании НАТО. Имеется в виду координация усилий, уже осуществляемая в Европе между НАТО и Западноевропейским союзом, которая, как предполагается, позволит всем членам Европейского сообщества внести вклад в укрепление безопасности.

Горбачев. Я принимаю Ваши слова к сведению. Но, как говорят, проживем — увидим. Это надо прояснить. (*Смеется.*) Чтоб разложить НАТО изнутри, напишем заявку о вступлении в НАТО.

Мейджор (*улыбаясь*). Лучше сделать заявку на членство в Европейском сообществе.

Горбачев. Если речь идет о Европе от Атлантики до Урала, то и на военные организации надо смотреть этими же глазами. Нельзя сидеть между двух стульев, можно кое-что ущемить. <...>

На Западе делают ставку на развал Союза, на то, чтобы кто-то сменил Горбачева. Это очень все серьезно. Должен предупредить откровенно об этом, ибо заблуждение может дорого обойтись всем нам. Я — за то, чтобы продолжать сотрудничество. Но надо с пониманием относиться к событиям. Такова политика и судьба политиков, которые смотрят дальше срока своего пребывания у власти.

Мейджор. Прекрасно понимаю, что Вы имеете в виду. Если бы это было не так, то я не находился бы сегодня здесь, не пригласил бы Вас нанести визит в Великобританию. Я восхищаюсь Вашими усилиями, выступаю за то, чтобы они были продолжены в интересах сотрудничества между Западом и Востоком. Свою позицию на этот счет я публично изложил в одном из выступлений в Палате общин.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Дугласом Хэрдом
Москва, 21 марта 1991 года*

Горбачев. <...> Приветствую Вас в Москве, господин министр. Думаю, мы можем продолжить ту работу, которая была начата в ходе визита в СССР премьер-министра Великобритании. Хотел бы в этой связи сделать одну важную констатацию. Мы удовлетворены итогами визита нового премьера в Советский Союз. Причем это не просто первое впечатление, а результат проведенного нами глубокого анализа той работы, которая была проделана в ходе этого визита. Он выявил как преемственность в политике руководства Великобритании, так и некоторые новые нюансы, но нюансы позитивного свойства. Конечно, принимать дела от политического деятеля такого масштаба, как Маргарет Тэтчер, весьма нелегко. Но, как мы видим, дело в надежных руках. Тем более что Вы, господин министр, продолжаете выполнять свои обязанности и, как говорится, вся остальная «команда» уже на месте.

Хэрд. Действительно, господин Президент, наша политика характеризуется как преемственностью, так и внесением некоторых перемен. Об этом мы неоднократно говорили с премьер-министром, который ясно указывал на важность поддержания тесных отношений между Великобританией и Советским Союзом, с Вами лично, важность продолжения начатого дела. Премьер-министр выразил также особое удовлетворение в связи с тем, что еще до начала визита Вы позвонили ему и беседовали с ним по телефону. <...>

Позвольте в заключение сказать еще несколько слов. Многие журналисты, издатели и редакторы на Западе и, в частности, в Великобритании пытаются «переписать», переиначить Вашу политику. Уже сейчас на свой лад «перетасовывают», переделывают Советский Союз. Мы не участвуем в подобных упражнениях. Мы не стремимся к подрыву ваших планов или вашего политического курса. Конечно, имеется ряд проблем, которые вызывают у нас озабоченность. Однако нам никогда не придет в голову претендовать на то, чтобы решать их за вас.

Мы однозначно выступаем в поддержку тех реформ, которые проводятся в СССР и связаны с Вашим именем. Причем мы выступаем за успех этих реформ в первую очередь, из своих собственных эгоистических интересов. Ведь эти реформы нам на пользу, они нам выгодны. Часто нам задают вопрос: верите ли вы в СССР? Как премьер-министр, так и я неоднократно и недвусмысленно высказывались на этот счет. Даже если абстрагироваться собственно от интересов СССР, западные страны нуждаются в сохранении Советского Союза как государства. Распад вашей страны имел бы самые негативные последствия для нас, нарушил бы упорядоченное развитие и наших собственных стран. ...Именно поэтому мы желаем вам всяческих успехов в решении этих трудных задач, о которых Вы только что говорили.

Горбачев. <...> Внимательно выслушал Ваше заявление и рассматриваю его как важную констатацию. Ваши слова свидетельствуют об определенной степени доверия и взаимопонимания, достигнутых в наших отношениях.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Джоном Мейджором и его министрами
Лондон, 18 июля 1991 года**

Мейджор. Приветствуя участников переговоров, хотел бы проинформировать, что сегодня утром между мною и Президентом Горбачевым состоялись весьма плодотворные обсуждения. Надеюсь, что такими же плодотворными были встречи министров двух стран. Подобного рода встречи представляют собой новый момент в наших контактах, которые мы приветствуем. Рассчитываем на их продолжение в дальнейшем, поскольку они сулят значительные выгоды для наших двух стран.

Горбачев. Хочу поддержать то, что было сказано премьер-министром. Высоко ценю тот факт, что мы воспользовались представившимся благоприятным случаем провести вместе весь сегодняшний день. Такая же возможность представилась нашим министрам. В ходе состоявшихся встреч мы смогли обсудить пути дальнейшего развития советско-британского сотрудничества.

Вчера (на заседании «семерки») я уже имел возможность высказаться в том плане, что без советско-британского диалога были бы немыслимы предпри-

* После встречи с руководителями стран «большой семерки» Горбачев остался в Лондоне, заранее приглашенный совместить свой приезд с официальным визитом в Великобританию.

нятые сейчас совместные усилия, формирование новых отношений в мире. Хочу это особо подчеркнуть еще раз и дать обязательство продолжать усилия в плане наращивания нашего диалога.

Второй момент состоит в следующем. На сегодняшний день можно констатировать определенное сокращение объемов советско-британского торгово-экономического сотрудничества. Не хочу делать разочаровывающих выводов, но в то же время не могу оставить это без внимания. По информации, которую я получил в Москве и уже здесь в Лондоне, могу судить о желании деловых кругов обеих стран участвовать в крупных совместных проектах. Теперь, когда ситуация меняется в свете политической договоренности, достигнутой на встрече Президента СССР с лидерами «семерки», думаю, есть вероятность для реализации этого желания. <...>

Открою один секрет, причем сделаю это со спокойной совестью. Я обратился к господину Мейджору не только как к премьер-министру, но теперь и как к координатору усилий в рамках формулы «7+1» с предложением изучить пути устранения ограничений КОКОМ, мешающих осуществлению проектов с использованием высокой технологии. Считаю такие ограничения реликтом «холодной войны».

Мы открываем нашу оборонную промышленность и считаем, что поступаем правильно. Ни с кем не собираемся воевать и готовы самым конструктивным образом сотрудничать в области укрепления безопасности. Я пообещал премьер-министру передать позднее дополнительные замечания в области конверсии. Мы не должны упустить представившийся шанс. Здесь нельзя позволить никакого обюрочивания... Сейчас я бы предложил дать слово нашим министрам для информации о достигнутых на их встречах результатах.

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Щербаков, министр иностранных дел СССР Бессмертных, а также министры Великобритании — финансов Лэмонт, внешней торговли Лили и иностранных дел Хэрд сообщили о ходе и содержании состоявшихся советско-британских переговоров.

Обсуждение, по словам Щербакова, позволило сделать вывод, что нынешний уровень сотрудничества двух сторон не соответствует имеющимся возможностям и потребностям. В конкретном плане были обсуждены вопросы финансирования, организационные проблемы, а также ограничения по линии КОКОМ. Достигнута договоренность в скором времени продолжить обсуждение по этим вопросам. В этой связи Лэмонт указал, что удалось полностью обсудить все вопросы, интересовавшие участников. Одновременно он выразил уверенность, что в ходе планируемой встречи в Москве удастся продолжить начатые обсуждения и проработать перспективы на будущее. В свою очередь Лили подчеркнул, что при обсуждении финансовых вопросов было достигнуто понимание по двум взаимосвязанным аспектам — пересмотру гарантий экспортным кредитам и проблеме задержки платежей советской стороной. Был также рассмотрен вопрос о предоставлении английским деловым кругам более подробной информации об экономическом положении Советского Союза. Лили выразил надежду на будущую либерализацию ограничений КОКОМ, оговорившись при этом, что принятие соответствующих решений будет зависеть от согласия всех стран — участниц КОКОМ. Бессмертных сообщил, что с Хэрдом были затронуты

региональные проблемы, вопросы ограничения вооружений и двусторонние отношения. Общий вывод, сказал он, – между сторонами нет серьезных расхождений, есть лишь нюансы в оценках и оттенки в подходах. Диалог с мистером Хэрдом, сказал Бессмертных, идет легко, поскольку опирается на уже заложенные позиции. Хэрд, согласившись с этой оценкой, выразил признательность советской стороне за содействие при освобождении находящегося в иракской тюрьме британского подданного Рихтера.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Маргарет Тэтчер
Лондон, 19 июля 1991 года*

Горбачев. Я очень рад, что мы с Вами встречаемся в Лондоне по окончании моей встречи с руководителями стран «семерки». Произошло важное событие, и я не могу не отметить Ваш вклад в то, что оно стало возможным. Это была встреча партнеров, уже прошедших большой путь в создании новых отношений между СССР и Западом, и думаю, что в результате удалось положить начало новому этапу. Теперь надо его наполнять содержанием.

Тэтчер. Я, прежде всего, хотела бы выразить удовлетворение, что у Вас нашлось время встретиться со мной и обменяться мнениями о том, что происходило в эти дни в Лондоне. Я согласна с Вашей общей оценкой. Очень важно, что Ваша встреча с «семеркой» состоялась. Фактически в эти дни все было сфокусировано на Вашем присутствии и на теме включения Советского Союза в мировую экономику.

Я говорила, практически, со всеми руководителями «семерки». Все они согласны, что Вы чрезвычайно умело вели это дело и правильно себя поставили. В итоге я делаю три вывода.

Во-первых, признано, что Советский Союз твердо и бесповоротно встал на путь реформ, эти реформы пользуются поддержкой народа и заслуживают поддержки со стороны Запада. Во-вторых, поскольку это так, у меня вызывает определенное разочарование тот факт, что «семерка» не выработала более конкретных и практических мер такой поддержки. И в-третьих, сейчас чрезвычайно важно ухватиться за единодушное заявление «семерки» о поддержке и сотрудничестве. Не выпускайте их, требуйте конкретных, более практических проявлений поддержки!

Горбачев. Я согласен с этими выводами.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Советско-итальянские отношения

Отношения Советского Союза и Италии развивались в послевоенные годы в целом благоприятно. Италия была первой западноевропейской страной, наладившей широкие торгово-экономические связи с СССР. Были осуществлены крупные совместные проекты, в частности в автостроении. После 1985 года отношения быстро пошли по нарастающей. В мае 1986 года Москву посетил председатель Совета министров Италии Беттино Кракси, в марте 1986 года — председатель палаты депутатов Леонильде Йотти, в феврале 1987 года — председатель сената Аминторе Фанфани, а вслед за ним председатель Совета министров Джулио Андреотти, в октябре 1988 года — председатель Совета министров Чириако Де Мита.

Сложившиеся добрые отношения были закреплены во время пребывания в Италии Горбачева (ноябрь 1989 года), посещения Москвы Джулио Андреотти уже в качестве премьер-министра (июль 1990 года) и рабочего визита М.С. Горбачева в Рим, где был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Италией — первый между Советским Союзом и страной — членом НАТО, а также заключен ряд экономических соглашений (декабрь 1990 года). Большую роль в развитии советско-итальянских отношений играли встречи с Руководством Итальянской коммунистической партии (ИКП).

Из беседы с Генеральным секретарем ИКП Алессандро Натта 27 и 28 января 1986 года

Горбачев. <...> У правящей партии есть много преимуществ, но много и обязанностей, которые она должна выполнять. Но в целом все мы — члены одного движения. <...>

То, что нужно было выяснить в наших отношениях (*между партиями*), мы выяснили*. <...>

По вопросам межгосударственных отношений мы всегда советуемся с другими партиями и будем делать это впредь. Развивая отношения с Италией, стремимся к тому, чтобы это было на пользу итальянскому народу, нашему народу и ИКП.

Далее Горбачев информирует о положении в стране и подготовке XXVII съезда КПСС.

Натта (*характеризуя ситуацию в Италии и вообще в Западной Европе*). С конца 70-х годов на Западе налицо не только наступление капитализма, но и определенный успех этого наступления и в экономическом, и в политическом, и в идейном планах (все сильнее укореняются идеи рынка и конкуренции). Это отчасти результат инициатив США и других держав. Свою роль сыграло здесь и обострение напряженности. Мы вовремя не заметили всего этого, всех этих новых моментов, не заметили возможностей научно-технической революции. Надо, безусловно, наращивать, увеличивать притягательную силу социализма. <...>

* Горбачев встретался в Риме с членами Руководства ИКП в 1984 году, когда выезжал в Италию на похороны Э. Берлингуэра — предшественника Натты на посту генсека. Встречи с лидерами ИКП, самой массовой и влиятельной партии страны, естественно, вписывались в общий контекст итальянского направления внешней политики перестройки.

Откровенно говоря, положение компартий на Западе сейчас критическое. Такого, как сейчас, 15–20 лет назад не было. Налицо отступление, утрата влияния в массах, и не только в ходе выборов. На позиции рабочего класса повлияли расколы и глубокие кризисы в партиях. И тут сказываются, конечно, не только опоздания с реакцией на атаки империализма, с оценками новой ситуации, но и нечто иное.

В Италии нам удалось сохранить позиции, но мы все больше чувствуем себя как белая ворона, как исключение в общей коммунистической панораме. Однако мы не гордимся этим, — мы обеспокоены. Тут нужны более глубокие размышления историко-политического характера. Конечно, это, прежде всего, наше дело, но, думаю, вопрос интересует и вас. <...>

Нужны новые усилия для расширения союзов не только в Италии, но и в европейских рамках, — причем речь должна идти о всех левых силах, в широком смысле слова. Надо вовлекать в союзы не только партии, — коммунистические, социалистические, социал-демократические, — но и весь комплекс движений, прогрессивных сил с разными устремлениями, в том числе религиозные движения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Италии Джулио Андреотти
Москва, 27 февраля 1987 года*

Горбачев. <...> Мы высоко ценим активный, поступательный характер наших отношений с Италией в самых различных областях. В этом контексте и рассматриваем Ваш нынешний визит в Москву. Буду откровенен: мне приятно встречаться с Вами — человеком, политическим деятелем, к которому я отношусь с большим уважением. Говорю это не для того, чтобы как-то задобрить Вас, а для того, чтобы подчеркнуть ценность и плодотворность такого диалога и контактов. <...>

Сейчас, как никогда, необходим поиск новых, реалистических решений в политике. Это задача всех государств, но прежде всего — развитых. <...>

Я попрошу Вас и господина Шеварднадзе обсудить те вопросы, которые мы не смогли затронуть, и особенно вопрос о возможностях взаимодействия наших стран в деле снижения уровня военного противостояния и оздоровления обстановки в районе Средиземноморья. Мы заинтересованы в таком сотрудничестве. У нас с Италией здесь есть общие интересы. Мы могли бы сотрудничать. Хотели бы, чтобы это сотрудничество не ограничивалось только пониманием обстановки, но чтобы предпринимались и практические действия. В этом регионе затрагиваются не только интересы наших двух стран, но и многих других. Здесь и Северная Африка, и Греция, и Кипр. Их интересы тоже нужно учитывать. <...>

В заключение скажу, что нашу политику в отношении вашей страны питают огромное уважение, дружеские чувства, которые советский народ испытывает к итальянскому народу. Это тоже европейская и международная реальность, традиция, на которые мы опираемся и которые нужно укреплять.

Андреотти. Искренне признателен Вам за эти слова. Желаю самых больших успехов в реализации всех ваших планов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Алессандро Натта
Москва, 29 марта 1988 года*

Натта. <...> В странах Западной Европы левые силы в той или иной степени утратили свои позиции. Одна из причин этого — определенное отставание в анализе и осознании процессов крупных перемен, происходящих в современном капиталистическом обществе, причем отстают здесь и коммунисты, и социалисты, и социал-демократы. Совершенно недостаточным был и анализ, критический подход к проблемам современного капитализма, в том числе к крупным изменениям, которые происходили и происходят в сфере производства, в социальной структуре общества. <...>

Горбачев (*реагируя на суждения собеседника об отношении к европейской интеграции*). Это очень интересно и очень важно. Это выводит на серьезные размышления о реальностях современного мира, на поиск ответа на вопрос о том, в чем состоит социалистическая альтернатива в рамках Западной Европы. Ведь там интеграционные процессы сейчас развиваются в новых формах, выходят даже на военную сферу. И делать вид, что этих процессов нет, — наивно. <...>

Натта. <...> Итальянская компартия <...>, сотрудничая с другими левыми силами (Итальянской соцпартией, СДПГ, французскими левыми), выступает за то, чтобы в рамках Западной Европы проводилась такая политика обороны, которая вписывалась бы в общий процесс разоружения, основанного на взаимной и равной безопасности. <...>

Иными словами, левые силы не имеют права отдать консерваторам знамя европейской автономии только потому, что они, консерваторы, выступают за усиление западноевропейской обороны. Поэтому левые силы должны иметь собственную линию в вопросах обороны. <...>

Горбачев. Ваш вывод о том, что ИКП и международное коммунистическое движение опоздали в осмыслении происходящих перемен в Западной Европе — очень важный, мужественный и обоснованный. Вы правильно делаете, что ориентируете партию на новые и более глубокие разработки. <...>

Каким должно быть лицо будущей социалистической альтернативы? Здесь требуется очень большой анализ и теоретическая работа. Ясно, однако, что не надо бояться союзов в рамках интеграционных процессов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
31 марта 1988 года
О беседе с Натта*

Горбачев. Крупный разговор получился. Открытый. По всем важнейшим проблемам современности.

Главной темой была перестройка. Тут ключ. КПСС, говорил Натта, за два года сделала больше, чем мы рассчитывали в рамках «еврокоммунизма». А на нас тогда набросились. Хотя мы имели в виду специфическую зону Западной Европы. Нас, говорит, не захотели слушать.

Проблема интеграции. Идут сильные процессы. И от них никуда не денешься. <...>

В рассуждениях Натты много интересного. И важно прислушаться, потому что это идет от людей, которые напряженно думают, связаны с жизнью, с реальными процессами, непосредственно наблюдают, что происходит на Западе. Например, такой факт: 1992 год становится для Западной Европы «магической датой»³⁴. Откроются все границы, интеграция приобретет качественно новый уровень. Это серьезный сигнал и для нас. Мы тоже должны к этому готовиться.

Наверное, в «еврокоммунизме» были интересные идеи, к которым можно было прислушаться. Но этого не произошло по понятным причинам.

Беседа наводит и на другую мысль — о серьезном и опасном отставании мышления во многих компартиях. Это касается в первую очередь самых верных нам. Они с трудом осваивают идеи перестройки и нового мышления. У себя держатся отживших позиций, не умеют выйти на новые категории трудящихся, за которыми будущее.

Натта рассказывал, что, беседуя с Куньялом³⁵, он чувствовал себя так, будто спорит со своими собственными товарищами в конце 50-х годов. Да и по нашему опыту недавних встреч с лидерами некоторых компартий легко заметить серьезное торможение у них насчет освоения новых процессов, поисков адекватных решений современных проблем. <...>

Эта встреча, как и другие, как и идущая информация о положении в компартиях Запада, опять настойчиво ставят перед нами вопрос о необходимости углубленного анализа коммунистического движения. Надо разобраться во всем с открытыми глазами и выработать какую-то оптимальную концепцию.

ПБ. С. 310; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Чириако Де Мита
Москва, 14 октября 1988 года**

Де Мита. <...> За более чем 40 лет, прошедших после войны, мы научились сохранять равновесие в международных отношениях, которое позволяло избегать войны. Но не научились строить мир. Опыт прошлого дал нам много: бывали моменты напряженности, «холодной войны», разрядки, и хотя мы сумели сохранить мир, но сделали это, следуя военной логике. Такой подход, если не препятствовал, то, по крайней мере, не способствовал тому, чтобы международные отношения развивались в полной мере. <...>

С уменьшением военной опасности особенно необходимо развитие политического диалога... Мы считаем, что соревнование между различными

* Де Мита возглавлял правительство Италии в 1988–1989 годах.

странами не должно приводить к вмешательству во внутренние дела друг друга. Пусть каждая страна решает, как ей блюсти свой суверенитет. Соревнование служит для того, чтобы разные страны могли сравнивать свой опыт, взаимно обогащаться и идти вперед. <...>

Мы крайне заинтересованы в том, чтобы ваши усилия увенчались успехом. Особенно западные европейцы. А среди западных европейцев Италия заинтересована особо. Ведь, если нынешние перспективы сохранятся и будут развиваться, то на передний план в отношениях между государствами выйдет не оружие, а культурные традиции, изобретательность, способность к поддержанию контактов и связей с другими народами. А это и есть единственное богатство нашей страны.

Горбачев. <...> То, что я услышал от Вас, очень важно. Это дает возможность смотреть на наши отношения с большей уверенностью и выстраивать их на ближнюю и дальнюю перспективу. <...>

Все, что сделано нами за это время, замешано на анализе реальностей, понимании того, что мы живем в другом мире, чем тот, который был 40 лет назад.

Странная ситуация: другой мир, другие реальности, а отношения между государствами строятся на тех же принципах, что и после войны, и в период «холодной войны». Сохранились те же стереотипы. Так что и здесь нужна перестройка, хотя в международных отношениях мы говорим не о перестройке, а о новом мышлении.

И еще. Мы считаем, что принцип мирного сосуществования должен быть осмыслен с учетом новых реальностей. Вы говорили о свободе выбора. Мы также все время говорим об этом. Пусть мы разные, но мы — секторы одной цивилизации, может быть, единственной. И мы не можем жить один без другого.

Пусть организм этот противоречивый, сложный, но все мы повязаны одной судьбой. Вы можете исходить из того, что такой подход сохранится у нас и в будущем. Даже если будут какие-то перемены в руководстве, это не приведет к возвращению к старым методам. Различия — не предмет для военной конфронтации, а условие для обмена, сопоставления, соревнования. <...>

Такое понимание заставляет нас думать искать новые подходы. Хотя мы не претендуем на то, что наши идеи — истины в последней инстанции. Мы приглашаем к поиску всех. Здесь надо использовать и то, что уже сделано для оздоровления советско-американских отношений. Ясно, что без такого оздоровления будет трудно и той, и другой стороне. И наоборот, если мы будем наращивать этот процесс, то будут открываться и новые возможности. СССР и США не будут подозревать, что кто-то из их союзников хочет их подвести. Но и союзники будут уверены, что мы не намерены подводить их. Мы знаем: при всей важности этих отношений в строительстве новых международных отношений должны участвовать все страны. <...>

Де Мига. <...> Я с огромным интересом выслушал Ваши соображения, как по вопросам внутренней жизни СССР, так и международной политики.

Очень надеюсь на то, что у нас еще будут возможности продолжить этот диалог, использовать обмен мнениями для того, чтобы помогать друг другу, в том числе в рамках сообществ, к которым мы принадлежим.

Конечно, возможности Италии меньше, чем у Советского Союза, у нас и масштабы другие. Но и нам приходилось сталкиваться с проблемой трансформации общества. Наши страны идут по разному пути, но Ваш сегодняшний анализ показал немало общих элементов в наших оценках и позициях. <...>

Что касается внешнеполитических вопросов, то хотел бы в общем плане сказать, что разделяю и приветствую высказанные Вами установки. Мы не должны совершить ошибки и забывать о тех предрассудках и предварительных условиях, которые отмечали международную политику в послевоенные 40 лет. Конкретный путь устранить имеющиеся трудности состоит не в том, чтобы делать вид, что их нет, а в том, чтобы работать над их преодолением. Необходимо обратиться к историческому опыту отдельных сообществ и, отталкиваясь от него, идти к построению новых отношений.

Горбачев. <...> Мы серьезно настроены сотрудничать и с Европой. Посмотрите на наши инициативы под самым большим микроскопом и вы не увидите там ни одного элемента антиевропейской направленности. Ведь иначе Европа не будет нам верить. Тогда все остановится, не будет движения. Мы относимся к этому очень серьезно. <...>

Мы готовы организовать обсуждение любых проблем для их лучшего понимания, для выработки каких-то совместных или параллельных шагов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачев на обеде в честь Чириако Де Мита
Москва, 14 октября 1988 года*

Оценивая начавшиеся сегодня переговоры, которые, на наш взгляд, были глубокими и содержательными, хочу выразить надежду, что они станут хорошим стартом для выхода на новый этап в советско-итальянском взаимодействии.

Подписано соглашение о сотрудничестве в освоении космоса. Может быть, когда-нибудь и гражданин Италии составит компанию нашим космонавтам в совместной экспедиции в надземное пространство.

Завтра откроется выставка «Италия 2000 года», которая даст возможность советским людям увидеть свершения ума и рук итальянского народа в преддверии третьего тысячелетия. В эти же дни — тоже в связи с Вашим визитом, господин Де Мита, — пройдут художественные выставки, концерты итальянских артистов. Так что мы вправе сказать, что участвуем в знаменательном событии — советско-итальянские отношения получают новое дыхание.

У нашего народа издавна, я бы сказал, особый интерес и расположение к итальянскому народу. Со школьной скамьи мы знакомы с Данте и Петраркой, с гигантами Возрождения, с Мадзини и Гарибальди. Советские люди высоко ценят и любят итальянское кино, составившее эпоху в истории современной культуры. У нас знают ваших знаменитых ученых, музыкантов, архитекторов, политических деятелей, читают итальянских писателей. <...>

Итальянцы первыми через границу Запад–Восток стали развивать масштабное торгово-экономическое сотрудничество. Таким образом, традиции, заложенные в первых торговых и культурных контактах почти семь столетий назад и с тех пор ставшие добрым, сближающим началом, и на этот раз сослужили нашим народам хорошую службу. Веками формировался опыт их конструктивного сотрудничества.

Сейчас это сотрудничество осваивает новые рубежи. Я специально хотел бы отметить сферу легкой промышленности и других отраслей, связанных с непосредственными потребностями человека. Недавно я посетил Московскую обувную фабрику, построенную итальянской фирмой «Комоло». И еще раз воочию убедился, что итальянские мастера пользуются в мире заслуженной славой.

Должен сказать, что в послевоенное время, и особенно за последние годы, в отношениях между Советским Союзом и Италией сложился своеобразный эмоционально-политический климат. Это служило также и общеевропейскому делу. Наши с вами двусторонние связи превратились теперь в существенный и неотъемлемый элемент европейского процесса. Очевидна заслуга в этом итальянских политиков и деловых людей, в том числе и здесь присутствующих.

Не могу не отметить и необычайную роль — я это знаю и по личному опыту — итальянской общественности, различного рода организаций и местных общин, массовых движений, демократических партий, университетов и школ, деятелей культуры. Они долго, упорно, по-итальянски темпераментно готовили и настойчиво продолжают поддерживать атмосферу доброжелательства и доверия в наших отношениях. И это существенно сказалось на развитии наших межгосударственных контактов, на политике с обеих сторон.

Пользуюсь случаем — присутствием здесь премьер-министра страны и лидера одной из крупнейших партий Италии, — чтобы выразить итальянскому народу признательность за проявления дружеских чувств, знаки внимания и поддержки нашей перестройке и нашим мирным инициативам и пожелать ему мира, прогресса, осуществления самых светлых надежд. Нам кажется, что политической мысли Италии, вообще отличающейся конструктивностью, свойственно понимание значимости нового мышления для современности.

ГСС. Т. 12. С. 212–214.

*Из второй беседы с Чириако Де Мита
Москва, 14 октября 1988 года*

Горбачев. <...> Мы считаем, настало время придать новое качество нашему сотрудничеству. Поэтому советские министерства и организации просят нас поднажать на итальянское правительство. <...>

Господин Председатель, какое у Вас сложилось впечатление об итогах? Мне кажется, задан большой размах. По нашему глубокому убеждению, поезд совместного сотрудничества должен набирать скорость. У нас есть к этому большой интерес.

Мы будем поощрять этот интерес. Здесь есть, над чем подумать и на правительственном уровне. Заслуживает, на наш взгляд, внимания вопрос о налаживании сотрудничества в «третьих странах». Каждая из наших стран располагает в этой области своим специфическим опытом. Его сопоставление может открыть новые возможности для совместных проектов. Кстати, пока мы с вами здесь рассуждаем, предприятия и министерства заключают сделки. Идет освоение тех новых прав, которые мы предоставили нашим министерствам и ведомствам. Люди быстро умнеют там, где появляется интерес. <...>

Вместе с тем меня смущают те ограничения, которые существуют в Италии. Мы нередко ощущаем негативное воздействие этих ограничений и даже секретности в наших двусторонних отношениях. <...>

Если открываются перспективы сотрудничества по линии крупных частных корпораций, таких как «Оливетти», а правительства в свою очередь ставят препятствия на этом пути, то это трудно преодолимо. <...>

На опыте своей перестройки мы убедились, что на старой базе далеко не уедешь. Давайте непредвзято посмотрим на все сферы нашего двустороннего сотрудничества. Может быть, необходимо облегчить таможенный режим или принять другие меры для углубления нашего сотрудничества. Мы имеем большие резервы внутри страны, обладаем огромным рынком. Однако, если продолжать торговать и расплачиваться только сырьем, к такому сотрудничеству постепенно теряется интерес.

На наш взгляд, необходимо продавать и покупать машины и оборудование, новую современную технологию. Мне кажется, пора сломать традиции, когда у нас покупали только сырье. Хотя, разумеется, оно останется важнейшим компонентом нашей торговли. <...>

Ясно, что расширение нашего сотрудничества должно совпадать с созданием необходимой инфраструктуры. <...>

Что касается политического диалога, проблем безопасности, сотрудничества в Европе и общеевропейского процесса, региональных проблем, то хотел бы отметить, что мы ценим вклад Италии. Отмечаем, что этот вклад является конструктивным, и в этом заслуга итальянского правительства и министерства иностранных дел. Со своей стороны, мы готовы продолжать это сотрудничество.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Президентом Итальянской Республики Франческо Коссигой
Рим, 29 ноября 1989 года*

Горбачев. <...> Хотел бы начать с того, чтобы поблагодарить Вас, всех итальянцев за прекрасную атмосферу, в которой проходит визит*. Нам известно отношение итальянского народа к Советскому Союзу, к тем процессам, которые у нас развернулись в рамках перестройки. Со стороны вашего

* Горбачев по приглашению итальянского правительства посетил Италию с официальным визитом 29 ноября – 1 декабря 1989 года. Повсюду, где бы он ни появлялся, его восторженно приветствовали тысячи итальянских граждан.

народа, с которым мы связаны многовековыми традициями, мы ощущаем не только понимание, но и солидарность, движение души. <...>

Советское руководство высоко ценит тот политический диалог, который мы ведем с Италией. Роль этого диалога специфична, уникальна. Он сохранялся, несмотря на все ветры не только на Европейском континенте, но и в мире. Он всегда был стабилизирующим фактором. Его отличал поиск и творческий подход. В ряде случаев он играл незаменимую роль, давал импульсы к выходу на более нормальные отношения, на решение острых ситуаций. <...>

Коротко о двусторонних отношениях. Они развиваются хорошо. Но и мы, и вы понимаем, что нужны новые импульсы. Так что визит своевременный. Надеюсь, что общими усилиями мы дадим мощный импульс и двусторонним отношениям, и в более широком плане.

Коссига. <...> В истории никогда нельзя сказать, как могли бы развиваться события при том или ином развороте... Я как-то отвечал на вопросы американского журналиста о том, что я думаю о Горбачеве. Я сказал: главное, насколько я понимаю, это то, что он реально осознает необходимость менять ситуацию. Эту же необходимость понимают и многие его соотечественники, точнее чувствуют, но не могут выразить. Я сказал, что Горбачев — великий политический деятель, которого отличают реализм, энтузиазм и осторожность. Причем это добродетели не только лично Ваши, но и всего советского народа.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева в Квиринальском дворце
Рим, 29 ноября 1989 года**

В лице руководителей Италии мы ценим государственных деятелей, которые откликнулись на нашу перестройку, на наше новое мышление, восприняли идею европейского дома и вносят свой оригинальный вклад в развитие хельсинкского процесса. <...>

Все вопросы, в том числе и очень сложные, оставшиеся Европе от войны и послевоенного периода, могут разрешаться благополучно только на принципах, и только в рамках хельсинкского процесса.

Реальная политика имеет дело с реальностями. Отсюда необходимость строгого соблюдения принципов невмешательства и свободного выбора. <...>

Мы глубоко удовлетворены тем, что по вопросам, с которыми в данный момент связано преодоление кризисных явлений в Европе, у нас с итальянским руководством есть согласие в основном и главном. Это значит, что советско-итальянские отношения будут и впредь выполнять свою специфическую, уравновешивающую роль, генерирующую конструктивные возможности. <...>

* Квиринальский дворец — резиденция президента Италии. Это был прием, устроенный президентом Италии Ф. Коссигой в честь гостя. Присутствовали председатель Совета министров Андреотти, министр иностранных дел Де Микелис, другие министры, видные общественные деятели, представители культуры.

Предмет нашего пристального внимания — Средиземноморье в целом. Это — колыбель не только европейской, но и арабской, магрибской, еврейской истории и культуры. Народы нашей страны в течение веков что-то брали от каждой из них. А сегодня Средиземноморье — это также и зона, от которой зависит наша безопасность. Со многими расположенными здесь странами, и не только с ними, торговые перевозки осуществляются главным образом именно этим водным путем. Средиземное и Черное моря — единая экологическая и гидрологическая система. И мы нуждаемся в том, чтобы эта система была сбалансированной.

Словом, нас близко касается все, что происходит в этом важнейшем регионе мира. <...>

Хотелось бы в итоге визита придать импульс совместной работе по реализации идеи «домов европейской цивилизации». Идея ведь советско-итальянского происхождения. Это были бы международные центры сотрудничества и обучения, места контактов европейской интеллигенции. В Советском Союзе уже создается первый такой дом — под Ленинградом, на базе музея семьи Бенуа. Есть и другие проекты...

*Визиты М.С. Горбачева в Италию и Ватикан,
29 ноября — 1 декабря 1989 г.:
Документы и материалы.
М. Политиздат, 1990. С. 13, 14, 15, 18.*

*Из беседы с председателем Совета министров Италии
Джулио Андреотти
Рим, 29–30 ноября 1989 года*

Вначале беседа проходила один на один, а на следующий день была продолжена в широком составе.

Андреотти. Хотел бы вновь выразить свою радость в связи с тем, что Ваш столь долгожданный визит в Рим, наконец, начался <...>. Оставляю на Ваше усмотрение выбор тем для этой, первой части нашей беседы. <...>

Горбачев. <...> Хотел бы затронуть один вопрос в доверительном плане. Дело в том, что, когда мы слышим заявления, что президент Буш желает успеха и поддерживает перестройку, что он не будет вмешиваться в процессы, которые развиваются в Восточной Европе, и даже в те процессы, которые происходят в Западной Европе, у меня возникает впечатление, что американцы все же еще окончательно не определились. И в этом, может быть, самая большая трудность нынешнего переходного, переломного момента в нашей общей истории.

Ведь мы идем к другим отношениям, а значит, и к другому восприятию друг друга, другим критериям. Это перемены исторического масштаба, политико-стратегического характера. Американцы же, похоже, остались в прошлой эпохе. Они пытаются убедить свое общественное мнение, что в «холодной войне» выиграли США, а значит, их политика была оправданной, и все, что они делали, было правильно. Это больше всего нас беспокоит, и об этом я буду говорить с Бушем.

Беседа с Джулио Андреотти

Я знаю, что Буш привык выслушивать мнения многих людей по разным вопросам. Но ведь это надо для того, чтобы, в конце концов, определиться, занять позицию. <...>

Андреотти. Глубоко ценю Вашу искренность и доверительность, господин Президент. Все мы должны учитывать то значение, которое имеют США сегодня и которое они будут иметь в дальнейшем развитии международного общения. Как мне кажется, я достаточно хорошо знаю, что происходит в Соединенных Штатах, даже написал книгу об американцах. <...>

В целом я убежден, что за линию разрядки, за линию преодоления «холодной войны» выступает подавляющее большинство не только политического руководства, но и всего населения США. Но чтобы помочь такому развитию, необходимо твердо усвоить одну вещь: существующие военные союзы, в том числе НАТО, играют свою роль, имеют свое большое значение. В некоторых странах сейчас происходят крупные внутренние изменения, и если мы не рассматривали бы военные проблемы именно на уровне наших союзов, то это было бы чревато большим риском. И в то же время существование НАТО является подтверждением тесной связи, существующей между США и Западной Европой.

Я всегда подчеркиваю одну мысль: поворот в мировой политике произошел, когда был подписан хельсинкский Заключительный акт. Именно тогда впервые оказались на одном уровне и военные вопросы, и экономическое сотрудничество, и права человека. Именно тогда все признали, что США и Канада являются неотъемлемыми участниками этой модели европейской безопасности.

Горбачев. В связи с этим о Европе.<...> Если потенциал (*Европы*) правильно использовать, то можно многого достичь. Но нужно преодолеть идеологию

ческие барьеры. Пусть каждый молится своему богу — это не должно мешать общему процессу. <...> Для того чтобы мы могли вместе двигаться в нужном направлении, и Западной Европе необходимо многое изменить. Не надо думать, что это только дело Востока. <...>

Андреотти. Прежде всего, я хочу подчеркнуть, что полностью согласен с Вашей мыслью о том, что ни Восток, ни Запад не обладают абсолютной истиной, к которой должна приспособляться другая сторона. <...>

Я полностью согласен с Вами, господин Президент, в том, что мы можем развивать общеевропейское сотрудничество по новым направлениям, например экологическому. И конечно, будем вместе готовиться и Хельсинки-2. Не скрою: я рад, что Вы подтвердили, что рассматриваете США как неотъемлемую часть общеевропейского процесса. Конечно, многие проблемы получили уже значительное развитие в рамках Европейского сообщества и Атлантического союза. А в перспективе можно было бы подумать о расширении состава Совета Европы. Эта организация более представительна, чем ЕЭС. <...>

Горбачев. Вы правильно говорите, что не может быть монополии на истину. Надо идти навстречу друг другу, искать точки соприкосновения, то, что нас объединяет. И тогда отпадет многое негативное, что было накоплено за многие годы, и мы выйдем, наконец, на новые отношения. И сделать это можно на путях демократизации и одного, и другого общества с учетом национальных особенностей, исторического развития, культуры и т.д. Философская часть нашей беседы несколько затянулась, но думаю, что она была нужна. <...>

Переговоры были продолжены 30 ноября 1989 года.

Горбачев. Полагаю, господин Премьер-министр, что сейчас мы могли бы заслушать наших министров иностранных дел, узнать, о чем они договорились.

Андреотти начал с благодарности за визит и особенно подчеркнул тот «сердечный прием, который оказал Вам итальянский народ. Это даже не сердечность, правильное сказать — любовь»*.

Я согласен с Вами — давайте послушаем министров Шеварднадзе и Де Микелиса.

Горбачев. Да, и послушаем придиричиво.

Шеварднадзе сообщает, что с итальянскими друзьями обстоятельно обсуждены вопросы, связанные с дальнейшим развитием общеевропейского процесса. Была достигнута договоренность о том, что министрам иностранных дел двух стран нужно встречаться как минимум пару раз в год, чтобы иметь возможность обсуждать проблемы, накапливающиеся в Европе. Состоялся обмен мнениями по вопросам военного противостояния на континенте, экономической интеграции, детально рассмотрена германская проблема. В общем плане был уделен внимание обстановке в Средиземноморье.

* Везде, но особенно в Милане это было просто буйством восторгов, люди свисали из окон, стояли на крышах, машина Горбачева не могла пробраться сквозь толпу. Люди тянули руки в машину, а когда Горбачев вышел, его чуть не раздавили в объятиях. У полиции и охраны были просто «черные» дни!

Де Микелис, согласившись со сказанным Шеварднадзе, отметил важность переговоров по разоружению, ведущихся в Вене. Если на них будут достигнуты серьезные результаты, то за этим последует серьезное развитие по другим направлениям. Он также затронул сложную ситуацию в зоне Средиземноморья. В заключение — подчеркнул большое значение, которое Италия придает проблемам двустороннего сотрудничества, в том числе при оказании помощи развивающимся странам.

Андреотти. <...> Дух нашего сообщества — это не дух замкнутой крепости. У нас есть понимание того, что процессы, которые идут по двум направлениям — экономической интеграции и политического сотрудничества, не должны оставаться в стороне от происходящего в остальной части континента. Мы считаем, что при определении планов на будущее с обеих сторон необходимо не воздвигать новые барьеры, а устранять или смягчать уже существующие. <...>

Мы не только не должны позволить, чтобы одна часть Европы была противопоставлена другой. Мы должны стремиться к сотрудничеству со всеми другими странами, в том числе с нейтральными и неприсоединившимися, которые представляют собой весомый фактор европейской политики. <...>

Завершая наши переговоры, хочу выразить глубокое удовлетворение их насыщенностью и содержательностью. Убежден, что они принесут большую пользу и решению столь важных для всех нас проблем.

Горбачев. Согласен с Вами. Нынешние переговоры не просто подтвердили высказанную мной ранее оценку состояния наших отношений. По их итогам можно говорить об углублении и динамизации политического диалога и отношений в целом на всех направлениях.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече с представителями
городских властей и общественности Рима
30 ноября 1989 года*

Горбачев. <...> Россия и Италия на протяжении столетий тяготеют друг к другу. <...> Тысячи нитей духовно и эмоционально связывают наши народы. И мы по праву говорим о старой, доброй традиции в отношениях между нашими народами.

Невольно задумываешься, в чем источник привораживающей силы итальянского начала? Видимо, во всеохватности, в способности проникать во все стороны бытия — своим искусством, философией, правовым сознанием, политическими теориями. Во врожденном плюрализме, стремлении понять любую точку зрения, в неприятии доктринерства, в подозрительности к любым истинам в конечной инстанции. Но более всего, наверное, — в гуманизме, где мерой всех вещей, альфой и омегой всего сущего выступает человек. <...>

Мы ценим понимание нашими собеседниками здесь, в Италии, нынешней ситуации, ее позитивного смысла и связанных с ней опасностей. Рад, что с итальянским руководством у нас обнаружилось согласие в том, что любая дестабилизация в одном пункте континента несет угрозу всему ему и что

общей заботой должно быть предотвращение любых действий, которые могут быть расценены как вмешательство. <...>

Мы — за меняющийся, но стабильный мир. Такова объективная диалектика развития. И высочайшая ответственность современной политики перед человечеством состоит в том, чтобы помочь этому закону истории служить прогрессу и благу людей.

Наши беседы и переговоры здесь, в Риме, позволяют сделать вывод, что Италия и Советский Союз, действуя совместно или параллельно, могут этому очень сильно содействовать — в интересах своих стран, в интересах Европы и мирового сообщества. И наконец, мы очарованы доброжелательной, искренней атмосферой, которая нас окружает. Преисполнены чувством признательности итальянцам за солидарность и поддержку того великого дела, которое мы начали в своей стране.

*Визиты М.С. Горбачева в Италию и Ватикан,
29 ноября — 1 декабря 1989 г.
С. 31, 41, 44–45.*

*Из беседы с Акилле Оккетто
Рим, 30 ноября 1989 года**

Горбачев. <...> Мне всегда интересно встречаться с руководителями Итальянской компартии, которая ищет новые политические решения, разрабатывает оригинальную позицию. <...>

Что касается современной политики ИКП, то мы видим ее динамику, понимаем, что итальянские коммунисты не имеют права отставать от развития событий в мире, да и в Италии тоже.

На своем примере убедились, что терять время опасно. Вот, скажем, несколько лет назад мы не прислушивались к критике итальянских товарищей. А может быть, вместо того чтобы спорить, надо было проанализировать эти критические высказывания. Потеря времени — это обострение проблем, которые, разрастаясь, становятся болезненными. <...>

Оккетто. <...> Принимая решение об изменении характера и названия партии, которое в дальнейшем должен одобрить чрезвычайный съезд ИКП, руководство партии исходило из двух факторов. Первый. Современный мир меняется очень быстро, и эти перемены оказывают воздействие на все политические и общественные силы, на всех нас. Второе. Происходят существенные сдвиги и внутри политической ситуации в Италии.

Исходя из этого, партия пришла к выводу, что перед ней стоит дилемма: либо оставаться на прежних позициях, что чревато утратой политического влияния, либо стать инициатором новой политической линии, которая позволила бы ей идти впереди, укреплять свое положение в обществе. И мы сделали выбор в пользу нового. При этом мы считаем, что этот выбор — не

* Оккетто (р. 1936) был избран национальным секретарем Итальянской коммунистической партии в 1988 году, после ухода в отставку Алессандро Натты. Под руководством Оккетто ИКП трансформировалась в Демократическую партию левых сил (потом — Демократическая партия).

отказ от прежних ценностей, а что это — сохранение социалистических идеалов, новая фаза борьбы за социализм. <...>

Горбачев. Я понимаю так, что речь идет о выборе, который должна сделать Итальянская компартия. И здесь ответственность за глубину анализа и за разработку перспективы лежит на руководстве ИКП. <...>

Оккетто. Конечно, очень важно вести дело таким образом, чтобы избежать ошибочных решений. Для нас, например, важно то, как будут развиваться наши отношения с Социнтерном, с соцпартией. У ИКП, например, сейчас развиваются плодотворные отношения с социал-демократами Западной Германии, Швеции, некоторыми другими соцпартиями, с руководством Социнтерна. И в то же время Кракси³⁶ нас попросту знать не хочет. Это же парадокс!

А как КПСС оценивает отношения с Социнтерном, их перспективу?

Горбачев. В последние годы наши отношения с Социнтерном развиваются на основе совместных поисков, на основе признания многовариантности реализации социалистической идеи. <...>

Далее встреча продолжалась в составе делегаций.

Горбачев. В наших отношениях с Италией есть особенности, и особенности позитивные. Мы имеем дело с серьезными политиками. В этом есть и заслуга Итальянской компартии. В стране, где есть такая сильная Компартия, государственные деятели должны обладать гибким умом.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече с представителями
деловых и финансовых кругов Италии
Милан, 1 декабря 1989 года*

Горбачев. <...> Вы — люди дела. Но думаю, согласитесь, что в практических вещах легче договориться, если есть взаимопонимание в вопросах более общего порядка. Масштаб проблем и темпы перемен сейчас таковы, что такое понимание особенно желательно. <...>

С удовлетворением отмечаю, что подписанные в эти дни соглашения отвечают самым высоким требованиям и, надеюсь, принесут должную выгоду и итальянцам.

Хочу особо отметить, что итальянские предприниматели и наши торгово-промышленные организации были и остаются первопроходцами. Мы, в Советском Союзе, не забыли, что первые крупные контракты с Западной Европой в послевоенные годы получили путевку в жизнь здесь, в Милане. Не случайно здесь родилась Итало-советская торговая палата, первый председатель которой Франко Маринотти приложил немало сил и воображения, чтобы экономические отношения между нашими странами вышли на хорошую дорогу.

Своеобразными символами эффективного экономического сотрудничества с Западом стали для советских людей построенные при участии именно итальянцев автомобильные гиганты в городах Тольятти и Набережные Челны.

Мы с вами первыми прокладывали путь к сотрудничеству в поставках на Запад советского газа.

Замечаем, что активнее многих других итальянцы откликаются на новую нашу внешнеэкономическую политику. В свою очередь у нас, в Советском Союзе, давно сложилась, я бы сказал, повышенная восприимчивость к итальянскому опыту в производстве и торговле. Система совместных предприятий, промышленной кооперации, научно-технических связей может постепенно приобретать своего рода интеграционный характер.

Как мы мыслим себе перспективу?

Это — сотрудничество в разработке и применении новейших научно-технических достижений (у нас в науке есть немало очень сильных и оригинальных разработок и еще больше идей).

Это — организация совместного производства принципиально новых изделий как в СССР, так и в Италии.

Это — создание совместных предприятий принципиально нового типа, обеспечивающих прорыв в будущее, освоение техники и технологии XXI века. <...>

У нас сейчас создается международный центр развития малых предприятий. В Италии этим занимаются Конфиндустрия³⁷ и Объединение торговых палат. Так что партнеры-организаторы с обеих сторон имеются. Для мелких и средних фирм можно было бы предусмотреть определенные взаимные льготы и предпочтения. Словом, поле для работы здесь налицо. И его можно было бы начать осваивать. <...>

Мы приветствуем договоренность о создании советско-итальянской рабочей группы, о программе совместных исследовательских работ. <...>

Хотелось бы, чтобы Конфиндустрия, Итало-советская торговая палата, соответствующие государственные органы Италии вместе с аналогичными нашими организациями не тянули с созданием оперативного, подвижного и, конечно, сугубо равноправного механизма, способного обеспечить эффективность нашего с вами сотрудничества.

*Визиты М.С. Горбачева в Италию и Ватикан,
29 ноября — 1 декабря 1989 г.
С. 55, 59–60, 62–63.*

*Из беседы с Акилле Оккетто
Москва, 15 ноября 1990 года*

Оккетто. <...> Что касается положения в нашей партии, то в последнее время оно значительно улучшилось, особенно в отношении той проблемы, которую мы обсуждали на нашей последней встрече в Риме, — возможен ли раскол в ИКП. <...> Парадоксально, но факт: положение в партии стало спокойнее после того, как была представлена новая эмблема и новое название партии. На новой эмблеме будущей партии изображен раскидистый дуб, корни которого уходят в старую эмблему ИКП с серпом и молотом. Это означает, что коммунистические корни новой партии не утрачены. <...>

Будущая партия будет называться Демократической партией левых сил. Это диктуется тем, что в современных итальянских и мировых условиях необходим новый подход, новая культура левых сил. Мы хотим выйти не только за рамки коммунистической, но и социал-демократической традиции. <...>

Итак, в чем новизна нашего предложения? Она заключается в том, что мы берем все лучшее из нашего коммунистического прошлого. При этом мы хотим создать новую, массовую, народную, демократическую партию трудящихся. <...>

Горбачев. А как реагирует на это общество? Усилились или ослабли ваши позиции в профсоюзах?

Оккетто. Если говорить в общем, то наша партия очень сильна. Правда, ее позиции в последнее время несколько пошатнулись из-за внутрипартийной борьбы. <...>

Горбачев. <...> Еще один вопрос: не ослабевает ли интерес итальянских коммунистов к нашей перестройке, нет ли у них беспокойства?

Оккетто. Я убежден, что подавляющее большинство коммунистов испытывает огромную симпатию, интерес к перестройке. <...> Правда, по сравнению с прошлым годом проявляется некоторая озабоченность в связи с вашими экономическими и технологическими затруднениями. Люди видят ваши сложности и в решении национального вопроса, усматривают их связь с экономикой.

Горбачев. <...> Нам предстоит пройти через дискуссии и конфронтацию среди нас самих. <...> Эти дискуссии обострились в особенности сейчас, когда стало ясно, что в ближайшие месяцы и годы будет заложено то, что надолго определит наше будущее. <...> В крайне радикальных предложениях проявляется, однако, политический авантюризм, который не менее опасен, чем консервативные настроения. Этот авантюризм может привести нас к концу перестройки.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Советско-испанские отношения

В России к Испании, к испанцам — давнее влечение и интерес не только в сфере культуры. В тяжелые для Испании годы гражданской войны Советский Союз как государство, враждебное фашизму, и советский народ проявили необычайную, бурную солидарность, оставившую в его собственной истории яркую полосу подлинного, искреннего интернационализма. Возникшая тогда взаимная симпатия оказалась очень устойчивой, сохранилась на многие десятилетия — несмотря на изоляцию Испании на протяжении десятилетий при Франко.

Для Советского Союза, совершавшего в годы перестройки переход от тоталитаризма к демократии, оказался крайне интересен опыт успешного преодоления франкистского прошлого на путях национального согласия и политической стабильности. Все это вместе — в атмосфере заметной тогда демократизации международных отношений — определило характер советско-испанских контактов, исполненных благожелательности и доверия на самом высоком уровне.

У Горбачева сложились на редкость дружеские отношения с тогдашним лидером испанских социалистов, главой правительства Испании Фелипе Гонсалесом, а затем возникла искренняя взаимная симпатия с королем Хуаном Карлосом I, сыгравшим огромную роль в демократизации своей страны. Первый доверительный разговор Горбачева с Фелипе Гонсалесом состоялся в Москве в мае 1986 года. Записью этой беседы архив Горбачев-Фонда не располагает. Сам Горбачев в своих воспоминаниях эту встречу описывает так: «Это был многочасовой, энергичный, страстный диалог. Я к нему не раз потом возвращался мыслью, думая о проблемах своей страны, значении обмена опытом, советско-испанском факторе, о Европе и о «третьем мире», перспективах цивилизации. В Гонсалесе я видел одного из представителей нового поколения лидеров Социалистического интернационала, подлинного демократа, человека с большим кругозором, способного видеть противоречивую сущность явлений, рассматривать все в движении. Все это определило характер наших личных отношений». (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1995. С. 220.*)

Во второй половине 80-х годов между Горбачевым и Гонсалесом происходил регулярный обмен посланиями. В марте 1989 года советский руководитель принял в Москве министра иностранных дел Испании Франсиско Фернандеса Ордоньеса, заверившего советское руководство, что его страна — надежный партнер для Советского Союза и что на нее можно положиться. Близость с Испанией закрепились во время визита Горбачева в Испанию в октябре 1990 года и во время пребывания его в Мадриде в качестве сопредседателя (с Джорджем Бушем) на конференции по урегулированию ближневосточного конфликта.

Последняя встреча Горбачева и Гонсалеса в дни этой конференции — выдающийся документ международного значения. **Испанский лидер продемонстрировал свой мощный интеллектуальный потенциал в оценке ситуации, грозившей распадом Советского Союза, высказал мысли и оценки, которые, если бы они были восприняты лидерами других крупных держав, могли бы способствовать тому, что события мировой истории пошли бы по иному руслу, более благоприятному и перспективному для судеб Европы и международного сообщества.**

*Из беседы с Франсиско Фернандесом Ордоньесом
Москва, 3 марта 1989 года*

Горбачев. <...> Наш народ питает к Испании, к испанскому народу глубокие дружеские чувства. Очень ценим динамичные отношения, развивающиеся между нашими странами. Хорошо, что все проблемы можем обсуждать открыто, в духе широкого доверия и уважения к позициям друг друга. Все наши товарищи, кто бывает в Испании, по линии политических контактов, парламентских связей или общественных организаций, да и просто как туристы, возвращаются из вашей страны под большим впечатлением. В первую очередь это вызвано проявлениями в Испании добрых чувств к нашей стране, к советскому народу. Думаю, это хорошая база, чтобы наращивать наши отношения в сфере экономики, торговли, в области туризма. <...>

Рассчитываем, что, воспользовавшись вашим расположением к нам, а главное большим опытом, можем на взаимной основе поработать в этой сфере (*туризма*). У испанских предпринимателей есть большой интерес к этому. А у нас эта сфера пока не развита. Это плохо для экономики. Так что давайте поработаем вместе.

Знаю, что сегодня вы подпишете с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе Договор о социальном обеспечении трудящихся. Это очень хороший, гуманный акт. Мы его приветствуем. <...>

Пользуясь этой встречей и атмосферой искренности, хочу выразить Вам и в Вашем лице испанскому правительству и народу сердечную благодарность за ту реакцию испанцев, которая была проявлена в связи с нашей бедой в Армении, и за ту реальную помощь, которую вы нам оперативно оказали.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Фелипе Гонсалесом
Мадрид, 26 октября 1990 года*

Горбачев. <...> После нашей встречи в 1986 году и переписки между нами на протяжении четырех лет, думаю, мы в состоянии продолжить на высокой ноте обмен мнениями в духе искренности и взаимного уважения.

С тех пор произошли действительно крупные, принципиальные изменения. Другими стали и Испания, и СССР, и Европа, и весь мир. Теперь надо все это закрепить, чтобы на драматическом повороте от «холодной войны» к новому устройству мира позитивные процессы не захлебнулись. <...>

Насколько я могу судить, у нас с вами довольно широкое совпадение взглядов на будущее Европейского сообщества. Жак Делор³⁸ сказал мне, что Вы занимаете самую продвинутую позицию в отношении интеграционных процессов в ЕС и принадлежите к тем политикам, которые глубоко понимают значение интеграционных процессов в Сообществе. Это касается и механизма принятия решений в Сообществе, и создания единого экономического, юридического пространства 12-ти государств. Думаю, что и на встрече в Риме такая близость позиций с Делором может сыграть свою роль. Он тоже

Фелипе Гонсалес Маркес (Felipe Gonzalez Marquez) — многолетний лидер испанских социалистов. Родился в 1942 году в Севилье в семье предпринимателя. В 1966 году окончил юридический факультет Севильского университета. Принимал активное участие в борьбе студенчества против режима Франко, неоднократно подвергался арестам. С 1962 года — член организации Социалистическая молодежь, с 1964 года — в Испанской социалистической рабочей партии, находившейся в подполье. С 1970 года — в Исполкоме, с 1974 года — генеральный секретарь ИСРП.

После свержения франкистского режима выдвинулся в число наиболее влиятельных политических деятелей Испании. Активно выступал за скорейшую демократизацию, легализацию всех оппозиционных партий, всеобщую амнистию политзаключенным. С 1982 по 1996 год возглавлял правительство социалистов. За эти 14 лет в Испании была создана устойчивая демократическая политическая система и преодолен глубокий экономический кризис. Испания, став членом Евросоюза, превратилась в одну из авторитетных стран Западной Европы. В этом несомненная заслуга Фелипе Гонсалеса — личности очень яркой, обладающей качеством мыслителя и оригинального политика.

Хорошие отношения Испании с США сочетались в эти годы с укреплением ее самостоятельности, что позволило реализовать курс на нормализацию и развитие добрых отношений с СССР.

После ухода в отставку с постов премьер-министра и генерального секретаря ИСРП Гонсалес продолжал деятельность в Социалистическом интернационале. В 2008 году на саммите лидеров стран Евросоюза назначен руководителем группы ведущих аналитиков («группа размышлений»), которой поручены оценка и прогнозирование перспектив дальнейшего развития ЕС. Автор и соавтор книг: «Что такое социализм?» (1977), «Испания и ее будущее» (1978) и других.

хорошо понимает ситуацию в СССР, ясно представляет, где мы находимся. Вашим потенциальным союзником может быть и Андреотти, который также очень близок к пониманию проблем и задач нашей перестройки. И это находит отражение в его серьезных практических шагах в поддержку нас и в целях закрепления позитивной линии ЕС по отношению к СССР.

Словом, повторю: желательно, чтобы в Риме позиция Фелипе Гонсалеса стала позицией ЕС. <...>

Гонсалес. <...> Завтра в Риме я со всей доступной мне убежденностью намерен повторить и усилить занятую мной в Дублине позицию в отношении перестройки. Я абсолютно убежден в необходимости помощи, чтобы помочь

вам преодолеть кризис наличных денег и запустить механизм рыночной экономики. Уверен, что краткосрочные трудности при нынешних масштабах и возможностях СССР могут быть ликвидированы. Уверен, что ЕС может пойти на смешанные решения: обеспечить кредитные линии, необходимые вам, и принять далеко идущие решения по поставкам потребительских товаров. Да, сохраняются некоторые юридические трудности. Однако, думаю, их можно обойти. Нас очень заботит — и этот психологический фактор нельзя не учитывать, — какова будет эффективность использования кредитов и их распределения. Считаю необходимым, чтобы за эти кредиты отвечал единый партнер — центральное правительство, которое берет на себя всю полноту ответственности за их использование.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Фелипе Гонсалесом (переговоры в расширенном составе)
Мадрид, 27 октября 1990 года*

Гонсалес. <...> Хочу, отбросив дипломатические условности, выразить удовлетворение тем, что наши беседы и переговоры выявили полное совпадение подходов Испании и СССР по международным вопросам.

Горбачев. В свою очередь хочу поблагодарить испанское руководство за теплое гостеприимство на испанской земле от себя и от всей советской делегации. Я уже имел возможность выразить благодарность королю Испании и королеве Софии. Это отражает не только мое личное настроение, но и мнение всех членов делегации, с которыми мы вчера до двух часов ночи обменивались впечатлениями. А среди них общественные деятели, официальные лица, деятели культуры. Их размышления очень позитивны и интересны. Ведь вокруг наших с вами переговоров тоже идут беседы, встречи, выступления в средствах массовой информации. Получается, что формат этого визита широк и масштабен.

Все едины в том, что такой визит был совершенно необходим. Было и замечание насчет того, что надо было бы пораньше приехать в Испанию. Принимаю его в порядке самокритики.

В эти дни завершается большая плодотворная работа, выводящая советско-испанское сотрудничество на новую фазу. Происходит плодотворный политический диалог. Мы широко открываем двери, чтобы в самое ближайшее время наше сотрудничество с Испанией стало еще более эффективным.

После встреч с представителями политического и делового мира я обнаружил у них то же доброе устремление, что и у правительства Испании. Такое настроение следует всячески приветствовать.

Для нас сотрудничество с Испанией особенно важно потому, что эта страна имеет позитивный опыт перехода к другой фазе развития общества. Для нас важен испанский опыт строительства демократии, новых форм экономической жизни.

С удовлетворением отмечаю, что испанское правительство — надежный партнер, с которым можно вести дела основательно и солидно.

Согласен с Вашим предложением. Пусть министры иностранных дел кратко подытожат свои беседы, чтобы затем перейти к подписанию документов и фиксации того согласия, которое налицо.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Фелипе Гонсалесом
Москва, 8 июля 1991 года*

Горбачев. <...> Должен сказать, что импульсы, которые мы с вами дали в октябре прошлого года в Мадриде, оказали огромное влияние на весь комплекс наших отношений. Наверное, можно было бы желать лучшего в области экономического сотрудничества. Но тут большая доля ответственности ложится на нас. Не потому, что мы не хотим развивать наши связи в этой сфере, а потому, что мы находимся в фазе самых глубоких перемен и это оказывает тормозящее воздействие. Страсти у нас кипят, с котла может сорваться крышка. <...>

Я говорю об этом, чтобы подчеркнуть, что мы чувствуем с вашей стороны подлинную солидарность в это трудное время. Мы ценим эту поддержку с вашей стороны, как со стороны людей, искренне заинтересованных в успехе начатого нами дела. И дело не только в политической поддержке, а в конкретных шагах, в деловом сотрудничестве. <...> Товарооборот в прошлом году приблизился к 1,7 миллиарда долларов. Созданы уже десятки совместных предприятий. Испанский капитал пошел в важные сферы нашей экономики. Сотрудничество с Испанией в легкой и пищевой промышленности идет на пользу людям.

Гонсалес. Хочу, чтобы вы знали: мы по-прежнему с чувством глубокой солидарности и, я позволю себе сказать, со страстью следим за событиями в Советском Союзе и сопереживаем с вами все происходящее здесь.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Франсиско Фернандесом Ордоньесом
Москва, 11 сентября 1991 года*

Ордоньес. <...> Фелипе Гонсалес поручил мне передать Вам свое устное послание. Прежде всего, он просил сказать Вам, что все мы в дни путча испытали огромное напряжение и озабоченность Вашей судьбой и судьбой Вашего дела. Напряжение усиливалось в связи с тем, что первая информация, поступавшая из Советского Союза, носила крайне неопределенный характер. Нас также крайне обеспокоила «смазанная» реакция на события в вашей стране со стороны некоторых из наших партнеров. Исходя из этого мы поставили перед собой задачу добиться необходимо жесткой реакции международного сообщества на происходившее в СССР, которая получила бы при этом эффект снежного кома.

Что касается нас, то Испания всегда решительно поддерживала процессы реформ в СССР. Теперь же эта поддержка носит тем более безоговорочный

характер. Для нас имеет особое значение сохранение перспективы выхода на разумный Союзный договор. В поддержку этого мы активно работаем на всех международных форумах. Я с радостью хочу отметить, что из бесед и встреч, которые мне довелось провести в Москве, ясно просматривается, что в вашей стране активно вызревает идея воссоздания Центра в качественно новом виде.

Председатель правительства просил подчеркнуть в разговоре с Вами, что мы прекрасно понимаем важность для вас экономической проблематики на нынешнем этапе. В меру своих сил мы придаем этому первостепенное значение, как в рамках ЕС, так и в том, что касается наших двусторонних отношений. У вас не должно быть никаких сомнений в том, что мы желаем реализации всех экономических проектов между нами без каких-либо изъятий. Подтверждением этому является продолжающаяся сейчас реализация кредитной линии по продовольственным товарам. Ввод в действие второй части этого кредита задерживается по причинам технического характера, связанным с проблемами внутренней компетенции в Советском Союзе. Мы со своей стороны готовы в кратчайшие сроки устранить все препятствия на путях ее эффективной реализации.

В развитие ваших личных договоренностей в июле этого года Гонсалес подтверждает, что в удобные для обеих сторон сроки и в ближайшее время мы готовы направить к вам министра промышленности, энергетики, торговли и туризма во главе большой группы ведущих испанских бизнесменов. В русле контактов на высоком уровне мы ждем в Испании в недалеком будущем и вашего нового министра обороны.

Горбачев. Спасибо за послание Гонсалеса. Должен сказать, что в последние годы в нем и в его ближайших коллегах по испанскому руководству мы нашли близких по духу и по взглядам партнеров, которые стали для нас искренними друзьями. У русских есть хорошая поговорка: «Друзья познаются в беде». В этой связи я прошу передать Фелипе мои самые теплые чувства благодарности за вашу безупречную реакцию в дни августовских событий. Я Вас прошу также передать нашу самую искреннюю признательность всему испанскому народу за солидарность в тот трудный момент. <...>

Хочу особо подчеркнуть, что в связи с попыткой путча мы столкнулись с немаловажными нюансами в реакции наших партнеров на события в Союзе. Мы для себя особо отметили быструю и принципиальную реакцию Испании. Активно и предельно ясно заявил свою позицию президент США. То же самое можно сказать, например, о президенте Гавеле. В то же время мы увидели, что целый ряд наших партнеров в первые два дня заняли позицию выжидания. Из всего этого необходимо сделать вывод, что мир такой, каким мы его хотим видеть, все еще находится в процессе формирования. Нам надо быть абсолютными реалистами на этот счет. <...>

Что касается экономического сотрудничества, я благодарю за информацию о действиях вашего правительства, как в рамках ЕС, так и в области двусторонних отношений. Для нас это особенно важно. Я хочу надеяться, что такая позиция Испании окажет соответствующее влияние на подходы ЕС к сотрудничеству с нами. В этой связи, хотя мы с ним уже говорили об этом

по телефону, я прошу передать Фелипе Гонсалесу, что мы придаем этому совершенно исключительное значение. <...>

Ордоньес. Господин Президент, Вы можете быть уверены в том, что в меру своих скромных сил и возможностей Испания сделает все от нее зависящее, чтобы содействовать успеху того исторического дела, которое Вы начали в 1985 году.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем, Фелипе Гонсалесом
и королем Хуаном Карлосом I
Мадрид, 29 октября 1991 года
(в дни конференции по Ближнему Востоку)*

Горбачев. <...> Несмотря на все наши внутренние трудности, мы полны решимости играть в мире конструктивную роль. А когда создадим Союз Суверенных Государств, то он будет мощным позитивным фактором на международной арене. Но предстоит серьезная борьба. Путчисты здорово подорвали будущее Союза. А говорили, что будут спасать страну. И кое-кто в прессе сейчас подбрасывает такой вопрос: где настоящие патриоты — на свободе или в тюрьме?

Хуан Карлос. Неужели это находит отклик?

Горбачев. Определенный отклик находит. Все-таки немало людей, которые считают, что демократия, конституция — это хорошо, но главное — должен быть порядок. <...>

Я постоянно говорю: Союз нужен нам, нельзя рвать нити, которые создавались столетиями. Но Союз нужен и нашим партнерам на международной арене. Потому что хаос и постоянная нестабильность у нас будут создавать угрозу для всех. И я сделаю все, чтобы сохранить Союз, конечно, обновленный, с большими правами суверенных республик, но в то же время с таким Центром, который им нужен, который обслуживает единое экономическое пространство, обеспечивает оборону за счет единых вооруженных сил, обеспечивает согласованную внешнюю политику и все то, что рвать просто нельзя, — единую энергосистему, транспорт и связь, экологию и т.д.

У нас сейчас многие думают, что можно разойтись, а потом сойтись, что достаточно иметь лишь свободную ассоциацию или содружество. Но я буду добиваться полноценного Союза, от этого не отойду. <...>

Буш. <...> Нас всех волнует этот вопрос. Каковы, на Ваш взгляд, шансы, что Ваш замысел удастся осуществить? <...>

Гонсалес. <...> Все это еще раз свидетельствует о том, что в современных государствах понятие самоопределения нельзя доводить до абсурда. Отделение — это абсурд. До какой степени делиться? Вплоть до самоопределения поселка? Но это логический итог, если начинать дробление. <...>

Горбачев. Многое сейчас — от незрелости наших политиков, выдвинувшихся на волне перестройки. Люди это очень разные. Я смотрю: вот человек, который вчера еще всеми силами служил режиму, был его яростным

Встреча М.С. Горбачева и Дж. Буша с королем Испании Хуаном Карлосом I и премьер-министром Ф. Гонсалесом. Мадрид, 29 октября 1991 года

сторонником, а теперь — сверхрадикал, сверхнационалист, яростный разрушитель Центра. И это не до августа, а сейчас, когда сметены тоталитарные структуры. Центра, который олицетворял эти структуры, больше нет. А против него продолжают бороться.

Гонсалес. Это типичный пример «псевдодискуссии», спора не о том. Конечно, здесь происходит подмена предмета спора. Как можно сейчас бороться с Центром, как будто ничего не изменилось? Это напоминает анекдот о президенте Колумбии, который, придя в 1980 году к власти, сказал: ярываю отношения с Испанией. Его спросили: почему? Он: потому что Испания украла наше золото. Да, говорят ему, но это было 500 лет назад. Так-то оно так, отвечает он, но я об этом узнал только что. <...>

Горбачев. <...> Я думаю, есть шанс создать полнокровный новый союз, где республики будут действительно суверенны и где будет и особая роль России. Объективно это лидирующая, ведущая роль. Но республики не примут сейчас никакого руководства в непосредственном виде. Единственная возможность для России выполнить эту свою роль — через новый Центр, где будут представлены все республики и где Россия в силу своего веса, потенциала и возможностей сможет проявить себя, вести за собой. В этом ее, можно сказать, историческая миссия.

Но за это, повторяю, предстоит борьба.

Хуан Карлос. И Вы верите, что сможете победить в этой борьбе? Мы всей душой с Вами.

Горбачев. Я думаю, что есть такой шанс. <...> Но повторяю, мы имеем шанс создать союзное государство, новое, с сильными республиками, но, прежде всего, — демократическое.

Гонсалес. Демократическое, и при этом обязательно с сильной исполнительной властью. Сильная власть не является, конечно, достаточным условием существования демократического государства, но является его необходимым условием.

Горбачев. Я с этим абсолютно согласен. Для нас сейчас это серьезная и очень трудная проблема, и я уже давно говорю о необходимости укрепления исполнительной власти на всех уровнях. <...>

Гонсалес. <...> Если говорить о США, то там основой сильной федеральной власти является то, что на федеральном уровне осуществляется 60 процентов всех государственных расходов. А решающим инструментом исполнительной власти — президентское право вето. <...>

Хуан Карлос. У нас в стране пока не так. Говорят, что убедительно только значительное большинство.

Гонсалес. Вы видите, господин Президент Буш, что мы завидуем вашей системе. Хотя (король, наверное, не слушает!?) я должен признать, что монархия хорошо послужила интересам современной Испании. Я, как человек, не имеющий каких-то монархических наклонностей, могу сказать об этом без обиняков.

Хуан Карлос. Я слышал, что сказал председатель правительства. Речь идет о монархии современного типа. Но прессе нужны темы, и она все время стремится «подбросить угли» в наши отношения с главой правительства, противопоставить нас.

Горбачев. То же самое стремятся делать многие у нас. <...> Есть люди, есть силы, которые в этом заинтересованы и просто постоянно этим занимаются.

Буш. А мне предстоит будущий год — год выборов. Скажу откровенно — думаю об этом с ужасом. Поразительна у нас способность в предвыборной борьбе искажать все вопросы, терять время не на то, что действительно важно. Даже и не знаешь, что свалится.

Я, конечно, не хочу, Михаил, сравнивать эти заботы с той гигантской задачей, которую решаете сегодня Вы. Это — потрясающая, захватывающая драма. Мы следим за ней, затаив дыхание, и желаем Вам успеха.

Горбачев. Я вижу в Ваших словах, господин Президент, понимание того, что сохранение и обновление нашего Союза, решение наших проблем — а они могут быть решены только в Союзе — нужно не только нам, хотя, конечно, прежде всего нам. Это важно и выгодно также для вас, для наших западных партнеров, для всего мира <...>.

Хуан Карлос. Я был очень рад быть хозяином в такой компании. Спасибо за очень интересный разговор. Все мы много почерпнули из него. Мы с господином Гонсалесом, конечно, присоединяемся к словам Президента Буша, который пожелал Вам, господин Президент, успеха в великом деле преобразования вашей страны.

*Из беседы с Фелипе Гонсалесом
Мадрид, 30 октября 1991 года*

Горбачев. <...> Я очень доволен нашей вчерашней совместной позицией на ужине у короля. Мы с тобой шли в одном строю и инициативу не выпустили из своих рук. <...> Однако Бушу представляется, что будь СССР поменьше, уйди, например, Украина, США станет еще легче с нами говорить.

Гонсалес. У меня не сложилось такого впечатления.

Горбачев. У нас была на этот счет одна информация, которая сейчас находит подтверждение. Американцы, видимо, действительно исходят из желательности для них дальнейшего ослабления Центра и усиления за его счет республик. Таким образом, они могли бы осуществлять нажим на нас, давя и на республики по отдельности. <...>

Буш понимает и знает наше положение. Почему же тогда он так действует? Значит, действительно хочет дальнейшего нашего ослабления? Дай бог, чтобы я ошибался, но если это так, то он совершает стратегическую ошибку.

Я все это ему вчера так прямо и сказал. Черняев, сидящий здесь, был там и подтвердит это тебе.

Гонсалес. Михаил, давай еще раз проанализируем ситуацию. Прежде хочу вновь подчеркнуть, что лично для меня нет сомнений в необходимости сохранения Союза как сильного государства. Это в интересах и Испании, и ЕС, и всего Запада. Но при таком понимании у меня существует и сильная озабоченность: есть ли сегодня условия для сохранения Союза, который не ограничивался бы экономическим соглашением, не сводился бы политически к конфедерации. Возможен ли сегодня Союз со значительными властными полномочиями Центра, достаточными для сохранения связей и взаимодействия между республиками и народами, его составляющими?

В моем понимании союзный Центр должен обладать полномочиями примерно сопоставимыми с теми, которыми обладает Буш. Вот почему вчера я ему говорил об этом за ужином. <...>

У администрации США, и у многих наших ответственных европейских коллег (я не беру в расчет Японию — она выпадает из картинки) нет ясного понимания ситуации в Советском Союзе, нет четких ориентиров.

Позволю себе рассказать тебе то, что не мог передать по телефону о событиях в августе. Утром 19 августа после сообщения о перевороте я в вертолете по дороге в Мадрид за два часа пути составил правительственное заявление с недвусмысленной характеристикой происшедшего. Здесь этот проект мы обсудили с моим заместителем и министром иностранных дел. Три главных элемента в нем я считал абсолютно необходимыми: охарактеризовать происшедшее как государственный переворот, потребовать сохранения политики перестройки в полном объеме, призвать международное сообщество к скоординированным действиям, чтобы в Советском Союзе знали, что мир со сложившейся ситуацией мириться не будет. Министр иностранных дел, уже имевший информацию от всех западных коллег, прямо сказал, что мы — единственные, кто занял такую позицию. Я ему ответил, что это не может

повлиять на наш принципиальный подход, что путчисты не должны укрепляться у власти. Сказал, что необходимо начать соответствующие усилия по координации шагов с союзниками.

Сам я позвонил Бушу, он летел в этот момент из Мэйна в Вашингтон, и рассказал о нашем заявлении. Буш откровенно мне сказал, что для него главное, чтобы не пришлось говорить общественному мнению, прессе США, что в результате событий в Москве под угрозой оказывается вся система безопасности Восток–Запад. После Персидского залива он не мог себе позволить опять мобилизовать американское общество из-за возникновения напряженности в Европе.

Его можно, конечно, понять, но я ему тогда сказал, что заявление свое не изменю. Вместе с тем даже если путчисты закрепятся, то можно исходить из того, что прямой угрозы Западу они сразу создать не смогут — слишком много дел у них будет внутри. В этом смысле мы можем общественное мнение успокоить. Я также обратился к Бушу с просьбой, чтобы он по прямой связи позвонил в Кремль — у меня нет такой линии, а по обычным каналам меня в Москве ни с кем не соединяют. Пусть Президенту США из Кремля объяснят, что происходит, где Горбачев. Буш согласился со мной, но я сказал, что и этого недостаточно. Необходимо по всем официальным каналам оказывать соответствующее давление на путчистов. И еще одно — давайте, сказал я ему, условимся не говорить о Горбачеве и его деле в прошедшем времени. Он тоже с этим согласился.

Михаил, у меня в те дни сложилось впечатление, что Запад воспринял происшедшее как необратимое и был готов смириться с этим. Я это настроение ощутил даже среди своих ближайших сотрудников. Из этого я делаю вывод, что политические лидеры Запада не имеют сегодня уверенности в способности Советского Союза сохраниться и поэтому исходят из двух возможных вариантов, включая и распад СССР. Отражением этого служит и высказанная вчера за ужином Бушем озабоченность в связи с интерпретацией американскими газетами его заявления на пресс-конференции как его однозначного выбора в пользу Горбачева против Ельцина.

Реально Буш, конечно, не хочет развала Союза. Более того, он на Западе — наиболее серьезный и последовательный сторонник (вместе с Бейкером) сохранения Советского Союза, осознавший необходимость этого. Ты не представляешь себе, Михаил, что я сейчас слышу от некоторых своих коллег по НАТО. Один лишь пример: на последней встрече министров иностранных дел НАТО датчанин позволил себе сказать, что не видит ничего страшного в появлении в Европе 100 государств вместо 34-х, подписавших Парижскую хартию. Кто-то в шутку ему ответил, что при 100 небольших государствах останется одна большая Германия (это, конечно, у европейцев крепко сидит в головах, хотя сейчас они шутят по этому поводу). И один Бейкер решительно сказал, что США ни в коем случае не будут поддерживать такой ход событий в СССР, что это сумасшествие. Он вспомнил при этом, что у американцев была Гражданская война против сепаратизма, во исполнение одной статьи конституции. Это предопределяет их линию и в югославских делах, и противодействие развалу СССР.

Михаил, я могу сейчас сказать тебе то, что Буш, несмотря на все доверие, которое существует между вами, всего тебе сказать не может. Все его эксперты, разведывательные службы, исследовательские центры постоянно твердят ему: президент, не ошибитесь с вашей ставкой на сохранение Союза, по крайней мере, в его нынешнем виде. Они утверждают, что ваша мадридская встреча и конференция — последний случай, когда Вы с ним встречаетесь в нынешнем качестве.

Примерно то же самое происходит и в Европе. Причем, так сориентированы те, кто самым положительным образом относится и к Союзу, и к тебе лично. Я при этом не говорю о существующих на Западе дурных намерениях.

Меня это очень гнетет. Худшее, что произошло 19 августа, — это то, что стало невозможным намеченное на 20 августа. Это гораздо хуже, чем даже ваше экономическое положение. В кратчайшее время вам необходимо, чтобы была создана юридическая, правовая основа союзного государства. В противном случае и с учетом заявлений, которые нам делают республики, ты должен это знать, у Запада не окажется политического мужества сделать в нынешних обстоятельствах ставку на Союз.

Удивительны школьнические рассуждения некоторых моих коллег, всерьез говорящих об этой плохой шутке — праве наций на самоопределение. Да, в США есть те, кто считает, что Союз должен исчезнуть и лишь это гарантирует Америке отсутствие и в будущем достойного соперника в мире. Буш в предвыборный период не может этого не учитывать. Да, все доклады его экспертов говорят о слишком большом риске ставки на Союз и Горбачева. Но я абсолютно убежден, что Буш предпочитает иметь дело с Союзом, а не с его развалинами. И я знаю, что сегодня на Западе Буш и Бейкер единственные, кто в состоянии дать глубокий и объективный анализ ситуации в Европе и СССР. И пусть завтра президент уточнит свои заявления на пресс-конференции в Мадриде, но он остается единственным лидером Запада, способным поддержать сегодня Союз.

Для нас в Европе совершенно ясно, что континенту предстоит сложнейшее десятилетие. Думаю, что Чехословакия просуществует не более года, и это страна из наиболее стабильных на Востоке. К такому развитию событий надо быть готовыми. Я говорил об этом на Социнтерне в Берне, как и о том, что без стабильной политико-юридической структуры Союза не будет возможна эффективная помощь ни «семерки», ни МВФ, ни ЕС.

Кстати, и в Берне я наслушался чепухи. Так, умные головы там предлагали выкупить у вас ядерное оружие и самим уничтожить его. Мой вывод неутешителен — у Запада нет политического мужества взять на себя инициативу.

Михаил, перед встречей в Маастрихте³⁹ я хотел бы знать перспективы развития не экономики, а политического процесса воссоздания Союза, чтобы на Европейском совете я мог предложить конкретный план, что в политической области может сделать ЕС в поддержку Союза.

Горбачев. Спасибо тебе за все, что ты мне рассказал. Мне очень важно иметь ясность в отношении настроений моих партнеров в предстоящее время. <...>

США имеют самую полную информацию о положении у нас и не определяются с тем, каким хотят видеть Советский Союз. Заявляют о поддержке

единого Союза и Горбачева, но тут же говорят, что будут иметь дело и с республиками. Этот акцент на республики у Буша, меньше — у Коля, тоже подогревает политические амбиции, стимулирует дезинтеграцию.

Я не хочу сказать, что Запад должен делать ставку на Горбачева как личность. И Горбачев, и Гонсалес не вечны. Мы с тобой вчера хорошо в этом смысле говорили. Ты убедительно показал, что сохранение Союза — в национальных интересах Испании. И я открытым текстом говорю Бушу: да, сохранение Союза необходимо нам, но не в меньшей степени и вам. Слишком велика эта страна, одна из двух опор, на которых держится мир. Расплатать ее и сам мир может рухнуть. Значит, нужно этого не допустить, и для этого нужно действовать.

Я не недооцениваю позицию Буша в отношении и меня, и Советского Союза. Но меня тяготит то, что, как ты говоришь, Запад исходит из двух альтернатив: как сохранения, так и развала Союза...

Гонсалес. Для меня выбор сделан при том, что я понимаю, что иду в этом против течения. <...>

Говоря с коллегами на Западе, я часто говорю также о том, что конец Союза будет означать конец разоружению. <...>

Горбачев. Да, все это показывает, что распада допустить нельзя, это не развод между супругами. Разоружение — это один только аспект. А судьбы миллионов людей? Распад — это война.

Гонсалес. Твоему помощнику и второму «я», Черняеву, я могу сказать только одно: мы не можем жить, находясь в зависимости от того, будет или не будет инфаркта у Михаила Горбачева. Нам нужен сам Горбачев, и нам нужен стабильный, мощный институт Президента СССР.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече с делегацией конгресса депутатов
Генеральных кортесов Испании
Москва, 26 ноября 1991 года*

Горбачев. Рад приветствовать вас как представителей страны, с которой у нас установились сердечные отношения и с представителями которой мы ведем доверительный диалог. Мои последние встречи с господином Фелипе Гонсалесом вновь подтвердили, что в отношениях между нашими странами нет серьезных проблем. Мы очень высоко оцениваем межпарламентские связи, которые существенно дополняют комплекс советско-испанских контактов. <...>

Наверное, вы уже успели почувствовать, в какое необычное время живет наша страна...

Бенегас. *(Испанская социалистическая рабочая партия, глава делегации)* <...> Несколько слов о том, почему мы сегодня в Москве. Во время августовского путча (думаю, что все мои коллеги согласятся со мной) испанское правительство с первого момента заняло предельно четкую позицию осуждения попытки переворота. Правительство Испании потребовало возврата конституционной законности в вашей стране и восстановления на своем посту Президента Горбачева. Мы помним, что такая позиция была занята нашим

правительством в то время, как в некоторых других странах возникли определенные колебания. Это особенно было заметно после того, как было получено соответствующее обращение организаторов путча.

Одновременно с правительством тогда же в испанском парламенте срочно собрались и представители всех представленных в нашей делегации политических партий. Мы приняли заявление, осуждающее попытку переворота и выражающее поддержку политике перестройки и лично Президенту Горбачеву. На той встрече было решено срочно направить в Советский Союз делегацию кортесов для прояснения ситуации. <...>

Мы прекрасно понимаем, что происходящее в Советском Союзе имеет огромное значение не только для вашей страны, но и для всей Европы и мира. От того, каким выйдет Советский Союз из происходящих здесь изменений, в значительной степени зависит то новое политическое устройство мира, формированию которого мы все являемся свидетелями.

Горбачев. Согласен с Вами. Ваши слова подтверждают то, что Испания выстраивает свою линию в рамках дальновидной политики. К сожалению, кое-кто до сих пор не может вырваться за пределы прагматического видения ситуации и не способен выйти на стратегическое осознание того, что означает Советский Союз и происходящее в нем для мира в целом.

Бенегас. Мы считаем, что политика перестройки и Ваши личные усилия уже принесли на первом этапе ряд важнейших достижений. В предельно короткое время от мира, разделенного на блоки, подверженного риску ядерного конфликта и страдающего от гонки вооружений, мы пришли к миру, конечно, со многими неизвестными, но к миру, где две сверхдержавы начинают сотрудничать в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством, где ведется поиск и находятся решения застарелым конфликтам. Мы понимаем и то, что перестройка и политика Президента Горбачева имеет огромное значение для человечества и с точки зрения стабилизации обстановки в Европе.

В этой связи мы решительно выступаем за стабильный Советский Союз. Мы недвусмысленно поддерживаем идею нового политического союза перед лицом сепаратистской демагогии. Мы это делаем потому, что прекрасно отдаем себе отчет, насколько велик риск дестабилизации всего континента, который может оказаться разорванным в результате межнациональных конфликтов и кровавых споров из-за границ, что так ярко демонстрирует сегодня опыт Югославии. <...>

Хотел бы закончить, задав Вам прямой вопрос: чем в нынешних условиях мы можем помочь Советскому Союзу в рамках Европейских сообществ для поддержки ваших политических и экономических реформ? <...>

Горбачев. <...> Что касается того, чем может нам помочь Европейское сообщество, отвечаю так: нам можно помочь, реализуя уже достигнутые между нами и ЕС договоренности в области финансов и помощи продовольствием и медикаментами. Испания, а также Италия, Франция и Германия сыграли решающую роль для достижения этих соглашений о сотрудничестве между ЕС и Советским Союзом. Теперь необходимо новое усилие для того, чтобы эти решения реализовать.

Отношения со средними и малыми странами Западной Европы

Внешняя политика перестройки дала новый и сильный импульс позитивным связям со многими из этих стран. Тем более что сами они не раз предпринимали усилия и выдвигали инициативы, направленные на нормализацию и улучшение межгосударственных отношений на Европейском континенте. Позиции лидеров некоторых из этих стран значительно помогли в проведении политики «нового мышления» по превращению Европейского континента в оплот безопасности и такого взаимодействия и сотрудничества, которые могут служить примером и образцом для остального мира.

Отношения с Финляндией

На протяжении всего послевоенного времени отношения между СССР и Финляндией по-своему уникальны. Это во многом объяснялось тем, что Финляндия сумела держать себя вне рамок «холодной войны». В годы перестройки эти отношения значительно укреплялись. Первая встреча Горбачева с президентом Финляндии Мауно Койвисто в сентябре 1985 года позволила подтвердить обоюдную линию на дружбу и доверие. В начале октября 1987 года состоялся официальный визит президента Койвисто в Москву, а в конце октября 1989 года — ответный визит Горбачева в Финляндию. Кульминацией этого визита стало подписание советско-финляндской Совместной декларации, в которой руководители обеих стран заявили о своей решимости тесно взаимодействовать во имя укрепления принципов свободы выбора, демократизации и гуманизации межгосударственных отношений, международного права и общечеловеческих ценностей. Койвисто дважды посетил Москву и в 1991 году, где вел переговоры о расширении советско-финляндских экономических связей.

Специфика отношений СССР — Финляндия и их значение как «пионерских» в следовании принципам мирного сосуществования видны из приводимых ниже документальных свидетельств.

Из беседы с Мауно Койвисто Москва, 6 октября 1987 года

Горбачев. <...> Был этап, когда отношения между нашими странами огорчали наши народы. Но все послевоенные годы, думаю, это такой период, которым мы можем гордиться. Это — хороший пример сотрудничества государств, принадлежащих к различным системам, пример истинного добрососедства и сосуществования. Пример, которого так не хватает для нынешнего беспокойного времени.

До нас с вами многие поработали, чтобы отношения между нашими странами были проникнуты доверием и сотрудничеством. Советское руководство намерено не только сохранять и оберегать эти отношения. Оно будет делать все, чтобы их обогащать и развивать. Конечно, могут быть и проблемы. Они есть, они возникают. Но это не должно вызывать растерянности. Наоборот, нужны усилия, чтобы эти отношения еще более прогрессировали.

Мауно Койвисто (Mauno Koivisto) (р. 1923) — финский государственный деятель, социалист. Из рабочей семьи. Окончил университет в городе Турку. Доктор философии. С 1945 года работал плотником, докером, учителем в школе, инспектором в муниципальных органах. В 1958–1967 годах — один из руководителей Хельсинкского рабочего сберегательного банка, в 1968–1982 годах — генеральный директор и председатель правления Финляндского банка, председатель правления Почтового банка Финляндии, председатель правления кооперативного объединения «Эланто». В 1966–1967 гг. — министр финансов, в 1968–1970 и 1979–1982 годах — премьер-министр. С 1982 по 1994 год — президент Финляндской Республики.

Активный сторонник внешнеполитической «линии Паасикиви — Кекконена» (своих предшественников на президентском посту) в отношениях с СССР на основе взаимопонимания и доверия; с 1983 года — почетный председатель Общества «Финляндия — Советский Союз». Неоднократно встречался с Горбачевым. Автор книг «Осуществление линии» (1968), «Неверная политика» (1979), «Вехи курса» (1983), Его книга «Русская идея» (2001) посвящена истории России и ее перспективам.

Мы ценим то, что делает Президент для развития этих отношений. Это вызывает полное удовлетворение. Я очень ценю наши личные отношения и постоянный обмен мнениями, который мы поддерживаем. Думаю, это должно характеризовать наши отношения и на будущее. Вот, собственно, это и есть главное. Остальное — это, пожалуй, частности. <...>

Койвисто. <...> Встречаясь с Вами два года тому назад, мы говорили о необходимости накапливать и развивать капитал взаимного доверия. И я думаю, он все это время рос и умножался. Исходя из разных ситуаций в Финляндии и в Советском Союзе, мы можем расходиться по некоторым вопросам, рассматривать их с разных позиций. Но в самом главном вопросе — в вопросе безопасности — мы едины. В этом вопросе мы, финны, исходим из того, что мы не имеем права подвергать риску безопасность Советского Союза. Нас радует, господин Генеральный секретарь, и развитие международных отношений последнего времени.

Но вначале, если позволите, я хотел бы остановиться на вопросах экономического сотрудничества между нашими странами. Наша торговля развивается хорошо. Но есть и свои трудности. Она является несколько однобокой в силу того, что базируется на нефти и нефтепродуктах. Колебания цен на нефть вызывают и колебания в торговле. В этой связи у нас есть две перспек-

тивы — продолжать развивать традиционную торговлю или искать новые, более гибкие ее формы. <...>

Я убежден, что мы готовы к возможным новым ситуациям, которые будут возникать в результате Вашей политики обновления. Финляндия — единственная капиталистическая страна, с которой у Советского Союза клиринговая система расчетов. Хотя наряду с этим есть и платежи в свободно конвертируемой валюте.

Сейчас, готовясь подписать протокол к Долгосрочной программе развития и углубления торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между СССР и Финляндией до 1990 года, мы полагаем, что он окажет поддержку нашим традиционным формам торговли. Но мы понимаем, что время работает в пользу торговли на свободно конвертируемую валюту. И когда эта форма победит, то Финляндия потеряет выгоды и преимущества, к которым она привыкла. Мы считаем, что должны быть готовы к этому.

Перед поездкой сюда я говорил с владельцами ведущих фирм, готовых на создание совместных предприятий с Советским Союзом и уже работающих над этим. Вот их основные мысли по этому поводу.

Сейчас многие страны, деловые круги в них следят за происходящим в экономических отношениях между Финляндией и СССР. Нам, честно говоря, «душно» от этого внимания, от такой ответственности, поскольку мы выступаем в качестве своего рода примера и поэтому ошибок допускать не должны.

Наблюдается разный подход с финской и с советской стороны к созданию совместных предприятий. с советской стороны ждут больших по своей значимости проектов, а руководство наших фирм стремится, как я вижу, к нахождению простых «одномерных» проектов, которые легко было бы реализовать. Тут различные ожидания с обеих сторон.

Я поинтересовался у финских предпринимателей: если я скажу в Москве, что мы не согласны с подходом советской стороны к решению этих вопросов, и меня спросят, что Вы предлагаете, то готовы ли мы дать ответ? Как выяснилось, вопрос этот сложный. Очевидно, что общие рамки, определенные в СССР для создания совместных проектов, слишком узкие... Много трудностей наши фирмы видят в том, что невозможно найти того, кто действительно решает, как надо делать, где та последняя инстанция. Кроме того, их не удовлетворяет решение вопросов, относящихся к рентабельности, гарантиям, страхованию. Но все это имеет второстепенное значение.

Теперь я хотел бы коснуться некоторых международных вопросов.

Горбачев. А если сделаем так: Вы пока сделаете паузу, а я отвечу на затронутые Вами вопросы?

Койвисто. Согласен.

Горбачев. Я доволен, господин Президент, что Вы с самого начала взяли, как у нас говорят, быка за рога, то есть остановились на главных вопросах — экономики и наших отношениях в сфере безопасности. С глубоким удовлетворением принимаю к сведению высказанные вначале Ваши слова о том, что, хотя на некоторые вопросы мы смотрим по-разному, но в главном вопросе —

вопросе безопасности — все четко и ясно и для вас, и для нас. Это очень важно и в силу исторических предпосылок, и устоявшихся традиций, и фактического положения вещей. Мы — соседи, и наши добрососедские отношения нам жизненно необходимы. <...>

Политики должны трезво смотреть на вещи. Финляндия ничего не потеряла, а лишь приобрела от добрососедства, от сотрудничества с Советским Союзом. За последние десятилетия вырос ее авторитет на международной арене. Она стала уважаемым государством, к мнению которого прислушиваются. Ответ дает сама история — за какой политикой правда.

Мы никогда не допустим неуважительного отношения к финскому народу, государству. Это — наша принципиальная политика. И если что-то появляется в наших отношениях, мы всегда имеем возможность обсудить и снять эти проблемы в духе доверия.

Теперь о наших экономических отношениях. Вы правильно подметили, что мы, наверное, исчерпали возможности традиционной торговли. Надо сохранять то, что достигнуто. Но нужно наращивать наши отношения на новых путях. <...> Выслушав Ваши соображения по поводу совместных предприятий, я бы отреагировал так: если с кем и пробовать новые отношения, так это с Финляндией. Для этого у нас с вами есть хорошие предпосылки. <...> Что касается Вашего замечания о том, что дискуссия ходит по «порочному кругу», то причины его понятны. У нас пока нет опыта и умения. Не будем драматизировать ситуацию. <...>

Койвисто. <...> Я очень рад этой новой откровенности и открытости. Хотел бы особо подчеркнуть, что Советский Союз сейчас стал совсем иным, чем раньше. И благодаря этому многое стало возможно. <...>

Горбачев. <...> Да, мы выступаем за открытость и во внешних, и во внутренних делах. И не свернем с этого пути. Но мы хотели бы, чтобы и в отношении нас поступали так же. <...> Пусть Финляндия развивает и бережет те ценности, которые ей близки. Соединенные Штаты — свои ценности. И если кто-то с чем-то не согласен, то это не предлог для вмешательства.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на обеде в президентском дворце
Хельсинки, 25 октября 1989 года**

История тесно переплела наши судьбы. И мы с вами не оказались неблагоприятными. Мы оставим в ее сокровищнице уникальный пример равноправия отношений, взаимного уважения и доверия. И это несмотря на отнюдь не благостное прошлое, а временами даже жестокою враждою.

Хочу приветствовать нейтральную Финляндию, ее инициативную и благожелательную политику, которая уже многие годы служит миру на Севере Европы и на всем Европейском континенте.

* С 25 по 27 октября 1989 года Горбачев находился в Финляндии с официальным визитом.

Неповторимый почерк Вашей международной деятельности, расположенность к диалогу, внимание к партнеру и в то же время стойкость в отстаивании своей позиции снискали Финляндии высокий авторитет европейского и международного сообществ. И сделали Хельсинки исходным пунктом общеевропейского процесса. В Советском Союзе высоко ценят вклад Финляндии в формирование позитивных, здоровых тенденций послевоенного периода, ее настойчивое стремление покончить с «холодной войной».

Мы дорожим устойчивым, многообразным и продуктивным сотрудничеством между нашими государствами, общественностью и просто человеческим общением между советскими людьми и гражданами Суоми. Это плоды дальновидного выбора, сделанного 45 лет назад, результат усилий государственного руководства от Паасикиви до Койвисто. Особенно важно, что все наработанное в этом отношении предшествующим поколением научилась ценить и хочет умножать молодежь обеих наших стран.

Политика советско-финляндского добрососедства имеет общеевропейские масштабы, представляет собой действенный актив мировой политики. Много из того, что входит теперь в практику международного общения, появилось впервые именно в отношениях между Советским Союзом и Финляндией. В них отрабатывалась «технология» мирного сосуществования государств различных социальных систем.

Мне бы хотелось избежать чрезмерной патетики, но все же не могу не сказать, что отношения между СССР и Финляндией по праву служат во многих случаях эталоном. <...> Наш опыт подтверждает возможность создания в отношениях между далеко не одинаковыми государствами долговременного фундамента, не подверженного конъюнктурным политическим колебаниям — будь то внутренним или внешним. <...>

Я надеюсь, господин Президент, — и позволю себе сказать от нашего общего имени, — что мы с вами сделаем все от нас зависящее, чтобы советско-финляндские отношения и впредь находились на уровне самых высоких стандартов доверия и добрососедства. А когда нужно — по-прежнему выполняли бы первопроходческую миссию в международных делах. Это требует постоянного внимания и не меньшего, чем раньше, труда. Но привычка к этому у нас есть, за нами богатый опыт и твердая поддержка наших народов.

*Визит М.С. Горбачева в Финляндию,
25–27 октября 1989 г.
М.: Политиздат, 1989. С. 17–20.*

*Из беседы на выставке финской промышленности
Хельсинки, 26 октября**

Горбачев. Первый общий и главный вопрос: есть какие-нибудь колебания у представителей деловых кругов в развитии экономических связей с Советским Союзом?

* После осмотра выставки у Горбачева состоялась беседа с «капитанами» делового мира Финляндии, в которой принял участие Койвисто.

Эрнрут (*председатель Центрального союза промышленности Финляндии*). Нет никаких колебаний.

Горбачев. Я задал вопрос серьезно. Мы ощутили в последнее время какую-то осторожность не только с вашей стороны.

Эрнрут. Я хочу заверить Вас, что в Финляндии, и особенно в деловых кругах, целиком и полностью верят в то, что наше сотрудничество будет успешным.

Горбачев. Еще один вопрос. Если суммировать то, о чем мы говорили, слушая ваш доклад и осматривая выставку, как мы можем охарактеризовать приоритеты с **вашей** стороны?

Эрнрут. Таких приоритетов у нас много. Кроме того, что было представлено на выставке, мы вручили Вам книгу, в которой содержится много идей по развитию нашего сотрудничества.

Горбачев. Я вчера вашего Президента убеждал, что нам надо признать: первый этап нашего сотрудничества, который в значительной мере базировался на торговле, хотя и содержал некоторые совместные проекты, — этот этап практически исчерпан. Сейчас нужно понять, что необходимы новые формы. Я имею в виду совместные предприятия, реализацию крупных совместных проектов, в том числе, например, на Кольском полуострове. Предстоит обсудить и проработать создание экономических зон в Советском Союзе. Короче говоря, нужно переходить на новые формы экономического сотрудничества, если мы хотим, чтобы оно продвигалось вперед. Я сказал, что я Президента убеждал. Но Президент считает, что он меня убеждал. Примерно так. (*Смех.*)

Койвисто. Когда мы встречались в Москве примерно два года назад, я изложил финскую точку зрения, а именно, создание совместных предприятий рассматривается в Советском Союзе в узком плане, и на такой основе они не могли бы стать большим делом. Вы уже тогда рассказывали мне об условиях и правилах их деятельности. Я понял, что у нас имеются большая готовность и оптимизм в отношении развития этих форм сотрудничества. Что касается проектов по Кольскому полуострову, то их масштабы, действительно, очень большие. Общая стоимость их осуществления значительно превышает весь ежегодный государственный бюджет Финляндии. Поэтому здесь требуется и более широкое международное сотрудничество.

Горбачев. Завершая эту общую часть нашего разговора, хочу отметить, что мы идем к действительно долгосрочному сотрудничеству. Хочу сказать присутствующим здесь руководителям Финляндии и деловых кругов, что у Советского Союза очень большие возможности.

Там же. С. 27–28.

*На заключительной встрече советской и финской делегаций
Хельсинки, 26 октября 1989 года*

Койвисто. Беседы в Хельсинки были, на мой взгляд, уникальными. Они показали, что связи наших стран развиваются хорошо и всесторонне. У нас существует прочная договорная основа, а теперь мы закладываем не менее

прочную основу на будущее. Обе наши страны выступают за более безопасный мир, за более единую Европу, за мирную жизнь для народов, для людей.

Горбачев. Выезжая из Москвы, мы предполагали, что переговоры пройдут хорошо, что их последствия будут иметь позитивный характер. Сомнений в этом у нас не было. Но очевидно, произошло нечто большее — наш диалог здесь позволяет сделать такой вывод.

Наши переговоры, видимо, дают ответы на вопросы, поставленные современным этапом развития наших отношений, европейской и мировой ситуации. Думаю, можно оценить визит и все, что здесь происходит, как серьезное мировое событие. Самое главное состоит в том, что СССР и Финляндия ведут пионерскую работу, прокладывая пути, по которым должны развиваться отношения между всеми народами.

Там же. С. 31–32.

*Из беседы с Мауно Койвисто (в составе делегаций)
Хельсинки, 26 октября 1989 года*

Койвисто. <...> Для сегодняшней встречи отведено немного времени. Но за эти два дня мы уже имели возможность обменяться мнениями по широкому кругу вопросов. Беседы наши были уникальны. Думаю, что между нами успела установиться телепатическая связь. Я только начинаю говорить, а Вы, Михаил Сергеевич, уже все поняли.

Горбачев. Это отражает состояние отношений между нашими странами.

Койвисто. <...> В начале нашей беседы хотел бы подчеркнуть следующее. Наши отношения — в полном порядке. Развиваются хорошо, интенсивно. Договорная основа — прочная. Планы наши обширны. Будущее надежно обеспечено.

Декларация, которую мы сегодня подписываем, направлена в будущее. Убежден, что ее значение шире чисто двусторонних отношений. В своей политике мы стремимся к более безопасному миру, более единой Европе, к лучшей жизни для всех стран и народов. На этом хотел бы завершить свое вступительное слово.

Горбачев. В таком широком составе хотел бы высказать одну мысль. <...> Вчерашний и сегодняшний диалог между нами позволяет подчеркнуть, что визит полностью отвечает на вопросы, поставленные советско-финляндскими двусторонними отношениями, ситуацией в Европе, да и в мире в целом.

Я бы оценил нынешний визит и все, что с ним связано, как крупное мировое событие. Прежде всего, потому, что мы с вами ведем пионерскую работу в направлении того, какими должны быть отношения между странами. Вряд ли это было бы посильно, если бы не было огромной работы предшествующих поколений, которую успешно продолжает поколение нынешнее. <...>

Койвисто. <...> Хотел бы затронуть еще один вопрос. Имею в виду проект по защите окружающей среды на Кольском полуострове. Я просил бы Ваше

го содействия в вопросах, поднятых мною в письме, которое я направил Вам некоторое время назад. Мы предлагаем, чтобы между нашими правительствами было достигнуто соглашение о реконструкции никелевого комбината на Кольском полуострове. Речь идет о новом проекте.

Горбачев. <...> Перед отлетом в Хельсинки я просил проследить за этим вопросом. По-моему, дело там сдвинулось. Даны соответствующие поручения. <...>

Койвисто. <...> Мы хотели бы официально сообщить, что между нами достигнута договоренность о сотрудничестве в области подготовки кадров для промышленности.

Горбачев. Думаю, можно сообщить, что по этому вопросу достигнута принципиальная договоренность.

Койвисто. Если вернуться к Кольскому проекту⁴⁰, речь идет о совершенно новом технологическом производстве, которое с экологической точки зрения очень выгодно. И мы хотели бы зафиксировать принципиальную договоренность и по этому вопросу.

Горбачев. Думаю, с этим вопросом надо разобраться, а потом сможем конкретно говорить. В отношении же сотрудничества в области подготовки кадров можно зафиксировать принципиальную договоренность. Скажем, в следующей формулировке: руководители делегаций поручили соответствующим организациям вступить в контакт друг с другом, провести переговоры и найти взаимоприемлемые решения этого вопроса?

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Мауно Койвисто
Москва, 24 апреля 1991 года*

Горбачев. <...> Позволю себе выразить мнение, что Ваш визит проходит успешно, плодотворно, в доверительной атмосфере. Хотел бы также вновь попросить вас, финскую сторону, несмотря на трудности, которые мы сегодня испытываем в сфере наших торгово-экономических отношений, не ослаблять внимания, интереса и усилий по развитию отношений и тем более не корректировать их в сторону свертывания из-за этих временных трудностей. Время такое, что и от нас, и от наших партнеров требуется проявить терпение и выдержку. <...>

Койвисто. <...> В Финляндии хорошо понимают, что наше благосостояние, наше развитие во многом зависят от состояния отношений, сотрудничества с Советским Союзом, другими странами. Хорошо понимают важность такого сотрудничества. Поэтому мы стремимся найти решения, которые позволили бы снять существующие в этой области проблемы. Уверены, что по мере дальнейшего развития процесса обновления Советского Союза многие вопросы отпадут сами по себе или будут решены. Мы еще раз внимательно посмотрели соглашения в торгово-экономической области, которые были заключены между двумя странами до конца прошлого года и которые были связаны с той системой расчетов, от которой мы отказались. Многие из них

можно оставить в силе, кроме, пожалуй, некоторых положений торгового договора 1947 года, по которому СССР и Финляндия предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования. <...> Хорошее политическое сотрудничество, взаимное доверие между нашими странами — залог того, что мы найдем решение любых актуальных проблем. <...>

Горбачев. <...> При реализации программы конверсии в Ленинграде приоритет должен быть отдан Финляндии. <...> Предлагаю проработать вопрос на экономической комиссии.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Отношения с Австрией

Опираясь на солидный фундамент Государственного договора 1955 года между СССР и Австрийской Республикой, подписанного еще В.М. Молотовым, и Закон о постоянном нейтралитете Австрии, советско-австрийские отношения проявили завидную устойчивость перед лицом многочисленных пароксизмов «холодной войны». Важную роль в этом сыграл в свое время канцлер Австрии Бруно Крайский — один из самых влиятельных лидеров международной социал-демократии. Его достойным преемником на посту федерального канцлера Австрии стал Франц Враницкий. При нем советско-австрийские отношения получили новые позитивные импульсы. Первая встреча Горбачева с Ф. Враницким состоялась в 1988 году, вторая — после провала путча ГКЧП, в сентябре 1991 года.

Из беседы с Францем Враницким Москва, 11 октября 1988 года

Враницкий. <...> Наши страны являются различными как по территории, так и по политическому значению. Примечательно, однако, что во все времена — как в «холодную войну», так и в период разрядки, наши двусторонние отношения всегда были очень хорошими. Можно сказать, что эти отношения обладают каким-то особым иммунитетом от неблагоприятных внешних воздействий, умеют эффективно противостоять им.

Горбачев. Мы удовлетворены ходом Вашего визита в Советский Союз, теми переговорами и беседами, которые состоялись у Вас и сопровождающих Вас лиц с Председателем Совета Министров СССР Николаем Ивановичем Рыжковым, другими советскими официальными представителями. Мы ожидаем, что Ваш визит будет не ординарным, а важным, этапным событием в советско-австрийских отношениях, которые вообще могут служить примером, особенно учитывая, что это отношения стран с различным социальным строем.

Действительно, Вы правы, что они выдержали перипетии «холодной войны», накопили ценный опыт и богатый потенциал для гарантированного развития в новых условиях, для выхода на новый уровень. Позитив этих отношений — серьезный вклад не только в европейскую, но и международную политику. Тем более они нуждаются в постоянном углублении и внимании. Прогресс в отношениях СССР–Австрия нужен не только им самим, но и всей Европе. Он является также существенным вкладом в международное развитие.

Особого внимания заслуживает в этой связи интеграционные процессы в Европе, требующие обдумывания и взвешенного подхода. Нам представляется, что здесь крайне важно сохранить то, что накоплено, аккумулировано, с тем, чтобы ничего не растерять. <...>

В последнее время активизировалась роль нейтральных государств в Европе на перспективных направлениях политического и экономического характера.

Их оригинальный и самостоятельный вклад в целый ряд процессов не может и не должен оставаться незамеченным, он является просто незаменимым. В этой связи хотелось бы особо отметить европейское направление во внешней политике Австрии, которая, на наш взгляд, заслуживает самой высокой оценки.

Враницкий. Уважаемый господин Председатель, Ваши слова вызывают чувства глубокого удовлетворения. Мы всегда старались формировать свою внешнюю политику таким образом, чтобы избежать в ней односторонней ориентации, делать ее по возможности многогранной и всеобъемлющей.

В Австрии с большой симпатией воспринимают советскую перестройку, воздействие которой расходитя далеко за пределы СССР. Мы внимательно следим за осуществляемыми у вас преобразованиями, за ходом реформ и желаем вам успеха во всех начинаниях.

Хотел бы подчеркнуть, что наши симпатии не являются симпатиями стороннего, безучастного наблюдателя. Мы все чувствуем себя вовлеченными в сферу благотворного воздействия советской перестройки на Австрию и на всю Европу. <...> По сути дела, мы договариваемся о том, какой вклад наши страны внесут в формирование мирного будущего Европейского континента. <...>

Мы видим благоприятные перспективы для всего диапазона наших связей — в промышленной кооперации, в научно-техническом сотрудничестве, в гуманитарной и культурной областях.

Горбачев. Хорошо, что принимается во внимание весь спектр взаимоотношений. Совершенствование и новые формы экономического взаимодействия укрепляют фундамент всех других связей — по линии науки, культуры, общественности, человеческого общения. Мы высоко ценим такой подход с австрийской стороны. Он демонстрирует, в частности, реальную поддержку советской перестройке, то, что вы не хотите безучастно стоять в стороне.

Враницкий. Теперь несколько слов об интеграционных процессах в Европе и их возможных последствиях для Австрии.

В своей аргументации по вопросу установления отношений между Австрией и ЕЭС я, как мне думается, обоснованно говорю, что мы не можем безучастно относиться к тому, что к 1992 году будет создан единый внутренний европейский рынок, в котором нам вроде бы и нет необходимости участвовать.

Мне бы хотелось призвать наших советских друзей и коллег к осторожности в отношении оценок наших намерений в этой связи, избегать высказывания излишних, на наш взгляд, опасений, что присоединением Австрии к ЕЭС будто бы будет нанесен ущерб ее нейтральному статусу и произойдет «урезание» ее суверенитета.

Считаю своим долгом со всей ответственностью подчеркнуть, что на это мы даем совершенно ясный и четкий ответ: нейтральный статус для Австрии является высшим приоритетом, определяющим все остальное.

Горбачев. <...> Мы проходим через чрезвычайно важный этап европейской истории. И надо его хорошо понять и действовать в соответствии с реальностями. Желание каждого народа сохранить свой суверенитет — это одна

реальность. Интернационализация экономических процессов — другая реальность. Наличие Восточной и Западной Европы, которые должны сосуществовать на основе свободы выбора, неприменения силы, взаимного уважения и полезного сотрудничества, — еще одна реальность. И само стремление всех европейцев сблизиться, иметь надежную перспективу на будущее — тоже, в конце концов, реальность. Обо всем этом надо думать и думать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Францем Враницким
Москва, 30 сентября 1991 года*

Горбачев. <...> Наши теперешние переговоры — это хорошее подтверждение традиционных отношений дружбы и партнерства, которые многие десятилетия так плодотворно поддерживаются между Советским Союзом и Австрией. <...>

Враницкий. <...> Еще в 1955 году маленькая Австрия смогла освободиться от последствий войны и обрести полную свободу. Многие другие европейские государства смогли сделать это лишь значительно позднее. И я считаю необходимым отметить, что с самого начала Австрия начала поддерживать с СССР активные контакты во всех областях жизни.

Сейчас наше взаимодействие тоже вышло на новый рубеж. С вашей помощью мы присоединяемся к программам космических исследований. Я полагаю, что это тоже своего рода символ — символ нового этапа нашего сотрудничества в эпоху научно-технической революции. Могу без преувеличения сказать: австрийская сторона готова и на этом этапе предпринимать все возможное, чтобы воплотить это новое качество отношений в практических двусторонних делах. <...>

Я хотел бы также заверить Вас, что Австрия и впредь готова участвовать в программах помощи Советскому Союзу и его населению как сама, так и в рамках согласованных действий международного сообщества. При этом мы опираемся на то, что комплекс нашего торгово-экономического взаимодействия с Советским Союзом имеет весьма высокий удельный вес в нашем национальном доходе. Мы считаем, что в нынешних условиях нужно искать новые неординарные пути и методы сотрудничества в этой области, и надеемся, что наши беседы в Москве и Казахстане позволят выработать практические ориентиры на этот счет. <...>

Горбачев. <...> Вы совершенно правы. <...> Речь идет о глубинных процессах, о перестройке жизни целых стран на новой демократической основе. Вносится совершенно иное качество и во внешнюю политику. Понятно поэтому, что такие изменения проходят довольно трудно, создают нестабильность как внутри отдельных стран, так и в масштабах целых европейских регионов. По-видимому, здесь неизбежен период беспокойной трансформации, а иногда и хаотического движения.

Само по себе это не должно было бы внушать серьезных опасений. Гораздо серьезнее другое — попытки использовать новую ситуацию, стремление

стран выйти на новые горизонты общеевропейского сотрудничества в корыстных целях, в целях оживления, а может быть, и попыток реализации своих старых расчетов. Это — безответственный путь. Он может очень серьезно подорвать весь хельсинкский процесс, порушить то, что мы совместно зафиксировали в парижской хартии. <...>

Мы должны глубоко понимать свою ответственность не только перед нынешним, но и перед будущими поколениями, сохранять и преумножать те ценности, которые нашли свое отражение в Парижской хартии. <...>

О наших двусторонних отношениях. Мы ценим наши традиционно добрые и устоявшиеся отношения с Австрией. Они ценны для нас и в торгово-экономической, и в других областях. И мы хотели бы, чтобы в нынешней неординарной ситуации наш старый друг и партнер Австрия проявила должное понимание и поддержку. Конечно, значительное сокращение взаимного товарооборота не может радовать ни вас, ни нас. Здесь надо подумать, поискать новые пути и варианты, посмотреть, как сохранить положительный потенциал нашего сотрудничества.

Враницкий. Я понимаю Вас, господин Президент. Мы поработаем над этим.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Отношения с Норвегией

Отношения СССР и Норвегии складывались в рассматриваемые годы нормально. У сторон не было объективных причин для каких бы то ни было конфликтов. Норвегия, хотя и входила в НАТО, держала себя по отношению к СССР лояльно. Руководство страны неоднократно подчеркивало свое положительное отношение к перестройке.

Одной из немногих острых проблем, требовавших решения (и нашедших его в конечном итоге), было отсутствие разграничения экономических зон и континентального шельфа Баренцева моря. Большое внимание уделяли стороны проблемам безопасности на Европейском Севере, экономическому сотрудничеству и окружающей среде. Все эти вопросы, наряду с другими, обсуждались на встречах Горбачева в декабре 1986 года и июне 1991 года, в Москве и Осло, с премьер-министром Норвегии, председателем Норвежской рабочей партии Гру Харлем Брундтланд.

Эта замечательная женщина, по уму и волевым качествам под стать Маргарет Тэтчер, будучи лидером правящей социал-демократической партии и премьер-министром, сыграла огромную роль в превращении Норвегии в одну из благополучных и благоустроенных в социальном отношении стран, содействовала своей политикой экономическому подъему, основой которого стали открытые на шельфе богатые нефтяные месторождения. Она известна также как международный деятель своими инициативами в поддержку стран «третьего мира» и по защите окружающей среды.

Из беседы с Гру Харлем Брундтланд Москва, 5 декабря 1986 года

Брундтланд. <...> Мне хотелось бы начать с общей характеристики норвежской политики и подчеркнуть давние традиции и живой интерес норвежцев к вопросам разрядки, безопасности и международного сотрудничества. Мы — малая страна, географическое положение которой обязывает нас проявлять осмотрительность и сдержанность в подходе к этим вопросам. Мы заинтересованы в сохранении нашей общей границы с Советским Союзом как границы мира, в том, чтобы поддерживать хорошие отношения добрососедства с Вашей страной, что тоже является давней традицией.

После обмена мнениями по вопросам «совместной безопасности», ядерной угрозы, защиты окружающей среды Брундтланд продолжала:

В двусторонних советско-норвежских отношениях, которые развиваются в целом нормально, есть одна нерешенная проблема. На наш взгляд, необходимо внести ясность в вопрос о разграничении континентального шельфа и экономических зон, переговоры по которому идут уже около 15 лет.

Горбачев. Я считал, что рекорд по продолжительности и безрезультатности держат Венские переговоры, а оказывается, этот рекорд относится к нашим отношениям! Давайте, может быть, так договоримся: вы не обижайте нас, но знайте, что и мы не намерены обижать вас, не ставили и не ставим перед собой таких целей. <...>

Хотел бы теперь поделиться с Вами мыслями о мировой ситуации в целом. Мы ведь не часто встречаемся, и поэтому хочу рассказать Вам о нашем

Встреча с Гру Харлем Брундтланд в Кремле. 5 декабря 1986 года

видении мира, о тех исходных пунктах, на которых основывается наша политика в международных делах.

Сложившаяся ныне ситуация совсем не простая. Она такова, что имеется возможность ее взорвать, но есть и возможности перевести в русло разрядки и сотрудничества. В наше время уже невозможны межгосударственные отношения, основанные на интересах одной державы или группы стран.

Подробно изложив собеседнице содержание и цели своей политики, Горбачев далее сказал:

Мы будем продолжать вести дело так, чтобы диалог (*советско-американский*) не прерывался. Нельзя терять чувство реальности. Надо иметь дело с тем правительством, которое признано народом данной страны. Поэтому я и не подключаюсь к пропагандистской войне, которую ведут против нас. Хотя желание высказаться от души, признаюсь, появляется...

Брундтланд. <...> Я очень рада, что Вы так говорите, считаю очень полезным продолжение нашего диалога, наших контактов. Могу подтвердить нашу искреннюю заинтересованность в этом. <...>

Горбачев. <...> Наша политика не всем нравится, не все ее оценили. Нам мешают и придумывают «варианты», чтобы сорвать наши планы. Но это нас не обескураживает. Мы убеждены в ее правильности, заинтересованы именно в такой политике и будем ее настойчиво проводить. Никому, однако, не удастся воспользоваться нашим стремлением к миру, чтобы вынудить нас поступиться своей безопасностью. <...>

Очень рад был познакомиться с Вами, обменяться мнениями по широкому кругу вопросов. Может быть, вам неудобен такой большой сосед. Но мы с Норвегией хотим дружить.

Брундтланд. Этому и мы придаем очень большое значение — отношениям и между нашими странами, и между нашими партиями.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Гру Харлем Брундтланд
Осло, 5 июня 1991 года**

Брундтланд. <...> Мы высоко ценим громадный вклад, который Вы внесли и вносите и который имеет столь важное значение для Европы и мира в целом. Не сомневаюсь, что Ваша речь в Ратуше Осло — искреннее отражение всех вызовов и сложностей, с которыми Вы сталкиваетесь, и в то же время — обзор задач и целей, что Вы ставите перед собой. Нобелевская лекция была очень хорошо принята.

Если говорить о взаимосвязи и взаимозависимости, — а это ведь тема Вашей лекции, — то, коротко, мы придаем громадное значение тому, чтобы перестройка увенчалась успехом, как для народов Советского Союза, так и для всего мира. Она раскрывает громадный потенциал нового международного сотрудничества. <...>

Когда я выступала в Давосе в 1989 году, то обратила внимание на важнейшее значение советской перестройки, заявила о необходимости поддержать ее. Но в то же время подчеркнула, что перестройка нужна глобальная. с этим призывом я обратилась ко всем участникам нынешних международных отношений. Мне кажется, что ряд элементов моего тогдашнего выступления перекликается с Вашей Нобелевской лекцией.

Несколько слов о наших отношениях соседства.

Наши страны живут в мире уже 1000 лет. В этом — историческая реальность, с ней нельзя не считаться. Мы — соседи. И испытываем это непосредственно, напрямую, особенно на Севере Норвегии. Годы «холодной войны» были особенно трудными для тех, кто там живет. Трудно было видеть в Советском Союзе врага — ведь на норвежском Севере свой исторический опыт отношений с живущими по другую сторону границы, главное — опыт совместной борьбы против общего врага, опыт 1945 года. <...>

Действуя в рамках Парижской хартии для новой Европы, мы можем придать сотрудничеству дальнейшее развитие. Многие уже нашли отражение в проекте совместного норвежско-советского заявления. В нем довольно детально рассматриваются международные, в том числе европейские, дела и — в контексте международном — вопросы двусторонних отношений.

До сих пор в наших отношениях не было документа такого рода. Да и могли ли он появиться в прошлом? Он стал реальностью в результате важного политического импульса нашим отношениям во время беседы, которая состоялась у нас с Вами в 1986 году. Ведь тогда мы говорили о многих вопросах, которые сегодня нашли отражение в совместном заявлении. Касались и таких проблем, как, например, вопрос о ядерных ракетах средней дальности, который уже нашел свое решение.

* В этот день Горбачев выступил в Осло с Нобелевской лекцией по случаю присуждения ему Нобелевской премии мира.

Выступая в Мурманске в 1989 году, Вы затронули все важнейшие области сотрудничества на Севере. Вы коснулись и разграничения в Баренцевом море, сказали об этом прямо и откровенно. Нет сомнений, что с тех пор в этом вопросе — а мы ему придали большое значение — произошло существенное развитие. За Вашим политическим сигналом 1989 года последовали переговоры экспертов, они ведутся по сегодняшний день. На них царит позитивная атмосфера и достигнут значительный прогресс. Продвинулись мы в целом довольно далеко.

Горбачев. Из четырех четвертей прошли три четверти пути.

Брундтланд. Согласна, это очень неплохо. Остается выяснить, как нам сделать шаг к окончательному разграничению.

Горбачев. А вдруг вы, норвежцы, после этого потеряете интерес к нам? Не стоит ли все-таки оставить что-то про запас и для дальнейшего обсуждения? Кроме того, надо решать и другие проблемы.

Брундтланд. Готова поддержать Вас. В то же время важно иметь в виду, насколько центральную роль этот вопрос играет для нас. Многие другие дела можно было бы решать несравненно легче. Я говорила об этом и господину Рыжкову в 1988 году, затем — господину Шеварднадзе. Рыжков приехал к нам, когда только что был решен вопрос о разграничении между СССР и Швецией в Балтийском море. Многие норвежцы тогда говорили: неужели мы теперь не сможем договориться о разграничении в Баренцевом море? У нас ведь здесь много общих интересов и задач — и в области управления ресурсами, и в плане сотрудничества по энергетике, по другим делам. Их надо решать совместно.

Не знаю, известна ли Вам одна цифра. <...> Выбросы двуокиси серы, источниками которых являются комбинаты по производству никеля на Кольском полуострове, в 8 раз превышают суммарные выбросы двуокиси серы во всей Норвегии. Это — наглядная демонстрация, как живет население по обе стороны границы, но, конечно же, прежде всего советским людям. Сколько мы могли бы выиграть с точки зрения и политики, и, главное, здоровья людей, решив эти региональные проблемы. С норвежской стороны мы готовы и заинтересованы участвовать в их решении — как путем финансирования проекта, так и через предоставление соответствующей технологии. Эта проблема общая, а раз так, то мы готовы нести свою часть бремени по ее решению.

Горбачев. <...> Среагирую на то, что Вы сказали. <...> Мы должны входить в новую фазу, переосмысливать отношения со всеми нашими соседями. <...>

Сейчас видим, что необходимо укрепить наши контакты на Севере Европы. Вы наши ближайшие соседи. За исключением некоторых эпизодов в прошлом, у нас никогда не было серьезных причин для противостояния. Напротив, много оснований для того, чтобы сделать наше сотрудничество более живым. Хочу воспользоваться визитом, чтобы сказать вам это.

Поэтому, прежде всего, коснусь наших двусторонних отношений в контексте сотрудничества с северными странами. <...>

Многие идеи, которые развиваются с вашей стороны, объективно нам близки. Например, вопрос о безъядерной и разоруженной Балтике. Это дело

мы не только вплотную поддерживаем, но и сами участвуем в нем непосредственно, осуществляя определенные мероприятия и в Ленинградском военном округе, и в отношении Балтийского флота. Попытались мы сделать что-то и в отношении нашего Северного флота. В этом направлении вы ведь особенно поглядываете. <...>

Главное сейчас — завершить то, что подписали, о чем договорились на «саммите» в Париже. <...>

По конкретным вопросам, которые Вы поставили.

Во-первых, о разграничении в Баренцевом море. С решением этого вопроса связывается и заключение ряда соглашений о сотрудничестве в различных областях, в том числе в экономике. Давайте думать, как завершить работу, найти развязку. Со своей стороны мы такую работу проводим. Может быть, стоит поработать над пакетом различных соглашений о сотрудничестве. Не торопясь с ответом, подумайте.

Во-вторых, об экологии. Мы вместе с вами и финнами занимаемся никелевыми комбинатами. Я сам был в этом районе, в Никеле — и на заводе, и в окрестностях — вокруг мертвая природа. Вы правы, когда говорите, что у нас таких проблем много. Много надо делать по-иному. Сейчас, например, по экологическим соображениям закрыты 1300 предприятий. А многие из них были и остаются монополистами в производстве ряда продуктов. Каков результат? Мы попали в еще более сложное и трудное положение. Недавно в связи с разработкой и осуществлением антикризисной программы я обратился к населению страны с призывом — открыть на год на определенных условиях эти предприятия, чтобы хоть как-то облегчить положение.

По комбинату «Печенганикель». Мне доложили, что с нашей стороны еще нет окончательного технического проекта. А с вашей и финской стороны еще не решены вопросы финансирования. Хочу сказать, что мы от этого проекта не уходим, заинтересованы реализовать его так, чтобы решение было в общих интересах.

Вы затронули вопрос масштабного характера — о перестройке не только у нас, в нашей стране, но и вовне. Согласен, действительно нам нужна глобальная перестройка. <...> Хорошо помню Ваше выступление, открытое, прямое, в том числе и в отношении Советского Союза. Действительно, ведь меняться должны не только мы. А кто-то все еще думает, что мир переменится только тогда, когда и если переменится мы. Другими словами, перестраиваться должен только Советский Союз. Это нереально. Перестраиваться надо всем на основе общих принципов, реализовывать на практике баланс интересов. <...>

Подводя итог, как бы в заключение этих размышлений — нам всем, чтобы не развалиться, надо держаться вместе. <...> Меня беспокоит, что кое-кто хочет сделать НАТО центральной структурой стабильности. По моему мнению, это бесперспективно, такой структурой должен стать хельсинкский процесс, но только модернизированный, приспособленный к новым условиям. Я против искусственных механизмов, я за то, чтобы сохранить, модернизировав, существующие, действующие, в том числе в рамках Западной Европы. И дело надо вести так, чтобы у американцев не было чувства, будто кто-то

хочет их отстранить, оттеснить, обойти. В ином случае с их стороны будет возникать беспокойство, подозрительность. <...>

Брундтланд. <...> Норвегия стремится принимать активное участие в создании новой европейской архитектуры. <...> Мы считаем важным сохранение вклада со стороны США и поэтому придаем значение тому, чтобы сотрудничество в рамках союза НАТО продолжалось. В ином случае возникла бы неуверенность — она ведь всегда возникает, если бы в контексте ныне идущих сдвигов в Европе произошли изменения и на этом направлении. <...>

Горбачев. <...> Думаю, что суть дела в том, что сам процесс развития идет динамично, а формы нашего общения остаются рутинными, старыми. <...>

Брундтланд. Хотела бы вернуться к одному Вашему высказыванию о том, что нам надо завершать некоторые вопросы — разграничения и другие.

У нас с вами есть текст совместного заявления, которое уже согласовано, и мы могли бы его подписать. <...>

Горбачев. Готов подписать совместное заявление. Но у меня есть ощущение, что нам нужен механизм — для диалога не только с вами, но и с другими северными странами. И это очень важно, потому что, если начинают говорить эмоции, может возникать недопонимание. <...>

Брундтланд. <...> Мы согласились подписать совместное заявление. Рада этому. В нем зафиксирован ряд вопросов, по которым хотела бы коротко высказаться.

Кроме того, что мы уже обсудили экологические дела, к этой проблеме примыкают еще несколько, касающихся Кольского полуострова и, в частности, Мурманска, северных морских акваторий. Речь идет об обеспечении радиационной безопасности, в том числе в связи со складированием ядерных отходов, работой ядерных энергетических установок. В принципе нам нужен протокол, который распространил бы ныне действующее соглашение на судовые ядерные энергетические установки.

Есть вопрос и о ядерных испытаниях на Новой Земле. Наш подход в том, что в таком чувствительном с точки зрения экологии районе ядерные испытания проводиться не должны. Здесь есть потребность во взаимной информации, предоставлении экспертных услуг. Мы хотели бы предложить и нашу технологию, и ноу-хау.

Горбачев. Будем сотрудничать и уже сотрудничаем с вами. Что же касается вопроса о ядерных испытаниях, то мы за то, чтобы решить его раз и навсегда, прекратить все ядерные испытания. <...>

Брундтланд. Мы также хотим скорейшего соглашения о полном запрещении и прекращении ядерных испытаний. Но понимаем, есть нерешенные проблемы контроля. <...>

И Норвегия, и Советский Союз являются как производителями, так и экспортерами энергоресурсов. В этой области у нас с вами много общих интересов. В 70-е годы, когда мы вдруг обнаружили запасы нефти и газа на континентальном шельфе, перед нами во весь рост встала проблема, как сохранить национальный контроль над ресурсами и в то же время найти форму активного привлечения иностранного капитала и технологии. По-моему, это нам удалось, политический контроль над ресурсами шельфа мы за собой

сохранили. Думаю, что наш опыт, наша модель могли бы быть интересны и для вас.

Горбачев. Не будете возражать, если мы пришлем к вам группу компетентных специалистов, чтобы они ознакомились с вашей моделью?

Брундтланд. Хорошо, договорились. Хотела бы предложить еще одну идею — создать форум по энергетике и вопросам охраны окружающей среды. <...>

Горбачев. Приветствую Вашу идею форума и благодарю за согласие принять наших специалистов. Создадим свой собственный ОПЕК⁴¹.

Нас очень интересует ваш опыт регулирующей роли государства в рыночной экономике, тем более что и в норвежской экономике базовый, сырьевой сектор обладает значительным весом. <...>

Брундтланд. В Международном банке и в Европейском банке реконструкции и развития идет дискуссия о сотрудничестве с Советским Союзом. Аттали⁴² придерживается того мнения, что дорогу для капитала надо открывать, но на определенных условиях.

Горбачев. Понятно — не для кредитов вообще, неизвестно для чего. Нет, мы за разработку совместных ключевых программ по переходу к рынку, за сотрудничество по этим программам. Исходили и исходим из того, что проблем перестройки за нас никто не решит.

Брундтланд. У нас с вами уже подготовлено соглашение о защите инвестиций. Это неплохо, хотя и немного. Но есть еще и наша позиция: мы видим, что условия у вас меняются, но в нашей торговле после первоначального подъема происходит спад. Это отражает неуверенность наших фирм, они боятся рисковать капиталом, а гарантий норвежских экспортных кредитов нет. В результате все останавливается. Завтра ваш министр внешних экономических связей встречается с нашим министром торговли, и они обсудят эту сторону дела.

Но есть более широкий вопрос. <...> Необходимо, чтобы более крупные западные экономики поддержали перестройку. Если этого не произойдет, то будет упущено время и возможности. Нужен Ваш разговор с «семеркой», и, судя по последним новостям, дело идет вроде бы к этому.

Горбачев. Благодарю Вас за понимание.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Отношения со Швецией

В 1985–1991 годах в отношениях между СССР и Швецией удалось устранить многие шероховатости, возникшие за десятилетия «холодной войны». Важную роль в этом сыграло заключение Договора о разграничении экономических зон и шельфа на Балтике. Удалось предотвратить наметившееся напряжение в отношениях в связи с движением к независимости в Прибалтийских республиках. В целом были сохранены и упрочены добрососедские связи. Наметилось согласие по важным вопросам мировой политики. Важную роль в этом сыграла встреча Горбачева с премьер-министром Швеции социал-демократом Ингваром Карлссоном.

*Из беседы с Ингваром Карлссоном Стокгольм, 6 июня 1991 года**

Карлссон. <...> Мы с огромным интересом следим за развитием событий в вашей стране, поскольку мы — близкие соседи. Конечно, у нас есть свое мнение относительно происходящего. Но мы хотим исходить из конструктивных позиций, желаем нахождения хороших решений, приемлемых для всех сторон.

Горбачев. Мы просим вас не вмешиваться в происходящие события.⁴³ Самое рациональное — исходить из положений Парижской хартии, хельсинкского Акта и Конституции СССР...

Карлссон. <...> Развитие обстановки в мире, особенно в Европе, за последние годы было весьма бурным. Закончилась «холодная война», перед нами открываются богатые возможности мирного сотрудничества. Вы лично внесли громадный вклад в налаживание такого сотрудничества. И мировое сообщество, мы в том числе, высоко ценим Вашу деятельность. Лучшее доказательство этого — присуждение Вам Нобелевской премии мира. <...>

У Улофа Пальме⁴⁴ была мечта — создать систему совместной безопасности. Думаю, что в этом направлении мы одолели уже часть пути. Главное — мы теперь занимаемся не «холодной войной», а разоружением, лучше понимаем друг друга.

Для Швеции это означает, что, сохраняя свою традиционную политику нейтралитета, она сможет в ближайшее время направить заявку о вступлении в члены ЕС. По своим каналам мы готовы всеми средствами, в том числе и через ЕС, способствовать созданию новой системы безопасности в Европе. Но крайне важно, чтобы этот процесс не ограничивался только Европой. Впереди перед нами главные проблемы — преодоление нищеты и бедности «третьего мира». Наступило время оставить послевоенную эру в прошлом, вступить в новую. <...>

Горбачев. <...> Предложенные Вами <...> темы я считаю своими. Если Европа будет двигаться в том направлении, в котором движется сейчас, то это будет очень выгодно как для нее самой, так и для остального мира. <...>

* Горбачев заезжал в Стокгольм по приглашению шведского правительства после своей Нобелевской лекции в Осло.

Мы должны продумать, какие институты, механизмы помогут нам обеспечить сотрудничество в сфере безопасности, европейского экономического пространства, по экологии, в области энергетики. Считаю, что сейчас подошел этап создания новых механизмов. Мы ведь ведем разговор о конкретных проектах сотрудничества, их надо будет реализовывать. Институты, механизмы, которые существуют и действуют, надо трансформировать, чтобы предотвратить болезненные реакции. <...>

Думаю, что все процессы пойдут быстрее, если канализировать развитие в Европе на содействие тому, что происходит в СССР и Восточной Европе. Советский Союз, может быть, — последний еще не освоенный рынок. И если сможем реализовать то, что задумали, и сделаем это умело, то, думаю, тогда сможем вывести Европу на новую фазу развития. <...>

Поэтому мы в принципе поддерживаем общую позитивную направленность стокгольмской инициативы, касающуюся поддержки, повышения эффективности этой универсальной международной организации⁴⁵. <...>

С определенной критикой я отношусь к деятельности «семерки», так как она пытается как бы вытянуть из ООН группу наиболее экономически сильных государств. Гармонизируя свои интересы, не возводят ли они стену между своей группировкой и остальными государствами — членами ООН? Одно время я ставил вопрос об интернационализации деятельности «семерки». И сейчас — зачем придумывать какой-то новый институт, когда он уже есть, существует, это — ООН, организация демократическая, центр, где встречаются интересы всего международного сообщества.

Таковы наши общие оценки тех непростых проблем, с которыми сталкиваемся мы, Европа, весь мир. Давайте продолжать обмен мнениями, будем считать, что сегодня положили ему только начало.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Отношения с Португалией

После победы в Португалии антидиктаторской революции (1975 год), которую в СССР приветствовали, отношения с этой страной налаживались не без проблем. Это связано было с позицией Коммунистической партии Португалии, которая сыграла важную роль в революции, но затем была оттеснена от участия в урегулировании ее последствий. Так что первоначально в отношениях с Португалией присутствовал элемент «солидарности с братской компартией», то есть идеологические мотивы. В годы перестройки, по мере размывания идеологических предубеждений, ситуация начала принципиально меняться. Свидетельством происходивших перемен стал визит в Москву президента Португалии социалиста Мариу Соареша и его встреча с Горбачевым в 1987 году.

Из беседы с Мариу Соарешем⁴⁶ Москва 24 ноября 1987 года

Горбачев. <...> Приветствуя Вас, господин Президент, хотел бы подчеркнуть, что мы считаем Ваш визит в Советский Союз значительным событием. <...> Мы в Советском Союзе выступаем за развитие сотрудничества с Португалией во всех областях. Мы хотим активизировать с вами политический диалог, развивать торгово-экономическое сотрудничество, если для этого есть возможности, расширить культурные обмены. <...> Португальцы — народ предприимчивый. Они открыли в свое время мировые пути, способствовали развитию связей, контактов. Будем считать, что эта встреча тоже прокладка пути к сотрудничеству между нашими странами.

Мы весьма сочувствовали революции в Португалии. Она вывела вашу страну из того состояния изоляции, в котором она находилась и которое мешало ей включиться в мировой процесс.

Нигде наши интересы не сталкиваются с вашими, чтобы это порождало вражду между нашими странами. У нас уважительное отношение к португальскому народу, к его истории, к его вкладу в мировую цивилизацию. И с учетом того, что Португалия вышла на новый этап, мы уважаем выбор португальского народа.

К этому следует добавить, что ситуация в мире сейчас такова, что она властно предъявляет новые требования ко всем государствам — и большим, и средним, и малым, — чтобы перевести отношения из состояния конфронтации или полуконфронтации на путь диалога, развития нормальных отношений между всеми государствами. И мы с вами должны находить пути сближения и сотрудничества...

Соареш. <...> Я очень рад, что наша беседа с самого начала носит откровенный характер, поскольку иначе как откровенную мы ее не представляем. Для нас этот визит тоже имеет очень большое значение. Мы хотим нормализовать отношения с Советским Союзом во всех областях. И надеемся на то, что новый курс вашей страны во внутренних и международных делах будет в этом существенным подспорьем. Вообще должен сказать, что мы с большой симпатией следим за тем, с какой прямотой, открытостью

и смелостью Вы осуществляете внутреннюю и внешнюю политику вашей страны.

За несколько дней до визита я внимательно прочел Вашу книгу, которая была издана у нас на португальском языке под названием «Перестройка». Должен сказать, что в Португалии это издание побило все рекорды: во-первых, оно было осуществлено за 18 дней, а, во-вторых, весь тираж — 20 тысяч экземпляров — был полностью распродан за два дня. <...>

Возвращаясь к двусторонним отношениям между СССР и Португалией, должен признать, что действительно на определенном этапе с нашей стороны не было проявлено достаточно желания к их развитию. Это достойно сожаления и потому, что после установления дипломатических отношений между нашими странами в 1974 году были созданы неплохие предпосылки для их дальнейшего развития. <...>

Мой визит в Советский Союз — это проявление желания Португалии перейти к новому, более высокому этапу в отношениях с Советским Союзом. Не скрою, что это и отражение доверия к политике перестройки в СССР. В этом состоит наша основополагающая идея, концепция моего визита и подхода к отношениям с СССР в целом.

Я полностью согласен с Вами в том, что интересы СССР и Португалии нигде не сталкиваются. Мы готовы развивать отношения с Советским Союзом во всех областях, в том числе и в торгово-экономической, что, кстати, отражает состав нашей делегации, включающей в себя многих представителей португальских деловых кругов. <...>

Горбачев. Ваша активная позиция в ЕС — это очень интересный факт. Хотя бы потому, что «профиль» вашей страны совпадает с профилем других стран-участниц, ваших конкурентов. На чем же основывается такая политика?

Соареш. Во-первых, в настоящее время в течение так называемого переходного периода связи с Общим рынком, особенно в экономической, научно-технической областях, для нас являются весьма выгодными. Во-вторых, Португалия, как и Испания, выступает в рамках ЕС за активное взаимодействие всех стран-участниц в целях достижения европейского политического единства. Ведь Европа это не только общий рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и т.д. Это и единство политических целей при всем различии входящих в Сообщество стран.

Кроме этого, одновременное присоединение к ЕС Португалии и Испании внесло в их деятельность и некоторые новые, интересные моменты. Сейчас на португальском языке говорит более 170 миллионов человек, на испанском — около 250 миллионов. У других стран — членов ЕС нет таких исторических, развитых связей со странами Латинской Америки и Африки, как у нас. И это придает ЕС новую динамику, позволяет реалистичнее видеть общую картину, складывающуюся в мире, не замыкаться исключительно на проблемах внутреннего порядка. <...>

Раньше внешняя политика Португалии определялась, прежде всего, колониальными интересами в Африке, Латинской Америке и Азии. После завершения процесса деколонизации закончился и «имперский» цикл во внеш-

ней политике Португалии. Теперь мы являемся тем, кто мы есть — европейской страной. <...>

Горбачев. <...> Возвращаясь к вопросу о двустороннем экономическом сотрудничестве, хотел бы подчеркнуть, что Советский Союз мог бы продавать в Португалию на основе взаимной выгоды и промышленную продукцию, например автомашины, судовое оборудование. <...>

Соареш. Мы готовы к этому. Кстати, один из ответов на вопрос, какие новые формы экономических связей мы могли бы использовать, содержится в Вашей книге «Перестройка». Я имею в виду совместные предприятия. Среди представителей португальских деловых кругов, приехавших в Советский Союз, например, президент фирмы «Аморим», у которого есть опыт создания смешанной фирмы по обработке пробки в Венгрии. Так что мы тоже хотели бы, чтобы Советский Союз закупал в Португалии не только обувь, вино и текстиль.

Горбачев. Я знаю это. Мне передали список предложений португальских фирм по сотрудничеству с Советским Союзом. Среди них фигурируют такие компании, как «Сентрел», «Текмолде», «Константе» и другие. Возможные области сотрудничества — а они весьма широкие — от переработки трески до кооперации в производстве электронного оборудования.

Давайте двигаться вместе. <...>

Соареш. <...> Можете быть уверены в том, что со стороны Португалии Вы всегда найдете готовность идти в направлении мирного будущего. Альтернативы миру нет, альтернативой может быть лишь катастрофа вселенского масштаба.

Отношения с Грецией

Отношения России и Греции имеют давнюю историю. Греческое влияние — античное и через Византию — сыграло важную роль в формировании российской цивилизации, в духовном становлении русской нации. В свою очередь, Россия внесла существенный вклад в борьбу греческого народа за освобождение от Оттоманской империи. В 1829 году, после русско-турецкой войны, Турция смирилась с греческой автономией, а через год — с ее независимостью. В защиту Греции Россия неоднократно выступала и впоследствии.

В отношениях двух государств глубокие взаимные симпатии греков и русских неизменно составляли весомую и устойчивую величину, в том числе и в советские времена, несмотря на временные охлаждения по конъюнктурным идеологическим или политическим причинам.

После свержения в Греции (летом 1974 года) военно-диктаторского режима «черных полковников» отношения СССР и Греции вошли в нормальное русло. Эта тенденция еще больше укрепилась в годы перестройки. Визит в Москву премьер-министра Греции Константина Мицотакиса летом 1991 года в сопровождении представительной правительственной делегации был дополнительно стимулирован крайним беспокойством, которое вызвали в Греции развал соседней Югославии и сопровождавшие его кровавые столкновения.

К сожалению, эта встреча состоялась в самом конце перестройки и не имела тех последствий, которые могли бы наступить в результате созданной ею атмосферы взаимного доверия и реализации достигнутых договоренностей.

На переговорах с Константином Мицотакисом (с участием делегаций) Москва, 23 июля 1991 года

Мицотакис. <...> Надеюсь, что мой визит будет способствовать дальнейшему развитию двусторонних отношений в соответствии с нашим взаимным желанием. Сегодня создается надежный фундамент для такого развития. <...>

Видимо, на сегодняшней встрече было бы целесообразно ознакомиться с итогами той работы, которую вчера и сегодня проделали наши министры.

Горбачев. В этом случае, согласно традиции, мы могли бы начать с министров иностранных дел. Слово гостю.

Самарас (министр иностранных дел Греции) говорит, что 22 июля он продолжил диалог с советским министром иностранных дел Бессмертных. Основное внимание было уделено ситуации на Балканах. Анализ событий в Югославии показал, что в этой стране трудно сохранить прежний статус-кво. Вместе с тем сложилось общее мнение относительно необходимости сохранения Югославии. Общая точка зрения заключается в том, что проблемы Хорватии и других районов Югославии должны решаться через диалог путем согласованных процедур, с тем чтобы избежать односторонних действий. Такие действия разбудили исторические инстинкты, характерные для Балкан в прошлом. Подобное развитие событий могло бы создать эффект «домино» и для других стран.

Горбачев. Налицо трагический характер нынешних событий в Югославии. Может быть потеряно все то, что было завоевано с такими жертвами ее народом. Границы должны сохраняться в неприкосновенности.

Мицотакис. <...> Полностью согласен с такой точкой зрения. Подобные проблемы должны решаться на основе Парижской хартии, конструктивного подхода сторон. <...> Как я сказал президенту Бушу во время недавних бесед в Афинах, с этих позиций мы даем бой в Европейском совете. <...>

Самарас. <...> Другой темой нашей беседы была безопасность в регионе Балкан в более широком плане. <...> Мы согласились в том, что необходимо уменьшить угрозу возникновения вооруженных конфликтов в этом регионе.

Мы обсудили также развитие новых общеевропейских конструкций, вопрос отношений между СБСЕ и НАТО.

Безусловно, мы рассмотрели и тему Кипра. Суммируя позицию Греции по кипрскому вопросу, хочу повторить, что мы выступаем за скорое и практическое решение по существу территориального вопроса и вопроса (о положении) беженцев. <...>

По моей просьбе господин Бессмертных рассказал мне о своих контактах в Лондоне с министрами иностранных дел «семерки», о предстоящем подписании Соглашения по СНВ. В Афинах Джордж Буш высказывал большое удовлетворение предстоящим заключением этого соглашения. Вот кратко о том, что мы обсудили.

Горбачев. Хорошо. Вы обсудили очень важные вопросы.

Бессмертных. <...> Хочу подчеркнуть, что по всем основным рассматривавшимся вопросам наши позиции либо полностью совпали, либо были близки. <...> В то же время еще далеко не полностью используется имеющийся потенциал экономического сотрудничества. <...>

Горбачев. Видимо, господин премьер-министр, теперь мы можем заслушать сообщения наших министров, которые обсуждали экономические проблемы. <...>

Димас (*министр экономики Греции*). <...> Нашего премьер-министра сопровождает более 50 бизнесменов. Они представляют собой весь спектр делового мира Греции и желают принять участие в экономическом развитии СССР. В целом у нас больше деловых людей, чем это можно себе представить для такой страны, как наша. То, что они приехали, подтверждает, что у них есть заинтересованность и возможности в активизации деловой активности с СССР. Мы выступаем за создание греко-советской торгово-промышленной палаты. <...>

Горбачев. Согласен. Это было бы особенно важно для мелких и средних предпринимателей.

Димас. <...> Хотел бы также привлечь внимание к греческому опыту создания промышленных зон. Этот опыт способен помочь вам решить проблемы приватизации, развития, создания инфраструктуры и защиты окружающей среды. <...> Создание промышленных зон, помимо прочего, может помочь привлечению инвестиций в советскую экономику. <...>

Горбачев. Это интересная идея. <...> Думается, в ближайшее время мы направим в Грецию своего специалиста для конкретного изучения вопроса.

Димас. Хотел бы также остановиться на идее нашего премьер-министра относительно экспорта в Советский Союз излишков сельхозпродукции, кото-

рые в настоящее время уничтожаются на основе дотации ЕС, причем подчас в уже упакованном виде. От импорта этой продукции может быть прямая польза для вашей страны. Советский Союз должен будет оплачивать только расходы по расфасовке и транспортировке готовой продукции, которая будет предоставляться бесплатно. <...> Что касается видов товаров, то имеются в виду цитрусовые, пшеница и другие сельхозпродукты. Это товары хорошего качества, которые уничтожаются лишь в целях поддержания определенного уровня цен на сельхозпродукцию.

Горбачев. Нам подходят такие поставки на тех условиях, о которых Вы говорите.

Димас. <...> Хочу также проинформировать и о других моментах. По всем экономическим вопросам, связанным с Советским Союзом, при их обсуждении в ЕС Греция всегда выступает с учетом интересов СССР. Конкретно мы выступаем в пользу инвестиций в экономику СССР и советского участия во всех международных экономических и финансовых организациях.

Что касается двусторонней торговли, то ее объем уменьшается в последние годы. Растет дефицит не в пользу Греции. По инициативе греческого премьер-министра мы выразили готовность предоставить Советскому Союзу кредит в 100 миллионов долларов в целях поддержания советского импорта из Греции. Условия кредита очень хорошие. <...> Что касается проекта поставки природного газа из СССР в Грецию, то дела идут хорошо. 20 дней назад мы решили вопрос относительно того, какие греческие фирмы будут вести сооружение трубопровода на территории Греции. Тут наше сотрудничество развивается успешно. <...>

Мицотакис. Суммируя, хочу сказать, что мы делаем все, что можем, для того чтобы стимулировать интерес греческих предпринимателей к Советскому Союзу, в частности мелких и средних предприятий. <...> Хотел бы также отметить имеющиеся возможности для сотрудничества в области создания общеевропейской энергетической сети и охраны окружающей среды. Это две области, к которым Европа и СССР весьма чувствительны. Мы поддерживаем предложение премьер-министра Голландии в области общеевропейской энергетики.

Горбачев. Мы также поддерживаем эти предложения, и у наших компетентных организаций есть поручение по их проработке.

Мицотакис. Очень рад совпадению наших точек зрения по этому очень важному вопросу. Что касается крупных советско-греческих экономических проектов, то я рад, что соглашение по газу, в пользу заключения которого я выступал еще 30 лет назад, в настоящее время близится к реализации.

Горбачев. <...> Завтра мы организуем встречу с деловыми людьми. <...> Я поддерживаю идею сотрудничества по крупным экономическим проектам, необходимости дополнительных усилий с целью реализации проектов по газу и глиноземному заводу.

Идея создания торгово-промышленной палаты — стоящая, и не нужно задерживаться с ее реализацией. <...>

Ну а министрам иностранных дел пожелаем развивать двусторонний политический диалог. Я поддерживаю их усилия. <...>

Мицотакис. <...> Хотел бы затронуть еще один вопрос. Он касается расширения контактов в области культуры. С этой целью здесь находится господин Теодоракис⁴⁷. Он представляет здесь эту сферу жизни нашей страны.

Теодоракис. <...> Наш народ глубоко уважает русский народ, искренне любит его, восхищается искусством вашей страны. Однако следует констатировать, что развитию культурных контактов уделяется мало внимания. Может быть, целесообразно создать греко-советский совет культуры. <...>

Горбачев. <...> Господин премьер-министр, думаю, что проделанная нами сегодня и вчера работа дает полное основание подписать Договор о дружбе и сотрудничестве между нашими странами, а также остальные соглашения.

Мицотакис. Согласен с Вами. Этот договор уже наполнен конкретным содержанием в результате наших переговоров.

После беседы состоялась официальная церемония подписания советско-греческих документов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**Из беседы с Константином Мицотакисом
24 июля 1991 года
(во время официальной церемонии проводов в Кремле)**

Горбачев. <...> Между нами налачился хороший рабочий контакт. Мы провели успешные переговоры. Близко познакомились друг с другом. Но время сейчас идет очень быстро. Программа визита была настолько насыщенной, что мы даже не успели заметить, как пролетели эти три дня. <...>

Мицотакис. <...> Господин Президент, пользуясь этим случаем, хотел бы затронуть два вопроса.

Через несколько дней состоится ваша встреча с президентом Бушем. Мы просим вас обсудить в рамках встречи, если позволит повестка дня переговоров, также и кишрский вопрос.

Горбачев. Я обещаю Вам это.

Мицотакис. <...> Второй вопрос касается Генерального секретаря ООН. Как известно, Х. Перес де Куэльяр⁴⁸ намерен сложить свои полномочия, поскольку уходит в отставку. Хотел бы отметить, что недавно свою кандидатуру на пост Генерального секретаря ООН выдвинул египтянин Бутрос-Гали⁴⁹.

Горбачев. Я хорошо его знаю.

Мицотакис. Это — честный, принципиальный человек. Он глубоко разбирается в международных отношениях, так как имеет большой опыт в этой области, хорошо знает арабский мир и, надо полагать, пользуется его поддержкой. Одним словом, это — человек с перспективой.

Горбачев. Мы будем это иметь в виду.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Принципиальный поворот в отношениях с Ватиканом

Отдельно в политике Горбачева следует отметить его отношение к Ватикану. Это одно из самых маленьких государств в мире, но центр самого массового и самого влиятельного христианского вероисповедания — католицизма с его огромным, многовековым политическим влиянием на судьбы большей части Европы, на межгосударственные отношения на континенте.

К моменту прихода Горбачева к власти Святой престол уже более 10 лет занимал Папа Иоанн Павел II. Личность неординарная и необычная. Кризис Церкви он рассматривал в контексте духовного кризиса всей современной цивилизации, особенно ее христианской части. И выход видел в «диалоге Церкви с миром» — причем далеко за пределами собственно католического мира. Во имя прав человека, народов и наций и единения людей разных верований и убеждений.

Папа отстаивал плюрализм социально-политического выбора. И особое внимание уделял всеевропейскому единству — «от Португалии до Урала, от Мальты до Норвегии». Он мыслил его как «демократическое сообщество государств» с взаимовыгодной для всех экономикой, с координированным законодательством и культурным взаимообогащением.

Иоанн Павел II ставил во главу своей проповеди и деятельности (он много разъезжал по всему свету) достижение мира — не только как отсутствия войны, но мира справедливого, гуманного. Решительно осуждал гонку вооружений и трату колоссальных средств на производство орудий смертоубийства, средств, столь необходимых для ликвидации бедности в «третьем мире».

Принимая во внимание, что паства Папы Римского насчитывала 1,5 миллиарда человек и присутствовала в той или иной степени в большинстве стран мира, зная об огромном моральном авторитете Иоанна Павла II далеко за пределами собственно католических стран, и, конечно, учитывая, что и учение и дела главы католической церкви во многом отвечали целям (и методам) политики «нового мышления», Горбачев не мог оставаться на прежней советской позиции по отношению к Ватикану, которая сводилась к одному: все, что исходило из Ватикана, отторгалось, осуждалось и подвергалось пропагандистским нападкам.

Горбачев без колебаний пошел на контакт с представителями Ватикана — кардиналами Агостино Казароли и Анджело Содано, ответил на послание Иоанна Павла II. Результатом было приглашение Папой Горбачева посетить Ватикан, когда он будет в Риме.

Из беседы с государственным секретарем Ватикана кардиналом Агостино Казароли Москва, 13 июня 1988 года

Горбачев. <...> Приветствуя Вас, господин государственный секретарь, хотел бы сразу сказать, что мы, в Советском Союзе, с интересом отмечаем тот факт, что наше новое политическое мышление в международных делах перекликается с новыми подходами Ватикана. Констатируем при этом совпадение и в терминах, и в оценках. Это очень интересный факт.

Казароли. Совершенно справедливо. Естественно, возможности Ватикана в мировой политике невелики. Но мы стремимся вносить свой вклад

в продвижение к миру, высказывать свои идеи, давать советы, предлагать свои добрые услуги. Поэтому для нас так важны контакты с Советским Союзом, державой, обладающей огромным весом и политическим авторитетом.

Горбачев. А как Вы оцениваете состояние этих контактов?

Казароли. Хорошо. Поэтому хотел бы сразу выполнить задание, которое я получил от Папы Иоанна Павла II. <...>

Казароли передает послание главы Ватикана. Горбачев знакомится с ним.

Горбачев. <...> Прошу Вас передать Иоанну Павлу II, что мы отнеслись к его обращению с вниманием, рассмотрим поставленные в послании вопросы. Мы найдем возможность довести до главы Ватикана результаты рассмотрения этого обращения.

Приветствуя Вас в Москве от имени советского руководства, хочу выразить удовлетворение Вашей нынешней миссией. Думаю, что эта миссия — шаг важного значения, приуроченный к известной дате в истории нашего народа⁵⁰. Но нужно подчеркнуть и другое. Мы рады тому, что в контексте нынешней непростой обстановки растет столь необходимое взаимодействие всех миролюбивых сил, в том числе и религиозных. <...>

Хочу, чтобы вы знали, что нам известны конкретные позиции главы Ватикана в вопросах борьбы за мир и предотвращение ядерной угрозы. Мы считаем конструктивными высказывания ватиканских представителей как в пользу снижения военного противостояния в целом, так и по конкретным вопросам, в частности касающимся обычных и химических вооружений. Заметили мы и ваше отношение к концепции ядерного сдерживания. Считаем, что все это очень важно.

И я разделяю Ваши высказывания, что в мире, о котором мы мечтаем, независимо от мировоззрения или вероисповеданий, должны быть созданы широкие возможности для развития сотрудничества, уважительного отношения каждого народа ко всем другим народам, их традициям, истории, культуре, ценностям. <...>

Я думаю, что после нашей встречи будут основания для размышлений и у советской стороны, и у ватиканской, я имею в виду и Папу, и курию в целом. <...>

Казароли. В этой связи не могу не вернуться к Вашей книге, в которой меня поразил ясный, искренний анализ того, что было сделано неправильно, поиск причин этого и путей их устранения. Такая постановка вопроса у меня вызывает уважение.

Горбачев. Конечно, эта книга не научный труд. Скорее, это мысли вслух.

Казароли. Хочу затронуть еще один очень важный для нас вопрос. Уже сложилась практика, что в ходе наших встреч с советскими представителями мы передаем перечень волнующих нас вопросов, так сказать, двустороннего характера, то есть вопросов, связанных с положением католической церкви в СССР. И в этом факте мы видим также изменение климата. Ранее нам не удавалось наладить диалог по этим проблемам. <...>

Горбачев. Я не зря сказал, что по итогам нынешней встречи будет о чем подумать и вам, и нам. В рамках происходящего у нас в стране процесса сей-

час готовится проект закона, который будет регулировать вопросы культов. Разработка его идет очень тщательно. В нем найдут отражение и появившиеся у нас с вами мысли.

Естественно, мы внимательно изучим послание Иоанна Павла II иотреагируем на него соответствующим образом. Мы внимательно рассмотрим и содержащиеся в нем соображения относительно контактов по религиозным вопросам, тщательно все обдумаем.

Казароли. Сразу после этой встречи я буду беседовать с журналистами. Могу ли я им сказать, по крайней мере, что у нас проявилась тенденция к налаживанию диалога по вопросам, представляющим двусторонний интерес.

Горбачев. Безусловно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с кардиналом Анджело Содано⁵¹
Москва, 20 октября 1989 года*

Горбачев. Тепло приветствую Вас в Кремле. По-моему, есть основания сказать, что наша встреча проходит в то время, когда происходят добрые перемены и в мире в целом, и в том, что касается наших контактов. Они становятся более регулярными, более конкретными, идет обмен посланиями с Папой. Была у нас и встреча с кардиналом Казароли.

Содано. Это важно.

Горбачев. <...> Уже объявлено, что вскоре я буду в Италии. Поскольку и со стороны Папы, и со стороны Председателя Верховного Совета СССР есть желание вступить в контакт, Вы можете сказать, что я готов.

Содано. <...> Мне поручено Папой Иоанном Павлом II передать Вам сердечную благодарность за то послание, которое Вы направили ему и которое было ему передано 24 августа. Это послание произвело на Папу глубокое впечатление. Святой отец просил передать, что он с вниманием воспримет любое предложение Вашего Превосходительства, и дал мне, по существу, три поручения.

Первое. Передать Вам его письменное послание по проблеме Ливана. В этом документе Папа отмечает, что, несмотря на некоторое улучшение в последнее время, ситуация в этой стране продолжает вызывать серьезную озабоченность. Война там не прекращается уже более 14 лет. Папа интересуется, не мог бы Президент СССР сделать что-нибудь с тем, чтобы содействовать окончанию этого конфликта. Мы имеем, в частности, в виду возможности воздействия на Сирию. <...>

Хочу сразу сказать, что Папа не упоминает напрямую о Сирии в своем послании. Если вдруг завтра станет известно о содержании послания, он не хотел бы, чтобы создавалось впечатление, что он обвиняет какую-то одну страну. Но на словах, между строк своего послания он хочет передать Вам, что именно он имеет в виду. 40 тысяч сирийских солдат оккупируют эту маленькую страну, присутствуют там и израильтяне, хотя их 2 тысячи. <...>

Горбачев. Мы все время уделяем большое внимание этой проблеме*. Когда в Ливане возникло новое обострение ситуации, мы вступили в контакт с президентом Миттераном и договорились взаимодействовать. Обсуждали мы эту проблему и в Париже, где сделали совместное заявление.

Я принимал «миссию трех» арабских государств, которые также просили нас, чтобы в контактах с Асадом мы подвигали сирийскую сторону к мысли о сотрудничестве. <...> Были встречи и с госпожой Тэтчер, в ходе которых обсуждалась эта проблема. <...> Важно, что у нас есть понимание и общие подходы с США. Удалось согласовать совместное заявление с госсекретарем Бейкером.

Эта тема постоянно затрагивается в беседах с арабскими представителями — как с одной, так и с другой стороны, в тех контактах, которые мы поддерживаем и с Израилем, и с ООП. В Берлине я встречался с Арафатом, и мы говорили об этом. Шеварднадзе обратился с письмом к Пересу де Куэльяру, в котором поддержал его усилия по достижению мира в Ливане. <...>

Передайте Папе, что я очень высоко оцениваю его послание, наши развивающиеся контакты. Мне кажется, у нас есть общее понимание в отношении этой проблемы, подходов к ее решению. Можете сказать, что, когда я встречу с Асадом, я сошлюсь и на послание Папы, и мы еще раз обсудим этот вопрос.

Содано. Асад не хочет вступать в контакт с нами. У него сложилось впечатление, что Папа стремится защитить лишь интересы христиан. На самом же деле Иоанн Павел II хочет мира и для христиан, и для мусульман. Так что зря Асад вбил себе в голову такую мысль. Мы хотим сосуществования двух общин. <...>

Горбачев. Мы занимаемся этой проблемой очень активно. <...> В доверительных контактах мы говорим нашим друзьям в Сирии, президенту Асаду что без конструктивного вклада Сирии нельзя достичь урегулирования ливанского кризиса.

Можно констатировать, что в позиции Сирии есть обнадеживающие элементы. <...> Асад заявил, что Сирия хочет сосуществовать с Ливаном как с суверенным государством. Он заявил также, что Сирия поддерживает план реформ, который предложил «Комитет трех». <...> Вы можете исходить из того, что мы выскажем соображения Папы в контактах с Асадом. Надеемся, что и Вы используете свои возможности...

Содано. <...> Среди многих тем, которые, несомненно, будут затронуты в ходе вашей встречи со Святым отцом, будут обязательно присутствовать два вопроса двустороннего характера. Первый — как интенсифицировать контакты между Советским Союзом и Святым престолом. Второй — о реорганизации католических общин в Советском Союзе. <...>

Может быть, так считает Папа, стоит подумать и нам об обмене личными представителями. Иоанн Павел II мог бы, если с этим согласитесь Вы и Советское правительство, назначить своего личного представителя, например, в ранге епископа, который посещал бы СССР 3–4 раза в год. Со своей сторо-

* Подробнее см. раздел VI.

ны, Ваш личный представитель мог бы несколько раз в год приезжать для бесед с Папой. <...> Пусть это не типичная формула, но она могла бы иметь свое значение. <...>

Наш представитель, приезжая в СССР, мог бы иметь беседы с советским руководством, а также встречаться с католическими общинами в Москве, в Литве, на Украине, в Армении. В свою очередь Ваш личный представитель встречался бы с Папой, кардиналом Казароли, другими ватиканскими представителями. <...>

Горбачев. Постараюсь быть готовым к такому обсуждению в Риме. В предварительном плане могу сказать, что, как мне кажется, это мог бы быть правильный шаг, следующий шаг в развитии нашего диалога. Но надо подумать.

Содано. В жизни все делается постепенно. Еще один момент, который нас волнует, связан с заботой о реорганизации жизни католических общин в СССР. <...>

У вас в стране есть разные республики. То же и в церкви: есть католики латинского обряда, византийского обряда, армянского обряда. У нас нет точной статистики, но иногда говорят, что в СССР около 12 миллионов католиков. Для того чтобы они могли отправлять свои культовые потребности, необходимо, чтобы в епархии были свои епископы, которые могли бы наблюдать за церковной жизнью. Нам очень бы хотелось, чтобы в ходе предстоящей встречи с Папой Президент мог коснуться и этой проблемы.

Мы глубоко признательны Советскому правительству за то, что у нас не было трудностей с назначением епископа в Белоруссию. Папа просил лично Вам выразить свою благодарность за этот новый шаг в области обеспечения религиозных свобод, прав католиков Белоруссии. <...>

Горбачев. Хотел бы посвятить Вас в то, что для нашей перестройки характерно не только возрастание социально-политической активности населения, но и рост активности религиозной. Нашу страну населяют много народов, в ней соседствует много вероисповеданий. <...>

Мы хотим, чтобы и религия была активным и конструктивным элементом в гуманизации и демократизации нашего общества. Я просил бы Вас и, конечно, Папу, других ватиканских деятелей иметь это в виду. Нам не безразлично, в каком направлении будет развиваться религиозная и политическая активность.

Религиозная активность, как и политическая, не проходит безболезненно. Накопились проблемы и в этой области. Мы обсуждали их с кардиналом Казароли: проблемы отношений между верующими и неверующими, проблема свободы совести, свободы выбора мировоззрения и миропонимания. Задача государства — обеспечить, чтобы не были ущемлены права граждан, независимо от их вероисповеданий. Но сфера эта очень деликатная.

Поэтому мы считаем важной задачей разработку закона о свободе совести, с тем чтобы создать правовую основу...

Мы обращаемся ко всем религиозным авторитетам с призывом служить умиротворению страстей, поддерживать перестройку со всеми ее трудностями и сложностями. Ведь ее успех обернется благом для человека. И общий долг верующих и неверующих способствовать этому.

И еще одно замечание общего плана. <...> Со своего угла зрения, я, же советское руководство лишь приветствовали бы, если бы между православной и католической церквями развивались добрые, уважительные отношения.

Мне бы очень хотелось, чтобы Папа учитывал взаимосвязь, существующую между советско-ватиканскими контактами по государственной линии и развитием диалога между православными и католиками. В этом треугольнике все должно быть ясно. Я надеюсь на его понимание в этом вопросе, поскольку он не только католик, но и славянин. Мы это тоже учитываем.

Мне бы очень хотелось, чтобы контакты между католической и православной церквями не теряли динамики, в том числе и для решения поставленных Вами проблем. <...> Но как представитель государства я очень заинтересован в том, чтобы не было обострений в отношениях между католиками и православными. Это не пошло бы на пользу ни Ватикану, ни Синоду Русской православной церкви, ни стране. Мы должны проявлять мудрость.

Итак, думаю, мы сможем весьма плодотворно побеседовать с Его Святейшеством о мире, в котором мы все живем. Этот мир разнообразен, но это наш мир. О нашем общем доме, о нашей общей ответственности за его судьбы. Тут большие возможности для сотрудничества, для того, чтобы искать пути интенсификации наших отношений и обсуждения проблем деятельности религиозных организаций.

Содано. Глубоко признателен Вам. Я, естественно, не хочу обсуждать здесь частности. <...> Но это был бы большой шаг вперед.

Горбачев. Можете передать Иоанну Павлу II, кардиналу Казароли, что мы выступаем за то, чтобы в наших отношениях нарастали взаимопонимание, взаимодействие.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Папой Римским Иоанном Павлом II
Ватикан, 1 декабря 1989 года**

Горбачев. <...> Мы приветствуем Вашу миссию на этом высоком престоле, убеждены, что она оставит большой след в истории. Я знаком с Вашими обращениями к миру, с раздумьями над его проблемами. Даже обращал внимание на то, что у нас с Вами часто повторяются одинаковые выражения. А ведь это значит, что должно быть общее и в исходном — в мыслях. Не знаю почему, но у меня была уверенность, что эта встреча состоится. И речь идет не только о человеческом интересе, хотя и это важно — ведь мы современники. Но прежде всего, потому, что у нас немало объединяющих мыслей и забот. <...>

Иоанн Павел II. <...> Со своей стороны хотел бы поблагодарить Вас, господин Президент, за Ваше последнее послание, которое я читал неоднократно, возвращался к нему. Это — очень важное, насыщенное содержанием послание, и в нем я увидел много близких мне мыслей.

* Горбачев в это время находился с официальным визитом в Италии и, находясь в Риме, воспользовался приглашением Папы.

Горбачев. А я в свою очередь долго размышлял над Вашим посланием, прежде чем дать на него ответ.

Иоанн Павел II. Естественно, что главная проблема, которая интересует все человечество, — вопрос о войне и мире. Благодарение Господу, за последнее время опасность войны уменьшилась, снизилась напряженность в отношениях между Востоком и Западом. Мы знаем и высоко ценим Вашу деятельность на благо мира и желаем ей доброго продолжения. <...>

Всем нам нужен мир, сотрудничество, солидарность между народами. Особенно важно, чтобы было движение вперед в отношениях между великими державами по разным направлениям, в том числе, что касается проблем развивающихся стран. Положение в «третьем мире» — один из тех вопросов, которые заботят меня больше всего. Я написал об этом в своей энциклике «О нуждах социальных»⁵².

Хотел бы сказать и о тех элементах, которые связаны со словом «перестройка», которая глубоко затронула все стороны жизни народов Советского Союза, да и не только их. Этот процесс позволяет вместе искать выход на новое измерение совместной жизни людей, которое в большей степени отвечало бы потребностям человеческой личности, разных народов, правам индивидуумов и наций. Те усилия, которые Вы предпринимаете, не только представляют для нас большой интерес. Мы разделяем их.

Естественно, что среди прав человека есть такое фундаментальное право, как свобода совести, из которой вытекает право на религиозную свободу. По понятным причинам этот аспект интересует меня, Церковь, Святой престол больше всего. Ведь миссия наша религиозная. Для того чтобы иметь возможность выполнять ее в разных странах с различными политическими системами, необходимо, чтобы мы могли рассчитывать на то, что там будет соблюдаться свобода совести.

В этой связи скажу, что с большим волнением и надеждами мы ждем принятия в Вашей стране Закона о свободе совести. Мы надеемся, что принятие такого Закона приведет к расширению возможностей для религиозной жизни всей советских граждан. Верующим человек становится по свободному выбору, заставить кого-то верить невозможно. В Советском Союзе, особенно в России, а также в некоторых соседних с ней странах, большинство верующих — православные христиане. Мы, конечно, надеемся, что и у наших православных братьев станет больше свободы. Тем более что мы сейчас встали на путь экуменического диалога, который активно развивается с православными церквями, и в особенности с Русской православной церковью. Ведь мы очень близки друг другу.

Но кроме православных, в СССР много других вероисповеданий. В том числе и католики, у которых есть два обряда — латинский и византийский, или восточный... Конечно, свобода совести должна распространяться и на баптистов, и на протестантов, иудеев. Это же относится и к мусульманам.

Горбачев. Да, мусульмане для нас — реальный фактор.

Иоанн Павел II. В Вашем послании ко мне, господин Президент, содержалась мысль о том, что мы могли бы иметь представителей, посланцев с обеих сторон. Эта идея обсуждалась и на Вашей встрече с архиепископом

Содано. Хочу сказать, что я полностью разделяю эту идею. Для нас было бы очень важно, чтобы был такой представитель. <...>

Такая институционализация связей — хотя, конечно, надо будет еще определить статус наших представителей — позволит нам поддерживать контакты, как по вопросам прав человека, так и по другим проблемам, обмениваться взаимными озабоченностями. <...>

Горбачев. Очень внимательно выслушал сказанное Вами, и хотел бы со своей стороны высказаться по трем направлениям: о мире, о нашей перестройке и, в связи с этим, о свободе совести, религиозной свободе.

Хочу заверить Вас, что наш выбор, то, что мы называем новым мышлением, — не дань моде, не попытка привлечь к себе внимание. Это — результат многих размышлений о том, где оказалась страна, Европа, весь мир. И надо сказать, что после того, как мы пришли к новому мышлению, нам стало легче дышать. Затем последовали и конкретные предложения, мысли о том, как нам всем строить новые отношения, жить вместе по-новому. <...>

Ватикан и как государство, и как выражение многомиллионного движения, может внести в это общее дело огромный вклад. Думаю так не только потому, что подпись Ватикана стоит под хельсинкским Заключительным актом, но и потому, что знаю, что было Вами сделано в последний период, чтобы обогатить этот процесс. <...>

Сегодня перед нами остро встала проблема выживания. Это и угроза ядерного оружия, и экология, и проблема природных ресурсов, и информационный аспект, и научно-техническая революция, которая наряду с прогрессом несет многие беды. Все это — задачи глобальные, общечеловеческие. Их надо видеть, их нельзя игнорировать. Это необходимо понять, изменить образ мышления, а значит и политику. Надо совершить поворот от конфронтации к сотрудничеству. Это будет трудный и долгий путь, но я не разделяю взглядов пессимистов, которые есть и у нас.

Иоанн Павел II. Я тоже.

Горбачев. Наша планета перенапряжена многими заботами. Но есть и большие возможности объединенными усилиями двигаться в правильном направлении, к строительству нового мира на основе общечеловеческих ценностей. <...>

Теперь о перестройке. Она сейчас находится в самой напряженной точке, проходит через критический период. Самое трудное дело — перестройка мышления. С трудом уходят старые представления...

Хотел бы еще сказать, что мне очень близки проблемы Вашей родины — Польши. Все последние годы я делал и буду делать все от меня зависящее, чтобы между Польшей и Россией, Советским Союзом были добрые отношения.

Иоанн Павел II. Благодарю Вас от имени моей родины.

Горбачев. <...> Большие перемены идут и в других странах. В этой связи хотел бы зафиксировать еще один пункт. Западным политикам необходимо очень ответственно относиться к этим переменам. Они представляют собой слишком большую ценность. Ведь в случае успеха мир станет другим. А возможности встать на путь, пусть и трудный, доброго развития сейчас есть. И у большинства политиков, думается, есть серьезное понимание этого.

В начале беседы Вы сказали, что молитесь за перестройку, за ее успех. Хочу сказать, что мы ценим Вашу поддержку. <...>

Мы хотели бы надеяться, что с Вашей стороны будут стимулы к тому, чтобы идущие процессы не обострялись, чтобы были сняты имеющиеся осложнения. Мы просили бы также решить вопрос о том, чтобы структура католической церкви в нашей стране совпадала с государственными границами. Не собираюсь давать советы, обращаюсь здесь к Вашему опыту и мудрости. <...>

Когда я встречался с архиепископом Содано, он говорил о том, что Вам необходимо иметь двух архиепископов на территории СССР — для католиков европейской и азиатской частей страны. Что же, давайте смотреть. Думаю, что это естественно. <...> Ваш представитель сможет установить контакты с нашими государственными органами, занимающимися религиозными вопросами.

Но мы за то, чтобы действовать в этом вопросе без спешки. В подобных деликатных, тонких вопросах спешка может быть попросту опасной. <...>

Иоанн Павел II. <...> Я очень благодарен Вам за высказанные соображения по проблемам международного характера. Естественно, в основном были затронуты проблемы Европы, в некоторой степени — Северной Америки. Но есть и другие части света, положение в которых вызывает беспокойство.

Меня особенно заботит положение в Ливане, в целом на Ближнем Востоке, в какой-то степени — в Индокитае и в Центральной Америке. В общем, есть немало точек на земном шаре, где миру приходится трудно. Может быть, мы могли бы действовать здесь вместе. Церковь и Папа в этих вопросах могут представлять только моральный аспект. Хорошо бы и в политическом плане попытаться помочь этим народам выйти из трагической ситуации, в которой они оказались. <...>

Признателен Вам и за рассказ о перестройке. Мы наблюдаем за ней извне. Вы же, господин Президент, несете ее в себе, в своем сердце, в своих делах. Нам кажется, что мы правильно поняли, что сила перестройки в ее душе. Вы правы, когда говорите, что перемены не должны идти слишком быстро. Согласны мы и в том, что изменять надо не только структуры, но и мышление.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Жаном-Луи Тораном
Москва, 12 сентября 1991 года**

Горбачев. <...> Я знаю Вашу позицию, знаю Ваши выступления, они мне импонируют. Особо оценил вашу центральную мысль: Европа завтрашнего дня будет Европой солидарности или ее не будет вообще. Может быть, я чересчур резко сформулировал Вашу мысль?

Торан. Нет, я сказал именно так.

* Сразу после августовского путча Иоанн Павел II направил в Москву своего специального представителя Жана-Луи Торана, секретаря в Государственном секретариате Ватикана, с выражением своей озабоченности и солидарности с перестройкой.

Горбачев. Очень ценю такую постановку вопроса. <...>

Торан. Святой отец послал меня для того, чтобы сказать Вам, как он был озабочен тем, что произошло. Свое волнение он выразил, выступая в Будапеште. Он искренне хотел и хочет, чтобы не было возврата назад, чтобы никакие препятствия не заморозили те усилия по демократизации страны, которые Вы начали. <...>

Папа был очень тронут Вашим письмом, которое Вы направили ему в июле и где затрагивались вопросы о международной ситуации, о заседании «семерки» в Лондоне, о положении католической церкви в СССР. Свои мысли он изложил в послании, которое я имею честь Вам передать.

Горбачев. Я очень ценю сложившиеся у меня отношения с Его Святейшеством, наш личный контакт, обмен мнениями. Я только что сказал об этом прессе. Послание я внимательно изучу.

Торан. Как Вы увидите, Его Святейшество хочет сказать: Вы не одиноки в том деле, которое Вы предприняли, за Вами — Европа... Мы укрепляемся в убеждении, что Европа должна быть континентом, где именно человек, его судьбы являются истинным центром внимания.

Я отметил важную формулу, содержащуюся в Вашем выступлении, где Вы говорили о том, что свобода человека, его достоинство и права будут фундаментом развития вашей страны. <...>

Понятно, что когда я говорю — Вы не одиноки — я имею в виду не только Европу, но и все мировое сообщество. Хочу добавить: Вы можете рассчитывать на сотрудничество верующих. Я думаю, все здесь понимают, особенно люди, отвечающие за политику, что верующие это серьезная сила, которая способна внести вклад в повышение морального уровня общества, ибо, как Вы сами сказали, общество нуждается в ценностях, которые позволяют совместно жить и совместно создавать. <...>

Горбачев. <...> Благодарю Вас. Передайте Его Святейшеству, что я высоко оцениваю вклад его и католической церкви, которой он руководит, в создание новой Европы. Более того, я считаю, что его деятельность предшествовала осознанию политиками необходимости создания новой Европы. Это заставляет меня, будучи справедливым, выделить данный момент особо.

Я следил за его выступлениями во время его последней поездки по Восточной Европе и ценю его позицию. <...> В духе тех отношений, которые наладились у нас за последние годы, мы готовы сотрудничать и дальше... Такое сотрудничество нужно, чтобы все проходило более гармонично, особенно когда создаются сложные человеческие ситуации.

И в частности, я очень хочу — я не раз говорил об этом Его Святейшеству — чтобы православная и католическая церкви сотрудничали друг с другом. Сотрудничали даже там, где складываются непростые ситуации. Я думаю, если кто-то начал бы эксплуатировать религиозные чувства, возникли бы огромные опасности. <...>

Торан. Разрешите сказать два слова об отношениях с православной церковью. К посланию Его Святейшества приложен меморандум, в котором говорится об усилиях католической церкви, направленных на развитие сотрудни-

чества с православной церковью. Я хочу встретиться с патриархом Алексием и заверить его в том, что препятствий к диалогу с нашей стороны нет.

Горбачев. Это я приветствую. Сотрудничество нужно. И давайте так — возникнет какое-то непонимание, надо откровенно говорить об этом друг другу. Но у нас с вами большая степень согласия, это дает надежду: все образуется. <....>

Торан. Еще одно короткое замечание, хотя оно и важно. Речь идет о Югославии. Святой престол был бы признателен, если бы СССР мог бы оказать дополнительное воздействие на Сербию. Всем нам известна сложность сербско-хорватских отношений. Но сейчас главное — остановить военные действия. Ведь процесс СБСЕ для того и был начат, чтобы доказать, что война в Европе более невозможна.

Горбачев. Я тоже так думаю. Иначе все рухнет. Что же касается югославов, то мы с ними в контакте. У нас большая степень доверия, и мы используем это доверие, чтобы способствовать взаимопониманию внутри этой страны. Тут за этим столом сидели и сербы, и хорваты.⁵³ И мы продолжим свои усилия.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Заключение

Европейское направление принесло едва ли не самые впечатляющие результаты политике «нового мышления». Понимание значимости Европы, особенно Западной, и интуиция, позволившая ухватить готовность западно-европейских государств идти навстречу новой политике Москвы, дали Горбачеву возможность использовать весь арсенал новой дипломатии. Это хорошо видно из документов, собранных в этом разделе.

Здесь представлена лишь часть (хотя и значительная) богатого материала о европейском направлении горбачевской новой политики, одна из самых главных в его повестке дня.

Активность личных контактов с лидерами и западной общественностью, принципиально иное качество диалога, откровенного и честного, инициатором которого был Горбачев, за два-три года неузнаваемо изменили атмосферу европейской части мира.

Первая часть главы как раз посвящена деятельности Горбачева по консолидации Европы на принципах мира, разоружения, добрососедства и взаимодействия.

Многое удалось в реализации идеи Горбачева об «общеевропейском доме». Он добился, в конце концов, проведения Общеευропейского совещания 34-х государств, включая США и Канаду, осенью 1990 года. Принятая тогда в Париже Хартия для Европы («от Ванкувера до Владивостока») подняла хельсинкский процесс на качественно новый уровень. Идеи, принципы и критерии, в ней заложенные, — если бы не исчез СССР, обновленный, демократический, миротворческий, — могли бы проложить путь к созданию действительно единой демократической Европы свободных государств как одной из главных величин мирового прогресса.

Во второй части раздела (двусторонние отношения) много существенных мыслей общего порядка. Главное же в ней — отражение того, как создавалась совершенно новая атмосфера (специфическая в каждом отдельном случае) в сближении Советского Союза с западноевропейскими странами.

Практически со всеми странами, сколько-нибудь значимыми в европейских делах, были установлены подлинно добрососедские отношения. Мы действительно открылись для них, приглашая к многостороннему и взаимовыгодному сотрудничеству — во всех сферах.

Идеологическая конфронтация в Европе практически прекратилась, во всяком случае, потеряла свой провокационный и оскорбительный характер. И если формально прекращение «холодной войны» можно датировать Мальтой (декабрь 1989 года), то в Европе она была остановлена задолго до этого.

В переговорном процессе (двустороннем и многостороннем) появилось с обеих сторон огромное богатство новых идей и проектов в самых разных областях — от экономики, энергетики, транспорта до — и особенно — культуры. Многие из них были зафиксированы в договорах и соглашениях, дру-

гие занесены в повестку дня развития отношений европейских стран и Европейского сообщества в целом с Советским Союзом.

Обращают на себя внимание два момента.

Все зарубежные партнеры Горбачева приветствовали перестройку в СССР, все стремились (в меру обстоятельств) поддерживать его реформы и одобряли его внешнюю политику... даже — и тем более! — когда появились явные признаки ослабления его власти.

Все осудили августовский путч (хотя у некоторых был момент «дипломатических колебаний» — мол, придется примириться с совершившимся фактом, если путчисты победят).

Все были против ослабления Советского Союза и хотели, чтобы он в своем новом качестве сохранился, продолжал играть роль великой державы. Это относится и к Соединенным Штатам как «европейскому игроку», особенно — в перспективе объединения и усиления Германии.

Миф о том, будто Запад хотел разрушения Советского Союза, опровергается всем комплексом собранных в этой книге свидетельств.

Поколение лидеров того периода заслуживает того, чтобы быть отмеченным как уникальное явление в мировой истории. При всех своих личных различиях и при сохранении объективно обусловленных разногласий и несопадающих точек зрения они сумели повернуть движение Европы в сторону действительно мирного периода. А ведь ей, Европе, суждено еще долго оставаться интеллектуальным и научно-техническим ядром планетарной цивилизации с колоссальным потенциалом влияния на весь мир.

Если бы Советский Союз, который при Горбачеве выступил как мотор движения Европы к новым горизонтам, выдержал внутреннюю перестройку, сохранил себя в новом качестве великой демократической мирной державы, то общеевропейское совещание Хельсинки-2, которое договорились провести в 1992 году, могло бы создать прочную, скрепленную подписями на высшем уровне, международно-правовую основу для уверенного строительства европейского будущего. В мировой истории оно было бы сопоставимо с величайшими деяниями на благо человечества.

* * *

В рамках данного раздела составители книги сочли правильным затронуть в общем виде тему: КПСС и **коммунистическое движение**. Почему — в этом разделе? Потому что в основном (за пределами соцстран) эти отношения концентрировались на связях с компартиями Западной Европы. Здесь в годы перестройки решалась и судьба всего коммунистического движения в целом.

Отношения с компартиями несоциалистических стран претерпели серьезную эволюцию. На первых порах Горбачев и его соратники придавали большое значение развитию этих отношений как одному из важнейших направлений международной деятельности КПСС. Это позволяло ориентировать «братские партии» в вопросах внутренней и внешней политики КПСС, использовать их возможности в продвижении идей «нового мышления» за рубежом.

Дальнейшее развитие межпартийных отношений виделось на новой основе — признании полной самостоятельности каждой партии, открытости, отказе от попыток навязывания «общей линии» и каких-то организационных форм взаимодействия. Но чем дальше, тем очевиднее становилась неадекватность существующих коммунистических партий новым мировым реалиям и задачам. Многие компартии оторвались от реальности, их влияние падало. В условиях быстро меняющейся международной обстановки, глубоких социальных, экономических и технологических сдвигов и новых глобальных вызовов на первый план выходила необходимость диалога и взаимодействия со всем спектром левых демократических сил.

Горбачев, начав демократизацию у себя «дома» и распространив ее принципы на отношения с союзниками, твердо занял позицию, исключавшую даже малейший намек на какое-то лидерство в коммунистических рядах за рубежом. Он исходил из того, что мы давно уже перестали быть «образцом для подражания». Заставлять коммунистов, несмотря ни на что, выступать и впредь в роли апологетов советского образа жизни — выглядело бы просто абсурдно. Развертывая перестройку, Горбачев рассчитывал на возрождение авторитета страны уже совсем по другим критериям.

Международная встреча партий и движений, принявших участие в праздновании 70-летия Октябрьской революции, воочию продемонстрировала, что компартии уже не могут больше рассчитывать на привилегированное положение в качестве ближайших зарубежных союзников КПСС. Это, в общем, отвечало устремлениям тех компартий, особенно крупных, которые давно стремились освободиться от опеки КПСС, действовать самостоятельно, искать собственные ответы на вызовы времени. Именно в среде таких партий возник «еврокоммунизм» (ИКП, ФКП, КП Испании), который в брежневско-андроповские времена расценивали как антисоветское явление, хотя «еврокоммунисты» во многом правильно оценивали и новую международную ситуацию, и положение в зоне «реального социализма».

Большая часть компартий Запада, тех, существование которых почти полностью зависело от их связей с КПСС, неодобрительно отнеслась к перестройке в СССР.

Политика гласности сопровождалась выбросом в советских средствах массовой информации материалов о неприглядных сторонах прежнего режима. В зарубежных масс-медиа это использовалось против компартий и особенно осложняло положение тех из них, которые ранее склонны были безоговорочно верить советской пропаганде и некритически воспринимать «реальный социализм». Этим в значительной мере объяснялась и сдержанная оценка перестройки в рядах зарубежных компартий.

Линия на деидеологизацию международных отношений объективно вела к снижению значения связей с компартиями в советской внешней политике. Горбачев все реже встречался с представителями компартий. А его беседы все меньше отличались от тех, какие он вел по государственной линии, разве что некоторым лукавством насчет «братской открытости». Были и «привходящие обстоятельства»: погруженность в осложнявшиеся внутренние дела.

Связи КПСС с большинством компартий не могли не ослабевать по мере того, как она теряла позиции внутри страны. Прекращение деятельности КПСС вследствие августовского путча и распад СССР особенно тяжело отразились на положении тех компартий несоциалистической части мира, существование которых поддерживалось в большей степени благодаря их интернациональным связям, чем влиянию в своих странах. Подтвердились пессимистические оценки лидеров Итальянской компартии, которые еще ранее пришли к выводу, что коммунистическое движение, в том виде, в каком оно существовало, исчерпало свои возможности

Примечания

- ¹ Речь идет о «трех корзинах» Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), принятого в Хельсинки в 1975 году. Так дипломаты стран – участниц этого Совещания называли три сферы обязательств, принятых на себя участниками СБСЕ: первая «корзина» – вопросы безопасности, вторая – экономическое и другое сотрудничество, третья – гуманитарные проблемы, права человека.
- ² Яковлев Александр Николаевич (1923–2006) – партийный деятель, секретарь ЦК КПСС (1986–1990), член Политбюро (1987–1990). Академик АН СССР (РАН).
- ³ Имеются в виду переговоры в Вене о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе.
- ⁴ Бетонные сооружения, возведенные властями ГДР в 1961 году на границе с Западным Берлином, ассоциированным с ФРГ. Символ разделения Германии в годы «холодной войны».
- ⁵ Жискард д'Эстен Валери (р. 1926) – французский политик, основатель Республиканской партии (1977), президент Французской Республики в 1974–1981 годах.
- ⁶ Северный совет – форум для сотрудничества парламентариев «северных стран» (пять стран и три автономные территории). Основан в 1952 году.
- ⁷ «Финляндизация» – термин, утвердившийся в западной пропаганде для обозначения влияния СССР на страны за пределами социалистической системы.
- ⁸ Имеется в виду очередная сессия Совета НАТО, проходившая в Лондоне в июле 1990 года.
- ⁹ Ахромеев Сергей Федорович (1923–1991) – крупнейший советский военный деятель 70–80-х годов, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. В 1984–1988 годах начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, первый заместитель министра обороны СССР, в 1989–1991 годах советник Президента СССР по военным вопросам. Выделялся среди советского генералитета своей интеллигентностью, широким пониманием специфики военного компонента в мировой и внешней политике. Посвятивший всю свою сознательную жизнь армии, он глубоко переживал ее кризис, связанный с кризисом перестройки в целом, с распадом Советского Союза. Покончил с собой после провала путча ГКЧП, в отношении которого занял колеблющуюся позицию.
- ¹⁰ Имеется в виду агрессия Саддама Хусейна против Кувейта и то, что за ней последовало.
- ¹¹ В Нюрнберге по случаю 40-й годовщины окончания Второй мировой войны прошла встреча представителей городов, ставших символами преступлений нацизма, – Волгограда, Минска, Орадура, Ленинграда, Роттердама, Ковентри и Лидице.
- ¹² Речь идет о Московском договоре, подписанном СССР и ФРГ в 1970 году. Договор фиксировал признание Западной Германией ГДР и границы по Одеру–Нейссе. Тем самым было положено начало разрядке 70-х годов.
- ¹³ Речь идет о письме Брандта, направленном Горбачеву по случаю 15-летия Московского договора.
- ¹⁴ Шмидт Гельмут (р. 1918) – германский политик. Один из лидеров СДПГ, федеральный канцлер ФРГ в 1974–1982 годах.
- ¹⁵ Квицинский Юрий Александрович (р. 1936) – дипломат, посол СССР в ФРГ (1986–1990), в 1990–1991 годах – заместитель министра иностранных дел СССР, впоследствии – один из членов руководства КПрФ.
- ¹⁶ Рыжков Николай Иванович (р. 1929) – Председатель Совета Министров СССР (1981–1991), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990); Крючков Владимир Александрович (1924–2007) – председатель КГБ СССР (1988–1991); Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001) – помощник Горбачева, профессор, член-корр. АН СССР (РАН); Фалин Валентин Михайлович (р. 1926) – посол СССР в ФРГ (1971–1978), заведующий Международным отделом ЦК, секретарь ЦК КПСС (1988–1991); Федоров Рафаэль Петрович – первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (1990–1991).

- ¹⁷ Формула, одновременно возникшая и в Москве, и в Вашингтоне. Обозначала регулярные консультации министров иностранных дел четырех держав-победительниц и двух германских государств. По просьбе немцев, порядок цифр был заменен (2 + 4), чтобы подчеркнуть, что в первую очередь немцы сами договаривались между собой, а другие государства обеспечивали «внешнюю» сторону процесса объединения.
- ¹⁸ Ширак Жак (р. 1932) — премьер-министр Франции в 1974–1976 и 1986–1988 годах, в 1995–2007 годах — президент Франции.
- ¹⁹ Имеется в виду вмешательство СССР во внутренние дела Чехословакии в 1968–1969 годах, завершившееся вводом в эту страну войск Варшавского Договора.
- ²⁰ Вступление советских войск в Афганистан в конце 1979 года.
- ²¹ Ввод вьетнамских вооруженных сил в Камбоджу.
- ²² Политический кризис в Польше в 80-х годах, который, как боялись в Европе, мог привести к вооруженной интервенции со стороны СССР.
- ²³ В Никарагуа шла гражданская война, Советский Союз помогал и поставил оружие одной из сторон, американцы — другой.
- ²⁴ «Эврика» — Европейская программа научного сотрудничества в области высоких технологий. Имеет статус международной правительственной организации. Образована в 1985 году по инициативе 18 европейских государств. К концу первого десятилетия XXI века в ней принимают участие 35 государств и Евросоюз как единое целое. Международный секретариат Программы расположен в Брюсселе.
- ²⁵ То есть о ситуации в Камбодже после ввода туда вьетнамских вооруженных сил.
- ²⁶ Хун Сен (р. 1951) — активный участник национально-освободительного движения в Индокитае. Лидер Народной партии. С 1975 года — премьер-министр Камбоджи.
- ²⁷ Береговуа Пьер (1925–1993) — французский политик, социалист, министр экономики. Премьер-министр Франции в 1992–1993 годах.
- ²⁸ Каменцев Владимир Михайлович (р. 1928) — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственной комиссии по внешнеэкономическим связям.
- ²⁹ ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития.
- ³⁰ ГАТТ — Генеральное Соглашение по тарифам и торговле, международное торговое объединение, предшественник Всемирной торговой организации (ВТО).
- ³¹ Имеется в виду развернувшееся в Литве, Латвии и Эстонии движение за отделение от СССР, которому руководство этих республик придало скандальную форму.
- ³² Дюма имел в виду отдельное заседание «семерки», посвященное мировой экономике.
- ³³ Ковалев Анатолий Гаврилович (1923–2002) — дипломат, заместитель министра иностранных дел СССР (с 1986 года первый заместитель) в 1971–1991 годах.
- ³⁴ Имеется в виду намечавшееся на 1992 год преобразование ЕЭС в политический, экономический и валютный союз.
- ³⁵ Куньял Алваро (1913–2005) — видный деятель португальского рабочего и антифашистского движения, личность героическая. Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии с 1961 года, при фашистском режиме многие годы провел в застенках Салазара.
- ³⁶ Кракки Беттино (1934–2000) — лидер Итальянской социалистической партии с 1976 года и до ее роспуска в 1994 году. Возглавлял правительства Италии в 1983–1987 годах. В 1992 году, в рамках кампании «чистые руки», был обвинен в коррупции и укрылся от судебного преследования в Тунисе.
- ³⁷ Конфиндустрия — Конфедерация итальянских промышленников. Основана в 1910 году. Объединяет свыше 100 тысяч предприятий.
- ³⁸ Делор Жак (р. 1925) — французский политический деятель, председатель (1985–1994) Комиссии Европейских сообществ (с 1993 года — Европейский союз).
- ³⁹ Речь идет о предстоявшем в начале 1992 года саммите Европейского сообщества в Маастрихте (Нидерланды). Договор о создании Европейского союза, подписанный в феврале 1992 года в Маастрихте, вступил в силу 1 ноября 1993 года.

- ⁴⁰ Кольский проект предусматривал развитие сотрудничества двух государств в области создания новых высокотехнологичных производств на Кольском полуострове.
- ⁴¹ ОПЕК — Организация стран — экспортеров нефти.
- ⁴² Аттали Жак (р. 1943) — одно время был помощником президента Миттерана, позднее — глава Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР).
- ⁴³ Имелась в виду позиция шведов в отношении событий в Прибалтике.
- ⁴⁴ Пальме Улоф (1927–1986) — лидер Социал-демократической партии Швеции (1969–1986), премьер-министр (1969–1976, 1982–1986). Стал жертвой покушения в 1986 году. Проходивший в те дни XXVII съезд КПСС почтил его память вставанием.
- ⁴⁵ Речь идет об ООН и программе действий в ее поддержку, изложенной в докладе «Общая ответственность в 90-х годах: Стокгольмская инициатива по глобальной безопасности, управлению и сотрудничеству», подготовленном по инициативе В. Брандта и под руководством И. Карлссона (при участии Г.Х. Брундтланд, Я. Пронка, Дж. Ньерере и других).
- ⁴⁶ Соареш Мариу (р. 1924) — генеральный секретарь Португальской социалистической партии в 1973–1985 годах, дважды возглавлял правительство Португалии (в 1976–1978 и 1983–1985 годах), президент Португалии с 1986 по 1996 год.
- ⁴⁷ Теодоракис Микис (р. 1925) — выдающийся композитор, активный левый деятель, министр, член греческой правительственной делегации.
- ⁴⁸ Перес де Куэльяр Хавьер (р. 1920) — Генеральный секретарь ООН в 1982–1991 годах.
- ⁴⁹ Бутрос-Гали Бутрос (р. 1922) — Генеральный секретарь ООН в 1992–1996 годах (до этого — министр иностранных дел Египта, вице-президент Социнтерна). Его деятельность на посту Генсека ООН вызвала недовольство США, которые заблокировали переизбрание Бутроса-Гали на второй срок.
- ⁵⁰ Имеется в виду 1000-летие принятия христианства на Руси.
- ⁵¹ Содано Анджело (р. 1927) — видный представитель курии. В 1991–2006 годах занимал пост государственного секретаря Ватикана.
- ⁵² Папская энциклика «*Sollicitudo Rei Socialis*» от 30 декабря 1987 года.
- ⁵³ Горбачев принимал в Москве в октябре 1991 года президентов Сербии и Хорватии Милошевича и Туджмана, уговаривал их примириться, но, как оказалось, безуспешно.

Раздел **IV**

**СССР
И СТРАНЫ-
СОЮЗНИКИ**

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

Часть 1. Конец «доктрины Брежнева» (1986 – октябрь 1989 года)

Появление на мировой арене союзников СССР связано с итогами Второй мировой войны: разгромом фашистской Германии и милитаристской Японии. Ими стали страны, освобожденные от германской и японской оккупации (Польша, Чехословакия, Югославия, Албания, Китай, Северная Корея, Вьетнам), а также потерпевшие поражение бывшие союзники Германии (Венгрия, Румыния) и часть ее самой. Важную роль в освобождении от оккупации сыграла национально-освободительная борьба. В Югославии, Китае, Вьетнаме она была решающей и притом явно прокоммунистической, а в Польше и Чехословакии имела несколько иной характер. Еще с довоенных времен в тесной связи с Советским Союзом находилась Монголия. После прихода к власти Фиделя Кастро к группе тесно связанных с СССР стран примкнула Куба.

Конечно, Советский Союз, сыгравший решающую роль во Второй мировой войне и понесший беспрецедентные потери, имел основания, чтобы в освобожденных странах установились дружественные режимы. Но при этом развитие событий было втиснуто в схему «мировой революции», понимаемой как отпадение новых звеньев от цепи капитализма. Свою роль сыграла начавшаяся «холодная война» между Западом и Востоком.

В странах народной демократии (как большинство из названных стран первоначально назывались) началось насаждение советской модели без учета исторического опыта и особенностей отдельных стран, им была навязана концепция социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом и противостоящего мировому капитализму. Любые проявления самостоятельности со стороны руководителей отдельных стран (В. Гомулка, Р. Сланский, А. Паукер, Т. Костов, И. Надь) жестко пресекались. На этой почве при Сталине произошел разрыв с титовской Югославией, а при Хрущеве – с маоистским Китаем и Албанией. Когда же недовольство политической правящих режимов приобретало массовый характер, оно подавлялось внешним военным вмешательством: в Берлине (1953), Венгрии (1956), Чехословакии (1968).

Тем не менее в становлении социалистического содружества – при всех различиях и даже противоречиях между входящими в него странами – сыграла свою роль определенная общность интересов, в большинстве случаев – территориальная и исторически обусловленная близость народов, а главное – зависимость от Советского Союза, его экономической и политической поддержки, особенно, в условиях «холодной войны».

Характерной особенностью социалистического содружества была его «моноцентричность» – абсолютное доминирование Советского Союза. На этом держалось все: и созданная в 1949 году организация Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в которую позднее вошли МНР и Куба, и Варшавский военно-политический договор, заключенный в 1955 году в ответ

на создание Атлантического альянса (НАТО) и включение в него Западной Германии.

Существование социалистического содружества нельзя считать потерянным временем ни для нашей страны, ни для ее союзников. За счет жесткой централизации материальных и финансовых ресурсов удалось в сжатые сроки восстановить довоенный уровень производства, а затем и превысить его. При этом темпы развития экономики заметно превышали мировые. Однако уровень жизни населения оставался низким.

На первых этапах Советский Союз оказывал большую и всестороннюю помощь дружественным государствам не только топливом и сырьем, но и финансовыми ресурсами, техникой, в подготовке кадров. Но в 70-е годы ситуация в мире начала претерпевать глубокие перемены постиндустриального характера, причем — в глобальном масштабе. Прежняя схема экономических отношений перестала срабатывать и в рамках соцсодружества. Не находя удовлетворения своих потребностей в доступе к передовым технологиям и источникам кредитов, некоторые соцстраны начали переориентироваться на Запад. Советский Союз все больше стал восприниматься как топливно-сырьевая база и рынок сбыта «советизированной» продукции. Долг Западу начал быстро расти. Вначале надеялись, что внешние заимствования помогут, но это оказалось самообманом; затем наступило тяжкое похмелье и депрессия. Соцстраны вынуждены были резко, до 5–10 процентов, снизить в одних случаях долю накопления в национальном доходе (Венгрия), в других — уровень жизни населения (Румыния).

Назрела необходимость глубокого поворота в экономических отношениях между соцстранами — поворота к интеграции на современном научно-техническом уровне.

Не менее важные перемены назрели и в идейно-политической сфере. Ушло в прошлое то время, когда КПСС, Советский Союз вели за руку «братские» партии и страны, а те считали для себя обязательным следовать нашему примеру, советам и рекомендациям.

В явное противоречие с характером менявшихся международных отношений пришел принцип коллективной ответственности за ситуацию в социалистических странах, лежавшей в основе так называемой «доктрины Брежнева» и служившей основанием для вмешательства во внутренние дела. Ослабли доверительные политические контакты на высшем уровне. На характере и динамизме взаимных отношений отрицательно сказывался преклонный возраст (70 лет и более) и длительное (15–30 лет) пребывание большинства руководителей на главных руководящих постах.

В ходе встреч на высшем уровне по инерции повторялись заверения в верности, дружбе, единстве, но на деле начали все больше проявляться центробежные тенденции в экономической политике, во внешней политике. Ослаблялась и регулярность таких встреч. С 1981 по апрель 1985 года практически не было визитов генеральных секретарей ЦК КПСС в соцстраны. Да и на редких встречах в Москве, как правило, самые острые проблемы обходились. На многосторонних, да и двусторонних встречах произносились монологи с нашей стороны, формальные «отчеты» представителей «братских» партий, без честного и откровенного обсуждения проблем.

С советской стороны нарастали настороженность, недоверие к «друзьям». А в соцстранах Москва стала порой восприниматься как консервативная сила, мешающая назревшим преобразованиям.

Особо стоял вопрос об отношениях с Китаем. Разрыв отношений с этой великой страной, вражда с нею не имели оправданий, были нелепы и опасны.

Перестройка в СССР оказала глубокое влияние на Восточную Европу, изменила всю ситуацию. Она вызвала огромный интерес и массовую поддержку среди населения.

Глубокие перемены советской политики в отношении социалистического содружества выразились, прежде всего, в отказе от «доктрины Брежнева». Во всех контактах Горбачева с руководителями соцстран, начиная с марта 1985 года, новый характер отношений стал утверждаться на деле.

Сразу же после его избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачев встретился с руководителями соцстран, прибывшими в Москву на похороны Черненко. Лейтмотивом встречи была идея сочетания преемственности и перемен, уважения суверенитета каждой страны и взаимовыгодного сотрудничества.

В октябре 1985 года в ходе очередного совещания Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора (ПКК ОВД) в Софии по инициативе Горбачева была проведена неформальная рабочая встреча высших руководителей стран-участниц. В его выступлении была выдвинута проблема перемен в социалистическом содружестве, ускорение его социально-экономического развития.

Комплекс идей перестройки отношений был сформулирован в записке Горбачева «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества с соцстранами», которая была обсуждена и одобрена Политбюро ЦК КПСС 3 июля 1986 года. А в ноябре того же года в Москве состоялся «социалистический саммит» по проблемам экономической перестройки в содружестве.

Внутренняя и внешняя политика советского руководства, в том числе и в отношении соцстран, вызвала там большие надежды, но натолкнулась на сопротивление догматического руководства и элиты правящих партий. Прикрываясь заботой о сохранении завоеваний социализма, они игнорировали необходимость демократизации и у себя, и в отношениях между соцстранами.

Из всех руководителей «братских стран» наибольшее взаимопонимание и взаимодействие было с Войцехом Ярузельским и Яношем Кадаром. Наибольшие трудности возникли с Эрихом Хонеккером, Николае Чаушеску, а также Тодором Живковым, не говоря уж о Ким Ир Сене. Один из соратников Хонеккера, Курт Хагер, сравнил перестройку в СССР с «переклейкой обоев в соседней квартире, чему не обязательно следовать». Что касается руководства КПЧ и ЧССР (Густава Гусака, а затем Милоша Якеша), то тут скрывался синдром 1968 года.

В конечном счете, судьба социалистического содружества зависела от перестройки в Советском Союзе.

Документальные свидетельства

*Из доклада Горбачева на XXVII съезде КПСС
25 февраля 1986 года*

Сегодня судьбы мира и социального прогресса теснее, чем когда-либо, связаны с динамизмом **экономического и политического развития мировой системы социализма**. Потребность в таком динамизме диктуется заботой о благосостоянии народов. Но он необходим социалистическому миру и с точки зрения противодействия военной опасности. Наконец, в этом — демонстрация возможностей социалистического образа жизни. На нас смотрят и друзья, и недруги. На нас смотрит огромный, разноликий мир развивающихся стран. Он ищет свой выбор, свой путь, и от успехов социализма, от убедительности его ответов на вызовы времени во многом зависит, каков будет этот выбор. <...>

Душой их политического сотрудничества остается взаимодействие правящих коммунистических партий. <...> Складывается новое, может быть, ключевое его звено — институт многосторонних рабочих встреч руководителей братских стран. Они позволяют оперативно, по-товарищески советоваться по всему комплексу проблем социалистического строительства, его внутренним и внешним аспектам.

В **экономике** принята Комплексная программа научно-технического прогресса. Ее смысл — переход стран СЭВ к согласованной научно-технической политике. На наш взгляд, требуются перемены и в деятельности самого штаба социалистической интеграции — Совета Экономической Взаимопомощи. А главное, чтобы в реализации программы было меньше администрирования, всякого рода комитетов и комиссий, больше внимания к экономическим рычагам, инициативе, социалистической предприимчивости, вовлечению в этот процесс трудовых коллективов. <...>

Сегодня особенно важно на основе развития — и не одной, а ряда стран — проанализировать характер социалистического образа жизни, осмыслить процессы совершенствования демократии, методов управления, кадровой политики. Бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира. <...>

Нам представляется, что стоит внимательно посмотреть и на взаимоотношения в мире социализма в целом. Мы не считаем, что содружество отделено какими-либо барьерами от других стран социализма.

ГСС. Т. 3. С. 362–364.

*Из беседы с Фиделем Кастро Рус
Москва, 2 марта 1986 года*

Горбачев. <...> Вы смогли почувствовать отношение, которое существует здесь к Кубе и к Вам лично. В Советском Союзе уже несколько десятилетий люди относятся к Фиделю по-особому, всякий раз восхищаются им. За этим стоят большие дела, которые делает Куба.

Кастро. <...> Мы приложили большие усилия и за эти пять лет во много раз умножили наши силы — не только в количественном, но и в качественном отношении. У нас организовано почти двухмиллионное народное ополчение, страна подготовлена к обороне. Мы использовали не только большой опыт советских специалистов, но и вьетнамских. Сейчас на Кубе находятся около 200 вьетнамских офицеров. Работаем над тем, чтобы подготовить партию, народ, вооруженные силы на случай оккупации нашей территории.

Американцам это известно, поэтому я думаю, что они стали более осторожны. Они понимают, что агрессия против нашей страны — отнюдь не легкая задача. <...>

Горбачев. <...> Мы подошли к такой полосе, когда с точки зрения как внутренних, так и внешних условий возникла необходимость придания ускорения развитию социалистического мира, и прежде всего его социально-экономическому развитию. <...>

У социалистических стран, в силу особенностей той или иной партии или положения страны, могут существовать различные подходы к решению мировых проблем, могут высказываться специфические оценки тех или иных событий. Очень важно, что в главном у нас полное совпадение взглядов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из выступления Горбачева на совещании в ЦК КПСС
10 марта 1986 года**

Переходя к проблемам внешнеполитическим, хотелось бы прежде всего отметить, что мы нащупали подходы к изменению характера наших взаимоотношений с социалистическими странами. И это чувствуют уже наши друзья. Указания, директивы, поучения — все это должно уйти в прошлое. Надо лучше двигать практические дела. И прежде всего сотрудничество в научно-техническом прогрессе. Теснее связывать наши страны в этой области, исходя из того, что это гарантия нашей экономической и политической стабильности. Предстоит заседание ПКК. Во второй половине года — совещание генеральных секретарей партий наших стран. Мы вступили в полосу съездов руководящих партий. Все это создает необходимые предпосылки для активизации нашего взаимодействия и перестройки системы наших отношений.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из речи Горбачева на XI съезде СЕПГ
Берлин, 18 апреля 1986 года*

Социалистический мир переживает особый, можно сказать, переломный период. История жестко поставила нас перед необходимостью полнее ис-

* В совещании участвовали секретари ЦК, заведующие отделами, другие работники аппарата ЦК.

пользовать преимущества нового общественного строя для ускорения научно-технического, экономического и социального прогресса, обогатить новыми гранями социалистической образ жизни. От этого в решающей степени будет зависеть притягательность социализма, укрепление его позиций на международной арене. <...>

Из решений наших партийных съездов складывается ответ социализма на вызов времени. Понятно, что в конкретных проявлениях этот ответ будет многообразным, отражающим особенности развития братских стран. <...>

Думаю, все мы ощущаем: социалистические страны вступают ныне в период, когда сотрудничество между ними должно быть поднято на более высокий уровень. И не на одно-два деления, а, как говорят математики, на целый порядок. <...>

Нуждается в серьезном совершенствовании и работа СЭВа. Следовало бы разгрузить эту организацию от несвойственных ей оперативных функций, сосредоточить ее внимание на крупных, стратегических проблемах экономической интеграции, межгосударственном регулировании этого процесса.

ГСС. Т. 4. С. 59, 60, 63, 64.

*Из выступления на Чепельском станкостроительном заводе (Венгрия)
9 июня 1986 года*

Вчера у нас с товарищем Кадаром состоялась содержательная беседа. Мы говорили о крутых переменах в мире, о проблемах мирового социализма, о том, как в Венгрии и Советском Союзе решаются задачи, поставленные съездами наших партий. Суть этих задач и в Венгрии, и в Советском Союзе ясна: работать еще лучше, еще эффективнее, так, как требует того нынешнее время.

А время не оставляет ни вам, ни нам, ни другим братским странам иного выбора. Оно бросает новый исторический вызов способности социализма к творческому поиску. Мы не имеем права топтаться на месте, отставать. Только прибавив шагу, сумеем полнее поставить на службу человеку труда огромные резервы и возможности социализма. А значит, и упрочить позиции наших стран, мирового социализма на международной арене, поднять его авторитет, увеличить его притягательную силу, его воздействие на ход событий, на борьбу за предотвращение ядерной катастрофы. <...>

КПСС с вниманием и уважением относится к поиску решений не простых экономических и социальных задач, который ведется у вас в Венгрии, в других социалистических странах. <...>

Сейчас речь идет о том, чтобы интернациональное взаимодействие социалистических стран тоже перевести на интенсивные рельсы, сделать его более глубоким и результативным, обновить механизм политического и экономического сотрудничества, в том числе и в рамках СЭВ.

ГСС. Т. 4. С. 147-148, 149.

*Из речи Горбачева на X съезде ПОРП
Варшава, 30 июня 1986 года*

Уместно, думаю, сказать здесь о том, что социалистическая Польша многим обязана своему выдающемуся руководителю товарищу Войцеху Ярузельскому, его энергии и политической зоркости, широте подхода и умению находить решения очень сложных проблем, твердо отстаивать интересы своего народа, дело социализма. И я говорю это, товарищи, не по долгу вежливости, а по убеждению. <...>

Тесное сотрудничество, союз Польши и Советского Союза — двух самых крупных европейских социалистических государств — непереносимое условие успешного развития наших стран, стабильности и мира в Европе.

Именно поэтому все послевоенные годы, в том числе в период острого кризиса, когда империалистические круги обрушивали на Польшу потоки лжи и били экономическими «санкциями», советские люди были рядом с вами, поддерживали вашу страну, помогали ей, чем могли.

Хочу заверить съезд, весь польский народ, что мы будем вашими друзьями и впредь, при любой погоде!

ГСС. Т. 4. С. 255–256.

*Из интервью Горбачева польскому телевидению
30 июня 1986 года*

На вопрос о возможности образования социалистического общего рынка и ускорении развития экономических связей между социалистическими странами Горбачев ответил:

Мы прошли определенный этап развития наших отношений. Сегодня социалистические страны поднялись в своем развитии — экономическом и научно-техническом. Они располагают образованными кадрами, способными воспринять современную технику. Мы можем уже иначе взглянуть на наши экономические отношения. Теперь они будут характеризоваться не просто товарооборотом, а большой степенью развития различных кооперационных связей, прямых производственных связей между трудовыми коллективами. Но для этого надо поработать. Много надо убраться с дороги.

ГСС. Т. 4. С. 265.

*На Политбюро
3 июля 1986 года
О соцстранах. Обсуждение записки Горбачева*

Горбачев. Все мы осознали, что отношения с соцстранами вышли на другой этап. Как было — дальше нельзя. Те методы, которые применили по отношению к Чехословакии (в 1968 году) и Венгрии (в 1956 году), неприемлемы.

Добрынин. Действовать надо, как в НАТО, — интеграция внешнеполитической деятельности, постоянное, каждодневное — через разные механизмы — обсуждение любых международных событий и акций.

Горбачев. Возникает другое общество, которое будет развиваться на собственной базе. <...> Механизмы двусторонних отношений усложняются. То, что было, вызывает недовольство, поощряет центробежные силы. <...> В старых рамках решать — ничего не выйдет. Не можем мы использовать пережитки Коминтерна... «административные методы руководства» друзьями. Правильно сказал Фидель (*Кастро*): «Влиять КПСС может только своим примером! Все другое — иллюзии». Да и не нужно нам это — такое «руководство». Это значит брать их на свою шею.

Главное — экономика. Здесь большое отставание в координации и интеграции. И это бьет и будет бить по всем остальным аспектам отношений. От концепции перестройки до ее воплощения далеко. Не успеваем. Решающий вопрос: где дела? Именно так. Страна гудит, ждет. Серьезная напряженная работа. Тут-то и проявляются слабые звенья.

ПБ. С. 57.

*На Политбюро
11 июля 1986 года
О X съезде ПОРП*

Горбачев. Застали мы польское общество в стадии успокоения. Поляки заметили поворот у нас, а также то, что Россия в трудные времена их не бросает. И на этот раз не бросила. Нам надо с этим славянским социалистическим государством идти дальше — и по линии экономики, и по линии культуры.

Прошли с поляками большой этап, завязку сделали на лучшие отношения. Договорились о совместной подготовке книги по истории польско-русских и польско-советских отношений... И придется разобраться с Катенью¹. <...>

Если бы XXVII съезд КПСС состоялся раньше, не было бы в Польше 1980 года².

Но не будем и преувеличивать. <...>

Если Польшу не удержим, тогда и ГДР не сможем удержать. У нас ворчат по поводу связей поляков с МВФ. А что им делать? Долг 30 миллиардов долларов.

ПБ. С. 65.

*На Политбюро
24 июля 1986 года*

Горбачев. О дальневосточной границе. Оказывается, две дивизии в МНР «спасают» СССР! Давайте лучше их домой заберем... Тут не арифметика решает. Надо иметь инфраструктуру и войска быстрого развертывания. <...>

Наши дивизии в двух переходах от Пекина — это заложники. Об этом надо подумать. Да и издержки на содержание их в МНР не оправдывают цели, хотя Батмунх³ требует больше и больше. Словом: наше присутствие — это политический аспект, а не количественный.

ПБ. С. 71.

На Политбюро
14 августа 1986 года
О перестройке внешнеэкономических связей

Горбачев. Во внешнеэкономической политике мы заблудились. Сейчас приходится расхлёбываться с этим. Получилось так, что нас фактически запрягли в рабскую работу — добывать сырьё и снабжать им другие страны. Даже Болгария предлагает нам машины в обмен на сырьё. От всех стран отстали в экспорте оборудования, машинно-технической продукции. Нарастивать добычу нефти, топлива и сырья все труднее, да к тому же и цены на них падают. Торговать уже нечем. Приходится залезать в долги.

ПБ. С. 73.

Из беседы с Эрихом Хонеккером, Председателем Германской компартии
Гербертом Мисом и Председателем Социалистической единой партии
Западного Берлина Хорстом Шмиттом
Москва, 3 октября 1986 года*

Горбачев. В последнее время у нас состоялось немало бесед с представителями Западной Германии. И здесь, в Москве, в частности с Геншером, и в самой Федеративной Республике, о чем нам сообщает Квицинский (*посол СССР в ФРГ*). В них наши собеседники настойчиво проводят мысль о том, что от того, как будут развиваться отношения между немцами и Россией, во многом будет зависеть развитие обстановки в Европе в целом. Конечно, здесь надо разобраться, что они имеют в виду, когда говорят о нас и о немцах, что под этим подразумевают и какие цели преследуют, когда выступают за расширение контактов с нами. Но одно ясно. Сотрудничество СССР и ГДР имеет огромное значение для социалистического содружества, да и для всей Европы. Важность развития наших отношений с ФРГ — как двусторонних, так и в рамках нашей общей скоординированной линии, а эти отношения мы развиваем на основе таких ценностей, как сохранение мира, укрепление разрядки, признание существующих реальностей и в соответствии с принципами, которые заложены в хельсинкском Заключительном акте, в двусторонних договорах, объясняется, прежде всего, значительным весом треугольника СССР, ГДР и ФРГ. <...>

* Встреча состоялась в связи с открытием в Москве памятника Эрнсту Тельману — выдающемуся деятелю немецкого рабочего и антифашистского движения, Председателю Компартии Германии с 1925 года. Арестованный гестапо в 1933 году, Тельман был убит нацистами 18 августа 1944 года в лагере Бухенвальд.

Я размышляю об уникальном характере этой встречи. Он определяется реальным весом наших стран в европейской политике. В этом смысле еще раз хотел бы приветствовать всех вас как старых боевых друзей.

Хонеккер. Сердечное спасибо за организацию встречи в связи с открытием памятника Эрнсту Тельману. Хочу поддержать твои слова о ее уникальном характере, о значении развития отношений между нашими государствами и партиями в интересах европейской безопасности, сохранения мира во всем мире.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
23 октября 1986 года**

О перестройке экономических отношений в СЭВ

Горбачев. Конвертируемая валюта в рамках СЭВ... А что мы и другие можем купить на нее? Так зачем нам такая конвертируемая валюта?

Сейчас оборона Содружества лежит на нас, энергетика — на нас.

Нет у нас концепции социалистического содружества. Говорим о новом типе отношений. Но в чем он, этот новый тип?

Мы не можем уклоняться от своей роли. Но должны поставить проблеме — куда идти.

Вот основные пункты:

1. Кардинальный вопрос: оборона и развитие. Мы держим это всё вместе, однако некоторые друзья уже начали сокращать расходы на оборону.
2. Запад и СЭВ. Уроки и перспективы развития того и другого.
3. Слаборазвитые и развитые страны в соцсодружестве (Куба, Монголия — Чехословакия, ГДР).

Рыжков. Мы же с друзьями договорились помогать вместе, а фактически мы одни тянем и Вьетнам, и Кубу и другие.

Или оборона. 5 миллионов нам стоит один самолет. А они его готовым задаром берут.

Или — все в долгах. Польша: все видят, что там произошло. Теперь Венгрия на грани. Болгария остановилась перед пропастью. Спасли мы.

Лезут на Запад — в ловушку. А мы ведь предлагаем выход — свою интеграцию. Не хотят. Все силы волокиты и бюрократизма пустили в ход, чтобы задержать этот процесс.

Концепция у них: на электронику нацелились, деликатесы им подавай, а мы их будем держать исподнизу своим углем, нефтью, металлом. <...>

«Общий рынок» вводит у себя специализацию по странам. Почему мы этого не делаем?

Концепции у нас нет — политико-экономической.

Шеварднадзе. А почему не сказать, чего нам стоит Сирия? 6 миллиардов!

Горбачев. Предстоит совещание с руководителями стран СЭВ, какого еще не было. И здесь мы на переломном этапе.

Об установлении официальных отношений СЭВ с Европейским сообществом

Громыко. Сколько еще мы можем стоять с протянутой рукой перед ЕЭС?

Шеварднадзе не согласен с Громыко. *Запрещать друзьям идти к ЕЭС, говорит он, бесполезно.* Надо подстраиваться к объективному процессу. Вот ГАТТ. 20 лет мы говорили, что это плохая организация. А теперь должны идти туда в наблюдатели.

Об итогах визита Рыжкова в Польшу

Рыжков. В польском обществе произошла переоценка отношения к Советскому Союзу. Потому что не бросили их в кризисе. На 2,2 миллиарда рублей безвозвратная помощь была оказана, а всего — на 7 миллиардов рублей. И потому также, что начали перестройку у себя.

Горбачев. Надо пойти навстречу — ради укрепления отношений с Польшей, хотя и не всё нам нравится в ее развитии. Но с руководством наладили необходимые отношения. Поляки идут на самые широкие связи с нами. И в этом надежда. Учитывая, что это наш ближайший сосед — 40 миллионов населения, — нашу линию надо твердо держать.

ПБ. С. 89, 90.

Из выступления Горбачева перед секретарями ЦК компартий соцстран по сельскому хозяйству Москва, 11 февраля 1987 года

Обращаясь к соцстранам, мы не хотим сказать: действуйте, как мы. Но считаю, что идея перестройки, ускорения созвучна политике, которую вы проводите и которая отвечает вашим интересам. Есть, конечно, и различия. В чем я твердо убежден, так это в том, что мы идем в сторону усиления социализма. Еще два года будут углубляться проблемы. Но я уверен, что мы встали на правильный путь.

Постепенно становятся нормой нашей жизни гласность, критика и самокритика. В самом деле, кого нам бояться? От того что недостатки и проблемы не замечаются, они не перестают существовать. Но нам не нужны сенсации и ущемления достоинства людей. Главное — соответствие правде. Мы считаем, что в освещении исторических этапов развития страны надо брать не только одну сторону, а видеть весь процесс в целом. В целом это был прогресс. Но историю нельзя переписывать ни в ту, ни в другую сторону. Где бы мы с вами были, к примеру, без индустриализации?

Мы не хотим никому навязывать свою политику и призывать следовать по нашему пути. Но надеемся на солидарность с нашей борьбой, на понимание наших проблем и наших целей.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На встрече с министрами иностранных дел
стран Варшавского Договора
Москва, 25 марта 1987 года*

Варкони (Венгрия). Выступления на заседании, принятые документы однозначно свидетельствуют о значении далеко идущей инициативы Советского Союза, направленной на разоружение и сохранение мира, которая изложена в Программе ликвидации ядерного оружия, оглашенной 15 января 1986 года. Была выражена полная поддержка советского предложения о ликвидации ракет средней дальности в Европе.

Мы подробно рассмотрели и вопросы развития общеевропейского процесса, подтвердили готовность к успешному завершению венской встречи. В связи с этим мы полностью поддерживаем инициативу Советского Союза организовать общеевропейскую конференцию в Москве по гуманитарным вопросам.

На заседании мы обсудили актуальные вопросы внешнеполитической деятельности стран — государств Варшавского Договора, конкретные вопросы более эффективного координирования и сотрудничества. Достигнута договоренность о создании рабочей группы по текущей взаимной информации, что также свидетельствует о развитии механизма сотрудничества в рамках Варшавского Договора.

Горбачев. <...> Думается, мы испытываем общее удовлетворение тем, что сейчас страны социалистического содружества выходят на новый этап, на новые рубежи своего развития. <...>

Был этап становления социалистической системы. Теперь он уже позади. В соответствии с новыми потребностями и возможностями меняются и взаимоотношения стран социализма. <...>

Советский Союз не претендует на какую-либо особую роль в наших отношениях. Хотя мы и понимаем, какое место он занимает, как велики его ответственность и его влияние. <...> Можете передать своему руководству, что советское руководство намерено твердо следовать выработанной нами сообща линии на всемерное развитие и укрепление наших отношений. Эта линия открывает возможности для товарищеского обсуждения самых неудобных вопросов. Не надо их накапливать. Приглашаю к такой постановке вопросов и генеральных (первых) секретарей и всех вас, людей, которые занимаются вопросами внешней политики. <...>

Мы согласовываем свою стратегию на совещаниях ПКК, на встречах генеральных секретарей, в ходе двусторонних визитов. Но тактические действия требуют большей оперативности. Видимо, нужен соответствующий механизм. Обсудите, подумайте над этим вопросом. Динамика во внешних делах будет нарастать и нужно быть к этому готовыми.

На Политбюро
2 апреля 1987 года
О встрече министров иностранных дел соцстран в Москве

Горбачев информирует о встрече с Комитетом министров иностранных дел стран Варшавского Договора. Члены Политбюро все согласны в том, что необходимо добиваться, чтобы у каждой страны было свое лицо в рамках согласованной линии и согласованных действий. Не только информировать своих друзей о предпринимаемых шагах на международной арене, но и обеспечивать активное их участие в инициативной политике с учетом специфики стран и их интересов.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На встрече с членами Президиума и секретарями ЦК КПЧ
Прага, 10 апреля 1987 года

Гусак. <...> Расскажу о наших делах. Руководство партии сейчас много работает над претворением в жизнь решений своего XVII съезда. Его нельзя назвать копией вашего XXVII съезда, но у них есть много сходных черт.

На съезде мы приняли неплохие решения. Обстановка в стране благоприятная. Успешно прошли выборы.

Хуже обстоят дела в некоторых вопросах экономического развития. Уже на съезде мы завели разговор о необходимости перестроить экономический механизм, ускорить социально-экономическое развитие. <...>

Думаем в конце года провести Пленум ЦК, на котором определить концепцию дальнейшего развития и рассмотреть вопросы кадровой политики. Хотим действовать в духе вашего январского Пленума.

Такова наша программа. Понимаем, что надо решать проблему омоложения руководства. Уверены, что дела пойдут хорошо при условии прочного единства в партии.

Горбачев. <...> Мы исходим из того, что строить отношения с друзьями следует прочно, на века. В этой связи много думали над ролью Советского Союза в содружестве. Она определяется объективным положением нашей страны, ее весом. И когда хорошо у нас, и когда плохо — это неизбежно отражается на всех. Хочу подчеркнуть, что мы полностью осознаем свою ответственность.

Ленин предвидел, что каждая страна пойдет своей дорогой, внесет свой вклад в строительство социализма, что новое общество явится результатом совокупного опыта. Но ведь было и так, что всех пытались подогнать под один ранжир. В итоге стали проявляться центробежные тенденции. Страны искали способ решить свои проблемы вне содружества, некоторые из них попали в долговую ловушку. Хорошо, что чехословацкое руководство сумело удержаться от этого. Для других стран последствия тяжелее. Не говоря о Польше, трудно и болгарам, и венграм, и румынам, и югославам. <...>

Когда мы говорим, что значит наша перестройка для других стран, то исходим прежде всего из того, что каждый сам для себя это решает. У нас нет

никаких амбиций на этот счет. Если есть у нас что-то полезное — берите. И мы берем — у вас, у болгар, у немцев. Критерий один — укреплять социализм.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Войцехом Ярузельским
Москва, 21 апреля 1987 года*

Горбачев. <...> Готовясь к встрече, я еще раз задумался над названием документа, который мы с Вами должны подписать. Дело в том, что меры и шаги, намеченные в нем, выходят далеко за рамки партийных связей. Ведь они охватывают все слои общества. К тому же наши противники могли бы ухватиться за подчеркивание идеологического сотрудничества и поднять шум о подчинении ПОРП в идеологическом отношении нашей партии.

Ярузельский. Согласен с Вашими соображениями. Я также раздумывал в этом же направлении.

Горбачев. Может быть, мы скажем, что это декларация о советско-польском идеологическом и культурном сотрудничестве.

Ярузельский. Согласен, только упомянем еще и науку.

Горбачев. Значит, о названии документа мы договорились: Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры.

Что касается Вашего визита, то, по нашему мнению, КПСС и ПОРП действуют дружно, в правильном направлении, добиваясь углубления, взаимодействия между нашими народами и странами. Это особенно важно, если учесть, что нам досталась нелегкая история взаимоотношений.

Ярузельский. Наша страна находится в центре Европы. Это действительно по европейским масштабам большое государство — скоро нас будет 40 миллионов.

Горбачев. Хочу поделиться с Вами некоторыми соображениями относительно ведущей роли партии в социалистическом обществе. Вы по своему опыту знаете, что одной из главных причин возникновения кризиса в вашей стране было то, что партия не смогла своевременно дать ответ на возникшие острые вопросы общественного развития. И мы на своем опыте почувствовали, как трудно приходится наверстывать упущенное. <...>

Если партия будет опаздывать с принятием необходимых решений, то из авангарда можно превратиться в тормоз. С другой стороны, если партия не возглавит осуществление необходимых перемен, то это сделает кто-то другой. Вот почему нам, коммунистам, нельзя отсиживаться, бездействовать. <...>

Ярузельский. <...> Жизнь показывает, что между успехами наших стран существует взаимозависимость. Ваши успехи в осуществлении перестройки — это шанс и для ускорения развития Польши, всех стран социалистического содружества. Но нам кажется, что и успехи социалистической Польши имеют определенное значение для вас. Наши успехи станут еще одним подтверждением правильности курса на перестройку. Мы, польские коммунисты, понимаем свою ответственность перед народом и перед странами социализма.

Войцех Ярузельский (Wojciech Jaruzelski) — генерал, Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), премьер-министр, последний Президент Польской Народной Республики (с июля 1989 по декабрь 1990 года). Родился в 1923 году в селе Курове (Люблинское воеводство) в семье офицера. Когда в 1939 году началось присоединение к СССР западной части Белоруссии (восточной части Польши), гимназист Ярузельский вместе с матерью были арестованы НКВД и отправлены в Караганду. Работал на угольной шахте. При формировании польских воинских частей в Красной Армии, Ярузельскому, как и многим оказавшимся в СССР полякам, было разрешено поступать в военные училища. Ярузельский был принят в такое училище под

Рязанью. В чине поручика воевал в дивизии имени Домбровского. Участвовал в освобождении своей родины от гитлеровской оккупации. За боевые заслуги награжден многими медалями и орденами, в том числе и высшей военной наградой Польши — орденом «Виртути милитари».

С 1947 года Ярузельский — член ПОРП. Окончил Академию Генерального штаба им. Генерала Сверчевского. В 1965–1968 годах — начальник Генерального штаба Войска Польского. С апреля 1968 по ноябрь 1983 года — министр обороны. В этом качестве принял участие в операции по вводу войск ОВД в Чехословакию.

В начале 80-х годов, во время резкого обострения экономического и политического кризиса в ПНР Ярузельский был выдвинут на пост премьер-министра и избран Первым секретарем ЦК ПОРП, при сохранении за ним постов министра обороны и главнокомандующего. Мощное массовое протестное движение, возглавляемое профсоюзом «Солидарность», поставило под угрозу существующий режим как часть «социалистической системы» во главе с СССР.

Советское руководство требовало от ЦК ПОРП, от Ярузельского «навести порядок». В ПОРП и в польском обществе создавалось ощущение, что может повториться интервенция по типу 1968 года в Чехословакии. (Документы показывают, что такого намерения в Политбюро ЦК КПСС не было.)

Начавшийся развал экономики и утрата управления страной создали чрезвычайную ситуацию. Дело доходило до того, что поезда с продовольственной помощью из СССР останавливали на путях и в открытую разграбляли. Останавливались предприятия, закрывались магазины...

В декабре 1981 года Ярузельский ввел военное положение, интернировал лидеров «Солидарности». Обстановку удалось постепенно успокоить, хотя социальная и политическая напряженность оставалась, оппозиция, поддерживаемая католической церковью, сохраняла значительную силу.

Человек «строгих правил», едва ли не идеальный образец польского офицера, широко образованный и свободомыслящий, Ярузельский искренне стремился вести дело к демократизации страны. Но был жестко скован оппозицией справа и слева. Его твердая, но, в конечном счете, компромиссная линия была в тех условиях оптимальной.

Выход из затяжного национального кризиса Польши открылся вместе с перестройкой в СССР, которая покончила с «доктриной Брежнева» и показала пример нового лидерства в преодолении тоталитарного режима.

С Горбачевым у Ярузельского сразу же налажился контакт, быстро перешедший в настоящую дружбу, оба безоговорочно доверяли друг другу и поддерживали друг друга в ходе бурных политических процессов в социалистическом содружестве.

После того как ПОРП потерпела поражение на парламентских выборах, Ярузельский в 1990 году ушел со всех своих партийных и государственных постов — то есть в рамках демократического процесса, которому он сам всемерно способствовал.

В 2007 году был подвергнут судебному преследованию за «преступления», главным из которых названо «введение военного положения более четверти века назад». Это вызвало удивление и возмущение у многих людей в самых разных странах Европы. Ярузельского постигла судьба многих деятелей, честно — в меру отпущенных им возможностей — и преданно служивших своей стране и желавших ей добра.

Теперь о некоторых наших планах. Хотим приступить к осуществлению второго этапа экономической реформы. На конец 1988 года намечаем проведение партийной конференции. Готовимся к проведению выборов в сейм и местные органы власти. Думаем, как лучше отметить 50-летие начала войны против Польши и 45-летие Победы над гитлеровским фашизмом. Эти мероприятия собираемся использовать в интересах сближения народов Европы, упрочения мира на нашем континенте. <...>

Еще раз хочу сказать, что мы полностью поддерживаем Ваш курс. Он дает и нам большой шанс на успех. Спасибо за то, что Вы делаете и для упрочения советско-польской дружбы.

Горбачев. <...> Мы благодарны Вам за высокую оценку перестройки, происходящей у нас. Мы вовсе не требуем, чтобы другие страны копировали нас, тем более что некоторые из них уже начали у себя то же самое, что и мы. Что касается нашего сотрудничества, то мы убеждены, что его можно перевести в новую плоскость и не только в экономике, но и в человеческих отношениях.

*Из беседы с Тодором Живковым
Москва, 11 мая 1987 года**

Горбачев. Каковы Ваши впечатления о пребывании в этой стране (*Китае*)? Немного о них рассказал мне встречавший Вас Соломенцев⁴. Прочитал и переданные Вами вчера выдержки из бесед с китайскими руководителями. <...>

Мы несколько ослабили работу по согласованию общей линии в отношении Китая.

Вы правы — нам надо точно видеть, что происходит сегодня в Китае, какая там расстановка сил. От этого будут зависеть и его действия на мировой арене. Думаю, что надо продолжить обмен мнениями по китайскому вопросу. Может быть, сделаем это осенью во время встречи на высшем уровне.

Наша точка зрения в отношении КНР базируется на тщательном анализе. Для Советского Союза Китай — это действительно большая, чем для других, проблема. Так было и в хорошие, и в плохие времена. На ближайшую перспективу мы выработали программу действий, но надо заглядывать и дальше.

Мы исходим из того, что Китай будет набирать силу, хотя это и не так просто. Ведь никто особенно не хочет, чтобы он был сильным. Китай будет самостоятельной силой на мировой арене. Он не станет довольствоваться ни ролью сателлита, ни карманного партнера.

В прошлом году во время встречи со мной Ли Пэн⁵ сказал, что Советский Союз намеревается «приручить» Китай, превратить его в младшего брата. Я сказал ему, что это несерьезно, что у СССР с другими, значительно меньшими социалистическими странами, отношения не строятся на такой основе. В этом смысле, если смотреть на проблему философски, каждый народ, коль он способен организовать в государство, по-своему велик. Не все измеряется территорией, количеством населения. Советский Союз и Китай созрели для новых отношений.

Мы исходим из того, что необходимо нормализовать отношения. Мы не строим иллюзий, не стремимся к такому положению, чтобы «водить Китай на цепочке». Этого не было и в 50-е годы. Китай сам принимал решения, а то, что выдавалось за следование линии СССР, было лишь фасадом. Что Китай будет самостоятельной силой, это нам совершенно ясно, а вот куда пойдет эта сила, в каком лагере она будет — вот это и должно нас беспокоить. <...>

Ярузельский рассказывал, что он говорил китайским руководителям: «Как можно понимать такое положение — Тайвань принимает любую, в том числе военную помощь от США, но у Китая нормальные отношения с Америкой. Советский Союз же и Вьетнам — социалистические страны, а вы им выдвигаете условия для развития отношений». Кампучия — это только предлог. Политические отношения с нами он не будет форсировать. Что касается экономических связей с Советским Союзом, то китайцы настоятельно стучатся к нам, просят: модернизируйте предприятия, построенные СССР раньше.

* Т. Живков остановился в Москве по пути на родину из Китая. В беседе с Горбачевым он рассказал о своих впечатлениях от этой поездки и встреч с китайскими руководителями. Подробнее о проблемах нормализации советско-китайских отношений см. в разделе VII (Азиатско-Тихоокеанский регион).

Мы же не торопимся. У нас сейчас с Китаем широкий обмен людьми. Там бывают наши литераторы, деятели культуры, музыканты, писатели. <...>

После проведения ПКК обсудим, как быть дальше с Комплексной программой научно-технического прогресса. Некоторые из наших друзей проявляют осторожность. У нас с вами что-то и движется, но другие осторожничают. Мы договорились о перестройке СЭВ, а Румыния и ГДР воздерживаются. Они не дают хода реализации договоренностей, поскольку это затрагивает их хозяйственные механизмы, у них высокая степень централизации. Но не надо паниковать. И у нас в стране многие товарищи заявляют: нам хватает и своих дел. На днях мы устроили «баню» на Политбюро руководителям, отвечающим за этот участок работы. Пример НПО «София-Иваново» показывает, что можно добиться многого, осваивать высококлассную продукцию за невиданные для нас короткие сроки.

Задача состоит в том, чтобы каждая партия давала импульс этой работе.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Генеральным секретарем
ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Ван Линем⁶
Москва, 18 мая 1987 года*

Горбачев. <...> От имени советского руководства я подтверждаю, что наш подход к Вьетнаму незыблем. Наше стремление улучшить отношения с Китаем не повлияет на уровень и характер связей СССР с Вьетнамом. Здесь у нас, как я понимаю, общая, согласованная линия. Вьетнам также заинтересован в оздоровлении обстановки в регионе. И если кто-то сегодня рассчитывает расколоть нас, поставить под сомнение прочность советско-вьетнамских отношений, такие попытки обречены на провал.

Разумеется, в процессе решения стоящих перед нами задач могут возникать те или иные вопросы. Давайте не будем их накапливать, а встречаться и решать, как это мы делали в свое время с товарищами Ле Зуаном⁷ и Чыонг Тинем⁸.

Нгуен Ван Линь. ...Мы прибыли в вашу страну в период, когда народы наших стран не жалеют усилий для выполнения решений XXVII съезда КПСС и VI съезда КПВ, когда в обстановке в Юго-Восточной Азии происходят крупные изменения. <...>

Мы полностью одобряем линию Советского Союза на установление нормальных отношений с Китаем. Мы исходим из того, что нужно перетягивать Китай на нашу сторону, не давать ему идти вместе с империализмом США. Мы восхищаемся выдержкой, которую проявляют здесь советские товарищи, их высокой принципиальностью. Мы полностью одобряем этот курс, хотя Вы знаете, как Китай действовал в отношении Вьетнама в годы американской агрессии и ведет себя сейчас.

Горбачев. Китай всегда придерживался своих собственных интересов. Даже в тот момент, когда мы сооружали в Китае 250 промышленных предприятий, китайцы заигрывали с США.

Нгуен Ван Линь. Тем не менее мы постоянно предлагаем китайцам восстановить отношения, нормализовать положение на границе. Однако китайцы продолжают цепляться за кампучийскую проблему.

Горбачев. <...> Китай — страна большая и для нас чрезвычайно важно, куда она пойдет. И если нам удастся хотя бы несколько приблизить Китай к себе, мы тем самым уже добьемся успеха. Это — наша общая задача.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Николае Чаушеску
Бухарест, 25–26 мая 1987 года*

Чаушеску. Еще раз хочу сказать Вам: добро пожаловать в Социалистическую Румынию! Рад, что Вы ответили на приглашение. Мы готовы обсудить с Вами любые вопросы, с тем чтобы способствовать дальнейшему развитию сотрудничества между нашими партиями и народами.

Горбачев. <...> Советское руководство также считает, что есть возможность дальнейшего продвижения по всем направлениям нашего сотрудничества. Думаю, мы сможем проинформировать друг друга о делах в наших странах, но главное — это найти новые подходы для дальнейшего развития наших политических, экономических и других связей. Скажу сразу, что советское руководство имеет твердое желание углублять сотрудничество между двумя нашими странами. <...>

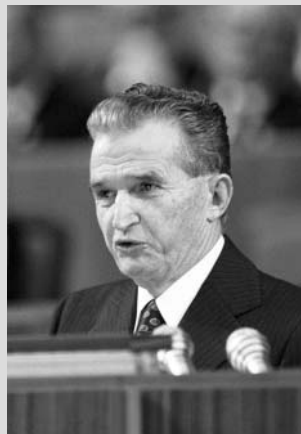
Мы не можем останавливаться на достигнутом. На Рабочей встрече в Москве мы совместно пришли к выводу о том, что, исходя из внутренних потребностей развития наших стран и международной ситуации, нам необходимо двигаться дальше. Сейчас братским странам социализма, по нашему мнению, следует подумать, как совместными усилиями придать динамику развитию социализма на нынешнем этапе. Конечно, между странами социализма существует определенная разница в уровнях развития. И тем не менее каждая наша страна заинтересована в развитии дальнейшего сотрудничества. <...>

Движение в этом направлении началось, хотя и происходит не так быстро, как нам хотелось бы, да и как диктует ситуация. При реализации некоторых вопросов появились определенные сомнения. <...>

Вы ставите вопрос о том, чтобы вывести наш товарооборот за пятилетку на уровень 35–40 миллиардов рублей. Мы тоже за дальнейший рост товарооборота, но вы напираете на торговлю, а мы — на производственную кооперацию. Простой торговый обмен товарами не дает, по нашему убеждению, желаемого роста. Надо выходить на современные формы экономических связей — прямые производственные связи, внутриотраслевую специализацию и кооперацию. <...>

У нас сейчас развиваются прямые производственные связи с предприятиями ГДР, ЧССР, Болгарии, Венгрии, Польши, а с Румынией это дело идет медленно. Не мы в этом виноваты, хотя, может быть, и с нашей стороны есть какие-то недоработки.

Николае Чаушеску (Nicolae Ceaușescu) (1918–1989) — Генеральный секретарь ЦК Румынской компартии (с 1969), Председатель Госсовета СРР (с 1968), Президент Румынии (с 1974). В молодые годы вступил в революционное движение, не раз арестовывался. После поражения Румынии в войне против Советского Союза, свержения фашистского режима Антонеску и присоединения к антигитлеровской коалиции Чаушеску — руководитель румынского комсомола, а затем секретарь, член Политбюро ЦК РКП, с 1969 года Генеральный секретарь ЦК РКП.

При Чаушеску Румыния заняла нарочито особую позицию по ряду международных вопросов, в том числе и в социалистическом содружестве. Вначале Чаушеску делал акцент на национальных особенностях Румынии, а в период советской перестройки стал упорно настаивать на совместной защите социализма, наподобие интервенции в Чехословакии в 1968 году. В стране был установлен диктаторский режим, на все ключевые посты были расставлены родственники и близкие Чаушеску люди. Амбициозные задачи экономического развития решались за счет жизненного уровня населения.

Политика Чаушеску привела в декабре 1989 года к массовому народному возмущению. Армия и спецслужбы отказались подчиняться. Николае Чаушеску и его жена, Елена, по сути второе лицо в политике, казнены по приговору революционного трибунала.

Налаживание сотрудничества — это как отправление поезда. Кто первыми начинают сотрудничество, успевают в первые вагоны. Ну а нам с вами хотя бы в последний успеть. Не хотелось бы, чтобы вы потом говорили, что мы с вами в этой области опаздываем. Если делать ставку только на обмен сырьем, то где нам его взять? <...>

Теперь несколько слов о нашем подходе к работе СЭВ. На ноябрьской Рабочей встрече в Москве, да и раньше, многие товарищи критиковали СЭВ за то, что он обюрократился, хотя одновременно признавали, что он многое дал нам. Но сейчас иные требования к экономическому сотрудничеству, а стало быть и к СЭВу. Нам представляется, что эта организация должна быть повернута в сторону содействия развитию новых форм экономических связей.

Еще один вопрос, который мне хотелось бы обсудить с Вами. По нашему мнению, у нас нет достаточно прочных связей между трудовыми коллективами, между областями и уездами. Недостаточно развиты связи в сфере культуры и идеологии. Видимо, надо взяться и за это дело. Может быть, здесь есть

какие-то препятствия? Тогда нам следует о них знать, чтобы совместно их устранить. Важно, чтобы укреплялось общение между нашими народами, чтобы люди лучше знали друг друга. В этой связи следовало бы подумать и о взаимной информации, в том числе и о работе печати, радио, телевидения. <...>

Где же ваши предложения о развитии специализации и кооперации? Ведь у нас с вами доля кооперированных поставок в товарооборот составляет 1,7 процента, по СЭВ в целом — 5 процентов, а в ЕЭС — 40 процентов. Мне доложили, что имеются возможности развернуть кооперацию в производстве нефтебурового оборудования, вагонов, самосвалов, сельскохозяйственной техники, в черной металлургии, органической и неорганической химии. В конце мая к нам приезжали пять директоров ваших предприятий. Однако пока дело идет очень вяло. <...>

Вы в основном ратуете за специализацию и кооперации для того, чтобы развивать производство готовых товаров и обмениваться ими.

Но ведь так было и раньше. Сейчас мы ставим вопрос иначе: не обмен товарами, а производственная кооперация. А как быть с поузловой кооперацией?

Чаушеску. <...> Мы за широкую кооперацию. Сейчас в СССР идет модернизация заводов, и мы готовы участвовать в этом деле.

Горбачев. Можно ли считать, что мы договорились? Условимся: и вы, и мы даем поручения Советам Министров обсудить эти вопросы и доложить Политбюро.

Чаушеску. Согласен.

Горбачев. Но как добиться продвижения, если нет встреч между представителями предприятий?

Чаушеску. Мы за создание соответствующих рамок. Предприятие может установить прямые связи лишь тогда, когда имеются соглашения, заключенные на уровне министерств. Предприятие не может знать всех потребностей. Нужны указания Центра.

Горбачев. Если указание дано, но никто с ваших предприятий не едет к нам в страну и не зовет к себе советских коллег, то, видимо, с указаниями что-то плохо. Если предприятия пытаются вступать в прямые производственные связи и не могут сами решить какие-то вопросы, то приходится обращаться в руководящие инстанции. Как же выйти из положения?

Чаушеску. Предлагаю создать комиссию, которая бы в течение двух месяцев подготовила и представила предложения по кооперации и специализации производства.

Горбачев. Договорились. <...>

У нас идет разговор пока лишь об экономическом сотрудничестве. Вы не ответили на мои вопросы о наших связях в сфере идеологического сотрудничества, культуры, науки. Например, мы предложили открыть на взаимной основе в Москве и Бухаресте Дома науки и культуры. Ведь в Бухаресте работают «культурные центры» США, Франции, Италии, ФРГ, а также ЧССР. Нам ответили, что это не подходит. Вам не докладывали о нашем таком предложении?

Чаушеску. Об этом я пока еще не знаю.

Горбачев. А как обстоит дело у вас с иностранным туризмом?

Чаушеску. Из Венгрии приезжает к нам ежегодно более 1 миллиона человек, из Югославии — около 800 тысяч.

Горбачев. А из Советского Союза?

Чаушеску. Точно не знаю. Кажется, более 100 тысяч.

Горбачев. Вот видите, когда речь идет о связях с Советским Союзом, то точных данных нет. А как насчет местных связей?

Чаушеску. Все приграничные уезды поддерживают дружеские связи с советскими областями и районами.

Продолжение беседы, 26 мая.

Чаушеску. Когда наши представители встретятся для обсуждения вопросов культурных и научных связей, то можно было бы обсудить и вопрос об открытии на взаимной основе Домов науки и культуры в Москве и Бухаресте. <...>

Вношу также предложение одобрить подготовленный совместный документ, назвать его Декларацией и завтра подписать.

Горбачев. <...> Предлагаю оставить вопрос о разработке декларации до Вашего приезда. По-моему, так было бы разумно.

Чаушеску. Сделайте мне уступку. Назовем документ декларацией, но не будем его подписывать.

Горбачев. Дело не в уступке. Такой документ, как декларация, должен содержать что-то новое. Нам сначала надо разработать новые меры во всех сферах сотрудничества. Тогда мы подготовим декларацию и подпишем ее.

Чаушеску. Но ведь мы написали, даже в газете, что Ваш визит знаменует новый этап в наших отношениях.

Горбачев. Когда мы выйдем на новые моменты в нашем сотрудничестве, тогда и подпишем такого рода документ по случаю вашего визита в Советский Союз. Дело ведь в существе. Да и в практике наших отношений с соц-странами в последнее время не было деклараций.

Сейчас же итоги нашей работы вполне укладываются в коммюнике. Нужно, чтобы это был не крикливый, а точный и взвешенный документ.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Эриком Хонеккером
Берлин, 28 мая 1987 года*

Горбачев. Хотел обсудить с Вами вопрос о том, о чем мы начали с Вами говорить по дороге с аэродрома, — о наших экономических отношениях. С точки зрения вчерашнего и сегодняшнего дня всё здесь идет хорошо. Но для того чтобы двигаться дальше, этого мало. А нам топтаться на месте нельзя. Думаю, нужен серьезный разговор о том, как лучше соединить экономические потенциалы наших стран.

Где, по нашему мнению, у нас дело не продвигается? Возьмем структуру товарообмена. За СССР закрепляется роль поставщика сырья. Конечно, мы свои обязательства на этот счет выполняли и выполнять будем. Но нельзя не

Эрих Хонеккер (Erich Honecker) (1912–1994) — немецкий коммунистический деятель, многолетний Председатель правящей СЕПГ и Госсовета ГДР.

Родился в городке Вибельскирхен, в области Саар в семье горняка. В 1926 году вступил в германский комсомол. В 1930 году — учился в Московской международной ленинской школе. Здесь вступил в Компартию. Возвратился в Германию в 1931 году, участвовал в борьбе против нацистов в Бадене, Гассене, Вюртемберге, Пфальце, в Берлинском округе. В 1935 году был приговорен к 10 годам концлагеря. Освобожден Красной Армией в 1945 году.

В 1949 году Хонеккер стал секретарем ЦК Коммунистической партии Германии по делам молодежи. В 1955–1956 годах опять учился в Москве в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. С 1958 года — секретарь ЦК СЕПГ.

В 1971 году, при поддержке Брежнева, добился отставки «исторического вождя» ГДР — Вальтера Ульбрихта и стал Генеральным секретарем ЦК СЕПГ.

Это был человек упрямый, желчный и нетерпимый, идеологический догматик. С самого начала он не принял перестройку в СССР, видел в ней опасность для собственного режима, хотел представить себя главным хранителем «марксистских ценностей».

Несмотря на явное сползание ГДР в глубокий кризис, на массовое недовольство даже в самой партии, и особенно среди молодежи, несмотря на то, что сотни, тысячи людей бежали из ГДР на Запад через границы Венгрии и Чехословакии, а смельчаки с риском для жизни — через «стену», Хонеккер упорно отказывался от каких бы то ни было перемен, считая свою политику единственно правильной, истинно марксистско-ленинской. Массовое протестное движение, подогреваемое подъемом национальных чувств — в пользу воссоединения Германии, сделало неизбежным падение Берлинской стены.

В октябре 1989 года Хонеккер был снят со всех партийных и государственных постов, в декабре того же года исключен из СЕПГ.

В марте 1991 года Хонеккер с супругой были вывезены на военном самолете в Советский Союз. После распада СССР они были выдворены из России в Германию. Из-за плохого состояния здоровья судебное преследование против Хонеккера было прекращено. Он эмигрировал в Чили, где и скончался 29 мая 1994 года.

видеть, что возможности наши значительно шире. И вперед нужно смотреть. Мы модернизируем экономику, двигаем науку, и это надо учитывать. А сейчас получается так, что когда в ГДР создаются новые производственные мощности, вы обращаетесь к Западу. Может быть, сейчас оттуда вы и получаете оборудование получше, чем от нас. Но тем не менее нам с вами надо смотреть вперед, побольше думать друг о друге.

Не очень хорошо продвигается дело с поузловой кооперацией. ГДР выражает готовность поставлять конечный продукт. Но так мы, наверное, не очень далеко продвинемся. Если ситуацию не изменить, то к концу 1990 года Советский Союз будет должен ГДР 4 миллиарда рублей. И тогда, естественно, возникнет вопрос о том, как балансировать этот дефицит. За счет сокращения нашего импорта из ГДР или за счет увеличения наших поставок.

Хонеккер. Знаю, что из-за падения цены на нефть перед СССР стоит вопрос о необходимости увеличения своих поставок в другие социалистические страны. Нам действительно нужно ваше сырье, поскольку у нас его просто нет. Товарооборот между нашими странами достиг огромного объема — 82 миллиардов рублей, или 380 миллиардов марок. В нашем внешне-торговом обороте на Советский Союз приходится 38 процентов. У вас на торговлю с нами — примерно 10 процентов.

Горбачев. Если бы у нас не было политического и экономического интереса к дальнейшему развитию сотрудничества с вами, то не был бы нужен и нынешний разговор. Мы заинтересованы в том, чтобы лучше взаимодействовать во всех областях.

Если говорить о том, как на практике осуществляется экономическое сотрудничество, то мы замечаем, что в некоторых областях ГДР занимает активную позицию, а в других — где она не чувствует сейчас выгоды — дело продвигается медленно.

Конечно, встающие перед нами вопросы научно-технического прогресса мы можем, в конце концов, решить и сами. Да, видимо, и вы можете многое для себя решить самостоятельно. Но нам представляется, что здесь выгоднее наше самое тесное взаимодействие, потому что совместно мы можем добиться успехов быстрее.

Хонеккер. Приветствую такой откровенный разговор. Но должен сказать, что у нас только одна политика: самое тесное сотрудничество с Советским Союзом. Мы вовсе не страдаем национальным высокомерием. Это для нас попросту опасно, ведь противник не дремлет.

Горбачев. Мы хотели поручить ведение этих переговоров товарищу Рыжкову. Поэтому и рассчитываем на соответствующий ваш уровень. А если вы захотите кого-то подключить, то пожалуйста.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
4 июня 1987 года*

О визите Горбачева в Румынию

Горбачев. Наша терпеливость и принципиальность в отношении самого Чаушеску и страны в целом оправдали себя. <...>

Чаушеску все время твердил, что все у него давно решено. Смотрю на него, слушаю и чувствую себя дураком. У него все уже решено — и в отношении демократии, и в отношении свободных выборов, и по части кооперации и прав трудовых коллективов.

Когда выходили с Чаушеску на публику, реакция людей как заведенная шарманка: «Чаушеску — Горбачев!», «Чаушеску — мир!». Когда я близко подходил к людям, задавал вопрос: «А какие-нибудь другие слова вы знаете?». Мне потом сообщили, что этих крикунов в автобусе специально привезли. Все это производит гнетущее впечатление. Так унижать народ!

Повезли в магазин, на рынок. Сплошь показуха. Рассказывают, что потом, когда я оттуда ушел, толпы бросились расхватывать продукты.

Чаушеску страшно обиделся, когда я публично на большом собрании сказал о гласности, о перестройке, когда позволил себе конкретно рассказывать о том, что мы делаем в СССР. Это его вывело из себя.

Так что действовать с ним надо осторожно, шаг за шагом, не торопясь, не преувеличивая наших возможностей. Но вместе с тем учитывая, что в румынском обществе очень хотят сближения с нами.

Чаушеску пытался прямо обвинить нас в том, что мы наказываем его экономически за его самостоятельную политику. Я ему в ответ тоже задал вопрос: но Вы ведь на Запад пошли за помощью и поддержкой и хотели заполучить его симпатии за счет нас. Так почему же Вы теперь нам претензии предъявляете? И что мешает вам вообще идти на контакты с нами, с СССР, хотя бы по линии общественных организаций, уездных организаций?

Нахальство у него непомерное. Самоуверенность и самохвальство, стремление всех учить и наставлять. Хаос и крутеж у него в международных проблемах. Между прочим, он резко выступил против понятия «достаточность» в нашей военной доктрине.

Может возникнуть вопрос, а надо ли было ехать вообще к нему? Думаю, что в такой ситуации как раз и надо.

Об итогах совещания ПКК Варшавского Договора в Берлине

Горбачев. <...> На узкой встрече после ПКК я говорил: нам надо перестать быть врагами в вопросе численности наших войск в Центральной Европе, но не просто взять и односторонне сократить ее на 170 тысяч. Только один Чаушеску выступил за это, да и то не очень уверенно. Все это сделать надо в общих рамках нашей концепции «от Атлантики до Урала».

Обсуждалась китайская проблема. Вывод — нужны согласованные действия, примером чему могут служить поездки Ярузельского и Живкова в Китай. Сближению с Китаем призвана содействовать и совместная позиция по кампучийской проблеме.

Затрагивались на этом совещании вопросы экономического сотрудничества. Констатировали, что дело идет, но не так, как хотелось бы. Существуют разночтения по реорганизации СЭВ. Условились провести еще раз обсуждение этого вопроса в октябре.

Вывод: активнее работать в военно-политических вопросах и, конечно, в первую очередь, международным отделам ЦК.

*Из беседы с Генеральным секретарем ЦК МНРП Жамбыном Батмунхом
Москва, 15 июня 1987 года*

Горбачев. <...> Наши отношения характеризуются глубоким доверием и взаимопониманием. На нас, нынешнем поколении, лежит обязанность продолжить традиции братской дружбы и всестороннего сотрудничества, заложенные еще семь десятилетий назад. Все эти годы мы были вместе. Конечно, за это время нам приходилось встречаться с различными вопросами, но мы решали их, всякий раз идя навстречу друг другу.

Батмунх. Монгольское руководство полностью разделяет Ваши оценки состояния отношений между нашими партиями, странами и народами. Мы также полны решимости продолжать укреплять и развивать нашу братскую дружбу и сотрудничество.

Горбачев. Ваша информация об обстановке в Монголии представляется ответственной, взвешенной, реалистической. Это очень важно, поскольку помогает нам лучше понимать планы и потребности друзей.

Что касается конкретных вопросов экономического сотрудничества, то мы поручим нашим товарищам еще раз внимательно все рассмотреть, взвесить. Это относится к разработке фосфоритов и коксующегося угля.

Рассмотрим мы и поставленный Вами вопрос о ремонтных предприятиях, производстве запасных частей. Может быть, стоит пойти на создание некоторых сборочных предприятий на территории Монголии.

Словом, пусть наши товарищи и ведомства разберутся во всех этих вопросах.

Что касается проблем в животноводстве, то нам представляются правильными намеченные Вами меры. Надо думать об интенсификации производства. Ведь поголовье скота имеет какой-то естественный предел.

Батмунх. Наши ученые подсчитали, что оно не должно превышать 30 миллионов голов.

Горбачев. Думаю, вашим товарищам стоило бы повнимательнее изучить опыт в Киргизии по улучшению социально-культурных условий животноводов на отгонных пастбищах.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Председателем правительства Венгрии Кароём Гросом
Москва, 17 июля 1987 года*

Грос. Правительство должно будет теперь сказать то, что не смог сказать ЦК: мы на пороге кризиса. Многие не видят разницы между партийным и правительственным руководством. Образуются два центра силы. Компромисс по содержанию повлек за собой и компромисс по кадрам. Члены партии не понимают принятых решений. Если кто-то совершил ошибки, говорят они, то почему их не снимают, а передвигают на другое место (*имеется в виду, в частности, Д. Лазар⁹*).

Экономическая ситуация крайне сложная, но мы будем находить из нее выход собственными силами, надеясь на понимание ситуации со стороны

Советского Союза. Вынуждены пойти на снижение жизненного уровня и открыто сказать об этом народу. Для разрешения многочисленных конфликтов мы вынуждены и сами идти на конфликт.

Самая сильная сторона политики Кадара после 56-го года — связь с народом. Но потом она стала ослабевать. На каком-то этапе реформа превратилась в самоцель, прикрытие взглядов определенных узких кругов. Реформа изломала экономику страны. Что касается моей политической линии, то она Вам хорошо известна.

Горбачев. По собственному опыту мы хорошо знаем, сколь необходима полная опора на народ, открытая и нелицеприятная оценка ситуации, всемерное развитие демократических начал в работе. Народ многое поймет и поддержит, даже если это и не соответствует его сиюминутным интересам, если эта политика принципиальная, правильная, направленная на достижение коренных целей и интересов. Мы понимаем сложности венгерской экономики, необходимость серьезного анализа и решения всей совокупности внешнеэкономических проблем в Венгрии. И мы готовы оказать возможную поддержку.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро
29 сентября 1987 года

Медведев (*в ходе общей дискуссии после возвращения Горбачева из отпуска*). За истекшие месяцы мы существенно продвинулись вперед в повышении международного авторитета перестройки, понимании ее сути и значения международной общественностью и прежде всего среди наших ближайших друзей в социалистических странах.

Так, в руководстве СЕПГ сейчас уже не ограничиваются формулой о том, что внешняя политика у нас совместная, а внутренняя — дело каждой партии, — за которой скрывалось настороженное отношение к нашей политике и чуть ли не ее отторжение. Теперь они проявляют большее понимание наших внутренних процессов. Хагер¹⁰ выразил сожаление и, по сути дела, дезавуировал свое высказывание о том, что если сосед переклеивает обои в своей квартире, то это не значит, что и соседи должны делать то же самое.

В руководстве КПЧ идет соревнование между отдельными лицами за степень, по крайней мере, словесного признания важности советской перестройки. А с польским и венгерским руководством у нас вообще не было самого начала никаких проблем. Они встали на путь реформ раньше нас и продвинулись по этому пути значительно дальше.

Весьма любопытные перемены за последние два-три месяца произошли в Болгарии. До этого Живков проявлял настороженность к нашему курсу, а теперь круто поменял отношение на его полную поддержку и признание. Более того, в своей внутренней политике он принял решение осуществить более крутой, чем у нас поворот, «обойти нас слева», осуществив амбициозные меры по перестройке и перетряхиванию, по сути дела, всего государственного, хозяйственного и даже партийного руководства. Причем все эти

меры были разработаны келейно и объявлены без серьезного обсуждения в руководстве партии, не говоря уже о партийных организациях и обществе в целом, чем вызвал обеспокоенность в различных слоях болгарского общества. Причем все это сделано со ссылкой на пример советского опыта. Политбюро оказалось вынужденным передать Живкову свои замечания и соображения по этому поводу, а вскоре состоится и личная встреча Горбачева с Живковым.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Первым секретарем ЦК КПЧ Милошем Якешем¹¹
Москва, 11 января 1988 года*

Горбачев. <...> Мы высоко оцениваем решение декабрьского Пленума ЦК КПЧ по основному кадровому вопросу. Таким принципиальным решением КПЧ дала хороший пример партийного подхода к столь нелегкому, порой болезненному вопросу. Густав Гусак показал, что он настоящий партиец (*Гусак подал в отставку*). Он увидел, что вопрос созрел и в руководстве партии, и в обществе.

Мы будем Вас поддерживать. По себе знаю, насколько трудными бывают первые шаги.

Знаю, что сейчас у Вас вновь активизировались некоторые творцы «пражской весны». Дубчек¹² выступил с интервью в «Уните». Они хотят сказать, что делали в 1968 году то же самое, что делают сейчас советские коммунисты. Так, мой старый знакомый Зденек Млынарж¹³ заявляет, что он за свою деятельность сидит сейчас в Вене (*в эмиграции*), а Горбачев с такой же политикой возглавляет руководство КПСС.

Наш подход к тем событиям принципиален. <...>

Ко мне обратился Генеральный секретарь ЦК Итальянской компартии Натта. Он просил, чтобы я в беседе с Вами довел до Вас точку зрения руководства ИКП относительно Дубчека и некоторых других вопросов. По мнению итальянских товарищей, сейчас наступил подходящий момент для того, чтобы дать новую, позитивную оценку Дубчеку. Они также считают, что чехословацкое руководство должно сказать: Дубчек совершил ошибку, за что и был осужден; но он не был врагом компартии и Советского Союза, оставаясь коммунистом. Это, по мнению итальянских товарищей, было бы в духе национального примирения в Чехословакии. Они предлагают также предоставить широкие права исключенным коммунистам.

Якеш. У нас нет сейчас оснований делать другие оценки событиям и деятелям «пражской весны». Некоторые коммунисты из числа исключенных из партии не только восстановлены в ее рядах, но и работают на прежних постах. Но мы не возвращаем в партию тех, кто активно выступал против партии, против социализма. Таких людей мы не можем возвращать к участию в политической жизни. Они заявляют, будто 20 лет назад хотели сделать то, что сейчас происходит в Советском Союзе. Но это обман. Эти деятели общаются с чехословацким народом через буржуазные средства массовой информации.

Я получил письмо, подписанное 40 бывшими активными руководителями «пражской весны». Они критикуют выводы КПЧ об уроках тех событий, требуют, чтобы мы признали их в качестве политической силы.

Горбачев. Согласен с Вами, что у нас нет оснований делать переоценку тех событий.

Попытка некоторых активистов «пражской весны» представить себя в качестве законных предшественников советской перестройки является не чем иным, как ударом по нашей перестройке. Мы осуществляем перестройку в рамках социализма и для укрепления социализма. А они вели дело к подрыву социализма в Чехословакии.

Якеш. Мы хотим открыто реагировать на выступления защитников «пражской весны». Дали хорошую статью о январском Пленуме ЦК КПЧ. Сказали, что было хорошо, а что плохо. Точно так же скажем мы и о майском Пленуме, о том периоде, когда появились «2000 слов»¹⁴. Скажем о совещании в Братиславе¹⁵. Скажем о том, почему нам нужна была интернациональная помощь. Открыто скажем, что они хотели нанести удар по компартии, выступали за Советы без коммунистов, за выход Чехословакии из Варшавского Договора. <...>

Дубчек и Цисарж¹⁶ обратились ко мне с письмами. Дубчек защищает свою позицию, пишет, что он хотел только хорошего для Чехословакии. Он жалуется на то, что руководство не хочет иметь с ним дело, на то, что 20 лет за ним следит госбезопасность. И только после визита Горбачева в Чехословакию эта слежка прекратилась. Он утверждает также, что действовал правильно, но ввод войск соцстран в ЧССР не дал ему возможности довести дело до конца.

Раньше Дубчек не выходил со своими взглядами на зарубежную аудиторию. Очевидно, он надеялся, что Вы не поддержите наши оценки в связи с январским Пленумом. Но когда узнал, что «Правда» перепечатала наши материалы, понял, что ошибается. Видимо, поэтому он и решил попробовать использовать в своих целях «Униту».

Горбачев. <...> Опытom своим мы активно делимся с друзьями. Но вовсе не ждем, чтобы они во всем следовали нашему примеру. У нас на этот счет есть горький опыт. И у нас, и у вас люди стоят за перестройку. Кое-что не получается. Но не получается зачастую потому, что просто еще не научились работать в новых условиях. Будем учиться находить верные решения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро
10 марта 1988 года
Об экономической ситуации в социалистических странах

Горбачев. Получаем много тревожной информации о положении в соцстранах. Ситуация обостряется, а это грозит и обострением социально-экономической обстановки. Нужен взвешенный анализ, где корни происходящего. И ответ, по-видимому, тут не простой. Весь мир проходит полосу серьезных изменений. Правда, развитые страны быстрее и безболезненнее ее

проходят. Мы же отстаем в научно-техническом прогрессе. Меняется внешнеэкономическая конъюнктура. Особенно это ощущают страны, сильнее связанные с внешним рынком.

Немало ошибок допускается в экономической политике. Ряд стран залезли в долги, ведут жизнь займы за счет кредитов, за счет нашей нефти. Из всего этого надо извлечь уроки. Стабильность соцстран в наших кровных интересах с точки зрения безопасности, да и в чисто экономических интересах — ведь товарооборот с соцстранами у нас составляет 80 миллиардов рублей. Если ситуация начнет трещать, то будет дискредитирована сама идея социализма. Соцстраны — это своего рода наше предполье.

Ключевой вопрос — то, что делается у нас. В частности, реконструкция машиностроения, которому надо дать широкий выход и на внешний рынок. Почему, например, нам не продавать подшипники. С этой точки зрения надо еще раз продумать тринадцатую пятилетку. Не следует разбазаривать национальный доход на афганскую войну. Кому даем, надо смотреть, куда идут деньги. Не следует стесняться. Конечно, было бы ошибкой освободить себя от помощи Кубе или Вьетнаму. Но дальше не влезать, и брать от экономических отношений с ними все, что можно.

О СЭВе. В конце концов, надо внести ясность в вопрос — будем объединяться или нет. Готовить в этом смысле разговор на высшем уровне. Может быть, совещание на уровне генеральных секретарей.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

В марте 1988 года состоялся визит Горбачева в Югославию. Это — единственная страна Восточной Европы, которая на протяжении 1941–1945 годов вела бескомпромиссную антифашистскую народно-освободительную войну. Ее вождь — лидер Союза коммунистов Югославии (СКЮ) Иосиф Броз Тито — завоевал высокий авторитет у себя в стране и во внешнем мире.

Сталин требовал от Тито, как и от всех в «социалистическом лагере», беспрекословного послушания как во внешней, так и во внутренней политике. Тито не подчинился. Это привело к «отлучению» СКЮ от мирового коммунистического движения, а СФРЮ — от «социалистического лагеря». Связи между нашими странами были полностью разорваны. Предпринимались попытки морально-политической дискредитации Тито и даже его смещения, но все они дали лишь обратные результаты.

В 1956 году по инициативе Хрущева была признана ошибочность политики Сталина в отношении СКЮ и СФРЮ, необоснованность обвинений. Состоялась встреча на высшем уровне и принята Политическая декларация, открывшая возможности для восстановления и развития партийных, государственных и общественных связей.

В брежневский период, особенно после «пражской весны» 1968 года, в руководстве КПСС вновь стало проявляться настороженное отношение к югославскому «самоуправленческому социализму».

Полное взаимопонимание между руководством наших стран было достигнуто в годы перестройки. Оно было продемонстрировано в 1988 году в ходе визита Горбачева в Югославию, где он провел переговоры с Председателем Президиума СФРЮ Лазаром Мойсовым, Председателем Президиума ЦК СКЮ Бошко Круничем, с руководителями Сербии, Словении, Хорватии.

К сожалению, дальнейший ход событий в самой Югославии пошел по крайне негативному сценарию, приведшему к острейшему кризису в отношениях между республиками югославской федерации и внутри их. Сначала Словения, а затем Хорватия и Босния объявили о своем выходе из СФРЮ. Тут же встал вопрос о судьбе нацменьшинств и национальных районов в этих республиках: сербских — в Хорватии и Боснии, а затем — албанского в Сербии. В результате кровопролитных межнациональных столкновений СФРЮ исчезла с карты Европы.

*Из беседы с Лазаром Мойсовым и Бошко Круничем
Белград, 14 марта 1988 года*

Мойсов. <...> Наше давнишнее желание состояло в том, чтобы продолжить контакты на уровне политического руководства в Белграде, показать Вам Югославию, рассказать, на каком этапе социалистического строительства мы находимся, с какими трудностями сталкиваемся и как их преодолеваем. В поездке по стране, в ходе бесед с руководством Сербии, Словении и Хорватии Вы почувствуете, как сильно Вас здесь ждали, насколько глубока дружба наших народов.

Югославско-советские отношения развиваются по восходящей линии, на основе принципов, взаимно одобренных в 1955–1956 годах. Ведется постоянный политический диалог между представителями двух стран и партий на различных уровнях. Стабильная основа отношений, созданная в предшествующий период, позволяет уверенно идти вперед.

Горбачев. <...> Ваше стремление расширять и обогащать советско-югославское сотрудничество полностью совпадает с позицией советского руководства. В развитии отношений с Югославией мы готовы пойти так далеко, насколько готово пойти югославское руководство.

Политбюро ЦК нашей партии высоко оценивает содержание совместной Декларации, которая будет иметь большое значение как для двустороннего сотрудничества, так и для мирового сообщества в целом. Ее содержание пронизано духом равноправия, уважения друг к другу, подтверждает право каждой партии самостоятельно выбирать пути и формы социалистического строительства. Располагая такой базой, мы в состоянии в дружеской обстановке обсудить вопросы взаимодействия по проблемам социалистического строительства и современной международной жизни.

Мойсов. Вы, Михаил Сергеевич, сказали, что в развитии отношений с Югославией Советский Союз готов пойти так далеко, насколько пожелает югославское руководство. Я повторил бы те же самые слова в форме инверсии: в развитии отношений с Советским Союзом Югославия готова пойти так далеко, насколько пожелает советское руководство. Разумеется, на основе совместно выработанных и одобренных принципов независимости, самостоятельности, невмешательства во внутренние дела друг друга, то есть тех самых, которые были положены в основу наших отношений много лет тому назад.

Горбачев. Никто не обладает монополией на истину. Давайте соотносить опыт друг друга, сопоставлять его, сотрудничать во всех сферах, сохраняя те

принципы отношений, о которых Вы говорили. Они — большое богатство не только для отношений между социалистическими странами, но и коммунистическими партиями. От их соблюдения выиграют все. <...>

Хрущев и Броз Тито сделали большое дело, восстановив отношения между нашими странами и партиями на известных принципах. Действуя на этой основе, мы стали ближе, стало очевиднее, что от сопоставления различного опыта выигрывают обе стороны.

Думаю, нет необходимости ворошить прошлое. Мы знаем, как произошло нарушение наших отношений после войны, кто виноват в этом. Хорошо, что теперь наслоения прошлого преодолены, что наши отношения прогрессируют. <...>

Мы ценим ваш вклад в решение насущных проблем современной международной жизни. Очень важно, что Югославия, как страна, являющаяся одной из основательниц Движения неприсоединения, много делает для повышения его роли. Встреча глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре ознаменовала усиление их внимания к проблемам войны и мира, там сильно прозвучала тема связи разоружения с развитием. <...>

Невозможно игнорировать роль Движения неприсоединения в установлении нового международного экономического порядка. Это ведь, по сути дела, голос 2,5 миллиардов людей.

Мы высоко ценим совпадение философской базы наших подходов к международным делам, близость позиций Советского Союза и Югославии в практической политике. Если СССР и СФРЮ будут теснее взаимодействовать, то это укрепит авторитет и престиж обеих наших стран. Мы хотим видеть Югославию сильной, независимой, процветающей социалистической страной.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из заключительной беседы с Мойсовым и Круничем
Дубровник, 18 марта 1988 года*

Крунич. <...> Ваш визит состоялся весьма своевременно и оправдал возлагавшиеся на него надежды; объективно он вышел за рамки советско-югославских отношений. Все, о чем мы договорились, обязывает нас настойчиво трудиться по всем направлениям ради дальнейшего развития межпартийного и межгосударственного сотрудничества.

Мы придаем большое значение развитию политического диалога на всех уровнях, в том числе на высшем, расширению консультаций по всем вопросам, представляющим взаимный интерес.

Горбачев. <...> Считаю полезной договоренность о рабочих консультациях на партийном и научном уровнях.

Принципиально важным для будущего наших отношений является принятие Декларации¹⁷. Мы уже идем в своем сотрудничестве по пути, который в ней обозначен. Декларация — это пример того, как должны строиться отношения между социалистическими странами, в международном коммунистическом и рабочем движении, мировом сообществе. Учитывая роль Советского

Союза и Югославии во внешнеполитических делах, можно сказать, что Декларация имеет и более широкое международное значение. <...>

Наряду с долгосрочными вопросами нашего сотрудничества, имеются и текущие проблемы, особенно экономические. Мы настроены активно искать пути их решения. Самый перспективный выход — в объединении усилий. Многие можно сделать по линии сотрудничества республик. Политбюро ЦК КПСС даст соответствующие поручения по этому вопросу.

Большого внимания с обеих сторон требуют европейские дела. Для нас важно продолжение консультаций с Югославией по проблемам Средиземноморья, Балкан, Ближнего Востока, деятельности Движения неприсоединения и многим другим.

Важная проблема — демократизация международных экономических отношений. Надо вести дело к интернационализации их обсуждения. Запад опасается ставить их, поскольку ему наверняка будет предъявлен крупный счет. Инициативы должны быть за нами. Нельзя упускать время. Давайте активно сотрудничать в этом направлении.

Мойсов. От имени Президиума СФРЮ хочу выразить огромное удовлетворение итогами Вашего визита, масштабным открытым разговором по проблемам двусторонних отношений и международной жизни.

Советско-югославская Декларация, принятая по итогам визита, подтвердила принципы наших отношений, развила их, приспособив к новым условиям в мире.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
31 марта 1988 года*

**Об итогах заседания Комитета министров иностранных дел
Варшавского Договора в Софии**

Шеварнадзе. <...> Было и совещание в узком составе, которое поддержало наш план публикации данных по вооружениям и вооруженным силам в Европе. Хорошо бы такие данные иметь по США и НАТО. Высказывались тревога за экономическую ситуацию, которая ухудшается, предложение создать совместные прогнозы экономического развития до 2000 года и дальше.

На встрече с Живковым и членами Политбюро БКП с болгарской стороны был проявлен интерес к тому, что советские товарищи думают о болгарской перестройке, о том, что происходит в Армении и в Закавказье. Затрагивалась и ситуация в Джурджу-Русе¹⁸, проблемы перестройки и экономической ситуации в соцстранах. По словам Атанасова¹⁹, Болгария продает на 2 миллиарда больше, чем производит.

Медведев. Судя по всему, Живков стал другим, чем год назад. Полностью признает советскую перестройку. Если чем и не доволен, так это нашей недооценкой его великих достижений в перестройке. Отсюда раздраженность и цепляние к нам по любым поводам. В данном случае в связи со статьей в «Известиях» по ситуации в Джурджу-Русе. Но в статье нет ничего ошибочного. О сути

ситуации в Болгарии просто молчали. Не отреагировали на наши предложения о посылке специалистов и их возможного выступления в болгарской прессе.

Об итогах визита До Мьяо²⁰

Горбачев. Не получается ли, что некоторые вьетнамские руководители хватаются за высшие формы, а им нужен НЭП?

Рыжков. Послать хороших, толковых людей, чтобы разобрались, наконец, в экономической ситуации Вьетнама.

Медведев. Надо отказаться от односторонней ориентации во вьетнамском руководстве на людей, которые выставляют напоказ свою близость к нам и вместе с тем выступают по сути дела за механическое применение наших методов, а практически все выливается в новые и новые просьбы о поставках продовольствия и других товаров. Но во вьетнамском руководстве есть и другие, более прагматически настроенные люди, которые более реалистически оценивают обстановку, а мы их зачисляем в рыночников и отталкиваем от себя.

Горбачев. Надо помочь вьетнамцам покончить с копированием чужого опыта и нашей привычкой поддерживать тех, кто сильнее закрутит социализм.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из разговора по телефону с Фиделем Кастро 5 апреля 1988 года

Кастро. Хотел бы прояснить вопрос о Вашем визите на Кубу.

Горбачев. Мы хотели бы в июле видеть у себя Рауля. Что касается моего визита на Кубу, то он мог бы состояться поздней осенью или зимой.

Кратко о наших делах, о ходе перестройки. Самый мудрый учитель — это сама жизнь. В конечном счете, она и расставляет оценки. Некоторые могут поставить нам двойку. Но мы сами оцениваем нашу деятельность — на удовлетворительно. <...>

Сейчас мы вступили в этап непосредственной подготовки XIX партийной конференции, которая призвана подвести итоги перестроечной работы и решить новые крупные задачи в области демократизации и гласности.

Кастро. Советские товарищи, с которыми я говорил, полны оптимизма. Согласен, что самый строгий экзаменатор — это жизнь. Но я уверен, что она поставит вам отличную оценку. Понимаю, что результаты будут не сразу, но в среднесрочном плане они должны быть. Ждем ответов от подготавливаемой вами конференции. Нет ни малейшего сомнения в ее успехе.

Горбачев. Перестройка повышает авторитет социализма на международной арене. Правоконсервативные силы не только вынуждены принять ее вызов, но и предпринимают усилия и намерены дискредитировать ее, в том числе пользуясь нашей гласностью. Левые силы обсуждают — не сдаем ли мы свои позиции, не отступаем ли от цели социализма и национально-освободительного движения. Но мы знаем, откуда мы вышли, — из Октября. Нам надо учиться сочетать общечеловеческие ценности и классовые цели.

Кастро. То, что я слышал, воодушевляет. Это блестящие слова. Знаю, что никакие происки реакционеров, ничто не заставит СССР отойти от своих целей. Мы целиком и полностью доверяем вам.

Горбачев. Да, мы проходим новый этап революции. Теперь о внешнеполитических делах. К визиту Рейгана, по-видимому, не удастся подписать Договор по СНВ. В США не хотят отдавать этот вопрос уходящему президенту. Ведь это — центральный вопрос мировой политики. Большое внимание мы сейчас уделяем европейским проблемам. Наши предложения опубликовать данные о вооруженных силах в этом районе поставило американцев в тупик. <...>

Кастро. Визит Рейгана будет иметь большое значение и без подписания Соглашения по СНВ. Ведь разоружение — процесс необратимый. Прошу передать мой привет Наджибулле и подтверждение, что его ждут с визитом на Кубу.

Горбачев. Наша общая забота — поддержание национально-демократических режимов в Африке. Сейчас главное для них — закрепиться. Чиссано²¹ говорил мне, что он за гибкую тактику. Но я считаю, что не надо забывать о стратегии. И конечно же, нужна поддержка Душ Сантушу²².

Каково мнение кубинского руководства о ситуации в Никарагуа?²³

Кастро. Соглашение, достигнутое там, — крупный успех. Но нет полной уверенности, что его удастся закрепить.

Горбачев. А как обстановка на Кубе?

Кастро. Если кратко, то дела идут хорошо.

Горбачев. Мы положительно решили вопрос о дополнительной поставке четырех самолетов.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро
28 апреля 1988 года
Об итогах визита Рыжкова в Венгрию*

Рыжков. Экономическое положение Венгрии становится все более серьезным. Нетто-долг составляет 3,5 миллиарда долларов, а брутто — 17 миллиардов. Венгры стремятся создать хорошо функционирующее рыночное

* Визит состоялся в условиях, когда в руководстве Венгрии активно шел процесс подготовки к смене руководства страны. В беседе с Гросом Рыжков по поручению Горбачева дал венграм на их обращение по этому вопросу следующий ответ: «В том, что венгерские товарищи сочли возможным поделить с нами своими соображениями по важнейшим вопросам политического руководства своей страны, мы видим еще одно свидетельство глубоко доверительных, товарищеских отношений между нашими партиями, лично товарищами Кадаром и Горбачевым.

Само собой разумеется, что вопросы такого рода решаются только и исключительно каждой братской партией.

Что касается нашего мнения, то мы с пониманием относимся к намерению венгерских товарищей провести изменения в составе руководства страны при координирующей роли товарища Кадара. Это поможет усилить партийное руководство страной и приступить к активному решению как неотложных, так и долговременных задач, стоящих перед венгерскими друзьями. Мы уверены, что огромный политический опыт товарища Кадара, его высокий авторитет помогут ему вместе с товарищем Гросом и другими соратниками найти такое решение, которое отвечает сути ситуации и масштабу задач, настроениям в партии и венгерском обществе».

хозяйство. Но государственный сектор по-прежнему занимает высокий удельный вес — 65 процентов.

Горбачев. Надо внимательно смотреть, что происходит у наших друзей в соцстранах. Это должно остаться приоритетным направлением нашей внешней политики. Наполнять все более весомым содержанием наши отношения, но ничего не навязывать. Они переживают трудный этап.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро

5 мая 1988 года

*О секретных советско-германских протоколах 1939 года**

Медведев (ему было поручено подготовить вопрос к обсуждению). Вопрос о протоколах 1939 года — один из тяжелейших для нас. По существу он довольно ясен. Их отрицание и тем более квалификация как фальшивки никого не убеждает. Оригиналов нет, но имеющиеся копии и с той, и с другой стороны совпадают. Реальность протоколов подтверждается и самим ходом событий, которые развивались в точном соответствии с зафиксированной в протоколах линии раздела сфер влияния, а там, где возникали отклонения, они поправлялись. Например, немцы заняли Львов и Пинск, а затем отошли к согласованной линии.

По существу, признание протоколов содержалось и в советской печати. Я имею в виду «Историю Великой Отечественной войны» (издание 1961 года, т. 1). На с. 176 этой книги говорится: «Советский Союз уже не мог оказать помощь Польше, правительство которой столь категорически ее отвергло. Единственно, что можно было сделать, — это спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Советское правительство и добилось от Германии обязательства не переступить линию рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан». Но в основном советско-германском договоре это обязательство Германии не предусматривается, значит, была и какая-то другая договоренность, другой документ. Это высказывание хорошо известно в Польше и в других странах, и на него ссылаются историки.

Возникает альтернатива: или и дальше уходить от этого вопроса под предлогом того, что нет оригинала, или фактически в той или иной форме признать их. Умолчание — не выход, потому что уже сам факт умолчания используется против нас, против нашего курса на гласность и перестройку.

Что касается признания, то оно, конечно, связано с определенными издержками, вызовет, по-видимому, какой-то всплеск антисоветской пропаганды, породит определенные трудности внешнего и внутреннего порядка. Но зато это расчистит почву, снимет с нас тяжкий груз, даст возможность развернуть активную наступательную пропагандистскую работу. Это было бы

* Этот вопрос, а также два упомянутых в конце приводимой записи были рассмотрены в связи с предстоящим визитом Горбачева в Польшу.

в русле традиций открытой, гласной внешней политики и, в конечном счете, не снизило бы, а повысило авторитет Советского государства и нынешнего руководства.

Это открыло бы возможность для развертывания более активной наступательной работы по разъяснению нашей позиции в сложнейшей мировой обстановке, приведшей к возникновению Второй мировой войны. Начало такой работе положено в докладе о 70-летию Октябрьской революции, где было убедительно показано, что для нас пакт 1939 года был тяжелой, но вынужденной мерой. Эту работу надо было бы активно развернуть в научной литературе и пропаганде.

И напротив, наше молчание по поводу секретных договоров создаст впечатление, что мы чего-то боимся, что-то пытаемся скрыть, о чем-то умалчиваем.

Какие «за» и «против» с точки зрения польской ситуации?

Для польского общества существование договоров давно уже воспринимается как очевидное. Конечно, какие-то спекуляции могут быть, но взрыва общественного мнения не произойдет. В польской печати в конце прошлого года опубликован полный текст секретных протоколов в западном варианте. Они оживленно обсуждаются в периодике, в научной литературе и, пожалуй, главное, что вызывает непонимание в польской аудитории, — это наше молчание по данному вопросу.

Вот что думает об этом один из видных польских историков, член совместной советско-польской комиссии Ковальский («Одродзене», номер за 16 апреля 1988 года): «Смешно говорить о “белых пятнах”. Конечно, если взять то, что написано, то в этом случае они есть, но если говорить о сознании людей, то в нем нет “белых пятен”. Те, кого это коснулось, и те, кто хочет об этом знать, знают. Знают, что был пакт Риббентропа–Молотова, что около миллиона польских граждан было депортировано в глубь Советского Союза».

Сняв пелену умолчания с факта секретных протоколов, мы перечеркнем обвинения, что что-то утаиваем. Тем самым создадим более благоприятные возможности для доведения до широких слоев польской общественности того, что не секретные протоколы, а пагубный внешнеполитический курс правительства буржуазной Польши привел к сентябрьской катастрофе. Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена Гитлером еще 3 апреля 1939 года, то есть задолго до советско-германского пакта.

Будут сужены возможности противников советско-польской дружбы использовать наше молчание по поводу секретных протоколов для разжигания в Польше враждебного отношения к СССР.

Определенные издержки признание протоколов может породить для наших отношений с Финляндией, против которой Советский Союз в декабре 1939 года начал войну, а за этим последовало исключение СССР из Лиги Наций. По-видимому, правые силы не преминут воспользоваться этим предлогом для нападок на СССР и дружественный курс Финляндии по отношению к Советскому Союзу. Но нам известно, что финская сторона не обостряет вопросов истории советско-финляндских отношений. События

1939 года отодвинуты назад последующим ходом развития — укреплением наших добрососедских отношений с этой страной, которые к тому же хорошо отрегулированы на государственно-правовой основе.

Теперь о наших внутренних проблемах, касающихся Прибалтийских республик и Молдавии. Замалчивая проблему протоколов, мы оставляем широкое поле для распространения националистических взглядов в Прибалтийских республиках, согласно которым якобы судьба Прибалтики была решена в августе 1939 года путем секретных соглашений. В действительности же, дело обстоит иначе: если какую роль и сыграли советско-германские соглашения, то она состоит в том, что ими мы оградили Прибалтику от вмешательства германского фашизма, от угрозы порабощения им Прибалтийских государств, а тем самым создали условия для подлинного волеизъявления народов этих республик в соответствии с их коренными интересами и историческим прошлым как интегральной части Российского государства.

Судьба народов этих стран решалась не в 1939 году, а в 1940-м, когда на основе собственного волеизъявления они вошли в состав Советского Союза. Содержание протоколов известно населению Прибалтики через каналы западных радиостанций, так что изменение нашей позиции в отношении их не будет представлять какой-то драматический шаг и вряд ли окажет большое влияние, хотя, конечно, необходимо его тщательное пропагандистское и идеологическое обеспечение.

Как лучше подойти к решению этого вопроса? Конечно, для публикации протоколов по имеющимся копиям нет достаточных оснований, но можно было бы в качестве первого шага снять запрет на обсуждение этих вопросов в научной литературе. Ученые могли бы высказать какие-то мнения, точки зрения на сей счет и затем, в зависимости от реакции в стране и за рубежом, можно было бы предпринять и другие шаги вплоть до высказывания официального отношения к этому вопросу. Например, в духе того, что оригиналами протоколов мы не располагаем, поэтому утверждать что-либо определенное на этот счет не можем — пусть ученые этот вопрос рассматривают с учетом совокупности всех фактов, относящихся к этому делу.

Смирнов²⁴ *высказывается в пользу признания протоколов.*

Ильичев²⁵. Подлинники протоколов были. Их держал в руках Павлов²⁶. Уходя из МИДа, Молотов переслал пакет на 17 страницах в Общий отдел ЦК КПСС.

Громько. Непризнание протоколов неприемлемо. Вопрос этот будет обостряться. Был по этому вопросу разговор с Молотовым и Хрущевым. Молотов не отрицал и ничего не признавал. Хрущев повторил Молотова — ни да, ни нет, но и он не отрицал. По этой причине было приостановлено многотомное издание документов МИДа. На Нюрнбергском процессе, как известно, копии протоколов признаны фальшивкой.

С точки зрения длительных интересов необходимо сказать правду. Возможно, что где-то, может быть, на Западе, придерживают оригиналы. Будет меньше риска, если мы скажем правду.

Чебриков. Публиковать копии нельзя даже с формальной точки зрения. Публикация не соответствует обязательной юридической практике. Она даст

больше минусов, чем плюсов. Безусловно, активизируются антисоветские настроения в Польше. Требование пересмотра границ. Еще сложнее будут отношения с Румынией. Произойдет всплеск требований об отделении Прибалтики. В общем, публикация, по меньшей мере, преждевременна.

На этом заседании рассмотрены также вопросы об увековечении памяти польских революционных деятелей в Советском Союзе, об устройстве захоронений в Катыни.

ПБ. С. 359–360; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Кароем Гросом
Москва, 5 июля 1988 года**

Грос. Прежде всего, хочу передать наилучшие пожелания нашего Политбюро, а также Яноша Кадара, с которым у меня была беседа накануне отъезда из Будапешта.

Горбачев. По-моему, Вы с ним хорошо решили.

Грос. Это было нелегко. Вы знаете, что именно он выступил с инициативой изменений в руководстве. Но исходил из того, что такие изменения не должны носить демонстративного характера. Однако ситуацию оценил неправильно, не учел, что члены партии настроены более решительно, хотят заставить руководство расплатиться за ошибки, допущенные за последние 15 лет. Его человеческая трагедия в том, что он до сих пор убежден: это козни каких-то людей, его недругов.

Горбачев. Был момент, когда он обратился к нам за советом. Мы ему сказали: товарищ Кадар, мы уверены, что Вы примете мудрое решение, отвечающее интересам социализма в Венгрии. Большого сказать, как Вы понимаете, не могли. Это было бы недопустимо с нашей стороны.

Грос. Янош Кадар говорил мне, что ошибся, не уйдя в отставку раньше, в 80-м году. Но сейчас он реальнее оценивает собственное положение, чем обстановку в руководстве в целом. Перед конференцией ВСРП я считал необходимым использовать все возможности, чтобы спасти Кадара. У нас вся история партии — сплошной отказ от прошлого. И если его не будет, то не останется ни одного руководителя, которого можно будет уважать. Я ему говорил: Вы первый, но он такую формулу долго не принимал, хотел уйти вообще, не соглашался и на пост председателя — чувствовалась обида. Потом выступил с предложением создать какой-то совещательный орган — он был недавно в КНР и, видимо, подпал там под влияние Дэн Сяопина. В конце концов, все-таки согласился на нынешний вариант, соответствующий традициям нашей партии. Но пока своего места в работе не находит. Я уговорил его пойти в отпуск на два месяца, а когда вернется, будем думать вместе.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

* Карой Грос в мае 1988 года был избран Генеральным секретарем ЦК ВСРП, сменив на этом посту Яноша Кадара.

Янош Кадар (János Kádár) (1912–1989) — коммунистический лидер Венгрии, Генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии (1956–1988), премьер-министр Венгрии в 1956–1958 и 1961–1965 годах.

Родился в семье сельскохозяйственного рабочего. В 14 лет был вынужден оставить школу, был разнорабочим, а затем механиком в типографии. В 1930 году вступил в запрещенную хортистскими (фашистскими) властями Компартию, несколько раз подвергался арестам. В тюрьме встретил (1933 год) своего будущего политического противника коминтерновца Матьяша Ракоши, ярого и жестокого сталиниста.

Во время Второй мировой войны Кадар участвовал в Сопротивлении в Чехословакии, Венгрии и Югославии. Был одним из инициаторов создания антифашистского Венгерского фронта. В 1942 году введен в состав подпольного ЦК, а в 1943 году избран секретарем ЦК Компартии Венгрии. В апреле 1944 года был арестован, но бежал из поезда, когда его переправляли в Германию.

3 апреля 1964 года за личный вклад в дело борьбы с фашизмом в годы войны Кадару было присвоено звание Героя Советского Союза.

После освобождения Венгрии в апреле 1945 года Янош Кадар был избран депутатом Временного национального собрания, вошел в состав Политбюро ЦК ВКП, а в 1946 году стал заместителем Генерального секретаря ЦК.

Кадар отвергал террористическую, по сути, политику ставленника Москвы генсека КПВ Матьяша Ракоши, выступал за соблюдение гражданских прав и свобод. В апреле 1951 года он был изгнан из аппарата ЦК партии, а вскоре арестован, обвинен в титоизме, объявлен «предателем» и заключен в концлагерь. На свободу Янош Кадар вышел в июле 1956 года после XX съезда КПСС.

В 1956 году Кадар возглавил партийную организацию в индустриальном XIII районе Будапешта, стал одним из самых популярных венгерских политиков.

В ходе драматических событий 1956 года Кадар первоначально поддерживал политический курс правительства Имре Надя, — на либерализацию и демократизацию, освобождение политзаключенных, отмену цензуры, выступал за многопартийность. 26 октября 1956 года он стал членом правящей Директории, 28 октября — председателем ЦИК и министром.

Во время кровавых столкновений в Будапеште, уличных самосудов Кадар покинул Венгрию, а 4 ноября в Ужгороде встретился с Хрущевым. 7 ноября 1956 года прибыл в Будапешт вместе с советскими войсками, а на следующий день объявил о переходе всей власти в стране к возглавляемому им, Кадаром, Революционному рабоче-крестьянскому правительству.

Заняв посты премьер-министра и лидера правящей Венгерской социалистической рабочей партии, провозгласил программу социалистического и демократического обновления.

В последующий период Кадар сумел осуществить ряд экономических реформ, способствовавших либерализации экономики и росту уровня жизни, который длительное время не уступал показателю в западно-европейских странах. Он инициировал развитие частного сектора в сельском хозяйстве и сфере обслуживания, устранил препятствия для мелкого предпринимательства и значительно расширил права коллективных хозяйств. Венгрию стали называть страной «коммунизма с гуляшом». Связи Венгрии с Западом были гораздо более свободными и обширными, чем у других стран соцсодружества. После подавления «пражской весны» в 1968 году процесс реформ был свернут.

Кадар ушел со всех своих постов в мае 1988 года, передав управление молодому лидеру реформистского крыла ВСРП Карою Гросу. Скончался через год, 6 июля 1989 года.

В 2007 году могила его была разрушена, гробы его и его жены бесследно исчезли.

В июле 1988 года состоялся визит Горбачева в Польшу. Помимо Варшавы Горбачев посетил Краков, Щецин, встретился с рабочими судоверфи, крестьянами, с молодежью, ветеранами, с кардиналом Глемпом и ксендзами, с представителями польской интеллигенции. По пути и на площадях, в городах и поселках Горбачев общался с людьми, тысячами выходившими его приветствовать.

*Из беседы с Войцехом Ярузельским (заключительная беседа)
Варшава, 14 июля 1988 года*

Ярузельский. Визит имеет огромный резонанс и всеми политическими силами страны расценивается в целом как событие крупного калибра. Мы считаем его огромным, бесценным вкладом в польско-советское сотрудничество. Одновременно это — большая помощь польским коммунистам в их усилиях по социалистическому обновлению страны.

Особенно важным в польском обществе считают тот факт, что визит отразил глубокое понимание польской специфики, уважение национальных чувств поляков. В частности, уважение, оказанное такой национальной святыне, как Марианский костел, очень высоко оценено поляками. Это касается и такого тонкого учета польской специфики, как упоминание сражения под Монте-Кассино²⁷, исключительно четкое подчеркивание польского характера западных земель, Щецина, нерушимости западных границ Польши.

После визита многие вопросы можно будет, очевидно, решать легче и быстрее, ускорить прояснение «белых пятен». Иначе польское руководство окажется под сильным давлением. Важно публиковать результаты исследований по «белым пятнам» хотя бы по частям. Когда Советский Союз осудил заявле-

ние Молотова после подписания пакта с гитлеровской Германией, — вопрос был снят. Об этом перестали говорить или, во всяком случае, разжигать вокруг этого вопроса страсти. Все, что можно сделать сейчас, — нужно сделать.

Горбачев. Полностью согласен с Вашими оценками визита. Как задумывали визит, так и реализовали. Но наше впечатление от визита значительно глубже, чем мы ожидали. Разговор с народом — это такой вид изучения общественного мнения, который ничем не заменить. Мы убедились, что не зря работали все эти годы.

Мы обратили внимание, что в Польше стали спокойнее рассуждать об истории. Вместе с тем работа над «белыми пятнами» вышла за рамки комиссии. Тут нужно иметь ясность, все как следует осмыслить. Очень чувствительны наши народы к этой сфере.

По крупным вопросам экономического сотрудничества внесена ясность. На уровне премьеров осталось найти несколько развязок по частным вопросам. Тут мы будем идти дальше, развивать наше сотрудничество.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече глав делегаций, участвовавших в заседании ПКК в Варшаве
16 июля 1988 года*

Ярузельский. У нас сложилась хорошая традиция встречаться на высшем уровне, это позволяет делиться напрямую нашими проблемами в узком кругу.

Горбачев. Рад встретиться с друзьями в этом кругу. Стабильность его сочетается с процессом обновления. Вот среди нас теперь товарищи Якеш и Грос.

Хочу выразить удовлетворение нашим сотрудничеством — тем, как оно складывается в последнее время, его творческим характером, уважительностью, которые присутствуют и в наших двусторонних контактах, и на многосторонних встречах. У нас больше стало координации, лучше информируем друг друга. <...> Это особенно важно, если учесть, на каком этапе находятся наши страны и все мировое развитие и какая ответственность в связи с этим на всех нас ложится.

Процессы в мире происходят во многом непредсказуемые. Быстрых решений не видно, а находить их нужно. <...>

Все мы чувствуем, что отстаем от мировых тенденций. В оценке того, что там происходит и как там пойдут дела, и что будет это означать для нас, мы слышали на ПКК разночтения. Не вижу в этом драмы, но пицца для размышлений есть. Если мы не будем стимулировать процесс у себя, можем оказаться на обочине.

Нам надо вести дело к тому, чтобы наши экономические связи выходили на рынок, где все видно. А какое сейчас положение? Мы все заранее согласовываем, утверждаем объемы и получается: бери то, что определено заранее — хочешь не хочешь, нужно это тебе, или не нужно. Но теперь дело складывается так, что брать не хотят, хотят иметь что получше. А как определить, что лучше? Это сделать может рынок.

Посмотрите, ведь везде внешнеторговый оборот растет быстрее, чем внутренний. И только у нас наоборот. Мы застряли на этапе коробейников. Нам надо все это обдумать. Положительное не разрушать. Но если мы не выйдем, например, на совместные предприятия, то дела у нас не будет. Пока же с капиталистической фирмой у нас быстрее налаживаются новые связи, чем между собой. Это значит, что у нас нет соответствующих финансовых механизмов. Но мы их и не выработаем, пока не прибегнем к рынку: он покажет, что сколько стоит. Сейчас ясно: надо разрабатывать именно такие подходы. Мы для себя в принципе этот вопрос решили. Я понимаю, может быть, кто-то не готов. Но нельзя же, чтобы из-за этого задерживался весь процесс.

О внешней политике. До нас доходит, что и у вас иногда возникает вопрос: не меняется ли весь внешнеполитический курс Советского Союза? <...>

В реализации этого курса на протяжении длительного времени были и срывы, были ошибки. Далеко не все было сделано, например, чтобы ограничить гонку вооружений. Втянулись мы в эту гонку, не использовали политических средств в полной мере. А капитализм сознательно вел дело к тому, чтобы измотать нас этой гонкой. И продолжает это делать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**Из записки В.А. Медведева в Политбюро ЦК КПСС о встрече с Г. Зибером²⁸
10 августа 1988 года**

Гюнтер Зибер сообщил о возможности досрочного (в 1990 году) проведения очередного XII съезда СЕПГ. По-видимому, руководитель СЕПГ имеет в виду провести свой съезд до очередного съезда КПСС и, таким образом, в какой-то мере развязать себе руки. Но в партии с подготовкой к съезду связываются надежды на большие перемены.

Основной вопрос, подчеркнул Зибер, — это изменение отношения к КПСС, к советской перестройке. Все остальное вытекает из этого. Многие в партии не разделяют сдержанного отношения руководства СЕПГ, выражают недовольство по поводу отсутствия достаточной информации в средствах массовой информации ГДР по этому вопросу. Высказываются надежды на то, что в освещении действительности ГДР средствами массовой информации исчезнут беспроблемность и бесконфликтность, что будут обсуждаться вопросы, действительно интересующие людей. Большие ожидания, по словам Зибера, в партии и стране связаны с развитием демократии, в первую очередь, внутрипартийной. В действующем Уставе партии имеются положения о развитии демократических методов работы СЕПГ, но они не реализуются.

В социально-экономической области обостряются крупные проблемы, но какого-либо объяснения им не дается. Все более сказывается политика самоизоляции ГДР от социалистической интеграции. Люди обращают внимание на то, что позиция ГДР все более смыкается с румынской, и это, конечно, никому не нравится.

В итоге расширяются возможности для влияния западной пропаганды. По телевидению ФРГ, например, передают репортаж о заседаниях бундестага, где идет живая

дискуссия, и показывают заседание Народной палаты ГДР с дремлющими руководителями. Еще более разительным диссонансом стали репортажи о XIX партконференции, за работой которой в ГДР следили с огромным вниманием.

Беда в том, что руководство СЕПГ не хочет ничего видеть и не намерено предпринимать никаких действий. Это порождает в народе и партии чувства неуверенности, разочарования, опасения за будущее республики. Прямо скажу, заявил Зибер, что все это — предвестники кризисного состояния. Вспоминается обстановка накануне июня 1953 года, когда в результате стихийных выступлений руководство оказалось беспомощным и положение удалось спасти лишь с помощью советских танков.

По сути дела, все осознают необходимость перемен в различных областях, но прежде всего ждут перемен в руководстве. Авторитетные «старейшины» из руководства могли бы обратиться к Эриху Хонеккеру, но лучше всего было бы, если бы Генеральный секретарь сам пришел к необходимым выводам. Правильные, реалистические позиции занимают и большинство руководителей окружных комитетов.

Из личного архива В. Медведева.

Из беседы с секретарем ЦК ПОРП Юзефом Чиреком Москва, 23 сентября 1988 года

Горбачев (после приветствий). В чем смысл и причина предложения о проведении круглого стола?* Это маневр или учет реальности, с которой нельзя не считаться? Нет ли тут испуга и давления злобы дня?

Чирек. Главное — наша слабость в связи с состоянием экономики, ситуации в горной промышленности, слабость партийных организаций, особенно в низовых звеньях, отсутствие рабочего самоуправления.

Горбачев. Адекватен ли Ваш ответ значению и реальному влиянию оппозиции?

Чирек. Трагедия партии в том, что она прокладывает новые пути, а в обществе ее продолжают считать консервативной силой.

Горбачев. Действительно, это коренной вопрос. Как Вы оцениваете влияние партии на рабочий класс?

Чирек. Интеллигенция лучше видит обновительную роль партии. А в массе рабочих, особенно в низовых звеньях, нет такого понимания. Не видят рабочего курса в политике партии. Там ее не слушают и не считаются с ее мнением.

Горбачев. Может, еще не упущено время для работы в коллективах?

Чирек. Усилий прилагается в этом направлении немало. Но люди видят, что крестьяне живут лучше, частник — тоже, не говоря уже о мульти-миллионерах.

* Речь идет об идее проведения круглого стола с представителями оппозиционного движения «Солидарность» для обсуждения политической ситуации в стране. Предложение выдвинул Чеслав Кишак — тогда министр внутренних дел Польши, ключевая фигура режима военного положения, введенного Ярузельским. Пленум ЦК ПОРП по настоянию сторонников диалога с оппозицией одобрил эту идею.

Горбачев. А как ведет себя крестьянство?

Чирек. Крестьяне против забастовок, но выражают недовольство политической цен. Доходность хозяйств упала на 18 процентов. Правда, это недовольство не выливается в политические действия.

Хочу подчеркнуть, что в оппозиционном движении нет антисоциалистического характера, проявляется осторожность, боязнь забастовок, ожидание более успешной деятельности партии и правительства. Наша стратегия состоит в том, чтобы укрепить и расширить социальную базу партии. А тактика — в том, чтобы разъединить оппозицию, вовлечь ее в реалистическое конструктивное русло вместе с Валенсой, в процесс национального примирения и возрождения. С этим считается и костел, который хотел бы идти навстречу инициативе Валенсы, но первыми мы пошли навстречу.

Горбачев. А что будет с правительством?

Чирек. Это очень важный и сложный вопрос. Отпали такие возможные кандидатуры, как Малиновский, Бака, Кищак, и остановились на Раковском.

Горбачев. Это серьезная фигура. Но не сильны ли у него амбициозные устремления? До нас доходили сигналы, что он канализировал критику от правительства к партийному руководству.

Чирек. Есть мнение, что он будет стремиться переходить на высший партийный пост.

Мы хотим подавать свою позицию не как сенсацию и результат испуга, не как драматический выход, а как меру своей ответственности. Стремимся просчитывать варианты, продумать, как действовать при неблагоприятном для себя исходе, видеть опасности, связанные с легализацией политической оппозиции, стремиться к единству профсоюзного движения с плюралистическими нюансами, признанием своей ответственности за судьбу страны.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Эрихом Хонеккером
Москва, 28 сентября 1988 года**

Горбачев. <...> Отношения с социалистическими странами занимают у нас приоритетное место, а сотрудничество с ГДР имеет особое значение и для нас, для европейской и мировой политики.

Хонеккер. Мы действительно вступаем в новый этап, на котором сталкиваемся с различными проблемами. Намерены на основе решения XI съезда СЕПГ, в котором ты участвовал, решать задачи социального и научно-технического прогресса. У нас есть для этого хороший компас — это учение марксизма-ленинизма. (*Горбачев показывает на портреты Маркса и Энгельса, а Хонеккер, улыбаясь, кивает*). Что касается нашего общего развития, то здесь мы берем за главный ориентир твое выступление по поводу 70-летия Октября. Как мы могли понять из сообщения о недавней встрече с представителем-

* Э. Хонеккер во главе делегации приезжал в Москву на открытие промышленной выставки ГДР.

ми средств массовой информации, основные идеи, изложенные на праздновании 70-летия, остаются в силе.

Наши отношения находятся на таком уровне близости и доверительности, что я могу откровенно сказать о том, что нас беспокоит. В вашей печати иногда появляются публикации, не совпадающие с твоим выступлением. Они порождают у нас дискуссии. До сих пор мы проводили четкий курс и получали поддержку и понимание у своего народа и у братских партий. Надо иметь в виду, что для миллионов наших людей Советский Союз всегда был ориентиром, поэтому, когда ставятся под сомнение достижения Октябрьской революции, то это вызывает недоумение. <...>

Не мое дело оценивать нашу выставку. Но мы хотели показать советским людям и то, что умеем делать сами, и то, что создаем в сотрудничестве с СССР.

Горбачев. Знаю, что вы внимательно следите за тем, что делается у нас в стране. Руководство КПСС стремится регулярно информировать друзей.

Верну тебя к разговору, который был у нас в Берлине. Тогда я говорил, что перестройка нам жизненно необходима. Чем дальше мы углубляем свой анализ всех сфер советского общества, его развития в последние годы, тем больше приходим к выводу о правильности выбора, который был сделан в апреле 1985 года, того курса, который выработан XXVII съездом КПСС, рядом последних пленумов ЦК и особенно XIX партийной конференцией. <...>

Рад тому, что у нас есть здесь взаимопонимание. Ну, а то, что вопросы возникают, — это естественно.

Что касается публикаций, то мы будем иметь эту проблему в виду. Только не хотим прибегать к прежним методам: окрикам, командованию. <...> Люди все время боятся, как бы не поставили точку над гласностью, считают, что это означало бы конец самой перестройки.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Николае Чаушеску
Москва, 5 октября 1988 года*

Горбачев. За период, истекший после нашей последней встречи и Бухаресте, нам удалось кое-что сделать для развития советско-румынского сотрудничества. Имеется хорошая база для дальнейшего продвижения вперед.

Чаушеску. Согласен. Хотел бы отметить, что мы приехали в Москву, преисполненные желанием выявить новые возможности для дальнейшего развития разностороннего сотрудничества между нашими партиями, странами и народами. В целом наши отношения развиваются хорошо. Сотрудничество между КПСС и РКП имеет давние традиции. Особую роль мы отводим экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. Достигнутый уровень экономических отношений, как мы не раз отмечали, достаточно высок, но не отвечает современным потребностям.

По нашему мнению, нынешний визит должен обеспечить практическое продвижение в развитии широкого сотрудничества наших стран в области

экономики, науки, техники, культуры, чтобы позже нам не пришлось заниматься самокритикой в связи с невыполнением поставленных задач.

Горбачев. Или критикой друг друга.

Ход Ваших рассуждений о двустороннем сотрудничестве совпадает с нашим. Мы тоже ценим хорошие отношения с Румынией и ее руководством. Согласен я и с тем, что сотрудничество важно для наших народов, для всего социалистического содружества. Мы видим желание румынских товарищей продвинуться здесь вперед, и у нас есть встречное желание.

В прошлом году мы достигли хороших договоренностей, но на практике что-то не срабатывает. Возникает разрыв между намерениями и конкретными результатами. Что-то мешает в механизме сотрудничества. Я вижу задачу сегодняшней встречи в том, чтобы попытаться прояснить: в чем здесь дело, что тормозит выполнение договоренностей?

Вы, товарищ Чаушеску, хотели бы, чтобы в оставшиеся годы текущей пятилетки мы увеличили поставки нефти в СРР. Однако в 1987 году в связи с тем, что с румынской стороны не были обеспечены встречные поставки товаров, мы недопоставили 625 тысяч тонн по соглашению. В связи с изменением мировых цен на нефть мы несем потери, исчисляемые миллиардами рублей. Поэтому, чтобы увеличить поставки ее в СРР, нам необходимо получить от румынской стороны валютные товары.

Нужно посмотреть, что еще можно сделать для решения имеющихся проблем. Но без налаживания кооперирования и специализации дело у нас не пойдет. Между СССР и СРР установлено меньше прямых связей на уровне предприятий по сравнению с другими социалистическими странами. Такие связи имеют всего пять советских и румынских предприятий. В то же время с ГДР у нас примерно 145, а с Польшей — около 500.

Может быть, стоит передать это предприятиям, которые, наверняка, сумеют быстрее договориться. В общем, я предлагаю, чтобы главы правительств обсудили все это в практическом плане.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Мечиславом Раковским
Москва, 21 октября 1988 года*

Горбачев приветствует Раковского, выражает ему пожелания успехов в связи с принятием на себя обязанностей Председателя правительства ПНР²⁹.

В истории Польши нынешнее время — это переломный, трудный период. Идет крутой поворот к пониманию и признанию новых реальностей. Посмотрите, сколько проблем завязалось, как остро ждут они своего решения? Все социалистические страны это ощущают, у всех проблемы накладываются одна на другую. В Польше трудных проблем более чем достаточно. Мы уверены, что польское руководство с ними справится.

Раковский передает приветы от Ярузельского.

С 1982 года у нас шел подъем, несмотря на шок, вызванный введением военного положения. Но на переломе лета и осени произошло значительное

осложнение обстановки как в политическом, так и в экономическом отношении.

В конечном счете, оказалось, что Запад ободрал нас как липку. Я хотел бы дожить до того времени, чтобы по приезду в Москву мог сказать: нам ничего не нужно.

Горбачев. Обе наши страны — примерно в одинаковой ситуации. Конечно, в каждой стране есть свои особенности. Но это не затемняет главного. Дать новое дыхание социализму — это наша общая задача.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Ладиславом Адамецем
Москва, 2 ноября 1988 года*

Горбачев поздравляет Адамеца с назначением на высокий пост Председателя правительства ЧССР³⁰.

Вы пришли на пост главы чехословацкого правительства в ответственное время. Мы позитивно относимся к намерениям чехословацкого руководства творчески подходить к формированию концепции перестройки. Да и как можно копировать такое уникальное образование, как Советский Союз. <...>

Сейчас во всем соцсодружестве развернулись процессы, беспрецедентные по масштабам и глубине. Если бы дело было только в озарении каких-то людей, то ничего из этого не вышло бы. Все дело в том, что перестройку требовали объективные факторы. Политика перестройки буквально ворвалась в нашу жизнь; она была жизненно необходимой. <...>

Я хотел бы, товарищ Адамец, чтобы у наших чехословацких друзей все получилось так, как они задумали, и уверен, что получится. Сложности у вас есть, во многом они те же, что и у нас. Но ЧССР — более развитая страна в смысле уровня жизни, потенциала. Вы, однако, тоже подзадержались, нуждаетесь в обновлении структуры производственных отношений, наверное, и общественного механизма. Но об этом хотелось бы услышать от Вас.

Адамец. Состав правительства обновился наполовину. Поднялся его профессиональный уровень. Есть некоторое омоложение. Ситуация, с которой предстоит разобраться, сложная. Не хочу плакаться и драматизировать, но мы должны открыто сказать нашим людям о действительном состоянии вещей. 8 ноября представим Федеральному собранию ЧССР правительственное заявление. Оно не будет встречено с восторгом, потому что речь пойдет о непопулярных вещах. Уже третий год с начала пятилетки у нас не выполняются народно-хозяйственные планы. Рассчитывали получить 3,2 процента прироста, а получаем немногим более двух. Есть трудности на внутреннем рынке. С продуктами, правда, все нормально, но есть проблемы с ассортиментом потребительских товаров, таких как телевизоры, стиральные машины, холодильники и т.д. Снизилось качество услуг. Много бюрократических проявлений, которые раздражают трудящихся.

Конечно, жизненный уровень у нас неплохой, если сравнивать его с Польшей, Болгарией, Венгрией. Но сравнение с Австрией или Швейцарией не

в нашу пользу. Для нас не проблема закупить товары на мировом рынке. Но за месяц мы их продадим и останемся с долгами. Поэтому если мы и будем брать кредиты, то не для того, чтобы «проедать» их, а чтобы купить необходимую технику и технологию.

Я говорил с товарищем Рыжковым о возможности приехать в январе для проработки некоторых структурных вопросов. В металлургическом и машиностроительном комплексе ЧССР занято 1,1 миллиона человек, производится 70 процентов ассортимента мировой продукции машиностроения. Мы хотим ограничить количество изделий машиностроения, рационализировать производство, но без СССР это невозможно.

Теперь о перестройке. У нас к ней огромный интерес. Правда, не все симпатизируют Вашей политике, в том числе есть такие и среди руководства. Думаю, это те, кто раньше жил хорошо, спокойно и не хочет никаких перемен. Есть такие, кто идеализирует перестройку, ждет, что сразу появится много товаров, а вот о том, что для этого надо поработать, предпочитают не думать.

Есть, наконец, такие, кто считает, что перестройка в ЧССР идет слишком медленно, и критикуют за это руководство. Лично я — на их стороне и в деятельности правительства намерен делать упор на конкретные дела.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
13 апреля 1989 года
Об итогах визита Горбачева на Кубу*

Горбачев. В лице Фиделя мы имеем человека, с которым можно вести любой разговор на любом интеллектуальном уровне. Талантливый, политически опытный лидер. Однако если что и возникает у него там, то мы далековато, чтобы помогать непосредственно.

Визит начался настороженно. Ведь мы очень разные. Другое это общество — в смысле культуры, истории. У них темп жизни другой. Требовать, чтобы Куба делала перестройку, да еще как у нас — это повторять то же самое, что мы хотели от Афганистана, когда туда направлялись. Теперь мы вышли не только из ситуации, но и из менталитета командования. Каждому — свое. Нравится им что-то или не нравится, беспокоит или не беспокоит — это их проблема. А нас что, не беспокоит, что происходит у друзей? Беспокоит. Но это не предлог для нравоучений и вмешательства.

Не надо драматизировать и бросаться принимать «решительные меры» после получения очередной шифровки. А ведь те, кто такие шифровки составляют, наверное, думают, что хорошо бы попугать начальство в Москве, чтобы там не спали.

Если мы хотим кубинцев или кого-то двигать в перестройку, давайте еще 20 миллиардов им дадим. Они у нас лишние? Надо быть диалектичным и доверять им. Они на революционных лозунгах повернули страну и держатся. Другой вопрос: не все у них получается и получилось.

В магазинах практически ничего нет. По талонам тоже брать нечего. Но народ все-таки разобрался, что к чему. Очень интернационалистически настроено общество, очень оно своеобразное и специфичное. Пусть они занимаются своей «ректификацией», и не будем их подозревать. И помнить, что на Кубу идет огромное давление со всех сторон — через средства массовой информации, через политику.

Я увидел там, в руководстве, склонность к пониманию реалий. Фидель прямо говорил мне, что он против экспорта революции, но он против и экспорта контрреволюции. Он тоже за свободный выбор.

Фидель был с визитом в Венесуэле, там вышел на широкие контакты с деятелями Латинской Америки. И впервые лично увидел всю неоднозначность мира. Изоляция его привела к сектантству. Услышал он там и мнение, что перестройка наша открывает возможности для всей Латинской Америки двигаться вперед.

В окружении Фиделя очень много всяких людей, и не всем он доверяет. И ему не все доверяют, даже Рауль в его присутствии осторожничает. Так что деваться нам некуда. Надо Кубу брать такой, какая она есть. Политику в принципе менять не надо, но наполнять ее новым содержанием нужно.

О Никарагуа договорились, что они советников отзовут оттуда, мы же прекращаем поставки оружия. Фидель просил передать привет Тэтчер (*прямо с Кубы предполагалось лететь в Лондон*): хочет вылезать из изоляции, рассчитывает на понимание в Лондоне.

Но будущее у него трудное. Да, держится на энтузиазме. И нам бы, кстати, его подбавить, и дисциплины, и ответственности тоже.

Конечно, нам все труднее с Кубой. Поджимает нас расходование средств.

ПБ. С. 482–483.

*Из беседы с Милошем Якешем
Москва, 18 апреля 1989 года*

Якеш передает приветствие советскому руководству, в том числе от Гусака. **Горбачев.** Как он?

Якеш. Лучше, хотя работать ему все еще нелегко. В целом Гусак помогает мне, поддерживает перестройку, но иногда занимает и другие позиции, начинает сомневаться, будет ли полезно то или иное решение.

Горбачев. Вокруг тебя много таких, кто занимает другие позиции или сомневается?

Якеш. Не так уж много.

Горбачев. Наверное, Индра³¹ бурчит, Фойтик³²?

Якеш. С Фойтиком работать пока еще можно, перестройку он поддерживает, хотя жалуется на вашу печать. Действительно, если бы все читали у нас «Правду», то было бы неплохо. Но читают чаще «Спутник», «Московские новости», «Огонек», а там много такого, что вызывает непонимание у наших людей, особенно у старых членов партии.

Сильное влияние оказали на нас решения вашей партийной конференции, а в самое последнее время большой отзвук имели выборы народных депутатов.

Горбачев. Это была непростая кампания. Выборы проходили в сложной обстановке, когда существует большое напряжение на рынке. Многие советуют нам сейчас взять кредиты, купить продовольствие и товары за рубежом. Но это путь Польши и Венгрии. Им приходится теперь идти буквально по лезвию бритвы, чтобы как-то выходить из положения. Мы этого допустить не можем, не имеем права, должны выстоять какое-то время, но создать собственную качественную базу для удовлетворения потребностей населения.

Якеш. Хочу сказать, Михаил Сергеевич, что мы всецело поддерживаем вашу перестройку. Характер процессов, происходящих у нас в стране, похож на то, что делается в СССР. Это особенно касается экономики. В политической системе у нас есть различия, в частности в ЧССР — многопартийная система.

А общие выборы проведем в 1991 году, главным образом по многомандатным округам. Вероятно, будет шесть мандатов, чтобы была возможность состязаться разным людям — рабочему, крестьянину, интеллигенту, представителям различных партий. Новых партий нам не нужно, но существующие должны получить большие возможности и ответственность. От них сейчас есть министры, но без портфеля. Но почему бы, скажем, не быть министру здравоохранения?

Словом, основное изменение, которое мы планируем в национальном фронте, — поднять роль союзных партий и общественных организаций. К сожалению, мы действительно нередко находимся в обороне...

Хочу сказать, что мы все поддерживаем внешнюю политику КПСС, Ваш личный вклад в нее.

Горбачев. Это наша общая политика, и Запад пока не может дать на нее адекватного ответа.

Якеш. Мы высоко оцениваем состояние наших отношений с Советским Союзом. Они имеют для Чехословакии жизненное значение. Для вас, кстати, не такое, поскольку СССР — великая страна.

Горбачев. Не совсем так. Мы тоже не можем жить без сотрудничества с Чехословакией, ГДР; сильно связаны с вами. Другое дело, что есть в нашем сотрудничестве большие резервы. Никак мы не выведем его на высокий уровень кооперации. Очевидно, это упирается главным образом в расчетные механизмы.

Якеш. Да, порой легче вступить в кооперацию с западными предприятиями.

Горбачев. Это тема для рабочей встречи генсеков. Наверное, придется еще раз провести совещание секретарей по экономике. Если мы встретимся и не сумеем принять эффективных решений, — это будет не очень хорошо.

Горбачев. Мы с тобой когда-то начинали говорить на тему о том, что «Уроки кризисного развития»³³ в основном сохраняют свое значение, хотя детали их устарели, несут отпечаток своего времени. Помню, говорили тогда,

что на первом этапе события носили нормальный, конструктивный характер. Речь шла об исправлении ошибок и намерении обновить социализм.

Якеш. Да, это можно сказать о периоде с декабря 1967 до марта 1968 года.

Горбачев. Словом, надо, видимо, четко дифференцировать разные этапы событий.

Якеш. Мы подчеркиваем, что политика, выработанная в январе 1968 года, была правильной, но партия потеряла контроль над ее реализацией. Виновато руководство, Дубчек. Ведь вначале именно ЦК выступал с революционными переменами, поставил вопрос об освобождении Новотного (*с поста Первого секретаря ЦК КПЧ*). Народ этого не требовал. Он привык, что всё делают ЦК и правительство. Пусть они, мол, и решают, а мы и так неплохо живем.

Изменить такие настроения — самое трудное, потому что люди действительно прилично живут, нередко ничем не занимаясь: сходят на работу, три часа что-то поделают, газетку почитают, а дальше отправляются где-нибудь подзаработать или отдохнуть.

Такая же обстановка была в 1968 году. Тогда тоже нужна была перестройка, но мы ее проиграли. И сейчас она объективно необходима, потому что возможности экстенсивного развития в стране исчерпаны. Но это требует участия большинства людей, что, в свою очередь, нуждается в демократизации экономики, политики, партии. А пока народ по-прежнему ждет, что его облагодетельствуют сверху.

О партии. В КПЧ сейчас 1 миллион 700 тысяч членов — это 15 процентов взрослого населения. К сожалению, коммунисты в большинстве своем не очень активны. В трамваях, на улице больше помалкивают, не готовы вступать в открытые политические дискуссии.

В руководстве у нас большие перемены: из Президиума ЦК ушли четверо, пришли семь новых товарищей. В результате средний возраст его членов понизился на 11 лет. В секретариате ушло шесть человек, пришло пятеро. В ЦК КПЧ создано 13 комиссий, в их составе не только члены ЦК, но и другие коммунисты. Ограничиваем пребывание на руководящих постах 10-ю годами, это относится и к руководителям партийных организаций. Большинство секретарей обкомов партии работают сейчас три-четыре года.

Принято решение ускорить подготовку съезда КПЧ, который состоится в мае будущего года. На нем примем тезисы Программы партии, новый Устав, обсудим проект новой Конституции. Все документы будут вынесены на обсуждение. Собираемся существенно обновить состав ЦК. В нем сейчас 60 процентов людей, не занимающих никаких должностей.

Что касается «Уроков кризисного развития», то мы их в основном придерживаемся. <...>

Горбачев. Главное — двигать реальный процесс перестройки.

Якеш. На этом этапе другой подход был бы ошибочным. Я знаю, на Вас давят, чтобы Вы посоветовали нам изменить оценку событий 1968 года.

Горбачев. Вы знаете нашу позицию. Я все время повторяю, что был январь с правильной постановкой вопросов, но летом дело шло к контрреволюции. Когда я был у вас с визитом, кое-кто, может быть, ждал от меня других заявлений, но ничего такого не услышал.

Якеш. Один ваш профессор из МГИМО выступал у нас с лекцией, в которой были такие высказывания. Поэт Евтушенко заявил, что через несколько месяцев в СССР будет другое отношение к 1968 году.

Горбачев. Это его личное мнение.

Наша беседа была очень полезной. Нельзя ни в коем случае упускать из вида, что наши страны вступили сейчас в полосу коренного перелома развития социализма, его обновления на базе тех достижений, которые мы имеем, с учетом традиций и опыта, а также задачи приспособления к современным условиям развития мировой цивилизации. Это важно понять, чтобы не оказаться на обочине и не потерять время.

У нас много общего. Советский Союз связан с Чехословакией в политике и экономике, по линии партийной и общественной. Но при всем том есть и немалые различия, о которых ты правильно говорил. Они должны учитываться при определении характера и темпов преобразований. Что верно для всех, так это необходимость идти вперед. Мы проигрываем, когда отстаем от хода событий, от настроений масс, от общественных потребностей. А если коммунисты запаздывают, их начинают опережать, они оказываются в обороне перед оппозицией.

Вы критически оценили путь, пройденный после 1968 года, а нам пришлось вернуться к оценке всего послеленинского периода. Как бы то ни было, речь идет о том, чтобы сейчас действовать более активно. Спекуляции Запада рухнут, да и у диссидентов будет выбита почва из-под ног, если все увидят, что вы двигаетесь вперед. Ты рассказал об очень интересных планах, но важно, чтобы все общество знало об этой работе партии. Там, где недостаток информации, всегда возникают всякого рода домыслы.

Словом, давайте активно сотрудничать, поддерживая друг друга, двигаться вперед. При больших общественных поворотах не обойтись, видимо, без пены экстремизма. Но и мы умнеем, овладеваем перестроечным процессом и включаем защитный механизм демократии.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На встрече в «узком составе» руководителей правящих партий
стран Варшавского Договора
Бухарест, 8 июля 1989 года*

Открывая встречу, **Чаушеску** сообщил, что Хонеккер не может присутствовать из-за болезни. СЕПГ представляет на встрече Председатель правительства ГДР Вилли Штоф³⁴. Первое слово Предоставлено Генеральному секретарю ЦК КПСС.

Горбачев. Потребность обменяться информацией и мнениями по актуальным проблемам социалистического строительства у всех, очевидно, большая. Обстоятельный разговор может состояться на Рабочей встрече генеральных секретарей братских партий, которую было условлено провести в Чехословакии. Встреча готовится, «бригадиром» там будет товарищ Якеш.

Сегодня же коснусь лишь того, что всех нас беспокоит прежде всего. Естественно интерес к внутривнутриполитическому развитию в наших странах. Всем нам

небезразлично, как идут дела друг у друга. Ведь это — наша судьба, а с учетом международной роли социализма — это судьба всего мира.

До нас доходит и озабоченность друзей, связанная с процессами обновления социализма в Советском Союзе.

Перемены, идущие у нас, носят не тактический, не конъюнктурный характер. Это не какая-то краткосрочная предвыборная кампания, имеющая целью всего лишь снять на какое-то время остроту положения. Это процесс глубоких, коренных преобразований.

Понятно и желание друзей разобраться в том, что происходит в Советском Союзе. В некоторых озабоченностях, которые в связи с этим проявляются, звучит иногда, к сожалению, одна нота, которая не адекватна проблеме. Проявляется порой не только тревога, но и боязнь, даже с оттенком панических настроений. Кому-то кажется, что чуть ли не рухнет социализм и вся наша система. Вот с учетом таких настроений и хотелось бы сказать здесь о наших делах.

Жизнь каждый день выдвигает проблемы, которые остро затрагивают самые различные общественные круги. Мы находимся как бы под их прессом. Из-за повседневных забот не всегда удается оценить этап, контекст, в котором развиваются события. Но не поняв этого, можно лишь запутаться в частностях.

Потому необходимо, оценивая происходящие в Советском Союзе перемены, приподняться с насиженных кресел, взглянуть на события с более высоких — исторических, философских позиций. <...>

Мы долго и обстоятельно размышляли над процессами, идущими в мире. И пришли к выводу, что назрел переход от складывавшегося десятилетиями международного порядка к другому. И каким будет этот другой порядок, во многом зависит от процессов развития социалистических стран.

Поэтому мы считаем, что по всем линиям нашего сотрудничества — и в Совете Экономической Взаимопомощи, и в Организации Варшавского Договора, и на встречах генеральных секретарей необходимо способствовать адаптации социализма к вызовам времени, современного этапа НТР. Без этого мы не решим историческую задачу раскрытия потенциала социалистического строя.

Реалистический подход не позволяет закрывать глаза на накопившиеся проблемы и недостатки, которые имеются во всех социалистических странах. Конечно, в каждой свои, у одних — больше, у других — меньше. Только объективный, точный анализ причин позволит наметить пути их преодоления.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Эрихом Хонеккером
Берлин, 7 октября 1989 года**

Горбачев. <...> Вчера в твоём выступлении на торжественном заседании убедительно показаны достижения республики. Хорошо, что ты бросил так-

* Встреча состоялась во время пребывания М.С. Горбачева в Берлине на праздновании 40-летия ГДР.

же взгляд в будущее. В такой день и в такой речи, видимо, не было необходимости развивать эту тему. Как я понимаю, этим вам придется заниматься и сразу после праздника, и в ходе подготовки съезда. Проблемы, которые нас с вами беспокоят, нуждаются в этом. Инициатива должна быть за партией, руководством, опаздывать нельзя. Социально-экономическая ситуация у вас благоприятнее, чем у нас, и на этой базе можно двигать назревшие процессы в области политики, демократии.

Скажу о нашей перестройке. <...> Мы можем с полным основанием говорить, что речь идет о новой революции. Но это — революция в революции, а не отрицание ценностей, лозунгов и идеалов Октября. Раскрытие этих идеалов в новой ситуации и на основе уже достигнутого. Нам надо освободиться от всего, что мешает обществу дышать полной грудью и идти широким шагом.

Хонеккер. <...> Братское сотрудничество ГДР и Советского Союза вошло в кровь большинства населения. И хотя в наших отношениях были свои подъемы и спады, определяющее значение всегда имело сотрудничество КПСС и СЕПГ.

Сейчас наши противники требуют реформ. Партия должна усилить работу по разъяснению некоторых идеологических вопросов, которым уделялось недостаточное внимание. В ходе подготовки к съезду мы эти проблемы решим. Создали ряд комиссий, одна из них занимается анализом, каким будет социализм в XXI веке.

О наших проблемах я сказал в своем вчерашнем выступлении. Мы находимся на границе ОВД и НАТО, существует раскол Германии. Это является источником нарастающей классовой борьбы во всех сферах. Коль сказал в интервью, что если ГДР вступит на путь реформ, ФРГ окажет ей помощь. Но мы не позволим диктовать нам правила поведения.

Накануне событий в Венгрии³⁵, о которых я жалею, Немет³⁶ был гостем СДПГ. Они договорились, что ФРГ предоставит кредит в 550 миллионов марок, если венгры откроют границу. И венгры пошли на это. А у нас до 3 миллионов туристов ежегодно ездили в Венгрию. В связи с этими событиями мы вынуждены отменить безвизовый обмен с ВНР.

Сегодня в Будапеште будут, очевидно, приняты решения, направленные против социализма. Я получил тревожную телеграмму Гросса, но мы отсюда ничем не можем им помочь. Потерять Венгрию как социалистическую страну тяжело. Все это вызывает у нас опасение: куда движется социализм?

На Западе разложение некоторых стран — Венгрии, Польши — рассматривают как повод для нанесения удара по социализму. Сейчас сосредоточивают силы против ГДР. Коль, встречаясь со мной, говорил хорошие слова против нацизма, а на съезде ХДС стал утверждать, что социализм якобы провалился, победила западная демократия. Демонстрируют и военную мощь. В ФРГ готовятся к маневрам, в которых будут участвовать 250 тысяч.

Горбачев. Я разделяю мнение о сложности процессов, происходящих сейчас в странах социализма. Запад обещает большие подачки за сдачу позиций. Нас тоже агитируют взять побольше кредитов. У нас непростые процессы в обществе, но подобраться к нам трудно. Другое дело — Венгрия и Польша.

Там ряд лет создавалось благосостояние на искусственной базе, и это теперь поставило их в положение зависимости.

Хонеккер. Что касается событий у вас, то мы приветствуем сентябрьский Пленум ЦК. На нем было справедливо сказано, что нельзя давать простор демагогам. Однако в советских журналах, распространяемых у нас, есть много неприемлемого. Надеюсь, вы простите нас за то, что мы напечатали статью о пребывании Ельцина в США?³⁷

Горбачев. Мы были разочарованы только тем, что «Правда» перепечатала статью из буржуазной прессы, как будто не могла высказать собственное мнение.

Хонеккер. Сложившуюся у нас ситуацию мы уже обсуждали и продолжим дискуссию во вторник. Ясно, что нужно укреплять общественную структуру путем более широкого вовлечения населения в осуществление назревших мер. Я договорился встретиться с руководителями партий Народного фронта. Необходимо, чтобы СЕПГ и другие партии, профсоюзы действовали в одном направлении.

На пути к XII съезду особое значение приобретает идеологическая работа. В целом у рабочего класса и особенно крестьянства хорошее настроение. Трудящиеся поддерживают линию партии. Вопросы, конечно, есть, но наше счастье, что мы своевременно взялись за социальные проблемы, и в первую очередь решили вопрос с жильем.

Подытоживая сказанное, подчеркну, что мы делаем то, о чем договорились еще на первой встрече. По сравнению с Советским Союзом ГДР — маленькое государство, но это страна с большим потенциалом в индустрии, науке и технике. И очень важно, что у нас с вами сейчас единство по всем основным вопросам.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На встрече с членами Политбюро ЦК СЕПГ Берлин, 7 октября 1989 года

Открывая встречу, Хонеккер отметил плодотворность уже состоявшейся беседы с Горбачевым, заявил, что она проходила в обстановке полного единодушия и взаимопонимания, боевого единства и солидарности. В этой связи Горбачев заметил, что если сразу начать так сильно хвалить его беседу с Хонеккером, то товарищи могут упрекнуть нас в недостатке самокритичности.

Хонеккер поблагодарил советского руководителя за выступление на торжественном собрании во Дворце республики, выразив особое удовлетворение тем, что в этом выступлении подчеркнута важность укрепления суверенитета ГДР, плодотворность ее сотрудничества с Советским Союзом во всех сферах общественной жизни и прежде всего в овладении достижениями научно-технической революции.

Горбачев (после поздравления членов Политбюро, секретарей ЦК СЕПГ с 40-летием ГДР). Юбилей ГДР, ее успехи никого, конечно, не освобождают от забот и ответственности за дальнейшее развитие страны.

Я уже говорил товарищу Хонеккеру и хочу повторить здесь еще раз: ГДР для нас — это самый приоритетный и важный стратегический союзник и партнер. Из этого исходит наша политика, этим определяется наше отношение к вашему народу, партии, государству.

Мы были действительно единомышленны с товарищем Хонеккером в том, что, оценивая нынешние процессы в наших странах и в целом в социалистическом мире, важно воспринимать те новые импульсы, которые даются современным общественным развитием.

Размышляя в эти юбилейные дни над нашими общими проблемами, прихожу к выводу о том, что в докладе товарища Хонеккера исключительно важной является та его часть, где затрагивается тема о ваших планах на будущее.

Конечно, в юбилейном докладе положения, касающиеся перспектив развития, не могли быть развернуты достаточно широко. Но сама мысль о необходимости перемен в обществе исключительно важна: и в базисе, и в надстройке, особенно в сфере демократии с акцентом на более полное и реальное включение трудящихся в преобразовательные процессы. Видимо, у вас уже началась работа по подготовке к съезду, который должен означать поворот к новому этапу развития страны.

Я, правда, сказал Эриху, что, видимо, вам будет во многом легче, чем нам. У вас нет такой напряженности в социально-экономической сфере. Но принять решение о политических переменах — это тоже очень нелегкое дело. Вас ожидают времена, которые потребуют мужественных решений. Говорю об этом, исходя из нашего опыта. Наша перестройка привела нас к выводу, что дело революции не получит поддержки трудящихся, если не будут улучшаться условия их жизни. Но оказалось, что проблема колбасы и хлеба это еще не всё. Люди требуют новой общественной атмосферы, больше кислорода в обществе, тем более, что речь ведь идет о социалистическом строе. Это я говорю, чтобы напомнить о проблемах, с которыми мы сталкиваемся у себя. Образно говоря, люди требуют не только хлеба, но и зрелищ. Если понимать это в широком смысле, то речь идет о необходимости создания не только материальной, но и социально-духовной атмосферы для развития общества. Мне думается, что это урок для всех нас. Здесь важно не упустить шанс. Партия должна и здесь иметь свой взгляд на эти проблемы, свою четкую политику и в этом отношении. Когда мы опаздываем, жизнь нас наказывает.

На собственном опыте, на опыте Польши и Венгрии в особенности, мы с вами убеждались: если партия делает вид, что ничего особенного не происходит, не реагирует на требования жизни, она обречена. Мы переживаем за здоровье силы в Польше и Венгрии, но помочь им очень непросто. Ведь там были сданы многие позиции потому, что вовремя не дали ответа на требования жизни, процессы приняли болезненный характер. Польские товарищи не использовали возможности, которые открылись перед ними в начале 80-х годов. Да и в Венгрии Кадар уже на исходе жизни глубоко переживал, что вовремя не сделал того, что должен был и мог сделать. Так что у нас с вами остается один выбор — решительно идти вперед, иначе будем биты.

Это тем более верно, если учесть, что на Западе, как мы с тобой отмечали, Эрих, уже потирают руки, предвкушая социальный реванш в глобальном масштабе, сужение сферы социализма. Тем более важно не медлить — это грозит поражением.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Ярузельским и Раковским
Берлин, 7 октября 1989 года*

Горбачев (кратко информирует о своих беседах с Хонеккером и членами Политбюро ЦК СЕПГ). <...> Социалистический мир нуждается в переменах. За опоздание приходится платить дороговую цену.

Раковский. Здесь сейчас говорят и мечтают о том, чтобы Вы, Михаил Сергеевич, принесли «второе освобождение» Германии.

Горбачев. Хотел бы сказать о Польше. У нас и в руководстве партии, и в обществе очень переживают за положение в Польше, за ПОРП, ее руководство. Я много размышляю над этими проблемами. За годы непосредственного общения с вами я стал как бы ближе к Польше, и поэтому особенно близко к сердцу принимаю все, что у вас происходит.

Нас в Союзе нередко буквально допрашивают: как это мы допустили такой ход событий в Польше? Думаю, что в какой-то мере такая постановка вопроса оправдана, поскольку КПСС, Советский Союз объективно играли и играют ведущую роль. И если не происходило своевременных и необходимых перемен у нас, то как бы блокировались перемены и у друзей. Но когда начались перемены в КПСС, это дало позитивные импульсы и для других. Другое дело, что старты развития каждой партии, каждой страны не одинаковы. Кое-где уже слишком многое упущено. Вы сами это видите и знаете. Но возвращаясь к Польше, я бы не терял оптимизма, уверенности в том, что ход дела еще может быть выправлен. Народ должен еще убедиться, что руководство ПОРП не было худшим. Поэтому не надо теряться и отчаиваться. Нынешний шок должен пройти³⁸.

Характерно признание Мазовецкого³⁹, что, по сути, дела без участия ПОРП сейчас невозможно управлять Польшей.

Не вижу достаточно глубоких причин, чтобы вы сдавались. Самокритично оценивая ошибки, надо избавляться от бесконечного синдрома вины. Необходима новая политика, в том числе по отношению к союзникам. Жизнь их тоже будет учить.

Мы сохраняем и будем соблюдать все договоренности, которые имеются у нас с вами. Вы можете в полной мере, по-крупному использовать объективную необходимость сохранения и развития отношений между Польшей и Советским Союзом. Давайте нам своевременно знать о ваших соображениях, сомнениях и предложениях на этот счет. Важно не дать разрушать тот большой позитив, который нами наработан за ряд лет. Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Польши, но нам совершенно не безразлично, как и куда будет развиваться Польша.

Приглашаю Мечислава с рабочим визитом на денек к нам 11 октября. Наверное, несколько сложнее будет определиться с датой визита Президента Польши.

Ярузельский. Буш пригласил меня в США в начале 1990 года, а Мазовецкого — в течение года. Конечно, целесообразно мне нанести визит в СССР до поездки в США.

Большое спасибо, Михаил Сергеевич, за то, что Вы откровенно поделились с нами Вашими соображениями относительно положения в Польше. Я полностью разделяю Ваши оценки. Сейчас важно не паниковать. Может быть, в перспективе еще возможна и победа. Но конечно, ради этого нужно много потрудиться и реалистически смотреть на развитие ситуации.

Когда мы любой ценой защищали партию, образно говоря, пряча ее под государственный зонтик, то объективно мы ее тем самым ослабляли.

Конечно, ПОРП уже не та, что в 70-е годы. Но произошедшие перемены в партии еще далеко не адекватны требованиям времени. Поражение ПОРП на выборах и при формировании правительства дает нам, однако, шанс для самокритичной переориентации.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Мечиславом Раковским
Москва, 11 октября 1989 года**

Горбачев. Главный смысл нашей встречи в том, что мы хотим знать о процессах в Польше всё. Это важно для нас со многих точек зрения. Мы повязаны одной судьбой. Поэтому нужно сделать всё, чтобы возникшее новое качество советско-польских отношений сохранить. Нельзя растерять этот капитал.

Мы намерены конструктивно вести дело с новым польским правительством.

Что касается визита в Москву Мазовецкого, то к нему надо как следует подготовиться. Пусть этим займутся министры, потом встретятся премьеры. Нам, прямо скажу, надо присмотреться к новому правительству. Можно предусмотреть встречу с Мазовецким и у меня. Если ваш премьер захочет раньше поехать в США, пусть едет. Словом, чрезмерно спешить со встречей в Москве, видимо, не стоит.

Некоторые рассуждают так, что как будто мы бросили Польшу и как бы со стороны наблюдаем за тем, как поляки дерутся между собой. Такой взгляд не имеет ничего общего с реальностью, ибо для нас потеря Польши как дружественной страны и союзника была бы стратегической потерей. <...>

Зная интеллектуальные способности нынешнего Первого секретаря ПОРП, думаю, что он направит их на развязывание тугих политических узлов на пути ПОРП. Думаю, что у нас есть основания закончить нашу бесе-

* В июне 1989 года, после неудачного для ПОРП исхода выборов в Сейм, М. Раковский был избран Первым секретарем ЦК ПОРП, сменив на этом посту Войцеха Ярузельского. Раковский — последний руководитель ПОРП, которая в январе 1990 года была преобразована в Польскую социалистическую партию.

ду на ноте оптимизма. Не розового оптимизма, а круто замешанного на реалистических подходах к жизни во всей ее сложности. Необходимо преодолеть все временные колебания и сомнения и действовать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

***На Политбюро
12 октября 1989 года
О беседе с Раковским***

Горбачев. Военно-административные методы, говорил мне собеседник, принесли обратный результат. Сажать и выпускать из тюрьмы — не метод руководства государством. <...> ПОРП, находясь «под зонтиком госбезопасности», оказалась неготовой к политической борьбе. Какая махина, говорит, эта наша партия (*ПОРП*) и какая беспомощность! Как у нас — один к одному. Жаловался на ностальгию по простым и ясным решениям.

А у нас что, не так? Предстоит, говорит он, доказать еще, что социализма можно добиться без диктаторских методов. Но демократия и без хлеба долго жить не может. На последних выборах была проявлена недопустимая самонадеянность и их результаты повергли в шок.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Часть 2. Кризис в странах Восточной Европы Распад социалистического содружества (ноябрь 1989 – 1991 годы)

Советская перестройка открыла перед союзными странами возможность встать на путь глубокого демократического обновления. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы могли стать одним из динамично развивающихся регионов современного мира — частью «европейского дома» и одновременно его связующим звеном между Западом и Востоком.

Эта возможность не была реализована. Свою роль сыграли глубина и тяжесть накопившихся проблем. Причина, видимо, в том, что на рубеже, когда основные компоненты реформ в СССР и в рамках содружества определились и началась их практическая реализация, обнажились глубинные противоречия и застарелые проблемы социалистического строя — экономического, политического и идеологического порядка.

Повлияло и трехкратное падение мировых цен на нефть. Оно вызвало серьезные валютно-финансовые трудности не только у СССР, но и у других соцстран. Начавшееся в СССР падение добычи нефти из-за ее убыточности на ряде промыслов вынудило сократить поставки топлива в соцстраны. Для некоторых из них продажа части советской нефти и продуктов ее переработки была существенным источником валютных ресурсов.

Отсюда — настойчивые просьбы, почти требования — увеличить поставки нефти, даже со стороны Румынии, обладающей собственными ее источниками. И в то же время продолжалось глухое сопротивление призывам решать валютно-финансовые проблемы на путях общего повышения эффективности экономики и углубления производственной кооперации, научно-технического сотрудничества, реформирования экономического механизма связей.

В сознании большинства населения европейских соцстран теперь уже не подспудно, а в открытых формах, в значительной степени под влиянием советской перестройки и событий в мире сложилось убеждение в необходимости глубоких демократических перемен. При этом вначале, как правило, это стремление не выходило за пределы представлений о гуманном, демократическом социализме с реальными правами и свободами, политическим и экономическим плюрализмом. Но в правящих партиях и государственных структурах «правили бал» консервативные силы, заинтересованные в сохранении старых порядков и своей власти.

Лишь в Польше и Венгрии были сделаны определенные шаги в сторону либерализации политического и экономического режима. Польское руководство во главе с Ярузельским, проявив реализм и немалое мужество, пошло на официальное признание «Солидарности» в качестве политического партнера в рамках «круглого стола» с его представителями. По итогам выборов в Сейм было образовано коалиционное правительство, возглавленное Мазовецким — представителем «Солидарности». Ярузельский еще некоторое время оставался Президентом ПНР. В январе 1990 года ПОРП была преобразо-

вана в Польскую социалистическую партию, которую возглавил Александр Квасьневский. В дальнейшем она сохранила за собой роль важного игрока на польском политическом поле и на какое-то время возвращалась к политической власти.

В Венгрии еще при Кадаре были сделаны осторожные, с оглядкой на «старшего брата», шаги в сторону рыночной экономики. А после ухода Кадара в руководстве ВСРП началась открытая борьба между «консерваторами» (К. Грос, Д. Тюрмер) и «либералами» (Д. Хорн, И. Пожгаи, М. Сюреш, Я. Барабаш), которая привела к поражению партии на очередных выборах и ее расколу. Консервативная часть ВСРП превратилась в микропартию, не представленную в парламенте. А Венгерская социалистическая партия сохранила серьезные политические позиции, и в дальнейшем ее лидер Дьюла Хорн в течение ряда лет возглавлял правительство.

В других же европейских соцстранах — членах Варшавского Договора — руководство вплоть до осени 1989 года «стойко» держалось безнадежно устаревших позиций.

И развязка не замедлила наступить...

В такой обстановке процессы в социалистическом содружестве, привели к его распаду, который приобрел и взрывной характер. Упорное сопротивление реформам (ГДР, Румыния) привело к насильственному свержению режимов в результате массовых народных выступлений. «Бархатными революциями» дело обошлось в Чехословакии и Болгарии.

Началось с протестов населения против введенных властями ГДР ограничений выезда на Запад. Через Венгрию в Австрию устремились на Запад тысячи восточных немцев. Большие группы, а кое-где толпы людей стали собираться около консульских пунктов в ГДР, в местах переходов в Западную Германию. Начались мощные массовые волнения в Берлине, Дрездене и Лейпциге — стотысячные и полумиллионные митинги.

Недовольство политикой Хонеккера прорвалось даже во время официального грандиозного факельного шествия в Берлине по случаю 40-летия ГДР. Демонстранты несли транспаранты, прославляющие СЕПГ и его вождя, но в то же время скандировали призывы к советскому гостю: «Горбачев, помоги нам».

В середине октября на заседании Политбюро ЦК СЕПГ был поставлен вопрос об отставке Хонеккера, а 18 октября пленум ЦК освободил его от обязанностей Генсека, а еще через несколько дней он перестал быть и Председателем Госсовета. На эти посты был избран Эгон Кренц. Но даже исключение Хонеккера из партии, арест его ближайших сподвижников не предотвратили нарастания стихийного протеста, приведшего к разрушению Берлинской стены и смене режима. Уже в начале декабря 1989 года Политбюро ЦК СЕПГ и весь состав ЦК подали в отставку, на чрезвычайном съезде новым Председателем СЕПГ был избран Грегори Гизи.

Вскоре столь же мощное демократическое движение привело к падению авторитарного режима Т. Живкова в Болгарии. Его на посту Генерального секретаря БКП сменил Петр Младенов, но ненадолго. В апреле 1990 года БКП была преобразована в Социалистическую партию, а ее лидером стал

Александр Лиллов — еще недавно бывший «партийным диссидентом». На очередных выборах партия лишилась большинства в парламенте и образовалось антикоммунистическое правительство.

В Чехословакии студенческая демонстрация 17 ноября положила начало волне митингов и демонстраций, захлестнувших Прагу, Брно, Братиславу. Под угрозой всеобщей забастовки Якеш заявил об отставке Президиума и секретарей ЦК КПЧ. Новое руководство заявило о пересмотре оценки событий 1968 года. Советское правительство и руководство других соцстран тоже осудили свою военную акцию 1968 года в отношении Чехословакии. В самом конце 1989 года президентом Чехословакии стал лидер оппозиции, писатель и драматург Вацлав Гавел.

Чаушеску попытался подавить массовое движение силами госбезопасности. Кровавые столкновения кончились самосудом и казнью диктатора и его жены. Президентом страны стал Ион Илиеску — выходец из РКП, но давний противник Чаушеску.

Общий кризис захватил Югославию. На первый план здесь вышли проблемы внутрисоюзных, межнациональных отношений. Сербское руководство, поняв невозможность сохранения югославской федерации в прежнем виде, попыталось удержать силой населенные сербами территории других республик, а также косовскую автономию. Кровавые столкновения на территории бывшей Югославии вновь превратили Балканы в пороховую бочку Европы.

Обвальные перемены конца 80-х — начала 90-х годов не затронули социалистические режимы в странах Азии и на Кубе. Лишь в Монголии властная монополия одной партии была поколеблена. В Китае после подавления оппозиционного выступления летом 1989 года (расстрел на площади Тяньаньмынь) был продолжен курс на либерализацию экономики при сохранении монополии Компартии и прежних институтов власти. Вьетнам под влиянием советской перестройки и китайского опыта успешно развернул экономические реформы. Сохранились политические и экономические структуры на Кубе и в Северной Корее, но вследствие распада мировой социалистической системы они практически оказались в международной изоляции.

В этих условиях советскому руководству приходилось маневрировать, имея дело с самыми разными политическими силами и быстро меняющимися обстоятельствами — в условиях, когда сам Советский Союз оказался в глубоком кризисе.

Документальные свидетельства

*Из беседы с Эгоном Кренцем
Москва, 1 ноября 1989 года*

Горбачев. Советских людей глубоко интересует все, что происходит сейчас в ГДР. Надеемся получить от Вас самую живую информацию, хотя, конечно, мы многое знаем. Ситуация в ГДР, судя по всему, набирает высокие

темпы. Нет ли опасности отстать от перемен. Мы с вами, помните, еще в Берлине говорили, что отставание — это всегда проигрыш. Знаем это и по собственному опыту.

Хорошо, что вы признали необходимость диалога, иначе не может действовать серьезная партия. Люди сейчас у вас высказывают различные суждения. Важно умело управлять этими процессами, не пугаться их. Это я тоже говорю, опираясь на собственный опыт. Иногда приходилось заставить некоторых своих товарищей в угнетенном состоянии, которое вызывалось нахлынувшими в нашей жизни крутыми переменами. Я всегда говорю в подобных случаях: мы же сами стремились вызвать перемены, и теперь они начались.

Кренц. <...> На Политбюро мы пришли к выводу, что политический кризис сложился не только за эти несколько месяцев. Многие проблемы накапливались годами. Нереальными, во многом ошибочными были исходные позиции XI съезда партии. Его экономические решения основывались на субъективистских взглядах. Практически не была учтена широкая гамма мнений, которая высказывалась в то время в партии и в народе.

Но коренная ошибка была, пожалуй, в том, что не были сделаны серьезные выводы из новых процессов общественного развития, начавшихся в СССР, других социалистических странах, назревших и в самой ГДР. <...> Люди мыслящие почувствовали, что у нас вдруг не стало единства с Советским Союзом, и этот барьер возвели мы сами.

Горбачев. С политической точки зрения ситуация ясная, но чисто человечески драматическая. У меня, в общем-то, были неплохие отношения с Хонеккером, но в последнее время он оказался как бы слепым. Ведь если бы он по собственной инициативе два-три года назад пошел на необходимые перемены в политике, все бы было во многом по-другому. Но видимо, у него произошел какой-то сдвиг, он перестал видеть реальные процессы в мире и в собственной стране. Это — человеческая драма, а поскольку Хонеккер занимал очень высокий пост, то она переросла в драму политическую. <...>

Если бы Хонеккер слушал не только Миттага, но и тебя, Штофа, Кроликовского, других здравомыслящих товарищей и делал из этого объективные выводы, то было бы совсем другое дело. Но он, насколько нам известно, унижал Штофа. А как он обращался с Модровым — просто, можно сказать, «подрезал» человека.

Кренц. Два года назад мне было поручено снять его с работы. Актеры Дрезденского театра направили два письма в поддержку перестройки: одно — в Берлин, а другое — тебе, в Москву. Тогда Хонеккер поручил мне поехать в Дрезден, чтобы снять Модрова. Я поехал, мы откровенно поговорили и применили такую тактику: его покритиковали, но оставили на месте. <...>

Сложная ситуация возникает в связи с массовыми демонстрациями. В них участвуют разные группы, есть и наши явные противники, но в большинстве — просто недовольные существующим положением. Выступая в Народной палате, я подчеркнул, что политические проблемы можно решать только политическими средствами. Стремимся по возможности не прибегать

к использованию полиции. Предстоящий уик-энд будет для нас очень серьезным: на 4 ноября, в субботу, намечается крупная демонстрация в Берлине. В ней намерены участвовать 17 творческих союзов — артисты, писатели и т.д. Может собраться до полмиллиона человек.

Горбачев. Партия должна быть там, где массы.

Кренц. Мы исходим из того, что отнюдь не все демонстранты — наши противники. Вместе с тем принимаем меры против массового выхода к Берлинской стене. Там будет полиция. Если будут попытки прорывов в Западный Берлин, возникнет тяжелейшая ситуация: придется вводить чрезвычайное положение. Но думается, до этого не дойдет.

Горбачев. <...> Сегодняшняя встреча очень важна для наших партий и стран. В это ответственное время мы вместе, рядом. Об этом должны знать все, это очень важно для социалистических стран, для всего мира. <...>

Самое важное сейчас, чтобы партия, ее руководство не теряли инициативу, действовали адекватно требованиям времени. Партия должна давать политические ориентиры обществу, в противном случае ход событий может приобрести стихийный характер, а это беда. Ведь даже лучшие чувства людей, если они не имеют политических ориентиров, могут быть использованы чуждыми нам силами. <...>

Важно наметить контуры новой политики, которую вы предлагаете обществу, вместе с ним ее разработать и осуществлять. Думаю, стоило бы честно сказать, что готовых рецептов нет, но у партии есть что предложить людям на основе серьезного, самокритичного анализа ситуации. <...>

Я и сейчас не устаю подчеркивать, что революцию, перестройку невозможно никому навязать, она должна вырваться. Вот она вырвалась и в ГДР. И вам виднее, как ее конкретно вести. Это сфера вашей компетенции и вашей ответственности. <...>

Конечно, есть общие критерии, определенные компоненты социалистической идеи, социалистической политики, социалистического развития. Но нет схем, подходящих для всех условий и времен. Тем более что сейчас разворачивается полемика и по принципиальным вопросам, касающимся самого понимания социализма.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из беседы с Петром Младеновым 5 декабря 1989 года

Горбачев. <...> В нашем телефонном разговоре я уже поздравлял Вас с Вашими новыми ответственными функциями. Все мы, естественно, желаем Вам успеха на этом нелегком посту⁴⁰. <...>

Когда встал вопрос о смене руководства, мы ответили просьбу Живкова приехать в Москву под предлогом «посоветоваться». Наша принципиальная позиция состояла в том, что болгарские дела должны решать сами болгарские товарищи, болгарские коммунисты. Это отнюдь не значит, что для нас болгарские дела безразличны. Ничего подобного. Болгария, конечно, для нас

очень близка, ... но вмешиваться во внутренние дела, мешать вызреванию ситуации не можем. И так сказать, младеновская искра⁴¹, с которой началось реальное движение к обновлению, лишь показала, что обстановка объективно вызрела, и даже перезрела.

Младенов. На 11 декабря назначен пленум ЦК БКП. Мы намерены дать на нем реальный анализ создавшегося положения, а не заниматься опять бесконечным выдвиганием все новых и новых концепций и тезисов. Решили сказать народу правду и исходим из того, что народ это поймет.

Горбачев. Это правильный подход. Необходимо, чтобы народ знал истинное положение дел и мог включиться в решение насущных проблем. Сказать честно о трудностях, об их масштабности нужно и потому, чтобы не было иллюзий, а потом и тяжелых разочарований. <...>

Включить народ в эти процессы — вот что необходимо. На этих путях можно будет поднять и авторитет партии. Честный, открытый разговор с обществом будет работать на ее авторитет. <...>

Хочется надеяться, что в Болгарии перестроечные процессы пойдут успешнее, чем в других странах. <...>

Нам важно сохранить тот особый тип отношений, который традиционно сложился между Советским Союзом и Болгарией. Мы заинтересованы в этом, тем более что знаю о трудностях Болгарии. Хотя Живков кое в чем хитрил с нами. Конечно, за 30 лет его правления было, наверное, всякое — были и достижения, и ошибки, и даже провалы. В таких вопросах нужен объективный политический анализ. Здесь нельзя размениваться на частности: разговор идет о стране, о социалистическом строе.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Андреем Лукановым⁴²
Москва, 19 марта 1990 года*

Горбачев. Отношениям с Болгарией, с ее народом мы всегда уделяли первостепенное место даже тогда, когда для нас это было нелегко из-за известных Вам позиций вашего бывшего лидера. Мы понимаем, какой острый этап пережила совсем недавно ваша партия и страна. Знали о том, как много трудностей накопилось у вас. Ведь еще совсем недавно внешняя задолженность Болгарии была где-то в пределах 3–4 миллиарда долларов, а сейчас перевалила уже за 10 миллиардов. <...>

Все мы почувствовали, как тяжело расплачиваться за все те просчеты и провалы, которые копились десятилетиями. Перестройку надо было начинать по крайней мере 20 лет назад. <...>

Серьезным политическим звонком были события 1968 года в Чехословакии, но наши тогдашние лидеры не решились принять вызов, фактически отсиделись на нефтяном буме. <...>

Луканов. <...> Если бы то, что вы начали в апреле 1985 года, было бы дружно подхвачено в других социалистических странах, картина сегодня могла бы быть совсем иной.

Горбачев. К сожалению, многие не только не подхватили наш поворот к перестройке, но даже стали предавать ее анафеме. Даже нашим послам кое-кто из лидеров говорил: «Подождите, вот скоро все переменится и вернется на круги своя». Но если бы мы не начали в апреле 1985 года, то быстро нагнетавшееся давление всеобщего общественного недовольства могло бы так рвануть котел всей нашей государственности, что последствия могли бы быть похлеще румынских.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Хансом Модровым по телефону
12 февраля 1990 года**

Горбачев. На определенном этапе возникли два немецких государства. Вопрос о том, как они будут жить дальше, должен решаться в историческом контексте. Сейчас история ускорила свой ход. Какие будут выбраны государственные формы, темпы сближения ГДР и ФРГ определяют, в конечном счете, сами немцы. Но ведь процесс объединения затрагивает и СССР, другие государства, прежде всего соседей ГДР и ФРГ. Встают вопросы безопасности Советского Союза, Европы в целом, нерушимости границ, послевоенных территориально-политических реальностей. В процессе объединения в качестве переговорщиков должны выступать не только ГДР и ФРГ, но и Советский Союз. Мы исходим не из тандема, а из треугольника.

Коль наши аргументы принял, обещал подумать. В то же время он пытался маневрировать относительно военно-политического статуса объединенной Германии, ссылаясь при том на общественное мнение в ФРГ, в котором, по его словам, сильны настроения в пользу сохранения членства в НАТО.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Президентом ЧССР Вацлавом Гавелом
Москва, 26 февраля 1990 года*

Горбачев. Нам нужно сохранить и развить все полезное, что было и есть в советско-чехословацких отношениях. Разумеется, решительно перешагнув через все то негативное, что тоже имело место. По этому поводу мы уже высказались, как Вам известно, вполне определенно. <...>

Гавел. Согласен с Вами. Но присутствие иностранных войск, в том числе американских, в Европе не должно быть вечно.

Горбачев. Абсолютно согласен.

Гавел. Хотел бы откровенно сказать, что я получаю тысячи писем со всей республики, в которых выражается страх в связи с пребыванием в Чехословакии советских войск, введенных в августе 1968 года. Все ожидают от моего

* Ханс Модров сменил Э. Кренца на посту Председателя Совета Министров ГДР. Разговор состоялся в связи с прошедшими в Москве 10 февраля переговорами М.С. Горбачева с Гельмутом Кодем, на которых обсуждалось будущее Германии.

нынешнего визита решения о выводе войск, которые рассматриваются как оккупационные. Если мы подпишем сегодня с вами декларацию, то это было бы очень важно для наших отношений.

Горбачев. <...> Принципиальную оценку вводу войск в 1968 году мы уже дали. Это пройденный для нас этап. Мы перешагнули через него и должны идти вперед.

А в связи с тем, что Вы расцениваете советские войска в Чехословакии как оккупационные, я вспоминаю публикацию западного корреспондента, который уже в середине сентября 1968 года писал о том, что видел, как чехословацкие девушки целуются с советскими танкистами. <...>

Но особо хотел бы сказать вот о чем. Не все было плохо в наших отношениях и в прошлом. Надо отнестись к нашему прошлому реалистически и расчетливо, отказаться от всего того, что не отвечало принципам равноправия и сохранить все позитивное. А оно было и его было немало. Мы неплохо сотрудничали, обмениваясь результатами труда наших народов, были взаимопользные связи ученых, деятелей культуры просто сотен тысяч простых людей. <...>

Гавел. В памяти наших народов прежде всего сохраняется вклад Советского Союза в освобождение большей части территории нашей страны во время Второй мировой войны. И даже все плохое, что было потом, не изгладило этого из народной памяти. <...>

Горбачев. Объективную оценку даст время. Главное сохранить то хорошее, что нас объединяло, и бросить конструктивный взгляд в будущее. <...>

Гавел. <...> Мне кажется, нам удалось ослабить традиционный американский страх перед тем, что кто-то хочет их вытеснить из Европы. Буш заявил, что пока на континенте нет надежной стабильности, они не хотели бы выводить свои войска... Но если бы была создана новая система европейской безопасности в результате мирной конференции, которая бы решила проблемы Германии, тогда, наверное, представилась бы возможность спокойно вывести американские войска из Европы. <...>

Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. Варшавский Договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности. <...>

Горбачев. Я давно размышляю над этими проблемами, и поэтому могу сказать, что в основе своей ваши взгляды во многом совпадают с нашими. <...>

Сейчас большие опасности связаны с тем, что существует искушение, соблазн добиться превосходства и даже реванша, используя нынешнюю ситуацию в Восточной Европе. На Западе есть немало сил, которые подвержены такому соблазну... Задача задач сейчас в том, чтобы канализировать процессы перехода из одного состояния Европы и мира в другое, более стабильное. <...>

Что касается пребывания американских войск в Европе, то это особая тема. Весь мой опыт общения с двумя американскими администрациями показывает, что они прямо-таки болезненно опасаются, как бы их кто-то в чем-то не ущемил... На объединение Европы от Атлантики до западных границ Советского Союза они еще соглашаются. А вот объединение Европы с уча-

стием Советского Союза — это их пугает. Но что касается нас, мы отнюдь не против участия американцев в европейских делах. Мы за то, чтобы находить взаимоприемлемые решения.

Гавел. Из того, что Вы сказали, Михаил Сергеевич, мне кажется, что у нас почти полное единство во всем, что касается европейских проблем. Мысли, подобные только что Вами высказанным, я развивал и в конгрессе США... Я говорил, что Америка не вечно должна держать свои войска в Европе. И американские конгрессмены аплодировали этому.

Горбачев. <...> Думаю, мы с вами, господин Президент, можем наращивать сотрудничество в новых формах. <...> Надеюсь, что новый этап в отношениях между нашими странами позволит сохранить все то доброе, что было в них, отбросив все отжившее и негативное. Думаю, что мы сможем в наших отношениях прибавить человеческого тепла и конкретики в делах. Ведь связаны наши страны очень тесно, и это реальность. А в политике нельзя отбрасывать реальности, иначе это будет не политика, а какая-то дымка и авантюра.

При всех сложностях, которые мы сейчас испытываем внутри страны, мы намерены добросовестно придерживаться тех договоренностей, которых мы достигли за последнее время с нашими друзьями и партнерами. Это касается и Польши, и ГДР, и, конечно, Чехословакии. Такой подход будет сохраняться и впредь.

Гавел. Хотел бы еще раз уточнить, господин Президент, могу ли я заявить, скажем, на пресс-конференции, если меня об этом спросят, что советская сторона рассматривает 30 июня 1991 года как крайний срок полного вывода войск из Чехословакии, введенных туда в августе 1968 года, и сделает все для того, чтобы вывести их по возможности раньше. А что касается боевых частей, то вывести их уже через год. Такое заявление крайне важно для меня по внутривнутриполитическим соображениям. Это укрепило бы мои позиции перед лицом тех кругов, которые требуют немедленного вывода советских войск.

Горбачев. Надо, чтобы и мы, советская сторона, выглядели солидно перед чехами и словаками, и не давали им обещаний без твердой уверенности в том, что сможем их выполнить. Может быть, условиться о том, чтобы подписать соглашение о выводе войск в том виде, в каком оно согласовано министрами иностранных дел, но сказать при этом, допустим, на пресс-конференции, что в ответ на обращение чехословацкой стороны советские представители заявили о стремлении изыскивать возможности к более раннему выводу войск.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Президентом Польши Войцехом Ярузельским
Москва, 13 апреля 1990 года*

Горбачев. <...> Все, что происходит в Польше, вызывает немалый интерес в Советском Союзе, тем более что то и дело подбрасываются такие факты, которые больно задевают наше общественное мнение. Я имею в виду разного

рода экстремистские выходки, затрагивающие память о советских воинах, погибших при освобождении Польши. За те десятилетия, что мы прожили в тесном сотрудничестве и взаимодействии, у нас привыкли воспринимать поляков не просто как соседей, но и как друзей. Прямо скажу, что Польша для нас фактор не конъюнктурного, а стратегического значения. И мы намерены так относиться к ней, уважая свободу выбора польским народом пути и модели своего развития.

Хотя, конечно, не закрываем глаза на то, что западная резидентура годами ковала свои позиции в Польше, как, впрочем, и в Литве, и в Прибалтике в целом. Но конечное слово за самим польским народом. Без уважения к народу, к его чаяниям, к его выбору нет политики. Это не значит, разумеется, что мы не имеем собственных оценок положения дел в той или иной стране, и в Польше в частности. За положением в Польше следят у нас различные круги. Кое-кто рекомендует нам скопировать польскую шоковую терапию в экономике. Нас она тоже интересует, хотя копировать мы никого не собираемся.

Мы ценим реализм нового польского правительства Мазовецкого и надеемся, что нормальное, дружественное развитие советско-польских отношений отвечает взаимным интересам наших народов и стран. Это тем более важно сейчас, когда идет процесс сближения и объединения двух германских государств. Мы ценим взаимопонимание и взаимодействие по всем этим вопросам с Польшей, как со своим союзником. Прошу Вас передать это и главе польского правительства Тадеушу Мазовецкому. <...>

Положение в Восточной Европе надо оценивать в масштабах общеевропейских процессов. С этой точки зрения целиком сохранить то, что имели раньше союзные страны в военно-политическом и экономическом отношении, нереально. Но вместе с тем была бы крайне вредной и политическая суета, стремление в одночасье отказаться от всего и вся. Такого рода суета особенно заметно сказывается в Венгрии, да и в какой-то мере в Чехословакии. Даже Запад не хотел бы поспешного демонтажа существующих в Европе военно-политических и экономических структур. Гораздо разумнее не ликвидировать, а видоизменять их с учетом процессов, происходящих на континенте. А это как раз те процессы, которые вписываются в идею формирования «общеевропейского дома». С этим вынуждены считаться все реалистически мыслящие политики, в том числе и Коль, как бы он ни суетился поначалу с форсированием объединения Германии.

Думаю, Ваши соображения относительно Варшавского Договора, а также о положении северной группы советских войск могут быть рассмотрены в контексте советско-польского сотрудничества в спокойных тонах. Тут важно не подать какого-либо ложного сигнала никому. Нужно рассмотреть все эти вопросы в контексте общеевропейской ситуации, тех перемен, которые здесь происходят и еще будут происходить. Принципиальное заявление Советского правительства на этот счет сделано в феврале этого года.

Что касается наших экономических отношений, то совершенно очевидно, мы подошли к тому рубежу, когда надо их существенно обновлять. Сейчас, пожалуй, все согласны в том, что необходима интеграция в мирохозяй-

ственные связи. Это здоровый, естественный нормальный процесс. Изоляция весьма негативно сказалась на темпах и качестве нашего развития, тормозит научно-технический прогресс. Нужны, разумеется, изменения и в системе цен и валютных расчетов. <...>

Согласен с Вами относительно важности обмена культурными ценностями, которые всегда занимали важное место в отношениях между нашими народами и, уверен, способны еще больше их сближать. В этой связи хотел бы посоветоваться с Вами, в частности, по предложению нашего министра культуры Николая Губенко, который видит возможности возвращения в Польшу некоторых культурных ценностей, относящихся, по мнению наших ученых, к XV–XVII векам. Они хранятся сейчас в запасниках ленинградского Эрмитажа, куда попали в качестве трофеев из Германии, куда они были вывезены из Польши во время войны. Наверное, советские и польские специалисты могли бы дать оценку этим реликвиям и обсудить возможные пути их возвращения в Польшу.

Конечно, мы не будем забывать о левых силах в Польше, намерены и впредь оказывать им внимание и посильную поддержку. Это важно еще и потому, что у нас тоже формируется новый спектр политических организаций. Мы, несомненно, уже в ближайшее время подумаем о контактах с Квасьневским⁴³.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1

*Из беседы с Александром Дубчеком**
Москва, 21 мая 1990 года

Горбачев (*тепло приветствует гостя*). Встреча знаменательна во многих отношениях, она говорит о многом, и прежде всего о жизненности идеи гуманистического, демократического обновления общества в интересах человека труда. Первая проба такого обновления была предпринята в Чехословакии в 1968 году. Но крутой поворот осуществляется как раз сейчас в Советском Союзе. Без перемен в СССР не было бы серьезных надежд на обновление социализма. Без этого было бы трудно надеяться на ускорение перемен во всем мире. <...>

Нашим народом, целыми поколениями многое пережито, но многое и создано. Целый ряд политиков, определенный режим, определенные модели развития, несомненно, заслуживают самой суровой критики и осуждения. Но никто не имеет права обвинять народ, партию в целом.

Вместе с нами тяжелые испытания прошли и близкие нам восточноевропейские страны, каждая по-своему. То, что были опрокинуты попытки обновления в Чехословакии в 1968 году, обернулось крупным стратегическим просчетом, который негативно сказался и на развитии Советского Союза. <...>

* В это время — Председатель Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики.

Что касается Чехословакии, то у меня лично, да и у всех моих товарищей, всегда было самое доброе отношение к этой стране. У меня были хорошие контакты с Густавом Гусаком, и когда я в ходе официального визита в вашу страну услышал призывы: «Михаил, останься у нас хоть на год», я понял, что назревает новый кризис доверия руководству. В результате моих откровенных товарищеских обсуждений с Гусаком перестроечных проблем он решил уступить свой пост новым людям. Но, думаю, весьма активную роль сыграл и в это время Ваш земляк Васил Биляк. По-моему, он руководствовался главным образом личными амбициозными соображениями. До меня дошла даже примерно такая его фраза: «Подождем, в Москве в конце концов сломают голову те, кто увлекается перестройкой, и придут новые люди».

Дубчек. К сожалению, это не только фраза. За ней стояла активная работа, а ждали на самом деле не новых людей, а приверженцев всего старого.

Горбачев. <...> Что касается наших отношений с Чехословакией, то важно сохранить все ценное и взаимопольное, что было достигнуто за многие годы. Хотелось бы, чтобы с чехословацкой стороны и в нынешних, новых условиях понимали, что мы вам нужны, и думаю, не меньше, чем прежде.

В Москве с удовлетворением заметили недавнее заявление президента Гавела, который высказался против запрещения КПЧ, против предъявления коллективных обвинений членами Компартии. Думаю, его реноме от этого только выиграет.

Дубчек. У меня с ним на эту тему был не один разговор.

Горбачев. <...> Возвращаясь к теме советско-чехословацких отношений, хотел бы подчеркнуть: мы за то, чтобы в них было больше реализма. В Советском Союзе твердо и однозначно исходят из уважения права народов Чехословакии, как и других стран, свободно выбирать пути и модели собственного развития. Это гарантия от ошибок, которые допускались в прошлом. Можете воспринимать сказанное мной как мое приветствие Александра Дубчека в Москве и как аргумент в пользу того, что трудные годы жизни прошли не даром, не зря.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Александром Лиловым⁴⁴
Москва, 23 мая 1990 года*

Горбачев. Приветствую Вас в Москве как нашего старого друга. Знаю всю Вашу эпопею⁴⁵. Рад тому, что Вы снова активно включились в большую работу. <...>

Лилов. Пока держимся, но ситуация очень сложная.

Горбачев. Откуда взялось в Болгарии такое количество оппозиционеров?

Лилов. Ошибок у нас в Болгарии допущено не меньше, чем в Советском Союзе. Это и дало почву для роста оппозиции.

Горбачев. Хорошо, что вам удалось избежать такого развития событий, которые имели место в ГДР и Румынии. Очень важно, что вы сами проявили

смелую и разумную инициативу. И в Румынии сейчас Илиеску довольно удачно ведет дела. <...>

Запад очень активно работает с Восточной Европой. Не жалеет ни сил, ни средств, действует довольно цинично. Пользуясь тем, что мы отказались от вмешательства во внутренние дела восточноевропейских стран, они стремятся сейчас привязать эти страны к себе. Похоже, что шоковый период начинается проходить. Даже в ГДР все больше задумываются, что они теряют, и какие трудности их подстерегают в объединенной Германии, в социальном плане особенно.

Лиллов. Проблемски реализма среди интеллигенции проявляются и у нас. Вчера в Софии был большой митинг, в нем участвовало 5 тысяч представителей науки, культуры. Многие выступали в поддержку линии нашей партии. Явно сказываются опасения людей за свое будущее перед лицом стремления оппозиции, особенно ее экстремистских элементов, повернуть общественное развитие вспять. К сожалению, в целом сказывается довольно низкий уровень политической культуры. Свобода и демократия воспринимаются как вседозволенность, как возможность обругать, оскорбить, унижить кого угодно.

Горбачев. У нас, пожалуй, самое большое препятствие на пути перестройки — это широкое распространение консерватизма в общественном мнении, который очень часто выливается в требование сплошной уравнительности. В это упираются очень многие наши начинания.

Идеологическая зашоренность, стереотипность мышления сплошь и рядом сводятся к требованию простых ответов на сложные вопросы. Этим пользуются разного рода демагоги, политические мошенники.

Нам надо, может быть, вместе с вами углублять разработку современного понимания социалистической идеи с учетом всего прошлого опыта и нынешних реалий, с учетом достижений всей современной цивилизации. Давайте договоримся, чтобы наши международные отделы взяли под свой контроль эту работу.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Андреем Лукановым
Москва, 26 сентября 1990 года*

Горбачев. <...> Говоря откровенно, для нас было неожиданным то резкое обострение положения в вашей стране, которое произошло в последнее время.

Луканов. Обстановка меняется довольно быстро. Еще недавно абсолютное большинство населения выражало активную поддержку перестройке в рамках социализма. С хорошими результатами для нашей партии завершились выборы. Мы получили более половины всех голосов избирателей, и это при том, что оппозиция пользовалась довольно мощной материальной и моральной поддержкой из-за рубежа. Если бы нам удалось хотя бы на несколько лет раньше пойти на те крутые перемены, на которые мы решились в последнее время, то успех был бы наверняка гарантирован.

Сейчас же упущено слишком много времени. Этим в значительной мере объясняются наши нынешние трудности.

Горбачев. Досадный срыв произошел с Петром Младеновым, когда ему пришлось уйти с поста президента. Ведь обвинение, предъявленное ему, будто бы он хотел пустить танки против народа, абсурдно. Зная его, я уверен, он никогда бы не пошел на такое.

Луканов. Да, Петру надо было сразу прямо сказать, что оброненная им фраза не имела никакого практического значения. Он явно поспешил тогда, не посоветовавшись как следует ни с кем... С нашей президентской властью произошла прямо-таки сюрреалистическая метаморфоза. Ведь мы конструировали институт президентства непосредственно под Петра Младенова. Хорошо зная его личные качества, предусмотрели и очень широкие полномочия, но в конечном счете все обернулось так, что президентскую власть пришлось отдать совсем другой фигуре (*Желеву*).

Горбачев. Однако выход на эту фигуру — это, видимо, не самый худший вариант по вашим меркам.

Луканов. Наверное, можно сказать, что это лучший вариант из худших. <...> Желю Желев в прошлом состоял в БКП. По образованию — философ. Учился в аспирантуре, интересовался трудами и личностью Ленина. Последние 20 лет занимал диссидентские позиции. Его даже негласно выселяли из Софии. Но сейчас он ведет себя приличнее других, выступает против внепарламентских методов борьбы, против гражданских конфликтов, за гражданский мир. <...>

Горбачев. <...> Думаю, что и Желев, став президентом, будет более ответственно подходить к оценкам деятельности оппозиции. Это ведь разные вещи — критиковать со стороны, находясь в оппозиции, или брать на себя ответственность за все, что делается в стране, находясь у власти.

Луканов. Он способен понимать, что провал демократического пути развития, в защиту которого мы выступаем, в конечном счете, ударил бы и по президенту, стал бы и его крахом. <...>

Михаил Сергеевич, я хотел бы вручить Вам послание Желева. В нем выражены некоторые существенные для наших отношений положения. Некоторые из них, может быть, стоило бы отметить и в сообщении для печати о нашей с Вами встрече. Желев передает Вам приглашение посетить Болгарию с визитом.

Горбачев. Вы можете передать ему, что мы понимаем и ценим уникальность отношений между двумя нашими странами и народами. К сожалению, мы находимся сейчас в таком положении, что нам трудно в полной мере помочь вам. Но тем не менее будем делать для этого все, что сможем, исходя из нашей реальной обстановки. Этому болгарскому правительству мы готовы помочь.

Прошу передать сердечный привет всем товарищам.

*Из беседы с Ионом Илиеску⁴⁶
Москва, 5 апреля 1991 года*

Горбачев. <...> Мы все в Советском Союзе и странах Восточной Европы прожили определенное время после революционных событий недавнего прошлого. Теперь еще лучше видно, что в наших отношениях не все было так, как надо в политической, экономической, идеологической областях. Но мы нужны друг другу. Все это надо тщательно взвесить и определить, что следует оставить из опыта прошлого, что заменить новым. В этом смысле подписание Договора о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе открывает новую страницу в наших отношениях. <...>

Илиеску. <...> Хотел бы выразить полное согласие с Вашей оценкой наших двусторонних отношений, подписания Договора о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе, которому мы также придаем очень большое значение. Представители наших МИДов провели успешную работу. Документ получился содержательный. В нем отражено взаимное желание поставить советско-румынские отношения на новую основу, учтены перемены, произошедшие как в этих отношениях, так и на Европейском континенте и мире в целом. Думаю, что этот документ будет иметь важное значение с международной точки зрения, поскольку он подписан между двумя странами, разными по масштабам, но едиными по своим стремлениям.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Александром Лиловым
6 мая 1991 года*

Горбачев. <...> Несколько слов об отношениях со странами Восточной Европы. Мы почувствовали, что бывшие руководители этих стран попытались свалить трудности на СССР. Для нашего народа это было оскорбительно. Мы подумали: видимо, за 40 лет мы надоели друг другу. Пусть все переварится. А сейчас уже все стучатся к нам. Подписали хороший договор с Илиеску. Он близок к нам, но ему трудно. На него жмут. Хотят приехать в Москву венгры, был Гавел. Стоит вопрос о визите Валенсы. За Венгрию просит Коль. Он ориентируется на Венгрию и Чехословакию, хотя не может переварить проблемы Восточной Германии. Повсюду в Восточной Европе левые партии выходят из состояния растерянности. <...>

Положение трудное, но мы выберемся. Надо удержаться от авантюризма справа и слева. Правые возлагают ответственность на левых, а левые — на правых. Отсюда — трудное положение политического центра. Нас воспитывали, что центр — болото, оппортунизм. А сегодня мы говорим о спасительной роли центра, который способен обеспечить согласие. Главное — не расколоть общество. Иначе все «измы» будут похоронены. Терпеливо добиваемся согласия, компромисса. И это не поповские проповеди, а императивы. Надо формировать в обществе новую политическую культуру.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Нгуен Ван Линем
11 мая 1991 года*

Горбачев. <...> Со странами Восточной Европы наши отношения вступили в новую фазу. Строим их на базе новых принципов. После крутых перемен мы им дали время подумать, нужен ли им Советский Союз. За десятилетия мы им, может, надоели. Да и у нас некоторые говорят: они, мол, висят на нас. Теперь страны Восточной Европы стучатся в дверь, предлагают переговоры. И там, и тут в головах происходят перемены, идут визиты. Не перечеркнешь, не выбросишь десятилетия сотрудничества. Они думали, что Запад примет их в свои объятия, а там — свои проблемы. Больше реализма стало и у нас, и у них. Это хорошо.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Заключение

После глубоких перемен конца 80-х — начала 90-х годов со всей остротой встала проблема выстраивания новых отношений между нашей страной и странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Интересам новой России, безусловно, отвечало бы сохранение и развитие тесных и равноправных отношений со странами бывшего социалистического содружества.

Однако процесс пошел не так, как хотелось и можно было предположить. Произошло резкое ослабление политических, экономических и гуманитарных связей, переросшее в ряде случаев в отчуждение. Практически прекратились политические контакты на высшем уровне, заметно упали объемы взаимной торговли, производственного и научно-технического сотрудничества, гуманитарных контактов, не говоря уж о связях между областями и городами. Начался фронтальный разворот наших бывших союзников в сторону НАТО.

В какой-то степени это можно объяснить тяжестью трансформационного кризиса, глубоким экономическим спадом, падением ВВП в отдельных странах на 20–50 процентов. Россия с ее сократившимся по сравнению с Советским Союзом экономическим потенциалом оказалась не в состоянии сохранять привилегированное положение в своих внешнеэкономических связях. Но ссылки на экономический кризис не дают убедительного ответа. Ведь разрыв экономических связей был как раз одной из причин кризиса социалистического содружества, а не только следствием.

Скорее всего, дело не в экономических, а в политических и даже в психологических факторах — в эйфории освобождения от советского блокового наследия в идеологии и практике международных отношений (хотя процесс этого освобождения был инициирован именно советской стороной). Свою роль сыграла и «встречная» политика западных держав, прежде всего США — экономическая помощь, принятие в Европейский союз и НАТО или обещание принять, антироссийская позиция Запада в национально-территориальных конфликтах на территории бывших советских республик и самой России.

Следует признать, что значительная доля ответственности лежит на российской стороне. Россия при Ельцине не смогла, да и не стремилась выдвинуть альтернативу полной переориентации бывших наших союзников на Запад. Она и сама была захвачена этим стремлением. В общественно-политических кругах восточноевропейских стран, даже благожелательно к нам настроенных, сложилось мнение, что Россия просто бросила их, и им не оставалось ничего другого, как пойти в объятия Запада, надеясь получить гарантии своего места в новой системе международных отношений.

Сегодня в условиях глобализации на первый план выдвинулась проблема самоопределения в новом раскладе международных величин. Именно в этом контексте неизбежно будут складываться отношения России со странами Восточной Европы, как и с государствами, возникшими после распада Советского Союза.

Интерес России однозначен — в развитии равноправных, взаимовыгодных политических, экономических, гуманитарных связей со своими соседями.

Поправляя ошибки 90-х годов, нынешнее руководство страны делает определенные, хотя, может быть, и недостаточные шаги в этом направлении. Примерами могут служить улучшение отношений с Болгарией, Венгрией, Словакией в результате встреч с руководителями этих стран на высшем уровне.

Конечно, нельзя не учитывать, что сегодня большинство стран Восточной Европы, включая страны Балтии — бывшие республики Союза, стали членами ЕС и НАТО. Оценка этого процесса зависит от последующей эволюции НАТО, который, как известно, создавался и в течение нескольких десятилетий развивался как противник, прежде всего, — нашей страны.

По ряду вопросов отношений с Россией нынешние руководители отдельных восточноевропейских стран занимают подчас даже более жесткие позиции, чем «старые» члены НАТО, что не может не отражаться на диалоге России с Западом, тянет назад к былому противостоянию вместо развития и углубления сотрудничества.

Многое будет зависеть от того, насколько последовательна и конструктивна будет наша политика в отношениях с каждой из стран Восточной Европы, от того, какая система энергоснабжения Европы будет создана, и, конечно, от хода общеевропейского процесса во всех его компонентах.

Примечания

- ¹ Катынь — лесное урочище в 14 километрах от Смоленска, где весной 1940 года органы НКВД уничтожили свыше 20 тысяч польских офицеров, интернированных осенью 1939 года на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших к СССР. Советские власти долгое время отрицали вину сталинского руководства, приписав это преступление немецко-фашистским войскам, оккупировавшим Смоленскую область в августе 1941 года. Правда о зверской расправе с польскими офицерами стала достоянием общественности в начале 1990 года, когда были обнаружены неопровержимые доказательства обстоятельств этого преступления.
- ² Имеется в виду острый экономический и политический кризис в Польше, приведший там к введению в декабре 1981 года военного положения.
- ³ Батмунх Жамбын (1926–1997) — в 1984–1990 годах Генеральный секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии.
- ⁴ Соломенцев Михаил Сергеевич (1913–2008) — член Политбюро, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС в 1983–1988 годах.
- ⁵ Ли Пэн (р. 1928) — китайский государственный и партийный деятель, с 1983 года — вице-премьер Госсовета КНР, позднее премьер Госсовета КНР (1988–1998), Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (1998–2003).
- ⁶ Нгуен Ван Линь (1915–1998) — Генеральный секретарь ЦК КПВ в 1986–1991 годах.
- ⁷ Ле Зуан (1907–1986) — один из основателей Компартии Индокитая, Генеральный (Первый) секретарь ЦК Компартии Вьетнама в 1960–1986 годах.
- ⁸ Чьонг Тинь (1907–1988) — Генеральный секретарь ЦК Компартии Вьетнама в июле-декабре 1986 года, Председатель Госсовета Вьетнама в 1981–1986 годах.
- ⁹ Лазар Дьёрдь (р. 1924) — предшественник К.Гросса на посту Председателя правительства ВНР.
- ¹⁰ Хагер Курт (1912–1998) — член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ по идеологии.
- ¹¹ Якеш Милош (р. 1922) — Первый секретарь ЦК КПЧ в 1987–1989 годах, сменил на этом посту Густава Гусака. Ушел в отставку в результате начавшейся в Чехословакии «бархатной революции», отстранившей коммунистов от власти.
- ¹² Дубчек Александр (1921–1992) — Первый секретарь ЦК КПЧ в январе 1968 — апреле 1969 годов. Главный инициатор курса реформ, известного как «пражская весна».
- ¹³ Млынарж Зденек (1930–1997) — один из лидеров «пражской весны» 1968 года, соратник А. Дубчека. Учился на юридическом факультете МГУ вместе с Горбачевым, до самой смерти поддерживал с ним дружеские отношения.
- ¹⁴ «2000 слов» — так называлась статья в поддержку политики Дубчека и утвержденной реформаторским руководством КПЧ «Программы действий», подписанная 70 видными деятелями науки и культуры Чехословакии.
- ¹⁵ В Братиславе летом 1968 года состоялось совещание руководителей стран Варшавского Договора, где обсуждалась ситуация в Чехословакии и фактически был predetermined ввод войск ОВД в Чехословакию.
- ¹⁶ Цисарж Честмир — член ЦК КПЧ, один из деятелей «пражской весны».
- ¹⁷ Во время визита Горбачева в Югославию была подписана новая Декларация, которая заменила Декларацию Хрущев-Тито 1956 года.
- ¹⁸ На химкомбинате в румынском городе Джурджу, построенном с помощью Советского Союза, произошло неожиданное усиление выбросов токсичных веществ в атмосферу. Выбросы распространились в районе болгарского города Русе на другом берегу Дуная.
- ¹⁹ Атанасов Георги (р. 1933) — член Политбюро ЦК БКП в 1976–1990 годах, председатель Совета Министров НРБ в 1986–1990 годах.
- ²⁰ До Мьой (р. 1917) — Председатель Совета министров Вьетнама в 1988–1991 годах, в 1991 году избран Генеральным секретарем ЦК Компартии Вьетнама.
- ²¹ Чиссано Жоакин (р. 1939) — президент Народной Республики Мозамбик и глава Партии Фрелимо с 1986 по 2005 год (переизбирался на пост президента в 1993 и 1999 годах).
- ²² Сантуш Жозе Эдуарду душ (р. 1942) — президент Республики Ангола с 1979 года.

- ²³ С 1979 года, после свержения диктатуры клана Самосы и прихода к власти Сандинистского Фронта национального освобождения, в Никарагуа шла гражданская война против «контрас» — групп вооруженной оппозиции, базировавшихся в соседних странах и пользовавшихся поддержкой США. Она продолжалась до 1990 года, прерываясь временными соглашениями о прекращении военных действий.
- ²⁴ Смирнов Георгий Лукич (1922–1999) — советский ученый, академик (1987), помощник Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985–1987 годах, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с 1987 по 1991 год.
- ²⁵ Ильичев Леонид Федорович (1906–1990) — заместитель министра иностранных дел СССР в 1965–1989 годах, при Хрущеве — секретарь ЦК КПСС по идеологии (1958–1965).
- ²⁶ Павлов А.П. — заведующий Правовым отделом МИДа при Молотове.
- ²⁷ Сражение под Монте-Кассино — геройский штурм польским корпусом генерала Андерса города Кассино во время наступления союзных войск севернее Рима в мае 1944 года. Город и превращенный в крепость монастырь на холме (отсюда Monte — ит. «гора»), были взяты, несмотря на отчаянное сопротивление немцев. Корпус потерял 4 тысячи человек только убитыми. Это сражение почитается в Польше примерно так же, как у нас битва на Курской дуге.
- ²⁸ Зибер Гюнтер — член ЦК СЕПГ, заведующий отделом международных связей ЦК СЕПГ.
- ²⁹ Раковский Мечислав (1926–2008) — назначен Председателем Совета министров ПНР в сентябре 1988 года, после того как Сейм выразил недоверие его предшественнику Збигневу Месснеру.
- ³⁰ Адамец Ладислав (1926–2007) — последний глава правительства ЧССР, занимал этот пост с октября 1988 по декабрь 1989 года.
- ³¹ Индра Алоис (1921–1990) — член Президиума, секретарь ЦК КПЧ в период «пражской весны».
- ³² Фойтик Ян (р. 1928) — член Президиума, секретарь ЦК КПЧ. Как и Индра, принадлежал к просоветской фракции в руководстве партии.
- ³³ «Уроки кризисного развития» — политический документ ЦК КПЧ 1969 года, в котором «очищенное» от реформаторов руководство партии дало оценку событий «пражской весны» как «посягательство на социализм».
- ³⁴ Штоф Вилли (1914–1999) — дважды в течение многих лет возглавлял правительство ГДР: в 1964–1973 и 1976–1989 годах.
- ³⁵ Говоря о «событиях в Венгрии», Хонеккер имел в виду открытие границы Венгрии с Австрией, что использовалось для проникновения граждан ГДР на Запад.
- ³⁶ Немет Миклош (р. 1948) — премьер-министр Венгрии с ноября 1988 по май 1990 года. По его решению беженцам из ГДР была открыта венгерская граница для перехода в Австрию.
- ³⁷ В ГДР была перепечатана статья корреспондента итальянской газеты «Република» о неприличном поведении пьяного Ельцина во время его визита в США.
- ³⁸ Говоря о шоке, Горбачев имел в виду поражение ПОРП на выборах в Сейм, состоявшихся 3 июня 1989 года.
- ³⁹ Мазовецкий Тадеуш (р. 1927) — один из лидеров движения «Солидарность». В 1989–1991 годах — первый некоммунистический премьер-министр Польши.
- ⁴⁰ Младенов Петр (р. 1936) — в ноябре 1989 года был избран Генеральным секретарем БКП, сменив на этом посту Т. Живкова. До этого Младенов в течение 18 лет был министром иностранных дел Болгарии (1971–1989).
- ⁴¹ Имеется в виду выступление П. Младенова на Пленуме ЦК БКП с осуждением авторитаризма Т. Живкова.
- ⁴² Луканов Андрей (1938–1996) — Председатель Совета Министров Болгарии в 1990 году.
- ⁴³ Квасьневский Александр (р. 1954) — лидер Польской социалистической партии, возникшей на базе ПОРП, впоследствии президент Польши.
- ⁴⁴ Лилов Александр (р. 1933) — в 1990 году председатель Президиума Высшего Совета БКП.
- ⁴⁵ Очевидно, имеется в виду преобразование БКП в Болгарскую социалистическую партию.
- ⁴⁶ Илиеску Ион (р. 1930) — при Чаушеску отстранен от работы в ЦК РКП. В 1989 году возглавил выступления против диктатуры Чаушеску. После свержения последнего образовал Фронт национального спасения Румынии, стал его председателем. В 1990 году избран президентом Румынии (1990–1992 годы, затем вновь занимал этот пост в 1992–1996 и в 2000–2004 годах).

Раздел **V**

**АФГАНСКИЙ
ВОПРОС**

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

Введение

Афганистан на протяжении всех Средних веков и Нового времени — одна из самых отсталых стран азиатско-феодалного типа. Первые государственные образования возникли на этой территории к концу XVI века. В XVIII–XIX веках — здесь сложились королевства, ханства, эмираты, объединяющие многочисленные разные мусульманские племена. До сих пор примерно треть населения — кочевники и полукочевники. Численность населения сегодня трудно определить, но в начале 1980-х годов было около 15 миллионов.

В жестоких войнах XIX и начала XX века афганцы героически отстаивали свою независимость от англичан, пытавшихся присоединить их страну к Британской империи. Территория современного Афганистана оформилась лишь в 1895 году в результате завоевания узбекских, таджикских, хазаретских и других земель эмиром Абдуррахманом, представлявшим пуштунов (50 процентов населения). В большей или меньшей степени, в зависимости от исхода очередной войны, полуколониальная зависимость от Британии сохранялась до 1919 года, когда после третьей крупной афганско-британской войны, эмир Аманулла-хан объявил независимость Афганистана.

В 1921 году между Советской Россией и Афганистаном был заключен договор, который положил начало добрососедским отношениям, изредка нарушаемым налетами басмачей, продолжавших в советской Средней Азии гражданскую войну. Об этом советские люди узнавали по многочисленным фильмам, среди которых самые знаменитые «Тринадцать» и «Белое солнце пустыни».

Сохранению независимости Афганистана способствовали дополнительные договоры с СССР 1926 и 1931 годов (последний — уже при новой династии — Надир-шаха, свергнувшего в 1929 году Аманулла-хана).

В 1973 году в результате государственного переворота власть переходит к брату короля Мухаммеду Дауду, который провозглашает Афганистан республикой. Ожесточенная борьба кланов, опиравшихся на различные племена, постоянная нестабильность и экономические неурядицы привели к «демократической революции» 1978 года. Возглавил ее (а потом и государство) лидер прокоммунистической Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) журналист Нур Мухаммед Тараки. В партии действовали две фракции (по этническому принципу): преимущественно пуштунская «Хальк» («Народ») и прокоммунистическая «Парчам» («Знамя») во главе с Бабраком Кармалем. Страна была названа Демократической Республикой Афганистан (ДРА).

Тараки установил дружеские связи с Москвой, часто бывал в СССР, сблизился с Брежневым, который его фамильярно, по-отечески патронировал. В 1978 году между СССР и ДРА был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

Но неожиданно для советского руководства в сентябре 1979 года, после возвращения Тараки из очередного визита в Москву, он был убит в результате заговора, устроенного одним из его соратников, Амином, который занял его место и в НДПА, и в государстве.

Амин, как и Тараки, заверял в дружбе с Советским Союзом. Но его заподозрили в том, что он готовится «перекинуться» к американцам. Так ли это или это была провокация спецслужб установить до сих пор не удалось.

Как бы то ни было, но в срочном порядке было подготовлено вооруженное вторжение. Знаменитая «Альфа» штурмом взяла в Кабуле дворец Амина и ликвидировала его самого. Взамен был доставлен из Праги Бабрак Кармаль (где он был афганским послом) и поставлен во главе партии и государства.

Накануне Нового, 1980 года, советские войска пересекли границу Афганистана и двинулись в глубь страны. Ответом было яростное сопротивление — война партизанского типа, в которой, как считается, допустимы любые средства. Основная масса населения, привыкшая за века к борьбе за независимость, превратилась в неистощимый резерв вооруженных бойцов против внешнего врага. Советский Союз мгновенно превратился для афганцев в агрессора и захватчика. В дальнейшем образовались целые партизанские армии, контролировавшие обширные районы страны.

Решение Политбюро о вводе войск существует в виде «записки», написанной 12 декабря 1979 года рукой Черненко, тогда ближайшего советника Брежнева. Операцией поручено было руководить Андропову, Устинову и Громыко, которые и подготовили это решение в тайне (за исключением Суслова) от других членов Политбюро.

Одобрен этот «документ» только пятью из 12-ти членов ПБ, а если считать кандидатов — из 16-ти: Брежневым и упомянутой четверкой. Остальные подписали *post-factum* и то не все.

Интервенция в Афганистан нанесла нашей стране огромный моральный и материальный ущерб, обернулась тысячами убитых и покалеченных.

Весь мир осудил СССР за это неспровоцированное вторжение: в ООН 104 делегации проголосовали против нас и только 17 — с нами.

Нас осудили правительства и парламенты, всякие комитеты и деятели персонально, большинство политических партий. Даже некоторые «братские» партии — итальянская, испанская, английская, японская, бельгийская, шведская. За агрессию, за попрание международных норм, за оккупацию, за подрыв разрядки, за провоцирование гонки вооружений, за посягательство на мусульманский мир, на нефтяные источники, от которых зависит жизнь всего Запада и Японии, и прочее, и прочее.

Президент США Картер лишил нас 17 миллионов тонн импортного зерна, запретил всякий прочий экспорт, отменил любые переговоры и визиты, потребовал игнорирования Олимпиады в Москве, намеченной на 1980 год. Тэтчер проделала с нами то же самое. Банки закрыли кредиты. Португалия, США, Канада и Австралия запретили нам ловлю рыбы в своей 200-мильной зоне. Почти все страны Запада (за исключением Франции) сократили уровень и объем обменов и визитов. Были отменены планировавшиеся художественные выставки и гастроли. Австралия закрыла заход нашим антарктическим судам в ее порты. Осудила нас проходившая в Исламабаде Исламская конференция (то есть все мусульманские государства, кроме Сирии, Ливии, Алжира и самого Афганистана). Осудил Европарламент, социал-демокра-

тические партии, профсоюзные центры. Новая Зеландия выслала нашего посла.

А что делалось в печати, на телевидении и радио — трудно вообразить! Позорили нас самым беспардонным образом.

По стране поползли слухи, что в Ташкенте госпитали забиты ранеными, что каждый день прибывают самолеты с упакованными гробами («груз 200»), что в учреждениях и на заводах то и дело появляются портреты в траурных рамках.

С апреля 1985 года в ЦК и в «Правду», в Верховный Совет, лично к Горбачеву пошел буквально поток писем об Афганистане. В основном — из русских областей. В отличие от прошлого очень мало анонимок. Почти все подписанные. Основной мотив: зачем это нам нужно и когда это кончится?! Писали матери и жены, переживая за ребят, которые там мучаются нравственно, а то и погибают. Писали о том, что «если уж это так нужно», то посылайте добровольцев, по крайней мере — кадровых, а не новобранцев. Пребывание там и то, что им там приходится делать, уродует им душу. Писали солдаты, искренне и попросту сообщая, что они не понимают, «зачем они здесь». Писали офицеры и даже один генерал, подписавшийся своим именем, что они не в состоянии объяснить своим подчиненным, что такое «интернациональный долг», который мы якобы должны платить.

В письмах — плач, горе по убитым и искалеченным, душераздирающие описания похорон, обвинения: Политбюро, мол, допустило ошибку и надо ее исправлять, — чем скорее, тем лучше — каждый день уносит жизни людей.

В первых своих заметках о первоочередных делах новый Генсек в рабочем блокноте пометил — «уход из Афганистана».

Документальные свидетельства

В беседе с председателем Революционного совета ДРА Бабраком Кармалем¹ 14 марта 1985 года Горбачев отметил: «...надо признать, что предстоит еще много поработать, чтобы решить главную задачу — обеспечить необратимый характер революционного процесса в Афганистане. В значительной мере это связано с умением защищать революционные завоевания. Вы понимаете, что советские войска не могут оставаться в Афганистане вечно».

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

В беседе с президентом Пакистана Зия-уль-Хаком² 14 марта 1985 года Горбачев сказал: «В принципе мы поддерживаем идею политического урегулирования афганской проблемы и считаем необходимым и оправданным все, что делается по линии ООН. Необходимым условием урегулирования являются надежные гарантии прекращения вмешательства и агрессии извне, а уже потом можно было бы обсудить вопрос о выводе советских войск из Афганистана».

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из доклада Горбачева Верховному Совету СССР,
27 ноября 1985 года*

Мы за то, чтобы дружественный соседний с нами Афганистан был независимым неприсоединившимся государством, за установление режима гарантированного невмешательства в дела Афганистана. Тем самым будет решен и вопрос о выводе советских войск из этой страны. Советский Союз и правительство Афганистана всецело за это.

ГСС. Т. 3, с.163.

*Из доклада Горбачева на XXVII съезде КПСС
25 февраля 1986 года*

Мы хотели бы уже в самом ближайшем будущем вернуть на родину советские войска, находящиеся в Афганистане по просьбе его правительства. Согласованы с афганской стороной и сроки поэтапного их вывода, как только будет достигнуто политическое урегулирование, которое обеспечит реальное прекращение и надежно гарантирует невозобновление вооруженного вмешательства извне во внутренние дела Демократической Республики Афганистан. (Аплодисменты.) Наш жизненный, национальный интерес в том, чтобы со всеми сопредельными государствами у СССР были неизменно добрые и мирные отношения. Это существенно важная цель нашей внешней политики. (Аплодисменты.)

ГСС. Т. 3. С. 361.

*На Политбюро
28 апреля 1986 года*

Горбачев проинформировал о беседе с Кармалем. Шла речь о том, как реализуется договоренность, достигнутая в октябре. Главный вопрос, который поставил Кармаль, — перекрытие границы протяженностью в тысячи километров, прежде всего, — с Пакистаном.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
29 мая 1986 года
Об Афганистане*

Горбачев. Мы заменили Кармаля Наджибом. Но это не «свершившийся факт», а обоснованный акт с нашей стороны. А как мы себя ведем? Посол Табеев³ говорит Наджибу в лицо: «Я тебя сделал генсеком». Пора его отзывать. Ведет себя как генерал-губернатор. Табеев, конечно, человек серьезный, крупный, но пора менять вместе с изменением политики.

ПБ. С. 43; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро
26 июня 1986 года

Горбачев. В Афганистане вышли на новый этап. Новое руководство теперь. Куда пойдет? Афганское общество прошло тоже целый этап, накопило опыт, процессы должны выровняться... А мы должны вести дело так, чтобы они больше брали на свои плечи. Открыта дорога для их самостоятельных действий. И новое руководство готово к этому. Проявляет себя и мудро и умело, берет на себя большие политические решения. Надо привести в соответствие наше там посольство — поменять советников. Дать возможность новому руководству развернуться. Назначить нового посла. Советнический аппарат уполовинить. Их там сейчас 2,5 тысячи.

И Наджибу сказать: вот наш подход. Корниенко (*первый заместитель министра иностранных дел СССР*)⁴ уже кое-что ему передал. <...>

Может быть, в ближайшее время вывести 5–10 тысяч и этим подтолкнуть процесс. В конце концов, за два-три года завершим. Но в пакете все делать. Все надо обдумать и инициативу держать. США, Пакистан все время за хвост дергать. Но результат не должен выглядеть как позорное поражение: потеряли столько ребят и всё бросили. Словом — чтоб шел процесс, чтоб он не замирал.

Наджиба, может, позвать в Москву? Короче говоря, *надо оттуда вылезать*.

Громыко. Это не наша война.

Горбачев. Нас труднее будет упрекать за нее...

Громыко. Надо привлечь в правительство из оппозиции. Найти фигуры.

Горбачев. Поручаем МИДу, КГБ, Минобороны, Добрынину подготовить предложения.

ПБ. С. 55; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро
11 июля 1986 года
Об Афганистане

Докладывает Добрынин. Выводим 8 тысяч военнослужащих, шесть полков. (*Громыко, перебивая, говорит что-то невнятное.*)

Шеварднадзе. Мудрое, умное решение о выводе войск. Эффектная, правильная акция.

Соколов (*министр обороны*) *поддерживает*. Но есть опыт: в 1980 году вывели три полка, а политически не обыграли.

Горбачев. Выводим шесть полков. Тем самым демонстрируем, что СССР не собирается оставаться в Афганистане и не хочет «выхода к теплым морям». Это будет означать, что за словом у нас следует дело. И Наджиб должен понять, что мы все это всерьез. И пусть берет дело в свои руки. Пусть они сами занимаются своей страной.

ПБ. С. 64; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Наджибулла, Мухаммед (1947–1996) — наиболее значительный политик Афганистана в конце 80-х — начале 90-х годов XX века. Из семьи государственного служащего, консула в Пешаваре; по национальности пуштун. Его дед был вождем одного из племен. По окончании гимназии Наджиб учился в Кабульском университете, где получил степень доктора медицины. В университете он стал членом Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), возглавлял нелегальный Демократический союз студентов.

Принципиальный противник феодальной системы, Наджиб выступал за ослабление роли религии, за равные права для женщин и для всех народов страны, требовал освобождения политзаключенных.

Неоднократно арестовывался за нелегальную, по сути революционную деятельность.

С 1975 года посвятил себя партийной работе, стал руководителем подпольного комитета партии в Кабуле, в 1977 году стал членом Центрального комитета НДПА.

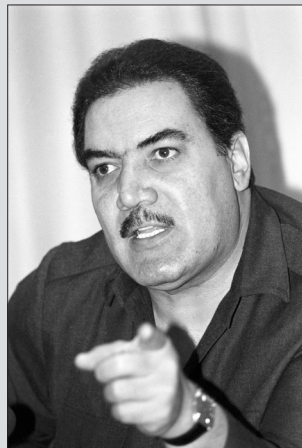
После революции 1978 года Наджибулла вошел в состав высшего органа республики — Революционного совета. В ходе ожесточенной внутривластной борьбы был обвинен в антиправительственном заговоре и вынужден был скрываться в Москве. Вернулся в Афганистан вместе с советскими войсками в 1979 году. Назначен руководителем службы государственной безопасности страны.

Наджибулла широко использовал возможности службы безопасности для установления контактов с лидерами моджахедов, с окружением короля Захиршаха (который был в эмиграции в Италии), поддерживал контакты едва ли не с половиной полевых командиров.

20 ноября 1987 года XX пленум ЦК НДПА принял (под давлением Москвы) отставку Бабрака Кармала. Председателем Революционного совета Демократической Республики Афганистан стал Наджибулла. 30 ноября Лойя Джирга избрала его президентом страны.

Наджибулла неоднократно встречался с Горбачевым. Особенно значительной была их встреча в Ташкенте в апреле 1988 года, где они договорились о совместных действиях по урегулированию конфликта после вывода советских войск, — о решении афганского вопроса в широком международном контексте с участием США и ООН.

Наджибулла оценивался в советском руководстве как человек умный, мужественный, энергичный политик, патриот своей страны, хорошо разбирающийся во всей ее национально-племенной «восточной» специфике, верный данному слову, заслуживающий доверия.

После ухода советских войск Наджибулла объявил в стране чрезвычайное положение. В июне 1989 года на II съезде НДПА он объявил о создании новой партийной организации — Ватан («Партия Отечества»). Правительство Наджибуллы выступило с проектом новой конституции, в которой Афганистан был назван «Исламским государством Афганистан».

В сентябре 1991 года было подписано советско-американское соглашение о прекращении военной помощи (поставок оружия) обеим сторонам в Афганистане. Это ослабило положение Наджибуллы.

18 марта 1992 года Наджибулла предложил передать власть переходному правительству и 16 апреля оставил свой пост. Во время захвата Кабула моджахедами он успел укрыться в индийском посольстве. А затем — в здании представительства ООН в Кабуле.

26 сентября 1996 года Кабул захватили талибы. Наджибулла, его брат и трое других бывших членов правительства были схвачены, подвергнуты жестоким пыткам и публично казнены.

На Политбюро 24 июля 1986 года

Горбачев. *(Об Афганистане).* Трудно строить новое здание из старого материала. <...> Поставки оружия не увеличивать. <...> На 40 процентов границы Афганистана не прикрыты и это невозможно сделать.

Надо, чтобы взятая политическая линия объединяла руководство и народ. И чтоб всё шло с меньшими потерями. <...> Приглашать все силы строить новый Афганистан. <...> Конституция — не программа, она констатирует то, что есть.

Действовать надо решительно, мужественно, осторожно. Дай бог, [чтобы] не ошиблись в Наджибе.

Коалиционное правительство — в том числе с участием тех, кто за рубежом, но не в «стане врага».

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Из речи Горбачева во Владивостоке 28 июля 1986 года

В заключение — об Афганистане. С трибуны XXVII съезда КПСС было заявлено, что мы готовы вернуть домой советские войска, находящиеся в этой стране по просьбе его правительства. Партия, как вы знаете, теперь твердо держится принципа: за словом — дело.

Всесторонне оценив складывающуюся ситуацию и проведя консультации с правительством ДРА, советское руководство приняло решение, о котором я сегодня официально объявляю: до конца 1986 года из Афганистана

будут возвращены на родину шесть полков — один танковый, два мотострелковых и три зенитных — с их штатной техникой и вооружениями. (*Аплодисменты.*) Возвращаться эти части будут в районы их постоянной дислокации в Советском Союзе и таким образом, что в этом легко смогут убедиться все, кого это интересует. <...>

За последнее время на ведущихся через представителя Генерального секретаря ООН афгано-пакистанских переговорах был достигнут некоторый прогресс. Как только будет окончательно выработано политическое урегулирование, возвращение всех советских войск из Афганистана может быть соответственно ускорено. С афганским руководством согласованы и сроки, и этапы их возвращения. <...>

Мы поддерживаем линию нынешнего афганского руководства на национальное примирение, на расширение социальной базы Апрельской национально-демократической революции вплоть до создания правительства с участием в нем политических сил, которые оказались за пределами страны, но которые готовы искренне участвовать в общенациональном процессе строительства нового Афганистана.

ГСС. Т. 4. С. 375–376.

6 ноября 1986 года Министерство обороны СССР опубликовало сообщение о том, что вывод из Афганистана шести полков советских войск завершен. («Правда», 6 ноября 1986 года.)

*Из интервью Горбачева индийским журналистам
21 ноября 1986 года*

(*Отвечая на вопрос об Афганистане*): Мы — за политическое урегулирование вокруг вопроса об Афганистане. Афганское правительство настроено так же. То, что делается под эгидой ООН — я имею в виду миссию Кордовеса⁵, — процесс реальный. Он может завершиться успешно и прийти к политическому урегулированию, если, конечно, за политическое урегулирование будут и Пакистан, и Соединенные Штаты Америки. Но пока мы видим, что, как только в урегулировании намечается прогресс, тут же с их стороны предпринимаются меры, чтобы его сорвать.

«Правда», 24 ноября 1986 года.

*На Политбюро
25 сентября 1986 года*

Горбачев (*об Афганистане*). Воронцову (*заместитель министра иностранных дел СССР*)⁶ ехать туда. Не торопиться с увольнением Кармаля, Кештманда⁷, Доста⁸. Сказать, что в пределах этого года будет встреча Наджиба с Горбачевым.

С пакистанцами провести тайный обмен мнениями — о расширении кабульского правительства за счет эмиграции.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
13 ноября 1986 года*

Горбачев. Интуиция подсказывает — что-то тревожит. Как бы не потерять время! Происходит привыкание. Ну что ж, мол, идет война, всё своим чередом, жизнь идет. «Странная война!» — скоро нам пришлют этот термин.

Наджиб правильно думает: все внимание к крестьянству и консолидировать политическое руководство. <...>

Раз взяли линию, товарищи, ее надо и проводить. Ведь война! Шесть лет уже воюем! Некоторые говорят: если так вести дела, она и 20, и 30 лет может продолжаться. Так и будет!

Но во-первых, это бросает тень на наши военные способности. Наши генералы там плохо учатся. Может, им там развернуться негде?! А ведь есть опыт Анголы, Эфиопии, Мозамбика. Надо учиться. Учились ведь во Вьетнаме... Тут не двинешь корпуса и танковые армады. Надо ключи подбирать к данной войне.

У людей возникает вопрос: мы что — бесконечно там будем сидеть?! Или должны кончать эту войну? Иначе ведь опозоримся во всех отношениях.

Стратегическая цель — в один, максимум два года завершить войну и вывести войска.

Громыко признает, что был недоучет социальных условий и всех других обстоятельств, когда «дали согласие на военную поддержку» Кармаля. Предлагает обратиться к королю (который в эмиграции в Италии), уговорить американцев на совместные усилия и выйти на Лондон, войти в контакт с Пакистаном.

Ситуация хуже, чем полгода назад. Нельзя больше откладывать. Время — не в нашу пользу.

Цель наша — чтобы Афганистан был не враждебной страной, а нейтральным государством. Из того, что в социальном плане можно сохранить, нужно сохранить. Главное — прекратить войну и вывести войска. Нужно будет — заключим договор и т.д.

Чебриков (председатель КГБ СССР). Границу по периметру Афганистана не закрыли и вообще не добились всего того, что могли. Душманы изменили тактику. Ушли в подполье. И везде оцетинились.

Военными средствами решения не будет, надо активизировать поиск политических решений. Наджиб ни разу в Москве не был. А с Кармалем 5 раз встречались на высшем уровне. Это обстоятельство идет на пользу Кармалю в оппозиции. Надо Наджиба пригласить и с ним все решать.

Мы мешаем ему заменять кадры — вместо того, чтобы решительно сказать, раз мы ему доверяем: делай, как знаешь, как считаешь нужным. <...>

Вместо того чтобы думать о главном — как кончить войну, занимаемся мелочовкой.

Горбачев. Я считал, что мы дали Наджибу такое согласие.

Шеварднадзе. Надо кончать войну. И для этого вести переговоры по всем азимутам. Мы должны назвать сроки вывода. Если не скажем, переговоры лопнут.

Наши товарищи — и тут, и там в Афганистане — никак не могут привыкнуть, что имеют дело с суверенным государством. И МИД, и Минобороны, и прочие ведомства к этому не привыкли. Поэтому и не получилось с нашей установкой: пусть Наджиб все сам решает.

Надо дать ему полную свободу действий. И собрать в одном месте нашу ответственность, а то непонятно, кто там главнее — КГБ или армия.

Без полной самостоятельности афганского руководства ничего мы не сделаем.

Нужно Ваше решающее слово, Михаил Сергеевич.

Горбачев. Мы ясно поставили цель: помочь ускорить процесс, чтобы иметь дружественную нейтральную страну и уйти оттуда.

Добрынин. Надо провести «афганский Рейкьявик». Дать свободу Наджибу. <...>

Горбачев. Почему опять так стоит вопрос? Почему вы все этого не делаете? Что? В каком кабинете вынесли решение, которое противоречит решению Политбюро?! Если что не стыкуется, сели бы и поговорили (*представители разных ведомств*). <...>

И потом: ведь политбюро (НДПА) не поддержало Наджиба с идеей национального примирения. <...>

Но у нас концепция есть. Мы ее на Политбюро утвердили. Нет реализации концепции.

(*Обращается как бы к Ахромееву.*) Влезли — не просчитали, подставили себя по всем линиям. И военную силу не сумели по-настоящему применить. И теперь вот вылезать надо... Надо вылезать!

Ахромеев. За семь лет в Афганистане не осталось квадратного километра, чтобы там не ступала нога советского солдата. Но стоит ему уйти, как тут же приходит противник и восстанавливает все, как было.

Мы проиграли борьбу. Афганский народ сейчас в своем большинстве — за контрреволюционеров.

Мы проморгали крестьянство, оно от революции ничего не получило. 80 процентов территории страны — в руках контрреволюционеров. И положение крестьян там лучше, чем на государственной территории.

Горбачев. В соответствии с линией, принятой с октября 1985 года, — ясно поставлена цель: ускорить меры, чтобы иметь дружественную страну, и уйти. Но все наши действия на всех направлениях — политическом, дипломатическом, экономическом — не дали никакого продвижения. А у Кармаля политика была простая: сидеть и править, а воевать — нам.

В Кабуле запаниковали, когда узнали, что мы собираемся уйти.

Табеева сменили, чтобы дать понять, что ориентируемся на самостоятельность афганцев. А что получилось? Опять всё делаем сами. Наши только к этому приучены. Вяжут Наджиба по рукам и ногам. Словом, реализация концепции идет плохо.

Убираться оттуда надо, оставляя Афганистан дружественной, нейтральной страной. Для этого нужна Наджибу социальная база, нужно развертывание масштабной дипломатии и, конечно, укреплять афганскую армию. Ибо для Наджиба и его сторонников это вопрос жизни или смерти, когда уйдем.

Но два пункта надо четко иметь в виду:

- 1) В течение двух лет убраться оттуда, выводя по 50 процентов войск за год.
- 2) Расширять социальную базу режима, для этого обеспечить реальную расстановку политических сил в руководстве. И пусть они в своем котле варятся со всем своим восточным плюрализмом.

Вести дела со всем составом их политбюро. Выходить на Кармалю и даже на тех, кто друг друга считает бандитами, хотя таких среди них 80 процентов.

Остро ставить перед ними вопрос о нашем уходе и назвать порядок вывода: 50 процентов в первый год, 50 процентов — во второй.

С Пакистаном вступить в прямые переговоры. Ведь там 3 миллиона убежавших из страны афганцев. Каша может быть. <...>

Мы же не социализма там хотим. И США не полезут прямо туда военной силой, если мы уйдем.

Если в Афганистане не будет американских аэродромов, военных баз и т.п., — тогда что? Пусть с остальным сами афганцы распорядятся.

Ахромеев подтверждает, что США войсками в Афганистан не пойдут.

Горбачев. Поэтому нужны смелые решения и американцев связывать нашей линией.

В декабре пригласить Наджиба.

На два года создаем группу при Политбюро по Афганистану во главе с Шеварднадзе. Войдут Чебриков, Талызин (*председатель Госплана СССР*), Мураховский (*первый зам. Предсовмина, председатель Госагропрома СССР*), Соколов (*министр обороны СССР*), Табеев.

Обращается к Крючкову (зам. председателя КГБ): Не ординарное ведь дело убирать войска, раз ввели? Да! Но ведь никто не возражает. Так ведь? Договорились.

Кого снимать за провалы в реализации концепции, так это (*как бы в шутку*) в первую очередь Мураховского. Вместо того, чтобы тетрадки ребятам посылать, он гонит тонны стали, километры рельсов.

ПБ. С. 104–106; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На совместной пресс-конференции Горбачева и Р. Ганди Дели, 28 ноября 1986 года

Вопрос. Вы знаете, что существует 5 миллионов афганских беженцев в Иране, Пакистане и Индии. Здесь, в Дели, Вы подписали Делийскую декларацию. Как Вы считаете, вывод советских войск из Афганистана позволит афганским беженцам вернуться домой?

Ответ. В интервью индийским журналистам эта проблема уже освещалась. Мы — за политическое урегулирование вокруг Афганистана. Чем быстрее будет достигнуто согласие именно так подходить к вопросу, тем лучше будет и для Афганистана, и для соседей. Это касается и проблемы беженцев. <...>

Афганистан — наше соседнее государство. При всех режимах у нас с ним были прекрасные отношения. Мы сотрудничали с королями, сотрудничали с премьер-министрами, сотрудничаем и с нынешним Афганистаном, который образовался на основе революционных событий в этой стране. Дело афганского народа, какой строй ему иметь, делать свой выбор и дать импульс развитию общества, которое значительно отстало от других.

ГСС. Т. 5. С. 253, 256.

*Из речи Горбачева на обеде в Кремле в честь Наджиба
12 декабря 1986 года*

Наше отношение к Афганистану органически вытекает из линии XXVII съезда КПСС на укрепление солидарности с освободившимися странами, вставшими на путь социального прогресса.

В сложной, беспокойной обстановке афганский народ вступает в новую жизнь. Не стихает необъявленная война, развязанная против него, не прекращаются посягательства на свободу афганцев и их законное право строить собственное общество применительно к условиям конца XX века.

Продолжается засылка на его территорию банд террористов. Им поставляют все в большем количестве и все более совершенное оружие. Их главарей чествуют в западных столицах. <...>

Народно-демократическая партия Афганистана провозгласила курс на национальное примирение. Вырисовываются его контуры и перспективы. И мы, естественно, желаем афганским друзьям успеха на этом пути, желаем, чтобы мир и спокойствие в соседней и дружественной нам стране утвердились как можно скорее.

Идет процесс политического урегулирования вокруг Афганистана. В нем есть сбои и холостые обороты, но есть и моменты, внушающие оптимизм. Мы надеемся, что добрая воля сторон, усилия личного представителя Генерального секретаря ООН Кордовеса позволят уже в ближайшем будущем добиться взаимопонимания и решающих договоренностей.

На XXVII съезде КПСС заявлено о решимости СССР содействовать развязке затянувшегося вокруг Афганистана узла. Советский Союз занимает активную позицию в деле политического урегулирования и призывает к участию и сотрудничеству в нем всех, кто действительно имеет отношение к афганской проблеме. <...>

Теперь слово за другой стороной, прежде всего за американской администрацией. Если она действительно хочет урегулирования, то должна приступить к свертыванию вмешательства во внутренние дела ДРА. <...>

Фундаментальным правилом современной международной политики должно быть безусловное признание права каждого народа на собственный социальный и политический выбор, уважение самостоятельности и независимости каждого государства, равноправие во всех международных делах.

Это правило, этот принцип мы будем отстаивать повсюду и в любой ситуации. Ими мы неукоснительно руководствуемся и в отношениях с Афганистаном, тем более что он — наш сосед.

ГСС. Т. 5. С. 300–301.

*Из послания Горбачева Генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру
11 января 1987 года*

Советский Союз стремится к беспромедлительному урегулированию обстановки вокруг Афганистана, решительно выступает за скорейшее прекращение и недопущение вмешательства извне, что ускорило бы возвращение на родину советских войск, находящихся в этой стране по просьбе ее правительства. Он полностью поддерживает усилия руководства ДРА, направленные на достижение национального примирения.

ГСС. Т. 5. С. 361.

*На Политбюро
21–22 января 1987 года
Об итогах визита Шеварднадзе и Добрынина в Афганистан*

Шеварднадзе. В стране и в провинциях созданы авторитетные организации по примирению. Работают активно. Специальный комитет — по беженцам. Многие банды, правда, немногочисленные, прекратили вооруженную борьбу. Наджиб производит очень хорошее впечатление. Но его поддерживают не все даже в руководстве. Некоторые колеблются. Но он правильно говорит, что других людей у него нет. Инициативу он взял в свои руки. Думаю, что главы моджахедов допустили просчет, отклонив примирение. Экономика страны в развале.

От дружеских чувств к советскому народу, которые существовали десятки лет, мало что осталось. Погибло очень много людей и не все они бандиты. В пользу крестьян не решена ни одна проблема. По существу, воевали против крестьян. Госаппарат функционирует плохо. Советническая наша помощь неэффективна. Наджиб жалуется на мелочную опеку со стороны наших советников.

Не буду сейчас рассуждать о том, правильно ли мы сделали, что туда вошли. Но то, что мы вошли туда, не зная абсолютно психологии людей, реального положения дел в стране, это факт. И все, что мы делали и делаем в Афганистане, несовместимо с моральным обликом нашей страны.

Громыко. Несовместимо — что вошли?

Шеварднадзе. И это тоже. Отношение к нам более негативное, чем это нам кажется. <...> То, что посылают ведомства в Афганистан, хорошо. Но нужно политическое решение. Иначе мы будем пожинать плоды серьезного политического и военного поражения. Сейчас все решает фактор времени. Наджиб считает дни — сколько осталось?

И тратим мы на все это 1 миллиард долларов в год. Сумма огромная и ответственность за это надо брать. И еще раз подсчитать во всех деталях, во сколько нам именно сейчас, в данный момент, обходится Афганистан. У Николая Ивановича (*Рыжкова*) таких данных пока нет. А в Соединенных Штатах считают, что война нам обходится в 2 миллиарда, японцы считают — в 3 миллиарда в год. Не говорю уж о жизнях людей.

Горбачев. Индийцы считают, что выводить полностью наши войска не надо или, во всяком случае, «спешить не торопясь».

Шеварднадзе. Слова, обращенные Наджибом к народу, до народа не доходят. Радио у людей нет. <...> Словом, пока не поздно еще окончательно определиться. Главное — материальная и политическая поддержка Наджиба. Другого выхода нет.

Горбачев. Не будем сейчас говорить, как там появилась революция, как мы реагировали, как колебались, вводить — не вводить войска.

Громыко. Да, да.

Горбачев. Сейчас нужно исходить из того, что есть в данный момент и какие меры нужно принять.

Громыко. Согласен с характеристикой Наджиба. <...>

Наемная армия — неизвестная величина. Наша материальная помощь существенных изменений в обстановке не принесет. Помощь и войска — да. А после ухода... Надо взвесить, какую поддержку мы тогда будем оказывать. Мы должны все сделать, чтобы уйти. Но что будет с революцией и с Наджибом? Я не верю, что вопрос об Афганистане решается в Исламабаде. Он решается в Вашингтоне. Надо завязать разговор, закрытый, с американцами о «линии Дюранда»⁹. С Индией не прекращать контактов по этому вопросу... С Китаем мы мало чего можем достичь здесь.

Вероятно, с согласия Наджиба надо вести дело к созданию какого-то приемлемого для нас коалиционного правительства... Отозвать советников, не пригодных для проведения нашей новой линии.

Рыжков. Сообщение Эдуарда Амвросиевича дает реалистическую картину. Прежняя информация не была объективной. Ситуация заставляет нас еще раз по-серьезному подойти к этой проблеме. Упрощать ничего не надо. Личность Наджиба — это, конечно, важно... Но... Неграмотное общество. Революция привела к ухудшению положения народа. Надо взять твердую линию на то, чтобы за два года оттуда уйти. Лучше платить деньгами, керосином, а не ребятами. Народ наш не понимает, что мы там делаем. Почему мы там сидим семь лет.

Просто уйти, бросить все на произвол судьбы мы не можем. Это отшатнет от нас многие страны. Надо предпринять шаги, чтобы, когда уйдем, дело пошло к созданию нейтрального дружественного Афганистана.

Какие шаги сделать? Армия. Почему бы и не платная армия? Что удерживает от дезертирства? — Хорошие деньги. В лозунги они не верят... В общем, я с ходу бы не отвергал идею платной армии.

Поддерживаю предложение — пригласить Кештманда (*премьера*). Послушать, какие запросы у них. И посчитать, сколько в общей сумме мы сейчас тратим на Афганистан. Нам лучше отдать оружие, боеприпасы. И пусть сами

воюют, если хотят. Параллельно активно вести политическое урегулирование. Все надо использовать: контакты с Пакистаном, с США. Но четко, не отступая, проводить нашу линию.

Лигачев. Не можем мы военным путем принести им свободу. Мы в этом деле понесли поражение. И информация Эдуарда Амвросиевича впервые объективная, хотя и тяжелая. Мы как-то не задумывались о последствиях и уповали на военный путь. Считаю правильной политику национального примирения. Первые дни показали, что шаг правильный. Подготовка началась. Кое-что уже приобрели.

Конечно, надо уйти так, чтобы не допустить разгрома прогрессивных сил. Всячески надо помочь им создать армию. Мысль о платной армии приемлема.

Если перед своим народом поставить вопрос: пусть гибнут люди, наши солдаты или лучше давать всякую помощь? Думаю, все до последнего человека выскажутся за второй путь.

Надо взяться за упорядочение экономической жизни этого государства. Оживить их экономическую жизнь. План предложить, а не просто единовременную помощь.

Ведь за годы войны мы ничего там не создали. <...>

И работать на пакистанском направлении с Индией, с Китаем, с Америкой. Но чтоб уйти так, как американцы из Вьетнама, — нет, мы еще, как говорится, для этого «не созрели».

Соколов (*министр обороны СССР*). Военная обстановка в последнее время ухудшилась. Вдвое увеличилось число обстрелов наших гарнизонов. Бьют в основном из кишлаков, в расчете на то, что мы не будем в ответ бить по населенным пунктам.

Последние дни показали, что пока практически доведение до народа идеи национального примирения отстает от развития обстановки. Работы с народом нет.

Такую войну выиграть военным путем невозможно.

Есть отдельные факты, когда небольшие банды прекращают боевые вылазки. Чувствуют, что народ устал от войны. Этим мы можем воспользоваться для продвижения идеи примирения.

Драматизировать ситуацию рано. Слишком мало дней прошло с выдвижения идеи.

Первая задача — понудить руководство Афганистана активно доводить до населения программу национального примирения. Если этого не будет — от армии там не будет толку.

Афганская армия стоит нам 3,5 миллиарда рублей. И еще 1,5 миллиарда запланировано на этот год. У нее есть всё, чтобы воевать как полагаются. <...>

Вывести еще три полка, но, как некоторые предлагают, продолжать воздушные налеты с советской территории. Одно с другим не вяжется.

40-я армия в 86-м году потеряла уже 1280 человек. <...>

Решение о выводе надо твердо проводить, но пока использовать все иные возможности: дипломатические, по линии КГБ, общественности, политические, материальную помощь. И не отступать от принятой линии.

Разобраться с экономической помощью: просят ведь в 3 раза больше, чем нужно. Да, помогать придется. Но — чтобы польза была. В 1981 году дали на 100 миллионов безвозмездной помощи. И все осталось у верхушки. А в кишлаках нет ни керосина, ни спичек, ничего.

Чебриков. Афганский вопрос мы обсуждаем больше, чем другие. Товарищи (*ездившие туда*) хорошо разобрались. Мы вроде получили много нового материала. Но если поднять документы, все это уже было изложено.

Никаких открытий об обстановке нет. Это вы, Михаил Сергеевич, еще Кармалю говорили. Отсюда и возникла идея национального примирения. Знание обстановки всегда было. Но не всегда мы правильно действовали — так, чтобы это давало выход. Наджиб ведь пошел на этот шаг (*национальное примирение*). На Кармаля жали целый год и без толку.

Не надо преуменьшать значения того, что некоторые банды прекращают боевые действия. В сегодняшнем номере «Правды» сообщение о 400 беженцах, явившихся в Кабул. Беженцы тронулись обратно (*из Пакистана*). Хотя Пакистан их не выпускает. Беженцы говорят, что за восемь лет устали в изгнании. Этим моментом надо пользоваться.

Горбачев. Может, и хорошо, что не выпускает (*Пакистан — беженцев*). Наджиб не знает, что с ними делать. А в Пакистане и в Иране — они фактор беспокойства.

Итак, подтверждаем нашу твердую линию. Не отступать, раз начали.

Трудно подводить итоги сделанным недавно шагам. Наши принципиальные решения, которые охватывают все проблемы, будут подталкивать процесс.

Говорил я Наджибу, что армию надо укреплять, что будем ее содержать, и чтобы с торговцами договаривались, которые получают наши товары, и чтобы народ видел, что это **наши** товары, **наша** помощь.

Действовать по всем направлениям. Серьезно разобраться, куда и как использовать нашу помощь, запустить внешнеполитические механизмы через Кордовеса, через Пакистан. С китайцами попытаться и, конечно, вести дело на соглашение с американцами. Усталость от Афганистана везде — и в самом Афганистане, и в Пакистане, и у нас, во всем мире.

Когда мы входили в Афганистан, мы были закольцованы идеологическими аспектами, рассчитывали, что можно перепрыгнуть сразу три этапа: от феодализма к социализму. Теперь мы можем смотреть на ситуацию открыто. И проводить реалистическую линию. Мы ведь в Польше приняли всё — и Костёл, и единоличное сельское хозяйство, и идеологию, и политический плюрализм. Реальность есть реальность. Правильно говорят товарищи: заплатить лучше деньгами, чем жизнями наших людей. Подталкивать Наджиба, и за два года все это завершить.

Поручаем Комиссии (*по Афганистану*) оформить наши решения.

На Политбюро
23 февраля 1987 года

Громыко. Моджахеды закрепляются. Танки мы применить не можем в горных условиях. Приходится отходить. Положение ухудшается. Полгода больше, полгода меньше (*пребывание наших войск*) ничего не решает. Если этот раунд переговоров с Кордовесом ничего не даст, произойдет еще большая консолидация позиции моджахедов. Они закрепятся на захваченных территориях. И может быть, придется соответственно решать вопрос о сроках вывода войск. Повторяю, если соглашение не будет парафировано, положение ухудшится.

Шеварднадзе. Меньше двух лет на вывод нельзя отводить. И каждый день важен для формирования афганской армии. Допускать отступление от договорных сроков вывода войск нельзя. Наджибулла не поймет.

Громыко очень шумно говорит о том, что пакистанско-афганскую границу нам все равно не перекрывать и войну надо прекращать. Проблема границ — это ерунда по сравнению с нашей главной целью, а Наджиб упирается. Надо послать нашего представителя на переговоры пакистанцев с Кордовесом, например Крючкова.

Шеварднадзе. Самое главное — не допустить, чтобы режим Наджибуллы рухнул. Это самое главное!

Горбачев. Ситуация не простая. Войти вошли, а вот как выйти, голова от этого ломится. Можно выйти быстро, не думая ни о чем, и сослаться на прежнее руководство, которое все затеяло. Но мы так не можем. Беспокоится Индия, беспокоятся в Африке. Считают, что это будет удар по авторитету Советского Союза в национально-освободительном движении. Если вы побегите из Афганистана, говорят нам, империализм перейдет в наступление.

Но важен и внутренний аспект. Миллион наших солдат прошел через Афганистан. И оказывается, все попусту. Дело не довели до конца. Нам перед своим народом не отчитаться. Скажут: позабыли о жертвах, позабыли об авторитете страны. Горечь вызовет — за что же людей положили?! <...>

Не исключать Америку из договоренности, вплоть до каких-то сделок с американцами. И Пакистан надо тыкать носом, давать понять, что от Советского Союза ему никуда не деться. Может быть, Зия-уль-Хака (*президент Пакистана*) пригласить в Ташкент на встречу со мной и даже «заплатить» ему чем-то? Нужна гибкость и изворотливость, ибо иначе будет резня и Наджиба сразу скovyрнут. Переговоры продолжать, не допустить срыва переговоров. И может быть, придется еще уступить по срокам вывода.

Есть ли сомнения насчет того, что я сейчас сказал? (*Голоса: Нет! Нет!*)? Тогда так и будем действовать.

*На Политбюро
26 февраля 1987 года*

Горбачев. Материальная помощь Афганистану. Затраты огромные. И они были бы оправданы, если бы они решали афганскую проблему.

Шеварднадзе. Еще раз мы допустили ошибку — не предусмотрели, что нас ждет. И теперь выводить войска — единственно правильный выход.

Горбачев. И не будем сейчас разводить дискуссию на тему, кто виноват. Сейчас — о материальной помощи.

Громыко. Но ведь они 11 раз просили нас о вводе войск. Мы им отказывали. Было, конечно, упрощенное представление о том, что присутствие наших войск направит Афганистан по правильному пути. А теперь я ни на грош не верю, что может быть создана собственная афганская армия, сколько бы мы ни вкладывали туда средств. Тем не менее у нас нет альтернативы — ничего не остается, как снабжать ее.

Горбачев (*саркастически*). Есть «альтернатива»! Если мы еще введем, например, 200 тысяч, но тогда крах всего нашего дела. Так что вывод войск — единственно правильное решение. Но на данный момент могут потребоваться и другие решения. Кое-что взять из того, что предлагает Поляничко (*главный советник при Наджибе*). И не торопиться уж так с выводом советников: все увидят, что удираем.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с министром иностранных дел Италии
Джулио Андреотти
27 февраля 1987 года*

Горбачев. Хочу сделать одно замечание. Из весьма надежных источников мы имеем информацию, которую, полагаю, можем считать достоверной. США поставили перед собой цель любыми средствами сорвать урегулирование в Афганистане. Ведь в случае успеха Америка лишилась бы возможности представлять Советский Союз в дурном свете в глазах мирового общественного мнения. Если это так, а мы, повторяю, почти уверены, что наша информация верна, дело приобретает непростой характер.

Шеварднадзе. Даже пакистанцы говорили нам о давлении, которое оказывают на них американцы.

Горбачев. Да, пакистанцы жалуются на то, что американцы жмут на них, чтобы помешать урегулированию. Убедительно прошу Вас не выдавать пакистанцев, а то тогда американцы их окончательно задавят.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Ответы Горбачева газете «Унига»
18 мая 1987 года*

Вопрос. *Какие имеются перспективы для политического урегулирования афганского вопроса, в результате которого были бы выведены советские войска из этой страны, обеспечены полный суверенитет и независимость Афганистана?*

Ответ. Начну с того, что Афганистан и сейчас является суверенным и независимым государством.

Политика национального примирения, проводимая Афганистаном с начала этого года, содержит все необходимые компоненты для политического урегулирования внутри страны. Это должно, конечно, сочетаться с урегулированием ее внешних аспектов — в смысле обеспечения прекращения вмешательства во внутренние дела Афганистана извне. Переговоры на этот счет ведутся, как известно, между Афганистаном и Пакистаном через личного представителя Генерального секретаря ООН. <...>

Советский Союз не вмешивается и не будет вмешиваться в то, где афганские товарищи будут искать партнеров для реализации программы национального примирения — в собственной стране, среди беженцев и эмигрантов за рубежом, может быть, и у вас в Италии. <...>

Если Афганистан решит стать также и нейтральным государством, то это опять-таки дело афганского народа.

ГСС. Т. 6. С. 517–518.

*На Политбюро
21–22 мая 1987 года*

Шеварднадзе докладывает о ситуации в Афганистане, высказывая серьезные опасения и тревогу за положение дел: политика национального примирения дает результат, но очень скромный. Высказывается за формирование правительства во главе с НДПА.

Горбачев (после доклада генерала Варенникова¹⁰). Итак, в новый Афганистан с нынешним режимом не войдем. Режим должен трансформироваться. А нам как быть? Вы говорите, что афганская армия самостоятельно не способна выполнять свою роль, а как же тогда с выводом наших войск?

Варенников. Политика национального примирения затухает.

Горбачев. Но мы же сказали Наджибу, чтобы он делал все сам, не бегал к нам за советами. Он видит, что не получается выхода на национальное примирение, и, однако, ничего не делает. Это же типичный кармализм.

Вы правы: получается, что солдат правительственных войск там думает, что его заставляют воевать за нас, а не за свою родину.

Варенников. Там вообще нет понятия родины. Есть род, племя, клан, солдат боится за свою семью, потому что большая часть территории под властью моджахедов.

Горбачев. Вот моджахеды и исходят из того, о чем вы говорите.

Можаев (посол СССР в Афганистане, сменивший Табеева). <...>

Горбачев. Говорильня у вас там идет.

Варенников. Безграмотный народ, а мы его агитируем за социализм, навязываем понятие национальный демократической революции. А они там в Афганистане ничего в этом не понимают. Застойные тенденции. За пять месяцев можно было сделать больше.

Крючков. Надо найти способ, чтобы не потерять Афганистан как дружественную страну, не допустить, чтобы там был создан плацдарм кем угодно — Ираном, Турцией, фундаменталистами. Нельзя уходить, бежать, бросать все. Сначала не подумав, сделали, а теперь все бросить! Главная там опасность левацкая. Я понимаю линию Политбюро так: все переваливать на афганцев и пусть проходят школу, пусть учатся действовать самостоятельно. Иначе кровавая баня. Дело не только в том, что слово демократический в названии партии (НДПА) не подходит. Можно партию переименовать. Но надо иметь в виду, что само понятие «партия» страшно для афганца. А Наджиб — лидер прежде всего партии. А без государственного облика он для афганцев ничто. И надо прибавить «исламизации» в облике партии.

Горбачев. Да, это реалистический подход. Мы обязаны проводить реалистическую политику. И помнить надо: без ислама не может быть Афганистана. И нечем его сейчас заменить. Если и сохранять название партии, то включить туда слово «исламская». Надо вернуть Афганистан в естественное для него состояние. Надо смелее приглашать моджахедов к власти на местах. Никто не мешает это делать. А Наджиб должен выступать как президент, председатель Госсовета или что-то в этом роде. Личный фактор играет там огромную роль.

Корниенко. Наджиб понимает «национальное примирение» в рамках «НДПА — ведущая сила». А надо бы вести речь о коалиционном правительстве «с участием НДПА»! Это ключевой вопрос.

Горбачев. Если выдвигать Наджиба на пост президента, то пусть он сначала провозгласит другую программу и не вокруг НДПА. Но если не с Наджибом, то с кем же нам там работать? А отвернемся совсем, пусть, мол, там все катится, нам скажут: Советский Союз предал.

Пусть НДПА даст другим силам разворачиваться. Но свои кадры — на государственные посты и в Кабуле, и в провинциях. Иначе эти другие придут и сбросят НДПА совсем. <...>

Один из членов руководства НДПА заявил: 100 лет будем мстить, если заденут кого-то из наших!

Ясно, что вокруг НДПА не будет сплочения афганцев. Они это не воспринимают. И сейчас надо говорить не о втором дыхании в Афганистане, а о последнем. Если мы исключим перспективу, связанную с Наджибом, то все потеряем. Получится, как с Кармалем. И тогда на кого опираться? И что — убираем войска, драпаем? Уйдем мы все равно с синяками. Но надо, чтобы поменьше их было и чтобы не очень болезненные. Надо думать о связях с королем. Надо отойти от формулы, что коалиционное правительство — только на базе нынешнего правительства. И не делать Наджиба «№ 1». Пока наш комплексный план действий подстроить под существующее правительство.

Ахромеев. Ведущей роли НДПА никогда не получится. И если мы на это сориентируемся, будет бесконечная война, в которой никогда не победим. Коалиционное правительство возможно, но не при ведущей роли НДПА, а лишь при ее участии, и не при решающем ее влиянии. И пусть примерно год будет там «буржуазное правительство» на наших штыках.

Однако, если мы скажем им, что нельзя допустить ведущей роли НДПА — это будет для правящей сейчас в Кабуле группировки самым тяжелым ударом, ибо она заявляет о себе как о революционерах, борющихся против империализма.

Горбачев. Если мы сейчас им это скажем, просто разбегутся.

Чебриков *считает, что Наджиба нельзя отодвигать.*

Лигачев. Там надо двигаться вперед широким фронтом, включая политику, социальную сферу, экономику, дипломатию. Афганистан уже никогда не будет таким, каким он был. Я поддерживаю позицию Чебрикова в отношении Наджиба: не надо ему быть президентом, но одно из ведущих мест в государстве за ним оставить. И пусть там будет временное переходное правительство.

Горбачев. Ошибкой будет, если мы просто оттуда будем уносить ноги...

Нам надо находить политическое решение, которое не исключает каких-то военных операций. Иначе говоря, линия на национальное примирение правильная. Но как ее наполнить? Нужны конкретные шаги. В этом виде она выдыхается. Надо выходить на широкий спектр разных сил.

Сейчас ужесточается позиция США, Пакистана, — это для того чтобы сорвать линию на национальное примирение. Нам нельзя пренебрегать ни одним направлением:

1. Кордовес. Думать и думать, как с ним вести дела, не прерывать контакты.

2. На США мы по-настоящему не вышли. Надо их повязывать на политическое решение, приглашать. Это верная линия. Тут возможности есть.

3. Дипломатические шаги в отношении самого руководства Афганистана. Есть шансы на них влиять. Они боятся, что мы просто будем драпать, как американцы из Вьетнама.

4. Военные операции. Совершенствовать тактику территориального давления. Давать местным властям оружие. Афганцы умеют держать слово, у них своя мораль. Важно добиться, чтобы наша помощь в смысле снабжения афганских солдат всем необходимым доходила до них. Заинтересовать офицеров. Отряды на местах существуют и будут возникать еще. Но они будут действовать только тогда в нашу пользу, когда весь процесс будет идти в нужном направлении.

5. Что мешает брать моджахедов в правительство или во властные органы на местах? Приглашать и заявлять об этом, до народа доводить, что готовы на это. Надо доходить до регионов и чтобы наши советники туда попадали, а не отсиживались в Кабуле.

6. Может быть, мы не точно формулируем позицию относительно роли НДПА? Если мы сейчас, в данный момент поседем сомнения в НДПА, мы потеряем все. На кого же нам там опираться? Но это не значит, что мы уперлись

в НДПА и только в ней видим выход. Если во главе будет НДПА с генсеком и прочим аппаратом — для афганцев это нуль, страх. Президента, короля они стали бы уважать. Вот почему — оставить НДПА определенную роль, но не выпячивать! И пусть создаются другие партии, например «Исламская партия Афганистана». Пусть объединяются все силы, способные на национальное представительство. В любом случае в название НДПА надо ввести исламский элемент. Пусть изменит свой вид и характер. И это не измена революции, а защита революции, о чем НДПА печётся. Наджиб вроде не запятнан. И надо распространять версию: если он не замазан кровавыми делами, то он — национальная фигура на данном этапе, а не сектант. И заслуживает государственного поста.

Категорически отказаться надо от сектантства. Наджиб должен занимать государственный пост. Тогда еще полтора года может продержаться. То есть нужно четко представлять себе расстановку сил и ориентироваться на новую обстановку. Тут и королю¹¹, и Раббани¹², и другим найдется место.

Не хочу сейчас говорить, какое место останется для Наджибуллы. Но по характеру ему, скорее всего, лучше быть в правительстве. А вот президентом должно быть нейтральное лицо. И должно быть что-то вроде парламента, с влиятельным постом председателя.

7. У нас пока нет позиций, чтобы вести беседы с афганской эмиграцией в других странах: ни о структуре власти, ни о расстановке фигур. Но уже сейчас ясно, что обойтись 2–3 процентами для оппозиции в правительстве нельзя. Реально, если чего-то действительно хотим добиться — не менее 50 процентов. Тут я согласен с Корниенко.

8. И последнее. Прежде чем двигать нашу новую программу, Комиссия (по Афганистану) должна внести четкие предложения. Пусть туда съездят сначала Шеварднадзе, а потом Каменцев, который всерьез разобрался бы в нашей экономической помощи. За полтора года мы должны с афганским вопросом покончить. Железный срок. И Наджибу надо сказать об этом сроке. Еще раз предупредить его: делай, как понимаешь сам, и поменьше нас спрашивай. А нашим советникам сказать: кончайте там командовать. И настраивайте Наджиба, чтобы он действовал так, как считает нужным, а не шлите от его имени по 20 вопросов на день в Москву.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2; ПБ. С. 185–188.

На Политбюро
11 июня 1987 года
О поездке Шеварднадзе в Афганистан

Шеварднадзе докладывает. НДПА может развалиться на крупном повороте событий. Наджиб тоже так считает. Наджибу надо помогать и надо ему поверить. Хотя, может быть, и не отпускать ему всей полноты власти.

В практике работы наших советников, несмотря на неоднократные наши указания и наши обсуждения на Политбюро, перелома не произошло.

Проблемой афганской экономики наши товарищи не владеют и не занимаются.

Нет семьи, кишлака, которые не пострадали бы в результате нашего там присутствия. Антисоветизм в Афганистане будет долго. Поэтому надо иметь своего сильного человека во главе Афганистана.

Горбачев. Наджибулла понял: пока мы там, можно что-то делать, проводить какие-то первоначальные переходные структурные мероприятия. А потом уже поздно будет: всё сметут.

Наджиб не так прост, как мы его себе представляли. Он далеко выходит на разные круги, в том числе и так, что мы об этом ничего не знаем, то есть действует по-афгански. У него разные связи. Ну что ж! Лишь бы результаты были.

И когда он станет главой — у него руки не в крови, — тогда пусть партии, государственные структуры, идеологические установки меняются, пусть находят адекватное применение, выходы на народ, на мелкие предприятия, ремесла, на купцов.

Важно, чтобы «наш образ» в глазах афганцев менялся. 1 миллиард даем еще в помощь. Но нужно хорошо его распределить, чтобы видна была эта наша помощь.

Нужно дипломатическое обеспечение афганской проблемы. Друзья (*соц-страны*) неохотно идут на то, чтобы нас поддержать. Надо подтягивать Индию, Вьетнам, нейтральные государства, Движение неприсоединения. В общем — как следует продумать все шаги.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Наджибом
Москва, 20 июля 1987 года*

Наджиб. Как показывает накопленный, хотя пока незначительный, опыт, курс на примирение не имеет альтернативы в том, что касается борьбы с контрреволюцией, защиты революционных завоеваний, нормализации обстановки. Это тем более важно, что прошедший период убедительно продемонстрировал невозможность решения стоящих перед Афганистаном проблем только военным путем. <...>

В стане оппозиции растет заинтересованность в участии в политике национального примирения. В этом смысле показательно отношение со стороны контрреволюционных организаций к бывшему королю Захир Шаху, который в определенной степени склонен к поискам компромисса. <...>

Мы считаем, что необходимо усиливать давление на противника с упором на активизацию контактов с различными слоями оппозиции — монархистами, умеренными, представителями крупной и средней буржуазии, духовенства, вождями и старейшинами племен. Нам предстоит разработать и проводить такие конкретные мероприятия, которые способствовали бы приданию необратимого характера процессу примирения, чего особенно опасается противник.

Одним из главных направлений работы является расширение коалиционных форм власти на всех уровнях.

Горбачев. Очень важно правильно определить, каким должно быть «лицо» НДПА на этом этапе.

Наджиб. Безусловно. Хотелось бы, чтобы НДПА оставалась ведущей мобилизующей силой. Но к сожалению, желание — одно, а жизнь, практика — другое. На нынешнем этапе у нас нет сил претендовать на такую роль.

Горбачев. Рассчитывать на то, что партия удержит нынешние позиции и после достижения национального примирения, было бы действительно нереалистично. Необходимо точно предвидеть ситуацию, которая будет складываться на фоне процессов, уже начавшихся сейчас, с претворением в жизнь этой политики, ситуацию после достижения примирения. <...>

НДПА должна учитывать всю реальную ситуацию в Афганистане. Иначе это будет волонтеризм.

Конечно, задача очень трудная, процесс ее решения будет сложен. Но мы ведь пришли с Вами к выводу, что другого реального пути нет.

Могут быть ошибки, потери на этом пути. Без них не обойдешься. Конечно, легче кричать, произносить революционные лозунги, ратовать за чистоту революционного знамени. То есть в духе «кармализма». Его носители хотели бы, чтобы Советский Союз воевал, а они спокойно жили во дворцах. Но такой подход, такая ситуация ни в коей мере не могут устраивать ни афганский народ, ни тем более Советский Союз. Афганское общество устало от войны. Надо быть реалистами, политически ответственными людьми.

Наджиб. Эффективным шагом в привлечении крестьянства к участию в политической жизни может стать создание крестьянской партии.

Мы также поощряем представителей национальной буржуазии к созданию своей демократической партии. Мы уверены в том, что успешное осуществление этих планов позволило бы НДПА найти выход из положения, когда ей приходится в одиночку противостоять контрреволюции. Объединение на общей платформе всех демократических, национальных сил способствовало бы созданию политического плюрализма, отвечало бы национальным интересам.

Горбачев. Наверное, еще до выборов настанет момент, когда НДПА должна будет поделиться с другими партиями постами в госаппарате. В противном случае может сложиться ситуация, когда в соответствии с принятым в Афганистане законом будут создаваться и действовать различные партии, а все посты будут оставаться в руках членов НДПА.

Наджиб. Согласен с Вами полностью, Михаил Сергеевич. Действительно, в результате выборов они и сами могут получить доступ в госаппарате к реальной власти.

Нами были допущены некоторые ошибки в определении приоритетов в военном строительстве. Например, в свое время было принято решение о доведении численности вооруженных сил до 500 тысяч человек. Однако ведь уже сейчас мы имеем десятикратное преимущество по численности личного состава над непримиримым ядром контрреволюции. Такая задача поэтому является неверной, даже если бы не было высокого уровня дезертир-

ства, доходящего до 30 тысяч человек, и необходимости увольнения в запас отслуживших свой срок военнослужащих.

Мы понимаем, что партии надо решать национальный вопрос. И определенные шаги в этом направлении нами предпринимаются. Отдельные товарищи высказываются даже за предоставление автономии различным этническим группам населения.

Горбачев. Это действительно очень серьезный вопрос и игнорировать его нельзя. Но самое главное, чтобы такие решения не навязывались искусственно, не противоречили сложившимся реалиям. Веками в Афганистане отработывался механизм, который в той или иной степени обеспечивал взаимоотношения между существующими в стране национальностями, слоями и группами населения. Поэтому важно изыскивать такие пути решения проблемы, которые диалектически учитывали бы их интересы, органически интегрировали национальности в процесс консолидации общества. Если же вы будете предлагать народу что-то новое, чего он не понимает, то это может осложнить процесс национального примирения. В любом случае вам и только вам виднее, как поступать. Главное — уважительное, справедливое отношение ко всем.

Понятно, что национальный вопрос — очень тонкий и щепетильный. Но без его решения нельзя решить и другие проблемы.

Наджиб. Коротко об экономических вопросах.

Горбачев. Доходит ли по назначению наша помощь?

Наджиб. В интересах укрепления долговременного сотрудничества между нашими странами в экономической области просим рассмотреть вопрос о строительстве железнодорожной ветки Кушка-Герат протяженностью около 200 километров, вернуться к вопросу о разработке месторождения меди Айнак. Мы понимаем, что реализация таких проектов сопряжена со значительными расходами на начальном этапе, но все это постепенно окупились бы сторицей.

В плане привлечения населения к поддержке правительства, закрепления политических позиций Советского Союза важное значение может иметь дальнейшее развитие торговых, экономических, культурных и иных связей между северными провинциями ДРА и среднеазиатскими республиками СССР, а также решение вопроса о расширении практики строительства линий электропередачи «госграница СССР — провинции ДРА».

Горбачев. В беседах с Ганди мы подробно обсуждаем вопросы, связанные с Афганистаном и вокруг него. Очень важно, что индийское правительство исходит из того, чтобы Афганистан не попал под влияние США, Пакистана. Это для них абсолютно неприемлемо. Это хорошая база для сотрудничества с индийцами.

Наджиб. Недавно мы направляли в Дели С. Лаека¹³. Во время пребывания в Дели он встречался с Ганди и вручил ему мое послание. В беседе индийский руководитель отмечал, что США превратили Пакистан в плацдарм борьбы против Индии и Афганистана, используя в своих интересах соответственно сикхов и афганскую контрреволюцию. В этой связи он предложил подумать о совместных ответных акциях Индии и Афганистана против Пакистана. Как Вы считаете, не стоило бы, если Пакистан и США не пойдут на

политическое урегулирование, разработать совместно с Индией скоординированный план таких действий? У меня даже есть одно соображение, можно сказать, авантюрного характера. При этом я исхожу из того, что индийское руководство время от времени серьезно задумывается над вопросом о нанесении превентивного, своего рода демонстрационного, удара по Пакистану. Не для того, чтобы занять его территорию, а чтобы показать силу.

Горбачев. Обсуждая с Ганди перспективные вопросы, мы исходили из того, что есть Советский Союз, есть Индия в этом регионе, из того, что независимый, неприсоединившийся Афганистан будет стабилизирующим элементом обстановки в регионе. Мы намерены сотрудничать с Индией в долгосрочном плане. <...>

Вы должны знать, товарищ Наджиб, что при всей большой занятости внутренними и внешнеполитическими задачами, стоящими перед нашей страной, проблемы Афганистана всегда находятся в центре нашего внимания. Обычно мы об этом не сообщаем. Но эти вопросы очень часто обсуждаются на Политбюро.

Возобновила свою работу и Комиссия Политбюро во главе с Шеварднадзе.

К нам поступают сведения, что решения, принимаемые в Кабуле, доходят на места сильно ослабленными.

Видимо, на втором этапе примирения в практическом плане встанет вопрос о создании коалиционного правительства, образовании других партий, блока леводемократических сил. Вы не сможете отказываться от сотрудничества с теми, кто не придерживается Вашей точки зрения. Напротив, надо создавать реальный плюрализм в обществе, государственных структурах. Наверное, тактически верным было бы делать акцент на том, что объединяет эти силы, а таким объединяющим моментом является политика национального примирения, прекращение военных действий.

Может, и не надо требовать, чтобы другие, вновь создаваемые партии громко выступали за дружбу с Советским Союзом. Для них это было бы равнозначно признанию присутствия советских войск. Пусть они сами придут к этому. А когда оформятся организационные структуры этих партий, наше посольство вступит в контакт с Вами, чтобы установить диалог с этими партиями.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро
23 июля 1987 года

Горбачев. О переговорах с Наджибом. Кармализм глубоко пустил корни. Сейчас все зашевелилось, но думают прежде всего о себе, даже Кармаль голову поднял. Может случиться даже кризис в связи с этим. Забеспокоились американцы, почувствовав, что могут выпустить ситуацию в Афганистане из-под своего влияния. В перспективе необходима тройственная встреча – СССР, США, афганцы.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Наджибуллой
Москва, 3 ноября 1987 года*

Горбачев. А как обстоят дела? Поздравляю Вас с избранием на пост Председателя Революционного совета. <...>

Наджибулла. Действительно, в результате прямого давления со стороны американцев, пакистанской администрации, контрреволюционные организации заявили о своем объединении и избрали в качестве единого руководителя Халеса¹⁴. Он возглавляет Исламскую партию Афганистана, в свое время отколовшуюся от ИПА Хекматиара¹⁵. Однако известно, что, несмотря на формальное объединение, контрреволюции пока не удалось преодолеть существующие серьезные разногласия.

Хочу проинформировать Вас, Михаил Сергеевич, о некоторых наших ближайших планах. Через месяц намечено провести Лоя Джиргу¹⁶, на которой будет принята конституция страны и избран президент.

Особое место займут вопросы создания условий для вывода советских войск. Будет подчеркнуто, что, призывая афганский народ к созданию коалиционных форм власти, руководство страны стремится обеспечить необходимые предпосылки для обращения к Советскому правительству по всему комплексу вопросов, связанных со сроками и графиком вывода.

Горбачев. Если пост президента остается за НДПА, премьер-министром должен стать представитель противоборствующей стороны. Если главари контрреволюции и Захир Шах (*бывший король*) откажутся принять это предложение, тогда подобрать подходящую кандидатуру из числа крупных авторитетов, тех, кто недавно пошел на сотрудничество. Пусть он — малокомпетентный деятель. Но надо такую смелость проявлять.

Наджибулла. Согласен.

Горбачев. А как Вы оцениваете предложения Кордовеса?

Наджибулла. В них есть неприемлемые для нас моменты, но есть и рациональное зерно, позитив, который следовало бы использовать. Думаю, можно было бы направить Вам письменно наши соображения на этот счет.

Горбачев. И подумайте еще об одном. Это мы могли бы сказать Рейгану. Американцы вроде бы хотят принять участие в политическом урегулировании афганской проблемы. Я не верю в их искренность. Но все может быть: вдруг на закате своего правления администрация Рейгана захочет показать, что она внесла — вместе с Советским Союзом — вклад в урегулирование ситуации в такой горячей точке, как Афганистан. Но конечно, они хотели бы такого урегулирования, при котором НДПА оказалась бы отодвинутой на задворки. Хотя уже сегодня ясно, что мир в Афганистане может быть достигнут лишь с учетом того, что НДПА является равной среди других политических сил. Другого не получается.

Мы говорим американцам, что готовы поддержать их участие в процессе урегулирования. Но они должны при этом исходить из сложившихся реалий, то есть признать, что в Афганистане существует правительство, вооруженные силы, служба безопасности, министерство внутренних дел и т.д. Мы подчеркиваем — ведь все это реальности, как является реальностью и суще-

ствование противоборствующей силы. Так давайте же находить пути решения проблемы.

Но и у меня в свою очередь к Вам просьба — проинформировать, как обстоят дела с использованием дополнительной советской безвозмездной помощи. Не поспешили ли мы с выделением 2 миллиардов рублей? К нам поступает информация, что помощь по каким-то причинам не доходит до народа.

Надо внимательно следить за тем, как она используется, чтобы не было злоупотреблений. И народ должен это чувствовать. Это фактически должен быть Ваш фонд. Он должен находиться в Ваших руках. <...>

А если фондом будут распоряжаться чиновники, то все расплзется по рукам родственников, по клановым и семейным укрывтиям. Одним словом, окажется у тех, кто занимается ее распределением.

Тех, кто допускает злоупотребления, надо наказывать, сажать в тюрьму. И чтобы все видели, что он вор. Хотя, может быть, по Корану, не считается грехом разворовывание помощи, получаемой от атеиста. (*Смеются.*)

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из интервью Горбачева Эн-би-си
1 декабря 1987 года*

Об Афганистане. Это наш сосед. При всех режимах мы были хорошими соседями. Это то государство, которое в числе первых признало Советскую власть в России. Там правили короли и другие, шли свои процессы, но что бы там ни происходило, мы всегда были друзьями. Со всеми соседями мы стараемся так строить отношения.

После известной революции в Афганистане были произведены внутренние реформы, предприняты шаги, чтобы вывести общество из отсталого состояния. Начало функционировать другое правительство. Но то — внутренний процесс.

Вместе с тем стали нарастать процессы, связанные, прежде всего, с вмешательством со стороны, с попытками извне подорвать новый режим. Афганцы обращались к нам, как к своим соседям, за помощью в этот трудный момент. Одни считают, что обращались 11 раз, другие — 13. В один из таких моментов, когда ситуация особенно обострилась, мы откликнулись на просьбу афганского правительства, ввели ограниченный контингент своих войск. И это не противоречило Уставу ООН.

Но мы видим, что сейчас ситуация требует решения. Мы ищем способы быстрейшего решения этой проблемы. Я думаю, что, если американская администрация искренне хочет того, чтобы эта проблема была закрыта политическими мерами, ее можно было бы быстро решить.

ГСС. Т. 9. С. 50–51.

*Из беседы с Рональдом Рейганом
Вашингтон, 9 декабря 1987 года*

Рейган. <...> К другим вопросам, прежде всего, относятся региональные вопросы, и среди них на первом месте — Афганистан. Речь идет, прежде всего, о присутствии советских войск в Афганистане. Мы знаем точку зрения друг друга, и я бы приветствовал, если бы Вы выступили с заявлением о выводе советских войск. Думаю, что давно уже следовало выступить с такой декларацией. Несомненно, ситуация в Афганистане сложная, прежде всего для вас, и мы могли бы оказать вам содействие, дав гарантии, что никакие другие правительства в этой стране не будут угрожать вам в Афганистане. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы гарантировать, что Афганистан будет независимым, нейтральным государством, и надеемся, что к концу 1988 года советские войска будут выведены из него. <...>

Горбачев. В рамках миссии Кордовеса существует принципиальное согласие о невмешательстве и гарантиях со стороны США и СССР, невмешательстве Пакистана, и было бы хорошо, если бы в списке числился и Иран. Существует проект возвращения беженцев, даются гарантии моджахедам, находящимся в Пакистане и Иране. Все это поможет. Остался открытым вопрос о сроках вывода войск. Президент Наджибулла предложил — и проконсультировался об этом с Советским Союзом, — хотя это его собственное предложение, что советские войска уйдут в течение 12 месяцев при том понимании, что эти сроки могут быть сокращены на два-три месяца, если все пойдет гладко, а процесс этот должен с самого начала увязываться с национальным примирением, с созданием коалиционного правительства. Но только сами афганцы должны решать вопрос о характере и составе такого правительства. Я разделяю Вашу идею относительно независимого, нейтрального многопартийного Афганистана. Именно в этих рамках формируется сейчас общество в Афганистане. Афганистан не социалистическое государство. Это полуфеодальное плюралистическое общество. Как им жить и развиваться — решать им самим. Но Вы понимаете, что вопрос Афганистана — это не простой вопрос. Ведь у нас более 2 тысяч километров общей границы с ним. И поэтому нам нужен дружественный сосед. Но могу заверить Вас, что Советский Союз не вынашивает планы создания баз в Афганистане. Мы об этом не думали. Мы считаем, что необходимо завершить начавшийся там процесс на основе национального примирения. А афганцы даже заявили, что в правительстве национального примирения они готовы отдать половину постов оппозиции, включая пост премьер-министра. Мы поддерживаем это, но решение принимается самими афганцами. Ни вы, ни мы не можем решать, как размежевать эти посты. Думаю, если бы мы подсказывали нашим друзьям действовать в направлении национального примирения, а вы также аккуратно подсказали бы это тем, с кем вы поддерживаете отношения, а мы знаем, что у вас есть такие возможности, ведь совсем недавно у вас были с визитом оппозиционеры, это было бы неплохо.

Говоря о выводе наших войск, скажу, что мы в этом заинтересованы и уже начали выводить свои войска. Но вам следует прекратить финансовую под-

держку оппозиции и помощь ей оружием. Могу сказать, что в тот же день, когда будет объявлено о выводе советских войск, они не будут участвовать в военных операциях, кроме как в целях самообороны. Вы сами понимаете, что ситуация может быть самой непредсказуемой. Было бы неплохо, если бы мы договорились с вами о взаимодействии и продемонстрировали это миру. Мы выступаем за нейтральный режим в Афганистане, за режим, который не был бы неприемлемым ни для вас, ни для нас, ни для афганцев. Поэтому давайте договоримся об этом и проинформируем: мы — Наджибуллу, а вы — оппозиционеры.

Рейган. Мы постараемся оказать на них влияние. Однако у президента Афганистана есть армия, а у оппозиции ее нет. Потому нельзя просить одну сторону сложить оружие, в то время как другая сторона его сохраняет. Мне кажется, что им необходимо собраться вместе, чтобы найти политическое решение.

Горбачев. Думаю, что для решения этого вопроса имеются реальные предпосылки. Пусть наши эксперты подумают. <...>

Кстати, Иран также нацелен и на Афганистан. Если мы пережмем в Иране, то они могут чем-то ответить в Афганистане.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Рейганом (продолжение)
10 декабря 1987 года*

Горбачев. Вчера я останавливался на афганском вопросе. <...> Скажу прямо: я заметил с Вашей стороны какую-то сдержанность, нежелание втягиваться в обсуждение высказанных мною соображений по решению афганской проблемы. Поэтому я хотел бы подчеркнуть, что мы готовы серьезно говорить с вами на эту тему, более того — договориться по некоторым принципиальным моментам.

Если хотите, то эту договоренность мы не будем предавать гласности. О чем может идти речь. Советский Союз назвал бы конкретную дату вывода своих войск, а Соединенные Штаты — дали обязательство прекратить оказание помощи известным афганским силам. То есть мы действовали бы синхронно. С такого-то дня мы начинаем вывод и с этого же дня вы прекращаете помощь силам, находящимся в оппозиции. Когда мы назовем день, то это одновременно будет означать и то, что с этого дня наши войска не будут участвовать в боевых действиях, кроме случаев самообороны. Подчеркну еще и то, что мы не хотим, чтобы Афганистан был просоветским или проамериканским. Мы считаем, что он должен быть нейтральным государством.

Как мне представляется, такое предложение дает основу для нашего сотрудничества в решении афганского вопроса. Но у меня складывается впечатление, что США в этом вопросе занимают следующую позицию: Советский Союз завяз, мол, в Афганистане и пусть как хочет оттуда и выбирается, а Соединенные Штаты будут его все время критиковать, а то и мешать уходу наших войск.

Если вы действительно занимаете такую позицию, то нам трудно будет найти общий язык. Давайте все-таки подумаем о каком-то деловом подходе, о совместных практических шагах. А в нашем итоговом документе мы можем в общем виде записать, что обсуждали вопрос об Афганистане. <...>

Рейган. В ответ на высказанные Вами соображения попытаюсь объяснить Вам, какие у нас имеются трудности в том, что касается, скажем, Афганистана или Никарагуа. Нынешнее афганское правительство располагает своими собственными вооруженными силами. Если мы с вами договоримся, что Советский Союз выводит войска, а мы прекращаем помощь борцам за свободу в Афганистане, то они окажутся безоружными перед лицом афганских правительственных войск, будут лишены всяческой возможности отстаивать свое право на участие в будущем правительстве. Поэтому мы считаем, что в рамках нашего с вами решения афганские правительственные войска также должны быть распущены. Это позволит всем сторонам на равной основе принять участие в обсуждении процесса урегулирования. <...>

Шульц. По афганскому вопросу рабочая группа, как мы считаем, сделала шаг вперед. Советская сторона дала нам понять, что вопрос о выводе войск не увязывается ею с завершением процесса национального примирения. Этот процесс займет довольно много времени и сам афганский народ будет определять, через какие этапы он должен пройти. Значит, на следующем этапе переговоров в Женеве можно будет включить в повестку дня один отсутствовавший до сих пор элемент, а именно — вопрос о выводе советских войск.

Горбачев. При условии, что он будет увязан с вопросом прекращения американской помощи силам оппозиции, то есть день начала вывода советских войск должен совпадать с днем, когда будет прекращена американская военная помощь. Если такая договоренность будет достигнута, то с началом вывода советские войска прекращают участие в военных действиях и соблюдают прекращение огня. Остальное (создание коалиционного правительства и т.д.) стороны будут делать и осуществлять либо сами, либо с использованием посреднической миссии Кордовеса. <...>

Считаю, что обсуждение нами этого вопроса было хорошим. Предлагаю в дальнейшем поставить его обсуждение на более практическую основу, начать по нему конкретную дискуссию. <...>

Шульц. Вчера в рабочей группе советская сторона приветствовала поддержку Соединенными Штатами уже достигнутых на женевских переговорах договоренностей. Мы сказали, что среди них отсутствует пока одна важная договоренность, а именно о сроках вывода советских войск.

Горбачев. И о прекращении американской помощи силам афганской оппозиции. Давайте согласуем сроки и объявим их. А если вам надо дополнительное время подумать — пожалуйста, думайте. Но мы сейчас приглашаем вас сделать конкретный совместный шаг.

Он позволил бы проверить, насколько искренне администрация США стремится к разрядке ситуации в Афганистане. Для нас эта проверка имела бы очень большое значение, поскольку она позволила бы нам правильно оценивать действия США и в других ситуациях.

Шульц. На женевских переговорах было сделано предложение о том, что Соединенные Штаты могли бы прекратить поставки афганским борцам за свободу смертоносного оружия через 60 дней после начала вывода советских войск.

Остается нерешенным еще вопрос, а именно — каким образом процесс национального примирения будет идти параллельно с выводом советских войск, и согласна ли советская сторона включить в итоговый документ пункт о том, что обе стороны поддерживают договоренности по Афганистану, достигнутые на афгано-пакистанских переговорах в Женеве.

Шеварднадзе. Мы не увязываем вопрос о сроках вывода советских войск с процессом национального примирения, который естественно будет длительным процессом. Это мы вчера еще раз подтвердили.

Горбачев. Можно сказать в заключительном документе, что после завершения встречи в верхах СССР и США начнут по дипломатическим каналам конкретную работу по этому вопросу с участием заинтересованных сторон.

Шульц. Не возражаем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из разговора с Джорджем Бушем
Вашингтон, 10 декабря 1987 года*

Горбачев. <...> Сейчас можно было бы найти подходящее решение в Афганистане, в Центральной Америке, в Кампучии и в Персидском заливе. Я, однако, почувствовал, что у США нет особого желания решать эти вопросы.

Буш. Когда я разговаривал с Добрыниным, он сказал, что, на его взгляд, Пакистан не желает прекращать помощи афганским душманам, очень боится он потерять помощь и от США.

Что касается Афганистана, то мы откровенно не знаем, какой вклад с нашей стороны можно было бы внести, чтобы помочь советской стороне выйти из нынешнего положения. <...>

Горбачев. Думаю, что по афганскому вопросу ваша администрация могла бы содействовать поиску в его решении. Если вы скажете, что с началом вывода советских войск вы прекращаете помощь оппозиции, душманам, мы назовем конкретный срок. Если этого не произойдет, если США будут действовать по принципу «сам залез, сам и выбирайся», то вся проблема отложится.

Если бы мы начали выводить войска, а при этом американская помощь продолжалась бы, то это привело бы к кровавой бойне в стране. Не знаю, что бы мы тогда делали. Советский Союз вовсе не намерен навязывать Афганистану тот или иной политический режим. Пусть он будет независимым.

* В то время еще вице-президент США.

Буш. И мы не за то, чтобы устанавливать исключительно проамериканский режим в Афганистане. Это не политика США.

Горбачев. И мы не за просоветский режим. Пусть Афганистан будет независимым. Однако с американской стороны не должны продолжаться поставки вооружений, финансирование помощи душманам. Нам следовало бы серьезно заняться тем, чтобы обеспечить установление в этой стране коалиционного правительства, которое устраивало бы как вас, так и нас, все внутривнутриполитические силы в Афганистане. Сейчас есть шанс на практические результаты.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На пресс-конференции в Вашингтоне
10 декабря 1987 года*

Горбачев. Мы сказали прямо: не хотим и не стремимся к тому, чтобы в Афганистане был просоветский режим. Но американская сторона точно так же должна четко сказать, что она не стремится к тому, чтобы там был проамериканский режим. В Афганистане — свободном, неприсоединившемся, нейтральном — должно быть создано правительство на основе примирения, сложения и учета политических реальностей, сотрудничества, на основе коалиции различных сил и их национального примирения. И мы — обе страны — можем сделать тут много.

Мы поставили вопрос по Афганистану так: политическое решение о выводе войск принято, срок назван — 12 месяцев, он может быть и меньшим. Это четвертый пункт, который ждет своего согласования комиссией Кордовеса. Мы так понимаем вопрос: срок начала вывода войск должен быть одновременно и началом прекращения помощи оружием и финансирования душманов. С первого дня, как это только будет объявлено, наши войска выводятся. Они не участвуют в военных операциях, за исключением случаев самообороны. Прекращаются военные действия, и идет процесс политического урегулирования, которому в меру своего влияния мы можем содействовать. Но главное — за реальными силами самого Афганистана, всех сторон.

Кажется, что из всего этого возможно получить реальный документ, содействующий процессу политического урегулирования. Мы договорились продолжить работу в этом направлении.

ГСС. Т. 9. С. 134.

*Из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева
8 февраля 1988 года*

Уже длительное время продолжается военный конфликт в Афганистане. Это один из самых тяжелых и болезненных региональных конфликтов. Сейчас, судя по всему, создались определенные предпосылки для его

политического урегулирования. В связи с этим советское руководство считает необходимым высказать свои соображения, до конца прояснить свою позицию.

В ближайшее время в Женеве состоится очередной раунд переговоров между Афганистаном и Пакистаном через личного представителя Генерального секретаря ООН. Предстоящий раунд имеет значительные шансы стать заключительным.

К настоящему времени на переговорах в Женеве почти завершена разработка документов, охватывающих все стороны урегулирования. В число этих документов входят: афгано-пакистанские соглашения о невмешательстве во внутренние дела друг друга и о возвращении афганских беженцев из Пакистана; международные гарантии невмешательства во внутренние дела Республики Афганистан; документ о взаимосвязи всех элементов политического урегулирования. Имеется договоренность и о создании механизма контроля.

Что же остается сделать? Установить приемлемые для всех сроки вывода советских войск из Афганистана. Именно сроки, поскольку принципиальное политическое решение о выводе советских войск было принято нами по договоренности с афганским руководством еще некоторое время назад, о чем тогда же было объявлено.

У вопроса о сроках есть техническая и политическая стороны. Что касается технической, то, очевидно, для фактического вывода войск требуется определенное время. Вряд ли здесь надо входить в детали.

Политическая же сторона дела состоит в том, что вывод советских войск, естественно, увязан с недопущением вмешательства во внутренние дела Афганистана. Теперь предпосылки для решения этого вопроса созданы.

Стремясь содействовать быстрому и успешному завершению афгано-пакистанских переговоров в Женеве, правительства СССР и Республики Афганистан договорились установить конкретную дату начала вывода советских войск — 15 мая 1988 года — и завершить их вывод в течение 10 месяцев. Дата эта установлена, исходя из того, что подписание соглашений об урегулировании состоится не позже 15 марта 1988 года и соответственно все они вступят в силу одновременно через два месяца. Если подписание соглашений произойдет раньше 15 марта, соответственно раньше начнется и вывод войск. <...>

Вопрос о выводе наших войск из Афганистана был поставлен еще на XXVII съезде КПСС.

В этом нашло свое выражение наше нынешнее политическое мышление, наше новое, современное видение мира. <...>

Политика национального примирения дала политическую платформу для всех, кто хочет мира в Афганистане. Какого мира? Такого, какого пожелает афганский народ. Гордый, свободолюбивый, храбрый, прошедший многовековую историю борьбы за свою свободу и независимость, афганский народ был, есть и будет хозяином своей страны, основывающейся, как сказал президент Наджибулла, на многопартийности в политической области и многоукладности — в экономической.

Сами афганцы определяют и окончательный статус своей страны среди других государств. Чаще всего говорят о том, что будущий мирный Афганистан будет независимым, неприсоединившимся, нейтральным государством. Что ж, мы будем только рады иметь такого соседа на наших южных границах. <...>

Одно дело — вывод советских войск в сочетании с другими сторонами урегулирования, включая гарантии невмешательства. В этом участвуют различные государства, кстати, как нам представляется, не должен бы находиться в стороне от политического урегулирования и соседний Иран.

Другое дело — национальное примирение и создание коалиционного правительства. Это чисто внутренний афганский вопрос. Его могут решать только сами афганцы, пусть и принадлежащие к различным, даже противостоящим друг другу лагерям. Когда же нам намекают, что Советский Союз, мол, должен принять участие в соответствующих переговорах, да еще и с третьими государствами, мы отвечаем твердо и ясно: от этого увольте, это не наше дело. Да и не ваше. <...>

Теперь о наших ребятах, о наших воинах в Афганистане. Они честно выполняли и выполняют свой долг, проявляя при этом самоотверженность и героизм.

Наш народ глубоко уважает тех, кому довелось нести воинскую службу в Афганистане. Государство обеспечивает им первоочередную возможность получить хорошее образование, интересную, достойную работу.

Память о тех, кто погиб в Афганистане смертью храбрых, для нас священна. Партийные, советские органы обязаны заботиться о том, чтобы семьи погибших, их родные и близкие были окружены заботой, вниманием, доброжелательством.

И последнее. Когда будет развязан афганский узел, это окажет самое глубокое влияние и на другие региональные конфликты.

ГСС. Т. 9. С. 291–295.

*Из беседы с министром обороны Индии К.Ч. Пантом
Москва, 11 февраля 1988 года*

Пант. Мы с вами поддерживаем тесные контакты по Афганистану. <...>

Одна особенность ситуации: там сейчас очень много оружия. Американцы создали в Пакистане большие запасы, которыми могут воспользоваться афганцы. Нельзя ли договориться в рамках соглашений о том, чтобы это оружие было ликвидировано или сделано непригодным для использования? Ведь если «Стингеры» попадут в руки террористов и будут использоваться против гражданских самолетов, то это будет хаос.

Горбачев. Да, это действительно непростой вопрос. Но ведь если мы поставим его, то и они могут сказать — а как насчет советского оружия в Афганистане? И тогда весь процесс может забуксовать. А ведь мы не хотим оставить Наджиба голым.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на Пленуме ЦК КПСС
18 февраля 1988 года*

После апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС Политбюро провело жесткий, нелицеприятный анализ ситуации и уже тогда начало искать выход из положения. Однако практически решить проблемы, позволяющие развязать главные узлы того сложнейшего регионального конфликта, оказалось непросто. <...>

Заявление, опубликованное 10 дней назад, вы хорошо знаете. Там, собственно, сказано все — как мы будем поступать и на что рассчитываем. Оно встречено с пониманием и одобрением нашим народом, нашими союзниками и друзьями, широкими кругами мировой общественности. А тех, кто намерен и впредь эксплуатировать афганскую проблему в корыстных целях, оно ставит перед новыми реальностями, с которыми им придется считаться. Предстоящие месяцы ясно покажут истинную позицию всех участников политического урегулирования ситуации в Афганистане.

Разумеется, товарищи, наше участие в афганском конфликте — проблема очень сложная, затрагивающая многие аспекты того, что мы преодолеваем в ходе перестройки и последовательной трансформации нового мышления в практическую политику. Однако главное сейчас состоит в том, что Политбюро и в этом вопросе действует в строгом соответствии с принципиальной линией XXVII съезда КПСС.

ГСС. Т. 9. С. 561.

*Из беседы с Джорджем Шульцем
22 февраля 1988 года, Москва*

Шульц. Мы приветствуем Ваше заявление по Афганистану. Мы считаем, что положение сейчас весьма многообещающее. Мы хотим, чтобы предстоящий раунд женевских переговоров был последним. Мы видим, что в этом процессе есть движение. Мы хотим, чтобы этот трудный процесс был, наконец, завершен.

В то же время вполне естественно, что с нашей стороны имеется стремление получить определенные заверения относительно содержания этого процесса. Вчера я попытался разъяснить, о чем идет речь. Мы подробно обсудили этот вопрос вчера (*с Шеварднадзе*), и мне было бы интересно выслушать Ваши соображения. <...>

Горбачев. Сначала соображение общего порядка о роли наших стран — СССР и США — в усилиях по урегулированию региональных конфликтов. Я считаю, что мы должны показать миру пример сотрудничества в этих вопросах. Если мы наладим такое сотрудничество, то можно надеяться, что конфликты будут решаться с учетом интересов всех вовлеченных сторон.

Шульц. Я могу согласиться с этим.

Горбачев. На других подходах нам не развязать острые болезненные узлы, которые накопились в мире. <...>

Как она (*политика сотрудничества*) конкретно преломляется, в частности, в вопросе об Афганистане?

Мы привезли в Вашингтон — и сообщили Вам первому — наш план действий и пригласили Вас сотрудничать в поисках решения этой сложной, острой проблемы. Мы приняли, учли Ваши соображения относительно того, что договоренность на женевских переговорах должна быть достигнута как можно скорее, и наш уход не следует увязывать с формированием коалиционного правительства в Афганистане. К сожалению, в Вашингтоне разговор на эту тему не получился.

Тем не менее мы считаем, что в ситуации вокруг Афганистана наши страны могут сотрудничать, могут подать пример того, как надо подходить к региональным конфликтам. Чтобы подтолкнуть вас в этом направлении, мы выступили со своим недавним заявлением. После этого вы зашевелились.

Но что же получается? Сейчас вы отказываетесь от советов, которые вы же нам давали. Если мы хотим иметь нейтральный, неприсоединившийся, независимый Афганистан, то пусть афганцы сами обсуждают и решают, какое у них должно быть правительство. Что тут неприемлемого? Разве не об этом вы все время вели речь?

Мы говорили, что после подписания соглашения наши и ваши возможности влияния на ситуацию будут ограниченными. И мы видим это уже сейчас. Нам уже сейчас сложнее вести дела с нашими друзьями. Каждый думает прежде всего о себе, о своем будущем, о будущем собственной страны. И это вполне естественно.

Но мне кажется, мы сможем играть роль в урегулировании этого конфликта. Вы хотели, чтобы мы сделали заявление о выводе наших войск, определили дату и сроки вывода. Мы пошли на это. Путь открыт.

Я приветствую то, что Вы сказали: предстоящий раунд переговоров в Женеве должен быть последним. Это единственно верный подход. В конце концов, мы не можем танцевать под настроения и эмоции той или иной стороны в этом конфликте. Вопрос этот слишком важен для Советского Союза, чтобы танцевать тут польку-бабочку кому-то в угоду. И все же нельзя не видеть, что кое у кого хватает наглости — и я не боюсь этого слова — говорить, что заявление Советского Союза о выводе войск из Афганистана это всего лишь пропаганда.

Шульц. Мы так не говорим. Мы приветствуем Ваше заявление. Мы принимаем его как таковое. Я поверил в серьезность Ваших намерений еще полгода назад, когда Шеварднадзе впервые заявил мне о них.

Горбачев. Хочу Вас еще раз заверить в том, что у нас нет никаких намерений создавать плацдарм в Афганистане, рваться к теплым морям и т.п. Это чепуха. У нас никогда таких намерений не было и нет.

Мы хотим, чтобы вы содействовали скорейшему подписанию женевских договоренностей, с тем, чтобы Афганистан был независимой, неприсоединившейся, нейтральной страной, с таким правительством, какого пожелают сами афганцы. И давайте подталкивать дело с двух сторон в направлении такого урегулирования, чтобы оно было бескровным.

Шульц. Я согласен с этим.

Я не изменил свою точку зрения по сравнению с тем, что говорил в Вашингтоне относительно трудностей формирования коалиционного правительства.

Горбачев. Оно будет сформировано не в Москве и не в Вашингтоне.

Шульц. И не в Пакистане.

Горбачев. Тем более не в Пакистане.

Сейчас между самими афганцами идут контакты, о которых мы раньше не знали. Там происходят вещи, о которых неизвестно ни нам, ни вам. Не надо представлять себя своего рода вершителями судеб Афганистана.

Шульц. Хорошо. Я готов ограничиться сказанным.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
3 марта 1988 года*

Горбачев. <...> Решили твердо: на первом этапе выводим из Афганистана 50 процентов контингента, остальные пока обороняют Кабул и главные магистрали. На втором этапе надо выводить всех сразу. Ибо не будет возможности обеспечить оборону убывающему числу войск.

Но в принципе вопрос ребром: выводим! Будут вопросы, будут они и у нас в стране. За что боролись? Для чего принесли столько жертв? В «третьем мире» будут вопросы. Они уже идут. На Советский Союз, мол, нельзя положиться: он бросает своих друзей на произвол Соединенных Штатов.

И вот тут надо не дрогнуть. Так что поступать надо так, чтобы беречь авторитет державы и перед своим народом, и перед внешним миром.

Поддержать друзей. Но выводить — и всё! Может быть, придется и Пленум ЦК собрать по этому вопросу.

Хорошо продумать второй вариант: вывод без соглашения в Женеве. Выступить мне по телевидению. Сказать, что выводить будем. Но уверен, мол, что режим удержится. ООН задействовать, вплоть до созыва спецсессии Генассамблеи или принять решение на Совете Безопасности. Взятый курс надо держать. Да, да, да.

Страна, мир подготовлены к тому, чтобы мы поступили только так. В политике всегда важно не только то, что сделать, но и как и когда сделать.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Генеральным секретарем ИКП
Алессандро Наттой
Москва, 29 марта 1988 года*

Горбачев. <...> Об Афганистане. Подписание соглашения в Женеве сейчас застопорилось по вине США и Пакистана. Однако мы будем идти дальше. Наши представители заявили пакистанской делегации, что в том случае,

если США откажутся быть гарантами соглашения, то Советский Союз может выступить в этой роли один. Мы твердо намерены политически урегулировать ситуацию, сложившуюся вокруг Афганистана.

Вопрос об Афганистане неоднократно обсуждался с американцами, в том числе и во время моего визита в Вашингтон. Они хотели, чтобы мы назвали сроки вывода своих войск. Мы это сделали, и в Вашингтоне договорились, что США, в свою очередь, прекратят помощь душманам. Американская сторона долго настаивала на том, что невозможно говорить о формировании переходного правительства, пока в Афганистане находятся советские войска. В этом случае оно, мол, будет сформировано на «советских шттыках». Мы приняли эту точку зрения. Но американцы вдруг стали говорить, что надо создать такое правительство до вывода войск. Правда, потом им пришлось вернуться к прежней позиции. Мы согласились уже на первом этапе вывести значительную часть войск. То есть пошли и здесь навстречу. А американцы придумали еще одно препятствие — «симметрию» в прекращении помощи. Тогда мы им сказали: мы помогаем Афганистану на основании давним-давно заключенных договоров. И требовать от нас прекращения их действия — это все равно, что с нашей стороны потребовать прекращения военной помощи США Пакистану. Вот так маневрируют. Но мы твердо решили активно действовать в пользу политического урегулирования, довести дело до конца.

Нагга. В Америке совершенно определенно есть силы, которые заинтересованы в том, чтобы СССР остался в Афганистане.

Горбачев. Это нам известно. Но и в других странах по разным причинам, зачастую противоположным, есть силы, которые тоже не хотели бы вывода советских войск из Афганистана. Такие силы есть даже в Африке. Смысл их рассуждений сводится к следующему: вы, мол, «бросаете» Афганистан, значит, «бросите» и нас.

Нагга. Есть значительные силы, которые обеспокоены тем, что произойдет в Афганистане после вывода советских войск. Очень важно, чтобы там не произошло крупных неприятностей.

Горбачев. Мы не хотим, чтобы в Афганистане был прокоммунистический режим. Мы хотим сохранить добрососедские отношения с этой страной, с которой нас связывают десятилетия сотрудничества, общая граница протяженностью 2,5 тысячи километров. Сейчас самим афганцам надо провести самый серьезный анализ афганского общества. Очевидно, что те группы, которые пришли к власти в 1978 году, сделали ошибку в оценке ситуации, сочли возможным перескочить сразу через несколько этапов в развитии страны. Сейчас же стоит вопрос о привлечении всех национальных сил к управлению страной, об учете экономического и политического плюрализма. Иными словами, мы сейчас видим, что теоретические ошибки афганских товарищей в 1978 году привели к политическим ошибкам, к «сверхреволюционности».

Нагга. Я не хочу возвращаться к полемике. И не хотел поднимать этот вопрос. Но вы знаете нашу точку зрения. ИКП убеждена, что ввод войск в Афганистан в 1979 году был ошибкой. Но это — не ошибка нынешнего

руководства. Сейчас мы уверены, что Советский Союз принял совершенно правильное решение, направленное на национальное примирение в Афганистане и на вывод войск.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро
1 апреля 1988 года

Шеварднадзе. Американцы сняли свое требование о запрете поставок оружия в Афганистан, о моратории и т.д. Этот вопрос не будет фигурировать вообще.

Горбачев. Политическое значение решения афганской проблемы трудно переоценить. Это будет подтверждением нашего нового подхода к решению международных проблем. Из рук наших противников и оппонентов будет выбит самый сильный аргумент. Нельзя не учитывать и тот факт, что мы затрачиваем на войну в Афганистане 6 миллиардов рублей в год.

Вопрос о выводе войск из Афганистана для нас решен. Речь идет лишь о выборе способа его решения: при наличии соглашения с Соединенными Штатами или без него. Если отказаться от соглашения с США, то им развязываются руки. Правда, и нам тоже. Но наша кровь льется, а их нет. Если же мы заключаем соглашение с американцами, то придется соблюдать все графики и договоренности, но при этом, конечно, за нами сохраняются сильнейшие рычаги воздействия. Если США будут лезть в афганские дела, то и противодействовать этому будет легче. Предстоящие выборы в США тоже будут влиять на действия американской администрации.

Громько, Рыжков, Лигачев, Чебриков, Яковлев, Воротников, Соломенцев, Слюньков, Никонов, Добрынин, Ахромеев, Крючков — *все высказались за заключение соглашения с американцами.*

Ахромеев информирует о порядке вывода войск из Афганистана.

ПБ. С. 310–311.

Из беседы с Наджибуллой
Ташкент*, 7 апреля 1988 года

Горбачев. По-братски приветствую Вас, товарищ Наджибулла, как Президента дружественного Афганистана — нашего соседа. <...>

На Политбюро мы сами себе задавали вопрос: какой вариант выгоднее — подписание женеvских соглашений американцами, когда и они, и мы берем на себя определенные обязательства, или отказ от подписания, когда мы осуществляем вывод войск по наиболее подходящему для нас сце-

* После некоторых колебаний, где лучше Горбачеву встретиться с Наджибуллой, было решено сделать это в Ташкенте, вроде как «на равных» по расстоянию, чтобы не создавать впечатления, будто его еще раз «вызвали» в Москву, и поддержать таким образом его новый, президентский, статус.

нарию. И все-таки мы пришли к выводу, что желательно подписать соглашения.

Подписание соглашений может создать рамки для того, чтобы события не принимали чрезвычайно острые формы. Когда есть обязательства сторон, тогда есть и возможность воздействовать на тех, кто от них отступает. И еще мы имели в виду, что и для США, и для Пакистана очень невыгодно отказываться от подписания соглашений. Они себя разоблачили бы в глазах всего мира. А раз так, мы имеем ситуацию, когда мы можем пойти на встречные шаги, на компромиссы. <...>

Есть сформировавшаяся, устойчивая тенденция и в советском обществе — стремление завершить афганскую проблему политическим урегулированием. И это стремление трансформируется в соответствующую политику.

Мы не исключаем, что на последующих стадиях процесс будет развиваться в острых формах. Но мы считаем, что если действовать мудро, продуманно, то можно избежать таких острых форм. Сегодня настал момент, когда решающее значение для страны приобретают установки на широкий плюрализм в политике, в национальных, религиозных отношениях.

Мы готовы оказать практическую помощь, особенно в том, что касается обустройства беженцев. Но надо снять все тормоза и внутри афганского общества, открыть дорогу для предприимчивости, в первую очередь мелких собственников, мелких торговцев. Китай за пять лет увеличил сбор зерна на 100 миллионов тонн только благодаря тому, что землю там дали крестьянам.

Наджибулла. Американская сторона, как заявил Шульц в своем письме, не прекратит свои попытки оказывать контрреволюции помощь оружием. Но в условиях, когда у нас имеется и продолжает расширяться социально-политическая база в стране, контрреволюционное движение все больше будет терять характер политического терроризма и становиться просто уголовщиной.

Вывод можно было бы осуществить перед приездом Рейгана (в Москву), вне зависимости от того, будут или не будут подписаны женеvские соглашения.

Горбачев. Вы имеете в виду с 15 мая, как это было условлено?

Наджибулла. Да. Иными словами, не надо ждать истечения 60 дней между подписанием соглашений и их вступлением в силу.

Горбачев. Я понимаю это так, что, сохраняя дату 15 мая, держим свое слово, а не делаем подарок Рейгану.

Наджибулла. Надо, чтобы не было впечатления, что Рейган приехал и оказал какое-то давление по выводу войск.

Горбачев. В порядке жеста можно было бы начать вывод до его приезда, то есть 15 мая. Давайте подумаем.

Наджибулла. С подписанием женеvских соглашений возникло одно принципиальное затруднение — формулировка по границе.

Англичане провели эту линию, разделив пуштунские племена, создали ситуацию, являющуюся источником напряженности. Сам эмир Абдуллахман, который в конце прошлого века подписал соглашение с англичанами, не признавал эту линию. Он подписал соглашение ради получения ежемесячного пособия от англичан в 12 тысяч рупий.

До сих пор ни одно правительство в Афганистане не признавало «линию Дюранда» в качестве границы. И если мы сделаем это сейчас, в обществе возникла бы взрывоопасная ситуация. Поэтому мы старались подобрать такую формулировку для афгано-пакистанского соглашения о невмешательстве, которая не означала бы официального признания нами «линии Дюранда» и не вызывала бы беспокойства у пуштунов. Такую формулировку мы в конце концов нашли.

В течение суток шла упорная борьба за эту формулировку с Зия-уль-Хаком, и он был вынужден с нею согласиться.

Горбачев. Я так понял, что претендентами на губернаторские должности могут быть не только представители НДПА, но и других партий, представители оппозиционных группировок.

Это очень важный вопрос. Если Вы на все 25–30 губернаторских постов назначите представителей НДПА, то все будут говорить: вот вам и плюрализм, вот вам и политика национального примирения. Пострадает Ваш престиж, пострадаем и мы, так как получится, что все это поощряется Советским Союзом. Президент должен быть выше интересов НДПА. Он должен представлять общенациональные интересы. Сейчас за Вами будут во всем мире следить. И надо быть очень точным.

Наджибулла. Мы стремимся действовать в таком ключе.

Из 30 кандидатов в губернаторы только трое представляют НДПА, а остальные — от самых различных слоев и политических сил.

На прошлой неделе у нас состоялось расширенное совещание по вопросу о беженцах. Мы готовимся к приему 1,2 миллионов беженцев, рассчитывая, конечно, на вашу финансовую, материальную помощь.

Еще одно очень важное направление в нашей деятельности — это контакты с оппозицией, которые сейчас стали активными.

Почти треть контрреволюции поддерживает нелегальные контакты с нами. При этом на контакты идут не только отряды, примыкающие к умеренным группировкам «Альянс семи»¹⁷, но и к группировкам Хекматиара и Раббани. С подписанием Женевских соглашений этот процесс, видимо, усилится. Нам противостоит лишь 50 тысяч активных контрреволюционеров. И когда противник пытается представить, что «альянс семи» представляет собой единую силу, то это не так.

Горбачев. Численность отрядов контрреволюции иногда определяют более чем в 200 тысяч человек.

Наджибулла. Да, в общей сложности контрреволюция насчитывает 270 тысяч человек. Из них одна треть ведет с нами переговоры, 50 тысяч непримиримых, а остальные занимают выжидательную позицию. Опираясь на результаты Женевы, мы сможем привлечь на свою сторону пассивную часть контрреволюции.

Теперь хотел бы поговорить о Захир Шахе (*бывшем короле*).

Горбачев. Не начал ли он дистанцироваться?

Наджибулла. Захир Шах по своему характеру консервативен. Однако он заинтересован в том, чтобы получить свое место в процессе примирения.

Встреча Горбачева с Наджибуллой в Ташкенте 7 апреля 1988 года.
Слева направо: Мухеддинов (Первый секретарь ЦК КП Узбекистана),
Наджибулла, Черняев, Шеварднадзе, Горбачев

Горбачев. Хорошо, что с Вашей стороны к нему проявляется больше расположения, чем со стороны «Альянса», который его списывает со счетов. На этом деле Вы можете набрать определенные очки.

Наджибулла. Мы будем действовать именно так.

Горбачев. Надо, думаю — при всей занятости военными и структурными проблемами, поисками контактов с оппозицией — не забывать и религиозный аспект. Когда национальности увидят, что о них заботятся, они ответят встречными шагами. Ведь они тоже, в конечном счете, за то, чтобы был установлен мир, чтобы люди спокойно пахали землю. Это решающий фактор, который не противоречит и Корану.

Наджибулла. Недавно у меня была закрытая встреча с представителями Хекматиара, на которой мы вели очень свободный разговор. Они мне сказали, что в вопросах ислама я пошел настолько вперед, что мне можно вручить членский билет их партии, то есть Исламской партии Афганистана. <...>

К сожалению, советские войска выводятся, но афганская армия не обладает пока способностью вести самостоятельные действия, разгромить противника. Уровень материально-технического снабжения армии, благодаря вашей помощи, высокий.

Армия никак не может довести свою численность до 200 тысяч человек. Гвардейские бригады будут дислоцированы на четырех направлениях в Кабуле. Главная задача гвардии — защита народной власти, основных центров, в первую очередь Кабула, обеспечение безопасности руководства. В общем,

планы составлены, работа ведется, но есть и проблемы, в основном касающиеся материально-технического снабжения.

В условиях вывода советских войск и после него встанет вопрос, чем заменить наше сотрудничество по военной линии. А заменить его надо экономическим сотрудничеством. Серьезное внимание в этом плане надо уделить развитию торговли между Советским Союзом и Афганистаном.

Теперь еще один вопрос, но уже снова по военной линии. Нельзя ли рассмотреть возможность оставления части советских военнослужащих, например 10–15 тысяч, для охраны экономических объектов, а также в учебных центрах.

Горбачев. Надо разобраться, но, конечно, в рамках женевского процесса отводить все требования о включении советников в состав войск. И потом, естественно, — когда поставляется военная техника, требуется и помощь в ее освоении. Это нормально, везде так поступают.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро 14 апреля 1988 года

Горбачев. 1. Оказалась очень нужной и эффективной эта наша акция — встреча с Наджибуллой именно в Ташкенте. Это подчеркнуло, что мы обращаемся с ним как с равноправным, как с главой государства. Не в Москву вызвали, а встретились на полпути. И четко показали всему миру, что мы политически Афганистан не бросаем.

2. Очень правильно, что предварительно на Политбюро приняли решение о предпочтительности вести дело к подписанию женевских соглашений.

В соответствии с этим были проявлены и настойчивость, и дипломатическое искусство, что, в частности, помогло снять вопрос о «линии Дюранда».

3. Хорошая идея была выступить с Совместным заявлением. Она придала итогам встречи характер межгосударственного акта о советско-афганских отношениях на будущее. Это было замечено во всем мире.

4. И по шифровкам, и по печати видно, какой огромный международный резонанс получила встреча в Ташкенте. Большая прибавка к авторитету нашей внешней политики, нового мышления, подтверждение нашей принципиальности в вопросе «слова и дела».

Комментарии идут теперь больше не об афганской проблеме как таковой, а о новых возможностях советской международной политики в связи с таким решением афганской проблемы.

Опять идет сопоставление нас с американской администрацией.

Опять большинство указывает на то, что СССР твердо удерживает в своих руках инициативу в мировой политике.

5. О самой встрече. Старался провести такие главные мысли:

— укрепление президентской власти. Не выпячивать роль партии. Губернаторами в провинциях должны быть люди не от НДПА, а представители президента;

— плюрализм должен быть реальный. Лукавить здесь опасно. Обмануть никого невозможно. Это вопрос не только престижа президента, но и престижа Советского Союза, поставившего подпись в Женеве;

— укреплять армию с очень сильным акцентом на гвардию, на особые части;

— расширение базы власти: через уступки крестьянству, через умную политику в отношении ислама, в отношении мелких предпринимателей и торговцев, через автономию и уважение традиций племен;

— дипломатическая активность.

6. Наджибулла производит впечатление человека уверенного, что сможет контролировать ситуацию. Он, видимо, в самом деле наладил широкие связи, в том числе и в рядах оппозиции. Может быть, мы даже не всё знаем. К тому же альтернативной фигуры, пожалуй, сейчас нет. В «Альянсе семи» нарастают противоречия. Никто из его вождей не может рассчитывать на признание в качестве общегосударственной фигуры. А у Наджибуллы уже есть международное имя. Подписание соглашения в Женеве дает ему де-факто определенный международный статус.

7. Нашей помощи Наджибулла не стеснялся просить — и экономической, и военной. Политическая поддержка сама собой разумелась.

Тов. Мураховский доложит о результатах работы комиссии. В новых условиях потребуется более четкая работа. Надо, чтобы наша помощь действительно шла на пользу и экономике Афганистана, и работала на нужную политику, на отношение к нам афганского народа.

Что касается военного снабжения, Генштабу надо очень основательно продумать вопрос так, чтобы нас не уличили в нарушении женевских соглашений.

8. Шеварднадзе уехал в Женеву. Подписание состоится сегодня. И можно считать, что уже сегодня физически наступает новый этап в решении всей этой крупнейшей и очень большой для нас проблемы.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2; ПБ. С. 350.

14 апреля 1988 года в Женеве был подписан пакет документов по внешним аспектам ситуации в Афганистане: двустороннее соглашение между Афганистаном и Пакистаном о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции; двустороннее соглашение между Афганистаном и Пакистаном о добровольном возвращении беженцев; декларация о международных гарантиях, подписанная Э. Шеварднадзе и Дж. Шульцем, и другие. («Вестник МИД СССР», 1988. № 8. С. 2-10.)^{*} Соглашения предусматривали вывод из Афганистана войск СССР в период с 15.05.1988 до 15.02.1989 года.

^{*} 27 апреля опубликовано Заявление Советского правительства о соблюдении женевских соглашений по Афганистану. В Заявлении содержалось предупреждение против попыток отступить от зафиксированных в соглашениях договоренностей («Вестник МИД СССР», 1988. № 10. С. 14-15).

Из выступления на встрече со второй группой секретарей обкомов
15 апреля 1988 года*

Горбачев сообщает о соглашении в Женеве по Афганистану**.

Соглашение подтверждает правильность политического подхода к разрешению региональных конфликтов. <...>

Наджиб, с которым я только что встречался в Ташкенте, — за соглашение. Народ ждет мира... Во всем мире следят, как мы будем поступать в Афганистане. Мы сейчас выводим своих ребят оттуда, начали выводить. Ведь каждый гроб — это беда. В общем, кончать надо с этим афганским делом. Вяжет оно нас во всем. Людей теряем, экономически в тягость, международный авторитет теряем. С какой стороны ни подойти — ясно, что вылезать оттуда надо.

Как было принято решение о вводе войск? Я был тогда кандидатом в члены Политбюро. Но ничего не знал об этих планах.

Значение нашей нынешней акции большое. Она — в логике нашей мирной политики.

ПБ. С. 322–323.

*Из выступления на встрече с третьей группой секретарей обкомов
18 апреля 1988 года*

Горбачев (начал с Афганистана). Сколько там потеряли людей — мало, много — это не вопрос статистики. В Великую Отечественную войну иногда теряли в день по 100 тысяч. А тут, может быть, одного. Для страны — «небольшая цифра». Но если твой сын погиб — что тебе до статистики?! Можем мы так рассуждать?!

Восемь лет как мы туда вошли. И они показали, что военного решения нет. Никакая мораль нас не оправдывает. Каждая жизнь — это жизнь. <...>

Если начнем уходить оттуда, нам скажет кое-кто: такие люди не должны править.

Но раз дело приобретает такой характер и не поймешь, с кем вообще воюем — днем одна власть на какой-то территории, ночью другая, — то приходится принимать единственное решение.

Расходы миллиардные. И ни в какие рамки нашей новой международной политики наша война в Афганистане не вписывается.

Соединенные Штаты очень хотели бы, чтобы мы там завязли — в частности, чтобы преподнести миру: вот, мол, чего сто́ит советское «новое мышление»! <...>

* В апреле 1988 года Горбачев провел три встречи с секретарями обкомов КПСС.

** Имеются в виду подписанные 14 апреля соглашения между Афганистаном, СССР и Пакистаном, предусматривавшие вывод из Афганистана войск СССР, а также упомянутые выше документы по политическому урегулированию положения в ДРА.

Нынешнее руководство не может так рассуждать: не мы вводили войска в Афганистан, половина Политбюро не знала, когда и какое решение принималось. Поэтому и ответственность за эту войну не несем. Речь не об этом. Если каждый член Политбюро будет считать, что он не несет ответственности за предшественников, то мы никогда не разберемся со своим прошлым. Мы обязаны извлекать уроки и понять, что привело к такому решению — вводить войска.

Женевское соглашение подписано. Мы его добивались. Оно важно и для урегулирования политического кризиса, когда мы уйдем. Надо думать о стране, о народе, о тех, кто там воевал. Полтора миллиона наших солдат прошло через Афганистан.

Соглашение есть, повороты в развитии ситуации могут быть. Но нарушать соглашение мы себе не позволим, да еще перед лицом всего мира.

На чудо мы не надеемся. Если при нас там идет междоусобная борьба — кто больше власти отхватит, — то что будет после нас! Нам не нужен просоветский режим в Афганистане. И такой, какой сейчас, мы вряд ли сохраним.

Меры все будем принимать, чтобы как-то помочь сбалансировать интересы враждующих групп, — политические, дипломатические, экономические.

Правительство там должно заявить об опоре на Женевское соглашение. Думаю, это реальное дело.

Шульц приедет — будем с ним говорить. Для США — это оселок: можем ли мы (СССР) с вами (с этой администрацией) иметь дело или нет?

На Ближнем Востоке американцы больше нас заинтересованы в урегулировании. Этим мы можем воспользоваться по проблеме Афганистана.

Все может пойти под откос. Так что надо учитывать и возможность худшего варианта. <...> Хотя и там народ устал. Пять миллионов беженцев...

ПБ. С. 336 – 337; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

**На Политбюро (внеочередное заседание)
18 апреля 1988 года***

Шеварднадзе. После заключения женевских соглашений мы обстоятельно обсудили все возможные последствия. Первое, что мы констатировали — это наличие теперь правовой основы для наших действий. А именно — для вывода войск. Когда мы войска вводили, такой правовой основы не было. И одно это уже лишает оснований попытки сравнить наш уход с бегством американцев из Вьетнама. Мы сняли с себя тяжелый груз, который обременял и нашу внешнюю политику, и нашу экономику, и вообще ситуацию в стране.

Горбачев. Мы продумали все варианты возможного развития событий. И констатировали наступление совершенно нового этапа, связанного с интернационализацией проблемы. Мы предприняли все меры, чтобы войти в контакт со всеми, кто был заинтересован и кто мог бы сыграть ту или иную

* Запись А.С. Черняева.

роль в политическом урегулировании, а значит — в предотвращении новых ненужных потерь, содействовать тому, чтобы исключить кровавую бойню между самими афганцами после нашего ухода.

Мы решили прежде всего обратиться к партии с письмом по афганскому вопросу. В обстановке гласности это означало, что мы фактически объяснились со всей страной. Были довольно откровенны. Хотя и не собирались рвать на себе рубашку. Мы получили в наследство результаты внешней и внутренней политики, проводившейся до нас. И теперь на Политбюро, принимая столь ответственное решение, мы были убеждены, что поступаем правильно, иначе — и недостойно, да и невозможно.

Особого внимания и заботы требовали, конечно, те, кто с честью выполнил свой воинский долг, и кто потерял своих сыновей и близких. Были приняты соответствующие постановления.

Разумеется, мы не могли тогда оценить все досконально, да и не хотели разжигать страсти. Это только бы помешало решению практических внешних и внутренних задач, связанных с выводом войск, с закрытием этой болезненной и трудной проблемы.

Должен сказать, что ни на этот раз, ни потом не возникло сомнений, что поступаем правильно. Мы исходим из постулатов нового мышления, в частности из принципа невмешательства во внутренние дела и свободы выбора. И с афганскими представителями вели дела на равных и честно. Это — их революция. И как бы мы ни оценивали теперь ее предпосылки и возможности в данной конкретной стране, им решать — хотят ли они ее сохранения и продолжения и готовы ли в полную силу сами бороться за свои цели.

Что же касается нас, то наш моральный и политический долг и перед своим народом, и перед международным сообществом, и перед самими афганцами — сделать все возможное, чтобы снизить негативные последствия того решения, которое было принято до нас и которое оказалось в противоречии с принципами перестройки и нового мышления. Мы исходили из того, что афганская проблема давно перестала быть только нашей и только проблемой двусторонних отношений. Она стала международной проблемой принципиального значения, связанной напрямую с кардинальными проблемами нового этапа в мировом развитии.

Думаю, что после того, как мы, новое руководство, вплотную занялись афганской проблемой, мы крупных промахов не допустили. Не было у нас никогда и позывов все бросить на произвол судьбы и без оглядки убраться из Афганистана.

Нам было ясно, что если бы раньше взялись за политическое урегулирование, если бы своевременно поняли и признали невозможность военного решения и неизбежность национального примирения, дело могло быть закончено давно и без лишних потерь.

Однако с учетом ситуации, которую мы застали, наша политика и в отношении Кармалы, и в отношении Наджибуллы была оптимальной. И в дальнейшем — на всем протяжении и первого этапа, и окончательного вывода войск — мы сделали все, чтобы максимально снизить неблагоприятные последствия войны в Афганистане с нашим участием.

Важным моментом был наш выход на сотрудничество с американцами в достижении Женевских соглашений, на подключение Организации Объединенных Наций, наши постоянные контакты с индийским руководством, с правительствами ряда мусульманских государств, а потом и прямой выход на моджахедов.

Решение афганской проблемы — это важный, в какой-то степени даже ключевой момент в реализации нового мышления. В этом мы не ошиблись. И это не только сказалось на урегулировании других региональных конфликтов, но и на всей международной обстановке.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

**На Политбюро
18 апреля 1988 года***

Шеварднадзе. Теперь мы имеем договор — правовую основу вывода войск. Когда вводили, его практически не было. Этим ситуация отличается и от вывода американских войск из Вьетнама. Американцы лишаются права поставлять оружие через Пакистан. Важное значение имеет установление международного контроля за соблюдением заключенных соглашений: 150 наблюдателей будут его осуществлять. Соглашение может породить разлад между Пакистаном и афганской контрреволюцией. Американцам импонирует, что вывод войск начнется перед визитом Рейгана в Москву. По заявлению Переса де Куэльяра, повышается и престиж Организации Объединенных Наций. Сели за один стол американцы, пакистанцы и афганское правительство. Это означает полупризнание последнего. Отклики на Соглашение в основном положительные, хотя не обходится и без домыслов, рассуждений о нашем военном, а также и политическом поражении.

Считаю необходимым опубликовать заявление о подписании Соглашения, а затем и в связи с началом вывода войск. Необходимо направить спецпредставителей в разные страны, усилить контакты с арабскими, мусульманскими странами, использовать Движение неприсоединения, в том числе югославов и кубинцев. Усилить воздействие на Пакистан, используя в том числе и 40-летие со дня установления дипотношений с этой страной.

Единственная страна, выступившая против Соглашения, — Иран. Может произойти перебазирование контрреволюционных сил в эту страну. Большое значение имеет позиция Индии. Еще активнее надо действовать в ООН, добиваясь снятия афганского вопроса с повестки дня. Необходимо, конечно, усиление помощи Афганистану, прежде всего по проблеме беженцев. Шире привлекать общественность к пропагандистскому обеспечению вывода войск. Направить письмо членам партии, проинформировать партию, а значит и народ, о ситуации.

Горбачев. Начался новый, решающий этап политического урегулирования афганской проблемы. Соглашение подписано. Теперь вопрос о том, как

* Запись В.А. Медведева.

уйти. Все это надо подробно обсудить и взвесить, не исключая и худший вариант. Что надо сделать, чтобы не получилось худшее?

Язов. Усилия контрреволюции направлены к тому, чтобы перенести свои центры на территорию Афганистана. Захват Кандагара и создание там правительства через Лоя Джиргу. Хотят создать современную армию, чтобы вести борьбу за Кабул. Всего у них 57–60 тысяч вооруженных людей, а по заявлению американцев — 150 тысяч.

Наша помощь афганскому правительству: создать трехмесячный запас снаряжения. Потери за все время и их, и наши примерно по 10 тысяч, а разбежалось 240 тысяч, то есть два состава армии. Президентом создается гвардия, началось ее оснащение. Но все же устойчивости добиться не удалось. Продолжается борьба между халькистами и парчамистами. Мы думаем об оставлении учебных центров, но нужна правовая основа. По советникам — тоже надо определить, до какого уровня мы их будем оставлять после вывода войск. Авиационную поддержку мы имеем в виду сохранять только на период вывода войск.

Громыко. У меня мрачный прогноз — никакая гвардия не поможет. Важно сохранить какую-то влиятельную прослойку.

Чебриков. 12 апреля на совещании в НАТО Армакост¹⁸ говорил о трех возможных вариантах. Один — продолжение конфронтации, другой — раскол страны: в одну ее часть войдут Кабул и другие крупные города с коридором в сторону СССР, а контрреволюция будет сохранять за собой Юг страны, главным образом — село. И третий вариант — соглашение о создании коалиционного правительства. По моему мнению, всю территорию страны не удастся удержать.

Лигачев. Считаю возможным пойти на контакты с другими политическими силами, кроме НДПА, закрытые, а может быть, и открытые.

Крючков. Анализ ситуации в Афганистане позволяет сделать вывод, что НДПА сразу не падет. Внутренняя оппозиция не очень хочет возвращения «семерки». У нас есть контакты со всеми силами.

Яковлев. Подписание женевских соглашений — огромный позитив, но он имеет и такой идеологический аспект. Возникает вопрос — за что воевали? Надо показывать, что военнослужащие выполняли свой интернациональный долг.

Горбачев. Пережимать в этом смысле тоже не надо. Ведь, если все было правильно, зачем уходим?

Яковлев. Важно проявить заботу о тех, кто вернулся или вернется. Противодействовать тем, кто говорит, что потерпели поражение.

Добрынин, Лукьянов. <...>

Медведев. Хочу обратить внимание на необходимость учета китайского фактора в афганской проблеме, который оказался как-то в тени. Реакция китайцев на Соглашение в целом благоприятная и создает возможность для втягивания их в процесс урегулирования или, во всяком случае, нейтрализации их негативного влияния.

Ахромеев. Нельзя недоучитывать возможность создания оппозиционного правительства, раскручивания пропаганды о зверствах советских войск. Важным моментом нашей помощи будет содействие разминированию территории.

Горбачев. Наступает новый этап нашей политики в отношении Афганистана. На первом этапе была проведена большая работа, начиная с перемены в афганском руководстве. Начали развязывать сложнейший узел столкновения интересов в мировом, региональном и афганском масштабах. Надо этим вопросом и дальше планомерно и постоянно заниматься. Комиссии по Афганистану продолжить работу, ввести в нее Яковлева и Мураховского.

Выжать максимум из женеvских соглашений. Дело не только в Афганистане. Делаем крупнейший шаг, причем, прежде всего наш шаг, в реализации нового мышления, признании баланса интересов, поиске путей сотрудничества.

Для партии и страны подготовить откровенное письмо. Не рисуя радужных перспектив, сказать и о потерях, которые мы понесли, и о миллиардных расходах, но чтобы наш уход не выглядел, как бегство, что воевали и отдавали жизнь зря. Подчеркнуть, что военного решения нет: ведь не поймешь, с кем воюешь.

Поддерживаю предложенные меры политического, дипломатического, информационного обеспечения. Но надо все рассчитать, направить живых людей, а не только бумаги на места и в разные страны. Но не сразу по всему миру, чтобы не создавать впечатления паники. Учесть специфику каждой страны. На первом месте — работа с США. У них нет сформировавшейся политики, а значит, можем оказать влияние. Подготовить детальный разговор с Шульцем. Надо связать афганскую проблему с ближневосточной. Не следует ли выйти через Верховный Совет на Конгресс? Но так, чтобы не создавать впечатление, что обходим администрацию США.

Следующий акцент — Пакистан. Зия-уль-Хак прислал письмо, но это — политический подонок, верить ему нельзя. В Пакистане обстановка не простая (Пуштунистан, Белуджистан, беженцы), и эти реальности надо учитывать. Мы — соседи, и это тоже реальность. Подготовить поездку или Добрынину, или кому-то из замзавов Международного отдела ЦК, может быть, что-то посулить, но не отталкивать. Или повторить поездку Воронцова, а может быть, и Зию пригласить, а то и — вместе с Наджибуллой.

Далее — Индия. Продолжать работать, стимулировать прямые связи Индии с Наджибуллой.

Иран. Следующее антиамериканское руководство там вряд ли возможно: боятся США, но примат своих интересов сохранится. Не прекращать воздействия на Иран, не отталкивать его. Нужна выдержка. Поездка в Иран необходима.

Наконец, сами моджахеды. С нашей стороны нужен контакт. Заняться коалиционным правительством. Эта проблема не очень «вкусна» для Наджиба. Надеется на чудо, а нам надо быть реалистами. Обсуждать проблемы с американцами, пакистанцами, моджахедами, не терять время, пока там войска. Да и американцы пока не знают, что будет. Проиграв в Афганистане, мы должны выиграть в мире.

*Из беседы с Джорджем Шульцем
Москва, 22 апреля 1988 года*

Горбачев. <...> Теперь об Афганистане. Сейчас, как мне кажется, позиции прояснились. Советский Союз, Афганистан — я имею в виду его нынешнее правительство — выступают за то, чтобы Афганистан был нейтральным, неприсоединившимся государством. Что касается Ирана, то недавно иранский премьер-министр Мусави принимал гонца от Зия-уль-Хака. И они говорили о том, что необходимо смести нынешний режим и создать союз исламских стран на фундаменталистской основе.

Шульц. Не думаю, что Пакистан этого хочет.

Горбачев. Такова позиция Ирана. Это говорил Мусави посланцу Зия. Я не знаю, что тот ответил.

Мне кажется, Соединенным Штатам и Пакистану не хватает реализма. У Зия и у Соединенных Штатов все-таки есть искушение попробовать скинуть нынешний режим в Кабуле. И в этом я вижу главную опасность.

Мне хотелось бы высказать следующую мысль: если бы Советский Союз имел в виду сохранение того, что есть сейчас, и не допускал ничего иного, никакой коалиции, никакого признания прав оппозиции, то это было бы нереалистично. Это не соответствовало бы тому обмену мнениями, который был у нас с вами о будущем Афганистане, а его мы представляем себе как нейтральное, неприсоединившееся государство. <...>

Конечно, у нас нет с вами прямой договоренности на этот счет, мы в данном случае выступаем лишь как гаранты урегулирования. Тем не менее мы придаем большое значение тому, как действуют в этом регионе Соединенные Штаты. После подписания Договора о ракетах средней и меньшей дальности женеvские соглашения — крупное событие.

Кстати я забыл спросить, а будет ли этот Договор ратифицирован?

Шульц. Да, он будет ратифицирован.

Горбачев. Хорошо.

Так вот, сейчас, после этого Договора, вопрос о том, как мы будем действовать в этом регионе, как будем развязывать этот узел, приобретает особое значение. Это пробный камень того, способны ли мы и дальше развивать свое взаимодействие или все сведется к старым подходам. И это важно не только для нас с вами. За нами следит весь мир. Создается прецедент.

Шульц. Мы поддерживаем идею нейтрального, неприсоединившегося Афганистана. Мы хотим, чтобы Афганистан достиг определенной степени внутренней стабильности, кроме всего прочего потому, что мы хотим создания таких условий, которые позволят беженцам вернуться домой в условиях безопасности, воспользоваться плодами соглашений, гарантом которых мы являемся. К чему придут афганцы в урегулировании своих внутренних дел, мы не знаем, для нас это загадка. Но к чему-то они придут.

Исторически известно, что Афганистан — страна большого многообразия, страна племенных инстинктов, с трудом поддающаяся власти центрального правительства. Что получится в итоге — проживем, увидим. Но мы за

нейтральный, неприсоединившийся Афганистан, который займет свое место в этом регионе и будет играть разумную, ответственную роль.

Мы поддерживаем оказание помощи беженцам, а также оказание экономической помощи в целях восстановления страны. Мы поддерживаем усилия Кордовеса по созданию временного правительства. Но повторяю, как уладят дела различные группы внутри Афганистана, я просто не знаю.

Горбачев. Хорошо. Хотел бы выделить еще один аспект, который сейчас вырисовывается. Сейчас «альянс» намерен перебраться в Иран. А ведь вы оказываете им военную помощь. Что это, помощь Ирану?

Шульц. Нет уж, спасибо. (*Общий смех.*)

Горбачев. Я просто хотел по ходу отметить этот интересный момент.

Ну что ж, остальные вопросы поручим Вам и Шеварднадзе.

Шульц. Мы сделаем все от нас зависящее.

Горбачев. Я буду сочувствовать любому прогрессу. Буду разочарован, если его не будет. Сейчас нужны действительно большие усилия для того, чтобы повернуть отношения в правильном направлении. В противном случае мы можем растерять, пустить по ветру достигнутое. Чтобы этого не произошло, надо действовать взвешенно, продуманно, а не под впечатлением момента, под влиянием эмоций.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

15 мая 1988 года было опубликовано совместное советско-афганское Заявление, посвященное вступлению в силу Женевских соглашений по политическому урегулированию внешних аспектов афганской проблемы. («Вестник МИД СССР». 1988. № 10. С. 15-16.)

*Ответы Горбачева на вопросы
газеты «Вашингтон пост» и журнала «Ньюсуик»
18 мая 1988 года*

Вопрос. Американцы знают, какой быстрой эрозии подверглась обстановка во Вьетнаме, после того как они решили выйти из этой войны. Какие, по Вашему мнению, перемены произойдут в Афганистане в течение предстоящего года, когда Советский Союз будет выводить свои войска?

Ответ. Аналогия между Вьетнамом и Афганистаном искусственна. Я уж не говорю о том, насколько не совпадает характер конфликта. Напомню лишь тот факт, что накануне ухода американцев Вьетнам был страной, 20 лет разделенной примерно пополам границей по 17-й параллели. В каждой части длительное время существовали правительства, олицетворявшие противоположные по природе и несовместимые по целям режимы.

Ничего подобного в Афганистане нет. Напротив, там есть правительство, поставившее своей целью национальное примирение афганского народа и на этой основе — собственную реорганизацию в коалиционное с участием всех противоборствующих сторон.

Разумеется, будущее во многом зависит и от того, насколько честно и последовательно все стороны, поставившие подпись под Женевскими соглаше-

ниями, выполняют взятые на себя обязательства, не будут пытаться обойти их тем или иным способом, обмануть партнеров.

ГСС. Т. 10. С. 423–424.

*На пресс-конференции в Москве
1 июня 1988 года*

Горбачев. Я прямо сказал президенту США (*во время его визита в СССР*), что подписанием соглашений по Афганистану создается прецедент, который выходит по своему значению за рамки данной проблемы. Потому что это — первый случай, когда Советский Союз и США наряду с конкретными участниками конфликта подписали соглашение, открывающее путь к политическому решению. Мы постараемся, сделаем все, чтобы быть верными соглашениям. Этого же ожидаем от всех других участников соглашений, в том числе и от Соединенных Штатов Америки. Думаю, что, если у нас на этот раз не получится, не состоится этот позитивный прецедент, это будет иметь далеко идущие последствия и скажется на подходах к такого рода проблемам в остальных регионах.

А основания для озабоченности имеются. В последнее время произошли два события, которые нас обеспокоили: во-первых, обстреливают Кабул, советское посольство, наши войска в Кабуле; во-вторых, вчера в районе Кандагара погибли наши товарищи, несколько человек пропали без вести. Мы обещали, что советские войска с момента вывода войск не будут участвовать в военных действиях. Мы так и действовали. Но мы оговаривали, что они будут действовать таким образом, если не будет провокаций и бандитских нападений на наши войска. Если же это произойдет, мы будем реагировать соответствующим образом. Это тоже должно быть ясно.

Договоренности есть договоренности. Мы видим, что делает Пакистан, и в связи с этим МИД СССР выступил с заявлением. Не хочу вдаваться в детали, лишь подчеркиваю, что есть попытки сорвать соглашения, что имело бы серьезные негативные последствия. Об этом со всей прямотой было сказано Президенту и всей американской делегации. <...>

Думаю, что Соединенные Штаты Америки и Советский Союз могут внести конструктивный вклад в решение региональных конфликтов на основе политических подходов, учитывая баланс интересов всех участников конфликта, на основе реализма. <...>

Вопрос (*газета «Мессаджеро», Италия*). Хотел бы спросить, говорил ли президент Рейган что-либо об обязательствах США по Женевским соглашениям по Афганистану после Ваших высказываний?

Ответ. Не только Президент, но и все члены делегации США, как мне показалось, понимают значение успешного решения афганского конфликта на тех принципах, которые были заложены в Женеве. Думаю, что обмен мнениями, который состоялся на эту тему, был откровенным и полезным.

ГСС. Т. 11. С. 57–58, 64–65.

16 августа 1988 года опубликовано Заявление Советского правительства по вопросам афганского урегулирования. В нем выражено удовлетворение продвижением в выполнении женевских соглашений, но одновременно сожаление в связи с тем, что не все участники этих соглашений добросовестно относятся к своим обязательствам, прежде всего — Пакистан. («Вестник МИД СССР», 1988. № 17. С. 1-2.)

*На Политбюро
18 сентября 1988 года*

Горбачев. Пришло письмо от Наджибуллы. Оно свидетельствует о том, что, видимо, до сих пор там не верили в то, что мы выведем все войска, не остановимся на половине пути. Выдвигаются следующие вопросы. Подкрепить гарнизоны, ведущие в центр, а часть провинций оставить. Говорится о выдвигании Ахмад Шаха¹⁹, о прямой помощи ему со стороны американцев. Он характеризуется, как самый опасный противник. Выдвигаются три варианта решения проблем.

Шеварднадзе. Прошел месяц после вывода половины войск из Афганистана. Вмешательство не сокращается, а нарастает. У Наджибуллы 12 тысяч гвардии и 330 тысяч в вооруженных силах. Американская помощь идет не только Хекматиару, но распределяется между различными группировками. Со стороны Пакистана обстановка более благоприятная. Иран вряд ли активизирует свою деятельность. Проявляют определенный реализм Индия и Китай. Письмо Наджибуллы появилось под влиянием момента. Видимо, дошли сведения о контактах Ахмад Шаха с Соединенными Штатами. Появляются предложения об автономии северо-восточной части Афганистана. Целесообразно представление Ахмад Шаху должности вице-президента, признание его партии и вооруженных формирований.

Язов. С Ахмад Шахом надо договариваться. Победить его трудно из-за поддержки населения.

Горбачев. Нельзя поддаваться настроениям. Нужно выполнять линию Политбюро, а не подлаживаться к отдельным лицам в Генштабе и рабочей группе. Какие меры принимаются по линии Минобороны?

Язов. Надо укреплять армию.

Горбачев. Этого мало.

Крючков. Ничего крупного мы за это время не потеряли. Смерть Зияуль-Хака²⁰ — неизвестно, это хуже или лучше. «Альянс семи» развалился. Недопустимы сепаратистские действия ГРУ без ведома руководства Министерства обороны и Генштаба.

Есть возможность спасти режим, хотя он будет не таким.

Чебриков. Связи у нас с Ахмад Шахом идут с 82-го года. Поставляли ему наше оружие. Думали привлечь его на свою сторону. Начальник разведки афганской армии оказался его агентом, поэтому все удары по Ахмад Шаху шли мимо. Надо еще раз предпринять попытку установить контакт с ним, предъявить Ахмад Шаху жесткие условия. Вывод войск закончить в феврале.

Громько. Не следует ли предусмотреть вариант превращения НДПА в легальную оппозицию без кровавой бойни? Войска вывести. Найти подходы к американцам.

Горбачев. <...> Ситуация остается сложной. За лето произошла некоторая раскоординированность действий. Вариант раздела сфер влияния американцы принимают, чтобы мы оставили юг, а на севере ударит Ахмад Шах. Неправильны действия ГРУ, направленные на то, чтобы бросить Афганистан и Наджибуллу. И США, и Пакистан не уверены в падении режима. Международное сообщество знает, что нарушаем соглашение не мы, а они. Надо использовать оставшееся время для примирения и нормализации. Продолжать разоблачение Пакистана. Сказать на сессии ООН, что по поведению США в Афганистане мы будем делать выводы. Эту линию проводить и на встрече с Рейганом и в других контактах. Провести работу с прессой. Прекратить заверения, что выведем в любом случае. Увязать график вывода с нынешней ситуацией. С Ахмад Шахом учинить разговор. Если на контакты не пойдет, готовить операции. Активизировать все наши усилия по национальному примирению и действовать не враздрай, на эмоциях, а включить весь наш потенциал.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

20 сентября 1988 года М.С. Горбачев встретился с премьер-министром Республики Афганистан Мохаммадом Хасаном Шарком. Было отмечено недостойное отношение к Женевским соглашениям со стороны США и Пакистана. («Правда», 21 сентября 1988 года.)

3 ноября 1988 года на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности». В резолюции отмечалось, что участники сессии призывают все стороны неукоснительно соблюдать условия соглашений от 14 апреля. («Вестник МИД СССР». 1988. № 23. С. 16–17.)

6 декабря 1988 года первый заместитель министра иностранных дел СССР Ю.М. Воронцов по согласованию с президентом Республики Афганистан провел в Саудовской Аравии встречи с делегацией афганской оппозиции («Альянс семи»). Речь шла о том, чтобы придать дальнейший импульс урегулированию афганской проблемы. Особо был выделен вопрос о возвращении на родину советских военнослужащих, оказавшихся в руках афганской оппозиции. («Правда», 7 декабря 1988 года.)

*Из выступления Горбачева в Организации Объединенных Наций
Нью-Йорк, 7 декабря 1988 года*

Нам представляется, что в рамках компетенции ООН можно было бы дополнить ноябрьскую резолюцию Генеральной Ассамблеи некоторыми конкретными мерами. Говоря словами резолюции, — «для безотлагательного достижения всеобъемлющего решения самими афганцами вопроса о правительстве на широкой основе», — **предпринять следующее:**

— с 1 января 1989 года полностью и повсеместно прекратить огонь и все наступательные операции или обстрелы, сохраняя на время переговоров все занимаемые противостоящими афганскими группировками территории под их контролем;

— в увязке с этим с того же дня прекращаются поставки оружия всем враждующим сторонам;

— на период становления правительства на широкой основе, предусмотряемого в резолюции Генассамблеи, направить в Кабул и другие стратегические центры страны контингент сил ООН по поддержанию мира;

— мы также обращаемся к Генеральному секретарю ООН с просьбой способствовать скорейшей реализации идеи о проведении международной конференции по нейтралитету и демилитаризации Афганистана.

Мы будем и впредь самым активным образом помогать залечивать раны войны, готовы сотрудничать в этом деле и с ООН и на двусторонней основе. Поддерживаем предложение о создании под эгидой ООН добровольного международного корпуса мира для содействия возрождению Афганистана.

ГСС. Т. 13. С. 29.

*На Политбюро
28 декабря 1988 года*

Горбачев. Позиция США — оттягивать политические шаги до 15 февраля. Никто не может сказать, к чему приведет вывод войск. Кабул лишен подвоза продовольствия, кроме как от нас. Армия — халькийская²¹.

Воротников, Зайков, Шеварднадзе. <...>

Горбачев. Согласиться с предложениями комиссии (*по Афганистану*). Велика цена каждого дня. Все делать для того, чтобы выполнить принятое нами политическое решение. Мы уходим, исходя из наших интересов. Предусмотреть поездку Крючкова в Кабул.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
24 января 1989 года
О завершении вывода войск из Афганистана*

Шеварднадзе. <...> Надо отмежеваться от этого прошлого, сказать, что мы не можем нести ответственность за то решение. Но солдаты и офицеры выполняли свой воинский долг... Обо всем этом надо сказать открыто. Надо готовить соответствующий документ.

Горбачев. Режим мы не спасем. Мы его уже трансформировали...

От Эдуарда мы слышали детский лепет... Ястребиный клёкот Шеварднадзе я считаю безответственным. И ни слова у него о жертвах наших солдат.

Крючков. Целиком поддерживаю Горбачева.

Чебриков. Я за полный вывод. Порциями: 500–1000–2000 и т.д. — ничего это не дает. И опасно в военном плане.

Яковлев. Я за то, чтоб наших там не было! Мы обещали своему народу, что похоронок больше не будет!

Рыжков. Будем помогать. Но все делать, чтобы взятую линию довести до конца. Не надо растягивать ошибку, и так уже 10 лет, как расхлебываем. Надо выполнять обещание — выводить. Три-четыре месяца продержатся без нас. Но пусть сами защищают режим.

Шеварднадзе. Я тоже за вывод. Но 10–15 тысяч я бы там оставил. Тем более, что надо охранять дорогу, по которой будем выводить весь контингент.

Горбачев. У наших военных давно аллергия на этот режим. У наших международников в ЦК — тоже. Это их давняя позиция. Те же люди, которые обосновывали ввод, теперь осуждают. Так уж у нас водится!

Капитулянтская позиция — драпать — это несерьезно, неправильно. Ошибку надо исправлять, но не любым способом. <...>

Неважно, что Наджиб не будет президентом. Думаю, что не будет. Свой опыт нам известен, помним, как у нас вдруг рождались «члены Политбюро», генсеки.

Линию принципиальную надо держать и чтоб в их там драчке «наш элемент» не присутствовал больше.

Но мы не можем предстать перед миром в одних трусиках. Есть такое мнение, есть товарищи, которые считают: ну и что?! Не мы же начинали! Это шарахание, недостойное политиков.

Все сделать, чтобы Наджиб продержался, сколько сможет. Моральную ответственность с СССР никто не снимает.

20 дней остается до окончательного вывода. Надо работать и работать по обеспечению вывода. И особенно — кто дорогу будет охранять, когда выйдем? Афганцы?..

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

5–6 февраля 1989 года Э.А. Шеварднадзе совершил визит в Пакистан. По итогам визита было принято Советско-пакистанское заявление, в котором подчеркнута значимость мирного решения существующих проблем, выражено стремление содействовать созданию в Афганистане правительства, сформированного таким образом, чтобы оно отражало право афганцев самим решать свою судьбу. Обсуждались проблемы возвращения на родину афганских беженцев. («Правда», 6 февраля 1989 года.)

5–6 февраля 1989 года первый заместитель министра иностранных дел СССР Ю.М. Воронцов находился в Иране. В беседе с президентом Исламской Республики Иран обсуждались вопросы осуществления внутриафганского регулирования после ухода советских войск исключительно мирными средствами. («Правда», 7 февраля 1989 года.)

15 февраля 1989 года завершился вывод советских войск из Афганистана. («Правда» сообщила об этом 16 февраля 1989 года.)

Заявление Советского Правительства от 15 февраля 1989 года

Действуя в точном соответствии с женевскими соглашениями, СССР завершил вывод советских войск из Афганистана. В этой стране не осталось ни одного советского солдата.

Подписывая в свое время женевские соглашения, Советский Союз и Республика Афганистан исходили из того, что четкая реализация обязательств по соглашениям всеми участвующими в них сторонами может и должна создать надежную основу для прекращения затяжного конфликта между противоборствующими афганскими группировками, способствовать восстановлению мира на афганской земле и стабилизации обстановки в регионе в целом.

Конструктивная линия Советского Союза и Республики Афганистан создавала все возможности для прекращения кровопролития на афганской земле и поиска взаимоприемлемых компромиссов, учитывающих законные интересы всех сторон и участников конфликта.

Правительство Республики Афганистан выдвинуло программу национального примирения. Оно выступило за возрождение Афганистана как неприсоединившегося и нейтрального государства, поддерживающего добрососедские отношения со всеми странами. Советский Союз с полным пониманием отнесся к этим важнейшим инициативам и оказывает им поддержку, ибо существование стабильного и процветающего Афганистана отвечает и нашим интересам.

Как будет складываться положение в Афганистане, во многом зависит от того, последуют ли другие участники женевских соглашений примеру Советского Союза и руководства Республики Афганистан, проявит ли вооруженная оппозиция, оперирующая с территорий Пакистана и Ирана, чувство ответственности и меры, способность мыслить не одними категориями насилия. Сегодня очевидно, как никогда, что оппозиции, если ей в принципе не чуждо рациональное мышление, незачем ломиться в открытую дверь, продолжая братоубийство, когда стоящие перед афганцами проблемы решаемы за столом переговоров.

Пойдет ли дальнейшее развитие афганской ситуации по пути национального согласия и создания правительства на широкой коалиционной основе, то есть так, как это предусмотрено соответствующей резолюцией 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, либо же по пути эскалации войны и напряженности в стране и вокруг нее, — зависит в большой мере от тех, кто все последние годы поощрял вооруженную оппозицию и оснащал ее для этого изоциренными системами оружия. Советский Союз подтверждает свое предложение о немедленном прекращении огня между враждующими афганскими группировками и одновременном прекращении поставок вооружений в Афганистан всеми странами, включая СССР и США.

Вполне понятно, что в нынешних условиях, после ухода из Афганистана советских войск, особая ответственность ложится на Пакистан, который должен строго соблюдать взятые на себя по женевским соглашениям обязательства и не допускать использование своей территории для вмешательства в афганские внутренние дела.

В Советском Союзе не могут также пройти мимо заявлений отдельных представителей пакистанского руководства о возможностях создания в будущем некой пакистано-афганской конфедерации. Подобного рода разглашательства на деле направлены на прямое ущемление суверенных прав народа Афганистана.

Большую роль в придании происходящим в Афганистане процессам позитивного характера призвана сыграть Организация Объединенных Наций с ее богатым миротворческим опытом в различных регионах мира. Конкретным ее вкладом в дело умиротворения на афганской земле являются разработанные программы экономической и гуманитарной помощи Афганистану. Важно чтобы механизм этой помощи разворачивался как можно быстрее и оперативнее.

Серьезнейшей проблемой для Афганистана остается проблема беженцев. Эта проблема волнует всех афганцев независимо от их политических воззрений. Но ее нельзя решить без прекращения огня. Только прекратив войну, удастся реализовать возможности для возвращения беженцев, заложенные в Женевских соглашениях.

Советский Союз готов делать все от него зависящее, чтобы советско-афганское экономическое сотрудничество продолжало служить интересам наших народов — как на нынешнем этапе, способствуя переходу к мирной жизни, так и после достижения всеобъемлющего афганского урегулирования. Эта наша готовность выражается и в активном участии Советского Союза в многосторонней помощи Афганистану по линии Организации Объединенных Наций.

Уходя из Афганистана по доброй воле и согласованию с афганским руководством, Советский Союз будет и впредь содействовать мирному и всеобъемлющему афганскому урегулированию.

Мы надеемся, что афганский народ выберет путь мира и согласия, ибо только этот путь положит конец кровопролитию и будет способствовать установлению спокойствия на земле древнего Афганистана.

«Правда», 16 февраля 1989 года.

8 марта 1989 года опубликовано Заявление представителя МИД СССР в связи с формированием афганской оппозицией «переходного правительства». В Заявлении указывается, что существует одно законное правительство в Кабуле; что единственно разумной альтернативой войне в Афганистане является путь мирных переговоров и компромисса, межафганского диалога. («Правда». 8 марта 1989 года.)

*На Политбюро
23 марта 1989 года*

Горбачев. Очень много писем приходит в ЦК и ко мне лично с благодарностью за вывод войск...

Для нас главное — чтобы там не возникло враждебное государство. Остальное... пусть любая правительственная комбинация, не наше дело. При Тараки и Амине была искусственная комбинация. Она не могла выдержать, ибо не отвечала состоянию общества. Теперь — после драматического опыта, может быть, образуются адекватные правительство и режим.

В общем, мы выдержали тут принцип «слово — дело». Люди же гибли! И 6 миллиардов в год спускали туда при 20 миллиардах прироста ВВП.

Правда, уже после вывода войск были попытки «отката» со стороны Шеварднадзе*.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2

*Из послания М.С. Горбачева королю Марокко Хасану II
23 мая 1989 года*

Не могу не затронуть и еще одну острую и наиболее болезненную проблему — афганскую. Вокруг этого вопроса складывается, прямо скажу, опасная, тающая в себе непредсказуемые последствия ситуация. В свете заключения Женевских соглашений, неукоснительного соблюдения их Советским Союзом и правительством Афганистана, казалось бы, ничто не должно было мешать другим сторонам вести дело к нормализации обстановки и созданию условий для внутриафганского национального примирения. Однако этого не произошло. Напротив, усилилось вмешательство во внутренние дела Афганистана извне, произошла эскалация военных действий против афганского народа. Его судьбой пытаются играть в угоду региональным амбициям и корыстным расчетам. Но как учат уроки истории, тяжело наказан бывает тот, кто разжигает огонь войны. <...>

Мы убеждены, что, чем быстрее ситуация в Афганистане будет развернута в сторону мира, тем благоприятнее будут складываться перспективы для всего обширного региона Ближнего и Среднего Востока.

ГСС. Т. 14. С. 284.

* На последнем перед окончательным выводом войск заседании Политбюро Шеварднадзе предложил для поддержки режима Наджибуллы все-таки оставить тысяч 10–15 наших солдат. Но его никто не поддержал. После завершения вывода он просил поддержать «план Наджибуллы»: послать из Туркменистана бригаду (3–5 тысяч) для прорыва блокады Кандагара, осажденного моджахедами. Но никто не встал на его сторону — ни Чебриков, ни Крючков, ни Язов. Тогда Шеварднадзе отреагировал на другой план Наджибуллы: чтобы мы со своей территории нанесли бомбо-штурмовые удары по моджахедам. На этот раз его поддержали не без колебаний Язов и отчасти Крючков.

На Политбюро развернулась острая полемика. Особенно резко выступили Медведев, Яковлев, Маслюков (Лигачев и Рыжков отсутствовали, были в отъезде).

Горбачев заключил так: «Я категорически против всяких этих БШУ (бомбо-штурмовых ударов) или чего-либо подобного. И пока я Генсек, не допущу поправки слова, которое мы дали перед всем миром. Мы что — не знали, на что идем, когда решали выводить войска? Мы что — были уверены, что Наджибулла удержится? Или делали на это ставку, хотя бы для себя — как условие того, что мы подписываем в Женеве?!» (АГФ. Фонд № 10, опись № 2).

*На переговорах с Джорджем Бушем на Мальте
3 декабря 1989 года*

Горбачев. Я все время мысленно возвращаюсь к Афганистану. За этим столом есть люди, которые присутствовали на моих переговорах с предыдущим американским президентом. Мы тогда сумели подняться над разногласиями и применить общий подход, нащупали области взаимопонимания. И все это вместе позволило вывести афганский вопрос из очень трудной полосы. Были достигнуты весомые результаты: мы подписали женевские соглашения, в результате чего из Афганистана ушли советские войска.

Вот почему очень желательно, чтобы этот первый пример нашего регионального сотрудничества был успешным, чтобы урегулирование удалось довести до логического конца.

Буш. Мы тоже стремимся к урегулированию. В этом вы должны быть уверены. У нас нет никакой заинтересованности в том, чтобы в Афганистане оказался у власти режим, враждебный СССР.

Горбачев. И нам там не нужен режим, враждебный Соединенным Штатам.

Буш. Но надо считаться с объективной реальностью: Наджибулла — это основное препятствие на пути к осуществлению Ваших же предложений по урегулированию. Оппозиция расходится во многом, но в одном она едина — в своем неприятии Наджибуллы. Все наши беседы с оппозицией о прекращении огня наталкиваются на это. Что же касается роли короля в урегулировании, то, по нашим данным, его влияние, наоборот, падает.

Горбачев. Послушать Ваши аргументы, то получится, что существует прямо какой-то «феномен Наджибуллы». Вы говорите, что Наджибуллу все отвергают, а факты свидетельствуют, что с тех пор как мы вывели свои войска, его позиции неизмеримо укрепились. Многие полевые командиры, духовные и племенные авторитеты с ним сотрудничают.

Буш. Не думаю, что они сотрудничают с энтузиазмом: просто у некоторых из них есть родственники в Кабуле. А вообще-то, я впервые слышу, что в Афганистане в общественном мнении произошел переворот в направлении поддержки Наджибуллы. Однако не стану спорить.

Шеварднадзе. Я 7 раз был в Кабуле. И могу подтвердить сказанное Михаилом Сергеевичем. Авторитет и влияние президента растут. Почти вся оппозиция имеет контакты с ним. Если же Наджибулла уйдет, то придет Хекматиар, у которого среди оппозиционеров лучшая организация и самые мощные военные формирования. А это было бы просто страшно.

Что же касается ухудшения шансов короля, то это плохая тенденция, и она должна нас всех беспокоить, поскольку Захир Шах — деятель умеренный.

Буш. Мы сами не в восторге от Хекматиара.

Горбачев. Есть две реальности в Афганистане — оппозиция и Наджибулла. Давайте поможем взаимодействию между ними. А как они договорятся между собой — это их дело. Советский Союз примет любое решение. Наджибулла к такому открытому диалогу готов, и не стоит выдвигать ультиматумы, требовать его ухода. Кто его уберет? Что нам опять туда войска вводить?

Бейкер. Прекратите свою массированную помощь Кабулу.

Горбачев. Оставьте эти пустые разговоры. Не думайте, что Вы всё знаете. Вы уже не раз предсказывали крушение Наджибуллы после вывода советских войск. Там такая сложная ситуация, что примитивных решений просто нет.

Буш. Честно говоря, я удивлен вашей информацией, что вожди племен готовы к разговору с Наджибуллой.

Горбачев. Не готовы, а уже разговаривают поодиночке с ним. Спросите хотя бы Хекматиара.

Буш. У нас с ним нет контакта.

Шеварднадзе. Зато у ЦРУ есть.

Скоукрофт. Мы не препятствуем контактам моджахедов с Наджибуллой.

Горбачев. Мы и сами знаем, наверное, лишь о малой толике таких контактов. Восток есть Восток.

Буш. Полностью с Вами согласен.

Горбачев. Пусть наши министры продолжают этот полезный разговор.

Бейкер. Нам необходимо согласие моджахедов на идею «переходного периода». Раньше оппозиция вообще не хотела никаких контактов с Наджибуллой. Теперь они посылают нам сигнал, что готовы начать переговоры о переходном периоде за одним столом с Наджибуллой. Но только при том условии, что с самого начала будет ясное понимание, что в конце переходного периода Наджибулла уйдет и будет сформировано новое правительство. Здесь может оказаться полезным и участие ООН, в том числе в плане организации международной конференции. Именно с таких позиций вела разговор американская делегация в Вайоминге²².

Горбачев. Ваши идеи можно обсудить.

Бейкер. Если моджахеды согласятся, то в следующее правительство могут быть включены элементы НДПА, но с ясным пониманием, что там не будет ни Наджибуллы, ни его близких соратников.

Шеварднадзе. А это пусть они сами решают.

Горбачев. Сам диалог прояснит этот вопрос. Идея переходного периода разумная, поскольку позволяет двум реальностям взаимодействовать. Если сами афганцы решат, что Наджибулла должен уйти — ради бога. Это их дело. Никто им его не навязывает.

Буш. Это было бы хорошо.

Бейкер. Но моджахеды просто не сядут за стол переговоров, если заранее не будут знать, что в конце переходного периода в Афганистане будет новый глава правительства.

Горбачев. А кто даст такую гарантию? Если они так уверены, что их позиции преобладающие, то чего им волноваться?

Бейкер. Появился новый элемент. Оппозиция наконец готова говорить с Наджибуллой об условиях формирования нового правительства. Но они должны быть уверены, что в интересах мира Наджибулла в конце концов уйдет.

Шеварднадзе. Надо продолжить этот разговор. У вас помимо всего прочего не совсем точная информация о состоянии оппозиции. Она, по существу, разваливается.

Горбачев. Предлагаю завершить наше обсуждение. Оно было полезным, обозначило новые направления для решения сложных проблем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

24 декабря 1989 года второй Съезд народных депутатов СССР принял постановление: «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года». В нем говорилось, что эта акция заслуживает политического и морального осуждения. («Правда», 26 декабря 1989 года.)

*Из беседы с Наджибуллой
23 августа 1990 года*

Горбачев. Приветствую Вас, товарищ Наджибулла, в Москве. Надеюсь, Ваш отдых в нашей стране прошел хорошо.

Мне известно, что Вы уже проинформированы об итогах беседы Шеварднадзе с госсекретарем США Бейкером в Иркутске. У нас складывается мнение, что американцы начинают лучше понимать реалии сегодняшнего Афганистана. Такой вывод позволяет сделать, в частности, то, что совсем недавно они выдвигали требование об отказе президента Наджибуллы от власти в качестве предварительного условия завязывания общеафганского диалога, начала процесса формирования новых органов власти, проведения выборов. Теперь такого рода условия не ставятся, хотя сам президент Наджибулла заявил о своей готовности отказаться от власти ради мира в Афганистане, если, конечно, этого захочет народ.

Создается впечатление, что американцы действительно обеспокоены опасностью распространения исламского фундаментализма. Они считают, и об этом прямо говорят, что утверждение сегодня фундаментализма в Афганистане, Пакистане и Иране означало бы, что завтра это явление охватит весь исламский мир. И симптомы этого уже имеются, если взять, например, Алжир.

Но американцы были и остаются американцами. И было бы наивным, если кто-то допускает мысль о том, что мы видим только эту сторону их политики, а другие аспекты не замечаем.

Несмотря на собственные трудности и проблемы, на все перемены внутри страны, мы, с учетом, разумеется, всех этих обстоятельств, будем продолжать линию на поддержку афганского руководства, на развитие сотрудничества с Афганистаном.

Наджибулла. Председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин публично высказался за прекращение помощи Афганистану.

Как известно, женевские соглашения по Афганистану, в разработке которых наши страны приняли самое активное участие, являлись хорошей основой для достижения политического урегулирования, установления мира в нашей стране. Но если Афганистан и СССР честно следовали достигнутым договоренностям, то другие участники соглашений пошли по иному пути.

В результате масштабы агрессии и вмешательства в дела Афганистана не уменьшились, а начали возрастать.

Горбачев. Экстремистская часть оппозиции, насколько известно, резко негативно настроена против Захир Шаха.

Наджибулла. Мы считаем, что экстремисты в любом случае не будут участвовать в политическом урегулировании. Нерешительность в боевых действиях против правительства Афганистана, внутренние разногласия между различными группировками оппозиции привели к тому, что даже Пакистан разочаровался в своем детище — так называемом «переходном правительстве афганских моджахедов». Все это все больше влияет и на настроения афганских беженцев, которые настойчивее начинают требовать возвращения их на родину.

Горбачев. Сколько всего беженцев находится за пределами Афганистана?

Наджибулла. Общая численность беженцев достигает 5–5,5 миллиона человек, в том числе в Пакистане — около 3 миллионов, Иране — до 1,5 миллиона, в других странах — до 1 миллиона.

Горбачев. Часть беженцев, очевидно, не возвратится в страну.

Наджибулла. Разумеется, причем в основном не вернется афганская эмиграция в западных странах. Однако подавляющее большинство беженцев живет в исключительно трудных условиях, поэтому они вернутся домой.

Представляется, что сегодняшние реалии Афганистана хорошо понимают и американцы. Как стало известно, например, в докладе специального представителя США при афганских моджахедах Томсена прямо говорится о неспособности оппозиции добиться намеченных целей, о стойкости правительства Афганистана. Вместе с тем он предложил конгрессу США повременить с отказом от поддержки моджахедов, мотивируя это тем, что Советский Союз под давлением своих внутренних проблем будет, дескать, вынужден прекратить помощь афганскому правительству. <...>

Из состава нынешнего правительства 17 человек получили образование в западных странах, двое — в Египте, один — в Турции и шесть человек — в Советском Союзе. Думаю, что даже президент США Буш не смог бы предложить для Афганистана лучшего состава правительства.

Горбачев. Хороший аргумент, который Шеварднадзе сможет использовать в последующих беседах с американцами. Действительно, кого они могут предложить? Хекматиара?

Заключение

Что значила для нашей страны затянувшаяся на 10 лет интервенция в Афганистан и каково было значение вывода оттуда советских войск?

Авантюра со всех точек зрения.

— С точки зрения геополитической. Вошли якобы чтобы прикрыть «подбрюшье» СССР с Юга. Но никто нам оттуда не угрожал. На протяжении 50 лет (если не считать мелких стычек с контрабандистами и вылазок басмачей, укрывавшихся на территории Афганистана) — это была спокойная граница. Прекрасно ладили с королевским режимом, а потом и республиканским (в 70-х годах).

«Прорваться к Индийскому океану» («замочить там сапоги», по выражению Жириновского). Такого абсурдного намерения и в мыслях ни у кого не было, даже у тех, кто совершил эту грубейшую ошибку.

— Авантюра с точки зрения незнания, с каким народом, обществом и государством мы там столкнемся. Невежество и по части истории этого народа, его долгой борьбы за независимость.

— Авантюра с точки зрения политического обеспечения акции: посадили марионетку, воображая, что его там признают, будут слушаться и подчиняться.

— Авантюра идеологическая: да, в Афганистане шла некая революция (если под ней понимать свержение монархии в 1973 году и провозглашение «демократической республики» в 1978 году). Но это совсем не такая революция, какую в Москве представляли себе по учебникам марксизма-ленинизма. Поэтому, стремясь укрепить навязанную власть, действовали по стереотипам и давали советы, которые только подрывали и наши позиции (по сути — оккупантов), и посаженной там власти.

— Авантюра с точки зрения военной (хотя генералы, Минобороны и Генштаба с самого начала были против) — двинули танки, с которыми в афганских горах и ущельях воевать было заведомо невозможно. И запоздалое понимание, что **воюем против народа** и что вообще военным путем в такой стране ни победы, ни приемлемого социально-политического результата добиться нельзя.

Значение ухода.

1. Решение об уходе показало, что новое руководство СССР способно исправлять ошибки своих предшественников.

2. Политика нового руководства, политика «нового мышления» — это не очередной хитроумный маневр, а принципиальная установка на перемены и внутри, и вовне.

3. Уход свидетельствовал, что новое руководство готово прислушиваться к мнению, к требованиям народа.

4. Уход сыграл огромную роль в процессе ликвидации «холодной войны» — в деле формирования такого нового фактора мировой политики, как **доверие**, без чего невозможно было ни покончить с гонкой вооружений, ни

договориться об объединении Германии, ни прекратить идеологическую конфронтацию.

5. Вывод войск вызвал вздох облегчения во всей стране. Прекратился поток «груза 200». Однако общество получило возможность убедиться в том, что действительно уходим, лишь спустя 3 года после принятого об этом решения. Причин несколько. Нежелание бежать оттуда «задрать штаны» (выражение Горбачева), уподобившись американцам во Вьетнаме. Стремление помочь политическим силам, которых мы там посадили и поощряли, наладить какой-то порядок в стране, не создавать ситуацию «предательства». Военно-технические трудности вывода: военные предсказывали большие потери от вылазок и засад моджахедов по пути движения войск в колоннах. Трудно давались попытки добиться от США (когда наладились с ними отношения) хотя бы ослабить поддержку моджахедам, которая обеспечивала им боеспособность и влияние. Остановить совсем вмешательство США было нереально: уж больно удачный для них был этот «случай» в соперничестве с другой сверхдержавой — хотелось, чтобы мы там увязли поглубже, подольше и подороже.

Последствия для нашей страны.

1) Пришлось компенсировать уход увеличением экономической помощи (хотя толку от нее не было) — это бремя продолжало давить на бюджет.

2) Через Афганистан за 10 лет прошло более миллиона солдат и офицеров. Обустроить их удовлетворительно в условиях начавшегося кризиса, а потом и ослабления России как государства, не было возможности. Даже тех, кто стал калеккой.

Психологические травмы в жестокой и несправедливой войне (не оправданной идейно, как это было в Отечественную) превратили многих «афганцев» в изгоев общества, сделали их резервом преступного мира. Сказывается до сих пор.

Нелепы рассуждения (и в России, и на Западе), будто уход из Афганистана положил начало распаду Советского Союза. На то были другие, фундаментальные причины.

После ухода советских войск и прекращения всякого вмешательства со стороны Советского Союза Афганистану пришлось пережить еще более тяжелые времена беспощадной гражданской войны. Моджахеды продолжали вооруженную борьбу с правительством в Кабуле, а возникшее в начале 90-х годов молодежное религиозно-повстанческое движение «Талибан» развернуло войну и против тех, и против других. В 1996 году талибы захватили столицу Афганистана и провозгласили в стране «Исламский эмират», установили свирепый религиозный режим, сопоставимый по мракобесию и жестокости с самыми бесчеловечными тираниями прошлого.

В Афганистане, естественно, нашла прибежище «Аль-Каида», ставшая символом и главным очагом международного терроризма.

После событий 11 сентября 2001 года — страшных терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, США, с санкции ООН, начали антитеррористическую опера-

цию в Афганистане, сначала — для поимки бен Ладена, главы «Аль-Каиды» (безуспешно). С помощью американских и натовских войск талибов удалось свергнуть. Была восстановлена республика. Однако талибы, со своих баз в Пакистане, который их изначально поддержал, продолжали партизанско-террористическую войну. Афганистан превратился в один из самых опасных очагов нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке. США и многие государства НАТО держат в Афганистане многотысячный контингент вооруженных сил. Однако до сих пор охраняемое ими правительство в Кабуле контролирует едва ли треть территории страны.

Столкновения в борьбе за власть и межплеменные конфликты, присущие самой природе этого архаического общества, превратились в перманентную, жестокую войну с участием иностранных войск. Афганистан завалили оружием. И в конце концов государство, какое бы оно ни было, потеряло дееспособность, а страна стала очагом международного терроризма.

Война спровоцировала взрыв производства наркотиков. В Афганистане всегда обильно производили эти снадобья. Всегда здесь был один из главных источников едва ли не государственной наркоторговли и контрабанды. Однако полное разорение афганского хозяйства в результате советского вторжения, потом беспощадной междоусобицы и, наконец, контртеррористической операции, оставили афганским крестьянам лишь один выбор — либо производить и сбывать опий, либо помирать с голоду. Понятно, что они выбрали.

Трудно себе представить, каким был бы сейчас Афганистан, если бы СССР в 1979 году не ввел туда войска. Одно можно сказать: он, конечно, не сохранился бы в том виде, в каком его застало наше вмешательство.

Примечания

- ¹ Кармаль Бабрак (1929–1996) — выпускник Кабульского университета, где увлекся идеями коммунизма, в 1965 году вступил в НДПА, возглавив леворадикальную (прокоммунистическую) фракцию «Парчам». После Апрельской революции 1978 года стал заместителем председателя Революционного совета, но летом того же года был смещен, отправлен послом в Чехословакию. В декабре 1989 года, после ввода советских войск, был поставлен во главе Революционного совета (высшего государственного органа республики) и правительства. В мае 1986 года, по настоянию советского руководства решением пленума ЦК НДПА освобожден от должности генерального секретаря ЦК, в конце 1986 года — снят с поста председателя Революционного совета. Переехал в Москву, где и жил до своей кончины в 1996 году.
- ² Зия-уль-Хак Мохаммад (1924–1988) — президент Пакистана в 1978–1988 годах. Пришел к власти в результате организованного им военного переворота. Погиб в авиакатастрофе при невыясненных обстоятельствах (предположительно в результате диверсии).
- ³ Табеев Фикрят Ахмеджанович (р. 1928) — первый секретарь Татарского обкома КПСС в 1960–1979 годах, посол СССР в Афганистане в 1979–1986 годах.
- ⁴ Корниенко Георгий Маркович (1925–2006) — дипломат, с 1977 по 1986 год — первый зам. министра иностранных дел СССР, выступал против ввода советских войск в Афганистан. В 1986–1988 годах — первый зам. заведующего Международным отделом ЦК КПСС.
- ⁵ Кордовес Диего (р. 1935) — эквадорский дипломат, в 80-х годах — специальный представитель Генерального секретаря ООН по урегулированию положения вокруг Афганистана. В 1988–1992 годах — министр иностранных дел Эквадора.
- ⁶ Воронцов Юлий Михайлович (1929–2007) — советский и российский дипломат, с 1977 по 1983 год — посол СССР в Индии, потом — во Франции, с 1987 года первый заместитель министра иностранных дел СССР, в 1988–1989 годах, оставаясь в этом ранге, был послом в Афганистане.
- ⁷ Кештманд Султан Али (р. 1935) — один из лидеров НДПА, экономист по профессии, председатель Совета министров Афганистана в 1981–1988 и 1988–1991 годах.
- ⁸ Дост Шах Мухаммед (р. 1929) — афганский дипломат, министр иностранных дел Афганистана с декабря 1979 по декабрь 1986 года.
- ⁹ «Линия Дюранда» — индо-афганская граница, установленная в 1893 году по соглашению М. Дюранда, секретаря англо-индийского (колониального) правительства, с эмиром Афганистана Абдурахманом.
- ¹⁰ Варенников Валентин Иванович (1923–2009) — генерал армии, руководитель Оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане во время войны.
- ¹¹ «...и королю... найдется место...» Речь шла о Захир Шахе Мухаммеде (1914–2007) — короле Афганистана (1933–1973), проводившем политику политических и экономических реформ, которые вызвали недовольство консервативного духовенства. Свергнут его братом Даудом в 1973 году. С тех пор находился в эмиграции (в Италии) и смог вернуться на родину только в 2002 году.
- ¹² Раббани Бурхануддин (р. 1940) — этнический таджик, один из влиятельных командиров афганских моджахедов в 1980–1989 годах.
- ¹³ Лаек Сулейман (р. 1930) — афганский поэт, государственный деятель. После Апрельской революции входил в состав Революционного совета, был президентом Афганской академии наук. В 1992 году эмигрировал в Германию.
- ¹⁴ Халес Мохаммад Юнус (р. 1944) — один из лидеров моджахедов в провинции Нангархар, в 1979 году основал Исламскую партию Афганистана (отколовшуюся от партии с одноименным названием во главе с Хекматиаром) — крайне фанатичную группировку моджахедов, призывавшую к беспощадному джихаду против всех «неверных».
- ¹⁵ Хекматиар Гульбеддин (р. 1947) — афганский полевой командир моджахедов, влиятельнейший из военно-политических деятелей во время советской интервенции в Афганистане в 1979–1989 годах.

-
- ¹⁶ Лоя Джирга — Всеафганский Совет племенных и клановых старейшин, самая высокая морально-политическая инстанция в архаическом афганском обществе, опиравшаяся на авторитет ислама.
- ¹⁷ «Альянс семи» — группировка моджахедов, объединявшая семь основных исламистских партий Афганистана. Штаб-квартира альянса находилась в пакистанской провинции Пешавар.
- ¹⁸ Армакост Майкл (р. 1937) — американский дипломат, в тот период заместитель госсекретаря США.
- ¹⁹ Ахмад Шах Масуд (1953–2001) — афганский полевой командир, контролировал северо-восточный регион Афганистана (долину Панджшера), населенный в основном таджиками.
- ²⁰ См. примеч. 2.
- ²¹ Халькисты — одна из основных фракций НДПА, в ходе войны основным ее членским контингентом были офицеры правительственных войск.
- ²² В штате Вайоминг находилось загородное имение Дж. Бейкера, где не раз проходили его встречи с Шеварднадзе.

Раздел VI

НОВАЯ
ПОЛИТИКА
НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ
ВОСТОКЕ

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

Введение

Горбачеву досталось очень непростое наследство в данном регионе. Это один из ключевых пунктов «холодной войны». СССР был вовлечен сюда давно и по весьма существенным направлениям: идеологическое (поддержка национально-освободительных антиимпериалистических сил: 200 миллионов одних арабов!), военно-стратегическое (поставки оружия, военное присутствие в лице многочисленных советников и специалистов, дислокация флота), политическое (поддержка на всех международных уровнях в противостоянии с Западом, особенно, США). Отношения с так называемыми прогрессивными арабскими режимами считались дружественными, в общении с их лидерами и арабскими официальными представителями применялся термин «товарищ».

Главным виновником застарелого ближневосточного кризиса, по указанным мотивам, считался Израиль. Он — «агент американского империализма», он — «агрессор» (хотя войны 1967 и 1973 годов развязал не он!), оккупирующий чужие территории, поэтому уже почти 20 лет как у Советского Союза разорваны с ним дипотношения. К тому же это «сионистское государство», которое распространяет свое «зловредное влияние» на советских евреев, превращая их в «идеологическую пятую колонну». Поэтому особенно активных среди них по инициативе Андропова было принято сажать, высылать и негласно прижимать, по сути ограничивать в гражданских возможностях.

В этом разделе два наиболее существенных узла. В первом речь идет о том, как постепенно преодолевалась, а потом была совсем отброшена политика, можно сказать, «советского патернализма». Поощряя, поддерживая политически и вооружая режимы, которые объявляли себя «идущими по социалистическому пути», СССР рассчитывал расширить зону своего влияния везде, где это казалось возможным*. Иначе говоря, это была линия на использование «холодной войны», по сути дела, в великодержавных интересах СССР.

Правда, как и в истории Российской империи, когда «господствующая нация» больше отдавала включаемым в ее народам, чем брала, в данном случае и СССР значительно больше «давал», чем «получал» от тех, кого он поддерживал, защищал и выручал.

Нельзя также упускать из виду, что советская политика в «третьем мире» означала одновременно содействие укреплению независимости молодых государств, образовавшихся в результате распада колониальных империй прошлого. То есть содержала в себе важный исторически и справедливый морально прогрессивный компонент.

Горбачев начинал на ближневосточном направлении по инерции, действуя согласно вышеозначенным императивам. Это видно и в его публичных заявлениях, и в дипломатической практике — в общении с лидерами

* Это касается также и Африки, и частично Латинской Америки.

«дружественных» и даже «братских» государств арабского Востока. Политкорректность и дипломатическое лукавство здесь сохранялось долго. Но...

Но развертывалась политика «нового мышления» по всему окружающему миру. И региональная проблематика выдвигалась на передний план в отношениях между главными участниками «холодной войны». Поэтому начались и здесь коррективы.

Кризис самой советской социально-экономической системы, явно обозначившийся в 80-х годах, остро поставил руководство Советского Союза перед выбором (который имел и политический, и нравственный аспект): продолжать истощавшую потенциал страны «холодную войну» также и на фронтах «третьего мира» или обратить уходившие туда ресурсы на пользу собственному народу, использовать их на переориентацию собственного общественного строя, который заходил в тупик.

Выбор был, хотя не сразу, сделан — и бесповоротно — в пользу второго варианта.

Второй узел — драматический экзамен для начавшейся более или менее успешно новой мировой политики по окончанию «холодной войны». Его, этот экзамен, предстояло выдержать обеим сверхдержавам и многим другим странам в связи с необходимостью обуздать агрессию иракского диктатора Саддама Хусейна против Кувейта (лето-осень 1990 и начало 1991 года). В поисках решения этой региональной проблемы столкнулись два подхода — добиться прекращения агрессии и наказания агрессора мирным путем или с помощью вооруженной интервенции. Что получилось, читатель увидит из публикуемых материалов.

Еще один аспект данного раздела — это «еврейский вопрос». Он — внутренний, но в данном случае тесно связан с отношениями между СССР и Израилем. Решался он в контексте общего процесса перестройки, реализации ее гуманистической природы, но также и как составная часть процесса преодоления «холодной войны».

Обо всем этом свидетельствуют материалы этого раздела.

Документальные свидетельства

*Из интервью Горбачева журналу «Тайм»
28 августа 1985 года*

У нас не может не вызывать озабоченности <...> сценарий натиска, попыток зажать нас в угол, приписать нам, как это не раз уже бывало, все смертные грехи <...> вплоть до «агрессии» на Ближнем Востоке*.

ГСС. Т. 2. С. 425.

* Это первое упоминание Ближнего Востока Горбачевым в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС.

*На встрече Горбачева с парламентариями Франции
3 октября 1985 года*

Как никогда прежде, ощущается сейчас необходимость более активного взаимодействия, чтобы погасить очаги конфликтов и напряженности, существующие в различных районах. <...> Таких, скажем, как положение на Ближнем Востоке.

ГСС. Т. 3. С. 31.

*На пресс-конференции в Елисейском дворце
4 октября 1985 года*

Вопрос (израильское радио). Вы настаивали на необходимости конкретных шагов для решения проблем очагов региональных конфликтов. В том, что касается Ближнего Востока, не будет ли одним из таких конкретных шагов Советского Союза возобновление дипломатических отношений с Государством Израиль? А если нет, то почему?

Горбачев. <...> Израильское руководство ведет недалководную политику, если оно хочет свои национальные интересы решить за счет сепаратных сделок. Это только могут быть какие-то временные удачи, надо решать вопрос коренным образом. <...> Надо искать политические подходы к урегулированию. Кое-кто не заинтересован в участии Советского Союза. Но присутствие Советского Союза на Ближнем Востоке — это фактор объективный, и мы от своей роли не отказываемся. Мы — за коллективные усилия, и я разделяю мысль Президента Франции в этом отношении.

Что касается восстановления отношений с Израилем, я думаю, чем быстрее нормализуется обстановка на Ближнем Востоке, тем быстрее можно приступить к рассмотрению этого вопроса. Для нас тогда не будет препятствий. Мы участвовали в создании Государства Израиль, мы признаем суверенитет, право на жизнь этого государства, на безопасность. Но как понимают безопасность правящие круги Израиля и как мы понимаем — здесь у нас большие расхождения. <...>

Вопрос (французский журналист). Господа Президент и Генеральный секретарь, нашли ли вы точки совпадения в ваших позициях по Ближнему Востоку и какие именно?

Горбачев. Господин Президент об этом сказал. Мы готовы участвовать в международных коллективных поисках оздоровления обстановки на Ближнем Востоке. Я это приветствую.

Все то, что происходит на Ближнем Востоке, нас тревожит. И мы никогда не стояли в стороне от поисков урегулирования ситуации на Ближнем Востоке на справедливой основе. А это значит, что должны быть выведены войска с оккупированных территорий, должна быть решена палестинская проблема на основе самоопределения, обеспечены неделимость Ливана и его мирное развитие, и законные права израильского народа, израильского государства. Вот в этом направлении и надо искать решение. <...>

Нужны коллективные усилия в поисках действительно реальных выходов из этой ситуации.

ГСС. Т. 3. С. 43–44.

*На приеме в Кремле в честь ливийского лидера Муаммара Каддафи¹
11 октября 1985 года*

Горбачев. Мы за конференцию (по Ближнему Востоку) по той простой причине, что это фактически единственный разумный и эффективный способ положить конец многолетнему состоянию войны на Ближнем Востоке и установить там прочный мир. Причем добиться этого без дальнейшего кровопролития, без интриг и закулисных сделок одних за спиной других, с должным учетом законных интересов всех без исключения заинтересованных сторон. Вот в чем действительная суть нашей позиции по данному вопросу.

ГСС. Т. 3. С. 57.

*На встрече Горбачева с главами дипломатических
представительств в Советском Союзе
27 декабря 1985 года*

Советский Союз твердо настроен на то, чтобы 1986 год увидел существенный прогресс в деле политических урегулирований на Ближнем Востоке. <...> Мы готовы совместно с другими странами искать справедливые решения, участвовать — где это потребуется — в соответствующих гарантиях.

ГСС. Т. 3. С. 190.

*Из интервью Горбачева газете «Юманите»
4 февраля 1986 года*

Вопрос. *Говорят о преследованиях евреев в СССР, о политических заключенных, о существовании цензуры.*

Ответ. О советских евреях. Этот вопрос стал частью разнузданной антисоветской кампании, настоящей психологической войны против СССР. У нас пропаганда антисемитизма, как и других форм расовой дискриминации, запрещена законом, является преступлением. В СССР невозможно то, что достаточно часто случается в США, да и во Франции, как и в других странах Запада, — осквернение еврейских могил, деятельность неонацистских организаций, проповедующих ненависть к евреям в газетах и по радио. Евреи у нас так же свободны и равноправны, как и люди любой иной национальности. Они — активные участники общественной и государственной жизни страны. У нас издаются книги, журналы, газеты на идиш, действуют синагоги. И на мой взгляд, назойливое «внимание» антикоммунистической и сионистской пропаганды к судьбе евреев в СССР — не что иное, как лицемерие,

преследующее далеко идущие политические цели, причем цели, не имеющие ничего общего с подлинными интересами советских граждан еврейской национальности.

ГСС. Т. 3. С. 261.

*Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду КПСС
25 февраля 1986 года*

Мы за то, чтобы активизировать коллективные поиски путей разблокирования конфликтных ситуаций на Ближнем и Среднем Востоке. <...> Этого настоятельно требуют интересы всеобщей безопасности.

ГСС. Т. 3. С. 361–362.

*Из речи Горбачева на обеде в Кремле
в честь Президента Алжира Шадли Бенджедида
26 марта 1986 года*

Мы — за разблокирование конфликтной ситуации на Ближнем Востоке на основе учета законных интересов всех находящихся здесь государств и народов. Надежным путем к этому Советский Союз по-прежнему считает созыв международной конференции с равноправным участием всех заинтересованных сторон, включая ООП (*Организация Освобождения Палестины*)².

ГСС. Т. 3. С. 485.

*Из беседы с министром иностранных дел Сирии Абдель Халим Хаддамом
Москва, 28 мая 1986 года*

Горбачев. <...> Хотел бы отметить, что в принципе мы довольны состоянием отношений с Сирией. Они достигли высокого уровня. Время показало, что они прочны и неуклонно развиваются на надежной базе совпадения стратегических интересов двух стран, политической близости и дружбы между их руководителями. Это не конъюнктурные отношения, они успешно выдержали проверку временем. <...> Они отвечают интересам наших народов, тем задачам, которые предстоит решать на Ближнем Востоке в интересах арабских народов, в том числе палестинского.

Мы удовлетворены тем, что Сирия твердо защищает позиции прогрессивных сил на Ближнем Востоке. <...> Если до сих пор все попытки продвинуть американскую схему урегулирования через сепаратные сделки, оказать на арабов нажим, расколоть арабский мир не принесли Вашингтону успеха, то огромную роль в этом сыграла позиция Сирии, твердый курс ее руководства.

Выдержал проверку временем и Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой. У нас есть все основания быть довольными им. <...>

Я считаю, что в свое время мы приняли очень правильные решения в связи с острой ситуацией, сложившейся в результате израильского налета на сирийские объекты ПВО. Мы восстановили систему ПВО в количественном отношении и в целом провели большую работу по укреплению обороноспособности САР. <...>

В целом же можно сделать вывод, что необходимо и в существующей обстановке продолжать нашу с вами линию, которая обеспечила и обеспечивает позиции СССР и Сирии на Ближнем Востоке и на международной арене. <...>

Об арабском единстве. Мы с вами должны использовать любые возможности для укрепления арабской солидарности, пусть даже не на классовой основе, а на общенациональной, на базе совпадения антиимпериалистических интересов различных арабских государств.

Мы понимаем, что арабский мир представляет собой весьма противоречивую картину. Тем не менее нельзя мириться с тем фактом, что если империалистам что-то удастся в этом регионе, то во многом благодаря тому, что они умеют поддерживать раскол в арабском мире. Ясно, что если бы между арабами существовало единство, пусть даже не очень крепкое, оно работало бы им на пользу. Мы считаем, и прошу передать это наше мнение товарищу Асаду (*президенту САР*): в нынешних условиях Сирия, более чем кто-либо другой, способна взять на себя миссию сплочения арабов, дать позитивный импульс движению в этом направлении.

Известно, что заветной мечтой арабов является создание единого арабского государства. Однако выдвигание такого лозунга в качестве практической цели сейчас было бы абсурдным. <...>

Мы знаем, что в деле достижения единства арабов имеются свои проблемы, такие как проблема Арафата³, проблема ООП. Конечно, можно поставить и так вопрос: послать Арафата к чёрту. Неизвестно, чего от него больше — вреда или пользы. Но сейчас такая постановка вопроса (может быть, принципиально и правильная) еще более ослабила бы Организацию освобождения Палестины и сыграла бы на руку американцам, которые хотят растащить ООП по разным арабским государствам, — чтобы одна часть шла за Мубараком, другая — за Асадом, третья — за королем Хусейном⁴ и т.д. и т.п. <...>

Судьба же Арафата будет решена самим дальнейшим ходом событий. Палестинцы сами его вытеснят, когда увидят, что с ним не по пути. Но пусть они это сделают сами. А нам с вами неподходяще выглядеть в качестве орудия раскола в ООП. <...>

Я разговаривал об этом с президентом Бенджедидом⁵ во время его визита в Советский Союз. Он выступает за единство ООП. В беседе с ним я высказал ряд замечаний в отношении Арафата, в частности, в связи с Амманским соглашением⁶. Бенджедид ответил на это, что Арафат мечется как человек, которому не хватает кислорода, хоть где-то схватить глоток — то у короля Иордании...

Хаддам. ...то у «короля» Египта⁷ ...а то и вздохнуть в Алжире.

Горбачев. Не упускайте ни единой возможности содействовать восстановлению ООП. Возьмите пример: между Каддафи и Бенджедидом были весьма

плохие отношения. Мы советовали и алжирцам, и ливийцам поговорить друг с другом напрямую. В результате отношения более или менее установились. Другой пример — отношения между Сирией и Ираком. Мы хорошо знаем биографию Саддама Хусейна⁸, нам известны его дела. Но Ирак — реальность. Мы считаем, что, предприняв шаги к выправлению отношений с Ираком, сирийское руководство проявило ответственный подход.

Вчера я беседовал с Джеллудом⁹. Он высказывался в экстремистском плане, утверждая, что Ливия считает необходимым свержение Саддама Хусейна. Я ответил ему, что кому-то ведь может не понравиться и Каддафи, и Асад, и Горбачев. Что же это получается! Мы ведь признаем за каждым народом право распоряжаться своей судьбой и иметь такое руководство, какое он считает нужным.

Следует отметить, что с ирано-иракским конфликтом далеко не все просто. Ведь клерикально-реакционные идеи, которыми руководствуются в Тегеране, отнюдь не подходят арабам. Иранские руководители пытаются распространить эти идеи и на советскую Среднюю Азию. Свою шиитскую линию они проводят и в Ливане, вам это, по-видимому, лучше известно.

Мы приветствовали иранскую революцию¹⁰ и стремимся к добрососедским отношениям с Ираном, считаем, что между нашими странами должны существовать добрые отношения. Однако пока из этого ничего не получается. Здесь есть свой подтекст. <...>

В доверительном плане мы с вами пришли к общему пониманию, что не следует доводить дела на Ближнем Востоке до возникновения новой войны, которая могла бы перешагнуть за рамки региона и перерасти в международный конфликт, широкую конфронтацию. Естественно, мы не афишируем этого нашего с вами подхода. И совершенно правильно. Пусть противники задумываются над тем, что может быть противопоставлено их действиям. <...>

Поддерживайте Организацию освобождения Палестины как боевой отряд национально-освободительного движения. Такая линия явилась бы поддержкой центристских сил в Организации, препятствовала бы потере ею своей действенной антиимпериалистической роли. Пусть сами палестинцы решат вопрос об Арафате, нам он не нужен. Для нас важна Организация освобождения Палестины и ее единство. Иная линия с нашей стороны означала бы содействие расколу.

Ахромеев. В деле военного сотрудничества мы прошли большой путь. В настоящее время сирийские вооруженные силы — современная боеспособная армия, располагающая современным оружием. Особенно многое сделано за последние пять лет. Система ПВО САР способна отразить агрессора. Известно, что предела совершенству нет. Так, если некоторые радарные установки подавляются противником, то другие продолжают работать. Мы можем подумать об ускорении поставок радаров.

Что касается ЗРК «Точка» (*зенитно-ракетный комплекс*) — это хорошие ракеты. Проводится работа по усилению мощности их боезарядов. По завершении этих работ мы, видимо, сможем подумать об удовлетворении просьбы сирийских друзей.

Шехаби¹¹ подчеркнул неотложный характер вопросов, связанных с совершенствованием ПВО и ВВС Сирии.

Горбачев. Мы максимально внимательно рассмотрели вопрос о военных поставках на 1986–1990 годы. Вы знаете, что обязательств у нас много. Однако Сирии мы отдаем приоритетное место. <...>

Наш подход строится на том, что главным в ракетно-ядерный век являются методы политические. Политический потенциал должен использоваться широко и с полной отдачей. Все наше мышление должно быть ориентировано на такой подход. Первая и главная задача при возникновении конфликта — не допустить перерастания его в военное столкновение. И одновременно — быть готовым к отражению вооруженной агрессии.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро
29 мая 1986 года
Среди международных вопросов

Горбачев. Йемен*. Положение начинает ухудшаться. Руководящие товарищи там никак не усядутся на свои места. Склоки бесконечные, расправляются друг с другом. Надо решительную занять позицию. Послать туда делегацию и твердо сказать, что пора им уже успокоиться, чтобы не суетились, а дело делали. <...>

Может быть, письмо ЦК подготовить и кому-нибудь с этим письмом туда съездить, например Брутенцу¹². И довести нашу точку зрения до всего руководства.

Беспокоит позиция Мухаммеда¹³. Играет с властями Северного Йемена, составил «правительство в изгнании». Может быть, он действительно связан с Саудовской Аравией? Вскрываются прежние его связи там. Может организовать и вмешательство оттуда. Может быть, все-таки выйти самим на Мухаммеда? И довести до него нашу точку зрения: так сказать, взять его «к себе», чтобы нейтрализовать интриги. Нельзя терять время. А потом делегация могла бы заехать в Эфиопию и поговорить с Менгисту¹⁴.

Громыко. У него выхода нет.

Горбачев. Хонеккер есть!

Катушев (председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям)¹⁵. Джеллуд сидит здесь в Москве и ждет. Ждет генерального соглашения об экономическом сотрудничестве. Грозится сидеть в Москве, пока его не получит.

Рыжков. Каждый год обсуждаем с ливийцами уровень цен на нефть, выхода нет. Ибо иначе ничего не получим вообще. Оружие тоже никому другому не продали, сориентировавшись на Ливию. Тяжело с ними работать, но надо. Нельзя поддаваться на их провокации.

* Горбачев говорил о Южном Йемене — о Народно-Демократической Республике Йемен (НДРЙ).

Горбачев. Картинка не простая. Они от нас все хотят и все тянут. Речь фактически идет о том, что они используют ситуацию и пытаются выжать из нас все возможное. Поэтому надо действовать, исключительно исходя из наших интересов и, конечно, с учетом мировой ситуации.

Вообще, Каддафи очень высоко ставит свою роль в «мировой революции» и действует так, будто имеет дело с представителями дошкольных учреждений. Можно подумать: кто громче кричит, тот успешнее делает революцию. Это революционный примитивизм. Каддафи доигрался до того, что дал Соединенным Штатам повод серьезно ему врезать. И запаниковал, хотя мы его морально и прикрывали. Так или иначе возиться с ним придется и опускать его на землю. Очень сильны там иждивенческие настроения, очень большое желание поэксплуатировать интернационализм. Каддафи допускает такое, чего не допускает ни одна другая страна. Он нас шантажирует. Пришлось ему ответить так, что это выглядит как отпор. Ему прямо было сказано: на третью мировую войну не пойдём ни из-за вас, ни по каким другим причинам. Им это надо знать, иначе они нас туда втянут. И сирийцам мы это тоже сказали. Каддафи жмет на то, чтобы заключить с ним договор. Наша позиция должна быть такой: у нас есть платформа, мы готовы договариваться, готовы пойти на углубление отношений. Давайте позаботимся о взаимных интересах и т.д. и будем подтягивать его к странам Варшавского Договора. А нам с ним договор не нужен, но тактически надо тянуть.

Все хотят, чтобы мы работали на них. А теперь хотят, чтобы мы воевали за них. Авантюристы, выдающие себя за больших стратегов. Не надо идти на уступки. <...>

Все наши предложения направлены на то, чтобы успокоить, уберечь от паники, предотвратить авантюры с их стороны.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

**На Политбюро
11 июля 1986 года
О Ближнем Востоке**

Докладывает **Воронцов** (заместитель министра иностранных дел СССР). Новость — включаем в урегулирование всех пятерых постоянных членов Совета Безопасности ООН (*предлагаем созыв международной конференции по Ближнему Востоку*). Позицию нашу следовало бы изложить в интервью «Правде». Путь к столу переговоров будет долгий и трудный. <...>

Горбачев. Как реализовать эту позицию? Ведь даже Ливия, Сирия, ООП могут быть против. Позиция всегда была какая? Советский Союз всегда на стороне арабов. А теперь? Если мы не посвятим в план заранее Сирию, то растеряем последних арабов. Мысль у Воронцова идет в правильном направлении. Арабы за то, чтобы СССР сильнее втянулся. Но... можем не приобрести и потеряем остатки. Давайте примем соображения Воронцова пока лишь как базу для консультаций. А то взорвем прежнюю политику и ничего не приобретем... И это не для публичного заявления.

Воротников (*Председатель Совета Министров РСФСР*). Думаю, что не опашим. Основная идея ведь еще в 1984 году возникла.

Горбачев. Что нам торопиться? Поставим свою позицию на «испытательный стенд» — через консультации. Мысль правильная. Надо разблокировать ситуацию. Но как? Надо поговорить со всеми...

Итак: Политбюро дает право на проработку и консультации. Потом вернемся.

Громько, который назвал «тональность» в выступлении Воротникова «неподходящей», **Шеварднадзе**, **Яковлев**, **Добрынин** поддержали план предложенных действий.

Горбачев. Нельзя считать, что все, что мы раньше делали, неправильно. Но мы можем запоздать. США стараются делать свои шаги необратимыми... не в нашу пользу. <...>

Конференция нам нужна — даже хотя бы для того, чтобы разоблачать коварство США. Надо начать процесс.

Учесть замечание Андрея Андреевича: если мы готовы пожертвовать самостоятельностью ООП, тогда, значит, мы меняем позицию.

Итак, положить начало процессу подготовки конференции. Зародить движение в этом направлении. Разрушить монополию США на Ближнем Востоке.

Консультации вести и двусторонние, и многосторонние. Сохранять линию и беречь наши интересы.

Проработка и консультации. Потом доложить на Политбюро. Уверен, что корректировка потребуется... С Алжиром надо поговорить обязательно... С Ираком...

Арабы не могут жить без США, но хотят и на нас опираться.

Сирия начала нам диктовать... За наши же деньги. И получается, что мы проводим не свою, а сирийскую политику.

Материал уточнить в том смысле, что наша линия была правильная, защищали независимость арабов, самостоятельность ООП.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На приеме в Кремле в честь делегации НДРЙ
во главе с Али Салем аль-Бейдом*
10 февраля 1987 года*

Горбачев. Наши страны связывает и общий подход к ближневосточному и другим региональным конфликтам, лихорадящим мир многие годы. <...>

Терроризм — действительно страшное зло, бедствие нашего времени. Но пытаться выкорчевывать его с помощью государственного терроризма означает совершать еще большее преступление, потому что жертвами оказываются

* Али Салем Аль-Бейд — новый руководитель Южного Йемена, пришедший к власти после драматических событий 1986 года. Президент Народно-Демократической Республики Йемен, генеральный секретарь Йеменской социалистической партии. Проводил курс на сближение с Йеменской Арабской Республикой (Северный Йемен).

ся еще большее число человеческих жизней, суверенитет государств и международное право, не говоря уже об обыкновенной морали и справедливости. В результате возникает порочный круг насилия и кровопролития. <...>

Мы неоднократно говорили о готовности Советского Союза содействовать урегулированию конфликта между Израилем и арабами. С этой целью было выдвинуто и предложение о создании в рамках Совета Безопасности ООН подготовительного комитета по созыву международной конференции по Ближнему Востоку. Оно получило широкую поддержку в мировом сообществе. За такой подход выступили Генеральная Ассамблея ООН, неприсоединившиеся и мусульманские страны на представительных форумах в Хараре и Кувейте.

Идея подготовительного комитета направлена на то, чтобы, действуя сообща, путем многосторонних обсуждений и двусторонних контактов, проявляя гибкость и конструктивность, подключить к деловым и серьезным переговорам все непосредственно заинтересованные стороны, то есть проделать всю необходимую работу по созыву международной конференции. <...>

Вызывает серьезную озабоченность бессмысленно жестокая война между Ираком и Ираном. Нарастает угроза прямого вовлечения в конфликт других стран и сил. Война губительна для обеих стран, она не привела и не может привести к решению спорных вопросов. С нею надо кончать, и как можно быстрее, за столом политических переговоров. Другого пути нет.

ГСС. Т. 5. С. 495.

*Из беседы с Али Салем аль-Бейдом
10 февраля 1987 года*

Горбачев. <...> Сейчас перед новым руководством Демократического Йемена стоит очень сложная задача — исправить ошибки прошлого, восстановить единство в партии, ее связь с народом, добиться стабилизации положения в стране. При этом важнейшей задачей является сохранение единства в новом руководстве партии и страны. <...>

Вы должны быть и решительными, и мудрыми, осмотрительными и требовательными, принципиальными и гибкими, и способными идти на компромиссы. От вас потребуются и такое качество, как умение прощать, особенно тех, кто случайно оказался втянутым в события. Нужна выдержка. Очень важно, чтобы у вас не началось — кому постов больше, кому меньше, кому пост лучше, а кому похуже. Если так пойдет — дело, считай, погублено. <...>

Вы говорите о социалистической ориентации. Только надо ставить реалистические задачи для каждого этапа на избранном пути, не забегать вперед, надо учитывать очевидные реалии вашей страны. Свой революционный путь страна начала фактически с родоплеменного уровня. Надо быть реалистами и идти на каждую новую высоту, только овладев предыдущей. <...>

Вам никак нельзя отрывать от реальной йеменской почвы, не надо ставить задач, к восприятию и решению которых йеменское общество объективно не готово. Политика, как известно, — это искусство возможного. <...> Иначе это будет навязывание, насаждение сверху того, что никак не вяжется

с уровнем сознания, культуры, исторического опыта народа, что не имеет предпосылок в реальной жизни.

Вы же не книгу пишете о социализме. Вы хотите повести конкретную страну, данный народ по пути современного прогресса.

Аль-Бейд. Это так. Мы просим оказать нам содействие в освоении месторождений и организации добычи нефти. Просьба дать указание соответствующим ведомствам, и чтобы они были в духе XXVII съезда КПСС и январского Пленума ЦК вашей партии.

Горбачев. Что Вы под этим подразумеваете?

Аль-Бейд. Ускорение.

Горбачев (*смеется*). Я так и думал.

Аль-Бейд. Вкратце суммирую: мы поставили вопросы об укреплении двустороннего сотрудничества с СССР в трех областях — экономической, военной и идеологической.

Горбачев. Немного!.. (*Смеется.*)

Аль-Бейд. Хотим надеяться, что наши просьбы не останутся без внимания. Для нас дружественный Советский Союз, несмотря на географическую отдаленность, всегда был самым близким соседом.

Горбачев. Должен Вам сказать, что мы, например, стали оказывать гораздо большее идеологическое воздействие на внешний мир, когда всерьез занялись своими внутренними делами. Это, как видите, самый главный фактор. И чем скорее вы поправите свои внутренние дела, тем быстрее будет меняться взгляд на Демократический Йемен со стороны, да и подходы к нему. Надо укреплять свое общество. <...>

К сожалению, нет сплоченности среди арабов. Разобщенность арабского мира — беда. И какие плоды пожинает от этого империализм! Дело с урегулированием пошло бы быстрее, если бы сами арабы не были втянуты в разного рода конфликты. Сирия увязла в Ливане. Ирак затеял войну с Ираном и не знает теперь, как из нее выбраться. Ливия воюет в Чаде. Раскол в арабском мире спроецировался на ООП, которая тоже расколота. Асад почувствовал, что дело далеко зашло, когда иранские войска захватили территорию Ирака и экстремистские планы Хомейни приобрели реальные очертания. <...> Кстати, важно, чтобы в процессах ближневосточного урегулирования ни в коем случае не оказался за бортом главный вопрос ближневосточного кризиса — самоопределение народа Палестины. <...>

Об общем развитии ситуации на Ближнем Востоке. Мы приложили большие усилия, направленные на нормализацию международного положения НДРЙ, в частности в вашем регионе. Для этого пришлось много поработать и с Менгисту, и с Салехом¹⁶. Кстати, руководитель Северного Йемена проявил во время январских событий (*1986 года в Южном Йемене*) трезвый подход, прислушался к нашему мнению о том, что не следует вмешиваться во внутренние дела НДРЙ. Нам представляется, что сейчас следует стремиться к полной нормализации ваших отношений с Северным Йеменом, установлению добрососедских отношений с этой страной. Для этого нужно проводить соответствующую работу и с экстремистски настроенными в этом вопросе деятелями в вашей партии.

Аль-Бейд. <...> Нам кажется, что Советскому Союзу было бы хорошо использовать любую возможность для укрепления своего присутствия в нашем регионе, в том числе используя возможности военного сотрудничества со странами региона. Со своей стороны НДРЙ готова оказывать вам содействие в рамках своих возможностей.

Горбачев. <...> Из стран Персидского залива мы поддерживаем хорошие отношения с Кувейтом. С Объединенными Арабскими Эмиратами у нас также неплохие связи, недавно мы обменялись с этой страной послами. Как мне помнится, ОАЭ уже обращались к нам с просьбой о военном сотрудничестве. Мы изучаем этот вопрос. Ваше предложение о военном сотрудничестве в районе побережья НДРЙ представляется нам интересным. Оно заслуживает более подробного рассмотрения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
12 февраля 1987 года
Об итогах переговоров с Али Салем аль-Бейдом*

Горбачев. Важно, что провели переговоры сейчас, а не раньше. И откладывать тоже было нельзя, так как возникал бы вопрос: как Советский Союз относится к новому руководителю. <...>

Интересы наши в этой стране небольшие, но **место**, где она находится, — вот это для нас самое главное. Не идеологически мы заинтересованы в укреплении отношений с Южным Йеменом, а стратегически.

Новое руководство сложилось в экстремальных условиях. <...> Я поэтому в беседе с ним сделал акцент на единстве в руководстве. Если они еще раз устроят драку — ничего уже не спасти. Будут резать друг друга и дальше.

Какое впечатление от двух лидеров? Неплохо настроены оба. Но Абдалла (*Абдалла Салех*) более закрытый, Бейд мыслит «в правильном направлении».

Удержатся они или нет — на 100 процентов не поручусь. Но сейчас наша поддержка нужна. К аль-Бейду соответственно будут и относиться — и внутри, и вовне.

Думаю все-таки, что режим имеет шансы удержаться, если опять не передерутся.

Вести себя с ними надо, думаю, так: может быть, вы правы, не все портфели попали в те руки, но главное сейчас — стабильность в руководстве.

В идеологическом плане они «бóльшие марксисты», чем мы: громят «мелкобуржуазные взгляды»! Да пусть остаются кристальными... Но только, мол, не перескакивайте сразу в социализм. Об этом я говорил с нажимом.

Бейд просил помочь по трем пунктам: в разработке нефтедобычи, в организации ловли и переработки рыбы и в военной сфере.

Долг уже такой, что ясно: плакали наши денежки, которые им дали. И заплачут другие, если еще дадим. Надо соразмерять, куда лучше вкладывать, где будет дело.

Военные поставки: они нашим оружием уже перестреляли друг друга, и еще постреляют.

Недовольны нашим главным военным советником. Это тот самый, который просил ввести в НДРЙ наши войска. <...>

Нажал, чтобы с Салехом контактировались по общим проблемам Ближнего Востока. И дать ракеты Салеху — иначе он их возьмет у США.

Не возражать против военной помощи со стороны Египта — той, которая по просьбе НДРЙ.

(Медведеву) Вадим Андреевич, ты попробуй их вывезти на ГДР *(по части военной помощи)*.

Словом, сделали нужное дело *(пригласив аль-Бейда в Москву)*.

Лигачев. Нужна реалистическая концепция экономического развития этой страны, реалистическая... с помощью наших специалистов. Развить им нефтедобычу.

Горбачев. Да, согласен.*

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с госсекретарем США Джорджем Шульцем
Москва, 14 апреля 1987 года*

Шульц. <...> Я еще хотел бы вкратце затронуть региональные проблемы.

Горбачев. О них много можно сказать, но я Вам скажу только одно. У нас создается впечатление, что Соединенные Штаты рассматривают региональные проблемы как постоянный резерв для маневрирования уровнем конфронтации, силовой политики и антисоветской пропаганды. Если это так, то наши отношения обречены на серьезные испытания. Мы считаем, что нельзя превращать региональные конфликты в арену противоборства двух систем, особенно СССР и США. А у вас сейчас налицо именно такая тенденция. Мы, конечно, не упрощаем ситуацию в развивающемся мире. Там накопилось очень много серьезных проблем. Но мы могли бы сотрудничать в нахождении их решений. Мы не заинтересованы в том, чтобы подрывать национальные интересы США. Но существуют ведь не только интересы США или СССР. У других стран есть свои интересы. Мы пока не видим с вашей стороны готовности действительно искать и находить решения этих проблем, урегулировать, например, ближневосточную проблему.

Шульц. Я был бы рад это обсудить. У меня есть идеи на этот счет.

Горбачев. Надо перешагнуть через старые стереотипы, старые подходы. Мы за то, чтобы взаимодействовать с вами более конструктивно. Нашу с вами ответственность никто не заменит. Мы вовсе не за то, чтобы игнорировать законные интересы Соединенных Штатов. Но мы не согласны, когда на мир или на отдельные его районы смотрят как на свою вотчину, как будто другие страны, в том числе СССР, это нечто второстепенное. <...>

* Политбюро еще не раз возвращалось к проблемам Южного Йемена, но суть отношений с ним ясна из приведенных выше материалов.

Дело не в конфликте двух систем, а скорее в том, что существуют национальные интересы стран. Но ведь они есть не только у США, СССР и, скажем, Англии. Они есть и у других. Нужно искать баланс этих интересов. И на каждом этапе истории это — новый баланс, новые подходы. Ведь меняются интересы, меняется и баланс.

Шульц. Затронутые Вами вопросы очень важны, и я хотел бы их с кем-то у вас обсудить. Действительно, мы видим в мире мощные силы, которые растут и развиваются и которые не имеют отношения к капитализму или социализму, к СССР и США. И вместе с тем мы ощущаем воздействие этих сил, их влияние на изменение положения в мире. Думаю, из обсуждения этого вопроса мы могли бы извлечь большую пользу.

Горбачев. Согласен.

Шульц. Здесь кроется много потенциальных конфликтов, которые мы должны по крайней мере уметь сдерживать, сводить к минимуму ущерб от них. Надо исходить из того, что лучше малая толика профилактики болезни, чем куча лекарств.

Горбачев. Я всегда подчеркиваю, что все мы, участники международных отношений, должны искать решение проблем. Но эти решения не будут нашими или вашими. Они могут быть только общими.

Шульц. Согласен с этим.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Президентом Сирии Хафезом Асадом,
Москва, 24 апреля 1987 года*

Горбачев. Особое удовлетворение вызывает доверительность наших отношений. Мы за дальнейшее расширение и углубление связей с Сирией, активизацию наших контактов по всем направлениям. <...>

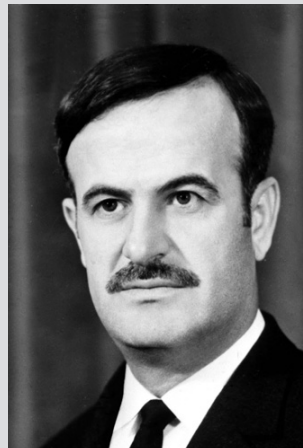
Асад. Думаю, нет нужды повторять, что дружба с Советским Союзом — краеугольный камень сирийской политики. Она выдержала испытание на прочность, пройдя через многие трудности. У нас имеется прочная стратегическая база для того, чтобы и далее успешно развивать сирийско-советские отношения. Мы поддерживаем контакты на самых различных уровнях, регулярно обмениваемся мнениями, информируем друг друга о том, что происходит в наших странах. Можно сказать, что мы знаем друг о друге всё.

Горбачев. Мы это высоко оцениваем.

Асад. Наши двусторонние отношения можно охарактеризовать как превосходные. Важно и в дальнейшем координировать наши позиции по основным региональным и международным проблемам.

Горбачев. <...> Хотел бы остановиться на одном важном вопросе, который волнует как вас, так и нас. Это проблема консолидации арабских рядов. Как она Вам видится, каковы перспективы ее решения и какую роль в этом может сыграть Сирия? Не получится ли так, что наши друзья иногда исходят из посылки: или всё, или ничего? Может быть, стоит подходить к этой про-

Хафез Асад (Hafez Assad) (1928/1930–2000) — президент Сирии в 1971–2000 годах. Родился в крестьянской семье. В юности увлекался панарабскими социалистическими идеями, рано вступил в партию «Баас». Окончил военное училище в Алеппо, затем в СССР. После образования Объединенной Арабской Республики (1958–1961) служил командиром эскадрильи реактивных истребителей в Египте. Вернувшись в Сирию, принял участие в перевороте, который в 1963 году привел к власти баасистское правительство. До избрания президентом Асад занимал посты министра обороны, командующего военно-воздушными силами (1966–1970), премьер-министра (1970–1971).

При переизбрании на пост президента регулярно получал больше 99 процентов голосов. Использовал спецслужбы для подавления любой оппозиции. В городе Хаме, где в 1982 году произошло восстание, войска убили десятки тысяч повстанцев и практически уничтожили город.

Правление Хафеза Асада фактически являлось диктатурой, однако ему удалось стабилизировать политическую ситуацию в стране после серии переворотов, сотрясавших Сирию до него.

Асад вместе с Египтом принял участие в войне против Израиля в октябре 1973 года. Неоднократно вмешивался в гражданскую войну в Ливане, заявляя, что Ливан — часть «Великой Сирии». США объявили Сирию базой международного терроризма, подозревая Асада в поддержке террористических группировок.

В догорбачевские времена Асад хорошо встроился в советскую политику безусловной поддержки арабов против Израиля и поддерживавших его США. Он получал от СССР огромную военную помощь, иногда в виде новейших образцов оружия. Пытался спекулировать на «холодной войне» сверхдержав и при Горбачеве, но недолго и со значительно меньшим успехом.

С начала 90-х годов Асад стал проявлять интерес к переговорам с Израилем, но из-за его требования вернуть Голанские высоты под контроль Сирии переговоры зашли в тупик.

Асад — неординарный политик, крупная величина во всех ближневосточных делах на протяжении почти 30 лет.

блеме с более реальных позиций и решать ее поэтапно. Мы знаем Вас как стратега и тактика, поэтому задаем подобный вопрос.

Асад. В вопросах арабского единства мы реалисты.

Горбачев. Но, надеюсь, не мрачные реалисты.

Асад. Нет, мы не стоим на позиции — или всё, или ничего. Это было бы ошибкой. В жизни так не бывает. <...>

Не поймите меня превратно. У нас нет стремления собирать железо и создавать вам лишние проблемы. Наше единственное желание — достичь стратегического паритета с нашим противником. Сегодня Израиль в состоянии в течение считанных часов разгромить Сирию. Мы же, со своей стороны, вряд ли способны нанести по Израилю подобный удар. Это объясняется тем, что израильская армия оснащена ракетами класса «земля-земля» большой дальности и высокой точности, а также радиоэлектронными средствами подавления сирийских ПВО. Сирия не обладает таким оружием.

Горбачев. <...> Задача состоит в том, чтобы точно определить отдельные слабые места в сирийском военном потенциале и наметить четкий план решения возникших проблем.

Представляется целесообразным по-новому взглянуть на проблему военного противостояния с Израилем. Вряд ли имеет смысл, чтобы Сирия в одиночку несла это бремя. А что же остальной арабский мир? Согласен с Вами в том, что Израиль должен знать, что его авантюра против Сирии не останется безнаказанной и ответ будет внушительным. Но для этого необязательно заниматься арифметическими подсчетами, у кого какого оружия больше. На наш взгляд, важно найти оптимальные и наименее дорогостоящие средства, с помощью которых можно было бы в кратчайшие сроки свети на нет преимущество противника и прежде всего в воздухе.

Наши сирийские друзья должны учитывать и ту колоссальную ответственность, которая ложится на плечи Советского Союза. Значительная часть национального дохода СССР идет на нужды обороны. Нам приходится решать беспрецедентную по масштабам задачу поддержания военно-стратегического паритета с главным противником. Есть у нас и соответствующие обязательства перед Вьетнамом, Индией, Афганистаном, странами Европы, Африки, Латинской Америки. Сегодня даже в Болгарии национальный доход на душу населения больше, чем в СССР, хотя еще несколько лет назад дело обстояло иначе.

Несмотря на это, мы изыскали возможность пойти навстречу сирийской стороне и приняли решение сохранить прежние условия расчетов по спецпоставкам. Для нас это было не простым делом. Данный вопрос детально обсуждался на Политбюро.

Здесь следует иметь в виду, что мы понесли огромные потери в результате падения цен на нефть на мировом рынке. Перед нами стоят сложные внутриполитические задачи. Тем не менее хочу еще раз повторить, мы пошли на то, чтобы сохранить прежние условия расчетов с Сирией. А вообще, нужно вместе хорошо разобраться в том, что следует сделать и как, чтобы убрать узкие места. Этим и займутся члены наших делегаций. <...>

Справедливое и прочное урегулирование одного из самых сложных и запутанных конфликтов — ближневосточного — мы видим не на военном, а на политическом пути. <...>

Советский Союз с учетом имеющихся у него возможностей также готов внести свой вклад в объединение арабских рядов. Делать это надо аккуратно

и осмотрительно, так как наши враги не преминут выдать наши честные усилия за «происки Москвы».

Вы правы, когда говорите, что обеспечение арабской солидарности — это своего рода дорога по минному полю. Однако есть немало примеров, когда ради достижения общей цели, например сохранение мира, объединяются самые различные политические силы.

На разных этапах у арабских стран могут быть разные цели. Однако они должны стремиться к решению своей главной задачи — достижению единства. Успех в этом деле явился бы крупной исторической победой с колоссальными последствиями. Сирийское руководство, видимо, не должно уклоняться от решения этой задачи.

Несколько слов о наших двусторонних связях. Наметились новые области сотрудничества. Речь идет о разработке фосфатов, освоении месторождений нефти, оказании содействия в создании нового гидроузла «Тишрин», строительстве атомной электростанции. В скором времени соответствующие соглашения по этим вопросам будут подписаны. Можно было бы договориться о том, чтобы задействовать для их реализации неиспользованную часть наших кредитов.

Хотелось бы, чтобы сирийская сторона уделила большее внимание товарообмену между нашими странами.

Асад. Мне передали сегодня, что цены на некоторые виды вооружений, в частности на самолеты, возросли до такой степени, что превышают стоимость аналогичного вооружения западного производства. Так, если самолет Ф-15 обходится Израилю 15 миллионов долларов, а Египту — 18 миллионов долларов, то цена истребителя МИГ-29 — 20 миллионов рублей, или около 30 миллионов долларов.

Горбачев. По сравнению с американским наше оружие дешевле.

Да, беседа наша была честной и откровенной, как и наши отношения. Сирийские товарищи должны знать, что мы исключаем вести какую-либо политическую игру с Сирией.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи на приеме в Кремле в честь Хафеза Асада
24 апреля 1987 года*

Горбачев. <...> Советский Союз и Сирию связывают многолетние дружеские узы. <...>

Дружба и доверие между нашими народами и их руководством получили и новое подтверждение, и новые импульсы. <...>

Мы убеждены, что фокусом коллективных усилий по урегулированию должна быть подготовка международной конференции по Ближнему Востоку с участием всех заинтересованных сторон.

У этой идеи, как вы знаете, непростая судьба, она не сразу была воспринята. Но годы показали, что тут единственный путь из тупика.

Настало время приступать к тщательной и кропотливой подготовительной работе. Инициативу в этом вопросе могли бы взять на себя постоянные члены Совета Безопасности. Советский Союз, подтверждая это, готов к лояльным, конструктивным усилиям на коллективной и двусторонней основе.

ГСС. Т. 6. С. 385, 389.

*Из интервью Горбачева газете «Унита»
18 мая 1987 года*

Вопрос. Ближний Восток продолжает быть очагом опасности и одновременно источником наиболее трудных для разрешения проблем. СССР неоднократно заявлял, что поддерживает дело палестинцев, и выдвинул предложение о созыве международной конференции с участием всех заинтересованных сторон. Можете ли Вы уточнить, каким, по мнению Советского Союза, путем следует идти к достижению этой цели? Каковы перспективы возобновления отношений между СССР и Израилем?

Ответ. Ближневосточный конфликт — застарелый и очень взрывоопасный. Его урегулирование — одна из самых крупных международных задач. <...>

Международная конференция — это универсальная, гибкая форма. Ее рамках могут быть и двусторонние, и трехсторонние, и многосторонние переговоры. Уместны все виды контактов, взаимодействия участников.

Если же говорить о существе, о принципиальной базе политического урегулирования ближневосточного конфликта, то центральным является здесь соблюдение справедливости: израильские войска должны быть выведены с территорий, которые были оккупированы ими с июня 1967 года; должны быть признаны законные права арабского народа Палестины на самоопределение, вплоть до права на создание собственного государства; всем государствам Ближнего Востока, включая, разумеется, Израиль, должна быть надежно обеспечена возможность жить в условиях мира, в безопасных и признанных границах. <...>

Что касается дипломатических отношений (с Израилем), то я в одном из недавних выступлений уже пояснял нашу позицию. Эти отношения смогут быть восстановлены при наличии реального прогресса в ближневосточном урегулировании. У нас нет причин относиться к Израилю иначе, чем к любому другому государству, кроме одной — агрессивной политики Израиля в отношении арабов.

ГСС. Т. 6. С. 515.

*На Политбюро,
11 июня 1987 года*

О подготовке международной конференции по Ближнему Востоку

Воронцов докладывает и предлагает: расширить консультации с постоянными членами СБ ООН, с Пересом де Куэльярмом¹⁷. Арафата принять во второй половине

1987 года. Пойти на разговоры с Пересом¹⁸. Принять министра иностранных дел Египта. Искать контакты с Саудовской Аравией. С Соединенными Штатами Америки действовать по линии МИДов, включая министров. Провести консультации с Социнтерном, Генеральному секретарю ЦК КПСС выступить публично по вопросу о международной конференции.

(Предложения принимаются.)

Громько. Правильно ли, что мы отказываем Израилю в восстановлении дипломатических отношений? ...Но если делать это, то с согласия Сирии и других арабов.

Горбачев. Правильно, что Вы выдвигаете эту идею. Но нам отчетливо надо видеть: Соединенные Штаты хотят с помощью идеи конференции выйти на сепаратное соглашение. Мы же должны четко отстаивать свою модель конференции. Чтобы ее не растащили на несколько «Кэмп-Дэвидов». Надо выходить на более широкие контакты, использовать неординарные приемы работы, не ограничивать себя пределами противостояния ООП и Израиля. Работать с сирийцами.

Наша задача — потеснить Америку политически, экономически это не выйдет. США заметно активизировались в этом районе. Надо их потеснить.

Движение неприсоединения можно использовать. В общем, наращивать активность по всем возможным направлениям.

Добрынин. Может, Воронцов заедет и в Сирию?

Горбачев. На ваше с Шеварднадзе усмотрение. Подумайте, надо ли нам сейчас появляться в Сирии.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На пресс-конференции Горбачева в Вашингтоне 10 декабря 1987 года

Вопрос. В какой мере у вас и у американцев есть согласие или разногласия по положению в Персидском заливе? Вас ведь обвиняют в том, что вы пытаетесь обеспечить себе возможно лучшую позицию, выгораживаете Иран? И еще вопрос о ближневосточной конференции. Судя по всему, это не такой уж приоритет для вас?

Ответ. <...> Я попросил Президента еще раз обдумать отношение администрации США к подготовке и проведению международной конференции по Ближнему Востоку, поскольку есть, как мне кажется, широкое согласие в мире о целесообразности и возможности ее проведения. <...>

В рамках этого процесса могут быть и двусторонние, и трехсторонние, и региональные встречи. Так что такой формат конференции, мне кажется, позволяет учесть разнообразие мнений, которые высказаны на этот счет многими правительствами. Думаю, что здесь возможен прогресс.

ГСС. Т. 9. С. 141–142.

*Из беседы с Джорджем Шульцем
Москва, 22 февраля 1988 года*

Шульц. <...> Хотелось бы поговорить и о Ближнем Востоке, регионе, куда я вскоре собираюсь.

Горбачев. Сначала соображение общего порядка о роли наших стран — СССР и США — в усилиях по урегулированию региональных конфликтов. Я считаю, что мы должны показать миру пример сотрудничества в этих вопросах. Если мы наладим такое сотрудничество, то можно надеяться, что конфликты будут решаться с учетом интересов всех вовлеченных сторон.

Шульц. Я могу согласиться с этим.

Горбачев. На других подходах нам не развязать острые болезненные узлы, которые накопились в мире.

Говорю это потому, что чувствую: у вас сохраняется негативный подход к нашему искреннему стремлению сотрудничать с вами в решении этих острых проблем. Может быть, дело в том, что у вас этот подход сложился давно. А может быть, дело в той линии, которая, как мы понимаем, исходит из Совета национальной безопасности США. Там по-прежнему считают, что Советский Союз и сегодня, и завтра будет оставаться державой, с которой Соединенные Штаты будут повсюду в мире сталкиваться, что он везде и во всем «виноват». Если такой подход остается, то трудно рассчитывать на прогресс, на сотрудничество.

А ведь из того факта, что и мы, и вы присутствуем повсюду, можно сделать совсем другой вывод. И я об этом не раз говорил Вам, говорил и публично. Раз мы с вами присутствуем повсюду, мы просто повязаны в поисках баланса интересов. Такой подход будет стимулировать поиски и нахождение развязок и решений. Вот наша философия. Она важна для понимания региональных ситуаций.

Шульц. Давайте перейдем к ирано-иракскому конфликту¹⁹.

Горбачев. Ирано-иракский конфликт. Мы полагаем, что в ходе поисков путей урегулирования проблемы появились определенные новые элементы сотрудничества между нашими странами как в двустороннем плане, так и в рамках Совета Безопасности ООН. Мы это ценим. Это важно и само по себе, и с точки зрения будущих перспектив в Совете Безопасности. Важно, чтобы такое взаимодействие продолжалось, не истощилось.

Мы готовы сотрудничать с вами и на следующем этапе... А председателем Совета Безопасности являетесь сейчас вы (*то есть США*). Так что нужны усилия. Мы свой срок председательства в Совете не провалили. Вот и вы не провалите свой.

Шульц. Мы хотим добиться успеха.

Горбачев. Мы будем вам в этом помогать. <...>

Хочу попросить Вас передать президенту следующее. На наш взгляд, исключительно важно не допустить распространения, разрастания этого конфликта, возникновения драматической ситуации, в которую оказались бы вовлечены многие страны.

Такая перспектива нас очень беспокоит. И поэтому необходимо тщательно выверить все шаги. Конечно, надо действовать твердо, последовательно. Но в то же время позаботиться о том, чтобы результат не оказался прямо противоположным тому, к чему мы стремимся.

Шульц. Да, мы понимаем это.

Горбачев. Скажите, а вы подумали о возможности сокращения вашего военного присутствия в Персидском заливе? Или вы считаете, что подобный шаг рассматривался бы как признак слабости? Задачи, которые вы там перед собой ставите, вы можете решать и с меньшим количеством кораблей.

Шульц. Задача, которую мы там выполняем, является постоянной. Мы выполняем ее успешно. Недавно мы провели сокращение нашего присутствия в Персидском заливе, вывели два крупных корабля. В результате изменилась конфигурация и уменьшился масштаб нашего присутствия. Задача осталась прежней. Однако мы сочли, что можем выполнить ее меньшими средствами.

У нас нет стремления держать там корабли в больших масштабах. Когда уменьшится масштаб проблемы, уменьшится и наше присутствие.

Горбачев. Теперь о Ближнем Востоке. Мы ознакомились с вашими предложениями, переданными через посла Мэтлока. Кроме того, к нам обратились фактически все арабы, к которым обращались с этими предложениями вы.

Я приветствую начинающийся, хотя еще довольно слабый, процесс сотрудничества в поисках решения этой застарелой проблемы. Мы ждали, когда вы убедитесь в том, что без участия Советского Союза трудно решить эту проблему. Думаю, между нами могут быть здесь точки соприкосновения.

Мы выступаем за всеобъемлющее, справедливое урегулирование с учетом интересов арабов, в том числе палестинцев, и Израиля на основе возвращения оккупированных территорий и решения других вопросов. Никакой иной подход здесь не имеет шансов на успех. Игнорировать чьи-либо интересы невозможно. С этой точки зрения мы рассматриваем и ваши предложения. Конечно, между нами есть и определенные различия. Но и мы, и вы понимаем, что навязать какое-то решение невозможно, игнорировать интересы любой из сторон, любой из групп недопустимо.

В свете этого происходит критическое осмысление ваших предложений по Ближнему Востоку. Многие считают, что, несмотря на элементы гибкости в ваших предложениях, они, тем не менее, основаны на старом подходе, что под прикрытием разговора о конференции по Ближнему Востоку проводится та же политика сепаратных сделок с ограниченным составом участников. Примером этого служит тот факт, что вне рамок ваших предложений оказалась Сирия. Все отметили и то, что ваше предложение отражает негативную позицию в отношении палестинского урегулирования и, в частности, ООП. <...>

Как Вы знаете, мы предлагали начать работу подготовительного комитета с участием постоянных членов Совета Безопасности, который всесторонне обсудил бы все аспекты подготовки конференции. Мы предлагали, чтобы на этом форуме можно было бы обсуждать как многосторонние, так и двусторонние аспекты урегулирования. Мы считаем, что это ясный, понятный подход. <...>

Если Соединенные Штаты готовы присоединиться к нашему мнению, к мнению ваших и наших союзников и поддержать международную конференцию, если вы готовы работать в рамках поисков всеобъемлющего политического урегулирования, которое не исключает каких-то промежуточных результатов, то тогда открыт реальный путь к решению ближневосточной проблемы. <...>

Повторяю: можно найти точки соприкосновения в наших подходах. Тогда мы сможем хорошо поработать. Мне кажется, вам еще надо продолжать работу над вашим документом.

Шульц. Во-первых, хочу сказать, что, как нам представляется, к данному моменту любые усилия, будь то в плане международной конференции в том или ином виде или двусторонние переговоры, достигли точки бесплодия потому, что не было достаточного существа, содержания. Из сказанного Вами мне кажется, что Вы согласны с этим. Наш подход заключается в том, чтобы попытаться обрисовать основные контуры существа будущих договоренностей. Причем такие, с которыми могли бы согласиться все стороны, как мы надеемся, и сирийцы.

Мы надеемся, что на этой основе можно будет привести в действие как международные, так и двусторонние усилия. Если у сторон будет больше уверенности относительно того, к чему все это в конце концов приведет, то, как нам кажется, им проще будет согласиться на участие в процессе. <...>

Что касается окончательного статуса, то, как мы считаем, он должен базироваться на резолюциях 242 и 338²⁰. Если стороны согласятся с этим, то, как мы считаем, этому процессу могла бы способствовать и послужить его началом международная конференция. При соответствующих условиях ее можно было бы провести в скором времени.

Израиль должен быть готов сесть за стол переговоров со всеми своими соседями. Не только с Иорданией, но и с Сирией, и Ливаном (с Египтом у него уже есть мирный договор²¹). В переговорах должны принимать непосредственное участие палестинцы. Мы считаем, что это должно происходить в контексте совместной иордано-палестинской делегации. Она вела бы переговоры относительно будущего Западного берега и Газы. Что касается ООП, то эта организация дисквалифицировала себя в плане участия в переговорах, поскольку она выступает за насилие и за ликвидацию государства Израиль. Мы неоднократно говорили, что готовы к диалогу с ООП, когда она изменит свои позиции по этим вопросам.

Вы верно сказали, что невозможно навязать решения. Сейчас в этом убеждается Израиль, так же как раньше в этом убеждались другие.

К тому времени, когда господин Шеварднадзе приедет в Вашингтон, я уже побываю на Ближнем Востоке, а Шамир побывает в Вашингтоне. Если тогда или раньше у нас будет иметься заслуживающая внимания информация, мы поделимся ею с вами и будем консультироваться по этой проблеме.

Горбачев. Я полагаю, что сейчас на Ближнем Востоке возникла уникальная ситуация. Во-первых, внутри самого региона есть понимание того, что надо искать выход из положения. Во-вторых, в международном сообществе имеется практически единодушное отношение относительно необходимости междуна-

родной конференции. Просто нет другого форума, на котором можно было бы реалистически рассчитывать добиться урегулирования. <...>

Вы не определились относительно международной конференции. По этим причинам налицо подозрительное отношение к предпринимаемым вами шагам, хотя в них есть позитивные элементы. Есть подозрение, что они направлены лишь на то, чтобы утихомирить ситуацию. Но сделать это вне контекста общего ближневосточного урегулирования, международной конференции. Поэтому, повторяю, есть сомнения и относительно позитивных моментов ваших предложений.

Я откровенно говорю Вам о впечатлении, которое у нас сложилось от письма, переданного вашим посланцем, и по разговорам с многими арабами.

Я приветствую тот факт, что Вы собираетесь на Ближний Восток. Визит госсекретаря в регион — это важное событие. Он дает возможность сторонам что-то сказать Вам, а Вам — изложить сторонам вашу позицию.

Шульц. Я считаю, что Ваш акцент на необходимость учета интересов всех сторон совершенно правилен. Мы это будем иметь в виду.

Горбачев. Мы готовы обмениваться мнениями по этим вопросам. Мы будем вносить конструктивный вклад. А вам мы советовали бы освободиться наконец от подозрительности в отношении намерений Советского Союза на Ближнем Востоке. Ведь это та же концепция: будто на всех параллелях и меридианах Советский Союз и Соединенные Штаты должны сталкиваться. Я же считаю, что мы должны на всех параллелях и меридианах искать общие подходы, искать возможности сотрудничества.

45 лет мы ведем дело на основе противопоставления интересов друг друга. Давайте попытаемся следующие 40–50 лет поработать на другой основе. Как это изменило бы многое в мире!

Шульц. Я как раз в этом направлении и двигаюсь. Я считаю, что для того чтобы к этому прийти, надо больше говорить о том, как мы представляем себе контуры будущего. Как выглядят перспективы с экономической, политической, научной, стратегической точек зрения, что говорят эксперты? У меня, конечно, нет волшебного стекла, через которое можно увидеть будущее. Но я вижу, что в мире развиваются тенденции, которые требуют, я бы сказал, нового мышления. И если действовать в духе этого нового мышления, то, мне кажется, мы увидим по-новому и наши интересы. Многое предстанет в другом свете.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
25 февраля 1988 года**

Горбачев. <...> И еще одна важная подвижка по итогам разговора с Шульцем: впервые начинает проявляться понимание необходимости сотрудничества Запада с нами по решению острых региональных проблем.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с председателем ООП Ясиром Арафатом
Москва, 9 апреля 1988 года*

Горбачев. Хочу подтвердить неизменную солидарность советского народа с борьбой палестинского народа за свое справедливое дело, за законные национальные права, пожелать успеха в этой справедливой борьбе. У палестинского народа трудная, драматическая судьба. Сила вашего движения в том, что оно ведет борьбу за справедливое, правое дело. Советский Союз никогда не забывал, что центральный пункт ближневосточного урегулирования — это судьба палестинского народа.

Арафат. Для нас это очень важно.

Горбачев. Это не исключает, а предполагает учет интересов других сторон, без чего невозможно установление прочного, справедливого мира. Это — возвращение всех оккупированных территорий, это и право Израиля на существование. Притом что Израиль признает все исходные позиции урегулирования за другими участниками конфликта.

Арафат. На основе международного права.

Горбачев. Да, как это и положено в наше цивилизованное время. Правда, когда я говорю о цивилизованном мире, то думаю, что он нуждается в серьезном совершенствовании. <...>

У нас был Шульц. Интересовался нашим отношением к его плану ближневосточного урегулирования. Я сказал госсекретарю: самое ценное в этом плане то, что вы решили посоветоваться с Советским Союзом. У вас, американцев, ничего не получится без СССР на Ближнем Востоке. Теперь, когда вы обратились к нам, мы готовы внести конструктивный вклад. Но есть принципы, от которых в деле ближневосточного урегулирования не уйти ни вам, ни нам. А вот как подойти к реализации этих принципов, их конкретному претворению в жизнь, тут надо вместе подумать.

Мы сказали Шульцу, что его план вызывает большие сомнения и у нас, и у арабов. <...> Мы посоветовали Шульцу поработать над этим планом, улучшить его, с тем чтобы он отражал баланс интересов. Мы увидели, что самый неудобный вопрос для американцев — это палестинский вопрос: право палестинцев на самоопределение, палестинское представительство на международной конференции и признание ООП. Шульц обещал подумать. <...>

И еще одно добавление. Мы знаем все аспекты в позициях Сирии, Иордании, Египта, Саудовской Аравии, знаем все оттенки. Известна и ваша тактика с использованием различных форм борьбы. Поэтому давайте думать о сегодняшней политике. Каковы Ваши прогнозы развития ситуации? Что беспокоит руководство ООП на данном этапе. <...>

Кое-кто из тех, кто привык ограничиваться анализом явлений, лежащих на поверхности, и не углубляется в суть происходящего, — не то что на метры, даже на сантиметры, — воспринимает новое мышление как удар по национально-освободительным движениям. Наоборот, новое мышление дает возможность решать самые сложные, самые трудные проблемы, решения которых ждали десятилетия. Мир не может в новой ситуации оставлять «горячие точки», кровоточащие раны. Вот она — сложная диалектика. <...>

Мы выходим на философские аспекты — взаимосвязь между глобальными и региональными проблемами.

Арафат. Это напрямую связано и с палестинской проблемой. Наша проблема — самая острая на Ближнем Востоке. А среди арабских руководителей много таких, которые не хотят это видеть. Я больше, чем кто-либо другой, посредничаю в ирано-иракском конфликте.

Горбачев. Мы за то, чтобы не уклоняться от решения самых трудных проблем.

Арафат. Шульцу официально мы свой план не вручали. С ним ознакомлены пока только советские товарищи. Что касается основных пунктов, то, прежде всего речь идет о международной конференции по Ближнему Востоку, созываемой на основе всех решений и резолюций ООН, в том числе резолюции 242. Это оговаривается для того, чтобы американцы не выделяли требование признания резолюции СБ 242. Для участия в конференции приглашаются все заинтересованные стороны, в том числе ООП. Возможно формирование общей арабской делегации. Признание резолюции 242 Совета Безопасности означает признание права Израиля на существование, поскольку в ней об этом говорится.

Мы понимаем, что израильтянам нужен переходный период, поскольку они нас боятся. Будем откровенны, это действительно так. Мы согласны на переходный период, но под контролем ООН, а не Израиля или арабов. В течение этого периода на конференции будет выработан окончательный статус. <...>

Должны быть выработаны гарантии великих держав. Мы согласны на размещение международных сил безопасности на границах между палестинским государством и Израилем. Если израильтяне не желают размещения этих сил на своей территории, мы готовы к тому, чтобы они были размещены на нашей.

Горбачев. При первом приближении могу сказать, что план представляет собой попытку выразить принципы с учетом новой ситуации. Он содержит определенные подвижки, компромиссы, встречные шаги. Так что это — содержательный план.

Надо его обсудить и обдумать вместе с нашим МИДом и Международным отделом ЦК. Желательно это сделать до визита Шульца. Не говоря Шульцу, что такой план есть, изложить лишь идеи. «Прокатать» их с Шульцем. Посмотрим, воспримут американцы эти идеи или придется этот план выдвигать публично. И еще. Предстоит арабское совещание в верхах. Туда Вам надо ехать тоже подготовленным. Так что пока я в общей форме приветствовал бы Ваши соображения. <...>

У нас с президентом Мубараком поддерживается постоянный диалог. Он — реалист, мы это поддерживаем.

Арафат. Мы считаем неплохой идею общеарабской делегации на конференции.

Горбачев. Очень важно, чтобы каждый боролся не только за свои интересы, но и за общие, не забывая о палестинской проблеме. Хорошо, что через обсуждение палестинской проблемы идет консолидация арабского мира. Если бы арабский мир был един, кто мог бы с ним справиться!

Арафат. Опыт показывает, что арабы собираются вместе, когда мы их ведем.

Горбачев. Как Вы считаете, почему иранцы так упорно хотят с нами поспориться? Мы проявляем со своей стороны максимум выдержки и терпения. И даже более того.

Арафат. Думаю, вам надо проявлять долготерпение. Нынешних руководителей иранской революции можно сравнить с французскими якобинцами. Такая аналогия помогает лучше их понять. Если они убедятся в невозможности военной победы над Ираком, то повернутся в сторону Афганистана. Не случайно они создали у себя афганское правительство. Мы называем их «заклятыми друзьями».

Горбачев. По Вашему получается, что мы должны быть заинтересованы в продолжении ирано-иракской войны. (Смех.)

Арафат. Нет, я этого не хочу.

Горбачев. Для вас они «заклятые друзья», а для нас — «заклятые соседи». (Смех.) Если же говорить серьезно, мы хотим хороших отношений с Ираном. Иран — наш сосед. И никуда нам друг от друга не деться, не разъехаться. <...>

Идея, которую мы выдвинули на переговорах с Миттераном — о создании подготовительного комитета конференции, — заработала. Ситуация стала меняться: ООП объединилась, произошли перемены на международной арене. Два потока соединились. Можно сказать, лед тронулся. Желаю Вам успеха.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Хафезом Асадом
15 апреля 1988 года*

Горбачев приветствует Президента Сирии, который некоторое время лечился в Москве.

Горбачев. Хочу посоветоваться с Вами по нескольким вопросам — по проблеме Афганистана (об этом в разделе V), ирано-иракскому конфликту, ближневосточному урегулированию.

Об Иране. Мы ценим имеющуюся у нас с Сирией координацию и Ваш подход в отношении Ирана, сочетающий последовательность и гибкость. С Ираном вести дело надо осторожно, надо маневрировать. Мы хотим добрососедских, дружественных отношений с Ираном. Наши глубинные интересы совпадают. Американцы заявляют, что исламских фундаменталистов надо убрать. Мы говорим, что это — внутреннее дело иранцев. Есть у нас и опасения, как бы они не повернулись к Америке. В Иране есть разные течения. Мы будем вести дело с выдержкой, взвешенно. Но и твердость время от времени показывать будем.

О Ближнем Востоке. Начну с Арафата. Мы долго тянули с его визитом в Советский Союз. Но ситуация сейчас изменилась. Шульц «утюжит» Ближний Восток. В этих условиях прием Арафата — важный сигнал. Вел он себя здесь хорошо, выражал готовность к сотрудничеству с нами. Он сделал выводы из того, что было в прошлом, готов сочетать принципиальность с гибкостью. Выражал удовлетворение начавшимся улучшением отношений с Сирией. Думаю, это полезно.

Наша с вами выдержка и гибкость способствовали возвращению Арафата, палестинского движения на прогрессивные позиции в арабском мире. <...>

Взгляды Арафата на ближневосточное урегулирование совпадают с нашими. Он даже предложил мне выдвинуть «план Горбачева» в противовес «плану Шульца». Я сказал, что лучше, если будет совместный план Горбачева и Арафата. Арафат согласен с нами и по вопросу о международной конференции, которая должна быть не просто «крышей» для двусторонних переговоров. Для него приемлема общеарабская делегация, в которую войдут представители ООП. Он согласен с тем, что надо отстаивать право палестинцев на самоопределение, не конкретизируя его формы. Формы палестинцы в дальнейшем определяют сами. <...>

Я сказал ему: ни в коем случае не беритесь за винтовку, хотя вас на это пытаются толкнуть. Он это воспринял с пониманием. В общем, есть возможности для взаимопонимания с ООП и воздействия на нее.

Шульц во время переговоров в Москве излагал мне свой план. Я сказал: хорошо, что вы, американцы, поняли, что без Советского Союза ничего не получится на Ближнем Востоке. <...>

Во время второй поездки на Ближний Восток Шульц проявил больше гибкости.

Асад. У нас нет опасений, что Иран поглотит Ирак. Иранцы этого не хотят. Они хотят только заполучить Саддама Хусейна, поскольку иранский народ не сможет сосуществовать с Саддамом.

Вы знаете, что США сейчас все делают для того, чтобы заставить Советский Союз занять антииранскую позицию.

Горбачев. Нам надо сохранить отношения с Ираном. Но они очень «заводятся», очень эмоционально ведут себя.

Асад. По ближневосточным делам у нас с вами полная ясность.

Горбачев. Да, и постоянный контакт. Будем и дальше вас информировать.

Асад. Еще раз хочу сказать: мы не допустим сепаратных сделок посадатовски. <...> В отношении высказываний Арафата об этапах восстания... то, что он говорил Вам, — неправда. <...>

Горбачев. Мы ценим Ваше мнение. У нас могут быть разные точки зрения по каким-то вопросам, но в главном мы едины.

Асад. Заверяю Вас, мы всегда будем ответственно подходить к международным делам. Сила Сирии в силе Советского Союза. Мы не позволим себе безответственные действия, если мощь Сирии возрастет. Я хорошо помню разговор, состоявшийся во время последних переговоров с Вами. Говорю это, чтобы вспомнить самому и чтобы напомнить, что советские организации сделали не все, что вытекало из нашего разговора. В 1973 году, хотя война была большой и серьезной, мы использовали не все оружие, которое у нас имелось. Израильтянам это известно. Оружие в наших руках никогда не будет употреблено во зло. Тем более, в ущерб советским друзьям. Если Сирия ослабнет, это нанесет ущерб патриотическим, прогрессивным силам региона в целом.

Горбачев. Таких опасений и не должно быть. Кроме социализма мы ничего не умеем делать.

*Из беседы с Джорджем Шульцем
Москва, 22 апреля 1988 года*

Горбачев. Рад приветствовать Вас, господин государственный секретарь. В Вашем лице я приветствую человека, который немало сделал для того, чтобы вывести наши отношения на их нынешний уровень. Вы и присутствующие здесь Ваши коллеги — для нас старые знакомые, партнеры по переговорам, которых мы давно знаем и уважаем.

Шульц. Что касается региональных вопросов, которые, как определили Вы и Президент в Женеве, имеют особое значение, то мы знаем, что здесь много трудностей. И все же в июле прошлого года наши страны совместно выступили в Совете Безопасности ООН, предприняв беспрецедентную акцию, направленную на прекращение войны между Ираном и Ираком. <...>

Горбачев. Но в последнее время по конкретным вопросам мы видим топтание на месте. И если это будет продолжаться, то может серьезно изменить атмосферу встречи (на высшем уровне СССР–США). <...>

Вы хотели что-то добавить по Персидскому заливу?

Шульц. Нет, ничего особенного, кроме того, что было бы хорошо, если бы была принята вторая резолюция. Это лучший шанс прекратить войну, обеспечить прекращение огня. <...>

Горбачев. Мы сказали, что в принципе к этому можно подойти. Мы не видим здесь непреодолимых препятствий. <...> Сейчас надо все тщательно взвесить, обдумать. Мы готовы к этому. Давайте будем продолжать обмен мнениями по поводу этого конфликта, давайте не будем ни на один день упускать его из виду. В общем, давайте продолжать диалог.

Шульц. Хорошо.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из интервью Горбачева
газете «Вашингтон пост» и журналу «Ньюсуик»
18 мая 1988 года*

Вопрос. <...> Ваше смелое решение <...> упростить выезд некоторых советских евреев, желающих жить за рубежом, привлекло к себе внимание во всем мире. Какие еще шаги Вы намереваетесь предпринять в этом направлении?

Ответ. <...> Мы о своих проблемах знаем и говорим о них честно, открыто. <...> Мы решаем эти вопросы не потому, что хотим кому-то подыграть, понравиться. А потому, что это отвечает интересам нашего общества, потому, что без этого нам перестройку не осуществить. Потому, наконец, что этого хотят советские люди, давно переросшие те ограничения, с которыми они мирились в прошлом и которые были в какой-то степени неизбежны на том пути неординарного революционного развития, который мы прошли...

ГСС. Т. 10. С. 427.

**На пресс-конференции Горбачева в Москве
1 июня 1988 года**

Вопрос (журнал «Аль-Хавадис», Ливан). Вы сказали, что во время этой встречи в верхах (с Рейганом в Москве) имело место сближение позиций по проблеме Ближнего Востока. <...> И второе. <...> Сегодня Вы ничего не сказали о положении в районе Персидского залива. <...> Не могли бы Вы уточнить этот вопрос?

Ответ. По Ближнему Востоку. Я еще раз хочу повторить, что, во-первых, есть элементы, позволяющие констатировать сближение позиций. Прежде всего признание того, что нужна международная конференция. Во-вторых, есть понимание, что в рамках конференции можно задействовать другие форумы. Есть понимание того, что должны быть реализованы положения соответствующих резолюций ООН. Думаю, есть моменты, которые потребуют проработки. Это — существо, содержание конференции, вопрос о Палестине, об участии ООП в процессе переговоров. Есть понимание, наконец, у Соединенных Штатов Америки, что Советский Союз должен участвовать в урегулировании. Мы дали возможность американцам несколько лет самим поработать. Они поработали и увидели, что ничего не получается. После того как они убедились в этом, у нас возобновился диалог.

Со своей стороны мы готовы к конструктивному сотрудничеству.

О Персидском заливе. Этот вопрос обсуждался довольно основательно. Мы придерживаемся такой точки зрения, что конфликт там очень серьезный. Надо сделать все, чтобы он не получил развития в опасном направлении. Поэтому мы и говорим: необходимо исчерпать до конца потенциал, заложенный в первой резолюции Совета Безопасности, дать возможность генеральному секретарю ООН или его представителю реализовать этот потенциал, выйти на прекращение военных действий.

ГСС. Т. 11. С. 75.

**Из беседы с заместителем премьер-министра,
министром иностранных дел Египта
Ахмедом Исмафом Абдель Магидом
Москва, 20 мая 1988 года**

Горбачев. Сейчас уже можно констатировать, что советско-египетские отношения приобретают дружественный характер и динамизм, отличаются высокой степенью доверия. <...>

Для нас отношения с арабскими странами — очень важное направление внешней политики Советского Союза. Мы придаем ему большое значение. <...>

Мы последовательно добиваемся развязки региональных конфликтов политическими средствами. Без такого урегулирования невозможно продвигаться по пути создания безопасного мира.

Магид. <...> Мы приветствуем советско-американское взаимопонимание, взаимодействие между СССР и США в региональных делах. Уже более 20 лет

Египет, как и другие государства Ближнего Востока, страдает от ближневосточного конфликта.

В Египте сознают, что Советскому Союзу принадлежит важная, решающая роль в деле ближневосточного урегулирования. Мы приветствуем обмен мнениями по этим вопросам с СССР.

Надеемся, что проблема Ближнего Востока займет свое место на Вашей предстоящей встрече с президентом Рейганом. США уделяют значительное внимание положению дел в нашем регионе. Две великие державы должны внести вклад в достижение урегулирования на Ближнем Востоке.

Горбачев. <...> Вы затронули региональные проблемы в том числе — ближневосточную. Президент Мубарак в своем послании мне много внимания уделяет этому вопросу. Ближневосточный конфликт — один из самых застарелых, затянувшихся и сложных. Тем не менее появляются реальные возможности развязать этот запутанный узел. <...>

Мы подвергли критическому разбору «план» Шульца. Отметим имеющиеся в нем положительные моменты, критически отозвались о тех его частях, в которых он оторван от существующих реалий.

Мы им сказали, что надо считаться с реальностями. Ключевой вопрос урегулирования — палестинский. Но не менее важны интересы Сирии, Египта, Иордании, а также Израиля. При таком подходе мы готовы внести свой вклад в урегулирование, в созыв международной конференции, в работу подготовительного комитета с участием постоянных членов Совета Безопасности. <...>

Мы попытаемся обсудить эти вопросы с президентом Рейганом в конструктивном духе и, насколько это возможно, оказать воздействие на американцев. <...>

Президент Мубарак выделяет вопрос об участии ООП в конференции и форме такого участия. Наша точка зрения такова: как арабы договорятся между собой, так и будет.

Магид. Это очень трудно.

Горбачев. Но такое участие ООП необходимо. Нельзя, чтобы ООП — законный представитель палестинского народа — оказалась за рамками процесса урегулирования. Тогда он просто не завершится.

Магид. Полностью согласен с Вами. Участие ООП необходимо. Никто, кроме ООП, не вправе представлять палестинский народ. <...>

Горбачев. Израильтяне ставят вопрос о восстановлении отношений с Советским Союзом в качестве предварительного условия проведения конференции. Мы отвечаем: пойдет процесс урегулирования, начнет действовать международная конференция по Ближнему Востоку, тогда в практической плоскости и встанет вопрос о восстановлении отношений.

У нас нет предвзятого отношения к Израилю. Отношения были разорваны в конкретной ситуации. Они могут быть восстановлены в новой конкретной ситуации. Советский Союз не может проводить беспринципную политику. Но наша политика не догматическая, не заскорузлая. Решение вопроса об отношениях с Израилем связано с прогрессом в общей ситуации. Израильтяне специально организуют разные «утечки» инфор-

мации, чтобы вбить клин между нами и арабами. Но мы не дадим ввести себя в заблуждение.

Магид. Они весьма искусны в этом.

Горбачев. Но как говорят, из кувшина можно выплеснуть только то, что в нем есть. Наша позиция по вопросу восстановления отношений с Израилем известна. Мы строго подходим к этому вопросу.

Магид. Это очень важно. Мы ценим такую позицию Советского Союза. У нас уже десятилетний опыт контактов с израильянами, и мы знаем — дай им только палец, они отхватят руку.

Горбачев. Отсутствие чувства меры — серьезный признак в политике израильян. Если они представляют себя как народ с древними традициями, то должны видеть, что арабы могут пойти на другие решения, если Израиль не сделает им навстречу разумные шаги.

Магид. Совершенно верное наблюдение. Палестинское восстание — это предупредительный звонок. Израильяне пытаются подавить его силой. Но восстание доказало, что 20 лет оккупации не сломали волю палестинского народа к сопротивлению. <...> К 2000 году население Израйля будет наполовину состоять из евреев, наполовину — из арабов. В этих условиях невозможно продолжать тот курс, который проводит израильское руководство.

И в Израиле, и в еврейской общине в США есть умеренные силы, трезво смотрящие на вещи. Но от них требуются активные действия в пользу мира, в пользу решения проблемы. Мы откровенно говорим об этом. Проводимый Советским Союзом курс помогает осознанию этих реалий Израилем и Соединенными Штатами. Надо смотреть и действовать реалистично. Пусть будут закрытые контакты. Это лучше, чем открытые взаимные нападки в прессе и тому подобное.

Горбачев. Скажите президенту, что мы будем действовать конструктивно, будем контактировать с арабами, в том числе с Египтом. Обсудим ближневосточную проблему с Рейганом. <...>

Мы исходим из того, что надо видеть и перспективы налаживания отношений с Саудовской Аравией.

Магид. Министр иностранных дел Саудовской Аравии сказал мне, что, хотя отношений и нет, он уже дважды побывал в Советском Союзе.

Горбачев. Это верно. Пусть плод созревает.

Магид. Благодаря Вашему политическому курсу дела идут в верном направлении. Вашу роль ценят и в Персидском заливе.

Горбачев. Конфликт в Персидском заливе надо удерживать в рамках, не давать ему разрастаться, а затем повернуть к урегулированию. Мы понимаем свою роль и ответственность. У нас дружеские связи с Ираком. Есть связи с Ираном. Правда, сосед у нас очень беспокойный и непредсказуемый. Тем более надо работать с иранцами.

Мы до американцев постоянно доводим одну мысль. Они хотят все срочно решить, принять меры. От имперских замашек, диктата никак не могут отойти. Первое побуждение у них — ударить. Мы говорим, что такими методами можно одну из сторон — либо Иран, либо Ирак — загнать в угол, в ту-

пик. И тогда действительно может произойти взрыв. Нельзя никого загонять в угол. Надо искать выход на взаимоприемлемых условиях. <...>

И в послании президента, и Вами высказывается просьба о том, чтобы я поддержал шаги по развитию советско-египетских экономических связей. Надеюсь, что в этом деле будет продвижение вперед. Мы дадим соответствующие указания нашим ведомствам.

Магид. Спасибо. Это будет отвечать интересам обеих наших стран.

Горбачев. Без экономических связей отношения не могут быть нормальными.

Магид. Мы готовы к развитию и экономических, и научных, и других связей.

Горбачев. Вы найдете в нашем лице хороших партнеров. Передайте сердечный привет президенту Мубараку.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из послания Горбачева Президенту Алжира Шадли Бенджедиду
7 июня 1988 года*

Арабо-израильский конфликт вступил в такую фазу, когда задача его скорейшего разблокирования стала настоятельным требованием времени. Сохранение взрывоопасной обстановки на Ближнем Востоке находится в противоречии с наметившимися сдвигами к лучшему в международных отношениях. Не отвечает это и интересам народов этого региона.

Советский Союз настойчиво и инициативно действует в пользу справедливого и всеобъемлющего ближневосточного урегулирования на базе принципов международной законности, Устава и решений ООН, на основе баланса интересов всех сторон. <...>

Общепризнанным механизмом для решения этих проблем является международная конференция под эгидой ООН с участием всех заинтересованных сторон, а также постоянных членов Совета Безопасности, которые могут коллективно или индивидуально вносить предложения и рекомендации с целью достижения взаимоприемлемых договоренностей. <...>

Разумеется, в конференции должны участвовать представители арабского народа Палестины в лице его единственного законного представителя — ООП. <...>

Не менее важно добиться поворота к примирению между Ираком и Ираном. <...>

Сейчас необходимо позитивный потенциал межарабского сотрудничества направить на устранение конфликтных ситуаций на Ближнем и Среднем Востоке. Наряду с советско-американским Договором по РСМД, Женевскими соглашениями по Афганистану перевод в практическое русло арабо-израильского урегулирования и прекращение ирано-иракской войны

*Послание было направлено в связи с созывом в Алжире всеарабского совещания на высшем уровне.

стали бы крупными шагами в сторону утверждения на нашей планете нового, более безопасного и ненасильственного мира. <...>

В этом ключе мы вели переговоры с президентом США в Москве.

ГСС. Т. 11. С. 101.

*Из выступления Горбачева в ООН
7 декабря 1988 года*

В связи с проблемой урегулирования региональных конфликтов не могу не высказать своего суждения о серьезном инциденте, который имел место совсем недавно в связи с работой этой сессии.

Представитель организации, имеющей статус постоянного наблюдателя при ООН, не был допущен властями Соединенных Штатов в Нью-Йорк для выступления на Генеральной Ассамблее. Речь идет о Ясире Арафате.

Причем это произошло тогда, когда Организация освобождения Палестины сделала важный конструктивный шаг, облегчающий поиск развязки ближневосточного узла с участием Совета Безопасности ООН. Это произошло тогда, когда наметилась позитивная тенденция к политическому урегулированию других региональных конфликтов, в ряде случаев — при содействии СССР и США.

Мы выражаем глубокое сожаление по поводу случившегося и свою солидарность с Организацией освобождения Палестины.

ГСС. Т. 13. С. 29–30.

Из беседы с личным представителем имама Хомейни
аятоллой Джавади-Амоли
Москва, 4 января 1989 года*

Горбачев. Ваш приезд мы рассматриваем как добрый знак, как свидетельство того, что советско-иранские отношения вступают в обнадеживающий этап развития. Наши отношения уходят корнями в глубь веков, у них есть традиции. СССР и Иран имеют границу огромной протяженности. Мы «обречены» поддерживать хорошие отношения, сотрудничать. <...>

Наверное, я не допущу никакого преувеличения, сказав, что мы с большим вниманием и сочувствием следили за событиями, развернувшимися в Иране под руководством имама и его сторонников.

Мы хотим добра и благополучия Ирану, вступающему в мирный период после завершения затяжного и изнурительного конфликта. Мы делали все, чтобы как можно скорее прекратился конфликт между Ираком и Ираном.

* Хомейни Рухолла Мусави (1898/1900 или 1902–1989) — лидер исламской революции в Иране, руководитель Ирана в 1979–1989 годах. Личного представителя имама аятоллу Джавади-Амоли сопровождали заместитель министра иностранных дел Ирана Али Лариджани и депутат парламента госпожа М. Хадидчи-Даббаг.

Джавади-Амоли. Хвала Всевышнему за то, что Вы придерживаетесь такой точки зрения. Он учит нас, что человек не в состоянии вести здоровый образ жизни, когда его ближние погрязли в пороке. Молчаливо наблюдающий зло, творимое по отношению к своему ближнему, невольно содействует злу.

Всевышний послал иранскому народу решительного лидера, под руководством которого и под сенью священного ислама он низверг угнетателей, а его пастыри обязались не допускать впредь подавления воли народа.

Горбачев. У нас такое принципиальное кредо: каждый народ имеет право распоряжаться своей судьбой. <...>

И то, что мы исповедуем разные взгляды и придерживаемся различных мировоззренческих принципов, не должно мешать тому, чтобы в духе добрых традиций развивать советско-иранские отношения, придавать им сегодня новое качество.

Джавади-Амоли. Все мы принадлежим к роду человеческому и привержены общечеловеческим ценностям.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас, Ваше Превосходительство, и весь советский народ с Рождеством Христовым и Новым годом.

Позвольте выполнить данное мне поручение и зачитать текст личного послания в Ваш адрес имама Хомейни.

Лариджани²². Ваше Превосходительство является первым главой государства, которому имам направляет личное послание. Этот шаг является свидетельством Вашего огромного авторитета в мире и роли в международных делах.

Послание написано рукой имама. Если у Вашего Превосходительства возникнут вопросы или уточнения, касающиеся текста послания, мы могли бы дать пояснения.

Далее Джавади-Амоли зачитывает послание Хомейни и передает текст.

Горбачев. Благодарю Вас. Я отвечу на послание имама.

В предварительном плане хотел бы высказать несколько замечаний по поводу послания. В той мере, в какой я смог воспринять на слух его основные идеи.

Прежде всего, я воспринимаю это послание как приглашение к политическому диалогу между нашими странами на высшем уровне. И с этой точки зрения откликаюсь на него позитивно. Мы готовы в рамках политического диалога с Ираном обмениваться мнениями по крупным вопросам мировой политики, советско-иранских отношений, а также идейных ценностей, на которых вы базируете строительство Ирана.

По этому посланию я чувствую, что имам не в восторге от коммунистической идеологии. Более того, видит в ней одного из своих противников. Он советует нам отказаться от нашего мировоззрения.

Давайте же проявлять терпимость и уважать взгляды и мировоззрение друг друга. Мы уважаем ваш выбор. Но надо уважать и выбор, который сделали другие народы. <...>

Я вижу, что в послании ставится под сомнение ценность марксистского учения, а самым высшим достижением считается ислам, он открывает дорогу к истине. Но если послушать католиков, то они выскажут иную точку зрения.

И Русская православная церковь, с руководством которой я встречался, вряд ли согласится с вами. <...>

Если имам знаком с нашим видением сегодняшнего мира, ему будет нетрудно обнаружить основной смысл нашего приглашения, обращенного ко всем, независимо от рас, вероисповеданий, национальностей: мы живем в реально-взаимосвязанном мире. Давайте же уважать друг друга, сотрудничать. Мы не амбициозны. Не хотим, чтобы то, что мы говорим, воспринималось как истина в последней инстанции. Приглашаем всех строить лучший мир, находить взаимопонимание.

В нашей перестройке внутри страны человеческие проблемы стоят на первом плане. Мы хотим улучшения материальных условий жизни, духовного, нравственного здоровья человека. Много уже сделано ради возвышения таких нравственных, общечеловеческих ценностей, как совесть, добро, сострадание. Готовим закон о свободе совести.

Нам, коммунистам, не чужда духовная жизнь человека. Скажу больше: считаем одним из серьезных недостатков в прошлом недостаточное внимание к человеку. Хотим это исправить.

Я шлю от советского народа иранскому народу, руководству Ирана, имаму Хомейни добрые пожелания.

Иран вступает в мирный период, новый период развития. Мы, как соседи, и на этом этапе готовы сотрудничать на основе взаимности.

Джавади-Амоли. Познав Ваш подход к общечеловеческим ценностям, мы были рады услышать о Вашей готовности продолжать обмен мнениями по широкому кругу философских вопросов.

Мы также благодарны за то, что Ваша позиция зиждется на осуждении войны, в том числе и навязанной нашей стране.

Разделяем Вашу мысль о том, что многообразие взглядов и верований не является вмешательством во внутренние дела других стран. И наоборот, создает основу для углубленного обсуждения основополагающих вопросов бытия. <...>

Послание имама Хомейни Вашему Превосходительству символизирует начало большого диалога между лидерами наших двух стран.

Горбачев. Я воспринял то, что Вы хотели сказать. Эта встреча убеждает: есть смысл, большой смысл в том, чтобы продолжить обмен мнениями между руководителями двух наших стран по философским, политическим и, конечно, практическим вопросам жизни.

Мы обдумаем послание имама.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Ирана Али Акбаром Велаяти
Москва, 31 марта 1989 года*

Горбачев. Позиция Советского Союза в отношении Ирана как в прошлом, так и в нынешние времена дает основание полагать, что ее отправной точкой является твердая убежденность в том, что наши страны «обречены»

на добрососедство и сотрудничество. Мы приветствовали победу иранской революции. Мы с сочувствием и пониманием относимся к чаяниям и желаниям иранского народа изменить свою жизнь и готовы к сотрудничеству с ним в деле созидательного преобразования Ирана. Мы готовы вести политический диалог с иранским руководством не только по двусторонним и региональным вопросам, но и по проблемам общемировой политики.

Мы с сочувствием и заинтересованностью относимся к усилиям по политическому урегулированию ирано-иракских отношений на взаимоприемлемой основе и с учетом баланса интересов. Наша страна готова в той мере, в которой это будет отвечать интересам Ирана и Ирака, внести свой вклад в достижение такого урегулирования. <...>

Мне предстоит визит на Кубу, а затем в Лондон, где, как мы догадываемся, Тэтчер затронет и нашу тему о книге «Сатанинские стихи». Вам известна наша позиция по данному вопросу. Мы разделяем чувства негодования мусульман в отношении этой публикации. Вместе с тем мы считаем, что надо найти какой-то выход из ситуации. И на Западе это начинают понимать. <...> Вместе с тем хочу сказать, что в связи с этим событием у всех есть повод для размышлений.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из выступления Горбачева на Кубе Гавана, 4 апреля 1989 года

Один из застарелых и самых опасных региональных конфликтов связан с оккупацией Израилем арабских земель, лишением права на независимость арабского народа Палестины. В этом районе, где перекрещиваются экономические и военно-политические интересы ряда государств, накоплено много горючего материала — и не только в переносном, а в прямом смысле. Пламя отсюда уже начало расплзаться. Я имею в виду прежде всего тревожную ситуацию в Ливане²³. И было бы неоправданной беспечностью считать, что такое положение может сохраняться в течение неопределенного времени и дальше. В развязке ближневосточного узла кровно заинтересованы не только непосредственные участники конфликта — арабские государства и Израиль, но также Европа, к которой тесно прилегает этот район, США и, разумеется, Советский Союз, другие социалистические страны. Вот почему мы считали и считаем необходимым активизировать усилия в интересах ближневосточного урегулирования.

ГСС. Т. 14. С. 31.

Из послания Горбачева королю Марокко Хасану II 25 мая 1989 года

Сейчас, на наш взгляд, в регионе сложились благоприятные условия для продвижения к миру. По сути дела, образовался самый широкий консенсус

в пользу проведения международной конференции по Ближнему Востоку. И конечно, подобный сдвиг в настрое мирового сообщества не случайность. Это, прежде всего, результат стойкости и героизма палестинского населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа. <...> Поворот к миру в регионе облегчает и проводимая Организацией Освобождения Палестины взвешенная и конструктивная линия, которая дала серьезный импульс политической активности вокруг проблемы урегулирования. <...>

Нами, как известно, предложен целый ряд практических мер по подготовке конференции, в том числе с задействованием механизмов ООН. Не отвергаем мы и других идей, разумеется, при условии, что они ведут в верном направлении. Главное, на наш взгляд, это то, чтобы путь к урегулированию прокладывался совместно, путем коллективных действий, через диалог и расширение зоны взаимопонимания.

Для успеха дела урегулирования особенно важен единый голос арабов. Надеемся, что совещание сумеет выработать общеарабскую платформу по этому судьбоносному вопросу. И вообще, надо сказать, что тесная межарабская координация всегда была и остается одним из основных факторов, действующих в пользу стабилизации и мира в регионе. <...>

В Советском Союзе высоко оценивают и всецело поддерживают миротворческие усилия, предпринимаемые шестисторонним комитетом ЛАГ по Ливану. <...>

Нелегкой проблемой, заботящей как арабов, так и Советский Союз, является неурегулированность ирано-иракского конфликта. Еще многое предстоит сделать, чтобы успешно завершить с трудом завязанный процесс мирных переговоров между Багдадом и Тегераном. По этому поводу хотелось бы вновь подтвердить стремление Советского Союза оказывать всемерную практическую поддержку и содействие продвижению ирано-иракских переговоров, посреднической миссии Генерального секретаря ООН.

ГСС. Т. 14. С. 282–284.

*Из беседы с председателем Исламского совета,
и.о. верховного главнокомандующего вооруженными силами Ирана
Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани
20 июня 1989 года*

Горбачев. Сердечно приветствую Вас в Москве от имени советского руководства и народа. Ваш визит свидетельствует о добрых переменах в наших отношениях. Можно сказать, что наши две страны исторически «обречены» на добрососедство. Разумеется, исходя из принципов уважения интересов и выбора друг друга. Именно в этом смысле еще раз приветствую Вас.

Мы по достоинству оценили последние инициативы со стороны имама Хомейни в области двусторонних связей и с готовностью откликнулись на них. После обмена посланиями мы сделали шаги навстречу друг другу.

Выражаю наше сочувствие и глубокие соболезнования в связи с кончиной имама.

Хашеми-Рафсанджани. Новый руководитель ИРИ Хаменеи просил меня передать Вам приветы и заверения в приверженности развитию дружбы Ирана со своим северным соседом.

В настоящее время отпали препятствия, сдерживавшие развитие двусторонних связей. Достигнуто прекращение огня в ирано-иракской войне. С завершением вывода советских войск из Афганистана устранено одно из основных препятствий нормализации отношений Советского Союза с мусульманскими странами. Разумеется, вмешательство западных империалистических сил в дела региона создает определенные трудности. Однако обмен посланиями между имамом Хомейни и Вами расчистил путь для налаживания взаимодействия. Сам факт того, что инициатива проведения нашей встречи исходит от советской стороны, говорит о вашем серьезном отношении к двустороннему сотрудничеству.

Горбачев. Да, дело обстоит именно так.

Хашеми-Рафсанджани. В том, что касается ирано-иракского урегулирования, наши страны придерживаются одинаковых позиций, сводящихся к выполнению резолюции 598 Совета Безопасности ООН²⁴. Мы исходим из того, что на ирано-иракских переговорах ни одна из вовлеченных сторон не должна стремиться к получению односторонних преимуществ. Прежде всего, следует с уважением относиться к международному праву и не допускать нарушений его норм.

Мы с удовлетворением отмечаем совпадение наших точек зрения по вопросам, относящимся к проблемам Палестины. <...> В Иране разделяют советский подход к разоруженческой проблематике.

Горбачев. <...> Мы с вами располагаем уникальным шансом, чтобы придать нашему сотрудничеству долговременный и устойчивый характер, ...мы готовы пойти настолько далеко, насколько готова и этому иранская сторона.

В рамках Вашего визита предполагается подписать Долгосрочную программу торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между нашими странами на период до 2000 года. Это важно не только с точки зрения содержания. Перед народами наших стран, перед миром мы предстаем с большими планами мирного созидательного сотрудничества. Это важно для наших двусторонних отношений. Но это и пример для других стран.

Нашим долговременным интересам отвечает, чтобы Иран был независимым, развитым, стабильным государством, где иранский народ чувствует себя хорошо. Теперь, когда наметился выход наших отношений на качественно новый уровень, когда они приобретают определенную динамику, появился механизм для выявления нерешенных проблем, для того чтобы не дать разрастись разногласиям. Мы за политический диалог, за регулярные консультации, за расширение экономического сотрудничества, культурных и других связей.

Пусть иранская революция сохраняет свои цели, свои ценности. Я думаю, что мы вправе рассчитывать на такое же отношение с иранской стороны к политике перестройки в Советском Союзе. <...>

Катушев. Подготовлены предложения по совместным проектам в общей сложности на сумму в 5 миллиардов долларов.

Горбачев. Что ж, это неплохо.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Продолжение беседы с Хашеми-Рафсанджани
21 июня 1989 года*

Шеварднадзе. Основополагающим документом советско-иранского экономического взаимодействия призвана стать Долгосрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества на период до 2000 года. <...>

Программа носит комплексный и всеобъемлющий характер, было бы желательно, чтобы этот документ также был подписан на высшем уровне.

Наряду с этим подготовлены: Соглашение о товарообороте, Соглашение о сооружении железнодорожной линии через Серахс.

Представителями министерств иностранных дел обеих стран подписан Протокол о развитии консульских отношений, затрагивающий довольно важный аспект наших связей. Продолжаются переговоры о поставках иранского природного газа в Советский Союз, о сотрудничестве в области рыболовства в Каспийском море.

Регулярный характер приобрели обмены мнениями по различным международным вопросам. Политико-правовую базу этого диалога составляет подписанный в Тегеране Протокол. Затрагивается проблематика ирано-иракского конфликта, афганская и ближневосточная темы. Активизируется сотрудничество наших стран в международных организациях.

Если суммировать всю проделанную работу, с полным на то основанием можно утверждать, что визит иранского руководителя в нашу страну стал этапным, поворотным событием в советско-иранских отношениях.

Катушев. Мы с господином Ирвани детально обсудили все проблемы торгово-экономического сотрудничества. Полностью разделяю точку зрения товарища Шеварднадзе относительно того, что этот масштабный и всеобъемлющий документ закладывает солидную основу для будущего сотрудничества. Он определяет принципиальные направления развития двустороннего взаимодействия в 15 отраслях, в том числе в промышленности, машиностроении, атомной энергетике, космических исследованиях.

Горбачев. Меня особо интересуют возможные перспективы сотрудничества в области космоса. Надеюсь, наши идеологические расхождения не будут препятствовать успеху такого сотрудничества. <...>

В свете расширения советско-иранских связей следует ожидать и более интенсивную работу транспорта. Транспорт всегда играл важную роль в контактах между людьми.

Хашеми-Рафсанджани. Мы разделяем Вашу точку зрения. Советские поезда должны ходить до самого юга нашей страны. Трудностей в этом не будет. И иранские поезда могли бы следовать до Ленинграда.

Горбачев. А затем и в европейские страны.

Шеварднадзе. Как мы видим, документы подготовлены солидные. Они охватывают различные области наших взаимоотношений: политическую, торговую, экономическую, сооружение железной дороги Мешхед–Серахс–Теджен с выходом на иранский порт Бендер-Аббас.

Хашеми-Рафсанджани. Мы приветствуем отмеченные в подготовленных документах направления советско-иранского сотрудничества.

Горбачев. Перспективы экономического сотрудничества намечены масштабные. Я подтверждаю свое согласие подписать Долгосрочную программу.

Хашеми-Рафсанджани. Я нахожусь в Советском Союзе всего 24 часа, но уже чувствую себя почти как дома. Проходящие в Москве переговоры носят откровенный и продуктивный характер. Мы постоянно чувствуем корректное и любезное отношение к нам советских людей.

Сегодня мы посетили Звездный городок, где имели беседы с советскими космонавтами, получили интересные объяснения. <...> Мой сын готов полететь.

Горбачев. Он смелый человек. Давайте поручим соответствующим организациям сторон конкретно проработать этот вопрос.

Хашеми-Рафсанджани. Большую важность для Ирана имеет ядерная энергетика. При прошлом режиме имелись планы по строительству 20-ти АЭС с участием фирм западных стран. После революции в Иране все контракты, за исключением двух, были расторгнуты. Западногерманские фирмы выполнили к настоящему времени 80 процентов работ. Мы отдаем предпочтение сотрудничеству с советскими организациями в деле строительства одной АЭС. Просим Вас дать указание проработать данный вопрос.

Горбачев. Хорошо.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем на Мальте
3 декабря 1989 года*

Горбачев. Может быть, поговорим о положении на Ближнем Востоке? По-моему, мы уже подтолкнули Арафата на все, что реально возможно. И пока он еще жив, надо что-то срочно делать.

Буш. Вчера министр иностранных дел Египта передал кое-что обнадеживающее Джиму (*Бейкеру*). Похоже, Арафат готов еще что-то предложить в связи с «десятью пунктами» Мубарака и первоначальным планом Шамира. Не исключено, что обозначатся новые возможности, какие-то области потенциального движения вперед. Думаю, что новые возможности могли бы открыть и какое-то движение по вопросу об установлении дипломатических отношений СССР и Израиля. Разумеется, это ваше внутреннее дело. Кое-кто — я имею в виду весьма реакционные силы в США — даже критикует меня за то, что я подталкиваю вас к сближению с Израилем. Они не могут понять, зачем мне это нужно. Ведь Израиль — это наш лучший, стратегический союзник на Ближнем Востоке. Но я все же убежден, что это было бы полезным шагом, конечно, если, по Вашему мнению, он соответствует советским интересам.

В целом же мы стараемся свести Израиль и палестинцев для серьезного диалога. Господин Шеварднадзе, видимо, рассказал Вам и о «пяти пунктах» Бейкера и о «десяти пунктах» Мубарака.

Горбачев. «Пять пунктов» Бейкера я знаю лучше. Мы их не раз обсуждали.

Буш. Проблема в том, что на Шамира сейчас очень трудно повлиять в плане большей гибкости. Ведь собственная партия толкает его вправо.

Горбачев. У меня есть ощущение, что еще никогда не было такой благоприятной ситуации для ближневосточного урегулирования. И во многом ее удалось создать потому, что мы работали вместе. До этого, в течение нескольких лет, США пытались решить проблему в одиночку. Но потом стало ясно, что так действовать не получается. И возникли предпосылки для сотрудничества. Мы готовы внести свой конструктивный вклад: интенсивно взаимодействуем с арабами, подталкиваем Арафата в нужном направлении. И сейчас, по-моему, открываются весьма обнадеживающие перспективы. Но все это, если бездействовать, может легко улетучиться. Многие палестинцы уже обвиняют Арафата в предательстве. А арабы — тем более.

Мы выжали максимум из позиции Арафата в том, что касается создания предпосылок для завязывания диалога с Израилем. В этой связи я приветствую, что США также начали диалог с ООП. Это поможет укрепить конструктивную направленность подхода Арафата.

Относительно наших дипломатических отношений с Израилем. Для нас тут принципиальной проблемы нет. Тем более что между нами уже налажены очень активные контакты.

Шеварднадзе. За последние три года я в общей сложности уже шесть раз встречался с премьер-министром и министром иностранных дел Израиля.

Горбачев. Вот видите. А теперь мы договорились и обменяться консульствами. Так что процесс идет, и как только завяжутся мирные переговоры, мы сразу же установим дипломатические отношения с Тель-Авивом. Непреодолимых препятствий здесь нет. У нас много общих интересов, включая тот факт, что в Израиле живет немало выходцев из Советского Союза. Кроме того, мы поддерживаем интенсивные контакты с еврейскими организациями в США, Канаде, Англии.

Буш. По-моему, Вы изложили очень конструктивный, деловой подход. Еще несколько слов о нашей позиции. <...>

США отошли от безоговорочного одобрения израильской политики. К этому нас подтолкнула интифада²⁵, сопутствующее ей насилие. Вы можете заметить некоторые изменения в наших отношениях с Израилем. Хотя он по-прежнему наш надежный союзник. Необходимо как можно скорее прекратить насилие, связанное с интифадой, и начать диалог.

Может быть, вкратце обсудим ливанский кризис? <...> Мы особенно озабочены массированными военными приготовлениями Сирии, действия которой могут привести к новому кровопролитию в Ливане.

Горбачев. Мы в эту острую проблему основательно втянулись. Я принимал «тройку» Лиги арабских государств. Их план мы полностью поддерживаем, активно работаем со многими сторонами, особенно с Сирией. И в Ливане уже было намечено движение к миру, но тут неожиданно был убит

президент²⁶, и обстановка вновь стала кризисной. Однако мы намерены и дальше, не ослабляя усилий, действовать в духе «плана трех».

Подводя итог нашему обсуждению, предлагаю, чтобы наши министры поискали новые пути стимулирования мирного процесса как в Ливане, так и на Ближнем Востоке в целом.

Буш. Как я понимаю, наши министры провели несколько раундов полезных консультаций по этим вопросам.

Шеварднадзе. Хотел бы сделать уточнение в связи с той озабоченностью, которая была высказана в отношении намерений Сирии. Если и СССР, и США признают нового президента Ливана — а, думаю, так оно и есть, — то ливано-сирийские отношения — это дело самих этих суверенных государств, и они найдут взаимоприемлемый выход. Я не вижу оснований для большой тревоги.

Бейкер. И вы не боитесь, что Сирия, опираясь на нового президента, решит ликвидировать Ауна²⁷ и «вычистить» христианский анклав?

Горбачев. Поступающая информация пока не дает оснований для таких выводов.

Шеварднадзе. У нас таких данных нет.

Горбачев. Но мы с этим вопросом разберемся.

Шеварднадзе. Сирийцы заверяют нас, что не собираются обострять обстановку в Ливане, намерены соблюдать достигнутые договоренности и не останутся в Ливане вечно.

Буш. Хорошо. Это немного обнадеживает. Ведь у нас даже нет нормального посольства в Ливане. Аун был недоволен нашей политикой и дал добро на демонстрации, поставившие под угрозу безопасность нашего дипломатического состава.

Горбачев. Считаю этот обмен очень полезным. Надо продолжать советско-американское взаимодействие.

Шеварднадзе. Раз уж речь зашла о взаимодействии, то нельзя не отметить, что после появления «плана Мубарака» и «пяти пунктов» Бейкера наше взаимодействие несколько ослабло.

Горбачев. Может быть, господин Бейкер по примеру Шульца решил сначала попытаться действовать в одиночку? А когда убедится, что это не получается, вернется к сотрудничеству?

Бейкер. Я в отличие от Шульца не летаю все время на Ближний Восток.

Горбачев. Еще успеете.

Буш. Вместе с тем не должно складываться впечатления, что мы совместно диктуем другим свои условия. Это только помешает. Но разумеется, это ни в какой мере не умаляет значения нашего взаимодействия.

Горбачев. Это верное замечание относится ко всем регионам. Мы никому не имеем права навязывать свои порядки.

Буш. Уверен, что Вы обратили внимание на то, что наша политика на Ближнем Востоке развернулась в сторону взаимодействия с Советским Союзом.

На Политбюро
13 февраля 1990 года
О продолжении политического диалога с Ираном*

Горбачев (долго смеется перед тем, как начать говорить). Хомейни мне предлагал уничтожить коммунизм! Признал необходимость выхода из войны (ирано-иракской).

Все тянут Иран на себя: Западная Европа сохраняет там позиции (особенно Франция и ФРГ). В самом Иране многие ищут выход из фундаментализма. Ждут часа. Но хотят в противовес западному давлению искать поддержку у нас.

Послание Хомейни — сигнал очень важный. Женщина приносила его вся закрытая, одни очки видны. Руку протянул ей — взяла. Послание — не просто сигнал. Это политический знак. Давайте, мол, сотрудничать, искать новые возможности.

Вот наша концепция: даже с Хомейни можно общаться.

Ясность внесена через интервью Лариджани в Гаване. Он развернул тему сотрудничества сильно.

Надо ответить на вопросы, поставленные имамом. Но не втягиваться в дискуссию об исламе.

Послание было написано от руки. Наши специалисты могли бы мне помочь, как оформить мой ответ. Есть же ученые, в том числе мусульмане. Они знают, как это делается в таких случаях.

Может, кого-то послать в Иран?

Философский аспект всего этого — за Фроловым (помощник Горбачева)²⁸.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Из беседы с Хафезом Асадом
Москва, 28 апреля 1990 года

Горбачев очень подробно, по-дружески откровенно рассказал о ситуации в СССР, о трудностях в ходе преобразований. Что касается внешней политики, то вы хорошо знаете подходы Советского Союза: на международной арене нужно избавляться от конфронтационности, поддерживать процессы стабилизации, действовать в пользу политического урегулирования спорных вопросов. <...>

Так сложилось, что военные расходы составляют у нас 18 процентов национального дохода. Это тяжелое бремя. Отсюда не следует, что мы будем сокращать наши оборонные возможности сломя голову, здесь надо быть очень расчетливыми, заранее анализировать все факторы. Советский Союз не может быть слабым. Это было бы не только его поражение, но и пораже-

* Хомейни не был в полной мере удовлетворен содержанием ответного послания Горбачева. После его кончины (3 июня 1989 года) Горбачев в беседе с председателем Собрания Исламского совета А.А. Хашеми-Рафсанджани 20 июня 1989 года заявил о готовности продолжать политический диалог с иранскими руководителями.

ние всех прогрессивных сил в мире. Есть пределы, за которые нельзя выходить. Армия должна быть современной, компетентной, обладать высококачественным оружием. <...>

В Чернобыле произошел взрыв на одном лишь энергоблоке. И даже для такой огромной страны, как наша, очень трудно решить возникшие проблемы. На цели ликвидации последствий этой катастрофы мы уже затратили 14 миллиардов рублей, а требуются все новые и новые средства. Так что единственное спасение мы видим в борьбе за мир и разоружение. Когда мы говорим о ядерных бомбах, ракетах, не следует забывать и об атомных электростанциях в Европе. А ведь их десятки. В «обычной» войне они, конечно, будут разрушены.

Асад. Да, и на нашей планете не останется ничего живого. Погибнут даже те, кто хотел бы остаться нейтральным, не участвовать в конфликте. А тот, кто выживет, наверняка потеряет рассудок.

Горбачев. А ваш сосед — Израиль — что-то делает в смысле обладания ядерным оружием?

Асад. Несомненно, у израильцев есть ядерное оружие.

Горбачев. Даже так? Собственное? У нас есть такие данные?

Язов. У Израиля около 20 ядерных зарядов.

Асад. Да, атомные бомбы собственного производства. Кроме того, у Израиля имеются и химическое, биологическое и другие виды оружия массового поражения. Но наша информация несколько отличается от ваших данных. По нашим оценкам, у Израиля более 100 ядерных зарядов, хотя и 20 вполне достаточно.

Горбачев. По-моему, евреи ценят свою жизнь больше, чем сирийцы или русские. (Смех.)

Асад. Наша история полна свидетельств их постоянной агрессивности и враждебности. Как известно, у мусульман и христиан нет религиозной предубежденности в отношении евреев. Об этом свидетельствует весь исторический опыт. Евреи же во всем исходят из своих религиозных постулатов. Это единственный народ на Земле, который считает, что религия является основой формирования нации. Если исходить из такой посылки, то и христиане, и мусульмане должны создавать свои собственные государства.

Горбачев. Это было бы возвратом назад.

Один вопрос. Вы — политик тонкий, следите за тенденциями политической жизни. Не сложилось ли у Вас впечатление, что Дж. Шульц более активно действовал на ближневосточном направлении? Он сумел втянуть в работу Рейгана. Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с идеями и предложениями Шульца по Ближнему Востоку. Но тогда вместе с американцами мы стали вместе двигать процесс созыва международной конференции по Ближнему Востоку.

А сейчас вообще не просматривается интерес администрации к урегулированию, к международной конференции.

Асад. Это тот основной вопрос, который я хотел с Вами обсудить. Я разделяю Ваше мнение, что при Шульце ближневосточная политика США отличалась в лучшую сторону. Хотя я дважды лично встречался с ним, и мы

не договорились относительно его плана ближневосточного урегулирования.

Горбачев. Я план Шульца критиковал, помнится, даже за этим столом. Но он пытался что-то сделать, искал какие-то развязки.

Асад. <...> США по сути поддержали «план Шамира», а выдвинутые «пять пунктов Бейкера» фактически представляют собой исполнительную программу «плана Шамира». Тот, кто внимательно и непредвзято прочтет и тот, и другой документы, придет к выводу: цель и Шамира, и Бейкера идентична — свернуть палестинское сопротивление и изолировать Сирию. <...>

До Кэмп-Дэвида в регионе был один конфликт — арабо-израильский. Затем Израиль вторгся в Ливан, разразилась война между Ираком и Ираном, возникли другие серьезные проблемы. Всего этого можно было бы избежать, если бы с самого начала прилагались усилия с целью всеобъемлющего арабо-израильского урегулирования. <...>

Кстати, ФРГ к середине 70-х годов выплатила Израилю около 40 миллиардов долларов. Известный реакционный деятель из Баварии, ныне покойный Штраус, несколько лет назад посетивший Дамаск, рассказывал мне об одной своей поездке в Израиль. Там он убеждал, что нынешнее поколение немцев не несет ответственности за преступления Гитлера против евреев и поэтому нужно открыть новую страницу в отношениях между немцами и евреями. На это ему было заявлено, что Израиль никогда не простит немцам. <...>

В центре внимания арабского мира стоит и вопрос об эмиграции евреев из Советского Союза. Я высказывал свою точку зрения на этот счет как в публичных выступлениях, так и в беседах с арабскими руководителями. <...>

Горбачев. В рамках обсуждения проблем Ближнего Востока хочу спросить, как Президент Асад оценивает политику Саудовской Аравии. Куда она дрейфует? Мы видим, что руководство страны мечется, меняет свою линию, не удается зафиксировать стабильную тенденцию в политике Саудовской Аравии. Сохраняются ли сильные связи с Америкой?

Асад. Да, они тянутся к Америке.

Горбачев. Значит, все-таки к Америке. <...>

А что с Ираком? В чем здесь дело? То ли они не разобрались еще с Ираном, то ли уже повязаны с американцами?

Асад. С Западом вообще и с американцами, в частности, они повязаны уже давно. Об этом свидетельствует и ирано-иракский конфликт, который не отвечал интересам Ирака. Он не отвечал и иранским интересам, но не Иран его начал. Эта война служила интересам Запада. Американцы вряд ли довольны всем, что делает Ирак сейчас. Но они прощают ему ошибки в благодарность за ту роль, которую он сыграл в пользу Запада своим конфликтом с Ираном. Через ирано-иракскую войну Запад и, в частности, США стремились нанести удар по иранской революции и вернуть Иран в объятия Запада. Под давлением конфликта с Ираком Иран должен был обратиться за оружием к западным странам и вернуться, таким образом, в сферу их влияния.

Горбачев. Мне казалось, что, выйдя из войны и оказавшись в другой ситуации в отношениях с Ираном, Ирак должен был бы стать фактором наращивания давления на Израиль. Но вроде бы этого не происходит. <...>

У меня складывается впечатление, что сейчас американцы хотят похоронить международную конференцию по Ближнему Востоку. За счет сохранения разобщенности арабов они хотят отстоять свои позиции и Израиля, закрыть вопрос о международной конференции. Об этом свидетельствует их линия в отношениях с Саудовской Аравией, Ираком, Египтом, который погряз в долгах Соединенным Штатам. Они подбросили мысль, что готовы, мол, к прямым контактам с ООП. Дело здесь не в ООП, а в том, что через такой контакт они хотят еще больше разобщить арабов и похоронить мирный процесс. За последнее время был создан неплохой потенциал в пользу мирного урегулирования. На этой позиции стоят Франция, Англия, Италия. США же противятся. Видимо, там израильяне заправляют делами.

Асад. Это верно.

Горбачев. Такой подход проглядывает вообще в политике нынешней администрации в отношении региональных конфликтов. С Рейганом и Шульцем мы пришли к общему пониманию, что на силовых путях региональные конфликты не решить. Это — очень важный момент. После этого стало возможным говорить о политическом урегулировании и на Ближнем Востоке. <...>

Каков Ваш прогноз по Ливану? Ситуация развивается очень динамично.

Асад. Если бы американцы хотели решения ливанской проблемы, она была бы решена так же, как был бы урегулирован ближневосточный конфликт в целом.

Горбачев. Почерк тот же. <...>

Что Вы думаете о короле Марокко? Он постоянно шлет мне приветы. Приезжал к нам марокканский министр внутренних дел, передал послание.

Асад. Король — один из самых близких Америке арабских руководителей и не переменит свои убеждения.

Горбачев. Мы таких иллюзий и не питаем.

Асад. Один из арабских деятелей говорил мне, что король не любит ни меня, ни Сирию, но вынужден с нами считаться. Его связи с американцами очень прочны.

Горбачев. Каддафи хотел взять его в свои объятия.

Асад. Это — дипломатия. Каддафи не верит Хасану II.

Горбачев. Просматривается ниточка Израиль–Вашингтон–Ливан. Американцы хотят сохранить ситуацию в ее нынешнем состоянии. Нам подбрасывают мысль о том, что Дамаск, мол, стремится к созданию «Великой Сирии» точно так же, как Израиль хочет создать «Великий Израиль». Делается это для того, чтобы посеять сомнения в позиции Дамаска, поссорить нас с вами.

Асад. <...> Шамир сделал недавно заявление о том, что эмиграция советских евреев это — великий исход, требующий создания Великого Израиля.

Горбачев. Наши друзья в арабском мире должны понимать проблему выезда советских евреев, чтобы не вешать на нас обвинения в том, что мы действуем здесь вкупе с США или играем роль марионетки в их руках. Это не так. Перестройка выплеснула на поверхность много разных проблем экономического и политического характера. Вопросы выезда и въезда являются

отражением наших внутренних процессов. Спекуляции в США и Израиле на эту тему направлены на то, чтобы поссорить Советский Союз с арабами. Возникновение этой проблемы связано с нашими внутренними процессами. <...>

Скажите нашим друзьям в арабском мире, что мы не меняем своего отношения к арабам. Иначе давно восстановили бы дипломатические отношения с Израилем. Израиль настойчиво добивается этого, предлагает нам займы. Мы отвечаем, что отношения могут быть восстановлены, но только с началом реального мирного процесса на Ближнем Востоке. <...>

Оставим поднятые Вами вопросы для обдумывания.

В заключение еще одна тема. Я знаком с Вашими просьбами о модернизации сирийской армии. Надо, чтобы два министра обороны «погоняли» эти вопросы, все подсчитали в контексте региональной ситуации. А потом Язов доложит Президентскому совету и Политбюро.

Асад. Хочу подтвердить то, о чем мы ранее с Вами уже говорили. Я вовсе не стремлюсь «напичкать» Сирию всевозможным оружием. Вооружения нам необходимы не для нападения на кого-либо, а для обороны. Я уверен, что мы не должны допускать большого разрыва в уровне боевой мощи между Израилем и Сирией. Сейчас этот разрыв увеличивается. <...>

Несмотря на экономические сложности, мы стараемся в максимальной степени выполнять свои финансовые обязательства по платежам. <...> Наши долги, тем более просроченные, не так уж велики. И я уверен, что мы сможем их полностью выплатить. Уже в прошлом году нами было выплачено Советскому Союзу в общей сложности около 1 миллиарда долларов. Сказанное мною отнюдь не умаляет значение советской помощи для нас. От нее очень многое зависит.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из беседы с Президентом Египта Хосни Мубараком 15 мая 1990 года

Горбачев. Приветствую Вас в Москве. Хочу Вам сказать: Ваш визит мы рассматриваем как масштабное событие и для наших двух стран, и для арабского мира, и в контексте мировых процессов.

Собеседники по-дружески, обстоятельно и откровенно изложили друг другу содержание и оценки внутренних проблем своих стран.

Далее – в составе делегаций.

Горбачев (в продолжение беседы). Я по-дружески «перегрузил» Президента вопросами о жизни современного Египта и хотел бы поблагодарить его за обстоятельное освещение своих проблем.

Выясняется, что мы придерживаемся совпадающих взглядов по очень многим проблемам. Это создает солидную базу для дальнейшего укрепления наших отношений.

Мы поговорили о многом – и о двусторонних связях, и о положении в арабском мире, и о современной международной обстановке.

Мухаммед Хосни Мубарак (Muhammed Hosni Mubarak) — четвертый президент Египта, находится у власти более 28 лет — с 14 октября 1981 года. Назначен президентом после убийства президента Анвара Садата на военном параде; до этого был вице-президентом.

Родился в 1928 году в семье чиновника среднего уровня. После средней школы поступил на военную службу. Окончил военную академию в Каире, затем академию ВВС, где получил степень бакалавра авиационных наук, служил в ВВС Египта. В 1959–1960 годах учился военному делу в СССР, потом занимал командные должности в египетской бомбардировочной авиации. В 1965 году окончил адъюнктуру в Военной Академии имени Фрунзе в СССР, вновь служил в войсках, командовал авиационной бригадой, был начальником авиабазы в Каире.

Участвовал в арабо-израильской войне 1967 года, когда авиация Египта была почти полностью уничтожена. С 1967 года Мубарак — начальник Академии Воздушных сил, в 1972 году стал командующим Военно-воздушными силами Египта и заместителем министра обороны. В октябре 1973 года руководил боевыми действиями египетских ВВС в ходе «войны Судного дня», где победу вновь одержал Израиль. Но действия египетской авиации были признаны успешными и принесли Мубарaku славу национального героя. В 1974 году ему присвоено звание главного маршала авиации.

В апреле 1975 года президент Египта Анвар Садат назначил Мубаракa вице-президентом.

За годы своего президентства Мубарак стал одним из крупнейших государственных деятелей арабского Востока. Сумел восстановить позиции Египта на международной арене. Дважды (в 1989 и 1993) избирался председателем Организации Африканского Единства. При нем были восстановлены дипломатические отношения со всеми арабскими государствами.

В 1991 году он поддержал США в операции «Буря в пустыне» и направил значительный египетский воинский контингент в состав войск коалиции против агрессии Саддама Хусейна.

Словом, этот визит станет новой точкой отсчета в советско-египетских отношениях.

Мубарак. И в ходе нашей вчерашней встречи, и сегодня мы говорили совершенно откровенно о двусторонних отношениях, положении в наших странах, обстановке в арабском мире. Затронули мы и ближневосточную тематику в ее различных аспектах. <...>

Египтяне, арабы в целом, и африканцы желают всяческих успехов советскому руководству на этом нелегком пути. При этом они движимы искренней заинтересованностью, чтобы СССР и впредь прочно удерживал положение великой мировой державы.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Война в Персидском заливе (2 августа 1990 года – 25 февраля 1991 года)

2 августа танковые колонны иракского диктатора Саддама Хусейна перешли границу соседнего арабского государства Кувейта. Для оккупации страны была задействована 500-тысячная армия. Король и правительство Кувейта успели укрыться в Саудовской Аравии.

Совет Безопасности ООН в тот же день принял резолюцию № 600, потребовав от Хусейна прекратить агрессию и убрать войска из Кувейта. Требование было проигнорировано. Впоследствии СБ ООН принял еще 11 резолюций по различным аспектам этой сразу ставшей международной проблемы. Безрезультатно. Сразу же включились руководители двух сверхдержав — Дж. Буш и М.С. Горбачев, каждый со своей стороны и, опираясь на ООН, они пытались урезонить Хусейна. Но не помог и визит Генерального секретаря ООН в Багдад.

В антииракскую коалицию вошли 28 стран, включая Англию, Францию, Египет, Сирию, Саудовскую Аравию, все малые арабские государства Персидского залива, Турцию и другие. Политическое давление, экономические санкции, дипломатические ходы — не помогали. 29 ноября СБ ООН в одной из резолюций разрешил применить любые средства, включая военные.

Объединенные вооруженные силы ООН поручено было возглавить американскому генералу Шварцкопфу.

СБ ООН поставил ультиматум Хусейну — к 15 января вывести все войска из Кувейта. Хусейн частично принял требования ультиматума, но уклонился от главного и отверг поставленный срок вывода. Срок истек. И 17 января начались массированные бомбардировки военных и других объектов в Ираке и на оккупированной территории, был нанесен ракетный удар по Багдаду и другим городам. Мощная непрерывная бомбежка и обстрелы продолжались трое суток. Был разрушен атомный центр, многие военные объекты и правительственные здания, мосты через Тигр и Евфрат. В результате иракские войска в Кувейте оказались отрезаны.

Хусейн продолжал упорствовать, несмотря на огромные жертвы также и среди гражданского населения. Он нанес 130 ракетных ударов по Саудовской Аравии и Израилю — рассчитывая спровоцировать Израиль на вступление в войну и таким образом отпугнуть арабских участников коалиции. Но американцам удалось отговорить израильтян, хотя те готовы были нанести ответные удары. В конце января иракцы стали взрывать и поджигать нефтяные скважины и нефтехранилища в Кувейте.

Американский генштаб заблаговременно разработал план операции, которая была названа «Буря в пустыне». Вооруженная коалиция располагала: около 600 тысяч личного состава, 2 тысяч самолетов, 4 тысяч танков, около 4 тысяч артиллерийских систем, 600 боевых кораблей 6-го и 7-го флотов США (в том числе 6 авианосцев и 2 линкора, 3 подводные лодки). У Хусейна было 900 тысяч пехоты,

5,5 тысяч танков, 7,5 тысяч орудий и минометов, более 700 самолетов, а также 500 ракет «земля — земля» радиусом от 400 до 1200 километров (советского производства).

Несмотря на усилия Горбачева предотвратить сухопутную войну, 24 февраля началась наземная операция. Основная часть войск вторжения — американцы, затем англичане, французы, саудовцы, египтяне. Деморализованные бесконечными атаками с воздуха, ракетными и артиллерийскими обстрелами (в том числе из 450 миллиметровых пушек с линкоров), иракские войска оказывали слабое сопротивление, капитулировали целыми полками и дивизиями, тем более что в результате прорыва бронетанковых частей союзников из Саудовской Аравии в северо-восточном направлении иракские войска оказались в котле окружения.

Сопротивление оказалось совершенно беспомощным, на 2,5 тысячи боевых вылетов иракская авиация смогла ответить только сотней. Остатки иракской авиации были уничтожены на аэродромах, а летчики сбежали в Иран, где были интернированы.

27 февраля Кувейт был полностью освобожден. Хусейн капитулировал 3 марта. Генерал Шварцкопф намеревался двинуться на Багдад. Захватить столицу ему удалось бы без больших потерь. Но Буш остановил его и даже уволил в отставку, за что потом президенту США здорово досталось у себя дома.

Потери: американцы потеряли 4 танка и 25 БМП и БТР, 286 человек убитыми, 458 ранеными (из них 148 — попали под огонь собственной артиллерии). Самая большая одновременная потеря произошла, когда не сработала противоракета «Пэтриот» и иракская ракета ударила по казарме в тылу, убив сразу 29 американцев и ранив 100. Это произошло в последний день войны — 25 февраля.

Ирак потерял более 100 тысяч солдат и офицеров и тысячи — из гражданского населения.

В общем, это был первый опыт «бесконтактной, высокотехнической современной войны», когда «живое» соприкосновение с противником было сведено к минимуму.

О первом испытании политики «нового мышления» в ходе этой войны читатель узнает из дальнейшего текста.

Горбачев направил личное послание Хусейну. Охарактеризовал возникшую в зоне Персидского залива ситуацию как чрезвычайную и особо опасную. В послании выражена принципиальная позиция Советского Союза, согласно которой иракское правительство должно безотлагательно встать на путь выполнения требований резолюций Совета Безопасности ООН, иначе он вынужден будет принять дополнительные жесткие меры. (См.: «Правда», 25 августа 1990.)²⁹

*Из беседы с Президентом Турции Тургуттом Озалом
Москва, 25 августа 1990 года.*

Горбачев. Я хотел бы выразить удовлетворение тем, что со стороны нашего соседа — правительства Турции имеется политический интерес к развитию экономических связей. Я хотел бы также с удовлетворением отметить ответственную и мудрую позицию правительства соседней нам Турции в связи с некоторыми бурными событиями у нас в Закавказье.

Думаю, что мы располагаем благоприятными возможностями для того, чтобы в духе, характеризующем развитие наших отношений в последние годы, мы могли бы с оптимизмом смотреть на их дальнейшее развитие. <...>

Озал. Хотел бы предложить на Ваше рассмотрение одну идею. Речь идет о создании зоны экономического сотрудничества в районе Черного моря. Думается, что эта идея представит интерес как для некоторых ваших республик, так и для таких стран, как Болгария, Румыния и, разумеется, Турция. <...>

Горбачев. Я приветствую Вашу идею, так как она отвечает нашим интересам, равно как и интересам тех стран, о которых Вы говорили. Отвечает она также и нашим политическим и экономическим интересам.

В этой ситуации, в этом контексте я с тревогой воспринимаю то, что сейчас происходит в районе Персидского залива. Проводимая там опасная авантюристическая политика может иметь самые тяжелые последствия для всех нас.

Озал. К сожалению, занятая Ираком неправильная позиция привела к возникновению крупной проблемы для всего мира. Думаю, что на этот счет наше мнение не расходится с вашим. Турция со своей стороны выполняет принятые Советом Безопасности ООН решения, особенно в том, что касается санкций. В результате мы несем большие потери, но делаем это в надежде на то, что все же будет найдено мудрое решение этой проблемы. В этой связи у меня есть одно предложение.

Горбачев. Думаю, что выдвигаемые ими аргументы в оправдание своих действий ни для кого неприемлемы, например, что Кувейт, дескать, является их исторической землей. Этому нет никакого подтверждения, и этот тезис должен быть отвергнут. Поэтому все требования, содержащиеся в первых резолюциях Совета Безопасности, должны быть претворены в жизнь, и прежде всего восстановление независимости и суверенитета Кувейта.

Что касается наших рекомендаций и взглядов, которые мы регулярно передаем американцам, — а мы звоним друг другу, обмениваемся посланиями, — то мы придерживаемся такой позиции: подтверждаем все принципиальные требования, предъявляемые к режиму Ирака, и советуем в то же время нашим американским партнерам не поддаваться на какие бы то ни было провокации и не вовлекаться в те или иные военные действия, которые могут привести к тяжелым последствиям. Я полагаю, это — верная формула. <...>

Озал. Я надеюсь, господин Президент Горбачев, что в этот критический час все же можно решить эту проблему без военного конфликта. Турция со своей стороны делает все, для того чтобы в полном объеме осуществлять эмбарго и не допустить возникновения войны...

Горбачев. Думаю, что действительно надо продолжать анализ и поиски путей, ведущих к мирному урегулированию этого острейшего кризиса, так как любой иной путь — и мы в этом убеждены — безусловно, чреват такими последствиями, которые сейчас трудно предсказать.

Я доволен, господин Президент, что у нас с Вами имеется взаимопонимание относительно необходимости поиска путей решения этой проблемы. Еще раз приветствую Вашу инициативу.

*Из беседы с заместителем премьер-министра,
министром иностранных дел Египта А.И. Абдель Магидом
Москва, 27 августа 1990 года*

Горбачев. Время ставит задачи, которые требуют динамичных действий. Теперь мы не заочно, а лично знакомы с президентом Мубараком. И могу сказать, что наши отношения выглядят достойно. <...>

В связи с событиями в Персидском заливе я говорю своим западным партнерам, что наш диалог вышел на такой уровень, который позволяет взаимодействовать в этой опасной ситуации. Если бы эти события застали нас лет 7–10 назад, нам было бы очень трудно находить решения. Хотя и сейчас не просто действовать. <...>

Включение арабского фактора необходимо по двум причинам. Сам характер конфликта, в который вовлечены два государства, принадлежащие к арабскому миру, требует, чтобы арабы консолидировались и внесли свой вклад в урегулирование. <...>

Вы, видимо, обратили внимание, что в этой ситуации отодвинулось на задний план решение ближневосточной проблемы, палестинского вопроса. И если мы не развяжем кувейтский узел и произойдет перегруппировка сил в регионе, то упручат свои позиции американцы. Это осложнит налаживание мирного процесса на Ближнем Востоке. То, что произошло между Ираком и Кувейтом, лишний раз подтверждает актуальность проблемы ближневосточного урегулирования. Ее надо решать. Уместно поднять вопрос о необходимости созыва международной мирной конференции по Ближнему Востоку. <...>

Надо выручать Арафата, а он должен больше консультироваться с арабами.

Абдель Магид. Мы так же, как и советское руководство, убеждены в необходимости и в нынешних условиях продвигаться к созыву международной конференции по Ближнему Востоку. Для нас это главный вопрос, и мы будем делать все возможное, чтобы его решить.

Горбачев. Чтобы не допустить крупного взрыва, необходимо, чтобы в полной мере заработали принятые по этому вопросу резолюции. Они должны строго выполняться. И Ирак должен сделать правильные выводы из той солидарности, которую международное сообщество выразило в этих резолюциях, не усугублять положения, а искать со своей стороны выход из тупика.

Абдель Магид. Президент Мубарак был крайне встревожен и огорчен нападением на Кувейт, поскольку именно ему в конце июля Саддам Хусейн обещал в Багдаде, что не применит силу в отношении Кувейта. Эти слова Мубарак передал эмиру Кувейта, а затем королю Саудовской Аравии. Теперь же выяснилось, что в то время у иракцев уже был разработан план захвата Кувейта.

Горбачев. Это вероломно и просто непорядочно. Но политика есть политика. Надо оставить в стороне эмоции и искать рациональное решение проблемы.

*Из беседы с заместителем премьер-министра,
министром иностранных дел Ирака Тариком Азизом
Москва, 5 сентября 1990 года*

Горбачев. Мы видим цель этой беседы в том, чтобы узнать, появились ли какие-либо новые встречные соображения иракского руководства, которые облегчили бы поиск политического урегулирования опасной кризисной ситуации в Персидском заливе. И мы хотели, чтобы Вы приехали накануне моих встреч с Бушем в Хельсинки*. <...>

Мы меньше всего хотели бы потерять все то, что создано в наших двусторонних отношениях за годы сотрудничества. Именно поэтому даже в такой острой ситуации мы выступаем за диалог, за то, чтобы Ирак участвовал в поисках урегулирования.

Что Вы мне скажете? Как ваш друг, советую перейти как можно быстрее к поиску политических путей выхода из кризиса. Ибо на международной арене все громче раздаются голоса, призывающие применить к Ираку «жесткие меры». Ясно, что под этим подразумевается. Это вас устраивает? Не могу поверить, что иракское руководство согласится бросить свой народ на произвол такой жестокой судьбы. <...>

Мы будем настойчиво, в том числе и в Хельсинки, выступать против военного варианта решения, убеждать Буша в его опасности и бесперспективности. Однако, говоря откровенно, для этого нужны конструктивные, реалистичные шаги с вашей стороны.

Азиз. Американцы заблуждаются, когда ведут разговоры о возможности проведения так называемой «хирургической операции» против Ирака. Если они решатся на что-либо подобное, то в результате получат долгий и весьма горький для них конфликт, который может все перевернуть с ног на голову в этом районе земного шара. Мы со своей стороны как революционеры, естественно, не боимся такого исхода и готовы на жертвы. <...>

Горбачев. Мы долгие годы настойчиво ищем ключ к решению важнейших проблем Ближнего Востока, прежде всего палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта в целом, сложных переплетений ливанского кризиса. Однако выход до сих пор не найден. Теперь же после содеянного Ираком задача многократно усложнилась. Найти решение проблем региона стало еще труднее. <...>

То, что Кувейт был оккупирован, а затем вообще объявлен 19-й провинцией Ирака, дает дополнительный повод для закрепления американского военного присутствия на земле арабов, для втягивания в это партнеров США.

Используют США и тот факт, что Ирак дал обещание президенту Мубараку не совершать военных действий в отношении Кувейта, но нарушил это обещание, обманул египтян. Американцы теперь говорят, что Ираку нельзя верить.

* Встреча М.С. Горбачева с Дж. Бушем в финской столице (специально по вопросу о кризисе в Персидском заливе) состоялась 9 сентября. См. ниже.

Азиз. Все в Ираке считали и считают Кувейт составной частью иракской территории и от этого факта никуда не уйти. Можно спросить, как быть с международным правом и законностью, ведь Кувейт был членом ООН. <...> Однако это обстоятельство ни в коем случае не отменяет для нас исторической реальности, о которой я говорил.

Горбачев. Нереально, чтобы после всего происшедшего, после принятия пяти резолюций Совета Безопасности, направления крупного воинского контингента США в зону Персидского залива вести речь о переговорах, не проявляя готовности вывести иракские войска из Кувейта. <...> Когда же вы утверждаете, что Кувейт — это часть иракской территории, то исчезает сам предмет переговоров. О чем в этом случае можно говорить?

А если вы все увязываете — и палестинскую проблему и освобождение арабских земель, и Ливан, то эта позиция так сконструирована, что ее не переварить никому. И тогда США надолго остаются на арабской земле, а кольцо блокады вокруг Ирака будет сжиматься, вы попадете в тяжелую ситуацию.

Азиз. Мы уверены, что нынешняя конфронтация Ирака с США в конечном итоге принесет нам успех. Мы, разумеется, не рассчитываем, что Советский Союз безоглядно встанет на нашу сторону. <...>

Горбачев. Возможно, вы получаете наставления от Всевышнего, но хотел бы все же дать совет, а вам решать — воспользоваться им или нет. Нам кажется, что нельзя отказываться от поиска политического решения на реалистичной конструктивной основе. Пока вы, чувствуется, для этого не созрели. Но следовало бы учитывать, что в дальнейшем ситуация будет ухудшаться.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Джорджем Бушем
Хельсинки, 9 сентября 1990 года**

Присутствовали: Брент Скоукрофт (помощник президента США) и А. Черняев.

Буш. Рад видеть Вас.

Горбачев. Рад приветствовать Вас. Рад, что мы встретились...

Буш. Хорошо, что в Кэмп-Дэвиде мы договорились при необходимости встречаться, как мы это делаем сейчас. Тот факт, что мы договорились о проведении этой встречи, положительно воспринят во всем мире.

Горбачев. <...> В такие моменты, как нынешний, необходимы личные встречи.

Буш. Согласен. Конечно, среди вопросов, которые мы должны обсудить, главное место занимает ситуация в Персидском заливе... Хорошо, что Советский Союз и Соединенные Штаты продемонстрировали всему миру, что сейчас, во время кризиса в Персидском заливе, они вместе, они рядом. <...>

* Встреча состоялась по предложению президента США специально для выработки общей линии в отношении агрессии С. Хусейна.

Хорошо, тогда сразу к делу.

Вплоть до настоящего времени у нас с вами получается хорошее сотрудничество по данному вопросу. Мы понимаем, что сначала для Советского Союза и для Вас лично нелегко было занять такую позицию, так как у вас с Ираком имеются давно сложившиеся взаимоотношения. Если посмотреть на ситуацию в более широком плане, то я вижу реальную возможность возникновения **нового мирового порядка**. Именно так — из этого кризиса, из этой трагедии вырисовываются и новые возможности.

Но в основе этого нового мирового порядка должен лежать вполне определенный принцип. Нельзя допустить, чтобы Саддам Хусейн извлек выгоду из своей агрессии. Я не уверен, что он осознал, что мы, Соединенные Штаты, полны решимости добиться этого. Из ряда источников мне известно, что он сомневается в моей решимости. Надеюсь, что вы постараетесь разубедить его в этом. Мы не смирились с неудачей в наших усилиях, направленных на достижение целей, поставленных Организацией Объединенных Наций. Мы выработали стратегию, нацеленную на это, и я считаю, что у этой стратегии хорошие шансы на успех.

В качестве средства достижения этой цели — добиться ухода Ирака из Кувейта и восстановления кувейтского руководства — мы предпочитаем санкции. Я не хотел бы, чтобы произошла эскалация конфликта. Я не хочу применения военной силы. Я знаю, что Вы согласны с таким подходом. Однако Саддам Хусейн должен понимать, что, если он не уйдет из Кувейта, мы готовы прибегнуть к силе. Сохранение статус-кво неприемлемо. Между тем сейчас Саддам Хусейн фактически осуществляет демонтаж Кувейта.

Что касается отношения ко всему этому у нас в Америке, то американский народ, конгресс США поддержат меня. Особое возмущение вызывают действия Саддама Хусейна в отношении ни в чем не повинных гражданских лиц, в числе которых, возможно, и советские граждане. Если у вас будет контакт с ним, то я прошу вас довести до его сведения следующее: использование ни в чем не повинных людей в качестве «щита» не заставит меня ни на йоту изменить нашу политику. Я считаю, что такие действия могли бы стать основанием для проведения судебного процесса типа Нюрнбергского. <...>

В итоге нынешнего обсуждения вы сможете сказать Саддаму Хусейну, что если страны, имеющие войска в регионе (а таких сейчас уже 23), вынуждены будут прибегнуть к силе для ликвидации последствий агрессии Ирака, то вы (СССР) поддержите такие усилия. Возможно, Вам будет трудно занять такую позицию, однако я приветствовал бы, если бы Вы сочли это возможным. <...>

Второй момент, видимо, особенно важен для вас. Мы не стремимся к тому, чтобы американские войска оставались в Заливе на постоянной основе. За американским присутствием в Заливе не стоит подобных намерений. Если Саддам Хусейн останется у власти, то любые механизмы, выработанные для того, чтобы гарантировать от повторения агрессии и от возможного применения ядерного оружия, будут не американскими, а международными. У нас, повторяю, нет планов в прямой или косвенной форме сохранять американ-

ские войска в районе Залива. Скажу Вам откровенно: американцы не поддержали бы таких планов. <...>

А теперь, чтобы выложить все мои карты на стол, хочу сказать следующее. На протяжении многих лет, в годы «холодной войны», политика США заключалась в том, что Советский Союз не должен играть какой-либо роли на Ближнем Востоке. <...> Хочу заверить Вас: прежняя концепция, прежний подход США к участию Советского Союза в ближневосточных делах сейчас изменились. Тот новый порядок, который, как я надеюсь, можно будет создать после всех этих перипетий, предполагает, что Соединенные Штаты и Советский Союз будут прилагать более позитивные совместные усилия для урегулирования не только этой проблемы, но и остальных проблем Ближнего Востока.

И наконец, последнее. Чем ближе окажутся наши позиции к концу сегодняшнего дня, тем более благоприятными будут перспективы нового мирового порядка, развития советско-американских отношений и, разумеется, прежде всего, скорейшего урегулирования данного кризиса, ликвидации последствий агрессии Саддама Хусейна. Господин Президент, я обращаюсь к Вам как к уважаемому другу, как к равному, как к важному партнеру и участнику событий, роль которого весьма важна. Давайте смотреть в будущее, понимая, что речь идет не только об этой проблеме, но об очень больших вещах. Какие бы небольшие разночтения ни имелись в наших подходах, — а надо сказать, что благодаря усилиям советской стороны в рамках Организации Объединенных Наций эти различия значительно сузились, — очень важно, чтобы на предстоящей пресс-конференции мы выступили вместе, с единых позиций. Во вторник я буду обращаться по телевидению к американскому народу. Я хочу, чтобы тон моего заявления был позитивным, оптимистическим. Я хочу сказать, что мы перевернули страницу «**холодной войны**», **покончили с ней раз и навсегда**, как это изображено на карикатуре, которую Вы мне подарили.

Горбачев. Эта карикатура мне кажется очень удачной. Ее автор — наш старейший карикатурист Абрамов.

Буш. Она займет место в Кэмп-Дэвиде вместе с картой, которую Вы мне когда-то подарили, часами и другими сувенирами.

Горбачев. Господин Президент, я очень ценю доверительность и масштабность тех суждений, которыми Вы поделились со мной сейчас. Мы переживаем сейчас тяжелый кризис. Это тяжелое испытание для тех позитивных достижений, которых мы добились в последнее время в развитии международных отношений, в изменении характера отношений между СССР и США, в придании им прочности и устойчивости. Я, конечно, не забываю, что означает кризис в Персидском заливе сам по себе, каковы его масштабы и связанные с ним опасности. Но думаю, здесь есть нечто большее. Если мы не сможем справиться с этим конфликтом, то потеряно будет очень многое.

Вопрос стоит так: можем ли мы действовать на новом этапе мировой политики, в который мы вступили после окончания «холодной войны», а главное — как мы будем действовать? Это серьезный вопрос, о котором надо много думать. Фактически мы стоим перед глобальным выбором. Вы говорите о но-

вом порядке. Действительно, мы должны жить по-новому, по-новому строить отношения. Цена очень велика. Как я говорил, если бы не было Мальты, если бы не было нового уровня отношений и между нами, то процессы, которые развернулись в Восточной Европе и в связи с объединением Германии, создали бы ситуацию похлеще кризиса в Персидском заливе.

Буш. Совершенно верно.

Горбачев. Учитывая уровень военного противостояния, имеющийся в Европе, могла бы завариться такая каша, которую мы, пожалуй, не расхлебали бы. И вот сейчас мы стоим перед не менее сложным испытанием. <...>

В нынешней ситуации в Персидском заливе в более сложном положении оказались Соединенные Штаты (*чем СССР при объединении Германии*). Я все это хорошо понимаю, может быть, лучше, чем даже кое-кто в США. <...>

В этих сложных условиях самое главное сохранить ту новую систему отношений, сотрудничество между нашими странами, которые у нас сложились. Мы видим трудность Вашего положения как Президента, откровенно говоря, чувствуем свою сопричастность с тем, что Вы делаете, и переживаем за Вас. Очень важно, что мы отказались от прежнего подхода, предполагавшего, что чем хуже для США, тем лучше для Советского Союза и, наоборот, чем хуже для Советского Союза, тем лучше США.

Буш. Согласен.

Горбачев. <...> Нужна такая ось, придающая устойчивость идущим процессам, как советско-американское сотрудничество. Нужно, чтобы и Советский Союз, и Соединенные Штаты были сильными, уверенными в себе государствами. У Вас не должно быть сомнения, что именно такова наша позиция, что она не изменилась.

Мы без колебаний осудили агрессию Ирака против Кувейта. Будем строго выполнять резолюции Совета Безопасности ООН. Должен сказать, правда, что на начальном этапе конфликта у нас возникли определенные трудности, когда Вы сначала приняли решение, а потом поставили нас в известность о нем.

Буш. О каком решении Вы говорите?

Горбачев. Я имею в виду решение о направлении американских войск в регион. Ведь мы узнали об этом уже когда эти силы пришли в движение.

Буш. <...> Я принимаю Ваши слова как конструктивную критику. Мне следовало бы позвонить Вам тогда. Хочу заверить, что мы не хотели действовать за Вашей спиной.

Горбачев. В целом, нам удалось действовать сообща, плечом к плечу. Мы смогли мобилизовать Совет Безопасности ООН, фактически все мировое сообщество. И это огромное достижение. В свете этого и присутствие США в регионе воспринимается по-иному.

Буш. Согласен.

Горбачев. Ясно, что мировое сообщество не может продвигаться к новому мирному периоду в своей истории без механизмов, призванных оградить этот мирный процесс, обезопасить его от подобных проблем, без механизма реагирования на подобные конфликты. В данной ситуации Вы взяли на себя главную миссию отпора иракской агрессии. И вот здесь я подхожу к цен-

тральному моменту моих рассуждений, за которыми последуют предложения о том, как действовать дальше. <...>

Для меня очень важно то, что Вы только что сказали. На мой взгляд, главное значение из сказанного Вами имеют **три момента**.

Во-первых, Вы, как и мы, как практически и весь мир, хотите, чтобы проблема Кувейта была решена. Во-вторых, Вы сделали важное заявление относительно присутствия США в регионе, сказали, что не стремитесь к его сохранению на постоянной основе. И в-третьих, Вы сказали, что предпочитаете невоенное решение этой проблемы.

Я понимаю, что сейчас все мы оказались как бы под давлением, и прежде всего Вы. От Вас требуют решительных действий. Действительно, решительность нужна. Но если под этим подразумевается применение военной силы, то это опасный путь. <...>

Если будут начаты военные действия, то это неизбежно приведет к большим потерям, к большим человеческим жертвам. А ведь в наших странах свежа память об Афганистане и Вьетнаме. Теперь это уже глубоко запало в сознание людей. И очень скоро начнут говорить, что Президент выбрал не лучший вариант действий, что он втянулся в военные действия, которые ведут к тысячам, десяткам тысяч жертв. Нет, надо искать другие пути. <...>

А каковы будут финансовые потери, если этот регион будет, по существу, разрушен? Тут уже речь пойдет не о миллиардах, а о триллионах долларов. И все мы окажемся чёт знает где. Еще один момент. Даже сейчас мы видим и должны это признать, что Хусейн пользуется определенной симпатией в арабском мире, значительной части арабских масс. Для них он герой, борец за арабское дело, человек, который не боится противостоять Соединенным Штатам. И если в этом регионе, где арабская нация располагает огромными богатствами, начнется большая война с огромными разрушениями, то арабский мир повернется против вас. Вас будут обвинять в том, что вы действуете неадекватно ситуации. И надо учитывать, что одно дело наша с вами психология, психология американцев, европейцев, и другое дело психология мусульман. Тут все темно. Для них мы все — варвары, неверные. И вы будете выглядеть как враги, как осквернители арабских святынь. И хочу по ходу дела заметить, что сейчас и мы, и вы хорошо понимаем, какие опасности несет в себе исламский фундаментализм. Это большая угроза, и мы должны сотрудничать в противодействии ей.

Буш. Позвольте на минуту прервать Вас. Мне кажется, Вы исходите из того, что на стороне Ирака было бы все арабское общественное мнение. И действительно, Саддам Хусейн пытается представить дело так, что это конфликт между мусульманами и сатаной. Но мне кажется, что ему это не удастся. Во-первых, более половины арабов проживает в Египте, а эта страна решительно выступила против иракской агрессии. Твердую позицию занимает и Лига арабских государств. Поэтому, как мне представляется, Саддаму не удалось представить свою агрессию как конфликт между арабами и Западом, как борьбу с неверными.

Горбачев. Господин Президент, дело обстоит не совсем так... Могут прийти в движение большие силы, которые сейчас находятся, так сказать, внизу. <...>

И вот еще что важно. Может нарушиться единство в Совете Безопасности. Например, почти наверняка можно предположить, что изменится позиция Китая, а это страна, имеющая право вето. Думаю, и в американском обществе все это будет переживаться очень тяжело.

Поэтому надо искать другой путь.

Конечно, ясно, что просто так Саддам Хусейн из Кувейта не уйдет. <...>

У нас много сильных экспертов по арабскому миру и, в частности, по Ираку. Мы обсуждали с ними положение. Они провели подробный ситуационный анализ. И пришли к совершенно определенному выводу. Единственная ситуация, при которой было бы приемлемым применение силы против Ирака, это если он совершит нападение на Саудовскую Аравию или Иорданию. При всех других ситуациях применение силы должно быть исключено.

Буш. Ну а если, скажем, он ударит двумя ракетами «Скад» по Израилю?

Горбачев. Это уже была бы другая ситуация. Я, однако, не думаю, что он сейчас на это пойдет...

Надо искать такой вариант, который позволит Саддаму хотя бы частично спасти лицо. Такова реальность. Она неприятна в нравственном отношении.

Что если предпринять определенный комплекс взаимосвязанных шагов, сумму мер? В частности:

— Если Ирак объявит, что он освобождает задерживаемых иностранных граждан и выводит свои войска из Кувейта, Соединенные Штаты и другие страны делают в Совете Безопасности ООН заявление о том, что они не нападут на Ирак и не нанесут удара по Ираку;

— Далее. Если будут сделаны эти два заявления и начнется вывод иракских войск и замена их межарабскими силами, состав которых подлежал бы согласованию, под флагом и контролем ООН, то Соединенные Штаты начали бы сокращать свое военное присутствие в Саудовской Аравии сначала, возможно, лишь в символических масштабах. Как и в Кувейте, в Саудовской Аравии выводимые войска заменялись бы межарабскими силами под эгидой ООН.

После этого Совет Безопасности ООН принял бы решение о приостановке действия своей резолюции об эмбарго против Ирака. По завершении вывода иракских войск соответствующие резолюции были бы отменены. <...>

Надо считаться с тем, что проблема оккупации Израилем палестинских земель воспринимается очень остро. <...>

Международная конференция с участием членов Совета Безопасности и арабских государств могла бы обсудить проблему восстановления независимости Кувейта, а также другие проблемы региона, в том числе палестинскую и ливанскую проблемы. Начать же следовало бы с проблемы независимости Кувейта. На этой конференции можно было бы обсудить и вопрос о создании системы безопасности, которая была бы гарантирована Советским Союзом и Соединенными Штатами, пятью постоянными членами Совета Безопасности. <...>

Этот план представляется приемлемым для многих арабов. Конечно, Саддам Хусейн может отвергнуть идею вывода войск, но поскольку сюда за-

вязывается и обсуждение проблемы Палестины, арабских земель, то общественное мнение уже на него возлагало бы вину за продолжение израильской оккупации, за то, что упущен шанс решить этот вопрос. Он показал бы палестинцам, всем арабам, что он лишь спекулирует на этой проблеме. <...>

В то же время мы считаем возможным ужесточение экономического эмбарго. Сейчас Саддаму Хусейну удается эксплуатировать тезис о том, что, дескать, Советский Союз и Соединенные Штаты вместе ополчились против него, морят голодом иракский народ, что это чуть ли не геноцид против Ирака, против арабов. Этот аргумент оказывает определенное воздействие на арабские массы. Это тоже необходимо учитывать.

И еще один важный момент плана, о котором мы думаем. Нынешнее правительство Кувейта, то есть правительство в изгнании, и правительство Саддама Хусейна должны были бы сесть за стол переговоров, чтобы обсудить будущие отношения между двумя странами, финансовые проблемы, которые обсуждались между двумя странами. Затем можно было бы предусмотреть выборы или референдум или какой-то иной вариант. <...>

Мы с вами будем выглядеть уже в другом свете, действительно как сторонники политического решения. Да, мы проявили решимость и солидарность в осуждении агрессии, но в то же время мы даем шанс. Мы сбиваем Саддама Хусейна с нынешней позиции, из которой он извлекает определенные дивиденды.

Вот мои соображения, господин Президент. <...>

Мы сокращаем число наших людей в Ираке. Кстати, на свертывании отношений с этой страной мы теряем 1 миллиард 200 миллионов долларов. Однако идем на это, потому что если бы мы поступили иначе, то были бы совсем другие потери. В заключение хочу сказать, что мы используем нашу роль и наше положение, исходя из принципиальных позиций. Мы совместно выступили за соответствующие резолюции ООН, считаем необходимым, чтобы ситуация была возвращена к исходному положению, хотя, конечно, в процессе урегулирования возможны и какие-то изменения. Но повторяю, принципиальная наша позиция не меняется — мы за урегулирование, мы за солидарный подход. <...>

Очень важно, чтобы результатом наших сегодняшних бесед была демонстрация сотрудничества между нашими странами, нашей совместной приверженности исправлению ситуации, восстановлению справедливости.

Но вот передо мной лежит текст вчерашнего выступления Саддама Хусейна, в котором он обращается к нам обоим. *(Цитирует.)*

Буш. Все это чушь собачья.

Горбачев. Но здесь — расчет.

Буш. Единственная правда в его заявлении — это, когда он говорит, что Буш не мусульманин, что он ест свинину. Все остальное вранье.

А теперь относительно плана. Я думаю, что он примет этот план, даже ухватится за него. Но большинством в мире это рассматривалось бы как наше колоссальное поражение. Ведь таким образом ему удалось бы сместить фокус ситуации. Ему удалось бы связать ее с израильско-палестинской проблемой, а именно этого он очень хочет. Эта проблема остается нерешенной

годами, и нельзя допустить, чтобы иракская агрессия оказалась увязанной с этой проблемой.

Я вполне допускаю, что ваши эксперты знают больше, чем наши, но в одном я бы не согласился с ними. Я не думаю, что Саддаму удалось стать символом борьбы арабов с неверными. Во-первых, агрессия подорвала его престиж, и это ясно многим в арабском мире. Во-вторых, ему не удалось привлечь на свою сторону Асада, Мубарака и вообще большинство членов Лиги арабских государств. Саддам хотел бы, чтобы мы поверили, что он выступает от имени всего мусульманского мира. Но арабы говорят мне, что это не так. Поэтому, что бы он ни говорил, я не считаю его таким уж великаном. Если бы был принят план, который в той или иной мере оставлял бы кувейтский вопрос открытым, то это было бы крупным поражением для Организации Объединенных Наций, ударом по новому мировому порядку. <...>

Горбачев. Нет, кувейтский вопрос был бы решен, были бы введены межарабские силы и, разумеется, даны международные гарантии с участием США, СССР, постоянных членов Совета Безопасности.

Буш. Это позитивно, я согласен с этим.

Горбачев. Восстанавливалась бы и нынешняя кувейтская династия, ведь именно с ней Ирак должен был вести переговоры по финансовым и экономическим вопросам, а уж дальнейшее — это дело кувейтского народа, который сам решал бы свои внутренние вопросы. <...>

Давайте обдумаем этот план, так сказать, погоняем варианты. Здесь учтены многие соображения, которые высказывались самими арабами, в частности странами Магриба и другими. В одном я твердо убежден. Было бы безумием, если он сам не пойдет на какие-то новые военные шаги, начинать военные действия против Ирака.

Далее собеседники продолжили обмен аргументами «за» и «против», потом Буш говорит:

Буш. Мне нравится идея показать миру, что мы готовы пройти свою часть пути, и даже больше, в направлении мирного урегулирования. Но при этом надо действовать очень осторожно, чтобы не подорвать коллективные усилия, предпринимаемые в рамках ООН. <...> Если возникнет впечатление, что из агрессии извлечена хоть какая-то выгода, что этот вопиющий акт привел хотя бы к частичному успеху, то тогда через два года или через пять лет нам придется вновь столкнуться с такой же проблемой.

Горбачев. Но если Саддам не получит вообще ничего и если он окажется загнанным в угол, то тогда можно ожидать очень тяжелой расплаты. Это человек, который может ударить так, что мы потеряем гораздо больше, чем если дадим ему какой-то просвет, какую-то отдушину. Поэтому нельзя ставить его на колени. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Буш. А как вы считаете, с Гитлером можно было бы достичь компромисса?

Горбачев. Я думаю, речь идет о несопоставимых явлениях, здесь нет аналогии.

Буш. Согласен, Саддам Хусейн не является явлением мирового масштаба, но они сопоставимы в плане личной жестокости.

Горбачев. Господин Президент, Джордж, я обращаюсь к Вам как к другу. Надо выбирать. Выбирать из имеющихся вариантов, и я понимаю, что ассортимент невелик и неприятен. Но думаю, что если Президент, который уже смог достичь главных стратегических целей США в этой ситуации, будет действовать на этой основе, чтобы избежать впутывания Америки в колоссальный конфликт, который может привести к разрушению структур, обеспечивающих поставки нефти для всего мира, то это будет рассматриваться как огромная победа, и я думаю, что все с этим согласятся. <...> Конечно, можно, как говорится, и шарахнуть. Но надо выбирать. Мы действительно имеем дело с параноиком, но именно поэтому надо дать ему и какой-то пряник. А в конечном счете, все выиграют, если будут преодолены последствия агрессии, восстановлено международное право, восстановлена справедливость.

Буш. Я согласен со всем, что Вы сказали. Мы отнюдь не стремимся к тому, чтобы получить лавры индивидуальных или коллективных победителей в борьбе с Саддамом Хусейном. Но для того чтобы в будущем в мире восторжествовал тот новый порядок, к которому мы оба стремимся, необходимо найти такой ответ, который даст гарантии против будущей агрессии. И как я понимаю, многие положения Вашего плана направлены именно на это. Единственная проблема состоит в том, что включение в этот план израильско-палестинской проблемы — это такой пряник, который может создать впечатление о том, что агрессия увенчалась успехом. Подобный результат вызвал бы у меня очень большую тревогу.

Горбачев. Но пряник не в этом. Пряник в том, что мы признаем его в качестве партнера. <...>

Но повторяю, включение израильско-палестинской проблемы — это не пряник для Саддама Хусейна. Если он отвергнет план, то он разоблачит себя в глазах арабов и не получит от них никакой поддержки. В то же время, включая этот вопрос, мы оказываем поддержку умеренным силам среди арабов, таким руководителям, как Мубарак.

Буш. Но сейчас уже практически есть конференция, которая занимается проблемой конфликта между Ираком и Кувейтом. Я имею в виду многосторонние усилия, которые предпринимаются в Совете Безопасности ООН.

Горбачев. И весь этот план тоже будет под эгидой ООН, он будет осуществляться в формате ООН с участием членов Совета Безопасности ООН, арабских стран. Если Саддам отвергнет этот план, то мы выиграем время, а он оказывается в изоляции, будет выглядеть маньяком, с которым мир не может иметь дело. И все же он не маньяк...

Буш. Я думаю, в любом случае надо стремиться прощупать его. У нас нет к нему доступа, и если бы, учитывая историю ваших отношений с Ираком, вы могли бы как-то прощупать его, то это было бы чрезвычайно конструктивно. Но если Вы поговорите с Мубарак, то он Вам скажет: Саддам уже не может уйти из Кувейта, слишком много поставлено на карту, слишком большие потери он уже понес.

Горбачев. То же самое говорит и Асад.

Буш. Если он уйдет из Кувейта, то он конченный человек.

Горбачев. Важно завязать на этом весь процесс.

Буш. Если у нас с вами и есть в чем-то разночтение, то оно состоит в следующем. Я не думаю, что нужны какие-то дополнительные доказательства того, что это неразумный человек. Ваша же аргументация по крайней мере отчасти строится на идее, что он должен еще раскрыть свои истинные намерения.

Горбачев. Надо разоблачить его блеф. Если же он все-таки примет этот план, то тогда начнется процесс, который в конечном счете выгоден всем.

Буш. Что ж, давайте подумаем об этом, обсудим это. Я хочу спросить моего помощника Брента Скоукрофта, не возникает ли у него каких-то вопросов и соображений в этой связи.

Скоукрофт. Нет, пока не возникает. Все же остается главный вопрос. Если он отклонит этот план, то можно ли неопределенно долго мирится с патовой ситуацией, с нынешним статус-кво?

Горбачев. Если он отвергнет этот план, то мы будем продолжать оказывать давление, наращивать изоляцию Ирака. Могут начаться внутренние процессы в этой стране, когда люди будут видеть, что выхода нет с этим человеком. И тогда иракский народ будет возлагать ответственность за все тяготы не на нас, а на него.

Буш. Кстати, уже сейчас растет беспокойство по поводу того, чтобы в результате принимаемых против Ирака мер не уморить голодом детей в этой стране. Вопрос об этом уже ставится.

Горбачев. Мы думаем, что в условиях эмбарго хлеб и лекарства должны направляться в Ирак. Вопрос в том, под чьей эгидой это будет делаться. Но я считаю, что Вы затронули очень важный момент.

Буш. Мы, разумеется, не хотим, чтобы дети умирали от голода. Но если будет признано, что гуманитарные соображения требуют делать исключения из санкций, то необходимо осуществлять поставки по линии Красного Полумесяца или по аналогичным каналам, с тем чтобы Саддам не смог кормить этим хлебом свои войска.

Горбачев. Совершенно верно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Продолжение встречи Горбачев-Буш в составе делегаций
Хельсинки, 9 сентября 1990 года*

Горбачев. Как мы построим эту беседу?

Буш. <...>У нас состоялось очень хорошее обсуждение. Я, в частности, со всей серьезностью отнесся к пожеланию Президента СССР, чтобы трудная ситуация в Персидском заливе была разрешена мирными средствами.

Крайне важно, что нам удалось согласовать позиции в этот ответственный момент. Я оцениваю подготовку **совместного заявления по иракской агрессии** как огромный успех нашей встречи, крупное достижение наших двух стран и всего мира. В этой связи предлагаю сейчас оконча-

тельно отредактировать проект заявления, а потом перейти к другим вопросам.

Горбачев. Согласен с оценкой, которую Президент дал нашему утреннему разговору: это было очень содержательное обсуждение. Могу констатировать, что мы с Президентом едины в том, как важно взаимодействовать в этот ответственный момент. Фактически кризис в Персидском заливе — это первое тяжелое испытание для наших отношений после «холодной войны». И очень важно, что мы оказались на высоте ответственности, сотрудничаем и сплотили мировое сообщество на принципиальных позициях противодействия агрессии. Это очень большое достижение. <...>

С Президентом мы сегодня говорили, что уже удалось достигнуть важных стратегических целей: мы осудили агрессию и содействовали объединению на этой платформе Совета Безопасности ООН и мирового сообщества в целом; мы преградили дорогу для новых безнаказанных акций Ирака; принято жесткое эмбарго, и оно уже начало работать; удалось — и может быть, это самое главное — сохранить важнейшие ресурсы для мировой экономики, предотвратить огромные людские потери. <...> Теперь на этой базе мы можем переходить к следующему этапу, добиваться новых конкретных подвижек и, прежде всего, восстановления независимости Кувейта и неукоснительного выполнения резолюции 660 Совета Безопасности ООН.

Далее состоялось редактирование совместного заявления.

Буш. Я очень доволен проделанной работой, верю, что это совместное заявление окажет сильное воздействие на ситуацию в Персидском заливе, на мировое общественное мнение.

Горбачев. Согласен. Важно и то, что помимо новых элементов, в этом документе усилены и уже имевшиеся области согласия*.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром финансов Израиля И. Модии
и министром энергетики, науки и технологий Ю. Неemanом
Москва, 14 сентября 1990 года*

Горбачев. В Хельсинки мы дискутировали с президентом Бушем относительно конфликта в Персидском заливе, а также обсуждали весь комплекс сложных проблем ближневосточного региона. Я предложил президенту Бушу провести широкую международную конференцию для обсуждения проблем Ближнего Востока, в том числе арабо-израильского вопроса и конфликта в Персидском заливе. Такая конференция положила бы начало процессу урегулирования на Ближнем Востоке, что позволило бы нам с вами восстановить дипломатические отношения еще до арабо-израильского урегулирования. <...>

* Совместное заявление было зачитано на совместной пресс-конференции Буша и Горбачева в зале дворца «Финляндия». Оба дали соответствующие оценки состоявшимся переговорам.

Наибольшее значение имеет... новое качество сотрудничества между СССР и США, сотрудничества в Европе и фактически во всем мире. <...>

Если бы аналогичный острый конфликт произошел пять-семь лет тому назад, то его последствия могли быть такими же, как в 1967 году или даже хуже. <...>

Модаи. <...> Позвольте выразить надежду, что сегодняшняя встреча является началом большого пути.

Израильский народ протягивает советскому народу руку дружбы, поскольку наши два народа связывает значительная общность традиций и культуры. Несмотря на «холодные периоды» в отношениях между двумя странами, израильский народ в глубине души испытывал и испытывает близость и симпатию к русскому народу. Во многих из нас течет кровь предков, живших в России. Скажем, мои дед и бабка родились и прожили свою жизнь под Киевом.

Горбачев. <...> Есть одна деталь, на которую наше внимание неоднократно обращали и обращают руководители арабских стран: если израильское правительство будет расселять переселенцев из СССР на занятых Израилем арабских землях, то арабские руководители обратятся к правительству СССР с призывом прекратить, задержать или остановить вообще выдачу разрешений советским гражданам на выезд на постоянное жительство в Израиль. Наверное, в этом что-то есть, и с этим приходится считаться, ведь политики живут и действуют не в вакууме. Мне кажется, что эта проблема должна быть урегулирована.

Модаи. Совершенно верно. Мы взяли на себя обязательство, что иммигранты из России будут расселяться в Израиле, а не на бывших спорных территориях.

С Вашего позволения, несколько слов по проблемам ближневосточного региона. Израиль находится в пределах досягаемости иракских ракет. Эти ракеты могут быть оснащены боеголовками с химическим, а может быть, и более мощным оружием. <...> Наша небольшая страна обеспокоена этой перспективой. Конечно, я должен добавить, что мы не испытываем страха, мы можем защитить себя, но кому нужна война даже и ради защиты?

Горбачев. Да, я думаю, надо этот конфликт развязать на политических подходах и дать надежные гарантии. Важно, чтобы этот человек (*Саддам Хусейн*) не впал в такое состояние, когда он перешел бы грань разумного. Для этого надо искать соответствующие развязки.

Он недавно выбросил лозунг: я уйду из Кувейта, а потом заявил: я защищаю интересы арабов против американского империализма, против Израиля и т.д. На уровне политиков такой трюк, конечно, не пройдет, но в массовом сознании Хусейн выглядит героем — мол, вырывает богатства из рук империалистических хищников и борется за Палестину. Эта демагогия, надо сказать, срабатывает. Об этом надо помнить. Мы говорили президенту Бушу, что надо действовать так, чтобы повернуть эти его козыри против него, разоблачить его. Мы договорились продолжать размышлять на эту тему.

Переходя к другой теме, Горбачев говорит: Несколько месяцев тому назад, как вам известно, мы обратились к «семерке» и ЕЭС с просьбой об оказании

нам финансовой поддержки на льготных условиях, с оплатой через пять-семь лет. <...>

Нам нужна не очень большая сумма — 15–20 миллиардов долларов. Наша внешняя задолженность сейчас очень невелика для такой гигантской страны — 36 миллиардов долларов. Достаточно сказать, что Венгрия должна 20 миллиардов, а долг Польши превышает 34 миллиарда.

Обстоятельства сложились неблагоприятные: как нарочно, цены на нефть упали, землетрясение в Армении, Чернобыль, Афганистан. Поэтому нам необходимы финансовые ресурсы.

Как видите, для финансирования пребывания войск в Саудовской Аравии деньги нашлись сразу, а нам получить сравнимую сумму оказывается труднее.

Мы хотели бы пригласить вас к участию в этих усилиях в надежде использовать ваш опыт. Я надеюсь, что ваш приезд положит начало сотрудничеству на новом этапе. Мы бы такое сотрудничество приветствовали.

Нееман. <...> Я уверен, что мы могли бы помочь Советскому Союзу, скажем, в области сельского хозяйства. В сельскохозяйственном обороте у нас очень много земли, но мы занимаем второе место в мире после США по производительности нашего сельского хозяйства.

Модаи. <...> Но что мы можем сделать? Дать первый импульс, который, образно говоря, запустит процесс. <...>

Второй важнейший момент. Наша экономика пользуется поддержкой и, будем прямо говорить, помощью со стороны евреев, проживающих вне Израиля. В этом отношении положение нашего народного хозяйства уникально. Поэтому на практике Израиль может, помимо всего прочего, не только направлять свои капиталовложения и специалистов в Советский Союз, но и организовывать иностранные капиталовложения из других стран, скажем, на то, чтобы в самом срочном порядке увеличить производство потребительских товаров. <...>

Правительство Израиля считает, что оказываемая вам помощь будет способствовать увеличению стабильности в СССР, что само по себе является наилучшим капиталовложением как для Израиля, так и для всего мира.

Горбачев. Будем рассматривать наш сегодняшний разговор как пролог. Просил бы вас в ходе дальнейших переговоров с нашими представителями прикинуть практическую сторону с учетом того, что с 1 октября мы намерены начать осуществлять меры по переходу к рынку, и потому особо заинтересованы в финансировании поступлений и товаров для обеспечения маневра в экономике. <...>

Речь идет о двух подходах: первоочередном, связанном с направлением товарного потока и содействием в производстве потребительских товаров на основе простой технологии, и более масштабном, связанном со структурной политикой. <...>

Нееман. <...> Может быть, символом начала нормальных коммерческих и других связей могла бы послужить продажа какого-то количества нефти Советским Союзом Израилю? <...>

Горбачев. Благодарю вас за то, что вы столь быстро откликнулись на наше приглашение и прибыли в Советский Союз для установления контактов. Передайте мою признательность правительству Израиля. Я считаю, что мы начали перспективное и позитивное дело.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Саудовской Аравии
Саудом аль-Фейсалом
Москва, 17 сентября 1990 года*

Сауд аль-Фейсал. Надеюсь, что сделанный нами сегодня шаг — восстановление дипломатических отношений — откроет дверь для развития тесных и прочных отношений между нашими странами во всех областях.

Его Величество король, хотя и не имел возможности для личной встречи с Вами, постоянно выражает восхищение Вашей политикой. <...>

Мы столкнулись с неожиданным поступком Саддама Хусейна. Наши действия в отношении Ирака ни в коем случае не вызваны чувством вражды к этой стране или желанием нанести ей ущерб. Для нас абсолютно неприемлемо то, что сделал Хусейн.

Горбачев. Вы действительно — на основе имеющейся информации — думали, что Ирак нападет на Саудовскую Аравию?

Сауд аль-Фейсал. Ирак намеревался захватить часть нашей территории. И это произошло бы, если бы не быстрое обращение Его Величества короля к нашим друзьям и их положительный отклик на нашу просьбу. Хотя у Ирака был с нами договор о ненападении, мы получили разведывательную информацию о концентрации иракских войск с намерением вторгнуться на территорию королевства.

Горбачев. Если имеешь дело с человеком, пренебрегающим связями, которые были у вас с Ираком, то надо быть готовым к любому повороту. Поэтому мы с самого начала твердо заняли позицию осуждения агрессии.

Сауд аль-Фейсал. Мы высоко ценим позицию Советского Союза и благодарны за ваш подход. СССР твердо стоит на позиции неприятия агрессии, и это играет очень важную роль в сдерживании агрессора.

Горбачев. Надо искать политическое решение проблемы. Нужна какая-то формула, которая давала бы Саддаму Хусейну возможность «спасти лицо». Ясно, что оккупация неприемлема, что Кувейт должен быть освобожден, что правительство Кувейта должно вернуться. Но есть проблемы, которые надо обсуждать не только между Ираком и Кувейтом, — проблемы всего Ближнего Востока.

Поэтому надо завязать какой-то процесс. И тут ключ подобрать через арабов. Это их земля... Важный вопрос: как действовать арабам?

Сауд аль-Фейсал. С самого начала конфликта мы стремимся к достижению общеарабской позиции. К сожалению, добиться этого так и не удалось. Некоторые арабские страны отнюдь не стремятся оказать позитивное влияние на Ирак. <...>

Если Ирак останется в Кувейте, это приведет к расколу арабского мира и угрозе тотальной войны в регионе.

Горбачев. Саддам Хусейн может пойти на военную авантюру, а этот путь неприемлем. Может, не ждать такого развития событий, а подбрасывать Ираку какие-то выходы?

Сауд аль-Фейсал. Если бы это было возможно! Мы все время пытаемся это сделать. Но ни от кого не слышали, что Хусейн пойдет на уступки.

Единственная возможность мирного решения — убедить Саддама Хусейна уйти из Кувейта, сохранив лицо. Для этого необходимо противопоставить ему силу и продемонстрировать твердую решимость эту силу применить, если не останется других средств. Это — единственный язык, который может «убедить» иракского руководителя.

Горбачев. Я обсуждал с Азизом, какие могут быть выходы из сложившегося положения. <...> Ведь в начале конфликта Ирак заявлял, что уйдет из Кувейта. Теперь же позитивных шагов и импульсов со стороны Ирака нет.

Позиция мирового сообщества, европейских и арабских стран такова, что сначала необходимо освободить Кувейт, а потом уже могут начаться переговоры.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Франсуа Миттераном
Замок Рамбуйе под Парижем, 29 октября 1990 года*

Горбачев. Сегодня утром в 5 часов была получена телеграмма от Примакова³⁰. Он сообщает, что в воскресенье, 28 октября, у него состоялись разговоры практически со всем руководством Ирака, а затем в течение часа беседа один на один с Саддамом Хусейном.

Как следует из беседы с иракским президентом, у него все еще теплится надежда на появление хотя бы небольшой трещины в едином фронте постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Примаков сказал Хусейну, что вряд ли можно рассчитывать на «пакетное решение» сложившейся ситуации в регионе по принципу жесткой увязки между урегулированием кувейтского кризиса и решением других проблем региона.

В целом же по итогам бесед в Багдаде у Примакова сложилось впечатление, что иракский президент — пусть очень медленно, болезненно — все же начинает двигаться к осознанию необходимости ухода из Кувейта. <...>

Говоря об изменениях в поведении Хусейна, нельзя в то же время закрывать глаза на его попытки выиграть время, применять тактику маленьких шажков, расколоть Совет Безопасности ООН. <...>

Из Саудовской Аравии по просьбе иорданской стороны Примаков вылетит в Амман для встречи с королем Хусейном. Король предлагает, чтобы президенты СССР и Франции обратились к президенту Ирака с призывом сотрудничать в вопросе о заложниках. А советский и французский президенты

подтвердили бы свою приверженность политическому пути урегулирования кризиса в этой зоне Персидского залива, как и других проблем всего региона. <...>

Митгеран. Судя по заключительным фразам обращения Хусейна, он явно затребовал от нас слишком много. <...>

Следовало бы высказаться за урегулирование на основе выполнения соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. <...>

Он предлагает только с одной целью — сделать так, чтобы мы согласились с концовкой его варианта и осудили применение силы. На это мы никак не можем пойти. Наша позиция неизменна. Урегулирование должно состояться на основе принципов ООН. <...>

По существу вопроса разногласий с американцами у нас нет. Мы считаем, что надо сохранять нынешний образ действий, что, естественно, не означает какого-то низкопоклонства. Если говорить о тоне, стиле, то он должен характеризоваться хладнокровием и спокойствием.

Горбачев. Хусейн по-прежнему пытается использовать сложившиеся за долгие годы особые отношения между его страной и СССР и Францией, чтобы сделать трещину, щель в общем фронте постоянных членов СБ ООН. Не думаю, что это свидетельствует о его дальновидности.

Я получил письмо от Джорджа Буша, а также письмо Маргарет Тэтчер, которое было передано мне вчера по возвращении от Вас из Елисейского дворца. Тэтчер написала короткое, но жесткое письмо. Буш и Тэтчер, не отвергая значения миссии Примакова, в то же время высказываются в том духе, что она в какой-то степени ослабляет единство коллективных действий членов СБ ООН.

Это совершенно не отвечает действительности. Я всегда помню о том, что нельзя давать никакого предлога Ираку надеяться на появление раскола, любого ослабления единой позиции СБ ООН в отношении агрессии против Кувейта. Миссия Примакова важна в том плане, что она выявила наличие шансов продвижения в сторону политического урегулирования кризиса. <...>

Военный вариант нанес бы удар по всем позитивным процессам в международных отношениях. <...> Действовать надо решительно, последовательно, проявлять единство, всячески стремясь избегать сползания к военному решению.

Митгеран. Такой вариант трудно исключить априори. Нельзя создавать опасных иллюзий. Война неизбежна, если не удастся переломить волю Хусейна и если Буш и Тэтчер не пожелают ничего слушать. <...>

Я с озабоченностью отмечаю участившиеся в последнее время в США заявления о том, что с их точки зрения статья 51 Устава ООН достаточна для того, чтобы самостоятельно, не обращаясь в Совет Безопасности, применить силу. В этой статье говорится о праве каждого государства «на индивидуальную или коллективную самооборону», то есть на законную самозащиту и обращение к другому государству за помощью в этих целях. В данном конкретном случае речь может идти о применении Соединенными Штатами силы в связи с просьбой со стороны Саудовской Аравии.

Горбачев. Где начинаются наши расхождения с США и Великобританией? Как следует из упоминавшихся мною писем Буша и Тэтчер, мы едины в оценке ситуации. Однако они считают неприемлемой такую развязку, которая позволила бы Хусейну спасти лицо и избежать унижения. Получается, что остаются два варианта: попытаться устранить Хусейна с политической арены, что, на мой взгляд, по ряду причин нереалистично, или встать на путь войны. Надо смотреть правде в глаза — если мы ничего Хусейну не дадим, он пойдет на крайности. <...>

В этой связи можно было бы, обдумав итоги наших с Вами бесед, обратиться с письмом ко всем постоянным членам СБ и высказаться в пользу задействия арабского фактора как наиболее целесообразного варианта урегулирования. <...>

Я полностью согласен с Президентом Франции в том, что мы должны всячески подтверждать нашу приверженность коллективным решениям СБ ООН. Всем должно быть ясно, что никто не сможет расшатать наше единство, внести в него раскол, заставить нас отступить, отказаться от нашего сотрудничества.

Митгеран. Это правильно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Саудовской Аравии
принцем Саудом аль-Фейсалом
Москва, 27 ноября 1990 года*

Горбачев. Рад Вас приветствовать.

Мы испытываем удовлетворение в связи с тем, что уже на первых этапах полномасштабных дипломатических отношений между нами выявилось такое взаимопонимание, доверие и сотрудничество. <...>

Наверное, наш Бог и Аллах вовремя надоумили поспешить с установлением дипломатических отношений. Теперь мы в откровенной и доверительной атмосфере можем обсуждать самую острую проблему — ситуацию в Персидском заливе и действовать в духе сотрудничества.

Сауд аль-Фейсал. Что нас беспокоит?.. Ирак по-прежнему проводит линию на закрепление результатов агрессии, игнорируя при этом волю ООН и всего международного сообщества. <...>

Король Фахд, правительство и народ Саудовской Аравии убеждены в том, что мирного урегулирования кризиса в Персидском заливе нельзя достичь, если международное сообщество не проявит решительность и твердость в обеспечении выполнения резолюций Совета Безопасности.

Ираку должен быть дан сигнал, что если он не проявит готовность считаться с волей международного сообщества, то против него будет применена сила. Это единственный шанс для мирного выхода из кризиса, к чему стремится Саудовская Аравия.

Горбачев. В беседе с Азизом я занял очень жесткую позицию. Ему было сказано, что на тех путях, по которым сейчас следует Багдад, не прийти

к исходу, позволяющему спасти лицо. Тут не может быть никаких отдушин. <...>

Заигрывать с Хусейном мы не собираемся, тем более за вашей спиной, за спиной американцев, Совета Безопасности. Слишком все серьезно, чтобы начали игру за спиной друг друга.

Мы ни в коем случае не должны позволить Багдаду расколоть нас или получить какую-то щель, а тем более, вызвать между нами подозрения.

Сауд аль-Фейсал. Другая цель нашего визита в Советский Союз вместе с моим коллегой министром финансов и экономики — это обсуждение экономических аспектов нашего сотрудничества. Наш министр встречался с господином Катусевым для обсуждения вопроса об условиях предоставления СССР кредита в размере 4 миллиардов долларов. Наш министр от имени короля и правительства высказал поддержку усилиям по налаживанию экономического сотрудничества между Королевством и СССР, предпринимаемым как на межправительственной основе, так и по линии частного сектора.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Франсуа Миттераном (по телефону)
18 января 1991 года, 12.05-12.30*

Горбачев. Доброе утро, господин Президент. Сердечно Вас приветствую.

Миттеран. <...> Что касается Франции, то мы выполняем свои союзнические обязательства с единственной целью: добиться того, чтобы когда Кувейт будет освобожден, начался процесс восстановления мира в этом регионе.

Конечно же, все не так просто. Сегодня ночью кризисная ситуация распространилась и на Израиль... (*Хусейн ударил ракетами по Израилю*).

Горбачев. Я много размышлял перед нашим с Вами разговором. На мой взгляд, именно Советский Союз и Франция, Вы лично, господин Президент, мы с вами больше других сделали для того, чтобы все-таки конфликт был решен политическим путем.

Миттеран. Вы правы.

Горбачев. Но военных действий на заключительной стадии избежать не удалось. Я это говорю не в том плане, что мы меняем наши принципиальные позиции, нашу оценку агрессии. Об этом речи не идет. <...>

События переходят в иную фазу. Вчера режим Хусейна демонстрировал свои амбиции, проявлял неуступчивость, угрожал всем и особенно американцам. Сегодня он потерпел политическое поражение. Нанесен огромный ущерб его оборонительному и даже промышленному потенциалу. Ирак теперь уже не тот, что был. <...> Сейчас конфликт вступает во вторую фазу. Продолжение бомбардировок будет означать нанесение ударов уже по населению. Вступают в контакт сухопутные силы, что приведет к боине американских и других солдат, а главным образом арабских.

Миттеран. Да.

Горбачев. Дело может обернуться таким образом, что начнется истребление народа, страны. Положение станет абсурдным. Мы вступим в противоречие с нашими целями в более широком плане.

Сейчас через советского посла в Багдаде Хусейну будет задан следующий вопрос от моего имени: «Если наступит пауза в военных действиях, готовы ли вы заявить об уходе из Кувейта?».

Миттеран. Эта идея имеет капитальное значение.

Горбачев. В настоящее время я жду ответа от Хусейна. <...>

Если ситуацию остановить сейчас, то можно будет говорить о следующем: мы проявили единство; был дан урок; удалось избежать тяжелых людских потерь.

Миттеран. Да. <...> Думаю, что пока на Израиль оказывается достаточное давление, с тем чтобы удержать его от вступления в конфликт. До его сведения доводится, что нанесение ответных ракетных ударов, по сути дела, ничего существенного не добавит к уже идущим военным операциям. В то же время в политическом и психологическом плане это имело бы весьма негативные последствия.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с заместителем премьер-министра,
министром иностранных дел Кувейта Сабахом аль-Ахмедом
Москва, 14 февраля 1991 года*

Горбачев. Приветствую Вас в Москве. Придаю большое значение этой встрече.

Сабах аль-Ахмед. Хочу передать Вашему Превосходительству приветствие эмира Кувейта, кувейтского народа и правительства, нашу глубокую признательность за принципиальную и последовательную позицию Советского Союза по кувейтской проблеме.

Горбачев. Для нас неприемлема никакая другая позиция, кроме выполнения резолюций Совета Безопасности ООН.

Именно эта принципиальная позиция дает нам возможность и основание для постановки с самого начала кризиса вопроса о том, как развязать этот кризис и восстановить права кувейтского народа на базе политических решений и с наименьшими потерями и для Ирака, и для всей арабской нации. <...>

Сабах аль-Ахмед. <...> Сказанное Вами на сегодняшней встрече вызывает глубочайшее удовлетворение. Для нас важно также подтверждение приверженности Советского Союза резолюциям Совета Безопасности ООН, в разработке и принятии которых СССР сыграл активную роль. Я вижу в этом большую личную заслугу Президента СССР.

Горбачев. Сколько кувейтцев покинули свою страну и сколько остались?

Сабах аль-Ахмед. Бежали с территории Кувейта 400 тысяч, осталось около 200–250 тысяч.

Вы упомянули о вероятности выхода военной операции за рамки международного мандата. Конечно, никто этого не хочет. Но нельзя забывать о том, что Хусейн давно вышел за рамки международной законности. Нет ни одного арабского руководителя, который не призывал бы его урегулировать проблему. Он игнорировал эти обращения, он игнорировал мнение международного сообщества, оставил без внимания Ваши призывы к мирному урегулированию.

Хотел бы высказать наше мнение о впечатлении господина Примакова, что Хусейн меняется. Может быть, это верно. Но мы ознакомились с опубликованным в Багдаде заявлением по завершении встречи иракского президента с Вашим представителем. Содержание этого документа, как нам представляется, опровергает впечатление господина Примакова.

Если же политические меры не принесут результата, Хусейн заслужил того, чтобы быть выбитым из Кувейта силой.

Мы переживаем за иракский народ. Но при этом нельзя забывать о страданиях народа Кувейта. Как смогут народы региона верить Хусейну после всего, что он сделал? Мы не питаем вражды к иракскому народу. Пусть он сам избавится от Саддама до того, как это сделают другие.

Я уполномочен заверить Вас в том, что Кувейт выполнит свои обязательства по капиталовложениям в соответствии с договоренностями, которые были достигнуты между Советским Союзом и Саудовской Аравией.

Мы не хотим ослабления Советского Союза. Это ослабило бы нас всех. Мы — за сохранение равновесия между двумя ведущими силами современного мира. Это — не комплимент. Это — выражение насущного интереса стран «третьего мира».

Я молю Аллаха, чтобы он ниспослал вам успех в преодолении имеющихся сложностей и в осуществлении всего, что задумано.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Ирана Али Акбаром Велаяти
Москва, 15 февраля 1991 года*

Горбачев. Приветствую Вас в Москве, господин министр.

Велаяти. Президент Хашеми-Рафсанджани³¹ шлет Вам привет, надеется на скорую встречу с Вами в Тегеране.

Горбачев. Я тоже надеюсь — и в этом наши и ваши пожелания совпадают — посетить Иран. <...>

Если сейчас выйти из кризисной ситуации с Ираком, если Хусейн твердо заявит, что в ближайшие две-три недели выведет войска из Кувейта без предварительных условий, тогда нам, Ирану, другим легче будет поддержать его, говорить о каких-то гарантиях этого процесса. Могли бы тогда созвать заседание Совета Безопасности. <...>

И одно доверительное соображение. Если решающим фактором в ликвидации кризиса в Персидском заливе станет сила, это поощрило бы и

в США и вообще тех в мире, кто противится оздоровлению международных отношений. Думаю, что «военная партия» в США получила бы мощные аргументы в свою пользу. А когда речь идет о таком государстве, как США, располагающем мощной военной силой, это — очень серьезно! Если будет силовое решение, то на другой основе будут решаться вопросы безопасности региона и при другой роли других государств. Это самое главное, что прошу передать президенту Ирана.

Велаяти. Мы понимаем так: если будет силовое решение, то тем самым возрастет роль милитаристских государств при решении проблем безопасности в регионе.

Горбачев. Произойдет перегруппировка сил — и не в пользу стран региона, а в пользу других государств.

Но последствия такого развития событий не будут носить замкнутый, региональный характер. Вы понимаете: ставка на политические подходы в решении международных проблем оказалась бы несостоятельной.

Все это меня очень беспокоит. Мы считаем — несмотря на то, что войны не удалось избежать, — чрезвычайно важным максимально включить политический момент в процесс ликвидации кризиса. Это имеет принципиальное значение не только с точки зрения того, каким должно быть урегулирование в данном регионе, но и для утверждения новых принципов в мировой политике. Именно поэтому необходимо избежать трагедии уничтожения Ирака как страны или расчленения его территории, и что особенно важно — огромных человеческих жертв. Вот чем мы руководствуемся в своих шагах.

Велаяти. Если с Ираком будет покончено, то судьба региона окажется под угрозой. <...>

Позвольте коснуться одного вопроса, относящегося к области двусторонних отношений. Прежде всего, отмечу, что работа по активизации и расширению сотрудничества между нашими странами осуществляется в духе договоренностей, достигнутых в ходе переговоров в Москве между Хашеми-Рафсанджани и Вами. К сожалению, приходится констатировать, что работа продвигается очень медленно.

В частности, было согласие советской стороны на транзит иранского газа в Европу. Однако практическое решение этого вопроса находится, можно сказать, «на нуле».

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров Горбачева с Тариком Азизом**
Москва, 18 февраля 1991 года

Горбачев. Приветствую Вас. Что Вы привезли для меня?

Азиз. Несколько дней назад мы принимали в Багдаде нашего большого друга Примакова. <...> Мы проявили серьезное отношение, интерес к тем

* Это была уже третья их встреча, начиная с сентября 1990 года. Но практических результатов они не дали.

соображениям, которые привез Примаков. Исходя из этого, мы и решили продолжить контакты с Вами.

Хочу подчеркнуть, что Ирак — и в этом не может быть никаких сомнений — никогда не пойдет на такое решение, под видом которого ему была бы навязана капитуляция на американских условиях. Здесь мы не остановимся ни перед какими жертвами. <...>

Первым шагом должно стать прекращение американской агрессии. Без этого практически невозможно осуществлять диалог, проводить контакты. Политический процесс не может идти под обстрелом.

Горбачев. <...> Сейчас очень важно знать, как вы собираетесь действовать. <...> Особенно важно, не является ли круг вопросов, о которых идет речь в заявлении иракского руководства, предварительным условием для урегулирования кувейтского кризиса. <...> Если речь идет о том, чтобы сейчас заняться всем комплексом вопросов, то это — нереалистично. <...>

Если события и дальше будут развиваться так, как они шли, и американцы окажутся втянутыми очень глубоко в военные действия, в том числе и на суше, то не так просто будет пойти по пути, который отвечал бы интересам арабов и мирового сообщества. Могут быть совсем другие варианты.

Исходя из этого, я предложил бы такой план:

— Ирак должен без оговорок заявить, что он готов вывести войска из Кувейта;

— вывод войск мог бы начаться на второй день после прекращения военных действий, которое необходимо для практического осуществления такого вывода;

— должно быть ясно определено, какой срок понадобится для вывода войск;

— должна быть полная гарантия Совета Безопасности для безопасного вывода войск из Кувейта.

Мы как бы распределяем роли. Вы заявляете о выводе войск, требуете гарантий и от США, и от Совета Безопасности этого вывода. А на Совете Безопасности мы и другие будем не только выступать за непосредственное прекращение войны, но и за урегулирование всех проблем региона.

Примаков. Хотел бы в этой связи особо подчеркнуть значение фактора времени. Президент СССР накануне Вашего приезда специально обращался к президенту Бушу с тем, чтобы побудить его не начинать наземное наступление в ближайшие дни. Однако в США есть силы, готовые сорвать эту договоренность.

Горбачев. Это верное замечание. <...> Поэтому надо сейчас делать все, чтобы прийти к почетному миру — до сухопутной войны.

Азиз. Готовность к выводу войск уже сформулирована нами в заявлении от 15 февраля.

Горбачев. В заявлении нет упоминания Кувейта.

Азиз. Это само собой разумеется.

Горбачев. Если так, то почему вы об этом не упоминали? <...>

К сожалению, многое, против чего мы предостерегали, произошло. Эти события имели часто драматический характер, оставили горький осадок.

Если бы наши советы были вовремя услышаны, многого можно было бы избежать. Хорошо, что мы и вы не потеряли голову, а сидим и думаем о плане действий. Я рассчитываю на понимание.

Если будет принят этот план, то Ирак, продемонстрировав свою крепость, сопротивляемость, сам заявил, что уйдет из Кувейта, хотя мог бы сражаться... А альтернатива? Ирак будет разрушен, будут огромные потери. Даже если американцы понесут ущерб, он будет несравним с вашим. А ответственность перед совестью, Богом, народом?

Я уже сказал, что есть угроза выхода военных действий за рамки мандата, установленного Советом Безопасности.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Гельмутом Колем (по телефону)
20 февраля 1991 года, 18.40–19.05*

Горбачев. Здравствуй, Гельмут. Как дела? Рад продолжить наш разговор.

Коль. Здравствуй, Михаил. <...> Как ты оцениваешь развитие ситуации в зоне Персидского залива? Ты получил ответ от иракцев?

Горбачев. Пока нет, жду сообщений. Но хочу сказать, что разговор с ними (с Азизом) у нас был жесткий.

Коль. Сегодня появились сообщения, будто бы они отклонили план.

Горбачев. Нам об этом неизвестно.

Коль. Информационные агентства сообщили, что они собираются воевать до победного конца.

Горбачев. Пока я не получал такого ответа. Как только получу, проинформирую тебя.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Франсуа Миттераном (по телефону)
21 февраля 1991 года, 11.05–11.20*

Миттеран. Рад слышать Ваш голос.

Горбачев. Я тоже очень рад Вас слышать. <...> Хочу сообщить Вам хорошую новость: сегодня, в 3 часа ночи, пришла телеграмма от нашего посла в Багдаде. Он сообщает, что уже сегодня Тарик Азиз вылетает из Багдада в Москву с ответом на наши предложения. Никакой информации о содержании ответа в телеграмме не содержится. Наша позиция, как и ваша, тверда. Главное в том, чтобы Ирак дал ответ на основной вопрос. Немедленный ответ на один главный вопрос, без всяких обрамлений и ультиматумов.

Миттеран. Да, это очень важно.

Горбачев. Нужно, чтобы Ирак понял, что когда на следующей фазе вновь соберется Совет Безопасности, в дело вступят СССР, Франция, другие страны, его положение осложнится. Но это уже будет другая фаза. А сейчас Ирак должен принять однозначное решение. Вот главная новость, которой я хотел

с Вами поделиться. Посмотрим, что это даст. Я уже информировал об этом президента Буша.

Миттеран. Ваша роль в этом деле является решающей на наступившем сейчас переломном этапе, который решит: будет мир или активизируются военные действия. Сейчас особо важен фактор времени, а также то, чтобы не было никаких новых условий со стороны Саддама Хусейна. Нужно, чтобы в Багдаде поняли: если завтра к этому же времени не будет получено совершенно недвусмысленного ответа Саддама Хусейна на единственный вопрос, уже ничто, видимо, не сможет помешать широкомасштабному наступлению сухопутных сил. Важно, чтобы он понял крайнюю срочность решения этого вопроса, тем более что есть лица и страны, которые даже в случае положительного ответа Саддама Хусейна стремились бы к продолжению конфликта. Можно даже сказать, что сейчас наступила последняя, решающая четверть часа.

Горбачев. Я делаю все от меня зависящее.

Миттеран. Я знаю, что Вы делаете все от Вас зависящее. Теперь уже все зависит только от одного человека.

Горбачев. Здесь могут сыграть свою роль Ваши глубокие взаимоотношения с Соединенными Штатами.

Миттеран. Я уже направил письмо президенту Бушу и говорил с ним вчера по телефону. Очень важно, чтобы он сразу же был осведомлен, если Саддам Хусейн согласится принять поставленное условие.

Горбачев. <...> Президент Буш также должен понять, что развитие открытых контактов, участие в них отвечают и его интересам.

Миттеран. Да, Вы совершенно правы. У нас есть пословица: для того, чтобы сыграть свадьбу, нужно два человека. Ирак должен понять: сегодня вечером еще можно что-то сделать, а потом будет уже поздно. Особенно если иметь в виду разницу во времени: когда Азиз прибудет в Москву, у вас будет уже 9 часов вечера, в Париже — 7, а в Вашингтоне — еще 1 час дня.

Горбачев. Как только Тарик Азиз прибудет сюда, даже если будет ночь, я сразу же встречусь с ним и затем сообщу о результатах.

Миттеран. Благодарю Вас.

Горбачев. Я даже решил направить за Азизом самолет в Ирак, чтобы ускорить его прибытие.

Миттеран. Это очень разумно, поскольку связь с Ираком сейчас крайне затруднена.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
22 февраля 1991 года, 4.00–5.00*

Горбачев. Добрый день, Джордж! Вернее, у нас уже можно сказать — доброе утро!

Буш. Добрый день, Майкл! Рад Вас слышать.

Горбачев. Я сейчас три часа подряд беседовал с министром иностранных дел Ирака Азизом. <...> Появились хорошие возможности найти развязки конфликта. <...>

Буш. <...> Мы недавно получили сообщение о последнем выступлении Хусейна по радио, и там ничего положительного не содержится. Я, со своей стороны, был бы очень удивлен, если бы он вдруг так быстро смог поменять все свои позиции по основным вопросам. Я думаю, что Вы поймете меня правильно, но, честно говоря, у нас уже не осталось никакого доверия Саддаму Хусейну.

Агрессия Ирака против Кувейта вызвала огромные разрушения в этой стране, а также нанесла колоссальный материальный ущерб как Кувейту, так и соседней стране — Саудовской Аравии. Лидеры этих стран по праву считают, что за этот ущерб должна быть выплачена компенсация, которая предусматривается резолюцией Совета Безопасности ООН. И речь здесь идет об очень крупных суммах. Я пока для себя твердо не уяснил из услышанного мною от Вас, готов ли Ирак на это пойти.

Наконец, есть еще вопрос о наличии у Хусейна различного рода оружия: химического, биологического, ядерного. Это очень важно для всех сторон и для Вас в том числе. Мы не можем этого допустить. ...Я пока не вижу, каким образом можно решить с ним этот вопрос... С помощью доходов от нефти в мирных условиях Ирак сможет очень быстро перевооружиться, а мы не можем забывать о том, что армия Ирака — четвертая по величине в мире. В результате снятия санкций все это может очень быстро произойти. <...>

Конечно, это подвижка, раз они заговорили о выводе. Но в данном случае, я думаю, что это очень медленный вывод. Я уверен, что Ирак это может сделать гораздо быстрее, например в 48 часов, ведь хватило же Ираку 48 часов для того, чтобы оккупировать Кувейт. Иракские войска могут легко быть выведены в южную часть Ирака. Для этого не требуется никаких мостов и никаких крупных транспортных средств. <...>

Горбачев. <...> Сейчас мы вышли на новую фазу, в ходе которой в позиции Ирака появились серьезные подвижки. Я бы даже назвал их не подвижками, а изменениями в позиции Ирака. <...>

Я думаю, Джордж, что нам просто было бы грешно не воспользоваться такой возможностью и упустить шанс к достижению мира.

Буш. Я прекрасно отдаю себе отчет в этом. Я твердо уверен в том, что Вы действуете исходя из самых лучших побуждений, хотя у нас есть и те, кто считает по-другому. Есть у нас и трудности с принятием некоторых условий. Но я прекрасно понимаю, что у нас с Вами есть общее дело — дело мира и что именно во имя этого, во имя спасения жизни многих как гражданских, так и военных лиц, Вы взяли на себя эту нелегкую миссию.

Горбачев. Я хочу еще одно добавить. Никакие ветры, никакие невзгоды не могут повлиять на тот выбор в пользу сотрудничества, который был нами сделан. Я думаю, что все это основывается на том, что мы уяснили себе, а надеемся, что и вы тоже себе немножко уяснили, что нам без сотрудничества друг с другом никак нельзя и что мы друг другу жизненно необходимы. Это

понимание лежит в основе нашего стратегического курса на развитие сотрудничества с США.

Буш. Я крайне польщен Вашими очень лестными для меня словами. Прошу Вас, как только Вы получите еще какую-либо информацию из Багдада, срочно информировать меня об этом. Время истекает и истекает очень быстро.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем и Джеймсом Бейкером (по телефону)
22 февраля 1991 года*

Бейкер. Президент Буш попросил меня зачитать Вам следующее послание, с которым он сам хотел обратиться к Вам. Я сейчас звоню из его кабинета, президент Буш занят на другом мероприятии. Он хотел сказать Вам следующее. Нам известно о тех настойчивых и полезных усилиях, которые Вы предпринимаете. Об этом мы неоднократно заявляли публично. Мы признаем, что в позиции Ирака обозначились перемены. Однако в настоящее время по приказу Хусейна в Кувейте производится подрыв нефтяных скважин и нефтеочистительных заводов. Как представляется, Хусейн пошел на осуществление в Кувейте политики выжженной земли. Нам кажется, что под прикрытием переговоров с Вами он намерен уничтожить Кувейт. Нельзя допустить того, чтобы он считал, что ему это удастся. Поэтому мы предлагаем следующие процедурные шаги, в случае осуществления которых можно будет предотвратить начало действий на суше и положить конец военным действиям. <...>

Сухопутные действия против иракских сил не будут начаты, если до 12 часов дня по нью-йоркскому времени в субботу 23 февраля Ирак публично заявит о своем согласии с ниже приводимыми условиями и доведет это согласие до сведения ООН:

- начать крупномасштабный вывод войск из Кувейта с 12 часов дня (время нью-йоркское) в субботу 23 февраля;
- завершить вывод войск из Кувейта в течение одной недели;
- в течение первых двух суток должны быть выведены все иракские войска из Эль-Кувейта и обеспечен скорейший возврат законного правительства Кувейта;
- вывести иракские войска с заранее подготовленных позиций вдоль границы между Саудовской Аравией и Кувейтом и Саудовской Аравией и Ираком, с островов Бубиян и Варба и из района Румейла.

Господин Президент, пока я читал Вам заявление, президент Буш вернулся в кабинет и хотел бы сейчас поговорить с Вами.

Буш. Я хотел бы услышать Вашу реакцию на то, что Вам зачитал Джим. Сразу скажу, что мне не верится, будто Азиз не знал о поджоге по приказу Хусейна нефтяных месторождений в Кувейте. На фотографиях видны ужасающие масштабы разрушения.

Горбачев. Относительно существа того, что было сказано Бейкером, у меня есть следующие вопросы. Во-первых, правильно ли я понимаю, что для США и других участников коалиции неприемлемо то, что мы смогли согласовать с Ираком за последние сутки и относительно чего мы ожидаем окончательного ответа от Хусейна? <...>

Мы и вы должны спросить себя, чему мы отдаем приоритет при выработке окончательного решения проблемы Персидского залива — политическому подходу или продолжению поисков военного решения, в том числе наступлению на суше. Свою роль в рамках сотрудничества с Вами при поисках политического решения я вижу в том, чтобы после достижения поставленной стратегической цели уберечь от гибели американских военнослужащих и мирных иракских жителей. Мы так понимаем, что нужно предложить выполнимые решения. С этой точки зрения, требование об осуществлении вывода иракских войск в течение одной недели выглядит заранее невыполнимым и открывает дорогу продолжению поисков военного решения. Вы, конечно, можете сказать, что наше предложение для вас просто неприемлемо по политическим или каким-то другим соображениям. И все же я хотел бы, чтобы на основе того, что нам уже удалось достичь, хотя окончательного ответа от Хусейна пока нет, на базе того, о чем удалось уже здесь договориться, и на основе Вашего предложения мы и вы выступили бы в Совете Безопасности и попытались как-то интегрировать два подхода и найти совместный выход из положения. <...>

Главное — заставить Ирак понять, что он должен выполнить резолюции Совета Безопасности. Если бы это удалось, то это был бы урок для всех, урок, с которым в новых реальностях вынуждены были бы считаться любые потенциальные агрессоры. Кроме того, мы смогли бы спасти жизнь людей, предотвратить сползание ситуации к самой тяжелой фазе. Это было бы крупнейшей победой, за которую весь мир, американский народ воздал бы нам должное. <...> Я думаю, что мы не можем забывать о той высокой ответственности, которая лежит на нас с вами. И если нам удастся повернуть события в то русло, о котором я говорил, то это было бы крупнейшим достижением наших стран, которое сохраняло бы свое значение на многие годы.

Буш. Вкратце прокомментирую сказанное Вами. Правильно ли я понимаю, что Хусейн не дал согласия на предложенные Вами шесть пунктов?

Горбачев. Азиз сказал, что уверен в поддержке президента, но что он должен довести непосредственно до его сведения наше предложение. Такая позиция понятна.

Буш. Можно полюбопытствовать, когда он обещал иметь ответ от Хусейна.

Горбачев. Он сказал — незамедлительно. Азиз сейчас в Москве. Постоянная связь с Багдадом поддерживается через иракского представителя, который находится в нашем посольстве в Багдаде.

Буш. Благодарю за пояснение. Есть один технический вопрос, по которому и я, и Бейкер консультировались с нашими военными. Они считают, что одной недели для вывода войск вполне достаточно. Хотя первоначально мы даже настаивали на четырех сутках.

А теперь несколько замечаний относительно высказанных Вами широких философских мыслей. Я понимаю, что в советском обществе есть люди недовольные тем, что Вы поддерживаете с нами слишком тесные контакты. В США тоже есть люди недовольные слишком тесным сотрудничеством с руководством Советского Союза.

Прямо скажу, что ту роль, которую Вы играли, те усилия, которые Вы предприняли, весьма конструктивны. Говорю это от всего сердца. Мы понимаем, что Вам необходимо было проявить большое политическое мужество, учитывая ваши многолетние отношения с Ираком, отношение к конфликту ряда проживающих в вашей стране национальностей и ваш статус сверхдержавы. Я не хотел бы, чтобы мы разошлись по разные стороны из-за расхождений в данном вопросе. Позвольте сказать, чем объясняется наша нынешняя позиция, пользующаяся единодушной поддержкой других членов коалиции. Во-первых, я не верю Хусейну. Во-вторых, то, что он заявил вчера несовместимо с тем, что вы и мы ожидали от него услышать. <...> Он все еще пытается выкрутиться, выиграть время. <...> По рассказам эмира Кувейта, несколько дней назад по приказу Саддама было уничтожено зверским образом около 200 юношей и девушек в возрасте от 15 до 20 лет. Их тела были изуродованы, у женщин были вырезаны груди. Моя вера в ценность человеческой жизни остается непоколебимой. Я испытываю серьезные сомнения в необходимости направить на смерть молодых солдат только из-за того, что мы и другие члены коалиции намерены твердо отстаивать свою позицию. Понимаю, что вопросы, которые я задаю, могут поставить Вас в весьма трудное положение. Вы можете просто отказаться сделать то, о чем я Вас сейчас попрошу. А я хочу попросить Вас сказать Азизу, что час настал, что таково твердое мнение не только США, но и всех членов коалиции. Мы должны обеспечить соблюдение воли мирового сообщества, мы вносим серьезное предложение, о котором мы много думали. Мы достаточно долго ждали. Но мы не можем больше уступать, видя, что он творит с Кувейтом. Мы направляем Вам копию нашего заявления и хотели бы просить Вас передать ее Азизу. Мы просим Вас поддержать нашу позицию. Мы знаем, что Вы предпринимали напряженные усилия. Мы знаем, что Вы выдвинули свою более мягкую программу, но сейчас мы не можем ее поддержать. Если Вы не в состоянии поддержать наше предложение, то мы просим Вас по крайней мере не противиться ему. <...> Мы признаем, что в этом регионе у вас есть свои интересы. Мы намерены поддерживать с Вами постоянный контакт. <...>

Горбачев. У меня два замечания. Во-первых, мы не расходимся с вами в нашей практической оценке Хусейна. Его судьба предрешена. У нас нет даже намек на то, чтобы как-то обелить или спасти его. Во-вторых, речь идет не о методах, к которым прибегал Хусейн, в том числе в последний момент. Речь идет о том, чтобы воспользоваться тем, что нами уже достигнуто, внести новый крупный вклад, обеспечить достижение поставленных целей иными, политическими средствами и тем самым избежать драматической, а то и трагической развязки.

Мы готовы проинформировать Азиза о Вашем предложении.

Подводя итог нашей беседе, скажу следующее и, быть может, у нас получится какое-то предварительное решение. Мы и вы могли бы выступить с совместной инициативой в Совете Безопасности, который рассмотрел бы весь пакет предъявленных требований. Можно было попытаться выжать максимум из этого заседания и оформить полученный результат в виде документа. Получим максимальные результаты – хорошо. Получим какие-то промежуточные результаты – тоже неплохо. В любом случае мы могли бы показать нашим народам, всему мировому сообществу, как выйти из конфликта и достигнуть поставленных целей, предотвратив одновременно трагический исход.

Буш. Вся проблема в том, что ответа от Хусейна пока нет. Он продолжает тактику проволочек, пытается заручиться сторонниками в лице Йемена, Иордании, ООП. <...>

Горбачев. Мы уже получили от Хусейна согласие на вывод войск. Не все в его позиции было встречено нами с удовлетворением. Мы ужесточили свою позицию и ожидаем новый ответ от него.

Буш. Понимаю. Вам уже удалось добиться от него отказа от увязки, согласия с концепцией вывода войск. Но все это еще отнюдь не безоговорочный вывод войск. <...>

Могу Вас также заверить, что я по-прежнему внимательно слежу за положением дел на переговорах по стратегическим вооружениям. Считаю, что состояние наших отношений не должно быть принесено в жертву нашим разногласиям по Ираку.

Горбачев. Я дал поручение по только что упомянутым Вами вопросам. А по Ираку и вы, и мы должны попытаться использовать уже наработанное для того, чтобы избежать трагического исхода.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с премьер-министром Великобритании
Джоном Мейджором (по телефону)
23 февраля 1991 года*

Горбачев. Сегодня утром от Хусейна и иракского руководства получено сообщение о том, что они принимают выработанное нами здесь предложение.

Азиз опроверг утверждения США о том, что Ирак предпринял в Кувейте действия, наносящие ущерб окружающей среде. Ирак готов принять в любое время любую международную комиссию, в том числе по линии ООН, чтобы удостовериться на месте в фактическом положении дел.

Хусейн и его окружение вряд ли пошли бы на заявление о выводе войск, если бы сейчас не была бы столь неминуема следующая фаза в развитии конфликта, то есть фаза сухопутных военных действий. <...> В данный момент можно сказать, что мы подошли к поставленной цели, и имеются возможности для того, чтобы повернуть события в русло политического урегулирования. Сейчас мы имеем новую ситуацию, когда, очевидно, необходимо созвать

заседание Совета Безопасности. На нем можно было бы рассмотреть целый комплекс предложений.

Мейджор. <...> Наша трудность сейчас заключается в том, что за последние несколько дней мы слышали противоречивые заявления, исходящие от Азиза в Москве и Хусейна в Багдаде. Эти заявления весьма различны как по тону, так и по содержанию. За последние месяцы мы убедились в том, что доверять Хусейну нельзя. <...> То, что произошло в действительности, указывает на сознательный поджог объектов в Кувейте, на то, что поджоги продолжаются и становятся все более широкомасштабными.

Вы знаете, что мы твердо поддерживаем выполнение всех положений как резолюции 660, так и резолюции 678 Совета Безопасности. Но на собственном практическом опыте мы убедились в том, что Хусейну доверять нельзя. <...> И ситуация сейчас подошла к критической отметке.

Я с большим пониманием и уважением отношусь к Вашему желанию найти мирное решение, которым Вы руководствовались, приглашая Азиза на переговоры в Москву. Сейчас же считаю, что было бы слишком поздно говорить о каких-то иных требованиях, чем те, которые содержатся в резолюциях Совета Безопасности и которые были изложены Бушем вчера от имени всех членов коалиции.

Горбачев. <...> Ответ (от Хусейна) сейчас получен. В главных вопросах он идет навстречу нашим новым жестким требованиям... Ведь в результате наших усилий Хусейн все-таки заявил о согласии с незамедлительным, безусловным и полным выходом из Кувейта, как об этом говорится в резолюции Совета Безопасности. И если мы почему-то не воспользуемся этим, тогда он будет выглядеть проеом. <...>

Уверен, что мы должны продолжить те уникальные отношения, которые у нас установились. По крайней мере, я за это. И наконец, прошу Вас передать мои самые теплые пожелания госпоже Тэтчер.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Хосни Мубараком (по телефону)
23 февраля 1991 года, 14.35 – 15.05*

Горбачев. Добрый день, дорогой Хосни.

Мубарак (говорит по-русски). Здравствуйте, товарищ Горбачев. Как дела?

Горбачев. Сегодня я хочу поговорить об одной главной проблеме, не отвлекаясь на другие вопросы. Рано утром пришел ответ из Багдада — иракское руководство приняло план из шести пунктов.

Мубарак. Я слышал пресс-конференцию Азиза. Я не верю ему.

Горбачев. Но они приглашают комиссию (в связи с поджогом нефтяных скважин). Это — ключевой момент. Арабы или другие могут направить своих представителей и провести проверку на месте.

Вчера у меня был полтора часовой разговор с Бушем. Сегодня я разговаривал с Андреотти, Мейджором, буду разговаривать с Колем, Миттераном, Асадом.

Думаю — сложилась новая ситуация, и надо использовать этот шанс.

Джорджу и другим я говорю, что мы не можем не иметь в виду, что ситуация изменилась. Багдад официально заявил, что выведет войска из Кувейта. Это — главное требование, и он готов его выполнить...

Мубарак. Проблема в том, что никто не верит иракскому руководству. Оно хочет выиграть время, и для этого ему нужен созыв Совета Безопасности. Никто из арабов не верит Саддаму Хусейну... Я ему не верю. Слишком много раз он нас обманывал.

Я прошу Вас еще приложить усилия. Вы несете ответственность великой державы. Я пытался убедить Саддама, направлял ему через короля Иордании послание. Он ничего не понял.

Я могу поговорить с Бушем, но прошу, чтобы Вы с ним связались.

Горбачев. Дорогой Хосни, разве я не сказал, что только что разговаривал с Джорджем полтора часа?

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из переговоров с Тариком Азизом
Москва, 23 февраля 1991 года
(в 00.15)*

Горбачев. Весь мир очень обеспокоен. Меня не покидает ощущение, что пока еще остается шанс предотвратить кровопролитие. Как я понимаю, сильно разрушена инфраструктура.

Азиз. Естественно, сейчас уже совершено 80 тысяч боевых вылетов против такой небольшой страны, как Ирак. Это привело к громадным разрушениям.

Горбачев. С чем Вы приехали к нам на этот раз?

Азиз. Мне поручено информировать Вас о решении, которое является ответом на Ваши соображения.

Суть решения такова. Ирак готов полностью вывести войска из Кувейта в течение определенного времени, о котором мы с Вами договоримся. Для этого должен быть прекращен огонь и остановлены военные действия на суше, в воздухе и на море, после чего незамедлительно начнется вывод.

При этом иракское руководство выступает за то, чтобы одновременно с прекращением огня были отменены все резолюции Совета Безопасности, которые были приняты после резолюции 660 (их всего 11 — с 661 по 678), и чтобы были отменены все вытекающие из них последствия.

Горбачев. <...> Хочу повторить то, что говорил на нашей предыдущей встрече. В принципе просьба Ирака о прекращении действия других резолюций правомерна. Но это отдельный вопрос, который должен решаться сразу после ухода из Кувейта. Мы убеждены, что его нельзя увязывать с двумя первыми пунктами, так как в этом случае это будет расценено в качестве предварительного условия, как предлог для перехода к наступлению на суше. <...>

Если только иракская сторона будет выдвигать длительные сроки вывода войск, то американцы определенно воспримут это как маневр, попытку за-

тянуть время, чтобы с наступлением жаркого сезона лишить их возможности проводить сухопутные операции. <...>

Азиз. <...> Мы не рассматриваем СССР как посредника или передаточное звено между нами и американцами, а как действенную силу, имеющую принципиальные позиции.

Горбачев. Вы правильно оценили нашу роль. Кое-кто рассчитывает, что из-за внутренних трудностей Советский Союз может поддаться на давление, отступить от принципов. Но этого не произойдет.

Примаков. Необходимо понимать, что американцы ведут отсчет времени со 2 августа 1990 года. Они не могут больше ждать. Их войска приведены в состояние боевой готовности, которое не может продолжаться долгое время. Они либо должны нанести удар, либо отменить эту готовность.

Горбачев. У американцев счет уже идет не на дни, а на часы. Могу сообщить, что, по достоверным данным, полученным по трем каналам, наземное наступление должно было уже начаться. И только наше обращение позволило его задержать. Если мы договорились по существу вопроса, то план урегулирования следует немедленно принять и заявить об этом. <...>

Азиз. <...> Нам, действительно, не останется иного выбора, кроме как сражаться. Все иракцы, все 18 миллионов будут сражаться, как могут. Когда не останется оружия, прибежем к террористическим методам. США — это не какая-то абсолютно непобедимая сила.

Горбачев. Давайте вернемся к вопросу о сроке вывода иракских войск из Кувейта. Могли бы вы это сделать в течение одной недели?

Азиз. Нет, это совершенно невозможно. У нас в Кувейте 500 тысяч солдат.

Горбачев. Тогда, может быть, хватит 10 дней? Это тот срок, в необходимости которого можно попытаться убедить американцев.

Азиз. Нет, это тоже нереально.

Горбачев. <...> Если заявить о сроках, которые Вы предлагаете, то американцы расценят их как умышленную затяжку времени. <...>

Чтобы предотвратить развертывание наземных операций, можно было бы сформулировать следующий текст сообщения для печати:

«По поручению Президента Ирака и Совета революционного командования Т. Азиз представил предложения, которые в своей основе являются позитивными и далеко идущими. После их основательного обсуждения и сопоставления точек зрения вырисовывается схема, включающая следующие позиции».

Далее можно было бы перечислить пункты, предложенные Примаковым (в ряде существенных деталей они отличаются от американских)*.

Продолжается работа над уточнением формулировок и конкретизация деталей. Окончательные результаты этой работы будут сообщены членам Совета Безопасности и Генеральному секретарю ООН.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

* См. ниже запись беседы Горбачева с Андреотти от 23 февраля в 13.25.

*На встрече с Тариком Азизом
Москва, 23 февраля 1991 года, 12.30–12.40*

Горбачев. Я приветствую заявление руководства Ирака (*о готовности незамедлительного вывода войск из Кувейта*).

Сложилась новая ситуация, и я сейчас активно действую, чтобы не допустить трагедии. Я связываюсь с руководителями многих стран. Состоялись или состоятся в ближайшее время разговоры с Мейджором, Андреотти, Миттераном, Рафсанджани, Мубараком, Асадом, Колем.

В этих разговорах я делаю акцент на том, что сложилась новая ситуация, открылся шанс на мирное урегулирование. Надо срочно созвать Совет Безопасности, чтобы рассмотреть ситуацию. Если есть разночтения в ее оценке, можно привести их к единому пониманию в Совете Безопасности.

У меня есть настоятельная просьба, — чтобы в Кувейте в экологическом отношении ничего не произошло. <...>

Надеюсь, что нам удастся предотвратить трагическую развязку и урегулировать ситуацию мирно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора Горбачева с премьер-министром Италии
Джулио Андреотти (по телефону)
23 февраля 1991 года, 13.25–13.55*

Горбачев. Приветствую Вас, господин премьер-министр, дорогой друг.

Андреотти. Здравствуйте, очень рад Вас слышать.

Горбачев. Я хотел бы, Джулио, сообщить о новейших событиях. Рано утром из Багдада мы получили ответ на нашу инициативу. Ирак принимает план урегулирования, который мы обсуждали с Азизом. Там официально объявили об этом, подчеркнув, что Азиз наделяется всеми необходимыми полномочиями.

Андреотти. Это очень важно.

Горбачев. Вчера в 12 часов по московскому времени Азиз провел пресс-конференцию, на которой обнародовал план урегулирования.

— Ирак соглашается выполнить резолюцию 660, то есть незамедлительно и безусловно вывести все свои войска из Кувейта на позиции, которые они занимали 1 августа 1990 года.

— Вывод войск начинается на следующий день после прекращения огня и всех военных действий на суше, море и в воздухе.

У нас был трудный спор с иракцами о сроках вывода. (Сначала Ирак запросил на это три-четыре месяца, в конце концов согласился на три недели.)

— Сразу после завершения вывода войск из Кувейта <...> резолюции СБ ООН прекратят свое действие. Естественно, что все это должно быть рассмотрено и зафиксировано Советом Безопасности.

— Все военнопленные будут освобождены и репатриированы в течение трех дней после прекращения огня и военных действий.

— Подтверждение, контроль и надзор за прекращением огня и выводом войск будут осуществляться наблюдателями или силами по поддержанию мира, как это будет определено СБ ООН.

На вчерашней пресс-конференции Азиз выдвинул два тезиса.

Первое. Он отрицал, что Ирак наносит непоправимый экологический ущерб Кувейту, заявив, о том что Ирак в любой момент готов принять независимую либо назначенную ООН комиссию, с тем чтобы проверить все на месте.

Второе. Тот план урегулирования, который он огласил, является ответом на главное требование американцев.

Вчера у меня состоялся телефонный разговор с Бушем. Мы проговорили почти полтора часа. Видите, Джулио, какое развитие приняли события. Все мы ждали, что все-таки удастся найти политическое решение, позволяющее избежать трагической фазы войны. Американские представители звонили по 3-4 раза в день в Москву, спрашивая, есть ли какие-либо новости. Теперь же, когда достигнут реальный прогресс, они начали испытывать некоторое беспокойство. В определенной мере я где-то понимаю причины их беспокойства.

Видите ли, Джулио, мы были вместе и должны оставаться вместе. Если кто-то хочет подать дело так, что вроде бы с чьей-то стороны предпринимаются попытки добиться одностороннего успеха, то это спекуляции. Во-первых, если бы мы не были вместе, и, во-вторых, если бы не мощные американские военные усилия, то ничего не изменилось бы, и от Хусейна такого шага, который он теперь сделал, не последовало бы... Это общее наше достижение. Так и надо действовать.

Сейчас я говорил по телефону с премьер-министром Великобритании. Он повторил аргументацию США и сказал, что Хусейн должен принять американский ультиматум.

Понимаете, Джулио, получается, что, когда Багдад принял план, который мы готовили все вместе, все европейцы, появился ультиматум. А Багдад-то уже принял план. Таким образом, сложилась совершенно новая ситуация, и это надо иметь в виду, чтобы не допустить ошибки в принятии решений.

Моя мысль в следующем. Нам надо быть вместе, как и раньше, использовать открывающуюся возможность избежать перехода к трагической фазе войны. Надо представить этот вопрос на Совет Безопасности, и как можно быстрее. Там можно будет обсудить план урегулирования, который сейчас предложен, сопоставить его с американским планом и выйти на интегрированное решение. Я думаю, это будет наиболее правильным, позволит нам сохранить инициативу. Я считаю, что это будет проявлением высшего класса в политике. Остальное все — мышьяная возня, борьба амбиций.

Вот что я хотел Вам сказать, Джулио, как всегда искренне и по-дружески. Итог один — надо действовать. Мы должны помочь Джорджу сохранить равновесие духа, убедить его в том, что одержана большая победа.

Андреотти. Спасибо. Хочу позволить себе краткий комментарий. То, что было сделано, — это уже очень много. Остающиеся различия не так

велики. Надо выполнить главное условие — вернуть свободу Кувейту. Многие боятся того, что останется Хусейн со своей 500-тысячной армией. Но все это можно обсудить потом, а не сразу, что соответствует и плану ООН.

Горбачев. Согласен с Вами.

Андреотти. Со своей стороны я постараюсь воздействовать на Буша в этом направлении. Позиции очень близки, и было бы абсурдом не выйти на конструктивное решение.

Горбачев. Я очень приветствую, Джулио, Ваши слова.

Андреотти. Я свяжусь также с Франсуа Миттераном. Думаю, он согласится, насколько я знаю, у него близкий подход. Вам надо лично поговорить с ним, если, конечно, Вы этого уже не сделали.

Горбачев. Я имею в виду поговорить с ним.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Франсуа Миттераном (по телефону)
23 февраля 1991 года, 15.20–15.50*

Горбачев. Хочу в двух словах ознакомить Вас с ситуацией, сложившейся после переговоров с иракской делегацией. <...>

Три часа тому назад состоялась пресс-конференция, и стало известно, что Тарик Азиз подтвердил согласие Ирака на план из шести пунктов. <...>

Хочу сообщить Вам, что вчера в течение полутора часов говорил по телефону с президентом Бушем. После этой беседы у меня сложилось впечатление, что ситуация складывается довольно своеобразная. В последние дни мы все вместе участвовали в поисках политического урегулирования проблемы. И вот, когда, наконец, контуры плана достижения мира стали вырисовываться, у наших друзей появились озабоченности. Сейчас ведь у нас идут постоянные контакты, только через министерства иностранных дел — по три-четыре контакта в день. <...>

Учитывая те тревоги, которые сейчас выявляются, мы вместе с Соединенными Штатами, может быть также и с рядом других стран, могли бы выступить с инициативой срочного созыва заседания Совета Безопасности, где можно было бы рассмотреть новые предложения. Учитывая Вашу активную роль с самого начала поисков путей выхода из кризиса, может быть, и Вы могли бы присоединиться к этой инициативе. На этом заседании Совета Безопасности мы могли бы выйти на конкретные решения и совместными усилиями добиться поставленной цели.

Миттеран. Позвольте Вас прервать. Наши затруднения связаны не с информацией, полученной от Азиза. Я вижу, что имеются конкретные разногласия. По-видимому, Ираку не подходят предложения, содержащиеся в совместном заявлении Соединенных Штатов, Франции и других стран. Как я понимаю, основные разногласия связаны со сроками. <...> Я могу Вам прямо сказать, что мы не доверяем Хусейну. <...> Мы настаиваем на сроке в семь дней. Ирак предлагает слишком долгий срок.

Горбачев. Я правильно Вас понял? Вы можете согласиться на то, чтобы в ближайшие 24 часа Советский Союз, Франция, Соединенные Штаты выступили с инициативой созыва заседания Совета Безопасности?

Миттеран. Нет, я должен сказать, что здесь у нас есть проблема. Мы уже поставили точку в этом вопросе совместным заявлением Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и других стран.

Горбачев. Но учитывая, что Совет Безопасности сейчас работает, Советский Союз, Франция и другие страны могли бы попытаться в ходе заседания Совета разработать конструктивный документ, приемлемый для всех. <...>

Миттеран. Должен Вам напомнить, что у нас имеются обязательства перед Соединенными Штатами и другими членами коалиции. Мы не можем действовать изолированно. Конечно, мы можем проконсультироваться с нашими союзниками, но большего мы сделать не можем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Хафезом Асадом (по телефону)
23 февраля 1991 года, 15.55–16.05*

Асад. Добрый день, дорогой друг.

Горбачев. Добрый день, дорогой Хафез. Приветствую, обнимаю тебя.

Мы знаем все проблемы, связанные с позицией Саддама Хусейна, с его действиями в последние годы. Но моя забота — о жизнях иракцев и других арабов и неарабов, об иракском народе, о других арабских народах, о судьбе Ближнего Востока.

Асад. Правильно, согласен.

Горбачев. Поэтому у меня просьба — взаимодействовать в этой ситуации. Не допустить, чтобы дело дошло до военной катастрофы. Вам известны наши предложения и предложения американцев. Что дальше? Думаю — надо срочно созвать Совет Безопасности, чтобы выработать общее решение, которое интегрировало бы эти предложения, соответствовало бы интересам всех с учетом того, что Саддам Хусейн выбросил белый флаг.

Асад. Мы — друзья. Мы находимся в постоянном контакте, неизменно сотрудничаем. Вы знаете все проблемы, связанные с руководством Ирака. И я, и все руководство Сирии высоко ценим Ваши усилия с целью не допустить военной развязки. Я желаю успеха Вашим мирным усилиям.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Джорджем Бушем (по телефону)
23 февраля 1991 года, 19.15 — 19.45*

Горбачев. Приветствую Вас, Джордж.

Буш. Приветствую Вас, Майкл. Какие последние новости по ближневосточным делам?

Горбачев. Я как раз хотел продолжить разговор об этом. После нашей беседы вчера ночью произошло событие, которое изменило ситуацию. В Багдаде сделано официальное заявление о согласии на полный и безоговорочный вывод войск из Кувейта, в соответствии с резолюциями ООН. Причем из столицы Кувейта вывод будет осуществлен за четыре дня. Таким образом, Хусейн поднял белый флаг. Здесь на пресс-конференции Азиз заявил о принятии требования о немедленном выводе войск. <...>

Таким образом, создалась новая ситуация, которую надо взвесить и договориться, что делать дальше.

Я понимаю ваши требования. В них есть логика. Сегодня я говорил с руководителями ряда стран. Многие отмечают, что между нами нет непреодолимых различий. Мы с самого начала в этом вопросе были вместе. И это имело решающее значение в возникновении той новой ситуации, которая создалась сейчас. Без того, что сделали Соединенные Штаты, этого не произошло бы. Я попросил моего помощника по печати Виталия Игнатенко довести это мнение до сведения прессы.

Сейчас очень важно для нас обоих и для тех, кто вокруг нас, чтобы не было никаких сомнений относительно нашей способности и дальше взаимодействовать. Что этого хотят все, я почувствовал в ходе обсуждений с руководителями ряда стран. Президент Мубарак, например, сказал: «Очень важно, чтобы Вы и президент Буш, СССР и США продолжали быть вместе».

Исходя из всего этого, Джордж, я предлагаю следующее: давайте и на этом этапе, как и прежде, сотрудничать в Совете Безопасности ООН. Надо интегрировать все те элементы, которые позволяют достичь нашей общей цели. Я полагаю, что такой подход позволит нам продолжить взаимодействие и выйти на результат, который мы в концептуальном плане обсуждали вчера.

Буш. Благодарю Вас, Майкл. Я знаю, что Джим Бейкер и Александр Бессмертных³² имели хороший разговор. Думаю, Саддам Хусейн никогда не верил мне относительно того, насколько решительно настроены США в этом деле. И даже вчера, когда Вы пытались помочь решить этот вопрос, его представитель назвал меня лжецом (по поводу поджога нефтяных месторождений). А ночью были подожжены еще несколько нефтяных скважин. Он продолжает политику выжженной земли, и это вызывает огромное возмущение и у меня, и у всей коалиции.

Его линия состоит в том, чтобы втянуть нас в переговоры и добиться отхода от мандата ООН. Я дал ему срок, в течение которого он мог продемонстрировать добрую волю. И я не могу допустить, чтобы создалось впечатление, что то, что я сказал, было не всерьез. Я сказал, что он должен начать вывод войск к полудню. Он не сделал этого, он продолжает поджигать нефтяные скважины, и я не могу допустить, чтобы за этим ничего не последовало. Особенно учитывая тот факт, что, несмотря на все Ваши усилия, в его заявлении по-прежнему содержатся условия. <...>

Таким образом, я не вижу, чтобы мы могли проявить какую-то гибкость в отношении наших дальнейших действий, хотя сейчас в ООН действительно идут неофициальные консультации. Но я согласен с Вами: главное, что мы вместе. Вы пытались, я пытался, Бейкер и Бессмертных пытались. <...>

Сейчас настал момент, когда Ирак должен полностью принять позицию ООН — все соответствующие резолюции. Мы, как говорил Джим Александру (*Бессмертных*), не можем тянуть время. Я и другие члены коалиции убеждены: Ирак должен полностью принять требования. Выбора у него нет.

Вот такова ситуация. Наверное, между нами есть одно разночтение: Вы считаете, что Ирак согласился на безусловный уход из Кувейта, а я и другие считаем, что это не так. Давайте, не допустим, чтобы СССР и США что-то разделяло. У нас с вами много дел, которыми надо будет заниматься после войны. А эта вспышка, уверяю Вас, скоро останется позади.

Горбачев. Давайте проявим хладнокровие. Речь идет о живых людях — от этого никуда не денешься. Нам ведь нужен не Хусейн, его судьба predetermined. Надо использовать шанс, чтобы достичь тех целей, которые мы вместе определили в Совете Безопасности ООН, по возможности исключить трагедии и разрушения. Мы не простаки, времени терять не будем, но, думаю, можно дать один-два дня, чтобы в Совете Безопасности провести жесткий разговор, с тем чтобы Ирак принял ваши требования. В рамках нашего взаимопонимания пусть Бейкер и Бессмертных проработают детали. Я думаю, они смогут это сделать.

Я полностью разделяю Вашу мысль о том, что нам с вами предстоит много работы в будущем. И с этим пониманием жму Вашу руку, Джордж.

Буш. Я ценю дух Ваших высказываний. Но не хочу, чтобы создавалось ложное впечатление о том, что у нас есть время. У коалиции нет никакого желания затягивать дело.

Я понимаю Вашу озабоченность относительно человеческих жертв. Но Саддам тянет время. И одновременно поджигает месторождения, расправляется с кувейтцами и т.д. Нет оснований доверять ему. Поэтому я не думаю, что мы сможем отложить действия. <...>

Я поговорю с Джимом относительно контакта с Бессмертных. А Вам большое спасибо.

Горбачев. Я понимаю то, что Вы сказали. И все же полагаю, что при том, что мы вместе прошли, один-два дня не являются решающими. Но они могут дать возможность выйти на желаемый результат.

Буш. Спасибо за Ваш звонок, до свидания.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Радживом Ганди
Москва, 23 февраля 1991 года*

Горбачев. Приветствую Вас в Москве. Рад нашей новой встрече.

Ганди. Я очень рад встрече с Вами. Вижу, что Вы в боевой форме.

Горбачев. Приходится. Сегодня — горячий день. У меня один за другим были телефонные разговоры с руководителями Великобритании, Италии, Франции, Египта, Сирии. Предстоит разговор с канцлером Колем.

Ганди. И какова же их реакция?

Горбачев. Реакция разная. Вам известны наши предложения. Это новый план. Мы направили его в Багдад и получили согласие. Главное в нем — безоговорочный и полный вывод войск из Кувейта. <...>

Сейчас Ирак принял этот план. И мы видим, что американцы начинают волноваться, начинают спешить. <...> Вчера ночью я имел полуторачасовой разговор по телефону с президентом Бушем. Он настаивал на том, чтобы мы поддержали требования США. Вот такая возникла ситуация: с одной стороны — их требования, с другой — согласие Ирака с моими предложениями, которые я не могу взять назад. Андреотти сказал, что между двумя подходами нет большой разницы. Действительно: семь дней или 21? Ясно, что за семь дней просто физически невозможно вывести все войска. Настаивать на этом можно, только если вы не хотите политического решения.

Мы считаем, что Совет Безопасности ООН должен был бы сейчас рассмотреть ситуацию и найти всеобъемлющее решение, которое интегрировало бы все предложения. <...>

Такова конкретная ситуация. Но за ней стоит и нечто более серьезное. Это вопрос о силе.

Ганди. Да, и это очень беспокоит.

Горбачев. Есть опасность отхода к методам времен «холодной войны». И второе: претензия на лидерство, руководство миром. Новое мышление в новых реальностях трудно дается американцам. Мы хотим продолжать процесс, который начался в последние годы. Надо защитить главное завоевание этих лет. Вот о чем идет речь. А Персидский залив — это хотя и трудный, крупный конфликт, но не главное.

Вопрос стоит серьезно: как пойдут дальше дела в мире. Для США, как видно, на первом месте стоят соображения престижа, лидерства. Я считаю, что очень важно сохранить наш выбор в пользу советско-американского сотрудничества, совместные усилия ради улучшения положения дел в мире. Но у США появились сейчас вожделения в связи с тем, что СССР оказался глубоко втянут в проблемы внутреннего развития и обновления страны. Это — недальновидный подход. Выходит, некоторые в США не хотят динамичного, обновленного Советского Союза. <...>

Ганди. Я почти на 100 процентов согласен с тем, что Вы сказали. Сейчас мы должны оказать поддержку Вашему плану.

Горбачев. Это было бы очень важно...

Ганди. Мы уже вчера заняли такую позицию в резолюции парламента. Это сделано по инициативе нашей партии. Еще не получив информации о всех деталях Вашего предложения, мы поддержали его и заявили, что Саддам Хусейн должен принять его. И в той же резолюции заявили, что необходимо созвать заседание Совета Безопасности, чтобы рассмотреть Ваши предложения.

Горбачев. Вы планируете провести здесь, в Москве, пресс-конференцию?

Ганди. Я мог бы это сделать.

Горбачев. Было бы неплохо, если бы Вы изложили эти позиции, Ваш подход к ситуации.

Ганди. Это хорошая идея. Я попрошу организовать встречу с прессой после нашей беседы.

Во всей этой истории есть загадочные моменты. Как получилось, что Хусейн попал в такое положение? Мы, откровенно говоря, ожидали, что до 15 января он сделает драматический шаг, чтобы выйти из положения. Иногда, анализируя американскую позицию, начинаешь задумываться, особенно вспомнив слова американского посла, сказанные незадолго до вторжения (*в Кувейт*). Потом американцы заявили, что он ошибся. И все-таки: посол практически дал иракцам «зеленый свет». Не вели ли американцы Ирак за руку к нынешнему положению?

Горбачев. Такая версия существует: США подтолкнули Ирак к агрессии, чтобы потом вмешаться, причем по-крупному, и таким образом провести общую перегруппировку на Ближнем Востоке. Кажется, что это грубая работа. Но если посмотреть, что происходит сейчас, то ведь действительно американцы уничтожают Ирак как крупную военно-политическую силу на Ближнем Востоке. Это ведь не какая-то дикая страна, а мощный фактор, который мешает им на Ближнем Востоке. Так что это одна из возможных версий. <...>

Ганди. К сожалению, в средствах массовой информации многих стран создалась ситуация, когда правда не в счет. Идут буквально волны дезинформации.

Горбачев. Да, в области информации у них огромный потенциал. Мы видим это и в связи с тем конфликтом, который произошел у нас в Литве. Он имел не только внутренние, но и внешние причины. <...>

Я сегодня все утро говорил по телефону с руководителями разных стран. Пытался убедить Миттерана.

Ганди. Мне кажется, ему обидно, что такой план выдвинули именно Вы. И он не очень хочет, чтобы он прошел.

Горбачев. А кто мешал ему?

Ганди. Конечно. Сейчас важно мобилизовать как можно большее число стран в поддержку Вашей инициативы, особенно неприсоединившихся стран. В последнее время они ведут себя очень тихо. Но я в свое время убедился, что когда кто-то берет на себя лидерство, их можно объединить вокруг какого-то дела. Когда же этого нет, то они сидят сложа руки.

Горбачев. После нашей беседы я намереваюсь еще раз позвонить президенту Бушу, буду убеждать его еще раз запустить процесс в рамках Совета Безопасности.

Ганди. Очень важно подключить к этим усилиям Китай, а также Иран.

Горбачев. У нас сейчас улучшаются отношения с Ираном, я сегодня буду говорить с Рафсанджани.

Мы пробовали связаться с китайцами, но там оказался на месте только дежурный по МИДу. Я не думаю, что это какой-то жест. Видимо, просто выходной, конец дня. <...>

Я очень доволен нашим разговором. Давайте продолжать контакты. Доверительный канал, который мы в свое время установили, остается в силе. Будем им пользоваться.

*Из разговора с Гельмутом Колем (по телефону)
23 февраля 1991 года, 19.55-20.15*

Горбачев. Приветствую тебя, дорогой Гельмут. Сегодня вечером ты дома, и у тебя, видимо, хорошее настроение. Очень не хочется, но мне придется немного испортить его.

Коль. Добрый вечер, Михаил. У меня действительно хорошее настроение и испортить его не так легко.

Горбачев. <...> Хотел бы в нескольких словах затронуть ситуацию, которая складывается на сегодняшний день вокруг Персидского залива. Только что у меня состоялся телефонный разговор с Джорджем. Я сказал ему откровенно, что в наших собственных интересах было бы фатальным не использовать шанс и не предотвратить трагедию, которая может начаться. <...> Оглашенные недавно требования иракцев не несут в себе непреодолимых препятствий.

Необходимо срочно созвать заседание Совета Безопасности ООН, скажем, в течение ближайших суток, на котором можно было бы принять твердое решение о прекращении войны и определить жесткие сроки вывода войск.

Если Джордж все же склонится к тому, чтобы, начав войну на суше, убересть свой престиж, мы все можем оказаться в очень тяжелом положении, из которого будет трудно выйти. <...>

Мы условились с Джорджем о том, что контакты между Бессмертных и Бейкером будут продолжены. Но у меня имеется большое опасение, что **американцы уже приняли окончательное решение. Значит, это будет решение без нас. Мы в нем не участвуем.** Еще раз подчеркиваю огромную необходимость действовать в сложившейся ситуации совместно. Я по-прежнему убежден, что, оставаясь на позициях жесткого реализма, мы будем в состоянии дожать ситуацию до политического решения. Пока еще имеется шанс не допустить трагедии.

Коль. В этой связи я хотел бы задать один вопрос. У нас никто не понимает, почему Хусейн требует установить для отвода войск срок в 21 день. Ведь он оккупировал всю страну практически за сутки, и чтобы уйти из Кувейта ему и 10 дней было бы много.

Горбачев. Когда иракцы вносили свое первое предложение о мирном урегулировании, они утверждали, что для вывода войск из Кувейта им понадобится три-четыре месяца. <...> Я не исключаю того, что в рамках чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН, которое мы призываем созвать немедленно, с учетом требований и Советского Союза, и США удастся дожать Ирак и определить сроки вывода до 10 дней.

В ходе нашей беседы в Москве Азиз сказал мне, что Ирак принял принципиальное решение и выкинул белый флаг. Это не политическая игра, не маневрирование.

Коль. Проблема состоит в том, что никто уже не испытывает к Хусейну никакого доверия. Его недавнее выступление по телевидению произвело на людей у нас просто ужасающее впечатление.

Горбачев. Мы с тобой хорошо знаем, что собой представляет Хусейн. Но я скажу прямо: что изменится за сутки, если срочно соберется Совет Безопасности ООН и рассмотрит все требования?!

Коль. <...> У меня не вызывает доверия тот факт, что Хусейн цепляется за этот срок в 21 день. У нас обратили внимание на то, что этот период времени совпадает с исламским праздником рамадан.

Горбачев. <...> Неужели у нас у всех не хватит политической мудрости, взвешенности, разума, и мы не воспользуемся этой возможностью, позволив кризису перерасти в такую фазу, откуда выбраться будет очень сложно?!

Коль. А что тебе сказал на это Джордж?

Горбачев. Не хочу быть неправильно понятым. Джордж ждет ответа от Ирака на свой ультиматум. Но уже на пресс-конференции в Москве Азиз заявил о программе из шести пунктов, которую можно было бы рассматривать как основу для поиска развязки. <...>

Хочу откровенно заявить: если бы я думал только о себе, о своих личных амбициях, а мои предложения хорошо известны, я мог бы спокойно уйти в тень. Но я хочу быть вместе с Бушем и в этой непростой ситуации. Сегодня особенно важно действовать сообща.

Коль. В настоящий момент это действительно самый решающий фактор. Прямо скажу тебе, Михаил: Джордж и ты должны быть вместе в этот момент. Нужно ли слишком много думать о Хусейне?

Горбачев. Я придерживаюсь того же мнения. Мне не нужен Хусейн. Но мы все окажемся в очень тяжелом положении, если на суше начнется кровавая бойня, пойдут гробы, будут гибнуть старики и дети.

Ты спросил, как реагировал Джордж на мои соображения. Он сказал, что хочет посоветоваться с союзниками по коалиции. Не принижая своей роли, хочу сказать, что я надеюсь на тебя, Гельмут.

Коль. Но срок ультиматума по нашему времени уже истек.

Горбачев. Джордж сейчас размышляет, что делать дальше.

Коль. Хорошо, я позабочусь об этом. Хочу, чтобы ты знал и мою позицию. Я весьма скептически настроен.

Горбачев. Неужели такой политик, как канцлер объединенной Германии, может превратиться в скептика?

Коль. Мой скепсис распространяется только на этот вопрос.

Горбачев. Сегодня мы как раз имеем дело с той ситуацией, когда необходимо проявить настоящий характер. Потом Джордж скажет спасибо за то, что Михаил и Гельмут настояли на своем.

Коль. Я постараюсь связаться с Джорджем и еще раз переговорить с ним по этому вопросу.

Горбачев. Обнимаю тебя, дорогой Гельмут. Хорошо помню твой семейный очаг, то уютное место у камина, где недавно был. Всего доброго.

Коль. До свидания.

*Из разговора с А.А. Хашеми-Рафсанджани (по телефону)
23 февраля 1991 года, 20.25-20.55*

Горбачев. Затрону вопрос, который я считал необходимым обсудить с Вами. Я имею в виду ситуацию в зоне Персидского залива.

Должен сказать, что мы положительно оцениваем постоянные контакты и взаимодействие между нашими странами на протяжении всего периода развития этого кризиса, отмечаем как важные Ваши усилия по поиску его политического решения. <...>

Нами было принято решение переговорить по телефону с руководителями ряда государств. С нашей стороны высказывалось предложение перенести рассмотрение ситуации в Совет Безопасности ООН и срочно, в течение одних суток провести его заседание, чтобы попытаться выйти на интегрированное решение и не допустить перехода военного конфликта в еще более острую стадию.

Словом, сегодняшний день я целиком посвятил беседам по этой проблеме. Разумеется, мы особо рассчитываем на сотрудничество с Вами в этот весьма ответственный момент.

Хашеми-Рафсанджани. В течение последних дней мы внимательно следим за теми шагами, которые предпринимает Советский Союз, лично Вы, господин Президент, в целях урегулирования кризиса в зоне Персидского залива. Приветствую Ваши усилия, направленные на поиск политического выхода. <...>

В свою очередь мы поддерживаем постоянный контакт с иракским руководством, обмениваемся с ним посланиями. С нашей стороны делается все, чтобы убедить Ирак в необходимости поддержать Ваши усилия, проявлять гибкость и воздерживаться от таких действий, которые могли бы привести к еще большему ухудшению положения дел.

Горбачев. Беседа с президентом Бушем у меня состоялась буквально перед нашим с Вами разговором. Он ждет от Ирака ответа на свои предложения, не считая таковым упомянутое заявление иракского руководства. Есть опасение, что отсутствие иракского ответа может вызвать у американцев и у других резкую реакцию.

Хашеми-Рафсанджани. Сейчас в Тегеране собрались представители ряда неприсоединившихся стран. Если многонациональные силы в ближайшие сутки не начнут наземные боевые действия, то можно было бы, например, срочно направить в Багдад делегацию из числа участников этой встречи, чтобы убедить иракскую сторону дать такой ответ.

Горбачев. Думаю, заявление Ирана в поддержку нашего предложения о срочном созыве Совета Безопасности могло бы оказать сдерживающее воздействие.

Хашеми-Рафсанджани. Мы незамедлительно опубликуем сообщение о состоявшейся беседе с Вами, в котором изложим также свою позицию по всем затронутым вопросам.

Мы рассчитываем, что в свою очередь советская сторона сделает все от нее зависящее, чтобы убедить США не разворачивать боевые действия сухопутных войск в течение хотя бы ближайших 24-30 часов.

Горбачев. Именно на это ориентировано наше предложение о проведении в срочном порядке заседания Совета Безопасности ООН.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с премьер-министром Японии Тосики Кайфу (по телефону)
23 февраля 1991 года, 20.55–21.10*

Горбачев. Приветствую Вас. Прошу извинить, что помешал Вашему отдыху субботней ночью.

Хотел бы поделиться с Вами некоторыми соображениями относительно ситуации в Персидском заливе, которая вступила в новую фазу. Сейчас весьма необходимо взаимодействие всех ведущих стран, с тем чтобы перевести конфликт в политическую стадию. Вопрос не в том, можно или нет верить Саддаму Хусейну. Дело сейчас не в Хусейне. Хусейн уже теперь другой: ему не удалось расколоть коалицию и он ослаблен. На него уже давят обстоятельства и твердая позиция коалиции. <...> С моей точки зрения, одни сутки или двое суток ничего не меняют. Однако за это время следовало бы предпринять усилия, с тем чтобы конфликт не вступил в острую фазу, не произошло трагедии, не гибли бы люди. Надеюсь в этой связи на авторитет Японии и ее правительства. Думаю, что подобно тому, как мы действовали эти семь месяцев вместе, мы должны сделать так, чтобы Буш почувствовал, что это необходимо и впредь.

Кайфу. Господин Президент, я высоко ценю усилия, направленные на достижение мира, которые Вы предприняли в последнее время. Считаю, что достижение согласия по шести пунктам представляет собой определенный прогресс. Однако этого недостаточно, здесь нет безоговорочного и полного вывода войск. Некоторое время назад я имел телефонный разговор с президентом Бушем на эту тему, и наши точки зрения совпали. Я хотел бы, чтобы Вы, господин Президент, предприняли дополнительные усилия, сделали еще один шаг, с тем чтобы Ирак полностью вывел свои войска из Кувейта. Я высоко ценю то, что Вы сочли необходимым связаться со мной, и принимаю сказанное Вами к сведению. Однако президент Буш не настроен оптимистично, он занимает жесткую позицию.

Переходя к другой теме, хотел бы сказать, что ожидаю Вашего приезда в Японию в апреле и надеюсь о многом поговорить с Вами.

Горбачев. Спасибо. Я также ожидаю встречи с Вами. Надеюсь, что это будет важный визит.

Уверен, что Вы, господин Кайфу, используете свои уникальные отношения с США и с президентом этой страны для того, чтобы избежать эскалации конфликта в Персидском заливе, избежать трагедии. Это все, что я хотел сказать Вам.

Кайфу. Спасибо. Я признателен за то, что Вы сегодня связались со мной. Я буду помнить этот наш разговор. Давайте и в дальнейшем сообща прилагать усилия к достижению мира. Еще раз хотел бы сказать, что ожидаю Вашего визита в Японию.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

В ночь на 24 февраля 1991 года США вместе с Великобританией и Францией начали сухопутную операцию, которая была названа «Буря в пустыне». Первый опыт сугубо «технической» войны. Коалиция потеряла всего несколько человек, а иракская армия, насчитывавшая несколько сотен тысяч личного состава, была разгромлена в несколько дней. Саддам Хусейн капитулировал.

*Из беседы с премьер-министром Великобритании Джоном Мейджором
Москва, 5 марта 1991 года*

Горбачев. <...> Я с огромной ответственностью с самого начала отнесся к тому, как мы будем действовать в Заливе. По сути дела, это была самая трудная проверка, испытание того, чего мы стоим, что стоят наши новые отношения, новое мышление. Порой мы шли по лезвию бритвы. Слава богу, что к этому времени уже была некоторая степень доверия между политиками — субъектами этой политики в такой момент! В последние дни кризиса, когда могла разразиться такая беда, мы опасались, что это бросило бы тень на все, чего мы достигли за последние годы.

Я действовал на последнем пределе дипломатической и политической откровенности. Главную задачу я видел в том, чтобы уберечь достигнутое нами в международных делах, в советско-американских отношениях, ибо без этого мало что произошло бы в этом мире. Сколько всяких советов давалось президенту Бушу и мне! Давление было огромное! Хорошо, что нам удалось до конца остаться на позициях взаимопонимания. Никому, в том числе и Хусейну, не удалось вбить клин между нами. Это — огромное достижение.

Мои главные опасения в последние дни перед развязкой состояли в том, что кто-то не удержится перед искушением поиграть мускулами. Особенно это характерно для военных. В тот момент я почувствовал, как подул сквозняк прошлого.

С самого начала мы настойчиво убеждали Джорджа Буша в необходимости использовать Совет Безопасности ООН, а не положения статьи 51 Устава ООН, которые позволили бы США откликнуться на обращение Саудовской Аравии о помощи. И он пошел на это. И сейчас, оглядываясь назад, могу сказать, что с его стороны это был исключительно дальновидный шаг. Иначе США могли бы оказаться в определенной изоляции. Могу сказать, что для нас это был непростой выбор.

Я воспринимаю как очень позитивный Ваш тезис о том, что на нынешнем этапе, в новой ситуации необходимо использовать механизм ООН и Совета Безопасности. Это явилось бы логичным продолжением той линии, которую мы вместе вели, и позволило бы еще более укрепить престиж Организации Объединенных Наций.

Есть два существенных момента, которые не следует упускать из виду. Первое. Желательно, чтобы мы сохраняли единство действий. Нельзя допустить, чтобы под видом восстановления разрушенного в Заливе вновь начали накапливаться вооружения. И к нам уже поступают заявки на поставки вооружений. Нам этот регион хорошо известен. И если он будет перенасыщен оружием, то оно в какой-то момент сработает.

Второе. Вы говорили о сохранении ограниченного присутствия боевой авиации. Считаю, что над этим вопросом следует дополнительно подумать. В военном отношении я не вижу большого смысла для такого присутствия. Ведь если понадобится, в регион можно быстро перебросить несколько авианосцев. Кроме того, США поблизости располагают авиабазами. Предлагаю по всем этим вопросам организовать консультации между министерствами иностранных дел двух стран, что явилось бы шагом в общих усилиях по нахождению приемлемых решений.

Мейджор. После моих последних контактов с коллегами у меня создалось впечатление, что арабы разочаровались в Арафате и потеряли к нему всякий интерес. Но это отнюдь не означает, что нам или американцам следует отказаться от попыток энергичного содействия урегулированию палестинского вопроса. Для этого сейчас имеется более благоприятная, чем когда-либо ранее, возможность, и мы не должны ее упустить.

Горбачев. В этом же контексте, думаю, мы не должны упускать из виду интересы Израиля, народа Израиля, который вправе рассчитывать на надежную безопасность. Иного решения здесь быть не может. Существует также проблема Ливана, проблема возвращения территорий Сирии. Все это также необходимо видеть и помнить.

Я постоянно указываю оппозиционным группировкам в Советском Союзе, к чему может привести «ливанизация» страны. Пока мы с Вами здесь разговариваем, азербайджанцы и армяне продолжают убивать друг друга. Сохраняется какое-то чудовищное чувство озлобленности, причем не в массах людей, которые глубоко переживают то, что происходит, а среди определенных кланов, пытающихся удержать свои политические и экономические позиции.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из разговора с Гельмутом Колем (по телефону)
5 марта 1991 года, 19.47–19.59*

Горбачев. Приветствую тебя, Гельмут. Как дела?

Коль. Здравствуй, Михаил. <...> От души благодарен тебе за то, что ты сдержал слово. Вчерашняя ратификация (*советско-германского Договора*) произвела у нас очень большое впечатление, хотя до этого говорилось и печаталось немало всякой чепухи. Достигнут очень хороший результат, и я сердечно благодарю тебя.

После обсуждения этого исторического акта.

Коль. Скажи, пожалуйста, нет ли у тебя каких-нибудь новостей о положении в зоне Персидского залива, надежной информации об обстановке в самом Ираке?

Горбачев. Ситуация в Ираке непростая. Там подспудно развиваются и зреют различные процессы. Большого пока сказать не могу.

Коль. Ты не знаешь, где сейчас Саддам Хусейн?

Горбачев. Точно не знаю, но складывается впечатление, что он на месте. Внимательно слежу за развитием ситуации и буду тебя информировать.

Коль (*смеясь*). Не спрячешь ли ты Хусейна где-нибудь в Крыму?

Горбачев. Ну, уж лучше ему прятаться на севере Германии.

Коль. Вот уж без надобности. У нас и без того достаточно сумасшедших.

Горбачев. Кстати, о ситуации в Заливе. Мне кажется, было бы полезно немного уравновесить реакцию Джорджа. По-моему, там у него пробежала какая-то тень. Конечно, он и сам разберется в ситуации, но было бы лучше ему в этом помочь. Он ведь ходил по лезвию бритвы, и мы были среди тех, кто его выручал. Если он думает, что те, кто ему только и поддакивает всякое, и есть его настоящие друзья и партнеры, то ведь это не так. Ограничусь этими словами.

Коль. Хорошо понимаю тебя. Может быть, мы созвонимся еще раз в начале будущей недели, а я тем временем переговорю с Джорджем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Президентом Турции Тургут Озалом
Москва, 11 марта 1991 года*

После приветствий.

Озал. <...> О будущем Ирака. По нашему твердому убеждению — и мы выступали за это с самого начала конфликта — целостность этой соседней нам страны должна быть сохранена.

Горбачев. Очень правильная мысль. Хочу отметить это особо, так как в последнее время уже заговорили о дезинтеграции Ирака. Это было бы весьма опасно.

Озал. Да, целостность Ирака должна быть сохранена. Иранцы придерживаются того же мнения. <...>

Палестинская проблема является центральной для арабов, и если она будет урегулирована, то многие другие вопросы разрешатся сами собой. Однако, к сожалению, действия Хусейна осложнили перспективы решения палестинской проблемы.

Горбачев. Как и положение Арафата.

Озал. Согласен с Вами. Если бы Ирак принял предложения Бейкера в Женеве, то палестинскую проблему решать было бы гораздо легче. А вместо этого Хусейн стал обстреливать ракетами Тель-Авив, что не имело сколько-нибудь серьезного военного значения, но зато резко переменяло настрой американского общественного мнения: от весьма прохладного по отношению к Израилю, до сочувствия к нему и поддержки.

Горбачев. Хотел бы остановиться на некоторых общих принципах того, как нам сотрудничать. Главное — вести дело к тому, чтобы обстановка разряжалась. Ведь здесь накоплено много оружия. Есть интересы крупных держав, их военное присутствие. Если над этим не подняться и не посмотреть с новых позиций, то можно ситуацию не только не упростить, а, напротив, осложнить.

Если пойдет борьба за сферы влияния в регионе, то это может привести к растаскиванию его на части, столкновению экономических интересов,

самым серьезным образом обострить обстановку. А можно, напротив, опираясь на взаимопонимание, быстро восстановить регион в интересах стран, которые здесь находятся, и мировой экономики.

Озал. Одну из возможностей продвижения урегулирования в регионе, помимо решения вопросов, относящихся собственно к безопасности, мы видим в налаживании экономического сотрудничества. Турция готова принять в нем активное участие. С учетом того, что многие арабские страны испытывают нехватку пресной воды, мы могли бы поделиться с ними своими ресурсами. Если нам удастся таким образом связать воедино экономические интересы, тогда и разногласия в регионе будут сведены к минимуму.

Господин Президент, если Вы не возражаете, хотел бы перейти к вопросам советско-турецких отношений.

Горбачев. Пожалуй, действительно пора «переплыть» из Персидского залива в Черное море.

Озал. Мы весьма удовлетворены тем, что за последние годы отношения Турции с Советским Союзом получили существенное развитие. В прошлом году товарооборот между нашими странами достиг 1,8 миллиарда долларов, из них 1,2 миллиарда долларов — экспорт Советского Союза в Турцию, на 600 миллионов долларов мы поставили товаров в вашу страну.

Хочу подчеркнуть, что торговля между нами развивается весьма динамично. Через два-три года она выйдет, по нашим оценкам, на уровень 4-5 миллиардов долларов.

Горбачев. Это абсолютно реально. Возможности и перспективы у нас огромные.

Озал. Мы надеемся, что мой визит в Советский Союз будет способствовать дальнейшему развитию взаимной торговли между нашими странами. На протяжении долгого времени мы недостаточно знали возможности друг друга.

Перспективы развития торговли и экономического сотрудничества с Советским Союзом мы напрямую связываем с ходом экономических реформ в СССР, полагая, что по мере того как у вас будут меняться экономические структуры и механизмы, торговля будет быстро расти. Новых возможностей в плане наращивания торговли мы ожидаем от расширения внешнеэкономических полномочий и компетенции республик. <...>

В последнее время в наших экономических связях с СССР появился довольно заметный финансовый аспект. Заключены соглашения о предоставлении Турцией Советскому Союзу кредитов на общую сумму 950 миллионов долларов, в том числе на 300 миллионов долларов для закупки турецких потребительских товаров, 350 миллионов долларов — на финансирование ряда строительных проектов, осуществляемых турецкими фирмами в СССР. И наконец, 300 миллионов долларов в товарной форме. Первый из этих кредитов уже использован, с реализацией второго кредитного соглашения есть некоторые вопросы, последний кредит также остался частично неосвоенным. Нам бы хотелось, чтобы эти кредиты были в ближайшее время полностью использованы.

Горбачев. Это и в наших интересах.

Озал. Хотел бы несколько подробнее остановиться на следующем предложении, которое в случае его реализации могло бы оказаться взаимопользным звеном нашего сотрудничества. Речь идет о том, что турецкие фирмы хотели бы и готовы принять участие в модернизации систем телефонной связи и телекоммуникаций в Советском Союзе.

Сегодня наши линии телекоммуникаций, оснащенные самой современной электронно-цифровой аппаратурой, не уступают по своему техническому уровню линиям связи многих европейских стран.

Подобный проект, предусматривающий на первом этапе модернизацию 100–150 тысяч телефонных линий (50–60 тысяч для Москвы и от 10 до 30–40 тысяч для крупных городов и столиц союзных республик) может быть осуществлен в течение четырех-пяти лет и будет стоить порядка 200–250 миллионов долларов.

Горбачев. Мы готовы рассмотреть этот проект. Для нас это весьма актуально.

Озал. Я это хорошо понимаю... Говоря о Черноморском районе экономического сотрудничества, мы видим участие в нем СССР, в том числе шести советских республик — Молдавии, Украины, РСФСР, Грузии, а также Армении и Азербайджана. Из других стран в Черноморском экономическом районе могли бы принять участие Болгария, Румыния, а в дальнейшем, возможно, Югославия, Венгрия и Албания. По численности населения возможных участников Черноморский экономический район превосходит страны Общего рынка. Здесь имеются богатейшие природные ресурсы. Кроме того, Черное море — это и возможность прямого морского сообщения.

Горбачев. Потенциал этого района действительно огромен.

Озал. Мы не имеем в виду создавать общий рынок с его сложными механизмами, а предлагаем идти постепенно, начиная с простейших форм и механизмов сотрудничества. Для начала можно было бы облегчить на взаимной основе визовый режим, дать друг другу равные возможности для вложения капиталов.

Горбачев. Это реалистический проект. Пришло время приступать к его реализации. Но надо иметь в виду, что Черное море — зона, не только богатая природными ресурсами, но и развития туризма и отдыха.

Давайте условимся таким образом. И вы, и мы дадим поручения проработать концепцию создания Черноморского экономического района, встретиться и сопоставить свои взгляды, вступить в контакт с другими странами и двигать это дело вперед.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Сирии Фаруком Шараа
Москва, 4 апреля 1991 года*

Горбачев. <...> Сейчас очень неоднозначно идет процесс включения Ирака в структуру послевоенного устройства в районе Залива. Хусейн остается у власти, и это создает весьма непростую ситуацию. Важно не допустить расчленения Ирака. Прежде всего, это не в интересах самих арабов.

Конечно, у американцев после окончания военных действий в Персидском заливе присутствует определенная эйфория. Но все же они проявляют реализм, видят необходимость выхода на решение не только проблем района Персидского залива, но и всего Ближнего Востока, в первую очередь арабо-израильского конфликта.

Естественно, мы должны считаться с интересами США в этом районе мира, в том числе и экономического характера. Но и они считаются с нашими и вашими интересами. Важное значение в этом плане имеет недавнее заявление президента Буша о том, что события, происходящие в Ираке, являются внутренним делом иракского народа и что США не намерены в них вмешиваться.

Шараа. Это правильно... Возвращаясь к теме Ближнего Востока, хотел бы отметить, что Сирия искренне заинтересована в установлении там подлинного мира. Ведь Ближний Восток — это, по сути дела, единственный из оставшихся в мире взрывоопасных регионов. Ни Южная Африка, ни Центральная Америка, ни Камбоджа не вызывают столько беспокойства, сколько этот район мира.

Будем надеяться, что администрация Буша будет и далее проводить реалистичную политику как в региональном, так и глобальном плане.

Мы также рассчитываем на серьезное сотрудничество между СССР и США в интересах проведения международной конференции по урегулированию ближневосточного конфликта.

Горбачев. Будем продолжать наше взаимодействие в этой (военной) сфере, разумеется, в контексте нынешней обстановки в регионе. В этом вы не должны сомневаться.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Бушем и Бейкером в Ново-Огарево
31 июля 1991 года*

Горбачев. <...> Давайте обсуждать теперь Ближний Восток, если министры еще не запутались окончательно в этой проблеме.

Бейкер. Вы знаете, Авраам Линкольн говорил, что любая дорога хороша, если она, в конце концов, приводит к целям. Ближний Восток — это регион, где мы можем не просто взаимодействовать, но и быть партнерами. Обе наши страны прилагают огромные усилия, стремясь воздействовать на различные стороны. И только поэтому сейчас, наконец, возник шанс.

Мы подготовили заявление, с которым два президента могли бы выступить здесь в Москве.

Горбачев. Я ознакомился с ним. Думаю документ подходящий.

Из нас будут пытаться вытащить ответ по ряду позиций. Во-первых, о роли ООП, во-вторых, о самоопределении палестинцев и, в-третьих, о возвращении арабских территорий.

Бейкер. Давайте будем подчеркивать: мы взаимодействуем, мы стремимся наладить мирный процесс. В детали не будем углубляться. Заявление говорит само за себя.

Горбачев. Действительно, главное — наше взаимодействие. Если процесс действительно начнется в октябре, то это будет историческим шансом для урегулирования.

Бессмертных. Мы полагаем, что приглашение на мирную конференцию должно быть направлено от имени двух президентов. Мы работаем над текстом этого приглашения, которое будет состоять не просто из вежливых фраз, а будет содержать основу мирной конференции.

Видимо, учитывая ее исторический характер, было бы целесообразно, чтобы конференцию открыли президенты СССР и США.

Горбачев. Я думаю, что, возможно, мы запоем эти дни, как начало прорыва.

Буш. Надеюсь на это, но меня по-прежнему беспокоит ответ Израиля. Он еще не сказал «да».

Горбачев. Со своей стороны мы будем готовы установить дипломатические отношения с Израилем в связи с началом конференции*. Можете передать это израильтянам.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с представителем короля Саудовской Аравии
принцем Бандером Бен Султаном
Москва, 19 сентября 1991 года*

Горбачев. Я приветствую Вашу миссию. Мы убеждаемся, что нужны друг другу. Я очень ценю, что Его Величество король Фахд столь оперативно отреагировал на мое обращение к нему.

Бандер Бен Султан. Я знаю. И хочу, чтобы Вы знали, что на протяжении 60 часов переворота** мы были душой и сердцем с Вами, волновались, по-человечески переживали за Вас.

Горбачев. Мне известна Ваша позиция. Очень жаль, что среди тех немногих, кто выразил симпатию к ГКЧП, были и некоторые арабы. Но это уже их проблема.

Бандер Бен Султан. К счастью, те немногие арабы, кто поддержал переворот, это те же, кто в свое время поддержал Саддама Хусейна. Так что я не удивлен. <...> Во время переворота мы приостановили все экономическое сотрудничество с СССР. Сейчас мы готовы ускорить осуществление этого сотрудничества согласно Вашей просьбе.

Его Величество также считает, что мы могли бы оказать помощь в удовлетворении неотложных потребностей в продовольствии и лекарствах. Если бы мы могли получить перечень ваших потребностей, то это было бы весьма полезно, и мы могли бы начать конкретно действовать.

Мы считаем также, что помощь, которую готово оказать международное сообщество, будет существенной только в том случае, если ее получателем будет единая страна. В противном случае готовность помочь будет меньшей. <...>

* Имеется в виду предстоявшая в конце октября 1991 года международная конференция по Ближнему Востоку в Мадриде.

** Имеется в виду августовский путч.

Я был бы готов встретиться, скажем, с Назарбаевым и Ельциным, чтобы подчеркнуть, что наше правительство считает своим партнером центральное правительство СССР, стремясь в то же время развивать отношения и с республиками на основе того, как решит соответствующие конкретные вопросы советский народ.

И последнее — Ирак. Недостаточно просто сказать спасибо Президенту Горбачеву и советскому народу за ту позицию, которую СССР занял во время кризиса. Это была справедливая и принципиальная позиция. Действительно, разве мы можем осуждать израильскую оккупацию арабских земель, если одна арабская страна захватывает другую?!

Попытка переворота в СССР шокировала нас, и мы тяжело переживали тот факт, что Саддам Хусейн поставил себе в заслугу этот переворот. <...>

Горбачев. Спасибо. Наш разговор, я бы сказал, не дипломатический, и я ценю ясное и четкое изложение Вами политических позиций. Это — основательный разговор, и у меня вызывает большое удовлетворение тот факт, что мы можем констатировать широкую степень совпадения позиций по всем обсуждаемым вопросам.

Бандер Бен Султан. Это не просто совпадение, оно далеко не случайно.

Горбачев. Я приветствую позицию Его Величества относительно ускорения осуществления наших договоренностей о кредите. Прошу Вас передать королю, что мы очень ценим этот шаг в нынешний момент, когда после пресечения переворота у нас возникли и новые большие возможности, и трудности, усугубленные попыткой переворота.

Об Ираке. Я признателен за Вашу оценку нашей позиции во время Персидского кризиса. Мы решительно выступили против того, что совершил Саддам Хусейн. В то же время мы всегда добивались того, чтобы кризис не привел к разрушению иракской государственности, к непомерным человеческим жертвам среди иракцев, простых арабов. Эта вторая часть нашей позиции не всегда, не всеми была понята. Но я уверен, что она сыграла существенную роль в прекращении эскалации этого конфликта.

Теперь вернусь к тому, с чего я начал. Мы видим, что советско-саудовские отношения имеют уже самостоятельную ценность, они выдерживают испытания временем и событиями, приобрели такой важный элемент, как доверие, в том числе между руководителями государств. Я очень ценю мои отношения с Его Величеством королем.

Бандер Бен Султан. Хочу сообщить Вам, что в своих контактах с нашими западными друзьями — Бушем, Мейджором, Митгераном, Кодем — Его Величество настойчиво убеждает их в необходимости оказать масштабное содействие Советскому Союзу, не ограничиваться полумерами.

Такую позицию король занимает не только после переворота. Возможно, Вам не известно, что накануне встречи «семерки» в Лондоне мне было поручено довести до сведения ее лидеров позицию Его Величества: нельзя допустить, чтобы Горбачев покинул Лондон без ощутимых результатов. К сожалению, лидеры «семерки» считали, что они более мудро оценивают ситуацию. Оказалось, что правы были мы, и мы надеемся, что теперь к нам будут больше прислушиваться.

Я приложил немало усилий для того, чтобы отношения между нашими странами пошли в гору. <...> Тогда я сказал: «До Президента Горбачева у нас было очень мало общего с Советским Союзом, а теперь — очень много». Сейчас мы хотели бы, чтобы наши отношения с некоторыми арабскими странами были столь же хорошими, как с СССР.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Хосни Мубарак
Москва, 27 сентября 1991 года*

Мубарак. Очень рад новой встрече с моим другом Президентом Горбачевым.

В связи с попыткой государственного переворота мы были глубоко встревожены Вашей судьбой, а также судьбой процесса преобразований в вашей стране. Поэтому мы с огромным облегчением восприняли известие о провале путча... Уровень свободы в Советском Союзе достиг такой отметки, что путч провалился. И в этом, прежде всего, Ваша заслуга, господин Президент.

В свое время смещение Хрущева удалось потому, что народ не вышел на улицы, не стал участником событий. Сейчас же дело обернулось совсем иначе.

К сожалению, не все арабы, я имею в виду Каддафи и других, были на Вашей стороне во время испытаний. Я интересовался у ливийского лидера, почему он выступил в поддержку путчистов. Он сказал, что, прежде всего, основывался на информации советских друзей. <...>

Горбачев. Хотел бы сказать несколько слов о ситуации на Ближнем Востоке.

Как я понимаю, сирийцы очень заинтересованы в том, чтобы выпукло обозначить тему Голанских высот в процессе переговоров. При этом они хотели бы видеть ее не только в повестке дня международной конференции (*по Ближнему Востоку в Мадриде*), но чуть ли и не в содержании приглашений участникам форума. В связи с этим американцы пошли на непростой для себя шаг — заявили о том, что имеют в виду в процессе переговоров учитывать это стремление Сирии.

Мубарак. Едва ли можно рассчитывать, что Шамир сразу пойдет на уступки. Главное — начать процесс переговоров, в ходе которых можно будет обсудить интересующие стороны вопросы. Из нашего опыта известно, что израильтяне не сразу согласились отдать нам весь Синайский полуостров (*после «войны Судного дня» 1973 года*). Вначале они не шли дальше того, чтобы вернуть лишь его часть. <...>

Горбачев. Есть еще две проблемы. Это вопрос о формировании иорданопалестинской делегации (*на конференцию по Ближнему Востоку в Мадриде*), а также реализации права палестинцев на самоопределение. Едва ли Израиль на первоначальном этапе согласится на создание независимого палестинского государства. Скорее речь может идти о конфедерации.

Мубарак. Разумеется, этот процесс должен развиваться поэтапно. На создание палестинского государства не согласится не только Израиль, но и Иордания. Да в этом не заинтересованы и сами арабы. Что же касается их публичных заявлений на этот счет, то они скорее рассчитаны на внутреннее потребление.

Горбачев. Палестинцам нужно быть здесь большими реалистами.

Что касается вопроса о восстановлении дипломатических отношений с Израилем, то даже Бейкер просил нас не торопиться с этим, — чтобы сохранить рычаги воздействия на Израиль.

Мубарак. Мы с этим согласны.

Горбачев. Следующий вопрос — ситуация в связи с нежеланием Хусейна выполнять резолюции СБ ООН, в частности задержанием иракскими властями инспекторов ООН. <...> Однако при этом важно, чтобы дело не дошло до военной акции.

Мубарак. Проблема не только в самом Саддаме Хусейне, но также и в его окружении. Такие люди, как Рамадан³³, Азиз и другие, а также национальная гвардия в целом, не могут допустить ухода Хусейна, это означало бы для них не только политическую, но и физическую смерть.

Да, здесь нужно проявлять бдительность.

Горбачев. Мы знаем, что в контактах с Саудовской Аравией, ОАЭ, другими государствами Залива Вы призываете их к более активной поддержке наших реформ. Хотел бы выразить нашу признательность в этой связи.

Мубарак. Да, мы постоянно напоминаем им об этом. Правда, нужно иметь в виду, что они, а в особенности саудовцы, не любят спешить с принятием решений, поэтому здесь нужно терпение.

Горбачев. Согласен с Вами.

Хотел бы обсудить также один вопрос из области двусторонних отношений.

В последнее время все громче звучит тема о необходимости принятия мер по ограничению гонки вооружений на Ближнем Востоке. Выдвинут ряд инициатив, в том числе и со стороны США. Вполне очевидно, что в этом направлении нужно двигаться. Но вместе с тем есть и справедливые интересы укрепления обороноспособности. Скажу прямо, мы готовы к возобновлению активного военного сотрудничества с Египтом и могли бы поручить нашим ведомствам обсудить все связанные с этим вопросы, в случае если и египетская сторона проявит аналогичное желание.

Мубарак. Египет за развитие нашего взаимодействия по этой линии. Между нами идет сотрудничество в том, что касается поставки запчастей, самолетов. Мы поддерживаем Ваше предложение. Видимо, для нас могли бы представить интерес предложения относительно артиллерийского оружия, танков, другой техники.

Горбачев. <...> Исходя из наших взаимных интересов, надо привести это сотрудничество в соответствие с имеющимися потребностями.

Надеюсь, что Ваш рабочий визит сыграет большую роль не только в деле развития советско-египетских отношений, но и для международной политики. Мы готовы к более активным двусторонним консультациям по вопросам положения на Ближнем Востоке, создания системы региональной безопасности в зоне Персидского залива. <...>

Другая актуальная проблема — процессы, происходящие в исламском мире. Для нас их анализ важен как с точки зрения внутренней, так и внешней политики.

*На международной конференции по Ближнему Востоку
Мадрид, 28–30 октября 1991 года*

Это было последнее «соприкосновение» Горбачева в качестве руководителя СССР с ближневосточной проблемой, для урегулирования которой он приложил немало усилий и добился, в конце концов, что она была интернационализирована и было образовано «русло» мирного, переговорного процесса, хотя решить проблему до сих пор не удастся.

Как сопредседатель конференции (вместе с Джорджем Бушем) Горбачев выступил с речью при открытии. Речь озаглавлена: «Не упустить уникальный шанс». (Текстом Горбачев-Фонд не располагает).

Перед открытием конференции Горбачев встретился с премьер-министром Израиля Ицхак Шамиром. К этому моменту министр иностранных дел Борис Панкин³⁴ успел оформить возобновление дипломатических отношений между СССР и Израилем.

*Из беседы с Ицхаком Шамиром
Мадрид, 30 октября 1991 года*

Горбачев. Рад встрече, господин премьер-министр. Хорошо, что отношения между нашими странами установлены. Будем считать, что лед тронулся.

Шамир. Я стремился к этому всегда.

Горбачев. В Советском Союзе настрой был за установление отношений. Я всегда был за то, чтобы между нашими людьми были контакты, всячески поощрял поездки в Израиль. <...>

Знаменательно, что наша встреча происходит накануне такого исторического события, как мирная конференция по Ближнему Востоку. Я получил Ваше письмо. <...> Думаю — и говорил об этом сегодня Джорджу Бушу, — что на пути к урегулированию предстоит преодолеть много трудностей. Не будем ничего упрощать. Но в то же время ситуация сегодня не та, что прежде. Надо искать конструктивный баланс интересов. Вы можете на нас положиться в том, что и в двусторонних отношениях мы постоянно проводим идею о том, что все государства имеют право на гарантированную безопасность. Только на этой основе можно построить нормальные, мирные отношения.

Могу сказать Вам, что мы близки к назначению советского посла в Израиле*. Желающие есть. Вчера по телевизору показывали открытие израильского посольства. Бывший консул стал послом. Он хорошо работает.

Я уехал на несколько дней из Москвы, где дел очень много...

Что Вы думаете о конференции, как она пойдет?

Шамир. Прежде всего, я надеюсь, что она в любом случае улучшит ситуацию.

* Горбачев уже знал, кого он назначит. И «вся Москва» уже знала, так же как израильяне. Это был Александр Евгеньевич Бовин (1930–2004) — известный журналист и телекомментатор, сыгравший в свое время, будучи «нештатным» советником у Брежнева и Андропова, большую роль в проведении политики «разрядки». Выбор его был оптимальным, принимая во внимание образ мыслей Бовина, широту взглядов, образованность, его интеллектуальный потенциал. Работая послом в Израиле (1991–1997), он действительно много сделал для установления дружеской атмосферы в отношениях наших двух стран и народов.

Горбачев. Я тоже так думаю.

Шамир. У нас нет иллюзий, что конференция сразу решит все проблемы. Конфликт старый, сложный, эмоциональный. Но надо сторонам начинать разговаривать друг с другом. И для народов, и для людей, и для государств самое плохое состояние — это когда не разговаривают друг с другом. Необходимо говорить, обсуждать, спорить, а затем подходит момент, когда нужно проявить политическую волю. И тогда вопрос решается.

Мы благодарны Вам, господин Президент, за то, что именно при Вашем руководстве мы делаем этот исторический шаг, возобновляем отношения с Советским Союзом. Мы считаем, что на протяжении многих лет мы много потеряли из-за отсутствия контактов с СССР.

Горбачев. Советский Союз тоже исходит из этого.

Шамир. В нашей стране испытывают глубокую симпатию к советским людям. Многие хорошо знают русскую историю и культуру. Много выходцев из вашей страны. Они оказывают влияние на облик нашего общества.

Горбачев. Думаю, сотрудничество у нас получится. Интересная идея — строительство установок по опреснению воды. Много можно сделать в области самолетостроения, нефтяной, судостроительной промышленности. <...> В последнее время очень многое изменилось в лучшую сторону. В Москве уже 22 школы, где изучается еврейская религия и культура. <...>

Шамир. Пусть они (*евреи*) сами решают, где хотят жить. Мы признательны Вам за то, что в Советском Союзе приняты законы, обеспечивающие право выезда. Это важно для нас, для нашего народа. Наши люди будут помнить это. А они умеют помнить. Мы очень признательны Вам за Ваше высказывание против антисемитизма. Эти слова у нас встречены с большим вниманием.

Горбачев. <...> 50-я годовщина трагедии в Бабьем Яре позволила мне выступить с заявлением на эту тему. Я направил туда в качестве моего личного представителя Александра Николаевича Яковлева, который зачитал мое заявление, оно имело большой отклик.

В то же время надо учитывать и такой чувствительный момент. Десятилетия тоталитарного режима принесли страдания буквально всем народам. Многие подвергались высылке, репрессиям, объявлялись преступными: немцы, чеченцы, ингуши, многие другие. Сильно пострадал русский народ.

Шамир. Это так. В то же время наша трагедия имеет особый характер. Я еще раз хочу высказать признательность за Вашу позицию.

Несколько слов о нашем регионе. За 24 года, пока у нас с вами не было контактов, в регионе возникла гонка вооружений. Некоторые страны получали оружие от США, другие — от СССР. Сейчас масштабы этого явления стали несколько меньше. Мы хотели бы выразить надежду, что Советский Союз не будет способствовать гонке вооружений в регионе. Я имею в виду, например, продажу танков Сирии, которая по-прежнему занимает довольно крайние позиции.

Горбачев. Давайте договариваться о таких вещах все вместе. Недавно в Лондоне этот вопрос обсуждали пять постоянных членов Совета Безопасности. А в июле я говорил о проблеме поставок оружия с президентом США

во время его визита в Москву. <...> Надо искать истину и на двусторонних переговорах, и на многосторонних.

Шамир. Мы считаем, что и то, и другое важно...

Горбачев. Вы будете выступать на конференции одним из первых. Мы рассчитываем, что Вы выступите конструктивно, зададите конструктивный тон обсуждению. Теперь слово за вами, за сторонами. Хотя, конечно, и мы, сопредседатели, не умываем руки.

Шамир (*смеясь*). Вы будете осуществлять «дистанционный контроль».

Один технический, тем не менее, важный момент. Мы считаем что двусторонние переговоры надо вести непосредственно в регионе. <...> Если они будут вестись в третьей стране, то мне трудно было бы уделять им должное внимание. <...>

Горбачев. <...> Не могу не сказать о том, что мы осуждаем террористический акт, совершенный только что против израильских граждан.

В заключение хочу сказать, что вижу в Вашем лице энергичного человека, приверженного процессу урегулирования. Сейчас задача состоит в том, чтобы двигаться вперед. Я желаю Вам успеха.

Шамир. Спасибо. Я хотел бы пригласить Вас посетить нашу страну. Это даст нам возможность обсудить все проблемы. Наши люди будут очень рады увидеть Вас в Израиле*.

АГФ. Фонд №1, опись № 1.

*Из беседы с эмиром Кувейта Шейхом Джабером аль-Ахмедом Ас-Сабахом
Москва, 18 ноября 1991 года*

Горбачев. Рад приветствовать Вас, Ваше Высочество, в Кремле. Мне особенно приятна наша встреча в связи с тем, что она происходит в условиях, когда остались позади трагические испытания, выпавшие на долю народа Кувейта в результате иракской агрессии. Мы рассматриваем восстановление независимости и суверенитета Кувейта как наш общий успех.

Шейх Джабер. Приветствую в Вашем лице доброго друга Кувейта. Мы высоко ценим позицию, занятую Советским Союзом в дни тяжелых испытаний для нашего народа. Мой нынешний визит как раз и посвящен, главным образом, выражению признательности за эту позицию.

Горбачев. Вчера я услышал, что режим Хусейна вновь применил вооруженную силу для подавления оппозиции в одном из районов страны. В связи с этим, я полагаю, что международное сообщество должно ужесточить контроль за выполнением резолюций, принятых СБ ООН в связи с посткризисным урегулированием в зоне Залива.

Шейх Джабер. Это именно то, чего мы хотим от наших советских друзей.

* Горбачев совершил визит в Израиль уже после того, как оставил пост Президента, в 1992 году. Он был принят предельно благожелательно. Поездил по стране, посетил кибуцы, ему показали процветающие хозяйства в пустыне, встречался со многими людьми, не говоря уж об официальных лицах самого высокого ранга.

Горбачев. Мы твердо придерживаемся линии на неукоснительное выполнение Ираком своих обязательств, вытекающих из резолюции 678 СБ ООН, и в частности по вопросу о возвращении военнопленных. Будем вместе с вами и другими странами работать над решением этой задачи.

Волнующую нас тему безопасности я связываю не только с зоной Залива, но и со всем регионом Ближнего Востока. Скажу откровенно, мы привержены тому решению, в соответствии с которым там должен действовать механизм Организации Объединенных Наций, обеспечивающий устойчивый и продолжительный мир. В его функционировании могло бы принять участие все международное сообщество.

Иногда до нас доходят рассуждения относительно того, что в регионе должно сохраниться массированное присутствие некоторых иностранных держав. Мы предпочли бы, чтобы безопасность этого, как и других районов мира, строилась не на военной мощи той или другой стороны, а на коллективном сотрудничестве. <...>

Шейх Джабер. Я, наверное, соглашусь с Вами, Ваше Превосходительство. Кувейт за то, чтобы безопасность любого региона гарантировалась великими державами и, в частности, пятеркой постоянных членов Совета Безопасности.

Горбачев. В моих беседах с президентом и госсекретарем США, а также в недавней беседе с премьер-министром Израиля Шамиром не раз возникал вопрос о необходимости ограничения вооружений на Ближнем Востоке. При этом я всегда подчеркивал, что эти действия должны носить ответственный, согласованный характер. Чтобы не получилось так, что одни будут свертывать сотрудничество в этой области, а другие, наоборот, пользоваться этим для расширения своей активности.

Безусловно, у государств региона существуют некоторые минимальные потребности в оборонном потенциале. Не думаю, однако, что чрезмерное насыщение Ближнего Востока военной техникой и иностранными вооруженными силами будет способствовать безопасности и стабильности там. Вероятно, ответ следует искать на путях обеспечения безопасности через ограничение вооружений и коллективное сотрудничество. В этих условиях Ираку никогда не удастся возродить полумиллионную или даже миллионную армию и повторить то, что произошло.

Шейх Джабер. Если бы такой подход воплотился на практике, мы всецело поддержали бы его без каких-либо возражений.

Горбачев. Надеюсь, что так и будет. Иначе не избежать повторения трагедии.

Шейх Джабер. Согласен.

Горбачев. И последний вопрос. Хотел бы выразить Вам глубокую признательность за важный конкретный шаг, сделанный Вами в направлении оказания помощи нашей стране в этот трудный период. Мы благодарны за то, что, несмотря на определенные трудности, которые переживает сегодня сам Кувейт, Вы с пониманием отнеслись к нашим проблемам.

Задолженность Советского Союза к настоящему времени достигла 60 миллиардов долларов. Вместе с тем нам должны 86 миллиардов долларов. Про-

блема в том, что мы платили и будем платить свои долги исправно, а наши должники занимают иную позицию.

Советский Союз — богатое государство. Но сейчас мы в трудном переходном периоде и нам нужна поддержка. Требуются серьезные преобразования — я этим сейчас и занимаюсь, — а для них необходима твердая валюта.

Шейх Джабер. Когда путч произошел и был разгромлен, я пригласил посла США в Кувейте и отметил, что сказанное мною в прежних беседах подтвердилось. Хватит болтать о демократии и правах человека. Надо оказать Советскому Союзу серьезную поддержку в этот трудный для него момент. СССР нужно лишь подняться на ноги. После этого помощь столь богатому государству не понадобится. Не опоздайте же во второй раз, — подчеркнул я.

Хотел бы подтвердить Вам, что, хотя Кувейт и сам находится в нелегком положении, мы готовы помочь Советскому Союзу чем можем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Ирана Али Акбаром Велаяти
Москва, 26 ноября 1991 года*

Горбачев. Я постоянно говорю нашим политикам, недавно вставшим на эту стезю, что мировое сообщество не может позволить себе потерять Советский Союз как своего полноправного и видного члена. Объясняю, насколько опасно подрубать существующие опоры. Кто же в мире захочет иметь дело со, скажем, восемью или двенадцатью внешнеполитическими линиями вместо одной согласованной внешней политики.

Велаяти. Вы совершенно правы, господин Президент.

Позвольте теперь мне остановиться на некоторых практических вопросах нашего сотрудничества.

Горбачев. Хочу задать вопрос. У нас большая страна, располагающая богатейшим потенциалом. Но средства на решение проблем нужны уже сегодня. Что Иран мог бы сделать, чтобы помочь нам получить эти средства? <...>

Хочу спросить, как в Иране оценивают Мадридскую конференцию по ближневосточному урегулированию? Крайние варианты решения этой проблемы уже были испробованы. Результаты известны. Сейчас мы постарались сделать так, чтобы палестинская проблема, проблема возвращения оккупированных территорий были в центре внимания. Мы стремимся поддержать ООП и Арафата в той трудной ситуации, в которой они находятся.

Если мирный процесс не пойдет, то это, в том числе и с учетом военного поражения Ирака, может оказаться тяжелым ударом для арабов, будет чревато серьезными последствиями. Мы серьезно обеспокоены такой возможностью.

В то же время мы оцениваем ситуацию реалистически, исходим из того, что нельзя игнорировать и интересы Израиля.

Сейчас некоторые говорят о том, что Советский Союз, дескать, ослаб, не имеет своей собственной позиции, следует во всем за США. Думать так — это большая ошибка, непонимание нашей позиции.

Велаяти. Оценивая результаты конференции в Мадриде, мы считаем, что пока приобретает только Израиль, а арабы не получили ничего.

Горбачев. Пока да. Но надо работать, действовать так, чтобы они получили. Мы поддерживаем контакты с Сирией, Египтом, ведем разговор и с Израилем, с тем чтобы побудить его занять более реалистическую позицию.

Выбор ведь здесь небольшой: либо решать эту проблему силой, попытки чего уже имели место в прошлом, либо урегулировать ее политически путем переговоров.

Давайте вспомним, что произошло во время кризиса в Персидском заливе, какие силы объединились против Ирака. Теперь представим, что будет, если события будут аналогично развиваться на Ближнем Востоке, если будет создана военная коалиция против Израиля. Каков будет результат?

Шеварднадзе. Дело может дойти до новой мировой войны.

Горбачев. Именно так. Мы рассматриваем Иран как важный фактор в делах этого региона и надеемся, что Иран будет играть конструктивную роль.

Что же касается проведения Израилем жесткой линии, то это заведет его в положение изоляции.

Мы понимаем, что процесс урегулирования будет долгим и трудным. Но важно, что сегодня палестинцы уже соглашались с тем, что решение проблемы не должно обуславливаться уничтожением Израиля. Думается, что иная позиция лишала бы их нравственной основы.

Хочу вновь сказать, что мы готовы к обмену мнениями с Ираном по этим вопросам, считаем, что такой обмен мог бы оказаться полезным.

Заключение

Как видит читатель, политика СССР на ближневосточном направлении претерпела существенную эволюцию за время нахождения Горбачева у власти.

Первоначально этот перманентно кризисный регион по-прежнему оставался полем конфронтации. Риторика, как и раньше, сводилась к обвинениям империализма в провоцировании и поощрении конфликтов, в разжигании кризиса: хотелось и здесь получить выигрыш в «холодной войне». Соответственно и связи с «прогрессивными режимами» подчинялись задаче использования их в борьбе с «главным противником», определялись идеологической установкой удержать их в рамках «революционного процесса».

В общении с арабскими лидерами и деятелями (при явном понимании в Политбюро, что они эксплуатируют «потребность» советского руководства в их поддержке против США и Запада) принято было держаться дружески, чуть ли не по-братски. Тем самым поощрялось иждивенчество, мирились даже с шантажом. Впрочем, избыточная откровенность с некоторыми лидерами (Асадом, Мубараком) продолжалась и позже, когда политика изменилась. Но это можно отнести к чисто человеческой стороне отношений.

Присутствовал на арабском направлении первоначально и антиссионистский элемент, связанный с сохранением в стране постсталинской инерции. «Антиссионистский комитет» — была такая общественная организация! — был распущен в СССР только в 1988 году.

Идея международной мирной конференции по Ближнему Востоку появилась рано, проходила рефреном по всей деятельности Горбачева на этом направлении и в конце концов была реализована. Однако вначале и она, эта идея, использовалась для борьбы за влияние в регионе, с намерением потеснить Соединенные Штаты.

Поворот во взглядах и позициях происходил по мере того, как набирало силу «новое мышление» во внешней политике в целом. Уже не полемически, а по существу встал вопрос о необходимости действительно считаться с реальностями. Урегулирование региональных кризисов и конфликтов стало составной и неотделимой частью общего курса внешней политики перестройки. Подход к проблемам Ближнего Востока освободился от ранее определявшего его идеологического и великодержавного компонента. И начался поиск развязывания конфликтных узлов в интересах нормализации отношений со всеми странами региона и улучшения общей международной ситуации.

Практически решающим моментом здесь были новые отношения с Америкой, выход на взаимопонимание и взаимодействие.

Признано было, что без США и против США ближневосточный конфликт не урегулировать. Со своей стороны Горбачев добился того, что и администрация США признала, что без Советского Союза, тем более вопреки ему, с этим опасным очагом конфликтов не справиться, а значит и не избегать ущерба для американских интересов.

В результате налажено было сотрудничество, завершившееся Мадридской конференцией, где сопредседателями были президенты СССР и США и где впервые за один стол сели арабы и представители Израиля. Положено начало урегулированию. И если бы СССР сохранился, новейшая история Ближнего Востока была бы, наверное, более благоприятной.

Особое место на этом направлении горбачевской политики занимают его действия в связи с агрессией Ирака против Кувейта. Горбачев проделал огромную работу, чтобы решить проблему в духе «нового мышления». И немало добился — во всяком случае, предотвратил такое вмешательство США, которое означало бы ликвидацию государственности и развал Ирака в междоусобной резне, иначе говоря — что-то подобное тому, что произошло при Буше-младшем.

Вовлеченность Горбачева и его настойчивость в отстаивании мирного, политического разрешения кризиса объясняется многими мотивами. Понятна ответственность руководителя великой державы, нежелание отдать все в руки другой сверхдержаве. Еще более важно — стремление доказать действенность новых принципов мировой политики («нового мышления») и не подорвать того, что было уже завоевано в улучшении международной ситуации, спасти то новое и перспективное, что наработано было благодаря перестройке. Иначе говоря, — доказать, что принципы «нового мышления» могут быть эффективными в преодолении неизбежных межгосударственных противоречий и конфликтов.

Присутствовали также, как видим, и геополитические соображения: силовой вариант означал бы укрепление доминирования и господства США в этом важнейшем регионе, что не только ущемляло интересы находящихся здесь государств, но и наносило бы существенный ущерб интересам СССР.

Между прочим, в деле преодоления кризиса в Персидском заливе Горбачев продемонстрировал такое сочетание переговорной гибкости и настойчивого переговорного упорства, которое заслуживает быть занесенным в дипломатические словари.

Но, увы! Саддам Хусейн «помог» тогда не Горбачеву, а американским «ястребам», поэтому мирного решения, без вооруженного вторжения, добиться не удалось, хотя позиция Горбачева и его действия создали прецедент исторического значения.

Если сотрудничество СССР и США в ходе объединения Германии привело к прекращению «холодной войны», то их взаимодействие в рамках ООН по обузданию агрессии на Ближнем Востоке стало проверкой того, что «холодная война» действительно ушла в прошлое.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть следующее:

В сопоставлении двух позиций в отношении кризиса в Персидском заливе — ключ к пониманию будущих событий во всем Ближнем и Среднем Востоке.

США решили воспользоваться благородным делом (обуздание неспровоцированной агрессии) и закрепить свое доминирование в регионе, причем в силовом варианте, демонстрируя тем самым готовность **всегда** использо-

вать для этого вооруженную силу, военное превосходство. Был в этом, разумеется, и «нефтяной подтекст».

Натовские союзники США — Миттеран, Коль, Тэтчер, потом Мейджор — с большей или меньшей степенью искренности сочувствовали подходу Горбачева к проблеме, но фактически поддакивали и лебезили перед США. Тем самым содействовали созданию атмосферы, в которой американская администрация после 11 сентября 2001 года позволила себе, не спросив ни ООН, ни НАТО и несмотря на возражения некоторых из названных союзников, вторгнуться в Ирак... И вообще, значительно усилила военное присутствие США во всем регионе Персидского залива.

В целом политика «нового мышления» на Ближнем и Среднем Востоке привела к тому, что были налажены не просто равноправные, а добрососедские, «уважительные» (как любил выражаться Горбачев) отношения со многими государствами этой важнейшей в экономическом и геополитическом отношении части международного сообщества. Вплоть до того, что некоторые из них, ранее третируемые у нас как реакционные, готовы были оказать серьезную финансовую и иную помощь СССР в том тяжелом состоянии, в каком он оказался. Словом, здесь также был сделан большой задел на будущее, которым пользуется теперь Российская Федерация, правда, к сожалению, с большим милитаристским уклоном (продажа оружия).

Однако сама ситуация на Ближнем Востоке находится в перманентно-кризисном режиме, со срывами в крупные вооруженные столкновения. Одна из причин такого состояния — неспособность международного сообщества организовать согласованные и эффективные действия по подавлению терроризма в этом регионе, который остается носителем этой опасности для всего мира.

Примечания

- ¹ Каддафи Муамар (р. 1942) — бесценный лидер Ливии с 1969 года, когда группа молодых офицеров под его руководством свергла в стране монархию. Его идеи общественного устройства на исламской основе воплотила Декларация 1977 года, которая провозгласила создание Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (республики).
- ² Организация освобождения Палестины (ООП) объединила в 1964 году различные группировки национального движения палестинских арабов. Правительствами многих стран признавалась в качестве официального представителя палестинского народа.
- ³ Арафат Ясир (1929–2004) — председатель Исполкома ООП с 1969 года. В годы учебы в Каирском университете Арафат участвовал в создании ФАТХ — боевой организации, прибегавшей к террористическим действиям в борьбе против Израиля, даже после того, как вошла в состав ООП. Позднее он отказался от установки на террористические методы, сделав выбор в пользу политико-дипломатического достижения целей ООП. Переговоры между ООП и Израилем в Осло (1993) привели к заключению мирного соглашения, которое вступило в силу в 1994 году. Арафат, наряду с его партнерами по переговорам И. Рабином и Ш. Пересом, был удостоен Нобелевской премии мира за 1994 год. В 1996 году на первых в истории Палестины выборах Арафат был избран главой правительства Палестинской автономии.
- ⁴ Хусейн Бен Талал (1935–1999) — король Иордании в 1952–1999 годах. Образование завершал в Англии, в престижном колледже Харроу; позднее закончил военную академию Сандхерст (Великобритания). Был сторонником мирного урегулирования с Израилем, в 1994 году подписал мирный договор с Израилем.
- ⁵ Бенджедид Шадли (р. 1929) — президент Алжира в 1979–1992 годах. Участник войны за независимость Алжира. С 1979 года генеральный секретарь, с 1988 по 1991 год — председатель партии Фронт национального освобождения.
- ⁶ Соглашение между ООП и Иорданией (февраль 1985) о создании независимого палестинского государства, заключенное при посредничестве США. Было направлено, в частности, на отстранение СССР от участия в ближневосточном урегулировании. Аннулировано по решению ООП в 1987 году.
- ⁷ Намек на президента Египта Мубарака.
- ⁸ Саддам Хусейн (1937–2007) — президент Ирака (1979–2003), установивший в стране жестокую диктатуру. В 2003 году в результате американского военного вмешательства был свергнут, арестован, предан суду и казнен 30 декабря 2007 года.
- ⁹ Джеллуд Абдель Салам (р. 1944) — один из ближайших соратников Муамара Каддафи.
- ¹⁰ Иранская революция — народно-религиозное движение во главе с аятоллой Хомейни, которое в 1979 году добилось свержения шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, политика которого — радикальная вестернизация Ирана — вызвала широкое недовольство, чем и воспользовались муллы для создания фактически клерикального государства, Исламской республики, управляемой по шиитским законам.
- ¹¹ Шехаби Хикмат — начальник Генерального штаба сирийской армии.
- ¹² Брутенц Карен Нерсесович (р. 1924) — в тот период заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, курировавший Ближний Восток, человек там известный.
- ¹³ Али Насер Мухаммед (р. 1939) — премьер-министр НДРЙ в 1971–1985 годах, дважды занимал пост президента Южного Йемена (в 1978 и 1980–1986 годах). В январе 1986 года, в связи с обострением внутренних разногласий в правящей Йеменской социалистической партии, Али Насер и его сторонники предприняли попытку государственного переворота «сверху», расстреляв на специально подстроенном заседании Политбюро лидеров оппозиции, однако в последовавшей за этим гражданской войне потерпели поражение. Али Насер и несколько тысяч его сторонников бежали в Северный Йемен.

- ¹⁴ Менгисту Хайле Мариам (р. 1937 или 1941) — один из лидеров эфиопской революции, свергнувшей монархию. В 1977–1987 годах возглавлял Временный военно-административный совет, выполнявший функции коллективного главы государства. С 1984 года — генеральный секретарь ЦК Рабочей партии Эфиопии, в 1987–1991 годы — президент и председатель Государственного совета Эфиопии. Ориентируясь на построение в Эфиопии «социализма», действовал как жестокий диктатор. Свергнутый в 1991 году, эмигрировал в Зимбабве, на родине был приговорен к смертной казни.
- ¹⁵ Катусhev Константин Федорович (р. 1927) — назначен председателем Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям в 1985 году, в 1988–1991 годах — министр внешних экономических связей СССР.
- ¹⁶ Салех Али Абдалла (р. 1942) — президент Йеменской Арабской Республики (Северный Йемен) в 1978–1990 годах, в дальнейшем — президент объединенной Республики Йемен.
- ¹⁷ Перес де Куэльяр (р. 1920) — перуанский дипломат, Генеральный секретарь ООН в 1982–1991 годах.
- ¹⁸ Перес Шимон (р. 1923) — старейший израильский политик, в этот период министр иностранных дел Израиля. С 1967 года многократно входил в состав правительств Израиля, занимая ключевые посты — премьера, вице-премьера, министра обороны, финансов, иностранных дел и др. Неоднократно избирался лидером Партии труда (Авода). В 2007 году избран президентом Израиля.
- ¹⁹ Ирано-иракский конфликт — война между Ираком и Ираном, которая продолжалась с 1980 по 1988 год и сопровождалась огромными человеческими потерями с обеих сторон. Война началась вторжением иракской армии в иранскую провинцию Хузистан. Оно натолкнулось на упорное сопротивление и было остановлено. К лету 1982 года Иран вернул оккупированные Ираком территории, после чего началась война на истощение. Перемирие 20 августа 1988 года восстановило довоенную ситуацию.
- По продолжительности, задействованным ресурсам и жертвам ирано-иракская война является крупнейшим военным конфликтом между суверенными государствами «третьего мира» после 1945 года. Обеими сторонами применялось химическое оружие.
- ²⁰ Резолюция 242 Совета Безопасности ООН о положении на Ближнем Востоке была принята 22 ноября 1967 года, в связи с так называемой «шестидневной» арабо-израильской войной. Резолюция указывала на недопустимость захвата территорий путем войны, требовала прекращения военных действий, вывода израильских войск с территорий, оккупированных в ходе конфликта, а также уважения и признания суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в регионе и его права жить в мире в безопасных и признанных границах. Резолюция СБ 338 была принята 22 октября 1973 года в связи с новым военным конфликтом на Ближнем Востоке — так называемой «войной Судного дня». Резолюция требовала прекращения военных действий и перехода к немедленному выполнению требований резолюции 242 «во всех ее частях».
- ²¹ Мирный договор между Египтом и Израилем был подписан 26 марта 1979 года в Вашингтоне, в присутствии президента Клинтон его подписали президент Египта Анвар Садат (вскоре погибший от рук убийцы) и премьер-министр Израиля Менахем Бегин.
- ²² Лариджани Али (р. 1958) — иранский политик консервативного толка, один из преданных последователей верховного лидера Ирана аятоллы Хаменеи. В 80-е годы возглавлял Корпус стражей исламской революции, в это же время и в последующие годы занимал ряд крупных постов в иранском правительстве.
- ²³ В 1975 году в Ливане разразилась гражданская война между мусульманской и христианской общинами. Война продолжалась 15 лет, разрушив некогда процветающую экономику страны, унесла жизни более 150 тысяч жителей. Кровопролитие прекратилось в 1990 году подписанием Таифских соглашений. По просьбе правительства, в Ливан вошли сирийские войска. В ходе войны дважды (в 1978 и 1982) в Ливан вторглась Армия обороны Израиля. После вывода израильских войск между Израилем и Ливаном была проведена четкая граница — так называемая «голубая линия», однако к северу от Голанских высот она осталась спорной.
- ²⁴ В резолюции 598 от 20 июля 1987 года Совет Безопасности ООН потребовал от Ирана и Ирака прекращения огня, остановки всех военных действий, немедленного отвода всех войск к международно признанным границам.

- ²⁵ Интифада (*араб.* «восстание») — фактически полоса бурного, но, как правило, невооруженного протестного движения палестинцев против израильской оккупации (1987–1991).
- ²⁶ Речь идет об убийстве в сентябре 1982 года только что избранного тогда президентом Ливана Башира Жмайеля, представителя общины христиан-маронитов. В организации убийства обвиняли сирийские спецслужбы.
- ²⁷ Аун Мишель (р. 1935) — лидер ливанских христиан, политический деятель, генерал, командующий ливанскими вооруженными силами в 1984–1989 годах.
- ²⁸ Фролов Иван Тимофеевич (1929–1999) — академик, в 1987–1989 годах помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, до этого — главный редактор журналов «Вопросы философии», «Коммунист», в 1989–1991 годах — главный редактор газеты «Правда», позднее — директор основанного им Института человека РАН.
- ²⁹ Отношения СССР с Ираком в брежневские времена развивались в общем русле почти безоговорочной поддержки арабов — в контексте «холодной войны» с Западом. Особое внимание уделялось так называемым революционно-демократическим антиимпериалистическим режимам (с определенными оговорками это Египет, Сирия, Иран, Южный Йемен, Сомали, палестинцы, в меньшей мере — Иордания). Закрывали глаза на то, что чаще всего это были диктаторские режимы, где компартии были разгромлены и загнаны либо в подполье, либо в эмиграцию. А в Ираке Хусейн учинил массовую кровавую бойню коммунистов. Тем не менее с его режимом активно поддерживались «дружеские» связи. Ирак завалили советским оружием, там работали сотни советских специалистов по освоению и эксплуатации богатейших по мировым меркам нефтяных промыслов. Сходило этому садамовскому режиму и неаккуратность выплат за поставки оружия и другой техники, накапливался миллиардный долг, который так и не был выплачен.
- ³⁰ Примаков Евгений Максимович (р. 1929) — ученый-международник, академик, специалист по Ближнему Востоку. В 1985–1989 годах директор ИМЭМО, в 1989–1990 годах — Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. Выполнял дипломатические миссии в странах Ближнего Востока.
- ³¹ Хашеми-Рафсанджани (р. 1934) был избран президентом Исламской Республики Иран в 1989 году (занимал этот пост до 1997 года).
- ³² Бессмертных Александр Александрович (р. 1933) — дипломат, с 1986 года заместитель, с 1988 года первый заместитель министра иностранных дел СССР, в 1990 году посол СССР в США, с января по август 1991 года — министр иностранных дел СССР.
- ³³ Рамадан Таха Ясир (1938–2007) — вице-президент Ирака. После свержения режима Саддама Хусейна был арестован, предан суду и казнен.
- ³⁴ Панкин Борис Дмитриевич (р. 1931) — журналист, многолетний главный редактор «Комсомольской правды», дипломат, в августе 1991 года, будучи послом в Чехословакии, оказался одним из всего лишь трех советских послов, осудивших путч в Москве. В сентябре-ноябре 1991 года — министр иностранных дел СССР (назначен вместо А. Бессмертных).

Раздел VII

АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ

ОТВЕЧАЯ
на вызов времени

*По записям бесед М.С. Горбачева
с зарубежными деятелями и другим материалам*

Введение

Формулируя задачи новой внешней политики, советское руководство уделило особое внимание азиатско-тихоокеанскому направлению. Для этого были веские основания. Россия, а ранее — и в еще большей мере — Советский Союз, не только европейская, но и азиатская страна. Большая часть нашей территории лежит к востоку от Урала, то есть в Азии. Поэтому положение на Дальнем Востоке, в целом в Азии и на прилегающих к ней океанских просторах представляло для нас тогда и представляет сейчас особый интерес.

Определяя приоритеты в условиях начавшейся перестройки, нельзя было не учитывать того, что на огромном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), занимающего едва ли не половину земного шара, расположены, наряду с Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, многие другие крупные и крупнейшие государства — Китай, Индия, Пакистан, Бангладеш, Вьетнам, Индонезия, Япония, Мексика, а также государства, считающиеся средними, но тоже довольно крупные — Малайзия, Таиланд, Филиппины, Канада, Австралия, Новая Зеландия и еще два десятка небольших.

В XX веке народы Азии пробудились к новой жизни — сбросили путы колониальной или полуколониальной зависимости, обрели возможность самостоятельного национально-государственного строительства, социально-экономического развития. Под влиянием Октябрьской революции в России в этой части мира стали распространяться социалистические идеи. Стремление решать проблемы национального развития на социалистической основе получило новый импульс после Второй мировой войны и Китайской революции.

Многие страны Азии остались в капиталистической орбите. Здесь соприкасались и переплетались интересы двух систем — социалистической и капиталистической. На регион проецировалось — и во все большей степени — соперничество двух ядерных сверхдержав. К тому же Юго-Восточная и Южная Азия унаследовала от прошлого целый «букет» политических, социальных и межгосударственных противоречий. Проблемы безопасности в этой части мира стояли не менее, а кое-где даже острее, чем в других частях света.

Веским доводом за то, чтобы уделить азиатскому направлению особое внимание были и экономические интересы страны. Становилось все более очевидным, что мировое экономическое развитие все больше смещается на Восток, в Азию, к Тихому океану. Для Советского Союза, заинтересованного в ускорении развития Сибири и Дальнего Востока, крайне важно было наладить более тесные экономические отношения и сотрудничество с поднимающимися экономиками этого региона.

Возрастала и его роль в мировой политике. В Азии возникло Движение неприсоединения — как протест против раскола мира на военные блоки и выражение собственной позиции многих развивающихся стран, искавших свой ответ на вызовы времени. Признанным лидером этого движения стала независимая Индия. Со многими странами, примкнувшими к этому движению, Советский Союз связывали дружественные отношения. В то же время

Движение неприсоединения по праву могло претендовать на самостоятельную роль в мировой политике как своего рода «третья сила».

Положение на Дальнем Востоке и шире — в Азии и Тихоокеанском бассейне — представляло государственный интерес с точки зрения национальной безопасности. Милитаризация в АТР приобретала опасный характер. Этот регион превращался в арену военно-политической конфронтации. Здесь на кораблях американского флота и американских базах появилось ядерное оружие — поблизости от границ СССР.

В целом обстановка в Азии была сложной. Перед народами и государствами этого региона стояли трудные проблемы, связанные с наследием массовой нищеты, отсталости, неграмотности. Сохранялась почва для недоверия и неприязни между народами, в том числе живущими в пределах одного государства, для этнических, межконфессиональных противоречий и конфликтов — на Индостанском полуострове, на Филиппинах, в Индонезии и в других местах. Все это использовалось правящими кругами Соединенных Штатов для вмешательства, укрепления там своих позиций, в том числе военных.

В мае 1985 года Горбачев впервые в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС встретился с премьер-министром Индии Радживом Ганди и высказал ему следующую мысль: не следует ли с учетом ранее выдвинутых инициатив (о превращении Индийского океана в зону мира и других), а также опыта Европы подумать об общем комплексном подходе к проблемам безопасности в Азии и возможном объединении усилий азиатских государств в этом направлении? Обсуждение этой идеи в ходе встреч с руководителями других государств подтвердило, что Азиатско-Тихоокеанский регион, ввиду набравшей опасную динамику милитаризации, также нуждается в какой-то системе «предохранителей», подобной хельсинкскому процессу в Европе.

Понимание возрастающего значения азиатского и тихоокеанского направления нашло отражение в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. Вскоре после этого программа внешнеполитических действий на азиатско-тихоокеанском направлении была в развернутом виде изложена и конкретизирована в выступлении Горбачева во Владивостоке (28 июля 1986 года). Предварительно основные положения международной части этого выступления, его «философия», были обсуждены на совещании у Горбачева 16 июля. Предложения, выдвинутые во Владивостоке, касались прежде всего создания заслона на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане, сокращения активности здесь военных флотов, сокращения вооруженных сил и вооружений в Азии, мер доверия и неприменения силы в регионе. Позднее, в сентябре 1988 года, Горбачев выступил с большой речью в Красноярске, и в развитие владивостокских инициатив выдвинул ряд новых предложений, направленных на решение проблем общеазиатской безопасности.

Все эти предложения становились предметом обсуждения с руководителями стран АТР. В этом контексте особую роль приобрело развитие традиционно дружественных отношений с Индией. Советско-индийские отношения и ранее, с момента завоевания Индией независимости, развивались по вос-

ходящей линии. С началом советской перестройки они получили новый сильный импульс. Премьер-министр Индии Раджив Ганди был одним из первых зарубежных деятелей, посетивших Советский Союз в самом начале перестройки. Во время состоявшегося спустя полтора года ответного визита Горбачева в Индию (в октябре 1986 года) была принята знаменитая Делийская декларация, в которой два государства провозгласили принципиально новый подход к межгосударственным отношениям — с позиций приоритетности общечеловеческих ценностей в ядерно-космический век. В последующие годы Горбачев еще несколько раз встречался с Р. Ганди и другими индийскими руководителями; содержание их переговоров отражено в данном разделе.

Непросто складывались отношения с нашим великим восточным соседом — Китайской Народной Республикой. После ожесточенной идеологической полемики, развернувшейся в 60-е годы, и резкого ухудшения межгосударственных отношений, вплоть до пограничных вооруженных столкновений, надо было круто повернуть здесь ход событий. А для этого предстояло преодолеть немало препятствий. Постепенно, шаг за шагом обе стороны начали их преодолевать. Период отчуждения уходил в прошлое. Кульминацией этого процесса стал визит Горбачева в Пекин в мае 1989 года, его беседы с Дэн Сяопином и другими китайскими руководителями, ознаменовавшие нормализацию советско-китайских отношений.

Трудное наследие досталось новому советскому руководству в отношениях с другим восточным соседом — Японией, которая после Второй мировой войны проделала огромный путь, превратившись в индустриальную державу первостепенного значения. Однако развитие сотрудничества с Японией осложнялось так называемой «территориальной проблемой». Советское руководство было поставлено перед непростой задачей: убедить другую сторону в том, что требования о пересмотре послевоенных реальностей неуместны; что даже по сравнению с 50-ми годами ситуация кардинальным образом изменилась; и что необходимо ставить во главу угла развитие экономических и культурных связей и сотрудничества, тем самым создавая новую атмосферу в отношениях, а потом уже в обоюдных интересах решать острые проблемы. Эта линия была последовательно проведена Горбачевым в ходе официального визита в Японию в апреле 1991 года, о чем свидетельствуют воспроизводимые в этом разделе записи состоявшихся тогда шести раундов напряженнейших переговоров с премьер-министром Японии Тосику Кайфу.

За развитием отношений Советского Союза со странами АТР внимательно наблюдали в Соединенных Штатах, чьи интересы в этом регионе непосредственно пересекались с интересами СССР. Для Горбачева было важно, чтобы активность на азиатско-тихоокеанском направлении не создавала лишних трудностей в деле налаживания конструктивных отношений с США. Это, естественно, учитывалось как в контактах с лидерами стран Азии, так и на переговорах с американским руководством.

Сложившийся в середине 80-х годов подход к АТР в советской внешней политике основывался на признании и понимании реальностей этой части мира. Представления о формировании международной безопасности и взаи-

модействия в Азии и на Тихом океане опирались на эти реальности, они исходили из искреннего стремления совместно строить новые, взаимовыгодные и доброжелательные отношения со странами этого региона.

Документальные свидетельства

Из доклада Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 года

Мы выступаем за дальнейшее расширение разностороннего сотрудничества со странами Азии, Африки, Латинской Америки. КПСС, Советское государство неизменно поддерживают право всех народов самим, в соответствии с собственным выбором, определять свое социально-экономическое настоящее и строить будущее без какого-либо вмешательства извне. Пытаться отказывать народам в этом суверенном праве — дело безнадежное, обреченное.

ГСС. Т. 2. С. 209.

*Из речи Горбачева на обеде в Кремле в честь премьер-министра Индии Раджива Ганди 21 мая 1985 года**

В Азии сегодня проблемы обеспечения мира и безопасности, пожалуй, не менее, а в отдельных районах даже более острые и болезненные, чем в Европе. Понятно поэтому, что за последние годы был выдвинут ряд важных конструктивных инициатив по некоторым аспектам безопасности Азиатского континента и отдельных его регионов. Среди авторов этих инициатив — социалистические государства, участники Движения неприсоединения. В их числе — СССР и Индия.

Выдвинутые предложения остаются в повестке дня международной жизни. Например, предложение о превращении Индийского океана в зону мира¹ было поддержано Генеральной Ассамблеей ООН и Движением неприсоединения, в том числе его недавней делийской конференцией. Нельзя недооценивать и тот факт, что обе расположенные на Азиатском континенте ядерные державы — СССР и КНР — взяли на себя обязательство не применять ядерного оружия первыми².

Теперь возникает вопрос: не следует ли, с учетом всех этих инициатив, а также в какой-то мере и опыта Европы, подумать об общем, комплексном подходе к проблеме безопасности в Азии и возможном объединении усилий азиатских государств в этом направлении? Конечно, путь к этому сложен. Но ведь и дорога к Хельсинки не была гладкой и ровной. Тут, видимо, возможны разные методы — и двусторонние переговоры, и многосторонние консульта-

* Р. Ганди находился с визитом в СССР 21–26 мая 1985 года. 21 мая состоялись советско-индийские переговоры, 22 мая — беседа Горбачева с Р. Ганди. Запись беседы в Архиве Горбачев-Фонда отсутствует.

ции — вплоть до проведения в перспективе какого-то общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений.

Одно представляется бесспорным: народы Азии заинтересованы в обеспечении мира и мирного сотрудничества не меньше, чем народы любого другого континента, и могут сделать многое для достижения этой цели.

ГСС. Т. 2. С. 280.

*На пресс-конференции в Париже
4 октября 1985 года**

Горбачев. <...> Мы разъяснили также суть и значение предпринятого нами только что в одностороннем порядке шага, в результате которого численность советских ракет СС-20 в европейской зоне не превышает сейчас того, что мы имели по состоянию на июнь прошлого года. <...> Делают намеки на то, что мы якобы собираемся перетащить эти ракеты в Азию. Это недобросовестные намеки. Если уж Советский Союз о чем-нибудь договаривается, то делает это серьезно.

В Азии у нас находится столько ракет, сколько нужно для того, чтобы уравновесить соответствующий потенциал США, находящийся в этом регионе, — ни больше, ни меньше. Если США не будут наращивать его, мы тоже не будем наращивать. Если же ситуация будет меняться в лучшую сторону, мыотреагируем адекватно.

ГСС. Т. 3. С. 38.

*Из выступления на совещании в ЦК КПСС
(по подготовке XXVII съезда КПСС)
28 ноября 1985 года*

Горбачев. <...> Ищем, как сдвинуть с мертвой точки и придать бóльший динамизм советско-китайским отношениям. Нам надо терпеливо и настойчиво вести борьбу за Китай, за сближение с ним. Это очень важно с точки зрения перспектив страны.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС
15 января 1986 года*

Для Советского Союза как одной из крупнейших азиатских держав обеспечение безопасности в Азии имеет жизненно важное значение. Советская программа ликвидации к концу нынешнего столетия ядерного и химического оружия созвучна настроениям народов Азиатского континента, для которых проблемы мира и безопасности стоят не менее остро, чем для народов

* Совместную пресс-конференцию открыл Ф. Миттеран. Затем выступил Горбачев.

Европы. Как не вспомнить здесь о том, что Япония, ее города Хиросима и Нагасаки стали жертвами ядерных бомбардировок, а Вьетнам — объектом применения химического оружия.

Мы высоко ценим те конструктивные инициативы, с которыми выступают социалистические страны Азии, Индия, другие участники Движения неприсоединения. Большое значение мы придаем тому, что обе расположенные на Азиатском континенте ядерные державы — СССР и КНР — взяли на себя обязательства не применять ядерного оружия первыми. <...>

Нашу программу мы рассматриваем как вклад в совместный со всеми странами Азии поиск общего комплексного подхода к формированию системы безопасного и прочного мира на этом континенте.

ГСС. Т. 3. С. 214–215.

*Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду КПСС
25 февраля 1986 года*

Возрастает значение **азиатского и тихоокеанского направления**. В этом обширном районе немало запутанных узлов противоречий, да и политическая ситуация в отдельных местах неустойчива. Тут, причем не откладывая, надо искать свои решения, свои пути. Начинать, видимо, следует с координации, а затем и объединения усилий в интересах политического урегулирования болезненных проблем, чтобы параллельно на этой основе хотя бы снять остроту военного противостояния в различных районах Азии, стабилизировать там обстановку.

Это тем более неотложное дело, что и в Азии, и на других континентах не угасают **очаги военной опасности**. Мы за то, чтобы активизировать коллективные поиски путей разблокирования конфликтных ситуаций на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Америке, на Юге Африки, во всех бурлящих точках планеты. Этого настоятельно требуют интересы всеобщей безопасности.

ГСС. Т. 3. С. 361–362.

*На Политбюро
3 апреля 1986 года
О международной ситуации*

Горбачев. Развитие цивилизации смещается в сторону Тихого океана. У нас экономика тоже смещается в Сибирь, на Дальний Восток. Так что есть объективная заинтересованность в постановке вопроса об азиатско-тихоокеанском сотрудничестве. Когда американцы увидели, что мы заинтересовались этой идеей, они противопоставили нам свою, в которой просматривается контур военного блока. А мы предлагаем действительно равноправие, взаимодействие и общую безопасность. Половина экономики в том регионе капиталистическая. Но мы свою идею формулируем не как антиамериканскую.

АТР — одно из крупных наших направлений. И мы должны всерьёз показать привлекательность наших предложений, в противоположность блоковому мышлению американцев. Почва есть для продвижения наших идей. Надо очень масштабно поставить весь этот вопрос. Нас в том регионе мира ожидают большие проблемы и большая работа.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
22 мая 1986 года*

Горбачев. По Китаю. Ехать туда надо. Но нормализацию отложить, пока не восстановлены межпартийные отношения.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из выступления на совещании в МИД СССР
23 мая 1986 года**

Об азиатско-тихоокеанском направлении. На съезде оно было определено как одно из главных. Недавно опубликован важный документ³. В нем много нового для заграничных учреждений и дипломатов в странах региона. Необходимо серьезный диалог по проблемам безопасности, ограничения вооружений, сотрудничества.

Ключевые направления — Япония, Китай, Юго-Восточная Азия, Индонезия, Австралия, Новая Зеландия. Но речь идет не о сумме экономических и дипломатических связей с разными странами, а о целостном направлении. Нужны будут инициативы на перспективу. <...>

Вслед за определением принципиальной линии на азиатско-тихоокеанском направлении должны пойти консультации, встречи, поездки.

*Горбачев М.С. Годы трудных решений.
М., 1993. С. 48–49.*

*Из беседы с министром иностранных дел Индии П. Шив-Шанкаром
Москва, 14 июня 1986 года*

Шив-Шанкар передает личное послание премьер-министра Раджива Ганди. <...> Направляя меня сюда для передачи этого личного послания, премьер-министр Р. Ганди исходил из того, что между ним и Вами сложились, может

* В Министерстве иностранных дел СССР 23–24 мая 1986 года состоялось закрытое совещание ответственных работников министерства с участием послов «О задачах центрального аппарата и заграничных учреждений МИД СССР по реализации решений XXVII съезда КПСС в области внешней политики». 23 мая на нем выступил Горбачев. Изложение выступления опубликовано в журнале «Вестник МИД СССР» (№ 1 за 1987 год).

быть не очень заметно для других, уникальные по уровню доверия и конфиденциальности взаимоотношения.

Горбачев. Мы очень высоко ценим это и готовы не только сохранять, но и дальше развивать эти отношения.

Шив-Шанкар. К этому же стремится и наш премьер-министр. Поэтому сейчас, когда в Южной Азии возникли и обострились серьезные проблемы, премьер-министр Ганди хотел, чтобы Вы ознакомились с подробной информацией об этих острых проблемах. И это естественно — ведь на протяжении уже многих лет у Индии не было и нет более верного друга, чем Советский Союз. Близость наших позиций на протяжении этих лет переросла в отношения полного доверия и уверенности друг в друге, основанных на общем стремлении к миру в Азии и во всем мире, ибо лишь в условиях мира народы могут осуществить свою мечту о построении лучшего общества.

Далее министр информирует о ситуации в Шри-Ланке и вокруг Шри-Ланки в связи с тамильской проблемой, а также о своих впечатлениях от поездки в Китай и индийско-китайских отношениях.

Горбачев. <...> Говоря о ситуации в вашем регионе, которая пока еще, может быть, не достигла состояния открытого конфликта (но такая опасность есть), можно сказать, что намерение США и некоторых других стран заключается в том, чтобы воспользоваться этой ситуацией и внедриться в регион в целях осуществления имперской политики, оказания давления на Индию. Действительно, их намерениям отвечала бы такая картина: Япония — американский союзник, с Китаем отношения налаженные, Пакистан полностью втянут в орбиту интересов империализма, то же самое они хотели бы сделать и в отношении Индии, Афганистана, присматривают и за Ираном, имея в виду со временем вновь заполучить эту страну, а Турция давно уже является союзником США на южном фланге НАТО. Добавьте сюда Филиппины, другие страны Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна, вот и получится обширный район доминирования американского империализма.

Шив-Шанкар. Да, именно в этом и состоит их злонамеренный план.

Горбачев. <...> Теперь о Китае. Вам известно состояние наших отношений с этой страной. Мы хотели бы их улучшения, хотели бы использовать новые возможности для того, чтобы, улучшая отношения, содействовать развитию внешнеполитической линии Китая в благоприятном для мира направлении. Однако, выступая за активное развитие торгово-экономических отношений с СССР, китайское руководство тормозит политический диалог, фактически уклоняется от него, да еще хочет столкнуть нас с нашими друзьями. Поэтому китайцы выдвигают разные условия для нормализации отношений.

Наша твердая линия такова: мы — за нормализацию, но не за счет третьих стран, не за счет интересов наших союзников и друзей, в числе которых и Индия. Вновь повторяю: мы рассматриваем вашу страну как важный самостоятельный фактор в мировых делах, развитие отношений с ней — как нашу непоколебимую, принципиальную линию, всегда будем дорожить этими отношениями, укреплять их.

*На совещании у Горбачева в связи с поездкой на Дальний Восток
16 июля 1986 года*

Горбачев. Речь во Владивостоке должна быть масштабной — для страны и для мира, а не только региональные проблемы. Говорить буду не о местных делах... Дальний Восток надо будет подать в перспективе. И показать, что движение уже идет. <...>

Международный раздел. Не повторять общих вещей. Советский Союз — сам европейская и в то же время азиатская страна, поэтому ему близки и азиатские проблемы. Существуют определенные стремления азиатских стран, они вносят свой вклад в развитие региона. Мы все это замечаем.

Япония — важный фактор, это тоже надо признать.

Сосредоточиться на Азии. Это огромный континент, где на арену вышли десятки новых государств. Они ищут свою дорогу. От того, как тут пойдут процессы, особенно в великих странах, возобладает позитив в этих процессах, это определит судьбу всего мира.

Не только о будущем разговор. Сегодня многие проблемы беспокоят. Нет-нет возникают конфликты. Все в движении на этом континенте. Цивилизация движется к Тихому океану. Мы должны отнестись с пониманием к этому, проявить политически зрелый подход, реалистический.

В Азии, на Тихом океане сожительствует огромная масса разных государств и народов. И мы строим мосток — такова концепция нашего XXVII съезда. У нас комплексный подход. <...> Идут процессы, конечно, и в двусторонних отношениях, каждая страна что-то вносит в общий поток.

Остановиться на конкретике. Пакистан натравливают на Индию. И смотрите, что с ней делают! — растаскивают страну. Надо разоблачать империалистические происки против Индии⁴.

Вместе с тем мы предлагаем то-то и то-то... И хотим, чтоб это все знали. Мы сами — также и азиатская страна. Приподнять наши оценки роли Китая, Индии, Японии. Это серьезно. Это — политика. Это будет стимулировать отношения с ними.

Китай — огромная проблема. И надо понимать китайцев. У них есть свои реальности, свои трудности. Почему только со своими считаться?! Разве плохо, что они хотят к 2000 году достичь уровня развитых стран и вообще выйти на высший уровень развития. Нельзя отказывать китайцам в стремлении к динамизации своего общества. И со своей стороны учитывать их планы на 2000 год. У них законное желание стать великой державой, в ряд с другими. И не надо расценивать это как шовинизм.

И пусть с Вьетнамом уладят свои противоречия, пусть сами, без вмешательства других отрегулируют свои дела, решают двусторонние проблемы⁵.

Обозначить совпадение их и наших интересов в крупных вопросах.

Вместо их «трех препятствий» дать им «наши пять»⁶. Но мы готовы их преодолевать. Правильно, когда говорят, что надо понимать китайских «друзей». У них свои реальные условия. За собой мы признаем реальности, а за другими? Нельзя отказывать китайцам в этом.

Мы сочувствуем планам Китая и готовы на основе взаимного понимания поддерживать их. Понимаем, что это национальная задача. Если наше сотрудничество будет этому содействовать. Если мы будем взаимодействовать с Китаем, то в Пекине, может быть, и смогут снять свои «препятствия», мешающие налаживать с нами отношения.

Словом, задача — преломлять нашу принципиальную линию на этот мировой регион.

О региональных конфликтах: обозначить нашу позицию по Афганистану и Кампучии.

Рейган, вот, предлагает свою международную конференцию по АТР. А мы предлагаем свою концепцию, свой план. Пусть сравнивают. Наш план: покончить с региональными конфликтами; не создавать военных группировок; убрать ядерное оружие из Азии; в экономике взаимодействие на равных; готовы обсуждать проблему средних ракет в Азии; за демилитаризацию Индийского океана; создать [азиатский] информационный пул⁷.

Такова «философия» моего выступления во Владивостоке.

Мне импонирует мысль, которую мы уже обсуждали — о том, что речь должна быть масштабной для страны и для мира. Но не исключая региональные проблемы Дальнего Востока. Как их поставить? Мне говорил один товарищ: если заниматься лепетом, на сколько процентов выполнили или не выполнили план, — то это не годится. А если говорить о Дальнем Востоке, где мы встали прочно, укрепили основы, — то это другое дело. Надо показать, что в стране идет движение вперед, у людей появляется уверенность. Привлечь факты из министерств и предприятий, подтверждающие это движение. Таких материалов все больше сейчас, есть они и в печати.

Что касается международных дел, не повторять того, что было сказано в последние недели по общей проблематике. Дать международную ситуацию в сжатом виде, емко, оценочно. Сосредоточиться на Азии, на том, что здесь огромный континент, где на арену в последнее историческое время вышли десятки государств со своей историей, со своими путями, своими темпами развития, традициями. Здесь очень сложные переплетения в прошлом, да и сегодня. Континент ищет собственную дорогу в мировом сообществе. Как пойдет процесс здесь, где расположены такие великие страны, как Советский Союз, Китай, Индия, другие государства, какие процессы здесь возобладают — во многом от этого будет зависеть судьба всего мира.

Наш разговор не только о будущем АТР, а и о сегодняшнем дне. Сегодня здесь беспокойно, много жгучих проблем. Народы ищут ответ на экономические, политические вопросы. Возникают региональные конфликты. Это значит, что все находится в движении.

Глобальное суждение таково: цивилизация движется к Тихому океану. Мы должны показать наше понимание этого, дать взвешенный, политически зрелый, масштабный взгляд на этот процесс. Эта посылка опирается на реальности, которые уже есть на самом деле.

Тут можно сделать мостик к нашей позиции, к нашей концепции, выработанной на XXVII съезде партии, основывающейся на том, что надо искать комплексный подход. Учитывая различные процессы, вклад разных

государств в общий поток событий, надо никого не обидеть. Я бы не стал «бомбить» Пакистан. Главный упор я бы сделал на империализм: сталкивает народы, поработает их. А мы предлагаем иное. Надо, чтобы народы это знали.

Яковлев. Отметить совпадение интересов. Здесь огромные массы несоединившихся государств. У нас с ними взгляды совпадают. Наша международная концепция преломляется через этот регион. Мы видим и региональные конфликты.

Рейган попытался подsunуть свои методы решения региональных конфликтов — по американскому методу. А мы предлагаем по комплексному плану с этапами по постепенному обеспечению безопасности в Тихоокеанском регионе.

Черняев. Нужна конкретика в международной части. Что мы можем предложить? Не слова, а намерения и наша готовность.

Горбачев. Очень желательно «набрать» конкретику. Афганистан есть, он заложен в материалах. Можно предложить границу мира и дружбы между Китаем и Советским Союзом. Мы готовы рассмотреть этот вопрос.

Медведев. А по ракетам, по уведомлению, по мерам доверия — по аналогии с Европой?

Горбачев. Поднимем вопрос о средних ракетах Советского Союза в Азии. Мы готовы со всеми ядерными державами обсудить его. Мы в нашей антиядерной программе от 15 января (1986 года) это заложили. Можно четкий ответ дать: в связи с чем мы будем рассматривать вопрос о своих ракетах средней дальности. Обязательно надо показать, какие могут быть этапы и какая конкретика.

Предложить объявить Индийский океан демилитаризованной зоной. Есть же опыт. Тогда будет вырисовываться картина.

Яковлев. Владивосток открыть в качестве меры доверия.

Горбачев. Подумать о создании азиатского [информационного] пула. Индира Ганди⁸ за это выступала. Надо, чтобы шла информация, это необходимо для доверия.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
24 июля 1986 года
О Владивостоке*

Горбачев. Пока еще трудно открыть город. Военные там основательно окопались. Город ведь всегда был закрытым. Теперь мы подошли к новой стадии, будем активно выходить в восточном направлении, на Тихий океан. Выключить из этого процесса Владивосток не удастся. Продумать вопрос об открытии Владивостока для посещения иностранцев. Да и нехорошо, что столько военной мощи сосредоточено в одном месте. Но пока некуда развести. Надо этот аспект изучить. Рассмотреть и базирование подводных лодок, которые пока сгустились во Владивостоке.

О дальневосточной границе. Оказывается, две дивизии в МНР «спасают» СССР! Давайте лучше их домой заберем... Тут не арифметика решает. Надо иметь инфраструктуру и войска быстрого развертывания. <...>

Наши дивизии в двух переходах от Пекина — это заложники. Об этом надо подумать. Да и издержки на содержание их в МНР не оправдывают цели, хотя Батмунх⁹ требует больше и больше. Словом: наше присутствие — это политический аспект, а не количественный.

Нельзя легко сбрасывать со счетов Китай, Японию, США. Толкаем их там в бок. Когда посылали войска в Монголию, замысел был такой, чтобы выставить и все эти страны врагами — перед самими собой и монголами.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из речи Горбачева во Владивостоке
28 июля 1986 года**

Находясь здесь, во Владивостоке, естественно посмотреть на вопросы мировой политики под азиатско-тихоокеанским углом зрения. <...> Положение на Дальнем Востоке, в целом к Азии и на прилегающих к ней океанских просторах, где мы — постоянные, давние жители и мореплаватели, представляет для нас национальный, государственный интерес.

На огромном пространстве этой едва ли не половины земного шара расположены многие крупнейшие государства, в том числе СССР, США, Индия, Китай, Япония, Вьетнам, Мексика, Индонезия. Здесь находятся государства, считающиеся средними, но по европейским меркам довольно крупные — Канада, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия, и наряду с ними — десятки сравнительно меньших и совсем крохотных. Одни из них имеют тысячелетнюю и многовековую историю, другие сложились в новое время, а многие образовались совсем недавно. <...>

Это впечатляющее многообразие, этот колоссальный человеческий и социально-политический массив требуют пристального внимания, изучения и уважения. По собственному советскому опыту мы хорошо знаем, какой огромной творческой силой становится возрожденное чувство национального достоинства, какую созидательную роль играет самобытность народа в его органической связи с другими равноправными и свободными народами. Сейчас процесс этот в Азии и в зоне Тихого океана находится на подъеме: тут все в движении, далеко не все отстоялось. Новое перемешивается со старым, устои жизни, еще вчера казавшиеся незыблемыми, отступают перед вихрем перемен — социальных, научно-технических, идейных. Это, если хотите, еще один в мировой истории период Возрождения, который таит в себе огромный потенциал прогресса. И не только для Азии и Океании. <...>

Здесь, в Азии, сложилась концепция неприсоединения¹⁰, движения, которое теперь включает в свою орбиту более сотни государств, оно стремится

* Горбачев осуществил поездку по Дальнему Востоку 25–31 июля 1986 года. Он посетил Приморский и Хабаровский края, где ознакомился с деятельностью местных партийных и хозяйственных организаций, выступал на встречах с трудящимися.

дать свой ответ на вызов времени, активно выступает за преодоление раскола мира на военные блоки, ищет свои способы ослабления ядерной угрозы. Отвергая эксплуатацию, завоевательную политику, неокOLONиализм и осуждая их, Движение неприсоединения обращается к человечеству с призывом к единению, к сотрудничеству в борьбе с голодом, вопиющей бедностью сотен миллионов людей.

Признанный лидер этого движения — великая Индия с ее моральным авторитетом и традиционной мудростью, со своеобразным политическим опытом и огромными экономическими возможностями. Мы высоко оцениваем уже внесенный ею вклад в дело утверждения в международном сообществе норм равноправного сосуществования и справедливости. Дружественные отношения между СССР и Индией стали стабилизирующим началом международного масштаба. (*Аплодисменты.*)

В державу первостепенного значения превратилась Япония. Страна, ставшая первой жертвой американского ядерного оружия, проделала за короткий срок огромный путь, продемонстрировала поразительные достижения в промышленности, торговле, образовании, науке и технике. Эти успехи принесли ей не только собранность, самодисциплина, энергия японского народа, но и «три неядерных принципа», на которых официально строится ее международная политика, хотя в последнее время — и на это нельзя не обратить внимание — они, как и мирные положения конституции Японии, все заметнее обходятся.

Но видим мы в Азии, Океании и многое другое. Оскорбленное колониализмом достоинство народов, наследие нищеты, неграмотности, отсталости, а вместе с ними — глубокие предрассудки сохраняют почву для недоверия и неприязни между народами, в том числе живущими в пределах одного государства. На трудностях и пережитках спекулирует империализм, в результате разгораются локальные конфликты, этнические и религиозные междоусобицы, возникает политическая нестабильность. <...>

Пенджаб и тамильская проблема, которую тоже хотят повернуть против Индии¹¹, необъявленные войны против Кампучии¹² и Афганистана¹³, фактическая аннексия Микронезии¹⁴, вмешательство на Филиппинах¹⁵, давление на Новую Зеландию¹⁶ — достаточно только этих примеров, чтобы увидеть, как работает современный механизм империалистической интервенции и диктата. <...>

Советский Союз — тоже азиатская и тихоокеанская страна. Ему близки сложные проблемы этого обширного региона. Он с ними соприкасается непосредственно. <...>

Со второй половины 70-х годов США предприняли широкомасштабные меры по наращиванию вооруженных сил на Тихом океане. Под их нажимом складывается военизированный «треугольник» Вашингтон — Токио — Сеул. И хотя два из трех государств региона, располагающих ядерным оружием, — КНР и СССР — дали обязательство не применять его первыми, Соединенные Штаты разместили носители ядерного оружия и ядерные боеголовки в одной из кризисных зон — на Корейском полуострове, а кроме того, носители ядерного оружия — на территории Японии.

Приходится констатировать, что милитаризация, нарастание военной угрозы в этой части мира начинают набирать опасную скорость. Тихий океан превращается в арену военно-политической конфронтации. Вот что все больше беспокоит живущие здесь народы. Это тревожит и нас со всех точек зрения, в том числе — по соображениям безопасности азиатской части нашей страны.

Азиатско-тихоокеанское направление внешней политики Советского Союза — составная часть общей платформы международной деятельности КПСС, разработанной апрельским Пленумом и XXVII съездом партии. Но платформа — не схема, которую можно приложить к любым ситуациям, а скорее принципы и метод, опирающиеся на опыт.

Исходя из этого, как можно было бы представить себе процесс формирования международной безопасности и мирного взаимодействия в данном обширном регионе?

Прежде всего, Советский Союз в соответствии с принципиальной линией XXVII съезда будет стремиться придать динамизм своим двусторонним отношениям со всеми без исключения расположенными здесь странами. Мы будем всемерно крепить дружбу и активизировать многообразные связи с Монгольской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Народной Республикой Кампучией. Построенные на принципах равноправия и солидарности отношения с нашими друзьями мы рассматриваем как составную часть общеазиатской и тихоокеанской безопасности. (*Аплодисменты.*)

В настоящее время, например, вместе с руководством МНР рассматривается вопрос о выводе значительной части советских войск из Монголии.

Мы готовы расширять связи с Индонезией, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами, Таиландом, Малайзией, Сингапуром, Бангладеш, Бирмой, Шри-Ланкой, Непалом, Брунеем, Мальдивской Республикой, с совсем молодыми самостоятельными участниками политической жизни региона. С некоторыми из них — Папуа — Новая Гвинея, Западное Самоа, Королевство Тонга, Фиджи, Республика Вануату — у нас уже имеются дипломатические отношения.

Выступая в городе, откуда, как говорится, рукой подать до Китайской Народной Республики, хотел бы остановиться на главном в наших с нею отношениях. Отношениях сугубо важных по ряду причин, начиная с того, что мы соседи, что у нас самая протяженная в мире сухопутная граница и что уже поэтому нам, детям и внукам нашим предопределено жить рядом «отныне и во веки веков».

Но дело, конечно, не только в этом. История возложила на советский и китайский народы чрезвычайно ответственную миссию. От двух крупнейших социалистических государств зависит многое в международном развитии.

В последние годы произошло заметное улучшение в наших отношениях. Хочу подтвердить: Советский Союз готов в любое время, на любом уровне самым серьезным образом обсудить с Китаем вопросы о дополнительных ме-

рах по созданию обстановки добрососедства. Мы надеемся, что в недалеком будущем разделяющая (а хотелось бы говорить — соединяющая) нас граница станет полосой мира и дружбы. (*Аплодисменты.*)

Советские люди с пониманием и уважением воспринимают выдвинутую Компартией Китая цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа.

У нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. И почему бы не поддерживать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом.

С удовлетворением отмечаем, что наметился положительный сдвиг в экономических связях. Убеждены, что исторически сложившееся взаимодополнение советской и китайской экономик дает большие возможности для расширения этих связей, в том числе и в приграничных районах. Некоторые крупные проблемы сотрудничества буквально стучатся в дверь. Мы, например, не хотим, чтобы пограничный Амур рассматривался как «водная преграда». Пусть бассейн этой могучей реки будет объединителем усилий китайского и советского народов по использованию на общую пользу имеющихся тут богатейших ресурсов и водохозяйственного строительства. Межправительственное соглашение на этот счет уже совместно разрабатывается. А официальная граница могла бы проходить по главному фарватеру¹⁷.

Советское правительство готовит положительный ответ по вопросу о действии в строительстве железной дороги, которая свяжет Синьцзян-Уйгурский автономный район с Казахстаном.

Мы предложили сотрудничество с КНР по космосу, в которое можно было бы включить подготовку китайских космонавтов. Большие возможности взаимопольного обмена — в сфере культуры, образования. Мы готовы и искренне желаем всего этого.

Об отношениях с Японией. Здесь тоже намечаются признаки поворота к лучшему. Было бы хорошо, если бы этот поворот произошел. Объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого. Начало в этом году положено. Состоялся обмен визитами министров иностранных дел. На повестке дня — обмен визитами на высшем уровне.

Обоюдный интерес представляет хозяйственная кооперация. В первую очередь речь идет о наших прибрежных районах, где уже имеется практика деловых контактов с японскими фирмами. Можно обсудить вопрос и о создании совместных предприятий в прилегающих и близко расположенных друг от друга районах СССР и Японии. Почему бы также не наладить долгосрочное сотрудничество в исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, не состыковать программы мирного изучения и использования космоса? У японцев, кажется, существует метод динамизации отношений, который называется «экономической дипломатией». Так пусть на этот раз она послужит советско-японскому сотрудничеству. <...>

Наши размышления о безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе строятся не на пустом месте. Они учитывают опыт — прошлый и современный. Не канули в Лету принципы «Панча шила» и Бандунга¹⁸. Остались в дипломатическом опыте положительные примеры перемирия в Корее¹⁹, женевские соглашения об Индокитае 1954 года²⁰, индо-пакистанское соглашение в Ташкенте²¹. И в наши дни мы видим усилия ряда государств практически решать общие экономические проблемы, попытки как-то регулировать конфликтные ситуации. В деятельности АСЕАН²², в двусторонних связях немало позитивного. После того как был отвергнут замысел «тихоокеанского сообщества», обсуждается идея «тихоокеанского экономического сотрудничества». Мы без предубеждения отнеслись к ней, готовы присоединиться к размышлениям о возможных основах такого сотрудничества, — разумеется, если оно мыслится не по навязанной кем-то блоковой, антисоциалистической схеме, а как результат свободной дискуссии без каких бы то ни было дискриминаций. Неплохой основой для таких дискуссий мог бы стать уже довольно обширный арсенал научных и политических разработок по вопросу о создании нового мирового экономического порядка, об опыте интеграции на Западе и на Востоке.

В качестве пусть неблизкой цели мы предложили бы по типу хельсинкской тихоокеанскую конференцию с участием всех тяготеющих к [Тихому] океану стран. Когда же (и, разумеется, если) удастся договориться о ее созыве, можно будет условиться и о месте проведения. Один из вариантов — Хиросима. Почему бы этому городу — первой жертве атомного зла — не стать своеобразным «Хельсинки» Азии и Тихого океана? (*Аплодисменты.*)

Подытоживая, хочу вновь подчеркнуть, что мы за включение Азиатско-Тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности, о которой говорилось на XXVII съезде КПСС.

Как мы себе это конкретно представляем?

В первую очередь напрашиваются вопросы **регионального урегулирования**. Об Афганистане скажу отдельно. Сейчас — о Юго-Восточной Азии и Камбодии.

Кхмерский народ понес страшные жертвы²³. Эта страна, ее города и села не раз подвергались американским бомбежкам. Она выстрадала свое право выбирать себе друзей и союзников. И непозволительно тянуть ее в трагическое прошлое, решать дальнейшую судьбу этого государства в далеких столицах или даже в ООН²⁴.

Многое здесь, как и в других проблемах Юго-Восточной Азии, зависит от нормализации китайско-вьетнамских отношений. Это — суверенное дело правительств, руководства двух стран. Мы можем лишь высказать свою заинтересованность в том, чтобы граница между этими социалистическими государствами вновь стала границей мира и добрососедства и чтобы возобновлен был товарищеский диалог, сняты ненужные подозрения и недоверие. (*Аплодисменты.*) Момент сейчас, кажется, благоприятный, а вся Азия нуждается в этом.

Нет, на наш взгляд, непреодолимых препятствий к установлению взаимоприемлемых отношений между странами Индокитая и АСЕАН. При на-

личии доброй воли и при условии невмешательства со стороны они могли бы урегулировать свои проблемы — на благо одновременно и общеазиатской безопасности.

Есть возможность не только снять опасную напряженность на Корейском полуострове, но и начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа. Если исходить из действительно корейских интересов, нет разумных причин уходить от серьезного диалога, который предлагает КНДР.

Второе. Мы за то, чтобы поставить заслон на пути распространения и наращивания **ядерного оружия** в Азии и на Тихом океане. Известно, что СССР обязался не увеличивать в азиатской части страны ядерные ракеты средней дальности.

СССР поддерживает объявление южной части Тихого океана безъядерной зоной и призывает все ядерные державы в одностороннем или многостороннем порядке гарантировать ее статус.

Серьезным вкладом была бы реализация предложения КНДР о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове. Заслуженное внимание привлекла к себе идея создания такой зоны в Юго-Восточной Азии.

Третье. Предлагаем начать переговоры о сокращении активности на Тихом океане **военных флотов**, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием. Укреплению стабильности помогло бы ограничение соперничества в сфере противолодочного оружия, в частности договоренность о том, чтобы воздерживаться от противолодочной деятельности в определенных зонах Тихого океана. Это могло бы стать существенной мерой доверия.

Да и вообще, хотел бы сказать: если бы США отказались от военного присутствия, скажем, на Филиппинах, мы бы в долгу не остались.

Мы по-прежнему и решительно за то, чтобы возобновить переговоры по превращению **Индийского океана в зону мира**.

Четвертое. Советский Союз придает большое значение радикальному **сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Азии** до пределов разумной достаточности. Мы отдаем себе отчет, что эту проблему надо решать по частям, поэтапно, начав с какого-нибудь одного района, скажем с Дальнего Востока. В этом контексте СССР готов обсудить с КНР конкретные шаги, направленные на соразмерное снижение уровня сухопутных сил.

Пятое. Советский Союз считает, что давно уже пришло время перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе. Начать можно с более простых, — например, с мер по безопасности морских коммуникаций в Тихом океане, а также по предотвращению международного терроризма.

Конференцию для обсуждения и разработки таких мер можно было бы провести в одном из советских приморских городов. Кстати, можно было бы со временем и решить вопрос об открытии Владивостока для посещения иностранцами. (*Аплодисменты.*) Если действительно удастся изменить к лучшему ситуацию на Тихом океане, Владивосток мог бы стать одним из крупнейших международных центров, очагом торговли и культуры, городом фестивалей, спортивных встреч, конгрессов, научных симпозиумов. Мы хотели

бы его видеть нашим широко открытым на восток окном. И пусть тогда, по слову нашего великого Пушкина, и здесь «все флаги в гости будут к нам». (*Аплодисменты.*) <...>

Советское государство обращается ко всем азиатско-тихоокеанским странам с призывом к сотрудничеству во имя мира и безопасности. (*Аплодисменты.*) Каждый, кто стремится к этим целям, кто рассчитывает на лучшее будущее своих народов, найдет в нас доброжелательных собеседников и честных партнеров. (*Аплодисменты.*)

ГСС. Т. 4. С. 364–371, 373–376.

*Из беседы с Председателем Президиума ЦК КПЯ Тэцудзо Фувой
Москва, 11 августа 1986 года*

Горбачев. <...> Что касается наших планов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, я подробно говорил об этом во Владивостоке. Мы долго думали и пришли к выводу, что общие рассуждения о поисках мира и безопасности необходимо переводить в плоскость практических шагов. В моем выступлении была не только изложена концепция комплексной безопасности региона, но и названы конкретные шаги, которые мы намерены осуществить.

Здесь тоже надо исходить из реальностей. Думаю, Вы обратили внимание на реалистический подход, о необходимости которого я говорил во Владивостоке, — СССР, США, Япония, Китай, Индия, Индонезия — у всех есть свои национальные интересы. Что-либо надежное может быть достигнуто только при взаимном учете интересов. Это будет нелегкий процесс. Сложное прошлое, много проблем и различий. Тем более нельзя откладывать работу. Пришла пора заняться поиском путей создания эффективных механизмов, которые содействовали бы оздоровлению обстановки, налаживанию сотрудничества.

Американцы волнуются, когда СССР говорит об Азиатско-Тихоокеанском регионе, осуществляет там какие-то шаги. Они всегда носятся с одной и той же идеей — вытеснить СССР, изолировать его. Это — очередное заблуждение. Как можно вытеснить СССР из этого региона, закрыть его как азиатскую страну?

Думаю, всем, в том числе и нам, нужно новое мышление, новый подход к решению важнейших проблем Азиатско-Тихоокеанского региона. Это новое мышление должно базироваться на принципах равной безопасности, уважения независимости и интересов государств, их равноправия. Может быть, кому-то трудно признать эти принципы, поскольку многие народы региона были и остаются объектами грабежа.

Но пришли другие времена. Сегодня японская нация вышла в ряды крупнейших наций мира и демонстрирует свои способности.

Завтра это сделает Китай. Такие же планы и у Раджива Ганди. Каждый народ имеет право делать свой выбор и реализовать свои интересы. Такое переосмысление и лежит в основе нашей концепции, о которой я говорил во Владивостоке.

Другой подход, связанный с созданием разного рода блоков, с милитаризацией Тихого океана, с вооружением государств, с консервацией региональных конфликтов — это опасный путь. Мы такой путь отвергаем. Мы привержены тому, о чем я говорил во Владивостоке, и будем действовать соответственно.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

На Политбюро
14 августа 1986 года

Горбачев. Международный аспект поездки (*во Владивосток*). Об этом не буду распространяться. То, что сказал публично, и есть наша политика, без всякой задней мысли. Суть нашей программы на Азию и Тихий океан — приглашаем всех к нормализации отношений. И Китай, и Японию, и Индию, и Индонезию, и Австралию, и Соединенные Штаты. Не с обвинениями идем, а приглашением. Сложности есть и будут. Но мы выходим на сотрудничество и надо работать конкретно, предметно. И все, кому положено, должны постоянно иметь это направление в поле зрения.

Реакция на поездку — какую ожидал: и вовне, и внутри.

В Китае, Японии, Индии, Индонезии отклики серьезные. Американцы делают вид, что ничего особенного, но на деле забеспокоились.

Понравился наш подход китайцам. В самом деле, много точек соприкосновения с ними — и в международных делах.

Не обвинять кого-то, а приглашать к диалогу — вот была наша цель. Теперь, когда мы конкретизировали нашу политику, дело за МИДом и другими ведомствами. Но Политбюро должно держать постоянно в поле зрения это направление.

Шеварднадзе. <...> С точки зрения внешнеполитической Дальний Восток — это в известном смысле — целина. Не знаю... В истории Советского государства не было еще такой целостной, прозорливой политики на этом направлении. И для США это оказалось неожиданным. И для Японии... Там ведь привыкли, что КПСС занимается Америкой, Европой. Азия для нее — «не модно». И вот вдруг!

Теперь, когда так конкретно сформулированы идеи, в том числе по азиатской «Хельсинки», все бросились конкретизировать их, включая Министерство иностранных дел КНР.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

На Политбюро
25 сентября 1986 года

Горбачев. По Владивостоку. После поездки туда началось движение умов в АТР. Хотят опереться на нас, против засилья американцев. Это начало. Трудный путь. Труднее, чем в Европе. Дело серьезное. Все всполошились. Крупные

страны особенно. Другие присматриваются и в общем отнеслись положительно к владивостокской инициативе. Теперь наши товарищи объездили в Азии 15 стран, добрались до глубинки. За два месяца поток информации по итогам Владивостока не уменьшается.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Рональдом Рейганом в Рейкьявике
(первая беседа один на один)
11 октября 1986 года*

Горбачев. <...> Я только что суммировал нашу позицию — ликвидация всех РСД СССР и США в Европе, оставление в стороне английских и французских сил, замораживание и разговор о ракетах с дальностью менее 1000 километров, начало переговоров по ракетам в Азии. Скажу даже больше: вы выдвинули формулу — 100 боеголовок на советских ракетах в азиатской части СССР, и 100 боеголовок на ракетах США на американской территории. Для нас это означает сокращение наших ракет в несколько раз. Но ладно, если уж США решили все-таки предъявлять нам ультиматумы и не могут предложить нам ничего другого, то мы согласны и на такой вариант. Согласны, хотя мы видим, какова ситуация в Азии, что происходит в Японии, что происходит с вашим собственным присутствием в Тихом океане. Но мы делаем этот последний шаг с тем, чтобы показать серьезность нашего настроения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

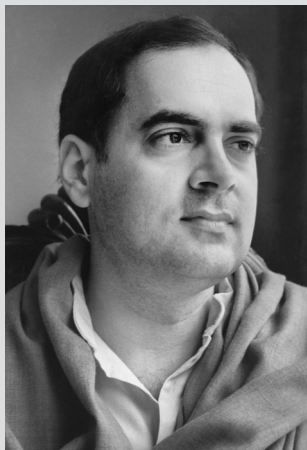
*Из речи Горбачева в Дели
25 ноября 1986 года**

О советско-индийском сотрудничестве. Еще в прошлом году в Москве мы с господином Премьер-министром заложили заделы для его дальнейшего развития по всем направлениям. Сегодня мы продолжили эту работу и договорились о важных вещах.

Есть все основания к тому, чтобы советско-индийские отношения не просто оставались хорошими, а непрерывно прогрессировали на прочной базе взаимного уважения, взаимной пользы, общности мирных устремлений.

Есть все возможности сделать наше взаимное доверие и дружбу еще более влиятельным фактором международной жизни на пользу мира, разоружения и развития.

* Горбачев по приглашению Раджива Ганди посетил Индию с дружественным официальным визитом. В ходе этого визита была одобрена известная Делийская декларация, вызвавшая широкий позитивный резонанс во всем мире. Запись состоявшихся переговоров в АГФ отсутствует.

Раджив Ганди (Rajiv Gandhi) (1944–1991) — премьер-министр Индии в 1984–1989 годах. Из семьи выдающихся государственных деятелей Индии — Джавахарлала Неру, его дочери Индиры Ганди, сыном которой он был. После убийства Индиры (31 октября 1984 года) премьером был избран Раджив Ганди. Одновременно он возглавил партию Индийский национальный конгресс (И), которая на парламентских выборах в том же году одержала убедительную победу. Советско-индийские отношения получили новый сильный импульс, особенно благодаря личным контактам Ганди с Горбачевым, начало которым положил визит индийского премьера в Москву в мае 1986 года. Уже эта первая встреча выявила близость взглядов двух ли-

деров на задачи мировой политики; у них сложились отношения полного взаимного доверия. По воспоминаниям Горбачева, это был «очень искренний, широко мыслящий, гуманистически настроенный человек». В их интеллектуальном взаимодействии и дружеских дискуссиях формировались многие идеи нового политического мышления, необходимого для движения к мировому порядку, свободному от ядерного оружия. Эти идеи нашли отражение в подписанной Горбачевым и Ганди «Делийской декларации».

После отставки с поста премьера в ноябре 1989 года, Ганди возглавил оппозицию. Но во время предвыборной кампании, с большими шансами на победу, он был убит 21 мая 1991 года тамильскими террористами.

Господа, друзья! Мы с большим интересом следим за тем, чем живет сегодня новая Индия. Нас радуют ваши достижения. Но мы видим и ваши трудности и проблемы.

Индийское руководство ставит сегодня перед своим народом задачу огромной важности — добиться, чтобы страна вошла в XXI век высокоразвитым государством с мощным хозяйственным и научно-техническим потенциалом.

Советские люди искренне желают вам успехов. Они от души приветствуют неуклонное повышение роли миролюбивой Индии в мировых делах.

Позвольте выразить уверенность, что нынешняя советско-индийская встреча даст много позитивного для народов наших стран, для укрепления международной безопасности в Азии и на всей Земле.

*Из выступления Горбачева на встрече с активом индийско-советского культурного общества и общества «Друзья Советского Союза»
Дели, 27 ноября 1986 года*

В итоге советско-индийских переговоров, состоявшихся в эти дни, только что подписаны новые важные документы. Они будут опубликованы. Вы их прочтете, проанализируете. Скажу о главном.

Мы говорили как друзья: откровенно, искренне, понимая друг друга с полуслова. Диалог с вашим Премьер-министром всегда обогащает и укрепляет в уверенности, что индийско-советские отношения — в надежных руках.

Мы вновь подчеркнули, что Договор 1971 года²⁵ в полной мере отвечает национальным интересам обеих стран, является инструментом мира и стабильности в Азии, и не только в Азии. Он — пример того, как можно было бы строить отношения во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Мы с удовлетворением отметили, что наше экономическое и научно-техническое сотрудничество развивается динамично. Оно взаимовыгодно, постоянно расширяется его диапазон, обогащаются его формы. В итоге этого обмена мы констатировали, что научно-техническое сотрудничество имеет большую перспективу.

Расширяется сфера и духовных связей наших народов. Здесь я особенно имею в виду предстоящие в СССР и Индии фестивали культур — соответственно индийской в Советском Союзе и советской в Индии²⁶. Посвящены они 40-летию независимости Индии и 70-летию Октябрьской революции и создания Советского государства. Мы с господином Радживом Ганди приняли на себя обязанности почетных председателей этих фестивалей.

Мы с господином Радживом Ганди и другими индийскими руководителями обсудили широкий круг самых важных международных проблем. И вновь убедились в том, что у нас много общего в подходах и поисках их решения. Трудно переоценить принципиальное значение того факта, что у СССР, социалистического государства, и Индии, одной из основательниц Движения неприсоединения, такая высокая степень взаимопонимания и доверия.

Что это значит для нас, для всего мира, для будущего? Это значит, что силой своего примера наши страны способствуют утверждению принципов мирного сосуществования, пролагают дорогу к международной безопасности, препятствуют тенденциям, ведущим к ядерной катастрофе, демонстрируют реальную возможность противостоять имперским претензиям и амбициям, произволу неоглобалистских замыслов. Высокая степень взаимодействия СССР и Индии значит, что потенциал миролюбивых сил крепче, будущее мира надежнее. <...>

На встрече с вами хотел бы, естественно, остановиться на проблемах Азии и Тихого океана, хотя я уже говорил о них летом во Владивостоке. Ну где же об этом еще раз сказать, если не в Индии.

У нас, конечно, нет универсального и быстродействующего рецепта для избавления от трудностей этого необъятного человеческого и пространственного массива планеты. Да, наверно, никто не обладает таким волшебным

ключом. Поэтому мы призываем все народы Азии и Тихого океана объединить усилия в поисках путей к миру, возрождению и процветанию.

Делать это надо, видимо, по многим направлениям, включая экономические связи на новой основе. Но главное препятствие — рост ядерных и обычных вооружений в регионе. Опасность этой нарастающей тенденции не только военно-политическая, но и экономическая с неизбежными социальными последствиями. Ведь это касается государств, которые еще наращивают свою экономику, и всякая нагрузка по развертыванию военных программ будет сказываться на социальных процессах в этих странах.

Мы считаем, что имеется не только потребность, но и возможность для радикального оздоровления обстановки в Азии путем сокращения вооружений, в том числе и ядерных, ограничения активности военных флотов в Индийском и Тихом океанах, разработки и осуществления мер доверия. Об этом я буду говорить через несколько часов более подробно в вашем парламенте.

У народов и правительств стран Азии есть собственный опыт: есть пять принципов «Панча шила», есть 10 принципов конференции в Бандунге.

Очень важны для общеазиатской безопасности двусторонние отношения между расположенными на этом континенте государствами. Это, собственно, первоначальный и весьма эффективный канал и для выхода на проблемы международные.

Советский Союз готов к тому, чтобы сотрудничать на равных, конструктивно, с любым государством, строго придерживаясь принципов равноправия и взаимного учета интересов, готов вносить свой вклад в общий процесс.

В этом, собственно, — политическая суть платформы, изложенной во владивостокской речи, — приглашение к совместным поискам, к равноправному сотрудничеству.

Должен при этом подчеркнуть: мы не мыслим улучшения двусторонних отношений с кем бы то ни было за счет или в ущерб нашим связям с другими государствами. <...>

Мы глубоко убеждены, что никому не удастся поставить под сомнение, тем более умалить реальный огромный вклад Индии в современное развитие Азии и мировой цивилизации.

Среди крупных тем, которые мы обсуждали с господином Радживом Ганди, было Движение неприсоединения. Я с большим интересом выслушал его рассказ о конференции в Хараре²⁷.

Хочу отметить, что мы в Москве рассматриваем этот форум как событие мирового значения.

Особое значение мы придаем тому, что, пожалуй, как никогда ранее, сильно и твердо прозвучал призыв неприсоединившихся стран к прекращению гонки вооружений, ликвидации ядерного оружия и что эти страны прочно увязали проблемы разоружения и развития. В своем ответе на «Харарское воззвание» я уже имел возможность дать высокую оценку этой конференции.

Движение неприсоединения представляет собой уникальную силу современности. В этом — огромная заслуга Индии, ее руководителей, Премьер-министра Раджива Ганди.

Мы хорошо знаем и по достоинству оцениваем, что именно Индия является одной из родоначальниц доктрины и политики неприсоединения.

ГСС. Т. 5. С. 225–226, 231–233.

*Из выступления Горбачева на встрече с парламентариями Индии
Дели, 27 ноября 1986 года*

Мы здесь, чтобы еще раз совместно с руководством Индии содействовать утверждению понимания мира как высшей общечеловеческой ценности.

Подписанная утром Премьер-министром господином Радживом Ганди и мной Декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира служит этой великой цели²⁸. <...>

Всеобщий мир для каждого народа начинается у порога его дома. Вот почему и для Индии, и для Советского Союза стабильность и безопасность в Азии — общая забота.

Хотел бы подчеркнуть — и для Советского Союза. Ведь более одной трети Азии приходится на территорию Советского Союза, а через Индийский океан проходят важнейшие морские пути, связывающие запад и восток нашей страны.

Мир в Европе и мир в Азии имеют в нашей политике равное значение. «Дом и мир» — это название замечательного романа Рабиндраната Тагора звучит в этой связи как образ, характеризующий наши действия. <...>

Как известно, Советский Союз и Индия выступают в поддержку решения ООН о проведении не позднее 1988 года международной конференции в целях осуществления Декларации ООН об объявлении Индийского океана зоной мира. Дело демилитаризации Индийского океана необходимо сдвинуть с мертвой точки.

Выступая за укрепление военно-политической стабильности в районе Индийского океана, Советский Союз готов:

— начать в любое время с США и другими неприбрежными государствами, имеющими в Индийском океане боевые корабли на постоянной основе, переговоры о существенном сокращении здесь численности и деятельности военно-морских сил;

— провести переговоры с США и заинтересованными азиатскими странами о мерах доверия в военной области применительно к Азии и прилегающим акваториям Индийского и Тихого океанов. В частности, имеется в виду уведомление о перебросках и маневрах сухопутных (амфибийных), военно-морских и военно-воздушных сил этих стран;

— участвовать в многосторонних переговорах всех государств, пользующихся водами Индийского океана, с целью выработки гарантий безопасности морских коммуникаций, включая Персидский залив, Ормузский и Малаккский проливы, а также гарантий суверенитета прибрежных стран над их природными ресурсами:

— участвовать в выработке многостороннего соглашения, нужда в котором давно назрела, о безопасности воздушных коммуникаций над Индийским океаном;

— принять участие в разработке и стать участником международной конференции о борьбе с терроризмом на морских и воздушных коммуникациях.

Все это, разумеется, не исчерпывает проблематику обеспечения мира в зоне Индийского океана, и мы готовы обсудить предложения других стран на этот счет. Но реализация упомянутых выше предложений, безусловно, способствовала бы оздоровлению обстановки в регионе.

ГСС. Т. 5. С. 237–238, 240–241.

*На пресс-конференции в Дели
28 ноября 1986 года**

Горбачев. <...> В ходе визита мы еще раз почувствовали и значение сегодня советско-индийских отношений, и нашу ответственность перед нашими народами и перед всем миром. Значение их проистекает прежде всего из того факта, что речь идет об отношениях государств, принадлежащих к различным социальным системам, с разной историей, с большим своеобразием национальных и духовных традиций. Десятилетия взаимовыгодного и честного сотрудничества сделали возможным этот крупный и своеобразный феномен современности, ставший важным фактором международной политики. <...>

Высокий уровень наших отношений сделал возможным появление такого документа, как Декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. Я полностью согласен с той широкой и убедительной аргументацией, которую привел здесь господин Ганди, раскрывая смысл этого важного политического документа. <...>

Мы с господином Ганди единомышленны в том, что Советский Союз и Индия считают задачей задач добиться избавления мира от ядерного оружия, преодолеть напряженность, остудить горячие точки планеты. Все это входило в проблематику наших бесед. <...>

Вопрос. *Вы только что заявили, что в ходе переговоров были затронуты региональные проблемы. Какова Ваша точка зрения по поводу милитаризации Пакистана Соединенными Штатами?*

Ответ. Все мы — Советский Союз, Индия, Пакистан — соседи. И я думаю, что соседи всегда должны жить в мире, помогая друг другу строить свои отношения в духе взаимопонимания. Мы за хорошие, добрые отношения с пакистанским народом, и надо найти подходы к тому, чтобы прийти к таким отношениям. Другие пути ведут к непредсказуемым вещам, и об этом всем нам надо помнить. Думаю, что это относится полностью и к правительству Пакистана.

Вопрос. *Вы стремитесь к улучшению отношений с Китаем и говорили об этом во Владивостоке, и мы желаем Вам успехов в этом. Я хотел бы задать Вам вопрос, который интересует народы нашей страны: при нормализации отношений с Китаем существует опасность военного и другого давления на нашу страну, учитывая давние пограничные споры? Вы знаете о некоторых шагах, предпринятых Китаем*

* Совместную пресс-конференцию открыл Раджив Ганди. После него выступил Горбачев, который ответил также на вопросы журналистов.

в последнее время, которые являются отходом от прежней его позиции. Что можно сделать, чтобы этого не было и чтобы одновременно «не скисало молоко» в отношениях между СССР и Индией?

Ответ. Что касается последнего пожелания, то я об этом сказал. То, что мы делаем, улучшая отношения с Китаем, не будет ослаблять наши отношения с Индией. Никогда эти шаги не нанесут ей вреда. Мы будем углублять отношения с Индией, и доказательством этому является нынешний визит.

Что касается остальной части Вашей речи (*смех*), то могу сказать так: чем лучше будут отношения в Азиатском регионе между всеми странами и чем лучше будут отношения между СССР и Китаем, тем лучше будет вся атмосфера в этой части мира. А когда атмосфера улучшится, расширится сотрудничество, тогда возрастет взаимопонимание, возникнет больше доверия.

Вопрос. *Мой вопрос касается ваших отношений с Китаем. В последнее время они стали улучшаться. А если будет военная конфронтация со стороны Китая против Индии, на чью сторону вы станете?*

Ответ. Если будут улучшаться отношения в Азиатском регионе и между великими государствами, здесь расположенными, — к ним я в первую очередь отношу Китай, Индию, Советский Союз, — то это будет создавать совсем другую ситуацию, и Ваши прогнозы не сбудутся. В этом я убежден. И никому не придется выбирать чью-то сторону. Думаю, что тенденция, о которой я говорю, будет набирать силу — к нормализации, улучшению отношений в Азиатском регионе, в том числе между такими странами, как Китай, Индия и Советский Союз.

Вопрос. *20 лет назад в Ташкенте ваша страна предприняла усилия, чтобы сблизить Пакистан и Индию. Каковы шансы на то, чтобы Вы сейчас сблизили позиции Индии и Китая? Поднимался ли этот вопрос на переговорах с Китаем или Вы выступите со своей инициативой, чтобы качественно улучшить сложившееся положение?*

Ответ. Контакты между Индией и Китаем существуют, и они используются, чтобы прояснить все проблемы, которые представляют взаимный интерес.

ГСС. Т. 5. С. 248, 251–256.

**На Политбюро
4 декабря 1986 года
Об итогах визита в Индию**

Горбачев. Цивилизация в XXI веке будет идти на Восток. В Азии огромные силы, огромный потенциал цивилизации будущего. И поэтому наша политика в отношении Индии — крупнейшего звена АТР — состоит в том, чтобы помогать ей высвободиться из-под воздействия империализма. Необходимо это делать по ряду соображений.

1) Стратегическое, геополитическое:

— с учетом позиции Китая. АСЕАН ищет у Индии крышу. Она становится точкой опоры в этом районе;

— Индийский океан. США тут осели...

Нельзя произносить в отношении Индии — «союзник», но вести дело к этому.

— Пакистан — союзник США. Тут Индия — наш естественный партнер. Индия в нашей политике на Азию — ключевое звено. Но мы в этом процессе можем участвовать лишь на основе безусловного и самого строгого признания независимости и самостоятельности государств, уважения их престижа. Дело не только во внешней политике. Нужны широчайшие, многообразные связи. Исключить при этом малейший намек на похлопывание по плечу.

2) Политическая необходимость:

— Индия — главная фигура Движения неприсоединения;

— 750 миллионов человек;

— великая держава. И мы говорим это не для того, чтобы польстить, а для того, чтобы правильно измерять масштаб и значение отношений с этой страной;

— уникальность отношений двух великих держав — пример.

Может быть, мы еще не оценили до конца всего значения и последствий этих отношений, находясь в разных системах, на разном уровне развития.

Сотрудничество у нас с Индией, как и с некоторыми другими — Швеция, Финляндия, — лучше, чем с кое-какими социалистическими странами. Оно должно строиться строго на экономической заинтересованности, которая есть и у них, и у нас. Мы не собираемся наживаться на этих отношениях. Будем использовать взаимность интересов. У Индии они свои, и она вправе их отстаивать. Она ими руководствуется так же, как мы — своими. Без признания взаимных интересов, интересов другой стороны, ничего не будет — ни в отношениях с Индией, ни где бы то ни было.

От посольства у меня неудовлетворенность: есть информация, нет политики.

Раджив Ганди пришел к власти неожиданно. Человек честный. В народе у него высокий моральный авторитет. Были у него колебания — желание поискать счастья на Западе. Плюс коррумпированный аппарат. Почти миллиард человек надо прокормить.

Мы много упустили из того, что было достигнуто в отношениях с Индией в 50–60-х годах. И не только потому, что работали спустя рукава, не видели всего мирового значения этого нового государства, а и потому, что сами были не очень привлекательными. Теперь другое дело. Наша перестройка дает основания думать, что отношения с Индией будут набирать новый динамизм.

США и Китай не признают Индию великой державой. Но вопрос у них (США) стоит так: или они — великая держава, или обречены. Тут мы и подоспели. На Западе у Раджива не получилось, а у нас сначала он не видел перспектив. Если бы не было XXVII съезда, не было бы и такого визита, какой произошел. <...>

Ганди ёжился в отношении АТР. Хочет остаться лидером Движения неприсоединения.

С Китаем... Мы не должны их сталкивать лбами (*Китай и Индию*). Нужно с уважением говорить о Китае... Треугольник (*СССР — Индия — Китай*) пока не получится. Главное сопротивление — со стороны Индии. Китай там —

навязчивая идея. Мы улучшаем отношения с КНР. Подталкиваем к этому и Индию.

Выбор Ганди (*в нашу сторону*) стал достоянием гласности. Но он рассчитывает на нашу ответственность.

Совершенно новый этап наступил в отношениях, по всем направлениям. Уникальный шанс.

Разработать военную сферу отношений.

Вывод такой:

Наш славянский бог благословляет нас обычно ничего такого особенного не делать! Если мы ограничимся тем, что будем пользоваться старым механизмом связей, латать, а не строить по-новому, не создадим новых механизмов работы на Индию — ничего не будет... И на частный сектор там надо сориентироваться. Это для Индии имеет огромное социальное значение. <...>

Контрасты там невероятные. С одной стороны, высокий интеллектуальный, образовательный уровень у верхнего слоя, с другой — бедность значительной части населения. Каждый день утром с улиц убирают тела умерших.

Добрынин пусть возьмет на себя координацию наших ведомств. В Международном отделе ЦК — создать подотдел по Индии. Людей подобрать — и в МИДе, и в ведомствах. Минобороны — перестроить работу на этом направлении. Да, в сфере научно-технического сотрудничества есть опасность шпионажа. Но это не предлог, чтобы уклоняться от серьезного взаимодействия. И искоренять великодержавный шовинизм в отношениях: повторяю — без похлопывания.

Создать массив кадров на Индию.

В пропаганде — никакой кампанейщины, брать это направление навсегда!

Там (*в Индии*) по-разному пишут о нас. И нам надо о них писать по-разному. Этим мы поможем и Ганди. Будет противодействие, будет. Надо умно преодолевать. Разочарования будут. Но не шарахаться... С пониманием, что мы делаем огромное дело... Словом, спокойно все пересмотреть на индийском направлении.

Громыко. <...> Если говорить по-партийному, надо использовать Индию, раз такие отношения получаются...

Рыжков. Визит должен стать поворотным моментом.

Горбачев. Это от нас зависит.

Рыжков. Можно сравнить с визитом в Москву Джавахарлала Неру в 56-м году... В 70–80-х годах мы потеряли те позиции в Индии, какие создали в 50–60-е годы.

Визит заставил Ганди окончательно пристать к нашему берегу. И нам надо вести дела по-новому — и по форме, и по существу. Традиционными путями нам этот курс не осуществить... Надо оторваться от «миллиметрового» подхода.

Горбачев. Это эксперимент, который надо опробовать и отработать... Для других направлений пригодится.

Рыжков. Или мы получим большого друга или — разочарование. И это будет огромный политический ущерб всюду.

Механизм координации пусть возглавит Добрынин. Но нужен подмеханизм по экономике... во главе с Каменцевым.

Надо увеличить товарооборот и не расплыться. Даем многим, а политических дивидендов не получаем.

Надо создавать промышленные объекты в Индии. Находить новые формы, например совместные предприятия, использовать их рабочую силу... Приглашать индийцев строить у нас, в Средней Азии и других местах. Гостиницы уже строят.

Горбачев. Болгары перчатки делают в Индии и нам продают. А от этого рабочие места у индийцев. Развивать сотрудничество в науке и технике. Страна в ущемленном состоянии. Такая история, философия, культура и т.д., а в технике — отсталая.

Может быть, в Зеленограде создать Центр научно-технических новаций по электронике, пригласить туда индийских ученых?

Лигачев. Визит очень укрепил в целом наши внешнеполитические позиции. Будут многосторонние последствия для всего комплекса международных отношений.

Советско-индийские отношения должны стать важнейшим направлением нашей внешней политики.

Мое предложение — завязать Индию подготовкой специалистов. Это очень важный канал: контакты, общение между людьми.

Горбачев. И своих студентов туда посылать.

Лигачев. Надо поручить Минвузу проработать вопрос. Отдача может быть колоссальная. Разработать механизм подготовки также и рабочих профессий. И выводить это дело не только на Москву, а и на Киев, в Сибирь, на Урал.

Горбачев. В союзные республики.

Лигачев. Наладить связи по линии политических партий, не только с компартией общаться.

В пропаганде избегать лакировочного подхода. Пропагандировать наши реальные достижения, удачный опыт. Мы не умеем это делать. Даже американские сенаторы нам об этом говорят.

Шеварднадзе. Я бы подчеркнул значение принятой в Дели Декларации.

Горбачев. Тема единства Индии всегда шла под овации. Так же, как тема Договора 1971 года, со статьями о поддержке и консультациях.

Индийское руководство не хочет подачек. Поэтому нет опасности, что нам навяжут на буксир 750 миллионов человек. <...>

Свыше 20 тысяч обращений поступило в наше посольство на мое имя и Раисы Максимовны. Вообще, личность — важный фактор нового курса на Индию. Огромен интерес к нашей внутренней перестройке.

Посол наш там неплохой человек, но нужны там люди другого масштаба, другого полета.

Зайков. На равных надо вести дела. Но как раз этого у нас мало... Мы «умеем» придерживать свое новое... (*в технике, в науке*). Увидят сразу, и разочаруем.

Горбачев. Лучше там, где мы заведомо не можем дать новое, не начинать. Но где уже решили дать — надо действовать честно, открываться.

Зайков. Советское военное представительство в Индии надо немедленно реконструировать. И чтоб туда пошла наша передовая техника. Мы же свои заводы держим на старой технике, чтобы сохранять возможность поставлять старую военную технику, на которую они сориентировали свое производство (*запчасти*).

Горбачев. Очень важные мысли ты высказываешь.

Зайков. Передаем несовременную технологию, а она там себя компрометирует и нас заодно. И специалистов там не готовим для новой техники.

Алиев. Визит вносит много в теорию и практику мирного сосуществования.

Бирюкова. Была недавно в Иванове. Народ говорит о визите с гордостью. И как понятно Вы все объясняли в ходе визита. Это тоже очень ценят. На пресс-конференции какой-то журналист (вот паразиты!) задал пять вопросов по Китаю. Думал, затравит или разоблачит Горбачева. И получил в ответ так, что заткнулся опозоренный.

Мы имеем возможность создавать совместные предприятия в швейном и обувном деле. Это выгоднее, чем покупать кожу там или готовые изделия. Может, так выигрываем поначалу копейки. А проигрываем политически, да и экономически, в конечном счете.

Горбачев. Русский бизнес — это что такое? Купили ящик водки, пропили, сдали посуду и опять пропили. (*Смеются.*)

Добрынин и Каменцев пусть вместе координируют и контролируют наше сотрудничество.

Бирюкова. Надо создавать предприятия на индийской территории...

Горбачев. Да, добавить это в постановление Политбюро. <...>

Соколов (*министр обороны СССР*). Опыт отношений по военной линии показывает, что индийцы знают себе цену. Кроме знаний, у них есть и амбициозность. Поэтому для общения с ними нужны кадры.

Горбачев. Вот вы и подумайте о кадрах. (*Емохонову, первый зам. председателя КГБ*): Вы тоже подумайте, по своей линии.

Долгих. Мы этим визитом тоже делаем свой выбор. Вопрос серьезный.

Горбачев. КГБ надо заняться вопросом безопасности Раджива Ганди... Снабжать его вовремя информацией, какая у нас окажется.

Добрынин. Индия готовит свою атомную бомбу... В определенных кругах не исключают превентивного удара по Пакистану.

Горбачев. Ганди понимает последствия. Но окружение настроено воинственно. <...>

Итак, будем принимать документ (*постановление*) с дополнениями, сделанными по ходу обсуждения.

Визит, действительно, вносит много в теорию и практику мирного сосуществования. Надо очень тщательно разобраться и теоретически осмыслить возможные последствия визита, сделать все выводы, которые вытекают из него для науки. В отношениях с Индией надо постоянно осмысливать реальный процесс и соответственно действовать. Тогда движение будет с обеих

сторон. Эмоции — это хорошо, но надо всегда видеть реальности. С учетом всей совокупности реальностей мы и Ганди делали встречный выбор. И каждый будет исходить из реального положения дел у себя и вовне.

Все механизмы будут сейчас задействованы против Ганди: Британское Содружество, Югославия, претендующая на лидера в Движении неприсоединения... Нам потерять открывшийся шанс никак нельзя. Мы должны поддержать Раджива Ганди всеми возможными средствами.

Борьба будет жесткой. Но все вести в духе линии XXVII съезда.

ПБ. С. 110–112; АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Алваро Куньялом
29 декабря 1986 года**

Горбачев. <...> В Азиатско-Тихоокеанском регионе сосредоточены крупные интересы. Здесь находятся такие страны, как Пакистан, страны, расположенные по побережью Индийского океана. Здесь присутствует и Америка. Растет экономическое и политическое влияние Японии. А со временем, думаю, Япония станет и серьезной военной силой. В этом же регионе находятся такие крупные государства, как Индонезия, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины. Складывается впечатление, что мир движется в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. Собственно, на этой же оценке основана и наша позиция по вопросу об отношениях со странами этого региона. Она — результат учета взаимодействующих сил и факторов. Из этой же позиции исходит и наша концепция всеобщей безопасности применимо к Азиатско-Тихоокеанскому региону.

Следует отметить, что Индия, к примеру, вначале настороженно встретила нашу идею создания системы безопасности в Азии, затем она почувствовала, что явно не поспевает за нашей политикой. Тогда индийцы стали говорить, что СССР должен лучше учитывать интересы Индии в этом регионе и отводить ей подобающую роль. Китай же считает, что Азия в значительной мере является его вотчиной. <...>

США пристально смотрят за тем, что происходит в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Их буквально приводят в лихорадочное состояние признаки улучшения советско-китайских отношений, сближение между СССР и Индией. Они делают все возможное, чтобы не допустить создания такого треугольника в Азии. В самом деле, в этих трех странах — СССР, Индия, Китай — проживают свыше 2 миллиардов людей. Они обладают огромным потенциалом. <...>

Куньял подробно информирует о своей поездке в Китай и беседах с китайскими руководителями.

* Генеральный секретарь Португальской компартии Алваро Куньял в декабре 1986 года находился в Москве проездом из Пекина на родину. В беседе с Горбачевым Куньял рассказал о беседах с китайскими руководителями, а также поделился впечатлениями от поездки во Вьетнам, Лаос и Кампучию.

Горбачев. <...> Что мы намерены делать в отношении Китая? Сразу же подчеркну: свою линию на сближение с Китаем менять мы не будем. Если же говорить точнее — на улучшение отношений с Китаем, а затем — на сближение. Это естественно, так как именно на основе улучшения отношений можно идти к сближению. <...>

Ли Пэн²⁹, сидя в этом же кабинете, говорил мне в прошлом году: товарищ Горбачев, Китай никогда не будет младшим братом. В ответ я сказал, что просто трудно представить себе Китай в роли младшего брата. На XXVII съезде мы четко заявили всему миру о желании развивать равноправные отношения со всеми государствами — социалистическими, развивающимися, со всеми компартиями. И это не лавирование, не тактический прием. Это — основополагающий научный вывод, без которого нельзя идти вперед в международных делах. <...>

У Китая есть свои планы в Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они с подозрением относятся к нашим отношениям с Индией, Вьетнамом, Лаосом и Кампучией. Считают, что эти отношения подрывают позиции Китая. В этом-то как раз и кроется препятствие к диалогу с КПСС. <...> Товарищ Ярузельский рассказывал мне о своей беседе с Дэн Сяопином. Он спрашивал Дэн Сяопина, как понимать политику Китая: Китай принимает Рейгана, лидера ведущей империалистической державы; Америка поддерживает режим Тайваня, вооружает его, а китайские руководители едут в США. В то же время Китай отказывается от встреч с руководителями КПСС. <...>

С одной стороны, Китай хочет иметь выход на рынки Запада, получать оттуда средства для модернизации своей экономики. С другой — китайцы прочат себя на место руководителя «третьего мира», Движения неприсоединения, хотят играть особую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такова наша оценка политики Китая. <...>

Как мы намерены действовать дальше? Многое зависит от того, в каком направлении будет дрейфовать Китай. Мы стоим за улучшение отношений с Китаем. Приветствуем важную работу, которую Вы, товарищ Куньял, провели в Китае.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из послания Горбачева Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру
11 января 1987 года**

Целый ряд крупномасштабных инициатив выдвинут нами с целью обеспечения безопасности в таком важном районе мира, как Азия и бассейн Тихого океана. В придании большего динамизма двусторонним отношениям, урегулировании имеющихся региональных проблем, снижении уровня военной активности мы видим верный путь к созданию атмосферы, которая позволит в конечном итоге созвать конференцию типа хельсинкской и выработать комплекс надежных мер по безопасности и мирному сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

* Дата публикации в газете «Правда».

Озабоченный усилением милитаризации южной части Корейского полуострова, Советский Союз решительно высказался в поддержку усилий КНДР по мирному объединению страны, ее предложения о создании безъядерной зоны на всем Корейском полуострове³⁰.

ГСС. Т. 5. С. 360.

*На Политбюро
5 февраля 1987 года
О границе с Китаем*

Горбачев. Хотя Гранин в «Зубре»³¹ уже сказал, что Невельской³² незаконно присвоил Дальний Восток, тем не менее границу сдвигать в пользу Китая мы не собираемся.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
12 февраля 1987 года
«О шагах, направленных на ненаращивание
и нераспространение ядерного оружия в АТР»*

Горбачев. Для продвижения наших позиций, изложенных мной во Владивостоке, нужен такой документ. Надо дать ноги владивостокской политике. Это конкретизация объявленной нами там программы. И повсюду надо включать Индию, чтобы мы ей давали не меньшую роль, чем себе в этом регионе. Только тогда они будут с доверием относиться к нашей политике. Обращаю на это особое внимание МИДа и Добрынина.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На встрече с министрами иностранных дел
государств — участников Варшавского Договора
25 марта 1987 года**

Горбачев. <...> Вы говорили о визитах в Азию. Еще недавно азиатское направление находилось у нас, прямо скажем, в заброшенном состоянии. А посмотрите, как страны этого региона реагируют на наши инициативы, как они выступают за продолжение нами нынешней линии в международных делах. Хорошо, что там побывали товарищ Шеварднадзе, генеральные секретари, министры некоторых из наших стран.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

* В беседе приняли участие министры иностранных дел: Венгрии — П. Варкони, Чехословакии — Б. Хнеупек, Польши — М. Ожеховский; Болгарии — П. Младенов, ГДР — О. Фишер, Румынии — И. Тоту, СССР — Э.А. Шеварднадзе.

*На Политбюро
26 марта 1987 года*

Об азиатско-тихоокеанской проблеме

Шеварднадзе. По Кампучии... Если мы прямо не поставим вопрос перед вьетнамским руководством об их войсках там (200 тысяч), толку не будет... Судьба самого Вьетнама решается в Кампучии.

В Кампучии хотят пригласить Сианука³³ на пост главы государства. <...>

Сухарто (*президент Индонезии*)³⁴ заявил: чем дольше Вьетнам воюет, тем больше он слабеет.

Горбачев. Отклики на нашу политику в АТР очень положительные. Американцы начинают пугаться. В США и Китае резонанс большой. <...> Надо ускорить разработку кампучийской проблемы. <...>

В АТР многие ищут в СССР противовес США и Китаю.

Есть идеологические, политические, но есть и национальные интересы у каждой страны. И когда они выходят на первый план, все отодвигается. А это позволяет нам продвигать свои позиции: они конструктивные.

О Вьетнаме

Шеварднадзе. Во Вьетнаме голодают. Наши ведомства плохо изучают, что вьетнамцам нужно, шлют и строят не то.

Горбачев. Это констатируем... И вообще, надо кончать с «революционной солидарностью» и переходить на общепринятые принципы, ставить условия нашей помощи. Венгры вон шьют во Вьетнаме рубашки, прикрепляют западные «лейблы» и продают во Франции, Канаде, США.

Рыжков. На кого они работают, наши советники в Ханое? Так вести дело с Вьетнамом, как раньше, недопустимо... двухмиллионная армия — на такую нищую страну! А куда девать солдат, если ее сократить? У них и так 4 миллиона безработных... Беспомощность.

Медведев и Рыжков препираются.

Горбачев. Поручаем разработать жесткую концепцию сотрудничества с Вьетнамом. Половина Политбюро там побывала — и что? «Вьетнамизировали» Политбюро, привели к тому, что идем на поводу у них... Заменить надо там весь наш советнический аппарат. А то посылаем туда тех, кто дома не нужен. По советским моделям строим там промышленность. Хватит. Теперь упор — на легкую и пищевую промышленность.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2; ПБ. С. 157.

*На Политбюро
8 мая 1987 года*

Советско-китайские отношения

Горбачев. Кратко скажу так. Пока они не готовы на сближение, и мы дальше идти не будем. Не перескакивать через «препятствия». Реалии жизни

заставят их идти в правильном направлении в отношении нас. Но мы своими попытками сближения не должны напугать и Соединенные Штаты. Впрочем, сам Дэн советует нам не торопиться с перестройкой. Очень внимательно все изучает. Идеологически наши позиции, он считает, стали ближе к социализму. Тоже неплохо — слышать такое от него. Говорит, мы (КПСС) способствуем распространению идей социализма.

Возможности для сотрудничества есть. Но между государствами, а не по партийной линии. А по всем другим линиям, дай бог, чтобы с другими социалистическими странами и соседями так было. Так что — ничего! Не ослаблять внимания к Китаю. Не срыватьсь опять в полемику ни по каким линиям: ни в МИДе, ни в культурной, ни во внешнеторговской области.

Самодеятельность тут очень много напортила.

Экономические связи с Индией

Горбачев. Хорошо развивается дело. Но и тут не надо пугать и правые силы в самой Индии, и Соединенные Штаты. Не действовать сиволопо, не осложнять ситуацию и для Ганди. <...>

(Бирюковой) Надо использовать давальческий принцип³⁵ в экономических обменах. Это и политике будет помогать. Не пересаливать в поездках туда и больше нажимать на торговлю. Это лучшая поддержка для Ганди.

О линии в отношении Японии на 1987 год

Горбачев. Чего они хотят?

Шеварднадзе. Визита Вашего хотят.

Горбачев: А как с территориальным вопросом?

Шеварднадзе. Не созрели условия для визита. Надо вести подготовку и позже вернуться к этому.

Воротников. Я принял делегацию крупных фирм Японии. Атмосфера отличалась от прежней и никаких намеков на территориальную проблему. Говорят: у вас, мол, перестройка, и у нас тоже. Деловой мир ждет смены руководства.

Соколов. В Японии хорошо организованный антисоветизм на почве территориального вопроса. Зачем тогда ехать туда Михаилу Сергеевичу и выслушивать все эти вещи? Ничего этот визит не даст.

Горбачев. Предлагаю хорошую формулу: готовить содержание моего визита, ответа на дату не давать.

Громыко. Накасонэ³⁶ не раз тонул и ни разу не утонул.

Горбачев. Предложение МИДа: не на форсирование, а на затягивание.

Громыко. Некоторые даже полагают, что мы готовы обсуждать территориальный вопрос.

Спорят Рыхков и Громыко, ссылаются на газетные сообщения об «обещании» «обдумать и вернуться» к этому вопросу.

Горбачев. Тактика такая: начать подготовку визита, и уже сам ход подготовки покажет, что и как. А там видно будет.

Итак, договорились о политической линии, которая была вчера, есть сегодня и на завтра.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Генеральным секретарем ЦК КПВ Нгуен Ван Линем
Москва, 18 мая 1987 года*

Нгуен Ван Линь (после обмена приветствиями). Мы полностью одобряем линию Советского Союза на установление нормальных отношений с Китаем. Мы исходим из того, что нужно перетягивать Китай на нашу сторону, не давая ему идти вместе с империализмом США. Мы восхищаемся выдержкой, которую проявляют здесь советские товарищи, их высокой принципиальностью. Мы полностью одобряем этот курс, хотя Вы знаете, как Китай действовал в отношении Вьетнама в годы американской агрессии и ведет себя сейчас.

Горбачев. Китай всегда придерживался своих собственных интересов. Даже в тот момент, когда мы сооружали в Китае 250 промышленных предприятий, китайцы заигрывали с США.

Нгуен Ван Линь. Тем не менее мы постоянно предлагаем китайцам восстановить отношения, нормализовать положение на границе. Однако китайцы продолжают цепляться за кампучийскую проблему. <...>

Горбачев. <...> Но Вы правы: Китай — страна большая и для нас чрезвычайно важно, куда она пойдет. И если нам удастся хотя бы несколько приблизить Китай к себе, мы тем самым уже добьемся успеха. Это — наша общая задача.

Нгуен Ван Линь. Да. Это так.

Решения VI съезда КПВ — это плод совместного труда всей партии, всего народа. <...> Благодаря решениям съезда мы сможем внести вклад в укрепление мира в Юго-Восточной Азии, АТР и во всем мире. <...>

Мы тщательно изучили Ваше выступление во Владивостоке. Оно полностью отвечает необходимости создания новой ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В течение 40 прошедших лет Европа и АТР были двумя регионами, где происходит наиболее острая борьба. На Европейском континенте эта борьба ведется между двумя мировыми системами вокруг ядерного оружия, но в рамках мирного сосуществования, в условиях отсутствия войны. Напряженность здесь создается из-за стремления администрации Рейгана развязать войну. В АТР разворачивается борьба между силами социализма, национальной независимости и прогресса, с одной стороны, и империалистическими, гегемонистскими силами — с другой. Она ведется в форме кровопролитных и длительных локальных войн и привела к большим изменениям в регионе.

Борьба в АТР приобретает особенно сложный характер в результате политики американского империализма и китайского гегемонизма. Силы социализма и национальной независимости одержали в АТР исключительно важные победы. Американский империализм и китайский гегемонизм по-

терпели тяжелые поражения в ходе развязанных ими авантюры, однако они не отказываются от своих планов.

В настоящее время в АТР происходит дальнейшая поляризация сил: с одной стороны, силы социализма, национальной независимости и мира сплачиваются вокруг Советского Союза, с другой — происходит объединение империалистических и реакционных сил во главе с США. Стратегия, выдвинутая советским руководством во Владивостоке, с большим интересом встречена народами АТР, потому что она вносит важный вклад в объединение всех прогрессивных сил, дает мощный импульс в борьбе за мирное существование в регионе.

Мы видим, что у ряда стран, в том числе у стран АСЕАН, нет единства в отношении политики США. В этом мог, очевидно, убедиться товарищ Шеварднадзе в ходе своего недавнего визита в этот район.

Что касается Китая, то его правящие круги играют на советско-американских противоречиях и одновременно вместе с империалистическими и реакционными силами борются против сил социализма и национальной независимости. Они выступают против трех стран Индокитая, Индии, Афганистана. Китай продолжает спекулировать на афганской и кампучийской проблемах, используя их для игры на советско-американских противоречиях, укрепления реакционных сил в борьбе против стран Индокитая, Индии, Афганистана и Советского Союза. Мы исходим из того, что Китай не отказывается от своих экспансионистских устремлений в Юго-Восточной Азии.

Ранее Китай создал кампучийскую проблему, чтобы вызвать кризис в Юго-Восточной Азии, подкрепить свой стовор с США, направленный против СССР и трех стран Индокитая. В настоящее время Китай продолжает использовать кампучийскую проблему в целях реализации своей стратегии игры на советско-американских противоречиях, а также сохранения состояния конфронтации в ЮВА. Препятствием для улучшения китайско-советских отношений и вьетнамо-китайских отношений является не кампучийская или афганская проблемы, а политика Китая, который начал проводить антисоветскую, антивьетнамскую линию еще в 60-х годах, то есть задолго до появления кампучийской и афганской проблем.

Мы поддерживаем линию СССР, стремящегося привлечь Китай на нашу сторону. Известно, какую политику Пекин проводит в отношении Вьетнама. Тем не менее мы выступаем за нормализацию вьетнамо-китайских отношений. Почему две социалистические страны не могут сесть за стол переговоров, чтобы устранить конфликт, прекратить перестрелки на границе? Именно так мы ставим вопрос перед китайским руководством. Между вьетнамским и китайским народами существуют давнишние отношения дружбы, поэтому мы обращаемся и к самому китайскому народу, чтобы тем самым воздействовать на руководство Китая. В китайском руководстве существуют разногласия по вопросу «четырёх модернизаций», в отношении к США, в отношении к Советскому Союзу и т.п. Кстати, в 1979 году, когда Китай бросил свою 600-тысячную армию против Вьетнама, чтобы спасти полпотовский регион, против этой агрессивной войны выступил Чэнь Юнь³⁷.

Мы настойчиво выступаем за переговоры с Китаем. <...>

Горбачев. <...> У нас общий подход к ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. <...> Выработывая нашу концепцию, изложенную во Владивостоке, мы учитывали тот факт, что вклад Вьетнама в решение проблем Азиатско-Тихоокеанского региона будет возрастать. Авторитет Вьетнама настолько высок, что на него не влияет наличие кампучийской проблемы.

Мы согласны с Вашим мнением о том, что в этом обширном регионе действуют две противоположные тенденции. Здесь есть страны, которые не хотят автоматически следовать за американской линией. Индонезия, Австралия, Новая Зеландия хотят занять самостоятельную позицию, не хотят попасть в жернова между США, Китаем, Японией. Они хотят сохранить свое лицо. Есть возможность работать с этой группой стран.

Следует учитывать, что в отношениях между США и Японией существуют большие противоречия. С одной стороны, Япония будет опираться на военный потенциал США, с другой — она не уступит своих экономических интересов. Китай также имеет свои планы. Мы согласны с Вами в том, что он проводит политику регионального гегемонизма. Внешне он хочет показать, что выражает интересы «третьего мира», но это лишь зонтик, под прикрытием которого он хочет еще больше влезть в этот регион.

Имеются противоречия в треугольнике Китай–США–Япония. Япония не заинтересована в том, чтобы сильно укреплять позиции Китая.

Словом, у нас с вами есть огромные возможности для разворачивания долговременной политики. Есть и возможность своеобразного распределения ролей: что-то удобнее сделать Советскому Союзу, что-то легче Вьетнаму, а что-то — Индии. <...> Мы приветствуем консолидацию Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на приеме в Кремле в честь Нгуен Ван Линя
19 мая 1987 года*

В сегодняшнем мире решение тех или иных национальных задач в огромной мере зависит от международной обстановки. Вполне понятно, что в наших переговорах важное место заняло обсуждение ситуации в Юго-Восточной Азии, имеющей большое значение для вьетнамских друзей и для Советского Союза как евроазиатской державы.

Мы приветствуем упрочение братского союза Вьетнама, Лаоса и Кампучии, высоко оцениваем их усилия по оздоровлению политического климата в регионе, превращению его в зону мира, стабильности и добрососедского сотрудничества.

За последние годы кампучийский народ при интернациональной помощи Вьетнама, Советского Союза и других социалистических стран буквально возродил свою родину из пепла. Древняя земля Ангкора³⁸, по которой пронесся губительный смерч, постепенно, но неуклонно оправляется от ужасов полпотовского геноцида. Но нормальному развитию этой страны

препятствуют продолжающиеся военные действия, вмешательство со стороны внешних сил.

И мы, и наши вьетнамские товарищи полностью разделяем мнение руководства Народной Республики Кампучии относительно того, что кампучийская проблема требует политического решения. И решить ее можно, лишь исходя из высших интересов кампучийского народа, его законного права самому распоряжаться своей судьбой, на основе объединения всех его патристических национальных сил. <...>

Мы за то, чтобы в отношениях между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, который приобретает все более важное значение в международной жизни, царили мир и добрососедство, доверие и взаимопонимание, взаимовыгодный обмен технологией, товарами, культурными ценностями. В этом — основной смысл нашей концепции, изложенной во Владивостоке. <...>

Советский Союз заинтересован в широком торгово-экономическом обмене и с социалистическими странами, и с такими партнерами, как Япония, Австралия, Индонезия, Таиланд, другие страны Азии и Тихого океана.

Реалистически оценивая нынешнюю обстановку, можно говорить и о широком интересе к высказанным во Владивостоке идеям, и о том, что продвижение наших инициатив сталкивается с трудностями. Очевидно, не все еще готовы к совместному поиску путей решения вопросов, затрагивающих интересы стран этого региона. Но время властно диктует необходимость совместной работы над созданием системы азиатско-тихоокеанской безопасности.

Ключевое значение в этом плане имеет ядерная проблема. Нас не может не беспокоить, что в некоторых странах Азии ведутся работы над созданием ядерного оружия. Стремление войти в ядерный клуб, когда ведутся активные переговоры, чтобы избавиться от такого оружия, представляет собой явный рецидив устаревшего политического мышления.

Хотелось бы в этой связи сказать и о ядерном разоружении в Азии. Сейчас мы ведем активную линию на очищение Европы от ядерного оружия, но делаем это не для того, чтобы переместить ядерную опасность в другие районы мира. Наша цель, начав с Европы, где сосредоточены его наибольшие запасы, вести дело к освобождению всех континентов от ядерных вооружений к 2000 году в соответствии с программой, объявленной нами 15 января 1986 года, и на этой основе создавать всеобъемлющую систему международного мира и безопасности.

Нам задают вопрос, почему Советский Союз согласился в Рейкьявике сохранить (*в Азии*) по 100 боеголовок на ракетах средней дальности у СССР и США. Ответу. Это — известный компромисс. Американская администрация стремится оставить в Азии ядерные средства, развернутые против Советского Союза, и это заставляет нас искать ответ, удерживать там баланс сил. Ведь Соединенные Штаты сосредоточили в Азиатско-Тихоокеанском регионе мощный ядерный кулак, пополняют ядерные арсеналы на своих кораблях, на военных базах, расположенных на иностранных территориях.

Вместе с тем мы не раз заявляли о своей готовности решать проблему РСД на глобальной основе. Для такого решения не было бы препятствий, если бы

США пошли на ликвидацию своих ядерных средств в Японии, Южной Корее, на Филиппинах, а также на отвод своей авианосной флотилии за согласованные рубежи. При этом, разумеется, США не имели бы РСД на своей территории.

Мы предлагаем уже сейчас начать движение по маршрутам, ведущим к ликвидации ядерного оружия в Азии. Важным шагом в этом направлении явилось бы, например, создание безъядерных зон. Советский Союз, как известно, подписал соответствующие протоколы к Договору Раротонга³⁹ о создании такой зоны в южной части Тихого океана. Мы поддерживаем предложения других стран о создании зон, свободных от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии, на Корейском полуострове. Целям ядерного разоружения служила бы и международная конференция по Индийскому океану, на которой можно было бы рассмотреть и решить вопрос об объявлении этого района зоной мира.

В Азии, как и в Европе, наша методология, наш подход к ядерному разоружению едины. Мы предлагаем осуществлять этот процесс под строгим международным контролем, который состоял бы из трех компонентов: национальных средств, международных методов контроля и инспекции на местах.

Таково в целом наше видение развязывания азиатского ядерного узла. Взявшись за него, расположенные в этом районе государства реально могли бы приступить к построению региональной системы безопасности. Усилия в этом направлении стран двух континентов — Европы и Азии — могли бы слиться в единый евроазиатский процесс, который дал бы мощный импульс созданию всеобъемлющей системы международной безопасности. <...>

Можно с уверенностью сказать, что в борьбе за формирование нового политического климата в регионе, за создание системы азиатско-тихоокеанской безопасности имеется уже неплохой задел. Мы понимаем, что решение этой актуальной проблемы требует согласованных усилий всех государств региона, и у Советского Союза найдет отклик любая позитивная инициатива на этот счет.

ГСС. Т. 6. С. 545–548.

*На Политбюро
22 мая 1987 года
Об итогах переговоров с Нгуен Ван Линем*

Горбачев. Самим ходом событий мы заинтересованы в сильном Вьетнаме. Возможности там большие, если с умом к ним подойти. Заклинились мы на металлургии. А там огромные ресурсы для получения продовольствия, продукции лесной промышленности. <...>

У них 10 миллионов безработных.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На встрече руководителей стран — участников Варшавского Договора
Берлин, 29 мая 1987 года**

Горбачев. <...> Об отношениях с Китаем. Как нам представляется, процесс этот идет в правильном направлении. Мы реально оцениваем роль Китая в современном мире, его политику. Думать, что произойдет интеграция Китая с нами, было бы нереально, но воздействовать на Китай, перетягивать его поближе к нам можно. Этому служат известные визиты товарищей в Китай, а также посещения китайскими лидерами ваших стран. Правильно то, что в этом вопросе не происходит соревнования — кто быстрее установит и шире разовьет связи с Китаем.

Советско-китайские отношения постепенно развиваются в экономической, культурной и научной областях. Судя по всему, китайские руководители внимательно изучают ход нашей перестройки и даже дают свои советы.

Развивая отношения с Китаем, мы тем самым ограничиваем возможности Запада влиять на него, постепенно подтягиваем его к себе. За последнее время Китай стал ближе к нам. Видимо, нам надо продолжать нынешнюю согласованную линию.

Мы говорили с товарищем Тодором Живковым после его возвращения из Китая⁴⁰ о том, что в отношениях с КНР существует немало серьезных проблем. Может быть, нам стоит сообща подумать о них, а также о ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Реакция на наше владивостокское обращение показывает, что у нас есть возможности разворачивать работу в этом регионе. Мне кажется, что это могло бы стать темой для обсуждения на Рабочей встрече генеральных (первых) секретарей ЦК братских партий. Разумеется, что обсуждать эти вопросы мы будем вовсе не для того, чтобы каждый дал подписку делать или не делать чего-то, а для того, чтобы глубже проанализировать ситуацию и наметить нашу политическую линию.

О Кампучии. По этому вопросу у меня состоялся обстоятельный разговор с Генеральным секретарем ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Ван Линем. Должен сказать, что он производит впечатление реалистически, трезво мыслящего руководителя. Нгуен Ван Линь сказал, что они хотят вывести страну из положения иждивенца. Судя по всему, он избавлен от комплекса погони за индустриализацией. Реализм проявляется и в его подходе к решению кампучийского вопроса. Кампучийские друзья работают у себя над предложениями по национальному примирению. Они должны быть готовы где-то месяца через три. После этого намечается встреча руководства трех государств Индокитая.

Имеется в виду предложить создание коалиционного правительства. Кампучийские и вьетнамские товарищи заявляют о своей готовности сотрудничать с Сиануком, с «красными кхмерами», в том числе и с некоторыми их незапятнанными в репрессиях лидерами. Но они решительно против сотрудничества с Пол Потом.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

* На встрече присутствовали Т. Живков, Я. Кадар, Э. Хонеккер, В. Ярузельский, Н. Чаушеску, М.С. Горбачев, Г. Гусак.

*На Политбюро
4 июня 1987 года
О визите Добрынина в Индию*

Горбачев (*подытоживая*). Если Пакистан удержится как самостоятельное, независимое государство, это будет важно для нас.

Налицо рост антиамериканских настроений в Индии... Рейган ведет дело к свержению Ганди. <...>

Отношения СССР-Индия сработаны прочно, особенно после визита в Индию.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Радживом Ганди
Москва, 2 июля 1987 года*

Ганди. <...> Во время наших последних двух бесед я говорил о тех силах и группах в нашей стране, которые тесно связаны с некоторыми кругами Запада. Я говорил, что у нас возникнут в связи с этим проблемы, ибо у этих сил немалые возможности. И действительно, во многом возникшие у нас за последние четыре месяца проблемы связаны именно с этим. Хотя, честно, я считаю, что в значительной степени то давление, которому мы подвергаемся, является результатом того, что Индия заняла твердую, принципиальную позицию по многим крупным вопросам.

Играет роль и то, что все заметнее становится укрепление дружбы между Советским Союзом и Индией. При этом мне кажется, что страх вызывает не столько возможность какого-то стратегического союза между СССР и Индией, который мог бы создать проблемы военного характера или повлиять на баланс сил. Советско-индийская дружба не всем нравится потому, что она показывает: так называемые международные правила игры могут быть изменены. Если действительно есть желание, то совсем необязательно страны с разными системами должны противостоять друг другу. Наоборот, они могут, оставаясь разными, сотрудничать, а не враждовать.

Горбачев. Совершенно правильно.

Ганди. Наши отношения противоречат самой сути тех аргументов, которые выдвигают Соединенные Штаты. В США каждый вопрос рассматривается с точки зрения отбрасывания коммунизма. Все эти запугивания «советской угрозой», постоянные разговоры о захвате власти коммунистами, о разрушении образа жизни. Если народы увидят, что Советский Союз отнюдь не представляет собой угрозы, о которой им твердят последние 30–40 лет, то это значит, что придется менять сам подход, сам метод формулирования политики. А США к этому пока не готовы. <...>

Мы видим и из нашего собственного опыта, и из опыта других стран, что в принципе подход Запада не изменился. Мы сегодня не можем, положив руку на сердце, сказать, что колониализм и империализм ушли в прошлое. Если посмотреть в корень, то изменились лишь методы эксплуатации. И по-

этому одной из главных битв сегодняшнего дня является борьба за то, чтобы вслед за политическим колониализмом ушел в прошлое колониализм экономический.

Горбачев. Да, но именно этого они и не хотят. <...>

Ганди. <...> Хочу вернуться к Вашей мысли об отношении Запада к нашим странам в вопросах передачи технологии. Мы на собственном опыте знаем, какую линию ведет Запад в области технологии, развития промышленности, в других подобных вопросах. <...> Запад ожидал, что Индия так же, как Китай, широко распахнет свои двери, пригласив к себе всех желающих делать все, что угодно. Однако мы решили установить строгие рамки такой деятельности. Ограничили ее теми областями, где нам это выгодно. Это было явно не то, чего от нас ожидали. И тогда к нам стали терять интерес, убедившись, что мы не позволим себя эксплуатировать. <...>

Горбачев. А ведь речь идет о таких странах, как Советский Союз, Индия, Китай. Но в еще большей степени это угрожает многим другим странам. Так что здесь мы имеем дело с настоящим заговором.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Ганди
3 июля 1987 года
(продолжение предыдущей беседы)*

Ганди. Я хотел бы задать вопрос: считаете ли Вы, что можно добиться урегулирования в Афганистане, не добившись пресечения определенного рода деятельности, которая ведется в Пакистане?

Горбачев. Это вряд ли возможно. Ведь эта деятельность в Пакистане по сути американо-пакистанская. <...> В конце концов, надо, чтобы Пакистан задумался, как ему строить отношения с соседями. Пакистан действительно имеет ключевое значение в этом процессе. <...> Мы, повторяю, за такое политическое урегулирование, принципы которого мы с Вами обсуждали. Оно было бы в интересах и Афганистана, и Советского Союза, и Индии, и всех других. Другой исход мог бы, наоборот, нанести ущерб интересам Советского Союза и Индии. Для нас, как и для вас, неприемлемо, чтобы Пакистан стал базой США.

Ганди. Я согласен с Вашими соображениями. Конечно, такое соглашение, о котором Вы говорили, было бы очень хорошим. Но кое-что нас по Афганистану беспокоит. Мы, конечно, за то, чтобы Афганистан был свободной, независимой, неприсоединившейся страной. При этом нельзя допустить, чтобы там победил фундаментализм и чтобы эта страна стала американской базой.

Горбачев. Полностью согласен с Вами.

Ганди. Если Афганистан станет фундаменталистской страной или в нем, как в Пакистане, будет сильное американское влияние, то Афганистан не будет подлинно независимой страной, и это создаст для нас серьезные проблемы. Поэтому еще раз возникает вопрос: можно ли добиться того, о чем Вы говорите, если не будет пресечена деятельность, ведущаяся в Пакистане. Мне представляется, что невозможно достичь полного урегулирования, если искать его лишь внутри Афганистана.

Горбачев. <...> Конечно, внутренние перемены, внутренние проблемы Афганистана должны рассматриваться в контексте более широкой борьбы, с учетом положения в Пакистане, того давления, которое необходимо оказывать на Пакистан, используя каналы ООН, действуя через Кордовеса⁴¹, а также оказывая нажим другими способами. Думаю, что только таким образом можно добиться каких-то позитивных перемен. Это должно изменить действия и позицию Пакистана. Без этого трудно рассчитывать на урегулирование, к которому мы стремимся. <...>

Вообще же, вопрос, что делать с Пакистаном — это не менее серьезный вопрос, чем проблема Афганистана.

Ганди. Верно. Причем в долгосрочном плане эта проблема даже, возможно, более серьезная, чем афганская.

Горбачев. Может быть, в какой-то момент окажется возможным — не только необходимым, но и возможным, полезным — проведение своего рода Ташкента-2.

Ганди. Да.

Горбачев. В определенный момент в конкретной исторической ситуации такая трехсторонняя встреча руководителей Советского Союза, Индии и Пакистана была проведена. Может быть, придет время, когда будет целесообразно повторить подобную встречу. <...>

Ганди. <...> Я хотел бы кратко остановиться на Китае. Недавно там побывал наш специальный посланник. Его встречи и беседы там прошли неплохо. Беседы были позитивные. Но выявились также трудности решения пограничной проблемы. <...>

Горбачев. В отношении Китая важно вести линию так, чтобы не толкать его в объятия капиталистических стран. Тем самым ограничивать маневры Китая в мировой политике. И хочу подчеркнуть, что во всем, что мы делаем в отношении Китая, мы будем исходить из принципиальной позиции. Для Индии здесь никаких сюрпризов не будет. Наша политика в этом отношении будет абсолютно ясной — сегодня, завтра и на многие годы вперед.

Ганди. Благодарю Вас. Мы стремимся развивать отношения не только с Китаем, но и со странами Индокитая. Недавно мы направили туда нашего государственного министра по иностранным делам, который посетил Вьетнам, Лаос, Кампучию.

Горбачев. Наши вьетнамские друзья очень высоко ценят отношение к ним Индии. Кстати, они опасаются, что Китай постарается расколоть страны Индокитая, подорвать их дружбу. Китай активно подбирает ключи к Лаосу.

Ганди. Мы будем иметь это в виду.

Горбачев. Если будут возникать в этой связи какие-либо вопросы, необходимость в обсуждениях, то мы всегда готовы с Вами проконсультироваться. Мы готовы обмениваться мнениями по всем проблемам региона, особенно в том, что касается Пакистана, Китая.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из речи Горбачева на завтраке в честь Раджива Ганди и его супруги
Москва, 3 июля 1987 года*

Принятая нами в ноябре (1986 года) Делийская декларация — явление действительно новое и плодотворное. Она встретила повсеместный интерес. Идеи, заложенные в ней, прямо и косвенно влияют на морально-политический климат в мире. А тот факт, что за ними стоят такие страны, как Индия и СССР, делает их фактором реальной политики. <...>

Чуть менее года назад, во Владивостоке, я изложил наш взгляд на безопасность в азиатско-тихоокеанской части современного мира.

В Дели мы обсуждали с Вами это важнейшее направление мировой политики. За прошедшее время Советский Союз стремился увеличить позитивный вклад в дела региона, наладить, возобновить, активизировать контакты с рядом расположенных там стран.

И с удовлетворением можем отметить, что встречаем все большее понимание нашей политики, наших намерений, которые не направлены против чьих-либо интересов, не посягают на чью-либо независимость. <...>

Взаимозависимость всего современного мира такова, что с каждым годом, с каждым новым событием международного значения она обнаруживает себя все явственнее. Это проявилось и в связи с переговорами о ядерных ракетах в Европе. Мы понимаем связь этого вопроса с проблемами военной угрозы и безопасности в Азии и на Тихом океане. Нас это затрагивает непосредственно, потому что огромная часть территории Советского Союза находится в Азии, на Дальнем Востоке.

Хочу еще раз внести ясность: мы настоятельно предлагаем начать с Соединенными Штатами переговоры о ядерных вооружениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе и решать эту проблему на основе взаимности, строго соблюдая интересы безопасности всех.

ГСС. Т. 7. С. 239, 241–242.

*На Политбюро
16 июля 1987 года*

По итогам поездки делегации Верховного Совета в Китай

Горбачев. Как освещать итоги визита? Надо покончить с нашими метаниями в крайности: то все у нас прекрасно с ними, то начинаем описывать, что это беднейшая страна, у них куча проблем. Не надо заводить. Не надо нам такой политики: то туда, то сюда. Давайте будем зрелыми. Путь Китая за последние годы заслуживает серьезного анализа.

ПБ. С. 207.

*Ответы Горбачева на вопросы газеты «Мердека»
21 июля 1987 года**

Я признателен Вам, редакции Вашей газеты за то, что вы обратили внимание на предстоящую годовщину моего выступления во Владивостоке. Советское руководство придает важное значение тому, что было сказано во Владивостоке. Мы попытались тогда изложить свою политику в отношении огромного региона — региона, где проживают сотни миллионов людей. При этом рассчитывали на соответствующее понимание нашей политики.

Вопросы, с которыми Вы обратились, я рассматриваю как свидетельство того, что в индонезийском обществе есть интерес к нашей политике, нашим оценкам положения дел в Азиатско-Тихоокеанском регионе, к нашим размышлениям о будущем этого региона в контексте мировой политики. <...>

В ответах на Ваши вопросы я постарался рассеять всякие подозрения в отношении политики Советского Союза на этом направлении. Мы стремимся к сотрудничеству с государствами этого региона, и, чтобы подтвердить эти слова, наши политические заявления, в своих ответах я внес новые конкретные предложения. В частности, заявлено о таком крупном шаге, как ликвидация всех наших ракет средней дальности в азиатской части СССР. Разумеется, на основе «глобального нуля» с США. <...>

У нас с Индонезией давние отношения. Сложилась свои традиции. Конечно, были приливы и отливы. Но мы дорожим связями с Индонезией. Надеемся, что тот прогресс, который наметился в последнее время в наших

* В июле 1987 года Горбачев принял в Кремле издателя и главного редактора индонезийской газеты «Мердека» Б.М. Диаха и передал ему ответы на вопросы этой газеты, присланные в связи с предстоявшей годовщиной выступления советского руководителя во Владивостоке. Текст ответов был распространен в ООН в качестве официального документа.

отношениях, будет нарастать. А это потребует контактов, в том числе, разумеется, и на политическом уровне. Вероятно, они будут не только возможны, но и необходимы. Пока же мы ждем визита президента Индонезии.

* * *

Вопрос. *Приближается годовщина Вашей речи во Владивостоке, в которой Вы выдвинули широкие предложения об укреплении мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С тех пор в этом большом регионе произошло много событий. Видите ли Вы в их развитии положительные тенденции?*

Ответ. Мог бы сразу ответить Вам: да, вижу.

Минувший год, главные его события, в том числе наши переговоры с премьер-министром Индии Радживом Ганди, еще больше убедили нас в правильности и своевременности постановки вопросов безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Оправдал себя и наш подход к поискам их решения — открытый для демократического обсуждения любых идей и предложений.

Что мы видим по прошествии года? При всей сложности и пестроте азиатско-тихоокеанской картины, при всех оттенках в распределении светлых и темных тонов выделяется антиядерная композиция общей картины.

Вот некоторые ее признаки: Южно-тихоокеанский форум выработал Договор Раротонга. Индонезия активно продвигает концепцию безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии. Австралия и Новая Зеландия при поддержке широкой мировой общественности решительно выступают против французских ядерных испытаний в Тихом океане. Нарастают требования освободить Корейский полуостров от ядерного оружия. Во многих странах безъядерными районами объявляют себя общины, города. Есть случаи, когда такую позицию заняли целые государства. Филиппины и некоторые другие включили антиядерные положения в свои основные законы. Китайская Народная Республика все активнее высказывается по проблематике разоружения.

В связи с переговорами между СССР и США азиатские страны выразили заинтересованность в том, чтобы ракеты средней дальности были полностью ликвидированы не только в Европе, но также и в Азии. Они рассматривают этот вопрос в контексте собственной национальной безопасности.

Советское руководство отнеслось к этим пожеланиям со всей серьезностью и ответственностью.

И сейчас я могу сообщить: Советский Союз, идя навстречу азиатским странам, учитывая их озабоченность, готов пойти на уничтожение **всех своих ракет средней дальности также и в азиатской части страны**, то есть готов снять вопрос о сохранении тех 100 боеголовок на РСД, о которых речь идет на Женевских переговорах с американцами. При условии, конечно, что США сделают то же самое. Ликвидированы будут и оперативно-тактические ракеты.

Иначе говоря, мы будем исходить из концепции «глобального двойного нуля».

С этой инициативой в данном случае мы не связываем вопрос о ядерном присутствии США в Корее, на Филиппинах, на острове Диего-Гарсия. Но хотели бы надеяться, что оно не будет хотя бы наращиваться.

Вопрос. Мы знаем, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе развиваются тенденции и негативного характера. Что Вы могли бы сказать о них?

Ответ. Кое-что я уже сказал. Сложности и противоречия не уменьшились, нарастает тенденция к конфронтации, и очень слабы еще признаки урегулирования региональных конфликтов. А в Персидском заливе он даже обостряется.

Во владивостокской речи я назвал причины этого и перечислил конкретные болевые моменты, создающие постоянную опасность.

Теперь к этому добавились: отказ США, Англии и Франции присоединиться к Договору Раротонга и американские «предупреждения» в адрес государств, не желающих терпеть на своей территории или у своих берегов ядерное оружие.

Вопрос. Какие меры по ослаблению напряженности в Азии и на Тихом океане Вы считаете наиболее актуальными и реально осуществимыми?

Ответ. Прежде всего, надо снова и снова говорить о ядерном оружии.

Полтора года назад мы выдвинули программу поэтапной полной и повсеместной ликвидации ядерного оружия к 2000 году. На ее основе стал возможным концептуальный прорыв на советско-американской встрече на высшем уровне в Рейкьявике. Люди впервые увидели перспективу безъядерного мира.

Ее постарались закрыть. Мы с этим не согласились. Выдвинули дополнительные инициативы, которые позволили перевести в практическую плоскость подготовку соглашения об РСД и ОТР⁴².

Только что я сообщил о нашем новом шаге, относящемся непосредственно к Азиатско-Тихоокеанскому региону.

Назову и некоторые другие возможные меры.

Первое. Советский Союз готов взять обязательство не наращивать количество самолетов — носителей ядерного оружия в азиатской части страны, если США не будут дополнительно размещать в этом районе ядерные средства, достигающие территории СССР.

Второе. Вновь напоминаю о нашей готовности к понижению активности военных флотов СССР и США на Тихом океане. Я говорил об этом во Владивостоке. Но США ответа не дали. Между тем очевидно, что граница конфронтации проходит здесь через соприкосновение флотов. Отсюда — и опасность конфликтов.

Можно было бы договориться об ограничении районов плавания кораблей — носителей ядерного оружия — так, чтобы они не могли приближаться к побережью другой стороны на расстояние действия своих бортовых ядерных средств.

Можно было бы договориться об ограничении противолодочного соперничества, запрещении в определенных зонах противолодочной деятельности, включая авиационную.

Укреплению доверия способствовало бы ограничение масштабов военноморских учений и маневров в Тихом и Индийском океанах и в прилегающих морях: не более одного-двух крупных военноморских (включая морскую авиацию) учений и маневров в год, заблаговременное уведомление об их проведении, взаимный отказ от военноморских учений или маневров

в международных проливах и прилегающих к ним районах, от применения в ходе учений боевого оружия в зонах традиционных морских путей.

Можно было бы испробовать эту «модель» сначала в северной части Тихого океана, где «действующих лиц» немного. А потом распространять эту практику на юг тихоокеанской акватории, на другие страны региона.

Третье. Декларация ООН о превращении Индийского океана в зону мира была принята более 15 лет назад⁴³. Уже несколько лет ведется подготовка к созыву под эгидой ООН международной конференции по Индийскому океану. Сейчас она назначена на 1988 год. Но уверенности в том, что она состоится, по-прежнему нет. Ибо опыт показывает, что, как только тут намечается продвижение, Вашингтон срывает переговоры.

Пора создать международные гарантии безопасности морского судоходства в Индийском океане, во входящих в его состав морях, проливах и заливах. Есть вопрос и о безопасности воздушных коммуникаций. Его тоже можно решить, была бы политическая воля. Насущным является вопрос о коллективных мерах против терроризма на морских и воздушных коммуникациях в Индийском океане.

Словом, сделать для укрепления безопасности в Индийском океане можно немало полезного.

Четвертое. Особо стоит вопрос о ядерных взрывах. Человечество не забыло, что первые после войны испытания американского атомного оружия проводились на Тихом океане⁴⁴. Они отняли здоровье и даже жизнь у многих жителей этих мест. И нам понятно, почему столь сильны здесь чувства возмущения, вызванные отказом США, Англии, Франции прекратить ядерные взрывы.

Мы ценим поддержку странами Азии и Тихого океана советского моратория. Мы не прекратили борьбу за запрещение ядерных испытаний, будем настойчиво добиваться полномасштабного соглашения.

Очень ценим взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, участвующими в Женевской Конференции по разоружению. Ныне на этой конференции в решающей стадии находится вопрос о запрещении и ликвидации химического оружия. Мы надеемся, что совместными усилиями нам удастся выработать и принять историческую конвенцию, которая, я убежден, стимулирует движение и на путях к ядерному разоружению.

Возможны, видимо, и другие меры по понижению военной напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, исходящие от самих расположенных здесь стран. Особенности их мировоззрения и политическая, культурная самобытность могут подсказать и неординарные идеи на этот счет, понятные и приемлемые для всех.

Вопрос. *Во Владивостокской речи Вы высказали мысль о созыве – пусть в качестве неблизкой цели – тихоокеанской конференции с участием всех тяготеющих к океану стран по типу хельсинкского Совециания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Реакция на эту мысль в Азии и в странах Тихого океана была неоднозначной. Как Вы сейчас подходите к этому вопросу?*

Ответ. Я говорил об этом во Владивостоке как о своего рода рабочей гипотезе или, лучше сказать, как о приглашении к обсуждению. На Хельсинки же сослался только потому, что другим опытом такого рода мировое сообще-

ство пока не располагает. Это, конечно, не значит, что европейский опыт можно автоматически перенести на азиатско-тихоокеанскую почву.

Однако в наше время в любом международном эксперименте есть и общечеловеческие, глобальные черты. Это естественно, так как мы живем во взаимозависимом, во многом целостном мире.

Вот Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. Это совсем новый пример политико-философского подхода к коренным проблемам межгосударственного общения. Этот документ далеко выходит за двусторонние и региональные рамки — в нем выражены чаяния всего человечества, хотя он — результат развития отношений между двумя странами.

Отношения между Индией и СССР можно назвать примерными во многих смыслах — и по наполненности многообразным политическим, экономическим, научно-техническим, культурным содержанием, и по глубокому взаимному уважению и симпатии между народами двух стран, и по тональности, отражающей взаимное доверие в сочетании с глубокой обоюдной потребностью в дружбе.

Почему между Индией и Советским Союзом, государствами с различными социально-политическими системами могли сложиться отношения такой высокой пробы? Потому что обе стороны — не на словах, а на деле — основывают свою политику на принципах суверенитета, равноправия, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества, признания за каждым народом свободы выбирать свой политический строй, свои формы общественного развития.

Именно поэтому мы и говорим с чувством гордости, что Советский Союз и Индия создают образец межгосударственных отношений такой ценности, что они могут стать притягательным примером для других. <...>

Вопрос. *Все хорошо понимают, какое большое значение для международного мира и безопасности, особенно в Азии, имеют советско-китайские отношения. Как они развиваются в последнее время?*

Ответ. Для наших отношений с Китайской Народной Республикой характерным становится постепенное расширение контактов. Намечился заметный сдвиг в развитии торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, и во всех этих областях обнаружилось большие резервы. Происходит и политический диалог. Мы никак не склонны его сдерживать. Проводятся консультации, возобновились переговоры по пограничным вопросам.

Обе ядерные державы в Азии — СССР и КНР — взяли на себя обязательство никогда не применять первыми ядерное оружие. Для азиатских и тихоокеанских стран не может быть безразличным, возьмут ли на себя, наконец, аналогичное обязательство другие ядерные державы.

Вопрос. *Как Вы оцениваете развитие отношений Советского Союза с Японией?*

Ответ. Их состояние пока не очень определенное. В последние годы прилагались усилия к тому, чтобы придать им импульс, создать нормальный климат в этих отношениях. Для этого, по нашему мнению, у обеих сторон есть побудительные мотивы — и не только экономического характера. Между Советским Союзом и Японией могло бы установиться серьезное, солидное

партнерство, которое, уверен, стало бы значительным фактором устойчивости и для всей азиатско-тихоокеанской обстановки.

Не так давно вроде бы появился просвет, даже началось обсуждение вопроса о моем визите в Японию. И внутренне я готов был бы посетить эту замечательную страну, играющую огромную роль в мировой экономике и все более заметную роль в мировой политике. Однако в Японии нашлись силы, сумевшие вновь нагнать тучи на горизонте.

Вопрос. *Как Вам видится роль СССР в развитии регионального экономического сотрудничества?*

Ответ. Нормальные экономические контакты должны и могут развиваться на основе здоровых, цивилизованных отношений, любых и всяких, будь то общеполитические, дипломатические, просто человеческие. К сожалению, мы не раз сталкивались с такой ситуацией, когда наше стремление установить добрые, да просто дипломатические и торговые отношения с той или иной страной региона тотчас же зачислялось в разряд коварных политических козней. В попытках запугать правительства и общественность малых, только еще становящихся на ноги государств применяется порой крупнокалиберная артиллерия политического давления.

Представьте себе, что Советский Союз стал бы протестовать против установления Соединенными Штатами или Англией нормальных отношений с островными тихоокеанскими или какими-либо еще государствами?

Но это абсурд: мы никогда так не поступали и не будем поступать. Мы не строим свои отношения с кем-либо за счет интересов «третьих стран». Лучшая и единственно прочная база международных отношений — это равенство, взаимное уважение, невмешательство во внутренние дела, обоюдная выгода. Именно этим целям будет служить создаваемый сейчас у нас советский национальный комитет по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству.

Хочу сказать также о следующем. В соответствии с концепцией ускоренного социально-экономического развития страны — и особенно после июньского Пленума ЦК КПСС — мы уделяем повышенное внимание тем нашим территориям за Уралом, чей экономический потенциал в несколько раз превышает активы европейской части СССР.

В освоении богатств этих районов могли бы принять участие совместные фирмы и предприятия, созданные в сотрудничестве с деловыми кругами стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для нас идея всеобщей безопасности органично включает международную экономическую безопасность. Анализ имеющихся возможностей убеждает нас в том, что лучший путь к этому заключен в реализации принципа «разоружение для развития». <...>

Вопрос. *В заключение хотелось бы узнать Ваше мнение о советско-индонезийских отношениях, о той роли, которую Индонезия играет в современной мировой политике.*

Ответ. Нас разделяют большие расстояния, но у советских людей хорошая память и зоркое историческое зрение. Мы помним годы советско-индонезийского сотрудничества в начале вашей послеколониальной истории. Тогда, завоевав независимость, ваш народ обрел множество друзей в Стране Советов.

Слово «мердека» — «свобода», — давнее название Вашей газеты, знакомо, дорого и близко нам.

Прогресс, наметившийся в отношениях между нашими странами, состоявшиеся контакты на высоком уровне, намечаемый визит в нашу страну президента Индонезии господина Сухарто, предстоящие встречи с министром иностранных дел господином Кусума-Атмаджой — все это позволяет думать о том, что советско-индонезийское сотрудничество поднимется на качественно новую ступень.

Индонезия — динамично развивающееся государство, член Движения неприсоединения и АСЕАН, активный участник решения многих мировых и региональных проблем — будет, мы уверены, играть всевозрастающую роль. Мы исходим из того, что Индонезия как одно из крупнейших государств мира, пятая сегодня по численности населения держава, еще не раскажет веское слово в международной политике.

У нас с вами общее понимание необходимости обуздания тонки вооружений, обеспечения международной безопасности, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одинаково считаем недопустимым перенос гонки вооружений в космос. Мы широко и всесторонне информировали индонезийское руководство о тяжелых последствиях для мира, если будет подрван Договор по ПРО⁴⁵.

Наши и индонезийские позиции совпадают в большинстве ключевых аспектов.

ГСС. Т. 7. С. 315, 317–326.

*Из беседы с кампучийским руководителем Хенг Самрином
Москва, 28 июля 1987 года**

Горбачев. <...> Хотелось бы узнать Вашу оценку обстановки, складывающейся в Кампучии⁴⁶, а также нашего двустороннего сотрудничества. <...>

Хенг Самрин. <...> Мы разделяем изложенный Вами во Владивостоке подход к политическому решению кампучийского вопроса. Одним из первых практических шагов в этом направлении будет опубликование «Программы национального примирения». <...> Вслед за опубликованием «Программы национального примирения» мы собираемся провозгласить «Основы политического урегулирования». Работа над этим документом сейчас ведется. Он будет представлен на рассмотрение Политбюро к моему возвращению. К опубликованию «Основ политического урегулирования» подготавливаем проведение встречи руководителей стран Индокитая. На этой встрече будет выражена поддержка этого документа. Проведение встречи планируем на период работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН. <...>

* В 1978 году Хенг Самрин возглавил борьбу против полпотовского режима, сыграв важную роль в его ликвидации. В 1979 году, после того как антиполпотовские силы при поддержке вьетнамских войск нанесли поражение режиму Пол Пота — Иенг Сари, занял высшие должности в Народной Республике Кампучии — генерального секретаря ЦК Народно-революционной партии (1981–1991) и председателя Госсовета Кампучии (1981–1992). На протяжении 80-х годов большинство стран — членов ООН продолжало признавать законным «коалиционное правительство» в изгнании с участием полпотовцев.

Кампучия как страна, находящаяся в Азиатско-Тихоокеанском регионе, полностью одобряет и поддерживает советские инициативы, которые были изложены Вами в интервью газете «Мердека». Мы уверены в том, что осуществление Ваших новых предложений стало бы прочной гарантией установления мира и сотрудничества между народами в нашем регионе.

Горбачев. Советское руководство поддерживает усилия Кампучии, Вьетнама и Лаоса, направленные на объединение сил трех государств Индокитая. Такое объединение служит надежной преградой от вмешательства извне противников стран Индокитая. <...>

Исходя из реальностей, нельзя рассчитывать на политическое урегулирование без Китая.

Сейчас китайское руководство не стремится к решению кампучийского вопроса по многим причинам. Оно стремится сохранить нынешнюю ситуацию в Кампучии как рычаг давления на Советский Союз, для демонстрации перед Западом своей «принципиальной позиции» в отношении Советского Союза. Его, судя по всему, не устраивает процесс консолидации стран Индокитая. Оно хотело бы расколоть их и реализовать давние интересы Китая в этом районе. А решение кампучийского вопроса, без сомнения, привело бы к укреплению общих позиций стран Индокитая.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
30 июля 1987 года
Об итогах бесед с Хенг Самрином*

Докладывает Медведев, который принимал участие в беседах.

Горбачев. Как только в Кампучии и заодно в Лаосе не будет вьетнамцев, там через три дня окажутся китайцы.

Пусть обсудят свои дела на трехсторонней встрече: Кампучия, Лаос, Вьетнам.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*На Политбюро
6 августа 1987 года*

*По итогам переговоров с премьер-министром Малайзии
Махатхиром Мохамадом**

Докладывает Мураховский.

Горбачев. Подтверждаем нашу линию. Нужны поездки Шеварднадзе в Индию и в Индонезию. Я дам интервью газете «Мердека» перед приездом сюда [президента] Сухарто.

* Речь идет о переговорах Н.И. Рыжкова с премьер-министром Малайзии в Москве 30 июля 1987 года. Махатхир Мохамад возглавлял правительство Малайзии с 1981 по 2003 год. С его именем связана модернизация малазийского общества.

Наработали мы динамизм на этом направлении. Не было у нас раньше последовательной политики здесь. Теперь она есть. Премьер — интересный, образованный человек, с большими амбициями. Оценил, что мы на равных с ним разговариваем.

Я почувствовал, что эта страна АТР потихоньку отодвигается от США, натерпелась от их наглости и бесцеремонности.

Да, там национализм, но в этом случае он прогрессивный. Развитие АСЕАН тоже в наших интересах. Мы должны помогать хорошим процессам там. Никто не хочет быть вассалом, и страны там движутся в правильном направлении.

Тут будет много интересного. И вести работу параллельно с каждой страной. А не так, чтобы: Индия и через запятую... другие. Не забывать, что у каждого народа есть своя гордость. И с каждой страной надо вести живой диалог, проводить консультации на разных уровнях.

Короче: если мы терпеливо, с уважением, на равных, основательно и серьезно будем работать в том регионе, то получим политические дивиденды. И нужно постоянное наше присутствие. Страны там нуждаются в этом.

Завязали большие дела в этом регионе. И правильно подчеркиваем, что мы вовсе не стремимся изолировать там США, да это и нереально.

В США теперь уже другая реакция на наши действия, отличается от того, как они отнеслись к моей речи во Владивостоке.

Обратили внимание? В своем выступлении на обеде премьер [Малайзии] забыл упомянуть США. Я его поправил. В Вашингтоне это усекли.

О Японии

Горбачев. Критики продолжают напоминать мне о приглашении в Японию. Идут сигналы и по разным каналам. Но любое японское правительство будет ставить территориальный вопрос. Пока то, что у нас происходило с Японией, устраивало и Китай, и США. Но надо сдвигаться. Вернемся к этой проблеме с учетом развития событий. Нам Япония нужна. Надо что-то делать.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Из беседы с премьер-министром Австралии Робертом Хоуком Москва 1 декабря 1987 года

Горбачев (*после приветствия*). Если посмотреть на двусторонние отношения между нашими странами, то нет никаких причин усматривать какие-то противоречия интересов, которые заставляли бы опасаться дальнейшего развития контактов или испытывать какие-то подозрения. Потенциал политического диалога, сотрудничества очень велик. Тем более что речь идет о таком обширном и многообразном регионе, как Азиатско-Тихоокеанский, где налаживание сотрудничества требует активных усилий всех стран.

Кстати, когда мы выдвигали нашу программу во Владивостоке, мы отнюдь не претендовали на какую-то монополию на истину. Наша програм-

ма — это приглашение ко всем странам региона искать баланс интересов, строить разумные отношения.

Мы убеждены, что в последние годы голос Австралии звучит все более весомо, обогащает международный диалог. Мы ценим ваши усилия по нормализации обстановки в регионе и во всем мире, по оздоровлению международных отношений.

Помимо обсуждения вопросов двусторонних отношений собеседники обменялись мнениями по широкому кругу вопросов мировой политики, включая международные экономическое положение, дискриминационную политику Запада в отношении развивающихся стран, региональные конфликты (Афганистан, Кампучия, Ангола, Мозамбик, Южная Африка, Ближний Восток), необходимость укрепления роли ООН.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**Из беседы с Джорджем Бушем
Вашингтон, 10 декабря 1987 года***

Буш. А как, на Ваш взгляд, будут развиваться советско-китайские отношения, политика Китая?

Горбачев. Мы проанализировали и пришли к твердому выводу — Китай будет всегда проводить самостоятельную политику. И это, как мы считаем, положительно. Будем развивать отношения с КНР. Китайцы будут, конечно, отстаивать свои интересы, мы — свои. Но можно найти баланс. Мы думаем, перспектива в советско-китайских отношениях есть. При этом не собираемся наносить ущерб американско-китайским отношениям.

Буш. Я с Вами согласен. Не вижу в развитии советско-китайских отношений какой-либо угрозы для США. Мне часто задают вопрос об этом, и всякий раз я отвечаю, что опасности не вижу.

Горбачев. Китай будет все активнее.

Буш. Правда, активность эта уже вызывает беспокойство у его соседей — стран АТР, в АСЕАН.

Горбачев. Да, мы заметили это.

Буш. Особенно в Индонезии.

Горбачев. Ясно, что Китай будет все активнее выходить на внешние связи, и в частности в АТР. Советский Союз — тоже. Мы тоже принадлежим к этому региону. Выступая во Владивостоке, я высказал мысль, которую очень хотел бы донести до американского руководства: выходя в АТР, Советский Союз никак не собирается подрывать чьи-то интересы, в том числе интересы США. Мы признаем значение этого региона для вашей страны, для Запада. Никаких скрытых намерений, ничего, кроме желания взаимодействовать и налаживать сотрудничество со странами региона, у нас не было и нет.

Буш. Это отвечает и моим концепциям.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1995. С. 69.

* Встреча с тогдашним вице-президентом (потом президентом) США Джорджем Бушем-старшим состоялась в ходе визита Горбачева в Вашингтон в связи с подписанием Договора о РСМД.

*Из послания Горбачева Президенту Филиппин госпоже Корасон Акино
14 декабря 1987 года**

В Советском Союзе с интересом и симпатией следят за деятельностью АСЕАН, отдают должное позитивным результатам, достигнутым странами — ее членами в ходе национального строительства и налаживания сотрудничества в рамках ассоциации. Провозгласив 20 лет назад курс на экономический, социальный и культурный прогресс, страны ассоциации, преодолевая немалые трудности, заметно продвинулись вперед в деле реализации поставленных целей.

Мы ценим усилия государств АСЕАН, направленные на сохранение мира, ослабление международной напряженности и разоружение, отмечаем то внимание, с которым встречены в странах — членах ассоциации предложения Советского Союза по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона, изложенные во Владивостоке и в интервью газете «Мердека». Мы признательны за поддержку советских мирных инициатив как в ООН, так и на других международных форумах, где наши страны весьма плодотворно сотрудничают.

Со своей стороны мы видим значительный позитивный потенциал в таких конструктивных предложениях, как концепция превращения Юго-Восточной Азии в зону мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН)⁴⁷. Советская сторона не раз высказывала свое положительное отношение к стремлению стран АСЕАН и других государств региона создать безъядерную зону в ЮВА. Практическое решение данных вопросов явилось бы существенным вкладом в нормализацию обстановки в этой части Азии.

ГСС. Т. 9. С. 159.

*Из беседы с министром обороны Индии К.Ч. Пантом
Москва, 11 февраля 1988 года*

К.Ч. Пант передает Горбачеву личное послание премьер-министра Индии Р. Ганди.

Горбачев (ознакомившись с посланием). Прошу Вас передать премьер-министру Ганди приветствия и благодарность за письмо. Передайте также, что мы в Советском Союзе твердо привержены выполнению всех тех договоренностей, которые были достигнуты во время моего визита в Дели. Для нас в отношениях с Индией нет конъюнктуры. Это — большая политика. <...>

В то же время верно и то, что не всем это нравится. И из письма премьер-министра видно, что американцы обеспокоены, они не хотят, чтобы Индия была Индией, чтобы она имела тот вес и играла ту роль, которые она по праву заслуживает. Но если каким-то кругам не нравится динамичная, набирающая

* Корасон Акино была избрана президентом Республики Филиппины в 1986 году, после краха коррумпированного проамериканского военного режима Фердинанда Маркоса. 14–15 декабря 1987 года в Маниле под ее председательством состоялась III встреча АСЕАН на высшем уровне, посвященная 20-летию этой организации. По этому случаю Горбачев направил Корасон Акино послание. (Дата публикации в газете «Правда».)

силу Индия, то значит, эти круги исходят лишь из своих эгоистических интересов, не хотят нормализации международных отношений.

Очень важно, что наши две страны, имеющие разный социальный строй, имеющие свою большую историю, показывают пример того, как надо сотрудничать. Это, без преувеличения, беспрецедентное явление.

К.Ч. Пант. Еще одна особенность ситуации: там сейчас очень много оружия. Американцы создали в Пакистане большие запасы, которыми могут воспользоваться афганцы. <...>

Несколько слов о ситуации на индо-пакистанской границе. В сентябрю-октябре имели место столкновения в районе ледника Сиачин. Мы дали отпор нападениям пакистанских сил, однако имели место человеческие жертвы. Сейчас положение относительно спокойное. Но у нас есть данные, что они, возможно, готовятся к новым нападениям.

Горбачев. Думаю, очень правильную мысль высказал премьер-министр Ганди, когда говорил, что наши страны должны действовать таким образом, чтобы Зия (*президент Пакистана*)⁴⁸, пакистанский режим имели как можно меньше свободы маневра.

К.Ч. Пант. Есть один аспект, вызывающий очень серьезную тревогу, и о нем Вы знаете. Это — проблема создания Пакистаном ядерного оружия.

Пакистан получает огромную помощь от США. Из 4 миллиардов долларов 1,8 миллиарда — это военная помощь. Сейчас пакистанцы находятся на пороге обладания ядерным оружием. Такова наша оценка, такова и ваша оценка. Это создает очень серьезную проблему. <...>

Горбачев. Это — продолжение разговора, который мы вели в Дели. Думаю, очень важно твердо стоять на принципиальной позиции. Это затруднит авантюристам в Пакистане осуществление их планов. Полагаю, что оценка ситуации, которую мы дали в Дели, сохраняется. Но за ситуацией надо все время смотреть.

Присутствовавший на беседе посол Индии Т.Н. Кауль сообщил Горбачеву о присуждении ему премии имени Индиры Ганди и о приглашении прибыть в Индию для ее вручения.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
11 февраля 1988 года
Об итогах переговоров с министром иностранных дел Индонезии
М. Кусума-Атмаджи***

Горбачев. Очень важна констатация в ходе переговоров, что Вьетнам — наш общий друг. Вырисовывается встреча на высшем уровне СССР — Индонезия. Надо подтягивать страны АСЕАН к кампучийской проблеме. Благоприятным фактором в этом служат также подвижки в афганском вопросе.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

* Переговоры с министром иностранных дел Республики Индонезия прошли в Москве в начале февраля 1988 года. 5 февраля его принял Горбачев.

*Из беседы с членом Политбюро ЦК ТПК,
министром иностранных дел КНДР Ким Ен Намом
Москва, 4 мая 1988 года*

Горбачев. Ваш приезд в СССР мы рассматриваем в общем контексте динамично развивающихся двусторонних связей, контактов и консультаций. <...>

Ким Ен Нам. <...> Появились сообщения, будто южнокорейские власти имеют экономические связи и с Советским Союзом, и в дальнейшем эти связи будут расширяться. Мы говорили об этом с товарищем Шеварднадзе и хотели бы просить Вас обратить на это внимание, а также проводить соответствующую работу с главами партий и государств других социалистических стран.

Горбачев. Неужели вы сомневаетесь в нашей поддержке?

Ким Ен Нам. Нет, конечно, не сомневаемся.

Горбачев. Сомнений быть не может. Вероятно, какие-либо южнокорейские товары и попадают в СССР в рамках обычного международного товарообмена. Но речь не идет о связях с Южной Кореей. <...>

Обстановку на Корейском полуострове мы считаем одним из важных узлов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Всегда были на вашей стороне, ибо ваши предложения носят конструктивный характер, отражают интересы не только КНДР, но и других государств, направлены на оздоровление ситуации в регионе.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*На Политбюро
5 мая 1988 года
О визите Ким Ен Нама*

Горбачев. Главная его задача была удержать нас от развития отношений с Южной Кореей. Но ведь ситуация на Корейском полуострове — главный очаг напряженности в этом регионе. Нам надо активно работать с другими странами по этому вопросу. Передать им необходимую информацию. Соблюдать меру в пропаганде достижений Южной Кореи. Усилить работу с американцами по вопросу объединения страны. И конечно, не игнорировать роль Китая в этом вопросе.

Рыжков. Дисбаланс у нас в торговле с Северной Кореей. Из общего товарооборота в 70 с лишним миллионов рублей: 50 падает на экспорт и 26 — на импорт.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с заместителем Председателя Компартии Японии
Тэцудзо Фувой
Москва, 4 мая 1988 года*

Фува. Я хочу остановиться на положении в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С конца 70-х годов существенным образом изменилась ситуация вокруг

японо-американского договора безопасности. До этого времени на основе договора американская сторона имела в Японии необходимые военные базы, а японские силы самообороны играли вспомогательную роль. Во время войны во Вьетнаме Соединенные Штаты не могли предпринять какие-то новые шаги в этом направлении. Но в конце 70-х годов между японским и американским правительствами были предприняты совместные усилия для создания системы военного сотрудничества. <...>

Независимо от хода американо-советских переговоров, американские ядерные базы в Японии продолжают значительно укрепляться. <...> Нынешнее размещение ядерных сил на территории Японии происходит в условиях, когда провозглашается верность трем неядерным принципам. А фактически они нарушаются. Вы тоже затрагивали во Владивостоке эти три неядерных принципа.

Горбачев. Но если Япония втягивается в это, превращается в базу для авиации и флота, она же становится мишенью. Это безответственная позиция для любого правительства Японии.

Фува. У нас есть доказательства договоренности между США и Японией о том, как обойти эти три неядерных принципа. Есть телеграмма, направленная в 1966 году в адрес американского посольства в Японии госсекретарем Раском. В то время СССР выступил с предложением о гарантиях для тех стран, где не имеется ядерного оружия. В 60-х годах между США и Японией была достигнута тайная договоренность о ввозе ядерного оружия, которая безусловно требовала допускать американские самолеты и суда с таким оружием при чрезвычайных обстоятельствах. <...>

По поводу ситуации в АТР наши две партии стоят на общей позиции. Одно из отличий этой ситуации от европейской состоит в том, что в Европе противостоят два блока, а в АТР таких многосторонних блоков нет. Здесь в основном расположены силы передового базирования США, сложились военные союзы США с отдельными странами.

Горбачев. А согласны ли Вы с тем, что Владивостокские предложения были восприняты настороженно Соединенными Штатами и Японией именно потому, что они попадают как раз в «десятку»? Эти предложения бьют по планам завоевания господства через военные базы, по каналам компенсации ядерного оружия и наращивания военной угрозы? Большинство стран региона потянулось к этим предложениям. Отсюда страх и контрмеры со стороны США.

Фува. Да, я согласен. Думаю, что это так. В Европе часто говорят об одновременном роспуске ОВД и НАТО. В Азии же нет таких блоков. Поэтому требованию о ликвидации японо-американского договора о безопасности нечего противопоставить с другой стороны. Может быть только военный союз между СССР и Китаем. Но он уже практически превратился в пустую формальность. <...>

Горбачев. Есть вопросы, которые надо выдвигать на одном этапе, другие — на следующем. А что будет дальше — жизнь покажет. <...>

Уже сейчас надо ставить вопросы безопасности, накапливать опыт строительства международных отношений, в основе которых лежали бы принци-

пы мирного сосуществования, сотрудничества. Необходимо искать новые подходы к снижению уровня вооружений. <...>

Мы готовы с вами сотрудничать на регулярной основе и в плане диалога по этим вопросам, и в плане объединения научных сил.

Ваше сообщение было интересным. Мы, конечно, внимательно следим за ситуацией в этом огромном регионе. Здесь сложный узел взаимоотношений: Китай, Индия, Соединенные Штаты, СССР. <...>

По просьбе Т. Фувы вторая половина беседы проходила один на один. Обсуждались некоторые вопросы межпартийных отношений.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с председателем ЦИК Социалистической партии Японии
Такако Дои
Москва, 6 мая 1988 года*

Горбачев. <...> В нашем подходе к отношениям с Японией есть два основных элемента. Первое. Япония — это наш сосед. Япония — большая страна, с большим народом. В истории всякое бывало. Но главный вывод таков: надо строить добрые отношения. Мы к этому готовы. И готовы не вспоминать прошлое. Стремимся открыть новую чистую страницу.

Второе. Мы не будем навязываться в друзья. Это было бы непонятно ни нашему народу, ни японскому. Мы ждем, когда поймут в Японии, что наши отношения — это не прихоть, они жизненно необходимы. Но мы же не можем сказать Японии, кого брать ей в друзья. <...>

Дои. В Японии Ваша книга о перестройке является бестселлером. Те принципы, которые в ней изложены, находят широкое сочувствие. Я внимательно ее прочитала и многое на меня произвело большое впечатление. Я хочу сказать, что особое впечатление на меня, как специалиста по конституции, произвела Делийская декларация. По духу она совпадает с нашей Конституцией.

Горбачев. Вы правильно оцениваете значение этой Декларации. И по сути — это неординарный документ. В нем проявилось новое мышление. И очень важно, что два великих народа — СССР и Индии, два больших государства, принадлежащих к разным социальным системам, выступили с таким документом. Мы стремимся, чтобы он не остался просто Декларацией. Мы ее наполняем конкретными делами. <...>

Дои. С точки зрения ядерной угрозы, и Японию, и Советский Союз объединяет Тихий океан. Вообще, страны АТР возлагают очень большие надежды на процессы, которые последуют за Договором по РСМД.

Горбачев. А как на это смотрят в Японии?

Дои. Япония особенно ощущает угрозу со стороны ядерных средств морского базирования, которые не включены в Договор по РСМД.

Горбачев. А все ли известно вашей партии о позиции японского правительства по этим вопросам? До нас доходит информация, что японское правительство довольно активно участвует в военных мероприятиях США в АТР. Мы считаем, что для Японии — это самоубийственная политика.

Дои. Сейчас ситуация напоминает то, что было до Договора по РСМД. Он охватил все ракеты наземного базирования. Но остается угроза со стороны ракет морского базирования.

Горбачев. Я тоже сейчас говорю о ракетах, оставшихся за рамками Договора по РСМД. Мы все время предлагаем: давайте сокращать военноморскую активность в этом регионе, давайте убирать базы, которые над всеми нами нависают. Ведь это базы в Южной Корее, на Филиппинах, да и в Японии. <...>

В нашей концепции по Азиатско-Тихоокеанскому региону много реалистических предложений. Мы не выдвигаем готовую схему, под которой осталось только подписаться. Это было бы слишком большим упрощением. АТР — это огромный регион с большим разнообразием — историческим, экономическим, культурным. Здесь переплетены сложнейшие проблемы, много горячих точек. <...>

На ближайшее столетие цивилизация будет смещаться в сторону Тихого океана. Если этот процесс будет происходить стихийно, он может превратиться в нечто, напоминающее освоение «дикого Запада» в США. А если тут будут участвовать все: и Китай, и США, и СССР, Индия, Япония, Индонезия, другие страны — неужели у всех у них не хватит мудрости выработать такие подходы, чтобы придать этому процессу здоровую направленность.

Первая реакция на наши предложения, сделанные во Владивостоке, была такова: это иллюзии. Советский Союз, мол, хочет внедриться в регион, нанести удар по интересам Японии, Соединенных Штатов. Шульц сразу же поехал по региону «разъяснять» опасность предложений СССР. Но есть и другая реакция. Прошло немного времени, а смотрите, как активизировались многие страны. У нас состоялось много встреч и переговоры с руководством самых разных стран. И мы еще не удовлетворили все запросы по таким встречам. Скоро к нам приезжает премьер-министр Таиланда. Состоялись встречи с руководителями Новой Зеландии, Австралии, Индонезии, других стран АСЕАН. Неоднократно мы встречались с кампучийскими, вьетнамскими, монгольскими товарищами. Значит, процесс пошел, мысль заработала.

И я бы высказал такое пожелание в адрес японского правительства, политических кругов: не надо рассматривать наши предложения как «происки Москвы». Надо учиться жить, сотрудничая. <...>

Дои. Я полностью разделяю Ваши мысли о перестройке международных отношений на этих принципах. <...>

Далее беседа проходила один на один.

Горбачев. Хочу, чтобы Вы знали, можете это передать и премьер-министру: при всем, что у нас есть в отношениях с Соединенными Штатами, Китаем, Индией, мы не забываем, что Япония — это для нас самостоятельная величина. Не собираемся читать нравоучения японскому правительству или японскому народу. Иногда мы оставляем без внимания то, что вызывает у нас удивление или неодобрение. Мы сохраняем свою позицию по вопросам развития отношений с Японией. Это вопрос долговременной политики, на перспективу. <...>

Дои. <...> Я очень внимательно ознакомилась с Вашей владивостокской речью. Особенно обратила внимание на тот раздел, где Вы говорите о желательности решения совместными усилиями экономических, социальных, политических вопросов стран, выходящих на Японское море. Может быть, Японии и Советскому Союзу совместно выступить инициаторами проведения какой-то конференции стран Японского моря? Это наше предложение. <...>

Горбачев. Это плодотворная идея. <...> К тому, что было сказано во Владивостоке, я могу добавить еще одно: не помешало бы организовать действительно что-то вроде «круглого стола». Начать с того, чтобы определить круг желающих в нем участвовать. Может быть, они собрались бы и провели дискуссию по этим вопросам. Пока по этой проблеме мы еще не выходим на многосторонний разговор.

Теперь о Вашей идее конференции стран Японского моря. Я думаю, что все возможно, если двигаться по пути поиска новых шагов и дальнейшего развития процесса. Давайте продолжим консультации по этой проблеме.

Значительную часть беседы заняло обсуждение позиции СПЯ по территориальному вопросу, где взаимопонимания не состоялось.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**Из беседы с премьер-министром Таиланда
Премом Тинсуланом
Москва, 18 мая 1988 года***

Горбачев, *приветствуя гостя, вкратце характеризует мировую обстановку, принципы и цели политики нового мышления.*

Тинсуланон. Цель моего визита в Советский Союз заключается в том, чтобы установить контакты с Вами и другими советскими руководителями. Дополнительным стимулом моей заинтересованности в этом явились новая советская внешняя политика и решения по Афганистану.

Собеседник обращается к кампучийской проблеме, говорит о положении на тайландско-кампучийской границе, о продолжающихся в этом районе военных действиях с участием вьетнамских войск.⁴⁹

В этой связи позвольте попросить Вашего содействия в том, чтобы по мере возможности ускорить вывод иностранных войск из Кампучии с целью восстановления мира в этой стране. Я уверен, что ни Кампучия, ни Вьетнам не хотят воевать. Считаю, что прекращение военных действий должно быть осуществлено как можно скорее. Думаю, у вас есть возможности и средства содействовать обеспечению мира в Кампучии по примеру Афганистана. Именно о таких чувствах тайского народа я хочу поведать Вам. Несправедливо, что продолжают гибнуть мирные люди. <...>

* Таиланд — один из старейших партнеров России в Юго-Восточной Азии, дипломатические отношения с ним были установлены еще в 1897 году. С середины 80-х годов прошлого века взаимная заинтересованность в налаживании более активных связей получила новые импульсы. В экономическом отношении Таиланд (тогда с 55-миллионным населением) был заинтересован в выходе на внешние рынки — темпы роста ВВП в те годы доходили до 18 процентов.

Горбачев. <...> Опыт наших контактов с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией показывает, что у них такие же намерения, как и у Советского Союза, — урегулировать эту проблему на основе признания существующих реальностей, то есть всех сил, так или иначе вовлеченных в конфликт. <...>

Особо хочу подчеркнуть ту важную роль, которую могут сыграть в урегулировании страны этого региона. Она может быть более конструктивной. Вьетнам действует именно в этом направлении. Он расположен к обсуждению этих вопросов, к сотрудничеству со странами АСЕАН. Но и от стран АСЕАН требуется больше инициатив.

У Вас не складывается впечатление, что кто-то мешает этому?

Тинсуланон. Нет, я думаю, что все стороны стремятся сотрудничать в этом деле. <...>

Как глава правительства, призванный защищать жизнь своих граждан, хотел бы обратиться к Вам с просьбой повлиять на ваших друзей в данном вопросе. Думаю, что у Вас есть для этого возможности.

Горбачев. Мы постараемся передать нашим друзьям то, что обсуждаем сейчас с Вами. Но главную роль призваны играть стороны конфликта. От них очень многое зависит. Мы можем только в какой-то мере участвовать в урегулировании. Мы не можем диктовать.

Тинсуланон. Вы знаете, что Таиланду, Вьетнаму и Кампучии необходимо развивать национальную экономику, поскольку все они — бедные страны. Поэтому вряд ли целесообразно создавать проблемы, порождающие эту бедность. Позвольте попросить Вас посоветовать это Вьетнаму.

Горбачев. Хорошо, обязательно сделаем то, что в наших силах.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из выступления Горбачева на пресс-конференции Москва, 1 июня 1988 года**

Вопрос (телекомпания Эн-эйч-кей, Япония). *Какие другие региональные проблемы Азии, помимо Кампучии и Афганистана, обсуждались Вами с Президентом Рейганом? Обсуждали ли вы ситуацию на Корейском полуострове в связи с предстоящими Олимпийскими играми?*

Ответ. Мы говорили об Афганистане, о Кампучии, о положении на Корейском полуострове. У меня сложилось впечатление — нам, правда, не хватило времени детально обменяться мнениями по этому последнему вопросу, — что у американской стороны есть понимание, что тут нужно какое-то движение. Наши партнеры по переговорам негативно характеризовали позицию Северной Кореи. Мы же, наоборот, представили Президенту позицию правительства КНДР как конструктивную, приглашающую к диалогу. Причем оно готово и на двусторонней основе, и с участием американцев вести обмен мнениями о нынешнем положении и о перспективах объединения,

* Пресс-конференция состоялась в связи с советско-американской встречей в Москве на высшем уровне.

о принципах, на основе которых должно произойти объединение нации. Мы высказались в том плане, что здесь как раз есть возможность, которая до сих пор не использована.

ГСС. Т. 11. С. 74–75.

*Из выступления Горбачева на встрече
с представителями международной общественности
Москва, 2 июня 1988 года**

Здесь было задано много вопросов, прозвучали советы и наказания — обдумать некоторые вещи. Были напоминания о том, что очень важно и желательно вернуться к проблеме прекращения ядерных испытаний. Говорилось, что нужно двигать процесс оздоровления в международных отношениях на всех направлениях, включая, например, Тихоокеанский регион, Южную Азию. Кстати, мы очень горячие сторонники того, чтобы и в Азии, и в районе Тихого океана разворачивались процессы, которые сегодня уже идут в Европе, Америке.

Мы видим, что одним из важнейших центров мировой цивилизации становится Тихий океан. На арену выходят там крупнейшие государства, ассоциации, и, естественно, там много проблем. Это очень сложный мир. Мы вообще не думаем, что нужно механически переносить туда опыт Европы, но многое из него можно было бы осмыслить и использовать применительно к конкретным условиям. Надо и тут начинать действовать.

Когда мы это предложили (первую такую попытку я сделал, выступая во Владивостоке), послышались голоса: мол, Советский Союз и здесь решил наложить лапу, преследует корыстные цели. Нет, наша политика, о которой я сказал во владивостокской речи, — это адресованное всем государствам, народам, правительствам этого региона приглашение — приглашение к осмыслению, к поиску, взаимодействию и к тому, чтобы начать делать первые шаги.

Прошло с тех пор не так уж много времени, а мы можем констатировать, что состоялись просто замечательные контакты, хорошие по содержанию и по масштабности переговоров. Я имею в виду и свои встречи, и встречи других представителей советского руководства с представителями стран этого огромного региона — Индии, Китая, Японии, США, Австралии, стран АСЕАН: Индонезии, Таиланда — совсем недавно премьеры этого государства принимали, — и с другими.

Думается, лед тронулся, как у нас говорят в России. Я остановился на этом вопросе специально, поскольку он здесь поднимался. Хочу сказать, что вы можете рассчитывать на наш ответственный, конструктивный вклад.

ГСС. Т. 11. С. 90–91.

* Речь идет о встрече Горбачева с представителями международной общественности, прибывшими в Москву в связи с советско-американскими переговорами на высшем уровне. Во встрече, проходившей в Свердловском зале Кремля, участвовали делегации из 40 стран мира, представлявшие 145 национальных и международных антивоенных, женских, профсоюзных, молодежных и других организаций и движений.

*Из беседы с Президентом Индии Рамасвами Венкатараманом
Москва, 8 июля 1988 года**

Горбачев приветствует Президента Индии как старого друга, соратника Джавахарлала Неру и Индиры Ганди.

Венкатараман. Мы высоко ценим Ваши инициативы, приведшие к подписанию Договора по ракетам средней и меньшей дальности и Женевских договоренностей по Афганистану.

Горбачев. В этот перечень мы вместе с вами можем включить и Делийскую декларацию.

Венкатараман. Разумеется. Мы с большим одобрением следим за вашими настойчивыми усилиями в сфере разоружения, которые вы продолжаете, несмотря на препятствия, воздвигаемые другой стороной. Конечно, мы несколько разочарованы тем, что ваши предложения, направленные на скорейшее заключение Договора о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений, не были приняты Соединенными Штатами. Однако мы надеемся, что диалог между СССР и США будет продолжен. <...>

Нас всегда очень интересуют ваши отношения с США. А сейчас, когда администрация Рейгана не пошла на договоренность о 50-процентом сокращении СНВ, мы думаем уже и о послерейгановском периоде.

В этом контексте вновь хотелось бы упомянуть о Пакистане. Пакистан получает от США огромные количества самых современных вооружений. Совершенно ясно, что эти поставки вооружений намного превышают потребности обороны Пакистана.

Горбачев. Здесь у нас с вами полное взаимопонимание, идентичная оценка политики Пакистана. И мы должны проявлять бдительность, не допустить такого изменения ситуации, которое нанесло бы ущерб интересам Индии и Советского Союза. Думаю, что мы будем сотрудничать, взаимодействовать в этом. <...>

Если мы будем входить в какие-то контакты с пакистанцами, то, во-первых, будем советоваться с правительством Раджива Ганди и, во-вторых, будем действовать с учетом и наших, и ваших интересов и сейчас, и на будущее.

Венкатараман. Большое спасибо за эти весьма позитивные заверения.

Когда я был министром обороны, пакистанцы, оправдывая наращивание вооружений, всегда ссылались на положение в Афганистане. <...>

Горбачев. Конечно, дело не в этом, а в стратегических расчетах. Ведь сильная Индия, предлагающая миру политику сотрудничества, невмешательства, политику ненасильственного мира, неудобна для Соединенных Штатов, а также для Пакистана. Да и для Китая, который хотел бы кое-что прибрать к рукам в Азиатско-Тихоокеанском регионе или, во всяком случае, хотел бы использовать там экономические рычаги, Индия тоже является препятствием.

Поэтому Соединенные Штаты и Китай будут и впредь поддерживать Пакистан. В этом же контексте следует рассматривать и Шри-Ланку и мно-

* Р.Венкатараман занимал пост Президента Республики Индия в 1987–1992 годах.

гие другие вещи, которые создают определенные трудности для Индии. Все это мы видим. И в развитии наших отношений со всеми странами, в том числе с Китаем, Пакистаном, странами АСЕАН и другими, мы никогда не будем забывать о приоритете наших отношений с Индией, о необходимости учета ее интересов. Это надолго.

Сейчас, когда центр развития цивилизации смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, инфраструктуру отношений в этом регионе еще предстоит создавать. И мы очень ценим высокий уровень взаимопонимания между советским руководством и правительством Раджива Ганди. Интенсивный обмен мнениями между нами позволяет быть в курсе всего, что происходит, избегать недоразумений. А если возникают вопросы, то легко прояснять их на основе взаимных интересов, на основе взаимопонимания. <...>

Венкатараман. Мы стремимся к нормализации наших отношений с Китаем. С этой древней страной у нас исторически складывались дружественные отношения. Однако наши отношения портит пограничный вопрос.

Горбачев. Думаю, что в отношении Китая наши страны проводят правильную линию, сочетающую твердость и гибкость.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Генеральным секретарем ЦК КПВ Нгуен Ван Линем
Москва, 20 июля 1988 года*

Вьетнамский руководитель благодарит за приглашение на отдых, подчеркивает большой интерес для Вьетнама решений XIX партийной конференции.

Нгуен Ван Линь. Наша встреча происходит точно за неделю до второй годовщины Вашего исторического заявления во Владивостоке. Мы полностью согласны с провозглашенной Вами политической линией. В ближайшее время намерены предпринять новые шаги для ее претворения в жизнь.

Далее собеседник подробно останавливается на проблемах в отношениях с Китаем и выражает надежду, что советское руководство в контактах с Китаем использует свои возможности для содействия нормализации вьетнамо-китайских отношений.

Горбачев. Мы это запоем и обязательно сделаем. Мы солидарны с вашей партией, твердо привержены линии дружбы и сотрудничества с Вьетнамом. Эта линия имеет для нас стратегическое значение. Сотрудничество СССР, Вьетнама и Индии — это предпосылка, чтобы события в АТР не пошли по пути, угодному США, Японии, Китаю. С Ганди у нас есть на этот счет взаимное понимание.

Это очень важно, так как в АТР большие планы стратегического порядка есть и у США, и у Китая, и у Японии. Это надо иметь в виду. <...> Недавно Шульц беседовал с Дэн Сяопином, беспокоился, как бы «владивостокская доктрина Горбачева» не подорвала их влияние. <...>

У нас был премьер-министр Таиланда. Вроде бы настроен примирительно, просил создавать меньше проблем на границе. Я ему сказал, что и с их стороны следовало бы прекратить вмешательство в дела Вьетнама.

Нгуен Ван Линь. Мы замечаем, что изменились к лучшему позиции Индонезии, Таиланда, теперь Филиппин. <...>

Горбачев. В будущем году у нас будет президент Индонезии. Он настроен на развитие отношений с Советским Союзом. В ходе бесед мы ненавязчиво затронем и тему развития отношений Индонезии с Вьетнамом. Индонезийцы внимательно смотрят на Китай и боятся. Вы смóтрите и не боитесь, а они боятся. Но в целом условия созрели для постепенного развития отношений стран – членов АСЕАН с социалистическими странами. Недавно и президент Филиппин Акино заявила, что им надо выправить положение, имея в виду чрезмерный крен, существующий до сих пор в сторону США. <...>

Нгуен Ван Линь. <...> Хотел бы воспользоваться нашей встречей и внести такое предложение: Советский Союз и Вьетнам совместно выступят с заявлением о том, что СССР прекращает использовать Камрань как ПМТО (*пункт материально-технического обеспечения военно-морского флота СССР*)⁵⁰ и требуют от США поступить соответствующим образом в отношении своих баз на Филиппинах. <...>

Если мы выступим с таким совместным предложением, то можем поставить в сложное положение и США, и в какой-то степени Китай. Хочу откровенно спросить Вас, а что получится, если американцы не захотят отказаться от своих баз на Филиппинах, не окажемся ли в таком случае и мы с вами в трудном, положении?

Горбачев. <...> Будем подчеркивать, что побуждаем Америку и Филиппины действовать в духе владивостокского подхода. Ну а если не получится, выигрыш все равно на нашей стороне. Все будут видеть, что мы, по крайней мере, сделали жест доброй воли. <...>

Нгуен Ван Линь. Согласен. Но надо условиться об одном: если американцы не уходят с Филиппин, Советский Союз не уходит из Камрани. Мы боялись, что если вы заявите о своем уходе, а американцы откажутся пойти на встречу, то вам придется уходить.

Горбачев. Нет. Это очень серьезное дело. Мы не собираемся уходить из Камрани. Американцы хотят получить преимущество с помощью своего флота. И мы, конечно, не должны этого допускать.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с бывшим премьер-министром Японии Ясучиро Накасонэ
22 июля 1988 года*

Горбачев (*после приветствия*). Советско-японские отношения оказались на перепутье. Но решающего шага мы не сделали. Наши отношения забуксовали, проскальзывают на месте, отстают от процессов во всем мире и от уровня отношений СССР и Японии с третьими странами.

Накасонэ. Я разделяю Ваше мнение. Наши отношения буксуют, топчутся на месте. Я преисполнен решимости содействовать их продвижению, чтобы вывести из этого состояния. <...>

Предваряя ответ на вопросы собеседника относительно некоторых экономических аспектов перестройки, Горбачев обрисовал свое видение ситуации в мире и критически высказался о позиции западных политиков в отношении Советского Союза, в том числе и о позиции господина Накасонэ.

Горбачев. А сейчас я Вас покритикую, господин Накасонэ. Вы приехали в страну гласности.

Накасонэ. Пожалуйста, я буду это только приветствовать.

Горбачев. Я познакомился с мнением господина Накасонэ относительно Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно по вопросам развития экономического сотрудничества. Помню, будучи премьер-министром, Вы и в то время об этом не раз высказывались, но никогда в Ваших концепциях сотрудничества не находилось места для Советского Союза. А я во Владивостоке говорил о том, что мы приглашаем все страны к сотрудничеству. Мы не мыслим такое сотрудничество в АТР без Японии, Китая, Индии, США и других стран. Они все занимают надлежащее место.

А в подходе господина Накасонэ я вижу уже заранее определенную ограниченность в вопросах перспектив экономического сотрудничества в АТР. Мой старый друг Шульц, с которым провели много часов и кое-что сделали, едет в этот регион и заявляет: «Позиция Советского Союза, речь Горбачева — это все дело опасное. Они замышляют планы экспансии». Но ведь нет никаких планов экспансии! Мы даже речь во Владивостоке построили не как поучение, а как размышление, призыв ко всем в этом регионе, где живет больше миллиарда человек, подумать, что надо сделать для улучшения положения в нем.

Выходит, речи, заявления господина Накасонэ, Шульца — это все для публики, а реальная политика состоит в том, чтобы не допустить Советский Союз, сделать все, чтобы поставить ему преграды.

Накасонэ. И раньше, и сейчас я очень внимательно отношусь к Вашей речи во Владивостоке. Но чувствую, и это видно из Вашей книги, что Вы больше сориентированы на Европу. Здесь, в «европейском доме», — центр тяжести Вашей деятельности. А Азия упоминается лишь в конце Вашей книги, ей отведено всего 12 страниц, и то в разделе о развивающихся странах. Я думаю, что реально вес АТР не соответствует такому подразделению.

У Советского Союза на Дальнем Востоке еще слабые позиции. <...> Иными словами, до форума типа Хельсинки еще далеко. Ваша страна еще не созрела для участия в общем клубе стран АТР.

Горбачев. Я должен возразить. Во-первых, во владивостокской речи мы не предлагаем завтра же принять декларацию типа хельсинкской. Мы говорим: АТР — это огромный регион, в нем живет масса людей, у него сложная и противоречивая история. И надо думать над тем, как нам жить здесь вместе. <...>

Накасонэ. Хочу высказать свое мнение. Вам надо интенсивнее активизировать связи ваших районов Приморья со странами Японского моря. Тогда в регионе действительно будут развиваться дружеские отношения. <...> Как Вам известно, президент Корейской Республики Ро Дэ У выдвинул новую инициативу. Я считаю, что для Южной Кореи такой поворот на 180 градусов сопоставим с открытием Коперника. Южная Корея выразила согласие на развитие экономических связей Японии и США с КНДР. В обмен она хотела бы

развивать экономические отношения с Советским Союзом, Китаем. Если мы сможем обеспечить тесное укрепление связей между Севером и Югом Кореи, а также связи Советского Союза и Китая с Южной Кореей, а Японии и США — с Северной, то это создаст почву для стабилизации и упрочения мира на Корейском полуострове, будет большим вкладом в дело реализации владивостокских идей. <...> Поэтому у меня к Вам просьба передать в Северную Корею в качестве совета призыв согласиться с идеей Ро Дэ У. <...>

Горбачев. Возникли четыре вопроса, на которые я хочу дать ответ.

Первое. Относительно противоречий в АТР. Мы с Китаем развиваем отношения, и они прогрессируют. Отношения развиваются и с Индонезией. Набрали определенную динамику отношения со странами АСЕАН, Австралией, завязался продуктивный диалог с Таиландом. Мы видим, что наличие проблем не является препятствием для развития отношений. Более того, в рамках этого процесса развития отношений будут постепенно сниматься проблемы, которые возникли когда-то в прошлом.

Второе. Мы приняли долговременную национальную программу развития Дальнего Востока и Сибири. Этот регион будет развиваться быстрее, чем другие. Мы будем постепенно идти в ту сторону. В ближайшее время думаем открыть Владивосток. Вы там не были, наверное? Поэтому он представляется Вам жутким городом. Но это прекрасный город уже сейчас. Вам будет приятно там побывать и пересмотреть свою точку зрения.

Третье. О Корее я уже сказал. Это дело прежде всего самих корейцев. Что касается Вашей точки зрения, то, как Вы просили, мы передадим ее корейским товарищам. В свою очередь и Вы постарайтесь не забыть, что сегодняшние предложения Южной Кореи, поддерживаемые Японией и США, не должны тормозить процесс объединения и способствовать закреплению двух Корей.

Касаясь, далее, четвертого вопроса, о перестройке, Горбачев подробно остановился на разъяснении ее целей и смысла, планов дальнейших экономических реформ.

В последней части беседы были затронуты вопросы японо-советских отношений, послевоенной истории этих отношений, включая известные позиции сторон по так называемому территориальному вопросу, а также проблема отношений Восток–Запад в целом. Собеседники условились продолжить эту дискуссию при следующих встречах.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
28 июля 1988 года
Итоги визита Накасонэ**

Горбачев. С нашей стороны в переговорах проявлено большая гибкость, но по вопросу об островах не следует оставлять у японцев никаких иллюзий.

Громыко. Вести отсчет надо не с 56-го года, а с послевоенных реальностей.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из выступления Горбачева в Красноярске
16 сентября 1988 года**

Находясь здесь, на этой параллели, уместно посмотреть на обстановку на Азиатском континенте, в бассейне Тихого и Индийского океанов. Чуть более двух лет назад во Владивостоке мы пригласили всех обдумать программу перестройки отношений между государствами в этой гигантской и самой быстро развивающейся части мира, число жителей которой превысило недавно три миллиарда человек. Программа эта потом дополнялась, конкретизировалась по разным случаям. Она получила свое дальнейшее развитие и развернутое философско-политическое обоснование в Делийской декларации, которую мы разработали вместе с руководством Индии. <...>

Вы видите, какие в этом регионе возникли полюсы: одно дело — Япония, другое — Филиппины; одно дело — АСЕАН и другое — Бирма и т.д. Тут возникает много проблем, которые требуют осмысления, оздоровления международных отношений, введения их в русло взаимодействия и сотрудничества.

Шанс использования колоссального потенциала Азии и бассейна двух великих океанов в целях общего прогресса и мира во всем мире будет упущен, если сейчас не заняться основательно всей суммой сложных проблем в этом обширном регионе земного шара. И даже может превратиться в свою противоположность — в источник опасного разрастания региональных и общемировых противоречий. Вот почему необходимо своевременно и сообща налаживать здесь разумное и всеохватывающее взаимодействие.

Словом, формулируя свою владивостокскую инициативу, мы руководствовались новым мышлением. Кое-кто попытался тогда поставить под сомнение искренность и честность наших намерений и предложений, представить дело так, будто Советский Союз под прикрытием миролюбивых фраз затеял очередную экспансию. Сейчас уже нет необходимости вести полемику с этими оценками, выдержанными в духе заскоруждого антисоветизма: жизнь их просто отбросила. Наши владивостокские инициативы вызвали большой резонанс в государствах этого региона.

Хочу еще раз со всей ответственностью заявить: Советский Союз не ищет для себя привилегий, выгод в ущерб другим, не рассчитывает на преимущества за чужой счет.

Да, мы заботимся о безопасности своих восточных границ — кстати, их протяженность огромна. Но не на путях гонки вооружений, а политическими и экономическими средствами, создавая климат, снимающий враждебность, подозрительность, недоверие. Я бы сказал так: наша политика в Азии, как и повсюду, основывается на принципах свободы выбора и мирного сосуществования. Она открыта. У нее нет «двойного дна».

Большинство азиатско-тихоокеанских стран с большим интересом восприняли нашу политику, наши инициативы. В общественном сознании на-

* В этом выступлении, в развитие владивостокских инициатив, Горбачев выдвинул ряд новых предложений, касающихся общеазиатской безопасности.

родов многих стран произошел по отношению к Советскому Союзу если не коренной перелом, то существенный сдвиг к лучшему. Из этого мы делаем вывод, что наши размышления, предложения правильно уловили особенности ситуации в этом регионе.

Мы с удовлетворением отмечаем рост активности стран этого региона в общемировых делах, стремление к самостоятельности, на двусторонней или многосторонней основе разбираться в своих проблемах, искать решения на путях диалога.

У нашей страны за это время завязался диалог с большинством государств региона. С некоторыми из них — на высоком и высшем уровне. Мы вышли на такие контакты по государственной линии, каких у нас никогда не было. Встречными усилиями связи стали приобретать содержательность и перспективу. Причем все это носит отчетливо равноправный, открытый характер, и уже одним этим вносится вклад в общую перестройку международных отношений на современных принципах.

В постоянно действующий конструктивный фактор огромного международного значения превратились за последние годы советско-индийские отношения. Предстоящая очередная встреча на высшем уровне в Дели будет, как мы ожидаем, крупным шагом в упрочении уникального дружественного взаимодействия двух столь разных и влиятельных государств на благо их собственных народов, в интересах всеобщей безопасности.

Меняется политическая атмосфера в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Конкретных обнадеживающих признаков уже немало. Можно сказать, что банк данных, свидетельствующих о стремлении к взаимной безопасности, становится здесь все богаче. Нам кажется, что и Движение неприсоединения разворачивается в сторону этого региона⁵¹. И в его судьбах ему предстоит, видимо, сыграть свою независимую роль. Сейчас оно ищет более эффективный механизм, чтобы придать большую динамику внешнеполитическим процессам. Во всяком случае, мы видим желание участвовать в решении региональных конфликтов и в предотвращении их возникновения.

В общем, товарищи, сказал бы так: немного времени прошло после Владивостока, но мы видим, что сейчас в этом огромном регионе разворачивается здоровый, безусловно, позитивный и многообещающий процесс. Это — подтверждение растущей взаимосвязанности общечеловеческих и национальных интересов, все большее осознание целостности мира, в котором мы живем. Мы реалистически оцениваем свою роль в этом. Но тем не менее, думаю, что наш вклад здесь значителен, и мы видим, как это оценивается народами всех стран.

Со стороны Соединенных Штатов Америки на этот счет высказываются какие-то сомнения, и они пытаются их посеять среди народов и правительств стран АТР. В самих же государствах этого региона больше понимания существа нашей политики.

Назову в качестве примера решение афганской проблемы. Это оказало сильное влияние на процессы в АТР и на более объективные оценки нашей политики со стороны правительств и государств этого региона. Общеизвестно, что сам факт достижения женевских соглашений по Афга-

нистану оказал благотворное влияние на поиски разблокирования других региональных конфликтов.

В настоящее время серьезно подвигается вопрос об урегулировании ситуации вокруг Кампучии в результате усилий этой страны, Вьетнама, Лаоса, а также Индонезии и других стран АСЕАН. Важным событием была недавняя неформальная джакартская встреча⁵², давшая весьма поучительный пример. Советский Союз готов и впредь содействовать скорейшему достижению соглашений по Кампучии. Мы считаем, что важную роль в решении этой проблемы и вообще в улучшении ситуации в Азии могли бы сыграть прямые переговоры между Китаем и Вьетнамом.

Остановлена трагическая разрушительная восьмилетняя война между Ираном и Ираком⁵³. Все мировое сообщество восприняло это с облегчением. И думаю — причем не только по этому случаю, — следует воздать должное Организации Объединенных Наций, самому Генеральному секретарю ООН. Знаменательно и отрадно, что ООН вновь набирает силы и ее роль возрастает. Мы делаем все для того, чтобы поддерживать авторитет и повышать роль этой международной организации.

Мы надеемся, что те процессы, которые пошли сейчас на Ближнем Востоке, также, в конце концов, выведут на развязывание этого тугого узла. Именно за последние полтора-два года выработан, по мнению очень многих в мире, наиболее подходящий путь — через созыв международной конференции.

Сложная обстановка остается на Корейском полуострове, хотя и здесь начали просматриваться признаки выхода на диалог между Севером и Югом.

Если говорить о приоритетном направлении нашей внешней политики — об отношениях с социалистическими странами, то тут, как и в Европе, и с Кубой, можем констатировать повышение качественных характеристик нашего взаимодействия. Мы теперь гораздо лучше видим проблемы в наших взаимосвязях, актуальные и долговременные задачи, которые предстоит совместно решать в интересах каждой страны и в интересах всех дружественных государств.

В ходе мощных процессов обновления, происходящих в Советском Союзе и Китае, обоих великих социалистических государствах, множатся точки соприкосновения между ними. В этих социалистических государствах идут очень глубокие внутренние перемены. Мы можем констатировать, что все больше становится доброжелательства и доверия в отношениях между нашими народами, возобновился и наполняется новым содержанием глубокий интерес друг к другу, растет, я бы сказал, взаимное притяжение. Недавняя двусторонняя рабочая встреча в Пекине⁵⁴ по урегулированию вокруг Кампучии определенным образом расширила зону взаимопонимания по данному вопросу и одновременно послужила делу улучшения советско-китайских отношений.

Мы за полную нормализацию отношений с Китайской Народной Республикой, за развитие их до уровня, который бы соответствовал ответственности наших двух стран за мировую политику. Готовы к тому, чтобы безотлагательно начать подготовку к советско-китайской встрече на высшем уровне.

Принципиальным поворотом в отношениях со странами южной части Тихого океана явилась советско-австралийская встреча в верхах⁵⁵. По своему содержанию и заложенному в ней политическому импульсу она выходит за региональные рамки.

Набирают динамику наши отношения со странами АСЕАН, прежде всего с Индонезией, а также с Филиппинами, Малайзией. Начался полезный диалог с Таиландом, с которым отношения долгое время не складывались. Мы за расширение взаимовыгодных равноправных отношений со всеми государствами этой части света, вне зависимости от их величины и общественного строя.

Бесспорно, существенное значение для всей ситуации здесь имеют советско-японские отношения. Мои встречи с рядом видных политических деятелей Японии — М. Исибаси, С. Абэ, Т. Фувой, Т. Дои⁵⁶, а также обмен письмами и посланиями с японскими общественными организациями и деятелями культуры позволили лучше видеть и проблемы, и возможности на пути преодоления застоя.

Недавний откровенный разговор с Ясухиро Накасонэ еще более убедил меня в том, что есть и почва, и обоюдное стремление к динамизации наших отношений на базе баланса двусторонних и региональных интересов. Надеемся, эта позитивная тональность получит продолжение в ходе предстоящих политических контактов, позволит ввести японо-советские отношения в русло нормального развития.

В Советском Союзе должным образом оценили восстановление связей с национальным советом губернаторов Японии, возобновление интереса ее деловых кругов к тому, чтобы их страна вернула себе место одного из ведущих торгово-экономических партнеров СССР. А существующие проблемы в области гуманитарной и в рыболовстве, мешающие укреплению доверия, думаю, преодолимы. Не могу, однако, не отметить, что советских людей — да и других ближних и дальних соседей Японии — беспокоит упорное наращивание ею военного потенциала в рамках «разделения бремени» с Соединенными Штатами Америки.

Один процент валового национального продукта на военные цели выглядит вроде бы скромно. Но если учесть его реальное наполнение вместе с нарастающей экономической мощью страны, то уже сейчас этот 1 процент наводит на серьезные размышления. Японцы вроде бы доказали, что в современном мире можно идти к статусу великой державы, не опираясь на милитаризм. Естественно, возникает вопрос: зачем же дискредитировать этот свой уникальный и столь поучительный для всего человечества опыт? Зачем отягощать в глазах народа необычайную энергию почти повсеместного в мире экономического присутствия Японии историческими ассоциациями довоенного и военного времени?

Мы настойчиво ищем точки соприкосновения по проблематике Азиатско-Тихоокеанского региона с Соединенными Штатами. При этом часто приходится задаваться вопросом: почему у нас здесь, в отличие от других важных областей мировой политики, взаимопонимания не получается? Государственные интересы наши вроде бы не сталкиваются. На разветвленные эконо-

мические связи США мы не посягаем. Как и повсюду, мы, кажется, уже доказали, что умеем считаться с реальностями. В чем же дело?

Мне уже приходилось говорить и даже напоминать, когда это упускалось из виду, что мы за полное участие Соединенных Штатов в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, достойное их положения, их политических и экономических возможностей. Но — равноправное, без великодержавных замашек и силовых приемов, которым место разве что в исторических диссертациях.

Ключом к оздоровлению обстановки в этом регионе являются, как и повсюду в мире, снижение напряженности, сокращение вооружений и соответствующее изменение военной политики. Первую брешь в военном противостоянии и здесь помог пробить Договор по РСМД. Для Азии, где атомное оружие было применено против мирного населения, событие это имеет особый, символический смысл. И мы готовы дальше искать новые подходы для того, чтобы двигаться в этом направлении.

В результате размышлений и дополнительного анализа, стремясь продвинуть дело общеазиатской безопасности, советское руководство вносит **некоторые новые предложения**.

Первое. Понимая озабоченность азиатских и тихоокеанских стран, Советский Союз не будет увеличивать в этом регионе, как он уже некоторое время это и делает, количество любого ядерного оружия и обращается к Соединенным Штатам Америки и другим ядерным державам с предложением не размещать его здесь дополнительно.

Второе. Приглашаем к консультациям между основными военно-морскими державами региона о ненаращивании здесь военно-морских сил.

Третье. Предлагаем обсудить на многосторонней основе вопрос о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи, имея целью замораживание и соразмерное сокращение уровней военно-морских и военно-воздушных сил, ограничение их активности.

Четвертое. Если США пойдут на ликвидацию военных баз на Филиппинах, то СССР будет готов, по согласованию с правительством СРВ, отказаться от пункта материально-технического обеспечения флота в бухте Камрань.

Пятое. В интересах безопасности морских и воздушных коммуникаций региона предлагаем совместно разработать меры по предотвращению инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним. При разработке этих мер можно было бы использовать опыт уже имеющихся двусторонних советско-американской и советско-английской договоренностей, а также тройственную договоренность США-СССР-Япония.

Шестое. Не позднее 1990 года провести международную конференцию о превращении Индийского океана в зону мира. Подготовительная работа к ней в ООН, как известно, в основном завершена.

Седьмое. Предлагаем на любом уровне и в любом составе обсудить вопрос о создании переговорного механизма для рассмотрения наших и любых других предложений, относящихся к безопасности АТР. Можно было бы начать это обсуждение между СССР, КНР и США, как постоянными членами Совета Безопасности ООН. <...>

Возвращаясь к Азиатско-Тихоокеанскому региону, должен сказать, что он основательно загрязнен не только вооружением. Ему грозит и другая быстро растущая опасность — экологическое загрязнение. Проблему эту все хорошо понимают. И уже пора подумать о налаживании регионального сотрудничества в этой области. Может быть, созвать для начала специальную конференцию экспертов, которая, убежден, покажет, насколько у нас много общих проблем, насколько мы все взаимосвязаны, а значит, и действовать должны сообща.

В повестку дня просятся и такие важные темы, как сотрудничество в сохранении и развитии национальных традиций, в борьбе со стихийными бедствиями.

Словом, напрашивается мысль — почему бы не организовать встречу министров иностранных дел всех заинтересованных государств (или тех, кто захочет) для обсуждения первоначальных подходов к строительству новых отношений в Азиатско-Тихоокеанском бассейне.

ГСС. Т.12. С. 52–68, 69

*Из беседы с членом Политбюро ЦК КПВ,
Председателем Государственного совета СРВ Во Ти Конгом
Москва, 21 сентября 1988 года*

Горбачев (после приветствия). Затрону один вопрос. Мы с товарищем Нгуен Ван Линем говорили о Камрани, условились, что будет полезно сделать шаг, который подтолкнет американцев уйти с Филиппин либо поставит их в оборонительную позицию, вынудит оправдываться перед мировым сообществом. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но до меня дошла информация, что ваш министр иностранных дел недоволен моим заявлением в Красноярске по этому вопросу и чуть ли не интерпретирует его так, будто Генеральный секретарь ЦК КПСС распоряжается территорией Вьетнама.

Во Ти Конг. Информация, очевидно, передана по западным каналам и нуждается в проверке.

Горбачев. Вот это я и хотел узнать. Разве Советский Союз когда-нибудь допускал такое отношение к Вьетнаму?! Но опровержения не последовало.

Во Ти Конг. Мы такую информацию не получили. <...>

Горбачев. Кстати, после выступления в Красноярске американцы действительно оказались в непростом положении. Говорят только, что, мол, Горбачев чего придумал — хочет, чтобы мы ушли с Филиппин. <...>

Во Ти Конг. Мы находимся в трудном положении и в отношении Кампучии, и в отношении Китая. Приходится нести большое бремя затрат, поэтому мы стремимся как можно быстрее политическим путем решить кампучийскую проблему. <...>

Горбачев. Во многом благодаря тому, что Вьетнам занял активную позицию, оказалась возможной встреча в Богоре*. То, о чем мы с вами договарива-

* См. примеч. 52 в конце данного раздела.

лись, теперь успешно реализуется. Хорошо, что завязался диалог, который позволит вступить в полосу нормализации отношений с Китаем. Мы этому сочувствуем. Хотим, чтобы у вас была мирная обстановка, возможность сконцентрировать усилия на решении неотложных задач. Я говорил Нгуен Ван Линю и Вам хочу сказать, что у вас не должно закрадываться сомнений в советской политике в отношении КНР. Мы действуем здесь энергично, но помним свои обязательства. Вьетнам никогда не будет в этих вопросах разменной монетой. <...>

Во Ти Конг. После решения кампучийской проблемы мы сможем нормализовать отношения с Китаем. <...>

Горбачев. Да, сейчас надо брать прицел на нормализацию. С нашей стороны вы можете рассчитывать на поддержку. Если будет необходимо — готовы встречаться, обсуждать эти вопросы.

Во Ти Конг. Нормализация отношений Вьетнама с Китаем во многом зависит от улучшения советско-китайских отношений.

Горбачев. Мы все время действуем в этом направлении. Я сказал в Красноярске о нашей готовности начать подготовку к встрече на высшем уровне. <...>

Во Ти Конг. У нас налаживается диалог с Таиландом. Недавно я имел также контакты с заместителем премьер-министра Малайзии и министром иностранных дел Индонезии.

Горбачев. Премьер Малайзии тоже был у нас. Они очень заинтересованы в активизации политики Вьетнама, и мы, конечно, это приветствовали. В будущем году к нам, видимо, приедет президент Индонезии, поработаем и с ним, индонезийцы тоже понимают значение Вьетнама. Вообще это объективный фактор, необходимый для баланса интересов в Юго-Восточной Азии. Будем говорить об этом и в Индии — скоро состоится наш визит туда. Это я все говорю к тому, что мы никогда не забываем о СРВ. Ваше развитие отвечает и советским интересам.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с лаосским лидером Кейсоном Фомвиханом
Москва, 27 сентября 1988 года**

Приветствуя гостя, Горбачев дает высокую оценку процессу реформ в Лаосе, политически взвешенному подходу лаосского руководства к решению стоящих перед ним задач. Отвечая на вопросы, Фомвихан рассказывает об опыте аграрных преобразований в своей стране, других направлениях хозяйственной деятельности.

Горбачев. <...> Как Вы смотрите на ситуацию в своем регионе, что видите здесь нового?

Фомвихан. Положение в Индокитае, в Юго-Восточной Азии переходит в новое состояние. В конце прошлого — начале нынешнего года Таиланд

* Кейсон Фомвихан возглавил руководство страны в 1975 году, когда там в результате народно-демократической революции была упразднена монархия. Занимал посты генерального секретаря Народно-революционной партии Лаоса, председателя Совета Министров Лаосской Народно-Демократической Республики.

предпринял крупную вооруженную провокацию против Лаоса, но потерпел сокрушительное поражение. В Бангкоке думали, что нам придется обращаться за помощью к Вьетнаму, но мы обошлись своими силами. Это привело к тому, что Таиланд и стоящие за ним США и Китай предпочли перейти от политики конфронтации к переговорам.

Горбачев. То, что международный климат начал меняться в сторону здравого смысла и нового мышления, вызвало большой резонанс и среди общественности, и в политических кругах; помогло оздоровление советско-американских отношений, создало такую ситуацию, что силам империализма стало сложнее реализовывать свои экспансионистские планы.

Фомвихан. <...> Мы сейчас стремимся нормализовать свои отношения с Китаем. Это было бы намного легче, если бы Пекин проводил здравую политику. Но хотя Китай — страна социалистическая, в ее курсе есть много негативных элементов, в том числе стремление к господству.

Горбачев. У Китая всегда будут интересы, свойственные ему как великой державе. Это надо иметь в виду и сейчас, и на будущее. <...> Я уже говорил вьетнамским руководителям, хочу сказать и Вам, что у нас нет эйфории в отношении Китая. Просто мы думаем, что наша политика нового мышления будет находить отклик и в КНР, особенно у нового поколения руководителей. Так что будем на этом направлении вести общую взвешенную линию, постоянно советуясь друг с другом.

Мы ценим Ваш вклад в оздоровление обстановки в регионе, Ваши предложения о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира и сотрудничества, свободную от ядерного оружия, контакты со странами АСЕАН, участие в неформальной встрече по Кампучии в Джакарте.

В заключение беседы Горбачев информирует лаосского руководителя о новом этапе советской перестройки, о ближайших планах решения наиболее острых проблем.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
10 ноября 1988 года
О Корее**

Горбачев. Вы читали шифровку из Пхеньяна о том, как там критикуют нашу перестройку и нашу «антисталинскую» позицию?

Такой этап, какой сейчас в Северной Корее, мы давно прошли. Он напоминает времена самого крутого завинчивания гаек.

Записка об экономических отношениях с Южной Кореей, представленная Каменцевым, очень серьезная. Если сейчас неотреагируем — опоздаем. Мы подошли к решению этого вопроса в контексте наших нынешних интересов.

Пока речь идет не о политическом уровне отношений. И обязательно надо поговорить с друзьями (*то есть с союзниками по ОВД*).

Открывается канал нашего влияния на всю корейскую ситуацию. Контакт с Южной Кореей будет нашим ответом и Северной Корее, и сигналом для США.

Но с Северной Кореей действовать не методом шока.

Думаю, Эдуарду (*Шеварднадзе*) надо заехать в Пхеньян по пути в Токио. Это — помимо письма, которое мы туда направим с предложением «надо, мол, поговорить».

Рыжков. Откажут его (*Шеварднадзе*) принять.

Горбачев. Это их дело. Мы будем идти своим путем. И принимаем решение. Так? (*Все согласны.*)

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Президентом Индии Рамасвами Венкатараманом Дели, 18 ноября 1988 года**

Венкатараман, приветствуя гостя, рассказывает о внутреннем положении в Индии, о позитивных сдвигах в экономике и улучшении политической атмосферы, говорит о трудностях в отношениях с Пакистаном, о заинтересованности Индии в осуществлении женеvских соглашений по Афганистану, а также о беспокойстве в связи с отсутствием окончательного урегулирования ирано-иракского конфликта.

Горбачев. <...> Время позволяет затронуть лишь две международные проблемы. У нас с вами нет различий во взглядах на будущее Афганистана. Мы за то, чтобы там было создано коалиционное правительство, отражающее весь спектр сил в стране. <...>

О Пакистане. Думаю, можно констатировать, что результаты выборов там означают поражение той политики, которую проводил Зия-уль-Хак. Политические и военные круги страны не могут игнорировать это. Нам надо обдумать эту новую ситуацию.

Я считаю правильным, что Вы говорили об ирано-иракской проблеме в связи с положением в вашем регионе. Вопрос действительно стоит так: что возобладает — фундаментализм или какие-то реалистические, позитивные элементы. Думаю, мы и даже американцы не заинтересованы в победе фундаментализма. Я буду говорить об этом с премьер-министром. Надо предпринимать такие шаги, которые повлияют на этот процесс в позитивном направлении.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Первая беседа с Радживом Ганди Дели, 18 ноября 1988 года

Ганди поздравляет Горбачева с избранием Председателем Верховного Совета СССР. Обмениваясь мнениями о положении в своих странах, собеседники конста-

* Горбачев посетил Индию с официальным визитом по случаю присуждения ему премии имени Индиры Ганди. Визит был приурочен к закрытию фестиваля советской культуры в Индии. Состоялось несколько бесед с руководящими деятелями этой страны. О беседах с Р. Ганди и другие материалы этого визита см. ниже.

тируют взаимное согласие в отношении сути перемен в Советском Союзе и в Индии, большую степень сходства в стоящих перед обеими странами проблем и переживаемых ими трудностей.

Переходя к обсуждению советско-индийских отношений в контексте более широкого международного процесса, Ганди говорит: <...>

Целью Запада является создание мощного треугольника США — Япония — ЕЭС, экономического и технологического силача, для которого остальной мир будет рынком и объектом эксплуатации. <...>

Думаю, что если мы хотим успешно принять вызов группировки США — ЕЭС — Япония, то надо поискать возможность соединения усилий СССР, Индии и Китая. Это большая сила.

Горбачев. У Вас получается по Ленину. После Октябрьской революции он говорил, что взаимодействие России, Индии и Китая в их стремлении выйти на дорогу мирового развития будет во многом определять картину мира. <...>

А Вы знаете, в этот треугольник СССР — Индия — Китай стремится и Бразилия. Она буквально стучится в дверь.

Ганди. Да, это верно. <...>

Горбачев. <...> Вы подняли такие интересные вопросы, что закрывать дискуссию я не хочу. У меня есть на этот счет мысли. Некоторые из них я изложу в своем выступлении в ООН. Я хотел Вас ознакомить с некоторыми идеями, которые будут изложены в этой речи, хотя работа над ней еще не закончена. А на сказанное Вами я обязательно отреагирую в нашей следующей беседе один на один.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Вторая беседа с Ганди Дели, 19 ноября 1988 года

Продолжая обмен мнениями о развитии двусторонних отношений, собеседники обсудили некоторые проблемы, вытекающие из включения экономик двух стран в систему международного разделения труда, в частности — проблему конвертируемости национальных валют, заинтересованности торговых партнеров в твердой валюте, бюрократических препятствий в сфере экономических отношений и т.п. Вторая часть беседы была посвящена начатому накануне разговору о тенденциях и перспективах международного развития.*

Горбачев. <...> Я особо обратил внимание на ту часть Ваших рассуждений, где Вы говорили о создании в мире определенных центров силы, которые мы не можем игнорировать, размышляя о мире, о путях решения глобальных проблем. Думаю, такая постановка вопроса вполне уместна. Вчера Вы высказывали также соображения о тех шагах, которые мы могли бы предпринять для того, чтобы должным образом отреагировать на эти процессы.

* В тот же день на переговорах в составе делегаций были заслушаны сообщения сопредседателя советско-индийской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству В.М. Каменцева и министра торговли Индии Д. Сингха. Стороны высказались за активизацию усилий по развитию взаимной торговли, производственной кооперации и научно-технического сотрудничества.

Особенно с учетом того факта, что ряд развитых стран, формирующих сейчас мощные центры силы в мире, не хотели бы, чтобы наши страны, такие как Советский Союз, Индия, Китай, набирали силу и авторитет в мировой экономике и политике. Причем остановить этот процесс они не могут, но хотели бы его затормозить. <...>

Думаю, мы не можем позволить себе искать какие-то такие пути, которые вели бы по сути к отрицанию линии, которую мы сейчас проводим и которая себя оправдывает. Потенциал ее далеко не исчерпан. Прежде всего, подчеркиваю, я имею в виду Делийскую декларацию. <...>

В этом контексте хотел бы поделиться с Вами некоторыми мыслями о моей предстоящей поездке в ООН. Ее цель — придать еще большую динамику нашим усилиям, особенно в свете тех изменений, которые намечаются в связи с выборами в США и некоторыми благоприятными тенденциями в Европе. Теперь от этого общего вывода о необходимости активизировать наши усилия на основе совместно выработанного курса перейду к вопросу о том, как нам с вами реагировать на формирование «треугольника» США — ЕЭС — Япония. Будет ли правильно, если на образование одного треугольника мы будем искать ответ в создании своего треугольника или четырехугольника или надо искать другие подходы? Я думаю, наш подход должен быть таким, чтобы не допускать создания замкнутых механизмов и центров, направленных против нас. Мы все-таки не должны поддаваться искушению блокового подхода. А если такие подходы появляются против нас, то наиболее эффективно можно подорвать их посредством интернационализации усилий, прежде всего — в решении глобальных проблем. <...>

Ганди. Когда я говорил о возможности объединения наших усилий в области новой технологии, я не имел в виду создание какого-то контрблока. Если создается один блок развитых стран, то речь, конечно, должна идти не о создании контрблока, а о принятии определенных мер, которые позволят нам более успешно опираться на наши собственные технологические силы и возможности.

Горбачев. С этим я согласен.

Ганди. Что же касается изложенного Вами подхода, то я согласен с ним. Думаю, что речь действительно должна идти о том, как подорвать блоковые подходы, как вовлечь в эти усилия другие страны.

Собеседники условились продолжить беседу.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Третья беседа с Ганди Дели, вечер 19-го и утро 20-го ноября 1988 года

Горбачев информирует о своей краткой беседе с Джулиусом Ньерере⁵⁷. В крупном плане мы обсудили вопросы, которые перекликаются с тем, о чем говорили и мы с Вами, в частности о роли Движения неприсоединения, развивающегося мира.

Далее был продолжен разговор о конкретных направлениях и формах научно-технического сотрудничества между двумя странами. Горбачев высказал мнение,

что продвижение на этом пути побудит и Китай примкнуть к такому сотрудничеству. Ганди, со своей стороны, высказал ряд идей относительно возможностей расширения советско-индийского научно-технического сотрудничества.

Горбачев. Теперь о международных делах.

Что касается Китая, то здесь у нас понимание есть, дискутировать особенно не о чем. Китай будет преследовать свои интересы. Есть у него и некоторые амбиции, которые мы должны учитывать. Думаю, мы с вами можем предпринимать совместные усилия, направленные на то, чтобы отношения с этой страной улучшались, чтобы подталкивать ее в направлении сотрудничества, а не амбиций.

Ганди. Согласен с этим. У них сейчас возникли определенные трудности на пути, который они избрали, — в их ориентации на Запад. Кое-что им придется переосмысливать.

Горбачев. Да, и, как нам известно, этот процесс уже идет. <...>

Ганди. 19–21 декабря я совершу визит в Китай. Наверное, по пограничному вопросу урегулирования достигнуто не будет. Наши позиции еще слишком расходятся.

Горбачев. Хочу Вам сказать, каков наш подход к пограничным вопросам. В принципиальном плане мы на уступки ни в коем случае не пойдём. Могут обсуждаться только какие-то частности. Но наш принцип — нерушимость границ. Мы от него не отступим. Другое дело — если есть какие-то небольшие выступы, отклонения границы в ту или иную сторону. Это можно обсудить.

Сейчас Япония пытается нарастить нажим на нас по пограничному вопросу. Но наша позиция здесь будет твердой, она не изменится. Вы можете исходить из этого. <...>

Мне сообщили, что китайское посольство в Индии проявило очень большой интерес к тому, что было сказано вчера на церемонии вручения премии о треугольнике СССР — Индия — Китай. Значит, эта мысль уже работает. 5 декабря к нам прибывает китайский министр иностранных дел. Я встречу с ним. Если будет что-то заслуживающее внимания, мы Вам сообщим.

Ганди. Спасибо. Может быть, перед моим визитом в Китай нам надо было бы проконсультироваться, используя наш канал. <...>

Горбачев. Теперь о Пакистане. Будем смотреть, как развивается ситуация, обмениваться мнениями?

Ганди. Ситуация весьма подвижна.

Горбачев. Хочу Вам сказать доверительно: у нас в последнее время образовался контакт с пакистанским начальником Генштаба вооруженных сил. Что из этого выйдет — посмотрим. Если возникнет что-то, что надо учитывать, мы вам сообщим.

В этой связи Р. Ганди сообщил Горбачеву о полученной им информации относительно расследования в Пакистане обстоятельств гибели президента Зия-уль-Хака. Кроме того, собеседники обменялись мнениями о положении в Афганистане, Кампучии, Шри-Ланке, на Мальдивских островах, в Намибии и вокруг этих конфликтных зон.

*Из речи Горбачева при вручении ему премии имени Индиры Ганди
Дели, 19 ноября 1988 года*

В наших размышлениях о международной безопасности, о путях ее укрепления, естественно, большое место занимает Азия, весь Азиатско-Тихоокеанский регион.

Инициативы, обнародованные во Владивостоке и Красноярске, — это приглашение совместно искать пути к улучшению обстановки в регионе с участием всех заинтересованных государств, включая, разумеется, Соединенные Штаты.

И в особенности мы полагаемся на понимание и сотрудничество с Индией, без которой проблемы АТР неразрешимы.

Это верно также и в отношении другого великого государства — Китайской Народной Республики. Когда задумываешься о таких странах, как Советский Союз, Индия, Китай, то неизбежно приходишь к мысли, что добрые отношения между ними исключительно важны для судеб Азии и общемирового прогресса.

Мы рады, что в индийско-китайских отношениях наметилось улучшение. Обнадеживающе складываются и наши собственные отношения с Китаем. Видимо, не за горами советско-китайская встреча на высшем уровне.

ГСС. Т.12. С. 392–393.

*На Политбюро
24 ноября 1988 года
О визите в Индию*

Горбачев. Визит — важный новый шаг в укреплении одной из главных опор, на которой мы строим новые отношения и в Азии, и во всем мире. Уровень взаимопонимания с индийским руководством, с Радживом Ганди — уникальный. Они основаны не только на опыте личного доверия друг к другу. За этим — объективные причины, объективный интерес, действительно баланс интересов.

При всех нюансах Индия при Радживе Ганди восприняла нашу политику. Индийцы заинтересованы в ней. Им это нужно. Они понимают, что Запад делает все, чтобы не давать Индии хода. Именно это выводит Раджива на доверительность с нами, на обсуждение секретных вопросов.

С точки зрения большой политики, то есть воздействия на народ, сильно повлиял на наши отношения фестиваль культуры. Это хороший шаг. Даже индийская пресса, а она у них трудная, признала это. Нужны были импульсы... ведь запущен был тезис об охлаждении в наших отношениях.

Мы это открыто опровергали. Но там использовался тот факт, что что-то не получалось в экономических связях. И между прочим, тут — в торговых делах — они убедились, что «их держат» (*Запад*). Все видят, что Индия и Китай набирают силу.

Ганди очень хотел подписать экономический договор, в общем-то рутинный документ. И болезненно реагировал, когда мы первоначально отказались. И даже, когда к самолету подошли, он напомнил об этом: ему нужна была демонстрация нашей близости.

Раджив очень изменился. Стал более зрелым. Жизнь — самая хорошая школа.

Есть болезненные пункты в регионе, на субконтиненте. Мы имеем дело в Индии с великодержавной линией. Причем понимают, что без нас им ее не осуществить и что мы не хотим «отдать им ведущую роль».

Тонкость тут есть, мы ее улавливаем. Индия хочет, чтоб вокруг нее «вращались» Бирма, Бангладеш, Шри-Ланка, Мальдивы и т.д. То есть хочет иметь в этом регионе «вотчину» с вассалами. Поэтому не очень реагирует на наши инициативы о морских разоружениях в Индийском океане.

Китай для Раджива — проблема. Я ему сказал о «треугольнике»: Индия — Китай — СССР. Вроде встречено было «аплодисментами». Но...

Спросил его о границе с КНР. Ответ был: вроде урегулировали, но и не «подружились».

Так что не все там просто.

Раджив подчеркивал серьезность опасности мусульманского фундаментализма. Пакистан, Афганистан, Иран, Турция для него головная боль.

Я ему сказал, что за спиной Наджибуллы вроде «ничего такого не было» (*в смысле «руки в крови»*). Это его удовлетворило.

Странно, что он мало связан с Западной Европой. Но Пакистан вызывает у него просто крайнее раздражение.

Я ему: давайте, мол, наблюдать за ситуацией.

Беспокоят его проблемы развивающегося мира. Больше его тянет к «треугольникам»: США — ЕС — Япония; СССР — Китай — Индия. Пребывание в «третьем мире» ему, мол, не дает развернуться с повышением роли Индии.

Призвал его действовать по нашей совместной Декларации 1986 года. Давайте ставить вопрос об интернационализации мировой политики, это позволит повысить роль каждого государства, в том числе и тех, кто «терпит» притеснение от Запада. И на ООН выходить.

Большое место в переговорах заняло взаимодействие в сфере научно-технического прогресса. У Индии весьма большой потенциал здесь, он многими среди нас раньше недооценивался. Тут действительно существует взаимная заинтересованность и широкое поле взаимного дополнения. Мы подошли к чрезвычайно существенным решениям в этой сфере отношений с этой великой азиатской страной.

И еще одно наблюдение от визита. Когда видишь отношение к перестройке за рубежом, сильнее чувствуешь значение того, что мы здесь у себя делаем.

Конечно, мы должны реально смотреть на вещи, когда имеем дело с Индией. В Индии «умещаются» и самая вопиющая бедность, и самое передовое, что знает современная цивилизация.

Рыжков. Надо наше решение сформулировать в очень позитивном духе.

Горбачев. И Китай потянется, видя наше сближение с Индией. Мозги у нее есть сильные. Хорошая идея — создать совместный «мозговой центр» из ученых.

И надо покончить с пренебрежительным отношением некоторых наших служб: считают, что Индия «на ранней стадии цивилизации» и мы, мол, готовы ее учить. А между тем самим бы не вредно поучиться у них и банковскому делу, и сервису, и многому другому.

Некоторые промышленные мощности в Индии сориентированы на Советский Союз. А пока объем торговли таких двух гигантов, как СССР и Индия, — всего 3,5 миллиарда долларов.

Может быть, иметь специальное подразделение в работе на Индию. Добрынин бы возглавил. Вошли бы Каменцев, Марчук, Белоусов, Захаров. Своеобразная «индийская группа», пусть официально не оформленная.

В общем — очень серьезный визит состоялся.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем
Москва, 2 декабря 1988 года**

Горбачев. Приветствую товарища Цянь Цичэня в Москве. Ваш визит в СССР имеет важное значение. Открывается новый этап в советско-китайских отношениях.

В нашей политике в отношении Китая есть вещи, имеющие непреходящую ценность. <...>

В развитии СССР и КНР много сходных задач и проблем. Мы внимательно следим за происходящими в Китае процессами, в чем-то учимся на его опыте. С другой стороны, кое-что из того, что делаем мы, видимо, может оказать помощь китайским товарищам. <...>

Хорошо, что за последние годы общими усилиями мы переступили через то негативное, что было между нами в прошлом. При этом исходим из того, что определенная вина была и за Советским Союзом. <...>

Когда мы встречались с товарищем Ли Пэном, я предложил ему совместно подумать, как улучшить отношения между нашими странами и народами. Он высказался в том плане, что снова «младшим братом» Советского Союза Китай никогда не будет. Я сказал, что это исключено, у нас нет таких представлений о перспективах советско-китайского сотрудничества. <...>

Цянь Цичэнь. <...> Благодарю Вас за содержательные высказывания о советско-китайских отношениях. В последние годы я неоднократно бывал в Москве, но сейчас впервые приехал в качестве министра иностранных дел КНР. Нынешний визит знаменует важный этап в развитии наших отношений. Это — результат усилий и заботы руководителей обеих стран. <...>

* Приезд в Москву министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня ознаменовал вступление в активную фазу подготовки визита Горбачева в Китай. Была достигнута договоренность о поездке Шеварднадзе в Пекин и о возможном сроке официального визита Горбачева в КНР.

Китайское руководство придает большое значение этому визиту и внимательно следит за его ходом. Вчера начались наши переговоры с товарищем Шеварднадзе. У нас была длительная откровенная беседа. Предстоит обсудить много вопросов, но вчера в центре внимания была кампучийская проблема.

Горбачев. Согласен с Вами. Между СССР и Китаем уже есть определенное взаимопонимание по этому вопросу. Есть соответствующие предложения вьетнамских и кампучийских товарищей. Иными словами, сейчас складываются условия для того, чтобы вывести решение проблемы на заключительную стадию. Мы готовы к сотрудничеству с Китаем в этих целях.

Цянь Цичэнь. Я тоже считаю, что вопрос уже созревает для решения. Мы готовы к сотрудничеству с СССР, с тем чтобы способствовать скорейшему урегулированию кампучийской проблемы.

Горбачев. Насколько нам известно, позиция вьетнамских товарищей и руководства НРК отличается конструктивным настроем. У Вьетнама есть желание наладить диалог с Китаем. Мы бы это приветствовали. <...>

Цянь Цичэнь. <...> Перед народами СССР и Китая стоят сейчас нелегкие задачи в области реформ и преобразований. Важно, чтобы между нашими странами установились отношения нового типа. <...>

Горбачев. Я согласен с мыслью о том, чтобы строить наши отношения как отношения нового типа. Через два-три года возрастут наши возможности в области новых технологий. Мы можем объединить усилия в осуществлении перестройки и модернизации. <...>

Эта тема присутствовала в наших беседах с Радживом Ганди. <...> Когда он возглавил индийское правительство, у него возникло намерение дать обществу дополнительную динамику за счет сотрудничества с Западом. <...> Однако теперь видно, что этот расчет не оправдался. Как показала практика, Запад не настроен развивать сотрудничество в тех областях, которые вывели бы Индию на дорогу научно-технического прогресса, хотел бы держать Индию на расстоянии. Во всяком случае, Ганди сейчас убежден, что интересам его страны отвечало бы более интенсивное сотрудничество с Советским Союзом, с Китаем. <...>

Чтобы подтолкнуть процесс перестройки международных отношений, задать ему необходимый темп, необходимо участие всех государств. Разумеется, Советский Союз и Китай, так же как Индия и другие страны, призваны сыграть в этом важную роль. Не стоит вопрос о советско-китайском союзе, о каких-то общих «тайнах» Москвы и Пекина. Пусть каждая страна самостоятельно вносит свой вклад в общемировой процесс. <...>

С учетом всех обстоятельств я готов поехать с визитом в Пекин. Встреча на высшем уровне придаст другим измерения и масштабы процессу, который разворачивается сейчас в советско-китайских отношениях. <...>

Мы выдвинули соображения по оздоровлению обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Хотел бы, чтобы нас правильно понимали: у СССР нет намерений ущемить чьи-либо интересы в этом районе. Мы ведем открытую, честную политику, выдвигая цели, которые, как нам представляется, отвечают интересам Китая, Индии, всех государств региона. <...>

У Китая широкие связи с Пакистаном. Давайте в рамках обмена мнениями между СССР, Китаем, Пакистаном совместно подумаем о путях превращения Афганистана в подлинно независимое, неприсоединившееся государство. Мы хотели бы видеть в Афганистане именно такой режим. <...>

Цянь Цичэнь. <...> Несколько слов о советско-китайской встрече в верхах. Три года назад товарищ Дэн Сяопин выступил с инициативой о проведении такой встречи. Сейчас руководители обеих стран думают над этим вопросом. Естественно, встреча такого масштаба — это важное событие, к ней надо хорошо подготовиться. Мой визит в Москву — часть такой подготовки.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**На Политбюро
16 февраля 1989 года**

О визите Шеварднадзе в КНР

Шеварднадзе предлагает согласиться на то, чтобы уступить китайцам кое-что территориально в районе Хабаровска — в обмен на 27 тысяч квадратных километров на Памире.

Горбачев. Мы вышли напрямую к главным проблемам наших отношений, спокойно, без ажиотажа. Они выдвинули формулу о «трех препятствиях». Пусть. С нашей стороны никаких извинений не последует. От вопроса, кто виноват, не уйдешь. Но не надо сейчас этим заниматься. Мы выходим на очень серьезное дело, задеваем весь мир. Все это понимают.

Я Бушу сказал: и нам, и вам придется исходить из того, что Китай не будет ни нашим, ни нашим. Весь мир двинулся к новому времени. Каким там будет Китай, зависит и от нас, и от вас. И в этом совпадают интересы СССР и США.

Эдуард (*Шеварднадзе*) ведь ездил в Японию. И в Пекине побывал. И вроде как ушли от ненужных объяснений — кто первый протянул руку, мы или они.

Очень важный шаг сделали. Для мировой политики. Будем восполнять то, что упустили за десятилетие вражды, во всех аспектах.

Надо налаживать живые обмены на границах...

А коррупция у них как у нас!

О визите Шеварднадзе в Пакистан

После обсуждения решили направить в Пакистан Крючкова (по афганским делам).

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

**На встрече с советскими послами в соцстранах
3 марта 1989 года**

Горбачев. Китай. Без эйфории надо строить отношения. Не подталкивать события. И не пугать Запад сближением (с Китаем). Я сказал китайцам об этом. Они подхватили эту мысль. Это такое дело, где шум не нужен.

Спокойно, без громких слов надо вести нашу линию. Не надо, чтобы они чувствовали, что — на крючке.

Вот так, как с Югославией действовали. Теперь сами тянутся к нам.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с послом Индии в СССР Т.Н. Каулем
12 апреля 1989 года*

Посол передает «важное обращение» премьер-министра Р. Ганди и сообщает о его желании по пути из Парижа на родину сделать остановку в Москве для беседы с Горбачевым «с глазу на глаз».

Горбачев. Считайте, что мы об этом договорились.

По поручению премьер-министра, посол передает несколько его соображений, касающихся озабоченности ситуацией в Афганистане после вывода советских войск, а также в Кампучии; информирует о положении в Индии и вокруг нее. Ссылаясь на опыт многопартийности в Индии, советует «не вставлять на путь многопартийности».

Кауль. Что нас беспокоит — это исламский фундаментализм. Он может привести к активизации фундаментализма и в других религиях. Мы не хотим, чтобы в Афганистане пришло к власти правительство исламских фундаменталистов. Поэтому мы надеемся, что позиции Беназир Бхутто⁵⁸, ее способность противостоять муллам и военным будут укрепляться.

Мы довольны, что и Китай против исламских фундаменталистов. Не удивительно — ведь у них 50 миллионов мусульман в Синьцзяне. Большое мусульманское население и у вас. <...>

Горбачев подтверждает согласие встретиться в Москве с Ганди, дает оценку ситуации в Афганистане, выражает готовность продолжать взаимодействие с премьер-министром в этом вопросе.

Горбачев. О Китае. Накануне моего визита китайцы маневрируют, хотят показать, что они не пойдут слишком далеко в сближении с нами. Мы тоже, конечно, должны быть осмотрительными. Не надо пугать американцев. Надо действовать спокойно, постепенно.

Что же касается учета интересов Индии, то, как мы и договорились с премьер-министром, это будет оставаться для нас первостепенным принципом. А если будут возникать вопросы, затрагивающие вас, будем их обсуждать.

В конце беседы Горбачев кратко информирует посла о своих визитах на Кубу и в Великобританию.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Японии Сосуке Уно
Москва, 5 мая 1989 года*

Горбачев (после приветствия). По-моему, мы не используем весь потенциал для того, чтобы советско-японские отношения приобрели более масштабный характер. И это касается не только экономической сферы. Отношения с другими странами уже обгоняют по динамике и по масштабу наши отно-

шения с Японией. Нам это кажется не совсем нормальным, учитывая вес СССР и Японии.

Не хочу навязывать наше кредо, какими эти отношения должны быть. Наверное, не созрела ситуация. Но идет вызревание ситуации в том плане, чтобы советско-японские отношения были более динамичными, более широкими, более богатыми по содержанию.

Уно передает устное послание премьер-министра Японии Нобору Такэситы, состоящее из трех пунктов.

Первое. Премьер-министр подчеркивает, что высоко ценит начавшийся с декабря прошлого года диалог между обеими сторонами, который они активно ведут, стремясь к улучшению отношений. Он искренне желает, чтобы обе стороны бережно сохранили эти ростки и содействовали их росту.

Второе. Имеющиеся в двусторонних отношениях трудности мы не должны оставить как бремя для последующих поколений. Необходимо в наши дни приложить силы для их устранения. Это наша миссия руководителей двух стран.

Третье. Правительство и народ Японии от всего сердца приветствуют и ожидают Ваш визит в Японию. Премьер-министр высказывает пожелание, чтобы Вы своими глазами увидели Японию и на высшем уровне откровенно вели дискуссию о путях развития японо-советских отношений. <...>

Дополняя послание премьер-министра, Уно подчеркивает важность продвижения к заключению мирного договора и в этом контексте – решения проблемы «северных территорий».

Горбачев. Я Вас выслушал внимательно. И первое, что приходит на ум: как расценивать Вашу информацию? Что-нибудь в наших отношениях меняется к лучшему или нет? Мне все-таки кажется, что атмосфера меняется. Диалог стал другим. Появились новые механизмы, в том числе рабочие группы по заключению мирного договора. Какой-то процесс все-таки идет. Я – за продолжение диалога. В этом плане наши позиции совпадают. Я – за то, чтобы ростки доверия укреплять, превращать в древо сотрудничества и дружественных отношений. Я – за то, чтобы продвигать процесс взаимопонимания к лучшему, не оставляя никаких вопросов в стороне. Хочу лишь добавить, что в этом контексте я считаю визит в Японию необходимым. И думаю, не нужно создавать для этого тепличные условия. Это еще один уровень отношений. Поэтому я отношусь по-деловому к визиту. Я хотел бы попросить Вас при размышлениях об итогах Вашего визита в Советский Союз обратить внимание на две вещи. Ваше дело – воспользоваться ими или нет.

Первое. В позиции Японии присутствует элемент заблуждения, что Советский Союз больше заинтересован в развитии отношений, чем Япония. Если это так, то трудно будет рассчитывать на продвижение.

Второе. Если заниматься реалистической политикой, то она предполагает признание суверенных интересов, которые есть у каждой стороны. И нужен баланс этих интересов. Другой перспективы для наращивания наших отношений я не вижу. Любая политика, если она чего-нибудь стоит, должна исходить из реальностей, не отрываться от реальностей и не заблуждаться в своих оценках. Нужно стоять на почве реальностей. <...>

Еще два соображения, и хотел бы услышать Вашу реакцию.

Первое. Очевидно, Вы обращаете внимание, что, занимаясь разоружением, мы не забываем наш Восточный регион. Мы учитывали и озабоченности Японии, когда решали вопросы ликвидации РСМД. Сейчас на взаимной основе идет, и весьма серьезно, процесс ослабления военного противостояния на советско-китайской границе. Но у нас есть вопросы к вам. Получается, что мы снижаем уровень военного потенциала на Востоке, а в Японии происходит его наращивание, особенно в сочетании с военным потенциалом США. А Япония могла бы внести вклад, чтобы безопасность укреплялась на более низком уровне баланса.

И второе. У меня такое впечатление — может быть, вы его рассеете — что Японии и США не очень подходят наши владивостокские и красноярские инициативы. Хотя в них содержится приглашение не наращивать военный потенциал в АТР, куда перемещается центр цивилизации.

Почему наши инициативы не очень нравятся Японии и США? В чем дело? Вы нас в чем-то подозреваете? Мы за то, чтобы по всем этим вопросам сотрудничать и с вами, и с американцами. <...>

Отвечая на поставленные вопросы, собеседник говорит о высокой оценке в Японии Договора по РСМД, выражает надежду на развитие переговоров по СНВ, излагает свои соображения относительно озабоченностей Японии в вопросах безопасности.

Уно. В заключение хочу сказать, оценивая сегодняшнюю беседу, что только благодаря тому, что Советским Союзом руководите Вы, такие обстоятельные откровенные беседы стали возможными. Прежде в японо-советских отношениях этого не было. Я хочу подробно передать японскому народу все, о чем мы сегодня беседовали с Вами.

Японцы внимательно следили за Вашими встречами с Рейганом, хорошо знают Вас по телевидению. Вы пользуетесь у нас огромной популярностью. С Вашей политикой — одного из лидеров современного мира — японцы связывают надежды на уменьшение конфронтации между Востоком и Западом. <...>

Горбачев. <...> Хочу передать через Вас японскому народу чувства уважения нашего народа и пожелание строить отношения на принципах добрососедства.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из заявления Горбачева в пекинском аэропорту
15 мая 1989 года**

Мы рассчитываем на то, что встречи и переговоры, которые состоятся у нас с китайскими руководителями, будут иметь этапное значение для от-

* 15–18 мая 1989 года М.С. Горбачев посетил Китайскую Народную Республику с официальным визитом. В пекинском аэропорту его встречал Председатель КНР Ян Шанкунь. В последующие два дня состоялись встречи и переговоры с китайскими руководителями — Председателем Военного совета ЦК КПК и Центрального военного совета КНР Дэн Сяопином, Председателем КНР Ян Шанкунем, Премьером Госсовета Ли Пэнэном, Генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяном, первым секретарем Шанхайского горкома КПК Цзян Цземинем, мэром Шанхая Жу Жунцзы и другими. По итогам визита было принято Совместное советско-китайское коммюнике.

ношений между СССР и КНР, их дальнейшего развития на общепризнанных принципах межгосударственного общения и добрососедства.

Такое развитие советско-китайских отношений, как мы полагаем, адекватно отражало бы коренные интересы обеих стран и гармонично вписывалось в позитивные перемены, обозначившиеся в мире.

Мы в Советском Союзе с большим интересом и вниманием следим за преобразованиями, которые разворачиваются в Китае, но, конечно, ничто не может заменить личного знакомства со страной, прямого общения с ее руководством и народом.

ГСС. Т. 14. С. 198–199.

*Из речи Горбачева на обеде в здании ВСНП в Пекине
15 мая 1989 года*

Человечество находится на распутье. <...> Каждая страна, каждый народ в этой ситуации по-новому осмысливают свое место в мире. Мы начали такой углубленный анализ четыре года назад, и вместе с перестройкой родилось то, что широко известно сейчас как новое политическое мышление.

Уважаемые китайские товарищи знакомы с его основными идеями. Мы готовы преломить их на практике в своих отношениях с Китаем.

Позвольте мне использовать в данном случае традиционную для вашей страны политическую лексику и изложить свой подход к развитию советско-китайских отношений с помощью трех утверждений.

Мы говорим свое первое «да» таким общепризнанным принципам международного общения, как взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равноправие, взаимная выгода и мирное сосуществование.

Мы говорим «да» сотрудничеству в экономике и культуре, активному политическому диалогу на всех уровнях и по государственной и общественной линиям. Убеждены, что такое сотрудничество пойдет на пользу нашим народам, поможет им успешнее достигать поставленные перед собой масштабные цели.

Наконец, мы говорим «да» взаимодействию наших стран в решении актуальных международных проблем. Конечно, Советский Союз и Китай независимы в принятии решений, у каждого есть свои приоритеты, наши точки зрения не всегда совпадают. Но существует широкое поле, где такое взаимодействие и возможно, и целесообразно. Это в первую очередь относится к нашему совместному вкладу в решение глобальных проблем современности, в упрочение мира и безопасности на Азиатском континенте.

Три эти утверждения, положенные в основу подготовки нынешней встречи, красноречиво свидетельствуют, что улучшение советско-китайских отношений не направлено против какой-либо третьей страны. А выигрывает от него в конечном счете все мировое сообщество.

ГСС. Т. 14. С. 201–202.

*Разговор с Медведевым по телефону из Пекина
15 мая 1989 года*

Вечером, когда в Пекине было уже половина первого ночи, позвонил Горбачев. В Пекине, по его словам, обстановка бурная. Улицы и площадь Тяньаньмынь запержены студентами, раздаются лозунги в честь Горбачева и против своего руководства. Довольно щекотливая ситуация.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из разговора с Дэн Сяопином
Пекин, 16 мая 1989 года*

Горбачев. <...> Думаю, что мы можем поздравить друг друга с нормализацией отношений между нашими странами. Я разделяю Ваши взгляды на состояние мира. Отношения между СССР и США, СССР и КНР, великими державами, да и в целом международная обстановка переходят в новое русло. При рассмотрении ключевых проблем современности, проблем мирового социализма мы с вами обнаружили большое число совпадающих моментов, поэтому и удалось начать движение навстречу друг другу. <...>

Дэн Сяопин. Я знаю, что Вы также за то, чтобы смысл, итог нашей встречи можно было выразить формулой из восьми иероглифов, которые в переводе на русский язык означают: «закрывать прошлое, открывать будущее».

Горбачев. Мы приняли эту формулу и также считаем, что следует подвести черту под прошлым, обратив свои взоры в будущее.

Дэн Сяопин. Каким образом можно закрыть прошлое и открыть будущее? Давайте так, после этой нашей встречи мы больше не будем ворошить прошлое. А сейчас все же коснусь этой темы.

Далее Дэн Сяопин говорил о прежних угрозах Китаю, о несправедливостях, которые его страна терпела от Великобритании, Португалии, царской России и от Советского Союза.

Горбачев (после ответа на упреки в адрес Советского Союза). Историю не перепишешь, ее заново не составишь. Если бы мы встали на путь восстановления прошлых границ на основе того, как обстояло дело в прошлом, какой народ проживал и на какой территории, то, по сути дела, должны были бы перекроить весь мир. Это привело бы к всемирной схватке! Принцип нерушимости границ придает миру стабильность, сохраняет его. Мы исходим из реальностей.

Поколение, к которому принадлежу я, с малых лет воспитано на чувстве дружбы к Китаю. В годы его борьбы против японской агрессии мы были на стороне китайского народа.

Дэн Сяопин. Что касается исторических вопросов, то я их коснулся для того, чтобы поставить точку. Пусть ветер сдует эти вопросы. И после нашей встречи мы уже не будем возвращаться к этой теме. Будем считать, что изложили свои взгляды. Это был просто рассказ. Будем также считать, что с прошлым покончено.

Дэн Сяопин (Deng Xiaoping) (1904–1997) — выдающийся китайский революционер, государственный деятель, политик и реформатор. В 1920 году отправился на учебу во Францию, где увлекся коммунистическими идеями. В 1925–1926 годах находился в СССР. Вернувшись в 1926 году в Китай, участвовал в Великом походе на северозапад страны (1934–1935), командовал коммунистическими отрядами, сражавшимися против японцев (1937–1945) и Гоминьдана (1945–1949). В 1945 году был назначен секретарем Коммунистической партии Китая. В 1952 году, после победы коммунистов и образования Китайской Народной Республики, стал вице-премьером, а в 1954 году — Генеральным секретарем КПК.

Позднее Мао и Дэн разошлись в понимании путей развития Китая. Политика «большого скачка», начатая Мао в 1958 году, привела к катастрофе. Дэн, на которого возложили задачу восстановления экономики, был сторонником неприемлемой для Мао «прагматической» линии. В ходе «культурной революции» 1966–1969 годов он и его сторонники подверглись репрессиям. В 1973 году Дэн был реабилитирован и назначен заместителем премьер-министра, а в 1975 году — заместителем Председателя ЦК КПК, членом Политбюро и начальником Генерального штаба, что позволило ему сосредоточить в своих руках огромную власть. Однако после смерти Чжоу Эньляя (второе лицо в КНР и КПК после Мао) в январе 1976 году захватившие власть руководители КПК (так называемая «банда четырех») отстранили Дэна. Со смертью Мао в сентябре 1976 года Дэн вновь вернулся к руководству (июль 1977). Хотя он никогда не занимал официального поста в высшем руководстве страны, именно он был фактическим лидером Китая с конца 1970-х до начала 1990-х годов. Унаследовав после «культурной революции» страну с разоренной экономикой, сотрясаемую социальными и политическими конфликтами, Дэн предложил план развития Китая согласно принципу «социализма с китайской спецификой». Стал инициатором глубоких экономических реформ, интеграции страны в мировой рынок. Он заложил основы современного экономического подъема Китая и превращения его в одну из главных великих держав.

В 1986 году Дэн направил послание Горбачеву с предложением встретиться для нормализации советско-китайских отношений. В 1990-х годах, несмотря на ухудшение состояния здоровья, Дэн сохранял значительное влияние на политическую жизнь. Умер в Пекине 19 января 1997 года.

Горбачев. Хорошо. Давайте поставим на этом точку.

Излагая в своих мемуарах эту беседу, Горбачев прокомментировал ее следующим образом: «Прежде всего, меня интересовали соображения Дэн Сяопина о том, какими путями и в какие сроки можно выйти на масштабное развитие двусторонних отношений. Я имел в виду и политический диалог, и экономические связи, и обмен в области науки и культуры, подготовки кадров — при том, разумеется, понимании, что каждый принимает решение, которое он считает для себя выгодным и приемлемым.

Мне показалось, что к обсуждению таких вопросов в конкретном плане он не был готов. Тем не менее Дэн сказал: “С нормализацией отношений — а мы считаем, что Ваш визит и есть нормализация отношений по линии государственной и по линии партийной, — контакты и связи между двумя странами возрастут, темпы их развития будут высокими”.

Затем я высказался в пользу быстрее решения кампучийской проблемы. Он согласился, что теперь, когда мы будем сотрудничать, открываются возможности быстрее развязать этот узел. Свою встречу с Дэном я хотел использовать и для того, чтобы как-то содействовать нормализации отношений между Китаем и Вьетнамом. Но когда я предложил возобновить и расширить диалог между ними, то Дэн Сяопин напрямую заявил, что, по его убеждению, “только Советский Союз может повлиять на Вьетнам”. Без этого в продуктивность китайско-вьетнамских переговоров он не верил».

*Горбачев М.С. Жизнь и реформы.
Кн. 2. М., 1995. С. 435–440.*

Из выступления Горбачева на встрече с китайской общественностью Пекин, 17 мая 1989 года

Советско-китайскую встречу на высшем уровне мы вправе рассматривать как важный рубеж. За нашей спиной остается долгий период взаимного отчуждения. Перед нами — будущее, которое предстоит совместно формировать. <...>

Советский Союз и Китай имеют, естественно, свои подходы к тем или иным проблемам и оценке явлений. Это не должно рассматриваться как камень преткновения для сотрудничества. Стремление искать приемлемые решения при взаимном уважении взглядов и позиций — вот единственно разумный подход. Именно так шли наши страны к нынешней знаменательной встрече, и каждый из нас проделал свою часть пути. <...>

За последние годы с обеих сторон приняты меры по снижению уровня военного противостояния вдоль советско-китайской границы. Как известно, после 1985 года мы сократили свои Вооруженные Силы на Дальнем Востоке, в одностороннем порядке взяли обязательство не увеличивать наземные и воздушные ядерные средства.

В соответствии с советско-американской договоренностью в восточной части СССР будет уничтожено 436 ракет средней и меньшей дальности.

В 1989–1990 годах размещенная здесь группировка советских войск будет уменьшена на 200 тысяч человек, в том числе на 120 тысяч — на Дальнем Востоке. Могут сообщить, что сухопутные войска сокращаются на 12 дивизий, расформируются 11 авиаполков, исключаются из состава Тихоокеанского флота 16 боевых кораблей.

В мае мы приступили к очередному сокращению войск в Монголии: в течение 1989–1990 годов будут выведены три дивизии в полном составе, включая две танковые, а также вся авиационная группировка.

Начата структурная перестройка в наших войсках, расположенных вдоль советско-китайской границы, — с тем чтобы они вполне соответствовали принципу разумной оборонительной достаточности. Мы готовы вести дело к тому, чтобы на согласованной с Китаем основе вывести из приграничных районов военные подразделения и вооружения, оставив лишь персонал, необходимый для несения обычной пограничной службы.

Демилитаризация советско-китайских рубежей, превращение их в границу мира и добрососедства — хорошая цель, которую мы могли бы достичь совместными усилиями.

Широкое поле для взаимовыгодного сотрудничества открывается в главной сфере человеческой деятельности — экономике. <...> ...Мы могли бы, как представляется, уже в ближайшее время обеспечить существенное наращивание советско-китайских экономических связей в интересах обеих стран. Причем и в таких традиционных сферах, как обмен сырьевыми и промышленными товарами, содействие в создании энергетических мощностей, и в самых современных по нынешним понятиям областях разработки и применения передовых технологий. <...>

При подготовке к поездке сюда, в Пекин, наши специалисты высказали мнение, что одной из весьма эффективных сфер советско-китайского сотрудничества могло бы быть строительство трубопроводов для транспортировки «жидкого угля». Это, кстати, одно из многообещающих направлений развития современной энергетики, привлекающее внимание во всем мире.

Перспективным обещает стать совместное освоение нового «Шелкового пути» из Китая в Европу — по железнодорожной магистрали Пекин — Урумчи — Алма-Ата — Москва, строительство важного участка которой завершится в ближайшие годы. <...>

Расширение и углубление советско-китайских торгово-экономических связей мы рассматриваем и под углом зрения намечающегося общеазиатского процесса экономической интеграции. У нас с большим вниманием анализируется китайский опыт открытой экономической политики и рассматривается сейчас вопрос об организации зон совместного предпринимательства, в том числе в ряде приграничных с КНР районов. <...>

В Азии немало очагов военной напряженности, способных в любой момент полыхнуть пламенем. И вместе с тем именно здесь Чжоу Эньлай⁵⁹ и Джавахарлал Неру⁶⁰ сформулировали в свое время принципы «Панча шила». Соединение традиционной индийской концепции ненасилия и древнекитайской философской идеи гуманности — «жэнь» оказалось созвучным исканиям и заботам современного мира. <...>

Мы убеждены, что есть реальная возможность и необходимость найти общий знаменатель для существующих здесь многообразных интересов и позиций. А это требует, прежде всего, преодолеть любые поползновения к гегемонизму и давлению, исключить любое вмешательство во внутренние дела.

Может ли какое-либо государство принять на себя роль «гаранта» стратегической, социально-экономической, политической безопасности в Азии, в бассейнах Тихого и Индийского океанов? Очевидно, нет. Подлинная безопасность и стабильность могут быть обеспечены лишь усилиями всех присутствующих здесь государств.

Во Владивостоке и Красноярске мы выступили с призывом сообща искать пути к перестройке отношений между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, чтобы не допустить превращения его в арену опасного военного противоборства. Это было приглашение вместе подумать, как урегулировать региональные конфликты, поставить заслон распространению ядерного оружия, ограничить военно-морскую активность, сократить вооруженные силы, выработать меры доверия.

Нет необходимости говорить, что решение общих задач в огромной мере зависит от состояния двусторонних отношений между государствами. С этой точки зрения мы придаем большое значение развитию дружественных отношений Советского Союза со всеми странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Нормализация советско-китайских отношений — это, безусловно, крупнейшее событие последнего времени. <...>

В АТР пока нет сложившихся переговорных структур, нет механизма регулярных многосторонних консультаций. И возникает вопрос: не пора ли усилиями всех заинтересованных государств при поддержке и помощи со стороны Объединенных Наций дать толчок тому, что можно было бы назвать общеазиатским процессом? <...>

Мы со своей стороны, в силу географического положения Советского Союза, чувствуем особенно остро причастность к контактам Азии с Европой; «мосты», соединяющие цивилизации обоих континентов, проходят, можно сказать, и через просторы, и через духовную жизнь нашей страны.

А с другой, восточной стороны Тихий океан не отделяет в наши дни, наподобие барьера, Азию от Америки, наоборот, служит своего рода связующим звеном. Отсюда и проблема безопасности в Азии — интегральная часть безопасности всеобщей, глобальной.

ГСС. Т. 14. С. 207–211, 217–218, 220–221.

*Из интервью Центральному телевидению Китая и Пекинскому радио
17 мая 1989 года*

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, за последние 30 лет Вы первый из высших советских руководителей, прибывший в Китай. Вы провели с руководителями нашей страны диалог по нормализации отношений между двумя странами, по международным вопросам, представляющим общий интерес для обеих сторон. Как Вы смотрите на эти встречи, диалог? Как Вы оцениваете их?*

Горбачев. <...> Нынешний визит и состоявшиеся в рамках этого визита переговоры руководителей наших обеих стран — это рубежное событие. Я очень доволен атмосферой, в которой проходили встречи. Она была открытой, дружеской. <...>

Состоялась беседа с товарищем Дэн Сяопином, беседы с товарищами Ли Пэном и Чжао Цзяняном. Мне кажется, и вы, и мы можем с большим удовлетворением сказать, что итоги этих переговоров огромны. Мы выходим на новый этап, под прошлым подведена черта, перед нами открываются большие возможности для сотрудничества. Мы были принципиальны, мы были откровенны, и это позволило нам обменяться мнениями по широкому кругу проблем. <...>

Естественно, главным вопросом были советско-китайские отношения. Говорили мы об этом и с товарищем Дэн Сяопином, и особенно подробно с товарищем Ли Пэном и Генеральным секретарем ЦК КПК товарищем Чжао Цзяняном. Мы констатировали: то, что происходит, — это хорошо. Однако возможности, которыми располагают наши партии, наши народы, наша наука и техника, используются не только далеко не полностью, но и пока в очень незначительной мере. И сегодня мы продолжаем переговоры, руководствуясь нашим общим пониманием и согласием в том, что надо придать новый динамизм нашим отношениям, предпринять реальные шаги. <...>

Корреспондент. *Вы начали диалог, и теперь этот диалог можно продолжать?*

Горбачев. Да, мы так и договорились. Мы решили создать по главным направлениям реализации договоренностей рабочие механизмы. Так что, видите, это не просто планы. И дело будет. <...>

Корреспондент. *Как Вы считаете, что нужно сделать в будущем для установления межгосударственных отношений нового типа между Китаем и СССР? Как Вы смотрите на перспективу китайско-советских отношений?*

Горбачев. Мы об этом говорили и пришли к общему согласию. Это должны быть отношения равных государств, уважительные отношения, основанные на сотрудничестве, на невмешательстве, на уважении ценностей друг друга, культуры, права распоряжаться всем внутри своей страны. В общем, на общепризнанных принципах мирного сосуществования.

ГСС. Т. 14. С. 225–228.

*На пресс-конференции в Пекине
17 мая 1989 года*

Горбачев. <...> Мы всесторонне обсудили перспективы советско-китайских отношений и договорились, что они будут базироваться на универсальных принципах межгосударственного общения, на принципах мирного сосуществования. При этом исходили из того, что нормализация отношений между нашими странами не направлена против третьих стран, не ущемляет чьих-либо интересов, органично вписывается в нынешние тенденции мирового развития. Иначе говоря, ни Советский Союз, ни Китай после

состоявшихся переговоров не должны будут заняться пересмотром своих отношений с другими странами. Больше того, стабильное здоровое развитие советско-китайских отношений само по себе — и это точка зрения и советской и китайской стороны — будет стимулировать здоровые тенденции в международном сообществе. <...>

Нет нужды говорить, какое значение для советско-китайских отношений имеет установление режима добрососедства и демилитаризации границ между нашими странами. Мы согласились вести дело к сокращению вооруженных сил в районах советско-китайской границы до минимального уровня. Решено создать для этого рабочий переговорный механизм. Основательно обсужден и ход работы по пограничному урегулированию, условились придать ей новый импульс и с этой целью предусмотрели возможность обсуждения наиболее важных вопросов на уровне министров иностранных дел.

Практически в ходе всех проведенных бесед ставился вопрос о целесообразности использовать большие возможности, заложенные в советско-китайских экономических связях. Мы с товарищем Ли Пэном были общего мнения, что сотрудничество надо ставить на долговременную основу, придавать ему долговременный характер и шире внедрять современные формы: прямые связи, кооперацию, создание совместных предприятий, конструкторских бюро и т.д. В качестве перспективных направлений назывались энергетика, металлургия, транспорт, производство товаров народного потребления. <...>

К крупным результатам визита следует отнести нормализацию отношений между КПСС и КПК. Это отмечалось в беседах с товарищами Дэн Сяопином и Чжао Цзяняном. <...>

Среди многих вопросов был задан такой:

Вопрос. *Как сказал вчера Дэн Сяопин, владивостокская речь дала толчок движению наших стран навстречу друг другу. Какую роль, по-вашему, может сыграть нормализация советско-китайских отношений для перспектив общеазиатского процесса, о котором Вы говорили сегодня утром на встрече с представителями китайской общественности?*

Ответ. Благодарю за этот хороший вопрос. Знаете, почему он хороший? Это тот самый регион, где в значительной мере будет решаться судьба нашей цивилизации. От того, в каком направлении пойдут процессы здесь, во многом зависит, в каком направлении пойдет весь мир. В связи с этим надо приветствовать каждый шаг любого государства или группы государств в направлении, которое будет способствовать оздоровлению ситуации, снимать напряженность, сдерживать гонку вооружений.

Еще только зарождается общеазиатский, тихоокеанский процесс. И если в такое ответственное время происходит нормализация отношений двух больших миролюбивых государств, которые ведут ответственную международную политику, то они делают важный вклад в оздоровление процессов в регионе.

На Политбюро
20 мая 1989 года
О визите Горбачева в Китай

Информация принята без обсуждения.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

Из доклада Горбачева на первом Съезде народных депутатов СССР
«Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР»
30 мая 1989 года

Мы будем неуклонно продолжать владивостокскую линию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Многообразие задач здесь еще большее. Со многими странами определились и «повестка дня», и тональность отношений — доброжелательная, конструктивная, уважительная. Есть здесь, как везде, страны, отношениям с которыми будем и впредь уделять особое внимание, и в первую очередь великая Индия.

ГСС. Т. 14. С. 365.

Из беседы с Радживом Ганди
Москва, 15 июля 1989 года*

В начале беседы Горбачев изложил свое видение меняющейся ситуации в мире, говорил о позиции новой администрации США, о европейских делах, о региональных проблемах (Афганистан, Ближний Восток, Иран, Камбоджа), о ситуации в Китае после прокатившихся там массовых выступлений.

Горбачев. Существенные сдвиги, перемены происходят на всех направлениях международной жизни. В значительной мере — это позитивные сдвиги, но есть и негативные моменты. Я бы сказал, что в целом картина противоречивая. Мы внимательно анализировали поведение американцев, их «стратегический обзор»⁶¹. <...>

Если говорить о наших взаимоотношениях с новой американской администрацией, то мы довольно долго ждали, проявляли понимание, что ей нужно определиться. Сейчас уже можно сделать кое-какие выводы. Если в целом охарактеризовать позицию нынешней администрации, то она довольно противоречива. С одной стороны, имеются определенные признаки преемственности, желание продолжить диалог, который был начат при администрации Рейгана, вносить что-то новое в наши отношения. Но вместе с тем мы видим и наличие определенных элементов мышления в духе «холодной войны», конфронтационных подходов. <...>

* Раджив Ганди, возвращаясь на родину из поездки во Францию по случаю очередного саммита «семерки», остановился в Москве, где согласно достигнутой ранее договоренности прошла его новая встреча с Горбачевым. Встреча состоялась на фоне важной перемены на политической сцене в США, где в январе 1989 года вступил в должность новый президент — Дж. Буш-старший.

Если говорить о переговорном процессе, то мы отмечаем, что та переговорная динамика, которая была при Рейгане, несколько пошла на убыль. Они ужесточают свои подходы. Например, в Женеве на переговорах о 50-процентном сокращении стратегических вооружений. И это ужесточение идет под надуманными предложениями. Думаю, им не нравится, что мир меняется к лучшему. Ведь надо понимать так, что раз мир изменяется к лучшему, то надо пересматривать роль США, как, разумеется, и роль СССР, Индии и т.д. Но им этого не хочется. <...>

О региональных конфликтах. У меня складывается такое впечатление, что в деле разблокирования региональных конфликтов прогресс замедлился. Думаю, что это из-за американцев. Возьмем Афганистан. Здесь они явно торпедируют процесс урегулирования. <...>

По-моему, через АСЕАН они пытаются чинить препятствия и камбоджийскому процессу. <...> Я отмечаю, что США начали предпринимать определенные шаги и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, видимо, опасаясь, что США и Япония будут потеснены здесь Советским Союзом, Китаем, Индией. Недавнее выступление Бейкера явно отражает такие подходы. Мне думается, что в АТР будет складываться сложная ситуация.

Теперь о Китае. Вы знаете, что у нас нормализовались отношения с Китаем. Но потом вмешались известные внутривосточные события в этой стране, они осложнили положение. Мы старались давать взвешенные оценки. Это понятно. Политикам приходится быть осторожными в таких вещах. Тем более когда речь идет о такой стране, как Китай. О стране с населением более 1 миллиарда человек. Это ведь целая цивилизация. И скоропалительные суждения нанесли бы только вред. Это было бы вмешательство во внутренние дела страны. Правда, теперь некоторые люди говорят, что Горбачев пытался оправдать то, что произошло в Китае. Мы ничего не оправдываем, но в то же время мы должны проявлять осторожность в оценках. <...>

Что касается СССР и Индии, то, я думаю, Китай в результате последних событий от нас и от вас не отдалится. Они были признательны за нашу взвешенную реакцию, и, может быть, теперь будут больше ценить добрые отношения с нами и вами. <...>

Ганди (*делясь впечатлениями от визита во Францию, переговоров с Миттераном и другими западными лидерами*). <...> Прежде всего, хочу сказать, что по моим наблюдениям, налицо фундаментальное различие в подходах и видении мира, в том, как его видите вы, мы, большинство европейских стран, с одной стороны, и США и Англия — с другой. Не важно, в какие слова это облекается — суть, содержание их подходов в течение веков не изменились. С их стороны сильно чувствуется феодальный, колониалистский подход, и они не могут от этого отойти. Оценивают мир с позиций: черное — белое, хорошо — плохо, с нами — против нас. А промежуточных моментов не видят. <...>

Позвольте коснуться ситуации в Китае. Мне кажется, что многое из того, что произошло в Китае, и особенно накал напряженности, предшествовавший взрыву, возникло в силу того, что руководство Китая оказалось не готово воспринять изменения в настроениях своего народа, которые, в свою оче-

редь, развивались вследствие социальных и экономических перемен во всем мире. И вдруг китайское руководство осознало, что ситуация выходит из-под контроля, что старые формулы уже не срабатывают. Они допустили промедление и вследствие этого произошло ухудшение обстановки. <...>

В этой связи два лидера обменялись впечатлениями от своих визитов в Китай, отметив необходимость извлечь уроки из происшедших там трагических событий. Они согласились в том, что в политике по отношению к Китаю надо соблюдать взвешенный подход.

Ганди. Хочу сказать, основываясь на моих беседах с руководителями семи ведущих западных стран в Париже, что все они, кроме Буша, очень положительно смотрят и готовы начать переговоры об установлении нового мирового экономического порядка. Буш не был целиком и полностью против этого, но он не был и готов поддержать такое предложение. Он, похоже, не был готов к разговору на эту тему.

Очень положительно относятся к предложению о новом мировом экономическом порядке японцы. <...>

Обсуждая проблему создания нового мирового экономического порядка с представителями других развивающихся стран, мы пришли и к выводу, что главное сейчас в том, чтобы изменить суть подхода «семерки» к этой проблеме. <...>

Мне кажется, стоило бы поработать с Миттераном, Малруни, Колем, а также с японцами и итальянцами, чтобы они как-то сдвинули Буша и Тэтчер с их нынешних позиций. На них ведь тоже оказывает воздействие груз различных проблем, например проблемы долгов латиноамериканских стран, ухудшение общеэкономической обстановки. <...> И в силу той же причины им приходится высказываться в поддержку развивающихся стран, которые громко требуют создания нового мирового экономического порядка. Еще один признак осознания новых реалий: когда США применили свой закон 301, чтобы «наказать» Индию, Японию и Бразилию за «несправедливую» торгово-экономическую практику, вся Европа поддержала нас, и ГАТТ тоже. <...>

Горбачев. Пожалуй, наши наблюдения совпадают. <...>

В ходе беседы Горбачев подробно рассказывает собеседнику о проблемах и трудностях нового этапа перестройки. Ганди, со своей стороны, констатировал, что в Индии ему приходится сталкиваться со сходными во многом проблемами.

Ганди. У вас произошли выдающиеся события — Съезд народных депутатов СССР, внеочередной Пленум ЦК КПСС. Мы рады, что на всех этапах Ваша политика получает поддержку со стороны советского народа. То, что Вами делается, имеет историческое значение не только для Советского Союза, но и для всего остального мира.

В заключительной части беседы стороны обсудили двусторонние отношения, идею сотрудничества в рамках «треугольника» СССР-Индия-Китай, отношения с Японией. С индийской стороны был затронут также вопрос о Непале и политике Китая в этом регионе, о положении в Шри-Ланке.

*Из беседы с министром иностранных дел Филиппин Раулем Манглапусом
Москва, 19 июля 1989 года**

Горбачев. <...> Мы приветствуем миролюбивый курс президента Акино. Со своей стороны, мы хотим пойти очень далеко в перестройке международных отношений в интересах всего международного сообщества, всех народов. А это открывает большие возможности для динамизации связей и взаимопонимания между СССР и Филиппинами.

Для нашей огромной страны важным фактом является и то, что она одной стороной обращена к Тихому океану, находится в Азии. Наш интерес к Азиатско-Тихоокеанскому региону — это не какое-то любопытство. Происходящее там затрагивает наши интересы, нашу безопасность. Поэтому мы готовы действовать инициативно, сотрудничать со всеми странами этого огромного, сложного региона. <...>

Надеюсь, Вы заметили, что мы не ограничиваемся заявлениями о наших намерениях в отношении этого региона, а предпринимаем практические шаги. Имею в виду и вопрос о ракетах средней дальности, и развитие наших связей с большинством стран региона, включая Филиппины, страны АСЕАН, Австралию, Индию, а теперь и Китай, другие страны. Это реальные факты, свидетельствующие о наших намерениях в международных делах.

Правда, кое-кто подозревает нас в коварных замыслах в этом регионе. Надеюсь, на Филиппинах так не считают. Президент Акино может быть уверена, что мы искренне хотим сотрудничать со всеми странами, в том числе, естественно, с Филиппинами. Готовы совместно обсуждать любые вопросы, относящиеся к мерам доверия, искать решения региональных проблем, проблем Тихого и Индийского океанов, добиваться снижения военной конфронтации в интересах общей безопасности. <...>

Манглапус. Для нас Ваша смелая, новаторская политика имеет значение, выходящее за пределы границ вашей огромной страны. Мы убеждены, что эта политика ознаменует собой важнейший поворотный момент в мировой истории. <...> И мы видим в тех новых подходах, которые осуществляете Вы, возможность и для нас ускорить нашу реориентацию в мире. <...>

Надеюсь, что благодаря визиту министра Шеварднадзе в декабре прошлого года, моему нынешнему визиту и, конечно, визиту президента Акино в СССР в будущем году этот процесс будет ускорен. <...>

Госпожа Акино с нетерпением ждет посещения вашей страны. Однако, поскольку ей приходится следить за тем, чтобы не отсутствовать в стране слишком долго, она пока не смогла найти адекватную возможность для визита в СССР⁶². Это обстоятельство подробно разъяснено в ее письме на Ваше имя, которое я сейчас Вам передаю. *(Передаёт послание Корасон Акино.)*

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

* В конце 1988 года министр иностранных дел СССР Шеварднадзе посетил Республику Филиппины, где провел переговоры с руководством этой страны. Р. Манглапус находился в Москве в ответном визите. Он передал Горбачеву послание президента Филиппин Корасон Акино.

*Из беседы с Генеральным секретарем ЦК МНРП,
Председателем Президиума Великого народного хурала
Жамбыном Батмунхом
Москва, 26 июля 1989 года*

Горбачев от имени советского руководства приветствует монгольского гостя, выражает удовлетворение тем, что давно намечавшаяся встреча, которая откладывалась лишь из-за Съезда народных депутатов СССР и некоторых других неотложных дел, позволяет теперь обсудить насущные вопросы советско-монгольских отношений.

Батмунх рассказывает о внутреннем положении в Монголии, о трудностях, связанных с монгольской «перестройкой». Событие особой важности, говорит он, – нормализация советско-китайских отношений. В русле нормализации развиваются и монголо-китайские межгосударственные и партийные отношения.

Монгольское руководство удовлетворено ходом вывода советских войск из Монголии. Не ослабляя сотрудничества с Советским Союзом, МНР расширяет торгово-экономические связи и с другими странами, в том числе не социалистическими.

Горбачев. Советское руководство высоко ценит взаимодействие с монгольскими друзьями в международных делах. Это особенно важно для Азии, где масса своих сложных проблем, решать которые легче в обстановке стабильности.

Мы высоко ценим то, что между нашими партиями и странами существуют полное взаимопонимание и взаимодействие, в частности, по вопросам нормализации отношений с Китаем, вывода советских войск с территории МНР.

Далее Горбачев рассказал гостю о ходе перестройки, о работе первого Съезда народных депутатов СССР, сессии Верховного Совета СССР.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Первая сессия Верховного Совета СССР
Из выступления Горбачева на совместном заседании
Совета Союза и Совета Национальностей
1 августа 1989 года*

Пользуясь случаем, хочу вновь подчеркнуть всемирное значение нормализации наших отношений с КНР. Съезд народных депутатов СССР дал высокую оценку этому событию.

Кстати, мне не раз настойчиво задавали вопрос и в Бонне, и в Париже о нашей реакции на известные события в Пекине. Думаю, есть смысл изложить с этой трибуны суть ответов, которые я давал. Процесс перемен, который идет в такой стране, как Китай, явление мирового масштаба. Мы, естественно, желаем успеха китайскому народу в движении по пути преобразований, по пути, избранному им самим. На этом пути могут быть болезненные явления и конфликты. Свое отношение к трагедии, происшедшей в Пекине, мы высказали. Мы сожалеем о том, что так получилось. Мы за то,

чтобы самые острые проблемы решались через политический диалог властей с народом. Так мы думаем. Такой метод избрали для себя. Но свои проблемы каждый народ решает сам. Это наша принципиальная и, я думаю, необратимая позиция.

У нас твердое намерение последовательно и полно использовать результаты визита в Китайскую Народную Республику, всемерно содействовать взаимовыгодному сотрудничеству в различных областях, в том числе научно и технически самых передовых. И работа здесь уже идет. Недавно в связи с Днями китайской науки и техники в СССР приезжала правительственная делегация во главе с членом Госсовета Сун Цзянем. На днях в Москве находился член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Тянь Цзиюнь. Он возглавлял китайскую сторону в комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. Намечается развитие межпартийных отношений.

Уверен, выход советско-китайского диалога на новый рубеж отвечает интересам обоих наших народов, интересам Азиатско-Тихоокеанского региона и всего мирового сообщества — в силу значимости нашего диалога и наших отношений.

*Первая сессия Верховного Совета СССР.
Стенографический отчет. Часть X. М., 1989. С. 42.*

**Из беседы с Президентом Индонезии Сухарто
Москва, 11 сентября 1989 года**

Горбачев, приветствуя гостя, напоминает об исторических корнях отношений двух стран, о поддержке Советским Союзом борьбы Индонезии за независимость.

Сухарто говорит, что в Индонезии помнят об этом. Объясняя причины охлаждения на определенном этапе отношений с Советским Союзом, связанные с событиями 60-х годов, которые привели к разрыву и запрету Компартии Индонезии, он говорит, что это не означало враждебности к социалистическим странам. Далее он характеризует принципы конституционного устройства Индонезии, внутренней и внешней, в том числе торгово-экономической, политики, понимание Индонезией своих национальных интересов и приоритетов.

Горбачев. Я с интересом выслушал Ваши аргументы о национальных приоритетах, то, как Вы их реализуете. Я воспринимаю их как убедительные. И приветствую Ваши рассуждения о новых возможностях для торгового и экономического сотрудничества между нашими странами. <...>

На основе принципов нового мышления мы предложили ряд крупных инициатив на всех направлениях мировой политики: и в области ядерного разоружения, и в советско-американских отношениях, и на европейском направлении, и в отношении АТР. Эти подходы очень перекликаются с принципами Бандунга. <...>

Мы считаем, что нельзя прогнозировать нормальное развитие и перестройку международных отношений без перестройки и оздоровления отношений в Азии. Выход этого континента на мировую арену, пробуждение

десятков государств — вот что будет определять судьбу мира в ближайшие десятилетия. Ведь здесь находятся такие крупные государства, как Индонезия, Китай, Индия, СССР, США, Япония, Австралия. Это же целый мир. Этим объясняются и Владивосток, и Красноярск. Это — одно целое. Свои предложения мы выдвинули на рассмотрение народов и правительств.

Естественно, мы никому ничего не навязываем. Это было бы неуважительно и несерьезно. Наши инициативы — это приглашение к диалогу. И я должен сказать, что наш призыв услышан. Состоялось много двусторонних встреч и бесед. Мы очень далеко продвинулись в отношениях с Индией. Сохраняем и дорожим нашими отношениями со странами бывшего Индокитая, улучшаем отношения и с Таиландом. Считаю, что для всего комплекса международных отношений большое значение имеет восстановление хороших отношений с Китаем.

Сухарто. Согласен с Вами.

Горбачев. Мы убираем ракеты средней дальности, ядерные ракеты на Дальнем Востоке, выводим войска из Монголии, значительно сокращаем их. Китайцам предложили взять линию на сокращение военного присутствия у границ. Прогрессируют отношения с Австралией. С Японией пока идет топтание на месте. Но и здесь, мне кажется, будут сдвиги.

В общем, мы не только выдвигаем инициативы, но и подтверждаем наши намерения конкретными шагами. А то, что мы встречаемся с Президентом Индонезии в Кремле, — это очень важное событие не только для Советского Союза и Индонезии, но и для всего процесса, идущего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это событие универсального значения. <...>

Сухарто. Спасибо, Ваше Превосходительство, за столь интересный обзор роли и шагов Советского Союза, за подробное изложение Ваших соображений. <...>

Что касается Азиатско-Тихоокеанского региона, то здесь, конечно, нужны новые подходы, которые позволили бы обеспечить гармоничное сотрудничество и взаимовыгодность связей. Индонезия входит в АСЕАН. Но мы не замыкаемся в ней, выходим на другие страны, в том числе высокоразвитые, как Австралия. Австралия высказалась за немедленное создание торгово-экономической организации в АТР. Страны АСЕАН сейчас изучают это предложение. Мы бы хотели, чтобы существующий диалог АСЕАН с другими государствами был выведен на более высокий уровень. <...>

Горбачев. Создание АСЕАН — это способ противостоять давлению больших стран. Я оцениваю ее позицию как дело естественное. Если удастся наладить всеохватывающее сотрудничество, то потом может отпасть необходимость в замкнутых объединениях. Но это — дело будущего. Сейчас же АСЕАН делает много полезного для оздоровления отношений не только в регионе, но и в международном плане. <...>

Сухарто. Я рад был услышать, что у Советского Союза хорошие отношения с Индией, Австралией, Китаем. Мы проводим линию на улучшение отношений с Китаем. В рамках нашей активной независимой внешней политики Индонезия, даже заморозив дипломатические отношения с Китаем, неизменно придерживалась политики «одного Китая». <...>

Другие азиатские страны, члены АСЕАН говорят нам, что важное значение имело бы скорейшее улучшение индонезийско-китайских отношений.

После перерыва на переговорах в расширенном составе были заслушаны и обсуждены доклады министров К.Ф. Катушева и Р. Правиро о результатах заседания смешанной советско-индонезийской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

***Из речи Горбачева на обеде в честь Сухарто и его супруги
Москва, 11 сентября 1989 года***

Советско-индонезийская встреча на высшем уровне 1989 года займет свое видное место в истории отношений СССР и Индонезии, в современном международном развитии. Советско-индонезийский диалог и сотрудничество имеют самостоятельную ценность. Но они важный элемент тех грандиозных процессов, которые происходят сейчас в Азии и во всем мире. <...>

«Единство в многообразии» начертано на гербе Республики Индонезии. Но этот девиз может быть применен не только к индонезийской национальной специфике. Он представляет собой формулу, актуальную для всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В этой огромной многоликой части планеты, куда, как считают, будет сдвигаться эпицентр цивилизации, десятки государств все отчетливее осознают свою общность и начинают ее реализовывать в регионе и на мировой арене. И что особенно важно — ищут решений не в противопоставлении себя остальному миру, а через утверждение своих законных прав и интересов в рамках общемирового развития. Искренне приветствуем такой подход и эти усилия.

В то же время здесь накоплены гигантские запасы оружия, в том числе ядерного, сохраняются конфликты, опасная напряженность в ряде мест. Процесс милитаризации в чувствительных пунктах региона усиливается под ложным предлогом, будто путь к миру лежит через вооружение и демонстрацию силы, будто безопасность надежнее в условиях военного противостояния. Мы обратили внимание, что в АТР нарастает противодействие милитаризации и политике иностранных военных баз, которое действительно идет вразрез с выдвинутой странами АСЕАН концепцией превращения Юго-Восточной Азии в зону мира, свободы и нейтралитета, зону без ядерного оружия. Это — грандиозная идея в духе нового времени. Воплощение ее означало бы мощный прогресс для народов Азиатско-Тихоокеанского региона, на благо всего мирового сообщества. <...>

Советский Союз придает большое значение развитию связей с членами этой ассоциации и готов к контактам с нею самой в целом. Думаю, предпосылки для этого есть: сходство оценок современной международной ситуации, стремление к более устойчивому миру, заинтересованность в экономических отношениях, построенных на основах справедливости и взаимной пользы.

Владивостокско-красноярская платформа исходит именно из этого. А в вопросах безопасности ее смысл — в снижении военного противостояния в АТР, в создании атмосферы доверия и чувства общей безопасности. <...>

Мы — решительно против того, чтобы Азия и Тихий океан были объектом противоборства и борьбы за чью бы то ни было гегемонию. Прошли времена, когда суверенные народы и государства безнаказанно и против их воли превращались фактически в заложников соперничества «более сильных».

Наши мирные предложения — приглашение к совместному, всеохватывающему и конструктивному обсуждению проблем региона. Высоко ценим внимательный и серьезный подход Индонезии к советским инициативам. Нам импонирует активность индонезийского руководства в делах АТР и на международной арене.

В сегодняшней нашей беседе с господином Президентом и на переговорах подтвердилась общность подходов СССР и Индонезии к ключевым проблемам современного мира. Мы единодушны в том, что приоритетным над всем остальным является избавление человечества от угрозы ядерного уничтожения, проблема его самосохранения и выживания. У нас общее понимание исключительной значимости общечеловеческих задач, связанных с экономической отсталостью, внешней задолженностью, защитой природной среды, формированием нового мирового экономического порядка. Взаимодействие Советского Союза и Индонезии — мы в этом уверены — может быть полезным на всех этих направлениях движения к новой мирной эпохе.

«Правда», 12 сентября 1989 года.

*На Политбюро
12 октября 1989 года
О пограничном размежевании с КНР*

Горбачев. Острова возле Хабаровска — это принципиальный вопрос. Приграничная политика должна исходить из того, что русский человек стоял на этих землях веками, шел, обживал, прокладывал жизнь. Не позволим посягать на них⁶³.

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.

*Из беседы с Премьером Госсовета КНР Ли Пэнгом
Москва, 24 апреля 1990 года*

Горбачев. <...> Советское руководство рассматривает этот визит Премьера Госсовета КНР как большое событие. Он воплощает в себе важную динамику советско-китайских отношений. Еще совсем недавно визит сам по себе расценивался бы как символ. Теперь же нам с вами уже мало одних только символов, очень нужны конкретные, практические дела, реальное продвижение по всему спектру отношений. Отрадно, что такое продвижение, судя по начавшимся переговорам (до этого на встрече Ли Пэна с Н. Рыжковым), набирает темпы.

Ли Пэн. Очень рад встрече с Вами, товарищ Горбачев. Рассматриваю ее как продолжение дела, начатого в ходе Вашего исторического визита в Пекин весной прошлого года. <...>

Горбачев. Вы, товарищ Ли Пэн, и все руководство Китая должны знать, что в нашем народе — и не только на политическом уровне — очень высоко оценивают восстановление нормальных, добрых отношений с Китаем. Несмотря на имевшиеся в прошлом негативные моменты сохранились, живут добрые чувства по отношению к китайскому народу. Нам не пришлось специально готовить людей к нормализации советско-китайских отношений. <...>

Далее Горбачев информирует гостя о внутренних проблемах в Советском Союзе, о дискуссиях и политической борьбе вокруг политики перестройки, о ситуации в стране.

Ли Пэн. <...> Ваша встреча с товарищем Дэн Сяопином (в мае 1989 года) позволила «закрыть прошлое и открыть будущее» в отношениях между Китаем и Советским Союзом. Цель моего нынешнего визита — продвинуть вперед это будущее, чтобы достичь нового уровня в отношениях между нашими странами в области политики, экономики, науки и техники, культуры.

В этой связи собеседник рассказывает об обстановке в Китае, о проблемах и трудностях в экономике, об уроках «культурной революции», объясняет необходимость жестких мер, принятых в июне 1989 года в связи с событиями на площади Тяньаньмынь в Пекине, а также излагает суть, цели и результаты проводимых в Китае реформ.

Я обнаруживаю все больше и больше совпадающих моментов в наших подходах. Это позволяет и дальше укреплять отношения между двумя нашими социалистическими странами, поддерживать друг друга, помогать друг другу в экономическом развитии, так как наши народные хозяйства взаимодополняемы. Отсюда широкие перспективы для развития экономических связей. Китайская сторона готова прилагать дальнейшие усилия в этом плане.

Обсуждались международные проблемы, в том числе ситуация в странах Восточной Европы, германский вопрос, политика США на международной арене. Ли Пэн, ссылаясь на просьбу премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто, затронул вопрос о ситуации вокруг Кашмира.

Горбачев. <...> О международных проблемах. Хотел бы посвятить Вас в следующее. Мы реально оцениваем американскую политику, видим все ее стороны, очень внимательно следим за попытками достичь превосходства. Мы готовы лишь на такие уступки, которые характеризовались бы взаимностью, сбалансированностью, обеспечивали бы продвижение к снижению военной угрозы, к большей безопасности. <...>

Отрадно, что мы обнаружили с Вами большую степень взаимопонимания. Действительно, советско-китайские отношения далеко продвинулись за этот год. И я это искренне приветствую. <...>

Очень рад, что наша беседа была столь насыщена взаимной информацией по жизненно важным для советско-китайских отношений проблемам. Мы придаем большое значение Вашему визиту. У советских людей существует сильная тяга к сотрудничеству и дружбе с китайским народом. Мы желаем ему успешно решить стоящие перед ним проблемы, добиться расцвета своей родины.

*Из беседы с Пунсалмагийном Очирбатом и Гомбожавыном Очирбатом
Москва, 14 мая 1990 года**

Приветствуя гостей, Горбачев говорит о проблемах и трудностях освобождения от тоталитарных тенденций, о значении перестроечных процессов с точки зрения ответа на глобальные вызовы, об особенностях восприятия событий в социалистических странах на Западе.

Горбачев. <...> К сожалению, кое-кто, исходя из собственных узкокорыстных интересов, хотел бы разворошить человеческий муравейник, навязывая миру свои стандарты. Это очень опасная тенденция. Она проявляется в деятельности некоторых американских политиков. Они, например, выражают свое недовольство политикой Китая, хотели бы подтолкнуть его на путь эрозии сложившихся там институтов. Думаю, что давать советы со стороны такой стране, как Китай, а тем более вмешиваться в его внутренние дела — дело по меньшей мере непродуктивное. <...>

Г. Очирбат. Когда наша государственная делегация была недавно в Пекине, у нас было немало разговоров о том, что П. Очирбат поехал туда изучать опыт подавления демократии. <...>

Гости информируют о внутривнутриполитической и экономической ситуации в Монголии, поднимая в этой связи проблемы двусторонних отношений. П. Очирбат констатирует, что у Монголии общий с Советским Союзом подход к международным делам.

Горбачев. Как прошел Ваш визит в Китай?

П. Очирбат. Он прошел нормально, можно сказать, в хорошей атмосфере. Правда, когда нас сейчас спрашивают, не решили ли мы поставить на одну доску отношения с Советским Союзом и Китаем, то я отвечаю, что это не так. Мы хорошо понимаем, что с Советским Союзом у нас особые отношения.

Горбачев. Нельзя, конечно, упускать из виду стратегические вопросы. Я имею в виду, что ведь есть такие вещи, которые не зависят ни от Горбачева, ни от Ли Пэна, ни от Очирбата. И надо строить отношения так, чтобы они могли выдержать любые повороты и нагрузки. Мы за то, чтобы иметь с Китаем нормальные, хорошие, добрососедские отношения, сотрудничать честно, к взаимной выгоде, но без эйфории.

Очень настойчиво стучится сейчас к нам Южная Корея. Это весьма волнует Ким Ир Сена⁶⁴. А вас он критикует за установление дипломатических отношений с Югом?

П. Очирбат. Сейчас, кажется, уже несколько успокоился.

Мы стремимся развивать отношения и с западными государствами, но без иллюзий.

Горбачев. <...> Когда несколько лет назад Ли Пэн был проездом в Москве, я предложил ему встретиться. Он говорил мне тогда, что возврата к прошло-

* Политические процессы в Монголии привели к отставке Ж. Батмунха и обновлению монгольского руководства. Председателем Президиума Великого народного хурала Монгольской Народной Республики стал Пунсалмагийн Очирбат, Председателем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии Гомбожавын Очирбат.

му в советско-китайских отношениях не будет, Китай никогда не вернется к положению младшего брата в отношениях с Советским Союзом. Я сказал ему, что мы тоже не стремимся воскресить прошлое, да и какой же это младший брат с миллиардным населением.

В ответ Ли Пэн заявил, — и повторил это недавно в Москве, — что нормальные советско-китайские отношения исключительно важны для наших народов и социализма в целом. Но важно не увлекаться их чрезмерным рекламированием и, вообще, не шуметь, а дело делать. Такой подход вполне совпадает с нашим. Сейчас китайская сторона сама выступает за более активное развитие экономических отношений и межпартийных контактов, хотела бы иметь постоянные каналы для этого.

Конечно, они побаиваются того развития демократии и гласности, которые имеют место у нас, но мы ведь и не собираемся им ничего навязывать. Тем более что, учитывая их конкретные условия, они, может быть, во многом и правы, проявляя определенную осторожность в этом отношении. В общем, пусть они сами решают свои внутренние проблемы и не нам давать им директивы на этот счет.

Важно, чтобы в межгосударственных отношениях, в международных делах мы могли бы увереннее опираться друг на друга. Я говорил им о наших хороших отношениях с Индией. А ведь нормальные, тем более хорошие отношения между Советским Союзом, Индией и Китаем — это же огромный стабилизирующий фактор мирового порядка. Говорил им и о важности иметь хорошие отношения с таким «ожерельем» стран, как Монголия, Вьетнам, Корея.

Заключительная часть беседы была посвящена обсуждению двусторонних экономических отношений, в частности — проблеме монгольского долга.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из беседы с Президентом Южной Кореи Ро Дэ У Сан-Франциско, 4 июня 1990 года*

В начале беседы Горбачев выразил удовлетворение тем, что в рамках процессов, происходящих в мире, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая преодоление конфронтационности, создание условий для взаимодействия различных государств, стало возможным проведение такой встречи. Мы хотим строить контакты и сотрудничество с Южной Кореей таким образом, чтобы они способствовали этим позитивным процессам, приносили пользу не только нашим странам, но и в более широком плане.

Горбачев отметил далее, что двусторонние отношения с Южной Кореей в торгово-экономической, культурной и других областях имеют хорошую перспективу и мы готовы содействовать их дальнейшему развитию.

Ро Дэ У, заявив о поддержке нового мышления и поддержав мысль о том, что в мире, и в том числе в АТР, идут позитивные процессы, сказал, что его правитель-

* По взаимному соглашению встреча произошла во время пребывания Горбачева с визитом в Соединенных Штатах Америки. Содержание беседы приводится в изложении.

ство хотело бы распространения этих процессов на Корейский полуостров, но не встречает достаточно положительного отклика. Он давал понять, что правительство КНДР стоит в стороне от основного течения современности, действует «в духе старого мышления».

Горбачев спросил, что мы могли бы передать от имени южнокорейцев руководству КНДР.

Ро Дэ У сказал на это, что Южная Корея приветствовала бы посреднические усилия СССР, направленные на сближение двух Корей.

Во-первых, сказал он, мы хотели бы передать правительству Севера, что готовы встретиться официально для обсуждения любых вопросов, хотим вести диалог, направленный на преодоление существующих разногласий.

Во-вторых, мы просили бы вас повлиять на северокорейское руководство, чтобы оно присоединилось к политике нового мышления, открыло свою страну для контактов и сотрудничества с внешним миром, стало на путь внутренних реформ.

В-третьих, мы были бы готовы к шагам, направленным на уменьшение военного противостояния на Корейском полуострове и готовы обсудить этот вопрос.

Далее разговор перешел на вопросы двусторонних отношений между Южной Кореей и СССР. **Ро Дэ У** говорил о перспективах торговли, заявил о готовности предоставить значительный кредит на закупку южнокорейских товаров широкого потребления, а также сотрудничать в создании совместных предприятий, освоении Дальнего Востока и т.п. Одновременно он давал понять, что широкое развитие отношений во всех областях требует скорейшего установления дипломатических отношений между СССР и Южной Кореей.

Горбачев поставил вопрос в другой плоскости. Мы не будем ставить препятствий на пути развития взаимовыгодного сотрудничества, наоборот, готовы всячески содействовать ему, сказал он. В связи с этим будут расширяться наши контакты на различных уровнях, и это тоже нормально. Наши представители находятся в Сеуле. Однако вопрос о дипломатических отношениях стоит в более широком контексте, должны созреть условия для того, чтобы его можно было решить. Мы за то, чтобы между двумя корейскими государствами был налажен конструктивный диалог, чтобы был снижен уровень военного противостояния на полуострове, создана основа для взаимопонимания и сотрудничества. Мы считаем, что наши друзья в КНДР стремятся к этому, и будем взаимодействовать с ними, исходя из этого.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Из беседы с премьер-министром Индии Вишванат Пратан Сингхом Москва, 24 июля 1990 года*

Горбачев.<...> Задачу нынешнего визита я вижу в том, чтобы подтвердить преэминентность в наших двусторонних связях и продвинуть наши отношения. <...>

* Вишванат Пратан Сингх возглавил правительство после очередных парламентских выборов в Индии и ухода в отставку кабинета Раджива Ганди. Первая часть беседы проходила в составе делегаций.

Сингх. Вы совершенно справедливо упомянули о том, что наша дружба покоится на общности интересов, сходстве взглядов на международные проблемы. Но я хотел бы упомянуть еще об одном аспекте — о сложившейся традиции встреч на высшем уровне, начало которой положил Джавахарлал Неру, затем ее продолжили Индира Ганди, Лал Бахадур Шастри⁶⁵ и мой предшественник на посту премьер-министра Раджив Ганди. Это составляет неотъемлемый элемент нашего подхода к развитию индийско-советских отношений. <...> Делийская декларация стала одним из краеугольных камней наших отношений дружбы, уже скрепленных Договором 1971 года. Этот дух пронизывает все наши отношения. <...>

Горбачев. <...> Мы ценим независимую позицию, занимаемую Индией в таких важных вопросах современной международной жизни, как разоружение, движение к миру, свободному от ядерного оружия. Хочу отметить большой вклад вашей страны в то, что мир уходит сегодня от «холодной войны», от политики конфронтации. Индия активно сотрудничает со странами «третьего мира», где ее авторитет остается неизменно высоким. Не могу не отметить вклад вашего правительства и в улучшение ситуации в Южно-Азиатском субрегионе.

Мне кажется, что наши совместные усилия обеспечивают выход на новый уровень отношений в чрезвычайно важном треугольнике: Советский Союз — Индия — Китай. Думаю, этот большой процесс начал только еще разворачиваться. И если мы проявим ответственный подход, терпимость и расположение друг к другу, то здесь откроются обнадеживающие перспективы, которые окажут благотворное воздействие не только на развитие ситуации в Азии, но и во всем мире. Хочу подчеркнуть: чем больше в наших отношениях — советско-индийских, индийско-китайских, китайско-советских — мы будем проявлять независимый подход и проводить самостоятельную политику с опорой на свои интересы и с учетом интересов других, тем больше пользы принесет это всем участникам. <...>

Мы немало сделали вместе и параллельно для того, чтобы придать импульс процессу изменений в Азии. Но здесь потенциал мира еще недостаточный. Усилия подчас разрозненны, а ведь корни, питающие мирные процессы в Азии, живы. Они и в традициях Бандунга, и в совпадении интересов многих и многих стран этого исключительно важного и густонаселенного региона нашей планеты.

Далее беседа продолжалась один на один.

Сингх. <...> В беседе один на один хотелось бы подробнее затронуть некоторые моменты, упомянутые Вами только что. В частности, мы глубоко заинтересованы в развитии диалога и трехстороннего взаимодействия с Китаем. Вопрос в том, как и в каких формах конкретизировать такое взаимодействие. Думаю, конкретные соображения на этот счет получают наше одобрение, поскольку сказанное Вами перекликается и с нашими размышлениями.

То же самое можно сказать и о Вашем видении общеазиатских проблем. В свое время Джавахарлал Неру говорил о необходимости выработки азиатского сознания. И мы на собственном опыте убедились, что такой подход действительно необходим. Дело в том, что в то время как на уровне полити-

ческого руководства отношения на нашем континенте в основном характеризуются атмосферой разрядки, сохраняется потенциал и корни многих конфликтов. Чтобы устранить их, необходимы осознанные усилия и какие-то рамки, какая-то основа для этих усилий. И хотя пока неясно во всех подробностях, как это будет выглядеть, мы готовы работать в направлении создания такой общеазиатской основы для урегулирования проблем и налаживания сотрудничества на континенте. <...>

Происходящие перемены требуют отлаживания такого механизма взаимного общения и взаимодействия, который действовал бы не только на уровне правительств, но и на уровне предпринимательских кругов, отдельных предприятий и т.д. Думаю, что налаживание такого взаимодействия между нами послужило бы позитивным сигналом развития новых тенденций и новых инициатив в наших отношениях.

Горбачев. <...> Во-первых, о советско-американских отношениях. При всем том позитивном и прогрессивном, что происходит в наших отношениях с США, мы постоянно чувствуем, что американская администрация — и прежняя, и нынешняя — хотела бы направить это улучшение к своей односторонней выгоде, получить преимущества по отношению к нам и другим. Американцы по-прежнему не прочь выдвинуть политические условия. <...>

О Китае. Я думаю, в целом все идет нормально. Мы не торопимся, однако отношения с этой страной улучшаются. Думаю, так и надо действовать, причем не демонстративно, а кирпич за кирпичом выстраивая здание наших отношений. В то же время надо учитывать, что любой намек на жесткое организационное закрепление такого взаимодействия вызвал бы у многих серьезные размышления.

Сингх. Совершенно верно.

Горбачев. Наши двусторонние отношения с Китаем сейчас улучшаются. Мы видим и ваши усилия по улучшению отношений с этой страной и хотели бы, чтобы они увенчались успехом. Обо всем, что происходит, мы будем информировать вас. Таким образом, улучшая двусторонние советско-китайские и индийско-китайские отношения, мы будем продвигаться вперед и в более широком плане. <...>

Относительно Азии. Я за то, чтобы наши министры провели углубленное обсуждение азиатских проблем и доложили нам свои соображения. Мы считаем, что у Индии огромные возможности в этом плане, и приветствуем самостоятельные шаги, которые предпринимает ваша страна. У нас сложилось хорошее взаимопонимание относительно наших действий в квадрате Индия — Советский Союз — Пакистан — Афганистан. <...> В интересах наших двух стран не допустить враждебного и нам, и вам пространства исламского фундаментализма в составе Пакистана, Афганистана и Ирана.

Несколько слов о двусторонних отношениях. Я придаю большое значение разработке нового масштабного экономического соглашения. Акцент необходимо сделать на сотрудничестве в научно-технической области и в создании совместных предприятий. Это те области, в которых мы не смогли пока добиться всего, что хотелось бы. <...>

Сингх, позитивно отреагировав на высказанные Горбачевым соображения и от-метив, в частности, роль США в наращивании Пакистаном военного потенциала и попустительстве созданию там ядерного потенциала, продолжает:

Я полностью согласен, что мы должны поручить нашим министрам иностранных дел тщательно проанализировать азиатскую проблематику и согласовать наши подходы. Мы хотели бы обговорить роль таких стран, как, например, Япония или Индонезия. Здесь есть определенные проблемы. Мы за то, чтобы рассматривать Азию как единое целое, за выработку общеазиатской концепции. И делать это надо не теряя времени.

Горбачев. У нас такое впечатление, что Соединенные Штаты и Япония торопятся. Они хотят обеспечить себе сильные позиции в Азии. Но думаю, что если все страны будут отстаивать свой суверенитет, полагаться на своих хороших партнеров, то они смогут выстоять как независимые государства. А это, в свою очередь, создает хороший потенциал для сотрудничества в масштабах всей Азии.

Сингх. В ходе этой беседы я имел в виду обсудить именно эти два вопроса. И я очень рад, что наши мысли идут в параллельном направлении. Советский Союз раньше выдвигал идею выработки общеазиатских подходов, и, как Вы знаете, мы тогда не проявили большой готовности подхватить эту идею. Хочу заверить Вас, что сейчас мы сделали свой выбор.

Горбачев. Я приветствую это. <...>

Сингх. А что делать с Пакистаном?

Горбачев. Бхутто находится в очень сложном положении. Во многом хозьяевами положения являются военные и, в частности, военная разведка. Однако мне кажется, что линия, которая сочетает приглашение к сотрудничеству и в то же время твердый ответ, когда Пакистан действует нагло, — такая линия имеет перспективу. <...>

Сингх. В этом плане приобретает особое значение ваша помощь Индии в вопросах безопасности. Она сыграла роль весьма позитивного фактора. Не вдаваясь в детали конкретных оборонных проектов, я хотел бы выразить надежду, что эти проекты, поставки соответствующей техники и впредь будут осуществляться на согласованных особых условиях, в контексте наших особых отношений.

Горбачев. Уверен, что будет найдено решение всех этих проблем. Мы за то, чтобы начать работу над новыми документами нашего сотрудничества.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Ро Дэ У
Москва, 14 декабря 1990 года**

Беседа началась с обмена мнениями между собеседниками о ситуациях в своих странах и в мире в целом. Ро Дэ У поздравил Горбачева с присуждением ему Нобелевской премии мира.

* В августе 1990 года, вскоре после встречи Горбачева с президентом Республики Корея Ро Дэ У в Сан-Франциско, Советский Союз установил дипломатические отношения с этим государством. Поворот этот сделал возможным официальный визит южнокорейского руководителя в СССР.

Горбачев. <...> Вслед за Европой следовало бы распространить положительные процессы в международных отношениях и на Азиатско-Тихоокеанский регион. Конечно, проблемы АТР необходимо решать по-своему. Но им следует уделять пристальное внимание: там проживают 2,5 миллиарда человек, этот регион обладает огромным потенциалом. Если в АТР будет неспокойно, то трудно говорить и о стабильности во всем мире.

Сейчас в этом регионе происходят крупные перемены. И наши с вами отношения вписываются в них. Мы готовы работать в АТР, поскольку географически СССР расположен не только в Европе, но и в Азии. За последнее время мы имели встречи и беседы с руководством Китая, Индии, Индонезии, Таиланда и других стран АСЕАН. Наши с Вами переговоры являются продолжением этих контактов.

Когда мы выступили во Владивостоке со своей программой действий в АТР, то бывший тогда госсекретарем США Шульц почему-то сразу заволновался, объехал ряд стран, призывая не допускать СССР к участию в делах региона. Я ему тогда сказал, что и мы, и вы должны присутствовать в АТР. Так распорядились история и география. Мы вовсе не стремимся вытеснить США из Азии. Когда-то в России смеялись над теми, кто хотел «закрыть» Америку. Насколько это было нереально тогда, настолько невозможно и сегодня отлучить СССР от АТР, так как мы там уже присутствуем. <...>

Ро Дэ У. Я разделяю Ваш подход к проблемам Азии. Мы согласны с тем, что необходимо продолжать линию на мир и сотрудничество в этом регионе. <...> Страны этого региона все вместе — от Кореи и Японии на севере и до Австралии на юге — должны решать проблемы развития сотрудничества. <...>

Горбачев. Мы положительно относимся к развитию регионального сотрудничества. <...>

Ро Дэ У. Думаю, самое важное — обеспечить мир и безопасность на Корейском полуострове. Это сыграло бы ключевую роль в решении проблем региона с учетом того, что в Корее сконцентрировано почти 2 миллиона военнослужащих.

Для обеспечения мира и налаживания сотрудничества в АТР важно решить проблемы разделенного Корейского полуострова. Здесь, по нашему мнению, крайне необходимо влияние Советского Союза.

Горбачев. Наши с вами отношения, да и в целом развитие ситуации в мире благоприятствуют и решению корейской проблемы. Свидетельство начавшихся здесь позитивных перемен — встречи премьер-министров Севера и Юга Кореи. Мы симпатизируем стремлению корейского народа восстановить единство своей родины.

Ро Дэ У, *отвечая на вопросы Горбачева, излагает свое видение путей решения корейской проблемы.*

Горбачев *(после обмена мнениями по этому вопросу).* Мы доведем до сведения северокорейского руководства основное содержание Ваших высказываний по корейской проблеме — о важности установления доверия и желательности поэтапного решения вопросов. <...>

Ро Дэ У *обращается к Горбачеву с просьбой воздействовать на Северную Корею в связи с возможной разработкой там ядерного оружия.*

Горбачев. Мы передадим северокорейскому руководству Ваши соображения. <...>

В заключительной части беседы обсуждались двусторонние отношения и конкретные вопросы налаживания экономического сотрудничества. Ро Дэ У пригласил Горбачева в связи с его предстоящим визитом в Японию посетить Сеул.

Беседа была продолжена в составе делегаций. Представители обеих сторон проинформировали о результатах своих переговоров.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

**Из беседы с Синтаро Абэ
Москва, 15 января 1991 года***

От имени своей партии господин Абэ заявляет о поддержке политики перестройки, одобрении дипломатии нового мышления. Нам, говорит он, пора искать отношения сотрудничества, искать путь, как проводить нашу национальную дипломатию, как действовать на мировой арене.

Горбачев. <...> Извините, но хотел бы спросить господина Абэ, — не отстают ли наши отношения от темпа перемен в мире? Посмотрите, как складываются, набирают новую динамику советско-американские отношения. О Европе не говорю, — каждую неделю здесь происходит что-то новое. Знаете, что и с Индией, с Китаем наши отношения развиваются.

Абэ. До настоящей встречи я говорил с Вами о трудных вопросах двусторонних отношений. Думаю, что пришло время преодолеть эти вопросы. Для этого мы приехали. <...>

Горбачев. Давайте не стесняться задавать друг другу самые трудные вопросы и давать на них честные ответы, чтобы было понятно, как смотреть в будущее. Тогда и трудные вопросы (догадываюсь, какие) станут частью перемен и изменений.

Абэ. Мы — соседи. Но вы живете и в Европе, и в Азии. В Европе, действительно, вопросы преодолеваются, дело идет в хорошем направлении. Но в Азии остается много проблем. В наших двусторонних отношениях без решения этих проблем новое время не наступит. <...>

Если в Азии соберутся начать перемены, может быть удастся сделать больше, чем сейчас представляется. В этом контексте нам надо думать, какую роль Япония должна играть в этом регионе. И вам тоже надо думать о своей роли. В итоге можем прийти к улучшению отношений не только в Азии, но во всем мире, и к успеху перестройки.

Горбачев. Рад Вашему замечанию насчет того, что нам надо думать, какую роль наши страны должны играть в мире, в том числе, конечно, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Почему? Потому что еще два-три года назад в Японии не учитывали нашу роль, думали, что надо ограничить участие СССР в строительстве новых отношений в Азии. Особенно это касается

* Встреча Горбачева с бывшим министром иностранных дел Японии Синтаро Абэ, посетившим Советский Союз во главе делегации правящей Либерально-демократической партии Японии, проходила в ЦК КПСС.

Вашего родного ведомства — МИД Японии. Вы представляете других людей. Они ценят нашу роль, мы видим это.

Мир больше, чем Америка и Япония. И мы, — посмотрите мои выступления во Владивостоке, в Красноярске, — говорим: нам не надо бояться друг друга. Тогда это, может быть, было воспринято как декларация. И вы, как Вы говорили, хотели посмотреть — что получится, как пойдут события. А ведь мы там сказали — готовы действовать в регионе вместе и со США, и с Японией. Да и что это была бы за политика, если бы она предусматривала ограничение роли США и Японии в этом регионе! Это было бы похоже на предложение известного литературного героя — закрыть Америку.

Время прошло. Видите, теперь за декларациями идут конкретные шаги. Индия, Китай, Индонезии, Австралия и т.д. Это уже ростки, элементы новых отношений.

Мы не допустим того, чтобы что-то наносило ущерб или унижало японский народ. Но я надеюсь, что и вы не включите в свою политику элементы пренебрежения Советским Союзом.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с министром иностранных дел Японии Таро Накаямой
Москва, 23 января 1991 года**

Горбачев. <...> Пожалуй, по интенсивности контактов с нами Япония идет сейчас сразу после США, хотя европейские страны географически расположены к Москве гораздо ближе. В последнее время я встречался со многими японцами — с парламентариями, представителями делового мира, интеллигенции, общественных организаций, с руководителями почти всех крупных политических партий Японии. А теперь встречаемся с Вами, восполнив, таким образом, существовавший до сих пор пробел. <...>

Накаяма. Мы, политические деятели Японии, исполнены стремления к тому, чтобы Ваш визит в Японию был результативным и для советской, и для японской стороны. Премьер-министр Кайфу поручил мне передать Вам его личное послание. Думаю, что для осуществления того, о чем сказано в этом послании, может потребоваться политическая решимость и готовность пойти на определенный риск. Но прошу Вас исходить из того, что послание премьер-министра написано с той высокой степенью откровенности, которая допускается лишь при глубоком доверии к партнеру. <...>

Горбачев (*ознакомившись с посланием премьер-министра Кайфу*). Серьезное послание. Не скажу, что могу сразу на него целиком прореагировать. Затронута проблема, которую мы с вами пытаемся решить много лет. Сейчас не хочу об этом много говорить.

Здесь нужно учитывать многие факторы. Есть фактор истории, есть фактор современности, есть общественное мнение Японии и Советского Союза.

* Беседа состоялась в порядке подготовки визита Горбачева в Японию. Обсуждались главным образом сроки и программа визита, содержание переговоров.

Задача в том, как все это совместить. Решение этой проблемы требует длительных раздумий. <...>

Ситуация, о которой мы говорим, сложилась в итоге Второй мировой войны, и она не единственная. Могут быть поставлены и другие вопросы — как быть с границей по Одеру–Нейсе, с Выборгом, Калининградом, Клайпедой. Как быть на юге? Как поступить с границами Венгрии и так далее. Где та линия, на которой нужно остановиться?

Когда в Европе мы пошли на нынешние крупные перемены, на создание новых отношений, мы, по крайней мере, сохранили принцип неприкосновенности границ.

С любой точки зрения это очень сложный вопрос. И самое первое, что приходит в голову, когда думаешь над ним, — оставить все в неизменном виде. Так распорядилась история. Был шанс, но он оказался упущенным. <...>

В послании премьер-министра я почувствовал что-то вроде предварительного условия для нашей встречи. Нужно, мол, решать вопрос, иначе нет смысла в визите. Тем не менее я считаю, что нужен диалог, нужен визит.

За все эти годы споров мы доказали только одно — что мы можем жить друг без друга. Может быть, стоит попробовать с другого конца: развивать отношения, связи, сотрудничество и посмотреть, что получится.

Накаяма. Послание Кайфу не означает, что ставится предварительное условие для Вашего визита. Мы хорошо знаем, что в Советском Союзе есть общественное мнение. В Японии тоже есть общественное мнение, своя история. Помимо этого в Японии есть и горячее желание улучшить отношения с Советским Союзом. И я знаю, что аналогичное стремление есть и у советской стороны. <...>

Чтобы заключить мирный договор, нам нужно пройти через туннель. Если мы попытаемся его обойти, наш народ этого не поймет. И мы надеемся, что во время Вашего визита удастся совершить прорыв в нужном направлении.

Конечно, вопрос этот очень трудный. Но если бы он был простым, то мы бы его давно решили. Я считаю, что, если у нас не будет мирного договора с решением территориальной проблемы, это создаст большие трудности, и не только для наших двух стран, но и для всей Азии.

Горбачев. Пусть министерства иностранных дел наших стран поработают над этим. Но не надо до конца забивать гвоздь, да еще без шляпки. Наоборот, гвозди нужно вытаскивать. <...>

Накаяма. Мы не имеем в виду обсуждать во время визита только эту тему. Большие перемены происходят в АТР, во всем мире, и мы должны уделить им внимание.

Горбачев. Да, вопросов много, и нужно обсуждать их все, откровенно и доброжелательно. Мы с вами должны сделать все, что можем. Потом пусть продолжат другие. Или можно оставить, законсервировать вопрос, подождать, пока он созреет.

*Из беседы с Радживом Ганди
Москва, 23 февраля 1991 года**

Ганди. <...> У меня на днях был разговор с американским послом, который затрагивал эту тему несколько по иному: США — СССР — Китай — Индия. Я обратил внимание, что он не упомянул ни Европу, ни Японию.

Горбачев. Американцы опасаются сильной Европы, которая включала бы и Советский Союз. Они смотрят в будущее, думают о том, каким будет мир, скажем, в 2050 году. В свое время у меня был разговор об этом с госсекретарем Шульцем. Он показал мне диаграмму, где сравнивается ВВП различных стран сейчас и по прогнозу на 2050 год.

Ганди. И что же?

Горбачев. Прогноз такой, что СССР и США вместе составят что-то около 18 процентов. Возрастет доля Европы, Индии, Китая.

Ганди. Сразу после начала военных действий в Заливе, примерно 18 января, меня посетил один отставной американский посол. Он пришел для откровенного разговора. Он сказал, что Индии надо замирииться с США. Вы, сказал он, в прошлом создали для США немало проблем — по Афганистану, Камбодже, Южной Африке. Вспомнил он и о Шри-Ланке и, конечно, о Пакистане. Сейчас все американские ведомства, сказал он, считают, что если бы ИНК(И)⁶⁶ снял эти шероховатости, то разного рода негативные явления — он упомянул, в частности, Пенджаб, Кашмир — прекратились бы.

Горбачев. Цинично.

Ганди. Это еще не все. Он спросил, читал ли я доклад о катастрофе самолета Зия-уль-Хака. Я и так знаю, что произошло. Дело в том, что один из участников этой диверсии затем оказался в Индии и все рассказал нам. Мы тогда решили, что это слишком острая информация, и придержали ее. Я сказал послу, что ему, должно быть, известно, как обстояло дело. Он в ответ вновь сослался на доклад. Этот доклад, подготовленный американскими правительственными ведомствами, фактически содержит вывод, что диверсия могла быть организована лишь разведывательной службой. В завуалированной форме делается намек на ЦРУ.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с генеральным секретарем
Либерально-демократической партии Японии Итиро Одзавой
Москва, 25 марта 1991 года*

Горбачев. Я рад встрече с Вами, приветствую Вас в Москве. Давайте сегодня поговорим как руководители правящих партий о том, что будем делать дальше, как строить наши межгосударственные отношения. <...>

* Ганди посетил Москву в качестве председателя партии ИНК(И). Беседа была посвящена в основном кризису в Персидском заливе. Горбачев информировал о своих предложениях, направленных на предотвращение эскалации конфликта. В этой связи обсуждалась позиция США, их стремление продемонстрировать силу, политика давления на другие страны, в том числе на Индию. Это была последняя встреча двух лидеров — 21 мая 1991 года на Ганди было совершено покушение, и он погиб.

Скоро мои сроки истекут, однако для советско-японских отношений пока я ничего не сделал. Но дело не во мне. Ведь СССР и Япония — это два великих соседних государства, два великих народа, и уже это обязывает нас что-то делать. Беседуя с редактором газеты «Иомиури», я сказал, что есть два подхода в ведении дел.

Первый: выдвигание друг перед другом тех или иных требований, в зависимости от выполнения которых ставится весь комплекс отношений.

Второй подход: наращивать отношения, подниматься с одного уровня на другой, вовлекая все новые сферы, решая проблемы, создавая общую благоприятную атмосферу. Первый способ мы уже основательно использовали. Может быть, пришла пора думать о втором? <...>

Одзава. Я полностью разделяю Ваши слова о том, что в современном мире ни одна страна не может жить без сотрудничества с другими странами. <...>

Горбачев. <...> Когда мы думаем о советско-японских отношениях, то пытаемся вести поиск так, чтобы вывести их на новый уровень. И в этой связи показателен и полезен опыт возникновения объединенной Германии. <...> И мы, и немцы говорили: пусть распорядится история. В результате определенных исторических процессов появилось решение. История должна распорядиться.

Моя обновленная позиция — раньше мы в ответ на жесткую позицию, которую формулировал японский МИД, занимали не менее жесткую позицию — состоит в том, что я говорю: давайте сотрудничать, искать пути развития наших отношений, обсуждать все вопросы. Жизнь покажет, какое решение должно быть справедливым. Если мы будем продолжать нашу работу над мирным договором, то все это можно обсуждать. Во всяком случае, у нас есть добрая воля к сотрудничеству.

Давайте будем откровенными на партийном уровне. <...> Мы хотим, но никак не можем двинуться навстречу друг другу. Вообще, отношения между двумя странами не такие уж и плохие. Можно было бы и так жить: ведь есть определенное взаимопонимание, мы ездим друг к другу. Речь о другом: о неадекватности уровня наших связей их объективным возможностям, которых более чем достаточно для совершенно иных, плодотворных отношений.

Есть заблуждение, — а я кое-что читаю, — что сейчас, мол, надо воспользоваться тем, что Советский Союз находится в трудном положении. <...> Вы опытный политик и прекрасно понимаете, что тем более в такие времена опасно и бесперспективно задевать чувствительные для национального характера струны, ибо это не даст должного эффекта. Надо двигаться вперед, находить новый уровень сотрудничества. Тогда возникнет новая ситуация. Политика — это искусство возможного. <...>

Одзава. Вы сказали, что уже есть определенный уровень обменов, определенная степень взаимопонимания. Но если на этом останавливаться, то, наверное, не стоило и встречаться. Мы должны в нашей беседе обсудить максимум возможного, добиться максимально плодотворных результатов.

Горбачев. Если бы я думал по-другому, я бы не собирался ехать в Японию. <...>

Одзава. <...> Я хорошо понял смысл Вашего разговора о политике, которая оказала большое позитивное влияние на объединение Германии и улучшение

отношений в Европе. Именно поэтому мы высоко ценим и Ваши шаги, и Вашу политику. Но существует коренная разница между японо-советскими и советско-германскими отношениями. Наша страна во время Второй мировой войны сама не нападала на Советский Союз, не наносила ему вреда. Я хочу передать Вам не только мое личное мнение, а общее настроение всего японского народа: все надеются, что Президент своими смелыми политическими решениями может устранить препятствия, существующие на пути наших отношений.

Горбачев. Вы говорите, что выступаете за взаимодействие, ожидаете смелых шагов. Что Вы имеете в виду? Раскройте формулу. Я сказал об общих направлениях. Есть еще детали, их можно обсуждать.

Одзава. <...> Раскрою эту формулу: я думаю, Вы понимаете, что речь идет о четырех островах: Кунашир, Итуруп, Хабомаи, Шикотан. Мы ждем от вас признания в принципе суверенитета нашей страны на эти острова. <...>

Горбачев. Знаете, Восточная Пруссия была частью Германии. Нынешняя часть Западной Польши входила когда-то в состав рейха*, причем в течение около 600 лет. Просто так, в чистом виде эта проблема не может выглядеть так, как Вы говорите. Была война, был послевоенный процесс, и рассматривать все надо в рамках послевоенного периода. <...>

Вообще, за последние годы, в немалой степени благодаря и позиции Японии, в нашем обществе значительно изменилось отношение к японцам. Оно стало очень положительным. Но ведь в то же время проводят опросы и на Сахалине, и в Хабаровском крае. Все процессы столь взаимосвязаны, что нельзя разом все переломить.

Одзава. <...> Мы ни в коем случае не выступаем против послевоенной системы, но просим понять, что в той войне мы по своей воле ни разу не начинали боевые действия против вас.

Горбачев. Но были две сражающиеся коалиции. Мы историю не перепишем, погибших не вернем, хотя очень хотелось бы.

Одзава. Но вопрос о северных территориях возник не в результате войны со стороны Японии.

Горбачев. В результате Второй мировой войны. Ведь мы принадлежали к различным коалициям, и Квантунская армия — это реальность. <...>

Одзава. Вы сказали, что история решит. Но историю создает человек, и лично Вы как раз сейчас творите мировую историю. Я думаю, существует возможность для смелых решений, которые сдвинут историю. <...>

Горбачев. Хорошо, я Вашу позицию понял. Вы ее с разных сторон аргументировали. Она будет учитываться нами на завершающем этапе подготовки. <...>

Что еще в повестке дня визита? Думаю, это может быть тема взаимодействия в АТР. После известных инициатив во Владивостоке и Красноярске наши контакты показывают, что страны региона заинтересованы в усилении позитивных процессов. Я уже говорил, что мы надеемся сотрудничать с США в АТР. Трудно представить успешный процесс без поддержки Индии, Китая,

* Имеется в виду Священная Римская империя (с конца XV и до начала XIX века — Священная Римская империя германской нации).

всех других стран. За это время я встречался с представителями Таиланда, Сингапура, Малайзии, Новой Зеландии, Австралии. Вывод один: все хотят улучшения и оздоровления ситуации в регионе. Не улавливать это в политике недопустимо. <...>

Вообще в этом регионе происходит много интересного. Те процессы, которые протекают в странах АСЕАН, Южной Кореи, а в них — немалый вклад и Японии — показывают, что проблемы могут решаться. Я выступаю за сознательную, продуманную политику, которая сохраняла бы все связи и обеспечила дальнейшее развитие. <...>

Одзава. Если подвести итоги, то можно ли считать, что Вы будете все обсуждать на правительственном уровне. То есть Ваши соображения Вы изложите на встрече с главой нашего правительства?

Горбачев. Мы обсудим весь комплекс вопросов, без исключения. До чего договоримся, на какие решения выйдем — посмотрим.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Итиро Одзавой (один на один)
26 марта 1991 года**

Одзава говорит о предложении японской стороны обсудить три момента в рамках вопроса о «северных территориях», а именно:

— Признать действительность совместной декларации 1956 года и взять ее за основу для начала новых переговоров о мирном договоре.

— Подтвердить, что в дальнейшем под территориальным вопросом между СССР и Японией подразумевается решение судьбы двух других островов — Кунашира и Итурупа.

— Переговоры, которые начнутся после визита, будут касаться, наряду со всеми другими вопросами, определения статуса Кунашира и Итурупа. Хотя точный срок окончания переговоров определить трудно, обе стороны исходят из необходимости завершить их до конца этого года, а точнее осенью. <...>

При условии подтверждения в принципе согласия сторон по этим трем пунктам, мы намеревались приступить к осуществлению мер экономической помощи, начав с выделения кредитов для выплаты задолженности советской стороны японским фирмам в сумме около 450 миллионов долларов. <...>

Горбачев. Вы энергичный человек и политик, сразу переводите вопросы в плоскость конкретных формул и сроков. Но к сожалению, я не могу ответить тем же. Я считаю, что мы еще не готовы к конкретным решениям, общий ход событий, сама ситуация еще не подвели нас к этому. <...>

Я считаю, что главной задачей и Вашего визита, и моего — в Японию будет подготовка условий для вывода наших отношений на новый уровень, придания им мощного импульса развития. На этой новой основе мы сможем начать обсуждение всего комплекса интересующих нас вопросов, включая мирный

* Одзава попросил о дополнительной встрече один на один, с тем чтобы более конкретно изложить свою позицию и те соображения, обсуждение которых было целью его визита в Москву.

договор и в его контексте вопрос о прохождении линии границы. <...> Уверен, мы найдем возможности продвижения к решению вопросов. <...>

Одзава. Значит, будем считать, что ничего как бы не было, ни тех политических, ни экономических вопросов, и мы имеем чистый лист для начала нового обсуждения?

Горбачев. Конечно, господин Одзава, все намерения экономического порядка — это исключительно ваш вопрос, вопрос доброй воли японской стороны. Я вообще считаю, что какие-либо увязки просто некорректны и недопустимы. <...>

Давайте, резюмируем так: мы провели две очень важные и полезные встречи, во время которых были углубленно обсуждены вопросы двусторонних отношений, проведен обмен мнениями по ряду международных проблем. <...>

Одзава. Хотел бы рассчитывать, что на встречах в Токио японцев будут ожидать какие-то обнадеживающие высказывания.

Горбачев. Нет, сюрпризов не будет. Конечно, будут какие-то отработанные формулировки, возможны нюансы. Я заверяю Вас, что мы провели очень ответственный и серьезный анализ.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с премьер-министром Японии Тосику Кайфу
Токио, 16–18 апреля 1991 года*
Из первой беседы, 16 апреля*

Кайфу (после обмена приветствиями). Мы считаем, что улучшение японо-советских отношений и расширение диалога и сотрудничества между нашими странами внесет большой вклад не только в двусторонние отношения, но и в дело мира в Азии и во всем мире. <...>

Думаю, настал момент, когда высшим руководителям наших стран необходимо принимать смелые решения. <...>

Горбачев. Мы, господин Кайфу, приехали с большим запасом доброй воли и искренним желанием вывести наши отношения на новый уровень. <...>

Говоря об этом, Горбачев обращает внимание на то, что на фоне позитивных процессов в международном развитии — как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, — в советско-японских отношениях налицо отставание и они нуждаются в улучшении.

Кайфу, отвечая Горбачеву, говорит о настроениях в общественном мнении Японии, о «территориальном вопросе» как препятствии для развития советско-японских отношений, и излагает принципиальную позицию японского правительства по этому вопросу.

Горбачев, возражая премьер-министру, приводит контраргументы советской стороны.

* В апреле 1991 года Президент СССР М.С. Горбачев посетил с официальным визитом Японию. Состоялись шесть раундов переговоров с Тосику Кайфу. Переговоры завершились подписанием политического итогового коммюнике и еще 15 документов по конкретным направлениям советско-японского сотрудничества.

Кайфу повторяет предложения, которые содержались в его послании Горбачеву, переданном ранее Одзавой.

Горбачев. <...> Какой подход мы предлагаем? Не надо ничего копировать. Но давайте думать о том, как от малых масштабов сотрудничества и доверия выйти на более высокий уровень доверия и сотрудничества и создать новую среду в наших отношениях. В нашем подходе есть признание того, что рядом с нами — великая соседняя держава. В то же время мы не навязываемся в друзья, если в Японии не созрело общественное мнение и политические силы. Во всяком случае, мы не хотели бы обострять отношения с Японией. Думаю, господин Кайфу, что если мы хотим совершить прорыв в наших отношениях и если мы реалисты, — а политика, основанная не на реальностях, а на пожеланиях, оторванных от реальностей, неэффективна, — мы предлагаем поднимать отношения на новый уровень, вовлекать все новые сферы, решать различные вопросы и коренным образом менять всю атмосферу. Мы понимаем, что мы не можем отложить, отбросить проблему препятствий, как вы называете проблему мирного договора. И поэтому надо идти на сотрудничество и одновременно вести переговоры в другой динамике и в другом темпе. <...>

Жизнь подведет нас к справедливому решению всех проблем, включая и территориальную, которая стоит на пути заключения мирного договора. Кстати, мы реалисты и понимаем, что в японском обществе существует общественное мнение. В то же время свое общественное мнение существует и у нас. Ни вы, ни мы не можем это общественное мнение игнорировать. Мы можем только расширять сотрудничество, изменять ситуацию и настроения в обществе, создавать новую атмосферу, новую среду и выйти на баланс интересов. <...>

Вам кажется, что тем, что вы не идете на расширение экономического сотрудничества, вы быстрее подталкиваете нас к тому, чтобы развязать этот узел, но дело обстоит как раз наоборот. Наш общий опыт говорит о том, что, если мы говорим о расширении сотрудничества, надо создавать для этого базу и даже вести дело к большей взаимозависимости. Мы не будем торговать принципами за доллары. <...>

Кайфу. Я глубоко уверен, что японский народ полностью разделяет Ваши соображения о необходимости вывода советско-японских отношений на новый уровень.

Многие в Японии прилагают усилия в этом направлении. Среди политических деятелей и в японском народе в целом укрепляется осознание необходимости кардинального улучшения наших отношений. <...>

Далее собеседники изложили свои соображения о возможных направлениях сотрудничества между двумя странами. Кайфу говорил о желании японской стороны оказать «техническое содействие» перестройке в таких областях, как торговля, рыболовство, авиационное сообщение, о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, мирного использования атомной энергии, охраны культурного наследия, в гуманитарных вопросах. Горбачев, со своей стороны, поставил вопрос об участии японского бизнеса в осуществлении ряда крупных проектов, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке.

Продолжение переговоров 17 апреля

Кайфу. Предлагаю продолжить переговоры. В первой половине дня мы обсудим международную обстановку. Вам предоставляется слово.

Горбачев (после обзора основных процессов на международной арене). С чего началось наше сближение? С признания двух постулатов. Первое — свобода выбора, второе — приверженность балансу интересов. Если их забыть, то ничего не получится.

Такой подход оплодотворяет нашу работу на всех направлениях. С этой точки зрения мы смотрим и на наши отношения с Японией, которые необходимо динамизировать, переводить в другое качество. Это императив времени, хотя здесь есть и специфические побудительные мотивы, о которых мы обменялись мнениями вчера на переговорах. Хотел бы подчеркнуть, что оздоровление наших отношений не нанесет вреда никаким иным странам, и мы должны открыто сказать об этом миру. <...>

Кайфу. <...> В связи с проблемой отношений Восток — Запад хотел бы затронуть вопрос о Договоре об обычных вооруженных силах в Европе. Насколько мне известно, в связи с этой договоренностью имеются определенные трудности. Япония и другие азиатские страны, в частности, выражают озабоченность тем, что из-за сокращений по указанному договору вооружения СССР перемещаются к востоку от Урала. <...>

Разделяю Ваши соображения по проблеме Север-Юг. В том числе о том, что развитые страны не должны рассматривать развивающиеся как сырьевой придаток. При этом в моем подходе к проблеме Север-Юг я также считаю важным уделять должное внимание задаче защиты окружающей среды, продолжать усилия по рациональному освоению природных ресурсов стран Юга.

Япония оказывает содействие развивающимся странам по линии официальной помощи на цели развития, стремясь к тому, чтобы эти страны окрепли и могли сами собственными усилиями осуществлять экономическое развитие.

Япония будет продолжать усилия с целью стабилизации положения в АТР. В нем, правда, нет четкого разделения на противостоящие структуры, которое имело место в Европе применительно к ОВД и НАТО. Например, в АТР есть Китай, который невозможно однозначно рассматривать в контексте отношений Восток-Запад. Кроме того, часть стран АТР ставят перед собой в качестве первоочередной задачи главным образом ликвидацию бедности и подъем экономики. На Корейском полуострове Япония стремится содействовать объединению и стабильности. <...>

Хотел бы вновь повторить, что мы высоко оцениваем прилагаемые Советским Союзом усилия с целью урегулирования проблем в рамках отношений Восток-Запад, в частности в отношениях между СССР и США. Япония, со своей стороны, намерена содействовать этому, и, на мой взгляд, мы должны взаимодействовать также в Азии, решая проблемы наших отношений. То есть построить базу взаимодействия и доверия между нашими странами и народами. <...>

Горбачев (реагируя на информацию Т. Кайфу об обсуждении в рамках «семерки» вопроса о мерах в поддержку перестройки в СССР). Критерий принятия решений со

стороны «семерки» в отношении СССР должен, видимо, заключаться в поддержке направленности нашей внешней политики в отношении других государств. Мы ее подтверждаем. Что же касается нашей внутренней политики, то здесь, как говорится, каждый по-своему с ума сходит, и позвольте нам это делать.

Хотел бы подчеркнуть одну очень важную мысль. Не пропустите ее. Она касается оказания помощи другим странам. Вы сказали, что Япония в своей политике намерена содействовать тому, чтобы помогать другим странам становиться на собственные ноги. Я считаю, что такая политика заслуживает одобрения. <...>

Кайфу предлагает Горбачеву подвести итог данному раунду переговоров.

Горбачев. Я удовлетворен состоявшимся сегодня обменом мнениями. Во-первых, у нас очень много совпадающих подходов. Это является подтверждением того, что у нас есть хорошая база для диалога и сотрудничества.

Во-вторых, я думаю, что тема Азиатско-Тихоокеанского региона пока в силу каких-то причин не очень звучит на наших сегодняшних переговорах. Я вчера уже говорил, что и в этом регионе начались перемены к лучшему. Их количественное накопление дает возможность перейти к другому этапу — от двусторонних связей и контактов к международным консультациям.

Я не за повторение структур или даже этапов, которые были в Европе, но приходит мысль о том, что в АТР присутствуют, действуют и взаимодействуют США, СССР, Япония, Китай и Индия. Напрашивается вывод о том, что они могли бы внести свой специфический вклад в обсуждение проблем этого региона и я, например, разделяю Ваши мысли о безопасности в регионе и о возможных шагах в этой связи. Но это, разумеется, не означает пренебрежения тем, что уже есть. В частности, это касается японо-американского договора безопасности. Почему бы это соглашение не могло войти в будущие структуры безопасности в регионе? Но это в будущем, а сегодня оно делает, так сказать, свое дело и препятствий с этой стороны я не вижу.

Есть и такая тема: какой должна быть военная политика стран региона? У нас существует оборонная доктрина, она касается и этого региона, и то, что мы обещали, мы реализуем.

Как себя в этом отношении мыслит Япония? Я должен откровенно сказать: в разговорах и контактах с представителями других стран возникает такая тема — как бы нынешний научно-технический и экономический потенциал Японии не дал толчок к тому, чтобы Япония в будущем превратилась в крупную военную державу. Мы видим, что японская доктрина не меняется, но Вы должны знать, что такое беспокойство испытывают в азиатских государствах. Хотя мы считаем, что Япония доказала миру, что она стала великой державой, развиваясь в сфере экономики, науки и техники. <...>

Кайфу. Хотел бы кратко прокомментировать Ваши высказывания. Японская сторона не отрицает возможности обсуждения вопросов, которые Вы поставили. Но на данном этапе существует немало сложностей в урегулировании положения в АТР. Например, если мы предложим совместно обсудить корейскую проблему с участием обеих Корей, а также СССР и Японии, то это, видимо, пока будет нереально. Поэтому я предпочитаю подходить к каждому вопросу АТР отдельно.

Хотел бы также сказать, что азиатские страны существенно различаются по уровню экономического развития, поэтому мы обращаем основное внимание прежде всего на экономическое положение региона. Мы позитивно относимся к подключению СССР к работе Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (КТЭС), имея в виду, что, принимая участие в сотрудничестве в рамках этой организации, Советский Союз внесет конкретный вклад в решение региональных экономических проблем.

Относительно озабоченности по поводу того, как бы Япония не стала военной державой, самым категорическим образом заявляю, что повода для такого беспокойства нет. Исходя из уроков прошлого, мы ежегодно публикуем «Белую книгу по вопросам обороны», в которой даем полную информацию на этот счет, отличающуюся высокой степенью открытости и гласности. Таким образом, подобное беспокойство не оправдано. Мы считаем, что именно такая наша политика вносила и будет вносить вклад в дело мира и стабильности в АТР. Мы намерены твердо придерживаться ее и впредь.

Горбачев. Мы высоко оцениваем состоявшийся сегодня обмен мнениями.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

Переговоры были продолжены во второй половине дня (третий раунд). Дискуссия развернулась вокруг оценки Совместной декларации 1956 года и международно-правовых аспектов, касающихся четырех островов южно-курильской гряды. Премьер-министр Кайфу призывал подтвердить Декларацию 1956 года, сохраняющую, как он настаивал, юридическую силу, и рассматривать ее как основу переговоров.

Горбачев указывал на то, что вследствие наступивших позднее обстоятельств, в том числе действий японской стороны, та договоренность была разрушена и Декларация 1956 года утратила юридическую силу. Советская сторона внесла ряд конкретных предложений, направленных на продолжение работы по всем вопросам, касающимся подготовки мирного договора, включая территориальное размежевание.

В ходе состоявшегося утром 18 апреля четвертого раунда переговоров стороны обменялись предложениями к проекту Совместного заявления, переданными друг другу в письменном виде. Состоялась дискуссия по этим предложениям и работа по редактированию текста, поиску приемлемых формулировок. Спор шел в основном о том, в каком виде отразить факт наличия Совместной декларации 1956 года: японская сторона настаивала на упоминании этого документа, советская — возражала, ссылаясь на то, что эта декларация, хотя и зафиксировала в свое время прекращение состояния войны и установление дипломатических отношений, но не выполнила в целом своей роли и утратила актуальность.

Обсуждение было вновь продолжено днем (пятый раунд переговоров), а затем, после продолжительного перерыва, вечером (шестой раунд) того же дня. В результате напряженной дискуссии был окончательно согласован текст совместного итогового заявления. Японская сторона сняла требование об упоминании Совместной декларации 1956 года, согласившись на формулировку Горбачева — отметить, что в работе по завершению подготовки мирного договора стороны будут использовать весь позитив, накопленный в двусторонних переговорах, начиная с 1956 года. По настоянию Горбачева была также уточне-

на запись, согласно которой было признано целесообразным развертывание конструктивного сотрудничества двух государств.

Возвращаясь из Японии на родину, Горбачев сделал остановку в Южной Корее, где на острове Чечжудо состоялась его третья по счету встреча с президентом Ро Дэ У. В отношениях с Южной Кореей уже был создан хороший задел на будущее экономическое сотрудничество. В совместной с корейскими бизнесменами проработке находилось 48 крупных проектов промышленно-технологического плана, в том числе по освоению природных ресурсов Дальнего Востока и Сибири. Речь шла также о соглашении по сотрудничеству в области рыболовства, об открытии прямого морского сообщения с Южной Кореей. На встрече с Ро Дэ У обсуждались конкретные вопросы двусторонних советско-южнокорейских отношений, обстановка на Корейском полуострове (особенно в связи с ядерной программой Северной Кореи и ее отказом присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия) и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Горбачев предложил подписать договор о добрососедстве и сотрудничестве двух государств.

*Из беседы с главой делегации
Либерально-демократической партии Японии М. Ватанабэ
Москва, 5 мая 1991 года*

Горбачев, приветствуя гостя, высказывает удовлетворение диалогом в Токио. Будем считать, что уже пошел отсчет совместных усилий после визита. <...>

Ватанабэ. Мы приветствуем подписание 15 документов, охватывающих связи во многих практических областях. Может быть на первый взгляд они и не так значимы, но они охватывают различные области, и любое продвижение сотрудничества в них будет означать расширение отношений между двумя странами по всем возможным направлениям: научному, техническому, экономическому, культурному и т.д. <...> Мы хотим, конечно, идти вперед, и в этих целях хотим искать благоприятные моменты, могущие обеспечить прорыв.

Горбачев. Тем более что, оказывается, не все хотят, чтобы наши отношения выходили на новый уровень.

Ватанабэ. Что Вы имеете в виду? Не хотят у вас в стране?

Горбачев. И у нас еще велик груз прошлого, да и вовне не все этого хотят. Об этом я узнал, читая информацию уже после визита. Этот факт лишний раз доказывает, насколько советско-японские отношения являются важным пунктом в мировой политике. <...>

Ватанабэ. Япония действует не по указке США. Мы строим свою политику, исходя из собственных интересов. Я просил бы Вас это иметь в виду.

Горбачев. У нас с США хорошие отношения, и мы их сохраняем. Но американцы все же — против предоставления японских кредитов нам. Так что и при хороших отношениях с нами они все же против развития советско-японских отношений.

Поэтому я приветствую Ваши усилия, когда Вы рекомендуете нашим общим американским партнерам улучшать отношения, сотрудничать. <...>

Мы за то, чтобы и советско-американские, и советско-китайские, и советско-японские, и японо-китайские, японо-американские, словом все отно-

шения были хорошими. Об этом знает президент США, знает господин Кайфу, знают и в Китае. Очень важно сохранить это разумное равновесие.

Ватанабэ. Поэтому я хочу подчеркнуть, что представления о том, что если Япония и США — друзья, то не может быть дружественных отношений между Японией и СССР, несостоятельны, основаны на ошибочной логике.

Горбачев. Я особенно приветствую это Ваше заявление.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы с Генеральным секретарем ЦК КПВ Нгуен Ван Линем
Москва, 11 мая 1991 года*

Горбачев, приветствуя гостя, говорит, что эта встреча руководителей двух государств и партий — очень важный новый шаг в советско-вьетнамских отношениях.

Нгуен Ван Линь информирует об обновленческих процессах во Вьетнаме, рассказывает о подготовке VI съезда КПВ, останавливается на ситуации в Камбодже, позиции Китая в отношении ситуации в Камбодже, на трудностях во вьетнамско-китайских отношениях, дает пояснения по вопросам, поднятым Горбачевым.

Горбачев. Скоро приезжает Цзян Цзэминь. И я, несмотря на всю деликатность проблемы, поставлю ее перед ним. <...>

Нгуен Ван Линь. Мы с большим удовольствием восприняли Ваши высказывания в Японии относительно развития ситуации в АТР. Нынешняя ситуация требует от нас поисков новых форм и путей сотрудничества в наших общих интересах. После поражения во Вьетнаме США долго пренебрегали этим районом, а сейчас активно возвращаются в Юго-Восточную Азию. Усиливают базы на Филиппинах, недавно создали базу на Сингапуре.

Поэтому мы поддерживаем Ваше предложение о встрече пяти крупных держав АТР. Но должен Вам сообщить, что Индонезия выражает недовольство этим предложением, считая себя крупной державой.

Горбачев. А Вьетнам — тоже крупная держава! А Таиланд?

Нгуен Ван Линь. Индонезия побаивается, что Индия укрепит свои позиции в этом регионе.

Горбачев. Регион огромный, сложный. Приступить к решению проблем трудно, но приступили.

Нгуен Ван Линь. Мы стояли и будем стоять за всемерное развитие отношений с Советским Союзом. Это краеугольный камень нашей внешней политики и основа нашего участия в мировом процессе. <...>

Горбачев. О международных делах. Мир круто меняется. И в основном к лучшему. Но надо быть внимательными к идущим процессам. Мы видим, что Европа проявляет большую заинтересованность в широких связях с СССР. США нервничают и в связи с нашими отношениями с Европой, и в связи с улучшением наших отношений с Индией, Китаем. Мы за то, чтобы отношения с США сохранялись, развивались, улучшались.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

*Из беседы со спикером парламента Южной Кореи Пак Чун Гю
Москва, 13 мая 1991 года**

После обмена приветствиями Пак Чун Гю вручил Горбачеву личное послание президента Республики Корея Ро Дэ У.

Пак Чун Гю. Президент Ро Дэ У высоко оценил Ваше сообщение на заседании Верховного Совета СССР об итогах визитов в Японию и Республику Корея. <...>

Горбачев. Три встречи с господином Ро Дэ У – хороший показатель укрепления сотрудничества между СССР и Республикой Корея, а также важный фактор реализации чаяния корейского народа об объединении страны.

Это, наконец, хорошо и для налаживания сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и для оздоровления общей международной обстановки. <...>

Пак Чун Гю. У нас в Республике Корея Вас знают и уважают как примерного гражданина и семьянина. Но больше всего Вас ценят за то, что Вы являетесь самым видным мировым деятелем, пионером новой международной политики, которая принесла хорошие плоды для народа Республики Корея. <...>

Хорошие отношения Республики Корея с Советским Союзом благоприятно влияют на укрепление мира на Корейском полуострове, на снижение уровня военного противостояния с Северной Кореей, укрепляют нашу уверенность в том, что в Корее не будет второй войны. <...>

В последние годы установилось сотрудничество между СССР и США в деле обеспечения мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Теперь, в преддверии XXI века, мы полагаем, что в интересах воссоединения Кореи и обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии мы должны стремиться к сотрудничеству не только с США, но и с Японией, которая выходит на первое место в мире по размеру ВВП, с Китаем, население которого превысило 1 миллиард человек, и с Советским Союзом, располагающим огромными природными и людскими ресурсами и военным потенциалом. Об этом мы говорим и американцам при контактах с ними.

Горбачев. Вы правильно раскрыли смысл и значение нашего сотрудничества. Сам факт быстрого развития отношений между СССР и Республикой Корея оказывает серьезное позитивное влияние на международную обстановку. Разделяю Ваше мнение о необходимости сотрудничества с Японией, Китаем, США. Позавчера я почти час говорил по телефону с президентом Бушем. Мы обсудили много вопросов. В частности, я рассказал президенту о своих впечатлениях от поездки в Японию и Южную Корею, сообщил, что проблематику АТР мы будем обсуждать на начинающихся 15 мая переговорах с Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэминем – обсуждать в духе внимательного учета позиций, баланса интересов всех государств этого региона.

АГФ. Фонд № 1, опись № 1.

* Президент Ро Дэ У в знак высокой оценки визитов Горбачева в Японию и Республику Корея направил в Советский Союз с официальным визитом делегацию во главе со спикером Национального собрания.

О визите Цзян Цзэминя в СССР

В Китае после трагических событий на площади Тяньаньмынь сложилось новое руководящее ядро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином. Советско-китайские отношения продолжали развиваться по восходящей линии на всех направлениях. Хотя в Пекине проявляли немалую озабоченность нарастанием внутривластной напряженности в СССР и в закрытом порядке подвергали политику «горбачевской перестройки» критике, открытая полемика не допускалась. В середине мая 1991 года состоялся визит Цзян Цзэминя в СССР. Горбачев информировал его о ситуации в стране и подтвердил заинтересованность Советского Союза в дальнейшем развитии сотрудничества с Китайской Народной Республикой. Китайский руководитель пожелал успеха в проведении реформ, подчеркнув, что это самым непосредственным образом связано с укреплением стабильности в Советском Союзе.

(Запись этой беседы в архиве Горбачев-Фонда отсутствует).

Заключение

Материалы этого раздела дают представление о том, как в годы перестройки развертывалась внешнеполитическая деятельность советского руководства на азиатско-тихоокеанском направлении. Значение этого направления определялось двумя главными обстоятельствами: во-первых, необходимостью обеспечить безопасность восточных границ страны и дать дополнительный импульс развитию Сибири и Дальнего Востока; во-вторых — пониманием неделимости мира и безопасности, стремлением дополнить выстраиваемую систему безопасности на Западе усилиями по созданию аналогичной системы коллективной безопасности в Азии.

Эти мотивы продиктовали направленность и содержание программы действий в АТР, с которой Горбачев выступил в июле 1986 года во Владивостоке. Отличительные черты этой программы, основанной на принципах нового мышления, — стремление содействовать сближению между странами региона, смягчению и преодолению противоречий между ними, разрешению конфликтных ситуаций, развитию взаимовыгодного сотрудничества, укреплению безопасности в АТР прежде всего политическими и экономическими средствами, создавая климат доверия и взаимной доброжелательности.

Владивостокская программа, которая позднее дополнялась и конкретизировалась, была направлена на сближение цивилизаций в планетарном масштабе. Развитие отношений со странами Азии не противопоставлялось отношениям с Западом, а, напротив, рассматривалось в органическом единстве с задачами укрепления безопасности во всем мире. То позитивное, что было к тому времени достигнуто в налаживании отношений Советского Союза с Западом в рамках хельсинкского процесса, предлагалось использовать и на азиатско-тихоокеанском направлении.

На основе владивостокских инициатив завязался конструктивный диалог с большинством государств региона. Как правило, на высоком и высшем уровне. Удалось выйти на такие контакты, которые прежде трудно было себе представить. Как видно из содержания бесед Горбачева с руководящими деятелями стран АТР, обсуждались не только двусторонние отношения, но и общая ситуация в регионе и в мире. При этом Горбачев стремился содействовать сближению стран региона друг с другом, сглаживать противоречия, помогать в поисках развязок конфликтных ситуаций (Индия — Китай, Вьетнам — Китай, Вьетнам — Таиланд, Индия — Пакистан, две Кореи, Монголия — Китай...).

Наиболее продвинутые отношения сложились в этот период с Индией. Советско-индийские отношения стали конструктивным фактором большой международной значимости. Они во многом способствовали общему изменению климата в АТР. Несмотря на известные различия в общественном строе, культуре, менталитете, было достигнуто полное взаимопонимание в оценке мировой ситуации, а дружественные отношения двух стран и народов поднялись на самый высокий уровень, свидетельством чего стала совместно разработанная Делийская декларация.

За сравнительно короткий срок на азиатско-тихоокеанском направлении удалось достичь важных внешнеполитических результатов. Благодаря постепенным взаимным шагам к сближению были подготовлены условия для нормализации отношений с Китайской Народной Республикой, что и произошло во время советско-китайской встречи в верхах в 1989 году. Интенсивные контакты с японскими государственными, политическими и общественными деятелями позволили «разморозить» и динамизировать крайне важные для нас отношения с Японией. Во взаимодействии с Вьетнамом, Лаосом, а также Индонезией и другими государствами АСЕАН удалось поставить на практические рельсы урегулирование ситуации вокруг Кампучии (Камбоджи). Наметились обнадеживающие признаки уменьшения военного противостояния на Корейском полуострове. Получили развитие отношения с Индонезией, Филиппинами, Малайзией. Было положено начало полезному диалогу с Таиландом. В целом отношения со странами АТР вышли на качественно новый уровень.

Дальнейший ход событий целиком подтвердил правильность исходной посылки этой деятельности на азиатско-тихоокеанском направлении, а именно — уверенности в том, что центр тяжести экономического развития и мировой политики все больше смещается в этот регион и его значение будет возрастать. В годы перестройки сформировалась как бы матрица политики в АТР на длительную перспективу. Многие из того, что было намечено тогда, в свое время не удалось реализовать — для этого не хватило ни сил, ни отпущенного для перестройки времени. Но принципиальные основы, заложенные внешней политикой Горбачева, остаются в силе и продолжают служить интересам России, для которой отношения со странами этого региона приобретают все большее значение.

В 1998 году Россия стала членом АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), на долю которого приходится 57 процентов мирового ВВП, 48 процентов мировой торговли, 40 процентов прямых иностранных инвестиций. За последние десятилетия мощный скачок в своем индустриальном развитии совершил Китай, который по праву стали называть промышленной «фабрикой мира». Китай занимает одно из первых мест в списке торговых партнеров России. В десятку наиболее динамично развивающихся стран вошла Индия, которая совершила настоящий прорыв в сфере высоких технологий. Сохраняет свои позиции одного из мировых лидеров в области технологий Япония. Высокими темпами развиваются экономики Южной Кореи, Вьетнама, Малайзии...

У России в этом регионе имеется огромный потенциал для наращивания взаимовыгодного сотрудничества в различных областях хозяйства. С учетом не только экономических, но и политических связей со странами Азии, которые динамично развиваются, Россия призвана стать одним из ведущих государств АТР. Инвестиции стран АТР в экономику Восточной Сибири и Дальнего Востока будут способствовать ускорению темпов их социально-экономического развития.

Примечания

- ¹ В 1971 году ООН приняла Декларацию об объявлении Индийского океана зоной мира. Однако из-за позиции в первую очередь США она не была претворена в жизнь. В течение ряда лет работал Специальный комитет ООН по Индийскому океану, в состав которого входили СССР и США.
- ² Обязательство не применять ядерное оружие первым было принято Советским Союзом в 1982 году, а Китаем — в 1984-м.
- ³ Имеется в виду Заявление Советского правительства от 24 апреля 1986 года, посвященное ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В Заявлении содержался призыв «проявлять взаимную сдержанность, не допускать каких-либо действий, которые ухудшали бы политический климат в этом районе мира...».
- ⁴ Имеется в виду американская политика поддержки сепаратистских движений в Индии.
- ⁵ Отношения Китая и Вьетнама обострились после победы вьетнамского народа в 1973 году в борьбе против американской агрессии и особенно после воссоединения Севера и Юга Вьетнама и создания единого государства в 1975 году. Напряжение возросло после свержения (не без помощи вьетнамцев) в декабре 1977 года в Кампучии террористического режима Пол Пота — Иенг Сари. По просьбе нового правительства Вьетнам в январе 1979 года ввел свои войска в Кампучию. В ответ тогдашнее руководство Китая 17 февраля 1979 года предприняло военное вторжение во Вьетнам. 30-дневная война закончилась к концу марта, основные подразделения китайских войск вернулись в пределы своей территории.
- ⁶ «Тремя препятствиями» в Китае называли выдвигаемые в качестве предварительных условий улучшения отношений следующие требования к СССР:
 1. Прекратить поддержку Вьетнама и побудить его вывести войска из Кампучии.
 2. Вывести войска из Афганистана.
 3. Сократить численность войск на Дальнем Востоке, убрав при этом советские воинские части из Монголии.
- ⁷ Имеется в виду идея кооперирования маломощных информационных служб развивающихся стран. К этому времени уже существовал пул информационных агентств неприсоединившихся стран.
- ⁸ Ганди Индира (1917–1984) — лидер партии Индийский национальный конгресс (И), премьер-министр Индии в 1966–1977 и 1980–1984 годах. Погибла 31 октября 1984 года в результате покушения.
- ⁹ Батмунх Жамбын (1926–1997) — Генеральный секретарь Монгольской народно-революционной партии, Председатель Президиума Великого народного хурала МНР в 1984–1990 годах.
- ¹⁰ Идея неприсоединения была сформулирована еще в конце 40-х годов первым премьер-министром независимой Индии Джавахарлалом Неру. Движение неприсоединения оформилось на конференции глав государств и правительств 25 неприсоединившихся стран в Белграде 1–6 сентября 1961 года.
- ¹¹ В середине 80-х годов в индийском штате Пенджаб усилилась деятельность сикхского террористического подполья, а в Джамму и Кашмире — правых мусульманских организаций. К этому добавилась проблема индийских тамилгов — этнической группы, составляющей также часть населения соседней Шри-Ланки.
- ¹² В 1982 году кампучийская оппозиция в лице трех военно-политических группировок (принца Нородома Сианука, Сон Санна и полпотовских «красных кхмеров» — наиболее сильной в военном отношении) развернула вооруженную борьбу против Народной Республики Кампучии.
- ¹³ Имеется в виду поддержка Соединенными Штатами моджахедов, воевавших против центрального правительства в Кабуле.
- ¹⁴ Еще в 1947 году США получили от Совета Безопасности ООН временный мандат на управление Микронезией в качестве подопечной территории ООН. А в 1986 году Микронезия без санкции Совета Безопасности ООН была фактически аннексирована и превратилась в неоколониальные владения США, которые использовались для военных целей.

- ¹⁵ На территории Филиппин находились две крупнейшие американские военные базы: Субик-Бей (ВМС) и Кларк-Филд (ВВС).
- ¹⁶ Лейбористское правительство Новой Зеландии, пришедшее к власти в июле 1984 года, ввело запрет на заходы кораблей с ядерным оружием или с атомными двигателями в новозеландские порты. США оказывали нажим на Новую Зеландию, добиваясь исключения для американских военных кораблей.
- ¹⁷ Предложение провести советско-китайскую границу по фарватеру Амура устраняло основное разногласие на переговорах с Китаем.
- ¹⁸ Принципы «Панча шила» (на языке хинди — пять принципов мирного сосуществования): 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. Впервые сформулированы в преамбуле соглашения между Индией и КНР о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией (1954). Принципы «Панча Шила» легли в основу «Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», принятой на конференции 29 стран Азии и Африки в Бандунге (Индонезия) в апреле 1955 года.
- ¹⁹ Перемирие в Корее в ходе войны между Севером и Югом страны, вспыхнувшей в 1950 году, было достигнуто в 1953 году.
- ²⁰ Имеются в виду соглашения, достигнутые на совещании министров иностранных дел СССР, КНР, Великобритании, США и Франции в Женеве 26 апреля — 21 июля 1954 года. Соглашения положили конец длившейся с сентября 1945 года войне Франции со своими бывшими колониями в Индокитае — Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей.
- ²¹ Речь идет о подписанной 10 января 1966 года Ташкентской декларации — документе, который появился в результате переговоров между премьер-министром Индии Л.Б. Шастри и президентом Пакистана М. Айюб-ханом, проходившими в Ташкенте при посредничестве советского премьера А.Н. Косыгина.
- ²² АСЕАН (Association of South East Asian Nations) — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, созданная в 1967 году в составе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин. В 1984 году к ней присоединился Бруней.
- ²³ Кхмерский народ понес огромные жертвы в 1950–1970-х годах: в борьбе против французских колонизаторов, американской агрессии, но особенно в 1975–1977 годах, когда полпотовский режим физически уничтожил 3 миллиона человек — почти половину населения страны.
- ²⁴ ООН признавала созданное кхмерской оппозицией «Коалиционное правительство Демократической Кампучии». Под эгидой ООН в 1981 году была созвана международная конференция по Кампучии, сформировавшая постоянный комитет, полномочия которого не признавались Кампучией, Вьетнамом, СССР и рядом других стран.
- ²⁵ Речь идет о Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индией, подписанном 9 августа 1971 года А.А. Громыко и Сваран Сингхом в Нью-Дели во время официального визита министра иностранных дел СССР в Индию.
- ²⁶ Соглашение о проведении в 1987–1988 годах фестиваля СССР в Индии и фестиваля Индии в СССР было подписано 18 марта 1986 года в Дели.
- ²⁷ Речь идет о VIII конференции Движения неприсоединения, которая проходила в сентябре 1986 года в Хараре (Зимбабве).
- ²⁸ В Делийской декларации 1986 года предложены 10 принципов построения свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира:
1. Мирное сосуществование должно стать универсальной нормой международных отношений.
 2. Человеческая жизнь должна быть признана высшей ценностью.
 3. Ненасилие должно быть основой жизни человеческого сообщества.
 4. Взаимопонимание и доверие должны прийти на смену страху и подозрительности.
 5. Право каждого государства на политическую и экономическую независимость должно признаваться и уважаться.
 6. Ресурсы, расходуемые на вооружение, должны быть направлены на обеспечение социального и экономического развития.
 7. Должны быть гарантированы условия для гармоничного развития личности.
 8. Материальный и интеллектуальный потенциал человечества должен служить решению глобальных проблем.

9. На место «равновесия страха» должна прийти всеобъемлющая международная безопасность.
10. Свободный от ядерного оружия и ненасильственный мир требует конкретных и безотлагательных мер, направленных на разоружение.
- ²⁹ Ли Пэн (р. 1928) — вице-премьер Госсовета КНР в 1983–1987 годах, в последующие годы премьер Госсовета (1988–1998), председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (1998–2003). С 1985 года — в руководстве КПК, в 1987 году был избран членом Политбюро ЦК КПК.
- ³⁰ В июне 1986 года КНДР предложила США и Южной Корее вступить в переговоры по вопросу об удалении американского ядерного оружия из Южной Кореи и превращении Корейского полуострова в безъядерную зону.
- ³¹ Незадолго до того опубликованная повесть писателя Даниила Гранина.
- ³² Невельской Г.И. (1813–1876) — русский исследователь Дальнего Востока, адмирал.
- ³³ Сианук Нородом (р. 1922) — король Камбоджи с 1941 по 1955 год (когда отрекся от престола), неоднократно занимал пост премьер-министра Камбоджи, в 1960 году был избран главой государства (1960–1970), председатель Государственного совета так называемой «Демократической Кампучии» в 1975–1976 годах. В 80-е годы находился в эмиграции в Китае. После возвращения из эмиграции — вновь король Камбоджи в 1993–2004 годах.
- ³⁴ Генерал Сухарто (1921–2008) стал президентом Индонезии в 1968 году в результате военного переворота и оставался им до 1998 года.
- ³⁵ Предоставление сырья производителю для обработки с последующим возвращением готовой продукции заказчику.
- ³⁶ Накасонэ Ясучиро (р. 1918) — премьер-министр Японии и председатель Либерально-демократической партии (1982–1987).
- ³⁷ Чэнь Юнь (1905–1995) — председатель Центральной комиссии советников КПК в 1978–1987 годах, в 1979–1980 годах занимал также пост заместителя Премьера Госсовета КНР.
- ³⁸ Ангкор — грандиозный комплекс храмов, дворцов, озер и каналов близ горда Сием-Реап (Кампучия), сооружен в IX–XIII веках.
- ³⁹ Соглашение о создании безъядерной зоны в южной части Тихого океана, достигнутое на 16-й сессии Южно-тихоокеанского форума (ЮТФ — региональная организация 15 государств и территорий южной части Тихого океана) 15 августа 1985 года. Сессия проходила на острове Раротонга (Острова Кука). Советский Союз 15 декабря 1986 года подписал протоколы 2 и 3 к Договору Раротонга, предусматривавшие обязательства ядерных держав не применять ядерные взрывные устройства и не угрожать их применением против стран — участников Договора, а также не использовать и не испытывать какие-либо ядерные взрывные устройства в пределах безъядерной зоны.
- ⁴⁰ Имеется в виду встреча Горбачева с Т. Живковым, находившимся в Москве 11 мая 1987 года проездом из Китая на родину.
- ⁴¹ Кордовес Диего (р. 1935) — спецпредставитель Генсека ООН по Афганистану в 80-е годы.
- ⁴² Имеются в виду инициативы СССР после Рейкьявика — выделение ракет средней дальности из общего пакета (Заявление 28 февраля 1987 года) и предложение о ликвидации оперативно-тактических ракет в Европе (речь Горбачева 10 апреля 1987 года в Праге).
- ⁴³ См. примеч. 1.
- ⁴⁴ Первые после Второй мировой войны испытания американского атомного и водородного оружия США проводили на атолле Бикини в архипелаге Маршалловых островов в Тихом океане в 1946 и 1954 годах.
- ⁴⁵ Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Подписан в мае 1972 года, вступил в силу 3 октября 1972 года. Вследствие решения США выйти из этого договора он прекратил свое действие с 13 июня 2002 года.
- ⁴⁶ Название государства Камбоджа, введенное полпотовским режимом. Историческое название — Камбоджа — было восстановлено с 1 мая 1989 года.
- ⁴⁷ ЗОПФАН (ZOPFAN — Zone of Peace, Freedom and Neutrality) — зона мира, свободы и нейтралитета.
- ⁴⁸ Зия-уль-Хак (1924–1988) — генерал, стал президентом Пакистана в 1977 году в результате совершенного им военного переворота, погиб в 1988 году в авиакатастрофе.

- ⁴⁹ На территории Таиланда действовали базы «красных кхмеров», что вело к военной напряженности на тайландско-кампучийской границе.
- ⁵⁰ Камрань — военно-морская база на вьетнамском побережье Южно-Китайского моря. После поражения США и их ухода из Вьетнама база была передана Советскому Союзу в бесплатную аренду на 25 лет. Осенью 2001 года Россия объявила о закрытии этой базы с 1 января 2002 года.
- ⁵¹ Проходившая 7–10 сентября 1988 года в Никосии (Кипр) конференция министров иностранных дел неприсоединившихся стран приняла решение создать в рамках инициатив Движения неприсоединения комитет по Камбодже.
- ⁵² По инициативе Вьетнама и Индонезии 25–28 июля 1988 года в городе Богоре (близ Джакарты) прошла первая неформальная встреча противоборствующих кампучийских сторон. Поскольку проблема имела два аспекта — внутренний и внешний, на втором этапе встречи участвовали представители Вьетнама, Лаоса и шести стран АСЕАН. Участники встречи согласились в том, что ключевые вопросы урегулирования — это полный вывод вьетнамских войск из Кампучии, недопущение реставрации полпотовского режима и прекращение поставок иностранного оружия.
- ⁵³ Война началась в сентябре 1980 года, когда вторгшиеся на иранскую территорию иракские войска заняли спорные пограничные участки. 20 августа 1988 года вступило в силу соглашение о прекращении огня. 25 августа в Женеве под эгидой Генерального секретаря ООН начались ирано-иракские мирные переговоры.
- ⁵⁴ В Пекине 28 августа — 1 сентября 1988 года на уровне заместителей министров иностранных дел состоялась советско-китайская рабочая встреча по вопросам, связанным с урегулированием вокруг Кампучии.
- ⁵⁵ Имеется в виду встреча Горбачева с премьер-министром Австралии Робертом Хоуком 1 декабря 1987 года в Москве (см. с. 844–845).
- ⁵⁶ Речь идет о встречах Горбачева с председателем Центрального исполнительного комитета Социалистической партии Японии Масаси Исибаси — 16 сентября 1985 года, с министром иностранных дел Японии Синтаро Абэ — 30 мая 1986 года, с Председателем Президиума ЦК Коммунистической партии Японии Тэцудзо Фувой — 15 марта 1985, 11 августа 1986, 4 мая 1988 года, с председателем ЦИК Социалистической партии Японии Такако Дои — 6 мая 1988 года.
- ⁵⁷ Ньерере Джулиус (1922–1999) — лидер партии Африканский национальный союз Танзании (ТАНУ), бывший президент Объединенной Республики Танзании (1969–1985).
- ⁵⁸ Бхутто Беназир (1953–2007) — лидер Народной партии Пакистана, премьер-министр Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 годах. После нескольких лет вынужденной эмиграции вернулась на родину, где 27 декабря 2007 года погибла от пуль своих телохранителей-сикхов.
- ⁵⁹ Чжоу Эньлай (1898–1976) — китайский революционер, политический деятель, глава китайского правительства с 1949 по 1976 год (одновременно в 1949–1958 годах — министр иностранных дел КНР).
- ⁶⁰ Неру Джавахарлал (1889–1964) — премьер-министр и министр иностранных дел Республики Индия с момента обретения ею независимости, сподвижник Махатмы Ганди в борьбе за национальное освобождение.
- ⁶¹ Администрация президента Буша объявила, что потребуется несколько месяцев, чтобы провести «стратегический обзор» — определиться с оценкой международной обстановки и внешнеполитической линией, в том числе в отношении Советского Союза.
- ⁶² Этот визит не состоялся из-за сложной внутривнутриполитической обстановки на Филиппинах.
- ⁶³ Речь шла о двух, остававшихся тогда спорными островах в районе слияния рек Амур и Уссури — острове Тарабаров и Большом Уссурийском. В октябре 2004 года В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали в Пекине дополнительный протокол к соглашению о российско-китайской границе на ее восточной части, который предусматривал передачу острова Тарабаров, половины Большого Уссурийского и острова Большой на реке Аргунь Китаю. Церемония передачи состоялась в октябре 2008 года.
- ⁶⁴ Ким Ир Сен (1912–1994) — бессменный руководитель Корейской Народно-Демократической Республики до своей кончины.
- ⁶⁵ Шастри Лал Бахадур (1904–1966) — премьер-министр Индии в 1964–1966 годах.
- ⁶⁶ Партия Индийский национальный конгресс (И) — та часть, которую после раскола ИНК возглавила Индира Ганди.

Послесловие

Наш дух разорван между «завтра» мира
И неизжитым предками «вчера».

Максимилиан Волошин

Внешняя политика перестройки сложилась в конкретной исторической ситуации, в которой оказался Советский Союз к середине 1980-х годов прошлого столетия. Понять ее и правильно оценивать можно только с позиций историзма. С учетом условий, когда мир вступал в новую стадию развития, требовавшую фундаментального пересмотра подходов к международной политике. На протяжении тысячелетий отношения между народами и государствами определялись силой, преимущественно вооруженной. Жертвы и разрушения от бесконечных войн были огромны. Но это не останавливало властителей. Победители компенсировали потери за счет побежденных и завоеванных. А те, в свою очередь, придя в себя, набрасывались на бывших победителей. К этому привыкли, прогресс оплачивался кровью, жестокость и насилие представлялись неизбежными, а то и наказанием за грехи.

Положение кардинально изменилось с изобретением ядерного оружия. Человечество стало смертным. Ожесточение «холодной войны» выявило это с ужасающей очевидностью. Цель (победа) перестала оправдывать средство (война), потому что военное столкновение несло всеобщую гибель. В поисках ответа не только на ядерную угрозу, но и на новые, ставшие глобальными проблемы, внешняя политика уже не должна была замыкаться на национально-государственные интересы. На передний план вышел общий интерес человечества в самосохранении. Назрели решения всемирного масштаба. Но чтобы принять их и осуществить, необходимо было иное международное сотрудничество, исключавшее враждебную конфронтацию.

Этим и определилась общечеловеческая парадигма, которая красной нитью вплелась во внешнюю политику перестройки, ясно обозначив контуры большого прорыва. Именно поэтому значение теории и практики внешнеполитической деятельности того времени далеко выходит за рамки конкретного исторического периода, остается актуальным.

Из внешнеполитической практики перестройки вытекают весьма существенные **уроки** для осмысления глобализирующегося мира, поиска оптимальных форм мироустройства и дальнейшего прогресса.

Первый урок. Внешняя политика перестройки доказала, что можно разорвать порочный круг *Realpolitik*, которая исходит из эгоистического понимания национальных интересов — в ущерб интересам других стран и международного сообщества. Становление демократического мирового порядка предполагает приоритет общих интересов и ценностей перед национальными и социально специфическими.

Под напором энергичных действий Горбачева ведущие государственные лидеры проявили интерес к его инициативам и политическую волю пойти на встречу. В переломный момент всемирной истории они оказались на уровне возникших задач и составили уникальную — по своим талантам и степени ответственности — плеяду деятелей, которым удалось повернуть опасный ход событий и направить его в мирное русло. Возникла новая атмосфера в международных отношениях.

Второй урок. Обнаружилось — такова другая сторона наметившегося прорыва, — что нет и быть не может прямого и короткого пути к воплощению новых миротворческих идей в практику международных отношений. Путь этот долог и тернист, на нем неизбежны продолжительные паузы и откаты, потому что корни национально-государственного эгоизма очень глубоки, и они порождают мощную тормозящую инерцию. Однако объективно потребность кардинальных изменений в мировой политике остается, поэтому сохраняется и значение внешнеполитического опыта перестройки.

Третий урок. В противовес **силе**, которая пока (увы!) определяет международный вес государства, внешняя политика перестройки продемонстрировала огромные возможности **доверия** в межгосударственных отношениях. Именно фактор доверия позволил в конце 1980-х годов сделать реальные шаги к разоружению, покончить с «холодной войной» и безумной идеологической конфронтацией. Востребованная XXI веком солидарность государств в решении общих проблем нуждается в доверии, которое только и дает человечеству надежду на спасительную перспективу.

Четвертый урок. Внешняя политика перестройки продемонстрировала **толерантность** по отношению к различиям во взглядах и позициях, в образе жизни и традициях. Имперским стремлениям к гегемонии и унификации под «свой образец» перестроечное мышление противопоставило концепцию «со-развития» многоликого мирового сообщества государств и наций. Из этой концепции вырисовывалась перспектива многополярного мира, а затем демократического устройства многомерного «мира миров».

Пятый урок. Большой удельный вес во внешней политике перестройки имеет социальная составляющая. Глобализация мира по неолиберальным рецептам углубляет его поляризацию на группу богатых и обширные зоны бедности — источник разрастающейся международной нестабильности. Проблема эта все громче стучится в дверь современного мира. Она требует реформирования самой системы международных отношений и совместных усилий, особенно наиболее влиятельных государств и международных организаций.

В последние годы на карте земного шара вновь обозначились траншеи, если не «холодной войны», то, казалось бы, преодоленного конфликтного противостояния. Наметились явные признаки новой гонки вооружений. Усилилась опасность расползания ядерного оружия. Мировой финансово-экономический кризис обнажил острый дефицит международного взаимодействия в экономике. Зазвучали пессимистические голоса об иллюзорности самой надежды на демократический мировой порядок. Вновь забыли о кантовых императивах «вечного мира».

Не является ли этот «откат» от рубежей, достигнутых в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, основанием для переоценки внешней политики перестройки, для представления ее в качестве эпизода «наивного романтизма» в истории международных отношений? Напротив, события последних лет подчеркивают историческую значимость горбачевского прорыва, сдвинувшего с места глубинные пласты мировой политики, которая в силу гигантской инерции просто не может быстро и безболезненно перейти в новое состояние. Сам этот прорыв к новому мышлению породил реакцию противодействия, преодоление которого потребует, скорее всего, целой исторической эпохи.

Во-первых, упразднение биполярной системы балансирования на грани войны, снимая с человечества тяжкий груз постоянной угрозы гибели, само стало источником международной нестабильности. Как только сдерживающие обручи биполярности распались, на поверхность всплыли столетиями накапливавшиеся противоречия и проблемы, локальные узлы взаимных претензий, многолетние споры о границах, национально-этническая нетерпимость, возник международный терроризм нового типа, посягнувший на сам человеческий смысл цивилизации.

Во-вторых, усиление взаимозависимости мира и попытки наладить на этой основе хоть какие-то механизмы управления международными отношениями породили дополнительные узлы напряжения, как в отдельных странах, так и на мировой арене. Отсюда новые сложные проблемы суверенитета и полномочий национальных государств, раздела сфер влияния, распределения и распоряжения ресурсами.

Поскольку общечеловеческие интересы и ценности не институализировались и не стали общепринятыми нормами мировой политики, происходит возврат к традиционной логике национально-государственного эгоизма, сориентированный на силу. Не хватило времени, чтобы преодолеть эту логику. А главное — исчез необходимый для этого мощный морально-политический фактор в лице Советского Союза, переставшего быть империей и демократически (употребим технический термин) «переналаженного» горбачевской перестройкой.

Только в этом смысле можно согласиться с оценкой распада СССР как «наибольшей геополитической катастрофы века».

В мировой политике обнаружился контраст между «прорывным замыслом» 80-х годов и «инерционной реальностью».

По замыслу демократический мировой порядок означал неукоснительное соблюдение равенства всех субъектов международных отношений. В реальности — продолжала доминировать жесткая иерархия неравноправных государств.

По замыслу миру нужна глобальная система всеобщей безопасности, опирающаяся на коллективно-согласованные действия государств. В реальности же краеугольным камнем нынешней системы безопасности по-прежнему остается расчет на собственные силы и военно-политическое влияние.

По замыслу глобальная демократия исключает применение силы или угрозу силой в межгосударственных отношениях. В реальности — и то и другое применяется на практике и нередко провозглашается даже легитимным.

По замыслу демократический мировой порядок не допускает существования военных блоков. В реальности — блок НАТО не только сохранен, но и расширяет свою компетенцию.

Все эти разительные несоответствия, естественно, питают недоверие к новаторской идее демократического мирового порядка. И поиск выхода из кризиса мировой политики уходит в привычное русло традиционного политического мышления. Между тем в век глобальных рисков и вызовов сами эти каноны безнадежно устарели. Требуется смена самой парадигмы мировой политики.

Горбачевская внешняя политика заложила исходную предпосылку для решения этой беспрецедентно сложной задачи — произошел отход от конфронтационной модели международных отношений. Образно говоря, был дан старт стайерскому забегу на марафонскую дистанцию — к всемирному сообществу сотрудничества и кооперации. На этой длинной дистанции немало труднопреодолимых барьеров, не позволяющих рассчитывать на скорый успех. Однако нельзя сойти с дистанции. Перспектива «международного беспорядка», как еще раз наглядно продемонстрировал кризис 2008–2010 годов, угрожает мировому социуму полным хаосом и вселенской катастрофой.

Поэтому, как бы кто ни относился к внешней политике перестройки, во имя самосохранения человечество обязано идти по намеченному ею пути — к формированию гибкой системы межнациональных и наднациональных связей, к такому мироустройству, которое представляет собой не строго очерченное статус-кво, поддерживаемое принуждением, а устойчивое и одновременно подвижное равновесие, опирающееся на межгосударственное согласие, чутко реагирующее на динамику специфических интересов и способное к саморегулированию.

В муках формирующийся «мир миров» остро нуждается в переосмыслении всего спектра социальной проблематики, включая межнациональную этику и практическую политику государств.

Четверть века отделяют нас от начала перестройки в СССР. Сквозь призму всего происшедшего за эти годы новое мышление во внешней политике предстает несколько в ином свете, не говоря уж о попытках исказить ее конъюнктурными пропагандистскими фальсификациями и обернуть против интересов собственного народа, лишить ее подлинно патриотического смысла.

Расставание с прошлым оказалось не таким простым. Но прорывная идея оставила неизгладимый след как в общественном сознании, так и в самой действительности. Главный ее смысл полностью сохраняет свою злободневную значимость. Потому что новое политическое мышление — не случайный зигзаг и не дань моде, а выражение глубинной потребности рода человеческого осознать себя единым целым и соответственно этому творить свою историю.

Книга призвана напомнить об опыте неконфронтационной политики, которая позволила повернуть мировое развитие, покончив с главной для него угрозой — угрозой ядерной войны.

Опыт и уроки внешней политики перестройки, ее уникальный и в то же время общезначимый характер сохраняют всю свою актуальность.

Именной указатель

- Абдель Магид (Abdel Maguid), Ахмед Исмаи (р. 1923) 698–701, 721, 722
- Абдуррахман (1844–1901) 597, 637, 665
- Абрамс (Abrams), Элиот (р. 1948) 132, 148
- Абэ (Abe), Синтаро (1924–1991) 863, 905, 926
- Адамец (Adamec), Ладислав (1926–2007) 562, 594
- Аденауэр (Adenauer), Конрад (1876–1967) 81, 82, 148
- Азиз, Тарик (наст. имя Михаил Юханна) (р. 1936) 722, 723, 737, 739, 743–747, 749–758, 763, 764, 776
- Айюб-хан Мухаммед (1907–1974) 924
- Акино (Aquino), Корасон (1933–2009) 234, 235, 846, 857, 891
- Александров-Агентов (Александров) А.М. (1918–1993) 81, 155
- Алексий II (Ридигер А.М.) (1929–2009) 504
- Али Абдалла Салех, см. *Салех*
- Алиев Г.А. (Али Рза оглы) (1923–2003) 820
- Али Насер Мухаммед (р. 1939) 788
- Али Салем Бейд, см. *Бейд*
- Альфонсин (Alfonsin), Рауль (1926–2009) 8, 60, 148
- Аманулла-хан (1892–1960) 597
- Амин (Amin), Хафизулла (1929–1997) 597, 598, 657
- Анвар Садат, см. *Садат*
- Андерс (Anders), Владислав (1892–1970) 594
- Андреотти (Andreotti), Джулио (р. 1919) 60, 327, 328, 345, **346**, 347, 362, 434–436, 442–446, 453, 614, 752, 754, 755–757, 761
- Андропов Ю.В. (1914–1984) 598, 669, 777
- Антонеску (Antonescu), Ион (1882–1946) 534
- Арафат (Arafat), Ясир (1929–2004) 497, 674, 675, 687, 693–696, 702, 710, 721, 768, 786
- Арбаатов Г.А. (р. 1923) 15, 147
- Арисменди (Arismendi), Родней (1913–1989) 87
- Армакост (Armacost), Майкл (р. 1937) 185, 646, 666
- Асад (Assad), Хафез (1930–2000) 497, 674, 675, 680, 683, **684**, 685, 686, 695, 696, 712–716, 730, 732, 752, 755, 758, 783
- Атанасов, Георги (р. 1933) 547, 593
- Аттали (Attali), Жак (р. 1943) 484, 511
- Аун (Aoun), Мишель (р. 1935) 711, 788
- Ахмад Шах Масуд (1953–2001) 651, 652, 666
- Ахромеев С.Ф. (1923–1991) 163, 167, 187, 192, 195–197, 200, 230, 245, 251, 260, 272, 377, 509, 606, 607, 612, 617, 636, 643, 646, 651, 653, 675
- Бангеман (Bangemann), Мартин (р. 1934) 333, 367, 368
- Бака (Вака), Владислав (р. 1936) 561
- Бандер бен Султан (Bander Bin Sultan) (р. 1949) 773, 774
- Бар (Bahr), Эгон (р. 1922) 147
- Барабаш, Янош 576
- Барко Варгас (Barco Vargas), Вирхилио (р. 1921) 234
- Бартоломью (Bartholomew), Реджинальд 262, 318
- Батмунх (Batmunkh), Жамбын (1926–1997) 523, 540, 593, 802, 892, 898, 923
- Бегин (Begin), Менахем (1913–1992) 787
- Бейд (аль-Бейд; al-Beidh), Али Салем (р. 1939) 678–682
- Бейкер (Baker), Джеймс (р. 1930) 16, 106, 153, 221, 224, **225–227**, 229–231, 242, 248, 250–254, 256–262, 268–278, 284, 287–290, 294, 299, 302–304, 313, 348, 349, 351, 377–380, 382, 461, 462, 497, 659, 660, 666, 709–711, 714, 748, 749, 759, 760, 763, 769, 772, 775, 778, 777, 889

- Белоусов И.С. (1928–2003) 874
- Бен-Гурион (Ben-Gurion), Давид (1886–1973) 61, 148
- Бенджедид (Benjedid), Шарли (р. 1929) 673, 674, 701, 786
- Бенегас 463, 464
- Бен-Ладен (bin Lādin), Усама (р. 1957 предпол.) 664
- Бенуа (семья) 443
- Береговауа (Bérégovou), Пьер (1925–1993) 402, 510
- Берлингуэр (Berlinguer), Энрико (1922–1984) 434
- Бессмертных А.А. (р. 1933) 14, 192, 216, 276, 284, 287, 318, 432, 433, 490, 491, 759, 760, 763, 773, 788
- Билак (Bilak), Васил (р. 1917) 586
- Бирюкова А.П. (1929–2008) 820, 825
- Бовин А.Е. (1930–2004) 777
- Бор (Bohr), Нильс Хенрик Давид (1885–1962) 38
- Борн (Born), Макс (1882–1970) 97
- Брандт (Brandt), Вилли (1913–1992) 9, 85, 114, 115, 335, 364–366, 369, 509, 511
- Брежнев Л.И. (1906–1982) 10, 20, 32, 33, 63, 81, 92, 103, 147, 235, 317, 415, 419, 597, 598, 777
- Брейди (Brady), Николас (р. 1930) 287, 290, 291, 296
- Брокау (Brokaw), Томас (р. 1940) 9, 130, 131
- Брумфилд, Уильям 160
- Брундтланд (Brundtland), Гру Харлем (р. 1939) 56, 147, 180, 478–481, 483, 484, 511
- Брутенц К.Н. (р. 1924) 676, 786
- Бугаев Б.П. (1923–2007) 14
- Бутрос-Гали (Boutros-Ghali), Бутрос (р. 1922) 493, 511
- Буш (Bush), Барбара 305
- Буш (Bush), Джордж-ст. (р. 1924) 18, 20, 22, 86, 142, 153, 154, 188, 189, 190, 191, 214–216, 218–225, 233–236, 239, 240, 242–249, 259, 260, 262–269, 271–274, 278–287, 291–305, 314, 318, 348, 352, 388, 389, 403, 404, 406, 423, 425, 428, 443, 444, 451, 457–463, 491, 493, 573, 582, 628, 629, 658, 659, 661, 709–711, 718, 719, 723, 724–728, 730–734, 738, 739, 744, 746–767, 769, 772–774, 777, 845, 876, 888, 890, 919
- Буш (Bush), Джордж-мл. (р. 1946) 314, 784
- Бхутто (Bhutto), Беназир (1953–2007) 877, 897, 903, 926
- Бэрд (Byrd), Роберт (р. 1917) 154, 237, 284
- Вайцеккер (Weizsäcker), Карл-Фридрих фон (1912–2007) 331
- Вайцеккер (Weizsäcker), Рихард фон (р. 1920) 71, 330, 331
- Валенса (Wałęsa), Лех (р. 1943) 190, 559, 589
- Варенников В.И. (1923–2009) 615, 616, 665
- Варкони (Várkonyi), Петер (1931–2008) 526, 823
- Ватанабэ (Watanabe), Митио (1923–1995) 917, 918
- Велаяти (Velayati), Али Акбар (р. 1945) 704, 742, 743, 782
- Велихов Е.П. (р. 1935) 149
- Венкатараман (Venkataraman), Рамасвами (1910–2009) 855, 856, 868
- Верити (Verity), Уильям (р. 1917) 199, 317
- Во Ти Конг (Võ Chi Công) (р. 1913) 865, 866
- Вознесенский А.А. (р. 1933) 22
- Вольский А.И. (1932–2006) 297, 298
- Воронцов Ю.М. (1929–2007) 54, 604, 647, 652, 654, 665, 677, 687, 688
- Воротников В.И. (р. 1926) 55, 93, 147, 636, 653, 678, 825
- Враницкий (Vranitzky), Франц (р. 1927) 474–477
- Вулси (Woolsey), Джеймс (р. 1941) 277, 318
- Вэник (Vanik), Чарльз (1913–2007) 102, 137, 213, 236, 237, 318
- Вэнс (Vance), Сайрус (1917–2002) 147
- Гавел (Havel), Вацлав (р. 1936) 456, 577, 581–583, 586, 589
- Ганди (Gandhi), Индира (1917–1984) 801, 847, 855, 868, 872, 901, 923, 926
- Ганди (Gandhi), Махатма (1869–1948) 926

- Ганди (Gandhi), Раджив (1944–1991) 607, 621, 760, 761, 792–794, 797, 798, 808, **811**, 812–815, 817, 818, 820, 821, 825, 832–835, 837, 846, 847, 855, 856, 868–873, 875, 877, 888–890, 900, 901, 906
- Гарибальди (Garibaldi), Джузеппе (1807–1892) 439
- Гарсиа Маркес (García Marques), Габриэль (р. 1928) 71
- Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) 105
- Геншер (Genscher), Ганс-Дитрих (р. 1927) 51, 363, 364, 366, 368, **369**, 370, 373, 375, 379, 380, 523
- Гизи (Gysi), Грегор (р. 1948) 576
- Гитлер (Hitler) (наст. фамилия Шикльгрубер), Адольф (1889–1945) 49, 56, 80, 81, 114, 125, 209, 551, 714, 730
- Глемп (Glemp), Юзеф (р. 1929) 555
- Гомулка (Gomułka), Владислав (1905–1982) 515
- Гонсалес Маркес (González Marques), Фелипе (р. 1942) 299, 451–**453**, 454–460, 463
- Горбачева Р.М. (1932–1999) 305
- Гранин (наст. фамилия Герман), Даниил (р. 1919) 823, 925
- Гречко А.А. (1903–1976) 187
- Гринспен (Greenspan), Алан (р. 1926) 242, 290, 291
- Громько А.А. (1909–1989) 13, 23, 51, 92, 152, 162, 169, 179, 186, 188, 369, 419, 525, 552, 598, 601, 605, 609, 613, 614, 636, 646, 652, 676, 678, 688, 818, 825, 859, 924
- Грос (Grósz), Карой (1930–1996) 540, 549, 553, 556, 569
- Губенко Н.Н. (р. 1941) 585
- Гусак (Husák), Густав (1913–1991) 517, 527, 542, 564, 586, 593, 831
- Даллес (Dulles), Джон Фостер (1888–1959) 80
- Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1263–1321) 439
- Дауд, Мухаммед (1909–1978) 597, 665
- Де Гаспери 346
- Де Голль (de Gaulle), Шарль (1890–1970) 164, 338
- Де Мита, Чириако, см. *Мита*
- Дебре (Debré), Режи (р. 1940) 338
- Делор (Delors), Жак (р. 1925) 452, 510
- Детинов Н.Н. (р. 1924) 309, 318
- Джабер аль-Ахмед ас-Сабах (1926–2006) 779, 780
- Джавади-Амоли, Абдулла (р. 1933) 702–704
- Джексон (Jackson), Генри (1912–1983) 102, 137, 213, 236, 237, 318
- Джеллуд, Абдель Салам (р. 1944) 675, 676, 786
- Джонсон (Johnson), Линдон (1908–1973) 148
- Дибах Б.М. 836
- Димас (Dimas), Ставрос (р. 1941) 491, 492
- До Мьюй (Dò Muoi) (р. 1917) 548, 593
- Добрынин А.Ф. (р. 1919) 45, 46, 65, 98, 147, 155, 158, 161, 166, 179, 186, 200, 216, 221, 242, 418, 522, 601, 603, 606, 609, 628, 636, 646, 647, 678, 688, 818–820, 823, 832, 874
- Дои (Doi), Такако (р. 1928) 850–852, 863, 926
- Долгих В.И. (р. 1924) 820
- Дост, Шах Мухаммед (р. 1929) 605, 665
- Доул (Dole), Роберт (р. 1923) 190, 317
- Дуберстайн (Duberstein), Кеннет 216, 317
- Дубинин Ю.В. (р. 1930) 216
- Дубчек (Dubček), Александр (1921–1992) 61, 148, 542, 566, 585, 586, 593
- Дэн Сяопин (Deng Xiaoping) (1904–1997) 793, 822, 825, 856, 876, 879, 881, **882**, 883, 886, 887, 897
- Дюма (Dumas), Ролан (р. 1922) 10, 11, 353, 379, 401, 402, 407, 408, 411
- Дюранд (Durand), Генри Монтгомери 610, 638, 640, 665
- Евтушенко Е.А. (р. 1933) 567
- Ельцин Б.Н. (1931–2007) 22, 264, 273, 276, 278, 279, 281, 282, 286, 289, 293–296, 299, 301–304, 570, 603, 660
- Емохонов Н.П. (р. 1921) 820
- Есин В.И. (р. 1937) 314

- Желев (Jeleв), Желю** (р. 1935) 588
Живков (Zhivkov), Тодор (1911–1998) 517, 531, 539, 541, 542, 547, 576, 579, 580, 594, 831, 925
Жириновский В.В. (р. 1946) 662
Жискар д'Эстен (Giscard d'Estaing), Валери (р. 1926) 103, 104, 148, 337
Жмайель, Башир (1947–1982) 788
Жолио-Кюри (Joliot-Curie), Фредерик (1900–1958) 38, 97
Жу Жунцы 889
- Зайков Л.Н.** (1923–2002) 45, 152, 158, 161, 167, 168, 178, 186, 306–308, 310, 312, 653, 819, 820
Замятин Л.М. (р. 1922) 155
Захаров В.Г. (р. 1934) 874
Захир Шах (Zahir Shah), Мухаммед (1914–2007) 602, 619, 623, 638, 639, 658, 661, 665
Зибер, Гюнгер 557, 558, 594
Зия-уль-Хак (Zia ul-Haq), Мухаммед (1924–1988) 599, 613, 638, 647, 648, 651, 665, 847, 868, 871, 908, 925
- Игнатенко В.Н.** (р. 1941) 759
Иенг Сари (р. 1925) 842, 923
Илиеску (Iliescu), Ион (р. 1930) 577, 587, 589, 594
Ильичев Л.Ф. (1906–1990) 552, 594
Индра (Indra), Алоис (1921–1990) 564, 594
Иоанн Павел II (Joannes Paulus II) (Кароль Войтыла) (1920–2005) 494, 497, 499–502
Исибаси, Масаси (р. 1924) 863, 926
- Йотти (Iotti), Леонильде** (1920–1999) 434
- Кадар (Kádár), Янош** (1912–1989) 517, 520, 541, 549, 553, 554, 576, 831
Каддафи (Qaddafi), Муаммар (р. 1942) 672, 674, 675, 677, 715, 775, 786
- Казароли (Casaroli), Агостино** (р. 1914) 494–496, 498, 499
Кайфу (Kaifu), Тосику (р. 1931) 766, 793, 906, 907, 912–916, 918
Каменцев В.М. (р. 1928) 402, 510, 618, 819, 820, 867, 869, 874
Карлссон (Carlsson), Ингвар (р. 1924) 485, 511
Карлуччи (Carlucci), Фрэнк (р. 1930) 207, 209–211, 317
Кармаль (Karmal), Бабрак (1929–1996) 597–602, 604–607, 612, 616, 622, 643, 644, 665
Карпов В.П. (р. 1928) 170
Каррильо (Carrillo), Сантьяго (р. 1915) 61, 148
Картер (Carter), Джеймс (Джимми) (р. 1924) 71, 142, 156, 317, 598
Кастро Рус (Castro Ruz), Рауль (р. 1931) 548, 564
Кастро Рус (Castro Ruz), Фидель (р. 1926) 42, 43, 225, 237, 241, 518, 519, 522, 548, 549, 563, 564
Кагаев В.Л. (1932–2007) 306, 318
Катушев К.Ф. (р. 1927) 676, 708, 740, 787, 895
Кауль (Kaul), Трилоки Натх (1913–2001) 847, 877
Квасьневский (Kwasniewski), Александр (р. 1954) 576, 585, 594
Квицинский Ю.А. (р. 1936) 366, 509, 523
Кекконен (Kekkonen), Урхо Калева (1900–1986) 466
Кеннан (Kennan), Джордж (1904–2005) 62, 148
Кеннеди (Kennedy), Джон Фицджералд (1917–1963) 148
Кеннеди (Kennedy), Эдвард (1932–2009) 254, 255
Кештманд (Keshtmand), Султан Али (р. 1935) 604, 610, 665
Ким Ён Нам (Kim Yong Nam) (р. 1928) 848
Ким Ир Сен (Kim Il Sung) (1912–1994) 191, 517, 898, 926
Киссинджер (Kissinger), Генри (р. 1923) 102, 103, 221–223

- Кишак (Kiszak), Чеслав (р. 1925) 558, 559
Клаузевиц (Clausewitz), Карл фон (1780–1831) 306
Клиберн (Cliburn), Ван (Харви Лейвен) (р. 1934) 22
Ковалев А.Г. (1923–2002) 167, 418, 510
Койвисто (Koivisto), Мауно (р. 1923) 73, 344, 465, 466–472
Коллор де Мело (Collor de Melo), Фернандес (р. 1949) 8
Коль (Kohl), Гельмут (р. 1930) 266, 267, 287, 308, 317, 336, 353, 366, 367, 369–371, 373–375, 379, 381–383, 386, 389, 403, 423, 428, 463, 569, 581, 584, 589, 745, 752, 755, 760, 763, 764, 768, 769, 774, 785, 890
Коперник (Copernik), Николай (1473–1543) 858
Кордовес Зегерс (Cordovez Zegers), Диего (р. 1935) 604, 608, 612, 617, 623, 627, 628, 649, 665, 834, 925
Корниенко Г.М. (1925–2006) 14, 88, 155, 601, 616, 618, 665
Коссига (Cossiga), Франческо (р. 1928) 441, 442
Костов, Трайчо (1897–1949) 515
Косыгин А.Н. (1904–1980) 924
Коэн (Cohen), Уильям (р. 1940) 182
Кравчук Л.М. (р. 1934) 302
Крайский (Kreisky), Бруно (1911–1990) 474
Кракси (Craxi), Беттино (1934–2000) 36, 434, 448, 510
Краудер (Crowder), Роберт 300
Кренц (Krenz), Эгон (р. 1937) 578–581, 583
Кристал (Kristol), Джон 290
Кроликowski (Krolikowski), Вернер (р. 1928) 578
Кроу (Crowe), Уильям (р. 1925) 196, 233, 245, 317
Крунич (Krunić), Бошко (р. 1929) 544–546
Крэнстон (Kranston), Алан (р. 1914) 181
Крючков В.А. (1924–2007) 318, 377, 509, 607, 617, 616, 636, 643, 646, 651, 653, 657, 876
Кувалдин В.Б. (р. 1943) 9, 12, 14–16, 18, 20–22, 24–26
Кулик Г.В. (р. 1935) 300, 318
Куликов В.Г. (р. 1921) 94, 148
Куньял (Cunhal), Алваро (1913–2005) 437, 510, 821, 822
Кусума-Атмаджи (Kusumaatmadja), Мохтар (р. 1929) 842, 847
Лаек (Laek), Сулейман (р. 1930) 621, 665
Лазар (Lazar), Дьёрдь (р. 1924) 540, 593
Ландсбергис В. (р. 1932) 256, 258, 263, 282, 304
Лариджани (Larjani), Али 702, 703, 787
Лафонтен (Lafontaine), Оскар (р. 1943) 390, 391
Ле Зуан (Lê Duân) (1907–1986) 532, 593
Легволд (Legvold), Роберт 61
Ленин (Ульянов) В.И. (1870–1924) 527, 588, 869
Ли Пэн (Li Péng) (р. 1928) 531, 593, 822, 874, 879, 886, 887, 896–899, 925
Лигачев Е.К. (р. 1920) 23, 52, 169, 200, 611, 617, 636, 646, 657, 682, 819
Лили П. 432
Лилов (Lilov), Александр (р. 1933) 577, 586, 587, 589, 594
Линкольн (Lincoln), Авраам (1809–1865) 22, 772
Луканов, Андрей (1938–1996) 580, 587, 588, 594
Лукьянов А.И. (р. 1930) 646
Лэмонт Н. 432
Мадзини (Mazzini), Джузеппе (1805–1872) 439
Мазовецкий (Mazowiecki), Тадеуш (р. 1927) 572, 573, 575, 584, 594
Макиавелли (Machiavelli), Никколо (1469–1527) 103
Макнамара (McNamara), Роберт (1916–2009) 82, 148
Макфарлейн (McFarlane), Роберт (р. 1937) 155
Малиновский (Malinowski), Роман (р. 1935) 559

- Малруни (Mulroney), Брайан (р. 1939) 890
- Малфорд (Mulford), Дэвид 292, 299
- Манглапус (Manglapus), Пауль (1918–1999) 891
- Мао Цзедун (Мао Tzedun) (1893–1976) 882
- Марионотти, Франко 448
- Маркос (Marcos), Фердинанд (1917–1989) 235, 846
- Маркс (Marx), Карл (1818–1883) 77, 559
- Марти (Marti), Аугусто Фарабундо (1890?–1932) 318
- Марчук Г.И. (р. 1925) 874
- Марше (Marchais), Жорж (1920–1997) 67, 113, 127
- Маруа М. 44
- Маслюков Ю.Д. (р. 1937) 269, 270, 308, 657
- Масуд, Ахмад Шах, см. *Ахмад Шах Масуд*
- Махатхир Мохамад (Mahathir Mohamad) (р. 1925) 843
- Машел (Machel), Самора (1933–1986) 63, 148
- Медведев В.А. (р. 1929) 45, 65, 158, 186, 187, 372, 418, 541, 547, 548, 550, 557, 645, 646, 657, 682, 801, 824, 843, 881
- Мейджор (Major), Джон (р. 1943) 277, 285, 313, 413, 428–432, 751, 752, 755, 767, 768, 774, 785
- Мейр (Мейерсон), Голда (1898–1978) 125
- Менгисту Хайле Мариам (Mengistu Haile Mariam) (р. 1941) 676, 680, 787
- Менем (Menem), Карлос Сауль (р. 1930) 8
- Месснер (Messner), Збигнев (р. 1929) 594
- Микелис (Micheles), Джанни Де (р. 1940) 442, 445, 446
- Милошевич (Milošević), Слободан (1941–2006) 511
- Мис (Mies), Герберт (р. 1929) 61, 148, 523
- Мита (Mita), Чириако Де (р. 1928) 97, 437–439
- Миттаг (Mittag), Гюнтер (1926–1994) 578
- Миттеран (Mitterand), Франсуа (1916–1996) 10, 34, 48, 99, 110, 118, 163, **164**, 265, 299, 326, 327, 339, 343, 350, 360, 376, 385–388, 390, 393, 395, 396, 399–412, 497, 511, 737–741, 745, 746, 752, 755, 757, 758, 762, 774, 785, 795, 889, 890
- Митчелл (Mitchell), Джордж (р. 1933) 255, 256
- Мицотакис (Mitsotakis), Константин (р. 1918) 490–493
- Младенов, Петр (1936–2000) 576, 579, 580, 588, 594, 823
- Млынарж (Mlynář), Зденек (1930–1997) 542, 593
- Модаи, Ицхак (1926–1998) 733, 735
- Модров (Modrow), Ханс (р. 1927) 379, 383, 578, 581
- Можаев П.П. (1930) 615
- Моисеев М.А. (р. 1939) 277
- Мойсов, Лазар (р. 1920) 544–546
- Молотов В.М. (1890–1986) 474, 551, 552, 556
- Мондейл (Mondale), Уолтер (р. 1933) 156
- Моруа (Mauroy), Пьер (р. 1928) 115, 164
- Мосбахер (Mosbacher), Роберт 269–271
- Мохаммед Реза Пехлеви (1919–1980) 786
- Мубарак (Mubarak), Хосни (р. 1928) 694, 699, 701, 710, 711, 716, **717**, 721–723, 731, 732, 752, 753, 759, 775, 776, 783, 786
- Мураховский В.С. (р. 1926) 607, 641, 647, 843
- Мусави (Moussavi), Мир Хосейн (р. 1941) 648
- Мухаммед (Muhammed), Али Насер (р. 1944) 676, 786
- Мэзьер (Maizière), Лотар де (р. 1940) 384, 385
- Мэтлок (Matlock), Джек (р. 1929) 145, 201, 216, 227, **228**, 279, 690
- Наджибулла** (Najibullah; Наджиб), Мохаммед (1947–1996) 549–601, **602–603**, 604–623, 625, 626, 630, 631, 636–641, 643, 644, 647, 651, 652, 654, 657–661, 873
- Надир-Шах Мухаммед (1883–1933) 597
- Надь (Nagy), Имре (1896–1958) 515
- Назарбаев Н.А. (р. 1940) 281, 286, 294, 303
- Накасонэ (Nakasone), Ясухиро (р. 1918) 95, 96, 103, 825, 857–859, 863, 925

- Накаяма (Nakayama), Таро (р. 1924) 906, 907
- Нанн (Nunn), Сэм (р. 1938) 201, 288
- Наполитано (Napolitano), Джорджо (р. 1925) 115, 148
- Натта (Natta), Алессандро (1918–2001) 39, 85, 434, 436, 437, 447, 542, 634, 635
- Нгуен Ван Линь (Nguyễn Văn Linh) (1915–1998) 532, 533, 590, 593, 826, 830, 831, 856, 857, 865, 866, 918
- Невельской Г.И. (1813–1876) 823, 925
- Нееман Юваль (1925–2006) 733–735
- Немет (Nemeth), Миклош (р. 1948) 569, 594
- Неру (Nehru), Джавахарлал (1889–1964) 818, 855, 884, 901, 923, 926
- Никонов В.П. (р. 1929) 636
- Никсон (Nixon), Ричард (1913–1994) 48, 49, 103, 165, 166, 190, 317
- Нитце (Nitze), Пол (1907–2004) 201, 206, 317
- Новотный (Novotný), Антонин (1904–1975) 566
- Ньерере (Nyerere), Джулиус (р. 1922) 511, 870, 926
- Обама (Obama), Барак (р. 1961) 315
- Одзава (Ozawa), Итиро (р. 1942) 908–913
- Ожеховский (Orzechowski), Мариан (р. 1931) 823
- Озал (Özal), Тургут (1927–1993) 719, 720, 769–771
- Оккетто (Occhetto), Акилле (р. 1936) 104–106, 115, 447–450
- Онасан (Onasan), Григорио 234
- Ортега Сааверда (Ortega Saavedra), Даниэль (р. 1945) 241
- Оуэн (Owen), Дэвид (р. 1938) 147
- Очирбат, Гомбожавын (р. 1929) 898
- Очирбат, Пунсалмагийн (р. 1942) 898
- Паасикиви (Paasikivi), Юхор Кустин (1870–1956) 466–469
- Павлов А.П. 552, 594
- Павлов В.С. (1937–2003) 318
- Пак Чун Гю (Pak Chung Kyu) 919
- Пальме (Palme), Улоф (1927–1986) 48, 58, 147, 485, 511
- Панкин Б.Д. (р. 1931) 318, 777, 788
- Пант (Pant), Кришна Чандра (р. 1931) 631, 846, 847
- Пастернак Б.Л. (1890–1960) 22
- Паукер (Pauker), Анна (1893–1960) 515
- Пауэлл (Powell), Колин (р. 1937) 197, 201, 210, 216, 218, 317
- Перес (Peres), Шимон (р. 1923) 686, 787
- Перес де Куэльяр (Pérez de Cuéllar), Хавьер (р. 1920) 34, 38, 57, 70, 493, 497, 511, 609, 645, 687, 787, 822
- Петрарка (Petrarca), Франческо (1304–1374) 439
- Пимен (Извеков С.М.) (1910–1990) 137
- Пожгаи (Pozsgay), Имре (р. 1933) 576
- Пол Пот (Pol Pot) (1928–1998) 831, 842, 923
- Полинг (Pauling), Лайнус (р. 1901) 97
- Попов Г.Х. (р. 1936) 279
- Правиро Р. 895
- Примаков Е.М. (р. 1929) 56, 248, 318, 737, 738, 742–744, 754, 788
- Пронк (Pronk), Ян 511
- Прунскене (Prunskiene), Казимира (р. 1943) 258, 259
- Пуго Б.К. (1937–1991) 318
- Путин В.В. (р. 1952) 314, 315, 926
- Пушкин А.С. (1799–1837) 808
- Раббани (Rabbani), Бурхануддин (р. 1939) 618, 638, 665
- Райт (Wright), Джеймс 66, 126
- Раковский (Rakowski), Мечислав (1926–2008) 559, 561, 572–574, 594
- Ракоши (Rákosi), Матьяш (1892–1971) 554
- Рамадан, Таха Ясир (1938–2007) 776, 788
- Раск (Rusk), Дин (1909–1994) 849
- Рассел, Бертран (1872–1970) 97
- Ревенко Г.И. (р. 1936) 24
- Рейган (Reagan), Нэнси (р. 1921) 22
- Рейган (Reagan), Рональд (1911–2004) 9–11, 13, 14, 17, 18, 20, 22–26, 38, 44, 47,

- 49–52, 54, 56, 80, 86, 89, 90, 96, 122–124, 131, 133–137, 153, **156**, 157, 163–178, 180, 189, 190, 193, 199, 200, 204–220, 225, 228, 308, 310, 315, 317, 397, 426, 549, 623, 625–627, 637, 645, 650, 652, 699, 700, 715, 800, 801, 810, 822, 826, 853, 855, 879, 888, 889
- Риббентроп (Ribbentrop), Иоахим (1893–1946) 551
- Риган (Regan), Дональд 155
- Рид (Reed), Джон (1887–1920) 148
- Риджуэй (Ridgway), Розан (р. 1935) 155, 201, 216, 230, 317
- Рихтер (брит. подданный) 433
- Ро Дэ У (р. 1932) 858, 859, 899, 900, 903–905, 917, 919
- Рокфеллер (Rockefeller), Дэвид (р. 1915) 103
- Ромпи 239
- Рузвельт (Roosevelt), Франклин (1882–1945) 131
- Рыжков Н.И. (р. 1929) 14, 23, 51, 72, 169, 199, 259, 377, 419, 474, 481, 509, 524, 525, 538, 548, 549, 563, 610, 636, 643, 654, 657, 676, 818, 819, 824, 825, 843, 848, 868, 873, 896
- Рэмон (Raimond), Жан Батист (р. 1926) 326
- Сабах аль Ахмед (р. 1928) 741
- Сагат (al-Sadat), Анвар (1918–1981) 717, 787
- Саймонс (Simons), Томас 201, 317
- Салазар (Salazar), Антониу ди Оливейра (1889–1970) 510
- Салех (Saleh), Али Абдалла (р. 1942) 680–682, 787
- Салинас де Гортари (Salinas de Gortari), Карлос (р. 1948) 8
- Самарас (Samaras), Антонис (р. 1951) 490, 491
- Сангинетти (Sunguinetti), Хулио Мариа (р. 1936) 8
- Сантуш (Santos), Жозе Эдуарду душ (р. 1942) 549, 593
- Сарней (Sarney), Жозе (р. 1930) 8, 98
- Сауд аль-Фейсал аль Сауд (Saud al-Faisal al Saud) (р. 1941) 736, 737, 739, 740
- Сианук (Sihanouk), Нородом (р. 1922) 824, 831, 923, 925
- Силаев И.С. (р. 1930) 300, 318
- Симпсон (Simpson), Алан (р. 1931) 61
- Сингх (Сваран Сингх), Сардар (1907–1994) 924
- Сингх, Вишванат Пратан (р. 1931) 900–903
- Сингх, Динеш (1925–1995) 869
- Скоукрофт (Scowcroft), Brent (р. 1925) 221, 222, 224, 284, 287, 317, 659, 723, 732
- Сланский (Slánský), Рудольф (1901–1952) 515
- Слоньков Н.Н. (р. 1929) 636
- Смирнов Г.Л. (1922–1999) 552, 594
- Соареш (Soares), Мариу (р. 1924) 487–489, 511
- Содано (Sodano), Анджело (р. 1927) 494, 496–499, 502, 511
- Соколов С.Л. (р. 1911) 161, 186, 601, 607, 611, 820, 825
- Соломенцев М.С. (1913–2008) 531, 593, 636
- Сон Санн (Son Sann) (1911–2000) 923
- Сорса (Sorsa), Калеви (1930–2004) 154
- София (королева Испании) 454
- Сталин (Джугашвили) И.В. (1879–1953) 147, 259, 515, 544
- Стивенсон 237, 284
- Страусс (Strauss), Роберт (р. 1918) 287, 299–301
- Сунн Цзян (Сун Цзянь) 893
- Сунуну (Sununu), Джон 221, 269
- Суслов М.А. (1902–1982) 598
- Сухарто (Suharto), Мухаммед (1921–2008) 824, 842, 843, 893–895, 925
- Сюреш (Szures), Матиаш (р. 1923) 576
- Табеев Ф.А. (р. 1928) 600, 606, 607, 615, 665
- Тагор (Tagore), Рабиндранат (1861–1941) 814
- Такэсита (Takeshita), Нобору (1924–2000) 878
- Тальзин Н.В. (1929–1991) 607

- Тараки, Нур Мухаммед (1917–1979) 597, 598, 657
- Тельман (Thälmann), Эрнст (1886–1944) 523, 524
- Теодоракис, Микис (р. 1925) 493, 511
- Тёрнер (Turner), Тед (р. 1938) 49
- Тинсуланон (Tinsulanond), Прем (р. 1920) 852, 853
- Тито (Броз Тито; Broz Tito), Иосип (1892–1980) 147, 544, 546
- Толстой Л.Н. (1828–1910) 331
- Томсен (Thomsen), Питер 661
- Торан (Taoran), Жан-Луи (р. 1943) 502–504
- Тоту, Ион (1931–1992) 821
- Трумэн (Truman), Гарри (1884–1972) 415
- Туджман (Tudman), Франьо (1922–1999) 511
- Тэтчер (Thatcher), Маргарет (р. 1925) 17, 34, 63, 64, 65, 106, 113, 124, 125, 187, 232, 233, 329, 390, 413–430, 433, 478, 497, 564, 598, 705, 738, 739, 752, 785, 890
- Тюрмер (Thürmer), Дьюла (р. 1953) 576
- Тянь Цзюнь (р. 1929) 893
- Уайнбергер (Weinberger), Каспар (1917–2006) 156, 207, 317
- Ульбрихт (Ulbricht), Вальтер (1893–1973) 537
- Уно (Uno), Сосуке (р. 1922) 877–879
- Устинов Д.Ф. (1908–1984) 147, 598
- Фава** (Fava), Атос (р. 1925) 60, 148
- Фалин В.М. (р. 1926) 98, 377, 509
- Фанфани (Fanfani), Аминторе (1908–1999) 434
- Фарук Шараа (Farouk al-Sharaa), см. *Шараа*
- Фаселл (Fassel), Данте 160, 161
- Фахд ибн Абдель Азис ас-Сауд (1921–2005) 739, 773
- Федоров Р.П. 377, 509
- Фернандес Ордоньес (Fernández Ordoñez), Франсиско (р. 1930) 451, 452, 455, 457
- Фишер (Fischer), Оскар (р. 1923) 823
- Фогель (Vogel), Ганс-Йохен (р. 1926) 87, 335, 367
- Фойтик, Ян (р. 1928) 564, 594
- Фомвихан (Phomvihanh), Кейсон (р. 1920) 866, 867
- Франко Баамонде (Franco Bahamonde), Франсиско (1892–1975) 114, 451, 453
- Фролов И.Т. (1929–1999) 88, 712, 790
- Фува (Fuva), Тэцудзо (р. 1930) 808, 848–850, 863, 926
- Хагер (Hager), Курт (1912–1998) 517, 541, 593
- Хаддам, Абдель Халим (р. 1932) 673
- Хадидчи-Даббаг М. 702
- Халес, Мохаммад Юнус (р. 1944) 623, 665
- Хаменеи Али Хосейни (р. 1939) 787
- Хан (Hahn), Гордон М. 9, 13, 15, 16, 18–22, 24, 26
- Харт (Hart), Гэри (р. 1936) 180, 181
- Хартман А. 155
- Хасан II (Hassan II) (р. 1929) 657, 706, 715
- Хау (Howe), Джеффри ((р. 1926) 83, 414
- Хашеми-Рафсанджани (Hashemi-Rafsanjani), Али Акбар (р. 1934) 706–709, 712, 742, 743, 755, 762, 765, 788
- Хевди 180
- Хекматиар (Khekmatur), Гульбедин (р. 1944) 623, 638, 639, 651, 658, 659, 661, 665
- Хенг Самрин (Heng Samrin) (р. 1934) 842, 843
- Хикмат Шехаби (Hikmat al-Shehabi) 786
- Хнёупек (Chňoupek), Богуслав (р. 1925) 823
- Хомейни (Khomeini), Рухолла Мусави (1902–1989) 680, 702–704, 706, 712, 784
- Хонеккер (Honecker), Эрих (1912–1994) 517, 523, 524, 536, 537, 538, 558, 559, 566–572, 578, 580, 596, 676, 831
- Хорн (Horn), Дьюла (р. 1932) 576
- Хоук (Hawke), Роберт (р. 1929) 77, 844, 926
- Хохи (Haughey), Чарльз (1925–2006) 334

- Хрущев Н.С. (1894–1971) 32, 92, 147, 515, 544, 546, 552, 554, 775
- Ху Цзиньтао (р. 1942) 926
- Хуан Карлос I (Juan Carlos I) (р. 1938) 299, 451, 457–459
- Хун Сен (Hun Sen) (р. 1951) 402, 510
- Хусейн (Husseini), Саддам (1937–2006) 153, 189, 225, 267, 509, 675, 696, 718, 721, 723, 725, 727–732, 734–743, 746–753, 756–764, 766–769, 771, 773, 774, 778, 779, 784, 788
- Хусейн Бен Талал (Хусейн I) (1935–1999) 674, 737, 788
- Хьюитт (Hewitt), Эд 300
- Хэрд (Hurd), Дуглас (р. 1930) 413, 425, 430, 432, 433
- Цзян Цзэминь (Jiāng Zémín) (р. 1926) 142, 879, 918–920
- Цисарж, Честмир 543, 593
- Цянь Цичэнь (р. 1928) 874, 875
- Чаушеску (Ceausescu), Николае (1918–1989) 10, 517, 533, 534–536, 538, 539, 560, 561, 567, 577, 596, 831
- Чебриков В.М. (1923–1999) 45, 54, 92, 147, 158, 162, 167, 168, 186, 552, 605, 607, 612, 617, 636, 643, 646, 651, 653, 657
- Чейни (Cheney), Ричард (р. 1941) 271, 272
- Чемберлен (Chamberlain), Невилл (1869–1940) 263
- Черненко К.У. (1911–1985) 9, 86, 189, 598
- Черняев А.С. (р. 1921) 14, 23, 45, 65, 88, 96, 98, 140, 158, 167, 216, 284, 377, 418, 460, 463, 639, 643, 723, 801
- Черчилль (Churchill), Уинстон (1874–1965) 49, 205, 415
- Чжао Цзиян (1919–2005) 879, 886, 887
- Чжоу Эньлай (1898–1976) 882, 884, 926
- Чирек, Юзеф (р. 1928) 558, 559
- Чиссано (Chissano), Жоахим (р. 1939) 63, 148, 549, 593
- Чыонг Тинь (Chyong Tin) (1907–1988) 532, 593
- Чэнь Юнь (Chén Yún) (1905–1985) 827, 828, 925
- Шамир (Shamir), Ицхак (р. 1915) 691, 709, 714, 715, 775, 777–780
- Шапошников Е.И. (р. 1942) 288
- Шараа (al-Sharaa), Фарук 771, 772
- Шарк, Мохаммад Хасан (р. 1935) 652
- Шастри (Shastri), Лал Бахатур (1904–1966) 901, 926
- Шахназаров Г.Х. (1924–2001) 88, 377, 509
- Шварцкопф (Schwarzkopf), Норман (р. 1934) 718, 719
- Шеварднадзе Э.А. (р. 1928) 13–15, 23, 25, 26, 45, 60, 62, 65, 67, 82, 98, 127, 155, 158, 162, 166, 169, 174, 178–180, 186, 188, 195, 196, 200, 212, 215, 216, 218, 226, 227, 230, 234, 237, 238, 241, 250, 252, 253, 258, 260, 268, 273, 301, 304, 310–312, 318, 348, 377, 378, 401, 402, 407, 408, 418, 435, 445, 446, 452, 481, 497, 524, 525, 547, 601, 603, 605, 607, 609–611, 613–615, 618, 619, 622, 628, 632, 636, 639, 641, 643, 649, 651–654, 657–661, 666, 809, 819, 823–825, 827, 843, 848, 868, 874–876, 891
- Шехаби (Shehabi), Хикмат 676, 786
- Шив Шанкар (Shiv Shankar), П. 797, 798
- Ширак (Chirac), Жак (р. 1932) 388, 396–398, 510
- Шмидт (Schmidt), Гельмут (р. 1918) 366, 509
- Шмитт (Schmitt), Хорст (1925–1989) 523
- Штоф (Stoph), Вилли (1914–1999) 567, 578, 594
- Штраус (Strauss), Франц-Йозеф (1915–1988) 34, 80, 81, 714
- Шульц (Shultz), Джордж (р. 1920) 14, 25, 34, 66, 85, 86, 126, 127, 132, 133, 155, 156, 163, 165, 173–175, 178–186, 188, 193–199, 201–204, 209, 211, 212, 216, 218, 230, 311, 317, 403, 627, 628, 632–634, 637, 641, 643, 647–649, 682, 683, 689–697, 699, 713–715, 851, 856, 858, 904, 908
- Шушкевич С.С. (р. 1934) 302

- Щербаков В.И. (р. 1949) 432
- Эйнштейн (Einstein), Альберт (1879–1955) 38, 97
- Энгельс (Engels), Фридрих (1820–1895) 561
- Эрнрут (Ehrnrooth), Георг 470
- Этвуд (Atwood), Дональд 297, 298
- Явлинский Г.А. (р. 1952) 295
- Язов Д.Т. (р. 1923) 94, 148, 233, 241, 271, 646, 651, 657
- Якеш (Jakeš), Милош (р. 1922) 517, 542, 543, 556, 564–567, 577, 593
- Яковлев А.Н. (1925–2005) 15, 45, 60, 65, 98, 102, 155, 158, 186, 216, 248, 329, 372, 377, 418, 509, 636, 643, 646, 647, 654, 657, 678, 778, 801
- Ян Шанкунь (Yang Shangkun) (1907–1998) 879
- Ярузельский (Jaruzelski), Войцех (р. 1923) 190, 424, 517, 521, 528, **529–530**, 531, 539, 555, 556, 558, 561, 572, 573, 575, 583, 822, 831

О 80 **Отвечая на вызов времени.** Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 944 с.

ISBN 978-5-7777-0471-9

Книга содержит в себе уникальное собрание свидетельств и документов по международной политике времени перестройки (1985–1991 гг.). Впервые публикуются записи бесед и переговоров Горбачева с лидерами ведущих мировых держав и многих других государств, записи обсуждений на Политбюро задач переговоров и итогов встреч с иностранными деятелями. Они дают представление о том, чем руководствовались Горбачев и Политбюро, делая выбор в пользу нового курса в международных отношениях, как и при каких обстоятельствах принимались ими те или иные решения. Они раскрывают много неизвестных фактов и эпизодов, дают ответы на многие события, долгое время остававшиеся загадками.

В целом складывается широкая панорама процесса прекращения «холодной войны» и устранения угрозы ядерного столкновения, улучшения связей нашей страны с большинством государств на принципах доверия и взаимного учета национальных и общих интересов. Особую ценность представляют материалы, относящиеся к наиболее драматичным событиям этого времени: война в Афганистане и вывод из него советских войск, война в Персидском заливе («Буря в пустыне»), события в Восточной Европе, последний период существования Советского Союза.

Для историков, политологов, читателей, интересующихся новейшей историей нашей страны и мировой политики.

УДК 327
ББК 66.2

ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства

По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями
и другим материалам.

Редактор *М.М. Беляев*
Художник *Е.А. Ильин*
Верстка: *Н.А. Кузнецова*
Корректор *Н.С. Платонова*

Подписано в печать 08.02.2010 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная
Гарнитура Book Antiqua
Усл. печ. л. 76,11. Тираж 1 000 экз.
Изд. № 11/09-и

ООО Издательство «Весь Мир»
117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17б
Тел.: (495) 739-09-71
Факс: (495) 334-85-91
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0471-9

9 785777 704719